Русский биографический словарь

Чаадаев – Швитков

С. Петербург

1905 г.

РУССКIЙ БIОГРАФИЧЕСКIЙ СЛОВАРЬ.

Чаадаевъ—Швитковъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографiя И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1905.

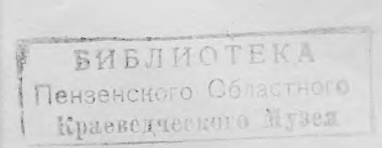
РУССКІЙ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

Чаадаевъ—Швитковъ.

Изданъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя Императорскаго Русскаго Историческаго Общества **А. А. Половцова**.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1905.



Ч

Чаадаевъ, *Иванъ Ивановичъ*, окольничій, началъ службу, вѣроятно, въ началѣ 1640-хъ годовъ, такъ какъ въ 7157 г. (1648-1649 г.) «государь пожаловалъ его изъ житья въ стряпчіе», что обыкновенно бывало послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы въ жильцахъ. Въ первые годы службы стряпчимъ Чаадаевъ участвовалъ почти исключительно въ выѣздахъ государя и царицъ въ подмосковныя и, вообще, въ придворныхъ церемоніяхъ, а въ 1658 г., уже въ званіи стольника, назначенъ товарищемъ къ боярину В. Б. Шереметеву, воеводѣ въ Кіевѣ. Здѣсь, на югѣ Россіи, онъ пробылъ до 1666 г. и послѣдовательно занималъ должности воеводы въ Нѣжинѣ, Переяславлѣ и Кіевѣ, въ горячее время войны съ Польшей и возстанія Хмельницкаго. Все время онъ горячо защищалъ интересы государства и въ своихъ донесеніяхъ въ Москву постоянно жаловался на прочихъ воеводъ, соблюдавшихъ свои личные интересы и обращавшихъ войну въ грабежъ мирныхъ жителей,—въ свою пользу; жаловался и на новаго наказного гетмана Якима Самка, прямо называя его «не надежнымъ». Дѣятельность Чаадаева была оцѣнена по достоинству: онъ получилъ отъ Государя похвальную грамоту, въ которой перечислялись всѣ его «службы многія» и особенно выставлялась на видъ его дѣятельность въ Переяславлѣ, когда, въ приходъ хана крымскаго, гетмана Юраса Хмѣльницкаго и польскихъ войскъ, онъ «городъ и гетмана Якима Сомка съ ево со всѣми полками отъ наступленія и прелести ханской и Хмельницкаго уберегъ», за что и пожалованъ былъ изъ стольниковъ въ думные дворяне и назначенъ воеводой въ Кіевъ (1663 г.). Въ Кіевѣ Чаадаевъ пріобрѣлъ любовь населенья справедливымъ, честнымъ отношеніемъ ко всѣмъ безъ различія; особенно сталъ онъ популяренъ, когда открыто всталъ на сторону населенія и отстоялъ его привилегіи (свобода отъ подводной повинности), которыя пытался нарушить новый гетманъ Брюховецкій. Гетманъ жаловался на него въ Москву, писалъ доносы, объяснялъ симпатіи Чаадаева къ населенію крупными посулами со стороны послѣдняго —, но дѣла не выигралъ. Въ 1666 г. Чаадаевъ покинулъ Кіевъ для новаго назначенія—онъ былъ посланъ воеводой въ Архангельскъ, куда прибылъ 22 марта 1666 г. и гдѣ оставался до 9 сентября 1670 г. Съ этого времени начинается его дипломатическая дѣятельность, создавшая ему извѣстность. До 1686 г. имя его постоянно встрѣчается въ дипломатическихъ документахъ и особенно въ актахъ, относящихся къ сношеніямъ съ Польшей; можно смѣло сказать, что ни одно мало-мальски значительное событіе въ международныхъ отношеніяхъ Россіи съ Польшей не прошло безъ участія Чаадаева. Сначала въ званіи думнаго дворянина, затѣмъ окольничаго (съ 1676—77 г.г.) и ближняго окольничаго (съ 1683 года) Чаадаевъ, съ титуломъ намѣстника то казанскаго, то каргопольскаго, то муромскаго, нѣсколько разъ ѣздилъ въ Варшаву (въ 1671 дважды, въ 1677, 1678, 1683, 1686 г.г.) и «въ товарищахъ», и «великимъ полномочнымъ посломъ», побывалъ у «Леопольдуса цесаря

Римскаго» (1679 г.), въ Вѣнѣ и въ Венеціи. Кромѣ того принималъ участіе въ громадномъ количествѣ съѣздовъ, совѣщаній и выясненій пограничныхъ споровъ. Посольская его дѣятельность прекращается въ 1686 г. дѣятельнымъ участіемъ при заключеніи «вѣчнаго мира» съ Польшей, по которому Польша навсегда отказывалась отъ Кіева и другихъ южныхъ и восточныхъ городовъ. За эту службу Иванъ Ивановичъ былъ награжденъ серебрянымъ золоченымъ кубкомъ въ 3 фунта, атласнымъ кафтаномъ на соболяхъ, цѣной въ 150 руб; придачей къ окладу 120 рублей и тремя тысячами ефимковъ на вотчину. Но не исключительно дипломатическая служба занимала Чаадаева въ этотъ періодъ. Въ 1672 г. онъ засѣдалъ въ Земскомъ приказѣ, въ 1681 г. вмѣстѣ съ кн. В. В. Голицынымъ былъ назначенъ «уравнять» службы, чтобы гостямъ, гостиннымъ, суконнымъ, дворцовымъ, кадашевцамъ, клюшеннымъ слободамъ, черныммъ сотнямъ и всѣхъ городовъ посадскимъ людямъ и дворцовыхъ большихъ селъ и слободъ крестьянамъ подати платить не въ тягость было»; въ томъ же году и въ слѣдующемъ засѣдалъ въ Сибирскомъ приказѣ, куда былъ назначенъ на мѣсто кн. И. Б. Репнина; 12 января 1682 г. подписался подъ грамотой объ уничтоженіи мѣстничества и въ томъ-же году участвовалъ въ придворныхъ церемоніяхъ по поводу смерти царя Θеодора и коронованія царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, когда несъ скипетръ, наконецъ въ 1686 г. вмѣстѣ съ кн. В. Д. Долгорукимъ и думнымъ дьякомъ Семеновымъ былъ назначенъ въ комиссію «для обновленія и пополненія» родословной книги извѣстной подъ именемъ Бархатной, изданной впослѣдствіи Миллеромъ подъ названіемъ «Родословная книга князей и дворянъ Россійскихъ и выѣзжихъ» (Москва 1787 г., такъ назыв. «Бархатная книга»), но уже черезъ полгода ему пришлось оставить эту коммиссію и ѣхать въ составѣ посольства въ Варшаву. Слѣдующій, послѣдній періодъ дѣятельности Чаадаева носитъ характеръ какъ бы пребыванія на покоѣ: опредѣленныхъ обязанностей Иванъ Ивановичъ не несетъ, но тѣмъ чаще мы его встрѣчаемъ въ духовныхъ процессіяхъ «за иконами», въ поѣздкахъ царей въ подмосковные села и монастыри и наконецъ, во время отсутствія государей изъ Москвы, онъ остается съ боярами «вѣдать Москву». Вплоть до 1694 г., когда мы находимъ послѣднее упоминаніе имени Чаадаева, только 1690—1692 г.г. были годами какъ бы возобновившейся кипучей его дѣятельности. Въ 1691 г. онъ былъ въ г. Яренскѣ и его пребываніе тамъ есть основаніе связывать съ пребываніемъ въ Яренскѣ опальныхъ кн. Голицыныхъ съ ихъ семействами. Въ этомъ же году Чаадаевъ былъ «въ отвѣтѣ» съ польскимъ посланникомъ Яномъ Окрасой, пріѣхавшимъ по дѣлу монаха Соломона (въ мірѣ Семенъ Гродской), черезъ посредство котораго гетманъ Мазепа сносился съ королемъ польскимъ. Почти въ то же время Чаадаеву пришлось быть «въ отвѣтѣ» и у персидскаго посла Усейнъ-Ханъ-Бека. Въ началѣ слѣдующаго года онъ является снова прикосновеннымъ къ дѣлу кн. Голицыныхъ— присутствуетъ при очной ставкѣ кн. Б. А. Голицына съ растригой Ивашкой, говорившимъ будто-бы раньше кн. Б. А. отъ имени кн. Вас. Голицына, чтобы кн. Борисъ «его (разстригу) на нынѣшній годъ поберегъ, ибо-де царствованіе царя Петра будетъ не долго». (на очной ставкѣ разстрига сознался въ клеветѣ). — Съ этого времени имя Чаадаева встрѣчается намъ главнымъ образомъ въ церковныхъ процессіяхъ. Умеръ Чаадаевъ въ 1696 г.

Разряд. кн., т. II, СПБ. 1855 г., стр. 944, 948, 957—958, 963.—Дворцов. разряды, т. IV. СПБ. 1855 г., стр. 53, 55, 58, 68, 91—93, 188, 192, 236, 255, 282, 285, 288, 297, 331, 347, 354, 357, 361, 365, 369, 395, 397, 400, 401, 413, 420, 423, 428, 436, 451, 476, 500, 675, 887.—Полн. Собр. Законовъ: т. II, №№ 899, 931, 1131, 1183, 1186, 1197. т. III № 1395.—Рукопис. матер. В. В. Руммеля изъ книгъ герольдмейстерской конторы; кн. № 241 приложеніе л. 1004—1007.—Рус. Истор. Библіот. т., X, стр. 247; т. XI, стр. 13, 156, 264. т. XII. стр. 69, 71, 78.—Бантышъ-Каменскій, Обозр. снош. Россіи съ иностр. госуд., т. III, Москва 1897 г., стр. 144, 147, 150, 151, 153, 154, 158, 315, 316.—Списки дипломат. лицъ русскихъ за границей и иностранныхъ при русскомъ дворѣ. Вып. I Москва 1893 г., стр. 46—47. С. А. Бѣлокурова.—Указатель къ бояр. кн. хранящимся въ I отд. Моск. архива Мин. Юстиціи. Москва. 1853 г., стр. 448.—Записки Желябужскаго. СПБ. 1840 г., стр. 17.—В. Берхъ: Системат. списки бояръ, окольничихъ и думн. дворянъ съ 1408 г. СПБ. 1833 г., стр. 59.—Ивановъ: Описаніе государ. разрядн. архива. Москва. 1842 г., стр. 15.—Голиковъ: Дѣянія Петра Великаго. т. I. Москва. 1837 г. изд. II, стр. 24, 43, 81, 179. 182, 196, 215.—Собраніе Госуд. Грамотъ и Догов., т. IV, М. 1828, стр. 178, 408, 519, 527, 627.—Акты Археограф. Экспед., т. IV, стр. 429.—

Акты относ. къ исторіи Южной и Запад. Россіи, т. VII, с. 72, 255, 311, 324, 327, 328—333, 339,—341, 342, 359, 376; т. VI, стр. 31, 52, 55, 56, 58—60.—Древн. Росс. Вивліоѳ., М. 1791, т., XX, стр. 116, 128, 137, 170.—Опытъ Трудовъ Вольнаго Россійск. Собр. при Москов. Унив., т. I, с. 150, 158 (Двинскій Лѣтописецъ). — «Дневникъ Іоанна Георга Корба» перев. съ латинск.—М. Семевскаго и Женева М. 1868. — Соловьевъ: Исторія Рос. и древн. вр. Изд. «Об. Пользы», кн III, стр. 87, 89—90, 101, 115, 136—137, 140—141, 986, 1120—1122.

Н. Тычино.

Чаадаевъ, *Иванъ Петровичъ*, переводчикъ съ французскаго, масонъ, правнукъ предыдущаго и родной дядя извѣстнаго П. Я. Чаадаева; въ 1742 г. записанъ въ службу въ л.-гв. Семеновскій полкъ, въ 1753 г. произведенъ въ прапорщики и, продолжая службу въ томъ-же полку, въ 1761 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ гвардіи капитана. Въ 1768 г. онъ былъ депутатомъ отъ дворянства Муромскаго уѣзда въ Коммиссіи о сочиненіи проекта Новаго Уложенія и въ засѣданіи ея, 27 мая 1768 г., подалъ мнѣніе, направленное противъ предложенія Г. Коробьина объ уменьшеніи помѣщичьей власти надъ крѣпостными крестьянами. Въ 1775 г. онъ былъ избранъ «намѣстнымъ мастеромъ» масонской ложи, учрежденной по системѣ Рейхеля. Изъ его переводовъ изданъ отдѣльно: «Жоржъ Дандинъ или въ смятеніе приведенный мужъ», ком. Мольера. М. 1775. 8° 2-е изд. М. 1788. 8°.

Диринъ. Исторія л.-гв. Семеновскаго полка, Спб. 1883, II, 177.—Сборникъ Имп. Русск. Историческаго Общества, т. XXXII, стр. 94—95 и 508—510.—Дѣло Архива Д-та Герольдіи о дворянствѣ рода Чаадаевыхъ, Гербовое. — Сопиковъ, Опытъ Россійской Библіографіи, № 5382, 5383. — Лонгиновъ, М. Н. Новиковъ и Московск. мартинисты. М. 1867, стр. 102.

В. Владиміровъ.

Чаадаевъ, *Петръ Васильевичъ*, л.-гв. Семеновскаго полка премьеръ-маіоръ и арміи генералъ-маіоръ, внукъ окольничаго Ивана Ивановича и дѣдъ извѣстнаго писателя П. Я. Чаадаева, записанъ былъ въ службу въ л.-гв. Семеновскій полкъ въ 1726 году, а въ 1736 г. получилъ чинъ прапорщика въ томъ-же полку. Въ чинѣ капитана того-же полка, онъ былъ посланъ въ Москву съ манифестомъ о вступленіи на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны, а 18 августа 1743 г., въ чинѣ маіора Семеновскаго полка, былъ назначенъ членомъ «генеральнаго» суда по Лопухинскому дѣлу. 5 октября 1743 г. онъ былъ посланъ для производства ревизіи о числѣ душъ въ Архангелогородскую губернію. Вскорѣ послѣ этого Чаадаевъ сошелъ съ ума и содержался въ заведеніи для душевнобольныхъ доктора Бургаве. Императрица Екатерина II въ своихъ «Запискахъ» говоритъ: сумашествіе его заключалось въ томъ, что онъ считалъ себя персидскимъ шахомъ Надиромъ или Тамасъ-Кули-Ханомъ; когда врачи потеряли надежду на его излеченіе, то онъ былъ переданъ въ руки духовенства, представители котораго убѣдили Императрицу Елисавету въ необходимости изгнать изъ него злого духа («de le faire exorciser»). Елисавета Петровна сама присутствовала при этомъ обрядѣ, не повліявшемъ на состояніе здоровья Чаадаева. Императрица Екатерина говоритъ, что были люди сомнѣвавшіеся въ дѣйствительности сумашествія Чаадаева, ибо, помимо его мономаніи, во всемъ остальномъ онъ выказывалъ вполнѣ здравый разсудокъ, такъ что его друзья пріѣзжали къ нему совѣтоваться по своимъ дѣламъ; причиною-же, по которой Чаадаевъ могъ разыгрывать роль сумашедшаго, выставлялось то, что онъ былъ заподозрѣнъ во взяточничествѣ во время производства выше упомянутой ревизіи «о числѣ душъ». Умеръ Чаадаевъ въ 1755 году.

Диринъ. Исторія л.-гв. Семеновскаго полка, т. II.—Mémoires de l'Impératrice Catherine II, Londres 1859, p. 194.—Барановъ. Опись Высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ, хранящимся въ Спб. Архивѣ Пр. Сената, т. III, №№ 9083, 91117. — Сенатскій Архивъ, т. V, стр. 217.

В. Руммель.

Чаадаевъ, *Петръ Яковлевичъ*, род. 27 мая 1794 г., внукъ предыдущаго и сынъ Якова Петровича, въ раннемъ возрастѣ лишился отца и матери и остался на рукахъ своей тетки, дочери извѣстнаго историка князя М. М. Щербатова. Вмѣстѣ съ другими дѣтьми кн. Д. М. Щербатова, Чаадаевъ получилъ блестящее домашнее образованіе и рано обратилъ на себя вниманіе своихъ учителей, въ числѣ которыхъ были Мерзляковъ, Буле, Баузе и др. Нѣкоторое время Чаадаевъ слушалъ лекціи въ Московскомъ университетѣ, а въ 1811 г. изъ Москвы переѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ, въ рядахъ котораго совершилъ походъ въ Парижъ, гдѣ перевелся въ Ахтырскій гусарскій полкъ.

Въ началѣ 1816 г. Чаадаевъ перешелъ въ лейбъ-гусарскій полкъ, квартировавшій уже и въ то время въ Царскомъ Селѣ. Здѣсь онъ познакомился съ Пушкинымъ, считавшимъ его въ числѣ лучшихъ друзей своихъ. Происхожденіе, образованіе, блестящая внѣшность—все, казалось, сулило Чаадаеву выдающуюся служебную карьеру. Тѣмъ тяжелѣе была для него необходимость выйти въ отставку при обстоятельствахъ совершенно особаго рода. Въ 1820 г. въ Семеновскомъ полку, въ которомъ ранѣе служилъ и Чаадаевъ, разыгралась весьма прискорбная исторія: солдаты, несмотря на всѣ увѣщанія, отказались повиноваться командиру полка. Для подробнаго донесенія государю объ этомъ происшествіи былъ посланъ курьеромъ въ Троппау Чаадаевъ, состоявшій въ то время адъютантомъ у командира гвардейскаго корпуса. Подробности продолжительной аудіенціи Чаадаева у императора Александра I остались неизвѣстными, но въ обществѣ стали ходить крайне неблагопріятные для Чаадаева слухи: говорили, что онъ предалъ своихъ товарищей, что сдѣлалъ онъ это изъ желанія получить флигель-адъютантскіе вензеля и т. п. Многое въ этомъ эпизодѣ остается и, вѣроятно, навсегда останется не выясненнымъ. Во всякомъ случаѣ въ началѣ 1821 г. Чаадаевъ неожиданно для всѣхъ подалъ въ отставку и, несмотря на крайне стѣсненное матеріальное положеніе, уже не искалъ службы. Кризисъ въ судьбѣ Чаадаева не обошелся для него даромъ: онъ упалъ духомъ и сталъ особенно воспріимчивъ къ болѣзнямъ. Лучшимъ выходомъ изъ щекотливаго положенія, въ которое былъ поставленъ Чаадаевъ, было заграничное путешествіе, и онъ до 1825 г. посѣтилъ Англію, Францію, Швейцарію, Италію и Германію. Въ Карлсбадѣ онъ познакомился съ Шеллингомъ, съ которымъ былъ впослѣдствіи въ перепискѣ. Во время путешествія Чаадаевъ пополнилъ свои познанія по богословію, философіи и исторіи, вернувшись же въ Москву, онъ задумалъ обширный трудъ по философіи исторіи, изъ котораго успѣлъ написать лишь небольшую часть въ формѣ писемъ, на французскомъ языкѣ. Письма эти долго ходили по рукамъ въ рукописномъ видѣ и создали ихъ автору извѣстность въ широкихъ кругахъ. Одно изъ этихъ писемъ увидѣло, наконецъ, свѣтъ въ «Телескопѣ» 1836 г. т. 34 подъ заглавіемъ «Философическія письма». Появленіе его составило цѣлое событіе, имѣвшее весьма осязательныя послѣдствія и для автора, и для издателя журнала, и для цензора, пропустившаго статью: авторъ былъ офиціально объявленъ сумасшедшимъ и отданъ подъ надзоръ врача, издатель Надеждинъ сосланъ въ Усть-Сысольскъ, а цензоръ Болдыревъ отрѣшенъ отъ должности. Въ свое оправданіе Чаадаевъ написалъ «Апологію сумасшедшаго», но она, вмѣстѣ съ другими философскими письмами, увидѣла свѣтъ лишь въ посмертныхъ «Oeuvres choisies de Pierre Tchadaïef, publiées pour la première fois par le p. Gagarine de la compagnie de Jésus, Paris, 1862. Врачебный надзоръ продолжался годъ съ небольшимъ; Чаадаева оставили въ покоѣ, и онъ до смерти своей въ 1856 г. оставался однимъ изъ видныхъ представителей московскихъ кружковъ.

Чаадаевъ принадлежалъ къ тому умственному теченію, у сторонниковъ котораго непосредственное знакомство съ западно-европейскими порядками и учрежденіями и невыгодное сравненіе ихъ съ строемъ родной страны оставили въ душѣ тяжелый осадокъ и неудовлетворенность. Всего рѣзче оказалось это въ Чаадаевѣ, чѣмъ и объясняется то общее несочувствіе, которымъ было встрѣчено появленіе въ печати начала «Философическихъ писемъ». Прошлое нашей родины представляется ему въ самомъ мрачномъ свѣтѣ, будущее—въ самомъ безнадежномъ видѣ. «Мы существуемъ,—говоритъ онъ,—какъ бы внѣ времени, и всемірное образованіе человѣческаго рода не коснулось насъ». «Мы совсѣмъ не имѣли возраста безмѣрной дѣятельности, поэтической игры нравственныхъ силъ народа. Атмосферу Запада составляютъ идеи долга, закона, правды, порядка, мы же ничего не дали міру, ничего не взяли у него, ничѣмъ не содѣйствовали совершенствованію человѣческаго разумѣнія и исказили все, что сообщило намъ это совершенствованіе. Сфера, въ которой живутъ европейцы, есть плодъ религіи. Если враждебныя обстоятельства отстранили насъ отъ общаго движенія, въ которомъ общественная идея христіанства развилась и приняла извѣстныя формы, то намъ нужно оживить вѣру, поставить все воспитаніе на другія начала.»

Основнымъ фактомъ, опредѣлившимъ историческій ходъ событій и строй Запада, Чаадаевъ считаетъ католицизмъ и не скрываетъ своихъ симпатій къ нему.

Изъ сочиненій Чаадаева появилось далеко еще не все; изданіе избранныхъ его сочиненій, сдѣланное о. Гагаринымъ, къ сожалѣнію, мало доступно.

Біографическій матеріалъ содержится въ статьяхъ: М. Н. Лонгинова, воспоминаніе о П. Я. Чаадаевѣ, «Русскій Вѣстникъ». 1862, ноябрь, стр. 119—160; М. И. Жихарева, П. Я. Чаадаевъ, изъ воспоминаній современника, «Вѣстникъ Европы», 1871, іюль, стр. 172—208, сентябрь, стр. 9—54; Д. Свербеева, воспоминанія о Чаадаевѣ «Рус. Арх.». 1868, стр. 976—1001. Лучшая характеристика Чаадаева принадлежитъ А. Н. Пыпину, Характеристики литературныхъ мнѣній, изд. 2, Спб. 1890, стр. 141—195.

Я. Колубовскій.

Чаадаевъ, *Яковъ Петровичъ*, братъ Ивана Петровича (см. выше), зачисленъ былъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ въ 1756 г.; въ 1768 г. произведенъ въ прапорщики, а въ 1775 г. изъ поручиковъ того же полка вышелъ въ отставку съ чиномъ арміи подполковника. Умеръ Чаадаевъ около 1807 г. Имъ издана комедія: «Донъ Педро Прокодуранте или наказанный бездѣльникъ, Калдерона де-ла-Барка; съ гишпанскаго переведена въ Нижнемъ Новгородѣ» М. 1794. 8°.

Дириинъ. Исторія л.-гв. Семеновскаго полка, часть II. Спб. 1883.—Сопиковъ. Опытъ Россійской Библіографіи, № 5364—Геннади. Анонимныя книги, стр. 7.—Губерти. Матеріалы для русской библіографіи, т. II, № 181. — Рогожинъ. Указатель къ Опыту Россійской Библіографія Сопикова.—Дѣло о родѣ Чаадаевыхъ въ Архивѣ Департамента Герольдіи.

В. Владиміровъ.

Чавчавадзе, *князь Александръ Гарсевановичъ*, генералъ-лейтенантъ, сынъ кн. Гарсевана Чавчавадзе, грузинскаго полномочнаго министра (см. далѣе), родился въ 1787 г. въ С.-Петербургѣ; воспріемницею его была Императрица Екатерина II. Въ дѣтствѣ еще по наслѣдію ему пожаловано было Грузинскимъ царемъ Иракліемъ II званіе генералъ-адъютанта (мандатуртъ-ухуцесси). Съ 1795 по 1799 г. онъ воспитывался въ одномъ изъ лучшихъ частныхъ пансіоновъ С.-Петербурга, а затѣмъ былъ увезенъ въ Тифлисъ, гдѣ продолжалъ свое образованіе подъ надзоромъ отца, по отзывамъ современниковъ, одного изъ умнѣйшихъ людей того времени. Въ 1804 году, когда вспыхнуло въ Грузіи возстаніе противъ русскихъ, шестнадцатилѣтній князь Александръ 23-го августа, Высочайшимъ рескриптомъ, въ воздаяніе заслугъ отца принятый камеръ-пажемъ, не избѣгъ общаго увлеченія идей возстановленія грузинскаго царства; 14-го сентября онъ бѣжалъ изъ родительскаго дома и вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими грузинскими князьями присоединился къ царевичу Парнаозу, сыну царя Ираклія II, поднявшему знамя возстанія подъ Анануромъ. Возстаніе однако было скоро подавлено, царевичъ Парнаозъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ со всею свитою, въ числѣ которой былъ и молодой кн. Чавчавадзе. Надъ всѣми участниками возстанія 2-го февраля 1805 г. была учреждена главнокомандующимъ кн. Циціановымъ секретная слѣдственная коммиссія для открытія виновниковъ возмущенія, относительно же князя Александра Чавчавадзе, по ходатайству самого же Циціанова, послѣдовалъ 14-го апрѣля 1805 г. слѣдующій Высочайшій Рескриптъ на имя Циціанова: «Министръ Внутреннихъ Дѣлъ представилъ Мнѣ, сообщенное ему отъ Васъ, письмо дѣйств. ст. сов. кн. Гарсевана Чавчавадзе, къ Вамъ писанное, относительно сына его, къ царевичу Парнаозу присоединившагося и съ нимъ вмѣстѣ пойманнаго. Снисходя съ одной стороны на просьбу отца, по прежнимъ заслугамъ его отличеннаго, а съ другой стороны, что преступленіе сына произошло болѣе отъ молодости, нежели отъ умышленной неблагонамѣренности, Я призналъ за благо ограничить наказаніе его трехлѣтнимъ содержаніемъ въ Тамбовѣ подъ присмотромъ, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи сего срока, возобновя присягу на вѣрность, явился онъ сюда на службу и, загладивъ добрымъ поведеніемъ и ревностью проступокъ свой, могъ пріобрѣсти въ оной новыя выгоды. Вслѣдствіе сего Я поручаю Вамъ, объявивъ д. с. с. кн. Чавчавадзе о таковомъ расположеніи Моемъ, выслать немедленно сына его подъ присмотромъ въ Тамбовъ, приказавъ ему по прибытіи туда явиться у гражданскаго губернатора, коему вмѣстѣ съ симъ даны будутъ немедля предписанія». 30-го ноября 1805 г. «камеръ-пажъ Двора Е. И. Величества князь Александръ Чавчавадзе подъ строгимъ конвоемъ изъ офицера и двухъ казаковъ» (Рапортъ ген.-л. Глазенапа 3-го декабря 1805 г.) былъ отправленъ изъ

Георгіевска въ Тамбовъ, куда вскорѣ принужденъ былъ переѣхать на жительство изъ Грузіи и отецъ его князь Гарсеванъ. Пребываніе князя Александра въ Тамбовѣ было непродолжительно: въ томъ же году Высочайшимъ повелѣніемъ онъ опредѣленъ былъ въ Пажескій корпусъ, изъ котораго и выпущенъ въ 1809 году подпоручикомъ въ л.-гвардіи Гусарскій полкъ. Въ 1811 году онъ снова вернулся на родину, но уже поручикомъ л.-гв. Гусарскаго полка и адъютантомъ главнокомандующаго маркиза Паулуччи. Паулуччи, очевидно, цѣнилъ умъ и способности молодого офицера и не разъ давалъ ему серіозныя и отвѣтственныя порученія: такъ напр., 27-го октября 1811 г. онъ командировалъ его въ Эривань къ генералъ-маіору Лисаневичу собрать свѣдѣнія о внезапно предпринятой послѣднимъ экспедиціи противъ персіянъ; въ январѣ 1812 г. велъ черезъ него переговоры съ Мустафой-ханомъ Ширванскимъ, котораго Паулуччи подозрѣвалъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ Аббасъ-мирзою и котораго онъ во что бы то ни стало хотѣлъ удержать на своей сторонѣ. Въ мартѣ 1812 г. Чавчавадзе участвовалъ въ походѣ, предпринятомъ Паулуччи для подавленія, принявшаго грозные размѣры, возстанія въ Кахетіи, и въ стычкѣ 1-го марта съ отрядомъ мятежниковъ противъ дер. Чумлаки, находившейся недалеко отъ родового имѣнія князей Чавчавадзе Велис-цихе, былъ раненъ пулею въ ногу. По выздоровленіи онъ вмѣстѣ съ Паулуччи покинулъ Кавказъ, чтобы принять участіе въ Отечественной войнѣ. Онъ совершилъ всѣ походы 1812, 1813, 1814 гг., послужившіе для него прекрасной образовательной школой и давшіе ему возможность въ совершенствѣ изучить нѣмецкій и французскій языки, былъ, въ качествѣ адъютанта Барклая де-Толли, при взятіи Парижа и въ 1817 году, въ чинѣ полковника, переведенъ изъ лейбъ-гусарскаго въ Нижегородскій драгунскій полкъ, стоявшій въ его родной Кахетіи, недалеко отъ его имѣнія Цинондалъ. «Прибытіе кн. Александра Чавчавадзе въ нашъ полкъ, пишетъ историкъ Нижегородскаго полка, «старшимъ штабъ-офицеромъ составило эпоху въ жизни полка, внесло въ него новую жизнь, давъ ему возможность сблизиться съ грузинскимъ обществомъ». И дѣйствительно, умный, блестяще образованный князь Чавчавадзе, сразу и вѣрно оцѣнивъ положеніе обѣихъ сторонъ и роль новыхъ пришельцевъ въ краѣ—русскихъ, чуть ли не первый изъ всѣхъ грузинскихъ помѣстныхъ князей поставилъ свой домъ въ Цинондалахъ на европейскую ногу и, пользуясь большимъ вліяніемъ и почетомъ въ Грузіи, какъ представитель знатнаго рода, какъ одинъ изъ доблестныхъ воиновъ-грузинъ, а, главное, какъ извѣстный поэтъ, о чемъ мы подробно скажемъ ниже, сумѣлъ явиться объединяющимъ звеномъ между русскими и грузинами. 21-го января 1821 г., послѣ скоропостижной смерти командира Нижегородскаго полка полковника Климовскаго, мѣсто его занялъ, по приказанію главнокомандующаго А. П. Ермолова, князь Чавчавадзе и командовалъ полкомъ до марта 1822 г. За это время ему пришлось принять участіе въ экспедиціи въ Джарскую область, гдѣ возникли большія волненія вслѣдствіе слуха о неизбѣжной войнѣ Россіи съ Турціей изъ за греческихъ дѣлъ. Главнокомандующій войсками въ Кахетіи кн. Эристовъ собралъ отрядъ, въ который вошелъ и дивизіонъ Нижегородцевъ подъ личной командой Чавчавадзе. Экспедиція была удачною, и Чавчавадзе со своимъ дивизіономъ отличился въ дѣлѣ 3-го марта 1822 г. близъ сел. Катехи, гдѣ онъ, дѣйствуя въ авангардѣ со спѣшенными драгунами, штурмомъ взялъ завалъ, защищавшій селеніе. По возвращеніи изъ экспедиціи Чавчавадзе вмѣсто награды долженъ былъ вынести незаслуженную обиду. Оказалось, что еще 21-го іюля 1821 г. Ермоловъ, донося въ Петербургъ о смерти Климовскаго, просилъ о назначеніи ему новаго командира полка, т. к. онъ «не имѣетъ въ кавалеріи коротко знакомыхъ ему штабъ-офицеровъ, которыхъ могъ бы рекомендовать въ означенную должность, командующій же полкомъ въ настоящее время князь Чавчавадзе, хотя и обладаетъ отлично хорошими способностями и знаніемъ службы, но молодъ лѣтами, чтобы командовать кавалерійскимъ полкомъ». И вотъ, вслѣдствіе этого рапорта, изъ Петербурга назначили командиромъ полка полковника Шабельскаго, который былъ моложе Чавчавадзе не только лѣтами, но и службой. Оскорбленный Чавчавадзе, тотчасъ же по сдачѣ полка Шабельскому, перешелъ (10-го іюня 1822 г.) въ Грузинскій гренадерскій полкъ, а въ слѣдующемъ году, оставивъ строе-

вую службу, поселился въ Тифлисѣ и прикомандированъ былъ состоять для особыхъ порученій при А. П. Ермоловѣ. Въ этой должности онъ оставался до завоеванія въ 1827 г. Паскевичемъ Эривани, а затѣмъ 21-го февраля 1828 г. произведенный въ ген.-маіоры былъ назначенъ исправляющимъ должность областного начальника и командующаго войсками въ Эриванской провинціи. Съ образованіемъ 21-го марта 1828 г. изъ ханствъ Эриванскаго и Нахичеванскаго области Армянской, онъ былъ утвержденъ начальникомъ этой области и предсѣдателемъ Эриванскаго Областного Правленія. За короткое пребываніе на этомъ отвѣтственномъ посту онъ успѣлъ пріобрѣсти себѣ извѣстность смѣлымъ походомъ въ Баязетскій пашалыкъ. Какъ только началась война съ Турціей 1828 года, онъ съ небольшимъ отрядомъ (изъ 2-хъ баталіоновъ Нашебургскаго полка, 3-хъ ротъ Севастопольскаго, 200 казаковъ Донского Бѣлова полка, 400 татаръ и армянъ Эриванскаго коннаго ополченія и 6 орудій) 25-го августа 1828 г. вторгнулся въ предѣлы Турціи и въ три недѣли взялъ съ бою крѣпость Баязетъ, занялъ главные города трехъ Баязетскихъ санджаковъ: Топракъ-кале, Хамуръ и Діадинъ. 22-го сентября онъ доносилъ Паскевичу о полномъ занятіи русскими войсками Баязетскаго пашалыка. «Молодецъ Чавчавадзе», воскликнулъ Паскевичъ, прочтя донесеніе, и во всеподданнѣйшемъ докладѣ Государю, 28-го сентября, самъ ходатайствовалъ о награжденіи генералъ-маіора кн. Чавчавадзе орденомъ св. Анны 1-й ст., что и было исполнено. Вскорѣ послѣ этого онъ былъ снова прикомандированъ къ Паскевичу для особыхъ порученій. Правительство, очевидно, сознавало, что какъ ни много могъ пользы ему принести кн. Чавчавадзе, какъ воинъ и администраторъ, но онъ еще нужнѣе былъ въ самой Грузіи, какъ человѣкъ понявшій всю безнадежность какихъ бы то ни было попытокъ столкнуть русскихъ съ позиціи, занятой ими въ краѣ, и могшій своимъ авторитетомъ и вліяніемъ содѣйствовать успокоенію и умиротворенію безпокойнаго населенія, не желавшаго помириться съ новымъ порядкомъ вещей. Въ промежутокъ времени до 1832 г. мы видимъ, что Паскевичъ не разъ посылалъ его именно съ цѣлью успокоить возникшія волненія, и онъ всегда успѣшно справлялся съ порученной ему задачей. Такъ 8-го іюля 1829 г. онъ склонилъ къ покорности Джарскихъ старшинъ, которые письменно обязались исполнить всѣ его требованія; 4-го ноября того же года онъ прекратилъ возникшіе въ Телавскомъ уѣздѣ безпорядки по поводу объявленнаго Паскевичемъ для войны съ Турціей сбора грузинской милиціи, который былъ принятъ населеніемъ за намѣреніе ввести въ Грузіи рекрутскую повинность; 24-го апрѣля 1830 г. онъ былъ, «какъ человѣкъ извѣстный начальству съ хорошей стороны и пользующійся довѣренностью и уваженіемъ народа» (рап. ген. Стрекалова гр. Паскевичу), назначенъ предсѣдателемъ коммиссіи, организованной для разбора жалобъ Хевсурскихъ жителей, и наконецъ 15-го іюля 1832 г. ему было поручено командованіе отрядомъ, составленнымъ изъ милиціи Телавскаго уѣзда и батальона пѣхоты, при 4-хъ легкихъ орудіяхъ, для обезпеченія верхней Кахетіи, противъ которой направились скопища Гамзадъ-бэка, главнаго сообщника Кази-муллы. Вскорѣ послѣ возвращенія кн. Чавчавадзе изъ этой экспедиціи, произошло событіе несомнѣнно хорошо характеризующее какъ самого князя, такъ и его отношеніе къ грузинскому вопросу. 9-го декабря 1832 г., по доносу князя Евсея Палавандова, раскрылось дѣло объ обширномъ заговорѣ среди знатнѣйшихъ грузинскихъ князей, имѣвшемъ цѣлью возстановить въ Грузіи династію грузинскихъ царей и ниспровергнуть русское владычество. При предварительномъ же дознаніи въ дѣлѣ оказался замѣшаннымъ и князь Александръ Гарсевановичъ, какъ несомнѣнно знавшій, во всякомъ случаѣ, о заговорѣ и не донесшій о немъ. Арестованный по Высочайшему повелѣнію 29-го декабря 1832 г., онъ на допросѣ упорно отрицалъ свою виновность и говорилъ, что даже и не зналъ о существованіи заговора. Это запирательство сильно повредило ему, т. к. изъ показаній другихъ участниковъ заговора съ несомнѣнностью обнаружилось, что о готовившемся возстаніи ему сообщилъ, по порученію заговорщиковъ, его шуринъ кн. Луарсабъ Орбеліани, но онъ не только отказался отъ активнаго участія въ заговорѣ, а всѣми силами старался отговорить и другихъ и доказать имъ все безуміе ихъ замысловъ. Отчасти, именно вслѣдствіе его энергичнаго

протеста, осуществленіе задуманнаго предпріятія и было отложено на неопредѣленное время. Въ виду такихъ результатовъ слѣдствія главноначальствующій баронъ Розенъ и отнесъ его по виновности въ докладѣ военному министру Чернышеву къ седьмой категоріи лицъ виновныхъ въ заговорѣ (изъ восьми категорій, на которыя онъ раздѣлилъ всѣхъ участниковъ заговора) и между прочимъ писалъ о немъ: «Что же касается генералъ-маіора кн. Чавчавадзе, то участь его повергаю на благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества, но оставленіе его вовсе безъ наказанія, судя по явному запирательству его, подастъ поводъ осуждать правительство въ напрасномъ задержаніи его подъ арестомъ, поэтому полагаю полезнѣйшимъ сослать его на срочное жительство въ Астрахань или даже предать суду, а потомъ, во уваженіе заслугъ его, оказать ему Монаршее милосердіе». По этому докладу 1-го ноября 1833 г. состоялся Высочайшій приговоръ о ссылкѣ Чавчавадзе на жительство въ г. Тамбовъ. Здѣсь онъ пробылъ недолго: на слѣдующій же годъ Императоръ Николай Павловичъ вызвалъ его въ Петербургъ, пригласилъ ко Двору, обласкалъ и дозволилъ снова вернуться въ Тифлисъ. Здѣсь скоро ему опять пришлось выступить на поприщѣ общественной дѣятельности: въ 1838 г. въ Ахалцихской провинціи и г. Ахалцихѣ появилась чума и на Чавчавадзе, назначеннаго къ тому времени членомъ совѣта Главнаго Управленія Закавказскаго края, была возложена, 23 го іюля, главнокомандующимъ, генераломъ Головинымъ трудная и отвѣтственная обязанность главнаго начальника надъ всѣми существующими и имѣющими быть учрежденными кордонными линіями отъ Ахалцихской провинціи и во всѣ стороны, причемъ ему былъ подчиненъ инспекторъ карантиновъ, вѣдавшій ранѣе кордонную линію и Комитетъ о предохраненіи Закавказскаго края отъ заразы. Чавчавадзе ревностно принялся за выполненіе своей миссіи; самъ объѣхалъ всю кордонную линію отъ Арпачая, въ Шурагельской дистанціи, до Имеретіи и берега Чернаго моря, и дѣйствовалъ всюду, по отзыву Головина, настолько хорошо и съ такою распорядительностью, что обезпечилъ возможность прекращенія распространенія заразы. Впрочемъ чума до конца 1840 г. не прекращалась въ Закавказьи, вспыхивая то въ той, то въ другой мѣстности, и Чавчавадзе все время исполнялъ должность Предсѣдателя Комиссіи о предохраненіи Кавказскаго края отъ чумы. Въ 1843 г. онъ былъ назначенъ управляющимъ почтовою частью въ Закавказьи, причемъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, и почти одновременно, 15-го сентября, ему поручено было для усиленія дѣйствующей арміи, двинутой въ Дагестанъ противъ Шамиля, сформировать отрядъ изъ 1.000 чел. кахетинской милиціи. 5-го октября отрядъ уже былъ сформированъ, и Чавчавадзе во главѣ его двинулся 21-го октября къ границамъ непокорныхъ Дидойцевъ, которые вскорѣ и положили оружіе. Еще полный силъ и здоровья Чавчавадзе погибъ жертвой несчастнаго случая: его выбросила изъ экипажа понесшаяся лошадь и онъ умеръ 5-го ноября 1846 г. «Служба потеряла въ немъ достойнаго генерала, Тифлисъ — примѣрнаго семьянина, Грузія—великаго поэта». было сказано о немъ въ его некрологѣ. И дѣйствительно, грузинскіе критики ставятъ очень высоко поэтическій талантъ Чавчавадзе. Муза его, соединявшая въ себѣ обширное европейское образованіе съ духомъ истаго грузина, поражаетъ своимъ разнообразіемъ: она одинаково сроднилась и съ скептицизмомъ Вольтера, и съ сентиментальностью персидскихъ поэтовъ, и съ удалью грузинскихъ народныхъ бардовъ. Особенно хороши его анакреонтическія пѣсни, чрезвычайно популярныя среди грузинъ и даже перешедшія въ уста народныхъ пѣвцовъ — сазандаровъ. Онѣ такъ распространены въ грузинскомъ народѣ, что выдаются обыкновенно за продуктъ народнаго творчества. Поэтическая сила таланта Чавчавадзе и заключается въ особенномъ сочетаніи чрезвычайной глубины чувства съ удивительной легкостью стиха и богатствомъ метафоръ. Помимо его оригинальныхъ стихотвореній существуетъ много его переводовъ изъ Саади, Гафиза, Пушкина, Гюго, Гете. Онъ перевелъ на грузинскій языкъ Альзиру-Вольтера, Федру-Расина, Цинну-Корнеля. Ему же приписывается сохранившаяся и до сихъ поръ имѣющая серьезный интересъ для историка Грузіи брошюра «Краткій историческій очеркъ Грузіи и ея положеніе съ 1801 по 1831 г.», въ которой излагаются, между прочимъ, причины безпорядковъ въ Грузіи

1811 г. Авторъ очевидно, хорошо знакомъ съ дѣлами канцеляріи намѣстника. Одна изъ дочерей Чавчавадзе Нина Александровна была замужемъ за А. С. Грибоѣдовымъ. Помимо пожалованнаго Чавчавадзе за взятіе Баязета ордена св. Анны 1-й ст. онъ имѣлъ ордена св. Владимира 2-й ст. и Бѣлаго Орла.

Акты Кавказской археографической коммиссіи, т. II, стр 38, 136—138, 140, 142—143, 336—337, 1029; т. V—10, 79, 120, 127; т. VI—317, 321, 323, 325, 327, 329, 331, 346, 347, 418, 504; т. VII — 40, 331, 439, 485, 487, 489, 492, 493, 640, 767 - 770; т. VIII—392—393, 398, 401, 406, 410, 412, 416, 417, 423, 554—556; т. IX—73—74, 81—85, 761, 776, 783. — Потто. Исторія Нижегородскаго драгунскаго полка, т. II, стр. 142—144, 152—155; т. IV, стр. 25—27.—Фрейманъ. «Пажи за 183 года», стр. 153.—Милорадовичъ. «Матеріалы для исторіи Пажескаго корпуса», стр. 151, 243.—«Московскія Вѣдомости», 1846 г. № 142.—«Кавказъ», 1846 г. № 45.—«Тифлисскій Вѣстникъ», 1873 г. №№ 72—74, 76, 78, 79. — Тхоржевскій. «Грузинскіе поэты въ образцахъ», стр. 7.

Н. Н. Павловъ-Сильванскій.

Чавчавадзе, князь *Гарсеванъ Ревизовичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ русской службы, мандатуртъ-ухуцесси (генералъ-адъютантъ) грузинскихъ царей Ираклія II и Георгія XII, полномочный министръ этихъ царей при Петербургскомъ Дворѣ въ царствованія Екатерины II, Павла I и Александра I, кахетинскій помѣщикъ въ 80-хъ годахъ XVIII ст. и наслѣдственный моуравъ (правитель, земскій начальникъ [отъ груз. слова «урва» — забота, попеченіе]) мусульманскихъ провинцій, подвластныхъ Грузіи— Казахъ и Борчало. Въ 1783 г., 24-го іюля, онъ былъ уполномоченнымъ царя Ираклія II вмѣстѣ съ генераломъ отъ лѣвой руки княземъ Иваномъ Константиновичемъ Багратіономъ при заключеніи въ Георгіевской крѣпости съ уполномоченнымъ императрицы Екатерины II кн. Г. А. Потемкинымъ-Таврическимъ и ген.-поручикомъ Павломъ Серг. Потемкинымъ трактата объ отдачѣ Грузіи подъ покровительство Россіи. Подписаніе этого трактата вызвало большую радость въ Грузіи, изнемогавшей отъ нападеній внѣшнихъ враговъ и внутреннихъ неурядицъ. Царь Ираклій II наградилъ кн. Гарсевана Чавчавадзе пожалованіемъ ему имѣній при слѣдующей собственноручной грамотѣ: «Божіей милостью дается сія грамота Вамъ, который, подобно предкамъ Вашимъ, оказываете намъ великое усердіе. Мы, вспоминая рачительность къ службѣ нашей покойнаго дяди Вашего эшик-агабаша Сулхана, отца Твоего городского и казахскаго моурава, эшик-агабаша Ревaза и дяди Твоего архимандрита Амбака, жалуемъ Вамъ, нами воспитанному и усердному къ намъ эшик-агабашу и казахскому моураву Гарсевану: поелику во время всемилостивѣйшаго воззрѣнія на насъ великой Екатерины, оказавшей намъ милости, каковыми доднесь ни одинъ изъ грузинскихъ царей награжденъ не былъ, почли Мы за нужное отправить со стороны Нашей ко Двору Е. И. В. посла, къ чему отличныя достоинства Ваши побудили Насъ выбрать Васъ и отправить къ Высочайшему Двору со всенужными дѣлами, въ вознагражденіе толикихъ услугъ, Вами оказанныхъ, пожаловали Мы Вамъ имѣнія, коими владѣли Мы по смерти родственника Вашего Іасонова сына—Уріатубаши, Зегали, въ коихъ однофамильцы Ваши никакого участія не имѣютъ». Одновременно съ этимъ рескриптомъ Чавчавадзе былъ назначенъ, на основаніи п. 5 заключеннаго трактата, полномочнымъ министромъ Грузіи при Россійскомъ Дворѣ. Здѣсь онъ пробылъ до 1787 г. и все время находился при князѣ Потемкинѣ. Понимая, какимъ громаднымъ вліяніемъ пользовался этотъ послѣдній при дворѣ, онъ всегда старался пріобрѣсти его расположеніе и въ своихъ донесеніяхъ Ираклію II уговаривалъ его сдѣлать Потемкина вассаломъ грузинскимъ, подаривъ ему мѣстность отъ Даріэла до Ананура, мѣстность по теченію Арагвы, Хевъ до Мтіулета. Онъ исчислялъ всѣ тѣ выгоды, какія можетъ извлечь Грузія въ случаѣ, если этотъ участокъ попадетъ въ руки столь именитаго русскаго человѣка: Дарьялъ сдѣлается крѣпостью и будетъ защитою отъ Осетинъ, дорога станетъ безопасна, Анануръ обратится въ европейскій городъ; наконецъ, по секрету передавалъ царю о желаніи будто-бы князя Потемкина жениться на 18-лѣтней дочери Ираклія—Настасьѣ. Въ 1787 г. произошелъ переворотъ при Грузинскомъ дворѣ въ отношеніяхъ къ Россіи; Ираклій II тайно сталъ искать сближенія съ Турціею и вызвалъ обратно въ Грузію кн. Чавчавадзе. Вскорѣ однако пришлось убѣдиться, что на помощь Турціи особенно разсчитывать

было невозможно; въ серединѣ 1794 г. въ Грузію вторгнулся астрабадскій ханъ Ага-Магометъ-ханъ и этимъ навелъ такой ужасъ на царя Ираклія II, что тотъ счелъ себя вынужденнымъ снова обратиться за помощью къ Россіи съ напоминаніемъ о трактатѣ 1783 г., какъ это онъ уже дѣлалъ, хотя безуспѣшно, въ 1792 г., и снова послалъ въ Петербургъ кн. Гарсевана Чавчавадзе. Ему было поручено во чтобы то ни стало добиться присылки русскихъ войскъ въ Грузію «Миріанъ (сынъ) и Гарсеванъ», писалъ уже 15-го сентября 1795 г. Ираклій II въ Петербургъ, «вотъ время принять Вамъ всевозможный трудъ за отечество Ваше, за церковь и христіанскій народъ. Ничего уже у насъ не осталось—всего лишились... Вы сами знаете, что, если-бы мы присягою къ Высочайшему Двору привязаны не были, а съ Агою-Магометъ ханомъ согласны были, то ничего съ нами не сдѣлалось бы. Для Бога приложите стараніе, чтобы ускорить исходатайствованіемъ войскъ»... Чавчавадзе просилъ, хлопоталъ, но въ Петербургѣ медлили отвѣтомъ, затягивали дѣло, словомъ, начиналась та мучительная агонія Грузіи, какъ самостоятельнаго царства, которая закончилась 20-го сентября 1801 г. окончательнымъ присоединеніемъ Грузіи къ Россіи, какъ русской губерніи. Весь этотъ промежутокъ времени съ небольшими перерывами (въ 1796 г., съ апрѣля, по начало 1797 г. «для сношенія съ россійскими военачальниками» и съ января по іюнь мѣсяцъ 1798 г.) Чавчавадзе пробылъ въ Петербургѣ на своемъ трудномъ посту полномочнаго министра Грузіи. Положеніе его было очень щекотливое; какъ онъ, такъ и цари Ираклій II и Георгій XII, прекрасно видѣли и понимали, что Россія, взявъ въ свои руки Грузію, не пощадитъ въ ней престола грузинскихъ царей, но съ другой стороны они же сознавали, что безъ помощи Россіи вся Грузія несомнѣнно погибнетъ подъ ударами персіянъ и другихъ ея враговъ. И волей-неволей Чавчавадзе, искренно преданному интересамъ своихъ царей и родины, приходилось искусно лавировать, изощрять всѣ силы своего ума, своихъ дипломатическихъ способностей, чтобы, добившись путемъ всевозможныхъ уступокъ, обѣщаній и льстивыхъ словъ, присылки изъ Россіи войскъ на помощь Грузіи, займа въ милліонъ рублей и т. д. въ то-же время выговорить, съ помощью трактатовъ и договоровъ, незыблемость грузинскаго престола и сохраненіе на вѣчныя времена царской династіи. Всѣ старанія не привели ни къ чему. Въ сентябрѣ 1801 г. былъ обнародованъ манифестъ о присоединеніи Грузіи къ Россіи, о назначеніи ген.-лейт. Кнорринга главноуправляющимъ въ ней, о порядкѣ внутренняго въ Грузіи управленія и о штатѣ ея управленія. Чавчавадзе пытался было принять участіе въ обсужденіи этого новаго положенія о Грузіи, подавъ еще въ апрѣлѣ того же года пространную (въ 20 пунктахъ) ноту въ министерство иностранныхъ дѣлъ, но его попытка не имѣла успѣха—все совершилось безъ участія грузинскихъ уполномоченныхъ. Чавчавадзе былъ въ отчаяніи но не терялъ надежды. «Какія имѣлъ я отъ царя Грузіи препорученія къ Государю въ разсужденіи Грузіи», писалъ онъ изъ Петербурга, «ни одно изъ нихъ не исполнилось; царство уничтожили, да и въ подданство насъ не приняли; никакой родъ такъ не униженъ, какъ Грузія. Посылаю копіи съ Манифеста и приказовъ — изъ нихъ вы увидите справедливость моего письма. Вы еще имѣете время, чтобы общество написало сюда одно письмо, дабы я опять предсталъ здѣсь и опять бы о нашемъ состояніи просилъ: имѣть царя и быть подъ покровительствомъ. Знайте, если будете просить царя—дадутъ; если жъ въ полномочіи мнѣ не довѣряетесь, то отправьте кого-нибудь изъ Васъ; ему и мнѣ дайте полную волю и мы оба будемъ стараться о совершеніи сего дѣла; Вы можете не принять повелѣній, отсюда къ Вамъ привезенныхъ». Въ Грузіи въ это время, послѣ смерти Георгія XII, въ правящихъ грузинскихъ сферахъ господствовало полнѣйшее смятеніе, всѣ растерялись, не зная, что предпринять, и письмо Чавчавадзе осталось безъ отвѣта. Чавчавадзе, миссія котораго, какъ грузинскаго полномочнаго министра, сама собою закончилась, былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и въ октябрѣ 1802 г. вернулся въ Грузію. Здѣсь его, какъ человѣка, пользовавшагося большимъ вліяніемъ среди народа, встрѣтили со всѣхъ сторонъ жалобами на дѣйствія русскихъ чиновниковъ, на неопредѣленность основаній, на которыхъ состоялось

присоединеніе Грузіи и присяга 12 сентября 1801 г., на толки о предстоящемъ уничтоженіи дворянства (выселеніи его въ Россію) и моуравства, на неопредѣленность власти земскихъ начальниковъ и помощниковъ—надъ крестьянами и т. д. Чавчавадзе принялся хлопотать о дозволеніи послать къ Государю депутацію съ петиціей о разборѣ всѣхъ этихъ жалобъ, предостерегалъ вновь учрежденное въ краѣ русское правительство отъ возможности возстанія, но всѣми своими дѣйствіями добился лишь того, что д. с. с. Коваленскій, его личный врагъ, еще со времени бытности Коваленскаго министромъ-резидентомъ при Дворѣ Георгія XII, обвинилъ его въ мятежныхъ намѣреніяхъ, а ген.-лейт. Кнорригнъ смѣстилъ его съ Казахскаго моуравства и арестовалъ его. Чавчавадзе жаловался Государю на несправедливость обвиненія, и 8 сентября 1802 г. Высочайше повелѣно было смѣнившему Кнорринга ген.-лейт. кн. Цiціанову разобрать эту жалобу. Цiціановъ, хорошо знакомый лично съ кн. Гарсеваномъ, донесъ, 10-го февраля 1803 г., Государю, что онъ, разсмотрѣвъ дѣло, не видитъ основаній къ заподозрѣванію искренности вѣрноподданническихъ чувствъ кн. Чавчавадзе, что подписка петиціи, собираемая Чавчавадзе, касалась только притѣсненій, чинимыхъ Коваленскимъ народу, и что арестъ Чавчавадзе онъ объясняетъ только личной враждой Коваленскаго къ нему. На это донесеніе Государь въ Высоч. Рескриптѣ Цiціанову отъ 31-го марта 1803 г. написалъ: «кн. Гарсевану Чавчавадзе изъявите сожалѣніе Мое о случившихся съ нимъ непріятностяхъ и увѣрьте его, что Я въ вѣрности его никогда сомнѣнія не имѣлъ». 4-го іюня 1803 г. на первыхъ состоявшихся въ Тифлисѣ выборахъ грузинскаго дворянства князь Гарсеванъ Чавчавадзе былъ выбранъ въ губернскіе предводители и, 14-го іюля, по представленію князя Цiціанова, утвержденъ въ этомъ званіи Государемъ. Такимъ образомъ оффиціально князь Чавчавадзе былъ признанъ невиновнымъ во взводимыхъ на него обвиненіяхъ въ невѣрности Россіи, но на самомъ дѣлѣ, считаясь казахскимъ моуравомъ и состоя на русской службѣ, онъ продолжалъ вести сношенія съ бѣжавшими изъ Грузіи царевичами и среди князей грузинскихъ, гдѣ только могъ, высказывалъ свое недовольство установившимся порядкомъ вещей. Такъ еще 5-го декабря 1802 г. царевичъ Александръ (сынъ Ираклія II) прислалъ ему письмо, въ которомъ просилъ его, какъ бывшаго посла его отца и брата при Русскомъ Дворѣ, спросить Государя, за что онъ лишенъ наслѣдственнаго своего отечества. Это письмо Чавчавадзе передалъ ген.-м. Лазареву, тотъ кн. Цiціанову, и отвѣтъ Цiціанова отъ 27-го декабря того же года съ предложеніемъ царевичу Александру вернуться, подъ условіемъ подчиненія вновь установившемуся порядку управленія, князь Чавчавадзе же переслалъ по назначенію. 12-го мая 1804 г., собираясь заодно съ персами выступить въ походъ противъ русскихъ, царевичъ Александръ письменно приглашалъ кн. Гарсевана присоединиться къ нему для возстановленія общими силами царскаго дома въ Грузіи, а находившійся въ свитѣ царевича своякъ Чавчавадзе кн. Іосифъ Андрониковъ писалъ ему 15-го мая 1804 г.: «Вы мнѣ подавали наставленіе о вѣрности къ господину, и я по Вашему приказанію нахожусь при царевичѣ Александрѣ (интересно замѣтить, что еще 21-го февраля 1803 г. кн. Цiціановъ оффиціально предписалъ казахскому моураву кн. Чавчавадзе ѣхать въ Сигнахъ отговорить Кизицкаго моурава кн. Іосифа Андроникова отъ намѣренія его бѣжать къ царевичу Александру). Теперь мы идемъ въ Грузію съ большими войсками, я навѣрное знаю, что, если Вы захотите, всѣ князья послушаются Вашего слова. Теперь то время оказывать службу». Князь Чавчавадзе не примкнулъ открыто въ возстанію въ 1804 г., но бѣгство сына его 16 тилѣтняго Александра въ отрядъ царевича Парнаоза сильно скомпрометировало его, а кромѣ этого къ концу 1804 г. противъ него накопилось столько уликъ въ томъ, что онъ велъ двойную игру, что даже бывшій сначала ревностнымъ защитникомъ его кн. Цiціановъ въ концѣ концовъ долженъ былъ отступиться отъ него. «Усердіе Ваше къ Россійскому Двору», писалъ онъ ему со злой ироніей, 28-го іюня 1804 г., «познается на всякомъ шагу, а паче при нынѣшнемъ случаѣ: Вы допустили татаръ Вашего начальства до измѣны и вооруженія противъ россіянъ, Вы не отослали присланныя отъ

меня въ Казахъ письма, когда они по всей Грузіи представлены, Вы знаете, что я, стоя подъ Эриваномъ, имѣю нужду въ хлѣбѣ, что 30.000 персіянъ подлѣ меня, хотя 5 разъ побѣжденные, могутъ отрѣзывать транспорты, и при всемъ томъ отправили 800 вьючныхъ быковъ, при 20 только вооруженныхъ,—поступокъ, коего никто изъ вѣрныхъ и усердныхъ рабовъ Его Имп. Вел. не въ состояніи сдѣлать». Въ концѣ 1804 г. на Чавчавадзе былъ поданъ оффиціальный доносъ, обвинявшій его въ сношеніяхъ съ мятежниками, и по поводу этого дѣла кн. Цпціановъ въ донесеніи въ Петербургъ высказалъ слѣдующее мнѣніе: «Хотя много есть на немъ подозрѣній, но по строжайшимъ о немъ изслѣдованіямъ и изысканіямъ не могъ быть изобличенъ. Со всѣмъ тѣмъ присутствіе его здѣсь до укорененія вѣрности въ обывателяхъ почитать можно несовмѣстнымъ. А какъ онъ просилъ объ обмѣнѣ его деревень и о позволеніи выѣхать на вѣчное житье въ Россію, то и признаю оный случай наиблагопріятнѣйшимъ для удаленія его отсель и по возможности въ скоромъ времени». Одновременно Циціановъ посовѣтовалъ кн. Чавчавадзе подать соотвѣтствующее прошеніе. 23-го апрѣля 1805 г. Чавчавадзе былъ вызванъ въ Россію «для личнаго объясненія съ нимъ по деревнямъ его, которыя онъ желаетъ обмѣнять на соотвѣтствующія имѣнія въ Россіи». 3 ноября 1805 г. кн. Чавчавадзе покинулъ навсегда Грузію, вслѣдъ за сыномъ своимъ Александромъ, сосланнымъ на 3 года на жительство въ Тамбовъ. Уѣзжая, онъ послалъ письмо Цпціанову, въ которомъ говоритъ, что съ радостью покидаетъ край, питавшій его до старости, по причинамъ, которыя Цпціанову и безъ объясненія довольно свѣдомы, жалѣетъ о разлукѣ съ женой, которая по слабости здоровья до весны должна была остаться въ Грузіи, и проситъ похлопотать о сокращеніи срока пребыванія въ Тамбовѣ сына Александра. Годъ смерти Чавчавадзе въ точности опредѣлить нельзя, во всякомъ случаѣ, судя по одному изъ писемъ сына его Александра, въ 1818 г. его уже не было въ живыхъ.

Актъ Кавказской Археографической Коммиссіи, т. I, 105, 179, 181, 190, 195, 217, 219, 297, 335, 381, 382, 384, 404, 407, 411, 418, 428, 483, 760; т. II 4, 5, 10—12, 18, 24—25, 29, 34, 96, 140—141, 151—153, 162, 164, 175, 177, 178, 185, 186, 192, 302—305, 321, 337, 561—563. 588, 619, 810, 1028, 1029, 1049, 1053, 1054, 1059, 1060, 1063, 1066, 1136; т. VIII, 397; П. С. Зак., т. XXI, стр. 1044 № 15835.—Бутковъ «Матеріалы для новой исторіи Кавказа съ 1722 по 1803 г.» т. II—121, 130, 188, 189, 335, 345, 397, 399, 400, 449, 461, 463, 481, 482, 493, пр. I 532, пр. I, 533, 534 id. пр. I, 536, 539, 541, 515; т. III, 283, 361, 368, 377, 380. Дубровинъ «Георгій XII и присоединеніе Грузіи къ Россіи»—16, 30, 32, 34, 41, 43. 44, 45, 48, 49, 66—68, 70—75, 90, 155, 160, 164, 173, 177. 228.—Журналъ Мин. Народ. Просв. 1833 г., № 1, стр. 117—139.—Цагарелли. «Новые архивные матеріалы для исторіи Грузіи XVIII ст. «РусскаяСтарина» 1880 г., т. XXVIII, №№ 5, 6, 7, стр. 11, 15, 33, 173, 177.—А. Берже. «Присоединеніе Грузіи къ Россіи», «Тифлисскій Вѣстникъ» 1873 г., №№ 72—74, 76, 78, 79.—«Тифлисскій Листокъ» 1891 г., №№ 40 и 41, «Присоединеніе Грузіи къ Россіи».

Н. Н. Павловъ-Сильванскій.

Чавчавадзе, *князь Давидъ Александровичъ*, генералъ-лейтенантъ, сынъ князя Александра Гарсевановича (см. выше), родился въ 1818 г.; воспитывался въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Свою служебную карьеру князь Д. А. Чавчавадзе началъ 27-го октября 1834 г., поступивъ унтеръ-офицеромъ въ л.-гв. Уланскій полкъ, а 21 мая 1839 г. былъ произведенъ въ корнеты съ переводомъ въ Псковскій кирасирскій полкъ. Въ слѣдующемъ году Чавчавадзе былъ командированъ въ отдѣльный Кавказскій корпусъ и назначенъ въ отрядъ генералъ-маіора Раевскаго, дѣйствовавшій на восточномъ берегу Чернаго моря противъ кавказскихъ горцевъ. По возвращеніи изъ этой экспедиціи, Чавчавадзе былъ переведенъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ и въ 1841 г. принималъ участіе въ экспедиціи противъ ауховцевъ. Произведенный въ 1844 году въ штабсъ-капитаны, онъ былъ назначенъ командующимъ кахетинскою конною милиціей, съ которой и принималъ участіе въ экспедиціи генералъ-адъютанта Нейдгарда противъ главныхъ силъ Шамиля. Въ 1847 г., въ чинѣ капитана, князь Д. А. Чавчавадзе былъ назначенъ адъютантомъ къ командиру отдѣльнаго Кавказскаго корпуса князю Воронцову, а въ іюнѣ 1851 г. былъ переведенъ въ л.-гв. Конно-Гренадерскій полкъ. Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій въ Турціи въ 1853—1856 г.г., Чавчавадзе былъ зачисленъ въ кавалерію съ переименованіемъ въ подполковники. За отраженіе Шамиля, ворвавшагося вмѣстѣ съ главными

скопищами горцевъ въ Кахетію, онъ былъ произведенъ въ полковники и получилъ орденъ св. Анны 2-ой ст. съ Императорскою короной. Въ іюлѣ 1854 г. онъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Величеству, а въ мартѣ 1856-го г. переведенъ въ Тифлисскій егерскій полкъ. Въ сентябрѣ 1861 г. князь Д. А. Чавчавадзе былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ въ свиту Его Величества, съ зачисленіемъ по армейской пѣхотѣ и съ прикомандированіемъ къ Кавказской арміи, а въ 1881 г. былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Умеръ онъ въ Тифлисѣ 15-го ноября 1884 г.

Русскій Инвалидъ. 1884 г., № 263.

П. Скорина.

Чавчавадзе, *князь Ясонъ Ивановичъ*, генералъ-маіоръ, родился въ 1803 г., умеръ 18 іюня 1857 г., происходилъ изъ Грузинскихъ князей. Въ службу вступилъ въ 1819 г., въ пѣхотный генерала Паскевича (впослѣдствіи Ширванскій) полкъ подпрапорщикомъ, участвовалъ въ 1822 г., въ отрядѣ генералъ-маіора князя Эристова, въ походѣ противъ Джаро-Бѣлоканскихъ Лезгинъ; въ 1823 г. переведенъ въ Нижегородскій Драгунскій полкъ и въ томъ же году произведенъ въ прапорщики. Въ 1826—1827 г. Чавчавадзе участвовалъ въ персидскомъ походѣ и въ сраженіи подъ городомъ Елисаветополемъ (13 сентября 1826 г.) былъ раненъ штыкомъ въ правую ногу; за отличіе противъ персіанъ награжденъ золотою саблею съ надписью „за храбрость» (за Елисаветополь) и орденомъ св. Анны 3 ст. Какъ Персидскій такъ и Турецкій походы 1828 и 1829 гг., давали Я. И. неоднократно возможность отличаться въ бою: онъ участвовалъ во взятіи штурмомъ крѣпостей Карса, Ахалкалаки, Ахалцыха, Эрзерума и др. и за отличіе награжденъ: орденами: св. Владиміра 4 степени съ бантомъ (за Карсъ), св. Анны 2 ст. и чинами: поручика (1828 г.), штабсъ-капитана (1829 г.). Въ 1830 г. Чавчавадзе участвовалъ въ оборонѣ укрѣпленія Бѣлокана и въ походѣ въ Лезгино-Джарскую область для усмиренія возникшаго тамъ возмущенія, и въ 1832 г. въ походѣ противъ горцевъ той-же области. Съ 1834 по 1836 г. онъ былъ прикомандированъ къ Образцовому кавалерійскому полку и въ 1836 г. произведенъ въ капитаны; въ 1836 и 1838 гг. онъ сражался съ лезгинцами и за отличіе въ дѣйствіяхъ противъ непріятеля получилъ орденъ св. Анны 2 ст. съ Императорскою короною. Произведенный въ 1842 г. въ маіоры и переведенный въ 1844 г. въ Гренадерскій Е. И. В. Великаго Князя Константина Николаевича полкъ, Чавчавадзе участвовалъ съ 1846 по 1848 г. въ походахъ противъ чеченцевъ и лезгинцевъ и за отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ произведенъ въ 1846 г. въ подполковники, въ 1847 г. въ полковники и получилъ св. Владиміра 3 ст. Назначенный 8 февраля 1849 г. командиромъ Драгунскаго наслѣднаго принца Виртембергскаго полка, онъ завѣдывалъ въ 1852 г., въ зимнемъ походѣ князя Барятинскаго противъ лезгинцевъ, всею кавалеріею и за отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ произведенъ, 1 октября 1852 г., въ генералъ-маіоры. Въ Турецкую войну 1854—1856 гг. Чавчавадзе состоялъ въ Александропольскомъ отрядѣ, отличался въ сраженіи подъ Башъ-Кадыкляромъ (19 ноября 1853 г), за что награжденъ орденомъ св. Георгія 3 ст., а въ сраженіи при селѣ Кюрукъ-Дара (24 іюня 1854) контуженъ ядромъ въ поясницу и ружейною пулею въ грудь; за отличія, оказанныя въ дѣлахъ противъ турокъ, онъ получилъ орденъ св. Станислава 1 ст.; въ іюнѣ 1855 г. Чавчавадзе отчисленъ былъ по кавалеріи, а 6 мая 1856 г. за болѣзнію уволенъ отъ службы.

Послужной списокъ князя Чавчавадзе въ Общемъ Архивѣ Главнаго Штаба.

А. Гернетъ.

Чагинъ, *Ѳедоръ Ивановичъ*, архитекторъ, род. 4 октября 1859 г. въ селѣ Бурашевѣ, Тверской губерніи, гдѣ съ 1858 года поселился его отецъ отставной штабсъ-ротмистръ Иванъ Алексѣевичъ Чагинъ, бывшій участникомъ Венгерской и Севастопольской кампаній, потомокъ древняго дворянскаго рода. Дѣтство Ѳедоръ Ивановичъ провелъ въ деревнѣ, затѣмъ поступилъ въ училище живописи, ваянія и зодчества Московскаго Художественнаго Общества, гдѣ обнаружилъ раннее развитіе дарованій и блестящіе успѣхи. Не смотря на свою молодость, онъ былъ другомъ директора училища и подъ руководствомъ г. Быковскаго предпринималъ постройки. Шестнадцати лѣтъ онъ писалъ масляными красками картины, о которыхъ

говорили газеты. Въ 1875—1876 учебномъ году онъ былъ удостоенъ малой серебряной медали за проектъ церкви, а въ слѣдующемъ году, семнадцати лѣтъ отъ роду, окончилъ курсъ училища, получивъ званіе архитектора. Въ 1877 году онъ поступилъ въ Императорскую Академію Художествъ, гдѣ пробылъ пять лѣтъ, работая подъ руководствомъ профессоровъ Шретера и Гуна. Въ 1881 г. за проектъ зданія окружнаго суда въ столицѣ, былъ удостоенъ золотой медали первой степени и получилъ званіе класснаго художника. Въ 1882 году Чагинъ былъ посланъ на счетъ академіи заграницу. Сначала онъ посѣтилъ Германію, изучая въ Берлинѣ общественныя зданія въ художественномъ и техническомъ отношеніи, знакомясь въ Нюренбергѣ съ средне-вѣковыми памятниками и осматривая въ Мюнхенѣ музеи, академіи, выставки. Затѣмъ онъ, проведя нѣсколько времени въ Швейцаріи для поправленія расшатаннаго усиленнымъ трудомъ здоровья, отправился въ Римъ. Осматривая всестороннія художественныя сокровища вѣчнаго города, Чагинъ заинтересовался преимущественно памятниками древне-христіанскаго и византійскаго стилей. Занятіе этой отраслью искусства такъ его увлекло, что послужило спеціальной канвой для его художественныхъ трудовъ, вселило въ него огромный интересъ къ археологическимъ изслѣдованіямъ и желаніе пополнить и обогатить этотъ отдѣлъ искусства новыми свѣдѣніями и собраніями еще нетронутыхъ памятниковъ. Древне-христіанскія и византійскія сокровища Рима и другихъ большихъ городовъ Италіи достаточно извѣстны и изучены, исключеніе представляетъ только восточный берегъ Италіи, поэтому Чагинъ весною 1883 года отправился посѣтить нѣкоторые болѣе обѣщавшіе города сѣверной и средней Италіи, оставляя восточный берегъ южной Италіи до другого раза. Путешествіе не ограничилось Италіей; онъ закончилъ его поѣздкой по Истріи и Далмаціи,—странамъ богатымъ древне-христіанскими и визатійскими памятниками, мало извѣстными художественному и ученому міру. Результатомъ этой поѣздки было слишкомъ 300 рисунковъ; 106 рисунковъ пріобрѣла академія, оцѣнивъ ихъ въ 150 червонцевъ и выразивъ Чагину особую похвалу, какъ за выборъ художественнаго матеріала, такъ и за мастерское выполненіе. Большинствомъ рисунковъ воспользовался профессоръ Вѣнскаго университета и директоръ королевскаго музея древностей, археологъ Рудольфъ Эйтельбергеръ помѣстивъ ихъ въ своемъ трудѣ «Die Mittelalterlichen Kunstdenkmale Dalmatiens» (Wien. 1884. IV Band). Осенью 1883 года Чагинъ возвратился въ Римъ и занялся изученіемъ классической римской архитектуры и приведеніемъ въ порядокъ своихъ путевыхъ работъ. Зимою 1854 г. онъ объѣхалъ югъ Италіи и въ Палермо, сообща съ своимъ товарищемъ А. Померанцевымъ, приступилъ къ большой и цѣльной работѣ по Палатинской капеллѣ св. Петра. Въ 1886 году, отославъ свои работы по Capella Palatina въ Петербургъ, гдѣ онѣ были пріобрѣтены Академіей Художествъ, Чагинъ путешествовалъ по Германіи и Франціи, занимаясь изученіемъ средне-вѣковой архитектуры. Послѣ микроскопически - тщательной отдѣлки снимковъ съ фресокъ Capella Palatina, представивъ свои послѣднія работы по готикѣ, онъ поразилъ силой и удивительной вѣрностью и рельефностью рисунка. Эти исполненныя графитной тушью работы, кромѣ художественнаго интереса, представляли совершенство техники. Въ это время профессоръ лондонской Академіи Художествъ Фине Спирсъ писалъ молодому архитектору, прося дать ему для напечатанія въ издаваемой имъ книгѣ по архитектурѣ одинъ изъ его послѣднихъ рисунковъ, такъ какъ англійскіе архитектора давно уже бьются, чтобы отыскать простой и легкій способъ передачи архитектурныхъ мотивовъ, а способъ, придуманный Чагинымъ, по словамъ Спирса, вполнѣ соотвѣтствовалъ требованіямъ архитекторовъ.

Тотчасъ по возвращеніи изъ заграницы, въ 1887 году, Чагину предложено было занять мѣсто адъюнктъ-профессора при Императорской Академіи Художествъ и вслѣдъ затѣмъ онъ поступилъ учителемъ рисованія въ ремесленное училище Цесаревича Николая. Онъ продолжалъ усиленно работать, отдавая дни преподавательской дѣятельности, а ночи — работѣ по проекту Миланскаго собора, исполненію мелкихъ заказовъ и работъ на второстепенные конкурсы. Весной 1887 года онъ захворалъ брюшнымъ тифомъ и слегъ въ

постель. При конкурсѣ на Миланскій соборъ онъ состязался со всѣми лучшими архитекторами Италіи и извѣстными по готикѣ силами Франціи и Германіи; жюри, въ составъ котораго входили знаменитые знатоки готической архитектуры, признало работу Чагина, въ числѣ 15 другихъ, достойной быть детально разработанной для окончательнаго конкурса, изъ общаго числа 270 поданныхъ на конкурсъ работъ. Извѣстіе объ этомъ сильно оживило больного Чагина и онъ говорилъ домашнимъ, что болѣзнь помогла ему обдумать всѣ мельчайшія детали собора. Но 8-го іюня болѣзнь усилилась и 12-го іюня не стало талантливаго архитектора. Академія Художествъ пріобрѣла у вдовы покойнаго его проектъ Миланскаго собора.

«Никто не можетъ оставаться равнодушнымъ предъ исчезновеніемъ такого таланта, а когда за этимъ талантомъ кроется еще такая душа, какая была у Чагина, потеря поражаетъ каждаго», такъ пишетъ о немъ архитекторъ Реймскаго собора, а другой, англійскій, архитекторъ, которому Чагинъ имѣлъ случай дать нѣсколько указаній, говоритъ, что онъ «чувствуетъ, какую великую пользу онъ извлекъ изъ наставленій Чагина и какъ высоко онъ цѣнитъ его удивительную скромность, которая замѣтна была во всемъ, что онъ дѣлалъ».

Зодчій 1887 г., №№ 9, 10, стр. 65. — Бумаги Чагина, въ Архивѣ Имп. Академіи Художествъ, 1877 г., дѣло № 163.

П. Полевой.

Чадинъ, *Аполлосъ Елисѣевичъ*, генералъ-лейтенантъ, родился въ 1788 г., умеръ 24 января 1870 г.; онъ происходилъ изъ дворянъ Пермской губерніи и воспитывался во 2 кадетскомъ корпусѣ, откуда выпущенъ въ 1806 г. въ конную артиллерію подпоручикомъ. Въ 1807 г. онъ участвовалъ въ походѣ противъ французовъ, сражался въ 1810 г. съ турками и за отличіе въ сраженіи при селеніи Ботынѣ (26 августа 1810 г.) награжденъ золотою шпагою съ надписью, «за храбрость». Произведенный въ 1811 г. въ поручики, Чадинъ участвовалъ въ походахъ 1813 и 1814 гг. противъ французовъ. Во время польской кампаніи 1831 г., въ чинѣ подполковника, онъ командовалъ конно-артиллерійскою № 2 ротою, и за отличіе въ сраженіи при мѣстечкѣ Минскѣ (31 марта) произведенъ въ полковники, а за Остроленку (14 мая) получилъ орденъ св. Анны 2 степени; подъ Варшавою, 25 августа, Чадинъ былъ раненъ пулею въ правую руку съ поврежденіемъ плечевой кости, и за отличіе въ этомъ бою получилъ орденъ св. Владиміра 3 ст. Съ 1832 по 1836 г. Чадинъ командовалъ 1 конно артиллерійскою бригадою, а съ 1836 по 1842 г. 1 конно-артиллерійскою дивизіею, 26 марта 1839 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, а съ 22 марта 1842 г. состоялъ по конной артилеріи, засѣдая въ разныхъ военно-судныхъ комиссіяхъ; въ 1844 г. пожалованъ орденамъ св. Станислава 1 ст. Въ Турецкую войну Чадинъ назначенъ, 18 іюля 1854 г., комендантомъ Бессарабской пограничной крѣпости Хотина, объявленной въ осадномъ положеніи, а 20 ноября 1855 г. Кіевскимъ комендантомъ; въ томъ-же году онъ получилъ орденъ св. Анны 1 ст., а 26 августа 1859 г. произведенъ въ генералъ — лейтенанты и въ томъ-же году, за 50 лѣтнюю службу въ офицерскихъ чинахъ, получилъ орденъ св. Анны 1 ст. съ Императорскою короною и мечами. 28 августа 1857 г. онъ былъ зачисленъ по запаснымъ войскамъ, а 18 апрѣля 1861 г. уволенъ отъ службы.

Послужн. списокъ въ Общемъ Архивѣ Главнаго Штаба.

А. Гернетъ.

Чаевичъ, *Илларій-Филиппъ Альбертовичъ*, докторъ-медицины, род. 14 іюля 1841 г., ум. 29 іюля 1877 г. Окончилъ курсъ Варшавской гимназіи и медицинское образованіе получилъ въ Варшавской Медико-Хирургической Академіи, а затѣмъ въ тамошней главной Школѣ, гдѣ въ 1864 г. получилъ званіе лекаря; тамъ же имъ въ 1869 г. получена степень доктора медицины. Дальнѣйшая служба Чаевича была въ Варшавскомъ госпиталѣ св. Роха. Въ 1877 г. онъ былъ командированъ заграницу для изученія усовершенствованій въ устройствѣ госпиталей. Научные труды его слѣдующіе: «Микроскопическое изслѣдованіе жировой ткани относительно строенія ея, развитія, регрессивнаго измѣненія и воспалительнаго разращенія (Archiv. v. Reichert u. Du-Bois-Reymond. 1866, 289—320). «Zupełne zaciśnięcie swiatła kiszek cienkich w trzech miejscach, skutkiem częs-

ciowego zapalenia otrzewnej, przy opadnięciu macicy i pochwy» (Gazeta lekarsua, т. I, 1866 г., стр. 65—70); «Ostry reumatyzm stawów z zapaleniem wsierdzia». (Тамъ-же, т III, 1867 г., стр. 33—37); «O początku i szerzeniu się cholery» (тамъ-же, т. III, стр. 121 — 126, 142 — 147); O tkance tłuszczowej i jej znaczeniu fizyologieznem, ze szczegolnym względem na rolę tłuszczow w zmianie materyi» Варшава, 1867, 8° и переводъ этой диссертаціи на нѣмецкій языкъ въ Archiv Reichert'a и Du Bois Reymond, 1866 г., стр. 289 — 320; «Pląsawica (chorea) uleczona wodanem chloralu» («Klinika», т. VI, 1870 г., стр. 209—212); «Rys historyczny szpitala Sw. Rocha w Warszawie» Варшава. 1872. 8°; «Wyciąg z urzędowego sprawozdania D-ra Czajewicza, delegowanego przez ministra spraw wewnętrznych, w r. 1872, do zwiedzenia znakomitszych szpitali Austryi, Francyi, Niemiec i Petersburga (o sposobach odswieżenia powietrza w szpitalach)» (Gazeta lekarska, т. XVI, 1874 г., (стр. 54 — 58, 87 — 91 103 — 108).

Змѣевъ. Русскіе врачи-писатели. — Kośminski. Słownik lekarzów polskich. Варшава 1883, с. 77.

Е. Павлова.

Чайковскій, *Антонъ Павловичъ,* статскій совѣтникъ, ординарный профессоръ Петербургскаго университета, сынъ профессора польской литературы, родился 13-го іюля 1816 года, кончилъ въ 1836 году курсъ въ Ягеллонскомъ университетѣ, въ Краковѣ, со степенью доктора обоихъ правъ и административнаго права. По окончаніи университета, Чайковскій служилъ въ судебныхъ учрежденіяхъ Царства Польскаго. Въ іюлѣ 1846 года опъ былъ приглашенъ Петербургскимъ университетомъ на каѳедру гражданскихъ законовъ Царства Польскаго вмѣсто Губе; каѳедра эта была учреждена въ Петербугскомъ университетѣ въ 1841 году съ цѣлью обученія польскому законовѣдѣнію студентовъ-поляковъ, приготовлявшихся къ службѣ въ Царствѣ Польскомъ по судебному вѣдомству. Чайковскій читалъ до закрытія университета въ 1861 году уголовные и административные законы Царства Польскаго, а также «историческое обозрѣніе уголовныхъ законовъ Царства Польскаго». Въ іюлѣ 1873 года Чайковскій, вмѣстѣ съ В. Д. Спасовичемъ, оставленъ былъ за штатомъ, по исключеніи польскаго законодательства изъ числа предметовъ преподаванія на юридическомъ факультетѣ. Онъ скончался 31 января 1873 года.

Какъ ученый Чайковскій не представлялъ изъ себя крупной величины. Онъ не написалъ ни одного большого, имѣющаго научное значеніе, труда по своему предмету. Извѣстна только одна его статья: «О Земскомъ Кредитномъ Обществѣ Царства Польскаго», которая была написана для годичнаго университетскаго акта въ 1856 году (но за недостаткомъ времени на актѣ прочитана не была), и потомъ вышла отдѣльнымъ изданіемъ. Статья эта посвящена дѣятельности образованнаго сеймомъ 1825 года и Высочайше утвержденнаго Императоромъ Александромъ I-мъ Кредитнаго Общества, имѣвшаго цѣлью оказать поддержку землевладѣльцамъ, пришедшимъ въ упадокъ, вслѣдствіе тогдашнихъ политическихъ событій. Статья эта небольшая по размѣрамъ, представляетъ отчетливое изложеніе дѣятельности Кредитнаго Общества, вызывавшаго въ то время большой интересъ. Она дала отчасти матеріалъ для статей В. Безобразова, помѣщенныхъ въ журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ за 1856 годъ (№№ 7—9) подъ заглавіемъ «Поземельный Кредитъ».

Помимо своей ученой дѣятельности, Чайковскій былъ извѣстенъ въ свое время, какъ поэтъ. Онъ помѣщалъ стихотворенія въ «Варшавской библіотекѣ», а также издалъ два отдѣльныхъ сборника: 1) «Niektóre Poezyje», Warzawa, 1841; 2) «Poezyje», Warszawa, 1845.

«Encyklopedyja Powszechna». — Григорьевъ: «Петербургскій университетъ за первые 50 лѣтъ существованія».—Годичный отчетъ Петербургскаго университета за 1856 годъ (тамъ приложена вышеуказанная статья).—Журналъ Министерства Государственыхъ Имуществъ за 1856 годъ (№№ 7—9).— Сборникъ Императ. Русск. Историч. Общ. 1888 г.

Викторъ Войновъ.

Чайковскій, *Дмитрій Ивановичъ,* контръ-адмиралъ, род. 22 августа 1828 г., умеръ 4 января 1889 г.; вступилъ въ службу въ 1842 г. гардемариномъ въ Черноморскій флотъ, а въ 1847 г. произведенъ въ мичмана и переведенъ въ Балтійскій флотъ, но оставался въ немъ только до 1851 г., когда снова переве-

денъ на Черное море. Въ 1853 г., въ чинѣ лейтенанта, состоя на кораблѣ «Великій Князь Константинъ», Чайковскій участвовалъ въ Синопскомъ сраженіи и за отличіе получилъ орд. св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ, а въ 1854—1855 гг на томъ-же кораблѣ находился на Севастопольскомъ рейдѣ. Въ 1863—1864 гг., въ чинѣ капитанъ-лейтенанта, онъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ кавказскихъ горцевъ, за что получилъ орд. св. Станислава 2 ст. съ мечами, и въ перевозкѣ десанта кавказской арміи. Въ 1872—1874 гг., будучи уже капитаномъ 2 ранга, онъ командовалъ корветомъ «Ястребъ» въ Черномъ морѣ, а въ 1876—77 гг., въ чинѣ капитана 1 ранга, состоялъ флагъ-капитаномъ при главномъ командирѣ Черноморскаго флота и портовъ. Въ 1877 г. Чайковскій былъ назначенъ начальникомъ морской батареи въ Очаковѣ, въ 1878—1884 гг. командовалъ въ Черномъ морѣ пароходомъ «Россія» и корветомъ «Воинъ», а 11 февраля 1855 г. произведенъ въ контръ-адмиралы и назначенъ командиромъ 1-го Черноморскаго Е. И. В. Генералъ-Адмирала экипажа. Въ 1888 г. Чайковскій временно исполнялъ должность главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ Чернаго и Каспійскаго морей и Николаевскаго военнаго губернатора, а 31 октября того-же года уволенъ отъ службы.

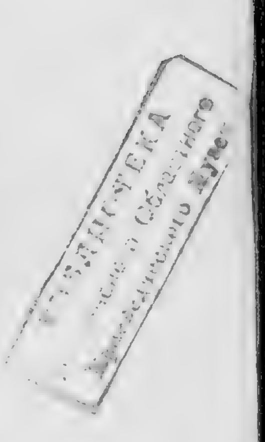
Общій Морской Списокъ, т. XII.

В. Козловъ.

Чайковскій, *Иванъ Александровичъ,* сынъ Каменецъ-Подольскаго президента, родился въ 1779 году. Для изученія медицинскихъ наукъ онъ поступилъ въ Виленскій Университетъ, который и окончилъ со степенью магистра медицины въ апрѣлѣ 1811 г. Будучи достаточно подготовленнымъ къ докторскимъ экзаменамъ, онъ рѣшилъ ихъ сдать сейчасъ же по окончаніи курса, и въ іюлѣ 1811 года, защитивъ свою диссертацію на тему «De usu medico tartari emetici», (Вильна, 1811, 8°) былъ признанъ достойнымъ степени доктора медицины. Всю свою жизнь Чайковскій практиковалъ частнымъ образомъ въ Каменецъ-Подольскомъ уѣздѣ и никогда не служилъ въ врачебномъ вѣдомствѣ. Въ 1831 году въ Подольскій военный госпиталь были приглашены многіе врачи, занимавшіеся частной практикой, такъ какъ работавшіе тамъ военные врачи не успѣвали пользовать всѣхъ больныхъ и раненыхъ; Чайковскій былъ въ числѣ этихъ врачей. Умеръ Чайковскій 16-го февраля 1869 года.

Змѣевъ. «Русскіе врачи писатели», т. I. Спб. 1886 г. — Kośmiński. Słownik lekarzów polskich. Warszawa 1883, с. 78.

Л. Дагаевъ.



Чайковскій, *Илья Петровичъ,* горный инженеръ, генералъ-маіоръ, происходилъ изъ дворянъ и род. 20 іюля 1795 г. въ г. Глазовѣ, Вятской губ., гдѣ отецъ его былъ городничимъ. По окончаніи курса Горнаго Института съ большою серебряною медалью въ 1817 г., онъ былъ назначенъ (23 марта 1818 г.) главнымъ маркшейдеромъ Пермскаго Горнаго Правленія, а 1 февраля 1820 г. переведенъ въ департаментъ Горныхъ и Соляныхъ дѣлъ, гдѣ состоялъ до 1831 г. и занималъ должность старшаго контролера Счетнаго отдѣленія; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ преподавалъ (въ 1828—1831 гг.) горную статистику и горное законовѣдѣніе въ двухъ высшихъ классахъ Горнаго Института. 2 января 1831 г. И. П. Чайковскій былъ назначенъ управляющимъ Онежскимъ Солянымъ Правленіемъ, въ 1836 г. получилъ чинъ оберъ-бергмейстера, а въ слѣдующемъ году переименованъ въ подполковники и назначенъ горнымъ начальникомъ Камско-Воткинскаго завода. Время его начальствованія (1836—1848) ознаменовано было введеніемъ впервые въ Россіи пудлинговаго производства желѣза и начатіемъ постройки пароходовъ, родоначальникомъ коихъ былъ построенный англичаниномъ Карръ «Асхабадъ», спущенный на р. Каму. Въ 1842 г. Чайковскій за отличіе получилъ чинъ полковника, а 6 февраля 1848 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ генералъ-маіора. Въ отставкѣ онъ состоялъ до 1858 г. и въ это время управлялъ частными Алапаевскими и Невьянскими заводами наслѣдниковъ Яковлевыхъ. 10 октября 1858 г. онъ снова поступилъ на государственную службу, съ чиномъ полковника, и былъ назначенъ директоромъ Технологическаго Института въ Петербургѣ; И. П. былъ главнымъ дѣятелемъ по преобразованію Института въ высшее учебное заведеніе. Произведенный, 8 сентября 1859 г., въ генералъ-маіоры, онъ получилъ въ 1861 г.

орденъ св. Владиміра 3 ст., а 8 марта 1863 г. окончательно оставилъ службу; умеръ 9 января 1880 г. Одинъ изъ его сыновей—знаменитый композиторъ Петръ Ильичъ Чайковскій.

Послужной списокъ и указъ объ отставкѣ И. П. Чайковскаго.—Свѣдѣнія, полученныя отъ его семьи.

Н. Ермолаевъ.

Чайковскій, *Кондратій Самойловичъ*, докторъ медицины, род. въ 1802 г., умеръ 24 декабря 1830 г. Онъ происходилъ изъ духовнаго званія, воспитывался въ Черниговской семинаріи, а затѣмъ изучалъ медицину въ Московскомъ университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1827 г. со степенью лекаря 1-го отдѣленія «съ отличіемъ» и оставленъ былъ при университетѣ. 27 августа 1829 г. онъ получилъ въ томъ-же университетѣ степень доктора медицины и званіе акушера, а затѣмъ былъ назначенъ въ Днѣпровскій пѣхотный полкъ, гдѣ въ слѣдующемъ (1830) году получилъ должность старшаго лекаря. Имъ написаны: «De remediis vegetalibus narcoticis, variis eorumque praeparatis atque usu in medicina practica». Diss. M. 1829, 8°; «О Смерти», въ Воен.-Медиц. Журналѣ за 1831 г., ч. 17, I.

Змѣевъ. Русскіе врачи-писатели, с. 148.

В. Козловъ.

Чайковскій, *Михаилъ Илларіоновичъ*, (Садыкъ-Паша), писатель, родился въ селѣ Гальчинцахъ, Житомирскаго уѣзда, въ 1804 году, былъ сыномъ Станислава Чайковскаго, подкоморія Житомирскаго, городничаго воеводства Кіевскаго, и Петронеллы Глембоцкой, и происходилъ изъ древняго польскаго дворянскаго рода, переселившагося изъ Малой Польши на Волынь въ XVII вѣкѣ, по матери же приходился родственникомъ Ивана Брюховецкаго, знаменитаго гетмана Малороссіи. Еще въ дѣтствѣ Чайковскій лишился отца и первые годы жизни находился подъ сильнымъ вліяніемъ дѣда, человѣка очень своеобразнаго и типичнаго. Это былъ крайній украйнофилъ и приверженецъ «аристократизма въ духѣ казачества и шляхетства» какъ говоритъ самъ Чайковскій въ своихъ «Воспоминаніяхъ». Въ его домѣ жили на старый казацкій ладъ, много пили, ѣли и веселились. Въ семьѣ дѣдъ Чайковскаго былъ самодуромъ и деспотомъ: какъ старикъ Бульба, онъ стрѣлялъ въ своего сына, выслужившагося въ русскихъ войскахъ, и чуть не убилъ его. Михаилъ Чайковскій воспитывался, какъ настоящій казакъ: занимался охотой съ соколами, скакалъ верхомъ, слушалъ украинскія думки казака Левки. Тогда еще зародились, надо полагать, его украйнофильскія симпатіи. На 9-мъ году Чайковскаго отдали въ школу англичанина Вольсея, гдѣ на него имѣлъ особенное вліяніе Гулакъ-Артемовскій, извѣстный украйнофилъ. Такимъ образомъ, школа поддержала и закрѣпила въ нёмъ тѣ первыя безсознательныя симпатіи къ казачеству, которыя пробудились у него въ дѣтствѣ, въ домѣ дѣда. Изъ школы Вольсея Чайковскій поступилъ въ Межирѣчье-Корецкое, въ лицей Волынскій, руководимый ксензами-піаристами «орденомъ революціоннымъ, демократическимъ, скорѣе космополитическимъ, чѣмъ чисто-польскимъ» (см. Чайковскій «Воспоминанія»). Здѣсь больше всего изучалась французская революція и развивался въ воспитанникахъ духъ самостоятельности и протеста; латынь уже была въ загонѣ. На 16-мъ году Чайковскій кончилъ лицей со степенью баккалавра математическихъ и словесныхъ наукъ и, по желанію матери, поѣхалъ въ Варшаву, чтобы поступить въ тамошній Университетъ. Уже въ это время онъ былъ на столько украйнофиломъ, что неохотно ѣхалъ въ Варшаву, называя ее «не казацкой». Смерть матери помѣшала его поступленію въ Варшавскій Университетъ, а послѣдовавшая вскорѣ затѣмъ смерть богача-дяди сдѣлала его помѣщикомъ. Онъ посвятилъ себя хозяйству и вёлъ образъ жизни тогдашней веселящейся шляхты, предававшейся кутежамъ и имѣвшей большое тяготѣніе къ простонародью. Приближался 1830-й годъ. Чайковскій часто ѣздилъ въ Кіевъ на «контракты», гдѣ въ то время шла подготовительная работа къ возстанію и господствовало «всеславянское» настроеніе, вполнѣ соотвѣтствовавшее тѣмъ впечатлѣніямъ дѣтства и школы, подъ которыми онъ выросъ. Въ 1830-мъ году Чайковскій женился на дочери богатаго польскаго дворянина Карла Ружицкаго и вскорѣ поступилъ офицеромъ въ войска бывшей польской арміи, однимъ изъ полковъ которой командовалъ Ружицкій. Когда началось возстаніе, постепенно въ него былъ втянутъ вмѣстѣ съ Ружиц-

кимъ и Чайковскій. Они должны были собрать въ лѣсахъ подъ начальство Тадеуша Струмиллы, наполеоновскаго ветерана, 800 всадниковъ и 2,000 пѣхоты. Во время этихъ приготовленій явился въ имѣніе Чайковскаго адъютантъ генерала Левашова съ приказаніемъ арестовать управляющаго Чайковскаго, а его самого вызвать для личныхъ объясненій въ Житоміръ. Но крестьяне, очень любившіе своего помѣщика, чуть не повѣсили офицера и жандармовъ. Этотъ инцидентъ окончательно рѣшилъ судьбу Чайковскаго: онъ рѣшительно сталъ въ ряды повстанцевъ вмѣстѣ съ Ружицкимъ, полкъ котораго принималъ самое дѣятельное участіе въ возстаніи. 15 мая 1831 года Чайковскій покинулъ свои помѣстья, оставивъ своимъ крестьянамъ дарственную запись на землю. Но, принимая участіе въ этомъ возстаніи, стремившемся возродить самостоятельное польское королевство, Чайковскій не забывалъ своихъ украйнофильскихъ тенденцій и считалъ, что «сочувствуя полякамъ, Украйнѣ также слѣдовало подняться» («Воспоминанія»). Все время, пока продолжалось возстаніе, онъ находился въ рядахъ польскихъ войскъ и вмѣстѣ съ ними перешелъ австрійскую границу, когда возстаніе потерпѣло полную неудачу. Впослѣдствіи, въ своихъ «Воспоминаніяхъ», онъ крайне отрицательно отнёсся къ этимъ событіямъ и къ ихъ дѣятелямъ: «Поляки ушли за границу, имѣя 130,000 отличнаго и хорошо вооруженнаго войска... У нихъ не было единодушія, не было опредѣленной цѣли, не было короля, а «Рѣчь посполитая» кутила и прокутила вдовій грошъ, свою добрую славу и свое святое дѣло» («Воспоминанія», гл. XX). Вмѣстѣ съ другими офицерами польской арміи Чайковскій былъ прекрасно принятъ въ Галиціи львовскимъ губернаторомъ кн. Лобковичемъ, который предлагалъ ему выхлопотать для него паспортъ и остаться на австрійской службѣ. Но Чайковскаго, вмѣстѣ съ Ружицкимъ, тянуло за Дунай, гдѣ его пылкое воображеніе рисовало картины вольной казацкой жизни. Князь Адамъ Чарторійскій убѣдилъ ихъ не дѣлать этого рискованнаго шага. Тогда вмѣстѣ съ другими эмигрантами Чайковскій черезъ Германію отправился въ Парижъ, гдѣ ихъ встрѣтили съ распростертыми объятіями «какъ французовъ, вернувшихся изъ Сибири, или какъ остатки великой арміи Наполеона» («Воспоминанія»). Въ Парижѣ у Чайковскаго прежде всего завязались отношенія съ польскими эмигрантами и, главнымъ образомъ, съ Чарторійскимъ, котораго онъ сильно полюбилъ. Въ Парижѣ начинается и литературная дѣятельность Чайковскаго. Здѣсь онъ написалъ и издалъ: «Powieści Kozackie» (Парижъ, 1837 г.), «Wernyhora» (П. 1838 г.), «Kirdżali» (П. 1841 г.); кромѣ того, онъ помѣщалъ свои статьи во многихъ періодическихъ изданіяхъ: «Réformateur», «Presse», «Quotidienne», «Constitutionnel», «Revue du Nord», «Journal des Débats» и другихъ, а также былъ избранъ въ члены историческаго общества («Institut historique»). Въ 1841 году по предложенію Адама Чарторійскаго Чайковскій былъ его дипломатическимъ агентомъ при кн. Вассоевичѣ, который задумалъ съ помощью польскихъ эмигрантовъ захватить черногорскій престолъ. Когда же эта попытка кончилась неудачей, Чайковскій былъ отправленъ агентомъ въ Константинополь съ цѣлью образовать постоянное казацкое войско для поддержки польскаго дѣла. Онъ сумѣлъ добиться довѣрія Риза-Паши, тогдашняго военнаго министра, фаворита султана, благодаря чему пользовался большимъ вліяніемъ въ турецкихъ административныхъ сферахъ. Дѣятельность Чайковскаго въ Турціи была направлена къ двумъ цѣлямъ: къ поддержанію польскаго дѣла и возстановленію казачества, которое должно было бы объединять всѣ славянскія націи, включая сюда и Польшу. Для достиженія первой цѣли Чайковскимъ была организована широкая агентура въ Турціи, Австріи, Сербіи, Болгаріи, даже на Кавказѣ у Шамиля. Кромѣ того, онъ основалъ на азіатскомъ берегу Босфора двѣ польскихъ колоніи («Алемъ-Доръ» и «Адамъ-Каё»), изъ которыхъ одна («Адамъ-Каё») имѣла 3,000 жителей поляковъ и находилась подъ покровительствомъ Франціи. Когда власть перешла въ руки Решидъ-Паши и Фетъ-Ахметъ-Паши, друзей А. Чарторійскаго, польская агентура установилась формально; Чайковскій снискалъ полное довѣріе правительства, имѣлъ личныя сношенія съ султаномъ Абдулъ-Меджидомъ и открыто выступалъ защитникомъ интересовъ славянскихъ турецкихъ подданныхъ. Онъ покровительствовалъ священникамъ

Неофиту и Илларіону, основателямъ болгарской національной церкви, боснякамъ, бѣлокриницкимъ старообрядцамъ; содѣйствовалъ болгарамъ въ развитіи народнаго образованія; былъ посредникомъ между сербскимъ правительствомъ и Портой. Выдвигая на первый планъ единеніе славянскихъ народностей, Чайковскій всѣми силами противился въ 1848 г. сближенію поляковъ съ мадьярами, но послѣ 1848 года усиленно покровительствовалъ бѣглецамъ изъ Россіи и Австріи, чѣмъ вызвалъ крайнее противъ себя раздраженіе Императора Николая I, который собственноручнымъ письмомъ къ султану требовалъ высылки Чайковскаго изъ Турціи и, когда турецкое правительство въ томъ отказало, добился отъ французскаго правительства, чтобы у Чайковскаго былъ отобранъ французскій паспортъ. Тогда, по предложенію султана, Чайковскій принялъ магометанство, получилъ отъ султана пожизненный пенсіонъ въ 60,000 піастровъ и большое помѣстье близъ Константинополя. Въ это же время онъ второй разъ женился, по магометанскому обряду. Вторая его супруга своей судьбой и характеромъ очень подходила къ нему. Она была дочь Андрея Снядецкаго, извѣстнаго виленскаго профессора математики, очень красивая, блестящая женщина, съ крайне увлекающейся натурой. Она влюбилась въ какого-то русскаго генерала, который былъ посланъ въ Турцію и тамъ умеръ; тогда она поѣхала разыскивать его могилу, попала въ Константинополь, встрѣтила здѣсь Чайковскаго и вышла за него замужъ.

Въ 1853 году, съ началомъ крымской кампаніи, Чайковскій былъ призванъ въ ряды турецкой дѣйствующей арміи и назначенъ начальникомъ всего казацкаго населенія Порты. Онъ сформировалъ регулярный казачій полкъ изъ славянъ христіанскихъ исповѣданій, получившій впослѣдствіи названіе «Славянскаго легіона», и немедленно выступилъ съ этимъ полкомъ къ Шумлѣ. Оставивъ свой полкъ въ Шумлѣ, самъ онъ прибылъ въ Варну, гдѣ вмѣстѣ съ великимъ визиремъ Кипризли-Мехметъ-Пашой, Риза-Пашой, маршаломъ Сентъ-Арно и лордомъ Рагланомъ обсуждалъ первоначальный планъ крымской кампаніи. При осадѣ Силистріи кн. Паскевичемъ, Чайковскій снабжалъ осажденную крѣпость провіантомъ, а по отступленіи русскихъ войскъ отъ Силистріи былъ призванъ командовать авангардомъ арміи, которая должна была перейти Дунай и проникнуть въ Румынію. Послѣ сраженіи при Журжѣ и Фратешти, Чайковскій по пятамъ русской арміи вошелъ въ Бухарестъ и занималъ этотъ городъ со своими казаками въ теченіи 15 дней, до прибытія Омеръ-Паши. Позже онъ командовалъ 15,000-мъ корпусомъ, расположеннымъ на Серетѣ и Прутѣ, откуда былъ посланъ со своими казаками и некрасовцами въ Добруджу, чтобы возстановить порядокъ въ этой провинціи. Отсюда имъ поданъ былъ проэктъ освобожденія Карса походомъ на Тифлисъ, но проэктъ этотъ принятъ не былъ вслѣдствіе противодѣйствія Англіи и Австріи, желавшихъ скорѣйшаго окончанія войны. По заключеніи мира, Чайковскій былъ сдѣланъ румелійскимъ беглербеемъ (начальникъ султанской кавалеріи) и получилъ порученіе очистить Балканы отъ разбойничьихъ шаекъ, размножившихся послѣ войны; полкъ же его, въ награду за службу, былъ внесенъ въ списокъ регулярныхъ полковъ арміи (низамъ). Въ теченіе двухъ лѣтъ Чайковскій со своимъ полкомъ искоренялъ разбойничество въ Ѳессаліи и Эпирѣ, откуда былъ переведенъ въ обсерваціонный лагерь на Коссовомъ полѣ и снова отправленъ на границы Греціи по случаю революціи, низвергшей короля Оттона. Тамъ его засталъ 1863-й годъ; къ польскому возстанію Чайковскій отнесся крайне отрицательно, такъ какъ вообще не сочувствовалъ отдѣленію Польши отъ славянскаго міра и, кромѣ того, видѣлъ въ этомъ возстаніи «протестъ противъ надѣла крестьянъ собственностью» («Изъ писемъ М. Чайковскаго къ его военному товарищу Глинскому», Кіевлянинъ, 1873 г. №№ 134—136). Съ греческой границы кавалерія Чайковскаго была переведена въ Константинополь и зачислена въ гвардію султана, самъ же Чайковскій произведенъ въ генералы и награжденъ орденомъ Меджидіе II степени. Въ 1867 году онъ былъ посланъ въ Болгарію, гдѣ вспыхнуло возстаніе, и за свою умѣлую гуманную дѣятельность тамъ — удостоился благодарности султана.

Послѣ 1863 года, съ усиленіемъ польской эмиграціи, въ Турцію противъ Чайковскаго начались усиленныя интриги поляковъ, видѣвшихъ въ нёмъ измѣнника народному

дѣлу. Къ этому еще присоединилось несочувственное отношеніе молодой турецкой партіи ко всякимъ національнымъ организаціямъ (въ родѣ славянскаго легіона). Тогда, утомленный постоянной борьбой и непріятностями, Чайковскій подалъ въ отставку. Вскорѣ послѣ этого онъ получилъ отъ русскаго правительства разрѣшеніе вернуться въ Россію, куда и прибылъ въ концѣ 1872 года. По возвращеніи въ Россію, Чайковскій принялъ православіе (онъ былъ уніатомъ) и поселился въ Кіевѣ. Отъ русскаго правительства ему было назначено содержаніе; кромѣ того, онъ сохранилъ пенсію, выслуженную въ Турціи. За нѣсколько лѣтъ до смерти онъ переселился въ свое имѣніе Борки, Черниговской губерніи, гдѣ и кончилъ жизнь самоубійствомъ въ ночь съ 5 на 6 января 1886 года. Поводомъ къ этому послужили семейныя недоразумѣнія. Послѣдніе годы своей жизни Чайковскій вёлъ самую разнообразную и обширную корреспонденцію съ политическими людьми и журналистами Россіи и Австріи, а также печаталъ много воспоминаній, повѣстей и разсказовъ (между проч., въ «Русскомъ Вѣстникѣ», «Кіевлянинѣ» и «Московскихъ Вѣдомостяхъ»).

Личность Чайковскаго вызывала къ себѣ крайне противуположное отношеніе. Въ то время, какъ извѣстная часть русской печати готова была видѣть въ нёмъ крупнаго и самостоятельнаго политическаго дѣятеля, польская печать относилась къ нему крайне враждебно, не признавала за нимъ никакого значенія и видѣла въ нёмъ только ренегата. И тотъ и другой взглядъ на личность Чайковскаго неправиленъ. Идея, съ которой явился Чайковскій на арену политической дѣятельности, была: возстановленіе Польши съ помощью казачества и сліяніе ея съ славянскими народами. Практическая пропаганда этой идеи и является заслугой Чайковскаго, но сама идея эта не нова. Появившись первоначально въ формѣ литературной въ произведеніяхъ поэтовъ и прозаиковъ, такъ называемой, украинской школы, она снова возродилась во время крымской кампаніи въ формѣ политической пропаганды съ широкими планами. Случайность, поверхностность и утопичность остались ея отличительными признаками и этими же словами приходится характеризовать дѣятельность Чайковскаго, ея крайняго приверженца. Онъ подхватилъ эту идею и развилъ до крайности, вполнѣ понятной въ увлекающемся, лишенномъ солиднаго образованія и крайне честолюбивомъ человѣкѣ. Но, съ другой стороны, Чайковскій не былъ и ренегатомъ. Предательство и корыстолюбіе не отличали, вообще, эту страстную и фантастическую натуру, не способную отдаваться на половину или по разсчету. Чайковскій съ юношескихъ лѣтъ былъ проникнутъ казакофильствомъ и сошелъ съ политической арены—вѣрный ему, отдавъ на служеніе этому призраку и свои силы, и свое состояніе. Это былъ человѣкъ, желавшій дѣйствовать по убѣжденію и не боявшійся сознаваться въ своихъ ошибкахъ: «Если человѣкъ, вообще, способенъ заблуждаться», говоритъ онъ въ своей исповѣди, («Московскія Вѣдомости», 1873 г., № 6): «то упорство въ заблужденіи, отчетливо сознанномъ, составляетъ политическое преступленіе»... Въ этихъ словахъ разгадка его кажущагося ренегатства. Что касается до его литературнаго дарованія, то оно было не велико и не оригинально. Разсказы его напоминаютъ Гоголя, Основьяненко, Шевченко и, вообще, всѣхъ южнорусскихъ писателей, изображавшихъ казацкій бытъ. Одна основная идея проходитъ почти черезъ всѣ его произведенія: поляки и украинцы по происхожденію одной націи, славяне, а москали—народъ туранскій, полукочевой и лишенный гражданственности. На борьбу Польши съ Украйной онъ смотритъ романтическими глазами, какъ на какой-то турниръ. Историческія познанія его, вообще, очень слабы. Внутренняя пустота и шумливость—вмѣсто жизни, преувеличенная фантастичность—вмѣсто фантазіи,—вотъ отличительныя черты творчества Чайковскаго. Его языкъ крайне вычурный; М. Грабовскій много смѣялся надъ его «поэтической прозой». Еще болѣе рѣзкій отзывъ о его произведеніяхъ находимъ въ «Исторіи славянскихъ литературъ» Пыпина и Спасовича, гдѣ Чайковскій прямо названъ сочинителемъ плохихъ повѣстей.

Тѣмъ не менѣе, въ свое время, повѣсти его имѣли большой успѣхъ и переводились на европейскіе языки. Вотъ главнѣйшія изъ нихъ: «Powieści Kozackie», «Wernyhora», «Kirdzali», «Ukrainki», «Hetman Ukrainy», «Etienne Czarniecki», «Dziwne Życia Polaków i Polek», «Bołgaria», «Bosnia», «Nemo-

laka». Въ 1862—73 г.г. сочиненія его были изданы въ 12 томахъ. Переводы нѣкоторыхъ его повѣстей помѣщались также въ русскихъ повременныхъ изданіяхъ («Болгарія», въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1873 г. № 6—11, «Съ устьевъ Дуная», въ Кіевлянинѣ за 1873 г., «Боснія» въ Московскихъ Вѣдомостяхъ за 1875 г. и друг.). Изъ послѣднихъ его произведеній упомянемъ «Воспоминанія», имѣющія большой автобіографическій и историческій интересъ (начались печатаніемъ въ Русской Старинѣ съ ноября 1895 года и еще не закончены до сихъ поръ).

Энциклопедическіе словари: Клюшникова, Березина, Толя, Граната, Encyklopedyja Powszechna, и друг.—Межовъ «Историч. библіографія» за 1865—76 г.г.—«Гражданинъ», 1876 г. № 48—49.—«Русскій Вѣстникъ», 1869 г., статья Кельсіева «Польскіе агенты въ Цареградѣ». — «Другъ народа», 1873 г., № 2.—«Московскія Вѣдомости», 1873 г., № 6. — «Военный Сборникъ», 1875 г., т. 104. — «Русская Старина», т. XXXVIII.—«Кіевлянинъ», 1873 г., №№ 4, 134—136 и 1886 г., №6.—«Заря», 1886 г., № 6. — «Новое Время», 1886 г., № 7. — «Свѣтъ», 1886 г., № 7. — «Кіевская Старина», 1886 г., № 4. — Пыпинъ и Спасовичъ, «Исторія славянскихъ литературъ».—Пыпинъ «Исторія русской этнографіи». — «Воспоминанія М. Чайковскаго», Русская Старина, съ ноября 1895 года.

Викторъ Войновъ.

Чаликовъ, *Антонъ Степановичъ*, генералъ-маіоръ, родился 10 іюля 1754 г., умеръ 28 марта 1821 г. Онъ происходилъ изъ грузинскихъ дворянъ, вступилъ въ службу въ л.-гв. Преображенскій полкъ въ 1774 г. и въ томъ-же году участвовалъ въ походѣ противъ турокъ. Въ 1788 г. Чаликовъ былъ выпущенъ въ Черниговскій карабинерный полкъ ротмистромъ, участвовалъ въ 1789—1792 гг. въ походахъ противъ турокъ, и въ сраженіи при Фокшанахъ (21 іюля 1789 г.) былъ раненъ въ лѣвое бедро саблею и въ лѣвую ногу пулею; въ 1790 г. онъ былъ произведенъ въ маіоры, въ 1791 г. переведенъ въ Петербургскій драгунскій, въ 1796 г.— въ Сумскій гусарскій полки, а въ 1798 г. произведенъ въ подполковники. Въ 1794 г. Чаликовъ участвовалъ въ усмиреніи польскаго мятежа и въ 1799 г.—въ походѣ Суворова въ Италію и Швейцарію. Произведенный въ 1800 г. въ полковники, онъ въ 1803 г. былъ переведенъ во вновь сформированный Уланскій Е. И. В. Цесаревича полкъ. Въ сраженіи при Аустерлицѣ Чаликовъ былъ раненъ и контуженъ въ ногу, и за отличіе въ этомъ бою награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. и золотою саблею съ надписью «за храбрость», а послѣ сраженія, по случаю взятія въ плѣнъ командира полка, командовалъ полкомъ и привелъ его въ Петербургъ. Въ 1807 г. онъ участвовалъ въ сраженіяхъ съ французами въ Восточной Пруссіи и за Фридландъ получилъ ордена: св. Георгія 4 ст., св. Владиміра 3 ст. и прусскій орденъ Pour le mérite, а полку дарованы права старой гвардіи; 3 декабря 1807 г. Чаликовъ назначенъ командиромъ полка и 12 того-же декабря произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ отечественную войну Чаликовъ, оставаясь командиромъ л. гв. Уланскаго полка, командовалъ 2 бригадою легкой гвардейской кавалерійской дивизіи и былъ въ сраженіяхъ подъ Витебскомъ, Смоленскомъ, Бородинымъ, на Черной рѣчкѣ (за которое получилъ золотую саблю съ алмазами), при Люценѣ, Бауценѣ (гдѣ за отличіе получилъ орденъ св. Владиміра 2 ст.), Кульмѣ (гдѣ награжденъ орденами: прусскимъ знакомъ отличія желѣзнаго креста и св. Анны 1 ст.) при Лейпцигѣ, подъ Бріенномъ, Монмиралемъ и Фершампенуазомъ (за отличіе получилъ ордена: св. Георгія 3 ст., Прусскій, Краснаго орла 2 ст., Австрійскій св. Леопольда большаго креста, а по низверженіи Наполеона французскій орденъ Почетнаго Легіона). Л.-гв. Уланскимъ полкомъ Чаликовъ командовалъ по 7 декабря 1817 г., а 17 іюля 1818 г. назначенъ командиромъ легкой гвардейской кавалерійской дивизіи, которою командовалъ по день смерти. Ѳ. Булгаринъ характеризуетъ его въ своихъ воспоминаніяхъ «предобрымъ, прелюбезнымъ, превеселымъ и презабавнымъ человѣкомъ», а Н. Н. Муравьевъ-Карскій въ своихъ «Запискахъ» говоритъ, что Чаликовъ «былъ довольно уменъ и имѣлъ нѣкоторое образованіе», но «служа у Великаго Князя нашелъ выгоднымъ представлять изъ себя шута и, наконецъ, такъ привыкъ къ сему, что двухъ словъ не могъ сказать безъ рифмы, что всѣхъ смѣшило».

Формул. списокъ въ Общемъ Архивѣ Главнаго Штаба. — Высочайшіе приказы по военному вѣдомству.— Крестовскій «Исторія л.-гв. Уланскаго полка» стр. 26 — 90. —Гавловскій «Исторія л.-гв. Уланскаго полка» стр. 33 — 37. — «Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ», т. I, стр. 663. —Булгаринъ, Ѳ. В. Воспоминанія, ч. III, Спб. 1847, стр. 96—97.— Русскій Архивъ. 1885 г., кн. III, стр. 472.

А. Гернетъ.

Чамберлинъ, *Петръ*, врачъ, былъ приглашенъ въ Россію въ царствованіе Михаила Өеодоровича лейбъ-медикомъ въ 1642 году. Для изученія медицины Чамберлинъ первоначально поступилъ въ Падуанскую Академію, которая пользовалась въ то время громкой славой. Въ 1620 году онъ перешелъ въ Оксфордскій Университетъ, на медицинскій факультетъ. Въ это же самое время онъ усердно занимался изученіемъ древнихъ языковъ, которыми впослѣдствіи владѣлъ въ совершенствѣ, такъ что даже нѣкоторыя свои сочиненія писалъ на латинскомъ языкѣ. Вѣроятно онъ не ограничился слушаніемъ лекцій въ двухъ вышеупомянутыхъ учебныхъ заведеніяхъ; въ перепискѣ Михаила Өеодоровича съ королемъ англійскимъ Карломъ I, относительно его отпуска на службу въ Россію, есть нѣкоторыя указанія на то, что онъ учился въ многихъ лучшихъ заграничныхъ университетахъ. Своей спеціальностью Чамберлинъ избралъ акушерство. Карлъ I всѣми силами старался замедлить его отъѣздъ въ Россію, и въ точности даже неизвѣстно попалъ ли Ч. въ Россію, такъ какъ въ одномъ изъ писемъ къ Михаилу Өеодоровичу Карлъ I, оправдывая свое промедленіе, между прочимъ, говоритъ, что, по его мнѣнію, пріѣздъ Ч. въ Россію вовсе не необходимъ, такъ какъ, какъ разъ въ это время возвращался изъ Англіи врачъ Элмстонъ, русскій подданный, который былъ посланъ изучать медицину въ одномъ изъ англійскихъ университетовъ и теперь могъ бы занять мѣсто лейбъ-медика. Изъ литературныхъ трудовъ Ч. наибольшую извѣстностью, пользовались: 1) «Vindiciae balnearum artificialium publicarum»; 2) «Advocatus pauperum vel Samaritanus Anglice scriptus» и на англійскомъ языкѣ: «The accomplished Mildife».

Рихтеръ «Исторія Медицины».

Л. Дагаевъ.

Чамберсъ, *Иванъ Ивановичъ*, генералъ-поручикъ, одинъ изъ второстепенныхъ дѣятелей эпохи Петра Великаго. Англичанинъ по происхожденію, Чамберсъ появился при русскомъ дворѣ въ 1689 г., когда «князь Б. А. Голицынъ привелъ въ милость иноземцевъ», а весной 1695 г. былъ назначенъ первымъ командиромъ («полковникомъ») только что сформированнаго Семеновскаго полка; въ слѣдующемъ году Желябужскій называетъ его уже «полковникомъ» Семеновскаго и Преображенскаго полковъ. Вмѣстѣ съ полкомъ И. И. участвовалъ въ Азовскомъ походѣ 1695—96 гг. Только со времени заграничной поѣздки Петра 1697 г., Чамберсъ началъ непосредственно завѣдывать полкомъ; до того времени онъ былъ командиромъ только номинально, такъ какъ всѣ обязанности командира Петръ выполнялъ самъ. Съ началомъ Шведской войны начинается періодъ особенно энергичной дѣятельности Чамберса и вплоть до 1707 г. нѣтъ, кажется, ни одного мало-мальски значительнаго сраженія, въ которомъ-бы онъ не участвовалъ. Въ 1700 г. онъ съ полкомъ участвовалъ въ знаменитомъ сраженіи подъ Нарвой, когда русскіе войска были разбиты на голову и только молодая гвардія,—Семеновскій и Преображенскій полки,—поддержала честь русскаго оружія. Въ слѣдующемъ году, по возвращеніи изъ Ругодивскаго похода, Чамберсъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры гвардіи съ зачисленіемъ въ Преображенскій полкъ; въ этомъ же году онъ выигралъ сраженіе подъ Эрестферомъ. Въ 1702 г. онъ принималъ дѣятельное участіе въ осадѣ Нотебурга и Шлиссельбурга, а въ 1703 г., командуя 4 конными и 2 пѣхотными полками, разбилъ шведскаго генерала Кроніорта и участвовалъ во взятіи Ніеншанца. При взятіи Нарвы Чамберсъ командовалъ отдѣльнымъ отрядомъ, былъ награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго и въ декабрѣ этого года вернулся на отдыхъ въ Москву со своднымъ отрядомъ, состоявшимъ изъ половинъ Семеновскаго, Преображенскаго и Ингерманландскаго полковъ, и съ артиллеріей шведскихъ гарнизоновъ Нарвы, Ивангорода, Дерпта и отнятой у Шлипенбаха. Отдыхать ему пришлось не долго —уже ранней весной 1705 г. онъ съ тѣмъ же отрядомъ былъ отправленъ къ Полоцку, а оттуда ему было приказано вмѣстѣ съ Б. П. Шереметевымъ двинуться противъ генерала Левенгаупта; въ это время Чамберсъ былъ уже бригаднымъ командиромъ и его именемъ былъ названъ полкъ («генералъ-маіора Чамберса пѣхотный полкъ»), переименованный въ 1711 г. въ «Ростовскій Ивана Головина» полкъ. На Чамберса была возложена обязанность приготовить для этого похода обозъ. Эк-

спедиція эта кончилась неудачно — наши войска потерпѣли полное пораженіе. Въ томъ же году Чамберсъ взялъ Баускъ и былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Въ 1706 г., когда ожидалось движеніе Левенгаупта и Штакельберга на Полоцкъ, Чамберсу было приказано соединиться съ корпусомъ генерала Вердена и принять начальство надъ обоими корпусами, но въ виду препирательства генераловъ изъ за старшинства, начальникомъ отряда назначенъ былъ генералъ Алардъ, Чамберсъ же командовалъ корпусомъ. Въ началѣ этого года Чамберсъ былъ посланъ въ Минскъ и король польскій Августъ, ожидая назначенія Чамберса главнокомандующимъ войсками въ Польшѣ, писалъ ему и просилъ имѣть возможно частую корреспонденцію съ гетманомъ Вишневецкимъ. Начиная съ 1707 г. имя Чамберса все рѣже встрѣчается въ матеріалахъ того времени, а въ 1708 г. князь Репнинъ, у котораго Чамберсъ былъ помощникомъ, называетъ его человѣкомъ «совсѣмъ уже слабымъ», такъ что Репнину все приходится дѣлать одному, чѣмъ до извѣстной степени онъ и объясняетъ свое отступленіе, послѣ битвы съ Карломъ при Головчинѣ, когда онъ оставилъ въ добычу врагамъ всю свою артиллерію. Репнинъ и Чамберсъ были отданы подъ военный судъ и оштрафованы, что не помѣшало однако Чамберсу оставаться на службѣ и въ спискѣ генераловъ 1713 г. онъ значится, по прежнему, въ чинѣ генералъ поручика. Умеръ Чамберсъ приблизительно въ это же время, такъ какъ въ 1721 г. имѣнія, оставшіяся послѣ него и его жены, отданы были И. Шувалову.

Голиковъ. «Дѣянія Петра Великаго», т. I, М. 1837 г., стр. 90, 241, 244, 289; т. III, стр. 257; т. XI, М. 1839 г., стр. 440; т. XIV, М. 1842 г., стр. 39, 74, 75, 126, 128, 225, 412, 439, 440, 442, 444, 445, 457.—«Tagebuch des Generals Patrick Gordon», Спб. 1852 г., т. III, стр. 218.—«Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Правительствующемъ Сенатѣ въ царствованіе Петра В.» изд. подъ ред. Н. В. Калачова т. I, Спб. 1880 г., стр. 225; т. III, кн. 2, Спб. 1887 г., стр. 1152, 1154, 1394.—«Опытъ трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія», ч. IV Москва 1778 г., стр. 140—141.—Карцовъ: Исторія л.-гв. Семеновскаго полка», Спб., 1852 г.—«Письма и бумаги императора Петра В.,» т. I, Спб. 1887 г., стр. 739—740, 879, 726—727, 857, 878; т. II, Спб. 1889 г., стр. 22, 85, 109, 210, 213, 331, 486—487; т. III, Спб. 1893 г., стр. 362, 368; т. IV, Спб. 1900 г., стр. 431, 441, 457—458, 1209; 97, 233, 309, 312, 342 (полкъ Ч.).—Полное Собраніе Законовъ, т. IV, стр. 619.—Сборникъ Имп. Рус. Ист. Общества, т. 101, Спб. 1898 г., стр. 364.—«Записки» Желябужскаго. Спб. 1840 г., стр. 45, 64, 94, 168, 272, 308 — Архивъ кн. Куракина подъ редакціей М. И. Семевскаго, кн. I, Спб. 1890 г., стр. 62, 104—106, 108, 253, 264, 294—297, 300, 301, 307; кн. III, Спб. 1892 г., стр. 90, 177. — Д. Ѳ. Масловскій. «Записки по исторіи военнаго искусства въ Россіи». Выпускъ I, гл. 2, Спб. 1891 г. — «Журналъ или поденная записка Государя Императора Петра В. съ 1698 г., до заключенія Нейштадтскаго мира», т. I, Спб. 1770 г., стр. 56, 64, 88, 109, 125; т. II, 1772 г. — «Походъ боярина и большого полку воеводы А. С. Шеина къ Азову...» изд. В. Рубанъ, Спб. 1773 г., стр. 41.— П. Барановъ: «Опись Высочайшихъ указовъ и повелѣній хранящихся въ Спб. Сенатскомъ Архивѣ за XVIII в.», т. I. Спб. 1872, № 896. — «Дневникъ Іоанна Георга Корба», перев. съ латинскаго Б. В. Женева и М. И. Семевскаго, М. 1868 г., стр. 105—107, 304, прим. 127. — «Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Москов. архивѣ Мин. Юстиціи» кн. I, СПБ. 1869 г., №1621.—Соловьевъ. «Исторія Россіи», изд. «Общ. Польза», кн. III, стр. 1199, 1479—1480.

Н. Тычино.

Чановъ, *Ѳедоръ Ѳедоровичъ*, профессоръ философіи, коллежскій совѣтникъ; уроженецъ Ярославской губерніи, сынъ поручика, учился въ дворянской гимназіи при Московскомъ Университетѣ, откуда въ 1804 г. поступилъ въ число студентовъ Ярославскаго высшихъ наукъ училища (нынѣ Ярославскій Демидовскій лицей), которое окончилъ съ чиномъ XIV-го класса. Поступивъ въ 1806 г. (20 апрѣля) квартальнымъ надзирателемъ въ Ярославскую городскую полицію, онъ въ томъ-же году перемѣнилъ полицейскую службу на педагогическую, занявъ (1 августа) должность учителя математики, всеобщей исторіи, географіи и Россійской словесности, и инспектора надъ пансіонерами въ пансіонѣ Ярославскаго Демидовскаго училища. 1 ноября 1809 г. Чановъ началъ преподавать латинскій языкъ въ Ярославской гимназіи, гдѣ одно время обучалъ также физикѣ и математикѣ. Въ 1812 г. вмѣсто латинскаго языка онъ сталъ обучать философіи, политическимъ наукамъ и словесности. Въ 1814 г. (8 іюня) Чановъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены Общества Любителей Россійской Словесности при Ярославскомъ Демидовскомъ училищѣ, гдѣ также, по избранію, несъ обязанности секретаря. Награжденный въ 1823 г., во время пребыванія въ Ярославлѣ Императора Александра I, орденомъ Анны 3-й ст. (25 августа), онъ въ слѣдующемъ 1824-омъ

году былъ сдѣланъ инспекторомъ казенныхъ студентовъ и Благороднаго пансіона, а также членомъ Совѣта Ярославскаго Лицея (1 сентября), при чемъ около года исправлялъ должность профессора общаго народнаго и римскаго права. Въ 1826 г. (16 апрѣля) Чановъ вышелъ въ отставку и покинулъ Ярославль. Очень короткое время пробывъ не у дѣлъ, онъ въ іюнѣ 1826 г. поступилъ на службу столоначальникомъ въ департаментъ Духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, откуда въ 1827 г. (9 іюля) перешелъ въ совѣтники С.-Петербургскаго Губернскаго Правленія, гдѣ оставался до назначенія своего директоромъ народныхъ училищъ Харьковской губерніи (20 марта 1830 г.); въ 1831 г. (9 сентября), оставаясь директоромъ народныхъ училищъ, онъ былъ сдѣланъ профессоромъ Харьковскаго университета по умозрительной и практической философіи и совмѣщалъ эти должности до 22 ноября 1833 г., когда оставилъ службу по дирекціи народныхъ училищъ и остался профессоромъ университета, впрочемъ всего лишь одинъ годъ, такъ какъ въ 1834 г. вмѣстѣ съ уходомъ изъ Харькова попечителя округа Филатьева,—сильно покровительствовавшаго Чанову, онъ перешелъ въ Одессу на должность инспектора Ришельевскаго Лицея (5 августа); здѣсь съ нимъ служилъ (надзирателемъ лицея) извѣстный Николай Никифоровичъ Мурзакевичъ, который въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ: «Чудна судьба этого неглупаго и не совсѣмъ худого человѣка! Чановъ былъ квартальнымъ, совѣтникомъ губернскаго правленія, профессоромъ философіи Харьковскаго университета, директоромъ народныхъ училищъ. По природѣ добрый, но, по домашнимъ бѣднымъ обстоятельствамъ, нервный въ характерѣ, онъ сдѣлался неразсудительнымъ потатчикомъ дѣтскихъ шалостей; старшіе воспитанники, узнавъ слабыя струны сговорчиваго инспектора, сдѣлались почти его повелителями; тяжело стало надзирателямъ, а въ числѣ ихъ и мнѣ». Кромѣ того Чановъ преподавалъ латинскій языкъ въ гимназическихъ классахъ лицея. Прослужилъ онъ здѣсь менѣе трехъ лѣтъ и въ 1837 г. (11 февраля) вышелъ въ отставку, и какъ кажется навсегда. Дальнѣйшія свѣдѣнія о его жизни очень скудны; извѣстно, что въ промежутокъ времени между 1849 и 1851 г.г. онъ жилъ послѣдовательно въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Рязани и опять въ С.-Петербургѣ, а 31 декабря 1862 г. по свѣдѣніямъ счетнаго отдѣла Капитула Орденовъ значится умершимъ; по всей вѣроятности онъ и умеръ въ 1862 г. Изъ сочиненій его извѣстны: «Вступительная лекція, читанная въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ марта 10 дня 1831 г. директоромъ училищъ Слободско-Украинской губерніи, надворнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ Θедоромъ Чановымъ.» Харьковъ 1831 г.; «Рѣчь объ основныхъ формахъ, изображающихъ явленія нравственной жизни или объ основныхъ нравственныхъ должностяхъ человѣка, опредѣляющихъ и степень нравственнаго совершенствованія его, и способъ къ достиженію его назначенія, произнесенная въ торжественномъ собраніи Имп. Харьковскаго университета 30 августа 1832 года». Харьковъ 1832 г.; «Вступительная лекція, читанная П. О. профессоромъ Умозрительной и опытной философіи Θеодоромъ Чановымъ при начатіи академическаго курса въ Имп. Харьковскомъ университетѣ по части теоріи эстетики 1833 г.» Харьковъ 1833 г.

Дѣло о дворянствѣ Θ. Θ. Чанова въ Архивѣ Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената.—«Русская Старина» 1887 г. мартъ, стр. 658, и сентябрь, стр. 497.—Ришельевскій лицей и Императорскій Новороссійскій университетъ. ч. I. Одесса 1898 г. отдѣлъ II, стр. 5.—Архивъ Капитула Орденовъ.

Б. Еловскій.

Чаплинъ, *Петръ Авраамовичъ*, одинъ изъ спутниковъ Беринга, впослѣдствіи флота капитанъ-командоръ; вступилъ въ морскую службу гардемариномъ въ 1718 году. 24 января 1725 года онъ отправился въ Камчатскую экспедицію и съ этого же дня началъ вести свой «Юрналъ бытности въ Камчатской экспедиціи мичмана Петра Чаплина», выписки изъ котораго помѣщены въ книгѣ Вахтина: «Русскіе труженики моря». Журналъ этотъ, веденный въ продолженіи 5 лѣтъ, вполнѣ оффиціальнаго характера: прибыли туда-то, сдѣлали то-то; хотя и велся, повидимому, очень старательно. Въ 1728 году «за труды въ сибирской экспедиціи» Чаплинъ былъ произведенъ въ мичманы, безъ вакансіи; въ 1730 году онъ вернулся изъ экспедиціи и въ томъ же году былъ произведенъ въ унтеръ-лейтенанты. Съ 1733 г. Чап-

линъ,—записанный по новому штату лейтенантомъ маіорского ранга,—по 1751 годъ сдѣлалъ нѣсколько кампаній, не разъ командовалъ лично фрегатами, и находился почти въ постоянномъ плаваніи. Въ упомянутомъ году онъ былъ произведенъ въ капитаны 3-го ранга, въ 1756 году—въ капитаны 2 ранга, и въ 1758 г.—въ капитаны 1 ранга. Въ этотъ промежутокъ времени, командуя различными кораблями, онъ совершилъ нѣсколько плаваній преимущественно въ водахъ Балтійскаго и Нѣмецкаго морей. Въ томъ же родѣ продолжалась его служба до 1762 года, когда (21 декабря) за старостью и болѣзнями онъ былъ назначенъ капитаномъ надъ Архангельскимъ портомъ Въ 1763 году Чаплинъ былъ произведенъ въ капитанъ-командоры, а 29 августа 1765 г. скончался на мѣстѣ своей службы, въ Архангельскѣ.

Общій морской списокъ, т. 2, стр. 469—470.—Вахтинъ, «Русскіе труженики моря. Первая морская экспедиція Беринга».—В. Берхъ. «Первое морское путешествіе россіянъ».

Иннокентій Соколовъ.

Чаплины, дворянскій родъ, происходящій, по показанію родословной росписи поданной ими въ Разрядъ въ 1686 году, отъ выѣхавшаго изъ Польши къ Великому Князю Михаилу Тверскому шляхтича Чаплинскаго, герба Кѣрдея. Документальныя свѣдѣнія о родѣ Чаплиныхъ начинаются съ XVI вѣка. Они владѣли помѣстьями въ Кашинскомъ и Дмитровскомъ уѣздахъ. Въ XVII вѣкѣ многіе Чаплины служили по московскому списку. Кузьма Васильевичъ Чаплинъ, дмитровскій сынъ боярскій, въ 1613 году прекратилъ казачій грабежъ въ Дмитровѣ, за что потомъ былъ назначенъ воеводою въ Кашинъ; братъ его Ѳедоръ въ 1625 г. былъ губнымъ старостою въ Дмитровѣ.

Руммель и Голубцовъ. Родословный Сборникъ, т. II, Спб. 1887, стр. 644—657.—Дворцовые Разряды, т. I—IV, Спб. 1850—1855.—Книги Разрядныя, т. I—II, Спб. 1853—1855. — Общій Гербовникъ, т. V. — Бобринской, гр. А. А. Дворянскіе Роды, внесенные въ Общій Гербовникъ, т. I, Спб. 1890 г.

В. Владиміровъ.

Чаплицъ, *Ефимъ Игнатьевичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. въ 1768 г., умеръ въ 1825 г. Онъ происходилъ изъ древняго польскаго дворянскаго рода и началъ службу въ польской арміи, изъ которой перешелъ въ 1783 г. въ русскую, съ чиномъ секундъ-маіора Бѣлорусской хоругви, а въ 1788 г. переведенъ въ штабъ князя Потемкина и былъ при началѣ осады Очакова, при взятіи Бендеръ и Измаила; въ послѣднемъ дѣлѣ онъ начальствовалъ колонною охотниковъ и отбилъ вылазку непріятеля изъ Бендерскихъ воротъ, за что, по представленію Суворова, получилъ орд. св. Владиміра 4 й степени съ бантомъ. Въ 1792 г. онъ былъ произведенъ въ подполковники въ Смоленскій драгунскій полкъ и назначенъ состоящимъ при находившемся въ Польшѣ генералѣ М. В. Каховскомъ. Во время Варшавской революціи 1794 г. генералъ баронъ Игельстромъ послалъ Чаплица къ полякамъ для заключенія договора, но поляки напали на Чаплица, причомъ онъ былъ контуженъ въ лѣвую руку, и удержали его въ плѣну. Въ 1796 г. онъ былъ посланъ въ Персію, гдѣ командовалъ Гребенскимъ и Семейнымъ казачьими полками, былъ при осадѣ Дербента и взятіи Баку; Зубовъ послалъ его съ ключами этого города къ Императрицѣ, которая, 13 іюня 1796 г., пожаловала Чаплица чиномъ полковника. Вскорѣ по вступленіи на престолъ Императора Павла, Чаплицъ былъ отставленъ отъ службы (27 февраля 1798 г.) и оставался внѣ службы до вступленія на престолъ Имп. Александра I, который въ четвертый день своего царствованія произвелъ Чаплица въ генералъ-маіоры, а 11 октября 1803 г. назначилъ его въ свою свиту. Въ кампанію 1805 г. Чаплицъ командовалъ передовымъ деташементомъ въ корпусѣ князя Багратіона, участвовалъ во многихъ дѣлахъ и сраженіяхъ, въ особенности-же отличился подъ Лембахомъ, Шёнграбеномъ, Знаимомъ, гдѣ въ теченіи трехъ дней удерживалъ непріятеля и тѣмъ далъ возможность арміи и корпусу кн. Багратіона ранѣе непріятеля захватить дорогу, идущую отъ Вѣны; въ сраженіи подъ Аустерлицемъ онъ спасъ отрѣзанный непріятелемъ Псковской пѣхотный полкъ, а послѣ этого сраженія прикрывалъ отступленіе арміи. 23 іюля 1806 г. Чаплицъ былъ назначенъ шефомъ Павлоградскаго гусарскаго полка, а 23 октября того-же года—бригаднымъ командиромъ и участвовалъ въ походѣ противъ французовъ въ Пруссію; въ сраженіи подъ Голоминомъ онъ атаковалъ непріятеля, сбилъ его и далъ возможность прочимъ

войскамъ отретироваться. Въ январѣ 1807 г. онъ пробился черезъ занятый французами гор. Алленштейнъ и выручилъ тѣснимый и преслѣдуемый отрядъ кн. Долгорукова, а потомъ, въ теченіе двухъ недѣль былъ комендантомъ въ Кёнигсбергѣ, откуда отправилъ въ Россію легко раненыхъ и больныхъ нашихъ солдатъ. Съ октября 1809 по іюль 1810 г. Чаплицъ командовалъ 7-ю дивизіею, а въ ноябрѣ 1810 г. былъ назначенъ начальникомъ резервнаго кавалерійскаго корпуса, въ февралѣ 1811 г.—командиромъ 4-й, въ маѣ 1811 г.—8-й кавалерійскихъ дивизіи, а 7 апрѣля 1812 г. командиромъ 3 резервнаго кавалерійскаго корпуса во 2-й арміи. Въ началѣ отечественной войны онъ, въ іюлѣ 1812 г, разбилъ близъ Кобрина отрядъ саксонскихъ войскъ, принудилъ его сдаться и взялъ въ плѣнъ 1 генерала, 66 офицеровъ, 2300 солдатъ съ 4 знаменами и 8 пушками; продолжая участвовать во множествѣ дѣлъ, стычекъ и сраженій, Чаплицъ въ сентябрѣ 1812 г. получилъ командованіе пѣхотнымъ корпусомъ 3-й арміи и, дѣйствуя легкими партіями, разбилъ отрядъ конной Литовской гвардіи генерала Конопки, навелъ ужасъ на всю Литву и разогналъ всѣ вновь формировавшіеся литовскіе полки. Въ ноябрѣ 1812 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ авангарднаго корпуса 3-й арміи и во время переправы чрезъ Березину, состоя подъ начальствомъ Чичагова, находился въ Бриляхъ, откуда все время велъ перестрѣлку съ непріятелемъ, причемъ былъ контуженъ въ голову, но безпрерывно продолжалъ военныя дѣйствія, постоянно тревожа и побивая непріятеля; взялъ (28 ноября) Вильну, захвативъ большое количество плѣнныхъ, 30 пушекъ и пр.; по вступленіи въ предѣлы Пруссіи онъ участвовалъ въ блокадѣ Торна. Чаплицъ участвовалъ и въ кампаніи 1813—1815 гг.; въ 1813 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ всей кавалеріи польскихъ войскъ, 6 апрѣля 1814 г.—начальникомъ 3-го корпуса польской арміи, а въ 1817 г. начальникомъ 3-й (что впослѣдствіи 2-я) гусарской дивизіи, которою командовалъ до 15 февраля 1823 г., когда былъ назначенъ состоять по кавалеріи. Генералъ Чаплицъ исключенъ изъ списковъ умершимъ 4 января 1826 г. Онъ имѣлъ ордена: св. Александра Невскаго, св. Владиміра 2 ст., Св. Георгія 3 ст. и св. Анны 1 ст. съ алмазами. Чаплицъ составилъ «Записку», оправдывающую дѣйствія Чичагова подъ Березиной; «Записка» эта напечатана въ «Русской Старинѣ» 1886 г., т. 50.

Послужной списокъ генерала Чаплица въ Архивѣ Главнаго Штаба.—«Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ» т. I, 310, 311, 611—642.

К. Арсаковъ.

Чаплицъ, *Юстинъ Адамовичъ*, генералъ-лейтенантъ, родился въ 1797 г. умеръ въ январѣ 1873 г., изъ дворянъ Могилевской губерніи, племянникъ предыдущаго. По окончаніи курса во 2 кадетскомъ корпусѣ, Чаплицъ вступилъ въ службу въ 6 артилерійскую бригаду прапорщикомъ въ 1814 г, а въ 1825 г., въ чинѣ поручика, переведенъ въ Гренадерскую артилерійскую бригаду. Въ должности командира 3 легкой роты 3 артилерійской бригады и въ чинѣ штабсъ-капитана, онъ съ большимъ отличіемъ участвовалъ въ 1831 г. въ усмиреніи польскаго мятежа: за битву на Гроховскихъ поляхъ произведенъ въ капитаны, за преслѣдованіе непріятеля пожалованъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ, за Остроленку произведенъ въ подполковники и награжденъ золотою полусаблею съ надписью «за храбрость» и за взятіе Варшавы, гдѣ былъ контуженъ въ ногу и руку, произведенъ въ полковники и пожалованъ орденомъ св. Георгія 4 ст. Съ 1832 г. по 1834 г. Чаплицъ командовалъ 12-ою, а съ 1834 г. по 1837 г. 8-ою артилерійскою бригадами, а затѣмъ состоялъ по артилеріи и при отдѣльномъ Кавказскомъ корпусѣ. Въ 1840, 1841 и 1842 гг. Чаплицъ участвовалъ въ походахъ противъ горцевъ, 7 апрѣля 1846 г. произведенъ въ генералъ-маіоры и въ ноябрѣ 1848 г. назначенъ командиромъ 1 бригады 21 пѣхотной дивизіи, которая въ 1849 г. вошла въ составъ Дагестанскаго отряда князя Аргутинскаго-Долгорукова, дѣйствовавшаго противъ Шамиля; за отличіе противъ горцевъ Чаплицъ получилъ орденъ св. Станислава 1 ст. Съ 1850 по 1856 г. онъ командовалъ 2 бригадою 21 пѣхотной девизіи, а съ 1853 г. временно исправлялъ должность командующаго означенною дивизіею. Въ 1856 г. Чаплицъ былъ назначенъ состоять при отдѣльномъ Кавказскомъ корпусѣ для особыхъ порученій, съ зачисленіемъ по армей-

ской пѣхотѣ, и 17 февраля 1865 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты съ зачисленіемъ въ запасныя войска и съ оставленіемъ по армейской пѣхотѣ.

Послужн. списокъ въ Общемъ Архивѣ Главнаго Штаба.

А. Гернетъ.

Чаплыгинъ, *Иванъ Петровичъ*, думный дворянинъ; показывается дьякомъ въ 1668 г., укладничимъ въ 1676 и 1686 гг.; получилъ московское дворянство въ 1678 г. и думное дворянство въ 1689 г.; въ этомъ же году онъ сопровождалъ царей Іоанна и Петра въ село Коломенское. Въ званіи думнаго дворянина упоминается до 1692 г.; въ 1707 г. жена его названа «вдовой».

«Сборникъ Муханова». Спб. II изд. 1866 г., стр. 555.— «Древняя россійская Вивліоѳика», т. XX, Спб. 1791 г., стр. 427.— Полное Собр. Закон., т. IV, № 2179. — Ивановъ. «Алфавит. указатель фамилій и именъ лицъ, упоминаемыхъ въ боярскихъ книгахъ, хранящихся въ I отд. Москов. Арх. Мин. Юстиціи», Москва 1853 г.

Н. Тычино.

Чаплыгинъ, *Никаноръ Александровичъ*, генералъ-маіоръ, род. въ 1767 г., умеръ 19 августа 1807 г., служилъ въ гусарскомъ Шевича полку, произведенъ изъ маіоровъ въ подполковники въ 1795 г., въ полковники въ 1798 г., назначенъ шефомъ Ольвіопольскаго гусарскаго полка 28 августа 1800 г., произведенъ въ генералъ-маіоры 27 октября того-же года, а 5 сентября 1804 г. за слабое командованіе полкомъ, отставленъ отъ службы.

Рукописные списки генераламъ и штабъ-офицерамъ въ Общемъ Архивѣ Главнаго Штаба,

А. Гернетъ.

Чарнецкій, *Иванъ*, (Czarnecki, Jan), 39-ый римско-католическій епископъ Каменецъ-Подольскій. По всей вѣроятности сынъ полковника Стефана Ч., прославившагося во время казацкихъ и гайдамацкихъ войнъ на Украйнѣ, женатаго на послѣдней представительницѣ рода Красносельскихъ. Чарнецкій поступилъ въ монашескій орденъ Кармелитовъ и былъ одно время епископомъ Волоскимъ (Wołoski), а затѣмъ былъ назначенъ епископомъ Каменецкимъ; съ точностью годъ назначенія на эту епископію указанъ быть не можетъ; мы знаемъ только, что его предшественникъ по каменецкой кафедрѣ, Веспасіанъ Лянскоронскій, умеръ въ 1674 г. Въ званіи епископа Каменецкаго Чарнецкій пробылъ, нужно думать, до 1677 г., когда его смѣнилъ Станиславъ Военскій. Чарнецкій состоялъ постояннымъ членомъ польскаго сената и никогда не жилъ въ своей епархіи, а странствовалъ изъ области въ область. Источники умалчиваютъ за какія заслуги король Іоаннъ III предоставилъ ему право пожизненнаго пользованія громадными доходами съ Червинскаго монастыря и его угодій и съ предмѣстья г. Варшавы—Праги. Годъ смерти Чарнецкаго неизвѣстенъ.

Niesiecki. «Herbarz polski» т. III, стр. 198, изд. 18°9 г.—Encyklop. powszechna, т. VI, стр. 159-160, изд. 1861 г.—Dr. Antoni J.-«Zameczki podolskie na kresach multańskich» Warszawa 1880 г., т. II, стр. 167.

Н. Тычино.

Чарновскій, *Станиславъ Осиповичъ*, докторъ медицины, род. 21 сентября 1789 г. въ имѣніи отца своего Койранахъ, Виленской губ., учился въ Виленскомъ Университетѣ, гдѣ въ 1811 году получилъ степень доктора философіи, а въ 1823 г. доктора медицины, съ 1828 по 1831 г. состоялъ лекаремъ при Литовскомъ почтамтѣ; въ 1831 г. онъ остался за штатомъ и жилъ въ Вильнѣ, занимаясь частной практикой. Время смерти Чарновскаго неизвѣстно. Имъ написано: «De phlebitide» Вильна, 1823, 8°. (Дисс.).

Послужной списокъ, дипломы и метрика Чарновскаго въ дѣлѣ о дворянствѣ рода его въ Архивѣ Д-та Герольдіи.—Змѣевъ. «Русскіе врачи-писатели».—Kośmiński. Słownik lekarzów polskich, с. 79.—Bieliński. Uniwersytet Wileński (1579—1831), Krakow 1898 — 1900, т. II, с. 334.

В. Козловъ.

Чарнолузскій, *Иванъ Марковичъ*, наказной полковникъ Стародубскій. О его происхожденіи ничего неизвѣстно; по всей вѣроятности онъ происходилъ изъ простыхъ казаковъ. Свѣдѣнія о немъ начинаются съ 1691 года, когда онъ, будучи знатнымъ товарищемъ Стародубскаго полка, получилъ отъ бывшаго тогда полковника Стародубскаго Михаила Миклашевскаго позволеніе засыпать греблю на рѣчкѣ Городянкѣ и построить на ней «млинокъ и хуторокъ завести». Съ этихъ поръ онъ начинаетъ быстро скупать грунты въ Стародубскомъ полку, постоянно получая универсалы отъ гетмановъ на различныя имѣнія. Сдѣлавшись въ 1704 году полковымъ

есауломъ Стародубскаго полка, онъ получилъ, за свои службы, отъ Мазепы с. Фаевичи, Топальской сотни, которое было раньше во владѣніи его брата, сотника полковаго Стародубскаго Николая Чарнолузскаго, и которымъ завладѣлъ было полковникъ Миклашевскій. Будучи полковымъ есауломъ, въ 1706 г. Чарнолузскій былъ взятъ подъ Несвижемъ шведами въ плѣнъ, изъ котораго былъ выкупленъ родными въ слѣдующемъ году. По выходѣ изъ плѣна, онъ былъ сразу поставленъ полковымъ сотникомъ, для чего былъ смѣщенъ его предшественникъ — сотникъ Осипъ Елинскій. Очевидно, онъ и съ новымъ гетманомъ — Скоропадскимъ, умѣлъ ладить, такъ какъ постоянно получалъ отъ него универсалы на имѣнія. Такъ, напр., онъ прибавилъ къ своимъ имѣніямъ, кромѣ имѣній умершаго брата, еще с. Душкинъ подъ Стародубомъ, которое выпросилъ сначала у магистрата во временное пользованіе, а потомъ выхлопоталъ на него гетманскій универсалъ; въ 1720 г. онъ получилъ подтвердительный гетманскій универсалъ на бывшее имѣніе брата с. Меленскъ, полковой сотни. Сотникомъ Чарнолузскій оставался до 1723 года, когда былъ вызванъ въ Москву по дѣлу о Почепскомъ межеваніи дьяка Лосева. Это дѣло состояло въ томъ, что во время отсутствія государя, былъ изданъ указъ, которымъ узаконялся захватъ Меньшиковымъ различныхъ земель подъ Почепомъ въ свое владѣніе. Отмѣнивъ этотъ указъ, царь, вмѣстѣ съ тѣмъ, вызвалъ въ Москву и тѣхъ лицъ изъ Малороссійской старшины, которыя участвовали въ этомъ межеваніи. 10 февраля 1723 года Чарнолузскій выѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ другими. Наказнымъ полковникомъ Стародубскимъ Чарнолузскій сталъ съ 1719 г., когда умеръ Лукьянъ Ивановичъ Жоравка, бывшій тогда полковникомъ, и мѣсто его осталось вакантнымъ. Очевидно, Чарнолузскій пользовался покровительствомъ когонибудь изъ вліятельныхъ лицъ въ Петербургѣ, такъ какъ при его назначеніи на эту должность были обойдены многіе изъ старшинъ, имѣвшихъ за собою болѣе правъ на наказное полковничество чѣмъ онъ. Оставался Чарнолузскій наказнымъ полковникомъ до февраля 1722 г., когда на его мѣсто былъ назначенъ Петръ Короцкій. Выѣхавъ въ Москву въ 1723 г., по дѣлу Лосева, Чарнолузскій такъ и не возвратился на родину. Онъ умеръ въ Москвѣ въ 1725 году.

А. Лазаревскій, Описаніе Стар. Малороссіи, т. I, полкъ Стародубскій, Кіевъ, 1888, стр. 47, 100, 188. — Гербовое дѣло о дворянствѣ Чарнолузскихъ въ Арх. Департ. Герольдіи Прав. Сената. — Р. Арх., 1880, кн. I, стр. 171.

В. Гарскій.

Чарноцкій, *Адамъ,* (Adam Czarnocki), *) археологъ-любитель, собиратель панславянской старины, извѣстный въ литературѣ подъ именемъ Зоріана Доленги-Ходаковскаго (Zoryian Dołęga Chodakowski), род. въ бѣдной дворянской семьѣ 4 апрѣля 1784 г. въ Минскомъ воеводствѣ, въ окрестностяхъ Слуцка и Несвижа. Матеріальное положеніе его отца было настолько печально, что онъ не могъ дать сыну никакого образованія и въ 1795 г. отправилъ его въ Слуцкій уѣздъ къ болѣе состоятельнымъ родственникамъ, которые и помѣстили Чарноцкаго въ Слуцкое уѣздное училище. По окончаніи училища въ 1801 г., Чарноцкій занялся изученіемъ мѣстнаго права у адвоката, рылся въ архивахъ, разбиралъ старинные рукописи и документы, оказывалъ юридическую помощь бѣднымъ, не желая, однако, становиться профессіональнымъ адвокатомъ, хотя и получилъ въ 1805 г. патентъ на «земскую регенцію» въ Слуцкѣ. Въ 1807 году онъ поступилъ на частную службу помощникомъ уполномоченнаго по дѣламъ новогродскаго воеводы Несёловскаго. Здѣсь онъ близко сошелся съ однимъ изъ родственниковъ воеводы, который затѣмъ уѣхалъ заграницу, поступилъ въ ряды войскъ, собиравшихся тогда въ герцогствѣ Варшавскомъ и сталъ вызывать къ себѣ Чарноцкаго, письменно выразившаго полное согласіе; письмо попало въ руки правительства и результатомъ этого была ссылка Чарноцкаго въ солдаты въ г. Омскъ. Въ ссылкѣ онъ пробылъ 4 года, изучилъ русскій языкъ и въ 1810 г., вмѣстѣ съ полкомъ, былъ передвинутъ къ западной границѣ (Бобруйскъ). Въ августѣ 1811 г. Чарноцкій исчезъ и смерть его была засвидѣтельствована оффиціально, — на самомъ же дѣлѣ онъ просто дезертировалъ, чѣмъ только и можно объяснить, почему всю жизнь онъ носилъ вымышленную фамилію и составилъ автобіографію съ ложными свѣдѣніями. Въ началѣ 1812 года

*) См. въ предыдущемъ томѣ: Ходаковскій, А.

Чарноцкій подъ фамиліей Зоріана Любранскаго поступилъ въ 5-ый пѣхотный полкъ, въ дивизію генерала Домбровскаго, исполняя все время какія то тайныя порученія; есть основанія думать, что порученія эти касались вопроса объ уніи и Чарноцкому поручали сношенія съ разнообразными дѣятелями этого движенія. Въ этомъ же году онъ вышелъ по собственному желанію въ отставку и поселился въ Галиціи, сначала подъ фамиліей Хржановскаго, а затѣмъ подъ именемъ Зоріана Доленги-Ходаковскаго, и всецѣло отдался изученію памятниковъ славянской старины, совершая съ этой цѣлью пѣшкомъ научныя экскурсіи. Въ это время онъ познакомился съ князьями Чарторійскими, побывалъ въ ихъ имѣніи Пулавахъ, занимался въ ихъ громадной библіотекѣ и архивѣ, и съ ихъ помощью изслѣдовалъ пограничныя съ Галиціей польскія воеводства и Кременецъ на Волыни. Князья же Чарторійскіе направили его въ 1819 г. въ Петербургъ, снабдивъ рекомендательными письмами къ канцлеру гр. Румянцову и министру просвѣщенія кн. Голицыну. Чарноцкій вошелъ въ Петербургѣ въ кругъ ученыхъ и литераторовъ. Его «проектъ ученаго путешествія по Россіи», составленный имъ уже давно и теперь представленный на разсмотрѣніе, былъ вполнѣ одобренъ Карамзинымъ, понравился Государю; Александръ I приказалъ зачислить Чарноцкаго въ составъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и выдавать ему по 3.000 р. серебромъ въ годъ на осуществленіе его «ученаго путешествія», при чемъ губернаторамъ и прочимъ мѣстнымъ властямъ приказано было оказывать Чарноцкому всяческое содѣйствіе. Радость Чарноцкаго не поддавалась описанію: осуществлялась завѣтная мечта! Энергично принялся онъ за работу и въ 1820 г. выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву, осматривая по дорогѣ окрестности Ладоги, Новгорода, Твери и др.; въ Москвѣ онъ занялся сравнительнымъ изученіемъ картъ и плановъ нашихъ губерній съ другими славянскими странами; составилъ общую карту подъ названіемъ: «Славянскія городища» и «Сравнительный Словарь» на польскомъ языкѣ (Slownik porównawczy), содержащій 7000 названій урочищъ, расположенныхъ возлѣ городищъ. Собралъ свѣдѣнія о «жальникахъ» (могильникахъ) и «волотовкахъ» Новгородской земли, «сопкахъ» Ладоги и первый сдѣлалъ попытку выясненія значенія древнеславянскихъ городищъ, указавъ на важность ихъ изученія. Покончивъ съ этимъ онъ отправился дальше по сѣвернымъ губерніямъ, а отчетъ о своемъ путешествіи послалъ профессору Калайдовичу, которому было поручено оцѣнить трудъ Чарноцкаго. Калайдовичъ далъ такой нелестный отзывъ, что у Чарноцкаго была отнята казенная субсидія и ему пришлось продолжать работу на свои средства, а затѣмъ съ помощью Н. А. Полевого, заинтересовавшагося личностью Чарноцкаго и его взглядами. Скоро средствъ не хватило и Чарноцкій былъ вынужденъ принять мѣсто управляющаго имѣніемъ у одного изъ тверскихъ помѣщиковъ. Здѣсь, въ селѣ Петровскомъ, Чарноцкій и умеръ 17 ноября 1825 г.

Значеніе Чарноцкаго одно время склонны были преувеличивать. Реальный вкладъ его въ науку невеликъ, но заслуга его громадна въ томъ отношеніи, что «начинавшійся въ литературѣ интересъ къ археологическимъ изысканіямъ, изъ сухого книжнаго антикварства онъ перенесъ на живую почву народной личности»; онъ первый началъ проводить мысль, что надо «идти въ народъ» не только для того, чтобы собирать этнографическій матеріалъ, но и для того, «чтобы сжиться съ нимъ, понять духъ и природу народа, которые создаютъ народный характеръ и поэзію». Чарноцкій явился начинателемъ и выразителемъ того панславистическаго движенія, которое впослѣдствіи совсѣмъ измѣнило характеръ историографіи и самой литературы» Послѣ Чарноцкаго осталось громадное количество рукописнаго матеріала, который вмѣстѣ со всѣми его бумагами перешелъ къ Н. А. Полевому, а затѣмъ правительство передало ихъ Погодину, который и напечаталъ значительную его часть. Самимъ Чарноцкимъ были напечатаны: 1) «Розысканія касательно русской исторіи» въ Вѣстникѣ Европы 1819 г., ч. CVII, октябрь, стр. 277—302; 2) «Проектъ ученаго путешествія по Россіи для объясненія древней славянской исторіи» въ Сынѣ Отечества 1820 г, ч. 63 и 64, № 33—36, 38—40, и въ Вѣст. Европы 1820 г. ч. CXIII, № XVII—XVIII, стр. 30—56; 99—118;

3) «O słowiańszczyznie przed Chrześciaństwem» въ «Cwiczeniach Naukowych» oddział literatury, т. II 1818 г., стр. 3—33, въ Кременцѣ; перепечатано въ «Pamiętniku Lwowskim» и др. польскихъ изданіяхъ, переводъ въ Вѣстн. Европы; отдѣльно съ разборомъ W. Surowieckiego въ Краковѣ въ 1835 г.; 4) «Донесенія о первыхъ успѣхахъ путешествія по Россіи З. Д. Х.» въ Сѣверномъ Архивѣ 1822 г. ч. II, № 10 и 11, стр. 314—318; 465—471; 5) «Гуляй-городъ съ лѣвой стороны Оки, въ 3 верстахъ отъ уѣзднаго города Серпухова» въ Сѣвер. Архив 1823 г., ч. V, стр. 369—371; 6) «Двѣ грамоты Свидригайла и Витовта съ примѣчаніями» въ Сѣв. Арх. 1824 г., ч. IX, стр. 14—18 (извлеч. изъ Пулавской библіот. Чарторыйскихъ); 7) «Опытъ изъясненія слова—князь, Xiądz»—ibid ч. X. стр. 219.—Послѣ смерти напечатаны: въ «Русскомъ Истор. Сборн., изд. Общ. Ист. и Древн. Рос. редак. пр. Погодинъ» Москва 1837 г., т. I, кн. 1, стр. 1—50: «Пути сообщенія въ древней Россіи»; т. I, кн. 3, стр. 2—109: «Историческая система Ходаковскаго» (авторомъ предназнач. въ отвѣтъ на книгу Калайдовича: «Письма объ археолог. изслѣдов. въ Рязанской губ.» Москва 1823 г.), т. III, кн. 3, стр. 131—200 (изд. 1839 г.): «Отрывокъ изъ путешествія Х. по Россіи—Ладога, Новгородъ»; т. VII, 1844 г.: «Донесеніе о первыхъ успѣхахъ въ Россіи З. Д. Х. изъ Москвы 13 липца (іюля) 1822 г.; здѣсь же напечатанъ «Сравнительный словарь» и 2 небольшія замѣтки «о потухшихъ вулканахъ» и «о жальникахъ»;—Журн. Мин. Народ. Просв. 1838 г., т. XX, декабрь, стр. 479—527; «Путевыя записки Х.»;—Въ своей «Древней Рус. Ист. до монгольскаго ига». Москва, 1871 г., т. III, Погодинъ помѣстилъ слѣд. работы Чарноцкаго: 1) карта подъ названіемъ: «Указаніе славянскаго городства въ сѣверозапад. части Россіи по первому опыту въ 1822 г. Х.»; 2) «Славянскія городища по изслѣд. З. Я. Д.-Х. (карта); 3) «Образчикъ городища по рис. Ход...».—«Сборникъ малороссійскихъ пѣсенъ» изданъ Максимовичемъ. Остались въ рукописяхъ: «Słównik właściwych nazwisk horodyszcz i wiosek» 4 т. хранятся въ Спб. Публичн. Библ.—«Подробная карта Россійской имперіи» ibid.—«Uwagi geograficzne i mitologiczne» и «Mappy szczegółowe z uwagami» принадл. пр. Погодину,—«Herbarz z wielu dodatkami i badaniami» у Максимовича. Нѣсколько тетрадей «Географическаго словаря» въ библіотекѣ Варшавскаго университета. — Неизвѣстно гдѣ: переводъ повѣсти Карамзина «Марфа Посадница». «Zeszyt mitologii słowiańskiej» и «Mappa plemion słowiańskich». Письма Чарноцкаго изданы въ «Pamiętniku naukowym» Kraków 1827 г., т. III; «Atheneum» 1841 г. т. III; 1842 г. т. I. oddz. 2 стр. 204—218 «Biblioteka Warszawska» 1866 г. т. II стр. 161—197; Вѣстн. Евр. 1821 г. ч. CXVI № 4 стр. 322—326; «Москвитянинъ» 1843 г. ч. I № 1 (письмо Карамзина к. Х). Много рукописей хранятся въ библіотекѣ кн. Чарторійскихъ въ Краковѣ.

«Teka Wilenska» 1857 г., № 2, стр. 277.—304. Przez Dominika Chodzkę.—Teka Wilen. 1858 года, № 6, стр. 243—253. Hip. Skimborowicza—«Dziennik literacki lwowski» 1859 г., № 79, стр. 941—944, Joachima Lelewela—«Dziennik Warszawski» 1855 г., № 101, перепечатка изъ «Сынъ Отечества» 1839, т. VIII, отд. VI. (автобіографія и замѣтка Погодина).—Lesław Łukaszewicz: «Krótki rys pismiennictwa polskiego» изд. 1836 г.—«Gazeta codzienna» 1855 г., w listach z Cudnówki»—L. Dębicki: «Puławy» т. III. 1888 г. стр. 21—36.—L. Woiniłowicz: въ литерат. прибавл. къ «Kurjeru Warszaw. Porannemu» 1840 г., № 15.—Fr. Rawita Gawroński: «Z. Dołega Chodakowski, jego życie i praca». Lwów 1898 г.—Stachurski-Swięcicki: «Wspomnienia o Wagilewiczu» см. «Siolo» 1866 г. вып. 1 стр. 79—80. Lwów—«Kuryjer polski» 1830 г. № 259.—«Pamietnik umiejętnosci moralnych i literackich» 1830 г. т. IV—«Przegląd naukowy» Warszawa, 1842 г., т. III.—«Dziennik Warszawski», 1855 г., № 101.—«Rozmaitości naukowe Krakowskie» 1828 г., № 1.—«Muzeum czeskie» w «Przeglądzie nauk. Czesk.» т. III. 1842 г.—Łucjan Siemieński: «Dzieła». Warszawa 1881 г. т. I: «Księżyc w archeologii, poezyi, sztuce»; т. VI. «Przygoda podróżnika»—«Ekcyklopedya powszechna» A. E. Odyńca. Wilno. т. IV.—«Encykl. powszech.» S. Orgelbranda. Warszawa 1899 г., т. IV—«Encykl. ogólna» Warszawa 1873 г., т. IV.—«Encykl. powszechna», Warszawa 1861 г., т. VI — Estreicher, «Bibliografia polska». Kraków. 1872 г., т. I.—«Вѣстникъ Европы» 1886 г., № 11, А. Пыпинъ «З. Д. Ходаковскій».—«Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи, собр. П. Кеппеномъ; № II.—Библіографическіе листы 1825 г., № 38, стр. 562—564. Спб. 1821 г.—Старчевскій. «Русская историческая литература въ первой половинѣ XIX в.».—«Карамзинскій періодъ съ 1800—1825 г.» въ «Библіотекѣ для чтенія» 1852 г. т. CXII. «Науки», стр. 95 и слѣд.—В. Залѣсскій. Вѣстникъ Европы, 1855 годъ, № 11. «Обзоръ малорусской этнографіи».—«Записки о жизни и сочиненіяхъ Н. А. Полевого, состав. братомъ его, К. Полевымъ». Спб., 1860 г. т. I стр. 87—94.—Карамзинъ. «Ист. госуд. Рос-

сійскаго» II изд. (по указателю).—С. Руссовъ. «Обзрѣніе критики Х. на «Ист. госуд. рос.» Карамзина. Спб. 1820. — «Письма Карамзина къ И. И. Дмитріеву» Спб. 1866 г. стр. 279.—Журн. Мин. Народ. Просв. 1839 г., т XXII, отд. VI: С. Строевъ: «Разборъ Рус. Истор. Сборн.»—«Энц. лексиконъ» Плюшара, т. XVII, стр. 97—102.—«Энц. Словарь» Брокгауза и Ефрона, т. X, стр. 925. Спб. 1893 г.—Библіографія по вопросу о «городищахъ» см. «Энц. Слов.» Брокгауза, т. IXа, стр. 309.

Н. Тычино.

Чарный, *Михаилъ Дороѳеевичъ*, врачъ, писатель, родился въ 1796 году; воспитывался въ С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи, гдѣ былъ казеннокоштнымъ воспитанникомъ. По окончаніи Академіи съ званіемъ лекаря, Чарный былъ назначенъ на должность младшаго врача въ л.-гв. саперный баталіонъ (1819 г.), но здѣсь прослужилъ только около года, и затѣмъ былъ переведенъ врачемъ въ л.-гв. піонерный эскадронъ (1820 г). Черезъ три года онъ былъ произведенъ въ штабъ-лекари (1822 г.), а въ слѣдующемъ году былъ назначенъ старшимъ врачемъ во 2-й карабинерный полкъ (1823 г.) Кромѣ того онъ два года работалъ въ качествѣ ординатора въ С.-Петербургскомъ военно - сухопутномъ госпиталѣ (съ 1826 г.); въ 1828 г. былъ назначенъ старшимъ врачемъ Кременчугскаго военнаго госпиталя. Въ 1830 году онъ былъ назначенъ столоначальникомъ въ Военно-Медицинскомъ Департаментѣ, а въ 1837 г. переведенъ на такую-же должность въ департаментъ Казенныхъ Заготовленій и въ этомъ же году въ С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи получилъ званіе медико-хирурга. Съ 1838 года Чарный состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при департаментѣ Военныхъ Поселеній. Въ 1839 году онъ былъ назначенъ ординаторомъ во второмъ С.-Петербургскомъ военно-сухопутномъ госпиталѣ, а черезъ 2 года старшимъ ординаторомъ въ томъ же госпиталѣ. Съ 1843 года Чарный былъ секретаремъ въ канцеляріи инспекціи студентовъ Спб. Медико-Хирургической Академіи. Собственно дѣлами академіи онъ завѣдывалъ еще въ бытность свою чиновникомъ особыхъ порученій въ департаментѣ Военныхъ Поселеній, такъ какъ съ переходомъ академіи въ военное вѣдомство, въ канцеляріи этого департамента былъ учрежденъ особый столъ для дѣлопроизводства собственно по Академіи. Затѣмъ уже этотъ столъ былъ переведенъ въ зданіе Академіи и секретаремъ его назначенъ Чарный. Какъ секретарь, Чарный въ судьбахъ академіи игралъ довольно важную роль. Дѣятельность его за этотъ періодъ характеризуется многими улучшеніями и измѣненіями въ академическомъ строѣ. Такъ напр., имъ было предложено болѣе точное опредѣленіе правъ и обязанностей конференціи, онъ поднялъ вопросъ о составленіи инструкціи для инспекціи студентовъ, хлопоталъ о сокращеніи числа репетиторовъ и адъюнктовъ, думая этой экономіей увеличить учебныя средства академіи, послѣдняя многимъ обязана ему и за его старанія сосредоточить власть надъ академіей и госпиталемъ въ однихъ рукахъ. Кромѣ всего этого Чарный ввелъ нѣкоторыя реформы и въ чисто хозяйственномъ строѣ академіи. Умеръ онъ въ 1855 году. Имъ переведена съ нѣмецкаго и напечатана въ Военно-Медицинскомъ журналѣ за 1831 годъ ч. 18, 1, статья Опперта «О пользѣ азотной кислоты въ леченіи венерическихъ язвъ».

Змѣевъ. «Русскіе врачи писатели» т. I. Спб. 1886 г. — Исторія Императ. Военно-Медицинской Академіи за 100 лѣтъ (къ юбилею) Спб. 1899 г.—Военно-Медиц. журналъ 1831 г., ч. 18. 1.

Л. Дагаевъ.

Чарнышъ, *Иванъ*, генеральный судья, одинъ изъ замѣчательныхъ малороссійскихъ старшинъ первой половины XVIII вѣка по своему уму и по той ловкости, съ которой онъ умѣлъ устраивать свои дѣла. Свѣдѣній о его происхожденіи не имѣется; по всей вѣроятности онъ происходилъ изъ простыхъ казаковъ. Извѣстія о немъ начинаются съ 1695 года, когда онъ участвовалъ въ походѣ Б. П. Шереметева и Мазепы противъ крымцевъ и былъ при взятіи крѣпостей Кизыкермена и Тавана. Затѣмъ, въ 1698 году онъ былъ уже войсковымъ канцеляристомъ, а въ 1700—1703 годахъ «господаремъ замку батуринскаго», т. е. управителемъ имѣній Мазепы подъ Батуриномъ. Съ этихъ поръ Чарнышъ пріобрѣтаетъ покровительство гетмана и, какъ человѣкъ ловкій и умѣвшій прислуживать своему патрону, быстро двигается впередъ. Такъ, черезъ Мазепу же онъ сдѣлался лично извѣстенъ Петру Великому, былъ посланъ послѣднимъ въ февралѣ 1700 года въ Константинополь съ грамотою къ

Е. И. Украинцову и привезъ оттуда постановленные мирные договоры. Затѣмъ онъ былъ подъ Нарвою и Ригою, а въ 1701 г. посланъ Мазепою подъ Ругволдъ въ обозъ къ Петру Великому. Въ 1708 г. Чарнышъ участвовалъ въ доносѣ Искры и Кочубея на Мазепу, и это дѣло едва его не погубило. Онъ, вмѣстѣ съ полковникомъ миргородскимъ Даніиломъ Апостоломъ, былъ, по рѣшенію судей, разбиравшихъ дѣло доносчиковъ, выданъ головою гетману, который, однако, простилъ его. Съ избраніемъ въ гетманы Скоропадскаго, Чарнышъ быстро освоился съ новымъ положеніемъ вещей и продолжалъ богатѣть и идти впередъ по службѣ. Въ 1708 г. онъ получилъ отъ новаго гетмана большое село Митченки подъ Батуриномъ для «подпоможення своихъ шкодъ и убытковъ», которые онъ якобы понесъ во время извѣстнаго разгрома въ 1708-мъ году Батурина Меншиковымъ, а въ 1709-мъ получилъ урядъ гадяцкаго полковника, оставшійся свободнымъ послѣ родственника Мазепы—Степана Трощинскаго, отданнаго подъ караулъ. Къ этому времени Чарнышъ, кажется, былъ уже предназначеннымъ мужемъ гетманской падчерицы—Евдокіи Константиновны Голубъ, и это будущее свойство съ Скоропадскимъ давало ему возможность получить отъ гетмана полковничество и такую богатую подачку, какъ село Митченки. Къ тому же Чарнышъ пользовался покровительствомъ самой гетманши, которая, какъ извѣстно, имѣла сильное вліяніе на своего слабохарактернаго супруга. Въ 1709 же году онъ участвовалъ съ своимъ полкомъ на «Полтавской баталіи» и былъ посланъ Петромъ Великимъ къ крымскому хану и запорожцамъ съ извѣстіемъ о выборѣ новаго гетмана. Заѣхавъ изъ Крыма въ Кошъ, Чарнышъ былъ тамъ арестованъ атаманомъ Гордѣенкомъ и переданъ шведамъ, которые выдали его, вмѣстѣ съ прочими плѣнниками, Меншикову подъ Переволочной. Получивъ полковничество, Чарнышъ сталъ всевластно распоряжаться въ своемъ полку, тѣсня полчанъ и скупая отъ нихъ насильно «грунты». За время его полковничества сохранилось множество жалобъ, поданныхъ на него гетману отъ полчанъ. Но онъ, пользуясь покровительствомъ гетманши, умѣлъ оправдывать себя передъ гетманомъ, и жалобы оставались безъ результата. Единственнымъ соперникомъ Чарныша въ его всевластномъ распоряженіи полкомъ являлся гадячскій протопопъ Θедоръ Лисовскій, человѣкъ тоже стяжательный. Желая во что бы то ни стало избавиться отъ Лисовскаго, который мѣшалъ ему брать безнаказанно съ полчанъ взятки, Чарнышъ жаловался на него гетману, говоря, что отъ Лисовскаго нѣтъ никому житья не только въ самомъ Гадячѣ, но и въ окрестностяхъ его. Долго краснорѣчіе хитраго полковника оставалось тщетнымъ, пока ему, наконецъ, не удалось избавиться отъ Лисовскаго, возбудивъ въ 1714-мъ году вопросъ о его двоеженствѣ. По этому доносу Лисовскій былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ его смѣстили съ протопопства, давъ урядъ новгородъсѣверскаго сотничества. Освободившись отъ Лисовскаго, Чарнышъ однако недолго продержался на Гадяцкомъ полковничествѣ: жалобы на него дошли, наконецъ, до царя, и онъ былъ смѣщенъ съ своего уряда въ 1715 году, получивъ взамѣнъ его урядъ генеральнаго судьи, оставшійся свободнымъ послѣ смерти Демьяна Туранскаго. На мѣсто Чарныша былъ поставленъ 10-го іюня того-же года полковникомъ Михаилъ Милорадовичъ, назначенію котораго Чарнышъ всячески противился, такъ какъ, теряя полковничество, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ терялъ и возможность обогащаться на счетъ своихъ полчанъ. Въ своей враждѣ къ Милорадовичу, онъ, конечно, опирался на свое свойство съ гетманомъ, не желая признавать Милорадовича полковникомъ. Послѣдній, какъ назначенный самимъ государемъ, принесъ на Чарныша жалобу, по которой было возбуждено цѣлое дѣло о его взяточничествѣ и открыто множество злоупотребленій. Какъ Чарнышъ сумѣлъ оправдаться передъ царемъ—неизвѣстно; фактъ только тотъ, что онъ остался безнаказаннымъ. Во время завѣдыванія Чарнышемъ генеральнымъ судомъ, послѣдній потерялъ, особенно въ послѣдніе годы гетманства Скоропадскаго и послѣ него, всякое значеніе, ибо подкупность генеральнаго судьи была слишкомъ извѣстна въ Малороссіи. Чтобы дать возможность суду избавиться, по крайней мѣрѣ, отъ нареканій на безмѣрную волокиту, наказной гетманъ Полуботокъ ввелъ въ составъ его четырехъ второстепенныхъ судей (ассесоровъ), такъ какъ Чарнышъ очень часто уѣзжалъ въ свои маетности,

оставался тамъ подолгу, и въ это время отправленіе правосудія совершенно прекращалось. 8-го мая 1723-го года Полуботокъ писалъ Чарнышу, чтобъ онъ «крайне (наконецъ) увѣдомилъ, если по должности своей судейскаго званія, впредъ до судовыхъ дѣлъ пріймется и оныя отправлять будетъ, или уже совсѣмъ намѣренъ отъ дѣлъ судейскихъ отрѣшиться. Отвѣтъ нуженъ», пояснялъ Полуботокъ, «чтобъ знать, что отвѣчать, когда гдѣ спросятъ» (намекъ на Коллегію); это былъ обыкновенный пріемъ Полуботка—грозить Малороссійской Коллегіей непослушной старшинѣ; но и сама старшина понимала безсиліе личной власти наказнаго гетмана и, не раздѣляя его интересовъ, постоянно ставила его въ затруднительное положеніе. Въ 1723-мъ году Чарнышъ былъ привлеченъ къ извѣстному дѣлу Полуботка и вызванъ въ Петербургъ, вмѣстѣ съ другими старшинами. Прибывъ въ Петербургъ 3-го августа, старшины, въ томъ числѣ и Чарнышъ, были допрошены 2-го сентября въ Тайной Канцеляріи. На большинство вопросовъ, задаваемыхъ на допросѣ, Чарнышъ отвѣчалъ или незнаніемъ, или ссылкою на бывшую у него болѣзнь. Это, однако, не помогло, и онъ 10 го ноября, съ двумя сыновьями Иваномъ и Петромъ, и другими колодниками, въ числѣ которыхъ были Полуботокъ и генеральный писарь Семенъ Савичъ, былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, съ отобраніемъ имущества въ казну. Освободился Чарнышъ изъ крѣпости и получилъ обратно имѣнія 4-го февраля 1725-го года, по указу Екатерины I, которая приказала ему и другимъ старшинамъ, бывшимъ участниками дѣла Полуботка, построить на свои деньги дома въ Петербургѣ и не выѣзжать изъ этого города. Въ февралѣ 1728-го года Чарнышъ былъ переведенъ на жительство въ Москву, но прожилъ недолго: онъ умеръ 30-го ноября того же года «зъ поврежденныхъ внутренностей», и погребенъ 3-го декабря въ большой церкви Новодѣвичьяго монастыря.

Чарнышъ былъ однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ «державцевъ» для своихъ «подданныхъ», съ которыхъ онъ бралъ непосильные поборы, о чемъ сохранилось множество жалобъ. И не одними только поборами тѣснилъ онъ своихъ крестьянъ; тѣснилъ онъ ихъ, пользуясь своимъ положеніемъ (особенно, когда сталъ генеральнымъ судьею), при всякомъ случаѣ, когда можно было чѣмъ-нибудь попользоваться отъ крестьянъ. Когда, въ началѣ 1724 года, всѣмъ стало уже извѣстно, что Полуботокъ и Чарнышъ посажены царемъ въ «темницу», народъ положительно былъ увѣренъ, что вслѣдъ затѣмъ условія его жизни измѣнятся къ лучшему. Въ апрѣлѣ 1724 года крестьяне с. Подолковъ говорили: «не станемъ панщины робить, годи (довольно), уже Полуботка и Чарныша немашъ (нѣтъ), т и сихъ пановъ не будетъ, которымъ приказано начальство».

Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, М., 1842, изд. 3-е, с. 73, 74, 80, 143—144, 146—147, 149, 152, 158, 162, прим. 109, 137 и 202.—Н. И. Костомаровъ, Павелъ Полуботокъ, Рус. Стар. 1876, мартъ, с. 509—516.—А. Лазаревскій, Описаніе Старой Малороссіи, т. I, Полкъ Стародубскій Кіевъ, 1888, с. 38, 45—47, 200—201, 313, 340, 352, 416; т. II, Полкъ Нѣжинскій, Кіевъ, 1893, 277—279, 281, 283, 287, 363, 386—387, 432. — А. Лазаревскій, Очерки быта Малороссіи въ XVIII вѣкѣ, III, Сотники, Р. Арх., 1873, с. 359—60.—А. Лазаревскій, Павелъ Полуботокъ, Р. Арх., 1880, кн. I, с. 148, 152, 175, 178, 201, 206, 209.—А. Лазаревскій, Черниговская лѣтопись по новому списку (1587—1725) и Коломацкія челобитныя, Кіевъ, 1890, с. 20, 29.—Гр. Милорадовичъ, Сказанія о родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей, Кіевъ, 1884, с. 96—98, 100.—Любецкій архивъ графа Милорадовича, Кіевъ, 1898, с. IV, 1—3.—О родѣ дворянъ и графа Милорадовича, прилож. къ Р. Арх. 1871 г., с. 12, 15, 16, 27.—Сборникъ Импер. Русск. Историч. Общ., т. XI, Спб., 1873, с. 515; т. LVI, Спб., 1887, с. 269—270, 290, 607.—Кіев. Старина, 1882, III, 480; V, 342; 1883 г., VII, с. 530—33.—Полное Собраніе Законовъ Росс. Имперіи, т. VI, с. 455, 682; т. VII, с. 415—417. — Списки Полтав. Ревиз. Коммиссіи, № 475, л. 293—294, въ Архивѣ Д-та Герольдіи Прав. Сената.—Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича, т. II, с. 200, 213, 237, 266—267.—Письма и бумаги Петра Великаго, т. I (1688—1701), Спб., 1887, стр. 793, 798.

В. Гарскій.

Чарнышъ, *Осипъ*, писатель, воспитывался въ 1787—89 годахъ въ вольномъ благородномъ пансіонѣ, учрежденномъ въ 1779-мъ году при Московскомъ Университетѣ. Къ этому времени относятся его сочиненія: 1) «О христіанской любви и терпѣніи», напечатанное въ 1787 г. въ сборникѣ питомцевъ благороднаго пансіона, носящемъ названіе: «Распускающагося цвѣтка»; 2) «Норстонъ и Сусанна, или коловратность рока», переводъ и 3) «Два возраста», переводъ; послѣдніе два перевода напечатаны тоже въ сборникѣ питомцевъ благороднаго пансіона въ 1789 г.,

подъ названіемъ «Полезнаго упражненія юношества». Отдѣльно изданъ Чарнышемъ переводъ съ французскаго: «Географическое описаніе Азіи, съ присовокупленіемъ въ главныхъ мѣстахъ оныя политической и естественной исторіи. Г. аббата де-ла-Кроа», М., 1789.

А. Н. Неустроевъ, Историч. розыск. о русск. поврем. изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг., Спб., 1874, с. 483, 556.—Шевыревъ, Исторія Императ. Московскаго Университета, М., 1855, с. 262.—Сопиковъ, Опытъ Росс. библіографіи, № 7541.—Смирдинъ, Роспись Росс. книгамъ, № 3543.

В. Гарскій.

Чарторижская, (*правильнѣе — Чарторійская*) *княгиня Изабелла,* (Czartoryska, Izabella Elżbieta Dorota), извѣстная польская писательница, мать кн. Адама Чарторижскаго. Родилась она 3-го марта 1746 г. (по другимъ свѣдѣніямъ 22 го мая 1740 г.) отъ отца, небогатаго саксонскаго дворянина, впослѣдствіи министра финансовъ (podskarbi wielki) великаго княжества Литовскаго и воеводы Поморскаго Юрія Флемминга, и матери Антонины, рожденной княжны Чарторижской. Потерявъ въ раннемъ дѣтствѣ мать и тетку, — вторую жену Ю. Флемминга, Чарторижская получила первоначальное воспитаніе въ аристократическомъ духѣ, причемъ воспитаніемъ этимъ руководила ея бабушка княгиня Чарторижская, вдова литовскаго канцлера, жившая въ Варшавѣ и въ Волчинѣ. На 16-омъ году жизни, Чарторижская 19-го октября 1761 г. вышла въ Волчинѣ же замужъ за своего двоюроднаго дядю князя Казиміра-Адама Чарторижскаго, блестящаго и богатаго, 26-ти лѣтняго молодого человѣка, который впослѣдствіи могъ явиться претендентомъ даже на польскій престолъ. Со времени этой свадьбы начинается активная жизнь Чарторижской, жизнь, которую можно раздѣлить на три періода: молодости — времени свѣтскихъ увлеченій и аристократическихъ забавъ; зрѣлаго возраста—времени занятій политикой; наконецъ, старости — періода литературныхъ работъ.

Медовый мѣсяцъ молодые проводили въ Парижѣ, гдѣ 16-тилѣтняя княгиня кружила голову всему великосвѣтскому обществу и сама увлеклась извѣстнымъ Лозёномъ (впослѣдствіи герцогъ Биронъ); мужъ увезъ её въ Лондонъ; тамъ познакомилась она съ Франклиномъ, который оказалъ на неё сильное вліяніе. Излѣчившись отъ своего увлеченія, Чарторижская вернулась съ мужемъ на родину, гдѣ въ это время умеръ король Августъ III-ій и на очереди стоялъ вопросъ объ избраніи новаго короля. Видя, что русская Императрица поддерживаетъ кандидатуру его двоюроднаго брата Станислава-Августа Понятовскаго, Казиміръ-Адамъ отказался отъ всякихъ притязаній на польскую корону и оказалъ энергичное содѣйствіе своему родственнику. Понятовскій былъ избранъ королемъ и началась самая блестящая и шумная эпоха въ жизни Чарторижской. Фаворитка короля, она находилась въ близкихъ отношеніяхъ съ русскимъ посланникомъ княземъ Репнинымъ. Все это не мѣшало велико-свѣтскимъ польскимъ патріотамъ смотрѣть на молодую княгиню, какъ на божество. Зараженная моднымъ сентиментализмомъ своего времени, она устроила себѣ подъ Варшавой резиденцію — Повонзки (Powązki), идиллическое убѣжище, довольно близкую копію съ Тріанона,—Повонзки, воспѣтые Трембицкимъ. Здѣсь принимала она въ пастушескихъ избушкахъ польскихъ магнатовъ, одѣтыхъ пастушками и задавала пиры, на которые съѣзжалась вся аристократическая Варшава. Придворные балы, на которыхъ царицей являлась Чарторижская, смѣнялись шумными пріемами въ Повонзкахъ; словомъ, жизнь молодой княгини проходила весело и безпечно. Первый раздѣлъ Польши на время остановилъ эти великосвѣтскія развлеченія и, во всякомъ случаѣ, нѣсколько измѣнилъ жизнь Чарторижской. Тотчасъ послѣ паденія Рѣчи Посполитой супруги Чарторижскіе отшатнулись отъ короля. Мужъ уѣхалъ въ деревню и занялся хозяйствомъ, жена поселилась въ Пулавахъ, гдѣ нашла себѣ развлеченіе въ устройствѣ этого помѣстья, изъ котораго она поставила себѣ цѣлью сдѣлать «польскій Рамбулье» на берегахъ Вислы, и въ воспитаніи дѣтей.

Воспитаніе это не требовало, впрочемъ, особыхъ заботъ со стороны матери — въ младенческомъ возрастѣ дѣти ея оставались на попеченіи m-lle Petit, выняньчившей самую Чарторижскую, или ввѣрялись камердинеру; когда они подростали, къ нимъ приглашались польскіе и французскіе учителя; образованіе они довершали за-границей. Особенное вниманіе обращалось на

Адама-Юрія, впослѣдствіи приближеннаго и министра Императора Александра I-го; князя Адама мать лично сопровождала въ 1789 году въ западную Европу.

Устроивъ Пулавы, Чарторижская основала въ нихъ два музея, каждый для различныхъ цѣлей: 1) храмъ Сивиллы, представлявшій вѣрную копію съ древняго храма Сивиллы, и 2) такъ называемый «Готическій домикъ». Первый изъ нихъ, основанный въ 1798 г. и имѣвшій на входной двери надпись на польскомъ языкѣ «Прошедшее—будущему», предназначался для памятниковъ, относящихся къ исторіи и археологіи Польши: въ немъ хранились регаліи польскихъ королей, украшенія королевъ, оружіе старинныхъ полководцевъ и трофеи, отбитые польскими войсками у непріятеля. Второй музей, построенный въ смѣшанномъ фламандско-мавританскомъ стилѣ изъ камней разныхъ, болѣе или менѣе знаменитыхъ развалинъ, вмѣщалъ различныя коллекціи археологическаго, историческаго, художественнаго характера, самого разнообразнаго происхожденія. Въ настоящее время храмъ Сивиллы находится въ запустѣніи, «Готическій домикъ» обращенъ въ лѣтнее помѣщеніе для служащихъ въ Агрономическомъ институтѣ, коллекціи же, частью перешли въ другія мѣстности и заграничные музеи, частью исчезли во время многочисленныхъ погромовъ, которымъ подверглись Пулавы.

Вскорѣ въ Пулавахъ начались празднества, которымъ хозяйка придавала патріотическій характеръ. Онѣ продолжались недолго; на одномъ изъ нихъ дочь Чарторижской, попавъ платьемъ въ каминъ, сгорѣла во время бала. На нѣкоторое время свѣтская жизнь въ знаменитомъ помѣстіи прекратилась, но вскорѣ состоялась помолвка младшей дочери княгини съ герцогомъ Виртембергскимъ, и снова начались шумные пріемы. Послѣ свадьбы дочери, Чарторижская уѣхала за-границу, гдѣ побывала при многихъ европейскихъ дворахъ, съ которыми породнилась при помощи этого брака. Она познакомилась съ Фридрихомъ II-мъ, Іосифомъ II-мъ и Кауницемъ, и на всѣхъ произвела выгодное впечатлѣніе: первый былъ даже ею очарованъ и выразился по поводу ея словами: «въ Польшѣ всѣми дѣлами управляютъ женщины, мужчины только разсыпаются въ любезностяхъ». Во время отсутствія Чарторижской произошелъ второй раздѣлъ Польши, мужъ ея былъ почти раззоренъ. Какъ это ни было тяжело патріоткѣ, Чарторижской пришлось послать обоихъ сыновей къ русскому двору. Адамъ вскорѣ сдѣлался любимцемъ и министромъ Александра I-го и полуразрушенный замокъ Чарторижскихъ снова былъ возстановленъ. Осенью 1808 г. Александръ I-ый, незадолго до Аустерлицкой битвы посѣтилъ Пулавы. Княгиня ликовала: въ этомъ посѣщеніи она видѣла указаніе на возможность возстановленія Польши подъ скипетромъ русскаго Императора. Александръ I-ый пожелалъ познакомиться съ возможно большимъ количествомъ поляковъ, изъ Варшавы стали съѣзжаться къ Чарторижской помѣщики-дворяне и надежды ея еще больше увеличились; но вмѣсто похода на Пруссію, Императоръ поѣхалъ изъ Пулавъ въ Берлинъ и у гроба Фридриха II-го поклялся спасти его наслѣдіе, а Польшу предоставилъ самой себѣ. Уѣзжая Александръ I-ый обѣщалъ черезъ два мѣсяца снова пріѣхать къ Чарторижской, но прошелъ годъ и только тогда княгинѣ снова пришлось увидѣть Императора, на этотъ разъ въ Варшавѣ на балу. Надеждъ на возстановленіе Польши становилось все меньше и меньше; Чарторижская, которой больно было признаться въ этомъ, повернула въ другую сторону и создала себѣ кумиръ изъ Наполеона, втайнѣ надѣясь, что благодаря ему, Польша снова будетъ независимой. Прошло нѣсколько лѣтъ: Наполеонъ не далъ Польшѣ свободы и, когда Александръ I-ый, возвращаясь побѣдителемъ изъ Парижа, снова заѣхалъ въ Пулавы, надежды Чарторижской опять обратились въ его сторону. Послѣ двухъ-мѣсячнаго, чисто идиллическаго пребыванія въ Пулавахъ, Императоръ уѣхалъ оттуда, чтобы въ послѣдній разъ посѣтить Чарторижскую 15 апрѣля 1815 г. Вскорѣ всѣ иллюзіи княгини разсѣялись: стало ясно что Александръ I-ый не думаетъ о независимости Польши, но княгиня продолжала жить въ своемъ любимомъ помѣстьи, еще въ душѣ разсчитывая на что-то. Только когда въ 1830 г. замокъ ея былъ взятъ русскимъ отрядомъ, которымъ начальствовалъ ея же зять герцогъ Виртембергскій, она поняла, что нѣтъ мѣста надеждѣ, и уѣхала изъ Пулавъ.

Живя въ Пулавахъ, Чарторижская увлекалась красотой даже небогатой польской природы и это побудило ее къ перепискҍ съ Делилемъ, который въ своей извҍстной поэмҍ «Сады» упомянулъ и о Пулавахъ; «паркъ, деревья, кусты», говоритъ княгиня, «и уходъ за ними наполнили мои дни... Среди цвҍтовъ и растеній моя жизнь казалась мнҍ болҍе легкой...; часто старыя деревья напоминали мнҍ о дняхъ болҍе счастливыхъ». Плодомъ ея наблюденій явилась книга: «О разныхъ способахъ разведенія садовъ» («Myśli różne o sposobach zakładania ogrodów», Wrocław 1805 г., съ 28-ью рисунками, 2-ое изд. тамъ же, 1807.) Тамъ же въ Пулавахъ она устроила школу, организовала врачебную помощь для крестьянъ, наконецъ, сама занялась литературой для народа и эти ея занятія и доставили ей извҍстность. Самое большое и самое интересное изъ ея сочиненій подобнаго рода носитъ названіе «Пилигримъ въ Добромилҍ» («Pielgrzym w Dobromilu, czyli nauki wiejskie, z czterdziestu obrazkami królów polskich wyobrażającemi, litograficznie wyciskanemi» Warszawa 1818, 1819, 2-ая часть — Warszawa, 1821) и содержаніе его состоитъ въ слҍдующемъ: хозяинъ деревни Добромиль, Бира, возвращаясь съ сҍнокоса, встрҍчаетъ Хвалибога, образованнаго человҍка, пилигрима, не имҍющаго собственнаго дома, и приглашаетъ его къ себҍ; Хвалибогъ сразу располагаетъ къ себҍ хозяйку и хозяина, а любовь дҍтей завоевываетъ образками святыхъ и обҍщаніемъ разсказать про св. мучениковъ. Домъ Биры и деревня Добромиль понравились Хвалибогу и онъ рҍшаетъ остаться здҍсь и учить дҍтей. Разсказывая дҍтямъ и взрослымъ эпизоды изъ отечественной исторіи и біографіи великихъ польскихъ людей, онъ перемҍшиваетъ свои разсказы цҍлымъ рядомъ практическихъ совҍтовъ, предлагая бҍлить хаты, выметать дворы, осушать болота, смотрҍть за скотомъ, устраивать пасҍки, обсаживать кладбища деревьями, выравнивать улицы, и не только предлагаетъ, но и указываетъ, какъ достигнуть всего этого. Словомъ «Пилигримъ» является опытомъ крестьянской энциклопедіи, написанной довольно легко и понятно. Къ «Пилигриму» приложенъ сборникъ — «Катехизисъ земледҍльца» («Katechizm rolnika»). Обҍ части выдержали нҍсколько изданій (послҍднее — 1861—62).

Довольно вҍрные и, во всякомъ случаҍ, для своего времени оригинальные взгляды высказала Чарторижская во «Вступленіи» къ вышеуказанному сочиненію, взгляды, касающіеся популярной народной литературы: «Первоначальное образованіе», говоритъ авторъ «Пилигрима», «должно быть легкимъ и интереснымъ. Нужно, чтобы оно не отталкивало отъ себя читателей трудностью пониманія излагаемыхъ предметовъ, такъ какъ чтеніе должно служить для нихъ развлеченіемъ; что же касается стиля сочиненія, то мнҍ казалось, что для всякого званія есть свой языкъ, понятный читателямъ. Вычурные обороты, изысканныя слова, цвҍтистыя выраженія были бы непонятны въ убогой хатҍ; здҍсь нужны простыя, ясныя слова, сразу понятныя хозяину, хозяйкҍ, дҍтямъ и сосҍдямъ». Къ сожалҍнію самъ авторъ не всегда умҍлъ изложить свои мысли такъ, какъ онъ рекомендуетъ во вступленіи, и не избҍжалъ также и нҍкоторыхъ другихъ недостатковъ, на которые подробно указываетъ въ своей книгҍ I. Лелевель (Joachim Lelewel «Pielgrzym w Dobromilu czyli nauk wiejskich rozbiór, z uwagami nad stanem wiejskim w Polsce i ulepszeniem oświaty jego» въ «Pamiętniku Warszawskim», томъ XVI, ст. 293—336). Не смотря на это, сочиненіе Чарторижской доставило ей извҍстность вполнҍ заслуженную. Кромҍ упомянутыхъ въ текстҍ, Чарторижская извҍстна еще слҍдующими своими сочиненіями: «Książka do pacierzy dla dzieci wiejskich podczas mszy świętej dla szkółki puławskiej (Wrocław 1815, 2-ое изд. Warszawa 1821, 3-е изд. — Puławy 1830). Умерла она въ 1835 г., 17-го іюня.

L. Sowiński, «Rys dziejów lit. pols.» т. II, ст. 199.— L. Dębicki, «Puławy» т. I, ст. 77—219; т. II, ст. 203—392; т. IV, ст. 47—149.—«Encykloped. wychowawcza», статья M. Żmigrodzkiego, т. III.—«Encyklop. Wielka», статья П. Хмҍлевскаго, т. XIV.—«Revue Nouvelle», 1890, 15 avril, статья А. Волзинскаго «Une grande dame polonaise d'autrefois».—Estreicher, «Bibliografia polska» Kraków 1896, т. XIV.—Костомаровъ, «Послҍдніе годы рҍчи посполитой» Спб. 1886, т. I.—«Pamiętniki Franciszka Karpińskiego», Warszawa, 1898.—«Русская Старина» 1884, т. XII и т. LV.—«Историческій Вҍстникъ» 1896, т. LXIV.

Б. Савинковъ.

Чарторижскій, (*правильнѣе Чарторійскій*) *князь Адамъ Адамовичъ* (*Адамъ-Юрій*), родился 14-го января 1770 г. въ Варшавѣ. Мать его, княгиня Изабелла (см. выше), въ первые годы своего замужества вела жизнь великосвѣтской дамы, исполненную всякаго рода забавъ и увеселеній, и воспитаніемъ дѣтей не занималась. Чарторижскій находился сначала подъ надзоромъ камердинера-француза Буасси (Boissy), человѣка очень добраго и разсудительнаго, не допустившаго своимъ демократическимъ обращеніемъ развиться въ своемъ питомцѣ тому высокомѣрному, пренебрежительному отношенію къ людямъ не аристократическаго происхожденія, которое было свойственно польскимъ магнатамъ XVIII вѣка. Дѣтство князя Адама прошло главнымъ образомъ въ одной изъ резиденцій рода Чарторижскихъ, Повонзкахъ, вблизи Варшавы. Эта резиденція находилась въ красивой мѣстности и построена была во вкусѣ тогдашняго идиллическаго сантиментализма: она представляла собою рядъ деревянныхъ избушекъ покрытыхъ соломою, но внутри отдѣланныхъ въ высшей степени роскошно и изящно. Каждый членъ семьи имѣлъ свой отдѣльный дворецъ-избушку съ особенною эмблемою; дворецъ-избушка кн. Адама былъ украшенъ дубовой вѣтвью и надписью: «постоянство». Впечатлѣнія изъ этого періода его жизни глубоко врѣзались въ память Чарторижскаго и сильно повліяли на его душевное развитіе, давая перевѣсъ чувству и воображенію надъ разумомъ и волею; князь вспоминалъ впослѣдствіи о дѣтскихъ годахъ, проведенныхъ имъ въ Повонзкахъ, съ большою любовью. Когда онъ и братъ его Константинъ нѣсколько уже подросли, руководство ихъ воспитаніемъ было поручено полковнику Цѣсельскому. Бывшій инструкторъ Варшавскаго кадетскаго корпуса, глубоко проникнутый принципами, легшими въ основу системы воспитанія въ этомъ учебномъ заведеніи, Цѣсельскій любилъ своихъ воспитанниковъ и съумѣлъ снискать ихъ привязанность, а потому и оказалъ сильное вліяніе на ихъ развитіе; онъ старался укрѣпить въ нихъ чувства рыцарскаго благородства и патріотизма. Не отличаясь ученостью, онъ могъ сообщать своимъ ученикамъ лишь элементарныя свѣдѣнія изъ отечественной исторіи, но какъ военный, онъ научилъ ихъ искусству владѣть конемъ и оружіемъ. Отецъ Чарторижскихъ, кн. Адамъ Казиміръ, извѣстный польскій дѣятель XVIII вѣка, горячо интересовавшійся вопросами тогдашняго воспитанія и образованія (онъ былъ членомъ знаменитой Эдукаціонной Коммиссіи, которая произвела коренныя преобразованія въ сферѣ народнаго просвѣщенія Польши), старался окружить своихъ сыновей лучшими преподавателями своего времени. Математику и физику преподавалъ женевецъ Люилье (Lhuillier), исторію Польши и польской литературы извѣстный въ свое время поэтъ Княжнинъ, латинскій и греческій языки — датчанинъ Шоу, бывшій наставникъ наслѣднаго принца Датскаго, а потомъ замѣчательный филологъ Эрнестъ Гроддекъ, бывшій впослѣдствіи профессоромъ Виленскаго университета; Дюпонъ-де-Немуръ (Dupont-de-Nemours), извѣстный въ послѣдующее время депутатъ французскаго Учредительнаго Собранія, написалъ для молодыхъ князей Чарторижскихъ курсъ политической экономіи на основаніи принциповъ знаменитаго физіократа Кене и знакомилъ ихъ съ всеобщей исторіею. Преподаваніе происходило по плану и подъ руководствомъ самого отца Чарторижскихъ, который внимательно слѣдилъ за успѣхами своихъ сыновей,—но правильностью и послѣдовательностью не отличалось: его часто и на долго прерывали различнаго рода забавы и развлеченія, охота, театральныя представленія, живыя картины и увеселительныя поѣздки изъ одного родового имѣнія въ другое. Душевное развитіе Чарторижскаго совершалось не столько благодаря систематическому обученію, сколько подъ вліяніемъ впечатлѣній, которыя онъ выносилъ изъ окружавшей его среды и изъ непосредственнаго знакомства съ дѣйствительной жизнью. Для театральныхъ представленій выбирались намѣренно произведенія, которыя могли сильно возбуждать патріотическое чувство въ зрителяхъ, какъ напр. «Мать Спартанка», сочиненіе, написанное спеціально для Чарторижскихъ упомянутымъ уже нами поэтомъ Княжнинымъ. Въ этихъ представленіяхъ выступали иногда въ роляхъ актеровъ сама княгиня Чарторижская и ея дѣти. Въ 1782 г. юный князь Адамъ присутствовалъ на сеймѣ и совѣщанія его произвели на него значительное впечатлѣніе; онъ на всю жизнь запомнилъ

разбиравшееся тогда дѣло епископа Солтыка и вынесъ опредѣленное сужденіе о дѣятеляхъ этого процесса. Въ томъ же году онъ совершилъ путешествіе по различнымъ областямъ тогдашней Польши вмѣстѣ съ отцомъ, который хотѣлъ осмотрѣть богатыя имѣнія, доставшіяся ему въ наслѣдство отъ родственника, русскаго воеводы кн. Августа Чарторижскаго. Путешествіе совершалось въ богатой обстановкѣ, съ многочисленной дворнею и свитою,—и совершалось съ намѣреніемъ медленно, для того чтобы остаться подольше въ извѣстномъ мѣстѣ, произвести должное впечатлѣніе на мѣстныхъ обывателей, укрѣпить вліяніе рода и пріобрѣсти побольше сторонниковъ. Конечно, повсюду Чарторижскимъ устраивались торжественныя встрѣчи, и князь Адамъ вынесъ изъ этой поѣздки массу впечатлѣній, которыя въ суммѣ дали ему нѣкоторое представленіе о родной странѣ, хотя, понятно, знакомство съ нею въ ея обыденной обстановкѣ было бы для него гораздо полезнѣе. Болѣе серіозное и систематическое обученіе началось для юнаго Чарторижскаго въ Пулавахъ, главной резиденціи ихъ рода (нынѣ Новая Александрія). Пулавы были въ то время однимъ изъ важныхъ очаговъ, въ которыхъ концентрировалась умственная жизнь Польши. Чарторижскіе, слѣдуя примѣру своего родственника, короля Станислава Августа Понятовскаго, покровительствовали наукѣ и искусству, и собирали вокругъ себя извѣстныхъ въ то время литераторовъ и художниковъ; поэтому князю Адаму выпало на долю вращаться въ обществѣ такихъ людей, какъ поэты Карпинскій и Князьнинъ, авторъ комедій Заблоцкій, педагогъ Пирамовичъ и др. Чарторижскій вспоминалъ о нихъ съ умиленіемъ и высоко цѣнилъ то вліяніе, которое они произвели на его душу. «О избранные мужи,» восклицалъ онъ впослѣдствіи, «къ сонму которыхъ и я съ братомъ, переходя отъ дѣтства къ юности, имѣлъ доступъ, примите, гдѣ бы вы ни были, дань дружескаго расположенія души, которая и теперь по васъ тоскуетъ»! Обучались молодые Чарторижскіе не одни, но въ обществѣ многихъ сверстниковъ, сыновей—и простой шляхты, и родовой знати. Резиденціи польскихъ магнатовъ, какъ въ средніе вѣка замки феодаловъ, были школами, въ которыхъ молодежь практически пріобрѣтала необходимыя въ дальнѣйшей ея жизни познанія. Пулавы привлекали, конечно, такой молодежи болѣе, нежели какая нибудь иная магнатская резиденція. Обучались здѣсь вмѣстѣ съ молодыми князьями Чарторижскими и сынъ магната, канцлера Сапѣги, и сынъ простого шляхтича Бернатовичъ, который сдѣлался потомъ извѣстнымъ романистомъ. Эта учащаяся молодежь, подражая старшимъ, устраивала собранія, на которыхъ обсуждались вопросы, волновавшіе, именно, старшихъ людей. Для Рѣчи Посполитой конца XVIII вѣка вопросъ о созданіи и организаціи государственной власти былъ вопросомъ самого бытія и его на всевозможные лады рѣшали въ тогдашней литературѣ. Въ обществѣ образовались два теченія: одно прогрессивное, желавшее укрѣпить государство и создать даже сильную королевскую власть, и другое, консервативное, отстаивавшее анархическій строй прежнихъ временъ. Молодой князь Адамъ проникнутъ былъ сначала ходячими воззрѣніями на государственное устройство, являлся пылкимъ приверженцемъ т. наз. «золотой вольности», но одинъ случай произвелъ крутой переворотъ въ его политическомъ міросозерцаніи. Однажды на одномъ изъ собраній Пулавской молодежи былъ поднятъ вопросъ, какое правленіе лучше, вполнѣ свободное или надѣленное властью. «Я», говоритъ Чарторижскій, «былъ всегда сторонникомъ возможно большей свободы, но къ своему большому удивленію услышалъ, что Рембелинскій (одинъ изъ его наставниковъ) воздаетъ похвалы сильной власти; все это было выражено такъ сильно, что я онѣмѣлъ, ничего не могъ отвѣтить и чувствовалъ себя вполнѣ побѣжденнымъ». Въ воспитаніи Чарторижскаго надо отмѣтить еще двѣ важныя черты. Родители старались искоренять въ своихъ дѣтяхъ всякое проявленіе надменности къ низшимъ и развить, напротивъ того, чувства дружескаго расположенія ко всякому человѣку, къ какому бы онъ ни принадлежалъ состоянію. Мать, женщина глубоко религіозная, начавшая послѣ періода увлеченій свѣтскою жизнью интересоваться воспитаніемъ своихъ дѣтей, воспитала ихъ въ духѣ религіозности и преданности католической вѣрѣ. Князь Адамъ писалъ въ молодости стихотворенія, проникнутыя искреннимъ благочестіемъ и обнаруживавшія возвышенное пониманіе христіанской

этики, а потомъ составлялъ религіозно-философскіе трактаты, въ которыхъ онъ пытался опровергнуть ученіе Канта. Вообще, онъ обнаруживалъ больше охоты къ ученію, нежели его братъ Константинъ, такъ что родители называли его «резонеромъ», «старикомъ», «буквоѣдомъ». Отецъ хотѣлъ приготовить его къ дѣятельности на дипломатическомъ поприщѣ, а поэтому совѣтовалъ ему изучить въ совершенствѣ французскій языкъ, какъ языкъ международныхъ сношеній, усвоить себѣ солидныя познанія въ исторіи и географіи Европы, въ особенности новѣйшихъ временъ, и хорошо познакомиться съ политическимъ и экономическимъ положеніемъ современныхъ европейскихъ государствъ. Съ этою цѣлью онъ, въ 1786 году, отправилъ сына съ полковникомъ Цѣсельскимъ въ путешествіе по Европѣ. Путешественники побывали въ Германіи и Швейцаріи, и юный Чарторижскій возвратился на родину съ богатымъ запасомъ впечатлѣній и полезныхъ свѣдѣній. Въ Веймарѣ онъ посѣтилъ давнишнихъ знакомыхъ своего отца Виланда и Гердера, и былъ представленъ Гете, который произвелъ на него сильное впечатлѣніе; на одномъ собраніи онъ слышалъ, какъ великій поэтъ читалъ свою «Ифигенію въ Тавридѣ». Когда Чарторижскій возвратился въ Польшу (въ концѣ 1786 г.), здѣсь приготовлялись весьма важныя событія: вскорѣ по возвращеніи князя страну охватила лихорадочная дѣятельность по случаю выборовъ на сеймъ, который долженъ былъ произвести коренныя преобразованія въ политическомъ и общественномъ устройствѣ Рѣчи Посполитой; въ исторіи этотъ сеймъ носитъ названіе великаго (1788 — 1792). Въ странѣ уже передъ началомъ сейма стали обозначаться три политическія партіи: король со своими приверженцами желалъ провести реформы съ согласія и при поддержкѣ Россіи; нѣкоторые сторонники реформъ враждебно къ ней относились, желали освободить государство отъ т. н. «гарантіи», т. е. отъ зависимости, въ которой оно находилось по отношенію къ Россіи и возлагали надежды на Пруссію; наконецъ, была партія, консервативная, которая готова была защищать всѣми силами прежнее государственное устройство. Чарторижскіе принадлежали ко второй партіи, которую называли потомъ патріотическою. Отецъ князя Адама задумалъ быть посломъ (т. е. депутатомъ на сеймъ) отъ г. Люблина, но не желалъ принимать участія лично въ избирательной борьбѣ, такъ какъ въ 1786 году его честолюбію нанесенъ былъ чувствительный ударъ: шляхта на сеймикѣ въ Каменцѣ Подольскомъ не избрала его своимъ посломъ. Поэтому рѣшено было теперь отправить въ избирательную кампанію князя Адама. Руководимый полковникомъ Цѣсельскимъ и въ особенности Казиміромъ Ржевускимъ, онъ исполнилъ данныя ему порученія вполнѣ успѣшно. Въ Люблинѣ отецъ былъ избранъ безъ противодѣйствія, а выборы на Каменецкомъ сеймикѣ, на которомъ князь Адамъ предсѣдательствовалъ, произошли такъ, какъ желали того сторонники Чарторижскихъ. «Князь Адамъ», доносили королю, «стараясь въ переговорахъ съ королевской партіею удержать всѣхъ тѣхъ, которые на прошломъ сеймикѣ были устранены, всѣ дѣла рѣшалъ весьма политично» (z największą grzecznością wszystkie rzeczy traktował). Избирательная кампанія 1788 г. была первою школою, практически познакомившею Чарторижскаго съ политической дѣятельностью; она же обнаружила въ немъ впервые и тактъ политическаго дѣятеля, тѣмъ болѣе замѣчательный, что самому дѣятелю было всего 18 лѣтъ. Моментъ до начала великаго сейма важенъ для біографіи Чарторижскаго еще въ другомъ отношеніи: Польша готовилась къ обширнымъ преобразованіямъ и польскіе патріоты того времени, то и дѣло, что составляли проекты всевозможныхъ реформъ. Мало того, за такими проектами обращались къ тогдашнимъ знаменитостямъ, Руссо и Мабли; отецъ Чарторижскаго обратился поэтому-же поводу къ флорентинцу Симеону Піаттоли. Явившись въ Польшу, Піаттоли сдѣлался наставникомъ молодого князя Адама: читалъ съ нимъ сочиненія классическихъ писателей и посвящалъ его въ свои политическо-національныя мечтанія. Онъ составилъ слѣдующій планъ преобразованія Польши. Высшую власть въ странѣ должны взять въ свои руки четыре человѣка, самыхъ справедливыхъ, самыхъ честныхъ, самыхъ умныхъ; они образуютъ кваттуорвиратъ, который, соединившись вмѣстѣ съ 8 избранными лучшими гражданами, постарается, какъ патріотическій конгрессъ, принять подготовительныя мѣры для созыва свободнаго сейма.

Сеймъ изберетъ чрезвычайный комитетъ, которому поручитъ исполнительную власть до будущаго сейма и особенную коммисію, которая займется составленіемъ плана государственныхъ реформъ. Проектъ Піаттоли отличался фантастичностью, не могъ быть примѣненъ къ дѣйствительной жизни и мы отмѣчаемъ его лишь какъ знаменіе времени. Князь Адамъ Чарторижскій не чуждъ былъ политическаго фантазерства, что надо объяснять вліяніемъ эпохи, въ которую онъ получилъ свое воспитаніе и образованіе.

Дѣятельность великаго сейма началась 3 ноября. Чарторижскій былъ тогда въ Варшавѣ, присутствовалъ на сеймовыхъ засѣданіяхъ и относился съ восторгомъ къ начинаніямъ патріотической партіи. Но въ концѣ года онъ уѣхалъ въ Пулавы, а 26 сентября (н. ст.) 1789 г. отправился вмѣстѣ съ матерью за границу, чтобы продолжать свое образованіе. Путешественники миновали Парижъ, потому что революція была уже въ самомъ разгарѣ, и уѣхали въ Англію. Прибыли они въ эту страну какъ разъ въ тотъ моментъ, когда въ парламентѣ разбирался процессъ знаменитаго намѣстника-грабителя Уоррена-Гастингса и Чарторижскій имѣлъ возможность послушать блестящія рѣчи знаменитыхъ ораторовъ: Бёрка, Фокса, Шеридана, Уиндгама и Грея. Въ то же время Питтъ и Уильберфорсъ со всею силою своего краснорѣчія осуждали невольничество, какъ величайшій позоръ человѣчества. Въ впечатлительной душѣ князя Адама эти минуты оставили несомнѣнно глубокій слѣдъ и укрѣпили его еще болѣе въ гуманныхъ воззрѣніяхъ. По окончаніи сессіи парламента Чарторижскіе отправились въ путешествіе по Англіи и Шотландіи; побывали у извѣстныхъ лордовъ Страффордъ, Аргайля, Дугласовъ, Гамильтоновъ и др., осматривали съ умиленіемъ вещи, оставшіяся послѣ Маріи Стюартъ, посѣтили университеты въ Оксфордѣ и Эдинбургѣ, и фабрики въ Ливерпулѣ, Манчестерѣ и другихъ городахъ. Въ Шотландіи князь Адамъ познакомился съ знаменитыми учеными того времени Кларкомъ, Робертсономъ и Юмомъ. Въ концѣ августа 1790 г. (н. ст.) путешественники возвратились въ Лондонъ. Англійская жизнь сильно заинтересовала и увлекла Чарторижскаго. Онъ могъ возвратиться на родину, чтобы начать политическую дѣятельность и въ качествѣ посла на сеймъ, но не пожелалъ этого сдѣлать, полагая, что это еще преждевременно, и остался еще на нѣсколько мѣсяцевъ въ Англіи, чтобы лучше изучить англійскую конституцію, знакомиться съ которою онъ началъ съ самого своего пріѣзда въ страну. Только въ концѣ марта (н. ст.) 1791 года онъ отправился въ Польшу и явился туда въ знаменательный моментъ ея исторіи, когда преобразовательная партія готовилась произвести государственный переворотъ, съ цѣлью дать странѣ новую конституцію. Князь Чарторижскій былъ свидѣтелемъ замѣчательныхъ сценъ 3-го мая; общее увлеченіе охватило вполнѣ и сильно взволновало его, такъ что много лѣтъ спустя онъ описывалъ день провозглашенія конституціи съ величайшимъ восторгомъ, и это вполнѣ понятно, такъ какъ конституція 3-го мая была какъ бы дѣтищемъ реформаторскихъ стремленій его рода и своими принципами соотвѣтствовала его политическому міросозерцанію. Возвратившись въ Польшу, Чарторижскій хотѣлъ служить родинѣ сначала на военномъ поприщѣ и избралъ для себя тотъ корпусъ, которымъ командовалъ мужъ его сестры Маріи, принцъ Людвигъ Виртембергскій. Но военная служба Чарторижскаго продолжалась немного времени. Вожди консервативной партіи постановили во что бы то ни стало уничтожить конституцію 3-го мая; съ этою цѣлью они обратились за помощью къ Императрицѣ Екатеринѣ, снискали ея могущественную поддержку и, составивъ конфедерацію въ Тарговицѣ, при помощи русскихъ войскъ ниспровергли новыя учрежденія. Во время войны 1792 г. защита Литвы была поручена принцу Виртембергскому, но онъ измѣнилъ Польшѣ, такъ что у него было отнято командованіе войскомъ. Эта измѣна сильно потрясла Чарторижскихъ: супруга принца Виртембергскаго ушла въ монастырь и потребовала развода съ мужомъ. Князь Адамъ отличился на поляхъ битвъ. За дѣло подъ Граномъ онъ «въ награду за услуги, оказанныя родинѣ, храбрость въ бою и искусство» получилъ знакъ отличія virtuti militari (20 іюля н. ст. 1792 г.)— награда, которую онъ особенно цѣнилъ во всю свою жизнь. При тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находилась тогда Польша, борьба съ могущественной Россіею была невоз-

можна; русскія войска подвигались все дальше вглубь страны. И когда по желанію Императрицы Екатерины II король присоединился къ тарговицкой конфедераціи генералы и офицеры патріотической партіи, кн. Іосифъ Понятовскій, Косцюшко и др. стали подавать въ отставку и удаляться за-границу. Въ числѣ ихъ былъ и князь Чарторижскій. 16 августа н. ст. 1792 г. «подполковнику полка авангардной стражи, шефомъ котораго (полка) состоялъ генералъ-лейтенантъ пр. Виртембергскій, войска обоихъ народовъ» кн. Адаму Чарторижскому была дана «по его собственному желанію» отставка и онъ уѣхалъ опять въ Англію, гдѣ пробылъ, пока не пришло извѣстіе о возстаніи Косцюшки. Тогда онъ направился въ Польшу, но по приказанію австрійскаго правительства былъ задержанъ въ Бельгіи и съ него взяли обязательство, что онъ никуда не двинется безъ разрѣшенія. Этимъ арестомъ Австрія хотѣла оказать услугу Чарторижскимъ. Когда возстаніе было подавлено, князя Адама освободили и онъ уѣхалъ къ родителямъ въ Вѣну. Во время войны 1794 г. имѣнія Чарторижскихъ подверглись сильному опустошенію и были, по приказанію Императрицы Екатерины II, секвестрованы. По просьбѣ отца Чарторижскаго вѣнскій дворъ началъ ходатайствовать передъ русскимъ правительствомъ о снятіи запрещенія, наложеннаго на имѣнія. Императрица заявила, что если генералъ подольскихъ земель (отецъ Чарторижскаго) пришлетъ своихъ сыновей въ Петербургъ, тогда она посмотритъ, можно ли будетъ возвратить секвестрованныя имѣнія. Требованіе было слишкомъ тяжело, но — потеря громадныхъ владѣній была также весьма чувствительна. Къ тому же и кредиторы Чарторижскихъ понесли бы съ конфискаціею имѣній большія потери, такъ какъ долгъ, обезпеченный имѣніями, простирался до 12 милліоновъ тогдашнихъ польскихъ злотыхъ. Приходилось, волей-неволей, исполнить требованіе Императрицы.

Участью молодыхъ Чарторижскихъ горячо заинтересовался кн. Репнинъ, обѣщая устроить имъ все необходимое на берегахъ Невы, снабдилъ ихъ рекомендательными письмами къ вліятельнымъ лицамъ при дворѣ, поручилъ ихъ особому покровительству князя Куракина и Шуваловыхъ, исходатайствовалъ снятіе секвестра съ имѣній (5 марта н. ст. 1795 г.), но Чарторижскіе должны были на нѣкоторое время остановиться въ Гроднѣ, куда они прибыли въ началѣ февраля (н. ст.) 1795 г., такъ какъ Императрица не желала давать имъ своего соизволенія на пріѣздъ въ Петербургъ, полагая, что мать Чарторижскихъ взяла съ нихъ клятву вѣчно ненавидѣть Россію подобно тому, какъ это сдѣлалъ нѣкогда Гамилькаръ со своимъ сыномъ Ганнибаломъ. Наконецъ Высочайшее соизволеніе послѣдовало, и братья 12-го мая (н. ст.) 1795 г. явились въ столицу Россіи. Съ какими чувствами ѣхалъ сюда кн. Адамъ, свидѣтельствуютъ элегія «Польскій Бардъ», написанная имъ въ Гроднѣ (она издана Юл. Урсинъ-Нѣмцевичемъ въ 1840 г.) и стихотвореніе: «На чужой землѣ и подъ чужей кровлею», составленное по пріѣздѣ въ Петербургъ. Въ первой поэтъ оплакиваетъ гибель родины, во второмъ описываетъ плѣнъ Косцюшки. Звуки горя и отчаянія раздаются почти безраздѣльно и только иногда появляется слабый проблескъ надежды на лучшее будущее. Благодаря покровительству князя Репнина, который съ отеческой заботливостью интересовался мельчайшими подробностями ихъ жизни, и громкой извѣстности имени Чарторижскихъ, петербургское аристократическое общество приняло ихъ въ высшей степени радушно. «Обѣды, вечера, концерты, балы, театральныя представленія слѣдовали одно за другимъ безъ конца». Эта жизнь увлекла Чарторижскихъ и они начали мириться съ своимъ положеніемъ. «Мы поняли,» пишетъ кн. Адамъ, «что было бы несправедливо относиться съ одинаковой ненавистью ко всѣмъ русскимъ, такъ какъ очень часто они не имѣютъ ничего общаго съ правительствомъ». Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, пока, наконецъ, Императрица, благодаря ходатайству вліятельнаго при дворѣ графа Ксаверія Браницкаго, дала аудіенцію князьямъ Чарторижскимъ въ Царскомъ Селѣ, при чемъ милостиво ихъ приняла. Вскорѣ затѣмъ имъ приказано было поступить въ военную службу: кн. Адама зачислили въ конногвардейскій, кн. Константина—въ лейбъгвардіи Измайловскій полкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Императрица подарила имъ (не возвратила) секвестрованныя имѣнія, за исключеніемъ старостъ лятичевскаго и каменецкаго, которыя получилъ тайн. сов. Аркадій Морковъ. (О размѣрахъ владѣній

Чарторижскихъ можно судить по слѣд. даннымъ: упомянутыя староства приносили ежегоднаго дохода 94.000 польск. злотыхъ, а пожалованныя Императрицею Чарторижскимъ имѣнія имѣли 43.566 душъ). Братья выдали отцу полномочіе распоряжаться имѣніями по своему усмотрѣнію, слѣд. возвратили ихъ роду Чарторижскихъ. Къ новому 1796 г. послѣдовала новая милость: оба брата были пожалованы въ камеръ-юнкеры.

Русская военная и придворная карьера дѣйствовали на князя Адама, какъ на польскаго патріота, удручающимъ образомъ: онъ сдѣлался подозрителенъ и скрытенъ, задумывался надъ каждымъ словомъ, которое намѣревался произнести и «въ теченіе всей жизни не могъ излѣчиться отъ привычки, которую пріобрѣлъ въ молодости подъ вліяніемъ неблагопріятной судьбы». Но вскорѣ произошло событіе, которое разсѣяло мрачныя мысли князя, событіе, имѣвшее громадное значеніе и въ судьбахъ Польши, и въ исторіи Россіи. Чарторижскіе встрѣчались очень часто съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ, отчего они все, болѣе сближались съ нимъ. Весною 1796 г. дворъ переселился въ Таврическій дворецъ, гдѣ Императрица любила уединяться, принимая только самыхъ близкихъ лицъ. Встрѣтившись однажды съ Чарторижскимъ на набережной Невы, гдѣ онъ любилъ часто гулять, вел. кн. Александръ выразилъ сожалѣніе, что рѣдко его видитъ и приказалъ ему явиться въ Таврическій дворецъ, садъ котораго онъ хотѣлъ ему показать. Чарторижскій въ точности исполнилъ приказаніе великаго князя. Когда онъ явился, Александръ повелъ его въ садъ, гдѣ они, гуляя, провели въ бесѣдѣ около 3-хъ часовъ, и великій князь излилъ передъ Чарторижскимъ свои чувства и подѣлился съ нимъ своими мечтаніями. Онъ заявилъ, что не одобряетъ политику своей бабушки, что осуждаетъ ея принципы, что оплакиваетъ паденіе Польши, и что Косцюшко въ его глазахъ—великій человѣкъ, какъ по своимъ дѣяніямъ, такъ и потому, что защищалъ дѣло, являющееся дѣломъ всего человѣчества и дѣломъ гуманности. Онъ признался, что ненавидитъ деспотизмъ, какъ бы онъ ни проявлялся, что любитъ свободу, которая должна быть одинаково достояніемъ всѣхъ людей, что французская революція сильно его интересуетъ и что онъ, сокрушаясь надъ ея ужасными уклоненіями, желаетъ успѣха республикѣ. Онъ съ уваженіемъ говорилъ о своемъ наставникѣ Ла-Гарпѣ, его добродѣтели, мудрости, искреннихъ принципахъ и энергическомъ характерѣ. Въ заключеніе онъ сказалъ, что только его жена, которая тутъ же прогуливалась въ саду, была единственнымъ человѣкомъ, знавшимъ его воззрѣнія и раздѣлявшимъ его чувства, и просилъ сохранить все слышанное въ тайнѣ. Чарторижскій разстался съ великимъ княземъ глубоко взволнованный, не зная сонъ ли это или дѣйствительность. Съ этого момента бесѣды сдѣлались чаще и отношенія сердечнѣе. Князь Адамъ во время этихъ бесѣдъ старался умѣрять пылъ своего царственнаго друга, считая его мнѣнія слишкомъ радикальными, смотря на эти мнѣнія, какъ на взгляды юноши студента, увлекающагося принципами 1789 года. Въ ноябрѣ 1796 года умерла Екатерина II, а со вступленіемъ на престолъ Императора Павла I политика по отношенію къ Польшѣ сильно измѣнилась. Императоръ немедленно освободилъ Косцюшку, Потоцкаго, Мостовскаго, Нѣмцевича, Килинскаго и др. плѣнныхъ поляковъ, пригласилъ изъ Гродны въ Петербургъ короля Станислава-Августа, возстановилъ нѣкоторыя прежнія учрежденія въ областяхъ, входившихъ въ составъ павшей Рѣчи Посполитой и т. п. Но Чарторижскихъ за оплошность по службѣ чуть не постигла опала: они не явились во-время на церемонію крестинъ, на которой присутствовалъ Императоръ. Заступничество великаго князя Александра спасло ихъ отъ опалы: они получили чины бригадировъ въ арміи и въ видѣ особенной милости назначены: князь Адамъ адъютантомъ къ великому князю Александру, а кн. Константинъ, — къ великому князю Константину, что открыло имъ вполнѣ свободный доступъ къ великимъ князьямъ. Правленіе Императора Павла производило на Александра тягостное впечатлѣніе и вотъ однажды онъ сталъ упрашивать Чарторижскаго составить проектъ прокламаціи, въ которой изложены были бы политическія идеи великаго князя. Какъ ни сопротивлялся Чарторижскій, однако долженъ былъ подчиниться волѣ своего царственнаго друга: прокламація была написана въ духѣ тогдашняго Александрова міро-

воззрѣнія, а въ заключеніе заявляла, что Александръ, обезпечивъ Россіи благодѣянія свободы и справедливости, уступитъ престолъ тому, кто окажется наиболѣе достойнымъ его. Александръ былъ въ восхищеніи отъ работы Чарторижскаго, поблагодарилъ его сердечно и спряталъ документъ. «Что сдѣлалось съ нимъ, не знаю», говоритъ Чарторижскій, «но надѣюсь, что онъ его сжегъ, понявъ нелѣпость его, въ которой я, составляя его, ни на минуту не усумнился». Въ это же время Чарторижскій сблизился съ тогдашними петербургскими либералами, графомъ Павломъ Строгановымъ и его другомъ Новосильцовымъ, обратилъ на нихъ вниманіе великаго князя Александра Павловича и повліялъ на него такъ, что тотъ посвятилъ ихъ въ свои планы. Такъ возникъ знаменитый «тріумвиратъ». Послѣ коронаціи Императора Павла, князь Адамъ уѣхалъ съ братомъ въ трехмѣсячный отпускъ къ родителямъ, въ раззоренные Пулавы, но это отсутствіе не прекратило сношеній между нимъ и великимъ княземъ Александромъ: они переписывались другъ съ другомъ и отношенія великаго князя къ Чарторижскому остались столь же дружественными. По окончаніи отпуска братья возвратились въ Петербургъ и придворная жизнь ихъ потекла прежнимъ чередомъ. Въ началѣ февраля 1798 года умеръ король Станиславъ-Августъ. Чарторижскій отнесся къ этому событію довольно равнодушно, такъ какъ онъ, какъ польскій патріотъ, не видѣлъ въ умершемъ представителя родины и не надѣялся, чтобы кончина его произвела измѣненіе въ ея положеніи. Къ тому же, обязанности придворной службы слишкомъ поглощали его вниманіе: у него не было охоты задумываться надъ значеніемъ этого событія. Лѣтомъ 1798 года Императоръ пожелалъ совершить путешествіе по Россіи; великіе князья Александръ и Константинъ сопутствовали отцу, а въ ихъ свитѣ находились братья Чарторижскіе. Императоръ остался доволенъ службою ихъ во время путешествія и выразилъ свое благоволеніе къ нимъ тѣмъ, что лично надѣлъ имъ на шею орденъ св. Анны 2-ой степени. Это была единственная почетная награда, какую князь Адамъ получилъ въ Россіи. Въ томъ же году послѣдовало новое выраженіе благоволенія къ братьямъ со стороны Императора. Онъ принялъ титулъ великаго магистра Мальтійскаго ордена и братья Чарторижскіе пожалованы были кавалерами этого ордена. Впрочемъ. благоволеніе Императора было кратковременно. У него почему то родилось подозрѣніе, что Чарторижскіе—скрытые либералы или даже якобинцы. Онъ сталъ говорить объ этомъ однажды генералу Левашову; послѣдній началъ защищать Чарторижскихъ. Тогда Императоръ спросилъ его внезапно: «ручаешься за нихъ»? — «Да, Ваше Императорское Величество». — «Головой? Подумай хорошенько.» Генералъ призадумался нѣсколько, но потомъ сказалъ: «да, ручаюсь головой». Это успокоило на нѣкоторое время Императора и настолько, что Чарторижскіе были пожалованы въ генералъ-лейтенанты и получили: князь Адамъ—званіе гофмейстера великой княгини Елены Павловны, впослѣдствіи герцогини Мекленбургской, а кн. Константинъ—званіе шталмейстера великой княгини Маріи Павловны, которая была уже тогда невѣстою принца Веймарскаго. Однако вскорѣ князь Адамъ неожиданно для себя получилъ Высочайшій приказъ въ теченіе недѣли уѣхать изъ Петербурга въ Италію. Онъ былъ назначенъ императорскимъ посланникомъ при Сардинскомъ дворѣ, съ опредѣленіемъ въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ (12 августа 1799 года) и съ переименованіемъ въ тайные совѣтники (15 августа того же года). Это назначеніе имѣло видъ милости, но на самомъ дѣлѣ было опалой. Чарторижскому не разрѣшено было повидаться даже съ родителями. Впрочемъ, въ Междурѣчьи онъ видѣлся со старшей сестрою, пріѣхавшей изъ Пулавъ, а въ Вѣнѣ, гдѣ онъ пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ, встрѣтился съ младшей сестрой и съ теткою своею, кн. Любомірскою. Тутъ онъ познакомился впервые съ Поццо ди Борго, извѣстнымъ впослѣдствіи дипломатомъ, и встрѣтилъ великаго князя Константина Павловича, ѣхавшаго въ армію Суворова. Только поздней осенью 1799 года Чарторижскій покинулъ Вѣну и черезъ Венецію, Верону и Мантую отправился во Флоренцію, гдѣ въ это время находился сардинскій король Карлъ-Эммануилъ IV, потому что Австрія не хотѣла возвратить ему Піемонтъ и его столицу Туринъ. Обязанности Чарторижскаго при сардинскомъ дворѣ не были трудны: молодой посланникъ не получилъ

при выѣздѣ изъ Петербурга никакой инструкціи, онъ долженъ былъ только увѣрить короля въ дружескомъ къ нему расположеніи Императора Павла и доносить разъ въ мѣсяцъ,— не болѣе,—обо всемъ, что произошло при сардинскомъ дворѣ. Дипломатическій корпусъ при королѣ Карлѣ-Эммануилѣ не былъ многочисленъ: онъ состоялъ собственно изъ князя Чарторижскаго, его секретаря Карпова и англичанина Уиндгама; кромѣ того былъ еще какой-то уполномоченный Пруссіи, но онъ ко двору не являлся. Флорентійское общество было тоже немногочисленно: маркизъ Корфи (Corfi), графиня Альбани, со своимъ другомъ поэтомъ Альфіери, и австрійскій генералъ Соммарива—вотъ то общество, въ которомъ чаще всего бывалъ князь Адамъ. Жизнь протекала слишкомъ однообразно. Чтобы разсѣять скуку, Чарторижскій сталъ изучать итальянскій языкъ, а научившись ему, началъ читать Данта; иногда онъ посѣщалъ въ Пизѣ маршала Франциска Ржевускаго, давнишняго друга своей семьи, который жилъ въ этомъ городѣ уже нѣсколько лѣтъ. Такъ прошла вся зима. Вдругъ пришло извѣстіе о битвѣ при Маренго Оно произвело переполохъ при сардинскомъ дворѣ. Австріецъ Соммарива улетучился, а король со своимъ дворомъ бѣжалъ въ Римъ; Чарторижскій послѣдовалъ за нимъ. Вѣчный городъ произвелъ на князя Адама глубокое впечатлѣніе. Онъ оживился, сталъ посѣщать достопримѣчательныя историческія мѣста, не могъ насытиться видомъ Капитолія, Палатина и другихъ памятниковъ римскаго величія. Мало того, онъ началъ изучать древній Римъ въ мельчайшихъ его подробностяхъ. Но все это не могло удовлетворить его. Оторванный отъ родины, родныхъ и друзей, онъ впалъ скоро въ какое-то летаргическое состояніе и ничѣмъ не интересовался; только предметы, напоминавшіе ему о Польшѣ, способны были оживить его на нѣкоторое время. Между тѣмъ произошли весьма важныя политическія событія. Коалиція между Россіею и Австріею начала разстраиваться и первый консулъ Бонапарте воспользовался этимъ, чтобы сблизиться съ Россіею, возратилъ ей русскихъ военно-плѣнныхъ, выразилъ согласіе уступить Императору Павлу, какъ великому магистру Мальтійскаго ордена, Мальту. Начались переговоры и Императоръ для заключенія перемирія выслалъ въ Италію генерала Левашева, который, по дорогѣ въ Неаполь, остановился въ Римѣ и вручилъ здѣсь кн. Чарторижскому письмо отъ графа Ростопчина, въ которомъ кн. Адаму предлагалось содѣйствовать всѣми мѣрами генералу Левашеву и ѣхать съ нимъ въ Неаполь, занятый русскими войсками подъ предводительствомъ генерала Бороздина. Князь Адамъ охотно подчинился приказанію и отправился въ Неаполь. Дворъ неаполитанскій находился въ то время на островѣ Сициліи, а въ столицѣ присутствовалъ одинъ только всемогущій министръ Актонъ, съ которымъ и начались переговоры. Чарторижскій недолго оставался въ Неаполѣ. 11 го марта 1801 г. послѣдовала кончина Императора Павла I, а 17-го Императоръ Александръ въ письмѣ къ своему другу просилъ его немедленно ѣхать въ Петербургъ. «Мнѣ нѣтъ надобности говорить», замѣчалъ Императоръ, «съ какимъ нетерпѣніемъ я васъ ожидаю». Чарторижскій съ величайшей радостью поспѣшилъ исполнить желаніе и приказаніе новаго Императора; однако, онъ постарался, хотя и весьма поспѣшно, осмотрѣть Везувій, Помпеи, Геркуланумъ, Портичи. И затѣмъ черезъ Римъ, куда сопровождалъ его генералъ Левашевъ, Пизу, гдѣ онъ простился съ маршаломъ Ржевускимъ, Флоренцію, въ которой его въ высшей степени гостепріимно принялъ генералъ Мюратъ, Вѣну и Пулавы, гдѣ онъ останавливался на очень короткое время, Чарторижскій прибылъ въ Петербургъ. Встрѣча съ Императоромъ Александромъ вызвала въ Чарторижскомъ чувство тревоги. Императоръ былъ блѣденъ и изнуренъ. «Хорошо, что вы пріѣхали», сказалъ онъ, отведя Чарторижскаго въ свой кабинетъ, «наши ожидали васъ съ нетерпѣніемъ». Подъ словомъ «наши» Императоръ подразумѣвалъ тотъ кружокъ людей, которые казались ему болѣе образованными и болѣе либеральными, которыхъ онъ считалъ своими друзьями и которымъ болѣе довѣрялъ. «Если бы вы были здѣсь», прибавилъ онъ, «ничего бы изъ всего этого не произошло; имѣя васъ возлѣ себя, я бы не позволилъ увлечь себя подобнымъ образомъ». И затѣмъ Императоръ сталъ разсказывать о кончинѣ своего отца съ чувствомъ невыразимаго горя.—Со вступленіемъ на престолъ, убѣжденія Александра остались тѣ

же; онѣ только нѣсколько измѣнились подъ вліяніемъ неограниченной власти, которую онъ получилъ. О мечтаніяхъ крайняго либерализма не было уже и рѣчи, равно какъ и о намѣреніи Императора отказаться отъ престола; Александръ не вспоминалъ также никогда и о той прокламаціи, которую когда то, по его желанію, написалъ Чарторижскій. Александръ сталъ думать о разрѣшеніи болѣе практическихъ вопросовъ, объ улучшеніи судопроизводства и администраціи, объ освобожденіи крестьянъ, и сталъ приводить свои намѣренія въ исполненіе. Но, вообще, государственная машина продолжала работать по прежнему. Однако Императоръ не отказывался пока отъ плана коренныхъ преобразованій государства. Съ этой цѣлью былъ составленъ негласный комитетъ, въ который вошли графъ Павелъ Строгановъ, Новосильцевъ, князь Чарторижскій и графъ Кочубей. Государь поставилъ цѣлью для дѣятельности комитета—«обуздать деспотизмъ нашего правительства». Въ духѣ этой основной идеи комитетъ и обсуждалъ проекты различныхъ реформъ, которыя вскорѣ и начали осуществляться: результатомъ дѣятельности негласнаго Комитета явились министерства, Комитетъ Министровъ и Государственный Совѣтъ.

Чарторижскій, принимая участіе въ работахъ негласнаго Комитета, безъ сомнѣнія надѣялся улучшить положеніе своей родины. Не усматривая чтобы надеждѣ этой суждено было осуществиться, онъ хотѣлъ удалиться изъ Петербурга къ своимъ родителямъ. Но Императоръ удержалъ его при себѣ рядомъ гуманныхъ мѣропріятій по отношенію къ Польшѣ. Поляки, сосланные при Екатеринѣ II и Павлѣ I въ Сибирь, были возвращены; эмигрантамъ, которые служили во Франціи, было разрѣшено вернуться на родину; съ конфискованныхъ имуществъ было снято запрещеніе и т. п. Даже поляки, томившіеся въ австрійскихъ крѣпостяхъ, были освобождены изъ заключенія благодаря вмѣшательству Александра. Все это оживляло надежды Чарторижскаго, но не могло удовлетворить его. «Моя жизнь», говоритъ онъ, «была постояннымъ переходомъ отъ утѣшенія, что я сдѣлалъ кое что для своихъ соотечественниковъ, къ сожалѣнію, чтобы не сказать упреку, что я не въ состояніи достичь предмета моихъ желаній и моихъ надеждъ. Когда я замѣчалъ, что осуществленіе благородныхъ намѣреній Александра по отношенію къ моей родинѣ отложено на неопредѣленное время, тогда я терялъ мужество и чувствовалъ непреодолимое отвращеніе ко двору и ко всѣмъ этимъ людямъ». Въ 1802 г. (8 сентября) Чарторижскій былъ назначенъ товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ. Онъ отклонялъ отъ себя нѣкоторое время это назначеніе, думая, что оффиціальный постъ въ Россіи несовмѣстимъ съ его польскимъ міровоззрѣніемъ, но наконецъ уступилъ желанію Императора, сохранивъ за собою право оставить должность во всякое время, когда это покажется ему необходимымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ получилъ отъ Императора особенный знакъ довѣрія: ему ввѣрено было управленіе народнымъ образованіемъ въ тѣхъ областяхъ, которыя принадлежали Рѣчи Посполитой. Открывавшаяся вслѣдствіе этого возможность работать въ польскомъ патріотическомъ духѣ положила конецъ колебаніямъ Чарторижскаго; 8-го сентября 1802 г. онъ былъ назначенъ членомъ коммиссіи объ училищахъ, состоявшей подъ управленіемъ министра Народнаго Просвѣщенія, а 24 января 1803 г. попечителемъ Виленскаго учебнаго округа. Одновременно онъ состоялъ членомъ «Комитета о благоустроеніи евреевъ» (съ 9 ноября 1802 г.). Работая, какъ помощникъ государственнаго канцлера графа А. Р. Воронцова, Чарторижскій успѣлъ въ короткое время заслужить полное его довѣріе и уваженіе, но русское общество относилось къ нему враждебно. Положеніе Чарторижскаго было въ высшей степени затруднительно. Тѣ, которымъ не нравилась тогдашняя внѣшняя политика Россіи, обвиняли его за ея направленіе: она казалась имъ слабою и лишенною достоинства. Главнымъ врагомъ Чарторижскаго былъ князь Долгорукій: такъ какъ онъ былъ однимъ изъ генералъ-адъютантовъ Императора, то Чарторижскій часто встрѣчался съ нимъ при дворѣ и долженъ былъ выслушивать упреки и насмѣшки за вялость министерства иностранныхъ дѣлъ. Эта вражда должна была еще болѣе усилиться, когда Государь призвалъ Чарторижскаго на постъ министра иностранныхъ дѣлъ, послѣ того, какъ заболѣвшій канцлеръ Ворон-

цовъ удалился отъ дѣлъ (въ началѣ 1804 г.) въ свое владимірское имѣніе. Чарторижскій отказывался отъ этого высокаго поста, но Императоръ настаивалъ на своемъ, «то было однимъ изъ тѣхъ капризовъ», пишетъ князь Адамъ, «какими часто задавался Александръ, и онъ не зналъ покоя до тѣхъ поръ, пока имъ не удовлетворялъ». Чарторижскій уступилъ настоятельнымъ требованіямъ своего царственнаго друга. Назначеніе это состоялось Высочайшимъ рескриптомъ отъ 16 января 1804 г. Вскорѣ затѣмъ (1-го января 1805 г.) ему повелѣно присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ. Дѣлавшіяся все болѣе натянутыми отношенія къ французскому правительству были окончательно прерваны возмутительною казнью герцога Ангіенскаго. Въ нотѣ, посланной французскому кабинету, Петербургскій кабинетъ потребовалъ по сему предмету объясненій, на что послѣдовала столь же рѣзкая нота французскаго министра Талейрана. Между Россіею и Франціею произошелъ разрывъ. Русскій посолъ графъ Морковъ уѣхалъ изъ Парижа, а французскій—Эдувилль (Hédouville)—изъ Петербурга. Война была объявлена. Чарторижскій вѣрилъ въ успѣшное окончаніе ея и надѣялся при ея помощи измѣнить политическую карту Европы. Планъ его имѣлъ цѣлью возстановленіе Польши въ тѣхъ границахъ, какія она имѣла до раздѣловъ, подъ главенствомъ Русскаго Государя, носящаго титулъ польскаго короля, и въ династической только уніи съ Россіею. Осуществленіе этого плана лишало Австрію и Пруссію тѣхъ польскихъ областей, которыя отошли къ нимъ вслѣдствіе раздѣловъ; князь Чарторижскій вознаграждалъ эти государства за потери слѣд. образомъ: Австрія получала Баварію, Пруссія — герцогство Мекленбургское, Фульду, Анспахъ и другія владѣнія. Въ планѣ указывались еще и иныя измѣненія европейской карты: Франція сохраняла границы до Альпъ и Рейна, Голландія пріобрѣтала Бельгію и т. д. Германскія области, не вошедшія въ составъ Австріи и Пруссіи, составили бы Германскую имперію, которая являлась бы политической преградой между Австріею, Пруссіею и Франціею. Такимъ образомъ въ Европѣ существовало бы пять великихъ державъ: Россія, Англія, Франція, Австрія и Пруссія, изъ которыхъ первыя двѣ, имѣя общіе интересы и цѣли, находились бы, вѣроятно, въ постоянномъ союзѣ, и, слѣдовательно, имъ принадлежало бы преобладаніе въ Европѣ. Въ войну 1805 г. съ Франціею коалиціонныя державы желали вовлечь и Пруссію. Но Чарторижскій на участіи этого государства не особенно настаивалъ; онъ съ удовольствіемъ встрѣтилъ бы и отказъ со стороны прусскаго правительства, потому что это увеличивало шансы на то, что Александръ провозгласитъ себя королемъ возстановленной Польши. Проѣзжая на театръ военныхъ дѣйствій, Императоръ остановился въ Пулавахъ. Чарторижскіе приняли, конечно, Государя съ величайшею радостью, прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы сдѣлать ему пребываніе въ своей резиденціи возможно пріятнѣе и окружали его всѣмъ, что вызывало воспоминанія о быломъ величіи Польши. Пребываніе Императора въ Пулавахъ произвело въ польскомъ обществѣ сильное волненіе. Казалось, моментъ осуществленія мечты, которую лелѣялъ Чарторижскій, весьма близокъ. Но Александръ для окончанія переговоровъ съ Пруссіею отправился изъ Пулавъ въ Берлинъ и заключилъ съ нею трактатъ о союзѣ, скрѣпленный клятвою въ вѣчной дружбѣ на могилѣ Фридриха II. Вскорѣ затѣмъ послѣдовали рѣшительныя событія на театрѣ военныхъ дѣйствій, событія, которыя должны были совершенно разсѣять мечтанія Чарторижскаго. Наполеонъ разбилъ русско-австрійскую армію при Аустерлицѣ (2-го декабря 1805 г.), Австрія принуждена была заключить миръ, а Пруссія, придерживавшаяся двуличной политики, поспѣшила увѣрить побѣдителя въ своей полной преданности ему. Чарторижскій считалъ Пруссію главною виновницею неудачи, постигшей Россію и Австрію, думалъ, что ея интересы заставляютъ искать ея союза съ Франціею и что война Россіи съ Пруссіею неизбѣжна. Пруссія, какъ покорная союзница французскаго императора, запретъ для русскихъ кораблей Зундскіе проливы, уничтожитъ такимъ образомъ русскую торговлю на Балтійскомъ морѣ и послужитъ базисомъ для наступательныхъ дѣйствій Наполеона. А война съ нимъ будетъ тѣмъ опаснѣе, что между Франціею и Турціею

устанавливается соглашеніе, а слѣдовательно и съ юга—Россіи угрожаетъ опасность. Положеніе дѣлъ казалось Чарторижскому весьма мрачнымъ и онъ совѣтовалъ Императору подготовиться какъ можно лучше къ предстоящей критической развязкѣ. Для этого необходимо было, по его мнѣнію, учредить особенный совѣтъ или комитетъ, который разсматривалъ бы всѣ политическія дѣла государства и представлялъ бы свое мнѣніе Государю. Но Александръ не соглашался съ взглядами Чарторижскаго; тогда онъ сталъ просить у Императора отставки. Однако Александръ, хотя и былъ недоволенъ направленіемъ, которое сообщилъ русской политикѣ Чарторижскій, не хотѣлъ еще разставаться съ своимъ другомъ. Положеніе Россіи въ 1806 году казалось Чарторижскому столь критическимъ, что онъ подавалъ Государю одну записку за другою, въ которыхъ предлагалъ принять мѣры для предотвращенія грозной опасности. Въ этихъ запискахъ онъ позволялъ себѣ дѣлать упреки и самому Императору. Александръ, по его мнѣнію, совершилъ двѣ крупныя ошибки: во-первыхъ, онъ не сосредоточилъ, не смотря на неоднократные совѣты, большихъ силъ въ Грузіи, чтобы возможно скорѣе окончить кавказскую войну, и, такимъ образомъ, развязать себѣ руки, и, во-вторыхъ, не послалъ во время войскъ, предназначенныхъ на помощь Австріи. Кромѣ того, тѣсная дружба Александра съ прусскимъ королемъ являлась постоянной помѣхою для правильныхъ дѣйствій русскаго кабинета, потому что прусскіе интересы шли очень часто въ разрѣзъ съ интересами Россіи; наконецъ, пребываніе Императора при арміи было также одною изъ главныхъ причинъ происшедшихъ неудачъ, о чемъ Чарторижскій заблаговременно предупреждалъ его: «Лишь только Ваше Величество», говорилъ онъ, «явитесь въ армію, отвѣтственности генераловъ будетъ положенъ конецъ и она цѣликомъ ляжетъ на Васъ. Съ этого момента генералы не будутъ обнаруживать прежней заботливости и общее командованіе исчезнетъ...» Записки Чарторижскаго не имѣли успѣха: Государь не раздѣлялъ его воззрѣній на политику Россіи и въ союзѣ съ Пруссіею продолжалъ войну противъ Наполеона, столь же не удачно, какъ и войну 1805 г. Тогда Чарторижскій подалъ Государю новую записку, въ которой доказывалъ, что возстановленіе Польши необходимо для интересовъ Россіи. Польша, по его мнѣнію, составляетъ для Наполеона (въ это время, по внушенію французскаго императора, возстала противъ Пруссіи Великая Польша) точку опору, чтобы сражаться съ Россіею и проникнуть въ ея древніе предѣлы. Польша доставитъ ему храбрыхъ и опытныхъ офицеровъ, деньги и жизненные припасы; поляки будутъ сражаться изъ любви къ родинѣ, за честь и свободу своей страны. Все это для Наполеона будетъ источникомъ силы и успѣха. Напротивъ того, для Россіи Польша—источникъ безпокойства и непрерывныхъ подозрѣній; это оружіе, которымъ Бонапартъ издали угрожаетъ постоянно державамъ, принимавшимъ участіе въ польскихъ раздѣлахъ. Необходимо измѣнить это положеніе, а для этого существуетъ одно только средство—объявить Польшу независимой, а Русскому Императору принять для себя и своихъ преемниковъ титулъ польскаго короля. Такимъ образомъ Россія предупредитъ Бонапарта и привлечетъ поляковъ на свою сторону. Александръ не принялъ во вниманіе и этого совѣта Чарторижскаго. Послѣдовали: Фридландская битва, Тильзитскій договоръ и учрежденіе Варшавскаго герцогства. Тогда Чарторижскій сталъ рѣшительно уклоняться отъ всякой должности на русской службѣ; Высочайшимъ указомъ 17 іюня 1806 г. тайн. сов. кн. Чарторижскій уволенъ отъ должности министра иностранныхъ дѣлъ съ оставленіемъ въ другихъ должностяхъ; онъ сохранилъ за собою только постъ попечителя Виленскаго учебнаго округа, потому что этотъ постъ былъ, такъ сказать, постомъ на службѣ интересамъ Польши. Онъ удалился въ отпускъ, который 23 декабря 1803 года былъ продолженъ ему еще на одинъ годъ. Однако дружескія отношенія между Императоромъ и Чарторижскимъ не прекратились и послѣдній продолжалъ давать совѣты Александру. Такъ въ 1808 г. (26 іюня) онъ представилъ ему записку, въ которой старался убѣдить Императора, что союзъ его съ Наполеономъ кончится гибельно для Россіи. Наполеонъ преслѣдуетъ одну только цѣль — унизить, поработить и уничтожить существующія

правительства. Въ доказательство этого Чарторижскій напоминаетъ о судьбѣ Пруссіи и Испаніи. Наполеонъ вовлекъ Россію въ континентальную систему, чтобы привести въ упадокъ ея торговлю и финансы, вовлекъ въ войну со Швеціею, чтобы обнажить ея западную границу, обращенную къ Франціи, отдаляетъ окончаніе войны съ Турціею, чтобы имѣть больше средствъ раздроблять русскія силы. Онъ обратитъ теперь вниманіе на Австрію, такъ какъ она является преградою на пути его стремленій и постарается уничтожить эту преграду. А когда Австріи не будетъ, когда она распадется на части, Венгрію, Богемію и Польшу, которыя войдутъ въ составъ Рейнскаго союза, тогда придетъ очередь Россіи, потому что не будетъ больше государства, которое могло бы угрожать ему съ тылу. Наполеонъ подготовитъ разрывъ, потребовавъ отъ Россіи уступки польскихъ областей, и возстановитъ Польшу. Въ виду этого Чарторижскій совѣтовалъ приготовиться заблаговременно къ борьбѣ. Предсказанія арторЧижскаго начали сбываться въ значительной степени. Въ 1809 году Наполеонъ побѣдилъ Австрію и, хотя и не уничтожилъ ея, однако сильно сократилъ ея владѣнія. Тогда Императоръ Александръ началъ, казалось, склоняться къ взглядамъ Чарторижскаго. Въ бесѣдѣ съ нимъ (12-го ноября 1809 г.) о польскихъ дѣлахъ Императоръ сказалъ ему, что начало всѣхъ бѣдствій, которымъ подвергается теперь Европа, слѣдуетъ относить къ раздѣламъ Польши, что это дѣло уже непоправимо, что ему кажется одно только возможнымъ: дать особое устройство тѣмъ областямъ, которыя находятся подъ его владычествомъ, но что онъ встрѣтитъ сильное противодѣйствіе этому проекту. Въ другой разъ (26-го декабря) Императоръ высказался по этому поводу еще опредѣленнѣе. «Выйти изъ настоящаго положенія», сказалъ онъ, «нѣтъ другого средства, какъ нашъ прежній проектъ,— даровать конституцію и независимость польскому королевству въ тѣсномъ соединеніи съ русской короною. Однако надо подождать благопріятныхъ обстоятельствъ.» По этому вопросу между Императоромъ и Чарторижскимъ происходилъ еще третій разговоръ (5 апрѣля 1810 г.) и Государь подтвердилъ свои намѣренія относительно Польши. Мало того, онъ началъ даже готовиться къ осуществленію своего проекта. Въ письмѣ, отправленномъ къ Чарторижскому въ Пулавы, куда тотъ удалился въ отпускъ, Александръ просилъ его поѣхать въ Варшаву, ознакомиться съ настроеніемъ поляковъ и переговорить по данному вопросу съ вліятельными лицами. Онъ готовъ былъ вступить даже въ борьбу съ Наполеономъ, но только подъ тѣмъ условіемъ, если поляки дадутъ ему неподлежащія сомнѣнію (indubitables) увѣренія и доказательства, что будутъ дѣйствовать вмѣстѣ съ Россіею. Все это происходило въ 1810 и 1811 г.г., въ то время, когда совершился, какъ это предвидѣлъ Чарторижскій, постепенно, разрывъ между Александромъ и Наполеономъ, что привело къ кампаніи 1812 г. Наполеонъ призвалъ къ борьбѣ съ Россіею поляковъ. Въ Варшавѣ собрался сеймъ (26 іюня), въ предсѣдатели котораго былъ избранъ князь Адамъ-Казиміръ Чарторижскій, отецъ князя Адама. По постановленію этого сейма составилась генеральная конфедерація и всѣ поляки, находившіеся на русской службѣ, были призваны оставить ее. Тогда князь Чарторижскій очутился въ очень щекотливомъ и затруднительномъ положеніи. «Полякъ по рожденію», писалъ онъ Императору Александру (4-го іюля), «воспитанный въ принципахъ строжайшаго патріотизма, свидѣтель счастья, которое на очень короткое время улыбнулось моей несчастной родинѣ, я раздѣлялъ энтузіазмъ, который въ ту эпоху воспламенялъ сердца всѣхъ патріотовъ и я взялся за оружіе на защиту дѣла столь же справедливаго, какъ и неблагополучнаго». Императоръ призвалъ его на службу Россіи и онъ исполнялъ ее добросовѣстно. Но теперь наступилъ моментъ, когда его различныя обязанности не могутъ быть согласованы другъ съ другомъ, а потому онъ не можетъ долѣе оставаться на русской службѣ, онъ долженъ непремѣнно уйти въ отставку... Чарторижскій уѣхалъ заграницу, сначала въ Карлсбадъ, а потомъ въ Вѣну. Согласно его убѣжденіямъ, онъ не могъ въ это время служить и возрождавшейся, казалось, Польшѣ, потому что такая служба, направленная противъ Императора Александра, наложила бы на

его характеръ такое пятно неблагодарности и безчестья, которое не можетъ быть смыто даже порывами патріотизма.

Подъ конецъ 1812 года его надежды снова ожили. «Если Вы, Ваше Императорское Величество, протянете польскому народу руку въ тотъ моментъ, когда онъ ждетъ, что послѣдуетъ месть побѣдителя, и даруете ему въ полной мѣрѣ то, за что онъ сражался, дѣйствіе будетъ магическое; за это я ручаюсь, Государь; оно превзойдетъ Ваши ожиданія, Вы будете удивлены и тронуты». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ снова выступилъ съ проектомъ возстановленія Польши: «оно необходимо и для Россіи, и для Англіи и для всей Европы, потому что оно сразу обезсилитъ Наполеона на сѣверѣ и дастъ возможность вести дальше войну съ успѣхомъ, если ея нельзя будетъ теперь окончить; если же удастся избѣжать ея, оно явится необходимымъ условіемъ всеобщаго мира.» Надежды Чарторижскаго на первыхъ порахъ не были тщетны. Императоръ Александръ въ письмѣ къ нему (13 января 1813 г.) заявилъ, что чувство мести ему незнакомо и что его намѣренія относительно Польши не измѣнились. Вскорѣ послѣ того оба друга юности встрѣтились въ Калишѣ, гдѣ Александръ имѣлъ съ прусскимъ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ III свиданіе, окончившееся заключеніемъ трактата для дальнѣйшей борьбы съ Наполеономъ. Затѣмъ Чарторижскій уѣхалъ въ Варшаву, гдѣ опять повидался съ Государемъ и гдѣ снова бесѣдовалъ съ нимъ о положеніи своей родины. Къ концу кампаніи 1813—1814 г. когда войска союзниковъ находились во Франціи, Чарторижскій пріѣхалъ въ русскій лагерь. О намѣреніяхъ Александра по отношенію къ Польшѣ европейская дипломатія догадывалась и намѣренія эти встрѣчала враждебно. Поэтому пріѣздъ Чарторижскаго встревожилъ кабинеты. Съ нимъ вступили прямо въ переговоры, побуждая его удалиться на томъ основаніи, что онъ можетъ сдѣлаться причиною раздоровъ и, вслѣдствіе этого, повредитъ военнымъ дѣйствіямъ противъ Наполеона. Особенно сильно интриговалъ противъ Чарторижскаго Меттернихъ, къ которому присоединилось и англійское правительство. Какъ извѣстно, противодѣйствіе планамъ Императора Александра относительно Польши особенно сильно обнаружилось на Вѣнскомъ конгрессѣ, такъ что дѣло чуть не дошло до войны. Распря окончилась компромиссомъ, въ силу котораго образовано было изъ бо́льшей части Варшавскаго герцогства царство Польское. Прокламаціею $^{13}/_{25}$ мая 1815 г. Императоръ Александръ указалъ тѣ начала, на которыхъ будетъ покоиться существованіе новаго государства, обѣщая дать ему конституціонное устройство, а $^{15}/_{27}$ ноября того же года, обнародовалъ конституцію. Для организаціи царства Польскаго было учреждено временное правительство, въ составъ котораго вошелъ Чарторижскій, посланный Императоромъ изъ Вѣны въ Варшаву. Мечты князя-патріота, казалось, начали сбываться, однако дѣйствительность не вполнѣ ихъ оправдала. Какъ дѣятель, болѣе всего способствовавшій созданію новаго государства, онъ разсчитывалъ занять въ немъ руководящую роль, надѣялся получить постъ намѣстника, но ошибся въ своемъ ожиданіи. Государь, недовольный, по словамъ Новосильцова, самоувѣреннымъ поведеніемъ князя, поручилъ постъ намѣстника престарѣлому и больному генералу Заіончеку. Говоря объ этомъ, Новосильцовъ прибавлялъ еще, что «было бы несогласно съ здравой политикою имѣть въ царствѣ намѣстникомъ потомка такого рода, который въ прежнія времена не разъ посягалъ на польскій престолъ». Какъ бы то ни было, этотъ знакъ недовѣрія Императора къ Чарторижскому долженъ былъ оскорбить его самолюбіе. Къ этому присоединились еще и другія причины, усиливавшія разочарованіе Чарторижскаго. Управлялъ царствомъ Польскимъ братъ Императора, Великій князь Константинъ Павловичъ, назначенный собственно только главнокомандующимъ польскаго войска. Онъ не считался почти съ мнѣніемъ Административнаго Совѣта, представлявшаго собою, по конституціи, высшій органъ исполнительной власти. По этому поводу Чарторижскій, какъ членъ совѣта (онъ былъ возведенъ въ достоинство сенатора-воеводы Царства Польскаго) писалъ, между прочимъ, слѣдующее: «позвольте мнѣ, Государь, еще разъ доложить Вамъ, что крайне спѣшно и безусловно необходимо, во-первыхъ, точно опредѣлить границы власти Его Императорскаго Высочества, предоставивъ Ему

вмѣстѣ съ тѣмъ обширный просторъ; во-вторыхъ, сдѣлать распоряженія, которыя указали бы намѣстнику его обязанности и, въ-третьихъ, дать примѣръ самаго тщательнаго уваженія къ законамъ и учрежденіямъ, исходящимъ отъ Вашего Величества». Въ 1816 году Чарторижскій получилъ отпускъ и оставилъ Варшаву. Въ слѣдующемъ году онъ женился на княжнѣ Аннѣ Сапѣга (25 сентября) и уѣхалъ за границу отдохнуть и поправить свое здоровье, такъ какъ былъ раненъ на поединкѣ графомъ Пацомъ, съ которымъ дрался изъ за своей будущей жены, предмета любви и для его противника. Устранившись почти совсѣмъ отъ государственныхъ дѣлъ, Чарторижскій посвятилъ себя теперь дѣлу народнаго образованія, руководясь при этомъ слѣдующими принципами: просвѣщеніе не должно составлять привилегію дворянства; напротивъ того, его слѣдуетъ сдѣлать доступнымъ для всѣхъ, обративъ особенное вниманіе на развитіе приходскихъ и уѣздныхъ школъ; эти послѣднія не должны представлять собою подготовительныхъ стадій къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ; напротивъ, все стараніе должно быть направлено на то, чтобы каждая школа давала своимъ ученикамъ опредѣленный и законченный циклъ знаній, такъ, чтобы всѣ тѣ воспитанники (а такихъ большинство), для которыхъ недоступны высшія школы, получали элементарное, но систематическое образованіе. Далѣе всякая школа, какъ низшая, такъ и высшая, обязана ставить себѣ цѣлью подготовку молодого поколѣнія къ добросовѣстному и сознательному служенію родной странѣ, а потому необходимо обратить серіозное вниманіе на воспитаніе юношества, сообщая ему правила нравственности и искореняя основные недостатки молодежи, каковыми у поляковъ, по мнѣнію Чарторижскаго, являются: «лѣнь, легкомысліе, поверхностность и самомнѣніе», (см. трактатъ Чарторижскаго, представленный комитету при Виленскомъ университетѣ въ 1820 г., подъ загл. «Uwagi nad sposobem teraźniejszego uczenia po szkołach i nad odmianami które weń wprowadzić należy»); однако при этомъ дѣйствовать слѣдуетъ не страхомъ, но любовью. Чарторижскій высказывается безусловно за отмѣну тѣлесныхъ наказаній и за необходимость поднять также женское образованіе, потому что только тогда, когда вся Польша покроется сѣтью женскихъ училищъ, будетъ развиваться успѣшно и просвѣщеніе мужского населенія. Подъ управленіемъ Чарторижскаго уровень образованія значительно повысился. Достаточно указать на блестящее въ умственномъ отношеніи состояніе Виленскаго университета и на увеличеніе числа училищъ въ Виленскомъ учебномъ округѣ: въ 1804 г. общее число всѣхъ школъ простиралось до 70, въ 1811 г. возрасло до 157, а впослѣдствіи оно еще болѣе увеличилось. Дѣятельность Чарторижскаго, какъ попечителя учебнаго округа, продолжалась до 1823 года, когда онъ вышелъ въ отставку по слѣдующему поводу. Тайныя общества, которыя съ особенною силою стали распространяться въ Европѣ съ наступленіемъ реакціи послѣ Вѣнскаго конгресса, проникли и въ царство Польское, появились и въ Виленскомъ учебномъ округѣ. Чарторижскій принималъ противъ нихъ мѣры, усилилъ надзоръ за учащеюся молодежью, произвелъ лично въ мартѣ 1822 г. ревизію Виленскаго университета, но все это не привело къ желаннымъ для Чарторижскаго результатамъ. Ученическая демонстрація въ одной виленской гимназіи по случаю годовщины конституціи 3-го мая повлекла за собою цѣлый рядъ репрессивныхъ мѣръ со стороны Новосильцова, котораго Императоръ послалъ разслѣдовать дѣло. Новосильцовъ представилъ Государю отчетъ о состояніи народнаго образованія въ Виленскомъ учебномъ округѣ, столь неблагопріятный для Чарторижскаго, что это и заставило его покинуть постъ попечителя (онъ уволенъ отъ должности попечителя Высочайшимъ указомъ 5 апрѣля 1824 года, согласно прошенію), тѣмъ болѣе, что Государь былъ весьма недоволенъ его дѣятельностью. Съ этого времени и до возстанія 1830 года Чарторижскій держался совершенно въ сторонѣ отъ политической жизни, проводя время въ Пулавахъ, гдѣ онъ собралъ богатую библіотеку и основалъ прекрасный музей. Только въ 1827 году онъ сильнѣе заинтересовался общественными дѣлами, вотъ по какому поводу. Декабрскій заговоръ 1825 г. раскрылъ существованіе въ царствѣ Польскомъ тайнаго патріотическаго общества. Императоръ Николай I согласился предать заго-

ворщиковъ суду Сената, какъ это было указано въ конституціи. Чарторижскій находился въ это время въ Италіи, но лишь только узналъ о происходившемъ на родинѣ, какъ тотчасъ же поспѣшилъ въ Варшаву, принялъ дѣятельное участіе въ совѣщаніяхъ Сената и сдѣлался душею процесса, за исходомъ котораго общественное мнѣніе Польши, настроенное патріотически, слѣдило съ напряженнымъ вниманіемъ. Сенатъ почти единогласно призналъ заговорщиковъ виновными не въ государственной измѣнѣ, а только въ основаніи тайныхъ кружковъ и въ томъ, что они не доносили о существованіи тайныхъ обществъ за предѣлами царства Польскаго. Патріоты были въ восторгѣ отъ этого приговора и Чарторижскій въ ихъ глазахъ снова сдѣлался крупной политической фигурою. Поэтому, когда 29 ноября н. с. 1830 г. вспыхнуло возстаніе, онъ занялъ первое мѣсто въ революціонномъ движеніи. Среди поляковъ обозначились тогда два теченія: одно готово было идти на компромиссъ съ Россіею, а другое отвергало всякую мысль о подобномъ компромиссѣ. Диктаторъ Хлопицкій отправилъ въ Петербургъ посольство въ надеждѣ на то, что Императоръ Николай согласится, простивъ полякамъ революціонную вспышку, дать Польшѣ подъ властью своей династіи вполнѣ обособленное политическое существованіе. Но Государь потребовалъ безусловной покорности. Тогда сеймъ (25 января н. с. 1831 г.) провозгласилъ Императора лишеннымъ польскаго престола. Князь Чарторижскій подписалъ актъ т. н. «детронизаціи», но вмѣстѣ съ тѣмъ заявилъ нѣкоторымъ сеймовымъ посламъ, что они «погубили Польшу». Польша выступила уже безусловно на путь революціи. Сеймъ образовалъ особенное «народное правительство» и избралъ предсѣдателемъ его князя Чарторижскаго. Кромѣ того, князь взялъ на себя завѣдываніе иностранными дѣлами. Не обладая сильною, твердою волею, онъ игралъ во время революціи пассивную роль. «Въ началѣ революціи», говоритъ онъ самъ, «не было возможности оріентироваться въ своемъ положеніи. Быстро несущіяся обстоятельства увлекали всѣхъ; мы шли, не озираясь, гдѣ кого судьба поставила, лишь бы только спасти отъ опасности общественное дѣло». По своему характеру онъ и не могъ имѣть много значенія, не смотря на все самопожертвованіе, которое онъ проявилъ во время этихъ событій, подвергая даже свою жизнь опасности на поляхъ сраженій. Неудачи въ борьбѣ сильно волновали и раздражали патріотовъ. «Патріотическое Общество», образованное республиканско-демократической партіею, рѣзко критиковало дѣятельность правительства. Раздраженіе дошло до того, что одинъ изъ членовъ правительства и предсѣдатель «Патріотическаго Общества» Лелевель называлъ князя Чарторижскаго измѣнникомъ; князь хотѣлъ подать въ отставку, но его сторонникамъ удалось удержать его еще на нѣкоторое время на посту. Пораженіе подъ Остроленкою, движеніе русской арміи на Варшаву произвело здѣсь революціонный взрывъ. Народная толпа рѣшила ниспровергнуть «народное правительство», бросилась на тѣхъ, которыхъ считала измѣнниками и хотѣла произвести расправу съ самимъ княземъ, чтобы удовлетворить требованію «народной справедливости». Ему ничего не оставалось, какъ удалиться изъ Варшавы. Изъ толпы кто то выстрѣлилъ въ слѣдъ ему, но прострѣлилъ только плащъ (15 августа н. ст.). Послѣ этого онъ и иные члены «народнаго правительства» подали въ отставку (17 августа). Вмѣстѣ съ тѣмъ кончилась и политическая роль Чарторижскаго въ революціи. Ему, какъ предсѣдателю «народнаго правительства» ставили въ упрекъ, что онъ задерживалъ военныя дѣйствія, что разсчитывалъ единственно на вмѣшательство и помощь иностранныхъ державъ, а на силу народа не обращалъ никакого вниманія. «По моему убѣжденію», говоритъ Чарторижскій, «каждый народъ можетъ погибнуть только по собственной винѣ и только собственными усиліями онъ въ состояніи возстать, но при этомъ и чужіе могутъ ему помочь. Что касается Польши, я полагалъ и полагаю, что для нея въ борьбѣ съ такимъ могущественнымъ врагомъ помощь, сочувствіе, наконецъ, искренній нейтралитетъ иностранныхъ дворовъ безусловно необходимъ, если она желаетъ достигнуть своей цѣли». Послѣдніе дни возстанія прошли для Чарторижскаго въ военномъ лагерѣ, именно при войскѣ генерала Раморино. Послѣдній, отступая послѣ взятія Варшавы передъ русскими войсками, перешелъ 17 сентября

н. ст. австрійскую границу, чтобы укрыться въ Галиціи, гдѣ австрійскія власти разоружили польскихъ солдатъ. Тогда Чарторижскій удалился въ лагерь генерала Ружицкаго въ надеждѣ на то, что еще не все потеряно, но и генералъ Ружицкій припужденъ былъ искать убѣжища въ Галиціи (28 сентября); послѣ этого князь удалился въ Краковъ, но къ городу приближались русскія войска и когда заняли его, князь Адамъ, благодаря покровительству австрійскихъ властей, имѣлъ возможность бѣжать изъ города. 6 октября 1831 года послѣдовалъ Высочайшій указъ слѣдующаго содержанія: «Члена государственнаго совѣта и сенатора, тайнаго совѣтника князя Чарторижскаго, нарушившаго присягу вѣрности и съ упорствомъ участвовавшаго во всѣхъ преступныхъ предпріятіяхъ польскихъ мятежниковъ до самаго окончательнаго ихъ усмиренія и покоренія оружіемъ Нашимъ всего края, признавая недостойнымъ присутствовать въ Государственномъ Совѣтѣ и Правительствующемъ Сенатѣ, повелѣваемъ изъ списковъ службы исключить». Для Чарторижскаго наступилъ эмиграціонный періодъ. Онъ отправился въ Лондонъ, надѣясь, что либеральный кабинетъ, который въ это время правилъ Англіею, согласится на вмѣшательство въ польскія дѣла. Тогда засѣдала въ Лондонѣ конференція по вопросу объ учрежденіи бельгійскаго государства, что еще болѣе усиливало надежды Чарторижскаго на успѣхъ своей миссіи. Но главные политическіе дѣятели, къ которымъ онъ обращался, Пальмерстонъ, Грей и др., дали ему такіе отвѣты, что онъ долженъ былъ отказаться отъ своихъ надеждъ. Англія не хотѣла воевать изъ за Польши. Только общественное мнѣніе страны отнеслось сочувственно къ ней. По мысли Чарторижскаго, въ Лондонѣ образовалось «Литературное общество друзей Польши» (Litterary Association of the Friends of Poland), которое поставило себѣ цѣлью оказывать матеріальную помощь польскимъ эмигрантамъ и давать субсидіи на пропаганду идей о необходимости возстановленія Польши (25 февр. н. ст. 1832). Изъ Лондона Чарторижскій отправился въ Парижъ, гдѣ и поселился окончательно.

Польская эмиграція дѣлилась на двѣ враждебныя другъ другу партіи: республиканско-демократическую и монархическую, или, какъ ее противники называли, аристократическую, иначе дипломатическую. Эти двѣ партіи находились въ постоянной и ожесточенной враждѣ между собою. Первая партія надѣялась достигнуть возстановленія Польши путемъ союза и европейской революціи, и путемъ возбужденія народныхъ силъ къ борьбѣ за независимость въ самой Польшѣ; вторая отвергала путь революціи и надежды свои возлагала на дипломатическую дѣятельность, на политическія осложненія въ Европѣ и на вмѣшательство европейскихъ державъ въ польскія дѣла. Признаннымъ главою этой второй партіи былъ Чарторижскій, а его парижскій дворецъ «Hôtel Lambert»—политическимъ центромъ, сосредоточивавшимъ ея силы. Эмигранты организовали въ Парижѣ, вскорѣ по своемъ удаленіи изъ отечества, Литературное Общество (29 апрѣля 1832 г.), которое стало потомъ называться Историческо-Литературнымъ, и Общество Научной Помощи (Stowarzyszenie pomocy naukowej), имѣвшее цѣлью давать стипендіи молодымъ эмигрантамъ, обучающимся въ спеціальныхъ учебнымъ заведеніяхъ; кромѣ того, была учреждена Польская Публичная Библіотека. Президентомъ этихъ обществъ былъ князь Чарторижскій, оказывавшій имъ значительную матеріальную помощь. Демократы, недовольные дѣятельностью умѣренныхъ эмигрантовъ, основали свое особое «Демократическое Общество» (17 марта 1833 г.), вошли въ сношенія съ тайными революціонными обществами Европы и въ 1833 г. устроили экспедицію въ царство Польское съ цѣлью вызвать здѣсь возстаніе, но предпріятіе окончилось весьма плачевно. Считая князя Чарторижскаго главнымъ виновникомъ неудачи, такъ какъ онъ дѣлалъ усилія помѣшать предпріятію, демократы произвели въ 1834 г. демонстрацію противъ Чарторижскаго, объявивъ публично дѣятельность его вредною для эмиграціи и польскаго народа, при чемъ съ этою цѣлью собраны были подписи, а документъ, которымъ выражалось ему порицаніе, былъ напечатанъ. Чарторижскій видѣлъ единственное спасеніе для Польши въ помощи иностранныхъ державъ и старался путемъ дипломатическимъ воспользоваться всякимъ осложненіемъ въ европейской политикѣ. Въ 1839 г. отношенія между Голландіею и Бельгіею до такой степени обо-

стрились, что, казалось, вспыхнетъ война. Сторонники Чарторижскаго начали готовиться къ этимъ событіямъ: генералъ Скржинецкій, одинъ изъ главныхъ вождей польскаго возстанія въ 1830—31 г., поступилъ на службу въ Бельгію, чтобы организовать здѣсь польское войско и принять участіе въ предстоящей войнѣ, но дѣло не дошло до войны, и надежды на европейскія осложненія рухнули. Осуждая революціонную дѣятельность демократовъ, Чарторижскій раздѣлялъ нѣкоторыя ихъ воззрѣнія. Такъ, онъ думалъ, что уничтоженіе крѣпостного права и надѣленіе крестьянъ землею на правахъ собственности составляетъ главное и необходимое средство для достиженія цѣли, о которой мечтаютъ поляки (см. его рѣчь 29 ноября 1845 г.). Къ революціи 1848 г., во время которой польскіе демократы особенно энергически дѣйствовали, онъ, вмѣстѣ со своими сторонниками, отнесся весьма сочувственно, думая, что на берегахъ Вислы, Днѣпра и Двины произойдетъ переворотъ, который, наконецъ, осуществитъ завѣтную мечту. Но революція 1848—49 г. была подавлена, послѣдовало новое разочарованіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и временное затишье въ «дипломатической» дѣятельности князя. Однако, и тогда онъ обращалъ усиленное вниманіе на событія, происходившія во Франціи потому, что на политической сценѣ Европы появился новый дѣятель, Людовикъ-Наполеонъ, политика котораго могла приблизить Польшу къ давно желанной цѣли. Надежды Чарторижскаго, казалось, были дѣйствительно близки къ осуществленію. Наполеонъ III началъ въ союзѣ съ Англіею войну противъ Россіи. Итакъ, наступило, наконецъ, то политическое осложненіе въ Европѣ, о которомъ Чарторижскій постоянно мечталъ и которое онъ своими дѣйствіями старался вызвать. Понятно, что Чарторижскій и его сторонники сильно оживились, вошли въ сношенія съ турецкимъ правительствомъ, послали въ турецкую армію, по желанію султана, польскихъ генераловъ и офицеровъ и стали организовать на Балканскомъ полуостровѣ польскіе легіоны для борьбы съ Россіею. Но и на этотъ разъ мечтамъ Чарторижскаго и его партіи не суждено было сбыться. Союзныя державы ограничили военныя дѣйствія только Крымомъ, сосредоточили ихъ даже только вокругъ Севастополя, а Парижскій миръ принесъ съ собою полнѣйшее разочарованіе польскимъ патріотамъ. Но Чарторижскій, несмотря на эти неудачи и несмотря на свой преклонный возрастъ, продолжалъ работать въ томъ же направленіи, вѣря, что осуществленіе завѣтной мечты возможно. А новыя политическія событія въ Европѣ вѣру эту снова укрѣпили. Въ 1859 г. Наполеонъ началъ изъ за Италіи войну съ Австріею; Италія начала объединяться, а Европа стала сильно интересоваться итальянскими дѣлами. Тогда въ лагерѣ Чарторижскаго рѣшено было устроить особенное «Бюро» съ цѣлью дѣйствовать на мнѣніе Европы въ пользу Польши. Это учрежденіе не имѣло опредѣленной организаціи. Оно состояло изъ извѣстнаго числа лицъ, которыя обѣщались доставлять свѣдѣнія о польскихъ дѣлахъ и давать деньги на пропаганду. «Бюро» сообщало свѣдѣнія европейскимъ журналамъ и старалось оказывать вліяніе на дѣятельность парламентовъ Франціи и Англіи. Работало оно подъ предсѣдательствомъ Чарторижскаго. Это было послѣднее политическое начинаніе, руководителемъ котораго онъ состоялъ. 15 іюля 1861 года онъ скончался въ Монфермейлѣ подъ Парижемъ.

Приводимъ списокъ сочиненій Чарторижскаго:

1) Bard Polski (написано въ 1795 г., издано Нѣмцевичемъ въ 1840 г., 2-е изданіе, Парижъ, 1860 г.); 2) Kopia listu j. o. xięcia Adama Czartoryskiego, tajnego konsyliarza etc., kuratora Wileńskiego wydzialu, do j. w. Tadeusza Czackiego, tajnego konsyliarza etc., wizytatora szkół gubernii Wołyńskiej, Podolskiej i Kijowskiej (po zwiedzeniu gimnazyum Krzemienieckiego, z Międzyborza 3 sierpnia 1809 r., folio; 3) Instrukcya dla honorowych szkół dozorców, ustanowionych ukazem Najwyższym dn. 26 Sierpnia 1811 r. Warszawa, 1812, folio; 4) Myśli dażące do zamiaru polepszenia bytu włościan Polskich i podania im środków dojścia stopniami do niepodległości bez szkody właścicieli, 1814, folio; 5) Discours etc. lors de la promulgation de la charte constitutionnelle etc. 24 décembre (trad. du polanais), Varsovie, 1815, 4°; 6) Rede bei der Proclamirung der von Sr Majästät dem Kaiser aller Reussen und Könige von Polen dem Königreiche Polen aller-

gnädigst ertheilten Verfassungs-Urkunde und deren Niederlegung im Senate, gehalten von Seiner Durchlauht dem Fürsten... 4°; 7) Zdanie o raporcie Rady Stanu z dwuchletnich czynności Rządu przez księcia... senatora wojewodę, na posiedzeniu 24 kwietnia czytane, 1818; 8) Mowa xięcia Kuratora Imperatorskiego Wileńskiego uniwersytetu i szkół jego wydziału po skończonych w gimnazyum Wołyńskiem popisach publicznych, przy rozdawaniu medalów uczniom celującym, miana w Krzemieńcu dn. 30 czerwca 1818 roku, druk. nazajutrz w typogr. w Krzemieńcu i Warszawa, 4°; 9) Mowa przy rozdaniu nagród uczniom szkoły Krzemienieckiej w dzień żałobnego obchodu, poświęconego pamiątce Tadeusza Czackiego, Krzemieniec, 1818, 4°; 10) Pochwała Iana Pawła Woronicza, czytana na posiedzeniu Towarzystwa przyjaciół nauk dnia 30 kwietnia 1830 r. przez... członka tegoż Towarzystwa w Puławach, безъ означенія года и 2-ое изд. въ 1830 г.; 11) Głos do deputacyi Senatu, miany w Izbie poselskiey przy zaproszeniu jej do połączenia się z Senatem dnia 28 maja 1830 r., Warszawa, 1830; 12) Essai sur la diplomatie ou manuscrit d'un Philhelléne, par Toulouzano, Paris, 1830, и 2-ое изданіе Paris, 1864, 8°; 13) Dernier mot sur le Statut organique imposé à la Pologne le 26 févr. 1832. Paris, 1833, 8°; 14) Discours prononcé le 3 mai 1835 (trad. du polonais); 15) Portofolio, Paris, 1837 (5 томовъ документовъ историческихъ и дипломатическихъ); 16) Discours prononcé en séance annuelle et publique de la Société historique et littéraire polonaise de Paris le 29 nov. 1837 (trad. du polonais), Paris. 1858, 8°; 17) Mowa, miana w Towarz. literack. Polskiem w Paryżu w rocznicę obchodu powstania, dnia 29 listop. 1838 r. Paris, 1839; 18) Idem, 29 Listopada 1840, Ibid.; 19) Mowa na posiedzeniu Towarzystwa literackiego Polskiego dnia 29 Listop. 1840 roku w Paryżu, Paryż, 1841, 8°; 20) Тоже 1844, ibid; 21) Тоже z roku 1845 3-go maja; 22) Mowy xięcia Adama Czartoryskiego od 1838—1847, Paryż, 16°; 23) Zbiór mów mianych od 1838—1847 r. Paryż, 1847, 12°; 24) Mowa 29 listopada 1847 r. Paryż, 1848, 8°; 25) Sprawozdanie Towarzystwa historycznego polskiego w Paryżu r. 1852, czytane przez.... Paryż, 1853; 26) Discours, prononcé en séance publique de la Société littér. et histor. polonaise de Paris le 29 nov. 1853; 27) Lettre du prince A. Cz. à lord Dudley-Stuart, membre du Parlament, à l'occasion du dîner à Londres par la Société des amis de la Pologne, Paris, 12°, 4 mars 1854.; 28) Тоже по-англійски: Lettre of the Prince etc. etc; 29) Lettre aux Polonais, Paris, 16 août 1854, 8°; 30) Mowa księcia Ad. Cz. miana na posiedzeniu dorocznem Towarzystwa historyczno — literackiego w dniu 29 listopada 1854 r. w Paryżu; 31) Discours du 3 mai 1855, Paris, Bibl. Polon., in 8°; 32) Mowa 1855, 29 listop.; 33) Discours du 3 mai 1856, Paris; 34) Mowa na posiedzeniu Tow. histor. dnia 3 maja 1857 r., Paryż 8°; 35) Discours le 3 mai 1857, Paris 8°; 36) Mowa dnia 29 listopada 1857 r., Paryż 1857, 8°; 37) Mowa 3-go maja 1858 r.; 38) Odozwa w przedmiocie zniesienia pańszczyzny na Rusi i na Litwie, Październik 1858 r., Adam Czartoryski, Paris, 1858, 4°. Zarazem: Odezwa w przedmiocie wyboru urzędników na Rusi i Litwie, oraz składek na zakłady emigracyjne w sierpniu 1859 r., Paris, 1859.; 39) Mowa miana 3-go maja 1859; 40) Mowa dnia 29-go listopada 1860; 41) Mowa dnia 3-go maja 1861 roku, Paryż, 1861; 42) Żywot Iuliana Ursyna Niemcewicza, Paryż, 1860; 43) Niektóre myśli co do biegu służby publicznej w emigracyi, odezwa dd. Montfermeil, 14 Lipca 1861, Paris; 44) Mémoires du prince Adam Czartoryski et correspondance avec l'empereur Alexandre I-er. Préface de M. Ch. de Mazade, de l'Academie française. Paris, 1887. Tome I et II; 45) Англійское изд. Memoirs of the Prince Adam Czartoryski and his correspondance with Alexander I, edited by Adam Gielgud, 2 vol., London, 1888, дополнено нѣсколькими документами.

Niemcewicz, J. Urs., Biographie du prince Adam Georges Czartoryski, ex-président du gouvernement national de Pologne. Paris, 1835.—Ostrowski, Józ. Bol., Adam George prince Czartoryski. Fragment de l'histoire de Pologne au XIX siècle. Paris 1815. — Fürst Adam Georg Czartoryski und seine Stellung zur Sache Polens: I Biographische Skizze über den Fürsten; II Reden des Fürsten an die polnische Emigration. Leipzig, 1848, 8°, (оттискъ изъ ‹Unsere Gegenwart›).—Viel-Castel, Dyplomata polski XIX w. (перевелъ съ франц. Люціанъ Семенскій), Krakow, 1862. — Mickiewicz, Władysław. Czartoryski, Wielopolski et Mierosławski, Paris, 1863, in 12°.—Koźmian, Kaj. Biografia ks. Ad. Czartoryskiego, jenerała ziem Podolskich. Dod. do Czasu, 1857. — Ks. Adam Czartoryskiego ministerstwo spraw zagranicznych w Rossyi, odczyt. Przeg. Polski 1878, III.—Zale-

ski, Br. Żywot ks. Ad. Jerz. Czartoryskiego, Poznań, 1881, I-й томъ.—Źmigrodzki, M. Zasady pedagogiczne ks Adama Czartoryskiego, въ «Przewodnik naukowo—literacki», 1885.—Jełowicki Aleks. Mowa na cześć ks Adama Czartoryskiego (urodz 14 stycznia 1770 r.+15 lipca 1861), miana w Paryżu na uroczystem nabożeństwie żałobnem w kościele Wniebowzięcia (de l'Assomption) Paris, 1861. — Kajsiewicz, Hieron. Mowa pogrzebowa po. sw. p. Adamie Jerzym księciu Czartoryskim, byłym półkowniku wojsk Polskich, byłym ministrze spraw zagranicznych cesarstwa Rosyjskiego, byłym kuratorze szkół okręgu Wilenskiego, byłym naczelniku rządu narodowego etc., etc., zmarłym na wygnaniu d. 15 lipca 1861 r. powiedziana 15 stycnnia 1862 r. w Paryżu, Poznań, 1862.—Felix, R. P. Le prince Adam Czartoryski. Discours prononcé le 22 mai 1862 dans l'église de Montmorenci à l'occasion du service annuel pour les émigrés polonais morts en France. Paris, 1862.—Dębicki L. Puławy. Kraków, 1887—1889, I—IV.—Gadon, Ks. Adam Czartoryski podczas powstania listopadowego, Krakow, 1892; 2-ое 1901. — Gadon, Polska emigracya, Kraków; 1901. (Вышелъ только первый томъ).—P, Diplomatische Geschichte der polnischen Emigration. Stuttgart, 1842.—Ulmann, Heinr. Ueber die Memoiren des Fürsten Adam Czartoryski. Greifswald 1898. — Lewicki, A. Zarys historyi polskiej. Krakow. 1897.—Сочиненія по исторіи Польши и Россіи въ XIX в., напр. Шильдеръ, Императоръ Александръ . Кромѣ того слѣдуетъ отмѣтить источники, заключающіе въ себѣ матеріалы для біографіи Ч.: Архивъ кн. Воронцова т. VIII, X, XII, XIII, XV, XVIII, XX; Сборникъ Рус. Ист. Общ. т. VI, IX, XVI; Рус. Архивъ, Рус. Старина, Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи т. I, III; польскіе эмиграціонные журналы: Trzeci Maja, Demokrata polski, Nowa Polska, Orz el Bialy, Wiadomosci polskie, пост. журналъ, издаваемый во Львовѣ «Kwartalnik Historyczny» и др.

В. Новодворскій.

Чарторижскій, (*правильнѣе Чарторійскій*), князь *Константинъ Адамовичъ*, (Константинъ - Адамъ - Александръ, Konstanty Adam Alexander Czartoryski), генералъ - адъютантъ русской службы, младшій братъ предыдущаго, родился въ Варшавѣ 28-го ноября 1773 года. Первоначальное образованіе Чарторижскій получилъ вмѣстѣ съ братомъ Адамомъ въ Пулавахъ, подъ руководствомъ выдающихся преподавателей: священника Пирамовича, Карпинскаго, Князьнина, и др. Изученіе наукъ за-границей и долгое пребываніе въ Англіи дополнили его образованіе, по окончаніи котораго молодой князь поселился сперва (1795 года) при дворѣ своего дяди, польскаго короля Станислава-Августа, а затѣмъ уѣхалъ въ С.-Петербургъ, гдѣ въ 1796 года, по вступленіи Императора Павла на престолъ, былъ назначенъ, въ чинѣ генералъ-маіора, адъютантомъ къ Великому Князю Константину Павловичу. Въ 1798 г., когда братъ его Адамъ Чарторижскій былъ назначенъ русскимъ посланникомъ при Сардинскомъ дворѣ, князь Константинъ былъ уволенъ отъ службы и получилъ разрѣшеніе вернуться къ роднымъ, что онъ и сдѣлалъ, поселившись въ Пулавахъ. Во время войны 1809 г. Чарторижскій не только принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ качествѣ офицера войскъ княжества Варшавскаго, но обѣщалъ на свой счетъ выставить пѣхотный полкъ, что и исполнилъ такъ быстро и хорошо, что князь Іосифъ Понятовскій счелъ нужнымъ послать Чарторижскому собственноручное письмо, въ которомъ благодарилъ его отъ имени отечества за услугу и назначилъ полковникомъ вновь сформированнаго полка. Передъ окончаніемъ войны 1809 г. этотъ полкъ (16-ый галиційскій) особенно отличился своими дѣйствіями въ окрестностяхъ Кракова. Во время кампаніи 1812 г. полкъ Чарторижскаго отличился при взятіи Смоленска, за что князь получилъ изъ рукъ Наполеона I офицерскій крестъ Почетнаго Легіона. Немного времени спустя онъ былъ награжденъ княземъ Іосифомъ Понятовскимъ, за отличіе и храбрость, крестомъ польскаго ордена Virtuti militari. Подъ Можайскомъ онъ былъ тяжело раненъ, что помѣшало ему продолжать служить въ арміи и онъ принужденъ былъ оставить службу. Послѣ Вѣнскаго Конгресса, Чарторижскій былъ снова назначенъ бригаднымъ генераломъ, а вскорѣ затѣмъ генералъ-адъютантомъ Императора Александра I-го, но, въ виду разстроеннаго здоровья, прослуживъ очень недолго, подалъ въ отставку. Съ 1830 г. Чарторижскій жилъ постоянно въ Вѣнѣ, занимаясь искусствомъ. Къ концу своей жизни онъ сталъ почти ипохондрикомъ, хотя мрачный поворотъ въ его мысляхъ можно замѣтить уже въ 1815 г. Умеръ онъ 23-го апрѣля 1860 г., на 88-омъ году жизни.

«Encyklopedyja Powszechna», томъ VI-ой изданія 1861 г., стр. 255.—«Encyklopedyja Wielka», т. 14, стр. 704.—«Ostatnia wojewodzina wileńska» соч. Radziwiłł'a 1815.

Б. Савинковъ.

Чарторижскій, *Левъ Ивановичъ*, генералъ-маіоръ, родился въ 1828 г. и воспитывался въ 1-мъ Кадетскомъ корпусѣ. Въ слу-

жбу Чарторижскій вступилъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ, а затѣмъ поступилъ въ Военную Академію, которую и окончилъ въ 1846 году. Въ 1852 г. онъ перешелъ въ Генеральный Штабъ, а въ 1855 г. былъ назначенъ дивизіоннымъ квартирмейстеромъ 2-й легкой кавалерійской дивизіи. Въ 1854 г. Чарторижскій участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Малой Валахіи и отличился при осадѣ Силистріи. Въ 1857 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, а въ 1860 г. исправляющимъ должность директора учебнаго Лисинскаго лѣсничества. Въ 1864 г. Чарторижскій былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а въ послѣднее время былъ причисленъ къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ. Умеръ онъ 3 іюня 1868 года.

«Русскій Инвалидъ», 1868 г., № 175. — «Ежегодникъ Русской Арміи», за 1869 г., стр. 291.

А. Трика.

Чаруковскій, *Акимъ Алексѣевичъ*, врачъ, писатель, родился въ 1798 году въ селѣ Пологахъ, Переяславскаго уѣзда, Полтавской губерніи, гдѣ его отецъ, дѣдъ и прадѣдъ, происходившіе изъ дворянъ, были священниками. А. А. воспитывался въ Черниговской духовной семинаріи, откуда перешелъ въ С.-Петербургскую Медико-Хирургическую Академію казеннокоштнымъ студентомъ; окончивъ въ нейкурсъ въ 1820 году, съ серебряной медалью, лекаремъ I-го отдѣленія, Чаруковскій былъ назначенъ лекаремъ въ гренадерскій графа Аракчеева полкъ, но вскорѣ былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ, съ которымъ принималъ участіе въ турецкой кампаніи (1828—1829), а потомъ и въ подавленіи польскаго мятежа. Въ 1837 году Чаруковскій былъ назначенъ начальникомъ отдѣленія въ Медицинскомъ департаментѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а въ 1849 году—старшимъ врачемъ въ Михайловскомъ Воронежскомъ кадетскомъ корпусѣ и Воронежскомъ баталіонѣ военныхъ кантонистовъ, съ производствомъ въ чинъ статскаго совѣтника. Начало литературно-ученой дѣятельности его относится къ 1830 году. Въ этомъ году онъ написалъ свою книгу «Военно-походная медицина», которая удостоилась Высочайшаго вниманія, благодаря чему Чаруковскій получилъ субсидію въ 15.000 р. для напечатанія этого труда. Кромѣ того за это сочиненіе ему была присуждена половина Демидовской преміи и назначены 2.500 р. въ годъ, въ видѣ пенсіи на службѣ. Вообще его литературная дѣятельность была весьма обширна, хотя капитальныхъ трудовъ онъ оставилъ, сравнительно, мало, а именно: диссертація его на тему «De hydrope in genere», Спб. 1825 г.; выше указанный «Военно-походная медицина» и «Народная медицина, примѣненная къ русскому быту и разноклиматности Россіи» 5 ч. Спб. 1844—1847 г. Къ этимъ тремъ самостоятельнымъ трудамъ можно прибавить его переводъ съ нѣмецкаго, Веллера «Болѣзни человѣческаго глаза»; книга эта выдержала два изданія; 1-ое 1822 г. Спб. и 2-ое 1852 г. Спб. Менѣе значительныя статьи его, по всевозможнымъ отраслямъ медицины, печатались въ Военно-Медицинскомъ Журналѣ (1829 г., 13; 1838 г., 32) въ «Другѣ Здравія» (1834 г., 7; 1835 г., 24, 23, 25, 26), въ «Сынѣ Отечества» (1836 и 1837 г.) и въ «Отечеств. Запискахъ» (7, II, 1). Помѣщенная въ послѣднемъ журналѣ статья его вышла, впослѣдствіи, отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ: «Медицина и Гигіена», Спб. 1851 г. Умеръ Чаруковскій въ 1848 году отъ продолжительной и мучительной болѣзни—аневризма сердца.

Настольный словарь Толя, III т.—Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели, т. 3—4. — Русскій энциклоп. словарь Березина т. IV, 1879 г.—Справочный энциклоп. словарь Крайя (подъ редакц. Старчевскаго), 1847 г. — Военно-Медицинскій Журналъ, 1848 г., 51, № 1.

Л. Дагаевъ.

Чаруковскій, *Прохоръ Алексѣевичъ*, докторъ медицины, профессоръ и писатель, братъ предыдущаго, родился въ 1790 году въ селѣ Пологахъ, Переяславскаго уѣзда, Полтавской губ., и воспитывался первоначально въ Черниговской духовной семинаріи, изъ которой въ 1812 году перешелъ въ С.-Петербургскую Медико-Хирургическую Академію. Окончивъ курсъ съ золотой медалью, 16 августа 1816 года, Чаруковскій былъ оставленъ при Академіи адъюнктомъ по каѳедрѣ физики и математики. Въ слѣдующемъ году Академіей были отправлены за границу «для дальнѣйшаго усовершенствованія въ медицинскихъ наукахъ», на казенный счетъ, десять изъ наиболѣе выдающихся моло-

дыхъ врачей; въ ихъ числѣ былъ и Чаруковскій. Ему было предложено посѣтить Германію и Англію, для наилучшаго изученія, по его собственному желанію, физіологіи, патологіи и терапіи съ фармакологіей. Три года прошли, почти незамѣтно, среди упорнаго труда, но Чаруковскій воспользовался правомъ остаться еще на годъ за-границей, хотя уже и безъ матеріальной поддержки со стороны Академіи. Въ 1822 году онъ вернулся въ Петербургъ и получилъ мѣсто адъюнкта по каѳедрѣ клинической терапіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ назначенъ ординаторомъ Военно-Сухопутнаго госпиталя и произведенъ въ штабъ-лекари. Въ это же самое время Чаруковскій, въ тѣ незначительные промежутки времени, которые у него оставались отъ занятій адъюнкта и ординатора, сталъ готовиться къ докторскому экзамену, въ скоромъ времени выдержалъ его и, защитивъ диссертацію на тему «De haemopthysi», 19 января 1823 г. получилъ степень доктора медицины. Начало преподавательской дѣятельности Чаруковскаго относится еще къ тому времени, когда онъ былъ адъюнктомъ при каѳедрѣ клинической терапіи. Въ то время конференція Академіи поручила ему читать студентамъ III-го курса семіотику, которую онъ изучилъ въ бытность свою за-границей. По этому же вопросу въ 1825 году онъ напечаталъ, на собственный счетъ, сочиненіе подъ заглавіемъ «Общая патологическая семіотика или ученіе о признакахъ болѣзней вообще», задачей котораго поставилъ сообщить врачамъ-соотечественникамъ болѣе простые и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе вѣрные и точные пріемы при различныхъ клиническихъ изслѣдованіяхъ. Всего въ семіотикѣ 423 параграфа, и два изъ нихъ авторъ посвящаетъ перкуссіи и аускультаціи. Въ русской медицинской литературѣ, не считая многихъ сбивчивыхъ толкованій по этому вопросу, это почти первое ясное и точное описаніе этихъ весьма важныхъ въ діагностикѣ пріемовъ. Послѣ смерти профессора Гекрота, конференція Академіи предложила въ 1828 г., вакантную каѳедру терапіи Чаруковскому, какъ наиболѣе выдающемуся изъ адъюнктовъ. Несмотря на немногіе не лестные о немъ, какъ о профессорѣ, отзывы нѣкоторыхъ изъ его современниковъ, отзывы весьма сомнительные и иногда противорѣчащіе фактамъ извѣстнымъ изъ офиціальныхъ источниковъ, мы должны отмѣтить то всеобщее уваженіе и любовь, которыми пользовался Чаруковскій. Слѣдя постоянно за наукой, онъ старался ввести въ общее употребленіе въ Россіи тѣ болѣе удобные методы изслѣдованія и техническія усовершенствованія, которые появлялись въ врачебномъ дѣлѣ на западѣ. Такъ, напримѣръ, имъ впервые былъ введенъ у насъ стетоскопъ при діагностикѣ грудныхъ болѣзней, какъ средство болѣе удобное и точное. Въ Военно-Медицинскомъ Журналѣ Чаруковскій помѣстилъ отдѣльную статью, въ которой довольно подробно разсматриваетъ примѣненіе этого аппарата (Военно-Медиц. Жур. 1831 г., XI, № 1). 26 января 1829 года онъ получилъ званіе ординарнаго профессора, а черезъ два года былъ назначенъ конференціей на постъ ученаго секретаря Академіи. Будучи занятъ обязанностями клиническаго профессора и довольно обширной практикой, Чаруковскій не могъ посвящать много времени академическимъ дѣламъ. Къ тому же, какъ разъ въ это время, онъ былъ занятъ своимъ новымъ ученымъ трудомъ («Опытъ системы практической медицины») и редактированіемъ Военно-Медицинскаго Журнала. Отличаясь, по словамъ своихъ современниковъ, прямодушіемъ, П. А. не съумѣлъ смягчить нѣсколько измѣнившіяся отношенія между Академіей и ея президентомъ, баронетомъ Я. В. Виллie. Послѣднему онъ, очевидно, не понравился. Отправляя обязанности ученаго секретаря Академіи въ продолженіе почти шести лѣтъ, Чаруковскій долженъ былъ оставить этотъ постъ, вслѣдствіе черезчуръ крупныхъ недоразумѣній съ Виллie, который, не желая, чтобы Чаруковскій оставался въ Академіи, лично, противъ его желанія, выхлопоталъ у министра переводъ его въ Москву, на каѳедру частной патологіи и терапіи. Несмотря на то, что въ этомъ случаѣ нарушались извѣстныя постановленія, по которымъ увольненіе профессоровъ должно было происходить подъ контролемъ конференціи, переводъ Чаруковскаго всетаки состоялся. Власть Виллie, какъ президента, и сравнительно небольшое значеніе конференціи, позволяли Виллie не останавливаться передъ такого рода отступле-

ніемъ отъ правилъ. Чаруковскій не захотѣлъ уѣзжать изъ Петербурга, и потому принужденъ былъ выйти въ отставку.

Окончивъ такимъ образомъ свое служебное поприще, Чаруковскій продолжалъ трудиться, какъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ практическихъ врачей въ столицѣ и какъ ученый. Трудно перечислить всѣ тѣ ученыя общества, членомъ которыхъ онъ состоялъ. Свои мелкія журнальныя статьи и изслѣдованія онъ читалъ въ засѣданіяхъ: Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, Общества русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ и мн. др. Умеръ Чаруковскій 11 іюня 1842 г.

Главнѣйшія изъ его сочиненій слѣдующія: 1) «De haemopthysi», его диссертація, Спб. 1822 г.; 2) «Разори и его ученіе» (Военно-Медиц. Жур. 1832 г.); 3) «Общая патологическая семіотика или ученіе о признакахъ болѣзней вообще», Спб. 1825 г.; 4) «Опытъ системы практической медицины, 4 ч., Спб. 1833—1840; 5) осталось въ рукописи: «Наставленіе молодымъ врачамъ объ обязанности ихъ къ самимъ себѣ, къ обществу и товарищамъ» и мн. друг. Кромѣ того Чаруковскій сотрудничалъ въ энциклопедическомъ словарѣ Плюшара и въ журналахъ: «Другъ Здравія» и въ «Военно-Медиц. Журналѣ»; послѣдній даже редактировалъ съ 1828 по 1834 годъ. Портретъ П. А. находится въ хирургическомъ музеѣ Императорской Военно-Медицинской Академіи.

Настольный словарь Толя, т. III.—Змѣевъ, «Врачи Писатели».— Прозоровъ, Матерьялы для исторіи Спб. Им. Медико-Хир. Акад. (Академическіе акты). Спб. 1850 годъ.—Исторія И. В. Медиц. Академіи за 100 лѣтъ. Спб. 1899 г.—Медиц. Вѣстникъ, 1867 г., № 41.—Диссертація Шмигельскаго. Спб. 1897 г.—Диссертація д-ра Верекундова. Спб. 1898 г.—Журналъ врач. и естеств. наукъ за 1841 г., II, стр. 114—130.—Русская Старина, 1891 г., апрѣль.—Протоколы конференціи Медиц. Академіи, за 1839 г., №№ 2, 27, и за 1840 г., № 12.—Дѣло конференція Имп. Военно-Медиц. Академіи за 1839 г., № 14.—Справочный энциклопед. словарь Крайя (подъ редакціей Старчевскаго) т. XII.—Словарь Березина т. IV.

Л. Дагаевъ.

Чарыковъ, *Валерій Ивановичъ*, тайный совѣтникъ, писатель, происходилъ изъ дворянъ Тамбовской губерніи, Шацкаго уѣзда, гдѣ родъ Чарыковыхъ владѣлъ помѣстьями и вотчинами, упоминаемыми въ документахъ XVII вѣка.

Его отецъ, Иванъ Андреевичъ Чарыковъ (р. 1768 г.,†1831 г.) служилъ сначала въ артиллеріи, а затѣмъ прокуроромъ въ Пензенской губерніи, къ дворянству коей онъ причислился въ 1819 г. Онъ имѣлъ отъ брака съ Варварой Ивановной Нечаевой 14 человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ Валерій Ивановичъ, родившійся въ Пензѣ 8 сентября 1818 г., былъ восьмымъ. Крестнымъ отцомъ В. И. былъ тогдашній Пензенскій гражданскій губернаторъ Сперанскій, къ памяти котораго В. И. относился всегда съ особеннымъ уваженіемъ.

11-ти лѣтъ В. И. былъ опредѣленъ въ Павловскій Кадетскій Корпусъ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1837 году—первымъ, съ производствомъ въ прапорщики въ л.-гв. Измайловскій полкъ, и оставался въ военной службѣ до 1845 года. Въ 1838—39 годахъ онъ былъ командированъ въ отдѣльный Кавказскій корпусъ, принималъ участіе во многихъ дѣлахъ противъ горцевъ, около Новороссійска, и былъ раненъ. Въ 1842 году В. И. былъ переведенъ капитаномъ, по собственному желанію, въ Томскій егерскій полкъ и вскорѣ назначенъ адъютантомъ къ Виленскому генералъ-губернатору Мирковичу, съ переводомъ въ Александрійскій гусарскій полкъ.

Въ Валеріи Ивановичѣ рано обозначились отличительныя черты, характеризующія всю его дѣятельность: неустанная работа, направленная къ самообразованію и ознакомленію съ западно-европейскою жизнью, и стремленіе ввести въ Россіи тѣ, преимущественно техническія, культурныя усовершенствованія, которыя имъ наблюдались на западѣ.

Въ этомъ отношеніи В. И. можетъ быть причисленъ къ группѣ людей 40-хъ годовъ, слѣдовавшихъ «Западническому» направленію.

Состоя еще на военной службѣ, онъ совершилъ нѣсколько, не легкихъ въ то время, путешествій за границу, объѣхавъ Германію, Францію, Англію, Австрію и Италію, а также Мексику, гдѣ онъ болѣлъ желтой лихорадкой, и Соединенные Штаты С. Америки, откуда онъ подалъ просьбу объ отставкѣ. Равнымъ образомъ В. И. посѣтилъ сѣверную Персію, Алжиръ, Египетъ, гдѣ видѣлъ знаменитаго хедива Махмедъ-Али, и былъ два раза въ Іерусалимѣ. Впослѣдствіи онъ, ѣздя обыкновенно каждый годъ за границу, ознако-

мился подробно съ бытомъ почти всѣхъ европейскихъ государствъ, включая Испанію.

Перейдя въ гражданскую службу, Чарыковъ состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при графѣ В. Ѳ. Адлербергѣ, министрѣ Императорскаго Двора, начальствовавшемъ также надъ Почтовымъ и Удѣльнымъ вѣдомствами. Въ 1849 году В. И. былъ пожалованъ въ званіе камеръ-юнкера. Испросивъ порученіе обревизовать почтовыя учрежденія Сибири, В. И. изъѣздилъ этотъ край въ 1846 году и побывалъ въ Камчаткѣ и Кяхтѣ. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ напечаталъ въ Извѣстіяхъ Русскаго Географическаго Общества 1850 г. «Замѣтки о торговыхъ путяхъ въ Восточной Сибири», указывая на желательность развитія пароходства въ Обскомъ бассейнѣ и на способы улучшенія нашей торговли съ Китаемъ. 11-го января означеннаго года онъ былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ Географическаго Общества, по отдѣленію этнографіи. Проѣздомъ въ 1852 году въ Оренбургъ, В. И. познакомился, въ окрестностяхъ Самары, съ извѣстнымъ землевладѣльцемъ Д. А. Путиловымъ и въ томъ-же году женился на его единственной дочери, Аделаидѣ Дмитріевнѣ.

Во время Крымской войны Чарыковъ былъ полевымъ почтъ-директоромъ Крымской арміи и, подъ конецъ кампаніи, заболѣлъ тифомъ въ Симферополѣ. Отъ этой болѣзни онъ никогда вполнѣ не оправился. Съ началомъ царствованія Александра II, для дѣятельности В. И. открылось широкое и благодарное поприще.

Въ 1857 году онъ былъ командированъ Департаментомъ Удѣловъ въ Голландію, Бельгію и Францію для ознакомленія съ улучшенными способами добыванія торфа, для примѣненія къ разработкѣ онаго въ Россіи. Изучивъ основательно эту отрасль промышленности и представивъ предсѣдателю Департамента Удѣловъ М. Н. Муравьеву отчетъ, встрѣтившій полное одобреніе, В. И. учредилъ въ Москвѣ товарищество на вѣрѣ для производства фарфора на заводѣ, отапливаемомъ торфомъ. Свой отчетъ онъ напечаталъ въ 1860 г. въ Москвѣ, указавъ въ немъ, какіе способы добыванія торфа наиболѣе примѣнимы въ Россіи.

Преслѣдуя свою мысль о пользѣ возможно бо́льшаго ознакомленія русскихъ образованныхъ людей съ Западной Европой, В. И. издалъ въ Москвѣ въ 1858 году «Путевыя замѣтки за-границею», — первый опытъ, на русскомъ языкѣ, практическаго путеводителя по Германіи, Швейцаріи, Италіи, Франціи и Голландіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, не жалѣя средствъ, помогалъ многимъ русскимъ молодымъ людямъ пріобрѣтать высшее образованіе путешествовать за границей. Къ этому же времени, отъ 1856 до 1863 гг., относится рядъ попытокъ В. И. организовать товарищества для разнообразныхъ культурно-промышленныхъ цѣлей, какъ напр. для введенія въ Петербургѣ «общественныхъ каретъ», для распространенія въ Россіи различныхъ сельскохозяйственныхъ улучшеній, для разработки на русскомъ югѣ соли, въ видахъ сокращенія ввоза ея изъ заграницы и т. п. Наиболѣе крупнымъ изъ этихъ предпріятій было акціонерное общество «Городской Хозяинъ», уставъ котораго былъ представленъ на утвержденіе министра Внутреннихъ Дѣлъ 30 января 1859 г. и которое имѣло цѣлью устройство водопроводовъ, газоваго освѣщенія и хорошихъ мостовыхъ въ 26 главнѣйшихъ провинціальныхъ городахъ Россіи.

Освобожденіе крестьянъ и введеніе земскихъ учрежденій призвало В. И. къ новому и чрезвычайно симпатичному для него труду. Весной 1863 года онъ былъ приглашенъ членомъ въ Губернское по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіе въ Самарѣ, куда В. И. переселился съ семьей, унаслѣдовавшей имѣнія Д. А. Путилова. Въ 1864 году Чарыковъ былъ избранъ Самарскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и въ этой должности, въ Самарскомъ уѣздѣ, открылъ первое по времени земское собраніе въ Россіи. Въ томъ же году онъ былъ Высочайше утвержденъ въ должности директора Самарскаго тюремнаго Комитета, пожалованъ въ камергеры и избранъ предсѣдателемъ Самарской Уѣздной Земской Управы. Журналы Самарскаго Уѣзднаго Земскаго Собранія свидѣтельствуютъ о практической энергіи, съ которой В. И. взялся за осуществленіе разнообразныхъ задачъ, возложенныхъ на земство. Сообща съ лучшими силами края, онъ положилъ прочное основаніе земскому дѣлу въ Самарскомъ уѣздѣ, въ особенности по отношенію къ народному образованію и медицинской части. Въ числѣ

мѣстныхъ дѣятелей того времени находился Юрій Федоровичъ Самаринъ. Работая совмѣстно, В. И., однако, нерѣдко горячо спорилъ съ нимъ на земскихъ собраніяхъ и расходился во мнѣніяхъ. Въ этихъ разногласіяхъ нельзя не видѣть отраженія рѣзкой въ то время противоположности «западническихъ» воззрѣній В. И. Чарыкова и «славянофильскихъ»—Ю. Ф. Самарина. Въ 1865 году В. И издалъ «Списокъ дворянъ, владѣющихъ землею въ Самарской губерніи», явившійся однимъ изъ первыхъ опытовъ провинціальной статистики землевладѣнія. Въ 1867 году В. И. былъ назначенъ Симбирскимъ вице-губернаторомъ и, за болѣзнью губернатора графа Орлова-Давыдова, исправлялъ почти все время его должность, причемъ заслужилъ всеобщее уваженіе, В. И. былъ руководителемъ по составленію и изданію «Памятной книжки Симбирской губерніи на 1868 годъ», въ 3-хъ частяхъ, труда, подобнаго коему по полнотѣ и интересу содержанія не появлялось въ провинціи. Въ исторической части, послѣ ряда любопытныхъ статей, напечатанъ текстъ 3-хъ жалованныхъ грамотъ: 1613 г. Баюшу Мурзѣ Разгильдѣеву, 1618 г. Князю Баюшу Разгильдѣеву да Ямашу Мурзѣ князь Мангушеву съ товарищи и 1685 г. стольнику Андрею Ивановичу Апненкову. Въ 1869 году В. И. былъ переведенъ губернаторомъ въ Вятку и пробылъ въ этой должности 6 лѣтъ. Здѣсь ему пригодилось его близкое знакомство съ земскимъ дѣломъ. Оказывая зависящее содѣйствіе Вятскому земству и улучшая съ неуклонною твердостью весьма непригляднное положеніе Вятской администраціи, Чарыковъ достигъ результатовъ, обратившихъ на себя общее вниманіе. Вятское земство стало во многихъ отношеніяхъ и, въ особенности, по народному образованію, во главѣ прочихъ земствъ Имперіи, а уровень мѣстной администраціи замѣтно повысился. Во время управленія Вятской губерніей В. И. значительно оживилъ и расширилъ дѣятельность Губернскаго Статистическаго Комитета и ввелъ ремесленный трудъ въ тюрьмахъ. Нѣкоторыя произведенія этого труда получили награду на Московской промышленной выставкѣ 1872 года. Когда возникло Общество, имѣющее цѣлью развитіе русскаго торговаго мореходства, В. И., принимавшій къ сердцу нашу отсталость въ этомъ отношеніи по сравненію съ З. Европой, выразилъ свое сочувствіе Обществу крупнымъ пожертвованіемъ, въ благодарность за которое ему была присуждена золотая медаль.

Въ 1875 году В. И. былъ назначенъ Минскимъ губернаторомъ и во время войны 1877—78 гг. заслужилъ признательность многихъ командировъ частей за содѣйствіе по передвиженію войскъ черезъ Минскую губернію. Вскорѣ, однако, его здоровье, надломленное непрерывной работой, настолько ослабѣло, что въ 1879 году В. И. вовсе оставилъ службу и поселился сначала въ Крыму, а затѣмъ въ Курскѣ. Послѣ продолжительной болѣзни онъ скончался въ Москвѣ 23 февраля 1884 года и погребенъ въ с. Богдановкѣ, Самарскаго уѣзда.

Въ теченіе всей своей жизни В. И. велъ, съ отличавшей его аккуратностью, о которой сохранилось много своеобразныхъ разсказовъ, дневникъ, уцѣлѣвшій почти полностью. Хотя дневникъ этотъ носитъ совершенно частный характеръ, онъ можетъ, однако, послужить, современемъ, для характеристики многихъ дѣятелей эпохи 1840 — 1880 гг. Благодаря родству съ семьей А. Д. Бестужева-Рюмина, В. И. обнародовалъ извѣстное его «Краткое описаніе происшествій въ столицѣ Москвѣ въ 1812 году» въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей 1859 г. Кромѣ того, В. И напечаталъ подъ конецъ своей жизни нѣсколько мелкихъ замѣтокъ историческаго содержанія.

В. И. скончался въ чинѣ тайнаго совѣтника, получивъ въ числѣ многихъ другихъ наградъ, орденъ Бѣлаго Орла, серебряную медаль въ память защиты Севастополя, въ музеѣ котораго имѣется его портретъ, особый знакъ отличія за введеніе въ дѣйствіе Положенія 19 февраля 1861 года и знаки отличія въ память успѣшнаго введенія въ дѣйствіе Положенія 26 іюня 1863 года о государственныхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ крестьянахъ, а также крестъ, установленный въ память службы на Кавказѣ.

В. И. напечаталъ: «Замѣтки о торговыхъ путяхъ въ Восточной Сибири», (Извѣстія Русскаго Географическаго Общества 1850 года, выпускъ третій); «Путевыя замѣтки за границей» Москва,

1858 г.; сочиненіе Ѳ. Д. Бестужева-Рюмина «Краткое описаніе происшествій въ столицѣ Москвѣ въ 1812 году», въ Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1859 г., кн. 2; «О торфяномъ производствѣ за-границей», Москва, въ типографіи Каткова и Комп. 1860 г; «Списокъ Дворянъ, владѣющихъ землей въ Самарской губерніи», Самара 1865 г.; «Памятная книжка Симбирской губерніи на 1868 г.», Симбирскъ 1868 г.

«Московскія Вѣдомости» 1884 г., № 142 (некрологъ кн. В. П. Баюшева).—Составъ Импер. Русск. Географ. Общества, С.-Петербургъ, 1861 г.—«Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ Русскихъ писателей», Д. Д. Языкова, выпускъ четвертый, С.-Петербургъ, 1888.—Л. М. Савеловъ, «Библіографическій указатель по исторіи, геральдикѣ и родословію Россійскаго дворянства», изд. второе, Острогожскъ 1898, стр. 249.—Его же «Воронежское Дворянство», Доп., 1897 г., № 39.—«Дворянскіе роды» графа Бобринскаго ч. II.—Общій Гербовникъ.—«Павелъ Менезій», біографическій очеркъ Н. В. Чарыкова, Историческій Вѣстникъ, декабрь 1900 г.

Н. Чариковъ.

Чаславскій, *Василій Ивановичъ*, извѣстный изслѣдователь народнаго экономическаго быта, род. въ 1834 году, происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода Смоленской губерніи и, по окончаніи курса въ Смоленской гимназіи, въ 1853 году поступилъ на службу въ канцелярію мѣстнаго губернатора. Во время Крымской войны онъ находился въ рядахъ Смоленскаго ополченія и, въ званіи адъютанта, совершилъ съ нимъ нѣсколько походовъ. Въ 1857 году онъ снова поступилъ на гражданскую службу въ канцелярію С.-Петербургскаго генералъ-губернатора, а въ 1861 году былъ мировымъ посредникомъ на своей родинѣ. Съ 1868 года В. И. началъ службу въ министерствѣ Государственныхъ Имуществъ, гдѣ до самой смерти занималъ различныя должности по сельско-хозяйственному и статистическому отдѣламъ. Въ ночь съ 18-го на 19-е іюля 1878 года Чаславскій выстрѣломъ изъ револьвера лишилъ себя жизни.

Свою научную дѣятельность Чаславскій началъ въ 1868 году съ изслѣдованія о положеніи малолѣтнихъ преступниковъ и съ составленія проекта организаціи колоніи для нихъ; въ этомъ году С.-Петербургскій тюремный комитетъ объявилъ конкурсъ на премію въ 1000 червонцевъ за лучшее сочиненіе объ устройствѣ такой колоніи. В. И. представилъ сочиненіе на эту премію и, хотя ея не получилъ, но все таки принялъ горячее участіе въ этомъ дѣлѣ. Съ 1870 года онъ въ продолженіи двухъ лѣтъ состоялъ директоромъ тюремнаго комитета и въ то же время былъ первымъ секретаремъ, а впослѣдствіи почетнымъ членомъ общества земледѣльческой колоніи, основанной, отчасти, по его иниціативѣ.

Въ томъ же 1868 году Чаславскій помѣстилъ въ журналѣ «Сельское хозяйство и лѣсоводство» статью «О земледѣльческихъ колоніяхъ и ремесленныхъ пріютахъ». Въ ней онъ статистическими данными, собранными въ разныхъ государствахъ, выяснилъ какое огромное вліяніе на развитіе преступныхъ наклонностей оказываетъ бѣдность и дурная нравственная атмосфера, въ которой находятся дѣти, не имѣющія родителей или имѣющія родителей порочныхъ. Для борьбы съ этимъ зломъ онъ указываетъ какъ на единственное средство, практикуемое въ Западной Европѣ,—на устройство земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ, которые давали бы дѣтямъ нравственное и вмѣстѣ съ тѣмъ практическое воспитаніе.

Въ числѣ ученыхъ трудовъ, доставившихъ Чаславскому извѣстность, главное мѣсто занимаетъ его участіе въ экспедиціи для изслѣдованія хлѣбной торговли и производительности въ Россіи. Первоначально ему было поручено изслѣдованіе центральнаго района, что онъ и выполнилъ въ 1871 году. Въ 1873 году ему было вторично предложено отправиться въ экспедицію для изслѣдованія Пріазовскаго и Донского районовъ, въ составъ которыхъ были включены также: Кубанская область, Ставропольская губернія и часть Закавказья. Предварительные отчеты объ этихъ поѣздкахъ появились въ 1871-мъ и 1873-мъ годахъ въ «Извѣстіяхъ» Географическаго Общества. Весь же собранный матеріалъ, тщательно обработанный и сгруппированный, былъ изданъ въ 1873-мъ и 1875-мъ годахъ въ «Трудахъ» экспедиціи. За исполненіе этихъ порученій Чаславскій получилъ въ 1873 году отъ статистическаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества малую золотую медаль. Въ своемъ

изслѣдованіи центральнаго района Чаславскій указываетъ на недостаточность производительности хлѣба для мѣстнаго продовольствія въ сѣверной его части, въ виду чего населеніе постоянно нуждается въ привозномъ хлѣбѣ. Свое изслѣдованіе хлѣбной торговли въ этомъ районѣ Чаславскій раздѣлилъ на двѣ части, сообразно съ главными направленіями торговаго движенія хлѣбныхъ грузовъ. Въ первой части, изданной въ 1873 году, помѣщено изслѣдованіе хлѣбной торговли въ приморскомъ районѣ; именно движеніе хлѣбныхъ грузовъ къ Москвѣ, обзоры торговли Московскаго хлѣбнаго рынка и вывоза хлѣба по Николаевской и Смоленской желѣзнымъ дорогамъ. Къ этой части присоединены карты хлѣбной торговли въ центральномъ районѣ. Во вторую часть вошелъ обзоръ движенія хлѣбныхъ грузовъ къ Ригѣ и изслѣдованіе о вліяніи Рижскаго и С.-Петербургскаго портовъ на направленіе хлѣбнаго движенія въ центральномъ районѣ, обзоръ гужевого и судоходнаго движенія хлѣбныхъ грузовъ во Владимирскую губ. и Мещерскій край, историческій очеркъ судоходства по Окѣ и ея притокамъ, въ связи съ открытіемъ желѣзныхъ дорогъ, и очеркъ крупчатнаго производства. Свѣдѣнія о движеніи цѣнъ на хлѣбъ и производительности разныхъ мѣстъ Чаславскій черпалъ изъ сообщеній земскихъ управъ, городскихъ думъ, интендантскихъ управленій и изъ свѣдѣній, получаемыхъ отъ частныхъ лицъ. Большую же часть матеріала для настоящаго изслѣдованія доставили данныя, полученныя отъ управленій желѣзныхъ дорогъ, которыя, вмѣстѣ съ многочисленными свѣдѣніями о гужевомъ извозѣ и о движеніи грузовъ по воднымъ путямъ, дали возможность Чаславскому прослѣдить главныя измѣненія въ хлѣбной торговлѣ центральнаго района. Всѣ эти свѣдѣнія добыты самимъ Чаславскимъ во время его четырехмѣсячной поѣздки лѣтомъ 1871 года. Масса статистическаго матеріала освѣщена въ этомъ трудѣ живымъ и яснымъ изложеніемъ, а приложенныя карты представляютъ наглядное изложеніе общихъ результатовъ и ихъ взаимное соотношеніе. Результатомъ второй поѣздки Чаславскаго было появленіе въ 1874 году въ «Трудахъ» Вольно-Экономическаго Общества статьи «О культурѣ зерновыхъ хлѣбовъ въ нѣкоторыхъ изъ горскихъ ауловъ у сѣверныхъ предгорій Кавказа и на различныхъ высотахъ между Владикавказомъ и Тифлисомъ». Въ ней Чаславскій сопоставилъ данныя о культурѣ хлѣбовъ и сельско-хозяйственномъ бытѣ горцевъ, живущихъ въ горахъ, съ бытомъ горцевъ, переселенныхъ на плоскость въ Кубанскую область и Ставропольскую губернію. Не ограничиваясь рамками поставленнаго ему изслѣдованія, В. И. собиралъ и много другихъ данныхъ, касающихся внутренняго быта нашей родины, особенно положенія и нуждъ крестьянъ. Плодомъ такихъ наблюденій была появившаяся въ «Сборникѣ государственныхъ знаній» статья «О крестьянскихъ земледѣльческихъ отхожихъ промыслахъ въ связи съ переселеніемъ крестьянъ», обратившая на себя вниманіе, такъ какъ она затрогивала одинъ изъ живыхъ внутреннихъ нашихъ вопросовъ, въ то время очень мало освѣщенныхъ. Самая постановка Чаславскимъ затронутыхъ имъ въ этой статьѣ вопросовъ не утратила значенія до нашего времени. Главный недостатокъ этой статьи Чаславскаго заключается въ отсутствіи точныхъ цифровыхъ данныхъ о переселеніи крестьянъ и въ отсутствіи указаній на источники, изъ которыхъ авторъ черпалъ приводимые имъ факты. Этимъ она вызвала въ свое время возраженіе въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» со стороны г. Воропанова. Уже послѣ смерти В. И. въ «Отечественныхъ Запискахъ» появилась еще одна его статья: «Вопросы русскаго аграрнаго устройства». Вполнѣ справедливо придавая огромное значеніе аграрному вопросу, Чаславскій въ этой статьѣ бѣгло касается разныхъ его сторонъ и выясняетъ ихъ значеніе для Россіи. Послѣднее время своей жизни Чаславскій принималъ дѣятельное участіе въ предпріятіи Географическаго Общества по разработкѣ программы для изслѣдованія сельской общины. Всѣ труды его отличаются, кромѣ несомнѣнной добросовѣстности и тщательности изслѣдованій, рѣдкимъ безпристрастіемъ и отсутствіемъ какихъ либо предразсудковъ. Труды Чаславскаго: «Первая земледѣльческая школа въ Россіи» (1797—1803 г.); «Сельское хозяйство и лѣсоводство», (Журналъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, 1870 г.,

ч. 105, стр. 1—18); «О земледѣльческихъ колоніяхъ и ремесленныхъ пріютахъ», въ журналѣ «Сельское Хозяйство и Лѣсоводство», 1868 г., № 3 (ч. 97, 2), стр. 1—29; «Хлѣбная торговля въ центральномъ районѣ Россіи», въ «Трудахъ экспедиціи, снаряженной Императорскимъ Вольно-Экономическимъ и Русскимъ Географическимъ Обществами, для изслѣдованія хлѣбной торговли и производительности въ Россіи»: ч. I, Торговля въ примосковскомъ районѣ», т. III, вып. 1, 1873 г.; ч., II, «Торговля въ Ригѣ», т. III, вып. 2, 1875 г.; «Предварительный отчетъ за 1871 г.» («Извѣстія» Географическаго Общества, 1871 г., отд. 2-й, стр. 377—386); «Предварительный отчетъ за 1873 г.» въ журналѣ: «Сельское Хозяйство и Лѣсоводство», 1873 г., стр. 365—368); «О культурѣ зерновыхъ хлѣбовъ въ нѣкоторыхъ изъ горскихъ ауловъ у сѣверныхъ предгорій Кавказа и на различныхъ высотахъ между Владикавказомъ и Тифлисомъ», въ «Трудахъ Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества,» т. I-й, № 1, стр. 27—37; «О крестьянскихъ земледѣльческихъ отхожихъ промыслахъ въ связи съ переселеніемъ крестьянъ», въ «Сборникѣ Государственныхъ Знаній», за 1875 г., т. II, стр. 181—211; «Вопросы русскаго аграрнаго устройства», въ «Отечественныхъ Запискахъ», за 1878 г., № 8, стр. 281—312 и 1879 г., т. I, стр. 219—232.

Некрологи Чаславскаго: 1) «Отечественныя Записки», 1878 г., т. 239 (т. 68), № 8, стр. 328—330; 2) «Извѣстія Имп. Рус. Географ. Общества», 1878 г., т. XIV, вып. III (Н. Н. Вакуловскаго); 3) «Голосъ», 1878 г., № 217; 4) «Новости», 1878 г, № 189; 5) «Живописное Обозрѣніе», 1878 г., № 35; 6) «Биржевыя Вѣдомости» 1878 г., № 203; 7) Русскій Міръ» 1878 г., № 204.—«Биржевыя Вѣдомости». 1875 г., № 282 и 293; 1876 г., № 17.—«Журналъ Министерства Путей Сообщенія», 1875 года, т. II, № 2, стр. 1—286.—«Кіевлянинъ» 1875 г., №№ 130, 151, 152.

В. Черновъ.

Чацкій, *Ѳаддей Феликсовичъ* (Ѳаддей - Игнатій - Цезарій-Августинъ-Іосифъ-Іоаннъ - Непомукъ - Онуфрій, Tadeusz Czacki), тайный совѣтникъ, основатель Кременецкаго Лицея, писатель. Сынъ польскаго подчашаго коронпаго Щенснаго (Szczęsny = Felix) Чацкаго и жены его Екатерины Малаховской, Чацкій родился 28-го августа (н. с.) 1765 года, въ мѣстечкѣ Порыцкѣ, Владимиро-Волынскаго уѣзда. Мать его вскорѣ умерла, а отецъ былъ, во время Барской конфедераціи, сосланъ въ свое имѣніе Бруспловъ, а затѣмъ въ Броды и Полонное. Вслѣдствіе этого, Чацкій, какъ и его старшій братъ Михаилъ, получилъ первоначальное воспитаніе не въ родительскомъ домѣ, а въ г. Данцигѣ, подъ руководствомъ дяди, великаго коронпаго стражника, Францпска Чацкаго. Когда Щенсному Чацкому было дозволено жить въ Порыцкѣ, оба сына его вернулись къ нему и здѣсь началось уже систематическое обученіе ихъ, подъ наблюденіемъ іезуита Фаустина Гродзицкаго, бывшаго раньше преподавателемъ геометріи въ Львовской коллегіи, гдѣ воспитывался отецъ Чацкихъ. Главными предметами занятій были: латинскій языкъ, древне-римская литература и нѣмецкій языкъ. Любовь къ ближнему и горячее стремленіе къ распространенію просвѣщенія, которыя составляли отличительную черту характера Чацкаго, уже и тогда были замѣтны въ будущемъ основателѣ Кременецкаго Лицея. Двѣнадцати лѣтъ отъ роду, онъ на свои деньги нанялъ для бѣдныхъ и сиротъ Порыцка учителя и, такимъ образомъ, положилъ начало Порыцкой школѣ. Въ 1784 году, девятнадцатилѣтнимъ юношей, Чацкій впервые принялъ участіе въ общественной жизни своей родины, въ качествѣ члена коронныхъ надворныхъ судовъ. Въ тоже время Чацкій, сознавая недостаточность полученнаго имъ образованія, старался пополнить его, изучая въ библіотекѣ Залусскихъ юриспруденцію и политическія науки, подъ руководствомъ извѣстныхъ историковъ Адама Нарушевича и Яна Альбертранди; параллельно съ этимъ онъ знакомился съ французской литературой и кромѣ того работалъ въ Главномъ Варшавскомъ Архивѣ, приводя въ порядокъ акты Коронной Метрики. 30-го апрѣля того же года Чацкій былъ выбранъ въ члены рудной коммиссіи (Kommissya Kruszcowa), что дало ему толчекъ къ изученію естественныхъ наукъ, а черезъ два года сеймъ избралъ его въ члены финансовой коммиссіи (Kommissya Skarbowa) и это заставило его серьёзно заняться финансовыми науками и статистикой. На этихъ мѣстахъ Чацкій проявилъ очень интенсивную и разнообразную дѣятельность. Онъ предложилъ

сейму посылать ежегодно молодыхъ людей за-границу для изученія горныхъ наукъ, минералогіи и металлургіи; на свой счетъ издалъ гидрографическую карту Польши и Литвы, съ указаніемъ теченія почти 5000 рѣкъ и рѣчекъ, съ означеніемъ всего того, что можетъ служить указаніемъ для урегулированія ихъ фарватеровъ; карта эта стоила до 1000 злотыхъ и находится въ настоящее время въ С.-Петербургѣ; кромѣ того, по его же иниціативѣ была издана на 13 таблицахъ гидрографическая карта Днѣстра съ промѣромъ глубины отъ Ушицы до Бендеръ; онъ первый обратилъ вниманіе на необходимость охраны лѣсовъ отъ порубокъ; онъ же принималъ участіе въ проведеніи реформъ, облегчающихъ положеніе евреевъ въ Польшѣ. Въ 1785 году Чацкій былъ назначенъ старостою Новогродскимъ, а въ 1787 году онъ объѣхалъ Русскую провинцію и Украйну съ цѣлью спеціальнаго ознакомленія съ ихъ положеніемъ и установленія контроля надъ чиновниками; въ 1788 году, послѣ перехода къ Австріи Бохни и Велички, Чацкій, вмѣстѣ съ Кушевскимъ, предпринялъ путешествіе для провѣрки мѣсторожденій соли и урегулированія отношеній съ господаремъ Молдавскимъ, повысившимъ цѣну на этотъ продуктъ. Для устраненія послѣдняго обстоятельства онъ написалъ письмо къ кн. Ипсиланти, доказывая необходимость пониженія цѣны на соль. Объ обѣихъ этихъ поѣздкахъ онъ далъ финансовой комиссіи, подробный отчетъ, къ которому приложилъ докладъ подъ заглавіемъ: «Uwagi o handlu polskiem» (замѣчанія о польской торговлѣ), гдѣ, давая историческій очеркъ торговыхъ отношеній Польши, главнымъ образомъ съ Оттоманскою Портой, развивалъ свой взглядъ на необходимость самыхъ тѣсныхъ торговыхъ сношеній между обоими государствами. Впослѣдствіи гр. Адамъ Красинскій передалъ этотъ докладъ французскому послу въ Константинополѣ графу Шуазелю, прося о воздѣйствіи на Порту, но безуспѣшно; наконецъ, въ 1788 г., Чацкій подалъ проектъ о приведеніи въ порядокъ генеральной кассы, а въ 1791 г. самымъ рѣшительнымъ образомъ воспротивился покупкѣ на счетъ государства дворца для русскаго посланника, о чемъ даже издалъ спеціальную брошюру: «Usprawiedliwienie się na seymie w materyi kupna pałacu posłowi cudzoziemskiemu». Кромѣ этого, по порученію той же финансовой комиссіи, Чацкій осмотрѣлъ Краковское воеводство, причемъ составилъ описаніе историческаго краковскаго замка. Вся эта сложная и разнообразная дѣятельность Чацкаго принесла, сравнительно, немного результатовъ, но виноватъ въ этомъ былъ не будущій основатель Кременецкаго Лицея. Изъ писемъ Чацкаго къ Августу Нѣгловскому, суперъинтеденту коронной казны русской провинціи, видно, что всѣ его предпріятія были задуманы умно и смѣло; къ сожалѣнію, не всѣ члены финансовой комиссіи были похожи на Чацкаго и больше занимались интригами, чѣмъ дѣломъ. За свою дѣятельность Чацкій былъ награжденъ въ 1786 г. орденомъ св. Станислава и въ 1791 г.—орденомъ Бѣлаго Орла.

Въ работахъ четырехлѣтняго сейма Чацкій не принималъ непосредственнаго участія; онъ, какъ и его отецъ, умершій въ 1790 году, не принадлежалъ къ числу энтузіастовъ-приверженцевъ, такъ называемой, патріотической партіи. Занятія сейма и ихъ характеръ ему не нравились; конституція 3-го мая не нашла въ немъ поклонника, такъ какъ средства, какими она получила законную силу не согласовались съ его правовыми и политическими убѣжденіями. Несмотря на это, онъ счелъ своимъ долгомъ оставаться на томъ мѣстѣ, которое занималъ, и 7-го мая 1791 года вмѣстѣ съ другими членами финансовой комиссіи, принесъ присягу на вѣрность конституціи. Осенью того же года Чацкій совершенно ясно высказалъ свое недовольство существующимъ положеніемъ; въ одномъ изъ своихъ писемъ, онъ заявляетъ, что ищетъ «деревенскаго спокойствія, личнаго счастія семейной жизни»; однако, разъ принявъ присягу, онъ считалъ своей обязанностью быть вѣрнымъ ей и, поэтому, когда восторжествовала Тарговицкая конфедерація, немедленно вышелъ изъ состава финансовой комиссіи. Въ это же время онъ женился на Варварѣ Дембинской, отказался на время отъ общественной дѣятельности и занялся составленіемъ библіотеки, собирая въ тоже время матерьялы по исторіи царствованія Станислава Августа, такъ какъ хотѣлъ написать изслѣдованіе объ этой эпохѣ. Въ

1794 г. имѣнія Чацкаго были конфискованы по распоряженію русскаго правительства и онъ уже рѣшилъ хлопотать о мѣстѣ профессора въ Краковской Академіи. Вскорѣ, однако, Порыцкъ ему былъ возвращенъ, но остальныя имѣнія продолжали числиться за казною, не смотря на поѣздку его въ С.-Петербургъ и на объясненія съ Зубовымъ. Императоръ Павелъ I-ый, по вступленіи своемъ на престолъ вернулъ Чацкому всѣ его помѣстья, чѣмъ послѣдній воспользовался для оказанія помощи сосланнымъ въ Сибирь соотечественникамъ, которыхъ и раньше не оставлялъ безъ поддержки. Во время коронаціи новаго Императора, Чацкій находился въ Москвѣ въ качествѣ делегата отъ Кіевской губерніи, подалъ на имя Государя прошеніе черезъ кн. Куракина; въ прошеніи онъ ходатайствовалъ о забвеніи прежнихъ винъ, о перенесеніи актовъ Коронной Метрики по губерніямъ Подольской и Волынской, объ установленіи въ этихъ губерніяхъ высшаго суда и, наконецъ, объ измѣненіи порядка выборовъ губернскихъ предводителей дворянства (маршаловъ). Прошеніе это было въ значительной своей части удовлетворено. Изъ указанныхъ выше фактовъ мы видимъ, что Чацкій снова началъ заниматься общественными дѣлами. Кромѣ этого, въ 1800 году по его иниціативѣ и при ближайшемъ участіи Яна Альбертранди, Станислава Солтыка и Ксаверія Дмоховскаго, было учреждено въ Варшавѣ «Towarzystwo przyjaciół nauk» (Товарищество друзей науки), общество, имѣвшее цѣлью наблюденіе за сохраненіемъ чистоты польскаго языка и распространеніе просвѣщенія, а въ 1802 г. онъ же основалъ «Towarzystwo handlowe», коммерческое товарищество. Въ то же время Чацкій усиленно работалъ надъ собираніемъ библіотеки и занимался историческими изслѣдованіями. Еще будучи на коронаціи въ Москвѣ, онъ испросилъ у Станислава-Августа въ даръ собраніе рукописей, систематизированное Нарушевичемъ, результатомъ его работы надъ которыми явилось сочиненіе «O litewskich i polskich prawach, o ich duchu, źródłach, związku i o rzeczach zawartych w pierwszym statucie dla Litwy 1529 roku wydanym» (томъ I-ый Warszawa 1800, томъ II-ой тамъ же 1801), трудъ доставившій автору громкую извѣстность. Далѣе, въ 1802 г. король прусскій Фридрихъ Вильгельмъ разрѣшилъ Чацкому заниматься въ тайномъ архивѣ въ Кёнигсбергѣ и дѣлать оттуда выписки; плодомъ этой работы было другое сочиненіе Чацкаго — «Czy prawo rzymskie było zasadą praw litewskich i polskich?» Вернувшись изъ Кёнигсберга, Чацкій нѣкоторое время занимался собираніемъ документовъ и рукописей, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ Копернику, и затѣмъ, въ 1803 г., уѣхалъ изъ Варшавы, гдѣ былъ между прочимъ, членомъ комиссіи, назначенной для подсчета долговыхъ обязательствъ и устраненія разногласій между банками, прекратившими платежи, и ихъ вѣрителями. Уѣхалъ Чацкій въ Порыцкъ съ цѣлью спеціально заняться исторіей Польши, но, съ воцареніемъ Александра I-го, открылся новый періодъ его общественной дѣятельности и вскорѣ мы опять застаемъ его внѣ родового имѣнія.

Въ 1803 г. былъ перереформированъ Виленскій учебный округъ, въ составъ котораго входили Кіевская, Волынская и Подольская губерніи. Чацкій, исходя изъ убѣжденія, что въ основу средняго образованія долженъ быть положенъ принципъ практической приложимости школьной науки къ жизни, набросалъ свой собственный планъ преподаванія, втайнѣ надѣясь, что его можно будетъ провести въ жизнь. Въ то же время Чацкій снесся съ извѣстнымъ Коллонтаемъ (Hugo Kołłątaj), спрашивая, какъ онъ смотритъ на дѣло школьнаго образованія, и прося совѣта и поддержки. Отсюда установилась между ними переписка, а затѣмъ и личныя отношенія, которыя прекратились въ 1805 г. Трудно сказать, что̀ въ окончательной редакціи учебнаго плана Чацкаго принадлежитъ ему и что̀ Коллонтаю, — во всякомъ случаѣ честь его составленія принадлежитъ имъ обоимъ. Обмѣнявшись мыслями еще съ гр. Игнатіемъ Потоцкимъ, Яномъ Снядецкимъ, Линде, Ходкевичемъ и др., и встрѣтивъ съ ихъ стороны сочувствіе, Чацкій въ качествѣ визитатора школъ Кіевской, Волынской и Подольской губ., отослалъ свой проектъ для оцѣнки въ Виленскій Университетъ и, въ декабрѣ 1803 г., напечаталъ его подъ заглавіемъ «O gymnazyach w Wołyńskiej gubernij i innych dla obojej płci ustanowieniach; uczynione przedstawienie przez T. Czackiego,

tej i innych gubernij wizytatora». Проектъ этотъ, въ краткихъ словахъ, сводится къ слѣдующему: гимназія дѣлится на классы и курсы; классовъ четыре, ихъ цѣль—укрѣпить память учениковъ; курсовъ три, ихъ цѣль—пріучить учащихся къ самостоятельной умственной работѣ. Въ первыхъ четыре учителя преподаютъ: польскій и латинскій языки; русскій яз. и ариѳметику; французкій яз. и основанія науки о нравственности; нѣмецкій яз. и географію. Во вторыхъ,—ученики первые два года изучаютъ: элементарную математику, логику, всеобщую исторію, географію; вторые два года—физику и юриспруденцію; третьи — естественныя науки, химію и словесность. Кромѣ того при гимназіи должны быть открыты спеціальные курсы по тремъ отдѣламъ: математическій (высшая математика, астрономія, механика, практическія: гидравлика и гидростатика); отдѣлъ физическій (садоводство и полеводство, анатомія, физіологія, хирургія, акушерство, ветеринарія); отдѣлъ филологическій (общая грамматика или философія славянскаго языка, сравнительное языковѣдѣніе); отдѣлъ библіографическій. Помимо этого по проекту предполагалось учредить частные уроки рисованія, музыки, гимнастики, плаванья.

Еще интереснѣе планъ Чацкаго, касающійся устройства спеціальныхъ женскихъ учебныхъ заведеній для наставницъ. Признавая большое значеніе за систематическимъ женскимъ образованіемъ, онъ предлагалъ ввести слѣдующіе предметы въ программу женскихъ гимназій, общій курсъ которыхъ долженъ былъ продолжаться не менѣе 7 лѣтъ: 1) основанія науки о нравственности, 2) грамматика польская, 3) грамматика русская, 4) французскій и нѣмецкій языки, 5) искусство писанія писемъ, 6) ариѳметика, до десятичныхъ дробей, 7) географія и исторія, 8) регистратура (счетоводство), 9) садоводство, 10) домашнее хозяйство и кулинарное искусство, 11) рисованіе, 12) пѣніе, 14) рукодѣліе, 15) первые начатки механики. Чацкій полагалъ, что количество обучающихся дѣвицъ въ такихъ семинаріяхъ должно быть очень ограничено и предѣльный возрастъ поступленія долженъ быть не старше 12-ти лѣтъ.

Вскорѣ послѣ этого Чацкій въ сотрудничествѣ съ Коллонтаемъ обработалъ «Projekt urządzenia gimnazyum Wołyńskiego i wszystkich szkół, w gub. Wołyńskiej zaprowadzić się mających» и вмѣстѣ съ донесеніемъ «O stanie jeneralnym oświecenia gub. Wołyńskiej i o środkach urządzenia i upowszechnienia nauk», подалъ его въ Виленскій Университетъ для оцѣнки и, затѣмъ, для утвержденія. Ожидая утвержденія своего проекта и разрѣшенія основать, въ избранномъ имъ г. Кременцѣ, лицей по вышеуказанному типу, Чацкій собиралъ пожертвованія на школы, искалъ подходящихъ учителей, готовилъ зданіе для будущаго лицея, отвѣчалъ на полемику Университета и на критику попечителя округа. Наконецъ, 29-го іюля 1805 г., Императоръ Александръ I утвердилъ проектъ Кременецкаго лицея и особымъ рескриптомъ выразилъ свою благодарность Чацкому за его труды по народному образованію. Къ сожалѣнію средства, собранныя Чацкимъ, были не достаточны для покрытія расходовъ по приведенію въ исполненіе всего его проекта, поэтому рѣшено было отложить открытіе школы для гувернантокъ до болѣе удобнаго времени и заняться исключительно лицеемъ. Согласно утвержденному уставу, учителей въ лицеѣ должно было быть 19,—9 старшихъ и 10 младшихъ; ученики, оканчивающіе курсъ наукъ, подвергаются выпускнымъ испытаніямъ и, признанные достойными, получаютъ свидѣтельство отъ директора, на основаніи котораго Виленскій Университетъ выдаетъ имъ дипломъ, имѣющій силу во всей Россіи. Кременецкій лицей былъ открытъ 1-го ноября 1805 г. при громадномъ стеченіи народа, но при отсутствіи Коллонтая, котораго Чацкій въ виду установившихся между ними натянутыхъ отношеній, не захотѣлъ пригласить. Чацкій выпустилъ программу преподаванія наукъ на 1805 г., подъ названіемъ: «Wzór i porządek nauk, które na lekcyach publicznych w gimnazym Wołyńskiem od 1 października 1805 do ostatnich dni lipca 1806 dawane będą» и въ ноябрѣ, дѣйствительно, лицей открылъ свою дѣятельность. Словесность, анатомія, физіологія, хирургія, акушерство, полеводство, садоводство, архитектура и ветеринарія не изучались въ первое время, вслѣдствіе отсутствія преподавателей этихъ предметовъ. Не было устроено также ботаническаго сада, школы практическихъ геометровъ и ме-

хапиковъ, и типографіи, какъ предполагалось въ проектѣ. Директоромъ лицея былъ назначенъ извѣстный математикъ Іосифъ Чехъ, префектомъ—Янъ Ярковскій, бывшій профессоръ Краковской Академіи. Въ первый годъ существованія лицея учениковъ числилось 280. Всѣ указанные недостатки лицея волновали Чацкаго и заставляли его еще усиленнѣе работать; онъ занялся составленіемъ новыхъ школьныхъ проектовъ, ввелъ въ Кременцѣ совершенно особый институтъ—«судъ учениковъ», опредѣлилъ отношеніе учениковъ къ гимназіи, написалъ уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ на нихъ, наконецъ, много времени посвятилъ отыскиванію молодыхъ людей для командировки за-границу съ научною цѣлью, надѣясь, что они по возвращеніи будутъ хорошими учителями въ лицеѣ. Въ 1807 г. Чацкій былъ сперва въ Харьковѣ, затѣмъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ, во время отъѣзда кн. Адама Чарторижскаго въ Курляндію, управлялъ Виленскимъ учебнымъ округомъ. Въ томъ же 1807 г. по его иниціативѣ были учреждены двѣ судебно-учебныя комиссіи, въ Вильнѣ и Кременцѣ, имѣвшія цѣлью изысканіе фондовъ на дѣло народнаго просвѣщенія. 27-го іюля 1807 года получился указъ объ основаніи школы на 36 «практическихъ геометровъ»; въ этой школѣ предполагалось преподавать: ариѳметику, геометрію, тригонометрію, алгебру, рисованіе, языки: русскій и польскій. Одновременно имѣлось въ виду открыть еще школу «механиковъ-практиковъ», съ обязательнымъ курсомъ ариѳметики, гидростатики, алгебры, геометріи, механики, гидравлики и физики. Чацкій предположилъ, съ своей стороны, ввести еще преподаваніе топографіи и законовъ о межахъ и границахъ. 31-го августа вышло разрѣшеніе открывать приходскія училища по плану предложенному Чацкимъ; планъ же этотъ представляетъ изъ себя видоизмѣненіе проекта Коллонтая, съ тою только разницей, что Чацкій обращалъ большое вниманіе на воспитаніе дѣтей бѣдной шляхты, въ ущербъ крестьянскимъ дѣтямъ.

Такимъ образомъ явилась формальная возможность къ осуществленію плановъ Чацкаго; къ сожалѣнію скромность средствъ, собранныхъ, главнымъ образомъ, Чацкимъ, не позволяла поставить дѣло на желательную высоту. Впрочемъ, вышеупомянутыя судебно-учебныя комиссіи много способствовали увеличенію доходовъ, предназначавшихся на образовательныя цѣли. Чацкому, благодаря ихъ дѣятельности, удалось получить 2.350000 злотыхъ (около 350000 руб. сер.) для приведенія своихъ проектовъ въ исполненіе. Въ это же время между Чацкимъ и ректоромъ Виленскаго Университета Яномъ Снядецкимъ возникли разногласія изъ за имѣнія Суражъ, недалеко отъ Кременца, доходы съ котораго Чацкій желалъ употребить на устройство нѣкоторыхъ нововведеній въ лицеѣ; споръ отъ финансовъ перешелъ на недоразумѣнія изъ-за постановки учебнаго дѣла въ Кременцѣ, и Снядецкій сталъ доказывать, что планъ лицея Чацкаго настолько неудовлетворителенъ, что строить училища по этому типу нѣтъ основаній. Эти разногласія не могли не волновать Чацкаго; онъ продолжалъ проявлять обычную лихорадочную дѣятельность; такъ онъ ввелъ въ Кременцѣ преподаваніе англійскаго яз., склонилъ управленіе Межирѣченской школы измѣнить свой учебный планъ по образцу плана открытаго лицея, но положеніе его становилось все хуже и хуже. Подъ вліяніемъ Снядецкаго многіе изъ обывателей тоже стали высказываться противъ проектовъ Чацкаго и, наконецъ, 13-го іюня 1810 г. Высочайшимъ рескриптомъ была учреждена въ Житомирѣ комиссія для выясненія вопросовъ: отвѣчаетъ-ли постановка дѣла въ Кременецкомъ лицеѣ тѣмъ надеждамъ, которыя на неё возлагались; наиболѣе-ли подходящее мѣсто Кременецъ для помѣщенія лицея; всѣ-ли доходы расходуются на нужды школы? Въ своемъ отвѣтѣ комиссіи, напечатанномъ въ концѣ 1810 г., Чацкій далъ самые обстоятельные отвѣты по всѣмъ предложеннымъ пунктамъ и добился удостовѣренія, въ которомъ не только свидѣтельствовалось о его рѣдкой энергіи и преданности дѣлу, но отдавалось также должное его безкорыстію и умѣнью вести дѣла. Въ 1810 году умеръ первый директоръ лицея, Іосифъ Чехъ; Чацкій предложилъ въ качествѣ кандидата на освободившееся мѣсто Лернета, но послѣдній утвержденъ не былъ и директоромъ былъ назначенъ кандидатъ Снядецкаго-Спорскій, что было новымъ ударомъ для Чацкаго. Въ 1811 году съѣхалась въ Вильнѣ универси-

тетская коммиссія для ознакомленія съ результатами преподаванія наукъ въ Кременецкомъ лицеѣ и, точно такъ же какъ Житомирская, дала самый лестный отзывъ о дѣятельности Чацкаго. Съ тѣхъ поръ до самой своей смерти Чацкій не переставалъ заботиться о созданномъ имъ училищѣ, вводя тамъ все новыя и новыя улучшенія; онъ открылъ, наконецъ, типографію при лицеѣ; привелъ въ порядокъ библіотеку, куда пожертвовалъ очень много цѣнныхъ рукописей и книгъ; устроилъ «Casino», гдѣ учащаяся молодежь могла, подъ наблюденіемъ учителей, отдыхать отъ занятій. Въ 1812 г., по случаю войны, число учениковъ значительно уменьшилось, что не мало огорчило Чацкаго. Въ томъ же году ему удалось открыть гимназію въ Кіевѣ; Винницкая же гимназія, на которую онъ тоже не мало истратилъ энергіи, была открыта послѣ его смерти. Умеръ Чацкій 8-го февраля 1813 г. въ Дубнѣ, отъ нервной горячки, и похороненъ въ Кременцѣ.

Чацкій не былъ новаторомъ-педагогомъ; новыя мысли въ его проектахъ, по большей части принадлежатъ Коллонтаю; заслуга его не въ этомъ,—роль его была другая: безкорыстный, гуманный и дѣятельный, онъ всю жизнь свою посвятилъ одному дѣлу и отдалъ ему все: — силы, здоровье и, наконецъ, жизнь. Чацкимъ написаны; — «O gimnazium w Wołyńskiey gubernii» etc»;—«O stanie jeneralnym oświecenia gubernii Wołyńskiéj; — «Mowa jw... tajnego konsyliarza... miana 20-go paźdz. 1803 r. w Łucku»—«Mowa ..d. 1-go oktobra 1805;» — «Mowa... o pożytkach z wychowania publicznego, 1806»; — «Odezwy do uczniów wołyń. gimnazyum 1806 i 1808»,— «Odezwy do uczniów gimnazyum wołyń. 1811 i 1812, Krzemieniec»; — «Do uczniów i nauczycielów. 1810»; — «Tłumaczenie się taynego konsyliarza i kawalera...», поданное въ Житомирскую коммиссію 1810;—«Mowa...miana d. 30 stycznia 1812 w Kijowie»; — «Uwiadomienie o wolnym konwikcie 1810»—«Plan szkoły mechaniki praktycznéj... 1806»; — «Uwiadomienie o konwiktach w Krzemieńcu» 1810»; «Ustanowienie szkoły ogrodniczéj 1809»;—«Mowa miana w imieniu Kommissyi kruszcowey... 26 marca 1785»—«Mowa w materyi menniczney na Seymie 20 wrzéśnia 1791 r. w Warszawie»; — «Mowa... w czasie pierwszego zasiadania na kommissyi skarbu Koronnego J. W. Rocha z Głogowy Kossowskiego etc. 14 Lutego 1791 r.»;—«Mowa... jako delegowanego od kom. skarbu koronnego etc. 2 grudnia 1791»; — Kommissya rzeczypospolitey skarbu Koronnego etc. 1791»; — «Odpowiedź na pismo jmci Pana Grumerta w kwestyi czy... p. Zughöer może bydź umieszczonym w liczbie posłów» etc. 1787»;—«Rapport o poszukiwaniach solnych za St. Augusta 1780» (въ «Dzienniku Handl». 1788 ст. 476, 587. 678 и 743);—«Reflexye nad uszkodzeniem dla kraiów polskieh wynikaiącym z zaniedbywania handlu etc». 1790; — «Uniwersał względem płacenia z dymów wieyskich po groszy trzy za podatek skurowy etc 1790;»— «Usprawiedliwienie się Czackiego etc... w maretyi kupna i reparacyi pałacu dla posła rossyiskiego etc... podane 3 lutego 1791.» Warzawa;—«O Dziesięcinach»... w Warszawie, 1801;—«Dyssertacya o Dziesięcinach w powszechności» w Warzawie 1802; — «Czy prawo rzymskie było zasadą praw litewskich i polskich» etc. w Wilnie 1809; —«O prawach Mazowieckich» etc. w Krzemieńcu 1811; — «Rozbiór dzieiów narodu Polskiego» etc. въ «Pamiętniku» Dmochowskiego 1801, т. I, ст. 185—197;— «Rzecz o dziełach elementarnych» etc. въ «Dzienniku Wileńskim» 1805 г., № 2;— «Rozprawa o Cyganach» въ «Pamiętniku historyi i literatury polskiej» т. II, ст. 59—86;—«O Tatarach»—«O prawie chełmińskiem»; — «Obraz panowania Zygmunta Augusta», и нѣкоторые другія.

Ks. Aloizy Osiński, «O życiu i pismach Tadeusza Czackiego», Krzemieniec, 1816.—Ks. Golański, «Kazanie przy uroczystym obchodzie» etc. 1813.— «Pochwała Th. Czackiego» etc. przez hr. St. Potockiego, Warszawa 1817 — «Tygodnik literacki» 1839, № 36. — »Studyja historyczne» przez M. Balińskiego, Wilno, 1856,—«Rozrywki dla dzieci» 1824, № 7.—«Th. Czacki i jego zasługi, zwłascza w dziejach naszego szkolnictwa» przez T. Ziemby, Krakow 1873. — «Rocznik zbiorowy prac naukowych na rok 1880» w Warszawie.—«Szkice obyczajowe i historyczne» przez Iózefa Dunin-Karwickiego, Warszawa 1882.—«T. Czacki i jego poglądy na sprawy wychowania publicznego» napisał D-r. Fr. Majchrowicz. Lwow 1894.—«Encyklopedyja Wychowawcza» 1883, Warszawa т. III, ст. 26—81, статья П. Хмѣлевскаго. — «Tygodnik illustrowany» 1861, т. III, ст. 17—19, 29, 31. — Estreicher «Bibliografia polska», Kraków 1895, ст. 507. — «Kossakowski. Monografie», т. I, 109.— «Encyklopedyja Orgelbranda» IV, 573—9.—«Encyklopedyja powszechna» т. VI, 118.—«Encyklopedyja Wielka» т. XIV, 622, — Ferdynand Kossie-

wicz «Listy w przedmiotach naukowych», Krakow 1844. — «Кіевская Старина» 1893, февраль, ст. Кудринскаго. — Ossoliński «Wiadomosci» II, 325 и др.—«Истор. Вѣстникъ», т. XXXII, 670, 572; т. XXXIII, 271; т. XXI, 100; т. XXIX, 280—281, 505; т. XXX, 50, 337, 619.—«Русс. Старина» XLV, 388.

Б. Савинковъ.

Чачковъ, *Василій Васильевичъ*, статскій совѣтникъ, переводчикъ съ нѣмецкаго, род. около 1785 г., происходилъ изъ дворянъ, воспитывался въ Полтавско-Переяславской Семинаріи, а потомъ, съ августа 1800 г., въ С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи, откуда уволенъ 11 іюня 1803 г. для участія, въ званіи студента, въ кругосвѣтной экспедиціи Рязанова; командировка его однако не состоялась и весною 1804 г. онъ вступилъ въ службу при Медико-Хирургической Академіи, спачала (1804—1807) письмоводителемъ, а потомъ помощникомъ библіотекаря и архиваріусомъ (1808—1811); вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ учителемъ русскаго и латинскаго языковъ при С.-Петербургскомъ военно-сухопутномъ госпиталѣ. Въ 1811 г. Чачковъ былъ назначенъ правителемъ канцеляріи, а въ 1812 г. непремѣннымъ секретаремъ Медико-Филантропическаго Комитета. 1 іюля 1813 г. онъ былъ назначенъ надзирателемъ «по учебной и нравственной части» въ Императорскомъ Царскосельскомъ Лицеѣ, но уже въ мартѣ слѣдующаго года переведенъ былъ на должность оберъ-аудитора общаго по арміи дежурства, въ которой прослужилъ до ея упраздненія. Въ 1816 г. Чачковъ назначенъ былъ правителемъ канцеляріи генералъ-кригсъ-комиссара, а въ іюлѣ 1817 г. переведенъ въ Павловское городовое правленіе—членомъ онаго. Оставивъ эту должность въ декабрѣ 1819 г., онъ былъ затѣмъ (1820—1823) помощникомъ бухгалтера въ канцеляріи Военнаго Министра, а съ 9 марта 1823 г. управляющимъ по отдѣленію питейнаго сбора въ Псковской Казенной Палатѣ и состоялъ въ этой должности до конца жизни. Имъ переведены и изданы отдѣльно: «Грамматика Латинская, соч. А. Шлоссеромъ», перев. съ нѣмецкаго, Спб. 1810, 8⁰; «Записки Карла Энгельмана, изданныя Авг. Лафонтеномъ» перев. съ нѣмецкаго, 2 части, Спб. 1808, 8⁰; «Физіологія или наука о естествѣ человѣческомъ» соч. Г. Консбрука, перев. съ нѣмец. (вмѣстѣ съ И. Паскевичемъ), Спб. 1804, 8⁰. Умеръ Чачковъ во Псковѣ, на 64 году жизни, 22 апрѣля 1842 года и погребенъ на Дмитріевскомъ кладбищѣ.

Послужной списокъ В. В. Чачкова въ Архивѣ Д-та Герольдіи. — Сопиковъ. Опытъ Россійской библіографіи, № 2915, 4201, 12368.—Псковскія Губернскія Вѣдомости 1842 г., № 18 — 19, с. 90. — Смирдинъ. Роспись Росс. Книгамъ, № 511, 3629, 4313, 4590 и 5758.

В. Владиміровъ.

Чашниковъ, *Дмитрій Ивановичъ*, докторъ медицины, коллежскій ассесоръ, сынъ надворнаго совѣтника, род. 25 августа 1795 г. Воспитаніе Чашниковъ получилъ домашнее и съ 1807 г. служилъ канцеляристомъ въ Калужской уголовной, а потомъ и въ гражданской палатѣ. Въ 1816 г. онъ поступилъ въ Московскій Университетъ на физико-математическое отдѣленіе и, окончивъ курсъ со степенью дѣйствительнаго студента въ 1819 г., въ томъ-же году вторично поступилъ въ тотъ-же Университетъ на медицинское отдѣленіе; окончивъ курсъ въ 1825 г. съ званіемъ лекаря 1-го отдѣленія, онъ поступилъ на службу въ Московскій военный госпиталь. Степень доктора медицины Чашниковъ получилъ въ 1831 г. и съ 1834 г. служилъ операторомъ Олонецкой врачебной управы, откуда уволенъ въ 1843 г. Время смерти его неизвѣстно. Научный трудъ его: «De animi pathematibus». Диссерт. М. 1831, 8⁰.

Послужной списокъ Д. И. Чашникова.—Змѣевъ, Русскіе врачи-писатели.

Е. Павлова.

Чашниковъ, *Иванъ*, писатель. Служилъ въ л.-гв. Конномъ полку съ 1786 г.; 1-го января 1789-го года изъ вахмистровъ того-же полка произведенъ въ корнеты, а 20-го декабря 1796-го года уволенъ въ отставку изъ секундъ-ротмистровъ тѣмъ-же чиномъ. Изъ сочиненій и переводовъ его извѣстны слѣдующіе: 1) «Избранное чтеніе, или собраніе чувствительныхъ и ко внушенію добродѣтели споспѣшествующихъ повѣстей», переводъ съ французскаго; Спб., 1786; 2) «Разсужденіе о великихъ людяхъ», переводъ съ французскаго; Спб., 1786; 3) «Пѣснь Великой Екатеринѣ, на всерадостнѣйшій день Ея Коронаціи, совершившейся 1762 года сентября 22 дня»; Спб., 1795; 4) «Малиновка, или меланхолическій вечеръ»; М., 1797; 5) «Изображеніе благодарности ея высокопревосходительству Марьѣ Павловнѣ Нарыш-

киной» (12-ти стишіе); безъ года и означенія мѣста печатанія.

Исторія л.-гв. Коннаго полка (1731—1848), ч. IV, Спб., 1849, стр. 108.—«Русск. Стар.», 1882, іюнь, стр. 775.—Сопиковъ. Опытъ росс. библіографіи, №№ 4356, 6144, 9549. — Смирдинъ. Роспись россійскимъ книгамъ, №№ 8853, 1207, 7935.—Плавильщиковъ. Роспись россійскимъ книгамъ, №№ 1942, 5013, 5302.—Полный списокъ шефовъ, полковыхъ командировъ и офицеровъ л.-гв. Коннаго полка съ 1731 по 1864 годъ, Спб., 1864, стр. 108 и Спб. 1886, стр. 127.

В. Гарскій.

Чашниковъ, *Николай Васильевичъ*, біографическихъ свѣдѣній о немъ почти не имѣется. Извѣстно только, что онъ былъ докторомъ философіи, коллежскимъ ассес., старшимъ учителемъ Митавской Высшей Гимназіи и дѣйствительнымъ членомъ курляндскаго общества словесности и искусствъ. Изъ его сочиненій извѣстно: «Нѣкоторыя замѣтки о воспитаніи въ государствѣ христіанскомъ». Митава, 1835 г.

Системат. реестръ русскимъ книгамъ Ольхина, стр. 39.

А. Каридіа.

Чебаевскій, *Евгеній Гавриловичъ*, инженеръ-генералъ лейтенантъ, московскій бергъ-инспекторъ, родился 20-го января 1790 г. на Нерчинскихъ горныхъ заводахъ, Иркутской губ. Въ 1803 году онъ пріѣхалъ изъ Нерчинскихъ заводовъ въ Петербургъ и въ апрѣлѣ этого же года поступилъ въ Горное Училище. По окончаніи курса въ этомъ училищѣ, тогда уже Горномъ Кадетскомъ Корпусѣ, съ чиномъ шихтмейстера 13-го класса въ 1809 году, онъ былъ оставленъ при корпусѣ на годъ, для практическаго усовершенствованія по горному искусству, химіи и металлургіи, — и въ то же самое время ему было поручено составить описаніе, съ планами и чертежами, С.-Петербургскаго Монетнаго Двора и Минералогическаго Кабинета при Горномъ Корпусѣ. Въ 1811 году Чебаевскій былъ командированъ Кабинетомъ Его Величества въ Сибирь для осмотра Колыванскихъ заводовъ и составленія проекта о болѣе продуктивномъ ихъ дѣйствіи, а въ слѣдующемъ году назначенъ въ свои родные Нерчинскіе заводы управляющимъ нерчинскою лабораторіею. Въ 1815 г. онъ былъ произведенъ въ бергъ-гешворены 12 класса, а годъ спустя назначенъ управляющимъ Газимуро-Воскресенскими рудниками. Съ 1817 по 1818 г. онъ управлялъ рудниками Каданнской дистанціи, а съ 1818 по 1828 г.г. Кутомарскимъ и Екатерининскимъ заводами. Во время своего управленія этими заводами онъ, помимо того, что принесъ большую выгоду правительству усиленіемъ производительности заводовъ и неуклоннымъ преслѣдованіемъ злоупотребленій и взяточничества, своимъ мягкосердечнымъ отношеніемъ къ подчиненнымъ успѣлъ возбудить ихъ дѣйствительную любовь и теплое товарищеское отношеніе; объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ напр. его переписка съ мало извѣстнымъ поэтомъ того времени инженеромъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Бальдауфомъ, помѣщенная въ «Воспоминаніяхъ бывшихъ питомцевъ Горнаго Института» подъ ред. Иванова. Въ 1828 г. Е. Г. былъ назначенъ членомъ Нерчинской горной экспедиціи и инспекторомъ Нерчинскаго горнаго училища и частныхъ школъ. Послѣ преобразованія въ 1834 г. Департамента Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ онъ, въ чинѣ подполковника, былъ переведенъ въ Корпусъ Горныхъ Инженеровъ и награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4-ой ст., а черезъ два года назначенъ горнымъ начальникомъ Екатеринбургскихъ горныхъ заводовъ и почетнымъ смотрителемъ Екатеринбургскаго Горнаго Училища, а также и всѣхъ частныхъ школъ этого округа. Въ 1837 году Чебаевскій былъ произведенъ въ полковники, а въ 1845 г. былъ назначенъ помощникомъ главнаго начальника всѣхъ Уральскихъ горныхъ заводовъ. Въ 1849 году Чебаевскій былъ назначенъ бергъ-инспекторомъ въ Москвѣ и оставался въ этой должности до выхода въ отставку въ 1864 г.; здѣсь онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры (1849 г.), генералъ-лейтенанты (1860 г.) и получилъ ордена: Св. Станислава 1 ст. (1854 г.), Св. Анны 1 ой ст. съ Императорск. короною (1859 г.) и Св. Владиміра 2 ст. (1862 г.). По выходѣ въ отставку Чебаевскій продолжалъ жить въ Москвѣ, гдѣ и умеръ 30 іюня 1874 г., на 85 году жизни.

Архивъ Горнаго Департамента, формуляръ. — «Воспоминанія бывшихъ питомцевъ Горн. Инст. по случаю 100 лѣтн. юбилея». 1873.—«Горный журналъ», 1841 г., ч. II.

А. Циммерманъ.

Чебаевскій, *Прокопій Гавриловичъ*, профессоръ металлургіи при Горномъ Корпусѣ, старшій членъ правленія Олонецкихъ заводовъ и презусъ учрежденнаго при нихъ военнаго суда, родился около 1777 года на Нерчинскихъ горныхъ заводахъ, Иркутской губерніи. Въ 1789 году онъ былъ произведенъ въ маркшейдерскіе ученики и около того же времени поступилъ въ Горное Училище, по окончаніи курса котораго въ 1796 г., съ чиномъ шихтмейстера 13-го класса, уѣхалъ на родину—въ Нерчинскіе заводы. По пріѣздѣ сюда онъ былъ назначенъ командиромъ при маркшейдерствѣ и рудникахъ Воздвиженской дистанціи, а съ 1798 г. по ноябрь 1801 г. служилъ на рудникахъ Благодатской дистанціи и частнаго предпринимателя Сибирякова. Въ 1802 г. Чебаевскій былъ назначенъ командиромъ Кутомарскаго завода, а затѣмъ, въ этомъ же году, помощникомъ управляющаго заводомъ. Пробывъ на этомъ заводѣ только одинъ годъ, онъ въ 1803 г. былъ командированъ въ степи для закупки лошадей и рогатаго скота для заводовъ; во время многочисленныхъ разъѣздовъ съ этою цѣлью по Братской степи и др. мѣстамъ, Чебаевскій обстоятельно ознакомился со всѣми особенностями быта и нравовъ населявшихъ ее инородцевъ, и это обстоятельство сильно помогло ему во время дальнѣйшей его службы на Нерчинскихъ заводахъ. Въ 1807 г. онъ снова ѣздилъ по Сибири съ цѣлью пріобрѣтенія холста и другихъ мѣстныхъ товаровъ для служащихъ завода, а въ 1809 г. опредѣленъ въ Нерчинскій заводъ для управленія, въ должности оберъ-пробёра, главною его лабораторіей. Проживъ въ Нерчинскомъ заводѣ около четырехъ лѣтъ, Чебаевскій въ январѣ 1813 г. отправился при караванѣ серебра въ Петербургъ; здѣсь онъ, по распоряженію министра Финансовъ Гурьева, былъ опредѣленъ учителемъ металлургіи и горнаго искусства въ Горномъ Корпусѣ, а черезъ годъ произведенъ въ оберъ-гиттенфервальтеры 8 класса. Пробывъ въ Горномъ Кадетскомъ Корпусѣ только 6 лѣтъ, онъ въ 1821 году былъ назначенъ вторымъ членомъ Правленія Олонецкихъ заводовъ, а въ концѣ этого года назначенъ презусомъ учрежденнаго при этихъ заводахъ военнаго суда. Въ 1831 году онъ получилъ орденъ Св. Владиміра 4 ст., а черезъ два года былъ произведенъ въ бергъ-гауптманы 6 класса и назначенъ старшимъ членомъ правленія Олонецкихъ заводовъ. Въ то же самое время онъ участвовалъ въ 1835 г. въ собраніяхъ Олонецкаго Губернскаго Комитета по вопросу о земскихъ повинностяхъ, а съ 10-го августа 1835 г. по 1838 г. и въ Комитетѣ о раздѣленіи дорогъ на участки. Въ 1840 г. былъ организованъ новый штатъ управленія Олонецкими заводами, Чебаевскій вышелъ въ отставку и вскорѣ послѣ того скончался.

Архивъ Горнаго Департамента: Формулярный списокъ и др. бумаги.—А. Лоранскій. «Историческій очеркъ Горнаго Института», Спб. 1873 г.

А. Циммерманъ.

Чеботаревъ, *Адамъ Петровичъ*, генералъ-лейтенантъ, авторъ «Воспоминаній». Происходилъ изъ Донскихъ казаковъ. Получивъ образованіе сперва въ Новочеркасской гимназіи, а затѣмъ въ пансіонѣ при Харьковскомъ Университетѣ, Чеботаревъ въ 1829 году поступилъ въ военную службу казакомъ. Принимая участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ польскихъ мятежниковъ въ 1831 году, Чеботаревъ, находившійся въ полку Грекова, участвовалъ во многихъ сраженіяхъ и скоро былъ замѣченъ начальствомъ. 18-го августа 1831 года, за мужество и храбрость, выказанныя при отбитіи вылазки, произведенной отрядомъ польскихъ войскъ изъ передовыхъ Варшавскихъ укрѣпленій, онъ получилъ чинъ хорунжаго. Въ этомъ чинѣ Чеботаревъ былъ въ командировкѣ въ штабѣ походнаго атамана дѣйствующей арміи генералъ-лейтенанта Власова, гдѣ исправлялъ должность младшаго адъютанта, а по окончаніи военныхъ дѣйствій и съ назначеніемъ Власова наказнымъ атаманомъ Донского войска, онъ былъ оставленъ адъютантомъ при новомъ атаманѣ. Чеботаревъ близко сошелся съ Власовымъ и былъ принятъ въ его семьѣ, какъ родной сынъ; въ частыхъ бесѣдахъ съ опытнымъ и знающимъ Донъ атаманомъ, онъ знакомился съ нуждами и потребностями родного ему края. Съ назначеніемъ атаманомъ въ 1848 году Хомутова, Чеботаревъ переселился изъ Новочеркасска въ Петербургъ, и въ 1850 году, будучи въ чинѣ подполковника, назначенъ былъ членомъ общаго присутствія бывшаго департамента военныхъ поселеній по дѣламъ законодательнымъ и хозяйственнымъ отъ Донского иррегулярнаго войска.

Въ 1856 году Чеботаревъ назначенъ былъ вице-директоромъ этого департамента, а съ преобразованіемъ этого департамента въ Управленіе иррегулярныхъ войскъ—помощникомъ начальника этого управленія, съ производствомъ въ генералъ-маіоры (1859). Находясь на службѣ въ Управленіи иррегулярныхъ войскъ, Чеботаревъ проводилъ въ казачью жизнь многіе законы, требовавшіе прогрессивныхъ взглядовъ. Въ 1865 году онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а черезъ два года былъ уже въ отставкѣ. Впослѣдствіи, Чеботаревъ, до самой своей смерти, состоялъ членомъ Главнаго Военно-Кодификаціоннаго Комитета, получивъ въ 1873 году орденъ Бѣлаго Орла. Изъ числа историческихъ трудовъ Чеботарева упомянемъ слѣдующіе: 1) «Опытъ первоначальнаго обученія грамотѣ казаковъ въ г. Уральскѣ», въ «Военномъ Сборникѣ» 1859 года, т. VII, № 5, отд. II, стр. 95—104; 2) «Донъ и донцы», записки одного кавказскаго пѣхотнаго офицера, сообщенныя имъ-же и напечатанныя въ «Русской Старинѣ» 1879 г., апрѣль, стр. 709—730, май, стр. 173—188, іюль, стр. 437—456; 3) «Записки Донского атамана А. К. Денисова (1763—1841)», сообщенныя Чеботаревымъ въ редакцію «Русской Старины», гдѣ и напечатаны въ 1874 г., т. X, стр. 1—59, т. XI, стр. 379—410; 1875 г., т. XII, стр. 27—49, 237—271, 457—480; 4) «Очерки служебной дѣятельности и характеристики Донскихъ атамановъ: гр. Платова, Власова и Иловайскаго», въ «Русской Старинѣ» на 1870—1880 гг. и 5) «Воспоминанія Донского казака», обнимающія собою время съ 1835 по 1865 г.; часть этихъ «Воспоминаній» напечатана въ «Военномъ Сборникѣ» на 1884 г., т. CLV. Въ нихъ Чеботаревъ старался охарактеризовать по отношенію къ Дону дѣятельность атамановъ: Кутейникова, Власова, Хомутова и Граббе.

Отличавшійся умомъ, гостепріимствомъ, одаренный громадною памятью и остроумный разсказчикъ, Чеботаревъ принадлежалъ къ числу видныхъ дѣятелей Донского Войска въ царствованія императоровъ Николая I и Александра II, которымъ былъ лично извѣстенъ, какъ приверженецъ прежнихъ казачьихъ порядковъ и энергическій исполнитель предначертаній Военнаго министерства. Отлично зная мѣстные порядки, нужды и потребности казачьяго быта, онъ въ теченіе двѣнадцатилѣтней службы своей въ званіи помощника начальника Главнаго Управленія казачьихъ войскъ принесъ не мало пользы Войску Донскому, будучи всегда сторонникомъ особыхъ привилегій казаковъ и ихъ образа служенія государству. Всѣ важнѣйшія преобразованія по Войску Донскому, до 1870 года включительно, какъ то: устройство конскаго завода, частные конскіе табуны на задонской степи, развитіе горнаго промысла, добываніе каменнаго угля и Грушевская желѣзная дорога—состоялись при посредствѣ или участіи Чеботарева, который умѣлъ, для пользы Донского Войска, иногда отказаться отъ присущихъ ему идей замкнутости этого Войска, мѣшавшихъ промышленному развитію донского казачьяго населенія. Въ своемъ домѣ Чеботаревъ группировалъ многихъ выдающихся людей своего времени, каковы его пріятели, казачьи генералы: Красновъ и Баклановъ, а также литераторы: Гречъ и Кукольникъ, и композиторъ Глинка. Чеботаревъ былъ знакомъ съ Пушкинымъ и Жуковскимъ; о встрѣчѣ съ послѣднимъ онъ говоритъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» («Военный Сборникъ» за 1884 г., февраль, стр 334—5). Скончался Чеботаревъ 4-го ноября 1881 г.

«Военный Сборникъ» за 1884 г., № 2, стр. 322—3, 334—5.—«Русская Старина» за 1880 г., февраль, стр. 436.—Некрологъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» на 1881 г., № 244.—Адресъ-Календари: на 1853 г., ч. I, стр. 65 и на 1859 г., ч. I, стр. 149.—Всеобщая адресная книга С.-Петербурга на 1867—68 годъ, стр. 520.

В. Гарскій.

Чеботаревъ, *Андрей Харитоновичъ*, адъюнктъ Московскаго Университета; сынъ ректора того же Университета—Харитона Андреевича Чеботарева, родился 28-го февраля 1784 года. Въ сентябрѣ 1797-го года Чеботаревъ поступилъ въ гимназію при Московскомъ Университетѣ, гдѣ обучался на своемъ содержаніи и уже въ 1800-мъ году, 30-го іюня, за успѣхи въ наукахъ былъ произведенъ студентомъ и поступилъ въ Московскій Университетъ, гдѣ слушалъ лекціи по философіи, физико-математическимъ и юридическимъ наукамъ. Въ 1803-мъ году, 1-го сентября, онъ былъ награжденъ за отличные успѣхи золотою медалью, а въ 1804-мъ, 2-го марта, по окончаніи Университета, былъ удостоенъ званія кандидата физико-математическихъ наукъ 12-го класса и

опредѣленъ учителемъ физики въ университетскій Благородный пансіонъ. Въ слѣдующемъ, 1805-мъ году, 30-го іюня, Чеботаревъ получилъ званіе магистра философіи и физико-математическихъ наукъ, 9-го класса, и былъ членомъ-основателемъ Императорскаго Общества испытателей природы. Въ этомъ же году, 8-го августа, Чеботаревъ «въ отличіе и одобреніе за успѣхи въ наукахъ» былъ командированъ за-границу для усовершенствованія въ практическихъ технологическихъ изслѣдованіяхъ. Въ бытность свою въ Берлинѣ Чеботаревъ былъ принятъ въ 1806-мъ году въ члены тамошняго Гуманическаго и Фармацевтико-химическаго Общества, а въ декабрѣ того же года получилъ отъ Кенигсбергскаго Университета дипломъ на степень доктора философіи и этико-политическихъ наукъ «изъ уваженія (honoris causa) къ пріобрѣтеннымъ знаніямъ», имѣя уже таковой 8-го класса по философіи и физико-математическимъ наукамъ отъ Московскаго Университета, полученный имъ 2-го сентября того же года. Объѣхавъ Польшу, Силезію, Пруссію и Саксонію, Чеботаревъ принужденъ былъ, не окончивъ своего путешествія, возвратиться обратно въ Россію, по причинѣ начавшейся войны съ Франціею По прибытіи въ Москву, онъ былъ назначенъ, 15-го января 1807-го года, адъюнктомъ химіи и технологіи при Московскомъ Университетѣ. Кромѣ лекцій, читанныхъ имъ въ этомъ году студентамъ по чистой и приноровленной химіи, панто-технологіи, бѣлильному и красильному производствамъ и металлургіи, онъ читалъ еще въ 1807-мъ и 1808-мъ годахъ русскимъ фабрикантамъ «основанія бѣлильнаго, красильнаго и набивальнаго искусствъ», а въ 1809-мъ читалъ въ Университетѣ основанія политехнологическихъ наукъ (по приноровленной химіи Шапталя) и продолжалъ чтеніе этихъ наукъ до выхода въ отставку изъ Университета въ 1812-мъ году. Въ 1807-мъ году Чеботаревъ былъ избранъ: 2-го февраля — въ корреспонденты С.-Петербургскаго Вольно-Экономическаго Общества, а 13-го марта — въ члены Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Продолжая чтеніе лекцій въ Московскомъ Университетѣ, Чеботаревъ съ 1-го мая 1810-го года преподавалъ въ университетскомъ Благородномъ пансіонѣ естественное и римское право и политическую экономію, а въ слѣдующемъ году былъ переведенъ въ университетскую гимназію преподавателемъ естественныхъ наукъ. Затѣмъ, съ 1807-го по 1810-й годъ онъ служилъ въ Цензурномъ Комитетѣ, а въ іюлѣ 1811-го года избранъ членомъ и секретаремъ Комитета, учрежденнаго для сочиненія инструкціи ученымъ русскимъ путешественникамъ по Россіи. 20-го января 1812-го года Чеботаревъ былъ уволенъ изъ Московскаго Университета и переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ, 29-го февраля того же года, опредѣленъ старшимъ пробирeромъ въ Лабораторіи при Департаментѣ горныхъ и соляныхъ дѣлъ. Въ 1817-мъ году Чеботаревъ избранъ былъ изъ корреспондентовъ въ члены Вольнаго Экономическаго Общества. Вскорѣ послѣ переѣзда въ Петербургъ, онъ былъ командированъ на золотые пріиски въ Сибирь, откуда возвратился лишъ въ 1823-мъ году. Въ маѣ того же года Чеботаревъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Казенной Палаты въ Херсонъ, но по особымъ обстоятельствамъ вскорѣ удаленъ отъ этой должности и проживалъ нѣкоторое время въ Москвѣ. Въ декабрѣ 1824-го года онъ поступилъ членомъ въ компанію, получившую привиллегію разрабатывать близъ Сердоболя, въ Финляндіи, мѣдные, серебряные, свинцовые и желѣзные рудники, а въ слѣдующемъ году былъ посланъ по порученію частнаго общества, директоромъ котораго онъ состоялъ, на золотые пріиски въ Сибирь. 1826 и 1827-й года Чеботаревъ провелъ въ развѣдкахъ различныхъ горъ, лежащихъ близъ Верхнеуральска, гдѣ онъ по большей части жилъ, и въ хлопотахъ по заключенію откупнаго контракта съ башкирами. Пробывъ въ Сибири до 1828-го года, онъ возвратился въ Москву и жилъ въ домѣ зятя своего доктора М. Я. Мудрова, съ которымъ въ сентябрѣ 1830-го года отправился въ Саратовъ, гдѣ занималъ должность секретаря при холерномъ комитетѣ. По прекращеніи эпидеміи, Чеботаревъ возвратился съ членами комитета въ Петербургъ, гдѣ провелъ послѣдніе годы жизни своей въ поискахъ должности. 15-го декабря 1832-го года была подписана Министромъ Двора бумага объ опредѣленіи его помощникомъ директора Петербургскаго стек-

лиипаго завода, но вступилъ ли Чеботаревъ въ эту должность — мы не знаемъ, такъ какъ въ слѣдующемъ году онъ умеръ.

Отличаясь острымъ умомъ и прекраснымъ даромъ слова, Чеботаревъ отзывался иногда о нѣкоторыхъ лицахъ довольно рѣзко, въ томъ числѣ и о П. П. Голенищевѣ-Кутузовѣ, попечителѣ Московскаго учебнаго округа, вслѣдствіе чего и принужденъ былъ оставить Московскій Университетъ. Среди своихъ знакомыхъ Чеботаревъ былъ извѣстенъ, какъ очень остроумный человѣкъ и большой чудакъ, бравшійся за все. Въ числѣ самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, его занимавшихъ, былъ вопросъ объ управленіи полетомъ воздушныхъ шаровъ, которымъ онъ занимался въ 1805-мъ и 1806-мъ годахъ. Несмотря, однако, на то, что Чеботаревъ былъ человѣкомъ талантливымъ и что онъ «горѣлъ пламеннѣйшимъ желаніемъ содѣйствовать сколько можно къ славѣ, чести и пользѣ университета» онъ не оставилъ послѣ себя никакихъ ученыхъ трудовъ. Изъ сочиненій и переводовъ его извѣстны только слѣдующіе: 1) «Твердыя намѣренія молодого человѣка, наставленнаго въ истинахъ и должностяхъ закона христіанскаго» («Иппокрена», 1799 г., ч. II, М., стр. 257—73 и «Другъ Юношества», 1808 г., декабрь, с. 57); это—благочестивыя размышленія объ обязанностяхъ человѣка, цѣль которыхъ, по заявленію автора, «споспѣшествовать къ возведенію юноши на путь истиннаго блаженства»; 2) «Юный Персъ Киръ, Артаксъ и Придворные» («Иппокрена», 1799 г., ч. I, М., стр. 337—42); пустой и безсодержательный разговоръ трехъ грековъ; 3) «Филиція Вильмаръ, или изображеніе человѣческой жизни», сочиненіе г. Бланшара, переводъ съ французскаго; 3 части, М, 1805; 4) «Герцогиня де-ла-Вальеръ», сочиненіе г-жи Жанлисъ, переводъ съ французскаго, М., 1815 г., 4 части (2-е изданіе).

Послужной списокъ 1812 г.—Переписка А. Х. Чеботарева съ сестрой С. Х. Мудровой и зятемъ М. Я. Мудровымъ, въ семейномъ архивѣ Н. Н. Чаплиной, рожд. Великопольской (сообщ. Б. Л. Модзалевскій).—Н. Барсуковъ. «Жизнь и труды» М. П. Погодина, кн. I, Спб., 1888, стр. 84.—А. А. Васильчиковъ, «Семейство Разумовскихъ», т. II, Спб., 1880 г., стр. 304, 329, 342, 343, 367, 369, 374, 376, 383, 498.—Письма митрополита Евгенія Болховитинова къ В. Г. Анастасевичу, Р. Арх. 1889 г., кн. II, стр. 218—19, 234—Имп. Моск. Универ. въ воспоминаніяхъ М. П. Третьякова, «Русская Старина» 1892. іюль. стр. 127—28.—С. Шевыревъ: «Исторія Имп. Моск. Универ.» М., 1855. стр. 306, 345, 348, 361, 393—4, 405.—«Иппокрена», 1799 г., ч. I. — «Другъ юношества», 1808 г., декабрь, стр. 57.—Біограф. словарь профессоровъ и преподавателей Имп. Моск. универ., ч. II, М., 1855 г., стр. 551—3.—Н. В. Сушковъ, Москов. университ. Благород. пансіонъ. М., 1858, стр. 10.—Записки С. П. Жихарева, М., 1890, стр. 77—8, 93, 104, 147.—А. Н. Неустроевъ, Историч. розысканіе о русск. повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 г., Спб., 1875, стр. 816.—В. Сантовъ, Замѣтки и разъясненія къ опыту Росс. библіогр. В. Сопикова, Спб., 1878, стр. 43.—Опытъ Росс. библіографіи В. Сопикова, №№ 12356, 12856. — Роспись книгамъ Смирдина, № 9520. — Н. Тихонравовъ, Письма профессоровъ Московскаго университета къ М. Н. Муравьеву, въ Чтеніяхъ въ Общ. исторіи и древностей Росс., 1861 г., кн. III, отд. V, стр. 22—77.—Труды Вольнаго Экономич. Общества, 1818 г., ч. 69, стр. VI.

В. Гарскій.

Чеботаревъ, *Михаилъ Васильевичъ,* генералъ-маіоръ, происходилъ изъ дворянъ Воронежской губерніи и род. въ Задонскомъ уѣздѣ въ 1782 году. Въ 1801 году онъ поступилъ въ военную службу, подпрапорщикомъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ, а въ 1804 г. произведенъ въ прапорщики Ревельскаго пѣхотнаго полка. Въ 1808 году, состоя въ Невскомъ пѣхотномъ полку въ чинѣ поручика, Чеботаревъ участвовалъ въ Шведскомъ походѣ и въ сраженіи при Віасѣ. Въ войну 1813—1814 гг. онъ, въ чинѣ капитана, находился при блокадѣ Данцига, въ сраженіяхъ подъ Лейпцигомъ, Суассономъ, Краономъ (за отличіе въ которомъ получилъ орд. св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ), подъ Лаономъ и при взятіи Парижа. Произведенный въ 1818 г. въ подполковники, Чеботаревъ въ 1821 г. былъ назначенъ командиромъ 49 егерскаго полка, а въ 1823 г. произведенъ въ полковники. Въ польскую кампанію 1831 г. онъ участвовалъ въ сраженіяхъ у Вавера и на Гроховскихъ поляхъ, въ томъ-же году назначенъ командиромъ бывшаго 1-го Карабинернаго полка, въ 1832 году онъ былъ назначенъ командующимъ 2-ю бригадою 25-й пѣхотной дивизіи, въ 1833 г., іюля 25, произведенъ въ генералъ-маіоры, а 6 декабря того-же года былъ назначенъ командиромъ 1-й бригады 15-й (что впослѣдствіи 12-я) пѣхотной дивизіи. Въ 1838 году Чеботаревъ вышелъ въ отставку и умеръ въ февралѣ 1844.

Указъ объ отставкѣ М. В. Чеботарева.—Дѣло о дворянствѣ его рода въ Архивѣ Д-та Герольдіи.

В. Козловъ.

Чеботаревъ, *Харитонъ Андреевичъ,* ординарный профессоръ исторіи, нравоученія и краснорѣчія, первый ректоръ Московскаго Университета, статскій совѣтникъ, родился въ Вологдѣ, въ 1746 году отъ бѣдныхъ родителей (отецъ его былъ сержантомъ). Въ 1755 году Чеботаревъ поступилъ въ гимназію при Московскомъ Университетѣ, изъ которой въ 1761 году перешелъ въ студенты Университета. Въ 1764 году Чеботаревъ окончилъ курсъ въ Университетѣ и въ 1765 году былъ опредѣленъ на должность переводчика съ латинскаго и нѣмецкаго языковъ въ университетской конференціи, канцеляріи и газетной экспедиціи. Въ 1767 г. онъ былъ опредѣленъ учителемъ исторіи и географіи въ гимназіи. Въ 1773 году ему поручено преподаваніе русской словесности и въ то же время онъ занимался съ учениками переводами съ латинскаго, нѣмецкаго и французскаго языковъ. Въ 1775 году Чеботаревъ опредѣленъ былъ суб-библіотекаремъ въ университетскую библіотеку и, кромѣ того, назначенъ издателемъ «Московскихъ Вѣдомостей», которыя и издавалъ въ теченіе трехъ лѣтъ. Въ 1776 году онъ былъ произведенъ въ экстраординарные профессора по каѳедрѣ Россійской словесности, оставаясь въ то же время преподавателемъ философіи и всеобщей исторіи въ гимназіи. По смерти профессора Рейхеля Чеботаревъ читалъ всеобщую европейскую и ученую исторію, а также россійское краснорѣчіе. Въ 1778 году онъ былъ произведенъ въ ординарные профессора, назначенъ библіотекаремъ и цензоромъ при театрѣ; съ 1778 по 1783 г. былъ секретаремъ университетской конференціи, инспекторомъ университетской гимназіи и учительской семинаріи. Въ 1782 году онъ получилъ чинъ коллежскаго ассесора, а въ 1786 году — надворнаго совѣтника и занимался въ это время по Высочайшему повелѣнію, вмѣстѣ съ Барсовымъ, выписками изъ всѣхъ русскихъ лѣтописей, находившихся въ сунодальной и патріаршей библіотекахъ, а также въ Московскомъ Государственномъ Архивѣ. Эти выписки въ видѣ сводной таблицы были поднесены имъ Императрицѣ Екатеринѣ II-й и послужили матеріаломъ къ составленію Записокъ о русской исторіи. Въ награду за этотъ трудъ Чеботаревъ удостоился Высочайшей благодарности и получилъ изъ Кабинета 500 р. с. По преобразованіи университетскаго устава Чеботаревъ, въ чинѣ коллежскаго совѣтника, былъ избранъ ректоромъ и въ 1805 году награжденъ бриллiантовыми знаками къ ордену св. Анны 2 ст. По сложеніи ректорскихъ обязанностей, онъ былъ назначенъ безсмѣннымъ засѣдателемъ въ Правленіи Университета, каковую должность и занималъ до самой смерти. Въ 1809 году Чеботаревъ былъ произведенъ въ статскіе совѣтники. Въ 1812 году онъ потерялъ прекрасную библіотеку и свои бумаги. Событія этого года сильно потрясли его и подорвали его здоровье. Его разбилъ параличъ, и въ 1815 году, 26 іюля, онъ скончался. Похороненъ Чеботаревъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ въ Москвѣ.

Помимо всѣхъ занимаемыхъ должностей Чеботаревъ былъ еще членомъ многихъ ученыхъ обществъ: «Вольнаго Россійскаго Собранія», почетнымъ членомъ «Общества Любителей Россійской Словесности» (съ 1812 года), предсѣдателемъ «Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ» съ основанія общества (1804 г.) до Высочайшаго утвержденія устава этого общества (1811 г.), а также вторымъ великимъ надзирателемъ въ Московской масонской ложѣ. Чеботаревъ не оставилъ послѣ себя многочисленныхъ трудовъ, но все, написанное имъ, имѣло для своего времени большую цѣну и значеніе, почему его по справедливости можно считать однимъ изъ выдающихся русскихъ ученыхъ конца XVIII и начала XIX вѣка.

Всѣ его труды можно раздѣлить на слѣдующія группы: 1) переводные, 2) оригинальные, по вопросамъ исторіи и географіи, 3) рѣчи и 4) богословскіе труды; къ переводнымъ его трудамъ относится «Всеобщая исторія Фрейера», по которой онъ преподавалъ исторію въ гимназіи, а также соч. Рейхеля: «Цвѣтущее состояніе и слава Россіи» и «Слово о способѣ, какимъ древніе возбуждали въ гражданахъ любовь къ отечеству». Въ 1776 году Чеботаревъ издалъ географическій учебникъ подъ заглавіемъ: «Географическое методическое описаніе Россійской Имперіи съ надле-

жащимъ введеніемъ къ основательному познанію земного шара и Европы вообще» и т. д. Книга эта отличалась строгимъ отдѣленіемъ предмета отъ смежныхъ ему и превосходила всѣ предшествующія работы по этому вопросу полнотою. Къ историческимъ трудамъ Чеботарева принадлежатъ, во-1-хъ, упомянутыя выше, выписки изъ лѣтописей, доведенныя до 1276 года, и, во-2-хъ, записки по русской исторіи, изъ которыхъ сохранился только одинъ отрывокъ, сообщенный бывшимъ слушателемъ его Могилянскимъ и представляющій собою вступленіе въ исторію Россіи (напечатанъ въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ», 1847 г., № 9). Придавая большую важность и значеніе русской исторіи, а также считая ее достовѣрной, благодаря большому количеству сохранившихся историческихъ памятниковъ, Чеботаревъ дѣлитъ всю исторію Россіи на 2 большихъ періода: 1) старый отъ Рюрика до XVI в. и 2) новый, съ XVI вѣка. Русскіе, какъ самобытный народъ, появляются на исторической аренѣ, по мнѣнію Чеботарева, не раньше IX в. по Р. Хр., но исторія ихъ, какъ славянъ, теряется въ глубокой древности. Появленіе славянъ на южномъ берегу Дуная и побѣда надъ греками составляютъ начало подлинной ихъ исторіи. Притѣсняемые греками и аварами, славяне отъ Дуная обратились на сѣверъ и заняли нынѣшнюю Россію. Точно время этого переселенія въ лѣтописяхъ не означено. Извѣстіе польскихъ писателей о построеніи Кіева въ 430 году по Р. Хр. принять нельзя. Новгородъ также нельзя считать слишкомъ древнимъ. Русская исторія начинается съ призванія Рюрика. Всю предшествующую этому факту исторію Чеботаревъ называетъ: «мутными ручьями вѣроятности», но изъ любознательности все-таки ставитъ четыре вопроса, касающихся этой эпохи русской исторіи: 1) кто именно были славяне, 2) кто жилъ въ Россіи до славянъ, 3) кто были варяги, 4) кто были руссы. На первый вопросъ, не давая точнаго отвѣта, Чеботаревъ отвѣчаетъ приблизительно, что славяне—народъ, жившій до переселенія въ Россію на Дунаѣ, принадлежащій къ тому великому древу народовъ, къ которому принадлежатъ германцы, римляне и греки, и родственный народамъ, жившимъ въ древности въ Малой Азіи, на западъ отъ Каспійскаго моря и въ Европѣ до Дуная. Чеботаревъ критически относится къ историческимъ выводамъ, основаннымъ на сходствѣ языка и говоритъ, что путемъ ихъ можно очутиться «неподалеку отъ самаго Вавилонскаго столпотворенія, такъ какъ одинъ изъ польскихъ лѣтописцевъ и утверждалъ въ самомъ дѣлѣ, что Нимвродъ дѣйствительно былъ славянинъ». На второй вопросъ Чеботаревъ отвѣчаетъ, что первобытными жителями сѣверной части Россіи были венды, готы и финны, южными — всѣ народы, являвшіеся изъ глубины Азіи и устремлявшіеся въ Европу. Варягами Чеботаревъ называетъ жителей съ береговъ Балтійскаго моря и финскаго побережья, руссами или куманами — особый народъ, жившій по свидѣтельству «Степенной книги» на берегахъ Чернаго моря, родственный хозарамъ, болгарамъ, аланамъ и лазамъ. Отъ рѣшенія этихъ вопросовъ онъ переходитъ къ раздѣленію исторіи Россіи на періоды, придерживаясь знаменитаго Шлецеровскаго дѣленія: Россія рождающаяся (812—1015 г.), Россія раздробленная (1015—1223 г.), Россія порабощенная (1223—1463 г.), Россія побѣждающая (1463—1725 г.), Россія процвѣтающая (съ 1725 г.). Приведенныя научныя положенія Чеботарева представляютъ плодъ самостоятельнаго изслѣдованія и оригинальнаго, для своего времени, взгляда на исторію. Многія изъ этихъ положеній были подтверждены работами позднѣйшихъ ученыхъ. Такая оригинальность и глубина взглядовъ создала Чеботареву репутацію крупнаго ученаго. Левекъ и Шлецеръ отзывались съ похвалой о его трудахъ, митрополитъ Филаретъ («Обзоръ русской духовной литературы») называетъ его «размышляющимъ историкомъ». Не менѣе лестные отзывы о его трудахъ находимъ мы и у историка позднѣйшаго времени, О. Бодянскаго («Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ», 1847 г., № 9): «Мнѣніе покойнаго Чеботарева о времени появленія славянъ и ихъ родинѣ, двоякомъ разселеніи съ Дуная..., о первобытныхъ жителяхъ нашего отечества, о Чуди, горахъ, варягахъ, равно какъ о Руси и связи ея съ предыдущими..., все это совершенно самостоятельно и многое вполнѣ уже современными намъ крити-

ками-историками подтверждено. Честь и слава мужу съ такой свѣтлой, проницательной и далеко видѣвшей головой». Болѣе безпристрастный отзывъ находимъ у Пыпина въ его «Характеристикахъ», который вполнѣ правильно указываетъ на сентиментальные, чуждые истиннаго научнаго критицизма, пріемы въ трудахъ Чеботарева. Но, вѣдь, отъ этихъ недостатковъ не освободился и авторъ «Исторіи Государства Россійскаго»! Большинство рѣчей Чеботарева написано по какому нибудь торжественному случаю и предназначалось для прочтенія въ торжественныхъ собраніяхъ Университета. Эти рѣчи почти полностью изданы въ 1819 г. Обществомъ любителей россійской словесности. Вотъ важнѣйшія изъ нихъ: 1) «Слово объ изобрѣтеніи искусства письма» (читано 30 іюня 1776 года); 2) «О способахъ и путяхъ, ведущихъ къ просвѣщенію» (читано 22 апрѣля 1779 года); 3) «Слово на высочайшій день тезоименитства Императрицы Екатеры II-й» (1782 годъ); 4) «Величіе, могущество и слава Россіи» (1795 г.); 5) «Слово торжественное на день Восшествія на Всероссійскій престолъ Императрицы Екатерины II-ой» (1795 г.); 6) «Гласъ радованія въ селеніяхъ Россійскихъ» (1797 г.); 7) «Всенародный гласъ благодаренія московскихъ музъ» (рѣчь Харитона Чеботарева и стихи Алексѣя Мерзлякова; М. 1801 годъ—отдѣльное изданіе). Рѣчи Чеботарева написаны краснорѣчиво и учено. Наконецъ, Чеботаревымъ былъ предпринятъ и совершенъ въ теченіе 8 лѣтъ большой трудъ изъ области наукъ чисто богословскихъ; это: «Четвероевангеліе», представляющее сводъ сказаній четырехъ евангелистовъ. Трудъ этотъ три раза передѣлывался Чеботаревымъ и, наконецъ, былъ изданъ въ 1803 году въ количествѣ 600 экземпляровъ, которые были раскуплены въ 2 года, успѣхъ, по тому времени, исключительный. Дѣйствительно, современники ставили этотъ трудъ Чеботарева очень высоко. Между прочимъ въ запискахъ Жихарева мы находимъ о немъ восторженный отзывъ. Даже въ заграничной печати были помѣщены объ этомъ трудѣ самые лестные отзывы. Болѣе строгую и болѣе компетентную критику этого труда мы находимъ однако у митрополита Филарета въ его «Обзорѣ русской духовной литературы». Отдавая должное труду Чеботарева, какъ дѣлу искренняго благочестія, митрополитъ Филаретъ не можетъ признать, что сводъ Чеботарева передаетъ «съ непогрѣшительнымъ распорядкомъ» евангельскія повѣствованія. Въ немъ есть ошибки, принадлежащія экзегетикѣ позднѣйшихъ западныхъ толковниковъ, наконецъ, самый методъ Чеботарева неправиленъ, по мнѣнію митропол. Филарета, такъ какъ въ сводѣ нельзя опредѣлить «въ чемъ повѣствованія буквально сходны и въ чемъ разнятся». Поощренный успѣхомъ перваго изданія, Чеботаревъ подготовлялъ 2-е, съ собственными примѣчаніями, но смерть помѣшала ему выполнить эту работу. Какъ человѣкъ, Чеботаревъ оставилъ по себѣ самую хорошую память. Это былъ прямой, честный, нѣсколько рѣзкій характеръ, отличавшійся нѣкоторыми странностями, довольно часто встрѣчающимися у людей науки. Одѣвался онъ крайне эксцентрично, не носилъ косы, не пудрился, держался очень самоувѣренно и всѣмъ говорилъ «ты». Обхожденіе его могло бы показаться грубымъ, если бы не выражало добродушія. Его всѣ очень уважали и боялись (воспоминанія Снегирева). Если что-нибудь говорятъ о человѣкѣ его друзья и враги, то достаточно сказать, что Чеботаревъ былъ другомъ Новикова, товарищемъ Потемкина и побывалъ въ тискахъ у Шешковскаго. Очень характерна для личности Чеботарева исторія его женитьбы. Жена московскаго главнокомандующаго, гр. Чернышева, воспитывала всегда при себѣ четырехъ бѣдныхъ дѣвушекъ. Чеботаревъ давалъ одно время этимъ дѣвушкамъ уроки. Одна изъ нихъ (С. И. Вилькинсъ) ему очень нравилась, но о женитьбѣ онъ не думалъ. Однажды, придя на урокъ, онъ засталъ свою ученицу въ слезахъ и узналъ отъ нее, что графиня хочетъ выдать ее замужъ за какого то майора, человѣка дурной нравственности. Тогда, чтобы спасти ее, онъ сдѣлалъ ей предложеніе и женился. Впослѣдствіи онъ жилъ съ ней очень счастливо.

Энциклопедическіе словари Старчевскаго, Толля, Клюшникова, Граната, Березина. — Межовъ. «Русская историческая библіографія», 1800—54 гг.—«Біографическій словарь профессоровъ Московскаго Университета».—Кн. И. М. Долгорукій. «Капище моего сердца» («Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ», 1873 года, № 3.)—И. М. Снегиревъ. «Старина русской земли»,

«Воспоминанія И. М. Снегирева» («Русскій Архивъ», 1866 г., №№ 4 и 5).—Митрополитъ Евгеній. «Словарь свѣтскихъ писателей.»—Митрополитъ Филаретъ. «Обзоръ русской духовной литературы.»—Некрологъ: «Русскій Вѣстникъ», 1817 г., № 1.—Записки Жихарева.—«Труды общества любителей россійской словесности», 1812 г.—«Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ», 1847 г., № 9.—«Записки и труды общества исторіи и древностей россійскихъ», 1815 г., т. I.—Сухомлиновъ. «Исторія россійской академіи».—Пыпинъ. «Исторія русской литературы», и «Характеристика литературныхъ мнѣній» т. IV.—Плавильщиковъ. «Реестръ россійскимъ книгамъ».—Неустроевъ. «Историческія розысканія о русскихъ повременныхъ изданіяхъ». — Чертковъ, Смирдинъ и друг. справочныя изданія.—«Москвитянинъ» 1842 г.—«Опытъ трудовъ Вольнаго россійскаго собранія», 1776 г., т. III. — Лонгиновъ. «Новиковъ и московскіе мартинисты».

Викторъ Войновъ.

Чеботаревъ, *Өедоръ Өедоровичъ*, механикъ Тульскаго оружейнаго завода, родомъ былъ изъ купцовъ 3-й гильдіи гор. Венева и занимался устройствомъ мельничныхъ плотинъ. Въ 1805 году онъ получилъ должность механика на Тульскомъ оружейномъ заводѣ по предложенію командира завода В. Н. Чичерина. Состоя на службѣ на вышеуказанномъ заводѣ, Чеботаревъ получилъ золотую медаль за отличное устройство заводскихъ плотинъ, такъ что заводъ, который до того времени, будучи затопляемъ весенней водой, останавливался на три мѣсяца, сталъ оставаться въ бездѣйствіи только два мѣсяца. Въ 1810 г. Чеботаревъ былъ уволенъ; дальнѣйшая участь его неизвѣстна.

Гамель Описаніе Тульскихъ оружейныхъ заводовъ въ историческ. и техническ. отнош., стр. 67—69.

А. Черновъ.

Чеботовъ, *Дмитрій Андреевичъ*, окольничій. Въ 1550 году, будучи сыномъ боярскимъ, получилъ въ помѣстье—150 четей; въ 1555 г. пожалованъ окольничимъ и въ слѣдующемъ году участвовалъ въ пригородной поѣздкѣ царя, а затѣмъ былъ воеводой въ Неровскомъ городѣ; принималъ участіе въ Ливонскомъ походѣ 1559 года. Умеръ въ 1561 г.

Древняя россійская Вивліоѳика т. VIII. Спб. 1788 г., стр. 6; т. XX. Спб. 1791 г. стр. 40—В. Берхъ: «Систематическіе списки боярамъ, окольничимъ и думнымъ дворянамъ съ 1408 г.» Спб. 1833 г.

Н. Тычино.

Чеботовъ, *Иванъ Яковлевичъ*, бояринъ. Въ 1553 г. былъ 4-мъ воеводою въ Казани, въ 1554 г. пожалованъ въ окольничіе. На свадьбѣ царя Казанскаго Симеона былъ дружкой со стороны невѣсты, Марьи Андр. Кутузовой; жены, его и Сукина, были на этой свадьбѣ свахами. Въ 1555 году, на свадьбѣ кн. Ивана Дм. Бѣльскаго, былъ дружкой, также со стороны невѣсты, княжны Марѳы Вас. Шуйской; жена его была свахой. Въ 1558 году, на второй свадьбѣ кн. Владиміра Андреевича Старицкаго съ кн. Авд. Ром. Одоевской, Чеботовъ и его жена были дружками со стороны князя. И. Я. Чеботовъ участвовалъ въ Ливонской войнѣ, причемъ въ 1556 г. былъ воеводой въ сторожевомъ полку на Калугѣ, а въ 1562 году ходилъ съ царемъ подъ Полоцкъ. Пожалованный въ 1559 г. въ бояре, онъ въ 1563 г. былъ въ числѣ бояръ, поручившихся за кн. Ал. Ив. Воротынскаго въ его записи о невыѣздѣ его изъ Московскаго государства въ какое либо чужестранное государство; въ случаѣ побѣга Воротынскаго поручители обязывались уплатить за него въ казну 15 тысячъ рублей. Въ 1564 году, декабря 3, онъ былъ въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ царя Іоанна Грознаго въ село Коломенское. Таубе и Крузе сообщаютъ, что Іоаннъ IV велѣлъ Салтыкову, Чеботову и нѣкоторымъ дьякамъ идти изъ Александровской слободы въ Москву пѣшкомъ, раздѣвъ ихъ донага. Внизу грамоты о Литовской войнѣ 1566 г. написано: «а Иванъ Шереметевъ Меньшой и Иванъ Чеботовъ рукъ къ сей грамотѣ не приложили, что грамоте не умѣетъ». Въ 1567 г. Чеботовъ долженъ былъ, вмѣстѣ съ Морозовымъ и Сукинымъ, встрѣтить на границѣ Московскаго государства и Швеціи—Екатерину, жену герцога Финляндскаго Іоанна, которую царь Іоаннъ Грозный неудачно сваталъ за себя въ 1560 г. и которую шведскій король Эрихъ обѣщалъ теперь, т. е. семь лѣтъ спустя, выдать за царя Іоанна Грознаго, отнявъ ее у своего брата Іоанна герцога Финляндскаго, ея мужа, четыре года передъ тѣмъ (въ 1563 г.) посаженнаго имъ въ тюрьму. Умеръ Чеботовъ въ 1567 году.

Отечественныя Записки, 1830 г., ч. 44, с. 88.—Древн. Россійск. Вивліоѳ., 2-е изд., XIII, стр. 58, 61, 67, 69, 74, 78, 80, 248, 253, 293, 331.—Карамзинъ, Ист. Госуд. Россійск., VIII, прим. 164; IX, стр. 43, 72, прим. 66, 131, 773.—Собраніе Госуд. Грамотъ и Договоровъ, I, 487, 556.

В. Корсакова.

Чеботовъ, *Михаилъ Евстафьевичъ*, дѣйств. стат. совѣт., директоръ С.-Петербургскаго Императорскаго Воспитательнаго дома, родился въ 1842 г. въ г. Олонцѣ и былъ сыномъ бѣднаго чиновника, служившаго въ одномъ изъ присутственныхъ мѣстъ Олонецкой губ. Первоначальное образованіе Чеботовъ получилъ дома, а затѣмъ поступилъ въ пансіонъ Олонецкой губернской гимназіи, которую и окончилъ съ серебряной медалью въ 1860 году. Не имѣя средствъ продолжать образованіе, онъ поступилъ учителемъ уѣзднаго училища въ г. Вытегрѣ, но въ 1865 г. перешелъ на службу въ Министерство Финансовъ, поступивъ бухгалтеромъ въ Олонецкую казенную палату, откуда вскорѣ затѣмъ былъ переведенъ на должность начальника отдѣленія Гродненской казенной палаты. Чеботовъ отличался трудолюбіемъ и умомъ, и поэтому, не смотря на недостаточное образованіе, съумѣлъ хорошо исполнять даже отвѣтственныя и важныя должности. Въ 1887 г. онъ былъ назначенъ управляющимъ Астраханской казенной палатой и въ томъ же году исполнялъ должность астраханскаго губернатора, а въ 1890 году былъ назначенъ директоромъ Императорскаго Воспитательнаго Дома въ Петербургѣ. Не смотря на кратковременность управленія Воспитательнымъ домомъ, Чеботовъ успѣлъ много сдѣлать для этого учрежденія, принимая живѣйшее участіе во всѣхъ преобразованіяхъ и усовершенствованіяхъ его. Чеботовъ умеръ въ Петербургѣ 23 іюля 1892 года и похороненъ въ Гроднѣ.

«Петербургскій Листокъ», 1892 г., №№ 201 и 203.—«Новое Время», 1892 г., № 5892.

А. Трика.

Чеботъ, *Иванъ Васильевичъ*, окольничій, старшій сынъ Василія Тимоѳеевича Чулка; происходилъ отъ выѣхавшаго, по сказаніямъ родословныхъ книгъ, въ концѣ XII столѣтія къ великому князю Александру Невскому «изъ Нѣмецъ—изъ Седмиградской земли, мужа честна—именемъ Радши», и является ближайшимъ родоначальникомъ фамиліи Че(о)ботовыхъ. О жизни его до 1490 г. ничего неизвѣстно. Въ 1490 г. Чеботъ, въ званіи окольничаго, встрѣчалъ посла римскаго императора Максимиліана Георга Делатора, а въ 1499 г. ѣздилъ къ псковичамъ съ поклономъ отъ Великаго Князя Іоанна Васильевича и объявлялъ имъ прощеніе за «дерзости»; псковичи «честь ему подавали отъ хлѣба и отъ меда много, а на отвѣтъ дали ему поминокъ 10 рублей». Въ чинѣ свадьбы царевны Софіи, дочери Велик. Князя Ивана Васильевича съ княземъ Холмскимъ въ 1500 г. Чеботъ показанъ вторымъ дружкой и названъ «поддатнемъ-окольничимъ». По боярскимъ же спискамъ, помѣщеннымъ въ Вивліоѳикѣ (т. XX), и у В. Берха видно, что окольничество сказано Ч. въ 1500 г., а въ слѣдующемъ году имя его уже показано въ спискѣ умершихъ окольничихъ.

«Родословная книга князей и дворянъ россійскихъ и выѣзжихъ». Москва, 1787 г., ч. I, стр. 336; ч. II, стр. 294. — «Полное собраніе русскихъ лѣтописей», изд. Археографической ком. т. IV, стр. 272; т. VI, стр. 23. — «Древняя Россійская Вивліоѳика» т. XIII, Москва 1790 г., стр. 1; т. XX, М., 1791 г, стр. 9. — В. Берхъ. «Систематическіе списки боярамъ, окольничимъ и думнымъ дворянамъ съ 1408 г.»; Спб., 1833 г., стр. 59. — Н. П. Лихачевъ. «Разрядные дьяки XVI столѣтія» Спб. 1888 г. стр. 104, 105. — Карамзинъ. «Ист. госуд. рос.», II изд., VI т., прим. 345, 355, 628.—Справочный Энциклоп. Словарь Крайя, т. XII, Спб. 1847.

Н. Тычино.

Чебыкинъ, *Порфирій Васильевичъ*, генералъ-маіоръ, по происхожденію дворянинъ, родился въ Петербургской губерніи въ 1813 г. Получивъ воспитаніе въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, вышелъ во флотъ гардемариномъ въ 1830 году. Дослуживъ до чина лейтенанта, онъ въ 1845 году былъ переведенъ, съ переименованіемъ въ поручики, въ л.-гв. Гренадерскій полкъ и въ томъ же году произведенъ въ штабсъ-капитаны. Вскорѣ Чебыкинъ былъ назначенъ: состоять въ званіи бау-адъютанта при С.-Петербургскомъ губернаторѣ. Въ этой должности онъ состоялъ еще въ 1861 г., уже въ чинѣ полковника. Въ 1864 г. Чебыкинъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и въ 1867 г. назначенъ Тобольскимъ губернаторомъ. 10 іюля слѣдующаго года онъ былъ уволенъ отъ должности и умеръ 30 мая 1869 г.

Посл. спис. въ Общ. Арх. Главн. Штаба.—Общій Морской Списокъ, т. XII, Спб. 1900, стр. 246—247.

Иннокентій Соколовъ.

Чебышевъ, *Николай Дмитріевичъ*, свиты Его Величества генералъ-маіоръ,

род. въ 1815 г., умеръ 22 марта 1866 г. Онъ происходилъ изъ дворянъ Калужской губерніи и воспитывался въ Петербургскомъ благородномъ университетскомъ пансіонѣ и въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ. Поступивъ на службу въ л.-гв. Измайловскій полкъ въ 1835 г., онъ, въ чинѣ капитана, назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Величеству съ оставленіемъ въ полку, въ 1850 г. Произведенный въ полковники въ 1852 г., Чебышевъ участвовалъ 29 Апрѣля 1855 г. въ дѣлѣ съ англичанами и французами подъ Одессою, при взятіи англійскаго парохода «Тигръ». Въ 1854 г. онъ былъ отчисленъ отъ фронта въ свиту Его Величества, въ 1857 году назначенъ командующимъ л.-гв. Гренадерскимъ полкомъ, а 30 августа 1858 г. произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ въ свиту Его Величества и съ утвержденіемъ командиромъ полка. 3 августа 1862 г. онъ былъ отчисленъ отъ должности командира съ оставленіемъ въ свитѣ.

Послужной списокъ въ Общемъ Архивѣ Главнаго Штаба.

А. Гернетъ.

Чебышевъ, *Петръ Аванасьевичъ*, вице-адмиралъ, род. 1 марта 1821 г., воспитывался въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ и въ 1838 г. переведенъ унтеръ-офицеромъ 3-го класса въ корпусъ морской артиллеріи, а въ 1839 г. за отличіе при занятіи мѣстечка Субаши, у абхазскихъ береговъ, произведенъ въ юнкера; крейсируя у тѣхъ-же береговъ, Чебышевъ, за отличіе въ дѣйствіяхъ противъ горцевъ, былъ произведенъ 6 марта 1840 г. въ прапорщики морской артиллеріи, а 6 декабря того-же года переименованъ въ мичмана. Съ этого времени и до 1856 года онъ служилъ въ Черноморскомъ флотѣ и въ 1854—1855 г. состоялъ въ гарнизонѣ Севастополя на 4 бастіонѣ и при морской батареѣ № 10; во время осады онъ былъ контуженъ и два раза раненъ въ голову, и за отличія получилъ ордена св. Анны 3 ст. и св. Станислава 2 ст. съ мечами, а также золотую саблю, съ надписью «за храбрость», и произведенъ въ капитанъ-лейтенанты. Въ 1856—1860 г.г. онъ состоялъ при кронштадтскомъ портѣ, командовалъ винтовыми корветами и получилъ орд. св. Георгія 4 ст. за 18 морскихъ кампаній. Въ 1861—63 г.г. Чебышевъ командовалъ корветомъ Богатырь въ Тихомъ Океанѣ; въ 1862 году произведенъ въ капитаны 2-го ранга и назначенъ начальникомъ отряда судовъ, находившихся въ Китайскомъ и Японскомъ моряхъ, а въ 1863 г. переведенъ на службу въ Петербургъ. Въ 1872 году, въ чинѣ капитана 1-го ранга, Чебышевъ былъ назначенъ командиромъ 6-го флотскаго экипажа, въ 1878 г.—произведенъ въ контръ-адмиралы и посланъ былъ въ Свеаборгъ для командованія гарнизономъ и артиллеріею Свеаборгскихъ укрѣпленій, а въ 1881 году — назначенъ младшимъ флагманомъ Балтійскаго флота. Въ 1882 — 1884 г.г. онъ начальствовалъ отрядомъ судовъ въ греческихъ водахъ, въ 1885 году — зачисленъ по флоту, 13 апрѣля 1886 г. произведенъ въ вице-адмиралы, а 9 марта 1890 г., по случаю 50-ти лѣтняго юбилея, получилъ орд. св. Владиміра 2 ст. П. А. Чебышевъ скончался 29 января 1891 г.

Общій Морской Списокъ, т. XII, стр. 247 — 249.

В. Козловъ.

Чебышевъ, *Петръ Петровичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, оберъ-прокуроръ Св. Синода, происходилъ изъ старипнаго дворянскаго рода. По обыкновенію того времени съ малыхъ лѣтъ записанный въ военную службу, въ Преображенскій полкъ, онъ въ 1753 году былъ произведенъ изъ сержантовъ въ прапорщики; въ 1768 году, въ чинѣ капитана гвардіи, онъ былъ переведенъ въ армію бригадиромъ и въ этомъ-же году оставилъ военную службу, будучи назначенъ, 24 октября 1768 г., исправляющимъ должность оберъ-прокурора Св. Синода (послѣ Мелиссино). 17 февраля 1770 г. онъ былъ утвержденъ въ занимаемой имъ должности «за прилежное и рачительное исполненіе своихъ служебныхъ обязанностей». Хорошо знакомый съ современными философскими ученіями и относившійся отрицательно къ религіи и, главнымъ образомъ, къ ея служителямъ, Чебышевъ сразу по своемъ вступленіи въ исправленіе должности оберъ-прокурора сталъ во враждебныя отношенія съ большинствомъ членовъ Синода; онъ открыто заявлялъ о своемъ атеизмѣ и, пользуясь покровительствомъ Императрицы, деспотически распоряжался въ Синодѣ. Члены

Синода были очень встревожены появленіемъ такого непріятнаго для нихъ правительственнаго чиновника и подъискивали всѣ способы, чтобы отъ него избавиться, но сперва ничего не могли подѣлать; только его довольно свободное пользованіе синодальными деньгами, совершенно не вяжущееся съ его философскими воззрѣніями, дало имъ возможность сперва поколебать его положеніе, а затѣмъ и совсѣмъ удалить отъ должности оберъ-прокурора. 7-го мая 1774 г. генералъ-прокуроръ кн. Вяземскій по приказанію Императрицы, вмѣстѣ съ членами Синода, обревизовалъ находящуюся въ Синодѣ денежную казну, при чемъ обнаружился недочетъ 10.440 руб., забранныхъ оберъ-прокуроромъ Чебышевымъ «по его собственнымъ роспискамъ и письменнымъ приказамъ»; хотя деньги эти и были уплачены Чебышевымъ, но онъ былъ уволенъ отъ должности въ маѣ 1774 г. Памятникомъ дѣятельности его, какъ оберъ-прокурора, остались его работы по сооруженію и украшенію Александро-Невской Лавры. Годъ смерти его неизвѣстенъ.

Ѳ. В. Благовидовъ. Оберъ-прокуроры Святѣйшаго Синода въ XVIII и первой половинѣ XIX столѣтія, Казань, 1899 г., стр. 241—251.—Исторія лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. Спб. 1883 г., т. IV, стр. 237.—Сборникъ Импер. Русск. Истор. Общества, т. XVII, стр. 165—166.—Русскій Архивъ 1866 г., стр. 691.—Фонъ-Визинъ, изд. 1861 г., стр. 550.—Сушковъ. Записки о жизни Филарета митрополита Московскаго, стр. 223.—Архивъ Св Синода, дѣла 1770 г., № 4, стр. 1; 1771 г. (30-го ноября) № 122; 1774 г. (мая 4-го) № 5. — Канцелярія оберъ-прокурора Св. Синода, дѣла 1772 г., № 545 и 546.

Б. Алексѣевскій.

Чебышевъ, *Сергѣй Сергѣевичъ*, генералъ-лейтенантъ, сенаторъ, род. въ 1788 году въ Калужской губерніи, воспитывался въ 1-мъ Кадетскомъ Корпусѣ, откуда въ 1808 году выпущенъ прапорщикомъ въ 24-й, а въ 1809 г. переведенъ въ 29-й егерскій полкъ. Въ 1809 и 1810 г.г. Чебышевъ участвовалъ въ Турецкой кампаніи, былъ въ сраженіяхъ при Журжѣ, Туртукаѣ, Райградѣ, Рущукѣ и Никополѣ. 8 января 1813 г., въ чинѣ поручика, онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ адмиралу Чичагову, а въ февралѣ того-же года произведенъ въ штабсъ-капитаны съ переводомъ въ л.-гв. Егерскій полкъ и назначенъ адъютантомъ къ генералъ-адъютанту князю Волконскому, участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Люценомъ (за отличіе въ которомъ получилъ орд. св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ) Бауценомъ, Дрезденомъ, Кульмомъ, Лейпцигомъ, гдѣ за отличіе получилъ золотую шпагу съ надписью «за храбрость» и австрійскій орд. Леопольда 3 ст. и произведенъ въ капитаны, при Бріеннѣ, Фершампенуазѣ и Парижѣ. Въ маѣ 1816 г. онъ былъ произведенъ въ полковники, съ переводомъ въ Бородинскій пѣхотный полкъ, а въ августѣ того-же года назначенъ командиромъ этого полка. Въ 1826 г. Чебышевъ получилъ чинъ генералъ-маіора, былъ назначенъ камандиромъ 1 бригады 9 ой (что впослѣдствіи 10-я) пѣхотной дивизіи и участвовалъ въ Турецкой кампаніи 1828—1829 г.г.; въ дѣлахъ подъ Гирсовомъ, Янибазаромъ, Шумлою и Силистріею. 19 декабря 1829 года онъ получилъ орденъ св. Георгія 4-й степени за 25 лѣтъ. Въ 1831 году, въ польскую кампанію, онъ участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Боромлею, при Лисабеняхъ, за отличіе въ которомъ получилъ орденъ св. Владиміра 3-й ст., и нѣсколькихъ другихъ. Въ 1832 году онъ получилъ въ командованіе 15-ю (что впослѣдствіи 12 и 18-я) пѣхотную дивизію, а 6 декабря 1833 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты, 12 февраля 1849 пожалованъ въ сенаторы и присутствовалъ въ 5-мъ Департаментѣ Прав. Сената. С. С. Чебышевъ скончался 6 апрѣля 1856 года.

Послужной списокъ С. С. Чебышева. — Справочный Энциклопед. Словарь Крайя, т. XII, Спб. 1847.

В. Владиміровъ.

Чебышевъ-Дмитріевъ, *Александръ Павловичъ*, ординарный профессоръ С.-Петербургскаго Университета по каѳедрѣ уголовнаго права и судопроизводста, род. 6 іюля 1835 г. въ Москвѣ, ум. 9 января 1877 г. въ Петербургѣ. Чебышевъ-Дмитріевъ былъ побочнымъ сыномъ московскаго богача Дмитрія Николаевича Чебышева и носилъ первоначально фамилію Чебышева; въ 1857 году, вслѣдствіе возбужденнаго вдовою Д. Н. Чебышева процесса, Александръ Павловичъ долженъ былъ прибавить къ фамиліи Чебышева—вторую «Дмитріевъ». Окончивъ Московскій Университетъ въ 1856 году со степенью

кандидата правъ Чебышевъ-Дмитріевъ, 13 октября того же года, поступилъ на службу въ канцелярію Московскаго военнаго генералъ-губернатора канцелярскимъ чиновникомъ съ чиномъ коллежскаго секретаря. 26 іюня 1858 г. Чебышевъ-Дмитріевъ былъ переведенъ въ Ярославль, въ Демидовскій лицей, исправляющимъ должность преподавателя. Въ Ярославлѣ онъ пробылъ до 9 марта 1860 г., когда былъ назначенъ въ Казанскій Университетъ преподавателемъ по каѳедрѣ уголовныхъ и полицейскихъ законовъ (явился въ Университетъ 25 мая 1860 г.). 27 февраля 1861 г. онъ былъ опредѣленъ и. д. адъюнкта по той же каѳедрѣ, а 25 іюля 1862 года, послѣ защиты имъ магистерской диссертаціи, утвержденъ въ степени магистра уголовнаго права и назначенъ и. д. экстраординарнаго профессора по занимаемой имъ каѳедрѣ. Въ бытность свою въ Казани Чебышевъ-Дмитріевъ со 2 декабря 1861 г. по 8 октября 1862 г. состоялъ членомъ университетскаго суда, съ 5 декабря 1861 г. по 11 февраля 1864 г. былъ редакторомъ «Ученыхъ Записокъ Казанскаго Университета», со 2 ноября 1863 г. былъ секретаремъ юридическаго факультета, съ 17 іюня по 21 сентября 1861 г. и съ 14 іюня по 27 сентября 1862 г. исправлялъ должность декана того же факультета, и сверхъ того принималъ участіе въ трудахъ законодательныхъ комиссій по преобразованію судебной части. Въ виду выдающихся качествъ магистерской диссертаціи Чебышева-Дмитріева, юридическій факультетъ С.-Петербургскаго Университета 20 марта 1864 г. единогласно избралъ его кандидатомъ на должность штатнаго доцента по вакантной въ то время каѳедрѣ уголовнаго права, судоустройства и судопроизводства, а 27 апрѣля того же года онъ былъ уже назначенъ на эту должность. 28 октября 1864 г. Чебышевъ-Дмитріевъ получилъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія мѣсто и. д. профессора уголовнаго права, съ оставленіемъ при университетѣ, но уже 18 января 1866 г. былъ, по прошенію, уволенъ отъ преподаванія въ этомъ училищѣ. 11 марта 1865 г. Чебышевъ-Дмитріевъ былъ причисленъ къ Департаменту Министерства Юстиціи, съ оставленіемъ на службѣ и въ занимаемыхъ имъ должностяхъ, причемъ ему, совмѣстно съ П. А. Марковымъ, было поручено редактированіе Журнала Министерства Юстиціи. 19 мая 1865 г. Юридическое Общество при Московскомъ Университетѣ избрало его своимъ членомъ-корреспондентомъ. Защитивъ 29 мая 1866 г. диссертацію «О покушеніи», Чебышевъ-Дмитріевъ 30 мая того же года удостоенъ былъ степени доктора уголовнаго права, 1 октября того же года утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ уголовнаго права, а съ 13 мая 1868 г. ординарнымъ — по той-же каѳедрѣ. Кромѣ преподаванія въ Университетѣ и Училищѣ Правовѣдѣнія, Чебышевъ-Дмитріевъ въ концѣ 60-хъ годовъ читалъ лекціи въ Военно-Юридической Академіи и публичный курсъ судоустройства и судопроизводства для судебныхъ чиновъ морского вѣдомства. Уволенный 13 декабря 1869 г., по прошенію, отъ службы по Министерству Юстиціи, Чебышевъ-Дмитріевъ съ 1870 г. по 25 марта 1874 г. состоялъ при комитетѣ Высочайше утвержденномъ при Св. Синодѣ для составленія основныхъ положеній преобразованія духовной судебной части. 9 января 1877 г. Чебышевъ-Дмитріевъ умеръ отъ чахотки, состоя на службѣ.

Въ печати Чебышевъ-Дмитріевъ дебютировалъ въ № 3 «Молвы» 1857 г. стихотвореніемъ «Вечеромъ» и статьей «Нѣсколько словъ по поводу назидательныхъ книгъ». Въ «Молвѣ» 1857 г. онъ сотрудничалъ цѣлый годъ, помѣщая стихотворенія, разсказы и различныя статьи. Здѣсь же въ № 30, стр. 351 — 353, появилась первая спеціально-юридическая статья Чебышева-Дмитріева, а именно рецензія на книгу А. Богдановскаго «Развитіе понятій о преступленіи и наказаніи въ русскомъ правѣ до Петра Великаго». Въ «Сборникѣ литературныхъ статей, посвященныхъ памяти Смирдина» (Спб. 1858—1859, т. III, стр. 239 — 300) помѣщены его «Сцены изъ Московской жизни» (отрывокъ). Затѣмъ во «Временникѣ Ярославскаго Демидовскаго лицея» за 1859 г. появляется произнесенная имъ на актѣ 1859 г. рѣчь «О правѣ наказанія» — одна изъ первыхъ у насъ по времени попытокъ изложенія и объясненія философскихъ ученій по этому вопросу уголовнаго права. Въ «Юридическомъ Журналѣ» 1860 г., № 2, стр. 61—75 (а также въ Отечеств. Зап. 1860 г., т. CXXXII, отд. I, стр. 467—482) напечатана, читанная Чебышевымъ-

Дмитріевымъ, 6 сентября 1860 г., въ Казанскомъ Университетѣ, вступительная лекція «О современномъ состояніи и задачахъ науки уголовнаго права». Въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» 1860 г., вып. I, стр. 19—38, напечатано: «Начало обвинительное и слѣдственное въ уголовномъ процессѣ». Въ «Юридическомъ Журналѣ» (1860 г., №№ 1, 2 и 4, отд. III, стр. 1—50, 76—138 и 238—270; 1861 г., №№ 5 и 6, стр. 293—324 и 353—372) напечатанъ его «Очеркъ теоріи уголовнаго права. (О преступленіи вообще и о правѣ наказанія).» Въ «Отечеств. Запискахъ» (1861 г., т. 138, стр. 397—436; т. 139, стр. 179—224 и 375—420 и 1862 г., т. 140, стр. 106—132) помѣщены семь читанныхъ имъ въ Казани въ январѣ и февралѣ 1861 г. публичныхъ лекцій, подъ общимъ заглавіемъ: «Очеркъ уголовнаго процесса въ Англіи, Франціи и Германіи». Въ «Ученыхъ Запискахъ Императорскаго Казанскаго Университета» (1862 г., т. I, вып. 1, отд. 1, стр. 1—242) и отдѣльно (Казань, 1862) напечатана магистерская диссертація Чебышева-Дмитріева «О преступномъ дѣйствіи по русскому до-петровскому праву», обратившая на молодого криминалиста общее вниманіе, какъ прекрасное историко-юридическое изслѣдованіе, до сихъ поръ занимающее почетное мѣсто въ русской юридической литературѣ (И. Фойницкій). Въ томъ же году изданъ подъ редакціей Чебышева-Дмитріева первый томъ «Ученыхъ Записокъ Императорскаго Казанскаго Университета по отдѣленію историко-филологическихъ и политико-юридическихъ наукъ.» Въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» Н. В. Калачова за 1863 г. (вып. 31, 33, 36, 39, 41 и 42, стр. 67—99, 48—69, 52—80, 43—76, 69—95 и 61—88) и 1864 г. (вып. 45 и 47, стр. 64—91 и 56—77) напечатанъ, читанный Чебышевымъ-Дмитріевымъ въ Казани, спеціальный курсъ, состоящій изъ 8 лекцій: «Начала французскаго уголовнаго судоустройства». Въ 1865 г. онъ выступаетъ въ качествѣ редактора и дѣятельнаго сотрудника оффиціальнаго «Журнала Министерства Юстиціи». Апрѣльскій № былъ первымъ, вышедшимъ подъ редакціей Чебышева-Дмитріева, который оказался весьма дѣятельнымъ редакторомъ. Онъ значительно расширилъ неоффиціальную часть журнала, введя съ перваго же №, въ видѣ постоянныхъ отдѣловъ, «законодательную лѣтопись» (подробное обозрѣніе законодательныхъ работъ, какъ въ Россіи, такъ и заграницей) и «критическій и библіографическій обзоръ русскихъ и иностранныхъ книгъ и статей юридическаго содержанія». Кромѣ того съ № 11-го 1866 года къ журналу стали прилагаться издававшіяся Сенатомъ «Рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената». Съ того же года въ приложеніи къ журналу начали выходить оригинальныя и переводныя сочиненія большого объема юридическаго содержанія, напр. «О покушеніи»,—докторская его диссертація, «Курсъ уголовнаго права» А. В. Лохвицкаго, а также библіографическіе указатели книгъ и статей по части правовѣдѣнія. Редакторомъ «Журнала Министерства Юстиціи» Чебышевъ-Дмитріевъ пробылъ до самаго его прекращенія въ 1868 г., причемъ этотъ журналъ съ 1 января 1868 г. выходилъ не самостоятельно, а въ качествѣ ежемѣсячнаго приложенія къ газетѣ Министерства Юстиціи «Судебный Вѣстникъ». Сотрудничество Чебышева-Дмитріева въ журналѣ выразилось прежде всего напечатаніемъ (1865 г., т. 23, стр. 91—102) вступительной лекціи по уголовному праву, читанной въ С.-Петербургскомъ Университетѣ 3 сентября 1864 г. «О характерѣ уголовнаго права и современномъ состояніи уголовнаго правовѣдѣнія». Затѣмъ Чебышевъ-Дмитріевъ печаталъ въ журналѣ свои «Опыты по уголовному праву». «Опытовъ» было напечатано всего шесть: I. «О покушеніи» (Прилож. къ 28 тому Ж. М. Ю. 1866 г., стр. 1—152 и отдѣльно Спб. 1866); II. «О подсудности по судебнымъ уставамъ 28 ноября 1864 г.» (Ж. М. Ю. 1867 г., т. 33, стр. 3—52); III. «Принципъ уголовнаго преслѣдованія по судебнымъ уставамъ 20 ноября 1864 г.» (Ibid., 1867 г., т. 33, стр. 165—220); IV. «Искъ о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ» (Ib. 1867 г., т. 34, стр. 169—214); V. «Возобновленіе уголовныхъ дѣлъ» (Ib. 1868 г., 1-ое полугодіе, іюнь, стр. 499—524) и VI. «Возбужденіе уголовнаго преслѣдованія» (Ib. 1868 г., 2-ое полугодіе, іюль, стр. 133—166). Кромѣ журнала, Чебышеву-Дмитріеву поручено было, совмѣстно съ П. А. Марковымъ, редактированіе возникшаго въ 1866 году «Судебнаго Вѣстника», оффи-

ціальной газеты Министерства Юстиціи, первый № которой вышелъ 25 мая 1866 г. Съ начала 1868 года онъ сталъ редактировать «Вѣстникъ» самостоятельно, а съ 1 января 1869 г., когда «Вѣстникъ» пересталъ быть оффиціальнымъ изданіемъ, сдѣлался редакторомъ-издателемъ этой газеты. №№ 159—215 вышли подъ временнымъ редакторствомъ А. В. Лохвицкаго, №№ 216—226—подъ редакціей Чебышева-Дмитріева, а съ № 227-го 1869 года и до № 188-го 1870 г. «Вѣстникъ» редактировался имъ и Лохвицкимъ совмѣстно. Но, будучи хорошимъ юристомъ и писателемъ, Чебышевъ-Дмитріевъ былъ плохимъ хозяиномъ. Денежныя дѣла его по изданію «Вѣстника» шли все хуже и хуже и въ № 65-мъ 1871 г. онъ вынужденъ былъ объявить отъ редакціи, что «полное истощеніе денежныхъ средствъ ставитъ редакцію «Судебнаго Вѣстника» въ тягостную необходимость пріостановить на время свое изданіе». На этомъ № 65 «Вѣстникъ» Чебышева-Дмитріева прекратился; потомъ онъ возобновился, но уже подъ редакціей А. Б. Думашевскаго. Впрочемъ и послѣ передачи редакціи «Вѣстника» Чебышевъ-Дмитріевъ продолжалъ нѣкоторое время принимать въ немъ дѣятельное сотрудничество, но, постоянно отвлекаемый своими занятіями въ университетѣ и фельетонными работами, онъ постепенно отсталъ отъ своей прежней газеты. 23 апрѣля 1871 г. онъ дебютировалъ въ «Голосѣ» (№ 111) критической замѣткой «Изъ жизни нашей современной печати», подписавшись литерами «Ч. П.». Надо, впрочемъ, оговориться, что въ томъ же «Голосѣ» (1864 г. №№ 231 и 236; 1865 г. № 37) были имъ помѣщены, за подписью «Ч. Посторонній», три рецензіи подъ общимъ заглавіемъ «По поводу нѣкоторыхъ явленій текущей литературы», но съ этихъ поръ онъ въ этомъ изданіи не сотрудничалъ. Съ 23-го же апрѣля 1871 г. Чебышевъ-Дмитріевъ становится постояннымъ сотрудникомъ «Голоса». Онъ ведетъ въ немъ критическій отдѣлъ (1871 г. №№ 126, 140, 154, 172, 186, 244, 263, 270, 278, 284, 292, 298, 303, 306, 321, 326, 328, 333, 340, 349 и 357; 1872 г. №№ 8, 14 и 28), пишетъ воскресные фельетоны «Замѣтки и наблюденія», помѣщая ихъ за подписью «Самъ по себѣ» (1871 г. №№ 113, 120, 134, 148, 162, 176, 190, 204, 217, 231 и 245). 28 января 1872 г. Чебышевъ-Дмитріевъ прекратилъ сотрудничество въ «Голосѣ» и 13 февраля началъ писать въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» К. В. Трубникова. Здѣсь онъ помѣщалъ фельетоны на самыя разнообразныя, преимущественно злободневныя, темы, подъ заглавіемъ «Кое о чемъ» и за подписью «Эксъ» (1872 г. №№ 43, 50, 57, 64, 71, 78, 91, 104, 110, 117, 124, 131, 138, 145, 157, 164, 171, 178, 185, 192, 206, 212, 219, 226, 234, 238, 245, 252, 259, 266, 273, 280, 287, 294, 308, 322, 329, 336, и 350; 1873 г. №№ 1, 11, 20, 25, 39, 57, 71, 85, 104, 111, 118, 132, 139, 159, 166, 194, 214, 221, 228, 254, 267, 288, 295, 302, 309, 323, 330, 337 и 344; 1874 г. №№ 5, 12, 19, 52, 59, 73, 80, 91, 195, 202, 219 и 229). Кромѣ того, въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» Чебышевъ-Дмитріевъ писалъ критическіе фельетоны «Письма о текущей литературѣ», тоже за подписью «Эксъ» (1874 г. №№ 101, 108, 118, 125, 142, 152, 159, 166, 173, 187, 194, 208, 215, 240, 246, 253, 267, 275, 282, 296, 303 и 310) и «Замѣтки о русской журналистикѣ», за подписью «Ч. П.» (1873 г. №№ 32, 53, 78, 97, 129, 152, 180, 207, 208, 247, 274 и 285; 1874 г. №№ 31 и 61). Въ №№ 40, 45 и 90-мъ 1874 г. напечатаны его «Нѣсколько недомолвокъ Музыкальныя письма Н. Ѳ. С(оловье)ву». Съ конца 1874 г. онъ начинаетъ, подъ псевдонимомъ «Эксъ», сотрудничать въ «Новомъ Времени» у К. В. Трубникова. Здѣсь онъ пишетъ критическіе фельетоны «Письма о текущей литературѣ (1874 г. №№ 4, 12 и 19; 1875 г. №№ 1, 6, 13, 21, 25, 35, 49, 55, 61, 67, 79, 85, 92, 103, 117, 128, 205, 214, 227, 241, 255, 262, 283, 297, 311, 318, 325, 332; 1876 г. № 2) и путевыя замѣтки о Швейцаріи, подъ заглавіемъ «Кое о чемъ» (1875 г. №№ 155, 165, 186 и 201). Наиболѣе выдающіяся изъ помѣщенныхъ въ названныхъ газетахъ статей были въ 1874 г. изданы Чебышевымъ-Дмитріевымъ въ Спб., въ видѣ отдѣльнаго сборника, подъ заглавіемъ «Эксъ. На полпути. Очерки и замѣтки».

Какъ публицистъ, Чебышевъ-Дмитріевъ держался вполнѣ независимыхъ умѣренно-либеральныхъ воззрѣній. Что же касается роли Чебышева-Дмитріева въ научномъ развитіи русскаго уголовнаго права, то проф. Фойницкій слѣдующимъ образомъ

характеризуетъ его, какъ криминалиста: «Первоначальныя юридическія работы Чебышева-Дмитріева склонялись къ направленію догматико-философскому и сравнительно-историческому; но онѣ имѣли характеръ пробныхъ. Окончательно онъ остановился на направленіи догматико-положительномъ, посвятивъ большую часть своихъ силъ, главнымъ образомъ, новому процессуальному строю, при нѣкоторомъ участіи его созданному. Эта тенденція сказывается не только въ литературной, но и въ профессорской дѣятельности Чебышева-Дмитріева. При первой возможности, съ избраніемъ С.-Петербургскимъ Университетомъ Н. С. Таганцева, Чебышевъ-Дмитріевъ передаетъ ему чтеніе матеріальнаго уголовнаго права, оставляя себѣ только процессуальное. И будущій историкъ русскаго уголовнаго права долженъ будетъ признать, что въ научное развитіе его въ Россіи Чебышевъ-Дмитріевъ вложился видною лептою».

Дѣло Архива Министерства Народнаго Просвѣщенія № 155.136.—В. В. Григорьевъ. Императорскій С.-Петербургскій Университетъ. Спб. 1870, стр. 335—336 и др.—Биржевыя Вѣдомости 1877 г.: №№ 10 и 15.—Всемірная Иллюстрація 1877 г., № 424, стр. 146.—Голосъ 1877 г., № 10.—Новое Время 1877 г., № 312.—Судебный Вѣстникъ 1877 г., №№ 7 и 10.—Заволжская Вивліоѳика, Николая Агафонова. Казань, 1887, стр. 1—10.—Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, т. II, Спб. 1898, стр. 325.—Н. П. Загоскинъ. Дѣятели Императорскаго Казанскаго Университета. Казань, 1900 г., стр. 118.

Н. Мичатекъ.

Чевакинскій, *Савва Ивановичъ*, архитекторъ. Фамилію этого довольно извѣстнаго строителя временъ Императрицы Елисаветы Петровны часто искажаютъ, называя его Чеватинскимъ или Чекавинскимъ. Берхъ, написавшій о немъ статью въ «Сѣверной Пчелѣ» за 1833 годъ, находитъ совершенно неправильной фамилію Чеватинскій, какую даетъ архитектору въ своей статьѣ о немъ альманахъ «Сѣверные цвѣты» за 1826 годъ. Берхъ озаглавилъ свою статью «Савва Чекавинскій», ссылаясь на акты Морского Вѣдомства и оговариваясь въ примѣчаніи «поелику буквы к и в сливаются въ письмѣ, то во многихъ актахъ писали его Чевакинскимъ». Но послѣднее примѣч. можетъ быть обращено и противъ Берха, тѣмъ болѣе что въ спискахъ дворянъ Тверской губерніи откуда родомъ Савва Ивановичъ, есть фамилія Чевакинскихъ и никогда не существовало фамиліи Чекавинскихъ. Чевакинскій родился въ 1713 г. въ дворянской семьѣ Тверской губерніи. Свѣдѣній о его дѣтствѣ и о развитіи его способностей не существуетъ. Извѣстно только, что онъ вмѣстѣ съ прочими дворянскими дѣтьми былъ въ 1729 году привезенъ въ Морскую академію. Черезъ три года по опредѣленіи, онъ былъ назначенъ въ классъ гражданской архитектуры, гдѣ оказалъ прекрасные успѣхи, и въ 1739 году былъ произведенъ въ гезели отъ архитектуры. Спустя 4 года онъ получилъ чинъ поручика, а въ 1745 году былъ произведенъ прямо въ архитектора маіорскаго ранга, къ сожалѣнію, неизвѣстно за какіе труды; можно предполагать, что за работы по морскому вѣдомству, потому что большая часть адмиралтейскихъ зданій строилась въ первые года царствованія Императрицы Елисаветы Петровны. Только съ 1747 года дошли свѣдѣнія о трудахъ Чевакинскаго, а именно въ этотъ годъ Государыня повелѣла построить подъ адмиралтейскимъ шпицемъ церковь во имя Воскресенія Христова, и построеніе храма было поручено Чевакинскому. Церковь давно уже не существуетъ и неизвѣстно, съ какимъ искусствомъ она была выстроена. Освящена она была 10 мая 1755 года и за построеніе ея Чевакинскій былъ награжденъ чиномъ подполковника. Въ 1753 году рѣшено было перестроить бывшій домъ графа Миниха и помѣстить въ немъ Морской Кадетскій Корпусъ. Составленіе плана и смѣты было поручено Чевакинскому и его помощнику Башмакову. Въ виду того, что составленная смѣта показалась Сенату слишкомъ значительной, велѣно было только поправить домъ Миниха, а не перестраивать его. Слѣдующей и самой выдающейся работой Чевакинскаго является храмъ Николы Морского. Нѣкоторые приписываютъ его знаменитому современнику Чевакинскаго, графу Растрелли, въ виду того, что характеръ архитектуры совершенно Растреллевскій. Но достовѣрно извѣстно, что строителемъ былъ Савва Чевакинскій и если въ храмѣ есть нѣкоторыя части въ духѣ Растрелли, то нужно удивляться такому громадному вліянію, какое имѣлъ геніальный архитекторъ на

своихъ современниковъ. Что же касается того, что въ нѣкоторыхъ документахъ, касающихся сооруженія храма, упоминается имя Растрелли, то это объясняется его положеніемъ оберъ-архитектора, такъ сказать, главнаго надсмотрщика надъ всѣми казенными строеніями, а потому въ числѣ ордеровъ, послѣдовавшихъ о построеніи храма, были нѣкоторые и на его имя. Причины, вызвавшія построеніе новаго храма, были слѣдующія: со времени учрежденія адмиралтейства въ С.-Петербургѣ, моряки помѣщались въ казармахъ, находившихся на нынѣшнихъ улицахъ Малой и Большой Морской. Когда впослѣдствіи народонаселеніе увеличилось и близъ Полицейскаго моста былъ построенъ дворецъ для Великой Княжны Елисаветы Петровны, сочли необходимымъ перевести ихъ въ другое мѣсто. Новыя казармы рѣшено было построить между мостами Харламовымъ, Торговымъ и Поцѣлуевымъ. При этомъ оказалось, что морякамъ некуда ходить въ церковь, а потому сочтено было необходимымъ построить храмъ противъ морского полкового двора. Съ тѣхъ поръ, какъ былъ выстроенъ Исаакіевскій мостъ, до рожденія Павла I, на немъ собирались съ проѣзжихъ и прохожихъ деньги, поступавшія въ Адмиралтействъ-Коллегію. Эти средства рѣшено было употребить на постройку храма. Въ 1752 году генералъ-адмиралъ и президентъ государственной Адмиралтействъ-Коллегіи князь М. М. Голицынъ представилъ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ докладъ о необходимости выстроить противъ адмиралтейскихъ казармъ церковь во имя св. Николая Чудотворца. Государыня одобрила мысль князя и сдѣлала распоряженіе Коллегіи, а послѣдняя поручила составить полный проектъ храма архитектору Чевакинскому. По одобреніи проекта Коллегіей, было приступлено къ работамъ. Помощниками Чевакинскаго состояли архитекторъ Башмаковъ и лейтенантъ князь Иванъ Гагаринъ. Для позолоты куполовъ былъ вызванъ швейцарскій подданный Имгофъ, но князь Голицынъ, въ виду сокращенія расходовъ, убѣдилъ Коллегію поручить это дѣло слесарному мастеру Моисею Сарычеву, который и исполнилъ возложенную на него работу съ большимъ искусствомъ и значительной экономіей. Освященіе храма св. Николая Чудотворца состоялось 5 декабря 1760 года. Вся постройка обошлась въ 129,281 рубль, при чемъ денежный сборъ съ Исаакіевскаго моста доставилъ около 47 тыс. рублей. О дальнѣйшей дѣятельности Чевакинскаго извѣстно, что въ 1754 году онъ исправлялъ погорѣвшія зданія Академическихъ палатъ и Обсерваторіи; въ 1755 году по порученію комиссіи Рогервикскихъ строеній составилъ проектъ деревяннаго моста чрезъ р. Волховъ; въ 1758 году онъ былъ главнымъ лицемъ въ засѣданіяхъ архитекторовъ для изслѣдованія причинъ паденія новостроющейся колокольни Вознесенской церкви. Въ 1760 году Сенатъ предписалъ Адмиралтействъ-Коллегіи, чтобы она отправила своего архитектора Чевакинскаго для исправленія поврежденій въ соборной церкви Исаакія Далматскаго. Чевакинскій, осмотрѣвъ церковь, донесъ, что ее возможно исправить не иначе, какъ разобравъ до основанія, потому что вопервыхъ, она находится весьма близко отъ берега Невы, который находясь на деревянныхъ укрѣпленіяхъ, не препятствуетъ водѣ подмывать фундаментъ; во вторыхъ, противъ алтаря церкви лежитъ адмиралтейскій докъ и выпускаемая оттуда вода также подмываетъ церковное зданіе; въ третьихъ, мнѣніе комиссіи о строеніяхъ—укрѣпить берегъ Невы деревомъ, онъ считаетъ безполезнымъ, ибо даже если употребить дикій камень, издержки будутъ велики, а пользы никакой. Мнѣніе Чевакинскаго было уважено и церковь повелѣно было разобрать, съ тѣмъ чтобы построить новую далѣе отъ берега. По указу Сената отъ 15 іюня 1761 года строителемъ ея былъ назначенъ Чевакинскій, но постройка была отложена и выполнена уже въ царствованіе императрицы Екатерины II другимъ архитекторомъ. Послѣдней извѣстной работой Чевакинскаго было устройство паркета въ новомъ Зимнемъ Дворцѣ, выстроенномъ оберъ-архитекторомъ графомъ Растрелли. Комиссія строеній поручила это дѣло самому графу, но онъ представилъ весьма дорогую смѣту. Графъ Воронцовъ, начальствовавшій Конторою строенія домовъ, усмотрѣвъ что требуемая сумма велика, отнесся въ Адмиралтействъ-Коллегію, чтобы она поручила это дѣло Чевакинскому. Коллегія исполнила это требова-

ніе и паркетъ обошелся вдвое дешевле. Въ 1762 году Чевакинскій былъ произведенъ въ полковники и ему назначено было 800 рублей жалованья. Въ 1767 году онъ подалъ прошеніе объ увольненіи его по болѣзни отъ службы и 27 марта былъ произведенъ въ оберъ-интенданты и уволенъ съ пенсіей отъ службы. Когда и гдѣ скончался Чевакинскій неизвѣстно.

«Сѣверная Пчела» 1833 г. №№ 127 и 128.—«Художественная газета» 1838 г., № 65, стр. 151—156.—Общій Морской списокъ, т. II, с. 470—471.

Петръ Полевой.

Чевати, *Александръ Степановичъ,* генералъ-лейтенантъ, родился въ 1810 г., умеръ 5 апрѣля 1869 г., происходилъ изъ дворянъ Таврической губерніи и, по окончаніи въ Царскосельскомъ Лицеѣ курса наукъ съ золотою медалью, былъ прикомандированъ въ 1828 г. къ л.-гв. Волынскому полку, а 6 декабря того же года произведенъ въ прапорщики. Во время происшедшаго въ Варшавѣ, 17 ноября 1830 г., мятежа, Чевати былъ захваченъ польскими мятежниками въ плѣнъ, изъ котораго прибылъ къ полку лишь 22 сентября 1831 г. Уволенный отъ службы въ чинѣ штабсъ-капитана, для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, съ переименованіемъ въ надворные совѣтники, онъ былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при Виленскомъ военномъ губернаторѣ и генералъ-губернаторѣ Гродненскомъ, Минскомъ и Бѣлостокскомъ, но въ 1842 г. снова поступилъ на военную службу маіоромъ и назначенъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ при Виленскомъ военномъ губернаторѣ. Произведенный въ полковники въ 1850 году, Чевати былъ назначенъ въ томъ-же году для особыхъ порученій при Виленскомъ генералъ-губернаторѣ. Съ 7 іюля по 5 декабря 1855 г. онъ занималъ должность помощника попечителя Виленскаго Учебнаго Округа, былъ затѣмъ причисленъ къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, а въ декабрѣ 1856 г. назначенъ предсѣдателемъ I-го Департамента С.-Петербургской Управы Благочинія. 17 апрѣля 1858 г. Чевати произведенъ въ генералъ-маіоры, а 12 ноября 1866 г. въ генералъ-лейтенанты съ увольненіемъ въ отставку.

Послужной списокъ въ Общемъ Архивѣ Главнаго Штаба.—Голосъ 1869 г., № 96.

А. Гернетъ.

Чевати, *Константинъ Степановичъ,* генеральный консулъ въ Ливорно, родился около 1811 г., воспитывался въ Царскосельскомъ Лицеѣ, откуда выпущенъ былъ въ 1829 г. съ чиномъ IX класса и съ награжденіемъ первою золотою медалью, и поступилъ на службу въ канцелярію Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Павловича въ Варшавѣ, по дипломатической части. Здѣсь служить ему пришлось недолго, такъ какъ вспыхнуло польское возстаніе; мятежники арестовали русскихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, въ томъ числѣ и Чевати, на ихъ квартирахъ. Когда же русскія войска вступили въ предѣлы Польши и открылись военныя дѣйствія, революціонное правительство, для уменьшенія расходовъ по содержанію плѣнныхъ, рѣшило всѣхъ гражданскихъ чиновниковъ выпроводить заграницу, въ Германію; Чевати отправился въ Берлинъ, гдѣ прикомандировался къ русскому посольству. Изъ Берлина его перевели въ Вѣну, а вскорѣ затѣмъ (въ 1832 г.) назначили помощникомъ резидента въ Краковѣ. Въ Краковѣ Чевати провелъ 20 лѣтъ. Исполняя за это время нѣсколько разъ обязанности резидента, онъ доказалъ свои дипломатическія способности. Не смотря на враждебное отношеніе жителей этого города къ нашему правительству, Чевати, строго и справедливо исполняя свои обязанности, съумѣлъ заслужить уваженіе даже самыхъ горячихъ польскихъ патріотовъ; чувство это къ нему раздѣлялъ бывшій польскій диктаторъ Хлопицкій. Съ другой стороны, намѣстникъ Царства Польскаго князь Паскевичъ лично зналъ и цѣнилъ Чевати, и даже собственноручно переписывался съ нимъ. Послѣ присоединенія Кракова къ Австрійской Имперіи, Чевати оставался тамъ еще нѣсколько лѣтъ, для приведенія въ порядокъ и окончанія дѣлъ нашей миссіи. Въ 1851 г. онъ возвратился въ Варшаву, откуда въ слѣдующемъ 1852 г. былъ назначенъ генеральнымъ консуломъ въ г. Ливорно, въ великомъ герцогствѣ Тосканскомъ, и здѣсь безотлучно провелъ ровно 10 лѣтъ, до самой смерти, послѣдовавшей 28 іюня (10 іюля н. ст.) 1862 г.

«Сѣверная Пчела», 1862 г. № 162; некрологъ.—«Journal de St-Pétersbourg» 1862 г., Lundi, 9 Juillet, № 153.—«La Patrie», 1862 г., Juillet.

В. Широковъ.

Чевкинъ, *Владиміръ Ивановичъ*, дѣйствит. стат. сов., Подольскій гражданскій губернаторъ, род. въ 1754 г., происходилъ изъ древняго дворянскаго рода. Воспитывался онъ въ Сухопутномъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ, откуда въ 1770 г. выпущенъ подпоручикомъ въ Московскій легіонъ; въ 1771 г. онъ былъ переведенъ, съ производствомъ въ поручики, въ Днѣстровскій пѣхотный полкъ и участвовалъ въ атакѣ и штурмѣ Перекопской линіи и былъ при взятіи Кафы; служа въ томъ же полку онъ участвовалъ (1772—1774 гг.) во многихъ дѣйствіяхъ противъ крымскихъ татаръ. Въ 1777 году Чевкинъ, произведенный въ секундъ-маіоры, былъ переведенъ въ Полтавскій пикинерный, а въ 1787 году—въ Стародубскій карабинерный полкъ и былъ въ польскомъ походѣ, а въ 1788 году, состоя въ передовомъ корпусѣ, былъ при занятіи Яссъ, въ 1788 г.—въ сраженіи при Салчѣ, при бомбардировкѣ Измаила и Бендеръ. Въ 1790 году онъ былъ переведенъ, съ производствомъ въ подполковники, въ Астраханскій гренадерскій полкъ и участвовалъ въ дѣлахъ противъ польскихъ конфедератовъ, а въ 1793 г., состоя уже въ чинѣ полковника,—въ Нѣжинскій карабинерный полкъ и въ 1795 г. получилъ орденъ св. Георгія 4 ст. 30 сентября 1797 г. Чевкинъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ шефомъ Ямбургскаго Кирасирскаго полка. Въ январѣ 1798 г. онъ былъ отставленъ отъ службы, но черезъ десять мѣсяцевъ снова назначенъ шефомъ того же полка. 25 января 1800 г. Чевкинъ былъ отставленъ отъ службы съ апшитомъ, а 5 мая 1801 г. назначенъ Подольскимъ гражданскимъ губернаторомъ и вскорѣ переименованъ въ дѣйств. стат. сов. Оставивъ службу въ 1809 году, Чевкинъ скончался 18 января 1831 г.

Послужной спис. въ Сенатскомъ архивѣ.— Лобановъ-Ростовскій, кн. А. Б. Русская родословная книга, 2-е изд., т. II.—Туркестановъ, князь Н. Н. Губернаторскіе Списки.

Гриневичъ.

Чевкинъ, *Константинъ Владиміровичъ*, генералъ-отъ-инфантеріи, генералъ-адъютантъ, предсѣдатель департамента экономіи Государственнаго Совѣта, сынъ предыдущаго, род. въ Каменецъ-Подольскѣ въ 1802 году. (Въ формулярѣ не означено ни точнаго года, ни мѣсяца, ни числа рожденія К. В. Чевкина, но при указаніи года окончанія курса въ Пажескомъ корпусѣ въ 1822 году сказано: на двадцатомъ году). Когда наступило время отдать мальчика въ учебное заведеніе, то онъ отправленъ былъ въ процвѣтавшій тогда въ Петербургѣ пансіонъ отцовъ-іезуитовъ, гдѣ Чевкинъ пробылъ недолго, за упраздненіемъ въ 1816 году пансіона. Отданный затѣмъ въ Пажескій корпусъ, Константинъ Владиміровичъ занялъ первое мѣсто въ числѣ отличнѣйшихъ воспитанниковъ и, достигнувъ камеръ-пажа, былъ фельдфебелемъ корпуса. На выпускномъ экзаменѣ онъ оказался первымъ по наукамъ и, 31 марта 1822 года, вступилъ на службу прапорщикомъ въ гвардейскій генеральный штабъ. Прикомандированный сначала къ военно-топографическому депо, для упражненія и усовершенствованія въ картографическихъ работахъ, онъ уже черезъ четыре мѣсяца былъ переведенъ въ гвардейскій корпусъ, при штабѣ котораго въ теченіи четырехъ лѣтъ занималъ должность начальника квартирмейстерскаго отдѣленія. Во время нахожденія въ этомъ званіи, Чевкинъ впервые имѣлъ случай выказать свои замѣчательныя способности къ практической дѣятельности, принимая участіе въ военномъ обозрѣніи Тверской губерніи (съ 9 марта по 8 октября 1823 г.). Управляя квартирмейстерскимъ отдѣленіемъ штаба гвардейскаго корпуса, Чевкинъ до такой степени былъ заваленъ текущею перепискою, что ему почти не оставалось времени для участія въ жизни современнаго общества и для занятій чѣмъ либо постороннимъ. Въ началѣ февраля 1827 года ему пришлось на время оставить обычныя свои занятія. Внезапно возгорѣлась война съ Персіею, и одновременно съ этимъ появились доносы на командовавшаго нашими войсками на Кавказѣ, извѣстнаго А. П. Ермолова, котораго обвиняли въ различныхъ, якобы, упущеніяхъ и котораго старались даже выставить виновникомъ помянутой войны. Для изслѣдованія основательности этихъ доносовъ, а равно и для разбора пререканій, возникшихъ между Ермоловымъ и генераломъ Паскевичемъ, начальствовавшимъ частію войскъ, противопоставленныхъ персіянамъ, командированъ былъ въ Грузію

начальникъ главнаго штаба Е. И. В-ва баронъ (впослѣдствіи графъ) Иванъ Ивановичъ Дибичъ. Нуждаясь, при выполненіи возложеннаго на него затруднительнаго и щекотливаго порученія, въ надежномъ сотрудникѣ, Дибичъ выбралъ для этого Чевкина, съ которымъ, въ февралѣ 1827 года, и отправился въ Тифлисъ. По возвращеніи, вмѣстѣ съ начальникомъ своимъ, изъ означенной командировки, въ маѣ того же года, Чевкинъ, не болѣе какъ черезъ мѣсяцъ, получилъ приказаніе состоять при генералъ-квартирмейстерѣ главнаго штаба графѣ Сухтеленѣ, отправлявшемся въ Кавказскій отдѣльный корпусъ, назначенный для военныхъ дѣйствій противъ персіянъ.

Съ этого времени начинается боевое поприще Чевкина.

Впервые вступившій здѣсь на настоящее поприще военнаго человѣка, Чевкинъ съ честью выдержалъ эти начальные опыты, этотъ основной закалъ боевой жизни, участвуя во многихъ встрѣчахъ съ врагомъ. 2 іюля 1827 г., находясь въ отрядѣ генерала Красовскаго, онъ въ первый разъ попалъ въ огонь, въ дѣлѣ противъ кавалеріи Гассанъ-хана при д. Джангили, на рѣчкѣ Абарани, — дѣлѣ, окончившемся бѣгствомъ персіянъ въ ущелья близъ горы Алагезъ, а съ 10-го по 17-е сентября находился при войскахъ Паскевича, подступившихъ къ крѣпости Сардаръ-Абаду; здѣсь, въ качествѣ офицера генеральнаго штаба, онъ производилъ рекогносцировку непріятельскихъ укрѣпленій, присутствовалъ при открытіи траншей и, за оказанныя при этомъ храбрость и усердіе, былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ. Въ концѣ сентября того же года, находясь, вмѣстѣ съ непосредственнымъ начальникомъ своимъ, графомъ Сухтеленомъ, въ главномъ отрядѣ Паскевича, онъ принималъ участіе въ осадѣ и взятіи Эривани,—послѣдняго оплота персіянъ въ горахъ Арменіи, а затѣмъ въ походѣ на Тавризъ и при занятіи этого города русскимъ отрядомъ. Когда устрашенное грознымъ наступленіемъ нашихъ войскъ персидское правительство изъявило готовность къ заключенію мира, то для предварительныхъ переговоровъ посланъ былъ изъ Тавриза въ Дейкарганъ графъ Сухтеленъ. Чевкинъ находился въ числѣ лицъ его сопровождавшихъ и, по опредѣленіи мирныхъ условій, отправленъ былъ, 26-го ноября, съ донесеніемъ объ этомъ къ Государю.

По возвращеніи въ Петербургъ, Чевкинъ снова былъ назначенъ состоять при начальникѣ главнаго штаба И. И. Дибичѣ, который вполнѣ успѣлъ оцѣнить его обширныя способности и усердіе, и съ этихъ поръ старался постоянно имѣть его при себѣ. Между тѣмъ, отношенія наши къ Турціи, становившіяся все болѣе и болѣе натянутыми, къ 1828 году кончились полнымъ разрывомъ. Императоръ Николай Павловичъ пожелалъ самъ принять участіе въ открывавшейся кампаніи и, 25-го апрѣля, выѣхалъ изъ Петербурга къ арміи князя Витгенштейна, сосредоточенной на р. Прутѣ и готовившейся вступить въ турецкіе предѣлы. За двѣнадцать дней до отбытія Государя изъ столицы, отправленъ былъ въ Дунайскую армію графъ Дибичъ, съ инструкціями и приказаніями объ открытіи военныхъ дѣйствій. Уѣзжая туда, онъ взялъ съ собою Чевкина, которому, такимъ образомъ, пришлось присутствовать при переходѣ нашихъ войскъ черезъ р. Прутъ, у. д. Водолуй-Исаки. Отсюда 7-й корпусъ, состоявшій подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Воинова, направленъ былъ къ Браилову и приступилъ къ осадѣ этой крѣпости. Осадою, какъ извѣстно, руководилъ великій князь Михаилъ Павловичъ. Чевкинъ находился здѣсь съ 2-го по 20-е мая, а затѣмъ отправленъ былъ къ войскамъ 3-го корпуса и принималъ участіе въ переправѣ ихъ черезъ Дунай, у м. Сатунова, 27-го мая. Переправа эта, совершавшаяся въ присутствіи самаго Императора, окончена была блистательно: войска, громимыя сильными непріятельскими батареями, соперничали между собою въ отвагѣ и самоотверженіи; начальники и солдаты жаждали отличиться въ этой первой схваткѣ съ врагомъ. Среди столь многихъ храбрыхъ, Чевкинъ былъ замѣченъ самимъ Государемъ, который тогда же, на самомъ мѣстѣ гдѣ происходило дѣло, лично удостоилъ его назначеніемъ къ себѣ во флигель-адъютанты.

Послѣ переправы русскихъ войскъ черезъ Дунай, авангардъ 3-го корпуса, ввѣренный начальству генерала Ридигера, двинулся къ крѣпости Кюстенджи. Главная

квартира Государя, при которой теперь находился Чевкинъ, послѣдовала за авангардомъ генерала Ридигера, а затѣмъ была перенесена къ Іенибазару, въ окрестности Шумлы, осажденной нашими войсками.

Чевкинъ все время оставался при главной квартирѣ, подъ Шумлою, принимая участіе въ большинствѣ военныхъ дѣйствій, происходившихъ подъ стѣнами этой крѣпости, а 27-го августа отправленъ былъ съ донесеніемъ къ Государю, уже возвратившемуся изъ временной отлучки въ Одессу къ войскамъ, осаждавшимъ Варну, — гдѣ, до прибытія начальника главнаго штаба, прикомандированъ былъ къ особѣ Его Величества, для военной переписки.

Пребываніе его тутъ не было посвящено, однако, исключительно письменнымъ занятіямъ. Нѣсколько разъ приходилось мѣнять перо на шпагу. 15-го и 16-го сентября, во время дѣйствій противъ турецкихъ корпусовъ Омера-Вріоне и Али-паши, при Гаджи-Гассанъ-Ларѣ, а равно при взятіи приступомъ приморскаго бастіона, 25-го сентября, Чевкинъ находился въ рядахъ сражавшихся войскъ.

Послѣ покоренія Варны, Чевкинъ, оставленный при графѣ Дибичѣ, управлялъ его походною канцеляріею и вмѣстѣ съ нимъ отправился къ войскамъ, осаждавшимъ Силистрію. Дождливая и холодная погода, разрушительно вліявшая на войска, заставила графа Витгенштейна отказаться отъ дальнѣйшей осады и отступить въ Дунайскія княжества. Отступленіе отъ крѣпости произведено было, относительно говоря, довольно благополучно, вслѣдствіе разумныхъ мѣръ, принятыхъ графомъ Дибичемъ, съ которымъ Чевкинъ, 17-го ноября, прибылъ въ Яссы, а въ исходѣ того же мѣсяца вернулся въ Петербургъ.

Кампанія 1828 г., кромѣ званія флигель-адъютанта, доставила Чевкину два чина за отличіе: будучи подъ Шумлою въ чинѣ штабсъ-капитана, онъ былъ произведенъ въ капитаны, а подъ Варною—въ полковники.

При наступленіи зимы, военныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ хотя не были окончательно прекращены, но производились въ не столь обширныхъ размѣрахъ. Войска, послѣ тяжелой кампаніи и значительныхъ потерь, нуждались въ отдыхѣ и укомплектованіи; къ тому же и самъ главнокомандующій, графъ Витгенштейнъ, недовольный ходомъ дѣлъ, просилъ объ увольненіи его, за разстройствомъ здоровья, отъ начальствованія надъ дѣйствующею арміею. Прошеніе его было принято и главнокомандующимъ назначенъ графъ Дибичъ, который, въ началѣ февраля 1829 г., отправился къ расположеннымъ въ Молдавіи и Валахіи войскамъ, взявъ съ собою своего надежнаго и теперь уже неразлучнаго сотрудника, Чевкина. По прибытіи, 15-го февраля, въ Яссы, Дибичъ занялся приготовленіями къ новому походу. На долю Чевкина досталось при этомъ, конечно, не мало работы.

Кампанія 1829 года открылась движеніемъ главныхъ силъ нашихъ къ Силистріи, въ окрестности которой онѣ и прибыли 5-го мая. Здѣсь, построенные русскими войсками во время предшествовавшей осады, редуты оказались занятыми непріятелемъ, который воспользовался ими для усиленія своей передовой оборонительной линіи. Графъ Дибичъ немедленно сдѣлалъ распоряженіе для изгнанія оттуда турецкихъ войскъ и оттѣсненія ихъ въ самую крѣпость. Аттака, поведенная съ разныхъ сторонъ нашими штурмовыми колоннами, не смотря на упорное сопротивленіе турокъ, увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: непріятель принужденъ былъ отступить въ свои внутренніе окопы и, вслѣдъ за тѣмъ, крѣпость была обложена со всѣхъ сторонъ. Чевкинъ, находившійся при войскахъ, овладѣвшихъ передовыми укрѣпленіями, до 24-го мая оставался подъ стѣнами Силистріи, противъ которой повелась теперь правильная и настойчивая осада.

Въ послѣднихъ числахъ мая великій визирь Решидъ-паша, съ сорокатысячною арміею, вышелъ изъ Шумлы, намѣреваясь разбить стоявшіе между нею и Силистріею русскіе отряды и заставить нашего главнокомандующаго снять осаду послѣдней крѣпости. Получивъ объ этомъ извѣстіе, графъ Дибичъ рѣшился самъ идти ему на встрѣчу, оставивъ подъ Силистріею лишь необходимый для продолженія осады корпусъ войскъ, который ввѣренъ былъ имъ начальству генерала Красовскаго.

30-го мая 1829 г. произошла блистательная для насъ встрѣча съ непріятельскою арміею подъ Кулевчею, гдѣ турки были совершенно разбиты и потеряли почти всю артиллерію. При преслѣдованіи ихъ,

отряды генераловъ Рота и князя Мадатова заняли съ боя нѣсколько редутовъ впереди самой Шумлы и, затѣмъ, главная квартира графа Дибича перенесена была въ с. Инжикіой, находящееся въ окрестностяхъ означенной крѣпости. Чевкинъ, состоя при главнокомандующемъ, участвовалъ въ этомъ славномъ дѣлѣ и, затѣмъ, въ сшибкѣ 29-го іюня, при одной изъ вылазокъ Шумлянскаго гарнизона. Во время переправы черезъ р. Камчикъ и при достопамятномъ переходѣ Балканскихъ горъ, равно какъ и при занятіи Адріанополя, онъ постоянно находился при графѣ Дибичѣ и, такимъ образомъ, былъ участникомъ всѣхъ наиболѣе выдающихся событій турецкой кампаніи 1828—1829 годовъ. По заключеніи мира съ Оттоманскою Портою, Чевкинъ былъ отправленъ (5-го сентября) графомъ Дибичемъ въ Петербургъ, къ Государю, съ донесеніемъ о счастливомъ окончаніи войны. Заслуги Чевкина во время кампаній въ Европейской Турціи были щедро награждены Императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Кромѣ нѣсколькихъ полученныхъ прежде отличій, онъ пожалованъ былъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени и единовременною денежною наградою въ 4.000 червонцевъ; а менѣе нежели черезъ мѣсяцъ послѣ этого, за привезенное имъ извѣстіе о заключеніи мирныхъ условій,—арендою въ 1.000 руб. на 12 лѣтъ.

Вскорѣ по возвращеніи въ Петербургъ, Чевкинъ вступилъ въ бракъ съ фрейлиною графинею Екатериною Ѳоминичною Томатисъ. Въ маѣ 1830 года, Чевкинъ вслѣдствіе сильно разстроеннаго здоровья нашелся вынужденнымъ просить Государя о заграничномъ отпускѣ. Деликатность Чевкина заставила его, однако, поставить вопросъ объ этомъ такъ, чтобы милостями Государя ему не пришлось пользоваться даромъ, но чтобы, по мѣрѣ силъ своихъ, употребить и время отпуска на пользу государственную.

Просьба Чевкина была удовлетворена совершенно согласно его желаніямъ. Какъ разъ въ означенное время представился и удобный къ тому случай. Воспослѣдовавшая кончина великаго герцога Баденскаго Людвига могла (какъ предвидѣлъ Государь) вызвать пререканія между его наслѣдникомъ и Баварскимъ правительствомъ, по случаю притязаній послѣдняго на часть Баденскихъ земель. На Чевкина возложено было офиціальное порученіе поздравить новаго великаго герцога съ вступленіемъ на престолъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ конфиденціально, ему поручено было стараться устранять все, что могло бы возбудить распри и неудовольствія между помянутыми германскими дворами и склонять великаго герцога Баденскаго къ уступчивости, тамъ, гдѣ Баварія имѣла неоспоримыя права. При отправленіи Чевкина заграницу ему вручена была соотвѣтствующая его порученію инструкція отъ тогдашняго министра иностранныхъ дѣлъ, графа Нессельроде; въ концѣ инструкціи этой приписано было слѣдующее:

«По окончаніи вашего порученія, Его Императорское Величество уполномочиваетъ васъ, милостивый государь, продлить свое пребываніе за границею для того, чтобы употребить всѣ способы къ поправленію вашего здоровья. Желая доставить вамъ къ этому средства и предполагая, что вамъ придется пользоваться водами на югѣ Франціи, Его Императорское Величество соизволилъ назначить вамъ, сверхъ вашего военнаго содержанія, ежегодный окладъ въ двѣ тысячи рублей и назначилъ васъ состоять при посольствѣ въ Парижѣ. Графъ Поццо-ди-Борго увѣдомляется объ этомъ въ прилагаемомъ къ сему письмѣ, которое вы, милостивый государь, соблаговолите вручить ему. Если, во время пребыванія вашего во Франціи, вамъ представится случай собрать нѣкоторыя свѣдѣнія объ организаціи французской арміи, а равно и обо всемъ, касающемся военнаго дѣла, то Его Императорское Величество съ удовольствіемъ приметъ эти сообщенія. Онъ совѣтуетъ вамъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ крайне осмотрительно, сообразуясь при изслѣдованіяхъ вашихъ съ совѣтами и указаніями нашего посланника, сообщая ему полученные результаты и, въ особенности, не предпринимая ничего, не получивъ его одобренія».

Согласно данному ему порученію, Чевкинъ, въ маѣ 1830 г., отправился въ Карлсруэ, гдѣ дипломатическую свою миссію окончилъ вполнѣ удачно и заслужилъ этимъ новое Высочайшее одобреніе, выраженное ему черезъ помощника Нессельроде, князя Ливена, въ письмѣ отъ 18-го августа 1830 года. Едва успѣлъ Чевкинъ окончить свое дипломатическое порученіе

въ Карлсруэ и съѣздить въ Парижъ, куда тѣмъ временемъ прибыла къ нему и супруга его, какъ получилъ Высочайшее повелѣніе—отправиться въ Берлинъ и состоять при графѣ Дибичѣ-Забалканскомъ, посланномъ къ Прусскому королю для переговоровъ относительно расположенія русско-прусской обсерваціонной арміи на Рейнѣ, въ виду возможности столкновеній съ новымъ правительствомъ Франціи. Въ Берлинѣ онъ оставался около трехъ мѣсяцевъ и только въ декабрѣ 1830 года могъ уѣхать въ Парижъ для выполненія возложенныхъ на него порученій по военной агентурѣ. Что здѣсь онъ тоже не предавался отдыху доказательствомъ тому служитъ пространная записка о военныхъ силахъ Франціи, привезенная имъ, въ февралѣ 1831 года, въ Петербургъ и представленная имъ Государю, передъ отъѣздомъ къ дѣйствующей арміи, въ Польшу. Пробывъ въ Парижѣ около двухъ мѣсяцевъ, Чевкинъ снова былъ вытребованъ въ Россію, опять брошенъ въ тревоги и труды боевой жизни. Разразилась варшавская революція; войска наши съ разныхъ сторонъ вступали въ польскіе предѣлы. Графъ Дибичъ-Забалканскій, отъѣзжая изъ Петербурга, просилъ Государя о немедленномъ вызовѣ Чевкина и прикомандированіи его къ главной квартирѣ дѣйствующей арміи. Изъ этого видно, на сколько важнымъ и полезнымъ лицомъ считалъ его фельдмаршалъ.

Здоровье Чевкина на столько, повидимому, уже поправилось, что не воспрепятствовало ему принимать участіе въ открывшейся кампаніи, до самаго окончанія оной.

Во всѣхъ передвиженіяхъ войскъ нашихъ между Вепржемъ и Вислою, и дѣлахъ у Куфлева и мѣст. Минска Чевкинъ принималъ участіе и на него были возлагаемы фельдмаршаломъ разныя довѣренныя порученія; при движеніи же главной арміи нашей на соединеніе съ гвардейскимъ корпусомъ, онъ находился въ авангардѣ, предводимомъ генераломъ графомъ де-Виттомъ, и участвовалъ въ дѣлѣ при м. Нурѣ, кончившемся совершеннымъ пораженіемъ польскаго отряда Лубенскаго, а затѣмъ—и въ кровавомъ бою подъ Остроленкою, гдѣ были на голову разбиты главныя силы непріятеля, состоявшія подъ начальствомъ Скржинецкаго.

Успѣхи военныхъ дѣйствій въ Польшѣ далеко, однако, не соотвѣтствовали общимъ ожиданіямъ и Императоръ Николай Павловичъ рѣшился замѣнить графа Дибича фельдмаршаломъ графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ. Пораженный извѣстіемъ о назначеніи новаго главнокомандующаго арміею, Дибичъ подвергся сильному припадку свирѣпствовавшей въ эту эпоху холеры, которая въ нѣсколько часовъ унесла его въ могилу. Чевкинъ до послѣдней минуты не оставлялъ одра болѣзни своего начальника и друга; на его рукахъ, какъ онъ самъ разсказывалъ, Дибичъ и скончался. Сильнаго и неизмѣннаго покровителя лишился въ покойномъ фельдмаршалѣ Чевкинъ; но онъ не принадлежалъ къ числу людей державшихся одною протекціею и уже достаточно проявилъ свои многостороннія способности и блестящія качества для того, чтобы, съ перемѣною начальствующихъ лицъ, сохранить за собою свое почетное положеніе. Съ прибытіемъ новаго главнокомандующаго, онъ оставался при немъ, — вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, — на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и при Дибичѣ. Находясь въ составѣ главной квартиры, онъ участвовалъ въ переправѣ нашей арміи черезъ Вислу, у Осѣка, при движеніи ея къ Варшавѣ, въ авангардныхъ дѣлахъ при Неборовѣ (24-го іюля) и Болимовѣ (2-го августа), а также въ разныхъ рекогносцировкахъ и стычкахъ подъ стѣнами Варшавы. 25-го и 26-го августа 1831 г., во время кровавыхъ штурмовъ варшавскихъ укрѣпленій, Чевкинъ находился въ рядахъ солдатъ и, вмѣстѣ съ ними, 27-го августа, вступилъ въ покоренный городъ. Затѣмъ, съ 15-го по 28-е сентября онъ находился въ походѣ въ воеводствѣ Плоцкомъ, въ преслѣдованіи и оттѣсненіи въ предѣлы прусскіе остатковъ польской арміи; потомъ, при занятіи крѣпости Модлина и обратномъ движеніи въ Варшаву, откуда, въ исходѣ сентября, отправленъ былъ съ донесеніемъ въ С.-Петербургъ. Во время польскаго похода умѣньемъ Чевкина владѣть перомъ пользовались столько же, какъ и его военными способностями. Такъ, напримѣръ, обширная и замѣчательно обстоятельная реляція о штурмѣ и покореніи Варшавы вся написана была имъ и подверглась лишь незначительнымъ измѣненіямъ.

За заслуги, оказанныя въ продолженіе польской кампаніи, Чевкинъ пожалованъ былъ вновь арендою (на 12 лѣтъ по 1.000 руб. ежегодно), орденомъ св. Станислава 2-й степ., со звѣздою, и чиномъ генералъ-маіора, съ назначеніемъ въ свиту Его Величества.

Свѣдѣнія собранныя Чевкинымъ о французской арміи, во время пребыванія въ Парижѣ, доказали основательность его познаній и способность къ такого рода занятіямъ, а потому, по окончаніи военныхъ дѣйствій, ему Высочайше повелѣно было снова отправиться въ Парижъ. Обширныхъ размѣровъ укрѣпленія, по мысли Тьера возводимыя вокругъ столицы, видимо интересовали Государя и, потому, Чевкину поручено было обратить особенное вниманіе на эти фортификаціонныя работы, не выпуская, конечно, изъ виду и другихъ интересныхъ въ военномъ отношеніи предметовъ. Свѣдѣнія, доставлявшіяся Чевкинымъ, были столь полны и занимательны, что Государь оставался вполнѣ доволенъ ими. Свидѣтельствомъ тому служитъ слѣдующее письмо къ Чевкину отъ управляющаго главнымъ штабомъ, графа А. И. Чернышева (15-го апрѣля 1832 г.). (Переводъ съ французскаго). «Ваше превосходительство. Съ величайшимъ удовольствіемъ получилъ я ваши депеши отъ 24-го января, 26-го февраля и 15-го марта сего года, и имѣлъ счастіе представлять ихъ Его Императорскому Величеству, который изволилъ прочесть ихъ съ большимъ вниманіемъ. Его Величество поручилъ мнѣ выразить вамъ свое полное удовольствіе по этому поводу и просить васъ такъ же ревностно продолжать свои изслѣдованія, имѣющія цѣлью дополнить тѣ свѣдѣнія, которыя мы уже имѣемъ о всемъ касающемся военной организаціи Франціи, оборонительныхъ укрѣпленій, возводимыхъ въ окрестностяхъ Парижа, и новыхъ открытій въ области военнаго искусства». Одно изъ замѣчательнѣйшихъ донесеній Чевкина, въ 1832 г., касалось солдатскаго ружья, заряжающагося съ казенной части и не имѣющаго ни шомпола, ни замка. Изобрѣтатель этого ружья нѣкто Роберъ (Robert.), заявляя, что ружье это обходится дешевле обыкновеннаго, прочно, легко, удобно чистится и, при малѣйшемъ навыкѣ въ обращеніи съ нимъ, можетъ дать до 12 выстрѣловъ въ минуту,—предлагалъ продать свой секретъ нашему правительству. Графъ Чернышевъ, за неимѣніемъ какихъ либо болѣе подробныхъ свѣдѣній, предложилъ Чевкину войти въ непосредственныя сношенія съ изобрѣтателемъ, находившимся въ Парижѣ, и сообщить о помянутомъ ружьѣ свое мнѣніе. Это и было исполнено. Затѣмъ дальнѣйшимъ комментаріемъ къ судьбѣ, постигшей въ Россіи это изобрѣтеніе, можетъ служить сдѣланная на отношеніи графа Чернышева, отъ 5-го января 1832 г., слѣдующая собственноручная помѣтка Чевкина: — «Писано графу Чернышеву 1-го (13-го) мая 1832 г., тоже 7-го (19-го) мая, № 246». Затѣмъ карандашемъ писано Чевкинымъ, уже въ іюнѣ 1875 г., слѣдующее:—«И посланъ полный Mémoire sur le fusil Robert, оставленный, не смотря на мои настоянія, безъ должнаго вниманія. Этимъ армія наша устранила себя на четверть столѣтія отъ пути улучшеннаго оружія, по которому достигаетъ цѣли лишь нынѣ, издержавъ десятокъ милліоновъ рублей».

По возвращеніи, въ 1832 году, изъ Парижа, Чевкинъ, пріобрѣвшій уже значительную опытность какъ въ теоретической, такъ и въ практической части военнаго дѣла, назначенъ былъ членомъ комитета, занимавшагося важными вопросами по пересмотру «Учрежденія о большой дѣйствующей арміи». На сколько сужденія Чевкина и здѣсь принимаемы были во вниманіе, доказывается тѣмъ, что при пререканіяхъ, возникшихъ по вопросу: кому, въ случаѣ смерти или внезапной болѣзни главнокомандующаго, слѣдуетъ временно вступать въ его права?—мнѣніе Чевкина, (онъ полагалъ, что въ такомъ случаѣ мѣсто главнокомандующаго долженъ временно заступить начальникъ главнаго штаба арміи, а не старшій изъ корпусныхъ командировъ; мнѣніе это онъ подкрѣплялъ весьма основательными и вѣскими доводами), противъ котораго, за исключеніемъ одного лишь члена (начальникъ штаба гвардейскаго корпуса, генералъ Веймарнъ) стоялъ весь комитетъ, было, однако, утверждено Государемъ. Участіе Чевкина въ занятіяхъ означеннаго комитета продолжалось не долго. Въ концѣ того же 1832-го года, до свѣдѣнія правительства дошли извѣстія о политическомъ заговорѣ нѣкоторыхъ грузинскихъ князей и дворянъ. Хотя рѣшительные и дѣятель-

ные розыски начальствовавшаго войсками на Кавказѣ, барона Розена, удостовѣряли, что революціонные замыслы помянутыхъ лицъ вовсе не раздѣляются большинствомъ грузинскаго дворянства,—но Императоръ Николай Павловичъ, признавая эти замыслы важными не столько по послѣдствіямъ, которые они могли имѣть, сколько потому, что и въ такомъ отдаленномъ краѣ стала обнаруживаться наклонность къ переворотамъ, находилъ необходимымъ: строжайшимъ и подробнѣйшимъ изслѣдованіемъ привести въ точную извѣстность тайныя связи этихъ людей, способы, коими они дѣйствовать полагали, и самыя причины, побудившія ихъ къ противу-государственнымъ намѣреніямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Императоръ желалъ знать, «не состоитъ-ли частное покушеніе грузинъ въ связи съ какимъ либо особымъ злонамѣреннымъ предпріятіемъ, внутреннимъ или внѣшнимъ. Для вящшаго же утвержденія грузинскаго дворянства въ чувствахъ преданности, Государь призналъ не безполезнымъ воспользоваться предстоявшимъ общимъ собраніемъ сего дворянства въ Тифлисѣ, дабы удостовѣрить оное, черезъ нарочно присланнаго отъ Его Величества генерала, въ постоянномъ Высочайшемъ благоволеніи за вѣрность и усердіе къ престолу, оказанныя какъ въ семъ, такъ и во многихъ другихъ случаяхъ.» Изъ числа лицъ, считавшихся вполнѣ способными исполнить означенныя Высочайшія предначертанія, выборъ палъ на Чевкина. Его проницательность и житейскій тактъ могли служить тому ручательствомъ. Представленная Чевкинымъ всеподданнѣйшая записка о правилахъ, какими онъ предполагалъ руководствоваться при производствѣ порученнаго ему слѣдствія,—кромѣ новаго доказательства разумности и основательности его соображеній, свидѣтельствуетъ и о гуманности его чувствъ. Записка эта, по ея прочтеніи, была вполнѣ одобрена Государемъ. Результатомъ поѣздки Чевкина въ Тифлисъ Государь остался тоже весьма доволенъ и, за отличное исполненіе порученія, пожаловалъ ему, 6-го іюня 1833 г., орденъ св. Станислава 1-й степени.

Вскорѣ К. В. Чевкинъ былъ призванъ къ новой дѣятельности. Въ 1834 году послѣдовала весьма важная реформа въ высшей горной администраціи, а именно: образованіе корпуса Горныхъ Инженеровъ, при чемъ эта реформа была проведена при самомъ дѣятельномъ непосредственномъ участіи Императора Николая I; всѣ проекты, всѣ записки, относившіеся къ этому дѣлу, разсматривались и собственноручно исправлялись Государемъ. Корпусъ Горныхъ Инженеровъ учреждался для завѣдыванія распорядительною и искусственною частями горнаго, монетнаго и соляного производствъ. Министръ Финансовъ назначенъ главноначальствующимъ означеннымъ корпусомъ, а затѣмъ вскорѣ переименованъ въ главноуправляющаго, а начальникомъ штаба былъ назначенъ, 9 апрѣля 1834 года, по личному выбору Императора Николая I, К. В. Чевкинъ, бывшій главнымъ сотрудникомъ Государя при произведенныхъ преобразованіяхъ.

Чевкинъ съ необыкновенною энергіею посвятилъ себя новому дѣлу. Такъ какъ начальникъ штаба, на основаніи закона и данной ему инструкціи, долженъ былъ заботиться о положеніи заводовъ и, вообще, стараться объ улучшеніи горной части, то Чевкинъ нѣсколько разъ объѣзжалъ горные округа, посвящая такимъ объѣздамъ продолжительное время. Съ 6 по 22 марта 1835 г. посвящено имъ обозрѣнію Олонецкихъ заводовъ; съ 31 мая 1835 г. по 7 апрѣля 1836 г.—осмотру Уральскихъ и Сибирскихъ горныхъ заводовъ; съ 17 іюня по 25 октября 1838 г. Чевкинъ обозрѣвалъ Луганскій горный округъ и Старорусскіе и Крымскіе соляные промыслы; съ 6 іюня по 23 октября 1843 г. онъ былъ командированъ для осмотра горныхъ и соляныхъ промысловъ южной Россіи.

При этихъ объѣздахъ Чевкинъ вникалъ во всѣ подробности техники и заводскаго хозяйства; заботился о заготовленіи и удешевленіи провіанта на заводахъ, въ особенности на Нерчинскихъ, что имѣло огромное вліяніе на положеніе и бытъ рабочихъ, а также радѣлъ о распространеніи просвѣщенія, устраивая школы для дѣтей рабочихъ и для семействъ горныхъ чиновниковъ: такъ домъ Екатеринбургскаго Горнаго Училища былъ имъ расширенъ и самое устройство этого заведенія получило надлежащее развитіе. Кромѣ осмотра русскихъ заводовъ К. В. Чевкинъ осматривалъ иностранные горные заводы куда былъ командированъ также на про-

должительное время. Одна командировка продолжалась съ августа по ноябрь 1831 года, а вторая съ мая по декабрь 1840 года. Столь близкое знакомство съ современнымъ состоянiемъ горнаго дѣла, какъ въ Россiи, такъ и заграницею доставило ему надлежащiй авторитетъ въ вопросахъ горнаго хозяйства и всѣ представленiя Чевкина объ ассигнованiи значительныхъ суммъ на улучшенiе горныхъ заводовъ были постоянно удовлетворяемы. Въ 1837 году при корпусѣ горныхъ инженеровъ учрежденъ Горный Аудиторiатъ, въ который должны были поступать на окончательную ревизiю всѣ военно-суд- ныя и слѣдственныя дѣла, вносившiяся до того времени въ Горный Судъ Д-та Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ, а изъ послѣдняго входившiя въ Совѣтъ Корпуса Горныхъ Инженеровъ. Изданное въ 1838 году положенiе о частныхъ золотыхъ прiискахъ въ Сибири содѣйствовало увеличенiю добычи золота въ этомъ отдаленномъ и малонаселенномъ краѣ.

Выдающеюся была дѣятельность Чевкина и по Горному Институту, который былъ преобразованъ одновременно съ преобразованiемъ Горнаго управленiя. Инцiатива этого преобразованiя исходила отъ Императора Николая Павловича и основанiя его были изложены въ запискѣ, присланной Государемъ Министру Финансовъ въ ноябрѣ 1833 г. Записка эта была слѣдующаго содержанiя: «При предполагаемомъ преобразованiи всего Горнаго Корпуса въ Корпусъ Горныхъ Инженеровъ, съ мундиромъ на подобiе военнаго, какъ сiе уже существуетъ въ Корпусѣ Инженеровъ Путей Сообщенiя, — нахожу приличнымъ устроить и бывшiй Горный Кадетскiй Корпусъ, что нынѣ Горный Институтъ, на подобiе Института Путей Сообщенiя, давъ оному равномѣрно военное образованiе. Горному Институту состоять впредь: 1) изъ офицерскихъ классовъ и 2) изъ кондукторской роты». Новое устройство Горнаго Института придало ему военный характеръ и онъ подошелъ къ уровню остальныхъ военно-учебныхъ заведенiй. Вездѣ старались ввести строгую военную дисциплину; на воинскiя упражненiя воспитанниковъ обращено особенное вниманiе и значительная часть времени посвящалась приготовленiямъ къ разводамъ и парадамъ. Кадетамъ вообще не нравились эти военныя упражненiя, особенно строгое обращенiе съ ними военныхъ и что имъ говорили «ты», такъ что не мало потребовалось труда, чтобы уладить непрiятныя отношенiя, явившiяся въ началѣ между кадетами и ихъ военными учителями. Императоръ Николай Павловичъ живо интересовался преобразованiемъ Горнаго Института и, въ началѣ 1834 года, бывалъ въ немъ еженедѣльно, причемъ внимательно осматривалъ всѣ части института, ходилъ по классамъ и присутствовалъ на лекцiяхъ. Первое распредѣленiе воспитанниковъ по ротамъ было сдѣлано самимъ Императоромъ, который прiѣхалъ въ Институтъ 17 февраля 1834 года, вмѣстѣ съ Чевкинымъ, и лично распредѣлилъ воспитанниковъ по ротамъ, назначилъ унтеръ-офицеровъ и фельдфебелей. Вообще, съ февраля по май 1834 года, Императоръ былъ семь разъ въ Институтѣ и не переставалъ входить во всѣ подробности совершаемаго преобразованiя. Такъ какъ преобразованiе Института шло успѣшно, то Государь былъ очень доволенъ и въ одно изъ своихъ посѣщенiй, именно 24 мая 1834 года, изволилъ всѣхъ поблагодарить и уѣзжая сказалъ: «наконецъ то я всѣ корпуса привелъ къ одному знаменателю».

К. В. Чевкинъ дѣятельно принялся за управленiе Горнымъ Институтомъ, постоянно его посѣщалъ и съ удивительнымъ вниманiемъ вникалъ во всѣ дѣла; ничто не ускользало отъ его взора: онъ все зналъ и всѣмъ руководилъ. Благодаря ему, содержанiе кадетъ было еще болѣе улучшено и учебная часть усовершенствована. Особенное вниманiе онъ обратилъ на преподаванiе спецiальныхъ предметовъ и иностранныхъ языковъ, такъ какъ, по его мнѣнiю, хорошимъ горнымъ инженеромъ можетъ быть только тотъ, кто имѣетъ возможность слѣдить за успѣхами горнозаводскихъ наукъ за-границею. Внимательно слѣдя за системой и объемомъ преподаванiя, онъ постоянно присутствовалъ на экзаменахъ и во время его управленiя программы преподаваемыхъ предметовъ были значительно расширены, а экзамены производились такъ строго, что надо было отлично знать горныя науки, чтобы получить званiе горнаго инженера, которое онъ старался возвысить. Благодаря ему многiе горные инженеры посланы за-границу для усовершенствованiя въ горнозаводскихъ наукахъ.

Особенное же вниманіе онъ обращалъ на правильность занятій геологіей и старался, чтобы наши геологи слѣдовали пути болѣе наблюдательному и практическому, чѣмъ это было прежде; вслѣдствіе сего преподаваніе минералогіи, геологіи, палеонтологіи въ Институтѣ было совершенно преобразовано и направлено преимущественно къ приготовленію спеціалистовъ по этимъ предметамъ. К. В. Чевкинъ оказалъ особенную услугу геологіи Россіи посылкою русскихъ окаменѣлостей въ Берлинъ къ Леопольду фонъ-Буху, который опубликованіемъ въ 1840 г. сочиненія: «Beiträge zur Bestimmung der Gebirgsformationen in Russland» положилъ краеугольный камень для изученія осадочныхъ формацій Россіи. Нельзя также забыть и того участія, которое принялъ К. В. Чевкинъ при сформированіи многознаменательной экспедиціи гг. Мурчисона, де-Вернейля и графа Кейзерлинга, столь богатой своими результатами и доставившей много матеріаловъ для познанія геологическаго строенія Россіи. Въ музеумѣ Института К. В. Чевкинымъ положено основаніе новымъ обширнымъ коллекціямъ горныхъ породъ и окаменѣлостей, какъ изъ русскихъ, такъ и изъ иностранныхъ мѣстностей, а минеральное собраніе того же музеума, благодаря заботливости его, обогатилось превосходными и рѣдкими экземплярами русскихъ минераловъ. Его именемъ названъ минералъ «Чевкинитъ», найденный на Уралѣ. При дѣятельномъ участіи Чевкина осуществленъ, составленный академикомъ Купферомъ въ 1833 году, «Проектъ учрежденія системы метеорологическихъ и магнитныхъ наблюденій въ различныхъ мѣстахъ Россійской Имперіи, находящихся въ зависимости отъ Горнаго Департамента». Въ 1834 г., по почину Чевкина и по представленію Министра Финансовъ графа Канкрина, Высочайше повелѣно: 1) учредить при Горномъ Институтѣ нормальную обсерваторію, въ коей пріучать къ магнитнымъ и метеорологическимъ наблюденіямъ, какъ нѣкоторыхъ изъ воспитанниковъ офицерскихъ классовъ, такъ и нѣсколькихъ дѣтей заводскихъ нижнихъ чиновъ; 2) учредить вновь магнитную обсерваторію въ Екатеринбургѣ и усилить средства уже ранѣе существовавшихъ обсерваторій въ Нерчинскѣ и Барнаулѣ; 3) учредить одни метеорологическія наблюденія въ Златоустовскомъ, Луганскомъ и Богословскомъ заводахъ; 4) наблюденіе за исполненіемъ всего этого возложить на особое попеченіе начальника штаба Корпуса Горныхъ Инженеровъ. Сосредоточеніе магнитныхъ и метеорологическихъ наблюденій въ горномъ вѣдомствѣ составило новую эру въ исторіи магнитныхъ и метеорологическихъ наблюденій въ Россіи, сѣть обсерваторій горнаго вѣдомства, съ Купферомъ во главѣ, стала ядромъ для собиранія матеріала наблюденій, производимыхъ въ Россіи. По словамъ Гумбольдта, нигдѣ въ Европѣ эта полезная отрасль физическихъ наукъ не была развита въ такой высокой степени, какъ въ Россіи, а Лондонское королевское общество еще только совѣщалось о приведеніи въ дѣйствіе того, что уже 8 лѣтъ исполнялось прекрасно подготовленными молодыми людьми, воспитанниками Горнаго Института. Затѣмъ К. В. Чевкинъ не мало содѣйствовалъ устройству при Горномъ Институтѣ «Главной физической обсерваторіи» для производства физическихъ наблюденій и испытаній въ обширномъ видѣ и, вообще, для изслѣдованія Россіи въ физическомъ отношеніи. Въ 1845 году, 25 іюля, К. В. Чевкинъ назначенъ сенаторомъ съ оставленіемъ членомъ Совѣта Корпуса Горныхъ Инженеровъ. Съ выходомъ К. В. Чевкина изъ начальниковъ штаба, послѣдній уже не имѣлъ того значенія, какъ при немъ; учрежденіе осталось, но не было лица, которое давало жизнь и значеніе этому учрежденію. За время службы начальникомъ штаба Чевкинъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты въ 1843 году и за выслугу 25 лѣтъ въ офицерскихъ чинахъ награжденъ, 4 декабря 1843 г., орденомъ св. Георгія 4-й степени.

Въ Сенатѣ Чевкинъ былъ первоприсутствующимъ—до 1852 г. въ 4 межевомъ департаментѣ, а съ 1852 г. въ Д-тѣ Герольдіи. Въ Сенатѣ своимъ терпѣніемъ, усердіемъ, усидчивостью, юридическою правильностью рѣшенія дѣлъ, онъ заслужилъ всеобщее почтеніе.

Кромѣ занятій по Сенату, въ это же время Чевкинъ былъ приглашенъ по Высочайшему повелѣнію къ участію въ нѣсколькихъ комиссіяхъ. Въ началѣ 1846 года онъ участвовалъ въ трудахъ комиссіи, учрежденной для обсужденія вопросовъ о поставкѣ металловъ съ Уральскихъ заво-

довъ въ Артиллерійское вѣдомство. Въ концѣ 1848 года онъ участвовалъ въ комитетѣ по разсмотрѣнію вопросовъ, относящихся до частной золотопромышленности. Участіе въ этихъ трудахъ заслужило Чевкину Высочайшее благоволеніе. Въ 1845 году Чевкинъ по Высочайшему повелѣнію былъ назначенъ для сопутствованія герцогу Лейхтенбергскому при осмотрѣ Уральскихъ горныхъ заводовъ и работъ С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги. Съ введеніемъ въ Россіи желѣзныхъ дорогъ, вообще, и съ постройкою Петербурго-Московской желѣзной дороги имя Чевкина связано неразрывно.

К. В. Чевкинъ косвенно содѣйствовалъ возникновенію въ Россіи желѣзныхъ дорогъ. По его приглашенію, для ознакомленія съ металлургическою дѣятельностью Уральскихъ горныхъ заводовъ, пріѣхалъ изъ Австріи въ Россію, въ 1834 году, профессоръ Высшаго Политехническаго Института Францъ-Антонъ Риттеръ фонъ-Герстнеръ, первый концессіонеръ на постройку въ Австріи желѣзноконной дороги между Будвейсомъ и Маутгаузеномъ. (По разсказу одного изъ современниковъ, со словъ Чевкина, жена его училась въ Вѣнѣ вмѣстѣ съ женою Герстнера и сохранила съ нею дружбу. Когда у Герстнера разстроилось дѣло съ австрійскою компаніею, Чевкинъ вызвалъ его въ Россію). Путешествуя по Россіи по дѣламъ горнаго вѣдомства, Герстнеръ пришелъ къ убѣжденію, что Россія, столь богатая естественными силами и столь обширная въ своей территоріи, болѣе всякаго др гого государства нуждается въ желѣзныхъ дорогахъ. Исходя изъ этого соображенія, Герстнеръ запискою на Высочайшее Имя, отъ 6 января 1835 года, испрашивалъ привиллегію на сооруженіе въ Россіи частными средствами обширной желѣзнодорожной сѣти. Въ это время не только въ Россіи, но и во всей Европѣ желѣзнодорожное дѣло находилось въ зачаточномъ состояніи. Хотя въ Россіи внимательно слѣдили за успѣхомъ желѣзнодорожнаго дѣла въ Европѣ и Америкѣ, но интересъ къ нему значительно ослаблялся, какъ въ правительственныхъ сферахъ, такъ и среди большинства русскихъ инженеровъ, сомнѣніями относительно возможности сооруженія и выгодности эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Большинство мнѣній сводилось къ тому, что наши климатическія условія слишкомъ неблагопріятны для сооруженія желѣзныхъ дорогъ и что стоимость ихъ значительно превыситъ ожидаемую отъ нихъ доходность. Кромѣ того, многіе выражали опасенія, что желѣзныя дороги могутъ произвести цѣлый переворотъ въ народной жизни государства и измѣнить, быть можетъ, къ худшему искони установившіеся обычаи и порядки въ торговлѣ и промышленности. При такомъ всеобщемъ недовѣріи къ пользѣ и возможности сооруженія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, предложеніе Герстнера было-бы безусловно отклонено, если бы не просвѣщенная воля Императора Николая I-го. Предложеніе Герстнера на выдачу ему привиллегіи на сооруженіе всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи было отклонено, но ему предоставлялось образовать особое общество, съ капиталомъ въ три милліона рубл. асс., для постройки, въ видѣ опыта, желѣзной дороги отъ С.-Петербурга до Царскаго Села, съ продолженіемъ до Павловска. Во главу этого предпріятія сталъ графъ А. А. Бобринской; составилось акціонерное общество, Герстнеръ приступилъ къ работамъ и 4 апрѣля 1838 г. открылось постоянное паровозное движеніе по всей дорогѣ. Открытіе Царскосельской желѣзной дороги и, вообще, выяснившееся уже значеніе желѣзнодорожныхъ сообщеній для государства, промышленности и торговли, вызвало со стороны правительства стремленіе стать ближе къ этому дѣлу, вслѣдствіе чего, по Высочайшему повелѣнію, въ 1839 году были командированы въ Сѣверо-Американскіе Штаты инженеры путей сообщенія Н. О. Крафтъ и П. П. Мельниковъ, съ порученіемъ подробно изучить постройку и эксплоатацію желѣзныхъ дорогъ, получившихъ уже въ Америкѣ достаточное распространеніе. Въ то же время, на разсмотрѣніе правительства начали поступать различныя предложенія отъ частныхъ лицъ на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, какъ вообще въ Россіи, такъ въ особенности между Москвою и Петербургомъ. Императоръ Николай, видя всю важность сооруженія желѣзной дороги между столицами, возложилъ на Комитетъ Министровъ обсужденіе проекта постройки

такой дороги. Комитетъ Министровъ занимался въ продолженіе двухъ лѣтъ разработкой этого вопроса. Не смотря на благопріятныя свѣдѣнія относительно пользы и возможности постройки желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, представленныя вернувшимися изъ Америки инженерами Мельниковымъ и Крафтомъ, Комитетъ Министровъ, значительнымъ большинствомъ голосовъ, призналъ постройку желѣзной дороги между Москвою и Петербургомъ невозможной и безполезной. Главноуправляющій путями сообщенія и публичными зданіями графъ Толь полагалъ, что мѣстныя трудности будутъ непреодолимы, вслѣдствіе непроходимости болотъ въ Новгородской губерніи, трудности перехода черезъ Валдайскія горы, и разливовъ рѣкъ, а если бы даже дорогу и удалось построить, то наши морозы и снѣга будутъ препятствовать движенію по ней; кромѣ того графъ Толь находилъ, что «внутренняя торговля нуждается лишь въ дешевизнѣ доставки, а не въ скорости» и потому предпочиталъ между столицами водное сообщеніе. Министръ Финансовъ опасался чрезвычайныхъ расходовъ на сооруженіе дороги и сомнѣвался въ доходности ея. Сторонниками же возможности и пользы устройства желѣзной дороги между С.-Петербургомъ и Москвою являлись лишь трое приглашенныхъ въ Комитетъ, а именно: графъ Бобринской, генералъ Чевкинъ и герцогъ Лейхтенбергскій. На послѣднемъ засѣданіи (въ концѣ января 1842 года) присутствовалъ Императоръ Николай. Выслушавъ мнѣнія министровъ, Государь рѣшительно заявилъ, что находитъ вполнѣ возможнымъ устройство желѣзной дороги между столицами и повелѣваетъ немедленно приступить къ ея сооруженію. Для осуществленія этого важнаго предпріятія Онъ учреждаетъ особый Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича. Первое засѣданіе Комитета было 29 января 1842 года. Въ составѣ Комитета находились слѣдующія лица: графы Толь, Канкринъ, Бенкендорфъ, Орловъ, Левашевъ, Киселевъ, Клейнмихель, Л. Перовскій; генералы Дестремъ, К. Чевкинъ, герцогъ М. Лейхтенбергскій и графъ Бобринской (не присутствовавшій въ первыхъ засѣданіяхъ). Открывая это первое засѣданіе Комитета, Августѣйшій Предсѣдатель его объяснилъ важность и обширность предстоящаго труда, успѣшное выполненіе котораго составляетъ цѣль Комитета, пригласилъ членовъ указать и другихъ подвѣдомственныхъ имъ лицъ, которыя своею дѣятельностью могли бы быть полезны въ дѣлахъ Комитета. Въ томъ же засѣданіи были изготовлены для Высочайшаго подписанія проекты Указовъ Правительствующему Сенату, было предположено образованіе при Комитетѣ Строительной Комиссіи и возложено было на генералъ-адъютанта графа Клейнмихеля и на генералъ-маіора Чевкина составленіе проекта положенія о Комитетѣ и Строительной Комиссіи С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги. 30 января Строительная Комиссія уже начала свои дѣйствія въ составѣ предсѣдателя графа Бенкендорфа и членовъ: графа Клейнмихеля, генералъ-лейтенанта Дестрема, герцога Лейхтенбергскаго, ген.-маіора Чевкина, полковниковъ Крафта и Мельникова. Въ этомъ засѣданіи комиссія возложила производство изысканій и составленіе смѣты на полковниковъ Крафта и Мельникова. Упомянутые журналы Комитета отъ 29 и Строительной Комиссіи отъ 30 января были Высочайше утверждены 1 февраля 1842 г. И такимъ образомъ былъ, наконецъ, рѣшенъ этотъ, возбужденный еще Герстнеромъ и 7 лѣтъ стоявшій на очереди, вопросъ о постройкѣ С.-Петербурго-Московской жел. дороги. Тотчасъ же было приступлено къ дѣятельной организаціи всего дѣла постройки, которое получило еще болѣе энергическое движеніе, когда, съ кончиною, 11 апрѣля 1842 года, графа Толя, главноуправляющимъ назначенъ былъ, 11 августа того же года, графъ Клейнмихель. Одновременно съ назначеніемъ графа Клейнмихеля произведены коренныя измѣненія и въ высшихъ органахъ, вѣдавшихъ желѣзныя дороги. 11 августа упразднена была Строительная Комиссія и взамѣнъ ея учрежденъ департаментъ желѣзныхъ дорогъ, на обязанность котораго было возложено вѣдать всѣмъ касавшимся не только С.-Петербурго-Московской, но и другихъ желѣзныхъ дорогъ. При немъ была образована временная техническая комиссія на время сооруженія С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги. Самый Комитетъ, создан-

ный для С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги, не только замѣнилъ собой Комитетъ Министровъ во всемъ, касавшемся этой дороги, но сталъ вѣдать и дѣла по предположеніямъ о сооруженіи другихъ желѣзныхъ дорогъ. Единомысліе въ рѣшеніи дѣлъ Комитета изрѣдка нарушалось разногласіемъ. Въ одномъ случаѣ такое несогласіе возникло по вопросу о направленіи С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги. Въ этомъ отношеніи существовало два предположенія: одно—вести дорогу прямо на Москву, другое—съ заходомъ въ Новгородъ. Когда въ засѣданіи Комитета было заслушано представленіе Главноуправляющаго, отъ 4 февраля 1843 года, о результатахъ изысканій въ обоихъ направленіяхъ: на Сосницкую пристань, какъ болѣе прямому, и на Новгородъ, то мнѣнія въ Комитетѣ раздѣлились. Предсѣдатель Комитета Наслѣдникъ Цесаревичъ и министръ Финансовъ соглашались съ мнѣніемъ Главноуправляющаго—вести дорогу по прямому направленію, генералы же: Дестремъ, Готманъ, Рокасовскій и Чевкинъ полагали вести дорогу на Новгородъ. Этого же послѣдняго рѣшенія держался и министръ Государственныхъ Имуществъ графъ Киселевъ, представившій особое мнѣніе, къ которому присоединились генералъ-адъютантъ графъ Орловъ, графъ Левашовъ и министръ Внутреннихъ Дѣлъ, и сущность котораго сводилась къ тому, что дорога не должна миновать Новгорода, не смотря на увеличеніе расходовъ, такъ какъ городъ этотъ представляетъ крупный торговый, промышленный и административный центръ. Журналъ Комитета былъ представленъ съ особымъ мнѣніемъ графа Киселева на благоусмотрѣніе Государя, причемъ Его Величество изволилъ положить слѣдующую резолюцію: «Дорогу устроить по прямому направленію, ибо не нахожу ни одной уважительной причины вести ее на Новгородъ, который не лишится тѣхъ выгодъ, коими пользуется».

Съ открытіемъ С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги, бывшій Комитетъ для сооруженія этой дороги былъ замѣненъ другимъ Комитетомъ, который тоже остался подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника Цесаревича и имѣлъ слѣдущее полное наименованіе: «Комитетъ Высочайше утвержденный для разсмотрѣнія предложеній о сооруженіи желѣзныхъ дорогъ». К. В. Чевкинъ остался въ составѣ членовъ этого комитета. 30 августа 1855 года онъ былъ назначенъ членомъ Военнаго Совѣта. Именнымъ Высочайшимъ указомъ, подписаннымъ въ Николаевѣ 15-го октября 1855 года, К. В. Чевкинъ, въ чинѣ генералъ-лейтенанта и въ званіи сенатора, назначенъ исправляющимъ должность главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями, при чемъ оставленъ въ званіи сенатора и членомъ Военнаго Совѣта и совѣта корпуса горныхъ инженеровъ. Главное управленіе путей сообщенія и публичныхъ зданій, развившееся изъ учрежденнаго въ 1809 году управленія путями сообщенія, достигло къ началу пятидесятыхъ годовъ большаго усложненія. Ни въ одинъ изъ періодовъ и даже моментовъ своего существованія главное управленіе не обнимало столько отраслей администраціи и, вообще, предметовъ вѣдомства, какъ въ эпоху вступленія въ должность главноуправляющаго генерала Чевкина. Главное управленіе завѣдывало тогда желѣзными дорогами, государственными и губернскими шоссе, всѣми скотопрогонными, вдоль сихъ послѣднихъ, дорогами, всѣми внутренними водами, строительною частью въ портахъ, всею губернскою строительною и дорожною частями (не задолго до передачи строительной и дорожной части въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а именно въ 1862 г., дорожныя комиссіи завѣдывали 176,000 верстъ почтовыхъ, торговыхъ и военныхъ дорогъ), арестантскими ротами, публичными зданіями, телеграфами, корпусомъ собственно инженеровъ путей сообщенія, строительнымъ отрядомъ, военно-рабочими ротами гражданскаго вѣдомства и гардкоутнымъ экипажемъ или командою. Такая обширная дѣятельность главнаго управленія усложнялась еще болѣе не вполнѣ правильнымъ устройствомъ финансовой его части, что уже ясно изъ того, что къ ноябрю мѣсяцу 1855 года долги главнаго управленія разнымъ подрядчикамъ и, вообще, контрагентамъ доходили до $10^1/_2$ милліоновъ рублей. Не меньшимъ тормазомъ служили: доставшаяся отъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ въ наслѣдіе большая рутина въ дѣлѣ администраціи, вообще, и въ частности отъ того развившіеся

безплодные переписка и формализмъ. Немедленно по назначенiи на должность, Чевкинъ собралъ всѣхъ начальствующихъ по вѣдомству лицъ въ конференцъ-залу Института Инженеровъ Путей Сообщенiя, гдѣ и произнесъ свою вступительную рѣчь. По разсказамъ лицъ, присутствовавшихъ въ залѣ Института, Чевкинъ вошелъ неспокойно, угрюмо, и объявилъ, что каждый долженъ быть честенъ; но вѣдомство путей сообщенiя не таково. Его обвиняетъ народный голосъ, т. е. народная совѣсть. Слова эти произвели на слушателей, какъ разсказываютъ, потрясающее впечатлѣнiе, какъ укоръ, обращенный ко всему рѣшительно вѣдомству, а не къ нѣкоторымъ лишь лицамъ. Произнесенная рѣчь, безъ высказанныхъ порицанiй, вошла въ приказъ № 1, отъ 24 октября 1855 г. «Пути сообщенiя,» сказано, между прочимъ, въ приказѣ, «составляютъ вездѣ коренную потребность жизни государственной и частной; но въ Россiи, при значительности ея протяженiй и суровости климата, потребность эта ощутительнѣе, и среди нынѣшнихъ военныхъ обстоятельствъ, она выражается еще разительнѣе, по тѣсной связи ея съ обороною предѣловъ Имперiи, столь нуждающихся въ частыхъ и удобныхъ сношенiяхъ съ внутренними областями. Поэтому, болѣе чѣмъ когда либо, мы всѣ обязаны усугубить старанiе ко всемѣрному улучшенiю, умноженiю, упрощенiю сихъ сношенiй». «Удобства и дешевизна путей сообщенiя—вотъ прямая цѣль управленiя оныхъ. Призываю всѣхъ чиновъ сего управленiя, отъ старшихъ до младшихъ, сохранять постоянно въ виду, при всѣхъ служебныхъ дѣйствiяхъ, эту главную цѣль, и стремиться непрестанно къ достиженiю оной». Со вступленiемъ генерала Чевкина въ управленiе вѣдомствомъ путей сообщенiя и публичныхъ зданiй начинается на дѣлѣ новый фазисъ желѣзнодорожной дѣятельности въ Россiи — перiодъ постройки главныхъ линiй государственныхъ желѣзнодорожныхъ путей, средствами частной предпрiимчивости, сначала чрезъ иностранцевъ, а затѣмъ уже при помощи отечественныхъ капиталистовъ.

9 августа 1856 года Высочайше утвержденъ уставъ Общества Петергофской желѣзной дороги, которымъ разрѣшено было дѣйст. ст. сов. барону Александру Людвиговичу Штиглицу построить желѣзную дорогу между С.-Петербургомъ и Петергофомъ на собственный его капиталъ 2 мил. руб., съ правомъ, по окончанiи постройки и по открытiи по ней движенiя, возмѣстить затраченный капиталъ выпускомъ акцiй учрежденнаго Общества. Правительство оставляло за собою право, по истеченiи первыхъ 15 лѣтъ съ открытiя дороги, срокомъ котораго назначалось два года, выкупить ее у Общества послѣ шестимѣсячнаго предваренiя, по биржевой цѣнѣ акцiй послѣднихъ до того трехъ лѣтъ и, во всякомъ случаѣ, не меньше ихъ нарицательной стоимости. Едва послѣдовало утвержденiе постройки Петергофской желѣзной дороги и, между тѣмъ, разрѣшался вопросъ о постройкѣ Риго-Динабургской, какъ уже подготовлялся одинъ изъ крупнѣйшихъ того времени актовъ желѣзнодорожной политики, имѣвшiй капитальное значенiе въ дѣлѣ русскихъ желѣзныхъ дорогъ. По Высочайшему повелѣнiю 10 октября 1856 г. назначено было экстренное засѣданiе Комитета Министровъ для выслушанiя разныхъ вопросовъ, относящихся до устройства желѣзныхъ дорогъ въ Россiи. Въ засѣданiи этомъ Чевкинъ словесно, указавъ первоначально на пользу и необходимость для Россiи желѣзныхъ дорогъ, объяснилъ причины побудившiя его привлечь для ихъ устройства содѣйствiе и капиталы иностранныхъ банкировъ, переговоры, которые онъ съ ними по сему случаю велъ и сущность условiй двухъ компанiй, дѣлающихъ нашему правительству окончательныя предложенiя. Одну изъ этихъ компанiй составляли банкиры Штиглицъ, Гоппе и Перейра, другую банкиры Оппенгеймъ и Вандельштадтъ съ нѣкоторыми германскими и бельгiйскими домами. Условiя, предложенныя первой компанiей, заключались въ слѣдующемъ. Компанiя принимаетъ на себя сооруженiе сѣти желѣзныхъ дорогъ изъ 4-хъ главныхъ линiй: а) отъ С.-Петербурга до Варшавы, съ особой вѣтвью до Прусской границы, на соединенiе съ Кенигсбергской желѣзной дорогой; б) отъ Москвы до Тулы, Орла, Курска, Харькова и Ѳеодосiи; в) отъ Курска или Орла, черезъ Динабургъ до Либавы; г) отъ Москвы до Нижняго-Новгорода. Первыя три дороги подраздѣлялись каждая на

два отдѣленія. Компанія обязывалась всѣ эти дороги построить въ 10 лѣтъ, пока въ одинъ путь, а когда движеніе усилится и сборъ дойдетъ до 9 тыс. рублей съ версты, то уложить и второй путь. Цѣнность по примѣрному исчисленію разстоянія въ 3.900 верстъ опредѣлялась въ 260 мил., или по 69.000 руб. сер. съ версты. На эту сумму правительство должно было гарантировать процентовъ и погашенія пять на сто въ продолженіе 85 лѣтъ со времени истеченія десятилѣтняго срока, предназначеннаго для окончанія работъ. Гарантія должна была начинаться лишь по окончаніи и открытіи каждаго отдѣленія и соразмѣряться съ поверстною ея длиной. Черезъ 20 лѣтъ по истеченіи десятилѣтняго срока, опредѣленнаго на постройку, правительство получало право выкупить дорогу и ея принадлежности, при чемъ цѣна выкупа подлежала опредѣленію по сложности дохода за послѣднія 7 лѣтъ, а за движимое имущество Правительству надлежало уплатить по 5.000 рублей на версту. Компанія въ теченіе 20 лѣтъ со времени приступа къ работамъ сохраняла за собой преимущественныя права на постройку всѣхъ новыхъ параллельныхъ или могущихъ войти въ соприкосновеніе съ сѣтью компаніи желѣзныхъ дорогъ. Начатые и оконченные участки, работы и все безъ изъятія имущество С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дороги подлежали передачѣ въ полное распоряженіе компаніи, которая обязывалась изъ доходовъ, превышающихъ норму 5%, выплачивать половину въ пользу Правительства, впредъ до постепеннаго погашенія 18 мил. руб. с., затраченныхъ казною на сооруженіе этой линіи. Компанія требовала пониженія тарифа Николаевской желѣзной дороги. Надзоръ со стороны Правительства выговаривался «умѣренный», могущій собирать всѣ нужныя свѣдѣнія, но не вмѣшиваться въ распоряженія компаніи. Компанія подчинялась главноуправляющему Путями Сообщенія и Публичными Зданіями и, въ случаѣ недоразумѣній, послѣднія подлежали разбирательству въ Комитетѣ Министровъ и разрѣшенію, окончательно, Высочайшею властью. Компанія пріобрѣтала право выпускать не только акціи но и облигаціи. Ей присвоивалось названіе Главнаго Общества желѣзныхъ дорогъ въ Россіи.

По изложеніи вышеприведенныхъ въ общихъ чертахъ условій банкировъ первой группы, генералъ-адъютантъ Чевкинъ объяснилъ Комитету, что онъ признаетъ возможнымъ принять предложеніе компаніи, но считаетъ необходимымъ войти съ учредителями въ ближайшее разсмотрѣніе предложенія. Что касается условій второй группы, германскихъ и бельгійскихъ банкировъ, то она не представляла существенной разницы отъ предыдущихъ, за исключеніемъ болѣе краткихъ сроковъ: пользованія дорогами (75 лѣтъ), права выкупа (5 лѣтъ) и въ предоставленіи Правительству $^1/_3$ дохода, если таковой будетъ превышать 6%. 11 октября Комитетъ Министровъ, по Высочайшему повелѣнію, собрался въ Собственномъ Кабинетѣ Его Величества въ Зимнемъ Дворцѣ для обсужденія и окончательнаго рѣшенія этого дѣла. Въ засѣданіи этомъ Императору Александру Николаевичу угодно было предложить къ обсужденію Комитета вопросы: 1) Желѣзныя дороги составляютъ ли неотложную необходимость для Россіи? 2) Можемъ ли мы достигнуть скораго ихъ сооруженія одними собственными средствами, безъ содѣйствія иностраннаго? 3) Буде нѣтъ, то выгодны ли предлагаемыя банкирами Штиглицемъ, Гоппе, Берингомъ, Перейра и К° условія? Но прежде всего, достаточно ли обезпечено своевременное выполненіе тѣхъ условій? 4) Если выполненіе достаточно обезпечено, то должно ли, по сравненію съ предложеніемъ банкировъ Оппенгейма и К°., принять условія Штиглица, Гоппе, Беринга, Перейра и К°: а) 85-лѣтняго срока пользованія и б) 20-лѣтняго срока для права выкупа? Можно ли допустить преимущественное право на дороги параллельныя? 6) Можно ли допустить обязательное уравненіе тарифа Николаевской желѣзной дороги? 7) Могутъ ли затѣмъ быть приняты и прочія условія банкировъ Штиглица, Гоппе, Беринга, Перейра и К°.? Послѣ происходившихъ по симъ Высочайшимъ вопросамъ разсужденій, Комитетъ полагалъ принять, предпочтительно передъ компаніей Оппенгейма, условія, предлагаемыя компаніею Штиглица, съ тѣмъ, чтобы по возможности убѣдить послѣднюю: а) не дѣлать уравненія тарифа Николаевской желѣзной дороги обязательнымъ, а обусловить возможностью, и б) ввести «обѣща-

ніе» понизить плату для пассажировъ третьяго класса въ поѣздахъ товарныхъ; относительно распредѣленія акцій въ Россіи и за-границей войти министру Финансовъ и главноуправляющему Путями Сообщенія и Публичными Зданіями въ окончательное съ компаніей соглашеніе и представить таковое на Высочайшее утвержденіе. На этомъ основаніи возложить на главноуправляющаго Путями Сообщенія и Публичными Зданіями, обще съ министромъ Финансовъ, дальнѣйшій ходъ дѣла и по окончательномъ съ компаніею соглашеніи во всѣхъ предметахъ, предоставить имъ заключить съ представителями компаніи предварительное условіе, которое, по воспослѣдованіи Высочайшаго на оное утвержденія, имѣетъ быть къ окончанію сего года, какъ о томъ проситъ компанія, обнародовано при надлежащемъ указѣ. Государь утвердилъ журналъ Комитета Министровъ по сему предмету 16 октября 1856 года. Выработкою условій образованія Главнаго Общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ занимался самъ Чевкинъ въ продолженіе почти всего 1856 г., не посвящая въ эту работу никого изъ своихъ сослуживцевъ. Условія эти, окончательно принятыя высшимъ правительствомъ, заключались главнымъ образомъ въ слѣдующемъ: Общество обязалось въ теченіе 10-ти лѣтъ построить и содержать 85 лѣтъ сѣть въ 4.000 верстъ. Правительство гарантировало 5% со строительнаго капитала. Четырехтысячноверстную сѣть составляли линіи отъ С.-Петербурга до Варшавы и прусской границы; отъ Москвы до Нижняго-Новгорода; отъ Москвы, черезъ Курскъ и низовья Днѣпра, до Ѳеодосіи, и отъ Курска или Орла, черезъ Динабургъ, до Либавскаго порта. Строительный капиталъ былъ исчисленъ въ 275.000.000 рублей. Въ составъ общества вошли извѣстные иностранные и русскіе капиталисты. Центромъ распорядительной дѣятельности Главнаго Общества являлся учрежденный въ Парижѣ комитетъ, а для завѣдыванія дѣлами въ Россіи былъ учрежденъ совѣтъ изъ 20 членовъ, изъ коихъ половина русскихъ. Ближайшее распоряженіе дѣломъ было поручено французскому инженеру Колиньону, съ званіемъ главнаго директора.

Дѣла означеннаго общества пошли, однако, далеко не съ тѣмъ успѣхомъ, который всѣми ожидался. Взявъ нѣсколько нашихъ хорошихъ инженеровъ и архитекторовъ, общество наводнило Россію малопригодными для дѣла людьми. Иностранцы эти начали распоряжаться, какъ въ завоеванной землѣ, съ неслыханною смѣлостью, не признавая надъ собою никакой власти. Однажды Колиньонъ позволилъ себѣ писать Чевкину, по дѣламъ Общества, карандашомъ на лоскуткѣ бумажки. Чевкинъ, возвративъ лоскутокъ, сообщилъ этому иностранцу, что отъ совѣта Общества, на основаніи устава, должно поступить офиціальное донесеніе.

Заправлявшіе дѣломъ иностранцы, видя настоянія Чевкина, чтобы Главное Общество не выходило изъ рамокъ устава, стали злословить Главноуправляющаго, утверждая, что онъ угнетаетъ Общество и стремится разорить его.

Общество, расходуя безконтрольно строительный капиталъ, (который не былъ собранъ полностью), стало нуждаться въ деньгахъ, а потому стало видимо уклоняться отъ исполненія принятыхъ на себя обязанностей.

9 іюня 1860 года Комитету желѣзныхъ дорогъ пришлось разсматривать представленіе Главнаго Общества, въ которомъ оно объясняло, что окончаніе строющихся и значительно подвинутыхъ уже линій изъ С.-Петербурга въ Варшаву и къ Прусской границѣ, и изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ обезпечено средствами, которыми Общество располагаетъ, что же касается линіи отъ Москвы въ Ѳеодосію и отъ Курска въ Либаву, то при возрастающей дороговизнѣ рабочей платы и матеріаловъ, а также паденіи вексельнаго курса, сооруженіе ихъ по цѣнѣ 62.500 р. за версту оказывается невозможнымъ, привлечь же достаточные для упомянутыхъ двухъ линій капиталы безъ измѣненія первоначальныхъ условій и новыхъ льготъ представляется невѣроятнымъ. Посему Общество поставлено въ необходимость или отказаться отъ этихъ двухъ линій, или ходатайствовать о новыхъ условіяхъ и новыхъ льготахъ.

Въ виду этого Общество ходатайствовало: 1) объ уступкѣ ему Николаевской желѣзной дороги, подкрѣпляя это ходатайство необходимостью дать сооруженію желѣзной дороги въ Россіи сильное ра

витіе, которое, по мнѣнію Общества, возможно только при продажѣ ему Николаевской желѣзной дороги, потому что только этимъ способомъ могутъ быть привлечены значительные капиталы, необходимые для осуществленія остальныхъ линій, Обществу уступленныхъ; 2) объ установленіи особаго по каждой линіи счета доходу, съ тѣмъ, чтобы ручательство процентовъ примѣнялось отдѣльно къ каждой изъ 4-хъ линій; 3) объ отдѣленіи въ пользу правительства той только части избытка чистаго дохода С.-Петербурго-Варшавской линіи, который будетъ превышать 8% гарантированнаго капитала; 4) о возвышеніи поверстнаго гарантированнаго капитала по всѣмъ линіямъ до размѣра, какой опредѣлится дѣйствительными расходами; 5) о дозволеніи Обществу выпускать облигаціи, когда и какъ оно признаетъ полезнымъ, при соблюденіи предѣловъ, уставомъ указанныхъ. При обсужденіи означеннаго ходатайства въ Комитетѣ произошло разногласіе.

По разсмотрѣніи же дѣла въ личномъ присутствіи Государя въ Совѣтѣ Министровъ, 22 іюня 1860 г., было предоставлено главноуправляющему Путями Сообщенія и Публичными Зданіями войти въ переговоры съ главноуправляющимъ Общества по всѣмъ предметамъ его ходатайства, но съ тѣмъ, чтобы вся сѣть желѣзныхъ дорогъ, назначенная указомъ 26 января 1857 года была окончена своевременно и чтобы къ несомнѣнному сего достиженію имѣлось положительное ручательство.

Совѣтъ Общества, не исполнивъ этого требованія, вошелъ въ маѣ 1861 г. съ новыми просьбами о дарованіи другихъ льготъ. Просьба эта тоже была разсмотрѣна въ Совѣтѣ Министровъ, при чемъ Государь призналъ просимыя Обществомъ льготы чрезмѣрными и что если Общество не можетъ исполнить принятыхъ на себя по дѣйствующему уставу обязательствъ, то можетъ войти съ ходатайствомъ о пересмотрѣ сего послѣдняго. Составленный вслѣдъ за симъ проектъ новаго устава, съ измѣненіями согласно Высочайше одобреннымъ 16 іюля замѣчаніямъ Совѣта Министровъ, сохранялъ за Обществомъ лишь дороги С.-Петербурго-Варшавскую и Московско-Нижегородскую, обязывая окончить ихъ къ исходу 1862 г. На это окончаніе правительство выдало 28 мил. рублей сер. съ возмѣщеніемъ ихъ изъ доходовъ Общества; основной капиталъ Общества ограниченъ суммой 112.359.625 рубл. сер.; залогъ Общества въ 3 мил. р. с. назначенъ къ возвращенію Обществу. Новый уставъ Общества былъ утвержденъ 3 ноября 1861 г.

Не съ большимъ успѣхомъ вело дѣло другое акціонерное общество, образованное для постройки желѣзнодорожной линіи отъ Москвы до Саратова на протяженіи 725 верстъ. Предполагалось примѣромъ этого общества, исполняющаго въ точности и безпрекословно распоряженія Правительства, обуздывать самовольство Главнаго Общества. Но общество Московско-Саратовской желѣзной дороги, получивъ концессію въ 1859 году, испросило въ 1861 году новыя льготы и, не смотря на это, въ концѣ 1862 года уполномоченные Общества заявили, что вслѣдствіе банкротства главныхъ акціонеровъ и затраты на первый участокъ капитала, значительно большаго чѣмъ гарантированный, Общество не можетъ продолжать дорогу до Саратова, и потому, просили ограничить ихъ предпріятіе устройствомъ дороги отъ Москвы до Рязани.

Замѣчательною является дѣятельность Чевкина относительно Николаевской дороги. Видя, что дорога не приноситъ никакого дохода, онъ полагалъ, что причина такого положенія кроется въ злоупотребленіяхъ, и потому рѣшилъ, вскорѣ по вступленіи своемъ въ управленіе вѣдомствомъ, произвести самую подробную и строгую ревизію дороги. Результатомъ этой ревизіи было выясненіе Чевкину, что причина незавиднаго состоянія дороги кроется не въ злоупотребленіяхъ, а въ самой системѣ ремонта пути и, главное, подвижнаго состава. Несмотря на сильную оппозицію большинства членовъ комиссіи, разсматривавшей доставленныя свѣдѣнія, и департамента желѣзныхъ дорогъ, Чевкинъ отвергнулъ систему оптоваго подряда, и ремонтъ дороги былъ переданъ въ хозяйственное распоряженіе управленія дороги. Результатомъ было то, что вмѣсто 1.100.000 руб., платившихся до того времени оптовому подрядчику, ремонтъ, въ первый же годъ, обошелся лишь въ 650.000 руб. При этой реформѣ удалось склонить Чевкина къ тому, чтобы

инженерамъ, служащимъ на дорогѣ, вмѣсто ничтожнаго жалованія по чину, назначено было надлежащее содержаніе, безъ чего нельзя было подвергать ихъ строжайшей отвѣтственности. Такимъ образомъ, Чевкинъ положилъ начало паденію существовавшей до того рутины казенныхъ операцій по вѣдомству Путей Сообщенія.

Но по отношенію къ Николаевской дорогѣ, Чевкину предстояло рѣшить болѣе серьезную и болѣе крупную задачу, касающуюся ремонта подвижного состава. Въ то время всѣмъ былъ извѣстенъ контрактъ Уайненса, по которому всѣ 95 его параграфовъ ограждали лишь интересы контрагента, въ полный ущербъ казны, и по ремонту, напримѣръ, вагоновъ, составлявшему главную цифру платежей по контракту, Уайненсъ получалъ въ 17 разъ болѣе, чѣмъ этотъ ремонтъ обходился въ другихъ странахъ Европы. Подробные расчеты показываютъ, что за 12 лѣтъ ремонта подвижного состава Уайненсомъ, казна заплатила ему лишнихъ до 30.000.000 руб. Чевкинъ рѣшилъ во чтобы то ни стало не допустить Уайненса продолжать производить ремонтъ послѣ истеченія срока контракта. Между тѣмъ, Уайненсъ для сохраненія за собою подряда повелъ сильную интригу, подавая различныя заявленія черезъ посольство Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, соблазняя громаднымъ залогомъ, который онъ предлагалъ внести при новыхъ долженствовавшихъ быть торгахъ, разсчитывая отстранить этимъ всѣхъ конкуррентовъ. Внести громадный залогъ было ему не трудно, ибо онъ имѣлъ въ рукахъ на 5.000.000 квитанцій, неоплаченныхъ казною. Въ такомъ смыслѣ и былъ первоначально составленъ проектъ контракта, но пониженіе залога предоставило возможность явиться новымъ конкуррентамъ, и новый контрагентъ, Кайль и К°, спустилъ цѣну на половину противъ прежняго контракта. Хотя и эта цѣна была высока, но Чевкинъ достигъ главной цѣли, разбивъ сильную интригу Уайненса и удаливъ его отъ ремонта Николаевской дороги.

Неудача двухъ акціонерныхъ обществъ, созданныхъ Чевкинымъ, Главнаго Общества и общества Московско-Саратовской дороги, подвинула его къ мысли о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ Правительствомъ.

Онъ воспользовался первымъ представившимся случаемъ произвести подобный опытъ, но на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ производились въ то время казенныя работы. Наказный атаманъ Войска Донского, генералъ-адъютантъ Хомутовъ, ходатайствовалъ о разрѣшеніи постройки желѣзной дороги на счетъ войсковыхъ суммъ, отъ Грушевскихъ каменноугольныхъ копей къ р. Дону, протяженіемъ 63 версты. Выработанное особое положеніе для веденія этого дѣла было Высочайше утверждено и постройка дороги произведена съ полнымъ успѣхомъ.

Въ 1857 г., въ годъ образованія Главнаго Общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, нѣсколько польскихъ и германскихъ капиталистовъ приняли на себя эксплоатацію, въ теченіе 75 лѣтъ, Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги, — не только безъ правительственнаго ручательства за доходность этого предпріятія, но съ слѣдующими обязательствами передъ правительствомъ: 1) уплачивать въ казну ежегодно, въ первыя пять лѣтъ по 200.000 рубл, во вторыя пять лѣтъ по 225.000 р., а въ остальные годы — по 250.000 р., и 2) построить и эксплоатировать на свой счетъ и страхъ но съ гарантіею Правительствомъ дохода, желѣзную дорогу отъ Ловича къ Бромбергу, до Прусской границы. Въ слѣдующемъ 1858 году третье Общество капиталистовъ иностранныхъ и мѣстныхъ приняло на себя постройку желѣзной дороги между Ригою и Динабургомъ.

Всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, открывшихся для движенія за время управленія генерала Чевкина, было 2.123 версты.

Увлеченіе желѣзными дорогами вызвало игнорированіе устройства шоссейныхъ и водныхъ путей. При Чевкинѣ только были достроены тѣ шоссейные пути, которые были начаты при его предшественникѣ графѣ Клейнмихелѣ. Къ существовавшимъ 5.487 верстъ шоссе (кромѣ 2.000 верстъ въ Царствѣ Польскомъ) прибавилось около 1.800 верстъ. Не смотря на составленные проекты по произведеннымъ изысканіямъ, проведеніе шоссе между разными городами было отклонено (напр. между Харьковомъ и Полтавою, между Ярославлемъ и Костромою и др.). Къ описываемому періоду относится весьма знаменательное разрѣшеніе устроить два частныхъ шоссе съ правомъ взиманія шоссейнаго сбора: отставному

генералъ-маіору Мальцеву отъ Брянска до Александровскаго завода, и коллежскому секретарю Крамеру отъ Нарвы до Кульгской пристани. Заботы о шоссе при Чевкинѣ сводились къ административнымъ мѣропріятіямъ. Упрощеніе и удешевленіе верстовыхъ столбовъ, уменьшеніе объѣздовъ при перестройкѣ шоссейнаго полотна, храненіе въ округахъ образцоваго каменнаго матеріала, правила установки штабелей щебня — все это указано и введено при Чевкинѣ.

Болѣе значительное улучшеніе, чѣмъ шоссе, получили при Чевкинѣ нѣкоторые водные пути, хотя эти улучшенія были значительно менѣе, чѣмъ въ предшествовавшее пятидесятилѣтіе существованія вѣдомства Путей Сообщенія. Главнѣйшее улучшеніе коснулось Маріинской системы. Въ 1858 году Маріинская система была посѣщена Императоромъ Александромъ II, который на обратномъ пути изъ Архангельска остановился въ селѣ Девятинахъ, выслушалъ докладъ Чевкина объ улучшеніяхъ Маріинской системы, и лично осматривалъ мѣста предполагавшихся работъ. Съ того же года было приступлено къ предположеннымъ улучшеніямъ и въ періодъ времени съ 1858 по 1862 годъ многокамерные шлюзы были замѣнены шлюзами съ меньшимъ числомъ камеръ, полушлюзы замѣнены однокамерными шлюзами съ удлиненіемъ до 22 саженъ, такъ что въ 1862 г. шлюзованная часть Маріинскаго воднаго пути имѣла: 11 двукамерныхъ шлюзовъ и 24 однокамерныхъ, а всего 46 камеръ. Извилистыя колѣна рѣкъ Ковжи, Вытегры и Водлицы спрямлены для свободнаго плаванія большемѣрныхъ судовъ перекопами, составляющими въ общей сложности до 9 верстъ 207 саженъ; черезъ спрямленіе, помимо удобства для движенія судовъ, произошло сокращеніе воднаго пути на 12 вер. 214 саж. Улучшенія эти оказали значительное вліяніе на судоходство по Маріинской системѣ. Судамъ дозволено плавать съ осадкою въ водѣ $7^1/_2$ четвертей аршина вмѣсто прежнихъ 7 четвертей; вмѣсто прежнихъ судовъ длиною 12 саж., шириною 27 футъ, съ грузомъ до 10 тыс. пуд., разрѣшено плавать судамъ длиною 18 саж., шириною $27^1/_2$ футъ, поднимающимъ груза до 20 тыс. пуд.; не смотря на то, что суда начали плавать почти исключительно большемѣрныя, количество ихъ не только не уменьшилось, но продолжало съ каждымъ годомъ увеличиваться.

Засореніе и обмелѣніе Ладожскаго канала вызывало необходимость углубленія его не менѣе. какъ на 4 фута. Осуществленіе выработаннаго для этой цѣли проекта оказывалось, однако, чрезвычайно затруднительнымъ, какъ вслѣдствіе большого срока, необходимаго для исполненія работы, такъ и по трудности условій, обязывающихъ производить углубленіе канала позднею осенью и зимою, чтобы не останавливать судоходства. По этимъ причинамъ по представленію Чевкина Высочайше повелѣно устроить Новый Ладожскій каналъ смежный существующему каналу. Работы по устройству новаго канала начались 28 мая 1861 г.; подрядчикъ Гладинъ (за оптовую сумму 4.600.000 р.) обязался окончить копку канала въ пять лѣтъ. Надзоръ за производствомъ работъ былъ возложенъ на особый комитетъ.

Въ разсматриваемый же періодъ для углубленія перекатовъ на рѣкѣ Волгѣ получили примѣненіе землечерпательницы. Въ 1859 году иностранные заводы предложили свои услуги построить для дноуглубительныхъ работъ на рѣкѣ Волгѣ землечерпательные снаряды; въ томъ же году былъ заключенъ контрактъ съ заводомъ Годефруа и Бейтъ въ Гамбургѣ на заготовку двухъ землечерпательницъ, двухъ пароходовъ и двухъ грузоотводныхъ шаландъ; послѣднія, при переходѣ изъ Гамбурга въ Россію, въ Нѣмецкомъ морѣ во время бури затонули. Землечерпательницы вмѣстѣ съ двумя пароходами прибыли въ Петербургъ въ октябрѣ 1860 года. На Волгѣ доставленными снарядами приступили къ дноуглубительнымъ работамъ лишь въ 1862 г.

Начатыя у города Астрахани въ устьѣ для углубленія мелководнаго бара работы были отмѣнены. Одобрена въ 1854 году расчистка фарватера отъ старой Волги по протоку Чагану и Камызяку, съ устройствомъ канала черезъ морской баръ; а) углубленіе фарватера ограничено 8 футами, вмѣсто предположенныхъ 10 футовъ; б) ширина расчистки фарватера опредѣлена лишь выемкою такого количества грунта, какое необходимо для устройства дамбъ. Что касается до работъ на прочихъ рѣкахъ и искусственныхъ системахъ,

то таковыя работы производились въ размѣрѣ едва достаточномъ для поддержанія существующаго судоходнаго движенія. Изъ портовъ главнѣйшее вниманіе было обращено на Либаву, какъ портъ имѣющій отношеніе къ проектированной желѣзнодорожной сѣти. Необходимость имѣть удобный торговый пунктъ у южнаго конца нашихъ прибалтійскихъ владѣній обратила вниманіе правительства на незамерзающіе порты городовъ Либавы и Виндавы, и одинъ изъ этихъ городовъ было рѣшено соединить рельсовымъ путемъ съ общею сѣтью желѣзныхъ дорогъ. «Главное Общество Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ» принимало на себя эту задачу, но при условіи, что избранный портъ будетъ приведенъ въ благопріятное состояніе для торговли. Выборъ порта былъ возложенъ на инженеръ-полковника Гейдателя. Приказомъ отъ 15 ноября 1856 г. главноуправляющій Путями Сообщенія предписалъ Гейдателю собрать свѣдѣнія объ относительныхъ достоинствахъ Либавы и Виндавы, а затѣмъ по осмотрѣ заграничныхъ, главнымъ образомъ прусскихъ, приморскихъ сооруженій и на основаніи совѣщаній съ извѣстнымъ гидротехникомъ Гагеномъ, составить проектъ улучшенія того изъ двухъ портовъ, который будетъ найденъ лучшимъ. 13 марта 1857 г. Гейдатель представилъ Главноуправляющему записку, въ которой отдавалъ преимущество Либавѣ, главнымъ образомъ вслѣдствіе ея меньшей замерзаемости и большей близости къ европейскимъ рынкамъ. Для завѣдыванія работами по постройкѣ Либавскаго порта былъ учрежденъ 28 мая 1859 г. особый Строительный Комитетъ, который открылъ свои дѣйствія въ октябрѣ 1860 г., а къ работамъ по исполненію проекта приступлено въ маѣ 1861 г. Яркимъ примѣромъ несоотвѣтственнаго отношенія къ водянымъ путямъ служитъ упраздненіе въ 1860 г. искусственнаго воднаго пути между р.р. Москвою и Волгою.

Сооруженіе въ Москвѣ, на Воробьевыхъ горахъ, храма Христа Спасителя требовало огромнаго количества матеріаловъ, а доставка ихъ изъ окрестныхъ мѣстъ представлялась очень затруднительною, вслѣдствіе чего и предложено было продолжать Тихвинскую систему до Москвы, прорывъ каналъ для соединенія р. Истры, текущей въ рѣку Москву, съ р. Сестрою, притокомъ р. Дубны, изливающейся въ Волгу. Работы начаты въ 1825 году и продолжались до 1844 года. Во время сооруженія Николаевской желѣзной дороги возникъ вопросъ: въ какой мѣрѣ полезно окончательное устройство водяного сообщенія между С.-Петербургомъ и Москвою и не будетъ ли достаточно, вмѣсто полнаго шлюзованія предполагавшейся системы, способствовать сплавному судоходству по р. Истрѣ для облегченія подвоза изъ окрестностей Москвы дровъ, лѣса и другихъ мѣстныхъ произведеній. До разрѣшенія этихъ вопросовъ Главное Управленіе Путей Сообщенія признало въ 1845 г. необходимымъ пріостановить производство работъ по соединенію рѣкъ Волги и Москвы. Не смотря на неоконченность системы, судоходство на ней развилось, доставляя съ удобствами въ Москву разные малоцѣнные грузы (строительные матеріалы, лѣсъ), но въ 1860 году система была упразднена по слѣдующимъ соображеніямъ. Если бы дешевизна провоза грузовъ была на сторонѣ водяного пути, тогда бы еще можно было ожидать пользы отъ предполагаемаго водянаго сообщенія. Но по Николаевской желѣзной дорогѣ грузы прибываютъ изъ Москвы въ С.-Петербургъ въ два дня съ платою по 15 и 20 к. съ пуда. По предположенному водяному сообщенію перевозка между обѣими столицами обошлась бы (по цѣнамъ на тихвинской системѣ) отъ 20 до 35 к. съ пуда и потребовала бы отъ 35 до 90 дней. Сообщенію между рѣками Волгою и Москвою также нельзя приписать особенной важности и потому еще, что измѣренія его сооруженій позволяло бы только слѣдовать судамъ небольшихъ размѣровъ (съ грузомъ до 2.000 п.), равно какъ и потому, что система эта очень извилиста и длинна (до 276 верстъ).

По мысли К. В. Чевкина и личными его трудами учреждено въ Россіи спеціальное управленіе телеграфами. Со времени учрежденія въ Россіи электромагнитныхъ телеграфовъ, въ 1850—1851 годахъ и до 1858 г., управленіе телеграфами было сосредоточено въ правленіи I Округа Путей Сообщенія. К. В. Чевкинъ придалъ этому управленію значительно большіе размѣры и съ 1859 г. телеграфная часть составила самостоятель-

ное цѣлое, какъ по внутренней своей организаціи, такъ и по внѣшнимъ отличіямъ. Чевкинъ освободилъ русское телеграфное дѣло отъ зависимости иностранцевъ; первоначально телеграфы въ Россіи строились и ремонтировались контрагентами Сименсомъ и Галске, которые имѣли у себя на службѣ преимущественно иностранцевъ; съ 1862 г. эта зависимость отъ иностранцевъ устраняется, особенно относительно личнаго состава служащихъ по телеграфному вѣдомству. Для достиженія этого, Чевкинъ, между прочимъ, открылъ телеграфное поприще сословіямъ, не имѣющимъ правъ гражданской службы; на дѣйствительную службу по телеграфному вѣдомству начали принимать лицъ всѣхъ сословій. Чевкинъ, много положившій своего вполнѣ производительнаго труда и неутомимыхъ заботъ на улучшеніе излюбленной имъ телеграфной части, тѣмъ не менѣе, повидимому, не вѣрилъ въ возможность осуществленія американской линіи черезъ Сибирь. Съ 1858 г. по 1861 г. было до семи предложеній устроить эту линію. Просили объ этомъ не только англичанинъ Кембель и французъ Лежекъ де Либессаръ, но и русскіе, какъ напр. капитанъ Романовъ и маіоръ Колчинъ. Всѣ эти ходатайства были постоянно отклоняемы Чевкинымъ, не только какъ неудобныя предложенія, но какъ предложенія, основанныя на несбыточной мысли. Во время начальствованія Чевкина телеграфная сибирская линія была построена отъ Казани, черезъ Екатеринбургъ, Омскъ и Иркутскъ до Кяхты (въ 1863 году).

При Чевкинѣ воздвигнуто два замѣчательныхъ памятника. Въ 1856 году, по проекту архитектора Монферрана, начато было сооруженіе памятника Императору Николаю I, подъ вѣдѣніемъ управлявшаго удѣлами графа Л. А. Перовскаго. По смерти графа Перовскаго, въ ноябрѣ того же года, завѣдываніе этимъ сооруженіемъ было возложено на генералъ-адъютанта Чевкина. Открытіе послѣдовало 25 іюня 1859 года.

Затѣмъ, по случаю исполнившагося въ 1862 году тысячелѣтія историческаго существованія Россіи, въ 1860 году былъ объявленъ конкурсъ для проектированія памятника. Изъ числа 52 соискателей, Совѣтъ Императорской Академіи Художествъ удостоилъ I-й преміи академика Микѣшина, проектъ котораго, исправленный согласно указаніямъ Государя, былъ удостоенъ окончательнаго одобренія. Проектъ пьедестала составленъ профессоромъ Боссо. Мѣстомъ для постановки памятника избрана площадь въ Новгородскомъ Кремлѣ, передъ Софійскимъ соборомъ. Чтобы открыть лучшій видъ на памятникъ Чевкинъ предлагалъ уничтожить часть древней Волховской стѣны, но Государь лично, и при томъ категорически, отклонилъ такое предположеніе. Памятникъ открытъ въ августѣ 1862 года.

Занимая должность главноуправляющаго въ періодъ широкихъ правительственныхъ преобразованій, Чевкинъ опытною рукою проводилъ эти начала по вѣдомству Путей Сообщенія. Новое направленіе отразилось въ отношеніи Чевкина къ своимъ ближайшимъ сотрудникамъ. При его предмѣстникѣ, графѣ П. А. Клейнмихелѣ, ни одна, самая ничтожная и пустая входящая бумага не обходилась безъ письменнаго доклада, сопровождаемаго справками, законами и заключеніемъ. Это строго соблюдалось даже и въ отношеніи такихъ бумагъ, которыя просто слѣдовало принять къ свѣдѣнію или пріобщить къ дѣлу, чего отнюдь не дозволялось безъ предварительнаго разрѣшенія главноуправляющаго. Чевкинъ, врагъ всякой излишней работы, немедленно отмѣнилъ эту систему: ему докладывали лично, на словахъ, начальники отдѣленій, въ присутствіи директоровъ. Согласно указанію его, изготовлялась исходящая; въ наиболѣе важныхъ случаяхъ онъ подсказывалъ изложенія ея. Не предпринимая никакихъ радикальныхъ реформъ во внутреннемъ устройствѣ центральнаго и мѣстныхъ управленій, Чевкинъ произвелъ отдѣльныя частныя улучшенія или усовершенствованія: сокращеніе переписки, упрощеніе текста казенныхъ телеграммъ, дозволеніе принимать лицъ свободныхъ сословій на службу по главному управленію: писарями, кондукторами и т. п. Вслѣдствіе сокращенія работъ по шоссейнымъ и воднымъ путямъ упразднены два округа Путей Сообщенія: Саратовскій и Екатеринославскій; упраздненъ на Волгѣ гардкоутный экипажъ, нѣкогда сформированный для защиты каравановъ отъ грабителей и съ появленіемъ и развитіемъ пароходства потерявшій всякое значеніе. На желѣзныхъ

дорогахъ допущено куреніе табаку въ особыхъ вагонахъ и окончательно отмѣнено требованіе паспортовъ и видовъ отъ пассажировъ, путешествующихъ по желѣзнымъ дорогамъ внутри Имперіи. Денежное содержаніе инженеровъ Путей Сообщенія увеличено: испрошено ежегодное ассигнованіе 5.000 р. въ пособіе на воспитаніе бѣдныхъ дѣтей чиновъ Главнаго Управленія. Образована эмеритальная касса Инженеровъ Путей Сообщенія и чиновъ строительнаго разряда и военнорабочихъ ротъ, но безъ участія гражданскихъ чиновъ вѣдомства, что очень неблагопріятно отразилось на ихъ матеріальномъ положеніи. Особенно обращаютъ на себя вниманіе тѣ частныя мѣры, въ которыхъ ясно выражается какъ чувство человѣколюбія Чевкина, такъ и полное отрѣшеніе отъ всего того, что основано на рутинѣ и лишено прочнаго логическаго основанія. Такимъ образомъ, почину Чевкина принадлежитъ отмѣна бритья въ арестантскихъ ротахъ половины головы, тѣмъ собственно арестантамъ, которые были помѣщены на краткіе сроки и подлежали обращенію въ ихъ первоначальныя общества; дозволеніе недостаточнымъ жителямъ нѣкоторыхъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ возводить деревянныя надворныя строенія, гдѣ оныя были воспрещаемы, а равно крыть крыши камышемъ и соломою; отмѣна закона о нечетномъ числѣ оконъ въ фасадахъ зданій, а также объ обязательныхъ фасадахъ для частныхъ построекъ при шоссе; отмѣна обязательной постройки въ селеніяхъ колодцевъ только съ валомъ и колесомъ; разрѣшеніе сельскимъ прихожанамъ избирать въ строители храмовъ вольнопрактикующихъ техниковъ; воспрещеніе строительнымъ и дорожнымъ комиссіямъ требовать отъ владѣльцевъ документовъ на право владѣнія застраиваемыми участками; отмѣна распоряженія о переселеніи жителей Галернаго въ С.-Петербургѣ селенія, и, наконецъ, правила 1861 г. о наймѣ рабочихъ на большія казенныя и общественныя сооруженія.

Финансовое положеніе Главнаго Управленія Чевкинъ засталъ въ весьма незавидномъ положеніи. Хотя Главное Управленіе и распоряжалось многими, и притомъ значительными, спеціальными капиталами, переведенными съ введеніемъ новой смѣтной системы въ рессурсы государственнаго казначейства, что, въ свою очередь, обошлось не безъ нѣкотораго сопротивленія со стороны Чевкина,—Главное Управленіе имѣло въ 1855 г. до $10^{1}/_{2}$ милліоновъ рублей долговъ разнымъ лицамъ, учрежденіямъ и, преимущественно, подрядчикамъ по постройкѣ и ремонту Николаевской желѣзной дороги. Обстоятельствомъ этимъ Чевкинъ былъ крайне озабоченъ съ первыхъ же дней своего вступленія въ должность главноуправляющаго, и 10-го уже ноября 1855 г., руководимый опасеніями, что подобное явленіе окончательно свяжетъ ему руки по отношенію къ дальнѣйшимъ хозяйственнымъ операціямъ, а главнымъ образомъ усматривая въ допущенномъ порядкѣ удовлетворенія кредиторовъ казны полное нарушеніе какъ ихъ частныхъ правъ, такъ общаго служебнаго порядка, и, вообще, подрывъ довѣрія къ правительству, Чевкинъ по разсмотрѣніи дѣла о долгахъ Главнаго Управленія въ особой комиссіи подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта графа (впослѣдствіи князя) А. Ѳ. Орлова, достигъ разрѣшенія отпуска изъ казны въ теченіе 1856 г. потребной на покрытіе долговъ суммы. Въ вопросѣ о непередачѣ въ казну спеціальныхъ капиталовъ Главнаго Управленія Чевкинъ достигъ весьма малаго, а именно: разсмотрѣнія этого вопроса въ особой высшей контрольной комиссіи, но капиталы, тѣмъ не менѣе, были отобраны, во всемъ согласно съ проектированною статсъ-секретаремъ А. В. Татариновымъ системою. Не менѣе озабочивала Чевкина неурядица въ дѣлахъ расходованія строительными и дорожными комиссіями суммъ земскаго сбора. Къ частнымъ отдѣльнымъ попыткамъ улучшенія хозяйственно-финансовой части Главнаго Управленія въ періодъ времени съ 1856 по 1862 г. относятся: введеніе, по примѣру Военнаго министерства, разсылки къ публичнымъ торгамъ секретныхъ цѣнъ, при непревышеніи которыхъ предоставлялось мѣстнымъ начальникамъ утверждать торги на всякую сумму; предоставленіе главноуправляющему заключать подряды на сроки долѣе 4-хъ лѣтъ, и дозволеніе выдавать подрядчикамъ платежныя свидѣтельства впредь до выдачи окончательныхъ квитанцій. Состоящіе въ завѣдываніи Главнаго Управленія два выс-

шія учебныя заведенія: Институтъ Инженеровъ Путей Сообщенія и Строительное Училище при Чевкинѣ получили существенное преобразованіе, проникнутое освободительнымъ духомъ, господствовавшимъ въ этотъ періодъ. Одною изъ первыхъ мѣръ въ этомъ направленіи было изданіе Высочайше утвержденныхъ 7 іюля 1856 года правилъ для лицъ, желающихъ держать выпускной экзаменъ въ Институтѣ Корпуса Инженеровъ Путей Сообщенія. Правилами дозволено допускать къ экзамену въ Институтѣ лицъ не дворянскаго происхожденія, если они окончили съ отличнымъ успѣхомъ полный курсъ наукъ въ учебныхъ заведеніяхъ перваго разряда. Таковыя лица, поступившія въ Институтъ, назывались экстернами. Для поступленія въ Институтъ экстерновъ и для надлежащаго исполненія изданнаго закона, Конференціею были выработаны разныя правила. Значительное число лицъ воспользовалось предоставленными льготами и, по сдачѣ экзаменовъ, удостоилось званія инженера путей сообщенія. Высочайшимъ повелѣніемъ, послѣдовавшимъ 19 февраля 1859 года, возрастъ для пріема въ Институтъ опредѣленъ отъ 14-ти до 19-ти лѣтъ (вмѣсто прежнихъ 11 — 13 лѣтъ) и два низшіе общіе класса были упразднены. Въ 1862 году послѣдовала совершенная отмѣна обученія ружейнымъ пріемамъ. Занятія при фронтовомъ ученіи были ограничены одиночною выправкою и общимъ строемъ безъ ружей. Изъ числа карательныхъ взысканій исчезло тѣлесное наказаніе. Въ 1861 году дозволено воспитанникамъ старшихъ классовъ жить на собственныхъ квартирахъ и ежедневно отлучаться изъ Института въ свободное отъ занятій время отъ 3 до 10 часовъ пополудни. Въ томъ же 1861 году срокъ обязательной службы для окончившихъ полный курсъ въ Институтѣ и воспитывавшихся на казенный счетъ сокращенъ съ десяти на шесть лѣтъ. Съ 20 ноября 1859 года, въ полувѣковую годовщину Института Корпуса Инженеровъ Путей Сообщенія, по представленію Чевкина началъ составляться капиталъ для выдачи пособій экстернамъ; тогда же, также съ одобренія Чевкина, начались собранія въ Институтѣ служащихъ въ вѣдомствѣ, для обсужденія и разсмотрѣнія различныхъ строительныхъ проектовъ и предположеній. Крупныя измѣненія, однородныя съ произведенными въ Институтѣ, коснулись также Строительнаго Училища. 9-го мая 1857 года для поступленія въ Строительное Училище повышенъ возрастъ до 16 лѣтъ и постановлено принимать имѣющихъ полное гимназическое образованіе. 27-го іюня 1859 года утверждено положеніе о возведеніи въ званіе инженеръ-архитекторовъ тѣхъ изъ воспитанниковъ, выпущенныхъ на службу, которые оказали отличныя познанія въ строительномъ искусствѣ, примѣненномъ къ путямъ сообщенія, городскимъ и общественнымъ сооруженіямъ. 30-го августа 1861 года утверждено положеніе объ экстернахъ Строительнаго Училища.

Въ разсматриваемый періодъ «Журналъ Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій» представлялъ блестящее собраніе техническихъ статей. К. В. Чевкинъ, распрашивая инженеровъ о работахъ, которыми они завѣдывали, очень часто просилъ непремѣнно помѣстить описаніе ихъ въ «Журналѣ». Самъ онъ въ представляемыхъ отчетахъ отъ Окружныхъ Правленій и въ различныхъ пояснительныхъ запискахъ отмѣчалъ тѣ мѣста, которыя должно было напечатать въ «Журналѣ». Благодаря этимъ условіямъ, равно какъ платѣ за статьи и большой опытности, пріобрѣтенной отъ продолжительнаго редактированія В. П. Соболевскимъ, журналъ получилъ должное значеніе въ технической литературѣ. По цѣнности матеріала всегда сохранятъ свое значеніе статьи Журавскаго, Энрольда, Еракова, Штукенберга, Казнакова, Глушинскаго, Салова, Безпалова, Соколова, Андреева, Баландина и другухъ инженеровъ. Оплата статей и улучшеніе въ журналѣ должны были вызвать значительные расходы, на покрытіе которыхъ въ 1857 году установлена для желающихъ получать журналъ плата по 5 рублей.

Кромѣ завѣдыванія ввѣренною частью, Чевкинъ принималъ очень дѣятельное участіе въ трудахъ Комитетовъ по освобожденію крестьянъ.

Выдающіеся труды Чевкина были постоянно Высочайше отличаемы наградами и повышеніями. Утвержденіе въ должности главноуправляющаго послѣдовало 1-го января 1856 г., а 15 апрѣля того-же года Константинъ Владиміровичъ назначенъ ге-

нералъ-адъютантомъ; 26-го августа произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи; орденъ св. Александра Невскаго Чевкинъ получилъ 24-го мая 1857 г.; алмазные на сей орденъ знаки—8-го сентября 1859 г. и орденъ св. Андрея Первозваннаго 23-го апрѣля 1861 г. Въ Высочайшей грамотѣ при пожалованіи орденомъ св. Александра Невскаго было сказано между прочимъ: «Самое осуществленіе мысли о примѣненіи по пространству Россіи первой главной сѣти желѣзныхъ дорогъ, успѣшнымъ началомъ своимъ много обязано дѣятельному и просвѣщенному участію Вашему въ семъ важномъ дѣлѣ». Въ грамотѣ при пожалованіи ордена св. Андрея Первозваннаго было, между прочимъ, сказано: «Избранные Нами въ 1855 г. къ занятію должности главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями, вы съ пламеннымъ усердіемъ приступили къ развитію дѣйствій этой важной части государственнаго управленія. Въ ваше завѣдываніе ею, приступлено къ построенію многихъ новыхъ желѣзныхъ дорогъ и начато сооруженіе многихъ огромныхъ работъ, необходимыхъ для усиленія судоходства и сообщенія, и для развитія через то промышленныхъ силъ Россіи. Независимо отъ дѣятельныхъ трудовъ вашихъ по управленію, вамъ ввѣренному, вы по особой Нашей къ вамъ довѣренности были призваны Нами къ участію въ трудахъ и по другимъ предметамъ государственнаго благоустройства. Всѣ такія порученія Наши вы всегда исполняли съ пламеннымъ усердіемъ и неутомимою дѣятельностью. Приступивъ къ освобожденію помѣщичьихъ крестьянъ, Мы назначили васъ членомъ учрежденнаго для сего Главнаго Комитета. Искренно сочувствуя этому дѣлу, вы принимали самое дѣятельное участіе во всѣхъ вообще трудахъ сего Комитета, какъ предварительныхъ, такъ и окончательныхъ. Когда на разсмотрѣніе Комитета поступали проекты, составленные особо учрежденными для сего редакціонными комиссіями, вашимъ участіемъ какъ въ Главномъ Комитетѣ, такъ и въ Государственномъ Совѣтѣ, при разсмотрѣніи всѣхъ работъ по крестьянскому дѣлу, вы много содѣйствовали окончанію онаго соотвѣтственно Нашимъ видамъ и желаніямъ».

При полученіи всемилостивѣйшихъ наградъ Чевкинъ имѣлъ обыкновеніе отдавать особые приказы по вѣдомству, въ которыхъ обращался къ своимъ сослуживцамъ и подчиненнымъ съ выраженіемъ признательности. Близкое и непрерывное сношеніе съ чинами вѣдомства Путей Сообщенія, совершенно измѣнило и тотъ пессимистическій взглядъ, который существовалъ у Чевкина при его вступленіи въ должность Главноуправляющаго.

Усиленныя занятія разстроили здоровье Чевкина и онъ испросилъ Высочайшее соизволеніе на освобожденіе отъ должности главноуправляющаго Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій. 11 октября 1862 года послѣдовалъ милостивый Высочайшій рескриптъ, коимъ прошеніе Чевкина удовлетворялось и онъ оставлялся въ званіяхъ генералъ адъютанта и члена Государственнаго Совѣта. На мѣсто Чевкина главноуправляющимъ былъ назначенъ инженеръ путей сообщенія, генералъ-лейтенантъ П. П. Мельниковъ. Въ прощальномъ приказѣ Чевкинъ, между прочимъ сказалъ: «Вынужденный истощеніемъ силъ оставить управленіе, которому въ продолженіе семи лѣтъ я посвятилъ съ живѣйшимъ участіемъ всѣ старанія мои, я оставляю это многотрудное поприще съ искреннимъ сожалѣніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ утѣшительною для будущности его надеждою, видя столь важную для государственной жизни часть порученною такому достойному преемнику. Еще разъ благодарю всѣхъ моихъ бывшихъ сослуживцевъ и въ особенности главнѣйшихъ изъ нихъ: гг. начальниковъ отдѣльныхъ частей и округовъ». 18 октября того же 1862 г. Всемилостивѣйше предоставлено генералъ-адъютанту Чевкину носить мундиръ корпуса инженеровъ путей сообщенія и числиться по сему корпусу. Съ 1863 года Чевкинъ былъ назначенъ на важный постъ предсѣдателя департамента Экономіи Государственнаго Совѣта и съ того времени въ теченіи девяти лѣтъ постоянно утверждался вновь въ этой должности. Въ этомъ званіи, Чевкинъ оказалъ важныя услуги русскому государственному кредиту: при содѣйствіи министра финансовъ М. Х. Рейтерна и государственнаго контролера Татаринова, Чевкинъ привелъ государственный бюджетъ въ равновѣсіе. Какъ пред-

сѣдатель въ Особомъ Комитетѣ по дѣламъ Царства Польскаго К. В. Чевкинъ имѣлъ счастіе видѣть начало, по крайней мѣрѣ, осуществленія тѣхъ реформъ, которыя способствовали сплоченію Привислинскаго края съ остальными частями Имперіи. Какъ членъ Комиссіи по освобожденію крестьянъ онъ дѣйствовалъ неутомимо въ томъ смыслѣ, въ какомъ разрѣшился этотъ вопросъ. Какъ участвовавшій въ обсужденіи проекта реформы среднихъ учебныхъ заведеній, онъ энергически защищалъ пользу реальнаго образованія. Въ бытность свою членомъ Государственнаго Совѣта, Чевкину вновь пришлось принять дѣятельное участіе въ рѣшеніи вопроса о передачѣ Николаевской желѣзной дороги Главному Обществу. 21 октября 1867 года былъ Высочайше утвержденъ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ графа Строганова 1-го для разсмотрѣнія предложеній Уайненса, Полякова, Главнаго Общества и московскихъ капиталистовъ о Николаевской желѣзной дорогѣ. 18 апрѣля 1868 года въ соединенномъ засѣданіи учрежденнаго комитета и Комитета Финансовъ были разсмотрѣны условія передачи, причемъ отклонены предложенія Уайненса и Полякова, а о прочихъ предложеніяхъ мнѣнія раздѣлились. Журналъ Комитета Министровъ былъ доложенъ Государю, и на семъ журналѣ послѣдовала Высочайшая резолюція: «Разсмотрѣть еще, въ Совѣтѣ Министровъ въ Нашемъ присутствіи, въ субботу, въ часъ, въ Царскомъ Селѣ, съ приглашеніемъ генералъ-адъютанта графа Строганова», 6 іюня 1868 года. При обсужденіи этого дѣла въ Совѣтѣ Министровъ 8 того же іюня при участіи приглашеннаго въ засѣданіе генералъ-адъютанта Чевкина, Государь, признавая условія уступки Главному Обществу Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ болѣе соотвѣтствующими видамъ государственнаго хозяйства и предположенной цѣли образованія особаго денежнаго фонда, предназначеннаго исключительно на довершеніе нашихъ желѣзныхъ дорогъ, 9 іюня 1868 года повелѣлъ «передать Николаевскую желѣзную дорогу Главному Обществу Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ на основаніи принятыхъ онымъ, какъ общихъ техническихъ и финансовыхъ условій сей уступки, такъ равно и обязательствъ въ отношеніи правительства, съ тѣми дополненіями и измѣненіями общихъ условій, которыя признаны Комитетомъ Министровъ необходимыми». Послѣдствіемъ сего Николаевская желѣзная дорога поступила въ вѣдѣніе Главнаго Общества съ 1 сентября 1868 года.

31 марта 1872 года было торжественно отпраздновано пятидесятилѣтіе службы Чевкина въ офицерскихъ чинахъ. Въ Высочайшемъ рескриптѣ значилось: «Послѣ исполненія важныхъ обязанностей по частямъ административной и судебной, призванные мною къ управленію вѣдомства Путей Сообщенія, вы, по указаніямъ Моимъ, неусыпными трудами положили прочное начало построенію въ Россіи обширной сѣти желѣзныхъ дорогъ— залога ея богатства и преуспѣянія, и до сего времени остаетесь однимъ изъ ближайшихъ и полезнѣйшихъ совѣтниковъ Моихъ въ трудныхъ вопросахъ по желѣзнодорожному дѣлу. Столь же ревностное участіе вы принимали во всѣхъ важныхъ мѣропріятіяхъ и государственныхъ преобразованіяхъ, обсуждавшихся въ высшихъ учрежденіяхъ. Въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ Я нашелъ въ васъ сотрудника, съ горячимъ сочувствіемъ отозвавшагося на Мой призывъ, вѣрно понявшаго Мою мысль и Мои намѣренія. Наконецъ, девятилѣтнимъ предсѣдательствованіемъ въ департаментѣ Экономіи Государственнаго Совѣта вы стяжали новыя права на признательность и уваженіе соотечественниковъ. Нужна была необыкновенная энергія и настойчивость, съ обширною дѣловою опытностію и многосторонними свѣдѣніями, чтобы преодолѣть всѣ трудности предлежавшей сему департаменту задачи: возстановленія равновѣсія между государственными расходами и доходами при постоянно и быстро возраставшихъ потребностяхъ управленія. Вамъ дано счастіе видѣть нынѣ уже первый плодъ тяжелыхъ трудовъ, которые вы въ семъ дѣлѣ несете съ полнымъ самоотверженіемъ, не зная отдыха, не щадя силъ и здоровья. Сведеніе росписи 1872 года безъ дефицита есть важная ступень, какъ залогъ прочнаго улучшенія въ будущемъ, и отечество не забудетъ, насколько оно этимъ обязано вамъ и другимъ сотрудникамъ Моимъ въ дѣлахъ финансоваго управленія». Вмѣстѣ съ симъ Чевкину былъ

пожалованъ украшенный алмазами портретъ Государя Императора. Въ память событія была выбита медаль. Военное вѣдомство, Горное вѣдомство, вѣдомство Путей Сообщенія, множество ученыхъ и благотворительныхъ обществъ привѣтствовали юбиляра адресами. По ходатайству министра Путей Сообщенія Чевкинъ Высочайше былъ назначенъ почетнымъ членомъ Института Инженеровъ Путей Сообщенія. Вѣдомство Путей Сообщенія собрало капиталъ, на который въ Институтѣ Инженеровъ Путей Сообщенія образовало три стипендіи.

Въ 1873 году, когда праздновалось столѣтіе существованія Горнаго Института, К. В. Чевкину, въ знакъ особой Монаршей милости къ Горному Институту и въ ознаменованіе плодотворной дѣятельности на поприщѣ развитія въ Россіи высшаго техническаго горнаго образованія, присвоено званіе почетнаго Члена Совѣта Горнаго Института. Разстроенное здоровье заставило Чевкина удалиться отъ дѣлъ; 29 іюня 1875 г. онъ, больной, отправился заграницу. 3 ноября 1875 г. телеграмма сообщила Русскому обществу о его кончинѣ въ Ниццѣ, гдѣ онъ и погребенъ. По сообщенію М. И. Семевскаго (издателя журнала «Русская Старина») Чевкинъ оставилъ ему сундукъ съ разными бумагами, представляющими архивъ Чевкина. По смерти Семевскаго бумаги Чевкина исчезли. Печатныхъ же трудовъ послѣ Чевкина не осталось, исключая одной статьи, составленной имъ вмѣстѣ съ А. Д. Озерскимъ: «Обзоръ горной производительности Россіи». Статья помѣщена въ 1851 году въ первомъ томѣ «Сборника статистическихъ свѣдѣній о Россіи», издаваемаго статистическимъ отдѣленіемъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Безукоризненно честный въ высшемъ значеніи этого слова, упорный и настойчивый въ достиженіи однажды принятой цѣли, горячо сознававшій обязанности, налагаемыя на него чувствомъ долга, онъ съумѣлъ приносить свои личныя чувства, трудъ и здоровье въ жертву общему дѣлу. Имя Чевкина останется навсегда тѣсно связаннымъ со многими славными страницами двухъ царствованій.

Формулярный списокъ К. В. Чевкина. — Кн. Лобановъ-Ростовскій, «Русская Родословная книга», т. II. — Некрологи К. В. Чевкина, 1875 г.: 1) «Русскій Инвалидъ», №№ 245 и 254; 2) «Голосъ», №№ 307 и 312; 3) «Всем. Иллюстр.», № 359; 4) «Московск. Вѣдом.», № 288; 5) «Новое Время», № 288; 6) «Газета Гатцука», № 49; 7) «Домашняя Бесѣда», № 47, стр. 1239; 8) «Одесскій Вѣстникъ», № 251; 9) «Русскій Міръ», № 227; 10) «Вѣстникъ Европы», т. 6, № 12; 11) «Иллюстрированная Недѣля», № 45; 12) «Гражданинъ», 1876 г., № 4; 13) Отчетъ Имп. Русскаго Географическаго Общества за 1875 г.—Лоранскій, А. «Историческій очеркъ Горнаго Института», 1873 г. — Лоранскій, А. «Краткій исторический очеркъ административныхъ учрежденій Горнаго вѣдомства въ Россіи, 1700—1900 гг.».—«Краткій историческій очеркъ развитія и дѣятельности вѣдомства путей сообщенія за сто лѣтъ его существованія 1797—1897 гг.».—Верховскій, В. М. «Краткій историческій очеркъ начала и распространенія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи по 1897 г. включительно», 1898 г.—«Краткій историческій очеркъ развитія водяныхъ и сухопутныхъ сообщеній и торговыхъ портовъ въ Россіи», 1900 г.—Житковъ, С. М. «Институтъ инженеровъ путей сообщенія Императора Александра I». Историческій очеркъ, 1899 г.—Панаевъ, А. А. «Четыре министра путей сообщенія, 1833 — 1869 гг. Графъ Толь, графъ Клейнмихель, генералъ-адъютантъ Чевкинъ и инженеръ-генералъ Мельниковъ», 1889 г. — «Уайненсъ, Гаррисонъ и Уайненсъ. Прошеніе и приложенія, представленныя Е. И. В. Государю Императору Александру II относительно ихъ иска на Россійское правительство. Печатано частнымъ образомъ для американскаго посольства въ С.-Петербургѣ и для гг. членовъ Комитета Министровъ, Лондонъ, 1863 г.».—«Обзоръ бюджетнаго законодательства въ Россіи за 1862—1890 г.». Изданіе Государственной канцеляріи, 1891 г. — «Русскій біографическій Словарь», т. I. Біографія Императора Александра II. — На страницахъ «Русской Старины» имя Чевкина встрѣчается постоянно; главнѣйшія статьи о немъ и воспоминанія: 1) К. В. Чевкинъ. Біографическій очеркъ (до 1834 года), 1877 г., № 5; 2) К. В. Чевкинъ, Главноуправляющій П. С., Н. Н. Селифонтова, 1878 года; 3) То же *** 1885 г., № 2; 4) Изъ исторіи желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи: Николаевская дорога въ 1842—1852 г. А. И. Штукенберга, 1885 г., № 5; 5) Очерки и воспоминанія Н. М. Колмакова, 1840—1860 г., 1891 г., № 7; 6) Изъ записокъ Милютиной, 1899 г., № 2.

С. Житковъ.

Чекалевскій, *Петръ Матвѣевичъ*, совѣтникъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, родился въ 1718 году; въ 1742 — 43 гг. былъ переводчикомъ при русскомъ консулѣ въ Персіи, причемъ въ «Дневныхъ запискахъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ за 1742 г.» сохранились двѣ записки, поданныя студентомъ Петромъ Чекалевскимъ: отъ 3-го января, въ которой онъ сообщаетъ, что по полученнымъ черезъ персіянина Кыличбека извѣстіямъ шахъ терпитъ пораженія въ сраженіяхъ съ горскими народами, находится въ новопостроен-

ной крѣпостцѣ подъ Дербентомъ, имѣетъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и, поджидая къ себѣ турецкое посольство съ Хаджи-ханомъ для заключенія мира съ Турціей, намѣренъ объявить войну Россіи, что помимо этого онъ объявилъ по себѣ наслѣдникомъ сына своего Несруллу-Мирзу вмѣсто старшаго сына Резокуллы-Мирзы, на котораго онъ сердитъ за погибель шаха Тохмаса съ фамиліей,— и отъ 7-го февраля того же года съ краткимъ описаніемъ неудачъ шаха въ борьбѣ его съ лезгинами и Усміемъ и приготовленій къ встрѣчѣ ожидающагося великаго посольства къ шаху отъ Порты Оттоманской. Въ концѣ 1740 годовъ Чекалевскій былъ секретаремъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и 18-го декабря 1755 г. произведенъ въ чинъ коллежскаго ассесора, съ назначеніемъ консуломъ въ Персію, въ Энзелійскій портъ, такъ какъ онъ имѣлъ «въ персидскомъ языкѣ искусство». Здѣсь онъ пробылъ до 25-го мая 1760 г., когда былъ награжденъ чиномъ надворнаго совѣтника и съ жалованьемъ въ 800 руб. въ годъ переведенъ снова въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ.

Барановъ, П. Опись Высоч. указамъ и повелѣніямъ въ Спб. Сенат. Архивѣ, Т. III, №№ 10344, 11589.—Бутковъ, «Матеріалы для новой исторіи Кавказа». Т. I, стр. 531, 539. — «Историч. бумаги» Арсеньева, стр. 260. — Архивъ кн. Воронцова. Т. I, 95, 185.—«Сенатскій Архивъ», т. V, Спб. 1892, с. 586; т. VIII, Спб. 1897, с. 504—506.

В. Широковъ.

Чекалевскій, *Петръ Петровичъ*, дѣйствит. стат. сов., вице-президентъ Импер. Академіи Художествъ; родился въ С.-Петербургѣ 16 января 1751 г. и умеръ тамъже 7 мая 1817 г.; сынъ предыдущаго. Въ 1765 г. изъ сержантовъ артиллеріи онъ былъ опредѣленъ на службу въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ и въ 1767 г. получилъ тамъ мѣсто актуаріуса; въ 1770 г. назначенъ переводчикомъ и отправленъ на службу въ Вѣну при полномочномъ министрѣ кн. Голицынѣ; оттуда въ 1776 г. онъ былъ переведенъ въ Копенгагенъ, гдѣ въ отсутствіе министра-резидента оставался повѣреннымъ въ дѣлахъ при датскомъ дворѣ вплоть до 1781 г. Съ 1781 г. до конца 1784 г. Чекалевскій былъ въ С.-Петербургѣ совѣтникомъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. По предложенію президента Импер. Академіи Художествъ И. И. Бецкаго онъ былъ опредѣленъ въ должность конференцъ-секретаря этой Академіи съ 1 января 1785 г. Въ 1799 г., 5 августа, уже въ чинѣ статскаго совѣтника, Чекалевскій былъ назначенъ вице-президентомъ Академіи Художествъ, а 3 марта 1800 г. произведенъ въ чинъ дѣйствит. статскаго совѣтника. Послѣ смерти президента Академіи графа А. С. Строганова, министръ Народнаго Просвѣщенія графъ А. К. Разумовскій въ чрезвычайномъ собраніи Академіи 12 октября 1811 г. объявилъ Высочайшую волю, чтобы Академія Художествъ, впредь до повелѣнія, управлялась вице-президентомъ Чекалевскимъ, подъ вѣдѣніемъ министра Нар. Просвѣщенія. Чекалевскій управлялъ Академіей до самой смерти. Надпись на памятникѣ надъ могилой Чекалевскаго, находящейся на Александро-Невскомъ кладбищѣ, даетъ такую характеристику его личности: «другъ человѣчества; приверженностью къ вѣрѣ, преданностью къ Государю и отечеству снискалъ благоволеніе верховнаго правительства, уваженіе родныхъ, ближнихъ и друзей, и привлекъ къ себѣ юныя сердца питомцевъ». Несомнѣнно, что это былъ человѣкъ очень добрый и мягкій въ сношеніяхъ, какъ съ воспитанниками Академіи, такъ и съ другими лицами. Извѣстный академикъ Витбергъ, привозившій въ 1815 г. свой проектъ храма Христа Спасителя и въ то время добивавшійся избранія въ академики, имѣлъ случай испытать доброту Чекалевскаго. Въ 1793 г. Чекалевскій издалъ въ пользу воспитанниковъ Академіи свою книгу «Разсужденіе о свободныхъ художествахъ, съ описаніемъ нѣкоторыхъ произведеній Россійскихъ художниковъ» (Спб. 8°); извѣстно также, что въ 1799 г. онъ платилъ за содержаніе въ Академіи Александра Остенека (Востокова). По складу своего ума и образованія Чекалевскій принадлежалъ, конечно, вѣку Екатерины; особенно характерно обрисовываетъ его въ этомъ отношеніи одно замѣчаніе по поводу плана Витберга: «какъ жаль,» говорилъ онъ съ сердечнымъ участіемъ своимъ знакомымъ, «вѣдь, Витбергъ помѣшался: онъ мнѣ говорилъ о какихъ-то откровеніяхъ, о Богѣ». Кромѣ упомянутаго уже «Разсужденія о свободныхъ художествахъ», Чекалевскій написалъ еще «Опытъ ваянія изъ бронзы однимъ пріе-

момъ колоссальныхъ статуй. Essai sur les opérations pratiquées lors de la fusion en bronze des statues colossales d'un seul jet». (С.-Петербургъ, 1810 года, 4°), одновременно на русскомъ и на французскомъ языкахъ, съ посвященіемъ Императору Александру I; здѣсь описанъ способъ отливки колоссальныхъ статуй, практиковавшійся въ литейной мастерской Академіи Художествъ; для учениковъ этой мастерской книга должна была служить руководствомъ въ ихъ искусствѣ. «Разсужденіе о свободныхъ художествахъ» представляетъ несомнѣнный историческій интересъ, какъ изложеніе взглядовъ на задачи искусства, его исторію и значеніе въ жизни, со стороны человѣка, имѣвшаго возможность въ теченіе значительнаго промежутка времени оказывать непосредственное вліяніе на судьбы русскаго искусства. Книга составилась довольно случайно: при чтеніи разныхъ иностранныхъ сочиненій авторъ замѣчалъ для себя нѣкоторыя мнѣнія; оказавшіяся среди нихъ разсужденія насчетъ изящныхъ художествъ онъ собралъ вмѣстѣ и отпечаталъ потому, что знакомство съ ними могло принести пользу молодымъ русскимъ художникамъ; при этомъ онъ упомянулъ вкратцѣ и о нѣкоторыхъ произведеніяхъ русскихъ художниковъ, бывшихъ пансіонерами Академіи Художествъ. Для характеристики взлядовъ Чекалевскаго или, лучше сказать, взглядовъ усвоенныхъ имъ изъ иностранныхъ сочиненій, достаточно привести его разсужденія о свойствѣ, предметѣ и дѣйствіи изящныхъ художествъ, оставляя въ сторонѣ примѣненіе этихъ разсужденій къ отдѣльнымъ художествамъ — скульптурѣ, живописи и архитектурѣ. «Свойство изящныхъ художествъ», говоритъ онъ, «состоитъ въ томъ, чтобы представить предметъ нашего понятія въ такой силѣ, чтобы оныя могли произвести въ насъ чувствительность посредствомъ чувствъ нашихъ и того внутренняго къ себѣ привлеканія, котораго источникъ находится въ пріятности; предметъ ихъ долженъ быть тотъ, чтобы изображеніемъ тронуть сильно наше сердце, а точное ихъ дѣйствіе должно склониться къ тому, чтобы возвысить душу». Разсмотрѣвши пользу, «какая можетъ произойти, когда изящныя художества, дошедъ до самого совершенства, сдѣлаются у какого-либо народа всеобщими», авторъ представляетъ краткую исторію происхожденія и развитія художествъ у древнихъ народовъ Востока, у грековъ, римлянъ и въ Западной Европѣ и, между прочимъ, объясняетъ превосходство грековъ въ художествахъ стеченіемъ многихъ обстоятельствъ: «въ томъ участвовали климатъ, ихъ политическія установленія, образъ ихъ мыслей, почтеніе, коимъ художники пользовалися, и предметъ, къ какому художества были употребляемы.» Для оцѣнки дѣятельности Чекалевскаго въ качествѣ вице-президента на пользу Академіи, а черезъ нее и русскаго искусства и отечества, въ настоящее время данныхъ не имѣется. Не говоря уже о томъ, что исторія Академіи Художествъ за ея болѣе чѣмъ столѣтнее существованіе не только не написана, но и еще долго заставитъ ждать себя, въ частности, ничего неизвѣстно и о степени и характерѣ участія Чекалевскаго въ качествѣ члена двухъ Высочайше назначенныхъ комиссій: одной для постройки памятника Суворову, а другой для постройки Казанскаго собора. 24 августа 1816 г. Чекалевскій былъ назначенъ, по предложенію министра нар. просв. кн. А. Н. Голицына, въ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ Оленина для разсмотрѣнія нуждъ Академіи; но болѣзнь и послѣдовавшая за нею въ 1817 г. смерть, кажется, не дали ему возможности принять участіе ни въ одномъ засѣданіи комитета. Въ виду всего выше указаннаго остается только отмѣтить тотъ фактъ, что заслуги Чекалевскаго были признаны и высоко цѣнимы Императорами Павломъ I и Александромъ I; Чекалевскій имѣлъ ордена до Анны I степ. включительно, причемъ, напримѣръ, въ одномъ 1802 году ему были пожалованы бриллiантовый крестъ св. Анны 2 степ., св. Владиміра 4 ст. и св. Владиміра 3 ст.; кромѣ того, отъ Павла I онъ получилъ табакерку съ бриллiантами, а отъ Александра I — бриллiантовый перстень за посвященіе Императору своего «Опыта».

Сборникъ матеріаловъ для исторіи И. Академіи Художествъ за 100 лѣтъ ея существованія. Изд. подъ ред. П. Н. Петрова. Спб. 1864 — 1866 г., ч. I, стр. 281, 314, 318, 383, 392, 419, 422, 539, 545; ч. II, стр. 1, 81, 90.—Дѣла Правленія И. Акад. Худож. 1785 г., № 1; 1793 г. № 13; 1798 г. № 9; 1800 г. № 15. — Аттестатъ Коллегіи Иностран. Дѣлъ. — Формулярный списокъ. — «Петербургскій Некрополь» В. И. Саитова. Москва 1883, стр. 143.

—Сопиковъ. Опытъ Росс. Библіографія. №№ 7806, 9622.

В. Бенешевичъ.

Чекановскій, *Александръ Лаврентьевичъ*, извѣстный геологъ, изслѣдователь Восточной Сибири, родился въ 1832 г., въ Волынской губерніи, гдѣ его отецъ былъ арендаторомъ небольшого имѣнія. Мать его была по происхожденію нѣмка, благодаря чему Чекановскій съ дѣтства владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ также хорошо, какъ и польскимъ. Онъ рано обнаружилъ склонность къ естественнымъ наукамъ, которую несомнѣнно вызвали весьма благопріятныя условія: отецъ его былъ самъ страстный любитель-энтомологъ, а крестнымъ отцомъ Чекановскаго былъ извѣстный ботаникъ Бессеръ. Воспитывался Чекановскій въ гимназіи въ Кіевѣ; тамъ же поступилъ въ университетъ, по желанію отца, на медицинскій факультетъ. Но медицина никогда особенно не влекла къ себѣ Чекановскаго, а къ медицинской практикѣ онъ относился отрицательно. Во время своего пребыванія въ Кіевскомъ Университетѣ онъ поэтому гораздо болѣе, чѣмъ медицинскими, занимался естественными науками подъ руководствомъ Роговича, Феофилактова и Кесслера, а съ послѣднимъ совершалъ неоднократно зоологическія экскурсіи. Отдавшись съ жаромъ изученію естественныхъ наукъ, вообще, и не отдавая сначала предпочтенія ни одной изъ нихъ, онъ впослѣдствіи выдѣлилъ изъ ихъ круга и сосредоточилъ свое вниманіе на геологіи; выдающіяся способности и замѣчательное трудолюбіе дали ему возможность настолько овладѣть предметомъ, что еще на студенческой скамьѣ, по свидѣтельству его земляка д-ра Дыбовскаго, онъ исполнилъ самостоятельный трудъ,—изслѣдованіе гранитовъ Волынской и Подольской губерній; трудъ этотъ по какимъ то причинамъ остался неизданнымъ. Въ 1855 году Чекановскій перешелъ въ Дерптскій Университетъ, куда его влекла лучшая постановка дѣла обученія. Сначала онъ поступилъ и здѣсь на медицинскій факультетъ, но вскорѣ перешелъ ради любимой своей спеціальности на минералогическое отдѣленіе естественно-историческаго факультета.

Пребываніе въ Дерптскомъ Университетѣ имѣло большое для него значеніе, такъ какъ здѣсь, примкнувъ къ кружку студентовъ-естествоиспытателей, онъ познакомился и близко сошелся со многими личностями, занявшими впослѣдствіи видное мѣсто въ мірѣ науки; между прочимъ съ Ф. Б. Шмидтомъ (академикомъ), въ ту пору магистрантомъ Дерптскаго Университета. Вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ въ 1856 и 1857 г.г. Чекановскій совершилъ нѣсколько экскурсій по силлурійской системѣ Эстляндіи и острова Эзеля для болѣе близкаго знакомства съ этой формаціей, чтобы затѣмъ продолжать изслѣдованіе Днѣстровскихъ силлурійскихъ отложеній, по которымъ онъ уже экскурсировалъ ранѣе и изъ которыхъ уже привезъ богатую коллекцію, оставленную имъ частью въ Кіевѣ, частью въ Дерптѣ. Кромѣ того, Чекановскій, подъ руководствомъ проф. Гревингка, привелъ въ порядокъ и опредѣлилъ петрографическія коллекціи университетскаго минералогическаго кабинета. Окончивъ этотъ трудъ, онъ не долго оставался въ Дерптѣ и, уѣхавъ на лѣтніе каникулы 1857 г., больше туда не возвращался. Недостатокъ средствъ и семейныя обстоятельства не позволили ему по окончаніи университета, получить ученую степень и пойти прямо къ желанной цѣли. На родинѣ онъ поступилъ въ компанію Сименса и Гальске, проводившую телеграфную линію въ Индію, съ заднею мыслью, что со временемъ ему удастся получить назначеніе въ какія-нибудь малоизвѣстныя страны Азіи. Пока же онъ занялся приведеніемъ въ порядокъ и опредѣленіемъ палеонтологическихъ коллекцій, пріобрѣтенныхъ для Кіевскаго Университета. Событія 1863 года рѣзко измѣнили его планы. Замѣшанный въ польскомъ мятежѣ, онъ былъ сосланъ въ Сибирь. Но и въ эту трудную годину Чекановскій не измѣнилъ своему призванію ученаго естествоиспытателя. Слѣдуя по этапу пѣшкомъ отъ Кіева до Тобольска съ товарищемъ и другомъ своимъ Николаемъ Гартунгомъ, тоже натуралистомъ, они ухитрились собрать богатую коллекцію насѣкомыхъ; изъ обломка графина Чекановскій собственноручно отшлифовалъ увеличительное стекло, съ которымъ и работалъ, опредѣляя на пути породы муравьевъ въ своей коллекціи. Прибывъ въ началѣ зимы 1864—1865 года въ Томскъ, Чекановскій опасно заболѣлъ тифомъ, который считаютъ причиною мрачной меланхоліи, при-

ведшей его впослѣдствіи къ самоубійству. Мѣстомъ ссылки его было назначено Забайкалье, гдѣ онъ пробылъ, впрочемъ, недолго и къ тому же мало жилъ на одномъ мѣстѣ. Уже лѣтомъ 1866 г. ему пришлось возвратиться въ Иркутскъ, чтобы отправиться на поселеніе въ д. Падунъ, Братской волости, на р. Ангарѣ. И здѣсь онъ, не смотря на суровую обстановку, тяжелый, непривычный крестьянскій трудъ, которымъ пришлось ему снискивать себѣ пропитаніе, произвелъ много любопытныхъ наблюденій по геологіи, составилъ разныя коллекціи и занимался метеорологическими наблюденіями, причемъ вслѣдствіе недостатка необходимыхъ инструментовъ самъ придумывалъ для этого остроумные пріемы. Здѣсь разыскалъ его академикъ Ф. Б. Шмидтъ; благодаря его участію, по ходатайству Академіи Наукъ, которой были представлены имъ коллекціи Чекановскаго, послѣднему вскорѣ разрѣшено было въ 1867 г. переѣхать въ Иркутскъ. Здѣсь онъ могъ работать при Сибирскомъ Отдѣлѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, и съ его помощью осуществить, наконецъ, свою завѣтную мечту. Вскорѣ онъ получилъ отъ Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества порученіе: геологически изслѣдовать Иркутскую губернію, чѣмъ онъ и былъ занятъ съ 1869 по 1871 г. Предварительныя сообщенія объ этой работѣ появились уже въ 1869 г. и были награждены Обществомъ въ 1870 г. малою золотою медалью. Подробный отчетъ подъ заглавіемъ: «Геологическое изслѣдованіе въ Иркутской губерніи, съ геологическою картою», занимаетъ XI томъ «Записокъ Сибирскаго Отдѣла Рус. Геогр. Общ.» 1874 г., стр. 1—398. Кромѣ геологическаго описанія значительной части Иркутской губерніи, одну изъ главныхъ заслугъ Чекановскаго, во время изслѣдованій его въ Иркутской губерніи, составляетъ открытіе и эксплуатація классической мѣстности для юрской флоры, это Усть-Балей на Ангарѣ. Въ 1871 г. Чекановскій принималъ участіе въ поѣздкѣ астронома Неймана въ Тункинскій край и на озеро Косоголъ. По окончаніи работъ по геологическому изслѣдованію Иркутской губерніи, Чекановскому, при содѣйствіи переписывавшагося съ нимъ Ф. Б. Шмидта, Импер. Географическимъ Обществомъ было поручено изслѣдовать малоизвѣстныя области между р.р. Енисеемъ и Леной, по теченію р. р. Нижней Тунгуски и Оленека. Чекановскій, которому принадлежало руководство этими экспедиціями въ 1873—1874 гг., блистательно выполнилъ возложенное на него порученіе. Географическое Общество по окончаніи этой экспедиціи предложило, было, ему продолжить ее еще на одинъ годъ для изслѣдованія рѣкъ Хатанги и Анабары, но онъ отклонилъ тогда это предложеніе, желая прежде дополнить изслѣдованіе, прерванное наступившей зимой, устья р. Оленека и изслѣдовать теченіе рѣки Лены, знакомое ему до сихъ поръ изъ поѣздокъ по зимнему пути. Планъ свой Чекановскій и исполнилъ независимо отъ Географическаго Общества, благодаря содѣйствію частныхъ лицъ, и къ концу 1875 г. возвратился изъ вторичной своей поѣздки на Оленекъ и Лену въ Иркутскъ, съ весьма богатыми результатами, между которыми особенно важными считаются открытіе въ нижнемъ теченіи Оленека коренного мѣсторожденія тріасовыхъ цератитовъ, которые прежде были извѣстны только по нѣсколькимъ экземплярамъ, привезеннымъ А. Ѳ. Миддендорфомъ въ 1845 г. изъ Якутска, безъ точнаго указанія ихъ происхожденія. Послѣ этого, Чекановскій, благодаря ходатайствамъ вице-предсѣдателя Географическаго Общества П. П. Семенова, былъ окончательно прощенъ и получилъ возможность пріѣхать въ Петербургъ для обработки результатовъ послѣднихъ экспедицій. Прибывъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1876 г. въ Петербургъ, Чекановскій немедленно представилъ Обществу предварительный отчетъ объ экспедиціи послѣдняго года, совершенной на собственныя средства,—о первыхъ онъ сообщалъ Обществу раньше письменно,—а затѣмъ занялся составленіемъ карты послѣдней экспедиціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ занимался разборомъ богатыхъ своихъ коллекцій, поступившихъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, въ музей Импер. Академіи Наукъ. Въ теченіи лѣта 1876 г. онъ составилъ двѣ карты: системы Нижней Тунгуски и р. Лены, ниже Якутска до Булуна, вмѣстѣ съ р. Яной; для сравненія своихъ коллекцій съ тріасовыми же коллекціями, привезенными шведскими учеными съ острова Шпицбергена, съѣздилъ въ Швецію, а осенью уже готовился

къ новой экспедиціи, которая должна была довести его планъ изслѣдованія всѣхъ большихъ рѣкъ между Енисеемъ и Леной до конца; тогда-же онъ представилъ Обществу краткій очеркъ своей географической дѣятельности,—но въ припадкѣ меланхоліи покончилъ съ собою, отравившись, 18 октября 1876 г. Не смотря на короткій сравнительно періодъ своей научной дѣятельности, Чекановскій оставилъ прочное научное наслѣдство: его изслѣдованія, охватывающія громадныя пространства Восточной Сибири, до сихъ поръ являются основнымъ, а по отношенію къ нѣкоторымъ мѣстностямъ (р. Оленекъ)—и единственнымъ источникомъ нашихъ географическихъ знаній. Его экспедиціи считаются весьма богатыми по своимъ результатамъ; упомянутыя выше карты значительно измѣнили и дополнили карту Азіатской Россіи въ области р.р. Оленека, Нижней Тунгуски и низовьевъ р.р. Лены съ Яной. Всѣ эти карты цѣликомъ, съ нѣкоторыми дополненіями, сдѣланными при участіи автора, вошли въ карту Азіатской Россіи нашего Генеральнаго Штаба. Нѣмецкія изданія этихъ картъ появились впослѣдствіи въ «Petermann's Mittheilungen». Тамъ-же помѣщены и подробныя извлеченія изъ предварительныхъ отчетовъ экспедиціи, которыя, кромѣ того, появились еще въ журналахъ «Globus» и «Russische Revue» 1877 г. Общій ходъ экспедиціи на Оленекъ и главныя ея результаты изложены въ книгѣ спутника Чекановскаго—Ф. Миллера: «Unter Tungussen und Jacuten; Erlebnisse und Ergebnisse der Olenek-Expedition der Kais. Russ. Geograph. Gesellschaft. Leipzig. 1882». «Дневникъ» же экспедиціи «по рѣкамъ Нижней Тунгускѣ, Оленеку, Ленѣ въ 1873—75 годахъ»; съ портретомъ А. Л. Чекановскаго, 33 рисунками въ текстѣ и картой пути отъ урочища Аякитъ на Ленѣ до устья р. Оленекъ появился только въ 1896 г. въ «Запискахъ Имп. Руск. Геогр. Общ. по общей географіи», т. XX, въ обработкѣ И. Д. Черскаго. Чекановскій былъ превосходный коллекторъ и собралъ изумительныя по числу экземпляровъ коллекціи, которыя доставили матеріалъ для научныхъ работъ цѣлому ряду, какъ заграничныхъ, такъ и нашихъ ученыхъ по всѣмъ отраслямъ естественныхъ наукъ. Кромѣ того, въ послѣднюю свою экспедицію онъ собиралъ свѣдѣнія этнографическія и доставилъ матеріалы для словаря нарѣчія Кондогирскихъ тунгусовъ. Словарь этотъ былъ обработанъ академикомъ Шифнеромъ въ статьѣ: «Alexander Czekanowski's Tungusisches Wörterverzeichniss» (Bull. de l'Acad. Imp. de S.-Petersb. 1878 г., t. XXIV, p. 89—146). Чекановскому, кромѣ вышеупомянутыхъ трудовъ, принадлежатъ статьи: «Геологическія изслѣдованія въ Иркутской губ.» въ «Извѣст. Имп. Русск. Геогр. Общ.», т. V, 1869 г., стр. 247—253; — «Нѣсколько словъ о ближайшихъ задачахъ геологическаго изслѣдованія Иркутской губ.» въ «Отчетѣ Сибирскаго Отдѣла Русск. Геогр. Общ. за 1869 г.» прилож. стр. 115—140;—«Предварительныя сообщенія о результатахъ геологическихъ изслѣдованій, совершенныхъ въ Иркутской губ. въ 1869 г.», тамъ же, стр. 141—166;—«Мѣстность у ю.-з. оконечности Байкала въ отношеніи геологическаго ея характера» въ «Извѣстіяхъ Сибирск. Отд. И. Р. Г. О.» т. I, № 1, стр. 22—28;—«Изслѣдованіе голомянки», тамъ же, стр. 28—30;—«Возраженіе на замѣтку И. К., помѣщенную въ выноскѣ, стр. 120, отчета Спб. Отд. Географ. Общ. за 1870 г.», тамъ же, № 2—3, стр. 64—67;—«Краткій отчетъ о результатахъ изслѣдованій за лѣто 1871 года: 1) Дополнительное изслѣдованіе, 2) Экскурсія на ангарскіе пороги, 3) Поѣздка къ горѣ Мунку-Сардыкъ»; тамъ же т., II, № 5, стр. 16, 30, 38—42;—«Эпохи послѣдовательнаго геологическаго образованія площади, заключающейся между р.р. Енисеемъ и Леной», тамъ же, 1873 г., т. IV, № 5, стр. 225—235;—«Объ экспедиціи на Нижнюю (Тунгуску и Оленекъ», его письма и предварительныя отчеты, см. въ «Извѣстіяхъ Имп. Русск. Географ. Общ.» т. IX, отд. II, стр. 176, 223, 266, 360; т. X, отд. II, стр. 1—26, 175, 179—185, 233, 327—329; т. XI, отд. II, 148, 322; т. XII, отд. II, стр. 161—171;—«Дополнительныя свѣдѣнія къ картѣ рѣки Нижней Тунгуски», тамъ же т. XII, отд. II, стр. 403—415;—«Очеркъ географической дѣятельности», тамъ же, стр. 487—494;—«А. М. Ломоносовъ и А. Л. Чекановскій. О газахъ поднимающихся со дна Байкала», въ «Байкальскомъ Сборникѣ», вып. I. (Труды Восточно-Сибирск. отдѣла И. Р. Г. О. Иркутскъ 1897 г.);—«Карта

Нижней Тунгуски», въ «Извѣстіяхъ Имп. Русск. Геогр. Общ.» т. XII;—«Карта части р. Лены и части Якутской обл.», тамъ же, т. XIII.

Некрологи: «Новое Время» 1876 г., № 248; «Отчетъ Имп. Русск. Геогр. Общ. за 1876 г., стр. 11—12; «Извѣстія Спб. отд.» т. VIII, № 1—3, стр. 78; «Biographische Skizze von A. Czekanowski», von F. Schmidt въ «Russische Revue» 1877 г., кн. 10, стр. 164—169.—Біографія нап. Ф. Б. Шмидтомъ въ предисловіи и введеніи къ «Дневнику экспедицій и проч.» въ «Запискахъ Имп. Русск. Геогр. Общ. по общей географіи» 1896 г., т. XX, № 1.—«Tygodnik Illustrowany» 1877 г., №№ 59 и 60.—Подробности объ его работахъ при Сибирскомъ отдѣлѣ, свѣдѣнія объ его экспедиціяхъ, отзывы о его трудахъ, см. «Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ.» т.т. IV—XIII; Отчеты этого общества за соотвѣтствующіе годы; «Очеркъ 25-лѣтней дѣятельности Спб. отдѣла» Ирк. 1876 г., стр. 11—12, 14, 21—22.—См. также труды И. Д. Черскаго; В. А. Обручева: «Древне-палеозойскія осадочныя породы долины р. Лены между ст. Качугской и Витимской», въ Зап. В. Сиб. Отдѣла И. Р. Г. О. по общей географіи т. II, вып. I, Ирк. 1892 г. (см. указат. личн. им.)—«Ежегодникъ по геологіи и Минералогіи Россіи» т. II, вып. 2, отд. III, стр. 45.

Иннокентій Соколовъ.

Чеканскій, *Өедоръ Павловичъ,* писатель-математикъ, родился въ Петербургѣ въ 1847 году, воспитывался въ первой Петербургской гимназіи, гдѣокончилъ курсъ въ 1865 г., а затѣмъ поступилъ въ Технологическій Институтъ, но, пробывъ въ немъ два года, вышелъ изъ него и, выдержавъ экзаменъ на учителя уѣзднаго училища, занялся педагогической дѣятельностью. Занятіе это оказалось не по немъ и Чеканскій вскорѣ поступилъ въ Медицинскую Академію. Пробывъ въ ней два года, онъ серьезно заболѣлъ и вышелъ изъ Академіи съ сильно пошатнувшимся здоровьемъ. Болѣзнь отразилась также на его слухѣ и онъ почти совершенно оглохъ. Не смотря на всѣ эти невзгоды, Чеканскій не отчаявался, а наоборотъ съ еще большей энергіей и сосредоточенностью принялся за свои математическіе труды. Вскорѣ онъ написалъ вполнѣ самостоятельный и своеобразный учебникъ ариөметики, и одинъ изъ первыхъ смѣло высказался противъ безусловнаго восхваленія метода Грубе. «Полный курсъ первоначальной ариөметики», составленный Чеканскимъ, обратилъ на себя вниманіе печати и педагоговъ. Затѣмъ для большаго выясненія своего метода, онъ написалъ статью: «Программа и методъ преподаванія ариөметики» помѣщенную въ «Семьѣ и Школѣ», 1871 г., № 9. Не имѣя средствъ къ существованію, Чеканскій принужденъ былъ поступить на службу въ таможню. Эта служба отнимала у него много времени и тяготила его. Несмотря на это, онъ продолжалъ усиленно трудиться надъ разработкой математическихъ вопросовъ. Изъ его позднѣйшихъ статей извѣстны слѣдующія: «Ученіе объ отрицательныхъ количествахъ передъ судомъ логики»,—«Семья и Школа», 1871 г., № 8; «Геометрическое значеніе мнимаго знака»,—«Семья и Школа», 1874 г., № 10; «Толкованіе выраженія $^0/_0$», и «О параллельныхъ линіяхъ»,—«Семья и Школа», 1874 г., № 3. Чеканскій умеръ отъ чахотки въ Москвѣ, въ то время какъ ѣхалъ лечиться на югъ, 29 марта 1875 года.

«Семья и Школа», 1875 г., № 4, кн. II, стр. 239, 240.—«Иллюстрированная Недѣля», 1875 г., № 16, стр. 255.

А. Трика.

Чекинъ, *Лука Өедоровичъ,* поручикъ, уже въ 1747 г. (31 августа) былъ въ отставкѣ и за глухотою уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ, съ пожалованіемъ въ капитаны. Въ 1756-мъ году А. И. Шуваловъ приставилъ его, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими офицерами, къ Ивану Антоновичу, когда тотъ былъ переведенъ изъ Холмогоръ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Эту обязанность Чекинъ исполнялъ и въ царствованіе Екатерины II, причемъ онъ получилъ отъ Н. И. Панина такую инструкцію: возбуждать въ Иванѣ Антоновичѣ склонность къ монашескому чину, и безъ письменнаго его, Панина, указа никому его не выдавать, а если кто-либо захочетъ силою взять узника, то ни въ коемъ случаѣ не отдавать его живымъ, а лучше умертвить. Поэтому, когда Мировичъ хотѣлъ ворваться въ тюрьму, въ которой заключенъ былъ Иванъ Антоновичъ, Чекинъ, съ Власьевымъ, закололъ его, и на укоры Мировича сказалъ, что сдѣлалъ это по указу. Послѣ разслѣдованія дѣла Мировича, Чекинъ получилъ 7000 рублей награды, былъ отставленъ отъ службы съ сохраненіемъ жалованья и далъ подписку: «подъ лишеніемъ чести и живота не утруждать Императрицу относительно содержанія, жить всегда въ отдаленіи отъ многолюдныхъ компаній,

не ѣздить въ столичные города безъ крайней нужды и никогда не говорить объ извѣстномъ событіи» (смерти Ивана Антоновича).

Барановъ, Опись Высоч. повелѣній въ Сенатскомъ Архивѣ, т. III, Спб. 1878, №9689—9690.— Исторія Россіи Соловьева.—Полное Собраніе Законовъ, Манифестъ 17 августа 1764 г.—Сборникъ Имп. Русск. Ист. Об., т.XII, 170—171.

А. Некрасовъ.

Чекинъ, *Ѳедоръ Гавриловичъ*, генералъ-поручикъ арміи, одинъ изъ второстепенныхъ дѣятелей эпохи Петра Великаго и послѣдующихъ царствованій. Свѣдѣнія о его жизни скудны и отрывочны. Въ 1708-мъ году, въ чинѣ бригадира, онъ былъ отправленъ Петромъ изъ Кракова къ Ѳ. М. Апраксину, согласно просьбѣ послѣдняго. Командуя конницей (драгунами), Чекинъ участвовалъ при взятіи Кексгольма (1710 г.) и за отличіе былъ награжденъ 2-хъ мѣсячнымъ окладомъ, но его не получилъ, и уже значительно позже ему было взамѣнъ пожаловано выморочное помѣстье въ 30 четвертей. Въ 1712-мъ году онъ находился въ штабѣ князя Меншикова, а въ слѣдующемъ году снова былъ перечисленъ къ графу Апраксину и въ маѣ былъ при осадѣ Або. Въ 1714-мъ году Чекинъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ «начальникомъ бригады драгунскихъ полковъ», съ которыми въ 1715-мъ году отличился въ Вазаскомъ сраженіи; наградой ему за это была его «персона», сдѣланная изъ «дробныхъ шведскихъ денегъ» (такую же награду получили Бутурлинъ и Чернышевъ), въ этомъ же году ему и капитану гвардіи Румянцеву поручено было взять шведскій городъ Каянбургъ, расположенный на восточномъ побережьи Ботническаго залива. Съ 1722-го года характеръ дѣятельности Чекина мѣняется и изъ боевого генерала онъ становится скорѣе дѣятелемъ гражданскимъ, администраторомъ, оставаясь въ тоже время на военной службѣ; въ этомъ году онъ былъ посланъ въ Архангелогородскую губернію для «переписи душъ мужескаго пола», производившейся съ цѣлью расквартированія арміи по всей Россіи на непосредственное, такъ сказать, содержаніе ея населеніемъ; полки, которыми командовалъ Чекинъ, были расположены на довольствіе въ провинціяхъ Архангелогородской, Вологодской, Устюжской и Галицкой. Въ февралѣ слѣдующаго года Чекинъ получилъ щекотливое порученіе разыскать въ г. Галичѣ лифляндскаго жителя Скавронскаго (по слухамъ брата Государыни). Во время коронаціи Императрицы Екатерины I онъ, съ пятью другими генералами, несъ разукрашенный балдахинъ, подъ которымъ шла Государыня въ Архангельскій соборъ. Отвлекаемый кратковременными порученіями, онъ усиленно работалъ надъ вопросомъ о переписи и плодомъ этихъ трудовъ являются его доклады Сенату. Такъ въ 1723-мъ году, когда былъ поднятъ вопросъ о половникахъ и Петръ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы лица, производившія переписи, сами пришли къ какому нибудь соглашенію по этому вопросу, Чекинъ одинъ отстаивалъ и отстоялъ положеніе, что половники никакимъ образомъ не должны быть прикрѣпляемы къ землѣ, что Сенатъ и узаконилъ въ январѣ 1725 г., ограничивъ право передвиженій половниковъ предѣлами своего уѣзда. Въ 1725-мъ году онъ докладывалъ въ Сенатѣ о необходимости внести въ подушную перепись крестьянъ и раскольниковъ Галицкаго уѣзда, и взять съ нихъ штрафные деньги за расколъ; нѣсколько позже состоялся его же докладъ о собираніи воинской подати деньгами съ тѣхъ «душъ», на которыхъ не легла обязанность содержать войско натурой. Въ концѣ этого года онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и переведенъ вмѣстѣ со своими драгунами въ предѣлы Казанской и Астраханской губ. Въ 1728-мъ году онъ назначенъ начальникомъ царицынскаго корпуса войскъ. Въ промежутокъ времени съ 1726-го г. по 1728-й годъ Чекинъ принималъ участіе, въ качествѣ судьи, въ дѣлахъ Мещерскаго и Волынскаго, и затѣмъ велъ постоянную войну съ ворами и грабителями, свившими себѣ гнѣздо въ Пензенской губ., и съ башкирами, дѣлавшими, подъ предводительствомъ Бактыгирея, постоянные набѣги на пограничныя губерніи. Въ концѣ 1728 года, жители Казанской губ. подали на Чекина жалобу, обвиняя его во взяточничествѣ, незаконныхъ поборахъ и т. п.; чѣмъ окончилось назначенное разслѣдованіе этой жалобы, выяснить не уда-

лось; съ увѣренностью можно сказать, что если онъ и понесъ наказаніе, то не очень сильное, такъ какъ уже въ 1732-мъ году, въ письмѣ Салтыкова, онъ названъ генералъ-поручикомъ и здѣсь-же дана его характеристика, какъ человѣка взбалмошнаго, строптиваго. Во время парадпагообѣда въ годовщину коронаціи Чекинъ перебираетъ и отказывается пить подаваемыя вина, находя ихъ недостаточно тонкими, заводитъ по этому поводу ссору съ С. Салтыковымъ и гр. П. Чернышевымъ; «толкнулъ и сбилъ парикъ съ головы герольдмейстера Квашнина-Самарина; забрался во внутреннія комнаты Салтыкова и здѣсь прибилъ дворянина Айгустова, котораго разорилъ въ конецъ своимъ сутяжничествомъ; всѣ на него жалуются». Въ 1738-мъ году ему поручено было набрать ремонтъ кавалерійскихъ лошадей, съ каждыхъ 200 душъ по лошади. Умеръ Чекинъ 2 марта 1741 г.

Голиковъ, Дѣянія Петра Великаго, 2-е изд., т. IV, стр. 116. 463; VI, стр. 73, 377; IX, 96, 465; X, 58, 410; XIII, 640; XIV, 577.—Полн. Собр. Закон., т. IV, 849, 853; VI, 510; VII, 91, 93, 141, 217, 383, 385, 401, 402, 448, 783; VIII,7, 55; X, 553, 878.—Сборникъ Рус. Ист. Общ. т. XI, 440, 450; т. LVI, 382, 387, 396, 498; т. LXIII, 10; т. LXIX,430, 434—436, 622—623.—Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Правит. Сенатѣ въ царств. Петра Великаго, т. I, 274; т. II, кн. 2, стр. 106; т. III, кн. I, стр. 19, 273; т. IV, кн. 1, стр. 347, 349, 361, 506; т. V, кн. 1, стр. 429; кн. 2, стр. 836—837. — Барановъ, Опись Высоч. повелѣній Сенатскаго Архива: т. I, № 1539; т. II, № 1879, 2844, 2958, 3181; т. III, 10221.—Соловьевъ. Исторія Россіи, изд. «Общ. Пользы», кн. IV, стр. 791—792, 930, 1101, 1446—1447.

Н. Тычино.

Чекіевъ, *Ѳедоръ Ивановичъ*, художникъ, въ 1779 г. поступилъ въ Императ. Академію Художествъ, гдѣ и считался однимъ изъ лучшихъ воспитанниковъ; 21 октября 1794 г., «за собственное сочиненіе по задачѣ» Академія присудила ему вторую золотую медаль, а при окончаніи имъ въ 1796 г. курса опять премировала его работы золотою медалью. Въ 1799 г. Чекіевъ поступилъ учителемъ рисованія въ первую Казанскую гимназію, гдѣ за $7^1/_2$ недѣльныхъ часовъ занятій въ старшемъ классѣ получалъ 200 руб. въ годъ. Онъ оказался настолько хорошимъ учителемъ, что тогдашній попечитель училищъ Казанской губерніи Румовскій не разъ выражалъ ему въ присутствіи другихъ особую благодарность. За усердное исполненіе своихъ обязанностей Чекіевъ получилъ прибавку жалованья и чинъ титулярнаго совѣтника. Въ 1805 г. въ Казани былъ открытъ университетъ и гимназія была причислена къ нему. Тогдашній ректоръ университета и вмѣстѣ директоръ гимназіи И. Ѳ. Яковкинъ потребовалъ отъ Чекіева, чтобы онъ при прежнемъ жалованіи давалъ уроки рисованія и студентамъ университета. Чекіевъ исполнить это требованіе отказался, за что въ январѣ 1807 г. и былъ уволенъ Яковкинымъ отъ службы.

П. Н. Петровъ, Сборникъ матеріаловъ для исторіи Спб. Академіи Художествъ за 100 лѣтъ ея существованія, ч. I, Спб. 1864.—Опытъ исторіи начертательныхъ художествъ въ Россіи (изъ сочиненій Фіорилло).—«Художественная Газета» Кукольника, 1833 г., № 18.—Н. Буличъ. Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета (1805—1819), часть. I, Казань, 1887.—В. Владиміровъ. Историческая запись о I-ой Казанской гимназіи. 2-я часть. Казань. 1867—69.

Валерій Березкинъ.

Чекмаревъ, *Дмитрій Ивановичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. около 1786-го г., происходилъ изъ дворянъ Московской губ., воспитывался въ дворянскомъ баталіонѣ при 2-мъ Кадетскомъ корпусѣ и въ 1807-мъ году произведенъ въ прапорщики, съ оставленіемъ при томъ-же баталіонѣ. Прослуживъ при баталіонѣ до 1811-го года, онъ 3 ноября этого года, уже въ чинѣ штабсъ-капитана, былъ переведенъ въ Одесскій пѣхотный полкъ. Въ 1812-мъ году онъ въ сраженіи подъ Смоленскомъ, 4 и 5 августа, былъ въ охотникахъ, командовалъ 3-ью гренадерскою ротою и выгналъ изъ форштадта непріятельскихъ стрѣлковъ; въ сраженіи при Бородинѣ онъ былъ контуженъ картечью въ правую ногу и за отличіе награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ; въ 1813 году онъ находился при блокадѣ Модлина. Въ 1814-мъ году Чекмаревъ былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ 21-й пѣхотной дивизіи и участвовалъ въ походѣ во Францію, былъ въ сраженіяхъ при Шато-Бріенѣ, Ларотьерѣ, (за отличіе въ которомъ получилъ золотую шпагу съ надписью «за храбрость») и многихъ другихъ, а въ 1815-мъ году, въ чинѣ маіора,—дежурнымъ штабъ - офицеромъ при 7-мъ пѣхотномъ корпусѣ, по расформированіи

котораго въ томъ же году, возвратился къ прежней должности адъютанта. Въ 1819-мъ году онъ былъ переведенъ въ Фанагорійскій пѣхотный полкъ, а въ 1821-мъ году вышелъ въ отставку съ чиномъ подполковника. Въ 1824-мъ году Чекмаревъ снова вступилъ въ службу въ Архангелогородскій пѣхотный полкъ, изъ котораго въ 1826-мъ году переведенъ въ Вологодскій, въ 1827-мъ году—въ Нижегородскій пѣхотные, а въ 1834-мъ году, въ чинѣ полковника, въ Симбирскій егерскій полкъ. Въ турецкую кампанію 1828—1829 г.г. Чекмаревъ былъ въ сраженіи при Сатуновѣ, при обложеніи Мачина, при осадѣ Силистріи, въ сраженіяхъ при Кулевчѣ, Девновѣ, Осанѣ (за отличіе въ этомъ дѣлѣ онъ получилъ чинъ полковника) и многихъ другихъ, а въ 1831-мъ году принималъ участіе въ Польской кампаніи. Съ 1836-го по 1838-й годъ онъ былъ въ отставкѣ, а въ 1838-мъ гогу назначенъ состоящимъ при отдѣльномъ Кавказскомъ корпусѣ; въ 1839-мъ году исправлялъ должность коменданта въ Баку, а въ 1840-мъ—въ Шушѣ. Въ 1843-мъ году Чекмаревъ получилъ орд. св. Георгія 4-й ст. за 25-тилѣтнюю службу въ офицерскихъ чинахъ, а 23 октября 1845-го года произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ командиромъ третьей, а въ 1846-мъ году—второй бригады Кавказскихъ линейныхъ баталіоновъ, но, не вступая въ командованіе ею, былъ назначенъ презусомъ учрежденной при Тифлисскомъ Ордонансъ-Гаузѣ Комиссіи военнаго суда и оставался въ этой должности до 1848-го г., когда вступилъ въ командованіе вышеозначенною бригадою. Съ 1849-го по 1851-й г. онъ состоялъ по арміи, а 11 декабря 1851-го г. назначенъ командиромъ 1-й бригады 22 пѣхотной дивизіи. Уволенный отъ службы 31 января 1857-го г. съ производствомъ въ генералъ-лейтенанты, Чекмаревъ поселился въ Воронежѣ гдѣ и скончался 26 іюля 1869-го года, 82-хъ лѣтъ отъ роду.

Послужной списокъ Д. И. Чекмарева.—Степановъ и Григорьевъ, Въ память столѣтняго юбилея Импер. военнаго ордена св. Георгія, Спб., 1869, Списокъ Кавалеровъ, стр. 169.

В. Владиміровъ.

Чекмаревъ, *Иванъ Гавриловичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. 20-го Іюня 1815-го г., умеръ 21-го Декабря 1887-го г. происходилъ изъ дворянъ Тамбовской губерніи; воспитывался въ Школѣ Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ, числился съ 1833 г. по 1835 г. въ л.-гв. Егерскомъ полку, съ 1835 года въ л.-гв. Гренадерскомъ полку; 6 Декабря 1836 г. Чекмаревъ произведенъ былъ въ прапорщики. Съ марта по сентябрь 1837 г. Чекмаревъ, въ чинѣ подпоручика, былъ прикомандированъ къ Навагинскому пѣхотному полку отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, въ рядахъ котораго онъ находился въ экспедиціи для продолженія береговой укрѣпленной линіи къ восточному берегу Чернаго моря, отъ крѣпости Геленджика до устья рѣки Вуланы, участвуя въ многочисленныхъ перестрѣлкахъ, и за отличіе, въ дѣлахъ противъ горцевъ пожалованъ орденомъ Св. Анны 3 степени съ бантомъ. Съ 1847-го г. по 1857-й г. онъ состоялъ редакторомъ учрежденнаго въ іюнѣ 1847 г. и издаваемаго съ Высочайшаго соизволенія журнала «Чтеніе для солдатъ». Въ первой книжкѣ журнала помѣщенъ «Разговоръ полковаго священника съ рядовымъ Кирпичевымъ о книжкѣ «Чтеніе для солдатъ», въ которой редакторъ излагаетъ свою программу, цѣль журнала—расширеніе кругозора солдата и нравственное развитіе его путемъ доставленія ему соотвѣтствующаго матеріала для чтенія. За составленіе первой книжки журнала Чекмаревъ пожалованъ былъ бриллiантовымъ перстнемъ, а за вторую книжку ему объявлено Высочайшее благоволеніе. Въ 1851-мъ г. онъ былъ, въ чинѣ подполковника, переведенъ въ Дворянскій полкъ, а въ 1852-мъ году произведенъ въ полковники. Въ ноябрѣ 1857-го г. Чекмаревъ былъ назначенъ командиромъ 4 резервнаго баталіона Новоингерманландскаго пѣхотнаго полка, а въ декабрѣ 1858-го г. начальникомъ Кіевскаго училища военнаго вѣдомства, преобразованнаго изъ Кіевскихъ баталіоновъ военныхъ кантонистовъ, каковую должность занималъ безъ малаго 6 лѣтъ. Въ сентябрѣ 1864 г. онъ былъ назначенъ Кіевскимъ губернскимъ воинскимъ начальникомъ и начальникомъ Кіевскаго военнаго госпиталя. Произведенный 4 апрѣля 1865 г. въ генералъ-маіоры и пожалованный въ

1869 г. орденомъ Св. Станислава 1 степени, Чекмаревъ былъ 2 Мая 1871 г. отчисленъ, отъ занимаемыхъ имъ должностей съ зачисленіемъ по армейской пѣхотѣ и въ запасныя войска, а 22 іюня 1874 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты съ увольненіемъ отъ службы.

Послужной списокъ въ Общемъ Архивѣ Главнаго Штаба.—Журналъ: «Чтеніе для солдатъ».

А. Гернстъ.

Чекуновъ, *Иванъ Григорьевичъ,* статскій совѣтникъ, врачъ-писатель, род. 4 ноября 1830 г. и происходилъ изъ донскихъ казаковъ. Образованіе Чекуновъ получилъ въ С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи, гдѣ находился въ пансіонѣ войска Донского; въ 1854 г. онъ былъ выпущенъ изъ нея ветеринаромъ въ л.-гв. Атаманскій полкъ, а въ 1860 г. получилъ званіе лекаря при С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи. Въ 1861 г. онъ былъ назначенъ полковымъ врачемъ л.-гв. Казачьяго полка, съ прикомандированіемъ на два года къ Академіи. Въ 1864 г. Чекуновъ, защитивъ диссертацію, получилъ степень доктора медицины, а затѣмъ званіе оператора, съ назначеніемъ въ 1865 г. операторомъ войсковаго врачебнаго управленія. Въ 1873 г. онъ былъ назначенъ главнымъ врачемъ Новочеркасскаго военнаго госпиталя, а въ 1876 г.—главнымъ врачемъ областной больницы войска Донского. Умеръ Чекуновъ 22 марта 1881 г. Имъ написано «О сифилитической рупіи», Спб. 1863 г. (Дисс. на ст. доктора медицины.)

Л. Ѳ. Змѣевъ. «Русскіе Врачи Писатели» (съ 1863 г.), Спб. 1889 г., тетрадь 5-я, стр. 189.—«Медицинскій Вѣстникъ», 1864 г., № 9, стр. 84.

А. Трика.

Челищевъ, *Алексѣй Богдановичъ,* тайный совѣтникъ, сенаторъ, род. въ 1744-мъ году; въ 1757-мъ году онъ былъ назначенъ пажемъ Высочайшаго двора; 28 іюня 1762-го года выпущенъ поручикомъ въ армію и находился въ Помераніи, а 29 октября того-же года, будучи уже въ чинѣ штабсъ-капитана генералъ-аншефа графа Румянцева полка, переведенъ подпоручикомъ въ Конную гвардію, гдѣ онъ прослужилъ до 1 января 1779-го г., когда изъ ротмистровъ былъ произведенъ въ бригадиры для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ. 21 апрѣля 1785-го года онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а 27 марта 1798-го года—въ тайные совѣтники и назначенъ сенаторомъ, присутствующимъ во временномъ Межевомъ департаментѣ. 1 декабря 1799-го года Челищевъ вмѣстѣ съ сенаторомъ Козловымъ былъ командированъ для ревизіи Архангельской, Вологодской, Ярославской, Костромской и Нижегородской губерній. Умеръ Челищевъ въ С.-Петербургѣ 6 апрѣля 1806 г.

Н. А. Челищевъ. Сборникъ матеріаловъ для исторіи рода Челищевыхъ, Спб. 1893, стр. 239—240. — В. В. Руммель и В. В. Голубцовъ. Родословный Сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій, т. II, Спб. 1887, стр. 668.—В. И. Саитовъ. Петербургскій Некрополь. М. 1883, с. 143. — О. Р. фонъ-Фрейманъ. Пажи за 1844 года (1711—1895). Фридрихсгамъ, 1894—1895, стр. 40. — Гр. Г. А. Милорадовичъ. Матеріалы для исторіи Пажескаго Корпуса. Кіевъ, 1876, стр. 28 и 134. — Анненковъ Исторія л. гв. Коннаго п., Спб. 1849, т. IV, стр. 58.—Полный списокъ шефовъ, полковыхъ командировъ и офицеровъ л.-гв. Коннаго полка съ 1731 по 1886 г., Спб. 1886, стр. 66.—«Сенатскій Архивъ», т. I, Спб. 1888, стр. 377.

В. Симанскій.

Челищевъ, *Александръ Ивановичъ,* генералъ-лейтенантъ, главный начальникъ Артиллерійскаго Департамента Военной Коллегіи. Онъ происходилъ изъ древняго дворянскаго рода, служилъ въ артиллеріи и 2 октября 1781 г. произведенъ въ маіоры въ 1-й Канонерскій полкъ; 21 октября 1786-го года былъ произведенъ въ подполковники и переведенъ въ войска, находившіяся на Западной Двинѣ, а 1 января 1793 г. получилъ чинъ полковника. Съ производствомъ, 27 февр. 1797 г., въ генералъ-маіоры Челищевъ былъ назначенъ командиромъ артиллерійскаго баталіона; 26 декабря 1797-го года былъ назначенъ инспекторомъ артиллеріи, шефомъ гвардейскаго артиллерійскаго баталіона и главнымъ начальникомъ Артиллерійскаго Департамента Военной Коллегіи, 12 марта 1798-го года произведенъ въ генералъ-лейтенанты, 4 января 1799-го года былъ отставленъ отъ должности инспектора артиллеріи, а 26 апрѣля того же года и отъ службы, съ пенсіономъ. Имѣлъ ордена св. Владиміра 4 ст. и св. Анны. Состоя въ чинѣ подполковника, А. И. сдѣлалъ усовершенствованіе прицѣла орудій, о чемъ написалъ записку и за что получилъ орд. св. Владиміра 4 ст.

18 апрѣля 1790-го г. Скончался А. Н. Челищевъ въ 1821-мъ году.

Челищевъ Н. А. «Родъ Челищевыхъ». Спб., 1893, стр. 265—267.—Полное Собраніе Законовъ Рос. Имп. т. XXV, стр. 547, 548.—Руммель и Голубцовъ. Родословный Сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій, т. II, Спб., 1887, стр. 670.—Край. Справочный Энциклопедическій Словарь, т. XII, Спб. 1847, стр. 111.

А. Черновъ.

Челищевъ, *Артемій Ивановичъ*, стольникъ, род. въ 1647-мъ году, началъ службу по городу Торопцу въ 1673-мъ году и въ 1675-мъ году поверстанъ помѣстнымъ и денежнымъ окладомъ. Въ 1685-мъ году, уже въ званіи жильца, онъ былъ пожалованъ придачею къ помѣстному окладу и въ томъ же году получилъ званіе стряпчаго, съ назначеніемъ въ Новгородскій полкъ. Въ 1687-мъ году Челищевъ пожалованъ въ стольники, въ 1689-мъ году участвовалъ во 2-мъ Крымскомъ походѣ и пожалованъ придачею къ окладу. Съ февраля 1702-го года по февраль 1703-го года Челищевъ былъ «сыщикомъ», производилъ дѣла по челобитьямъ татаръ и вотяковъ, по разнымъ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ. Засимъ до 1740-го года о жизни Челищева нѣтъ никакихъ свѣдѣній; въ этомъ-же году на него Сенатомъ наложенъ штрафъ за неправое челобитье на Вотчинную Коллегію.

Челищевъ, Н. А. «Сборникъ матеріаловъ для исторіи рода Челищевыхъ», Спб. 1893, стр. 180—183.—В. В. Руммель и В. В. Голубцовъ. Родословный Сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій, т. II, Спб. 1887, стр. 665.—Полное Собраніе Законовъ, т. XI, стр. 137—147.

Н. Тычино.

Челищевъ, *Борисъ Григорьевичъ* (Енаклычъ Чеботаевъ сынъ), упоминается съ 1622-го года въ жильцахъ; въ 1628-мъ году онъ состоялъ при Л. А. Кологривовѣ, посланномъ въ Валуйки для «посольскіе размѣны»; въ 1633-мъ году, уже въ званіи дворянина московскаго, онъ состоялъ «для розсылки», т. е. для порученій, при стольникѣ В. И. Стрѣшневѣ, посланномъ въ Великую Пермь для отысканія золотой руды. Въ 1634-мъ году Челищевъ былъ сотеннымъ головой у татаръ, въ 1639-мъ году былъ на службѣ въ Тулѣ, въ полку боярина и воеводы князя Д. М. Черкасскаго; съ 1640-го г. по 1651-й годъ упоминается на придворной службѣ, а 2 ноября 1651 г. отправленъ гонцомъ въ Швецію къ королевѣ Христинѣ, съ требованіемъ о выдачѣ скрывавшихся въ Швеціи самозванца Тимошки Анкиндинова, выдававшаго себя за князя Шуйскаго, и подъячаго Конюхова; результатъ этой «посылки» Челищева неизвѣстенъ. Въ 1656-мъ году онъ былъ полковымъ воеводою въ Олонцѣ, а въ 1657-мъ году въ Витебскѣ. Умеръ Челищевъ въ 1663-мъ году.

Челищевъ, А. Н. Сборникъ матеріаловъ для исторіи рода Челищевыхъ, Спб. 1893, стр. 64—70.—Руммель и Голубцовъ. Родословный Сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій, т. II, Спб. 1887, стр. 661.—Письма русскихъ государей, изд. Археографич. Комиссіи, т. I, М. 1848, с. 114—115.—Дворцовые Разряды, т. II, Спб. 1851, стр. 369, 375, 830; т. III, Спб. 1852, стр. 478, 485.—Родословная роспись, поданная Челищевыми въ Разрядъ (собраніе В. Руммеля въ Архивѣ Русскаго Генеалогическаго Общества).

В. Владиміровъ.

Челищевъ, *Владиміръ Егоровичъ*, генералъ-лейтенантъ, родился 2 сентября 1819-го г., умеръ 20-го іюня 1886 г., происходилъ изъ дворянъ Смоленской губерніи и воспитывался въ Дворянскомъ полку, откуда выпущенъ прапорщикомъ въ Перновскій гренадерскій полкъ 4-го сентября 1838 г. Въ 1842 г. Челищевъ былъ переведенъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ, въ 1858 г., въ чинѣ полковника, назначенъ командиромъ 4 резервнаго баталіона Подольскаго пѣхотнаго полка, а въ 1861 г. командиромъ Люблинскаго пѣхотнаго полка. Произведенный, 20-го октября 1869 г., въ генералъ-маіоры, Челищевъ въ ноябрѣ того-же года назначенъ помощникомъ начальника 15-ой пѣхотной дивизіи и въ августѣ 1873 г.—командиромъ 1 бригады той-же дивизіи. Въ турецкую войну 1877—1878 г. Челищевъ сперва состоялъ начальникомъ Очаковскаго отряда по охраненію и оборонѣ Черноморскаго побережья, между Березанскимъ и Днѣпровско-Бугскимъ лиманами, а въ августѣ 1877 г. назначенъ начальникомъ Шабскаго отряда по охраненію и оборонѣ того-же побережья отъ озера Алибея до Днѣпровскаго лимана. 29 декабря 1879 г. Челищевъ былъ назначенъ Одесскимъ комендантомъ съ зачисленіемъ по армейской пѣхотѣ, въ каковой должности былъ произведенъ, 30-го августа 1881 г., въ генералъ-лей-

тенанты, а 25-го мая 1885 г. зачисленъ въ запасъ армейской пѣхоты, гдѣ и состоялъ вплоть до своей смерти.

Послужной списокъ въ Общемъ Архивѣ Главнаго Штаба.—Челищевъ, А. Н. Сборникъ матеріаловъ для исторіи рода Челищевыхъ, Спб. 1893, стр. 276.—Исторія л.-гв. Преображенскаго полка, т. IV, Спб., 1883, стр. 238.—Руммель и Голубцовъ. Родословный Сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій, т. II, Спб. 1887, стр. 672.

А. Гернетъ.

Челищевъ, *Ефимъ Ивановичъ* (Веней Посниковъ сынъ), торопецкій городовой дворянинъ и помѣщикъ, род. въ концѣ XVI столѣтія. Въ 1619-мъ году онъ былъ въ Велижѣ, при проведеніи границъ между Торопцемъ и Велижемъ, и способствовалъ мирному окончанію препирательствъ; въ томъ же году назначенъ воеводой на Чаронду и затѣмъ неоднократно бывалъ воеводой, какъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ такъ и при Алексѣѣ Михаиловичѣ. Въ 1640-мъ году въ числѣ выборныхъ торопецкихъ дворянъ онъ присутствовалъ при пріемѣ г. Торопца воеводой кн. М. Щетининымъ отъ воеводы Ѳ. Пушкина. Относительно года смерти его источники даютъ противорѣчивыя указанія; въ «Рукописномъ описаніи пещеръ Псково-Печерскаго монастыря» О. архимандрита Павла, 1886 г., подъ № 304, сказано, что «лѣта 7162 (1654) 3 февраля, на память св. праведнаго Симеона Богопріимца и Анны Пророчицы, преставился рабъ Божій Еуѳимей Івановъ сынъ Веней Ч.» и похороненъ въ означенномъ монастырѣ, а въ Боярской окладной кн. на 1660 г., № 22, л. 181, онъ показанъ по г. Торопцу въ числѣ лицъ, которымъ назначено государево жалованье по 27 руб. въ годъ.

Челищевъ, Н. А. Сборн. мат. для ист. рода Челищевыхъ Спб. 1893 г. — В. В. Руммель и Голубцовъ. Родословный Сборникъ русскихъ двор. фамилій, Спб., т. II, 1887 г. стр., 661—662. — Дворцовые Разряды, т. I, Спб. 1850, стр. 425. — Книги Разрядныя, т. I, Спб. 1853, стр. 661.

Н. Тычино.

Челищевъ, *Илья Микуличъ* (Николаевичъ), въ ноябрѣ 1517-го года былъ посланъ въ Крымъ къ Магмедъ-Гирею. При выборѣ посла Василій III обратилъ вниманіе на то, чтобы не отправить «великаго человѣка», а «средняго» и выборъ палъ на Челищева. Ему было поручено добиться шертной грамоты отъ Магмедъ-Гирея, завязать сношенія съ царевичемъ Ахматомъ и постараться переманить его въ Москву. Уже въ августѣ слѣдующаго года Челищевъ возвратился въ Москву вмѣстѣ съ ханскимъ посломъ Кудеяромъ; на дорогѣ, на р. Самарѣ, они были ограблены астраханцами и до Путивля шли пѣшкомъ. Очевидно миссію, возложенную на него, Челищевъ выполнилъ удачно, такъ какъ источники называютъ его въ этотъ періодъ весьма угоднымъ государю. Чрезъ 3—4 мѣсяца, а именно въ концѣ ноября того же года, Челищевъ снова отправляется въ Крымъ съ отпущеннымъ посломъ Кудеяромъ, чтобы заявить хану, что главный великій посолъ кн. Пронскій будетъ отправленъ съ поминками только тогда, когда въ Москвѣ получится шертная грамота. Пронскій такъ и не ѣздилъ въ Крымъ, а стараньемъ Челищева союзъ и миръ съ ханомъ были заключены. Въ 1527-мъ году Челищевъ былъ вторымъ намѣстникомъ и воеводою въ Тулѣ, въ 1530-мъ году назначенъ вторымъ воеводой большого полка снова въ Тулѣ, гдѣ и оставался, кажется, до смерти Василія III, когда въ званіи «сына боярскаго» снова былъ посланъ въ Крымъ съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ Іоанна. Челищевъ долженъ былъ бить челомъ Саипъ-Гирею, чтобы пожаловалъ новаго великаго князя, « учинилъ его себѣ въ прокъ братомъ и другомъ, и далъ шертную грамоту», съ своей стороны Челищевъ не долженъ былъ ничѣмъ обязываться, не клясться, что великій князь будетъ присылать хану поминки «урокомъ». Посольство на этотъ разъ было почти безрезультатно, потому что начались усобицы между Саипъ-Гиреемъ и старшимъ изъ Гиреевъ — Исламомъ, при чемъ Саипъ ограбилъ Челищева и его людей. Годъ смерти Челищева не извѣстенъ — въ послѣдній разъ имя его упоминается въ 1550 г.

Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ. т. 95, Спб. 1895 г., стр. 403 — 631. — Н. А. Челищевъ. Сборн. мат. для ист. рода Челищевыхъ, Спб. 1893 г., стр. VII, 10—13.—Карамзинъ. Исторія Государства Росс., изд. 1819 г., т. VII, стр. 77, 94. — Древн. Росс. Вивліоѳика, М. 1789, т. VIII. — Край. Справочн. Энциклопедическ. Словарь, т. XII, Спб. 1847, стр. 111.

Н. Тычино.

Челищевъ, *Николай Александровичъ,* дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ Государственнаго Совѣта, род. 16 апрѣля 1783-го г. Образованіе онъ получилъ въ Пажескомъ Корпусѣ, оттуда 16 октября 1800-го года выпущенъ поручикомъ въ л. гв. Семеновскій полкъ. Въ 1805-мъ году, въ чинѣ штабсъ-капитана, онъ былъ раненъ и контуженъ въ сраженіи подъ Аустерлицомъ и за оказанное въ этомъ дѣлѣ отличіе получилъ золотую шпагу съ надписью «за храбрость». Въ 1807-мъ году онъ участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Гутштадомъ, Гейльсбергомъ и Фридландомъ; въ послѣднемъ дѣлѣ онъ былъ снова раненъ, контуженъ и за отличіе получилъ чинъ капитана (17 августа), орденъ св. Владиміра 4 ст. (2 января 1808), а черезъ нѣсколько дней (23 января 1808) произведенъ въ полковники. Не имѣя возможности за ранами продолжать военную службу, Челищевъ въ 1811-мъ году былъ опредѣленъ за Оберъ-Прокурорскій столъ въ 1-й Департаментъ Сената; въ 1815-мъ году онъ исправлялъ должность оберъ-прокурора въ Комитетѣ, учрежденномъ при Сенатѣ, «о недоимкахъ 1810—1814 г. г.», а въ 1816-мъ году—въ 1-мъ отдѣленіи 3-го Департамента Сената и утвержденъ въ этой должности въ 1818 году. 22 августа 1826 года Челищевъ былъ назначенъ сенаторомъ и присутствовалъ во 2-мъ (1826—1831) и въ 1-мъ (1831—1853) департаментахъ Сената, при чемъ все время засѣдалъ и въ особомъ присутствіи 1-го Департамента для разсмотрѣнія условій по питейнымъ откупамъ. Въ это время Челищевъ получилъ ордена: Бѣлаго Орла (1834), св. Александра Невскаго (1838), а 4 августа 1843-го года былъ произведенъ въ дѣствительные тайные совѣтники. 1 января 1853-го года Челищевъ получилъ орд. св. Владиміра 1-й степ., а 31 декабря того-же года назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта по Департаменту Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ. Скончался Челищевъ 27 декабря 1859 г.

Послужной списокъ Н. А. Челищева.—Н. А. Челищевъ. Сборникъ матеріаловъ для исторіи рода Челищевыхъ, Спб., 1893, стр. 281—285.—В. В. Руммель и В. В. Голубцовъ. Родословный Сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій, т. II, Спб. 1887, с. 672.—Сѣверная Пчела, 1860, № 46, с. 182 (некрологъ).

В. Симанскій.

Челищевъ, *Николай Андреевичъ,* авторъ труда: «Сборникъ матерьяловъ для исторіи рода Челищевыхъ», родился въ Петербургѣ 9-го февраля 1854-го года. Въ дѣтствѣ онъ отличался слабымъ здоровіемъ и потому еще трехлѣтнимъ ребенкомъ былъ увезенъ родителями для леченія заграницу, на югъ Франціи, гдѣ и прожилъ до шестнадцатилѣтняго возраста. Получивъ здѣсь домашнее воспитаніе и изучивъ французскую литературу, Челищевъ, по возвращеніи въ Петербургъ, долженъ былъ изучать русскій языкъ, которымъ въ то время владѣлъ очень слабо. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ началъ готовиться къ поступленію въ военную службу. Съ ранней молодости онъ отличался особою любовью къ изученію всеобщей и русской исторіи и уже въ это время пристрастился къ занятіямъ по исторіографіи. Въ 1874-мъ году Челищевъ поступилъ въ Кавалергардскій Ея Величества полкъ, а въ 1876-мъ году онъ былъ произведенъ въ офицеры; черезъ нѣкоторое же время онъ былъ откамандированъ въ Парижъ состоять при посольствѣ. Въ 1882-мъ году Челищевъ, по разстроенному здоровью, вышелъ въ отставку и, возвратившись въ Россію, поселился въ Самарскомъ имѣніи своего отца, гдѣ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ, занимаясь хозяйствомъ и перечитываніемъ документовъ семейнаго архива. Въ 1884-мъ году онъ былъ уже опять въ Петербургѣ на службѣ въ канцеляріи по принятію прошеній на Высочайшее Имя приносимыхъ. Въ 1885-мъ году Челищевъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры Высочайшаго Двора, а 18 августа 1888-го года совершенно неожиданно скончался. Задумавъ написать обстоятельную исторію своего рода, Челищевъ долгое время собиралъ различные документы, но не успѣлъ напечатать свой трудъ при жизни. Этотъ трудъ уже послѣ его смерти былъ изданъ его отцомъ подъ заглавіемъ: «Сборникъ матерьяловъ для исторіи рода Челищевыхъ». Спб. 1893 г., съ портретомъ и біографіей составителя, съ генеалогическою таблицею рода Челищевыхъ и со снимкомъ герба.

Н. А. Челищевъ. Матерьялы для исторіи рода Челищевыхъ, Спб. 1893, стр. XVII — XX. — Языковъ. Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей, вып. VIII, стр. 125.

Александръ Ивановъ.

Челищевъ, *Николай Егоровичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. 20 іюня 1807-го г., умеръ 10 января 1866-го г., происходилъ изъ дворянъ Смоленской губерніи и воспитывался въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, откуда выпущенъ прапорщикомъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ въ 1827-мъ году. Онъ участвовалъ въ Турецкой кампаніи 1828-го года при блокадѣ Варны, а въ 1831 г. участвовалъ въ усмиреніи польскаго мятежа и находился, 25 и 26 августа, при взятіи приступомъ передовыхъ Варшавскихъ укрѣпленій и городового вала. Произведенный въ 1846 г. въ полковники, Челищевъ былъ уволенъ въ 1852-мъ году въ безсрочный отпускъ, а въ 1854-мъ году зачисленъ вновь на службу съ назначеніемъ командиромъ запаснаго баталіона л.-гв. Преображенскаго полка. 27 марта 1855-го г. Челищевъ произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ командующимъ 3-ею гвардейской резервной пѣхотной бригадой, въ 1856-мъ году назначенъ командиромъ 1 резервной бригады 2 гвардейской резервной пѣхотной дивизіи; въ 1857-мъ году зачисленъ по армейской пѣхотѣ и въ запасныя войска; въ томъ-же году назначенъ состоять при 2 гвардейской пѣхотной дивизіи, а въ 1865-мъ году произведенъ въ генералъ-лейтенанты по армейской пѣхотѣ.

Послужной списокъ въ Общемъ Архивѣ Главнаго Штаба.—Челищевъ, Н. А. Сборникъ матеріаловъ для исторіи рода Челищевыхъ, Спб. 1893, с. 275—276. — Исторія л.-гв. Преображенскаго полка, т. IV, Спб. 1883, с. 237.

А. Гернетъ.

Челищевъ, *Осипъ Ивановичъ* (Кулушъ Посниковъ сынъ), дворянинъ и помѣщикъ торопецкой, началъ службу, вѣроятно, при Θеодорѣ Іоанновичѣ, потому что въ 1606-мъ году еще числился по Москвѣ «жильцомъ», что дѣлалось послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы. Въ 1620-мъ году онъ былъ воеводой въ Данковѣ, а въ слѣдующемъ году отозванъ снова въ Москву. Въ 1640-мъ году находился въ числѣ выборныхъ торопецкихъ дворянъ при сдачѣ г. Торопца воеводой Θ. Пушкинымъ воеводѣ кн. Щетинину; въ этотъ же періодъ состоялъ въ должности выборнаго торопецкаго окладчика и поручителя за дворянъ и дѣтей боярскихъ. Самъ несъ ратную службу «на конѣ, бою: пищаль да сабля, да за нимъ 2 человѣка въ кошу» до 1653-го г. Въ 1653-мъ году онъ былъ отставленъ отъ службы.

Н. Челищевъ. Сборникъ матеріаловъ для исторіи рода Челищевыхъ, Спб. 1893 г., стр. 75—78. В. В. Руммель и В. В. Голубцовъ. Родословный Сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій, т. II, Спб. 1887, стр. 662. — Дворцовые Разряды, т. I, Спб., 1850, с. 457.—Книги Разрядныя, т. I, Спб. 1853, стр. 75—78.

Н. Тычино.

Челищевъ, *Петръ Ивановичъ*, писатель, происходилъ изъ дворянъ и былъ сыномъ секундъ-маіора Воронежскаго гарнизона Ивана Сергѣевича Челищева; родился 14 августа 1745-го года, въ Смоленской губерніи. Въ 1757-мъ году онъ воспитывался въ Московской университетской гимназіи, а 1-го января 1762-го года былъ опредѣленъ пажемъ въ Пажескій корпусъ, гдѣ пробылъ четыре съ небольшимъ года. Въ началѣ 1766-го года, по желанію Императрицы Екатерины II, было отправлено для изученія наукъ въ Лейпцигскій университетъ 12 пажей, въ числѣ коихъ были: Челищевъ и А. Н. Радищевъ, извѣстный впослѣдствіи авторъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву», книги, возбудившей сильное неудовольствіе Екатерины II. Въ университетѣ Челищевъ слушалъ лекціи по философіи, исторіи, математикѣ, физикѣ и юридическимъ наукамъ и это доставило ему возможность пріобрѣсти хорошее образованіе. Въ числѣ профессоровъ, которыхъ онъ слушалъ, было нѣсколько пользовавшихся большою извѣстностью, въ томъ числѣ Геллертъ, читавшій словесныя науки, и Платнеръ, преподававшій философію и физіологію. Послѣдній, въ своемъ изложеніи, старался сближать отвлеченную науку съ насущными потребностями жизни, затрагивалъ различные соціальные вопросы, подвергалъ критикѣ существующіе законы и т. п. Вліяніе Платнера на Челищева не подлежитъ сомнѣнію и доказывается многими страницами его путеваго дневника. Челищевъ пробылъ въ Лейпцигскомъ университетѣ до половины 1770-го года; въ этомъ году, 25 мая, состоялось Именное повелѣніе гофмейстеру Бокуму, имѣвшему главный надзоръ за пажами, находившимися въ Лейпцигѣ, отправить обратно въ Рос-

сію Челищева и его товарища кн. Трубецкого, выдавъ имъ на проѣздъ по 100 червонцевъ. О службѣ Челищева по возвращеніи въ Россію извѣстно только, что въ 1790-мъ году онъ былъ уже секундъ-маіоромъ въ отставкѣ. Когда, въ іюлѣ этого года поднялась тревога по поводу изданнаго Радищевымъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву», Императрица заподозрила и Челищева въ томъ, что онъ принималъ участіе въ сочиненіи и изданіи этой книги. Екатерина приказала узнать, кто авторъ книги, и слѣдствіе поручено было гр. А. Р. Воронцову; по слѣдствію оказалось, что подозрѣніе насчетъ Челищева было совершенно несправедливо. Въ маѣ 1791-го года онъ предпринялъ путешествіе по сѣверу Россіи, причемъ проѣхалъ въ направленіи съ юго-запада на сѣверо-востокъ Олонецкую губернію, посѣтилъ среднія части Архангельской, западные уѣзды Вологодской и восточные Новгородской губерніи; въ декабрѣ того же года онъ уже возвратился въ Петербургъ. Главнымъ, повидимому, побужденіемъ, которое руководило Челищевымъ въ его намѣреніи совершить путешествіе, была любознательность; быть можетъ и то, что, какъ человѣкъ искренно религіозный, онъ желалъ поклониться многочисленнымъ святынямъ русскаго сѣвера. Какъ человѣкъ образованный и любознательный, Челищевъ не ограничивался мимолетными впечатлѣніями, а составилъ весьма подробное и дѣльное описаніе своего путешествія. Рукопись его подъ заглавіемъ: «Подробный журналъ путешествія моего, 27 мая 1791 г.», пріобрѣтена въ Москвѣ въ 1883-мъ году графомъ С. Д. Шереметевымъ и издана въ 1886 году въ Спб. академикомъ Л. Н. Майковымъ. Самые разнообразные предметы привлекали вниманіе Челищева во время его путешествія, начиная отъ памятниковъ благочестія и древности, и кончая мелкими подробностями народнаго быта и составомъ чиновниковъ въ посѣщенныхъ имъ городахъ; но въ особенности его занимало все то, что касалось народнаго благосостоянія: Челищевъ съ живымъ сочувствіемъ относится къ бодрому и трудолюбивому населенію русскаго сѣвера, обстоятельно описываетъ разнообразные его промыслы и нерѣдко высказываетъ горькое сожалѣніе о томъ небреженіи къ народнымъ нуждамъ, которое обнаруживаютъ правительственныя лица и представители духовнаго сословія. Злоупотребленія иностранцевъ въ торговлѣ и притѣсненія съ ихъ стороны русскимъ промышленникамъ вызываютъ искреннее его негодованіе. Весьма замѣчательны обильныя статистическія данныя, сообщаемыя Челищевымъ, а также тѣ страницы дневника, гдѣ говорится о посѣщеніи имъ раскольничьихъ монастырей на р. Выгѣ, въ Олонецкой губерніи, и о поѣздкѣ его на родину Ломоносова; интересны также и историческія свѣдѣнія, сообщаемыя Челищевымъ о различныхъ городахъ и мѣстностяхъ. При всей своей набожности, онъ является однако человѣкомъ своего вѣка въ отношеніи къ предметамъ религіознымъ: строго осуждаетъ суевѣріе народа, а въ расколѣ видитъ только «густой туманъ лжевѣрія». Во всякомъ случаѣ, путевыя записки Челищева представляютъ чрезвычайно богатый матеріалъ для изученія народной жизни русскаго сѣвера конца прошлаго столѣтія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, свидѣтельствуютъ, что авторъ ихъ былъ человѣкъ свѣтлаго ума, дѣльнаго образованія и благороднаго, независимаго образа мыслей. Несмотря на воспитаніе, полученное за границей, Челищевъ остался не только русскимъ патріотомъ, но и глубоко религіознымъ и вполнѣ православнымъ человѣкомъ. Религіозный характеръ и патріотизмъ высказываются почти на каждой страницѣ его путевого дневника. Въ числѣ предметовъ, на которые онъ обратилъ вниманіе во время своего путешествія, былъ народный языкъ и его мѣстныя особенности. Онъ собралъ нѣкоторое количество сѣверно-русскихъ мѣстныхъ словъ (провинціализмовъ) и, видя въ этихъ народныхъ выраженіяхъ доказательство богатства русскаго языка, которое не признавалось иностранцами, да и русскимъ людямъ школьнаго образованія было мало извѣстно,—онъ задумалъ сообщить запасъ своихъ лингвистическихъ наблюденій Россійской Академіи. Въ 1793 году онъ представилъ Академіи записку по этому предмету, въ видѣ посланія къ членамъ ея, которая хранилась въ академическомъ архивѣ и лишь въ 1885-мъ году обнародована академикомъ М. И. Сухомлиновымъ. Кромѣ путеваго дневника, изъ сочиненій Челищева извѣстенъ въ печати еще его

переводъ на русскій языкъ нѣмецкихъ стиховъ драматической кантаты Фохта (Fogd): «Feliza, Mutter der Völker, die Musik von F. W. Hessler», изданный въ 1793 году, въ Спб. Умеръ Челищевъ 25 сентября 1811 года и погребенъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры.

Путешествіе по сѣверу Россіи въ 1791 году. Дневникъ П. И. Челищева, изданъ подъ наблюденіемъ Л. Н. Майкова, Спб., 1886.—В. В. Руммель и В. В. Голубцовъ, Родословн. сборникъ русск. дворянск. фамилій, т. II, Спб., 1887, с. 666 и 669.—В. Саитовъ, Петербургскій некрополь (приложеніе къ Русск. Архиву), М., 1883, с. 143.—Неизданный словарь воспитанниковъ Московск. унив., М., 1885, с. 153.—Н. Григоровичъ, Канцлеръ кн. А. А. Безбородко, т. II, Спб., 1881, с. 94.—Извѣстія Импер. Акад. Наукъ по отдѣленію русск. языка и словесности, т. IX, листы 9, 10, 11 и 12, стр. 151.—М. И. Сухомлиновъ, Исторія Росс. Академіи, вып. VII, с. 399—415 (въ Сборникѣ отдѣленія русск. языка и словесности Импер. Акад. Наукъ, т. 37, Спб., 1885; напечатана записка Ч. 1793 года).—И. Порфирьевъ, Исторія русской словесности, ч. II, отд. II, изд. 2-е, Казань, 1888, с. 265—270.—Сенатск. Архивъ, т. I, Спб., 1888, стр. 400.—О. ф. Фрейманъ, Пажи за 183 года (1711—1894), Фридрихсгамнъ, 1894, стр. 44.—А. Пыпинъ, Вновь открытый писатель прошлаго вѣка. В. Евр. 1886, № 10, с. 759—796.—Сборн. Императорск. Русск. Историч. Общества, т. X, Спб. 1872, стр. 112, 114, 118, 119, 125, 130, 131.—Графъ Милорадовичъ, Матеріалы для исторіи Пажескаго Е. И. В. корпуса, Кіевъ, 1876, с. 135.—Сочиненія Державина, изд. Академіей Наукъ, Спб. 1883, стр. 236.—Историч. Вѣстникъ, т. XXVII, с. 444—448.—Архивъ кн. Воронцова, т. XIII, М. 1879, стр. 200.—М. И. Сухомлиновъ, А. Н. Радищевъ, авторъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву», Спб. 1883, с. 29, 39.—Н. А. Челищевъ, Сборникъ матеріаловъ для исторіи рода Челищевыхъ, Спб., 1893, с. 242—246.—Московск. Вѣдомости, 1886 г., № 335, стр. 3.

В. Модзалевскій.

Челноковъ, *Никита*, граверъ, родился въ 1734 году; въ 1749-мъ году взятъ въ рисовальную палату, а въ 1753-мъ году въ гридоровальный департаментъ; въ 1757 году былъ ученикомъ Шмидта; въ 1761 году гравировалъ изъ Полибія, а въ 1765 году—планъ Петербурга. Ему принадлежатъ гравюры: Петергофскій дворецъ, виды Ораніенбаума, виды Москвы и портретъ Петра I въ книгѣ «Историческое, географическое и топографическое описаніе гор. С.-Петербурга».

Ровинскій. Подробн. слов. русскихъ граверовъ Спб. 1895, стр. 731.

Петръ Полевой.

Челокаевъ, *князь Илья Заалович*ъ, генералъ маіоръ свиты Его Величества, род. 14-го января 1823-го г. и происходилъ изъ дворянъ Тифлисской губ. По окончаніи воспитанія въ частномъ тифлисскомъ учебномъ заведеніи, Челокаевъ поступилъ въ 1842-мъ году на службу урядникомъ въ грузинскую милицію. Въ томъ же году, въ іюнѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ, онъ принималъ участіе въ двухъ экспедиціяхъ противъ непокорнаго горскаго населенія галгаевскаго племени, при чемъ за храбрость получилъ знакъ отличія военнаго ордена. Затѣмъ въ 1844-мъ году князь Челокаевъ участвовалъ въ дѣйствіяхъ отрядовъ полковника Евдокимова, генераловъ: Пассека, Лидерса и князя Аргутинскаго противъ чеченцевъ и лезгинъ. За оказанныя въ бояхъ отличія онъ былъ произведенъ въ 1845-мъ г. въ прапорщики. Въ томъ же году онъ снова участвовалъ въ экспедиціи генерала Лабинцова противъ чеченцевъ, при чемъ награжденъ орд. св. Анны 4-й ст. съ надписью «за храбрость». Въ 1847 году Челокаевъ, по собственному желанію, былъ переведенъ въ Закавказскій конно-мусульманскій полкъ. Въ рядахъ этого полка въ 1849 г. онъ принималъ участіе противъ мятежныхъ венгерцевъ и за боевыя отличія былъ награжденъ чиномъ поручика и орд. св. Анны 3-й ст. съ мечами и бантомъ. Въ 1852 г. Челокаевъ былъ переведенъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ въ чинѣ штабсъ-капитана и участвовалъ въ рядахъ этого знаменитаго полка въ Башъ-Кадыклярскомъ сраженіи. Въ 1854 г. онъ находился въ составѣ лезгинскаго отряда, дѣйствовавшаго противъ скопищъ Шамиля, вторгнувшихся въ Телавскій уѣздъ, при чемъ за боевыя отличія былъ награжденъ орд. св. Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ. Въ 1858 г. Челокаевъ былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи Кавказскій эскадронъ собственнаго Его Величества конвоя съ чиномъ штабсъ-ротмистра, а въ слѣдующемъ году назначенъ флигель-адъютантомъ. Въ конвоѣ князь Челокаевъ оставался до 1861 г., когда, въ чинѣ подполковника, былъ переведенъ въ Сѣверскій драгунскій полкъ и принималъ вмѣстѣ съ нимъ дѣятельное участіе въ экспедиціи Адагумскаго отряда 1862 года. Въ 1863 г., уже въ должности командира Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка,

Челокаевъ участвовалъ въ усмиреніи возмущенія, вспыхнувшаго въ Закатальскомъ округѣ, а въ 1866 г. въ подавленіи волненій въ Катайско-Табасаранскомъ округѣ. За оказанныя отличія онъ былъ произведенъ въ чинъ полковника и кромѣ того получилъ орденъ св. Анны 2-й ст. съ Императорской короной. Въ 1877 г. князь Челокаевъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, съ зачисленіемъ по армейской кавалеріи и съ назначеніемъ состоять при Кавказской арміи, а нѣсколько позднѣе, назначенъ въ свиту Его Величества, съ оставленіемъ при той же арміи. Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій Челокаевъ командовалъ Дагестанской конно-иррегулярной бригадой. При рекогносцировкѣ окрестностей кр. Карса, 4-го мая, во главѣ шести сотенъ Дагестанцевъ онъ участвовалъ въ жаркомъ дѣлѣ противъ турецкихъ драгунъ и отряда пѣхоты, сдѣлавшихъ вылазку изъ Карса. Дагестанцы произвели блестящую атаку въ шашки и опрокинули непріятеля, но ихъ начальникъ былъ смертельно раненъ пулей въ ребро и скончался 11-го мая въ лагерѣ у Заима, въ 15 верстахъ отъ Карса.

«Русскій Инвалидъ» 1877 г., № 107, стр. 5. — «Дополнительный альбомъ портретовъ дѣятелей войны 1877—1878 г.г.». Приложеніе къ Сборнику военныхъ разсказовъ. Изд. кн. В. П. Мещерскаго. Спб. 1879 г.—«Иллюстрированная хроника войны 1877—1878 гг.». Приложеніе къ журналу «Всемірная иллюстрація» за 1877 и 1878 г., т. I, № 42, стр. 330 и 333.—«Петербургскій Листокъ» 1877 г., № 91, стр. 4. — «Петербургская Газета» 1877 г., № 92, стр. 3.—«Кавказъ» 1866 г., №№ 24 и 25; 1877 г., № 89. — Платонъ Іосселіани. «Родъ князей Челокаевыхъ и мученикъ св. Бидзина Челокаевъ» Тифлисъ. 1866 г.—«Тифлисскій Вѣстникъ» 1877 г., №№ 100, 101 и 107.

А. Трика.

Чельцовъ, *Иванъ Васильевичъ*, заслуженный профессоръ Петербургской Духовной Академіи, помощникъ ректора по церковно-историческому отдѣленію, родился въ 1828 г. въ Рязанской губ., гдѣ жилъ и служилъ его отецъ,—священникъ. Получивъ первоначальное образованіе въ Рязанскомъ духовномъ училищѣ, онъ перешелъ затѣмъ въ семинарію, по окончаніи которой въ 1848 году, поступилъ въ Петербургскую Духовную Академію. Въ 1851 г., окончивъ курсъ наукъ въ академіи по первому разряду, Чельцовъ былъ оставленъ при ней, по каѳедрѣ общей церковной исторіи, съ званіемъ баккалавра. Въ 1852 г. онъ былъ возведенъ въ званіе магистра богословія, въ 1859 г. утвержденъ экстраординарнымъ, а въ 1860 г. «за отлично усердную службу, обширную разработку и основательное преподаваніе своего предмета»—ординарнымъ профессоромъ по той же каѳедрѣ. Въ 1870 г. защитивъ ученую диссертацію на тему: «Древнія формы символовъ вѣры», онъ былъ удостоенъ степени доктора богословія. Въ 1876 г., по выслугѣ 25 лѣтъ, онъ былъ избранъ совѣтомъ духовной академіи на новое пятилѣтіе, при чемъ св. синодомъ дано было ему званіе заслуженнаго ординарнаго профессора. Умеръ Чельцовъ 5 марта 1878 года. Профессорская дѣятельность Чельцова снискала ему славу прекраснаго лектора и трудолюбиваго ученаго. Его лекціи, въ живой увлекательной бесѣдѣ излагавшія свой предметъ, весьма охотно посѣщались слушателями, а многочисленные переводные и оригинальные ученые труды по исторіи церкви пріобрѣли ему широкую извѣстность среди русскихъ богослововъ. Въ сферѣ академической жизни дѣятельность Чельцова была также немаловажна. Академическая корпорація постоянно облекала его своимъ довѣріемъ во всѣхъ случаяхъ, требовавшихъ ума, знанія и энергіи. Такъ, напримѣръ, ему поручено было устройство библіотеки рукописей и старопечатныхъ книгъ послѣ поступленія въ собственность академіи знаменитыхъ рукописныхъ библіотекъ софійской и кирилло-бѣлозерской, при чемъ послѣдняя даже была принята имъ самимъ на мѣстѣ, и редактированье «Христіанскаго чтенія» въ 1872—75 г.г. Оригинальные труды Чельцова: «Древнія формы символовъ вѣры, или такъ называемые апостольскіе символы», историческое изслѣдованіе, Спб. 1869; «Исторія христіанской церкви»; «Очеркъ исторіи Константинопольскаго патріархата съ половины XI столѣтія до времени взятія Константинополя латинянами въ 1204 г.» (Христіанское Чтеніе 1857 г.); «Изслѣдованіе о Павликіанахъ»; «Собраніе символовъ и вѣроизложеній православной церкви отъ временъ апостольскихъ до нашихъ дней» («Христіанское Чтеніе» 1870 г. № 2, стр. 241—272); «Рѣчь по поводу разсужденій о нуждахъ единовѣрія» («Христіанское Чтеніе» 1873 г., № 5, стр. 1—22, и № 6, стр. 259—313); «По поводу

Довольно видную роль игралъ бояринъ Григорій Ѳедоровичъ при покореніи Пскова. 6 января 1510 года онъ находился, должно быть, среди тѣхъ думныхъ великокняжескихъ бояръ, которые объявили пріѣхавшимъ въ Новгородъ для переговоровъ съ великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ псковскимъ боярамъ, чиновникамъ и купцамъ, что они пойманы Богомъ и великимъ княземъ. Его участіе здѣсь тѣмъ болѣе вѣроятно, что дѣло происходило въ Новгородѣ; при томъ же лѣтопись упоминаетъ его имя при другомъ актѣ, служившемъ продолженіемъ и завершеніемъ перваго: вмѣстѣ съ другими именитыми боярами Григорій Ѳедоровичъ объявлялъ въ архіепископской палатѣ этимъ пойманымъ псковичамъ волю великаго князя, чтобы вѣче въ Псковѣ было уничтожено и чтобы псковичи приняли во всѣ города и пригороды великокняжескихъ намѣстниковъ. Первыми намѣстниками въ только что покоренный Псковъ великій князь назначилъ боярина Григорія Ѳедоровича и конюшаго Ивана Андреевича Челяднина. Выборъ оказался неудачнымъ. Новые намѣстники безъ удержу творили беззаконія и отягощали народъ поборами и налогами. По словамъ лѣтописца, у намѣстниковъ, и у ихъ тіуновъ, и у дьяковъ великаго князя правда и крестное цѣлованіе взлетѣли на небо, а кривда въ нихъ начала ходить; отъ налоговъ и насилій намѣстниковъ многіе разбѣжались изъ Пскова по чужимъ городамъ, побросавши женъ и дѣтей; иностранцы, жившіе въ Псковѣ, разошлись по своимъ землямъ; остались одни псковичи, потому что, земля не разступится а вверхъ не взлетишь. Если бояринъ Григорій Ѳедоровичъ такъ дѣйствовалъ во вновь пріобрѣтенномъ городѣ, гдѣ требовалась, конечно, особая осторожность и безупречность въ поведеніи со стороны новыхъ властей, то остается только думать, что или жалобы новгородцевъ не дошли до насъ или что они съ 1478 года успѣли обтерпѣться и приспособиться къ московскимъ порядкамъ, но, конечно, намѣстничество Григорія Ѳедоровича въ Новгородѣ не было болѣе сноснымъ, чѣмъ въ Псковѣ. Уже черезъ годъ (1511 г.) великій князь долженъ былъ свести изъ Пскова обоихъ намѣстниковъ. Когда въ концѣ 1512 года вспыхнула война съ Литвой, Григорій Ѳедоровичъ и братъ великаго князя Дмитрій Ивановичъ пошли отъ Можайска къ Смоленску воеводами въ лѣвой рукѣ. Въ 1513 г. Челяднинъ сопровождалъ великаго князя къ Боровску; при этомъ его имя упоминается на самомъ первомъ мѣстѣ, выше боярина и конюшаго Ивана Андреевича Челяднина, отсюда видно, какое высокое служебное положеніе занималъ уже въ то время бояринъ Григорій Ѳедоровичъ.

По случаю измѣны князя Михаила Глинскаго Григорій Ѳедоровичъ вмѣстѣ съ конюшимъ И. А. Челядниными получилъ, во второй половинѣ 1514 года, приказъ соединиться съ воеводами князьями Булгаковыми и ждать на Днѣпрѣ прибытія войскъ, отряженныхъ къ Минску. Послѣ соединенія съ Булгаковыми, Григорій Ѳедоровичъ былъ, какъ видно, отправленъ великимъ княземъ куда нибудь въ другое мѣсто, такъ какъ въ битвѣ подъ Оршей (8 сентября 1514 г.) главными воеводами были только князья Булгаковы и бояринъ И. А. Челяднинъ.

Во все послѣдующее время имя боярина Григорія Ѳедоровича встрѣчается еще только разъ въ памятникахъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ Польшею. Тамъ записано, что въ 1518 году, воевода ярославскій, бояринъ Григорій Ѳедоровичъ посылалъ къ пану Николаю Радзивиллу, воеводѣ Виленскому, человѣка съ грамотой для того, чтобы, по желанію вел. князя Василія Ивановича, «позадрать» короля Сигизмунда къ миру. Хотя неизвѣстно, когда бояринъ Григорій Ѳедоровичъ былъ назначенъ ярославскимъ воеводой, однако, достовѣрность извѣстія не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ оно подтверждается фактами: въ 1518 году великій князь, снисходя на просьбу цесарскихъ пословъ, приказалъ своимъ боярамъ отписать къ пану Радзивилу, дозволяя пріѣхать въ Москву польскимъ посламъ для мирныхъ переговоровъ, которые закончились въ 1520 г. шестимѣсячнымъ перемиріемъ. Что рѣчь идетъ о бояринѣ Г. Ѳ. Челяднинѣ (Давыдовѣ), это тоже несомнѣнно, такъ какъ при Василіи III онъ единственный бояринъ, носящій это имя и отчество.

Въ томъ же 1518 году бояринъ Григорій Ѳедоровичъ умеръ.

«Опытъ трудовъ Вольнаго Россійск. Собранія» ч. I, стр. 227, 229, 238.—Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. т. IV, стр. 287; т. VI, стр. 27, 54, 248, 250, 251; т. VII, стр. 229; т. VIII, стр. 231, 240, 250, 257.—«Акты, относящ. до гражданск. расправы древн. Россіи» Ѳедотова-Чеховскаго № 66.—Соловьевъ, С. М. «Исторія Россіи», кн. I, стр. 1591, 1597, 1602—1603, 1629.—Карамзинъ, Н. М., «Исторія Гос. Росс.» т. VI, прим. 431, 508; т. VII, ст. 19, 23, 26, 27; прим. 40, 70, 94, 98, 206, 253.—«Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи (до 1800 г.)» Н. Н. Бантышъ-Каменскаго. Москва, 1897, ч. III, стр. 64, 88 (здѣсь описки: названъ посломъ Иванъ Ѳедоровичъ вмѣсто Григорія; сокольничій М. Кленикъ Еропкинъ превратился въ окольничаго), 91.—«Русская лѣтопись по Никоновск. списку» изд. 1789 г., ч. VI, стр. 165, 184, 185, 186.

В. Бенешевичъ.

Челяднинъ, *Иванъ Андреевичъ,* бояринъ, сынъ Андрея Ѳедоровича (см. выше). При великомъ князѣ Василіи Ивановичѣ Иванъ Андреевичъ занималъ мѣсто среди знатнѣйшихъ приближеннѣйшихъ слугъ великокняжескихъ. Разрядныя книги говорятъ, что онъ былъ «больше» Петра Яковлевича Захарьина; съ нимъ мѣстничался Андрей Салтыковъ: они такъ и умерли мѣстниками. О дѣятельности Челяднина сохранились свѣдѣнія только за короткій промежутокъ времени съ 1508 по 1514 г. Въ ноябрѣ 1508 года для переговоровъ съ королемъ польскимъ Сигизмундомъ I о мирѣ, о любви и о вѣчномъ докончаніи, Василій III отправилъ въ Литву пословъ боярина своего окольничаго Григорія Ѳедоровича (Давыдова), да конюшаго своего Ивана Андреевича Челяднина; въ 1509 г. весною послы уже вернулись назадъ въ Москву, заключивъ въ Вильнѣ выгодный миръ съ Литвою. Изъ Москвы конюшій Челяднинъ отправился осенью того же 1509 г. въ Новгородъ вмѣстѣ съ великимъ княземъ, въ числѣ прочихъ именитыхъ чиновъ великокняжескаго двора. Очень вѣроятно, конечно, что при участіи Челяднина велись Василіемъ III въ Новгородѣ переговоры съ псковичами, предшествовавшіе задержанію псковскихъ жалобщиковъ въ Новгородѣ. Положительно извѣстно, что въ январѣ 1510 года конюшій Челяднинъ вмѣстѣ съ боярами княземъ Александромъ Ростовскимъ и Григоріемъ Ѳедоровичемъ (Челяднинымъ - Давыдовымъ) объявлялъ задержаннымъ псковичамъ въ архіепископской палатѣ въ Новгородѣ волю великаго князя, чтобы вѣча во Псковѣ не было и чтобы въ самомъ Псковѣ и по всѣмъ псковскимъ пригородамъ сидѣли великокняжескіе намѣстники; тогда же онъ присутствовалъ и при принесеніи псковичами присяги въ томъ, чтобы имъ служить московскимъ вел. князьямъ вѣрно до конца міра; по возвращеніи въ Новгородъ, 14 января, дьяка Далматова съ вѣчевымъ колоколомъ, Иванъ Андреевичъ былъ посланъ въ Псковъ для приведенія гражданъ къ присягѣ и приготовленія города къ пріѣзду великаго князя, а 27 января онъ вмѣстѣ съ другими московскими вельможами сообщилъ псковичамъ, собраннымъ въ большой Судебной избѣ, что великій князь рѣшилъ переселить ихъ съ женами и съ дѣтьми въ Московскую землю. Иванъ Андреевичъ былъ назначенъ въ февралѣ 1510 года вторымъ намѣстникомъ въ только что покоренный Псковъ, но пробылъ тамъ всего одинъ годъ (до 1511 года). Лѣтопись рисуетъ мрачную картину порядковъ, царившихъ въ Псковѣ при первыхъ московскихъ намѣстникахъ, не сдерживаемыхъ вѣчемъ. Вѣрность этой картины подтверждается тѣмъ, что великій князь смѣстилъ и боярина Григорія Ѳедоровича и Ивана Андреевича. Но не понятно, чему слѣдуетъ приписать относящееся къ 1510 году награжденіе Челяднина саномъ боярина: заслугамъ ли его еще при покореніи Пскова, или нежеланію великаго князя показать псковичамъ свое недовольство намѣстникомъ, или же просто знатности рода Челядниныхъ. Во всякомъ случаѣ и по удаленіи изъ Пскова бояринъ Иванъ Андреевичъ продолжалъ быть вѣрнымъ человѣкомъ великаго князя: такъ называетъ Челяднина казанскій царь Магметъ-Аминь, который, 8 февраля 1512 года, просилъ великаго князя прислать къ нему этого боярина посломъ. Согласно желанію царя и былъ отправленъ въ Казань Иванъ Андреевичъ, которому царь открылъ тайныя причины своего измѣнническаго образа дѣйствій въ годъ смерти Ивана III и чистосердечно призналъ свою вину. Въ мартѣ Челяднинъ возвратился изъ Казани въ Москву, а въ іюнѣ того же 1512 года онъ уже стоялъ съ ратью на берегахъ Упы для защиты московскихъ границъ отъ вторженія крымскаго царевича Ахмата. Ахматъ избѣгнулъ столкновенія съ московскими войсками и ушелъ въ Крымъ; но Челяднину еще въ декабрѣ 1512 года пришлось выступать опять въ поле уже

противъ поляковъ и литовцевъ: вмѣстѣ съ кн. Иваномъ Мих. Рѣпней-Оболенскимъ онъ былъ воеводою въ большомъ полку во время перваго похода подъ Смоленскъ. Послѣ неудачи подъ Смоленскомъ московское войско вернулось назадъ, а съ нимъ и Челяднинъ. Въ іюнѣ 1513 года бояринъ Иванъ Андреевичъ опять выступилъ въ походъ, находясь въ свитѣ великаго князя; командованіе войскомъ было поручено ему опять только въ 1514 г.; во время третьяго похода къ Смоленску онъ руководилъ военными дѣйствіями вмѣстѣ съ князьями Горбатыми, а потомъ и съ знаменитымъ воеводой княземъ Даніиломъ Щеней; однако, Смоленскъ былъ взятъ, благодаря не столько искусству воеводъ, сколько удачной стрѣльбѣ пушкаря Стефана (очевидно, иноземца) изъ осаднаго наряда. Изъ Смоленска великій князь пошелъ назадъ къ Дорогобужу; а для оберeганія Смоленска противъ короля Сигизмунда воеводы князья Булгаковы и бояринъ Иванъ Андреевичъ Челядкинъ были отправлены къ Борисову, Минску и Друцку. Измѣна князя Михаила Глинскаго, перехваченнаго княземъ Булгаковымъ-Голицею и бояриномъ Челяднинымъ на пути къ Сигизмунду, вызвала движеніе всего московскаго войска противъ короля. 80000 русскихъ подъ начальствомъ воеводъ князей Булгаковыхъ и боярина Ивана Андреевича Челяднина и 35000 литовцевъ подъ начальствомъ князя Константина Острожскаго, послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ стычекъ, остановились другъ противъ друга недалеко отъ Орши, по обоимъ берегамъ Днѣпра. 8 сентября 1514 года произошло сраженіе, въ которомъ литовцы одержали блестящую побѣду. Герберштейнъ подробно разсказываетъ объ этой битвѣ, и разсказъ его тѣмъ болѣе достовѣренъ, что на пути въ Россію, въ мартѣ 1516 года, онъ видѣлъ въ Вильнѣ самого Челяднина и другихъ воеводъ, и могъ узнать подробности отъ нихъ. По этому разсказу, подтверждаемому и другими памятниками, однимъ изъ виновниковъ пораженія нельзя не признать боярина Ивана Андреевича. Дѣло въ томъ, что Челяднинъ не воспользовался очень удобнымъ моментомъ для нападенія на литовцевъ, когда они переправлялись черезъ Днѣпръ; онъ былъ увѣренъ въ томъ, что громадное численное превосходство даетъ возможность русскимъ безъ большого труда обойти и раздавить литовцевъ и погнать ихъ въ Москву какъ барановъ; поэтому, узнавши, что половина литовскаго войска перешла на лѣвую сторону Днѣпра, рѣшилъ дать спокойно переправиться и остальной половинѣ; имъ руководило и то соображеніе, что побѣда надъ одной половиной литовскаго войска создала бы бо́льшую опасность для русскихъ, такъ какъ къ оставшейся половинѣ могли подойти на помощь другіе литовскіе отряды. Никоновская лѣтопись говоритъ, что литовцы и поляки напали на русскихъ неожиданно, по указаніямъ измѣнника князя Михаила Глинскаго; о неожиданности нападенія, очевидно, не можетъ быть и рѣчи; и князь Глинскій едва ли могъ помочь литовцамъ своими указаніями, такъ какъ онъ сидѣлъ въ Москвѣ въ заточеніи. Эта догадка Никоновской лѣтописи о причинахъ пораженія должна быть поэтому отброшена. Изъ разсказа Герберштейна и Архангельской лѣтописи видно, что оплошность Челяднина еще могла быть исправлена, но воеводы не дѣйствовали единодушно и не выказали себя достойными соперниками князя Острожскаго въ искусствѣ ратномъ. Слѣдствіемъ всего этого и было страшное пораженіе русскихъ: главные воеводы, въ томъ числѣ и бояринъ Челяднинъ, были взяты въ плѣнъ и отправлены въ Литву. Въ плѣну Челяднинъ и умеръ, должно быть, въ Вильнѣ, гдѣ Герберштейнъ видѣлъ его въ мартѣ 1516 года и далъ взаймы ему и товарищамъ его по заточенію нѣсколько золотыхъ; кажется, въ томъ же 1516 году Челяднинъ и умеръ.

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. III, стр. 148, 184, 198; т. IV, стр. 286, 287, 288, 290; т. VI, стр 27, 54, 248, 250, 251, 252, 255, 256; т. VIII, стр. 250, 251, 252, 255, 257—258.—«Разрядн книга» Е. В. Барсова, подъ 7021 г., л. 95.—Соловьевъ, «Исторія Россіи», кн. I, ст. 1602, 1603, 1609, 1611, 1630.—«Акты; относящ. до исторіи западн. Россіи», т. II, стр. 134.—«Опытъ трудовъ Вольн. Россійск. Собранія», ч. I, стр. 233, 234, 236. — Карамзинъ, «Исторія Госуд. Россійск.», т. VII, ст. 23, 26, 27, 32, 33, 42, 43; прим. 40, 84, 94, 98, 110, 119, 123, 125, 127, 326, 370; т. VIII, прим. 64.—Rerum Moscoviticarum Commentarii Sigismundi liberi Baronis in Herberstain, Neyperg et Guettentag. Basileae. 1556, p. 12—13.—Русская лѣтопись по Никоновскому списку. Изд. 1789 г., ч. VI, стр. 191, 192, 201.—«Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи (до 1800 года)» Н. Бантышъ-Каменскаго. Спб. 1897, ч., III, стр. 88.

В. Бенешевичъ.

Челяднинъ, *Петръ Өедоровичъ*, братъ боярина Андрея Өедоровича, бояринъ и воевода при великомъ князѣ Иванѣ III Васильевичѣ (его не слѣдуетъ смѣшивать съ Петромъ Өедоровичемъ Давыдовымъ, братомъ Григорія Өедоровича, служив шимъ при Василіи III, съ 1501 г., въ окольничихъ). Во время вторженія татаръ, Петръ Өедоровичъ въ 1472 году пришелъ на берегъ Оки къ Алексину съ великимъ полкомъ великаго князя на помощь алексинцамъ и князю Василію Михайловичу (Верейскому), и вмѣстѣ съ другими воеводами удержалъ татаръ отъ перехода черезъ Оку въ глубь московскихъ владѣній. Этому единогласному свидѣтельству софійской I и II, и новгородской IV лѣтописей противорѣчитъ разсказъ Воскресенской лѣтописи, по которой Петръ Өедоровичъ, съ воеводой алексинскимъ Семеномъ Беклемишевымъ бились съ татарами на Окѣ до прибытія князя Василія Михайловача Верейскаго съ полками великаго князя: вѣроятнѣе всего, что имена воеводъ въ Воскресенской лѣтописи переставлены по недосмотру переписчика. На высокое положеніе Петра Өедоровича указываетъ то обстоятельство, что его имя упоминается сейчасъ же послѣ Василія Өедоровича Образца при перечисленіи бояръ, сопровождавшихъ великаго князя во время его поѣздки въ Новгородъ въ 1475 году (22 октября). Неизвѣстно, когда бояринъ Петръ Өедоровичъ былъ назначенъ намѣстникомъ въ Устюгъ, но въ 1478 г. онъ былъ уже тамъ и получилъ отъ великаго князя приказъ разрушить старый городъ Устюгъ и выстроить на его мѣстѣ новый. Послѣдній разъ имя боярина Петра Өедоровича Челяднина встрѣчается въ лѣтописяхъ подъ 1508 годомъ, когда онъ упоминается, какъ одинъ изъ главныхъ воеводъ великаго князя Василія Ивановича въ войнѣ съ Литвою.

Полное Собр. Русск. Лѣтописей т. IV, стр. 151; т. VI, стр. 31, 195; т. VIII, стр. 174.—Соловьевъ, Исторія Россіи, изд. «Обществ. Пользы» кн. I, ст. 1424, 1514.—Карамзинъ, «Исторія госуд. Россійскаго», т. VI, стр. 35; прим. 139, 629; т. VII, пр. 36.

В. Бенешевичъ.

Челяевъ, *Борисъ Гавриловичъ*, генералъ-маіоръ, умеръ въ 1850 г. Состоя въ офицерскихъ чинахъ съ 1816 г., Челяевъ долгое время служилъ въ отдѣльномъ Кавказскомъ корпусѣ и, исправляя должность тифлисскаго полиціймейстера, произведенъ въ 1839 г. въ полковники; съ 1840 по 1841 гг. онъ былъ командиромъ Грузинскаго гренадерскаго полка, состоялъ потомъ въ Мингрельскомъ и Тифлисскомъ егерскихъ полкахъ, а съ 1847 по 1849 г. былъ командиромъ Тифлисскаго полка. Произведенный въ 1848-мъ году въ генералъ-маіоры, Челяевъ въ 1849-мъ году былъ назначенъ начальникомъ Джаробѣлоканскаго военнаго округа и всей Лезгинской кордонной линіи, каковую должность занималъ по 1850 г.

Архивъ Главнаго Штаба: Высочайшіе приказы по военному вѣдомству.

А. Гернетъ.

Челяевъ, *Сергѣй Гавриловичъ*, генералъ-маіоръ, родился въ 1803 г., умеръ въ 1864 г., происходилъ изъ грузинскихъ дворянъ и воспитывался въ Горномъ Корпусѣ, а въ службу вступилъ юнкеромъ въ л.-гв. Финляндскій полкъ. Въ 1820-мъ году онъ былъ произведенъ въ прапорщики въ Нижегородскій драгунскій полкъ; участвовалъ въ Персидскомъ походѣ 1826—1827 гг., и награжденъ орденами св. Анны 3 ст. съ бантомъ (за отличіе въ сраженіи подъ г. Елисаветполемъ), св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ (за участіе въ пораженіи Аббасъ-Мирзы) и золотою саблею съ надписью «за храбрость» (за участіе во взятіи съ боя Эривани). Челяевъ участвовалъ также въ Турецкой кампаніи 1828 г. и былъ при осадѣ и взятіи крѣпости Карса. Въ чинѣ штабсъ-капитана Челяевъ былъ назначенъ въ 1830-мъ году, адъютантомъ къ командовавшему отдѣльнымъ Оренбургскимъ корпусомъ въ каковой должности за отличіе по службѣ переведенъ, въ 1835-мъ году, въ л.-гв. Гусарскій полкъ штабсъ-ротмистромъ. Въ 1836-мъ году Челяевъ участвовалъ въ экспедиціи на полуостровъ Бузачи и къ урочищу Мингалаку, а въ 1839-мъ году въ Хивинской экспедиціи, гдѣ за отличіе награжденъ орденомъ св. Станислава 2-й ст. съ Императорскою короною. Въ 1842-мъ году онъ, въ чинѣ ротмистра, былъ назначенъ состоящимъ по особымъ порученіямъ при главнокомандующемъ Почтовымъ Департаментомъ генералъ-адъютантѣ Адлербергѣ, а въ 1844-мъ

землею итти подъ Москву въ сходъ къ боярамъ, очищать Московское государство отъ враговъ; немного спустя, была поставлена на видъ и положительная задача всего движенія — выбрать на Московское государство государя всею землею. Во второй половинѣ 1612 года Чемодановъ уже оставилъ Пермь; вскорѣ послѣ того, въ 1613-мъ году его подпись встрѣчается на грамотѣ объ избраніи на царство Михаила Θеодоровича Романова. Свою придворную службу Чемодановъ продолжалъ и при царѣ Михаилѣ Θедоровичѣ, который 30 мая 1614 года пожаловалъ его въ стряпчіе съ ключемъ. Свою непоколебимую вѣрность къ молодому царю Иванъ Ивановичъ особенно проявилъ въ 1618 году, находясь вмѣстѣ съ царемъ на Москвѣ въ осадѣ во время прихода польскаго королевича Владислава; за это царь наградилъ его впослѣдствіи вотчиной. Въ чинѣ стряпчаго съ ключемъ Чемодановъ получалъ чуть ли не самый большой денежный и помѣстный оклады: изъ его предшественниковъ, кажется, одному только Константину Ивановичу Михалкову они даны были въ такомъ же размѣрѣ. Совершенно одиноко и невѣроятно извѣстіе, что во время торжественнаго обѣда въ Грановитой палатѣ, 25 апрѣля 1627 года, Чемодановъ былъ ясельничимъ вмѣстѣ съ Б. М. Глѣбовымъ; стряпчій съ ключемъ Ив. Ив. Чемодановъ 17 мая 1625 года сидѣлъ «въ золотѣ» при государяхъ во время прощальнаго пріема кизилбашскаго посольства, а въ 1625 и 1626 годахъ не разъ получалъ приглашеніе къ столу государеву, что все указываетъ на неизмѣнное расположеніе къ нему Государя, и неизвѣстно, за что бы Государь могъ наказать его низведеніемъ на болѣе низкую должность. Чемодановъ умеръ бездѣтнымъ 15 февраля 1630 года, постригшись въ монахи подъ именемъ Іосифа.

Дворцовые Разряды, т. I, ст. 130, 132, 357, 624, 636, 683, 703, 823, 827, 854, 914.—Книги Разрядныя, т. I, ст. 565.—Акты Историческіе, т. II, ст. 333, 352—353, 383, 393, 399, 403; т. III, ст. 8.—Акты, собранные Археол. Экспедиц., т. II, № 163, 181.—«Сибирскій Сборникъ» Д. Валуева, Спб. 1845 г., ч. I, ст. 135.—Нижегородская родословн. книга 1787—96 г.г., ч. VI, стр. 531—534.—Архивъ Департамента Герольдіи, дѣло о родѣ Чемодановыхъ.—Карамзинъ, «Исторія Госуд. Росс.», т. XI, прим. II.

В. Бенешевичъ.

Чемодановъ, *Иванъ Ивановичъ*, племянникъ предыдущаго, сынъ Ивана Меньшаго Чемоданова, бывшаго постельничимъ при царѣ Михаилѣ Θедоровичѣ; стряпчій, а потомъ стольникъ. Во время войны съ королевичемъ Владиславомъ (1618—1619 гг.) былъ въ полкахъ у воеводъ и за Московское сидѣнье 1618 года пожалованъ вотчиной. При бракосочетаніи царя Михаила Θедоровича съ княжной Маріей Владиміровной Долгорукой, 19 сентября 1624 года, Чемодановъ несъ вмѣстѣ съ другими стольниками коровай государевъ; и на второй свадьбѣ государя съ Евдокіей Лукьяновной Стрѣшневой, 5 февраля 1626 г., онъ былъ также въ числѣ лицъ, несшихъ коровай. Особенно часто приходилось Чемоданову бывать рындой при торжественныхъ пріемахъ и отпускахъ иностранныхъ пословъ. Первый разъ стоялъ онъ рындой при пріемѣ въ золотой подписной палатѣ англійскаго посла, 19 ноября 1625 г.; во время пріема въ той же палатѣ 14 сентября 1628 г. кизилбашскаго купчины сидѣлъ въ золотѣ, что также могло, впрочемъ, значить—былъ рындой; но съ начала 1630 года до конца 1631 г. едва ли, кажется, можно назвать много посольствъ, при пріемѣ и отпускѣ которыхъ Чемодановъ не былъ бы рындой, чаще всего вмѣстѣ съ своимъ братомъ Осипомъ: съ 10 мая 1630 г., когда былъ торжественно принятъ государемъ и патріархомъ гонецъ шведскаго короля, Чемоданову пришлось увидѣть 23 мая и 27 іюня—турецкаго посла Θому Кантакузена, 25 мая и 6 іюня—венгерскихъ, въ 1631 году 4 марта англійскихъ пословъ, 9 марта и 13 мая — кизилбашскаго купчину отъ Сефи-шаха, 7 мая—шведскаго посла Якова Русселя, 17 мая, 1 и 6 іюня—шведскаго же посла Антона Монира, 4 марта и 27 іюня—голландскаго посла, 17 и 22 іюля и 4 сентября—датскаго посла Малтеюла Гизпигарскаго. Послѣ того Чемодановъ ни разу уже не былъ рындой; на торжественныхъ обѣдахъ въ Грановитой палатѣ, данныхъ 21 марта 1635 года литовскимъ посламъ Песочинскому и Радзивилу и кизилбашскому послу Аджи-Беку онъ «носилъ пить передъ пословъ». Приблизительно съ конца 1644 года до половины 1646 года Чемодановъ былъ воеводой на Усердѣ; съ Усерда былъ сходнымъ воеводою въ Рыльскѣ съ полкомъ

къ боярину и воеводѣ кн. Ѳ. А. Хилкову, когда крымскіе царевичи Калга и Нурадынъ приходили подъ Курскъ, и, должно быть, принималъ участіе въ удачной для русскихъ битвѣ съ татарами подъ Городенскомъ (въ Рыльскомъ уѣздѣ). Съ 1649 г., а, можетъ быть, и съ половины 1648 года, до 1651 г. Чемодановъ былъ вторымъ воеводою въ другомъ пограничномъ городѣ—Путивлѣ, а съ 1654 по 1656 годъ онъ принималъ участіе и въ войнѣ съ Польшой и Литвой. За свою усердскую службу, «за промыслъ надъ врагами», за строеніе всякихъ крѣпостей, за татарскіе бои и за рану онъ получилъ придачи къ своему помѣстному окладу 150 четвертей и 40 р. да за Литовскую службу 1654—1656 гг. еще 150 четв. и 12 р. 6 мая 1656 года государь указалъ стольнику Ивану Чемоданову, пожалованному еще раньше намѣстникомъ Переяславля Залѣсскаго, да дьяку Ив. Постникову итти послами въ Венецію. Венеціанцы за годъ передъ тѣмъ присылали Альберта Вимина да Ченода къ царю Алексѣю Михайловичу съ просьбой послать на турокъ Донскихъ казаковъ и дозволить республикѣ вольную торговлю въ Архангельскѣ. По отъѣздѣ венеціанскаго посла изъ Москвы (въ декабрѣ 1655 г.) рѣшено было попытаться занять у славной своимъ богатствомъ Венеціанской республики денегъ, которыя были нужны для войны съ Польшей и Швеціей; съ этой цѣлью и было снаряжено посольство Чемоданова. Сохранившіяся въ бумагахъ флорентинскаго архива донесенія итальянскихъ чиновниковъ, имѣвшихъ дѣло съ русскимъ посольствомъ, указываютъ для пребыванія его въ Италіи такія хронологическія данныя, которыя въ годахъ совершенно не сходятся съ соотвѣтствующими данными статейнаго списка и другихъ оффиціальныхъ документовъ, веденныхъ самими членами посольства; если предпочесть данныя итальянскихъ источниковъ, то пришлось бы, вмѣстѣ съ профессоромъ А. Брикнеромъ, отнести время отправленія посольства изъ Москвы въ 1655 году. Но въ такомъ случаѣ, не говоря уже о другихъ несообразностяхъ, оказалось бы, что Чемодановъ получилъ приказъ ѣхать въ Венецію раньше прибытія венеціанскаго посла, только въ самомъ концѣ мая 1655 года достигшаго русской границы, и раньше его выѣхать изъ Россіи, а это противорѣчитъ и ясному свидѣтельству итальянцевъ и русскихъ, что Чемодановъ выѣхалъ послѣ отъѣзда Альберта Вимина, и самой цѣли его путешествія, предполагающей у московскаго правительства знаніе, зачѣмъ пріѣзжалъ Вимина, и наступленіе необходимости воспользоваться удобнымъ случаемъ въ виду осложненій на театрѣ войны, вслѣдствіе вмѣшательства шведскаго короля Карла X; между тѣмъ вмѣшательство Швеціи произошло только во второй половинѣ 1655 г., 17 же мая никто о немъ и думать не могъ. Все это заставляетъ предположить въ итальянскихъ источникахъ необъяснимую ошибку и принять хронологическія данныя статейнаго списка. По указанію этого списка, Чемодановъ выѣхалъ изъ Москвы 17 іюля; 12 сентября сѣлъ въ Архангельскѣ на корабль и 24 ноября былъ уже въ Ливорно; оттуда черезъ Флоренцію, Феррару и Болонью, встрѣчая всюду самый блестящій и сердечный пріемъ, добрался 11 января 1657 года до Венеціи; еще на дорогѣ послы узнали отъ приставленнаго къ нимъ Альберта Вимина, что Франдискъ, къ которому они были отправлены, уже умеръ, и что въ Венеціи правитъ Бертуцій Валерій. Торжественный пріемъ у дожа состоялся 22 января; до конца февраля тянулись переговоры, которые не привели ни къ какимъ существеннымъ результатамъ: венеціанцы отговаривались бѣдностью и трудностями тринадцатилѣтней войны съ Турціей, на самомъ же дѣлѣ не хотѣли дать денегъ потому, что царь Алексѣй Михайловичъ рѣшительно отказывался начать войну съ Турціей въ угоду Венеціи; право торговли въ Архангельскѣ венеціанцы все-таки получили. 1 марта посольство Чемоданова уже оставило Венецію и черезъ Инспрукъ, Аугсбургъ, Франкфуртъ на Майнѣ, Мецъ и Кёльнъ спустилось внизъ по Рейну; 20 мая сѣли въ Амстердамѣ на корабль и 25 іюня были уже въ Архангельскѣ. Неудача посольства была очевидна; но ее нельзя приписать промахамъ Чемоданова или его бездарности: онъ былъ только вѣрнымъ, по-московски безличнымъ, исполнителемъ даннаго ему наказа, и даже итальянцы могутъ сообщить о немъ только нѣсколько курьезовъ, но никакихъ достойныхъ вни-

манія чертъ, обрисовывающихъ его личность, не даютъ; промахъ сдѣлало само московское правительство, наивно предположившее, что венеціанцы изъ одного безкорыстнаго расположенія къ царю ждутъ только удобнаго случая положить къ его ногамъ свои несчетные ефимки. Съ Чемодановымъ было послано для продажи сто пудовъ ревеню изъ приказа Государевой Большой Казны и десять сороковъ соболей изъ Сибирскаго приказа; и это порученіе было выполнено неудачно: во время переѣзда изъ Архангельска въ Ливорно часть товара была попорчена водой, очень мало было продано по указанной цѣнѣ, а значительную часть пришлось издержать на содержаніе посольства, оказавшагося въ стѣсненномъ положеніи по недостатку денегъ. Хотя во время поѣздки въ Венецію Чемодановъ, по словамъ итальянцевъ, былъ еще крѣпкій мужчина лѣтъ шестидесяти, однако, о службѣ его послѣ 1657 года свѣдѣній не сохранилось; годъ его смерти неизвѣстенъ.

«Дворцовые Разряды», т. I, ст. 638, 757—758, 768; т. II, ст. 5, 132, 139, 141, 143, 145, 148, 189, 190, 191, 202, 205, 212, 213, 215, 217, 222, 223—224, 242, 441, 463, 754, 937, 969; т. III, ст. 22, 26, 183, 254, 276, 326. — А. Брикнеръ, «Русскіе дипломаты-туристы въ Италіи въ XVII в.» въ «Русск. Вѣстн.» за 1877 г., т. 128, № 3, стр. 5—44 и № 4, стр. 560—567.—Бумаги флорентинскаго центральнаго архива, касающіяся Россіи. Итальянскіе и латинскіе подлинники въ русскомъ перев. графа М. П. Бутурлина. Москва 1871, ч. I, стр. 148, 158, 180, 182, 187, 205, 206, 208, 211.—Памятники дипломатическихъ сношеній, т. X, ст. 558, 571, 809—930, 931—1088. — Древняя Росс. Вивліоѳ., изд. 2, ч. IV, стр. 142. — Соловьевъ. «Исторія Россіи», кн. III, ст. 537—540. — Нижегородская родословн. книга, ч. VI, стр. 531—532.—Архивъ Деп-та Герольдіи, дѣло о родѣ Чемодановыхъ.—Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи (до 1800 г.). Н. Н. Бантышъ-Каменскаго. Спб. 1899.

В. Бенешевичъ.

Чемодановъ, *Семенъ Ивановичъ*, младшій братъ перваго изъ предыдущихъ, дворянинъ московскій. Его имя упоминается впервые среди участниковъ собора, призвавшаго въ 1598 году Бориса Годунова на царскій престолъ. Вѣроятнѣе всего предположить, что Семенъ Ивановичъ съ 1598 до 1605 года былъ вѣрнымъ слугой царя Бориса, такъ какъ въ 1605 г, онъ былъ однимъ изъ немногихъ, оставшихся вѣрными царю Ѳеодору Борисовичу, и прибѣжалъ въ Москву съ вѣстью объ успѣхахъ Лжедимитрія I вмѣсто того, чтобы увеличить собою число его приверженцевъ. Жалованныя грамоты царя Михаила Ѳеодоровича (1613 и 1623 годовъ) сообщаютъ, что царь Василій Ивановичъ Шуйскій жаловалъ Семена Ивановича «за его многія службы»: онъ сидѣлъ вмѣстѣ съ Шуйскимъ въ Москвѣ, когда ее осаждалъ тушинскій Лжедимитрій, и «стоялъ крѣпко» противъ поляковъ и литовцевъ. Родословная Чемодановыхъ утверждаетъ, что Семенъ Ивановичъ былъ на Москвѣ въ осадѣ и съ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ 1618 году, когда приходилъ королевичъ Владиславъ; но тогда странно, что грамота царская, относящаяся къ 1623 году считаетъ нужнымъ пополнить и подкрѣпить жалованье царя Василія Ивановича только за «царя Васильева московское осадное сидѣнье» и не относитъ Чемоданова къ числу участниковъ осаднаго сидѣнья 1618-го года.

При дворѣ царя Михаила Ѳеодоровича Семенъ Ивановичъ служилъ въ чинѣ дворянина, но случалось ѣздить ему и «въ окольничихъ мѣсто»: 12 мая и 23 сентября 1624 года во время поѣздокъ царя на богомолье въ Троице-Сергіеву лавру и 7 мая 1625 г.—въ Никольскій Угрѣшскій монастырь. Невѣрно сообщеніе Дворц. Разрядовъ, что Семенъ Ивановичъ въ 1624 (7133) г. (т. е. до сентября 1625 года) былъ смѣщенъ съ воеводства въ Вяткѣ и замѣненъ кн. Никитою Петр. Барятинскимъ: въ 1625 (7133) г. воеводою въ Вяткѣ былъ П. И. Мансуровъ, а Чемодановъ, какъ мы уже видѣли, находился въ Москвѣ при дворѣ царскомъ. Въ Вятку Чемодановъ посланъ на воеводство не раньше сентября 1625 года, такъ какъ тѣ же Дворц. Разряды и Книги Разрядныя относятъ начало его воеводства къ 7134 году (послѣ П. И. Мансурова). Въ 1627 году Чемоданова смѣнилъ кн. Никита Петр. Барятинскій. Возвратившись въ Москву, Семенъ Ивановичъ не получалъ уже больше никакого назначенія на службу государеву, а доживалъ свой вѣкъ въ почетѣ у царя; по крайней мѣрѣ и въ 1628 и въ 1629 годахъ имя Чемоданова встрѣчается только среди немногихъ избранниковъ, приглашавшихся въ торжественные дни къ царскому столу, то въ золо-

той подписной палатѣ, то въ Грановитой, то въ столовой или въ передней избѣ Кремлевскаго дворца. Семенъ Ивановичъ Чемодановъ умеръ бездѣтнымъ 8 февраля 1630 года, постригшись въ монашество подъ именемъ Сергія.

«Дворцовые Разряды», т. I, ст. 615, 644, 680, 743, 983, 1000, 1003, 1004, 1005, 1010; т. II, ст. 6, 11, 61, 84.—«Книги Разрядныя», т. I, ст. 1152, 1247, 1362. — Нижегородская родословная книга 1787—96 г.г., ч. VI, стр. 531—534 —«Акты, собр. Археограф. Экспедиц.», т. II, стр. 144.—Карамзинъ Н. М. «Исторія Госуд. Росс»., т. XI, прим. 331.

В. Бенешевичъ.

Чемодановъ, *Өедоръ Ивановичъ*, родной братъ втораго изъ предыдущихъ. Онъ былъ у царя Михаила Өеодоровича стряпчимъ съ платьемъ и, судя по высокому помѣстному окладу, пользовался, должно быть, особымъ вниманіемъ у царя и при дворѣ. Въ 1615 году, по случаю войны со Швеціей, стряпчій Чемодановъ былъ посланъ въ Арзамасъ собирать людей для войска, выставленнаго подъ начальствомъ Өедора Ивановича Шереметева и кн. В. П. Ахамашукова-Черкасскаго противъ шведовъ. Только подъ 1623 годомъ встрѣчается опять его имя: въ этомъ году онъ былъ назначенъ воеводой въ Саратовъ, гдѣ пробылъ до половины 1626 года. Возвратившись изъ Саратова въ Москву, Чемодановъ продолжалъ свою службу при дворѣ уже въ званіи дворянина московскаго и былъ приглашаемъ къ столу государеву, (6 августа и 8 сентября 1627 года, въ золотой подписной палатѣ). Въ ноябрѣ 1627 года указано быть дворянину Ө. И. Чемоданову вторымъ воеводой въ Вязьмѣ, вмѣстѣ съ кн. Ив. Мих. Барятинскимъ; въ 1629 г. кн. Иванъ Барятинскій съ товарищемъ былъ отпущенъ къ Москвѣ, должно быть, въ самомъ началѣ этого года, такъ какъ уже 7 апрѣля 1629 года Чемодановъ былъ у государя за столомъ въ столовой избѣ. Довольно часто приходилось Чемоданову, у котораго былъ на Москвѣ, какъ видно, дворъ, выставлять 3—5 человѣкъ даточныхъ въ цвѣтныхъ платьяхъ во время торжественныхъ въѣздовъ въ Москву чужеземныхъ пословъ; а одинъ разъ ему пришлось быть въ приставахъ, именно при голландскихъ послахъ Альбертѣ-Конрадѣ Бургѣ и Іоганнѣ Фелдтрилѣ во время ихъ пребыванія въ Россіи, съ конца 1630 до марта 1631 года. 18 апрѣля 1632 г. Государь указалъ Чемоданову быть объѣзжимъ головой въ Китай-городѣ для береженья отъ огней и отъ всякаго воровства; хотя уже 8-го іюля 1632 года велѣно было М. А. Вельяминову и Өедору Ив. Чемоданову быть на воеводствѣ въ Вязьмѣ, однако, несомнѣнно, что тутъ по оффиціальному выраженію, «сказка была, а посылки не было»: новый объѣзжій голова въ Китай-городъ В. И. Толбузинъ назначенъ только въ апрѣлѣ 1633 года, а Чемодановъ показанъ на воеводствѣ въ Вязьмѣ только подъ 7141 (т. е. 1633) годомъ, и еще въ 7140 (т. е. 1632) г. воеводами тамъ были кн. Р. П. Пожарскій и И. С. Чехунъ-Колтовской. Въ 1634 году Чемодановъ умеръ въ Вязьмѣ.

«Дворцовые Разряды», т. I, стр. 733, 734, 815—846, 934, 937, 940, 954; т. II, стр. 61, 89, 172, 174, 177, 189, 270, 275, 290, 328, 341, 393—394.—«Книги Разрядныя», т. I, стр. 68, 926, 1034, 1143, 1250; т. II, стр. 67, 174.—«Акты Московскаго государства», изд. Акад. Н. подъ ред. Н. Попова, Москва 1894 г., т. I, ст. 142, 405, 645.—«Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ», т. I, стр. 142.

В. Бенешевичъ.

Чемодановъ, *Өедоръ Ивановичъ*, думный дворянинъ, сынъ Ивана Ивановича Чемоданова, ѣздившаго при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ посломъ въ Венецію; изъ жильцовъ (1671 г.) пожалованъ 17-го сентября 1673 г. въ стряпчіе, а 5 августа 1676 г.—въ стольники. Чемодановъ, должно быть, ничѣмъ не выдавался, такъ какъ о службѣ его дошли до насъ только случайныя свѣдѣнія. Извѣстно, что онъ сопровождалъ царей Өедора и Петра Алексѣевичей въ ихъ путешествіяхъ по окрестностямъ столицы въ 1676, 1688 и 1689 гг., а въ 1690 году пожалованъ въ думные дворяне. Позднѣе, въ 1693 г. во время перваго путешествія Петра въ Архангельскъ мы встрѣчаемъ его въ свитѣ царской; изъ Архангельска Петръ отправилъ Чемоданова съ письмомъ къ матери, царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ; письмо было очень коротко: Петръ извѣщалъ только, что все благополучно, полный же разсказъ о пребываніи царя въ Архангельскѣ царица должна была услышать отъ Чемоданова. Близость Чемоданова къ Петру очень хорошо характеризуется коротенькой припиской въ концѣ письма кн. Ө. Ю. Ромодановскаго къ Петру за границу (на-

чало 1698 г.): «послѣдній пьяный Өедька Чемодановъ, вспоминая васъ за пипкою (трубкою), челомъ бьетъ». Чемодановъ еще въ 1706 г. принималъ участіе въ церемоніи по случаю погребенія царевны Татьяны Михайловны.

«Нижегородская родословн. книга» 1787—1796 гг., часть VI, стр. 531—532.—«Письма и бумаги Петра Великаго», т. I, стр. 16, 491, 676.

В. Бенешевичъ.

Чемодуровъ, *Александръ Николаевичъ*, самарскій губернскій предводитель дворянства, родился въ Самарѣ въ 1814 году; 18 ти лѣтъ поступилъ на службу въ лейбъ-кирасирскій полкъ; пробывъ въ немъ пять лѣтъ, онъ въ 1837 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ штабсъ-ротмистра и съ тѣхъ поръ занимался хозяйствомъ въ своихъ обширныхъ и богатыхъ помѣстьяхъ. Одновременно съ этимъ Чемодуровъ принималъ участіе въ хлѣбной торговлѣ Самары и былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ ея представителей. Въ 1852-мъ году онъ былъ избранъ въ предводители дворянства Бугурусланскаго уѣзда и въ томъ же году за смертью губернскаго предводителя — въ губернскіе. Въ этомъ званіи Чемодуровъ оставался до іюня 1860 года, когда болѣзнь заставила его оставить службу. Въ 1866-мъ году онъ снова былъ избранъ губернскимъ предводителемъ и съ тѣхъ поръ занималъ эту должность до самой смерти. Умеръ онъ 19 іюня 1869 года.

«Самарскія губернскія вѣдомости» 1869 г., № 49.—«Иллюстрированная Газета» 1869 г., № 27.

М. Акимовъ.

Чемодуровъ, *Яковъ Яковлевичъ*, сенаторъ, родился въ 1823 г., происходилъ изъ древняго дворянскаго рода Казанской губерніи и получилъ воспитаніе въ Императорскомъ Училищѣ Правовѣдѣнія. Выпущенный съ чиномъ коллежскаго секретаря, онъ былъ, 25 августа 1843 г., опредѣленъ въ канцелярію 1-го Отдѣленія 5-го Департамента Сената, гдѣ ему было поручено исправленіе должности помощника секретаря, а 28 ноября 1845 года Чемодуровъ былъ утвержденъ секретаремъ въ томъ же Д-тѣ. Съ января по мартъ 1846 г. онъ былъ командированъ къ дѣйств. стат. сов. Долгополову, для занятія по письменнымъ дѣламъ по порученному Долгополову обозрѣнію дѣлопроизводства канцеляріи 7 Департамента Сената. 27 мая 1847-го года Чемодуровъ былъ снова командированъ для занятій по письменнымъ дѣламъ, къ члену консультаціи, при Министерствѣ Юстиціи учрежденной, дѣйств. стат. сов. графу Салтыкову, коему поручена была, ревизія присутственныхъ мѣстъ вѣдомства М-ва Юстиціи въ губерніяхъ Симбирской, Саратовской и Астраханской. 24 ноября 1847 г. Чемодуровъ былъ назначенъ помощникомъ юрисконсульта консультаціи, при Министерствѣ Юстиціи учрежденной, а 14 іюня 1848 г. былъ командированъ Министромъ Юстиціи въ С.-Петербургскій Совѣстный Судъ. для приведенія дѣлъ въ надлежащій порядокъ. Командировка эта длилась до 1 декабря. 20 ноября 1849 г. онъ былъ назначенъ редакторомъ 2-го Отдѣленія Д-та Министерства Юстиціи. 17 іюня 1852 г. ему было поручено исправленіе должности оберъ-секретаря въ 1 Отдѣленіи 5 Д-та Прав. Сената, а 12 мая 1853 г онъ былъ утвержденъ въ этомъ званіи. 22 января 1854 г. Чемодуровъ былъ назначенъ начальникомъ 2-го Отдѣленія Д-та Министерства Юстиціи. 15 іюня 1856 г. онъ былъ назначенъ состоящимъ за Оберъ-Прокурорскимъ столомъ въ 1-мъ Отдѣленіи 5 Д-та и, ему было поручено управлять 2-мъ Отдѣленіемъ Д-та Министерства Юстиціи. 22 апрѣля 1856 г. Чемодуровъ былъ назначенъ и. д. вице-директора Д-та Министерства Юстиціи, а 16 декабря 1858 г. былъ командированъ къ исправленію должности оберъ-прокурора 1 Отдѣленія 6 Д-та Прав. Сената. Произведенный 27 февраля 1861 г. въ дѣйствительные статскіе совѣтники, онъ былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ 2 Отдѣленія 5 Департамента Сената. 14 августа 1861 г. Чемодуровъ поступилъ въ Императорское Училище Правовѣдѣнія преподавателемъ практическаго уголовнаго судопроизводства, а 23 ноября 1861 г. назначенъ оберъ-прокуроромъ 1-го Отдѣленія 5 Д-та Сената и принималъ особое участіе въ трудахъ, по преобразованію судебной части. 4 февраля 1866 г. онъ былъ назначенъ прокуроромъ С.-Петербургской Судебной Палаты; въ 1866 мъ году на него были возложены особыя занятія по дѣлу о государственныхъ преступленіяхъ, подлежащихъ разсмотрѣнію Верховнаго Уголовнаго Суда.

Въ томъ-же 1866 г. Чемодуровъ уволенъ былъ, по прошенію, отъ преподаванія практическаго Уголовнаго Судопроизводства въ Императорскомъ Училищѣ Правовѣдѣнія, а 30 августа произведенъ въ тайные совѣтники. 10 октября 1866 г., за окончаніемъ особыхъ занятій по дѣлу о государственныхъ преступленіяхъ, подлежащихъ разсмотрѣнію Верховнаго Уголовнаго Суда, Чемодуровъ возвратился къ отправленію обязанностей по должности прокурора С.-Петербургской Судебной Палаты. 7 декабря того же 1866 г. Я. Я. назначенъ къ присутствованію въ Прав. Сенатѣ и повелѣно ему быть старшимъ предсѣдателемъ С.-Петербургской Судебной Палаты, въ каковой должности онъ оставался до 11 іюля 1868 г., когда состоялось Высочайшее повелѣніе о назначеніи его къ присутствованію въ Уголовномъ Кассаціонномъ Д-тѣ Правительствующаго Сената. По Высочайшему повелѣнію, 30 декабря 1869 г., Чемодуровъ назначенъ былъ для производства предварительнаго слѣдствія по дѣлу объ обнаруженныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи признакахъ злоумышленій, направленныхъ противъ установленнаго порядка правленія. 1 января 1870 г. онъ былъ пожалованъ орденомъ св. Анны 1 степ., съ Императорскою короною, а порученное ему слѣдствіе было имъ окончено 3 іюля 1870 г. 22 декабря 1872 г. Чемодуровъ былъ назначенъ первоприсутствующимъ въ особомъ присутствіи Правительствующаго Сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ. Въ виду введенія Судебныхъ Уставовъ въ Области Войска Донскаго, 3 мая 1873 г., сенатору Чемодурову поручена была ревизія мировыхъ судебныхъ установленій Войска Донскаго и принятіе мѣръ ко введенію въ Области Судебныхъ Уставовъ; при этомъ имъ были открыты окружные суды: Новочеркасскій и Усть-Медвѣдицкій. 29 декабря 1873 г. Чемодурову повелѣно было исполнять обязанности Первоприсутствующаго въ Особомъ Присутствіи Сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, съ перемѣщеніемъ къ присутствованію во 2 Отдѣленіе 5 Департамента. 1 января 1875 г. онъ былъ пожалованъ орденомъ св. Равноапостольнаго князя Владиміра 2 степени, а Высочайшимъ указомъ 30 декабря 1876 г. былъ назначенъ первоприсутствующимъ во 2 Отдѣленіи 5 Департамента Правительствующаго Сената. 1 января 1880 г. Я. Я. получилъ орденъ Бѣлаго Орла, а 3 декабря того же года повелѣно ему присутствовать въ Общемъ Собраніи 4, 5 и Межеваго Департаментовъ Сената, съ увольненіемъ, согласно ходатайству, отъ исполненія обязанностей первоприсутствующаго во 2 Отдѣленіи 5 Департамента. Я. Я. Чемодуровъ умеръ 31 августа 1888 г.

Формулярный списокъ Я. Я. Чемодурова.

Н. Мурзановъ.

Ченгеры, *Ксаверій Осиповичъ*, генералъ-лейтенантъ, происходилъ изъ дворянъ Кіевской губерніи, родился 11 іюня 1816 г. и воспитывался въ Дворянскомъ полку, откуда въ 1837-мъ году выпущенъ прапорщикомъ въ Шлиссельбургскій пѣхотный полкъ. Съ 1839 по 1841-й г. Ченгеры былъ полковымъ адъютантомъ въ этомъ полку, а 11 марта 1842-го года переведенъ подпоручикомъ въ л.-гв. Московскій полкъ, въ рядахъ котораго участвовалъ въ походѣ къ границамъ Имперіи во время Венгерской кампаніи 1849-го года. Произведенный въ полковники 30 августа 1854-го г., онъ былъ переведенъ въ л.-гв. Финляндскій полкъ и во время войны 1854—56 гг. находился въ составѣ войскъ, охранявшихъ побережья Петербургской и Выборгской губерній. 2 марта 1860 г. Ченгеры былъ назначенъ командиромъ Смоленскаго пѣхотнаго полка и, состоя въ этой должности, во время польскаго возстанія онъ былъ военнымъ начальникомъ Кѣлецкаго, Опатовскаго и Сандомірскаго уѣздовъ; въ концѣ 1861 г. до свѣдѣнія его стали доходить слухи, что въ мѣстечкѣ Суходневѣ формируется отрядъ мятежниковъ подъ предводительствомъ Давыдовича. Ченгеры немедленно донесъ о полученномъ извѣстіи командующему войсками, но никакихъ опредѣленныхъ инструкцій отъ него не получилъ. Прошло нѣсколько дней. Въ мѣстечкѣ Бодзентынѣ поляки ночью напали на 2-ую стрѣлковую роту; спрашивать особыхъ указаній и разрѣшеній было поздно и Ченгеры рѣшилъ дѣйствовать энергично, принимая всю отвѣтственность за могущія произойти послѣдствія на себя. Городъ Кѣльцы былъ объявленъ въ осадномъ положеніи; артиллерія выведена изъ парка и

размѣщена на городской площади, наконецъ, сильный отрядъ подъ командой полковника Севастьянова былъ посланъ въ Бодзентынъ; другая колонна подъ командой самого Ченгеры двинулась къ Суходневу. Оба отряда не нашли непріятеля и вернулись обратно въ Кѣльцы. Вскорѣ затѣмъ было получено оффиціальное увѣдомленіе отъ командующаго войсками Радомскаго округа о томъ, что силы инсургентовъ сосредоточены въ горахъ св. Креста; Ченгеры было предложено отправиться съ отрядомъ въ мѣстечко Слупъ-Нова, гдѣ и произошло сраженіе, въ результатѣ котораго русскія войска завладѣли лагеремъ поляковъ и походной канцеляріей генерала Лангевича.

Ченгеры принималъ участіе въ сраженіи подъ Гроховискомъ, когда были разбиты войска того же Лангевича, тогда уже диктатора. Послѣдній бѣжалъ въ Австрію, гдѣ и былъ арестованъ. Между прочимъ, ходили упорные слухи, что не всѣ документы диктатора, попавшіе въ руки Ченгеры, были препровождены имъ по принадлежности; говорили также, что Ченгеры былъ неоднократно вызываемъ по этому поводу въ С.-Петербургъ. Какъ бы то ни было Государь, прочитавъ рапортъ объ изгнаніи Лангевича изъ предѣловъ Россіи, положилъ на донесеніи резолюцію: «Полковникъ Ченгеры дѣйствовалъ молодцомъ, а потому произвести его въ генералъ-маіоры» (22 марта 1863 года). Эта резолюція противорѣчитъ составившемуся о Ченгеры мнѣнію; именно его нераспорядительности приписываютъ тотъ фактъ, что Лангевичъ, окруженный русскими войсками, успѣлъ скрыться заграницу. Самъ Ченгеры писалъ по этому поводу слѣдующее: «Необходимость послать подкрѣпленіе мѣховскому гарнизону, слухи о приближеніи непріятеля къ Малогощѣ заставили меня отказаться отъ преслѣдованія Лангевича».

Въ томъ же 1863-мъ г. Ченгеры былъ назначенъ помощникомъ начальника 7-й пѣхотной дивизіи и за отличія въ дѣлахъ противъ польскихъ мятежниковъ награжденъ въ 1864-мъ г. орд. св. Владиміра 3-й ст. съ мечами. Въ 1866-мъ г. онъ былъ назначенъ командующимъ 37-ю пѣхотною дивизіею, а 28 марта 1871-го г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты съ утвержденіемъ въ должности. 21 марта 1879 г. Ченгеры былъ назначенъ членомъ Александровскаго комитета о раненыхъ и, состоя въ этой должности, умеръ 21-го октября 1880 г. Онъ имѣлъ ордена Бѣлаго Орла, св. Владимира 2 ст., св. Анны и св. Станислава 1-й ст.

«Походныя записки о кампаніи 1863 г. противъ польскихъ мятежниковъ» соч. Потто. «Военный Сборникъ», 1867, №№ 8—11; 1868 г., №№ 3, 11 и 12; 1869 г., №№ 6, 7, 8; 1870 г., №№ 1 и 2.—«Вѣстникъ Юго-западной и Западной Россіи» т. III, мартъ, отд. IV, ст. 220—21.—«Историческій Вѣстникъ» 1883, т. XI, стр. 90.—«Русская Старина» 1889 г., т. LXIV, ст. 423; 1890, т. LXVII, ст. 212; 1894 г., т. LXXII, ст. 7.—Послужной списокъ К. О. Ченгеры.

Б. Савинковъ и В. Козловъ.

Ченыкаевъ, *Алексѣй Михайловичъ*, писатель, родился около 1771 года и происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, татарскаго происхожденія; дѣдъ А. М. первый принялъ св. крещеніе около 1750-го года. Поступивъ въ 1779-мъ году въ Шляхетскій Сухопутный Кадетскій Корпусъ, Ченыкаевъ былъ выпущенъ въ армію съ чиномъ поручика 25 іюня 1793-го г. Въ 1796-мъ году онъ былъ произведенъ въ капитаны, а затѣмъ вышелъ въ отставку и поступилъ на службу въ театральную дирекцію, гдѣ прослужилъ до 1819 года. 17-го апрѣля 1820-го г. Ченыкаевъ былъ назначенъ директоромъ Саратовской гимназіи, а послѣ ревизіи ея И. И. Лажечниковымъ уволенъ отъ этой должности 17 января 1823 г., при чемъ на него былъ сдѣланъ начетъ за «покупку для гимназіи ненужныхъ вещей». Послѣ этого онъ поселился въ своемъ имѣніи, с. Туркахъ, Балашовскаго уѣзда, гдѣ и умеръ, въ чинѣ коллежскаго ассессора 14 сентября 1842-го года. Имъ написана комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ «Неслыханное диво или честной секретарь» (М. 1803, 8^{0}) и переведено съ нѣмецкаго сочиненіе Вульпіуса «Жизнь и военныя дѣянія Генералисимуса князя Суворова—Рымникскаго» (М. 1802, 12^{0} и 2-е изд. М. 1802, 8^{0}).

Формулярный списокъ.—Дѣло о дворянствѣ рода Ченыкаевыхъ въ Архивѣ Д-та Герольдіи Прав. Сената.—Дѣла Архива Мин-ва Народнаго Просвѣщенія №№ 4983, 14702 и 14802.—Сопиковъ. Опытъ Россійской Библіографіи, №№ 3980, 3981 и 5491.—Рогожинъ. Указатель къ Опыту Росс. Библіогр. Сопикова, стр. 227 и 238.

В. Владиміровъ.

Чеодаевъ, *Михаилъ Ивановичъ*, генералъ отъ-инфантеріи, происходилъ изъ дворянъ Казанской губ.; въ 1799 г. онъ поступилъ унтеръ-офицеромъ въ гарнизонный генералъ-лейтенанта Пущина I полкъ и въ слѣдующемъ году былъ произведенъ въ прапорщики въ Ширванскій мушкатерскій полкъ, а въ 1806-мъ году переведенъ подпоручикомъ въ Кременчугскій пѣхотный полкъ. Въ 1808 г., въ чинѣ штабсъ-капитана, онъ участвовалъ въ Шведской войнѣ и отличился при взятіи городовъ Борго, Ловизы, Гельсингфорса и Свеаборга; находясь на гребной флотиліи, Чеодаевъ принималъ участіе въ морскихъ сраженіяхъ при о. Ганго, между островами Рундіало и Харвисало и при о. Зундзало, когда былъ раненъ въ лицо и заслужилъ монаршее благоволеніе. Въ кампанію 1812 года онъ участвовалъ почти во всѣхъ крупныхъ сраженіяхъ — при Бородинѣ, Тарутинѣ, Тетеркиной, Маломъ Ярославцѣ, Вязьмѣ, Красномъ и др. и за выдающееся мужество и распорядительность былъ награжденъ орденами: св. Владимира 4 степени съ бантомъ и св. Анны 2 степени, золотой шпагой съ надписью «за храбрость» и чиномъ подполковника. Въ 1813 году участвуя въ преслѣдованіи непріятеля, сражался подъ Дрезденомъ, Люценомъ, Пирномъ, Теплицемъ, Кульмомъ, Полендорфомъ, Альтенбургомъ, Лейпцигомъ, гдѣ былъ раненъ въ ногу и не могъ продолжать кампаніи; наградой ему было монаршее благоволеніе, чинъ полковника, орд. св. Анны 2 степени съ алмазными украшеніями и прусскіе ордена «Pour le Mérite» и Краснаго Орла 3 степени. Въ слѣдующемъ году Чеодаевъ былъ назначенъ командиромъ 3-го егерскаго полка, а въ 1821-мъ году произведенъ въ генералъ-маіоры и получилъ въ командованіе 3 бригаду 2-й гренадерской дивизіи. Въ 1824-мъ г. онъ былъ переведенъ въ отдѣльный корпусъ военныхъ поселеній, а въ 1825-мъ г. командовалъ 2-ой поселенной бригадой 2-й гренадерской же дивизіи. Когда началась польская кампанія 1831 г. Чеодаевъ былъ назначенъ въ дѣйствующую армію; за Гроховское дѣло онъ былъ награжденъ шпагой съ бриліантовыми украшеніями, а за взятіе Варшавы — орд. св. Владимира 2 степени. Въ 1832 г. Чеодаевъ состоялъ начальникомъ 7-ой пѣхотной дивизіи. Командуя 4-ымъ пѣхотнымъ корпусомъ, онъ участвовалъ въ Венгерской кампаніи, за которую былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго съ алмазными украшеніями и орденомъ большого креста австрійскаго ордена Леопольда. 10 января 1850 года Чеодаевъ былъ назначенъ командиромъ 6 пѣхотнаго корпуса и въ томъ же году праздновалъ 50-ти лѣтній юбилей своей службы въ офицерскихъ чинахъ. 8 ноября 1852-го г. онъ былъ назначенъ завѣдывающимъ всѣми пѣхотными резервными и запасными войсками арміи съ оставленіемъ и командиромъ корпуса. Назначенный 30 сентября 1854-го года начальникомъ всѣхъ пѣхотныхъ резервныхъ и запасныхъ войскъ арміи, онъ былъ уволенъ отъ этой должности, по прошенію, 12 сентября 1856-го года, съ оставленіемъ по армейской пѣхотѣ. Умеръ Чеодаевъ въ 1859-мъ году и исключенъ изъ списковъ 7 іюля того-же года.

«Москвитянинъ» 1850 г., № 24, кн. 2, стр. 149—150.—П. К. Меньковъ, «Записки», т. II, Спб. 1898 г., стр. 176.—«Списки генераловъ» за соотвѣт. года.—Ф. Смитъ. «Исторія польскаго возстанія и войны 1830—31гг.» переводъ капитана Квитницкаго. Спб. т. I и II, 1863 г.; т. III 1864 г.— Ореусъ, И. «Описаніе венгерской войны 1849 г.» Спб. 1880 г.—«Энциклопед. Словарь» Брокгауза и Ефрона, т. V, стр. 873.—Формулярный списокъ въ Общемъ Архивѣ Главнаго Штаба.

Н. Тычино.

Чепелевская, *Прасковья Ильинична*, учредительница женской учительской семинаріи въ Москвѣ, предсѣдательница Александровскаго Комитета Общества Краснаго Креста. Начало педагогической дѣятельности Чепелевской относится къ шестидесятымъ годамъ, когда возникъ такъ называемый женскій вопросъ, на разрѣшеніе котораго и обратила свое вниманіе и направила энергію Чепелевская, дѣйствуя не только словомъ, но и дѣломъ. Открывъ въ Москвѣ женскую школу, она положила въ основаніе ея религію и здравыя педагогическія начала. Вскорѣ послѣ своего возникновенія, школа эта обратила на себя вниманіе педагоговъ и удостоилась Высочайшаго посѣщенія Цесаревны нынѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Послѣ этого успѣшнаго опыта, Чепелевская основала въ 1870-мъ году въ Москвѣ женскіе педагогическіе курсы, которые вскорѣ были преобразо-

ваны въ женскую учительскую семинарію, и задача которыхъ состояла въ приготовленіи учительницъ для народныхъ школъ. Почти одновременно съ открытіемъ педагогическихъ курсовъ, по мысли Чепелевской, учреждено было Братство св. Равноапостольной Маріи для приготовленія дочерей духовныхъ лицъ къ должности учительницъ народныхъ школъ, въ которомъ она была самымъ дѣятельнымъ членомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Чепелевская состояла попечительницей подготовительнаго къ семинаріи Маріинскаго Ризположенскаго Училища, которое своимъ успѣхомъ всецѣло обязано ея заботамъ и попеченіямъ. Состоя предсѣдательницей Александровскаго Комитета Общества Краснаго Креста и занимаясь дѣлами этого Общества, Чепелевская все свое вниманіе обратила на обезпеченіе женскаго труда на госпитальномъ и медицинскомъ поприщахъ, причемъ при ея содѣйствіи и непосредственномъ руководствѣ составленъ былъ уставъ фельдшерской женской школы, утвержденный въ 1877-мъ году. Не менѣе трудовъ было положено ею и на устройство лазарета, какъ клиники при фельдшерской школѣ, для занятій въ немъ воспитанницъ, а также на постройку и организацію въ 1877-мъ году временнаго госпиталя на Дѣвичьемъ полѣ, въ Москвѣ, для воиновъ, доставляемыхъ съ театра военныхъ дѣйствій. Съ цѣлью ознакомить общество съ задачами Общества Краснаго Креста, Чепелевскою былъ учрежденъ Севастопольскій отдѣлъ на бывшей Политехнической выставкѣ, послужившій основаніемъ музею въ Москвѣ имени Государя Наслѣдника Цесаревича (впослѣдствіи—Императорскій Русскій Историческій Музей). Въ 1877 же году, по мысли Чепелевской, было организовано Николаевское попечительство для пособія нуждающимся семействамъ воиновъ послѣдней восточной войны, доставленіемъ образованія взрослымъ дочерямъ этихъ воиновъ въ женской учительской семинаріи, а малолѣтнимъ въ женскихъ училищахъ Братства св. Равноапостольной Маріи. Къ дѣятельности Чепелевской относится также созданіе пріюта для неизлѣчимыхъ воиновъ войны 1877-го года, подъ наименованіемъ Пріюта въ память взятія Плевны, обезпеченіе котораго денежными средствами принялъ на себя Аѳонскій Русскій Пантелеймоновъ монастырь. Уставъ этого пріюта былъ утвержденъ не за долго до кончины Чепелевской такъ, что она лишена была возможности принять личное участіе въ этомъ дѣлѣ. Наконецъ, Чепелевская была членомъ-учредителемъ Московскаго Общества Распространенія Техническихъ Знаній въ которомъ (особенно въ первые годы его существованія) принимала дѣятельное участіе, дѣйствительнымъ членомъ: Православнаго Миссіонерскаго Общества, Общества Ревнителей Православія въ Сѣверо-Западномъ Краѣ и многихъ другихъ обществъ. Чепелевская умѣла всюду вносить свѣтлый умъ, горячее патріотическое чувство, многостороннюю дѣятельность и опытность. Не было, кажется, ни одного общественнаго дѣла, которое бы не нашло у нея сочувственнаго отклика и не вызвало ея содѣйствія. Скончалась Чепелевская послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни 7-го іюля 1881-го года, на Бутыркахъ, близъ Москвы. Изъ литературныхъ трудовъ ея назовемъ слѣдующіе: 1) «Элементарный курсъ французскаго языка, уроки для чтенія и правописанія для низшихъ класовъ въ учебныхъ заведеніяхъ, на русскомъ и французскомъ языкѣ», Спб., 1861; 2) «Спеціальное ремесленное образованіе при рукодѣльной школѣ, на Софійской набережной», М. 1870.

Кн. Н .Н. Голицынъ, Біографическій словарь русскихъ писательницъ, Спб., 1889, стр. 270—271.—«Добро», некрологъ, 1881 г., №№ 14—18.—Некрологъ, М., 1881.—«Новое Время», 1868 г., № 12.—«Русская Старина», 1894 г., іюнь, стр. 157; іюль, стр. 168. — Сборникъ II-го отдѣленія Имп. Акад. Наукъ, т. 52, вып. VII, стр. 15.

В. Гарскій.

Чепелевскій, *Николай Ильичъ*, генералъ-маіоръ, писатель, родился въ Петербургѣ въ 1836 г. и воспитывался съ 1848 года въ Михайловскомъ Артиллерійскомъ Училищѣ, а затѣмъ въ Артиллерійской Академіи. По окончаніи курса послѣдней въ 1854-мъ году, Чепелевскій былъ выпущенъ прапорщикомъ въ гвардейскую пѣшую артиллерію и назначенъ преподавателемъ механики и артиллеріи въ 1-й Московскій Кадетскій Корпусъ. Въ 1857-мъ году онъ былъ командированъ за-границу для слушанія лекцій въ Берлинскомъ и Мецскомъ высшихъ артиллерійскихъ училищахъ. Въ теченіи двухъ лѣтъ, которые

Чепелевскій пробылъ за-границей, онъ изучалъ кромѣ военныхъ наукъ также философію и богословіе подъ руководствомъ профессора П. А. Янышева. Возвратясь изъ за-границы онъ сталъ читать лекціи въ Александровскомъ сиротскомъ корпусѣ. Въ 1864 г. Чепелевскій былъ переведенъ во 2-ю Московскую военную гимназію и въ томъ же году назначенъ помощникомъ инспектора классовъ; съ 1866 года онъ былъ утвержденъ въ должности инспектора той же гимназіи. Въ 1867 г. онъ былъ командированъ по Высочайшему повелѣнію въ Лондонъ для ознакомленія съ примѣненіемъ аппарата Карпентера, служащаго для производства туманныхъ картинъ; Чепелевскій купилъ въ Лондонѣ нѣсколько аппаратовъ и большой подборъ картинъ. По возвращеніи онъ устроилъ первыя въ Россіи чтенія съ туманными картинами; эти чтенія были открыты въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, какъ дополненіе къ научнымъ предметамъ. Въ-то же время Академія Художествъ предложила Чепелевскому принять на себя руководство лекціями для нагляднаго ознакомленія студентовъ съ памятниками искусствъ у древнихъ народовъ при помощи туманныхъ картинъ; затѣмъ по волѣ Императора Александра II-го Чепелевскій повторилъ эти лекціи въ Зимнемъ Дворцѣ въ присутствіи Высочайшихъ Особъ. Находя, что чтенія съ туманными картинами, изображающими подвиги героевъ или замѣчательныя событія русской исторіи, должны способствовать въ войскахъ развитію воинственнаго духа и патріотизма, Чепелевскій предложилъ организовать подобныя чтенія. Первый опытъ былъ произведенъ имъ въ казармахъ л.-гв. Преображенскаго полка въ присутствіи Императора Александра II-го; эти чтенія имѣли полный успѣхъ; Чепелевскій обладалъ даромъ изложенія. Еще раньше этого, въ 1861 и 1862 гг, онъ читалъ рядъ публичныхъ лекцій въ Москвѣ и Петербургѣ о Севастопольской оборонѣ; онѣ имѣли большой интересъ и на нихъ стекалась масса публики. Когда было рѣшено устроить на Московской политехнической выставкѣ Севастопольскій отдѣлъ, то Чепелевскій былъ назначенъ главнымъ уполномоченнымъ и распорядителемъ по его устройству; по окончаніи выставки Севастопольскій отдѣлъ рѣшено было преобразовать въ Историческій музей и предсѣдателемъ его былъ назначенъ ген.-лейт. А. А. Зеленый, а въ товарищи къ нему въ 1871 г. назначенъ Чепелевскій; Зеленый вслѣдствіе преклоннаго возраста мало занимался устройствомъ музея и весь трудъ лежалъ почти исключительно на одномъ Чепелевскомъ, такимъ образомъ онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ основаніи Историческаго музея и въ 1872 г. удостоенъ званія учредителя музея въ Москвѣ, имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича. Кромѣ вышеизложенныхъ трудовъ, Чепелевскій принималъ дѣятельное участіе въ комиссіи народныхъ чтеній, организаціи богословскихъ чтеній, устройствѣ дѣтскихъ утръ и въ созданіи «Общества Христіанской Помощи». Чепелевскій напечаталъ лишь одну статью: «Устройство фундаментальной библіотеки 2-й Московской военной гимназіи». Она появилась въ «Педагогическомъ Сборникѣ» за 1866 годъ, т. II, кн. 12-я, часть неоф, стр. 914. Эта статья имѣетъ ввиду выработать общій, наиболѣе цѣлесообразный способъ устройства библіотекъ и веденія ихъ дѣятельности. Чепелевскій скончался въ Москвѣ отъ разрыва сердца 1-го января 1886 года.

«Знакомые», альбомъ М. И. Семевскаго, Спб., 1888 г., стр. 33.—Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», Русскіе писатели умершіе въ 1886 г., выпускъ VI, Спб., 1889 г., стр. 123, 124. — «Московскія Вѣдомости», 1886 г, № 40. — «Библіографъ», 1887 г., № 1, стр. 10.

А. Трика.

Чеплигинъ, казакъ волжскаго войска, шелководъ. Въ 1799-мъ году Императоръ Павелъ Петровичъ наградилъ Чеплигина за разведеніе тутовыхъ деревьевъ и удачныя попытки по шелководству золотой медалью, вѣсомъ въ 8 золотниковъ 6 долей, для ношенія на шеѣ. Чеплигинъ былъ, повидимому, первый шелководъ въ Россіи.

Ю. Б. Иверсенъ. «Медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ», Спб. 1878 г., стр. 310—311.

А. Трика.

Чепурновъ, *Иванъ Алексѣевичъ,* генералъ-маіоръ, умеръ въ 1847 г. Состоя въ офицерскихъ чинахъ съ 1811 г., Чепур-

новъ участвовалъ въ отечественной войнѣ и за отличіе въ дѣлахъ съ непріятелемъ пожалованъ, въ 1814 г., орденомъ св. Анны 4 ст. Въ чинѣ полковника Чепурновъ состоялъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ штаба войскъ въ Финляндіи расположенныхъ, перешелъ потомъ въ гражданскую службу, занималъ должность управляющаго военною канцеляріею Финляндскаго генералъ-губернатора, а въ 1838 г. переименованъ изъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ въ генералъ-маіоры по арміи, съ назначеніемъ предсѣдателемъ Финляндскаго высшаго военнаго суда и съ оставленіемъ при прежней должности, и съ того-же года управлялъ штабомъ войскъ въ Финляндіи расположенныхъ.

Высочайш. приказы по Военному вѣдомству.— Списокъ генераловъ въ Общ. Архивѣ Главнаго Штаба.

А. Гернетъ.

Чепчуговъ, *Иванъ Никифоровичъ*, дворянинъ московскій, сынъ слѣдующаго, упоминается въ числѣ московскихъ дворянъ уже въ 1577 году. 1-го августа 1598 года онъ подписался подъ грамотой объ избраніи на царство Бориса Годунова, въ числѣ выборныхъ отъ городовъ. Въ 1600-мъ году онъ былъ приставомъ при персидскомъ (кизылбашскомъ) послѣ Исеналеѣ и, когда тотъ изъ Москвы отправился въ Австрію, сопровождалъ его до Архангельскаго города и, 9 іюня, отправлялъ за-границу. Послѣ смерти царя Бориса Чепчуговъ является ревностнымъ приверженцемъ Василія Шуйскаго; въ 1606—1607-мъ году былъ воеводою на Двинѣ, а въ 1608 году упоминается въ чинѣ свадьбы царя, а вскорѣ послѣ свадьбы, повидимому, онъ былъ пожалованъ въ думные дворяне и сдѣланъ царицынымъ крайчимъ. Въ 1609-мъ году Чепчуговъ посланъ былъ въ Касимовъ къ боярину Шереметеву, дѣйствовавшему тогда противъ поляковъ, съ милостивымъ царскимъ словомъ и съ приказаніемъ Шереметеву не медлить и идти скорѣе къ Москвѣ. Послѣ низверженія Шуйскаго, когда въ Москвѣ образовалось нѣсколько партій, очень трудно выяснить, къ какой изъ нихъ принадлежалъ Чепчуговъ: въ одной дошедшей до насъ грамотѣ 1610 года онъ упомянутъ какъ приверженецъ Шуйскаго, по другимъ же сохранившимся извѣстіямъ Чепчуговъ, по грамотѣ короля Сигизмунда отъ 11 декабря 1610 года, получилъ ясельничество, и это даетъ поводъ думать, что онъ принадлежалъ къ польской партіи, по третей дошедшей до насъ грамотѣ, отъ 11 апрѣля 1611 года, видно, что Чепчуговъ въ это время былъ въ войскѣ Прокопія Ляпунова, который послалъ его воеводой въ Сольвычегодскъ съ порученіемъ собрать тамъ денегъ для содержанія войска, что заставляетъ считать его ревностнымъ приверженцемъ русской партіи. Какъ бы то ни было, но 11 апрѣля 1611 года онъ былъ отправленъ воеводой въ Сольвычегодскъ, откуда вернулся въ октябрѣ того же года къ Москвѣ на земскую службу. Послѣ этого о немъ извѣстій не сохранилось.

Акты археографической экспедиціи, II, 44, 316, 347.—Акты историческіе, II, 367.—Акты Московскаго государства, I, 42.—Акты Западной Россіи, IV, 399.—Собраніе Государственныхъ грамотъ и договоровъ, II, 485.— Русская Историческая Библіотека (изд. археогр. комис.), т. XIV, 342.—Разрядныя книги, II, 125. — Русскій Историческій Сборникъ, II, 403.—Карамзинъ, Исторія Государства Россійск. (изд. Эйнерлинга), т. XI, пр. 84; XII, пр. 411. — Русская Старина 1901 г., т. I, стр. 714 — 716.—Опытъ трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія при Имп. Москов. Унив., ч. I, с. 131.

Е. Лихачъ.

Чепчуговъ, *Никифоръ Павловичъ*, въ 1559 году участвовалъ въ походѣ на ливонцевъ въ званіи полкового головы, въ 1564 и 1565 годахъ былъ головой въ Себежѣ на литовской границѣ. Въ 1582 году мы видимъ его уже въ Казани, воеводой въ Казанскомъ острогѣ, откуда онъ ходилъ усмирять возмутившихся луговыхъ черемисовъ, но не имѣлъ успѣха. Послѣ этого извѣстія о его служебной карьерѣ прекращаются, но можно, однако, думать, что Чепчуговъ былъ приверженцемъ правителя Бориса Годунова, который въ 1591 году, по словамъ Никоновской лѣтописи, черезъ своего любимца Клешнина подговаривалъ его вмѣстѣ съ другимъ московскимъ дворяниномъ Григоріемъ Загряжскимъ взять на себя убіеніе царевича Дмитрія. Къ чести Чепчугова и Загряжскаго надо сказать, что они, «люди богобоязливые не токмо что надъ нимъ сдѣлати, но помыслити надъ своимъ Государемъ не хотяху» и Годунову осталось только отомстить имъ, что онъ и сдѣлалъ.

Лѣтопись говоритъ, что Борисъ «многія бѣды и злыя напасти содѣяху имъ», но какія это были бѣды и напасти—до насъ свѣдѣній не дошло.

Никоновская лѣтопись, VIII, 16. — Лѣтопись о многихъ мятежахъ, стр. 21. — Русскій историческій сборникъ, II, 119, 403.—Карамзинъ, Исторія Государства Россійскаго (изд Эйнерлинга), IX, пр. 732; X, 762. — Соловьевъ (изд. т-ва «Общ Польза»), II, 667, 668. — «Русская Старина», 1901 г., т. I, стр. 710—711.

Е. Лихачевъ.

Червинскій, *Алексѣй Андреевичъ*, сенаторъ, родился въ 1829 году. По окончаніи курса наукъ въ Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ и по полученіи степени кандидата правъ въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, онъ поступилъ 25 января 1851 г. на службу въ канцелярію Московскаго гражданскаго губернатора. Въ 1857 году Червинскій былъ назначенъ членомъ въ особую коммисію, учрежденную при Департаментѣ Общихъ Дѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ для распредѣленія медалей въ память войны 1853—56 гг. Порученіе это не было вполнѣ имъ окончено и онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность совѣтника рязанскаго губернскаго правленія. Съ 1858 г. по 1863 г. онъ былъ неоднократно командированъ по Рязанской губерніи для приведенія крестьянъ къ повиновенію, что имъ было достигаемо, одними лишь увѣщаніями, безъ употребленія другихъ какихъ либо мѣръ. Съ 1863-го по 1865-й г. Червинскій исправлялъ должность рязанскаго вице-губернатора. 24 ноября 1866 г. онъ переведенъ былъ въ вѣдомство Министерства Юстиціи, въ 1867 г. былъ назначенъ прокуроромъ Сумскаго окружнаго суда, въ 1868 году—товарищемъ прокурора Харьковской судебной палаты и нѣкоторое время исполнялъ должность прокурора. Въ 1870-мъ году Червинскій былъ назначенъ прокуроромъ Казанской судебной палаты, а съ 1875 года присутствовалъ въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ Правительствующаго Сената. Умеръ Червинскій 22 іюня 1878 г.

Формулярный списокъ А. А. Червинскаго.

Александръ Ивановъ.

Червинскій, *Аркадій Николаевичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. въ 1801-мъ году, происходилъ изъ дворянъ Волынской губерніи, поступилъ на службу юнкеромъ въ 49-й егерскій полкъ въ 1818-мъ году, и произведенъ въ прапорщики 20 мая 1820 г. Въ чинѣ штабсъ-капитана онъ былъ переведенъ, въ 1833-мъ году, въ Волынскій пѣхотный полкъ, а въ чинѣ маіора занималъ должность старшаго адъютанта: въ штабѣ 6 пѣхотнаго корпуса съ 1831 по 1835 г. и въ штабѣ 3 пѣхотнаго корпуса съ 1835 по 1839 г.г. Во время польской кампаніи Червинскій участвовалъ въ сраженіи на Гроховскихъ поляхъ и за отличія противъ мятежниковъ получилъ ордена св. Анны 3 ст. съ бантомъ и св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ. Съ 1839 г. по 1852-й г. Червинскій занималъ должность штабъ-офицера 5 пѣхотнаго корпуса и, въ чинѣ полковника, участвовалъ въ 1844 г. въ походѣ противъ Кавказскихъ горцевъ. состоя дежурнымъ штабъ-офицеромъ Дагестанскаго отряда. Въ 1850-мъ году, по окончаніи Венгерской кампаніи, Червинскій былъ начальникомъ штаба при войскахъ, оставшихся въ княжествахъ Молдавіи и Валахіи. Произведенный 28 сентября 1852 г. въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ состоять при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ и съ оставленіемъ по арміи, Червинскій въ Турецкую войну исправлялъ должность: дежурнаго генерала 4 и 5 пѣхотныхъ корпусовъ съ іюня по октябрь 1853 г. и директора госпиталей войскъ 3, 4 и 5 пѣхотныхъ корпусовъ съ декабря 1853 по октябрь 1854 г. 12 мая 1855 г. онъ былъ назначенъ въ должность дежурнаго генерала южной арміи, съ 25 января 1856-го г. исполнялъ должность дежурнаго генерала той-же арміи и войскъ въ Крыму расположенныхъ, дежурнымъ генераломъ 2 арміи — 10 іюня того-же года и наконецъ и. д. начальника Главнаго Штаба 2-ой арміи 3 сентября того-же года. Съ октября 1856 г. по 1858 г. онъ былъ предсѣдателемъ Временной Комиссіи для окончанія дѣлъ упраздненнаго Главнаго Штаба 2-й арміи. Съ 1 іюня 1859 г. Червинскій состоялъ членомъ Военно-Кодификаціонной Комиссіи, а 30 ноября 1861 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты съ увольненіемъ отъ службы. Онъ имѣлъ ордена: св. Станислава 1 ст. (1855), св. Анны 1 ст. съ Императорскою

коропою и съ мечами (1859). Время смерти его неизвѣстно.

Послужной списокъ въ Общемъ Архивѣ Главнаго Штаба.

А. Гернетъ.

Червинскій, *Осипъ Давыдовичъ*, штабълекарь, коллежскій совѣтникъ, род. въ 1804 г., происходилъ изъ неофитовъ Виленской губерніи, получилъ медицинское образованіе въ Виленскомъ Университетѣ, гдѣ состоялъ казеннымъ воспитанникомъ. Окончивъ курсъ со степенью лекаря, онъ былъ въ 1829 г. зачисленъ по арміи, въ 1830 г. назначенъ ординаторомъ Кишиневскаго военнаго госпиталя, въ 1832 г. въ Прагскій пѣхотный полкъ; въ слѣдующемъ году переведенъ въ Люблинскій пѣхотный, а затѣмъ въ Харьковскій уланскій полкъ. Съ 1835 г. Червинскій служилъ въ 8-омъ артиллерійскомъ паркѣ дѣйствующей арміи, въ 1837 г. получилъ званіе штабълекаря и назначенъ въ Екатеринославскій Гренадерскій полкъ, откуда въ 1838 г. перешелъ въ Кавказскій саперный баталіонъ и въ 1846 г. состоялъ докторомъ 20 пѣхотной дивизіи; онъ былъ уволенъ отъ службы въ 1850-мъ году. Печатный трудъ его: «Пользованіе паховика посредствомъ іода» въ журналѣ «Другъ Здравія» 1840 г., № 3. Время смерти Червинскаго неизвѣстно.

Змѣевъ. Русскіе врачи-писатели.

Е. Павлова.

Червинскій, *Осипъ Ивановичъ*, врачъ, писатель, род. 18 марта 1834 г., умеръ 6 ноября 1869 г., происходилъ изъ дворянъ Витебской губ.; медицинское образованіе онъ получилъ въ С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи, гдѣ состоялъ казеннымъ воспитанникомъ и въ 1860-мъ году окончилъ курсъ со степенью лекаря. Въ томъ же году Червинскій былъ назначенъ въ Кавказскую артиллерійскую гренадерскую бригаду и въ 1861-мъ году—младшимъ ординаторомъ въ Кутаисскій военный госпиталь; затѣмъ, въ 1862 г., Червинскій былъ переведенъ въ Тифлисскій гренадерскій полкъ, откуда въ 1863 г. перешелъ въ Кавказскій Гренадерскій стрѣлковый баталіонъ. Имъ написанъ: «Медицинскій отчетъ о состояніи здоровья Кавказскаго стрѣлковаго баталіона за 1866 г.». Пр. Кавк. Вр. 1869,—70, и Сбор. Кавк. IX, 1870, I, 1—59.

Змѣевъ. Русскіе врачи-писатели.

Е. Павлова.

Червяковскій, *Андрей Софоніевичъ*, протоіерей Пружанской Александро-Невской соборной церкви, дѣятель по возсоединенію уніатовъ съ православною церковью, родился въ 1805-мъ году и былъ сыномъ священника. По окончаніи въ 1823-мъ году курса наукъ въ Полоцкой епархіальной семинаріи, обучался богословскимъ и другимъ наукамъ въ Виленскомъ университетѣ. Въ 1828 г. Червяковскій былъ рукоположенъ преосвященнымъ Кирилломъ, епископомъ пинскимъ, въ священническій санъ и опредѣленъ настоятелемъ Зачернянскаго прихода, Ковельскаго уѣзда, гдѣ и прослужилъ до 1830 г. Въ этомъ году онъ былъ перемѣщенъ въ Нейдычинскую церковь. Въ 1833 г. Червяковскій былъ опредѣленъ настоятелемъ Поддубецкаго Романовскаго прихода, въ которомъ и находился до 1834 г., а затѣмъ былъ переведенъ къ Боремльской церкви, Дубенскаго уѣзда. Въ 1835 г. онъ получилъ отъ епархіальнаго начальства благодарность за устройство иконостасовъ въ бывшихъ уніатскихъ церквахъ Луцкаго благочинія. Въ 1837 г. онъ возведенъ въ протоіереи и награжденъ набедренникомъ, а въ 1838 г. получилъ скуфью. Въ 1840 г. Червяковскій изъ Боремля былъ перемѣщенъ въ г. Ошмяну, Виленской губ., къ Богоявленской церкви и въ томъ же году получилъ камилавку. Въ 1851 г. онъ былъ перемѣщенъ въ г. Кобринъ къ Пречистенской соборной церкви. Въ 1861 г. Червяковскій былъ переведенъ на протоіерейское мѣсто къ Пружанской соборной церкви. Съ 1831 по 1841 г. онъ былъ Луцкимъ благочиннымъ и своей ревностью и твердымъ характеромъ много содѣйствовалъ успѣху православія. Въ 1840 г. Червяковскій былъ назначенъ членомъ комитета по постройкѣ Ошмянской церкви, въ 1845 г.—депутатомъ въ Ошмянскія присутственныя мѣста по дѣламъ, касающимся православнаго духовенства, а въ 1846-мъ году Ошмянскимъ благочиннымъ. Червяковскій отличался обширнымъ умомъ и познаніями и твердымъ характеромъ. Онъ много потрудился надъ возсоединеніемъ

уніатовъ съ православною церковью и многихъ самъ присоединилъ. Червяковскій умеръ въ г. Пружанахъ 17-го августа 1876 г.

«Литовскія епархіальныя Вѣдомости» 1876 г., № 39, стр. 322, 323. *А. Трика.*

Черевинъ, *Иванъ Григорьевичъ*, контръ-адмиралъ, членъ Адмиралтействъ-Коллегіи, умеръ 22 апрѣля 1757 г. Въ 1703-мъ году онъ былъ записанъ изъ солдатъ л.-гв. Преображенскаго полка въ матросы а черезъ три года вновь записанъ въ солдаты лейбъ-гвардіи бомбардирской роты, но изъ списковъ матросовъ исключенъ не былъ. Прослуживъ матросомъ 10 лѣтъ, Черевинъ, произведенъ былъ въ боцмана и въ 1715 г. плавалъ въ должности подшкипера на кораблѣ у капитана Н. Сенявина и только черезъ 4 года получилъ чинъ подпоручика (унтеръ-лейтенанта). Въ этомъ чинѣ, а также и въ слѣдующихъ: капитанъ-лейтенанта (съ 31 декабря 1729 г.) и капитана полковничьяго ранга (съ 18 января 1733 г.) онъ командовалъ разными судами въ русскихъ и иностранныхъ водахъ, а также находился въ оберъ-сарваерской конторѣ, гдѣ составлялъ опись всѣмъ матеріаламъ и припасамъ Петербургскаго Адмиралтейства, коимъ Коллегія не имѣла подробнаго счета. Въ 1734-мъ году онъ временно исполнялъ должность капитана надъ Кронштадтскимъ портомъ, а затѣмъ былъ дважды посылаемъ съ судами въ Архангельскъ для отвоза туда припасовъ; первый походъ былъ неудаченъ вслѣдствіе непріязненныхъ дѣйствій французскаго флота и Черевинъ вернулся въ Ревель, а второй разъ достигъ Архангельска. Въ мартѣ 1736-го г. Коллегія командировала Черевина въ Пустоозерскій острогъ для производства слѣдствія надъ офицерами Обской экспедиціи. Пробывъ тамъ годъ, онъ вернулся въ Петербургъ и до 1747-го года командовалъ разными судами въ плаваніи по Финскому заливу. Въ этотъ послѣдній годъ (5 сентября) Черевинъ былъ произведенъ въ капитанъ-командоры и назначенъ главнымъ командиромъ Архангельскаго порта. Въ этой должности онъ пробылъ всего три года съ небольшимъ, такъ какъ вслѣдствіе непріятности произшедшей у него съ архангельскимъ капитаномъ надъ портомъ, Черевинъ былъ вызванъ въ Петербургъ. Надо полагать, что Черевинъ былъ отличныхъ способностей, ибо Адмиралтействъ-Коллегія, вмѣсто того чтобы предать его суду, назначила его директоромъ Петербургской адмиралтейской конторы. Чинъ контръ-адмирала Черевинъ получилъ въ 1752 г. (февраля 27-го) и затѣмъ назначенъ былъ въ концѣ того же года членомъ Адмиралтейской Коллегіи.

Общій Морской Списокъ, т I, стр. 407—409.— Берхъ. «Жизнеописаніе первыхъ россійскихъ адмираловъ», Спб. 1834 г., т. III, стр. 239—244.—А. Кротковъ. «Повседневная запись замѣчательныхъ событій въ русскомъ флотѣ», 1894 г., стр. 168.

А. Петцъ 2.

Черевинъ, *Павелъ Дмитріевичъ*, писатель, родился 27 янв. 1802 г., умеръ 27 мая 1825 г. Прекрасно окончивъ курсъ въ Московскомъ Университетѣ, Черевинъ поступилъ въ военную службу и служилъ сначала въ Семеновскомъ полку, а потомъ— въ свитѣ Его Величества по квартирмейстерской части. Тяжелая болѣзнь (чахотка) заставила его вскорѣ выйти въ отставку и свела въ могилу на 23-мъ году жизни. Еще съ университетской скамьи Черевинъ ревностно изучалъ науки историческія и политическія (главнымъ образомъ политическую экономію); результатомъ этого изученія явились статьи, напечатанныя въ «Вѣстникѣ Европы»: «О судѣ присяжныхъ», «О владѣльцахъ, кортомщикахъ и половникахъ», «О деньгахъ», «О состояніи римлянъ при Антонинахъ». Статьи эти обличаютъ въ авторѣ основательныя свѣдѣнія, глубину мысли и точность изложенія. Некрологъ отмѣчаетъ въ Черевинѣ благородство характера, доброе, отзывчивое сердце и чисто-отеческое отношеніе къ своимъ крѣпостнымъ крестьянамъ.

«Минутная весна его полезной жизни
Вся протекла въ трудахъ и въ жертвахъ добрыхъ дѣлъ».

Черевину, кромѣ того, принадлежитъ переводъ книги: «Исторія упадка и разрушенія римской имперіи. Соч. Гиббона, сокращенное Адамомъ. Перев. съ франц. М. 1824 г.».

«Вѣстн. Европы», 1824 г., ч. 136, № 14; ч. 137, № 14 (некр. и стих. эпитафія); Опись книг. Смирдина.

Вяч. Водарскій.

Черевковъ, *Евтей Ивановичъ*, генералъ-маіоръ, родился въ 1754-мъ году и происходилъ изъ казачьихъ дѣтей войска

Донскаго. Вступивъ въ службу въ 1772-мъ году казакомъ, онъ, въ чинѣ полковаго писаря, принималъ участіе въ турецкой войнѣ 1774-го года; въ 1775-мъ году Черевковъ находился при казачьихъ полкахъ на Задонской сторонѣ, для обороны границъ отъ набѣговъ Закубанскихъ народовъ; въ 1776-мъ году, въ чинѣ сотника, онъ былъ посланъ въ Петербургъ, гдѣ и оставался до 1787-го г., когда былъ переведенъ въ Екатеринославское казачье войско. Въ 1789-мъ году Черевковъ участвовалъ въ турецкой кампаніи и былъ въ сраженіяхъ подъ Паланкою, Аккерманомъ, Бендерами и во многихъ другихъ. Въ 1797-мъ году, въ чинѣ маіора, онъ былъ назначенъ частнымъ экспедиторомъ при войсковой канцеляріи Войска Донскаго; состоя въ этой должности, Черевковъ 7-го марта 1799-го г. произведенъ былъ въ полковники, а 19-го декабря того-же года уволенъ отъ службы съ чиномъ генералъ-маіора. Въ 1803-мъ году онъ былъ утвержденъ въ должности непремѣннаго присутствующаго войсковой канцеляріи и оставался въ этой должности до 1808-го года. Время смерти Черевкова неизвѣстно.

Формулярный списокъ.

В. Козловъ.

Чередѣевъ, *Козьма Кирилловичъ*, протоіерей, писатель; сынъ причетника, окончилъ курсъ въ Тверской духовной семинаріи и затѣмъ, 1 августа 1823 года, въ С.-Петербургской Духовной Академіи со степенью магистра богословія. По окончаніи курса Академіи Чередѣевъ былъ отправленъ профессоромъ словесности въ Тверскую семинарію. Здѣсь Чередѣевъ послѣдовательно занималъ рядъ административныхъ и преподавательскихъ должностей. 28 ноября 1831-го г. онъ былъ опредѣленъ помощникомъ инспектора семинаріи, и въ этой должности пробылъ 12 лѣтъ, оставивъ ее по собственному желанію. За это время Чередѣевъ нѣсколько разъ исправлялъ должность инспектора. 4 августа 1838-го г. онъ былъ назначенъ библіотекаремъ семинаріи. Изъ преподавательскихъ должностей со времени поступленія въ семинарію Чередѣевъ, кромѣ каѳедры словесности, неоднократно замѣщалъ каѳедру богословскихъ наукъ, которую окончательно занялъ съ 1 декабря 1842 г.; въ 1832-мъ году ему поручено было чтеніе св. Писанія сначала по низшему, а потомъ по среднему отдѣленію семинаріи. За это же время на Чередѣева возлагалось производство ревизій духовныхъ училищъ Тверской епархіи. 13-го марта 1844 г. Чередѣевъ былъ назначенъ цензоромъ проповѣдей сельскихъ священниковъ Тверской губерніи. Въ этой должности онъ состоялъ до 1863 года, когда былъ назначенъ участвовать въ засѣданіяхъ губернскаго присутствія по вопросамъ объ обезпеченіи духовенства. Состоя съ 1827-го г. священникомъ при каѳедральномъ соборѣ, Чередѣевъ 24-го іюня 1846-го г. былъ возведенъ въ санъ протоіерея, а 15-го іюля 1848-го г. въ ключари собора. Въ сентябрѣ того же года Чередѣевъ былъ назначенъ благочиннымъ по 2-му вѣдомству города Твери, надъ Заволжскими и Затверецкими церквами. 12 декабря 1849 года онъ оставилъ семинарію и въ теченіе слѣдующихъ трехъ лѣтъ былъ первенствующимъ членомъ по экономическимъ отчетамъ Тверской семинаріи и тверскихъ духовныхъ училищъ. Въ то же время, съ 1851-го г., Чередѣевъ вошелъ въ составъ комитета, учрежденнаго для составленія церковно-историческаго описанія Тверской епархіи, и назначенъ былъ членомъ консисторіи. Въ этомъ комитетѣ, сверхъ редакторской дѣятельности, онъ самъ принялъ участіе и литературными трудами. Ему принадлежатъ описаніе Калязина монастыря, напечатанное въ 1852 году, и составленныя имъ «Біографіи тверскихъ іерарховъ, отъ начала существованія архіерейской каѳедры въ г. Твери и до нынѣ», напечатанныя въ 1859 году. Въ 1853 г. Чередѣевъ былъ утвержденъ штатнымъ протоіереемъ и старшимъ благочиннымъ по городу Твери. Затѣмъ онъ былъ утвержденъ непремѣннымъ членомъ Тверского статистическаго комитета. Въ январѣ 1867 года Чередѣевъ былъ назначенъ членомъ народно-училищнаго совѣта, въ которомъ, по выбору, предсѣдательствовалъ. Кромѣ упомянутыхъ трудовъ церковно-историческаго содержанія, Чередѣевымъ были изданы поученія и рѣчи, сказанныя по разнымъ поводамъ: «Слова въ праздничные дни и поученія въ дни простые, сказанныя въ Тверскомъ каѳедральномъ соборѣ Чередѣевымъ», Тверь 1858 г., и «Огласитель-

ныя поученія о человѣкѣ, и слова и рѣчи на дни высокоторжественные, воскресные и праздничные, на разные случаи и рѣчи, сказанныя протоіереемъ К. Чередѣевымъ», Тверь 1862 г.

Формулярный списокъ.—И. Чистовичъ «Исторія Спб. духовной Академіи», Спб. 1857 г., стр. 444.

М. Татьевъ.

Черемисиновъ, *Александръ*, переводчикъ. Біографическихъ свѣдѣній о немъ не имѣется. Извѣстенъ его переводъ съ французскаго: «Описаніе (сокращенное) жизни и дѣлъ Скандерберга, короля албанскаго и князя эпирскаго». Спб. 1782 г.

Сопиковъ. Опытъ россійской библіографіи, №7731.

В. Владиміровъ.

Черемисиновъ, *Герасимъ Ивановичъ*, тайный совѣтникъ, Могилевскій губернаторъ, происходилъ изъ древняго дворянскаго рода и вступилъ въ службу въ 1747-мъ году. Въ 1748 — 1749 г.г. онъ участвовалъ въ походѣ въ Германію, а въ 1761-мъ году, въ чинѣ поручика, находился при осадѣ Кольберга. Выйдя въ отставку, 19 августа 1774-го г., съ чиномъ полковника, Черемисиновъ 7 сентября того-же года былъ назначенъ директоромъ камерныхъ дѣлъ Могилевской Камерной Экспедиціи; 5 апрѣля 1778-го г.— директоромъ экономіи Могилевской Казенной Палаты, а 16 декабря 1782-го г. — Могилевскимъ - же вице - губернаторомъ. Произведенный въ 1786-мъ году въ дѣйствительные статскіе совѣтники, онъ былъ въ 1790-мъ году назначенъ Могилевскимъ губернаторомъ, а 17-го декабря 1796-го года отставленъ отъ службы съ пенсіею. Умеръ Черемисиновъ 9 января 1806 г.

Дипломъ на дворянство, пожалованный Г. И. Черемисинову 24 декабря 1790-го г.—Мѣсяцесловы съ росписью чиновныхъ особъ 179—1796 г. г.—Сенатскій Архивъ, I, 40.—Некрологическая рукопись Шлуна (собственность В. В. Руммеля).

В. Козловъ.

Черемисиновъ, *Дементій* (*Деменша*) *Ивановичъ*, въ 1566 г. дворянинъ (сынъ боярскій) подписался подъ грамотой о Ливонской войнѣ. Послѣ разгрома Новгорода Іоанномъ IV-мъ въ 1571 г., января 5-го, онъ былъ посланъ туда дополучить отъ «правильщиковъ» казны на монастыряхъ вновь собранныя ими деньги; недѣлю спустя онъ ѣхалъ уже обратно въ Москву, взявъ съ собою всѣ деньги, считанныя и несчитанныя. Съ 1577 по 1595 г. онъ былъ казначеемъ казеннаго двора и думнымъ дворяниномъ, въ 1577—1578 г. участвовалъ въ Ливонской войнѣ. Въ 1577 г., при осадѣ города Шмильтена, царь Іоаннъ IV, узнавъ о безпорядкахъ въ русскомъ лагерѣ, который находился подъ начальствомъ воеводы кн. Михаила Ноздреватаго, о томъ «кручинился да посоалъ изъ-за кушанья Деменшу Черемисинова, да велѣлъ про то сыскати». Оказалось, что ливонцы хотѣли ѣхать изъ города съ женами и дѣтьми, но воеводы не пускали ихъ, а посылали къ царю бить челомъ относительно ихъ имущества, вслѣдствіе чего ливонцы изъ города не поѣхали. Черемисиновъ распорядился, чтобы ливонцы выѣхали изъ города съ женами, дѣтьми и со всѣмъ имуществомъ, что они и исполнили, но царь «Литву отпустилъ, а животы ихъ взялъ на себя». Послѣ этого Черемисиновъ поручилъ воеводство въ городѣ Шмильтенѣ кн. Михаилу Ноздреватому, котораго за допущенные имъ безпорядки, «за его неслужбу»,—какъ сказано въ современномъ документѣ—«царь велѣлъ бити на конюшнѣ». Въ 1580-мъ году, на седьмой свадьбѣ царя Ивана Васильевича съ Маріей Нагой, онъ сидѣлъ на скамейкѣ противъ боярынь. Въ томъ же году, во время польско-литовской войны, при пораженіи кн. Хилкова близъ Торопца, Черемисиновъ былъ взятъ въ плѣнъ, въ которомъ оставался до 1583 г.; за выкупъ его при Запольскомъ замиреніи съ Польско-Литовскимъ государствомъ заплочено царемъ Іоанномъ IV-мъ 4.457 рублей. Упоминая о взятіи Черемисинова въ плѣнъ, Карамзинъ называетъ его «любимцемъ Іоанновымъ». Въ томъ же 1583-мъ году, когда пріѣхалъ англійскій посолъ Баусъ и шло сватовство царя Іоанна съ племянницей англійской королевы Елизаветы, Маріей Гастингсъ, Черемисиновъ былъ однимъ изъ немногихъ, оставленныхъ царемъ въ «комнатѣ», при разговорахъ съ посломъ. Въ 1594-мъ году были посланы для дѣланія засѣкъ на юго-восточной и восточной окраинахъ Московскаго государства; посланные были раздѣлены на четыре «статьи»; во второй статьѣ значатся: кн. Андрей Ив. Хворостининъ и Черемисиновъ. Въ томъ же году окольничій

кн. Өеод. Ив. Хворостининъ и казначей Деменша Ив. Черемисиновъ, назначенные для третьяго съѣзда съ шведскими послами, писали имъ: «Государю нашему, не отыскавъ свои отчины, городовъ Лифляндскіе земли и Ноугородцкіе, съ вашемъ Государемъ для чего миритца? Нынѣ уже Государю вашему пригоже отдавати (намъ) всѣ городы, да и подъемъ Государя нашего заплатити, что Государь нашъ укажетъ». Въ 1595-мъ году онъ ставилъ города на Яикѣ и на Волгѣ, въ 1598-мъ году былъ воеводою въ Астрахани вмѣстѣ съ Ив. Мих. Бутурлинымъ; для разслѣдованія ихъ неправильныхъ дѣйствій былъ посланъ царемъ Борисомъ Петръ Никитичъ Шереметевъ.

Собраніе Госуд. Грамотъ и Договоровъ, I, 551—Дополненія къ актамъ историческ., I, 189—211.—Древняя Росс. Вивліоѳика, XIII, с. 113; XIV, с. 349.—Карамзинъ, Исторія Госуд. Рос., IX, с. 185, 245, 254, прим. 296, 491, 546; X, прим. 138, 181, 262, 300.

В. Корсакова.

Черемисиновъ-Карауловъ, *Иванъ Семеновичъ,* думный дворянинъ. Будучи стрѣлецкимъ головою въ 1551 — 52 гг., онъ съ отрядомъ стрѣльцовъ находился въ Казани при возведеніи на престолъ Шигъ-Алея, при прекращеніи безпорядковъ, возникшихъ послѣ его «сведенія» изъ Казани и, затѣмъ, при взятіи и усмиреніи этого города. Въ 1556 г. послѣ измѣны Астраханскаго царя Дербыша, Іоаннъ IV послалъ нѣсколькихъ стрѣлецкихъ головъ, въ томъ числѣ и Черемисинова, наказать измѣнника. Первымъ сразился съ Дербышемъ атаманъ Ляпунъ Филимоновъ, разбилъ его и сталъ ждать Черемисинова съ товарищами; когда они подошли, Дербышъ успѣлъ вывести изъ города всѣхъ жителей и соединился съ крымскими нагайцами. Головы засѣли въ Астрахани, укрѣпили городъ и уничтожили всѣ суда астраханцевъ. Дербышъ ободренный малочисленностью нашихъ войскъ, снова открылъ военныя дѣйствія, но такъ какъ счастье ему не благопріятствовало, онъ началъ переговоры о мирѣ, клялся въ вѣрности и снова обманулъ; тогда головы «отняли всю волю у Ногаевъ, у Астраханцевъ отняли всѣ рыбныя ловли и перевозы». Въ это время въ средѣ самихъ ногаевъ начались раздоры: дѣти Юсуфа вступили въ борьбу съ Дербышемъ, прогнали его въ Азовъ, послѣ чего «черные люди» астраханскіе начали приходить къ головамъ присягать и просить о возвращеніи прежнихъ порядковъ. Черемисиновъ принялъ ихъ присягу, обложилъ легкой данью и утвердилъ за ними прежнюю собственность. Въ 1559 г. Черемисиновъ принималъ участіе въ походѣ на Кавказъ, подъ начальствомъ Вишневецкаго, для насажденія христіанства среди кабардинскихъ черкесъ. Въ 1564 г. онъ былъ посланъ изъ Москвы въ Калугу за крымскимъ посломъ Янбулдуемъ съ товарищами, гдѣ они содержались подъ стражей. Въ послѣдній разъ источники упоминаютъ о Черемисиновѣ, какъ о думномъ дворянинѣ, засѣдавшемъ въ 1571 г. въ походной или воинской думѣ Іоанна IV.

Край, Справочн. Энциклоп. Слов., т. XII, Спб., 1847, стр. 125.—Карамзинъ, Исторія Госуд. Росс.—Соловьевъ, Исторія Россіи.

Н. Тычино.

Черемисиновъ, *Николай Семеновичъ,* адъюнктъ Ришельевскаго лицея, родился въ 1792 году, окончилъ курсъ въ Харьковскомъ Университетѣ въ 1817-мъ году и въ томъ же году вступилъ въ должность письмоводителя Одесской Коммерческой гимназіи и Благороднаго Института, гдѣ вскорѣ получилъ должность учителя. 12-го сентября 1817 года временнымъ правленіемъ Ришельевскаго лицея Черемисиновъ былъ избранъ адъюнктомъ лицея, а 31-го декабря 1818 года ему предоставлено было занять каѳедру греческой и латинской грамматики. 26-го августа 1824 г. онъ былъ, по прошенію, изъ лицея уволенъ, а 19-го іюня 1825 года произведенъ въ коллежскіе ассесоры и причисленъ къ Герольдіи. Время смерти Черемисинова неизвѣстно.

Формулярный списокъ.—Михневичъ, I. «Историческій обзоръ 40-лѣтія Ришельевскаго лицея 1817—1857 г.», стр. 89.—«Ришельевскій лицей и Императорскій Новороссійскій Университетъ. Сборникъ издаваемый бывшими воспитанниками лицея и университета», Одесса 18*8 г., отд. II, стр. 14.—«Московскія вѣдомости» 1825 г., № 11, стр. 373.

М. Тагѣевъ.

Черемисиновъ, *Яковъ Яковлевичъ,* генералъ-маіоръ, служилъ въ артиллеріи и, командуя 9 артиллерійской бригадой, произведенъ былъ въ 1821 мъ году въ

генералъ-маіоры, съ назначеніемъ командиромъ 3-й бригады 16-й пѣхотной дивизіи. Въ 1822-мъ году Черемисиновъ былъ назначенъ начальникомъ артиллеріи 6-го пѣхотнаго корпуса, а въ 1826-мъ году — 7-го корпуса. Назначенный въ 1829-мъ году начальникомъ 3 й артиллерійской дивизіи, Черемисиновъ вышелъ въ отставку въ 1830-мъ году.

Высочайшіе приказы въ Общемъ Архивѣ Главнаго Штаба.

А. Гернетъ.

Черенковъ, *Иванъ Никитичъ,* коллежскій ассесоръ, историческій писатель. Происходилъ изъ дворянъ Воронежской губерніи, которой былъ помѣщикомъ. Черенковъ былъ близкимъ другомъ Евфимія Алексѣевича Болховитинова, впослѣдствіи извѣстнаго — Евгенія, митрополита Кіевскаго, и состоялъ членомъ Воронежскаго литературнаго кружка, душою котораго былъ Болховитиновъ. Черенковъ составилъ слѣдующую книгу, предполагавъ посвятить ее Императору Павлу I, за кончиною коего это предположеніе не состоялось: «Исторія державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, отъ основанія онаго до нынѣшнихъ временъ..., собранная коллежскимъ ассесоромъ Иваномъ Черенковымъ», 2 части, Воронежъ, 1803. За эту книгу Черенковъ въ 1803-мъ году получилъ отъ Имп. Александра I перстень. Когда умеръ Черенковъ—неизвѣстно.

Е. Шмурло, Митрополитъ Евгеній, какъ ученый, Спб., 1888, стр. 177, 184.—«Рускій Архивъ», 1873 г., № 3, стр. 383, 392, 782, 805, 831.—Сопиковъ, Опытъ Росс. библіографіи, № 4725.—Смирдинъ, Роспись Росс. книгамъ, № 3300.—Н. В. Воскресенскій, Пятидесятилѣтіе Воронежскихъ губернскихъ вѣдомостей, т. I, Воронежъ, 1888—90, стр. 19, 24. — Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, т. II, Спб., 1897, стр. 86.

В. Модзалевскій.

Черепановъ, *Александръ Андреевичъ,* помощникъ начальника штаба Пріамурскаго военнаго округа, родился 10 декабря 1837 г. По происхожденію дворянинъ Московской губ., онъ воспитывался въ I-мъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ, изъ котораго былъ выпущенъ поручикомъ въ Малороссійскій графа Румянцева-Задунайскаго полкъ въ 1857-мъ году. Черезъ два года онъ былъ отправленъ въ Академію Генеральнаго Штаба. По окончаніи курса въ 1861-мъ г. Черепановъ былъ причисленъ къ Генеральному Штабу и назначенъ состоять при штабѣ резервной дивизіи 5-го армейскаго корпуса, который въ 1863-мъ году былъ въ составѣ войскъ Кіевскаго военнаго округа, и ему пришлось участвовать въ усмиреніи польскаго возстанія. Въ 1870—1872 годахъ онъ завѣдывалъ передвиженіемъ войскъ по желѣзнымъ дорогамъ, и въ 1876-мъ году, въ чинѣ полковника, назначенъ и. д. начальника штаба I-й кавалерійской дивизіи. Во время войны съ Турціей, онъ состоялъ сначала въ кавалерійскомъ отрядѣ, отражавшемъ турецкія высадки на лѣвый берегъ Дуная; потомъ находился въ Шипкинскомъ отрядѣ, а затѣмъ участвовалъ въ переходѣ черезъ Балканы, въ обходѣ Шипки въ колоннѣ Скобелева, былъ въ сраженіи этой колонны съ турками при д. Шейтово, и, наконецъ, въ авангардѣ дѣйствующей арміи прошелъ во главѣ кавалерійскаго отряда отъ Казанлыка до г. Адріанополя; съ окончаніемъ войны вернулся въ предѣлы Россіи. 17 декабря 1884 г. Черепановъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ помощникомъ начальника штаба Пріамурскаго военнаго округа. Вскорѣ онъ захворалъ и умеръ психически разстроеннымъ 10 марта 1886 г.

Посл. спис. въ Общ. Архивѣ Главн. Штаба.

Иннокентій Соколовъ.

Черепановъ, *Иванъ.* Біографическихъ свѣдѣній о немъ не имѣется. Извѣстенъ его переводъ съ нѣмецкаго: «Древняя и новая всеобщая исторія или руководство къ преподаванію оной» соч. Шрекка, 1814 г. Затѣмъ вышло новое изданіе этой книги исправленное имъ и доведенное до 1815 года, съ приложеніемъ синхронистическихъ таблицъ къ каждому періоду, въ 3-хъ частяхъ.

А. Смирдинъ. Роспись россійскимъ книгамъ.

А. Каридіа.

Черепановъ, *Илья,* авторъ лѣтописнаго сборника болѣе извѣстнаго подъ именемъ «Черепановской лѣтописи», былъ тобольскій ямщикъ и жилъ во второй половинѣ XVIII вѣка. Всѣ свѣдѣнія о немъ ограничиваются только словами Іоганна Фалька, познакомившагося съ братьями Черепановыми во время своего путеше-

ствія въ 1769 г. по Сибири. Илья, какъ и братъ его, представлявшій, повидимому, типъ начетчика, занимаясь составленіемъ лѣтописи, не бросалъ въ то же время своего ямщицкаго ремесла. Братъ его Козьма былъ не только порядочнымъ архитекторомъ, но зналъ отчасти математику, механику, даже исторію, имѣлъ библіотеку въ 400 томовъ. Сынъ Козьмы былъ художникъ-самоучка, портретистъ, расписывалъ церкви. Сборникъ Ильи Черепанова написанъ обыкновеннымъ книжнымъ языкомъ XVIII столѣтія и начинается разсказомъ о родословіи Ермака. По этому разсказу дѣдъ Ермака—Афанасій Григорьевичъ Аленинъ былъ посадскій человѣкъ города Суздаля, а отецъ его Тимоѳей переѣхалъ жить въ вотчины Строгоновыхъ и слылъ Повольскимъ; самъ же Василій Тимоѳеевичъ получилъ прозваніе Ермакъ, что значитъ таганъ, отъ своихъ товарищей судовыхъ рабочихъ, съ которыми онъ работалъ на рѣкѣ Чусовой, и среди которыхъ онъ былъ постоянно артельнымъ кашеваромъ. Разсказъ этотъ, заимствованный, по собственному признанію автора, изъ «нѣкоторой Сибирской исторіи» и составленный «якобы по собственному объявленію Ермака», не вошелъ ни въ одну изъ болѣе старыхъ лѣтописей и только встрѣтился еще разъ, какъ отдѣльная статья, Спасскому, въ одномъ сборникѣ XVII ст. Карамзинъ, приводя его въ 664 прим. къ т. IX «Ист. Г. Р.», называетъ сказкой, къ такому же выводу приходитъ позднѣйшая критика (Никитскій). Затѣмъ изложеніе событій въ начальной части сборника есть въ сущности ничто иное, какъ подробное, мѣстами чуть ли не дословное, извлеченіе изъ «Описанія Сибирскаго царства» Г. Ф. Миллера, дополненное лѣтописью Ремезова, Степенною книгою, хронографомъ, сочиненіемъ Григорія Новицкаго объ остякахъ и проч. Болѣе самостоятельное значеніе и большій историческій интересъ лѣтопись Черепанова принимаетъ съ того момента, когда для автора, не знавшаго продолженія Миллеровой исторіи въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ», оканчивается руководство Миллера и Ремезова, хотя извѣстія лѣтописи сосредоточиваются тогда, преимущественно, около Тобольска. Нѣкоторыя изъ этихъ извѣстій имѣютъ чисто мѣстный интересъ, другія относятся къ Тобольску, какъ главному административному центру Сибири, третьи касаются церковнаго быта, появленія раскольниковъ, ихъ самосожженій и пр. Лѣтопись доведена до 1759 г. Объ источникахъ второй ея части можно только догадываться. Авторъ, повидимому, пользовался мѣстными сказаніями и легендами, современными записями, а за послѣдніе годы, обнимаемые лѣтописью, извѣстія могли быть внесены Черепановымъ, какъ очевидцемъ. Сборникъ этотъ, не изданный печатно до сихъ поръ, въ рукописныхъ своихъ спискахъ давно извѣстенъ въ литературѣ. Онъ былъ въ рукахъ Карамзина, получившаго его отъ архіепископа Тобольскаго Амвросія, черезъ гр. Румянцева, но не знавшаго его автора и назвавшаго его поэтому лѣтописью неизвѣстнаго автора. Въ 1821-мъ году говорилъ о немъ и печаталъ изъ него Г. И. Спасскій отдѣльныя статьи, по списку Фролова; онъ же доказалъ, что авторъ этого сборника именно Илья Черепановъ, упоминаемый Фалькомъ, который также пользовался этою лѣтописью. Въ 1838 г. писалъ о немъ Словцовъ, который пользовался этою рукописью, хотя и, какъ онъ самъ говоритъ, не безъ осторожности. Не смотря на цѣлый рядъ извѣстій о немъ и пользованіе имъ нѣкоторыми авторами, сборникъ этотъ не былъ изданъ Археографическою Комиссіею въ 1877 г., на разсмотрѣніе которой онъ былъ представленъ по списку Тобольской духовной семинаріи. Изданіе его, по докладу Л. Н. Майкова, было признано мало полезнымъ и несвоевременнымъ. Какъ памятникъ позднѣйшаго образованія и весьма сложный по составу, онъ требуетъ особенно тщательной критики, а для критики такого рода, особенно по исторіи Сибири въ XVII и XVIII вѣкахъ, у насъ имѣется еще слишкомъ мало данныхъ. Изъ него были напечатаны только отдѣльныя выписки въ VII вып. отд. IV Лѣтописи занятій Археографической Комиссіи стр. 44—68. Еще ранѣе Спасскимъ въ «Сибирск. Вѣстн.» 1821 г. ч. XIV, стр. 289—294, было напечатано: «Любопытное вооруженіе города Тобольска противъ нашествія Калмыковъ въ 1646 г. (изъ лѣтописи Черепанова)»; въ ч. XV стр. 106—119; 202—269; 306—315—«Посольство изъ Тобольска къ Бушухту Хану Зюнгарскому въ 1691 г.»; въ 1823

ч. IV—О небесныхъ и воздушныхъ явленіяхъ, замѣченныхъ въ Тобольскѣ съ 1665 г. по 1753 г.» Списки Черепановской лѣтописи хранятся: 1) Карамзинскій — въ Императорской Публичной Библіотекѣ, 2) въ библіотекѣ Тобольской духовной семинаріи, 3) въ библіотекѣ Московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ, 4) въ главномъ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Мѣстонахожденіе подлинника и списковъ, бывшихъ въ рукахъ Спасскаго и Словцова, — неизвѣстно.

«Полное собраніе ученыхъ путешествій по Россіи». Изд. Акад. Н. т. VII. Записки путешествія Фалька, стр. 402 и слѣд. — Лѣтопись занятій Археографической коммисіи. Вып. VII, отд. IV, стр. 38—40; 44—68.—Л. Майковъ. О сибирскомъ лѣтописномъ сборникѣ Черепанова. Спб. 1877 (отдѣльный оттискъ изъ предыдущаго).—Спасскій. Извѣстіе о новѣйшей лѣтописи сибирской, сочиненной Ильей Черепановымъ. «Сибирскій Вѣстникъ» 1821 г., ч. XIV, стр. 303—314.—Пыпинъ. «Исторія Русской словесности», т. 4, стр. 180, 223, 261, 329, 330, 352. — А. Сулоцкій. Библіотека Тобольской Семинаріи. «Тобольск. Губ. Вѣдом.» 1858 г., № 27, стр. 472.—Свѣдѣнія о неизданныхъ сибирскихъ лѣтописяхъ.—«Литературный Сборникъ» Н. М. Ядринцева, 1885 г., стр. 449—451.—Карамзинъ. Истор. Г. Россійск., т. IX, прим. 644 и 664.—Словцовъ, Историческое обозрѣніе Сибири. ч. I, стр. IX, X.— Дмитріевъ. Пермская Старина. Вып. IV, стр. 33 и слѣд.—М. П. Пуцилло. Къ вопросу кто былъ Ермакъ Тимоѳеевичъ, покоритель Сибири. «Русскій Вѣстникъ» 1881 г., № 11, стр. 280—282.—А. Никитскій. Замѣтка о происхожденіи имени Ермакъ. «Журналъ Минист. Народн. Просв.», 1882 г. № 5, стр. 135—137.

Иннокентій Соколовъ.

Черепановъ, *Никифоръ Евтропіевичъ*, статскій совѣтникъ, ординарный профессоръ всемірной исторіи, статистики и географіи въ Московскомъ Университетѣ, родился въ Вяткѣ въ 1762 г.; ум. 13-го августа 1823 г. Онъ происходилъ изъ духовнаго званія и первоначальное образованіе получилъ въ Вятской семинаріи. Въ 1782-мъ году Черепановъ поступилъ въ Московскій Университетъ на философское отдѣленіе и занимался, преимущественно, исторіей. По окончаніи курса въ университетѣ, онъ занялъ мѣсто учителя исторіи и географіи при университетской академической гимназіи, а съ 1799 года, получивъ званіе адъюнкта философскаго отдѣленія, преподавалъ эти науки въ университетѣ, занимая эту должность до смерти. Черепановъ, кромѣ того, занималъ слѣдующія должности: около 30 лѣтъ преподавалъ исторію и географію въ Благородномъ университетскомъ пансіонѣ и 16 лѣтъ въ Московскомъ отдѣленіи Института ордена св. Екатерины. Въ 1804 г. ему поручено было открытіе гимназій въ Вологдѣ и Костромѣ; въ томъ же году онъ былъ визитаторомъ училищъ Ярославской, Костромской и Вологодской губерній. Съ 1808 г. и до смерти своей онъ состоялъ помощникомъ библіотекаря въ университетѣ, съ 1811 по 1813 годъ былъ деканомъ словеснаго отдѣленія и нѣсколько лѣтъ членомъ училищнаго комитета въ Москвѣ.

Черепанову принадлежатъ слѣдующіе труды: «Географическо-историческое ученіе, или введеніе въ землеописаніе, способное для руководства дѣтей», 2 ч., М. 1792 г.; «Начертаніе знатнѣйшихъ народовъ свѣта по ихъ происхожденію, распространенію и языкамъ», перев. съ нѣмецкаго, М. 1798 г.; «Всеобщая исторія соч. Шрекка, переработанная и изложенная синхронич. табл.», М. 1799 г.; «Слово о способахъ, какъ постепенно восходило просвѣщеніе народовъ», М. 1803 г.; «Лѣтопись Нестора по списку инока Лаврентія. Изд. проф. Харитона и Никифора Черепановыхъ» (издавали они ее съ 1804 по 1811 г., съ этого же года изданіемъ занялся проф. Тимковскій); «Всеобщая исторія», перев. съ франц. рукоп. Ч. I. Древн. ист. (для употребл. въ клас. Екатеринск. Инст.)», М. 1811 г.; «Древняя и новая всеобщая исторія Шрекка, перев. съ нѣмецк. съ дополненіями», М. 1814—1815 гг.; «Атласъ древней географіи», перев. съ франц. М.

Послужной списокъ въ Архивѣ Д-та Герольдіи.—Біографич. словарь профессоровъ и преподав. Москов. Унив.—Московскія Вѣдомости 1824 г., № 55 (некрологъ).—Росписи книг. Плавильщикова и Смирдина.—Опытъ рос. библ. Сопикова.

Вяч. Водарскій.

Черепановъ, *Семенъ Ивановичъ*, писатель-журналистъ, происходилъ изъ сибирскихъ казаковъ. Отецъ его, Иванъ Адріановичъ Черепановъ, служилъ пограничнымъ дистанціоннымъ начальникомъ въ Кударинской крѣпости, въ 45 верстахъ отъ Кяхты, гдѣ С. И. и родился 10-го апрѣля 1810-го года. До восьми-лѣтняго возраста Черепановъ жилъ дома, а затѣмъ былъ

опредѣленъ отцомъ въ Кяхтинское уѣздное училище, гдѣ пробылъ пять лѣтъ. По выходѣ изъ училища, Черепановъ, 13-го декабря 1823-го года, поступилъ на службу подканцеляристомъ въ Троицкосавское пограничное управленіе, находившееся въ предмѣстьѣ Кяхты. Нежеланіе заниматься канцелярской работой побудило его въ 1828-мъ году переписаться въ казаки, и онъ былъ вскорѣ опредѣленъ на службу въ Иркутскій казачій полкъ съ чиномъ сотника. Въ слѣдующемъ году Черепанову пришлось ѣхать въ Петербургъ, куда потребовали по одному офицеру отъ каждаго сибирскаго казачьяго полка, но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ принужденъ былъ возвратиться обратно въ Кяхту. Въ томъ-же, 1829-мъ году, Черепановъ былъ назначенъ начальникомъ отряда казаковъ, посланныхъ противъ бурятовъ-харапутовъ, оспаривавшихъ наши владѣнія на хребтѣ Колоту, по границѣ съ Китаемъ, и въ происшедшей съ ними схваткѣ былъ раненъ въ ногу. Затѣмъ, въ 1830-мъ и 1831-мъ годахъ, Черепановъ сопровождалъ нашу миссію въ Китай и, находясь при ней въ Пекинѣ, велъ дневникъ съ 18-го ноября 1830-го года по 10-е мая 1831-го, напечатанный въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1854 и 1856 годовъ. Здѣсь же Черепановъ, обладавшій способностью къ рисованію, занимался съемкой плановъ монастырей нашихъ и португальскаго. По возвращеніи изъ путешествія, Черепановъ, въ 1833 году, опредѣленъ былъ смотрителемъ казенныхъ зданій въ Иркутскѣ съ прикомандированіемъ къ слѣдственной коммиссіи, посланной въ Александровскій винокуренный казенный заводъ для открытія дѣлателей фальшивыхъ ассигнацій. При вступленіи на должность восточно-сибирскаго генералъ-губернатора Броневскаго, вмѣсто Н. С. Сулимы, переведеннаго въ Западную Сибирь и очень благоволившаго къ Черепанову, должность послѣдняго была уничтожена, и его снова перевели на службу во фронтъ. Находясь въ командировкѣ въ Александровскомъ заводѣ, онъ близко сошелся съ сосланнымъ туда декабристомъ Н. И. Завалишинымъ, и это едва не погубило Черепанова. У него были найдены въ 1834 году письма къ нему Завалишина и, послѣ недѣльнаго заключенія въ тюрьмѣ, его отправили изъ Иркутска на службу въ Забайкальскій казачій полкъ,—«за вольнодумство», какъ сказано было въ бумагѣ о его переводѣ. Съ назначеніемъ новаго восточно-сибирскаго генералъ-губернатора генерала Руперхта, Черепановъ снова былъ переведенъ на службу въ Иркутскъ. Женившись въ 1843 г., въ Тункѣ, на Надеждѣ Ивановнѣ, бывшей гувернанткой у дѣтей генералъ-губернатора Рупрехта, Черепановъ вскорѣ послѣ этого поступилъ на службу къ золотопромышленнику Н. Ѳ. Мясникову для розысковъ золота по Забайкалью. Наскуча постоянной кочевой жизнью, сопряженной съ розысками золота, онъ не долго пробылъ на службѣ у Мясникова: сдавъ въ Иркутскѣ экзаменъ на званіе учителя русскаго языка, Черепановъ поступилъ таковымъ въ пансіонъ, открытый его женой въ томъ-же городѣ. Кромѣ занятій въ пансіонѣ, онъ одно время былъ еще виннымъ приставомъ въ Кяхтѣ. Пробывъ недолго на новой должности, Черепановъ 1-го іюня 1861-го года вышелъ въ отставку, и поселился сначала въ Петербургѣ, а затѣмъ въ Казани, посвятивъ себя окончательно журналистикѣ. Умеръ Черепановъ въ октябрѣ 1884-го года въ Казани. Подъ своею фамиліею и подъ псевдонимомъ «Сибирскій казакъ», онъ напечаталъ слѣдующія статьи: 1) «Кристальный дворецъ въ Сибири» («Сѣверная Пчела», 1854 г., № 5); 2) «Путешествіе сибирскаго казака въ Китай» («Библіотека для Чтенія», 1854 г., кн. 2; та-же статья напечатана въ «Журналѣ Военно-Учебныхъ Заведеній», 1854 г., № 430 и 431, подъ названіемъ: «Путешествіе сибирскаго казака въ Пекинъ»); 3) «Воспоминаніе о ловлѣ звѣрей въ Сибири» («Библіотека для Чтенія», 1854 г., книга 2, 4 и 5-я); 4) «О рыбномъ ловѣ въ Сибири», воспоминанія (тамъ-же, 1855 г., кн. 2-ая); 5) «Сибирячка», повѣсть (тамъ-же, 1855 г., кн. 6-я); 6) «Дневникъ русскаго, веденный въ Пекинѣ съ 18-го ноября 1830 по 10-е мая 1831-го года» (тамъ-же, 1856 г., кн. 3 и 4-я); 7) «Ирбитская ярмарка», изъ путевыхъ замѣтокъ (тамъ-же, 1856 г, кн. 9-я); 8) «Неотысканное богатство», разсказъ (тамъ-же, 1857 г., кн. 4); 9) «Коечто о пространствѣ Россіи» («С.-Петербургскія Вѣдомости», 1859 г., № 32); 10) «Сибирскія скалы», изъ альбома и записокъ («Иллюстрація», 1859 г., №№ 77—81); 11) «Сибирскія горы» (тамъ-же, 1859 г., №№ 93, 94, 96, 98); 12) «О сибирскихъ птицахъ»

(«Библ. для Чтенія», 1859 г., кн. 7-я); 13) «О городскихъ библіотекахъ» («С.-Петерб. Вѣдом.», 1859 г., № 263, 1860 г., № 239); 14) «О городскихъ библіотекахъ и устройствѣ быта отставныхъ и заштатныхъ чиновниковъ» («Сынъ Отечества», 1860, № 21 и 28); 15) «Вода и водопроводы въ Казани», очеркъ развитія проектовъ въ періодъ 1808—1858 годовъ («Сѣверная Почта», 1862 г., № 203); 16) «О наградахъ и наказаніяхъ земныхъ», составлено по простымъ понятіямъ, Казань, 1862; 17) «Пароходство черезъ Волгу» («Сѣв. Почта», 1863 г., № 120); 18) «Прозаическое посланіе къ русскимъ женщинамъ», Казань, 1864; 19) «Черепки сочиненій, переводовъ и изданій въ стихахъ и прозѣ», ч. I, Казань, 1868; 20) «Рапортъ о тайномъ обществѣ 1826 года» («Русск. Старина, 1872 г., т. VI); 21) «Отрывки изъ воспоминаній сибирскаго казака» («Древняя и новая Россія», 1876 г., кн. 5—7-я); 22) «Отмѣтка противъ замѣтки Завалишина» (тамъ же, 1876 г., кн. 11-я); 23) «Бѣды отъ писанья», извлеченіе изъ воспоминаній («Современныя извѣстія», 1878 г., № 256); 24) «Родныя блага, вытѣсненныя чужими» (тамъ-же, 1879 г., № 100); 25) «Отрывки изъ воспоминаній сибирскаго казака: пребыванія въ Сибири въ 1848 году», Казань, 1879; 26) «Записка о кяхтинскомъ китайскомъ нарѣчіи русскаго языка» («Извѣстіе Россійской Академіи», II, с. 370—77). Кромѣ перечисленныхъ статей, Черепановъ помѣщалъ свои статьи по этнографіи Сибири въ «Справочномъ Энциклопедическомъ Словарѣ» А. В. Старчевскаго, «Иллюстраціи» Башутскаго 1848-го года и другихъ газетахъ.

«Отрывки изъ воспоминаній сибирскаго казака», «Древняя и новая Россія», 1876 г., № 6, стр. 187—192; № 7, стр. 258—272; № 8, стр. 376—385; № 9, стр. 79—84, 103; № 10, стр 180—7; № 11, стр. 316; № 12, стр. 411; 1879 г., № 10, стр. 791—2.— «Историческій Вѣстникъ», 1883 г., іюль, стр. 239; 1890 г., сент., стр. 529. — «Знакомые», альбомъ М. И. Семевскаго, Спб., 1888, с. 55.—Д. Д. Языковъ, Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей, (приложеніе къ «Историч. Вѣстнику») вып. 4-ый, Спб., 1888, с. 104; вып. V, Спб., 1889, с. 15; вып. VI, Спб., 1890, с. 7.—Систематическій каталогъ русскихъ книгъ Казанской городской публичной библіотеки, Казань, 1878, №№ 244, 274, 2740.

В. Модзалевскій.

Черепнинъ, *Александръ Ивановичъ,* докторъ медицины, статскій совѣтникъ, врачъ русской миссіи въ Персіи, умеръ въ іюлѣ 1888 г. въ Тегеранѣ. Въ 1869 году Черепнинъ получилъ степень лекаря, а затѣмъ служилъ по Министерствамъ Внутреннихъ Дѣлъ и Императорскаго Двора. Степень доктора медицины онъ получилъ въ Военно-Медицинской Академіи въ 1881 г. Печатные труды его: 1) «Къ физіологіи воздерживательнаго аппарата сердца», «Военно-медицинскій журналъ», 1881 г., ч. 140, II, стр. 121—162 и 217—256; 2) «Оттискъ диссертаціи доктора медицины». С.-Петербургъ, 1881, 8°; 3) «Рефератъ», «Мед. Обозр.», 1882. XVIII, 487.

Змѣевъ, Русскіе врачи-писатели.

Е. Павлова.

Череповъ, *Антонъ Андреевичъ,* генералъ-маіоръ, родился въ 1789 г., умеръ въ 1841 г.; воспитывался въ Дворянскомъ Полку и выпущенъ, въ 1809 г., во 2-й Егерскій полкъ прапорщикомъ; въ 1812-мъ году за отличіе противъ французовъ пожалованъ орденомъ св. Анны 4 ст. Состоя въ чинѣ подполковника, Череповъ переведенъ былъ въ 1827-мъ году въ 1-й Егерскій полкъ, въ 1828-мъ году—въ Новоингерманландскій пѣхотный — и въ 1829-мъ году въ 4-й Морской полкъ. Произведенный въ 1831-мъ году въ полковники, онъ состоялъ съ 1832-го по 1835-й г. командиромъ Алексопольскаго Егерскаго полка, а въ 1835-мъ году назначенъ состоять при инспекторѣ резервной пѣхоты. Въ августѣ 1836-го года Череповъ былъ назначенъ комендантомъ крѣпости св. Петра по Сибирской линіи, въ сентябрѣ того-же года вновь назначенъ состоять при инспекторѣ резервной пѣхоты, а въ декабрѣ того-же года назначенъ командиромъ резервной бригады 10-й пѣхотной дивизіи. Произведенный въ 1839-мъ году въ генералъ-маіоры, онъ былъ уволенъ въ отставку въ декабрѣ того-же года.

Высочайшіе приказы по военному вѣдомству.—Списки генераловъ въ Общ. Архивѣ Главнаго Штаба.

А. Гернетъ.

Черетовичъ, *Антонъ Адольфовичъ,* докторъ, медицины, умеръ въ 1826-мъ г. Сынъ Кіевскаго мѣщанина, Черетовичъ получилъ медицинское образованіе въ Ви-

ленскомъ Университетѣ, гдѣ состоялъ казеннымъ воспитанникомъ. Окончивъ курсъ со степенью лекаря, онъ въ томъ-же Университетѣ, въ 1803-мъ году, получилъ степень доктора медицины. Затѣмъ онъ служилъ въ Виленскомъ военномъ госпиталѣ, а съ 1815-го г.—въ Варшавскомъ военномъ госпиталѣ. Имъ написано: «De galactorrhoea», диссертація на степень доктора медицины, Вильна 1803, 8°, 18.

Змѣевъ. Русскіе врачи-писатели.

Е. Павлова.

Черкасова, *баронесса Екатерина Ивановна,* (Гедвига-Елисавета), рожденная принцесса Биронъ, гофмейстерина Императрицы Елисаветы Петровны. Отъ брака Эрнста-Іоганна Бирона, впослѣдствіи герцога Курляндскаго, съ дѣвицею Бенигной-Готлибъ фонъ—Тротта-Трейденъ, 23-го іюня 1727-го г. въ г. Митавѣ родилась Гедвига-Елисавета, будущая баронесса Черкасова. Некрасивая, дурно сложенная, горбатая, она получила для своего времени блестящее образованіе подъ руководствомъ выписанныхъ съ этою цѣлью изъ заграницы учителей и подъ наблюденіемъ Императрицы Анны Іоанновны и своей матери.

Въ 1737-мъ году Биронъ былъ сдѣланъ герцогомъ Курляндскимъ; слѣдствіемъ этого для Гедвиги-Елисаветы былъ титулъ «принцессы» и свой особый придворный штатъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ фрейлинъ, пажей и камеръ-юнгферъ. 3-го іюня 1739-го г. въ день свадьбы племянницы Императрицы, принцессы Мекленбургской Анны Леопольдовны съ принцемъ Антономъ-Ульрихомъ Брауншвейгскимъ, Гедвига-Елисавета начала свою придворную жизнь. Въ этотъ день она впервые присутствовала на офиціальномъ обѣдѣ во дворцѣ и впервые управляла танцами въ маскарадѣ, устроенномъ вечеромъ въ большомъ дворцовомъ залѣ. Съ этихъ поръ Гедвига-Елисавета постоянно являлась на всѣхъ придворныхъ торжествахъ; желая угодить всемогущему Бирону, вельможи оказывали самое раболѣпное вниманіе его горбатой и некрасивой дочери, и Гедвига-Елисавета чувствовала себя удовлетворенной, тѣмъ болѣе, что Анна Іоанновна жаловала ей награды безъ всякихъ заслугъ съ ея стороны. Такъ, когда въ февралѣ 1740-го г. праздновалось заключеніе бѣлградскаго міра, Гедвига-Елисавета, не имѣвшая къ этому событію ни малѣйшаго отношенія, получила портретъ Императрицы, осыпанный брилліантами. Въ это же время пронесся слухъ, что Государыня намѣревается выдать ее замужъ за одного изъ германскихъ князей. Быть можетъ, это бы и случилось, если-бы смерть Императрицы не произвела переворота въ жизни молодой принцессы...

Въ октябрѣ 1740-го г. скончалась Анна Іоанновна, оставивъ, какъ извѣстно, до совершеннолѣтія наслѣдника, верховную власть въ рукахъ Бирона, а черезъ 22 дня знаменитый временщикъ былъ арестованъ и заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, вмѣстѣ со всѣмъ своимъ семействомъ. Гедвига-Елисавета семь мѣсяцевъ провела въ ея казематахъ, ожидая окончанія слѣдствія надъ отцомъ. Въ іюнѣ 1741-го года слѣдствіе было окончено. Герцогъ былъ приговоренъ къ смертной казни, которая была замѣнена ссылкой на жительство въ сибирскій городъ Пелымъ, гдѣ для него и его семейства былъ выстроенъ небольшой домъ. 13-го іюня 1741 г. Биронъ съ семьей былъ увезенъ подъ конвоемъ изъ Шлиссельбурга и въ началѣ ноября прибылъ на мѣсто ссылки.

Вскорѣ герцогъ заболѣлъ; Гедвига-Елисавета, по очереди съ матерью, день и ночь дежурила у постели больного; наступило тяжелое время для принцессы; мрачный, задумчивый, больной Биронъ не только не поддерживалъ её, но самъ нуждался въ поддержкѣ. Къ довершенію несчастій, 28-го декабря въ домѣ ссыльныхъ произошелъ пожаръ. Семейство герцога было помѣщено въ домѣ Пелымскаго воеводы.

Въ началѣ января 1742 г. пришло извѣстіе о восшествіи на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны. 20-го января въ Пелымъ прибылъ курьеръ изъ Сената съ указомъ Императрицы, по которому герцогу возвращалась не только свобода, но и его силезское помѣстье Вартенбергъ, подаренное ему въ 1731-мъ году прусскимъ королемъ. Собравшись въ путь, Биронъ съ семействомъ намѣревался поѣхать черезъ С.-Петербургъ въ Курляндію, но по настоянію князей А. М. Черкасскаго и Н. Ю. Трубецкого, Императрица издала новый указъ, повелѣвавшій герцогу ѣхать въ Ярославль и жить тамъ безвыѣздно.

26-го марта Биронъ прибылъ въ мѣсто назначенія, гдѣ ему была предоставлена относительная свобода и нѣкоторыя удобства. Несмотря на это ни онъ, ни его семейство не были довольны своимъ новымъ положеніемъ. Въ особенности жаловалась на свою судьбу Гедвига-Елисавета. Молодая принцесса, привыкшая къ шумной придворной жизни и такъ внезапно оторванная отъ нея, сильно скучала въ небольшомъ провинціальномъ городѣ, въ обществѣ вспыльчиваго и раздражительнаго отца. Съ первыхъ же дней своего пріѣзда, Гедвига-Елисавета стала придумывать средства избавиться отъ отцовскаго гнета и снова попасть въ С.-Петербургъ. Сначала она попробовала расположить къ себѣ вліятельныхъ лицъ города и черезъ нихъ добиться милости Императрицы; планъ этотъ не достигъ цѣли. Тогда она написала письмо къ фавориту Елисаветы Петровны Шувалову, прося его ходатайствовать за неё передъ дворомъ; письмо осталось безъ отвѣта. Приведенная въ отчаянье этими неудачами, принцесса рѣшилась на крайнее средство; она задумала бѣжать изъ родительскаго дома. Удобный случай долго не представлялся. Наконецъ, въ 1749-мъ году, когда Императрица со всѣмъ дворомъ переѣхала въ Москву и, весной, отправилась пѣшкомъ на богомолье въ Троицкую Лавру, Гедвига-Елисавета рѣшила дѣйствовать. Ночью 15-го апрѣля пришла она къ женѣ ярославскаго воеводы Пушкина и, рыдая, заявила ей, что давно уже хочетъ принять православіе, но Биронъ, не соглашаясь на это, подвергаетъ её всевозможнымъ преслѣдованіямъ. Въ заключеніе она просила Пушкину немедленно отвезти её въ Троицкую Лавру, чтобы имѣть возможность лично умолять Государыню о защитѣ и покровительствѣ. Пушкина въ ту же ночь отправилась съ принцессою въ Лавру.

Пріѣхавъ въ монастырь, Пушкина представила принцессу графинѣ Шуваловой, первой статсъ-дамѣ Императрицы. Гедвига-Елисавета сумѣла возбудить въ послѣдней такое горячее участіе къ себѣ, что Шувалова взялась ходатайствовать за неё передъ Государыней. Дѣло было представлено въ такомъ видѣ, что родители безпощадно преслѣдуютъ молодую принцессу и преслѣдуютъ только за то, что она хочетъ принять православіе. Елисавета Петровна, какъ извѣстно, глубоко религіозная, сочла своимъ нравственнымъ долгомъ оказать покровительство «бѣдной овечкѣ» и приказала привезти её къ себѣ. На свиданьи съ Императрицей «бѣдная овечка» разрыдалась и отъ смущенья не могла вымолвить ни одного слова. Елисавета Петровна растрогалась и обѣщала въ Москвѣ окрестить её лично. Черезъ три недѣли принцесса приняла православіе въ церкви Головинскаго дворца, причемъ при св. крещеніи получила имя Екатерины.

Курляндская принцесса заинтересовала дворъ своей необыкновенной судьбой. На неё стали смотрѣть, какъ на несчастную, безпомощную сироту. Екатерина Ивановна сумѣла воспользоваться этимъ своимъ положеніемъ. Она завоевала довѣріе духовника Императрицы, сдѣлалась своимъ человѣкомъ у графини Шуваловой, вела себя необыкновенно скромно и умѣла угодить всѣмъ. Ближайшимъ результатомъ такой политики явилось ея назначеніе на спеціально придуманную для нея должность—второй надзирательницы надъ фрейлинами; занявъ это мѣсто, она сумѣла добиться сильнаго вліянія на своихъ подчиненныхъ и распоряжалась ихъ судьбой по своему усмотрѣнію.

У принцессы былъ при дворѣ сильный покровитель, который считалъ себя въ долгу у фамиліи Биронъ, и потому считавшій своимъ долгомъ заботиться о ней. Это былъ гофмейстеръ Великаго Князя Петра Ѳедоровича, Чоглоковъ. Онъ ввелъ Екатерину Ивановну въ интимный кружокъ Великаго Князя. Нѣмецкое происхожденіе ея завоевало ей симпатіи Петра, а неизмѣнное терпѣніе, съ которымъ она выслушивала проекты Великаго Князя, еще увеличило его благосклонность къ ней.

Къ этому времени рѣшили выдать принцессу за-мужъ. Отыскали для нея жениха, камергера Петра Салтыкова, который, по приказанію своей матери, немедленно принялся ухаживать за принцессой и вскорѣ сдѣлалъ ей предложеніе. Принцесса отвѣтила ему рѣшительнымъ отказомъ. Салтыковъ, наученный Великой Княгиней, которой, въ сущности и принадлежала иниціатива выдать Екатерину Ивановну замужъ, явился къ Императрицѣ, упалъ къ ея ногамъ, разсказалъ ей въ чемъ дѣло

и умолялъ дать соизволеніе на бракъ. Елисавета Петровна потребовала принцессу къ себѣ и совѣтовала не пренебрегать такой выгодной партіей. Неизвѣстно, чѣмъ кончилось бы дѣло, если бы Императрица не заболѣла и во время ея болѣзни принцесса не успѣла внушить Салтыкову такую антипатію, что ни угрозы матери, ни интриги другихъ лицъ не могли его принудить жениться на Екатеринѣ Ивановнѣ. Тогда Императрица сама нашла ей другого жениха, князя Григорія Хованскаго. Однако этотъ бракъ тоже не состоялся. Хованскій подъ разными предлогами успѣлъ испросить разрѣшеніе уѣхать въ армію и, такимъ образомъ, отдѣлался отъ невѣсты. Императрица отыскала третьяго жениха, на этотъ разъ барона Александра Ивановича Черкасова, человѣка очень неглупаго и получившаго прекрасное образованіе. Баронъ сразу оцѣнилъ выгоды брака съ горбатой курляндской принцессой, зная, что женитьба, по повелѣнію Императрицы, выдвинетъ его впередъ и дастъ ему особливую благосклонность Государыни. Екатерина Ивановна вышла за него замужъ и бракъ ихъ былъ довольно счастливъ. Супруги прожили вмѣстѣ 35 лѣтъ. Со времени замужества Черкасова стала рѣдко появляться при дворѣ, посвящая свое время почти исключительно воспитанію дѣтей, которыхъ у нея было двое: сынъ Петръ и дочь Елисавета, впослѣдствіи вышедшая замужъ за полковника Пальменбаха.

Скончалась Черкасова 31 марта 1797 г. въ Митавѣ. Набальзамированный трупъ ея находится въ Митавскомъ замкѣ.

С. Шубинскій, «Дочь Бирона», Спб., 1864.—«Allgemeine Deutsche Biographie», Leipzig, 1876, т. II-ой.—Manstein, «Mémoires sur la Russie», Paris, 1860, т. I, стр. 66, 143.— Долгоруковъ, «Россійская Родословная книга», 1856, ч. III, стр. 493.—«Mémoires d' une Impératrice», Londres, 1859, ст. 91, 180 и 254.—«La jeunesse de Catherine II» par Bouzet, Paris, 1860, ст. 28.—Троицкій, «Исторія города Ярославля», Ярославль, 1853, ст. 76.—«Время» 1862 г., № 12.—Hermann, «Geschichte des russischen Staates», Hamburg, 1853, т. 5, ст. 206.—«Дѣло о герцогѣ курляндскомъ Биронѣ» 1862 г.—«Письма леди Рондо», Спб., 1836, ст. 93.—Лебедевъ, «Графы Н. и П. Панины», Спб., 1863, ст. 139.—Мордовцевъ, «Русскія женщины новаго времени», Спб., 1874, с. 319—328.

Б. Савинковъ.

Черкасова, *баронесса Елисавета Михайловна,* статсъ-дама, занимавшаяся литературою; дочь генералъ-кригсъ-комиссара отъ флота и адмиралтейства, въ рангѣ вице-адмирала, князя Михаила Андреевича Бѣлосельскаго и графини Наталіи Григорьевны Чернышевой; родилась въ 1742-мъ году, была замужемъ за вице-адмираломъ барономъ Иваномъ Ивановичемъ Черкасовымъ. Въ царствованіе императрицы Екатерины II была фрейлиной и, благодаря своему уму, имѣла нѣкоторое вліяніе на князя Потёмкина. Скончалась въ 1809-мъ году.

П. Ѳ. Карабановъ, «Фрейлины русскаго двора въ XVIII и XIX столѣтіяхъ», Русская Старина 1871 г., т. IV, ст. 383.—Кн. П. Долгоруковъ, «Россійская родословная книга», ч. I, Спб., 1854 г., стр. 220.—«Древняя и Новая Россія» 1875 г., № 12, стр. 347—348.

В. Гарскій.

Черкасовъ, *баронъ Александръ Ивановичъ,* дѣйствительный тайный совѣтникъ, родился въ 1728-мъ году и былъ сыномъ кабинетъ-секретаря Императрицы Елисаветы Петровны барона Ивана Антоновича Черкасова. Получивъ домашнее воспитаніе онъ, въ 1742-мъ году, вмѣстѣ съ братомъ былъ отправленъ въ Англію, гдѣ и закончилъ свое образованіе, слушая лекціи въ Кембриджскомъ Университетѣ. Вернувшись въ Россію, баронъ Черкасовъ, по обычаю того времени, поступилъ въ военную службу въ л.-гв. Преображенскій полкъ, въ который былъ записанъ въ 1747-мъ году и гдѣ въ 1751-мъ году былъ произведенъ изъ полковыхъ сержантовъ въ прапорщики. Въ іюнѣ 1752-го года онъ вторично ѣздилъ за-границу, вѣроятно чтобы привести оттуда брата своего Ивана. Прослуживъ послѣ этого еще десять лѣтъ въ военной службѣ, онъ въ 1761-мъ году былъ уволенъ по болѣзни въ отставку съ чиномъ капитана гвардіи. Ему однакоже недолго пришлось оставаться не у дѣлъ. Въ 1762-мъ году ему, какъ человѣку образованному и долго прожившему за границей, поручено было составить проектъ образованія Медицинской Коллегіи, что онъ и исполнилъ вполнѣ удачно и почти одновременно съ утвержденіемъ (12-го ноября 1763 г.) этого проекта, былъ изъ отставныхъ капитановъ гвардіи, пожалованъ въ дѣйствительные камергеры и назначенъ президентомъ вновь учрежденной

Медицинской Коллегіи съ освобожденіемъ отъ дежурства (10-го ноября 1763 г.) и порученіемъ выбрать членовъ новой коллегіи и канцеляріи. Вступивъ въ управленіе новымъ учрежденіемъ, баронъ Черкасовъ съ жаромъ взялся за преобразованіе медицинской части въ Россіи, стремясь главнымъ образомъ къ тому, чтобы выпускать своихъ докторовъ. Въ то время вся медицина въ Россіи находилась всецѣло въ рукахъ иностранцевъ, главнымъ образомъ, нѣмцевъ, которые, конечно, въ собственныхъ интересахъ всячески препятствовали развитію медицинской науки въ Россіи. Еще предшественникъ барона Черкасова П. З. Кондоиди указалъ на эту вредную монополію, но ничего не могъ подѣлать самъ вслѣдствіе: во 1-хъ), полной неподготовленности русскаго юношества и отсутствія учрежденія, гдѣ можно было бы какъ слѣдуетъ поставить преподаваніе медицины и во 2-хъ), главнымъ образомъ, по причинѣ сильной оппозиціи нѣмцевъ-врачей. Барону Черкасову пришлось бороться съ тѣми же препятствіями. Хотя Московскій университетъ и существовалъ уже тогда, но первое время тамъ очень слабо шло преподаваніе вообще, а въ такъ называемыхъ госпитальныхъ школахъ медицина стояла настолько плохо, что давать учившимся тамъ докторскую степень не было никакой возможности. Планъ барона и состоялъ именно въ поднятіи образовательнаго уровня госпитальныхъ школъ; онъ хотѣлъ преобразовать ихъ въ такія заведенія, которыя могли бы выпускать настоящихъ врачей и тѣмъ освободить Россію отъ врачей-иностранцевъ. Баронъ Черкасовъ посвятилъ Императрицу въ свои намѣренія и она вполнѣ съ нимъ согласилась. Но не такъ то легко было привести все это въ исполненіе, какъ казалось раньше. 9-го іюня 1764-го г. былъ подписанъ Императрицей «Указъ Нашей Коллегіи Медицинской», въ которомъ предписывалось преобразовать госпитальныя школы и допускать оканчивающихъ тамъ курсъ къ экзаменамъ на докторскую степень въ Медицинской Коллегіи. Члены Коллегіи, узнавъ объ этомъ указѣ, страшно недовольные, рѣшили препятствовать всему этому во что бы то ни стало; кромѣ того они составили протестъ противъ указа и поднесли его Императрицѣ, прося его отмѣны. Императрица хотя и отказалась отмѣнить указъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сказала, будто бы, что «члены Коллегіи могутъ поступать въ исполненіи его по собственному своему разумѣнію», это вполнѣ удовлетворило членовъ и они рѣшили, что указъ можно не исполнять. Между тѣмъ, разъ указъ былъ опубликованъ, явились желающіе воспользоваться имъ. Первый врачъ, подавшій въ 1765-мъ году прошеніе о допущеніи его къ экзамену на докторскую степень, былъ лекарь Густавъ Максимовичъ Ореусъ, окончившій Петербургскую госпитальную школу. Ему долго устраивали всякія препятствія, наконецъ, допустили къ экзамену, который онъ и выдержалъ, но диплома не получилъ, такъ какъ его ему не выдавали подъ разными предлогами. Онъ жаловался въ Кабинетъ Императрицы и самой Императрицѣ, и только 2-го августа 1768 г. по Высочайшему повелѣнію онъ получилъ дипломъ. Это былъ первый докторскій дипломъ выданный по экзамену въ Россіи. При баронѣ Черкасовѣ, это былъ, кажется, и единственный дипломъ выданный Медицинской Коллегіей; ему не удалось сломить нѣмецкаго вліянія, которое продолжалось въ Россіи еще около ста лѣтъ, главнымъ образомъ, въ разныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ по медицинской части. Въ 1764-мъ году одновременно съ преобразованіемъ гошпитальныхъ школъ, барономъ Черкасовымъ учрежденъ первый медицинскій штатъ въ Смольномъ монастырѣ. Въ томъ-же году Черкасовъ сопровождалъ Императрицу въ Ригу, а по возвращеніи оттуда былъ назначенъ членомъ суда надъ Мировичемъ.

Въ 1768-мъ году черезъ посредство Черкасова былъ вызванъ въ Россію англичанинъ, врачъ Димсдэль, который въ томъ же году привилъ оспу Императрицѣ и Наслѣднику престола Великому князю Павлу Петровичу. Онъ оставилъ записки о своемъ пребываніи въ Россіи, гдѣ съ большою похвалою говоритъ о баронѣ Черкасовѣ, который превосходно говорилъ по англійски и потому бесѣдовалъ съ Димсдэлемъ. Въ 1783-мъ году Императрица поручила барону Черкасову встрѣтить въ Ревелѣ принцессу Гессенъ Дармштадтскую съ дочерью (впослѣдствіи Великой Княгиней Натальей Алексѣевной) и свитой и сопровождать ихъ сухимъ пу-

темъ до Петербурга, что онъ и исполнилъ, сыскавъ расположеніе вновь прибывшихъ въ Россію лицъ. Состоя въ чинѣ тайнаго совѣтника (съ 1768-го года), 16 іюля 1775-го г. баронъ Черкасовъ оставилъ должность президента Медицинской Коллегіи, а 28 марта 1778-го г. вышелъ въ отставку съ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, (такъ какъ, будучи сторонникомъ Орловыхъ, не ладилъ, повидимому, съ Потемкинымъ), поселился въ деревнѣ, гдѣ и скончался 25 апрѣля 1788 г.

Сборникъ Имп. Русскаго Истор. Общества, т. II, стр. 301, 309, 310, 311; т. X, стр. 67, 320, 321, 362; т. XII, стр. 343, 390; т. XIII, стр. 324, 327—331, 332; т. XVIII, стр 266; т. XXVIII, стр. 51; т. XLIII, стр. 217.—Кн. П. В. Долгоруковъ, Россійская родословная книга, т. II, стр. 279; т. III, стр. 493.—Русскій Архивъ 1865 г., стр. 438.—К. Край, Справочный энциклопедическій словарь, т. XII, Спб. 1847 г., стр. 131.—Описаніе дѣлъ Архива Морского Министерства за время съ половины XVII до начала XIX столѣтія, т. IV, Спб. 1884, стр. 422.—Иконниковъ. Опытъ русской исторіографіи. Кіевъ 1892 г., т. I, стр., 453; т. IV, стр. 1108.—Собраніе законовъ, т. XVIII, стр. 418.—Я. Чистовичъ. Очерки изъ Исторіи русскихъ медицинскихъ учрежденій XVIII столѣтія, Спб. 1870 г., стр. 178, 179, 180, 181, 182, 204, 205, 282, 301—304, 306, 321—325, 333—335.—Исторія л.-гв. Преображенскаго полка 1683—1883 г., Спб. 1883 г., т. IV, стр. 239.—А. Никитинъ, Краткій обзоръ состоянія медицины въ Россіи въ царствованіе Императрицы Екатерины II, Спб. 1855 г.—Русскій Вѣстникъ, 1870 г., т. 85 и 86 (ст. бар. Ѳ. А. Бюлера).

Б. Алексѣевскій.

Черкасовъ, *баронъ Иванъ Антоновичъ,* дѣйствительный тайный совѣтникъ, тайный кабинетъ-секретарь Императора Петра I, Екатерины I и Елисаветы Петровны, родился въ 1692-мъ году. Отецъ его Антонъ Романовичъ, по прозвищу Гусь, былъ уроженцемъ города Сосницы, воспитывался и служилъ въ Великой Россіи и былъ названъ Черкасовымъ. Иванъ Антоновичъ въ 1705-мъ году, тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ, поступилъ на службу подъячимъ приказной избы во Владимірѣ, пробылъ здѣсь до 1708-го г.; затѣмъ до половины 1709-го г. прожилъ въ Козловѣ, былъ у переписи двороваго и подушнаго числа людей въ Ярославлѣ, Романовѣ, Бѣжецкомъ Верху и на Угличѣ при полковникѣ князѣ Григ. Волконскомъ, въ 1710-мъ году поступилъ подъячимъ губернской канцеляріи въ Архангельскѣ, потомъ въ 1711-мъ году перешелъ подъячимъ же въ Москву въ Оружейную Палату и, наконецъ, въ 1712-мъ году, отправившись съ рабочими этой палаты въ Петербургъ, поступилъ подъячимъ-копіистомъ въ Кабинетъ Петра I на жалованье въ сто рублей въ годъ. Петръ скоро обратилъ вниманіе на способности и прилежаніе молодого канцеляриста; онъ сталъ брать его съ собою въ своихъ поѣздкахъ по Россіи, во время которыхъ, какъ можно видѣть, напр., изъ двухъ записокъ Петра, цитируемыхъ Голиковымъ, поручалъ ему и квартирмейстерскія обязанности, взялъ его съ собою во второе путешествіе за-границу, въ 1717 мъ году, въ Голландію и Францію, причемъ, какъ это видно изъ приходо-расходныхъ книгъ Кабинета, веденныхъ въ это время Черкасовымъ же, два раза жаловалъ ему деньги на платье «противъ прочихъ служителей Его Величества». Однако, не смотря на видимое расположеніе, Государь долго не давалъ ему прибавки въ жалованьѣ и не повышалъ въ чинѣ. Наконецъ, однажды осенью, разсказываетъ Голиковъ со словъ сослуживца Черкасова по Кабинету—Бартенева, Черкасовъ подалъ Государю письмо, въ коемъ, описавъ свою скудость, что кромѣ ста рублей жалованья не имѣетъ никакихъ доходовъ, и которыхъ съ нуждою достаетъ ему на содержаніе свое и семейства его, продолжаетъ: «Зима, Государь, приходитъ, а одѣть себя и семьи своей нечѣмъ; домишка развалился, а поправить его и обогрѣться нечѣмъ же», и заключаетъ просьбою о прибавкѣ жалованья. Петръ, прочтя письмо, тогда же на немъ подписалъ: «Въ награжденье триста, и жалованья по триста рублей въ годъ изъ Кабинета». Такъ какъ все это происходило въ присутствіи Государыни, то она просила при этомъ наградить Черкасова чиномъ. «Онъ очень золъ», отвѣтилъ Государь, «такъ надобно его еще поморить, дабы сдѣлался помягкосерднѣе, а тогда не будетъ онъ оставленъ». Къ концу царствованія Петра, Черкасовъ былъ уже его близкимъ и довѣреннымъ лицомъ; онъ сопровождалъ Петра во время его похода въ Персію; Государь неоднократно передавалъ черезъ него свои указы и часто совѣтовался съ нимъ въ важныхъ дѣлахъ. 26 ноября 1723 г. ему за вѣрную службу пожалованы были деревни съ 280 душами крестьянъ. Оффиціально онъ считался помощникомъ Макарова, поея съ 24-го ноября 1725 года

званіе тайнаго кабинетъ-секретаря Ея Величества. Можно думать, что такое быстрое возвышеніе Черкасова объясняется, между прочимъ, тѣмъ, что онъ обладалъ двумя качествами, которыя, какъ извѣстно, очень любилъ Петръ въ своихъ приближенныхъ: правдивостью и способностью смѣло всякому высказывать правду въ глаза. Примѣромъ этихъ его свойствъ являются его столкновенія съ любимцемъ Государя Меншиковымъ, о которыхъ передаетъ Голиковъ со словъ Бартенева и Веревкина. Черкасовъ очень не любилъ Меншикова за презрѣніе, которое тотъ выказывалъ ему постоянно, и однажды, принятый имъ особенно, какъ ему показалось, небрежно, онъ прямо сказалъ ему, что если бы о его нечестныхъ дѣлахъ узналъ Государь, то онъ не могъ бы такъ кичиться своею знатностью и не сталъ бы презирать людей честныхъ. Разгнѣванный Меншиковъ въ тотъ же день пожаловался Государю на дерзость его подъячаго, но, когда Государь, призвавъ Черкасова, сурово спросилъ его, какъ смѣлъ онъ бранить фельдмаршала, тотъ, нисколько не оробѣвъ, отвѣтилъ, «что онъ его не бранилъ, а сказалъ только, не вытерпя оказаннаго отъ него себѣ презрѣнія, въ чемъ и признаетъ себя виноватымъ, что, ежели бы Государь зналъ всѣ дѣла его и не столько его любилъ, тобъ не кичился онъ своею знатностью»... и съ этими словами онъ подробно разсказалъ Государю обо всѣхъ дурныхъ поступкахъ Меншикова. Въ результатѣ Петръ не только не наказалъ Черкасова, но, при встрѣчѣ съ Меншиковымъ, замѣтилъ ему: «Ты самъ презрѣніемъ своимъ принудилъ Черкасова сказать тебѣ правду; и ежели по изслѣдованію найдется все такъ, какъ онъ мнѣ говорилъ, страшись гнѣва моего». Въ другой разъ столкновеніе между Меншиковымъ и Черкасовымъ произошло изъ за пажей Меншикова, которыхъ Петръ черезъ Черкасова приказалъ Меншикову записать солдатами въ гвардейскій его полкъ, а послѣдній записалъ ихъ сержантами. Въ концѣ концовъ и здѣсь Черкасовъ оказался правымъ, а Меншиковъ, который, будучи вызванъ къ Государю, уѣзжая сказалъ Черкасову: «Это все отъ тебя, подъячій; ты уже не разъ подводилъ меня подъ гнѣвъ Государевъ; но я съ тобою управлюсь», послѣ объясненія съ Петромъ и собственноручной расправы его съ нимъ, встрѣтившись черезъ нѣкоторое время съ Черкасовымъ, «пожавъ дружески руку его, съ великою учтивостью спросилъ: «Все ли Вы, другъ мой, въ добромъ здоровьи?» Послѣ смерти Петра, въ царствованіе Екатерины I, Черкасовъ занималъ свое прежнее положеніе: черезъ него передавались указы и повелѣнія, онъ пользовался большимъ довѣріемъ Императрицы; вскорѣ, однако, послѣ вступленія на престолъ Петра II, судьба его круто измѣнилась. Черкасовъ, еще въ царствованіе Екатерины I, примкнулъ къ кружку Бестужевыхъ, во главѣ котораго стояли сестра А. П. Бестужева—княгиня А. П. Волконская и С. А. Мавринъ, воспитатель великаго князя Петра. Всѣ члены кружка были люди враждебные Меншикову, ненавидѣвшіе Остермана и Левенвольда, и этого было достаточно, чтобы вмѣстѣ съ арестованьемъ Девьера, въ бумагахъ котораго при обыскѣ нашли письма къ нему Бестужевыхъ и княгини Волконской, послѣдовалъ полный разгромъ кружка. Важныхъ уликъ противъ всѣхъ членовъ кружка найти не могли, и поэтому всѣхъ только разослали въ почетную ссылку. 23-го мая 1727 г. послѣдовалъ указъ Его Величества, «чтобы кабинетъ-секретарю Ивану Черкасову быть въ сунодѣ оберъ-секретаремъ. на мѣсто Тимофея Палехина, ему-жъ въ Москвѣ въ домѣ патріаршемъ, также во всѣхъ соборѣхъ и монастыряхъ—ризницы и протчую всякую церковную утварь переписать и съ прежними описными книгами освидѣтельствовать, все ли въ цѣлости или гдѣ что и для чего убыло, и для того отправить ево въ Москву изъ Сената». Черкасовъ всячески старался оттянуть время отъѣзда, очевидно, надѣясь, что надъ нимъ еще смилуются: онъ ссылался на необходимость составить опись оставляемымъ имъ Кабинетскимъ дѣламъ (Ж. В. Т. С. отъ 9-го іюня 1727 г.), просилъ о назначеніи ему опредѣленнаго жалованья въ Москвѣ (12 іюня 1727 г.), но Верховный Тайный Совѣтъ былъ непреклоненъ: 7-го іюня онъ постановилъ объявить въ Сенатѣ о немедленномъ отправленіи Черкасова въ Москву, а 30-іюня «о Иванѣ Черкасовѣ объявлено, чтобы онъ по указу ѣхалъ въ Москву, не мѣшкая здѣсь ни малаго времени». Разъ сойдя съ политической арены, уже

трудно снова возвратиться на нее; такъ было и съ Черкасовымъ. Даже послѣдовавшее вскорѣ низверженіе Меншикова, которое доставило большую радость опальнымъ членамъ Бестужевскаго кружка не отразилось благопріятно на судьбѣ Черкасова. Напротивъ, 15-го марта 1728-го г. состоялось рѣшеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта, «о бытіи Ивана Черкасова въ гор. Архангельскѣ оберъ-инспекторомъ, причемъ отправить его туда изъ Сената безъ замедленія, а какимъ образомъ, будучи ему у того дѣла, поступать, прислать ему инструкцію изъ камеръ-коллегіи». Прежде чѣмъ, однако, Черкасовъ успѣлъ отправиться къ мѣсту новаго своего назначенія, началось дѣло княгини Волконской, обвиненной, вмѣстѣ съ другими членами Бестужевскаго кружка, Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ въ заговорѣ, интригахъ и сношеніяхъ съ Вѣнскимъ дворомъ и въ томъ, «что они сообщали чужестраннымъ министрамъ о внутреннихъ здѣшняго государства дѣлахъ; сверхъ же того провѣдывали о дѣлахъ и словахъ Верховнаго Тайнаго Совѣта». Въ числѣ замѣшанныхъ по этому дѣлу оказался и Черкасовъ. 13-го мая 1728 г. онъ былъ допрошенъ въ засѣданіи Верховнаго Тайнаго Совѣта и, такъ какъ никакихъ серіозныхъ уликъ противъ него собрать не могли, то приговоромъ отъ 5-го іюня было только измѣнено мѣсто его изгнанія, и онъ былъ сосланъ въ Астрахань къ провіантскимъ дѣламъ. Нѣкоторые писатели — Гельбигъ (Russische Günstlinge), кн. Петръ Долгоруковъ (Рос. Родосл. книга, т. II, 278), Штелинъ («Подлинные анекдоты о Петрѣ Вел.», ч. II, 173) говорятъ, что Черкасовъ при Аннѣ Іоанновнѣ «за разныя скверныя дѣла» былъ, по приказанію Бирона, сосланъ въ Казань и Астрахань, но, судя по журналамъ Верховнаго Тайнаго Совѣта и собственной сказкѣ Черкасова, можно думать, что ко времени воцаренія Анны Іоанновны Черкасовъ уже былъ въ изгнаніи въ Астрахани. Здѣсь онъ находился до вступленія на престолъ Елисаветы Петровны, когда приближеннымъ къ Государынѣ лицомъ сталъ А. П. Бестужевъ. Онъ немедленно послѣ 25-го ноября напомнилъ Елисаветѣ о Черкасовѣ, вѣрномъ слугѣ ея отца и матери, подвергшемся гоненію послѣ ихъ смерти, съ тѣхъ поръ, какъ начались бѣды и самой Елисаветы. 29-го ноября 1741-го г. послѣдовалъ Высочайшій указъ о пожалованіи бывшаго тайнаго кабинетъ-секретаря Ивана Черкасова въ дѣйствительные статскіе совѣтники и о назначеніи его при Дворѣ Ея Величества «для отправленія комнатныхъ письменныхъ дѣлъ». Вслѣдъ затѣмъ, 12-го декабря, Кабинетъ, замѣнившій Верховный Тайный Совѣтъ, былъ упраздненъ и вмѣсто него учрежденъ при Дворѣ Кабинетъ въ томъ значеніи, какое онъ имѣлъ при Петрѣ Великомъ, причемъ вести дѣла въ этомъ Кабинетѣ было поручено Черкасову. Съ этого времени Черкасовъ начинаетъ играть большую роль при Дворѣ, его осыпаютъ наградами, въ немъ заискиваютъ, и значеніе его, какъ довѣреннаго лица Императрицы, не уменьшалось до самой его смерти. 25-го апрѣля 1742-го г. по случаю коронаціи Государыни онъ былъ возведенъ въ баронское достоинство; 15-го іюля 1744 г. ему были пожалованы деревни въ Смоленскомъ и въ Дорогобужскомъ уѣздахъ; 17-го сентября 1745-го г. онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники; 7-го сентября 1757 г. ему былъ данъ, наконецъ, чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и орденъ св. Александра Невскаго. За все пятнадцатилѣтнее пребываніе его въ Кабинетѣ почти всѣ дѣла, начиная отъ наиболѣе важныхъ, имѣющихъ серіозное политическое значеніе, и кончая самыми мелочными, въ родѣ, напр. заботы о доставленіи изъ Москвы въ Петербургъ 3-хъ или 4-хъ діаконовъ съ хорошими голосами для чтенія во Дворцѣ Евангелія въ день св. Пасхи въ 1757-мъ году, или хлопотъ о присылкѣ въ 1754-мъ году кухарки-шведки для приготовленія шведскихъ блюдъ для любившей покушать Елисаветы, или о присылкѣ ко Двору свѣжаго винограда, проходили черезъ его руки: онъ либо самъ докладывалъ Государынѣ о дѣлахъ помимо всѣхъ министровъ, либо сама Государыня, просмотрѣвъ предварительно дѣло, передавала его ему же для окончательнаго разсмотрѣнія и составленія указа. Въ дневныхъ докладахъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ за сороковые года XVIII ст. мы сплошь да рядомъ встрѣчаемъ замѣтки «отдано Черкасову», «поднесенъ докладъ Государынѣ черезъ тайнаго совѣтника Черкасова». Въ напечатанныхъ въ «Чтеніяхъ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос.» (1867 г.,

кн. 4, стр. 29—39) письмахъ и запискахъ Императрицы Елисаветы Петровны (періодъ съ 1742 г. по 1749 г.) всѣ отмѣтки подъ письмами сдѣланы рукою Черкасова и мы встрѣчаемъ записки, указывающія на сколько близкимъ и нужнымъ ей лицомъ былъ ея секретарь. Въ случаѣ необходимости разрѣшенія болѣе или менѣе важныхъ политическихъ вопросовъ Черкасовъ тоже обыкновенно принималъ участіе въ ихъ обсужденіи и потомъ состоявшееся рѣшеніе подносилъ Государынѣ. Такъ 21, 23 и 24-го декабря 1745-го г. и 7-го января и 11-го августа 1746-го г. онъ, въ числѣ другихъ 10 высшихъ сановниковъ государства, участвовалъ при обсужденіи прусско-саксонскихъ дѣлъ, въ совѣщаніяхъ, собранныхъ Государынею для выработки мѣръ, которыя слѣдовало принять русскому правительству для огражденія безопасности Россіи и охраненія цѣлости Польши, въ виду неожиданнаго вторженія короля прусскаго въ Саксонію, затѣмъ постановленіе совѣщанія имъ же поднесено было для подписи Елисаветѣ. 27-го августа 1747-го г. Черкасовъ по Высочайшему указу былъ приглашенъ въ засѣданіе Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ для обсужденія персидскихъ дѣлъ, въ виду неурядицъ, возникшихъ въ Персіи, и возможнаго покоренія этого государства Турціею. Въ 1742-мъ году, когда у Елисаветы возникла мысль возстановить патріаршество въ Россіи, Черкасову же поручено было собрать всѣ постановленія Петра, касающіяся до обдуманной имъ отмѣны патріаршества. Онъ выполнилъ это порученіе, представилъ свою работу Государынѣ, но вопросъ этотъ вскорѣ заглохъ. Занимая такое исключительное положеніе секретаря и близкаго совѣтника Государыни, имѣвшаго почти всегда доступъ къ ней, Черкасовъ, какъ мы уже упоминали выше, былъ несомнѣнно очень важнымъ и вліятельнымъ лицомъ при Дворѣ, въ особенности въ началѣ царствованія Елисаветы, когда она не особенно много времени посвящала государственнымъ дѣламъ и не любила частыхъ докладовъ ей министровъ. Волей-неволей министрамъ и значительнѣйшимъ административнымъ лицамъ приходилось обращаться къ Черкасову съ поклономъ и почтительными просьбами—улучить удобную минуту и доложить Государынѣ о томъ или другомъ лицѣ или неотложномъ дѣлѣ. Такими просьбами, напр., наполнены письма къ Черкасову Татищева, канцлера А. П. Бестужева-Рюмина, большинство которыхъ подписаны очень почтительно: «Вашъ послушный слуга, вѣрный слуга, послушнѣйшій рабъ» и т. д. На Черкасова приходилось обращать вниманіе и иностраннымъ посламъ при Дворѣ; напр., Пецольдъ въ своемъ письмѣ къ гр. Брюлю отъ 17-го ноября 1742 г. отзывается о немъ: «Тайный секретарь Черкасовъ, бросивъ жену и дѣтей, поселился, такъ сказать, во дворцѣ, чтобы не пропускать ни одного удобнаго случая дѣлать доклады и представлять бумаги къ подписи. Впрочемъ и ему (не говоря о министрахъ) это удается очень рѣдко». 10-го января 1743 г. Вейсъ съ торжествомъ пишетъ лорду Картерету, что кабинетъ-секретарь Императрицы — Черкасовъ—явный врагъ французовъ, а одновременно съ этимъ Дальонъ съ досадою такъ характеризуетъ Черкасова же: «Баронъ Черкасовъ чрезвычайно насильственный и грубый, но притомъ умный и искусный человѣкъ, особенно въ наукѣ пользоваться слабостями своей Государыни; этими качествами онъ придаетъ чрезвычайно важное значеніе своему мѣсту, которое само по себѣ не высоко. Онъ—правая рука канцлера и чудное въ глазахъ націи качество имѣетъ — всѣхъ, вообще, иностранцевъ ненавидѣть». Время смерти Черкасова съ точностью опредѣлить трудно: Гельбигъ и Штелинъ полагаютъ, что онъ умеръ въ Петербургѣ въ 1760 году, кн. Петръ Долгоруковъ и Бантышъ-Каменскій считаютъ днемъ его смерти 21-е ноября 1752 года, на самомъ же дѣлѣ онъ умеръ между седьмымъ сентября 1757 г. — днемъ пожалованія его чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, и 19-мъ октября 1758 года, когда на мѣсто умершаго барона Черкасова былъ назначенъ кабинетъ-секретаремъ Государыни дѣйств. ст. сов. Адамъ Олсуфьевъ. Гельбигъ отзывается о Черкасовѣ, какъ о лѣнивомъ, выше всякаго описанія, невѣжественномъ и грубомъ человѣкѣ, причемъ, какъ на доказательство его лѣни, указываетъ на тотъ фактъ, что послѣ его смерти нашли 570 пакетовъ съ дѣловыми бумагами, присланныхъ къ нему въ Кабинетъ изъ Сената и не вскрытыхъ.

Другіе современники Черкасова говорятъ, что онъ былъ «суровъ и упрямъ, но любилъ порядокъ и справедливость». Изъ писемъ Татищева къ Черкасову еще въ 1725 г. видно, что онъ уже тогда интересовался исторіей; впослѣдствіи онъ также былъ не чуждъ научныхъ занятій, такъ въ 1745 году онъ занимался редакціей перевода нѣмецкой книги «Georgica curiosa oder das adeliche Land und Feld Leben»— Вольфганга Гельмгарда Гохберга (изд. въ 1716 г. въ Нюренбергѣ), составленнаго въ 1730 г. Розенбергомъ и Вас. Козловскимъ по порученію Петра Вел., данному еще въ 1723 году.

Архивъ Д-та Герольдіи, Кн. Рѣшен.Дѣлъ № 39, л. 297—299, сказка барона И. А. Черкасова. — Архивъ Св. Прав. Синода, д. 1745 г., № 20. — Полн. Собр. Законовъ, т. VII, 684; т. XI, 546, 628, 678, 925, № 8584, № 8632, № 8798; т. XII, стр. 145, № 8969, стр. 886, № 9526; т. XIII, с. 436, № 9854, с. 729, № 10049; т XV, с. 193, № 10828 с. 617, № 11185; т. XXII, с. 196; т. XXV, с. 544, № 18834. — П. Барановъ, Опись Высоч. указамъ и повел., хранящ. въ Спб. Сен. Архивѣ, т. I, № 1326; т. II, №№ 1620, 1781, 1847, 1873, 1957, 2066, 2262, 2900; т. III, № 8658, 8699, 8745, 8785, 8794, 8900, 9057, 9062, 9063, 9251, 9255, 9348, 9349, 9352, 9371, 9380, 9384, 9392, 9396, 9399, 9400, 9403, 9432, 9442, 9446, 9450, 9466, 9478, 9494, 9506, 9578, 9682, 9726, 9737, 9761, 9777, 9790, 9792, 9844, 9877, 9982, 9995, 10022, 10083, 10087, 10096, 10102, 10104, 10106, 10110, 10164—166, 10168, 10170, 10171, 10173, 10174, 10189, 10190, 10196, 10217, 10224, 10262, 10278, 10293, 10316, 10328, 10332, 10342, 10373, 10392, 10395, 10399, 10401, 10402, 10438, 10479, 10502, 10585, 10636, 10688, 10708, 10713, 10747, 10748, 10811, 8809, 8852, 9288, 9459, 9462, 10060, 10255, 10335, 10903, 11209.—Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ. т. VI, стр. 455, 457; т. XI, 471, 557, 558; т. LV, стр. 257 ук.; т. LXIII, стр. 33, 541, 543, 579, 582, 658, 676, 677, 678, 694, 703, 779, 827; т. LXXIX, стр. 204, 205, 330, 414; т. LXXXIV, стр. 110, 601; т. XCI, стр. 359; т. XCIV, стр. 78; т. XCIX, стр. 166; т. C, стр. 469. —Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Вел., т. II, стр. 3, 7, 9, 23, 32, 33, 54, 59, 60, 64, 65, 66, 70, 80, 82, 120, 122 —Голиковъ, «Дѣянія Петра Вел.», т. III, 346; т. VI, 130, 213, 240, 263, 375; т. VIII, 163; т. IX, 470, 477; т. XI, 459, 467; т. XIII, 372; т. XV, 158-161. — Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. IV, 904, 905, 909 пр. 2, 1031, 1032, 1064, 1075, 1077, 1080; т. V, 132, 144, 163, 224, 249, 250, 313, 327, 361, 367, 409, 492—494. — «Архивъ кн. Воронцова», кн. I, стр. 175; кн. IV, 281, 344, 386—387; кн. VI, стр. 26, 27, 68, 77, 78, ук. 321; кн. VII, 9, 10, 55, 56, 113, 115, 206, 224, 249.— Бантышъ-Каменскій, «Словарь достопамятныхъ людей русской земли», ч. V, 261—263. — Штелинъ, «Подлинные анекдоты о Петрѣ Вел.», ч. II, 173; ч. IV, 31—37. — Каширевъ, «Памятники новой русской исторіи», т. II, 383 и сл. — Бартеневъ, «XVIII Вѣкъ», т. II, 429, 432, 457, 517, 525; т. III, 170.—Кн. Петръ Долгоруковъ, «Россійская Родословная Книга», кн. II, стр. 278—279 (Общ. Рос. Герб. ч. III, № 6).—Гр. Ал. Бобринскій, «Дворянскіе роды, внесенные въ общ. гербов. рос. имперіи», ч. II, с. 498.—Петровъ, «Исторія Санктъ-Петербурга», с. 456, 497, 505, 506, 507 прим. 530, 722. — Пекарскій, «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Вел.», т. I, 214 ук.; т. II, 304.— Чтенія въ Импер. Общ. исторіи и древн. россійскихъ 1867 г., кн. 4, стр. 26—39.—Записки Имп. Акад. Наукъ, т. 10, кн. 2, стр. 181—182. — «Русская Старина» 1870 г., II, стр. 20, 465—466; 1886 г., кн. IV, стр. 172.—«Рус. Архивъ» 1865 г. (2-е изд.), 383—444.—«Историч. Вѣстникъ», 1880 г., кн. IV, стр. 874—875.

Н. Н. Павловъ-Сильванскій.

Черкасовъ, баронъ *Иванъ Ивановичъ*, вице-адмиралъ, сынъ предыдущаго; родился 5-го января 1732 г. въ Астрахани, во время ссылки отца. По возвращеніи отца въ Петербургъ онъ былъ отправленъ имъ вмѣстѣ съ старшимъ братомъ, барономъ Александромъ Ивановичемъ, въ 1742-мъ году въ Англію, гдѣ они слушали лекціи въ Кембриджскомъ университетѣ, а баронъ Иванъ Ивановичъ кромѣ того учился тамъ впослѣдствіи навигаціи. Въ началѣ 1752-го г. братъ его вернулся въ Россію, а баронъ Иванъ Ивановичъ остался въ Англіи, но въ іюнѣ баронъ Александръ Ивановичъ вторично пріѣхалъ въ Англію и увезъ оттуда своего брата. По возвращеніи въ Россію, въ томъ-же 1752-мъ году, баронъ Иванъ Ивановичъ былъ записанъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ, гдѣ 20-го сентября 1756-го г. былъ произведенъ изъ полковыхъ сержантовъ въ прапорщики. Въ 1761-мъ году, въ томъ-же чинѣ прапорщика, баронъ Иванъ Ивановичъ жилъ въ Москвѣ; въ 1762-мъ году, считаясь во флотѣ, былъ флигель-адъютантомъ и совершилъ съ Петромъ III извѣстное плаваніе на катерѣ изъ Ораніенбаума въ Кронштатъ и обратно; говорятъ, что только въ этотъ разъ баронъ Иванъ Ивановичъ и былъ въ морѣ, а потому и получилъ наименованіе «marin d'eau douce» (рѣчной морякъ). Послѣ этого удачнаго плаванія баронъ Иванъ Ивановичъ, который былъ въ то время штабсъ-капитаномъ 1-ой мушкетерской роты Преображенскаго полка (ея капитаномъ былъ императоръ Петръ III), былъ вмѣстѣ съ своими однополчанами графомъ С. Р. Воронцовымъ, секундъ-маіоромъ Воейковымъ и капитаномъ Измайловымъ арестованъ за вѣрность Петру III.

Въ 1766-мъ году въ Петербургѣ, въ числѣ многихъ знатныхъ лицъ, баронъ Иванъ Ивановичъ принималъ участіе въ избраніи городского головы и депутата отъ г. Петербурга въ Екатерининскую законодательную коммиссію, при чемъ подписалъ наказъ отъ жителей г. Петербурга.

Дослужившись въ Преображенскомъ полку до чина капитана, баронъ Иванъ Ивановичъ въ 1771-мъ году былъ уволенъ въ отставку съ производствомъ въ бригадиры, и 22-го февраля того-же года былъ назначенъ въ оберъ-штеръ-кригсъ-комиссары флота; 31-го декабря 1772-го года онъ былъ назначенъ генералъ-кригсъ-комиссаромъ. Въ 1777-мъ году баронъ Иванъ Ивановичъ состоялъ уже членомъ Адмиралтействъ-Коллегіи; уѣхавъ въ 1781-мъ году (января 15-го) въ годовой отпускъ, баронъ Иванъ Ивановичъ въ 1782-мъ году, іюня 28-го, будучи въ званіи генералъ-казначея, былъ произведенъ въ вице-адмиралы. 1-го января 1783-го г., онъ, по прошенію, былъ уволенъ въ отставку съ сохраненіемъ пожизненно получаемаго имъ жалованья. Но будучи никогда близокъ ко двору императрицы Екатерины II, онъ не сдѣлалъ блестящей карьеры; имѣлъ Голштинскую Аннинскую ленту въ память приверженности своей къ императору Петру III и по восшествіи на престолъ императора Павла I-го пенсія ему была увеличена, 15-го декабря 1796 г., до 3.000 рублей.

Овдовѣвъ баронъ Иванъ Ивановичъ поселился въ домѣ шурина своего кн. Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, у Аничкова моста, гдѣ и скончался 29-го октября 1811 г. Погребенъ баронъ Черкасовъ на старомъ Лазаревскомъ кладбищѣ, Александро-Невской лавры.

Владѣя прекрасно англійскимъ языкомъ, баронъ Черкасовъ занимался переводами съ англійскаго и сотрудничалъ въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ». Въ 1755 г. имъ написана статья: «О человѣческомъ милосердіи, оказуемомъ подлѣйшаго рода къ животнымъ».

Русскій Вѣстникъ, 1870 г., томы LXXXV и LXXXVI: «Два эпизода изъ царствованія императрицы Екатерины II-ой» барона Ѳ. Бюлера. — Описаніе дѣлъ Архива Морского Министерства за время съ половины XVII до начала XIX столѣтія, Спб. 1882 г., т. III, стр. 592, 597, 632, 635, 638, 639, 723; т. VIII, стр. 273, 277, 286, 287, 322, 381, 419, 420, 431, 469, 549; т. V, стр. 527, 598, 519. — Долгоруковъ, кн. П. В., Россійская родословная книга, т. II, стр. 279.—Русскій Архивъ, 1865 г., стр. 438.—Исторія л.-гв. Преображенскаго полка 1683 — 1883 г., т. IV, Спб. 1883 г., стр. 239. — Неустроевъ, указатель къ историческимъ изыскапіямъ о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ изд. 1898 г., т. II, стр. 370.—Матеріалы для исторіи русскаго флота Веселаго, т. XI, Спб. 1886 г., стр. 702, 706; т XII, Спб. 1888 г., стр. 169, 183, 206, 265, 664, 709; т. XIII, Спб. 1890 г., стр. 1, 6, 24. — Архивъ князя Воронцова, книга 8-я, Москва, 1876 г., стр. 7.—Сборникъ Имп. Русскаго Историч. Общества, т. IV, стр. 11; т XXVII, стр. 51; т. CVII, стр. 226. — Сиверсъ, ч. I, стр. 58. —Spada, ч. II, стр. 247. — Общій морской списокъ, т. II, Спб. 1885 г., стр. 472—473.— Саитовъ, Петербургскій Некрополь, Москва, 1883 г., стр. 144.

Б. Алексѣевскій.

Черкасовъ, *Петръ Алексѣевичъ,* художникъ портретной живописи, петербургскій мѣщанинъ по происхожденію, родился въ 1821-мъ году. Онъ рано обнаружилъ дарованіе и поступилъ въ рисовальные классы Импер. Академіи Художествъ, но пробылъ здѣсь всего два года. Матеріальная необезпеченность заставила его оставить занятія въ Академіи и добывать себѣ средства къ жизни писаніемъ портретовъ на заказъ. Однако, въ 1839-мъ году онъ представилъ на судъ Академіи картину, изображающую «мальчика съ клѣткой» и въ сентябрѣ того же года получилъ отъ нея званіе некласснаго художника портретной живописи. Но пойти дальше этого Черкасову помѣшала та же нужда. Онъ занялся живописью цвѣтовъ и по неволѣ обратилъ рисованіе ихъ въ ремесло; въ 1881-мъ году онъ состоялъ на службѣ на фабрикѣ Товарищества Даниловской Мануфактуры въ Москвѣ. Умеръ Черкасовъ въ декабрѣ 1885 г.

Архивъ Имп. Акад. Худ. 1839 г., дѣло № 67.

Валерій Березкинъ.

Черкасовъ, *Павелъ Петровичъ,* генералъ-маіоръ, умеръ въ 1837-мъ году. Произведенный въ офицеры въ 1796-мъ году и въ чинъ генералъ-маіора, въ 1819-мъ году, Черкасовъ состоялъ въ Свитѣ Его Величества по квартирмейстерской части и былъ непремѣннымъ членомъ Военно-Ученаго Комитета и членомъ комитета объ устройствѣ полковыхъ обозовъ.

Списокъ генераловъ въ Общемъ Архивѣ Главнаго Штаба.

А. Гернетъ.

Черкасская, *княгиня Мареа Никитична*, рожденная Романова, дочь боярина Никиты Романовича Захарьина-Юрьева, жена князя Бориса Канбулатовича Черкасскаго. Вмѣстѣ съ другими Романовыми она въ 1599-мъ году была схвачена по обвиненію въ злоумышленіи на жизнь царя Бориса Годунова и больше полугода просидѣла въ тюрьмѣ на цѣпи и въ желѣзахъ, а затѣмъ была отправлена въ ссылку на Бѣлоозеро, вмѣстѣ съ мужемъ и родными, среди которыхъ находился и малолѣтній Михаилъ Θеодоровичъ Романовъ. Ссылая княгиню Черкасскую, царь Борисъ только слѣдовалъ общепринятому въ то время обычаю — наказывать вмѣстѣ съ преступникомъ и близкихъ ему лицъ, и потому нѣтъ возможности предполагать за ней какую-нибудь провинность передъ Годуновымъ, разъ неизвѣстно никакихъ, вообще, подробностей изъ предшествовавшаго періода ея жизни. О страданіяхъ ея и прочихъ членовъ ея семейства очень краснорѣчиво разсказываетъ жалованная грамота царя Михаила Θеодоровича, данная въ 1624 или 1625 г. боярину князю Ивану Борисовичу Черкасскому; наставленія же, которыя посылались отъ имени самого царя Бориса приставу Жеребцову, предписываютъ покоить и беречь княгиню «во всемъ, чего она похочетъ». Согласовать оба эти показанія можно путемъ предположенія, что при жизни князя Бориса Канбулатовича со всѣми ссыльными на Бѣлоозерѣ обращались съ такою строгостью, которая послѣ его смерти казалась совершенно излишней. Въ дѣйствіяхъ пристава Жеребцова, не дававшаго вдосталь хотя бы яицъ съ молокомъ, нужно видѣть не столько его собственныя «воровство и хитрость», сколько отголоски прежняго режима. Больше году пришлось прожить княгинѣ Мареѣ Никитичнѣ на Бѣлоозерѣ послѣ смерти мужа, пока, наконецъ, можетъ быть, въ виду тревожныхъ извѣстій о ея здоровьи, царь Борисъ указомъ отъ 5 сентября 1602 года не назначилъ отписанную на государя вотчину Θедора Никитича Романова, въ уѣздѣ Юрьева-Польскаго, новымъ мѣстомъ ссылки для всѣхъ, находившихся на Бѣлоозерѣ Романовыхъ. Обстоятельства жизни княгини Черкасской послѣ отъѣзда съ Бѣлоозера совершенно неизвѣстны. Она умерла 28 февраля 1610 года и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ.

Сборникъ матеріаловъ по исторіи предковъ царя Михаила Θеодоровича Романова. Родословная рода Захарьиныхъ-Юрьевыхъ-Романовыхъ по матеріаламъ Н. П. Сахарова, провѣренн. и дополн. Н. Селифонтовымъ, ч. II, Спб., 1898, стр. 90—92. — Краткое описаніе ставропиг. Новоспасскаго монастыря... составл. іером. Адріаномъ, Москва, 1821, стр. 60.—Карамзинъ, Истор. Гос. Росс. (изд. Эйнерл.), XI, 103, 106, прил. 151.

В. Бенешевичъ.

Черкасская, *княгиня Марья Юрьевна*, статсъ-дама, рожденная княжна Трубецкая, дочь князя Юрія Юрьевича, род. 27 марта 1696-го г. Въ 1710-мъ году вышла замужъ за государственнаго канцлера кн. А. М. Черкасскаго; была статсъ-дамой Императрицы Анны Іоанновны—и въ этомъ званіи находилась при ея коронованіи. Она пользовалась значеніемъ при дворѣ не только, какъ жена государственнаго канцлера, но и какъ самостоятельная личность. Чтобы заручиться ея расположеніемъ австрійскій посланникъ гр. Вратиславъ, по слухамъ, хотѣлъ поднести ей золотой, чрезвычайно изящный, чайный приборъ, предназначавшійся въ свое время княжнѣ Екатеринѣ Долгорукой, нареченной невѣстѣ Императора Петра II. Княгиня Марія Юрьевна сыграла довольно значительную роль при перемѣнѣ формы правленія послѣ восшествія на престолъ Анны Іоанновны. Партія, недовольная ограниченіемъ монархическаго правленія и усиленіемъ Тайнаго Совѣта, рѣшила узнать, какъ относится къ этому сама Императрица и обязанность эту взяли на себя кн. Черкасская, гр. Чернышева и жена генерала Салтыкова (по др. источникамъ княгиня Черкасская и жена генерала Матюшкина); онѣ успѣшно выполнили свою задачу, послѣ чего князь А. М. Черкасскій и подалъ извѣстное прошеніе о перемѣнѣ формы правленія. Императрица Елисавета Петровна утвердила ее, 10 декабря 1741 г., въ званіи статсъ-дамы и пожаловала ей свой портретъ. Умерла она въ 1747 году, 16 августа.

Рус. Старина, 1870 г., кн. II, стр. 482.—Лонгиновъ, «Новиковъ и московскіе мартинисты», Москва, 1867 г., стр. 125.—Рус. Архивъ, 1879 г., кн. 2, стр. 220.—Бартеневъ, «XVIII вѣкъ», кн. III, М. 1869, стр. 55, 63. — Сбор. Импер. Рус. Ист. Общ., т. 66, стр. 165, 212; т. 75, стр. 507. — Соловьевъ, Ист. Рос. съ древн. врем., Спб., изд. «Общ. Пользы», т. IV, стр. 1609—1611.

Н. Тычино.

Черкасскій, *князь Александръ Андреевичъ*, сынъ Андрея Михаиловича и Анны Өедоровны, рожденной княжны Куракиной, дальній родственникъ извѣстнаго камергера князя Алексѣя Михайловича Черкасскаго, въ 1708-мъ году, уже въ чинѣ полковника, участвовалъ въ войнѣ со шведами; въ 1730-мъ году, въ званіи камергера, произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а въ январѣ 1732-го г. по проискамъ Бирона, желавшаго удалить его отъ двора, въ виду того что Государыня начала отличать ловкаго придворнаго, отправленъ, такъ сказать, въ почетную ссылку губернаторомъ въ Смоленскъ, на мѣсто гр. Мусина-Пушкина. Раньше, а именно въ 1730-мъ году, Черкасскій въ числѣ прочихъ членовъ монархической партіи подписалъ прошеніе, поданное княземъ А. М. Черкасскимъ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, объ измѣненіи формы правленія. На свое назначеніе губернаторомъ Черкасскій смотрѣлъ именно какъ на ссылку, винилъ Бирона и рвался въ Петербургъ; дѣлами интересовался мало, небрежно относился къ своимъ обязанностямъ и довелъ дѣло до того, что за «служебныя упущенія и несвоевременное взысканіе адмиралтейскихъ недоимокъ» ему было запрещено совершать купчія крѣпости на имѣнія. Въ 1733-мъ году на основаніи доноса, сдѣланнаго выгнаннымъ камеръ-пажемъ Өедоромъ Красно-Милашевичемъ Черкасскій былъ неожиданно арестованъ Ушаковымъ и преданъ суду по обвиненію въ государственной измѣнѣ: въ желаніи доставить русскій престолъ «голштинскому принцу, внуку Петра I, прямому и истинному наслѣднику», а также обвинялся «во многихъ продерзостяхъ и непристойныхъ словахъ по показанію на него шурина, его смоленскаго шляхтича Семена Корсака и жены его, поручика Ивана Аршеневскаго и домоваго его Черкасскаго, управителя Александра Пребышевскаго», въ оскорбленіи особы Государыни и ея семейства—предрекалъ ей скорую смерть; бранилъ ея любимца Бирона и осуждалъ распоряженія правительства (по поводу посылки войскъ въ Польшу будто-бы говорилъ: «когда мы Государыню выбирали—намъ никто не мѣшалъ»), обвинялся въ сочувствіи республиканскому строю Рѣчи Посполитой и пр. и пр. Милашевичъ въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ представилъ письма кн. Черкасскаго къ Голштинскому двору, съ которыми, будто бы, Черкасскій и отправлялъ его, Милашевича, въ Голштинію, для установленія дружескихъ отношеній и для того, чтобы тамъ знали о существованіи въ Россіи цѣлой партіи, мечтающей о возведеніи на русскій престолъ принца Голштинскаго. Что Милашевичъ ѣздилъ въ Голштинію—это подтверждается документально; могъ онъ отвозить туда и письма князя Черкасскаго, который много раньше пользовался расположеніемъ герцога Голштинскаго и нѣсколько разъ былъ приглашаемъ имъ на службу въ Голштинію, такъ что въ фактѣ переписки Черкасскаго съ голштинскимъ дворомъ нѣтъ ничего особеннаго. Письма, представленныя доносчикомъ, содержали въ себѣ открытое порицаніе существовавшаго государственнаго строя Россіи, жалобы на гнетъ иностранцевъ и пожеланія принцу Голштинскому «наслѣдія Всероссійскаго престола». На допросѣ Милашевичъ сознался, что нѣкоторыя письма поддѣлалъ, а относительно другихъ продолжалъ поддерживать обвиненіе, приписывая ихъ князю Черкасскому. Боясь и желая избѣжать пытки, послѣдній со многими обвиненіями соглашался, собственноручно писалъ повинныя, въ которыхъ самъ на себя взводилъ поклепы и тѣмъ больше достовѣрности придавалъ доносу. Пытки ему избѣжать не удалось—съ такимъ упорствомъ Милашевичъ поддерживалъ обвиненіе въ государственной измѣнѣ, хотя изъ пяти написанныхъ имъ донесеній и видно, что онъ постоянно мѣнялъ центръ тяжести обвиненій, то вводя новыя данныя, то отрицая показанное раньше. Пытка не разъяснила дѣла, такъ какъ и Черкасскій то отрекался отъ прежнихъ своихъ повинныхъ, то снова винился. Слѣдственная коммиссія, по разсмотрѣніи дѣла, признала князя Черкасскаго виновнымъ и достойнымъ смертной казни, о чемъ и было доложено Государынѣ 26 марта 1734-го года. Окончательное рѣшеніе состоялось въ ноябрѣ: манифестомъ отъ 16 ноября 1734-го г. смертная казнь замѣнялась Черкасскому лишеніемъ всѣхъ правъ, имущества и пожизненной ссылкой въ Сибирь, въ Жиганское зимовье; самое же преступленіе въ манифестѣ не было разъяснено

въ подробностяхъ и современники почти не знали о дѣйствительной причинѣ ареста и послѣдовавшемъ затѣмъ тяжкомъ наказаніи. Манифестомъ отъ 20 ноября того-же года все движимое и недвижимое имущество (однихъ крестьянъ болѣе 40.000 душъ) князя Черкасскаго было передано его дѣтямъ, съ правомъ жить, гдѣ пожелаютъ, а на содержаніе князя въ ссылкѣ были назначены доходы съ одного изъ его имѣній. Въ 1735-мъ году князь Черкасскій прибылъ на мѣсто ссылки. Все время заключенія онъ находился подъ стражей въ отдѣльномъ отъ селенія домѣ, его постоянно сопровождали два вооруженныхъ солдата такъ, что онъ не могъ ни съ кѣмъ сноситься. Подъ такимъ строгимъ присмотромъ Черкасскій прожилъ пять съ лишкомъ лѣтъ. Въ 1739-мъ году Милашевичъ попался по другому дѣлу и, будучи приговоренъ къ смерти, сознался, что оклеветалъ князя Черкасскаго, который хотѣлъ удалить его изъ Смоленска, такъ какъ ревновалъ его къ дѣвицѣ Аннѣ Корсакъ, въ которую былъ влюбленъ и на которой по отъѣздѣ Милашевича и женился. Черкасскій былъ возвращенъ и жилъ въ своихъ имѣніяхъ, пока въ октябрѣ 1740-го года ему не было возвращено Бирономъ камергерское званіе и разрѣшено «пріѣзжать изъ деревень и жить свободно, гдѣ захочетъ». При Елисаветѣ Петровнѣ, въ 1742-мъ году, Черкасскій былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, пожалованъ орденомъ св. Александра Невскаго и во время коронаціи назначенъ гофмаршаломъ къ владѣтельному герцогу Шлезвигъ-Голштинскому Карлу-Петру-Ульриху. (Великому князю Петру Ѳеодоровичу). Въ 1747-мъ году князь Черкасскій уволенъ былъ отъ службы съ чиномъ тайнаго совѣтника и умеръ 1 февраля 1749 года.

Полн. Собраніе Законовъ, т. IX, № 6647. — Кашпиревъ, «Памятники Нов. Рус. Ист.», Спб. 1871 года, т. I, стр. 194—306; т. II, стр. 9, 194—306.— Зап. Императ. Акад. Наукъ, т. VI, кн. 1: «Путешествіе академика Делиля въ Березовъ», статья академ. Пекарскаго.—«Рус. Слово», 1861 г., кн. VIII, статья И. Сельскаго: «Ссылка въ восточ. Сибирь замѣчат. лицъ», стр. 13—14.—Рус. Архивъ, 1865 г., стр. 469—470; 1866 г., стр. 670; 1867 г., № 3, стр. 469—473; 1870 г., стр. 687—688; 1871 года, стр. 035—070 (статья Курепина); 1878 г., стр. 469.—«Заря», 1870 г., № 6, стр. 152—170; № 7, стр. 171—234; № 8, стр. 235—266; № 9, стр. 267—303.—«День», 1864 г., № 42, 49—«Сборн. Историч. матеріаловъ», изд. Михайлова, 1873 г., стр. 152—306.—П. Барановъ, «Опись высоч. указовъ и повел., хранящ. въ Спбургскомъ сенат. архивѣ», т. I, Спб., 1872 г., № 26; т. II, 1875 г., № 2004, 2103, 3817, 4135, 5035, 5049, 5056, 7383; т. III, 1878 г., № 8790, 8882, 9699, 9853. — Лонгиновъ, «Новиковъ и москов. мартинисты», Москва, 1867 года, стр. 125, прим.—Е. П. Карновичъ, «Замѣчат. богатства частныхъ лицъ въ Россіи», Спб., 1874 г., стр. 231.—Сборн. Рус. Истор. Общ., т. V, стр. 404, 479; т. XX, стр. 69, 92, 210.—И. В. Щегловъ, «Хронологич. перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ ист. Сибири», Иркутскъ, 1883 г., стр. 204.— Кн. Долгоруковъ, «Рус. родосл. кн.», ч. II, Спб., 1855 г., стр. 39.—Соловьевъ, «Ист. Россіи», изд. «Общ. Польза», кн. IV, стр. 1599—1600; кн. V, стр. 5.

Н. Тычино.

Черкасскій, *князь Александръ Бековичъ*, капитанъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, извѣстный своей несчастной экспедиціей въ Хиву въ царствованіе Петра Великаго, происходилъ изъ Малой Кабарды. Корбъ утверждаетъ въ своемъ «Дневникѣ», что князь Александръ Бековичъ былъ похищенъ отъ своихъ родителей и что, будто бы, даже одна вдова, самая богатая изъ рода Голицыныхъ, сострадая юношѣ, разлученному съ родителями и лишенному отцовскаго достоянія, объявила его своимъ наслѣдникомъ. Въ пользу разсказа Корба о томъ, что князь Александръ былъ именно похищенъ, а можетъ быть и взятъ русскими въ качествѣ заложника противъ воли или безъ вѣдома отца, говоритъ, повидимому, еще и то обстоятельство, что имя отца его было неизвѣстно русскому правительству и обществу того времени; извѣстно было только, что отецъ его былъ бекъ (т. е. князь), и оттого сына назвали по отчеству Бековичемъ. До крещенія въ православную вѣру, князь Александръ носилъ татарское имя Девлетъ-Гирей-мурза, подъ которымъ былъ извѣстенъ и впослѣдствіи у прикаспійскихъ инородцевъ; ни время его крещенія, ни время прибытія въ Россію неизвѣстны. Князь Александръ воспитывался въ домѣ дядьки царя Петра — князя Бориса Алексѣевича Голицына, вмѣстѣ съ его сыновьями. Въ 1698-мъ году Корбъ видѣлъ князя Черкасскаго прислуживающимъ вмѣстѣ съ сыновьями князя Бориса Алексѣевича за торжественнымъ обѣдомъ, даннымъ этимъ вельможею въ честь имперскаго посла. Въ выраженіи лица Голицыныхъ, по словамъ Корба, «видна скромность, но въ чертахъ черкеса, напротивъ, благородство и твердость духа, обличающія воина по происхожденію».

Въ 1699-мъ году вдова князя Петра-Иль-Мурзича Черкасскаго, княгиня Анна Васильевна, рожденная Нагая, подарила князю Александру обширныя вотчины свои въ Романовскомъ уѣздѣ.

У какого-то поляка Черкасскій вмѣстѣ съ сыновьями Голицына обучался разнымъ наукамъ, въ томъ числѣ и латинскому языку. Въ 1707-мъ году онъ ѣздилъ за-границу, гдѣ, между прочимъ, изучалъ прилежно мореплаваніе; по возвращеніи изъ за-границы служилъ въ Преображенскомъ полку.

Въ 1711-мъ году кн. Александръ Бековичъ былъ отправленъ на свою родину—на Кавказъ, съ порученіемъ, успѣшное выполненіе котораго должно было повліять рѣшающимъ образомъ на направленіе русской политики по отношенію къ азіатскимъ народамъ. Дѣло въ томъ, что хотя предпринятый въ 1711-мъ году, во время Турецкой войны, походъ, подъ начальствомъ казанскаго губернатора графа Петра Матвѣевича Апраксина, противъ кубанскихъ горцевъ и былъ очень удаченъ, но русское правительство ясно сознавало необходимость сдѣлать невозможными на будущее время частыя вторженія кубанцевъ въ русскіе предѣлы и тѣмъ обезопасить себя со стороны Чернаго и Каспійскаго морей на случай войны съ Турціей; для этого хотѣли Кубанской ордѣ противопоставить Кабарду: князь Александръ Бековичъ былъ отправленъ съ царской грамотой къ кабардинскимъ владѣльцамъ для привлеченія ихъ на сторону Россіи. Еще съ Кавказа онъ увѣдомилъ Петра, что черкесскіе владѣльцы, прочтя царскую грамоту, изъявили готовность служить Великому Государю всей Кабардой и, на основаніи этого заявленія, были приведены имъ къ присягѣ по ихъ вѣрѣ. Кажется, что среди этихъ князей находились и мать самого кн. Александра вмѣстѣ съ двумя его братьями. По крайней мѣрѣ, брауншвейгъ-люнебургскій резидентъ Веберъ, находившійся въ Россіи, какъ разъ въ то время, когда личность князя Черкасскаго всѣхъ особенно интересовала, подъ 1715-мъ годомъ сообщаетъ, что князь «нѣсколько лѣтъ назадъ передался вмѣстѣ съ землею своею подъ власть и защиту царя».

Возвратившись въ Россію, князь Александръ продолжалъ внимательно слѣдить за смѣной различныхъ настроеній и вліяній среди кавказскихъ горцевъ; въ маѣ 1714-го года онъ подалъ царю донесеніе, гдѣ изложилъ свои взгляды и на положеніе дѣлъ на Кавказѣ и на характеръ и направленіе политики, которыхъ должна была держаться Россія въ своихъ сношеніяхъ съ горцами и съ Персіей. «Коли-бъ вы изволили знать пространно тамошній край», писалъ онъ въ этомъ донесеніи Петру: «надѣялся бы, что не въ малыя-бъ дѣла произвели черезъ вашъ умъ и дѣйство». Черкасскій обращалъ вниманіе царя на то, что турки задались цѣлью соединить подъ своею властью всѣ горскія племена, вплоть до персидской границы, но до сихъ поръ встрѣтили сочувствіе и поддержку только среди кумыцкихъ князей; въ виду того, что для Россіи было бы очень опасно и хлопотливо, въ случаѣ новой войны съ Турціей, имѣть противъ себя «оный народъ, лучшій въ войнѣ, кромѣ регулярнаго войска», князь Черкасскій совѣтовалъ Петру воспользоваться представляющимся удобнымъ моментомъ для подчиненія своей власти горныхъ племенъ ради осуществленія «интереса государственнаго», оставленнаго до тѣхъ поръ въ пренебреженіи только «незнаніемъ или неискусствомъ воеводъ» московскихъ: «годная особа» съ войскомъ, посланная немедленно на Кавказъ моремъ, не встрѣтила бы серьезнаго сопротивленія со стороны горцевъ, безпрестанно воевавшихъ другъ съ другомъ и не отдавшихся еще никому въ подданство, а потому не могшихъ разсчитывать на помощь извнѣ; удача экспедиціи принесла бы Россіи пользу не только въ политическомъ отношеніи, но и въ экономическомъ, такъ какъ Кавказскій край богатъ всякими рудами. На тотъ случай, если бы у царя не оказалось времени для исполненія всего, что касается кавказскихъ племенъ, князь Черкасскій совѣтовалъ, въ виду замѣченной имъ слабости Персіи по отношенію къ горнымъ племенамъ и страха ея передъ Россіей, отправить пословъ къ шаху Персидскому для установленія торговыхъ сношеній съ Персіей и для заключенія съ ней трактатовъ относительно взаимной помощи деньгами и людьми на случай войны. Очень можетъ быть, что князь Черкасскій считалъ именно себя «годной особой» для приведенія въ исполненіе своихъ плановъ относительно кавказскихъ горцевъ и Персіи. Но въ Пер-

сію былъ посланъ въ 1715-мъ году Артемій Петровичъ Волынскій, а въ указѣ отъ 29 мая 1714-го года Сенату было поручено обсудить представленіе Бековича о мѣрахъ для привлеченія горныхъ народовъ Кавказа на сторону Россіи; самого же Бековича царь рѣшилъ отправить посломъ въ Хиву. Цѣль посольства была выражена въ указѣ отъ 20 мая 1714-го года такъ: «послать въ Хиву съ поздравленіемъ на ханство, а оттоль ѣхать въ Бухары къ хану, сыскавъ какое дѣло торговое, а дѣло настоящее, чтобъ провѣдать про городъ Иркекъ (Иркеть?), сколь далеко оный отъ Каспійскаго моря и нѣтъ ли какихъ рѣкъ оттоль, и хотя не отъ самого того мѣста, однако же, въ близости въ Каспійское море». Отъ одного туркменскаго пилигрима Ходжи-Нефеса царь узналъ, что рѣка Аму-Дарья богата въ своемъ устьѣ золотымъ пескомъ; о томъ же доносилъ и сибирскій губернаторъ князь Гагаринъ; ходили слухи, что существовало старое русло Аму-Дарьи, по которому она впадала раньше прямо въ Каспійское море, но что хивинцы, — а по другимъ разсказамъ калмыки,—незадолго передъ тѣмъ отвели эту рѣку въ Аральское море, устроивши для этого гдѣ-то плотину. Для провѣрки всѣхъ этихъ слуховъ царь отправилъ капитанъ-поручика князя Александра Бековича Черкасскаго: указомъ отъ 29 мая 1714-го года, даннымъ съ корабля «Екатерина» у Березовыхъ острововъ, князю велѣно было отыскать устье рѣки Аму Дарьи и разузнать, гдѣ находится плотина, загораживающая ей выходъ въ Каспійское море. Въ распоряженіе князя Черкасскаго были предоставлены «тысячи полторы воинскихъ людей да на всякіе расходы тысячъ пять денегъ» и, кромѣ того, велѣно было воеводамъ въ Астрахани «чинить отправленіе во всемъ, что онъ будетъ требовать, безъ всякаго задержанія»; мастеръ горнаго дѣла Блюгеръ долженъ былъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ; сверхъ назначеннаго числа воинскихъ людей, князь взялъ еще 500 яицкихъ казаковъ. Во главѣ этой экспедиціи Черкасскій въ 1715-мъ году первый проплылъ по всему восточному берегу Каспійскаго моря; 4-го августа онъ доносилъ царю, что прибылъ въ мѣстность Актанъ, гдѣ въ прежнее время впадала въ Каспійское море рѣка Аму-Дарья, отведенная у урочища Харакая (въ четырехъ верстахъ отъ Хивы) въ Аральское море особою плотиною; 24-го октября онъ писалъ, что имъ закончено изготовленіе карты Каспійскаго моря (до насъ недошедшей), и что онъ возвращается въ Астрахань.

Вполнѣ понятно то нетерпѣніе, съ которымъ Петръ ожидалъ пріѣзда Бековича въ Либаву, гдѣ онъ самъ въ то время находился, и желаніе поскорѣе увидѣть осуществленіе своей мысли, послѣ того, какъ вопросъ первостепенной важности былъ разрѣшенъ въ благопріятномъ смыслѣ. Въ Либаву Черкасскій прибылъ въ началѣ февраля 1716-го года, а въ половинѣ февраля онъ былъ уже отправленъ назадъ туда, откуда пріѣхалъ, т. е. въ Астрахань, награжденный чиномъ капитана и уже оффиціально объявленный посломъ къ Хивинскому хану, съ полномочіемъ самостоятельно распоряжаться всѣми приготовленіями къ походу: Сенату велѣно было безъ отговорокъ и безъ задержки исполнять всѣ его распоряженія. Въ руководство князю Черкасскому Петръ собственноручно написалъ наказъ, состоявшій изъ 13 пунктовъ: «1) Надлежитъ надъ гаванью, гдѣ бывало устье Аму-Дарьи рѣки, построить крѣпость человѣкъ на тысячу, о чемъ просилъ и посолъ хивинскій; 2) Ѣхать къ хану Хивинскому посломъ, а путь держать подлѣ той рѣки и осмотрѣть прилежно теченіе ея, а также и плотину, если возможно эту воду опять обратить въ старое ложе, а прочія устья заперетъ, которыя идутъ въ Аральское море; 3) Осмотрѣть мѣсто близъ плотины, или гдѣ удобно, на настоящей же Аму-Дарьѣ рѣкѣ для строенія крѣпости тайнымъ образомъ и, если возможно, то и тутъ другой городъ сдѣлать; 4) Хана Хивинскаго склонить къ вѣрности и подданству, обѣщая ему наслѣдственное владѣніе, для чего предложить ему гвардію, чтобъ онъ за то радѣлъ въ нашихъ интересахъ; 5) Если онъ охотно это приметъ и станетъ просить гвардіи и безъ нея не будетъ ничего дѣлать, опасаясь своихъ людей, то дать ему гвардію, сколько пристойно, но чтобъ была на его жалованьи; если же станетъ говорить, что содержать ему ее нечѣмъ, то на годъ оставить ее на своемъ жалованьи, а потомъ чтобы онъ платилъ; 6) Если такимъ или другимъ образомъ ханъ склонится на нашу сторону, то просить его, чтобъ послалъ своихъ людей, при которыхъ и нашихъ

два человѣка было бы, водою по Сыръ-Дарьѣ рѣкѣ, вверхъ до Эркети городка, для осмотрѣнія золота; 7) Также просить у него судовъ и на нихъ отпустить купчину въ Индію по Аму-Дарьѣ рѣкѣ, наказавъ, чтобъ възъѣхалъ ее, пока суда могутъ итти, и потомъ продолжалъ бы путь въ Индію, примѣчая рѣки и озера, и описывая водяной и сухой путь, особенно водяной, и возвратиться изъ Индіи тѣмъ же путемъ; если же въ Индіи услышитъ о лучшемъ пути къ Каспійскому морю, то возвратиться тѣмъ путемъ и описать его; 8) Будучи у Хивинскаго хана, провѣдать и о Бухарскомъ, нельзя ли и его хотя не въ подданство, то въ дружбу привести такимъ же образомъ, ибо и тамъ также ханы бѣдствуютъ отъ подданныхъ; 9) Для всего этого надобно дать регулярныхъ 4.000 человѣкъ, судовъ сколько нужно, грамоты къ обоимъ ханамъ, также купчинъ къ ханамъ и къ Моголу; 10) Изъ морскихъ офицеровъ поручика Кожина и навигаторовъ человѣкъ пять или больше послать въ обѣ посылки: въ первую подъ видомъ купчины, въ другую—къ Эркети; 11) Инженеровъ дать двухъ человѣкъ; 12) Нарядить казаковъ Яицкихъ 1.500, Гребенскихъ 500, да 100 человѣкъ драгунъ съ добрымъ командиромъ, которымъ итти подъ видомъ провожанія каравана изъ Астрахани и для строенія города; и когда они придутъ къ плотинѣ, тутъ имъ велѣть стать, и по рѣкѣ прислать къ морю для провожанія князя Черкасскаго сколько человѣкъ пристойно; командиру смотрѣть накрѣпко, чтобъ съ жителями обходились ласково и безъ тягости; 13) Поручику Кожину приказать, чтобъ онъ тамъ развѣдалъ о пряныхъ зельяхъ и о другихъ товарахъ и, какъ для этого дѣла, такъ и для отпуска товаровъ, придать ему двухъ человѣкъ добрыхъ изъ купечества, чтобъ не были стары».

Въ письмѣ отъ 13 мая 1716-го года Петръ увѣдомилъ Черкасскаго о полученіи отъ него пробъ золота и приказалъ ему, по меньшей мѣрѣ: 1) построить тѣ два города-крѣпости, о которыхъ говорится въ пунктахъ 1 и 3 собственноручнаго наказа; 2) пройти вверхъ по рѣкѣ «сколько время допуститъ» и 3) разорить плотину; въ виду дальности разстояній царь велѣлъ князю не «описываться для указовъ къ нему», а трудиться неотложно, по крайней мѣрѣ исполнить по даннымъ пунктамъ. Приготовленія къ походу шли довольно быстро, такъ что къ осени 1716-го года оказалось возможнымъ выполнить часть программы всего движенія и заняться постройкой крѣпостей. 15 сентября князь Черкасскій вышелъ со своимъ отрядомъ изъ Астрахани въ море и 9 октября пришелъ къ урочищу Тюкъ-Караганъ; здѣсь оставленъ былъ для строенія крѣпости полковникъ Хрущовъ съ Казанскимъ полкомъ. Изъ Тюкъ-Карагана Черкасскій отправилъ поручика Кожина въ Астрабадъ съ порученіемъ отвезти туда морского подпоручика Петра Давыдова, отправлявшагося посломъ къ хану Бухарскому; а самъ, 23 октября, поплылъ къ урочищу Красныя Воды, гдѣ велѣлъ строить крѣпость полковнику фонъ-деръ-Вейде и при немъ оставилъ два полка солдатъ. Уже на возвратномъ пути изъ Красныхъ Водъ въ Астрахань Черкасскій имѣлъ случай составить себѣ представленіе о трудностяхъ предстоявшаго похода въ Хиву сухимъ путемъ: въ Тюкъ-Караганѣ онъ нашелъ 700 больныхъ, а 120 человѣкъ ко времени его прихода уже умерли, вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій мѣстности, гдѣ не было ни воды, ни лѣса, ни травы—одинъ песокъ. Возвратившись 20 февраля 1717-го года морскимъ путемъ въ Астрахань, Бековичъ получилъ въ маѣ 1717-го г. вѣсть отъ калмыцкаго хана Аюки о томъ, что бухарцы, хивинцы, каракалпаки, кайсаки и балаки въ числѣ 2.000 человѣкъ засыпали колодцы и собираются напасть на самаго Бековича и на отрядъ, находившійся въ Красныхъ Водахъ, и что посланные еще раньше Бековичемъ въ Хиву Иванъ Воронинъ и Алексѣй Святовъ находятся не въ чести у хана. Воронинъ и Святовъ и сами писали Бековичу, что ханъ встревоженъ постройкой крѣпостей на хивинскомъ берегу и боится, какъ бы русскіе подъ видомъ посольства не овладѣли Хивой; поэтому въ Хивѣ задумали недоброе и послали въ Бухару, къ каракалпакамъ, къ Аюкѣ-хану и во всѣ города приказанія: кормить лошадей и быть готовыми къ выступленію въ походъ противъ русскаго отряда. Ханъ Аюка дѣйствительно отказалъ въ помощи отряду князя Александра Бековича, ссылаясь на невоз-

можность итти въ степь по причинѣ приближавшагося жаркаго времени года; но, кажется, настоящимъ мотивомъ отказа было желаніе хана отомстить русскимъ, а въ томъ числѣ и князю Черкасскому, за то, что они не помогли калмыкамъ въ 1715-мъ году, когда кубанскій султанъ Бахты-Гирей напалъ на калмыковъ подъ самой Астраханью: астраханскій комендантъ и князь Черкасскій, выступившіе было изъ города съ 3.000 солдатъ для отраженія кубанцевъ, ничего не сдѣлали для защиты калмыковъ потому, что у кубанцевъ оказалась, будто бы, какая-то грамота отъ московскаго царя, позволявшая имъ нападать на калмыковъ безнаказанно.

Обстоятельства складывались, повидимому, до такой степени неблагопріятно, что нѣкоторымъ участникамъ экспедиціи выступленіе въ походъ казалось въ высшей степени рискованнымъ. Поручикъ Кожинъ, сильно не ладившій съ княземъ Черкасскимъ, даже прямо доносилъ царю, что князь намѣренъ, «измѣннически предать русское войско въ руки варваровъ», и отказался отъ участія въ походѣ. Князь Черкасскій не отступилъ, однако, отъ принятаго имъ рѣшенія: еще въ концѣ апрѣля 1717-го года казаки яицкіе и гребенскіе были отправлены сухимъ путемъ къ Гурьеву городку, а въ маѣ двинулся туда же моремъ и самъ князь Черкасскій съ регулярнымъ войскомъ. Въ іюнѣ весь отрядъ, состоявшій приблизительно изъ трехъ тысячъ человѣкъ при семи орудіяхъ, двинулся изъ Гурьева городка къ Хивѣ; при немъ находились и два родные брата князя Александра Бековича съ двадцатью черкесскими узденями; проводниками были туркмены и калмыки хана Аюки, въ ихъ числѣ и тотъ самый Ходжа-Нефесъ, котораго Черкасскій посылалъ въ 1716-мъ году изъ Красныхъ Водъ искать мѣсто запруды на рѣкѣ Аму-Дарьѣ и ея старое русло. Подъ палящими лучами солнца, страдая отъ жажды и болѣзней, русскіе упорно шли впередъ и, черезъ два мѣсяца послѣ выступленія изъ Гурьева-городка, утромъ 15-го августа дошли до озеръ рѣки Аму-Дарьи, находившихся всего въ шести дняхъ пути отъ Хивы; здѣсь отрядъ расположился на отдыхъ, укрѣпивъ свой лагерь на случай нападенія. На другой же день утромъ около 25.000 хивинцевъ и ихъ союзниковъ, предупрежденныхъ о приближеніи русскихъ бѣжавшими съ привала въ горахъ калмыцкими проводниками, окружили малочисленный отрядъ, который стойко отбивалъ всѣ нападенія въ теченіи трехъ дней. На четвертый день хивинскій ханъ Ширгазы, видя, что русскихъ трудно одолѣть въ бою, рѣшилъ прибѣгнуть къ хитрости; онъ прислалъ къ Черкасскому парламентеровъ съ мирными предложеніями, говоря, что если бы онъ раньше зналъ о мирныхъ цѣляхъ похода, то никогда не напалъ бы на него. Знатные хивинцы цѣловали передъ русскими коранъ въ томъ, что надъ государевыми войсками не будетъ сдѣлано никакого зла и что условія мира будутъ свято исполнены ханомъ. Черкасскій повѣрилъ хивинцамъ; въ сопровожденіи 700 драгунъ и казаковъ онъ отправился въ лагерь хана, передалъ ему подарки отъ царя московскаго и продолжалъ свой путь къ Хивѣ среди ханскаго войска; его собственный отрядъ слѣдовалъ за нимъ на разстояніи около двухъ верстъ подъ командою маіора Франкенберга. Когда до Хивы оставалось уже не болѣе одного дня пути, ханъ заставилъ Черкасскаго раздѣлить русское войско на пять отрядовъ и отправить ихъ порознь въ пять городовъ, назначенныхъ Ханомъ для ихъ прокормленія. Одни изъ уцѣлѣвшихъ участниковъ похода говорили, что ханъ добился отъ Черкасскаго соотвѣтствующаго приказа угрозами, другіе,—что ему удалось подѣйствовать убѣжденіями. Неизвѣстно, какъ было это въ дѣйствительности, да для оцѣнки поведенія Черкасскаго нѣтъ надобности долго останавливаться надъ разрѣшеніемъ этого вопроса. Съ самаго начала похода для многихъ участниковъ его было уже несомнѣнно, что для выполненія такого сложнаго и отвѣтственнаго порученія князь Черкасскій былъ совершенно не «годная особа», хотя одинъ только поручикъ Кожинъ осмѣлился громко заявить объ этомъ и попытался представить нѣкоторыя очень важныя стороны дѣятельности Черкасскаго въ ихъ настоящемъ видѣ; въ концѣ похода ясно обнаружилось если не позорное малодушіе начальника, хотѣвшаго купить себѣ жизнь цѣною гибели всего ввѣреннаго ему отряда и униженія русскаго имени, то во всякомъ случаѣ преступная неосторожность, совершенно невѣроятная со сто-

роны природнаго азіата. Нѣкоторые все же пытались объяснить эту неосторожность душевнымъ разстройствомъ Черкасскаго, впавшаго въ мрачную меланхолію послѣ того, какъ на его глазахъ, въ самый день отплытія изъ Астрахани, утонули въ Волгѣ его жена и двѣ малолѣтнія дочери; другіе хотятъ видѣть въ Симоновѣ виновника всего несчастія, хотя бы и невольнаго, такъ какъ Симоновъ еще раньше посовѣтовалъ вступить въ мирные переговоры съ ханомъ. Общая оцѣнка дѣйствій князя Черкасскаго достаточно обнаруживаетъ, однако, его виновность въ неудачномъ исходѣ всего предпріятія. Прежде всего бросается въ глаза: 1) то, что онъ не построилъ ни одной крѣпости тамъ, гдѣ этого требовали и пункты Петровскаго наказа и собранные имъ же самимъ данныя, а построилъ двѣ въ такихъ мѣстахъ, что онѣ не могли послужить опорными пунктами для дѣйствій его отряда; 2) благодаря постройкѣ ненужныхъ крѣпостей, отрядъ князя Черкасскаго выступилъ въ походъ не въ составѣ свыше 6.000 человѣкъ, какъ предполагалъ самъ царь Петръ, а только около 3.000, и потому, даже если бы съ нимъ не случилось катастрофы, едва ли онъ былъ бы въ состояніи выполнить и минимумъ требованій Петра; 3) при опредѣленіи пути, по которому должны были совершать свое движеніе, какъ экспедиціонный отрядъ, такъ и вспомогательный, князь Черкасскій совершенно не руководился пунктами Петровскаго наказа. Правда, отрядъ все-таки добрался до Хивы, но, наткнувшись на враждебность со стороны хана, онъ имѣлъ только на выборъ или пробиться къ завѣтной и загадочной плотинѣ или возвратиться немедленно ни съ чѣмъ назадъ; поведеніе кн. Черкасскаго дало еще третій выходъ—довѣриться непріятелю; практически, впрочемъ, всѣ эти три положенія вели къ одному результату: отрядъ уже съ самаго выступленія изъ Гурьева-городка былъ обреченъ на гибель; остается только сказать, что Черкасскій велъ его къ печальному концу ближайшимъ путемъ. Маіоръ Франкенбергъ, командовавшій отрядомъ въ отсутствіе самаго князя, отлично понималъ какой опасности подвергались русскіе, въ случаѣ раздѣленія отряда на пять малочисленныхъ и разобщенныхъ другъ съ другомъ частей, и потому три раза отказывался исполнить настойчивыя приказанія Черкасскаго, но, наконецъ, уступилъ. Разъединивъ всѣ пять частей русскаго отряда, хивинцы обезоружили русскихъ и частью перебили, а частью взяли въ плѣнъ и продали на рынкахъ Хивы и Бухары; удалось спастись только очень немногимъ, въ томъ числѣ и обоимъ братьямъ Черкасскаго. О судьбѣ самого Черкасскаго очевидцы сообщали разнорѣчивыя свѣдѣнія: по словамъ однихъ, его подвергли истязаніямъ и потомъ отрубили голову передъ ханской палаткой; по словамъ другихъ, его увели въ палатку, а что потомъ было—неизвѣстно; одни утверждали, что видѣли его голову воткнутой на колъ въ Хивѣ на базарной площади; другіе, видѣвшіе головы русскихъ тамъ же, ни въ одной не признали головы князя; носился даже слухъ, что князь предалъ русское войско по уговору съ ханомъ и остальную свою жизнь прожилъ у хана въ почетѣ. Кажется, однако, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Черкасскій погибъ вмѣстѣ со своимъ отрядомъ. Осенью 1717-го года вѣсть объ этомъ пришла въ Россію; всѣ ожидали, что царь жестоко отомститъ хивинцамъ за ихъ вѣроломство, и уже носились слухи о приготовленіяхъ къ новому походу; однако, неудача Бековича надолго отбила у русскаго правительства охоту попытаться еще разъ силою оружія открыть русскому вліянію и русской торговлѣ путь въ Среднюю Азію; д и вниманіе его было слишкомъ занято другими вопросами. Но память о несчастномъ походѣ Черкасскаго до сихъ поръ жива еще въ народѣ: «погибъ какъ Бековичъ», говоритъ пословица..

«Das veränderte Russland...» Frankfurt, 1721, in 4°, въ русскомъ переводѣ «Записки Вебера», «Русскій Архивъ», 1872 г., ст. 1387—1389, 1393—1395, 1431—1435, 1617.—«Ежемѣсячныя сочиненія и извѣстія о ученыхъ дѣлахъ», 1763 г., январь, стр. 7—35.—«Журналъ или поденная записка блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государя Императора Петра Великаго, съ 1698 года даже до заключенія Нейштатскаго мира», ч. II, Спб. 1772, стр. 15, 341—397.—Голиковъ, «Дѣянія Петра Великаго», Москва, 1788, ч. IV, стр. 333—335; ч. V, 122—129; ч. VI, стр. 17—18, 58—68.—G. A. von Halem: Leben Peters des Grossen. Bde 1—3. Münster und Leipzig. 1803—1804. (по русски: «Жизнь Петра Великаго», описанная г. Галемомъ, Спб. 1813, ч. II, стр. 431—432).—«Собраніе собственноручныхъ писемъ Государя Императора Петра Великаго къ Апраксинымъ», Москва, 1811, ч. II, стр.

16—17.—«Отечественныя Записки» за 1827 г., ч. XXXII, № 90, стр. 58—63.—«Собраніе писемъ Императора Петра I къ разнымъ лицамъ съ отвѣтами на оныя», изіалъ В.Берхъ, Спб. 1829, ч. II, стр. 359—360; Спб. 1830, ч. III, стр. 12—18.—Іакинфъ (Бичуринъ), монахъ: Историческое обозрѣніе Ойратовъ или Калмыковъ, съ XV стол. до настоящаго времени, Спб., 1834 г., стр. 184—186.—«Энциклопедическій лексиконъ», издававш. А. Плюшаромъ; т. II, 1835 г., стр. 145; т. III, Спб. 1835 г., стр. 526—527; т. V, Спб. 1836 г., стр. 203—208.—«Труды и лѣтописи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, учрежд. при Имп. Московск. универс.», ч. VII., М. 1837 г., стр. 174.—«Журналъ Минист. Внутрен. Дѣлъ», за 1839 г., ч. XXXIV, № 12, стр. 366—372, 382—383.—«Москвитянинъ» за 1842 г., № 12, стр. 373—394.—«Журналъ Мануфактуръ и Торговли» 1843 г., ч II, № 4, стр. 91—92.—Ламбинъ И. П.: Исторія Петра Великаго, Спб. 1843, стр. 650-651.—«Записки Импер. Русск. Географ. Общества», кн. IV, Спб. 1850 г., стр. 260—283.—«Записки Гидрограф. Департ. Морского Министерства», ч. VIII, Спб. 1850 г., стр. 240—241.—«Военный Сборникъ» 1861 г., т. XXI, № 10, отд. II, стр. 303—364; 1873 г., № 5, стр. 6-8; 1887 г., т. CLXXVI, № 8, стр. 156—163; № 10, стр. 145.—«Дневникъ Іоганна Георга, Корба, секретаря посольства отъ Императора Леопольда I къ Царю Петру I въ 1698—1699 г.г. Перев. Б. В. Женева и М. И. Семевскаго, Москва, 1858 г., стр. 79.—Матеріалы для исторіи русскаго флота (С. Елагина), ч. IV., Спб. 1867 г., стр. 267—276, 278—285.—Галкинъ-Врасскій, М. Н., «Этнографическіе и историческіе матеріалы по Средней Азіи и Оренбургскому краю», Спб. 1869 г., стр. 18—19, 150—152, 286—300.—Гросуль-Толстой, П.: Дѣла русскаго оружія и политики въ Средней Азіи (по поводу войны Россіи съ Хивою), Одесса 1871, стр. 3—5.—«Матеріалы Военно-Ученаго Архива Главнаго Штаба», изд. подъ ред. А. Ѳ. Бычкова, т. I, Спб. 1871, стр. 197—506.—«Записки Импер. Русск. Географическаго Общества по общей географіи», т. IV, Спб. 1871 г., стр. 139—144.—«Письма Петра Великаго, хранящіяся въ Имп., Публ. Библіотекѣ», изд. А. Ѳ. Бычковымъ, Спб. 1872 г.—«Русскій Вѣстникъ», 1873 г., № 3, стр. 12—16. —«Макъ-Гаханъ. Военныя дѣйствія на Оксусѣ и паденіе Хивы. Переводъ съ англійскаго (Canpaigning on the Oxus and the Fall of Khiva), Москва, 1875 г. стр. 174—177.—Терентьевъ, Россія и Англія въ Средней Азіи, Спб. 1875, стр. 335.—Терентьевъ, Россія и Англія въ борьбѣ за рынки, Спб. 1876, стр. 9.—«Описаніе дѣлъ Архива Морскаго Министерства», Спб. 1877, т I, подъ 1715—1718 г.г.—Попко, И., Терскіе казаки съ стародавнихъ временъ. Историч. очеркъ. Вып. I. Спб. 1880, стр. 77—79, 97—101, 329—332.—Макшеевъ: Историческій обзоръ Туркестана и наступательнаго движенія въ него русскихъ. Спб. 1890, стр. 68—80.—Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. «Общ. Пользы», кн. IV, стр. 647—651, 662, 663.—Подробный библіографическій указатель литературы насчетъ Хивинскаго похода кн. Бековича—Черкасскаго см. у И. Г. Безгина «Князя Бековича-Черкасскаго, экспедиція въ Хиву». Спб. 1891, in 16°, 237 стр. (въ продажу эта брошюра не поступала).

В. Бенешевичъ.

Черкасскій, *князь Алексѣй Михайловичъ,* великій канцлеръ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ и кабинетъ-министръ, родился въ Москвѣ 28-го сентября 1680 г., происходилъ изъ знатнаго рода князей Черкасскихъ, потомковъ Кабардинскаго владѣтеля Инала, бывшаго султаномъ въ Египтѣ, и былъ сыномъ князя Михаила Яковлевича Черкасскаго (см. далѣе). Князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій былъ женатъ два раза: первымъ бракомъ на Агриппинѣ Львовнѣ Нарышкиной, дочери боярина Льва Кирилловича и двоюродной сестрѣ Петра Великаго, и вторымъ бракомъ на княжнѣ Маріи Юрьевнѣ Трубецкой, дочери дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и сенатора князя Юрія Юрьевича Трубецкого. Принадлежа, такимъ образомъ, къ старинному княжескому роду, находясь въ родствѣ съ знатнѣйшими русскими фамиліями, князь Алексѣй Михайловичъ къ тому же былъ очень богатъ, у него было свыше 70.000 душъ крестьянъ, масса золота и брилліантовъ—и все это вмѣстѣ взятое повело къ тому, что, не смотря на далеко не выдающіяся его способности, на всю малозначительность его, какъ личности («сей человѣкъ», отзывался о немъ князь М. М. Щербатовъ («О поврежденіи нравовъ») «весьма посредственъ разумомъ, лѣнивъ, не знающъ въ дѣлахъ и, однимъ словомъ, таскающій, а не носящій свое имя и гордящійся единымъ своимъ богатствомъ»), ему пришлось сыграть довольно крупную роль въ политической жизни того времени. Съ другой стороны несомнѣнно, что, именно, указаннымъ свойствамъ своей натуры онъ и былъ обязанъ, что въ то бурное время переворотовъ, быстрыхъ возвышеній и столь же быстрыхъ паденій, ему до конца жизни удалось неизмѣнно занимать высокое положеніе, сохранить свои богатства и пользоваться почетомъ.

Свое дѣтство и юность до двадцати одного года князь Алексѣй Михайловичъ провелъ въ Москвѣ, состоялъ на придворной службѣ и въ сентябрѣ 1702 года, въ званіи стольника, посланъ былъ помощникомъ къ отцу своему, бывшему въ то время воеводою въ Тобольскѣ. Подъ руководствомъ отца онъ выказалъ себя дѣятельнымъ и распорядительнымъ администраторомъ, заложилъ, по словамъ Терещенко, въ городѣ То-

больскѣ—Бронную слободу и, въ январѣ 1703 года, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ получилъ письменную похвалу отъ Петра Великаго «за прилежное и неусыпное исполненіе государственныхъ дѣлъ, пріумноженіе денежныхъ доходовъ и хлѣбныхъ запасовъ, улучшеніе состоянія сибирскихъ жителей, безпристрастное и безкорыстное управленіе, учрежденіе желѣзныхъ заводовъ для отливки пушекъ, мортиръ, гаубицъ, за дѣланіе въ Тобольскѣ фузей, тесаковъ и другихъ орудій, необходимыхъ къ оборонѣ не только Сибирскаго, но и Московскаго и прочихъ государствъ, подвластныхъ Великому Государю, также за отысканіе въ Сибири селитры и за вѣрность и усердіе по службѣ въ самомъ Тобольскѣ». Нужно, впрочемъ, полагать, что скорѣе всего это Высочайшее изъявленіе одобренія, если и касалось князя Алексѣя Михайловича, то въ незначительной степени, а главнымъ образомъ относилось къ дѣятельности отца его. Въ октябрѣ 1712-го года мы снова встрѣчаемъ князя Алексѣя Михайловича при дворѣ, въ числѣ приближенныхъ Государя, въ званіи сначала стольника, а потомъ ближняго стольника. Въ 1714-мъ году Петръ поручилъ ему завѣдываніе городовою канцеляріею въ Петербургѣ, причемъ, 24 января, возложилъ на него довольно трудное порученіе: набрать въ Москвѣ и другихъ русскихъ городахъ 458 человѣкъ ремесленниковъ, нужныхъ для вновь учрежденной столицы, а кромѣ того доставить 15 человѣкъ юношей не старше 20 лѣтъ, изъ лучшихъ купеческихъ фамилій, которыхъ Петръ желалъ послать за границу изучать коммерческія науки. Въ слѣдующемъ году, 24-го января, Черкасскій былъ назначенъ оберъ-комиссаромъ столицы и ему порученъ былъ надзоръ за производствомъ архитектурныхъ работъ въ ней, причемъ самъ Петръ далъ ему «пункты о постройкѣ строеній». Именнымъ указомъ 14-го сентября 1715 г. ему повелѣно было наблюдать, «чтобы никто противъ указу и безъ чертежа архитекторскаго нигдѣ не строился». Дѣятельность Черкасскаго, какъ оберъ-комиссара столицы, продолжалась до 1719-го года. По оффиціальнымъ документамъ видно, что онъ ревностно занимался своими обязанностями, и Петръ обыкновенно соглашался съ его докладами. Такъ, 4-го ноября 1715-го года, имъ былъ сдѣланъ докладъ о строеніи магазиновъ и мазанокъ на Выборгской сторонѣ, о раздачѣ мѣстъ въ С.-Петербургѣ купцамъ и мастеровымъ, 16-го ноября—о постройкахъ на Адмиралтейскомъ острову и за маленькою рѣчкою; въ ноябрѣ 1717-го года онъ подалъ пространную записку о замѣнѣ установленной въ 1714-мъ году обязательной высылки рабочихъ изъ губерній для работъ на городскихъ постройкахъ—денежной податью, и Петръ, соглашаясь съ этою запискою, 31-го января 1718-го года издалъ указъ о нарядѣ изъ ближнихъ мѣстъ 8.000 человѣкъ къ городовой работѣ и о сборѣ съ остальныхъ губерній подати по 6 рублей за человѣка. По словамъ Терещенко, онъ очень многое сдѣлалъ для Петербурга: принималъ непосредственное участіе въ осушеніи болотъ столицы, занимался украшеніемъ и отдѣлкою дворцовъ: Петергофскаго, Монплезира, Екатерининскаго и Шлиссельбургскаго, завѣдывалъ устроенными въ Петербургѣ кирпичными заводами, построилъ на Выборгской сторонѣ госпиталь и дворъ для гардемариновъ и, наконецъ, лично наблюдалъ за постройкой Петропавловской крѣпости и больверка. Петръ Великій, очевидно, цѣнилъ труды его, относился къ нему хорошо; такъ, напр., сохранилось извѣстіе, что онъ иногда запросто заѣзжалъ къ нему обѣдать,—но не особенно возвышалъ его: въ періодъ времени съ 1712 по 1719-й годъ ему былъ пожалованъ только (28-го августа 1716-го года) чинъ поручика. Въ 1719-мъ году, послѣ смѣщенія сибирскаго губернатора кн. М. П. Гагарина, указомъ 29-го мая Петръ назначилъ на его мѣсто князя А. М. Черкасскаго. «А вѣдать ему» сказано было въ указѣ, «всѣ сибирскіе города, а Сибирь раздѣлить на три провинціи, подъ начальствомъ выбранныхъ губернаторомъ и утвержденныхъ Сенатомъ вице-губернаторовъ». Такая внезапная милость Царя, столь быстрое и неожиданное возвышеніе испугало Черкасскаго. Онъ сознавалъ, что возлагаемая на него задача не по силамъ ему, что не ему брать на себя управленіе обширнымъ краемъ, исправленіе зла, причиненнаго этому краю кн. Гагаринымъ, да къ тому же его страшилъ ужасный примѣръ паденія его предшественника, показывавшій, что царь, умѣя

миловать, умѣетъ въ тоже время и строго карать. Получивъ указъ о своемъ назначеніи, Черкасскій обратился къ Петру съ письмомъ, въ которомъ объяснялъ, «что за великую напасть пріемлетъ отлученіе отъ Его Величества, никогда добровольно не согласился бы на сіе и, сколь ни лестно для него избраніе Монаршее, онъ съ радостью и охотно готовъ нести самотруднѣйшія должности, только бы не отлучаться отъ него». Петръ, однако, остался непреклоннымъ: «Я бы охотно исполнилъ Ваше прошеніе», отвѣтилъ онъ Черкасскому, «ежели бы могъ скоро сыскать достойнаго человѣка, но нынѣ не знаю. Того ради надлежитъ Вамъ безъ оскорбленія сіе учинить. Ибо по истинѣ не за какую Вашу противность сіе Вамъ посылаю, но для двухъ причинъ: первое, что Вы тамъ были и знаете, другое, что вскорѣ сыскать другого надежнаго въ такую отдаленную сторону не могъ. Однакоже, въ томъ можешь надеженъ быть, что, когда тамъ распорядишь и добрый ансталтъ учинишь, и о томъ отпишешь, тогда непремѣнно Васъ перемѣнимъ по Вашему желанію». Въ этихъ словахъ Великаго Преобразователя сказалось его умѣніе безошибочно оцѣнивать человѣка по его достоинству и находить ему соотвѣтствующее мѣсто. Черкасскій былъ мало пригоденъ для кипучей дѣятельности, бившей ключемъ вокругъ Петра и направляемой его могучею рукою, ему не было мѣста среди «птенцовъ Петра», живое дѣло, требовавшее энергичнаго исполнителя, ему нельзя было бы поручить, но онъ, именно, былъ человѣкомъ «впредь до нахожденія другого достойнаго», на него смѣло можно было положиться, что злонамѣренно, изъ корыстныхъ или другихъ побужденій, онъ не станетъ вредить порученному ему дѣлу, а будетъ вести его потихоньку, скорѣе впередъ, чѣмъ назадъ, а вѣрнѣе всего удерживать въ состояніи «неподвижности». Для Сибири, страны дикой, разоренной притомъ управленіемъ такого губернатора, какъ князь Гагаринъ, Петръ, очевидно, и считалъ нужнымъ такого правителя, какъ князь Черкасскій, который далъ бы ей возможность отдохнуть, оправиться, самой набраться силъ для дальнѣйшаго развитія. Около пяти лѣтъ Черкасскій управлялъ Сибирью, ограничивая свою дѣятельность, преимущественно, принятіемъ оборонительныхъ мѣръ противъ башкиръ и монголовъ. Наконецъ и для Сибири его управленіе стало тягостнымъ; въ 1723-мъ году бывшій въ то время главнымъ строителемъ и управляющимъ сибирскими горными заводами генералъ-маіоръ Де-Геннинъ доносилъ Петру: «Я отъ сердца сожалѣю, что ты самъ здѣсь не бывалъ и о здѣшнихъ сибирскихъ состояніяхъ не знаешь. Правда, что здѣсь губернаторъ Черкасскій, человѣкъ добрый, да не смѣлъ, а особливо въ судебныхъ и земскихъ дѣлахъ, отъ чего дѣла его неспоры, а частью болѣе народу отяготительны, и ежели его пошлешь сюда, то для своей пользы дай ему мѣшечекъ смѣлости, да судей добрыхъ, людей надворныхъ и въ городахъ управителей и въ слободахъ, да къ военнымъ дѣламъ оберъ-коменданта и для купечества совѣтника отъ коммерцъ и отъ каммеръ-коллегіи камерира, такого-жъ секретаря, безъ которыхъ ему быть не можно; а ежели ему не быть, то не худо бы такимъ добрымъ людямъ быть, какъ Матюшкинъ или Ушаковъ». Результатомъ этого письма, по мнѣнію Голикова и Терещенко, былъ указъ Сенату отъ 15-го января 1724-го года «о бытіи въ Сибири губернаторомъ вмѣсто Черкасскаго князю Михаилу Владиміровичу Долгорукому». Черкасскому 7-го мая былъ пожалованъ въ награду за его службу чинъ статскаго совѣтника. Пріѣхавъ въ Москву въ исходѣ 1724-го года, онъ заболѣлъ, и во время его болѣзни скончался Петръ Великій. Пятилѣтній періодъ царствованій Екатерины I и Петра II Черкасскій прожилъ мирно, спокойно, держась въ сторонѣ отъ придворныхъ интригъ и борьбы партій. 8-го февраля 1726-го года ему былъ пожалованъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и повелѣно присутствовать въ Сенатѣ; на слѣдующій годъ, 12-го октября, онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники; одновременно съ этимъ, 8-го марта 1727-го года, былъ назначенъ вмѣстѣ съ Остерманомъ членомъ организованной Екатериной I коммиссіи о коммерціи и принималъ дѣятельное участіе въ работахъ этой коммиссіи. На арену политической дѣятельности онъ выступилъ по кончинѣ Императора Петра II и не сходилъ съ этой арены до самой смерти.

Промежутокъ времени съ 19-го января 1730-го г. и по 25-е февраля—день про-

возглашенія Императрицы Анны Іоанновны самодержавною Императрицею—былъ періодомъ, когда Черкасскій въ первый и послѣдній разъ въ жизни попытался, при загорѣвшейся надъ бездыханнымъ тѣломъ Петра II ожесточенной борьбѣ сторонниковъ и противниковъ самодержавія въ Россіи, стоя, частью въ силу внутреннихъ побужденій, частью подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, во главѣ своей партіи, сказать «свое» слово; но и это «слово» было произнесено имъ такъ робко и нерѣшительно, что, когда ему съ его партіею пришлось примкнуть къ мнѣнію большинства, и Анна Іоанновна была провозглашена самодержавною Императрицею, его поведеніе было объяснено даже въ благопріятномъ для него смыслѣ: желаніемъ «мистифицировать» Верховный Тайный Совѣтъ, забавить его и выиграть время, чтобы дать Аннѣ Іоанновнѣ возможность обдумать планъ дѣйствій («Записки дюка де-Лиріа», 80). Роль, сыгранная имъ во всемъ дѣлѣ «воцаренія Императрицы Анны», не только не отразилась дурно ни на его служебномъ, ни на общественномъ положеніи, но помогла ему возвыситься. Современники Черкасскаго Минихъ, Манштейнъ и другіе, описывая ходъ событій съ 19-го января по 25-е февраля, выставляютъ Черкасскаго ревностнымъ поборникомъ самодержавія (въ родѣ, напр., Ѳеоѳана Прокоповича), безусловнымъ защитникомъ правъ Анны Іоанновны противъ верховниковъ, желавшихъ ограничить самодержавіе. При разсмотрѣніи, однако, оффиціальныхъ документовъ, относящихся къ тому времени, переписки пословъ иностранныхъ державъ при русскомъ дворѣ, позволяющей болѣе или менѣе детально возстановить послѣдовательный ходъ событій тѣхъ достопамятныхъ дней, истинныя стремленія и намѣренія Черкасскаго и лицъ, составлявшихъ его партію, а также положеніе, занимаемое Черкасскимъ среди другихъ дѣйствующихъ лицъ политической драмы воцаренія Анны Іоанновны, представляется нѣсколько въ иномъ свѣтѣ. 3-го февраля 1730 года, на другой день послѣ полученія членами Верховнаго Тайнаго Совѣта отъ Императрицы Анны Іоанновны, подписанныхъ ею извѣстныхъ «пунктовъ», которые должны были повлечь за собою ограниченія самодержавія, верховники созвали въ общее собраніе Сенатъ, Сvнодъ и генералитетъ, прочли письмо Анны Іоанновны, подписанные ею «пункты» и предложили желающимъ изъ собранія, въ виду выраженной воли Государыни объ измѣненіи формы правленія, изложить свои мнѣнія по этому вопросу. Тогда же князь Черкасскій среди общаго молчанія прямо задалъ вопросъ: «а какимъ же образомъ впредь то правленіе быть имѣетъ?» Князь Голицынъ на это уклончиво отвѣтилъ ему предложеніемъ: «ища общей государственной пользы и благополучія», самому написать проектъ и подать его имъ. 5-го февраля Черкасскій дѣйствительно подалъ Верховному Тайному Совѣту проектъ за подписью 249 лицъ, преимущественно изъ родовитой и чиновной знати. Проектъ этотъ составленъ былъ однимъ изъ членовъ кружка, сгруппировавшагося вокругъ Черкасскаго, умнымъ и талантливымъ В. Н. Татищевымъ и озаглавленъ «Произвольное и согласное разсужденіе собравшагося шляхетства русскаго о правленіи государственномъ»; въ немъ подробно разбирались не только переживаемыя политическія обстоятельства, но и самыя основанія государственныхъ учрежденій, вообще, дѣлалась попытка провести параллель между аристократическимъ и монархическимъ образомъ правленія въ примѣненіи къ Россіи, причемъ указывалось, что для Россіи in abstracto наилучшею формою правленія является монархія, но, говорилось въ немъ, такъ какъ Государыня Императрица есть «персона женская, то потребно нѣчто для помощи Ея Величеству учредить». Затѣмъ шло перечисленіе (въ 10 пунктахъ) цѣлаго ряда необходимыхъ реформъ въ системѣ и порядкѣ управленія, какъ то организаціи «Вышняго Правительства» изъ 21 члена, которому присваивались всѣ функціи Верховнаго Тайнаго Совѣта, «Вышняго Собранія» изъ 100 человѣкъ выборныхъ, собирающихся три раза въ годъ и въ экстренныхъ случаяхъ для завѣдыванія дѣлами внутренней экономіи, «Нижняго Правительства» изъ 30 членовъ для управленія дѣлами въ остальное время года и т. д. Вслѣдъ за проектомъ Черкасскаго стали поступать въ Верховный Тайный Совѣтъ другіе проекты отъ людей самыхъ разнооб-

разныхъ ранговъ, съ самымъ разнообразнымъ количествомъ подписей. Подъ однимъ изъ этихъ проектовъ — М. Грекова, собравшимъ наибольшее число подписей (510), подписался тоже и князь Черкасскій. Проектъ этотъ предлагалъ еще болѣе широкія реформы управленія, чѣмъ проектъ Черкасскаго.

Однако, съ обсужденіемъ этихъ проектовъ, на чемъ, напримѣръ, настаивалъ князь Черкасскій, они медлили, и это возбуждало общее неудовольствіе. Князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій и генералъ-маіоръ Л. В. Измайловъ назначены были депутатами отъ Сената и генералитета для привѣтствія Государыни при ея въѣздѣ въ село Всевятское. Такимъ образомъ, Черкасскій получилъ возможность видѣть первые же шаги Государыни при вступленіи ея въ управленіе государствомъ и сразу убѣдился, что подписанные Анною «пункты» вовсе не были выраженіемъ ея истинныхъ желаній и что на самомъ дѣлѣ она не относилась съ особымъ благоволеніемъ къ верховникамъ, избравшимъ ее и предложившимъ ей эти «пункты». Съ своей стороны Анна Іоанновна, очень хорошо встрѣтивъ депутатовъ, поспѣшила выказать Черкасскому знаки своей милости и довѣрія,—она назначила къ себѣ въ штатъ жену его княгиню Марію Юрьевну Черкасскую и сестру ея Прасковью Юрьевну Салтыкову. Все это повело къ тому, что Черкасскій порѣшилъ лучше положиться на милость Императрицы, отъ нея добиваться тѣхъ реформъ, которыя онъ и его сторонники считали необходимыми для Россіи, и открыто выступилъ противникомъ верховниковъ. Его кружокъ сдѣлался центромъ агитаціи противъ Долгорукихъ и Голицыныхъ, причемъ агитація велась преимущественно среди гвардейскихъ офицеровъ. Такъ шло дѣло до 23-го февраля, когда распространился слухъ (по нѣкоторымъ извѣстіямъ пущенный Остерманомъ), что верховники порѣшили однимъ ударомъ уничтожить своихъ противниковъ и 25-го февраля арестовать наиболѣе значительныхъ изъ нихъ—графа Головкина, Остермана, князей Черкасскаго и Барятинскаго. Тогда и противники верховниковъ стали дѣйствовать. 23-го февраля состоялись два совѣщанія двухъ разныхъ партій. Сторонники безусловнаго предоставленія Аннѣ Іоанновнѣ самодержавной власти собрались въ домѣ князя Барятинскаго на Моховой и постановили просить Анну Іоанновну о принятіи самодержавной власти, объ уничтоженіи подписанныхъ ею въ Митавѣ «кондицій», упраздненіи Верховнаго Тайнаго Совѣта и возстановленіи Сената въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ при Петрѣ Великомъ. Партія же князя Алексѣя Михайловича Черкасскаго собралась въ его домѣ на Никольской улицѣ, и здѣсь послѣ долгихъ дебатовъ, за подписью 87 лицъ, составила петицію Государынѣ, въ которой приносили ей благодарность отъ своего имени и имени своихъ «наслѣдниковъ», за то, что она выказала имъ «милость», подписавъ представленные ей Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ «пункты», но просили ея повелѣнія о созывѣ общаго собранія выборныхъ изъ всего генералитета, офицеровъ и шляхетства для обсужденія поданныхъ въ Верховный Тайный Совѣтъ проектовъ и совмѣстной выработки «по большимъ голосамъ нормы правленія государственнаго». Въ то время, какъ у Черкасскаго заканчивалось обсужденіе этой петиціи, туда пріѣхалъ Татищевъ, посланный отъ партіи князя Барятинскаго съ извѣстіемъ, что тамъ порѣшили просить Государыню о принятіи самодержавія и съ просьбой присоединиться къ нимъ. Посланнаго партія Черкасскаго встрѣтила съ неудовольствіемъ. Поднялись споры, дебаты. Наконецъ кн. Антіоху Кантемиру удалось уговорить нѣсколькихъ подписать тутъ же составленную имъ челобитную о принятіи самодержавія. Съ этой челобитной онъ поѣхалъ съ Татищевымъ къ князю Барятинскому, гдѣ собравшіеся съ нетерпѣніемъ ждали результата переговоровъ съ «партіей Черкасскаго». Привезенное Кантемиромъ прошеніе немедленно было подписано всѣми собравшимися въ домѣ князя Барятинскаго, въ числѣ 74 человѣкъ, а затѣмъ, не смотря на то, что былъ уже первый часъ ночи, все собраніе, въ полномъ составѣ, поѣхало въ домъ князя Черкасскаго, склонять его «партію» къ соглашенію. Въ результатѣ соглашеніе состоялось, и князь Черкасскій, а за нимъ и остальные подписали «прошеніе». Послѣ этого князь Кантемиръ и графъ Матвѣевъ поѣхали въ гвардейскія и ка-

валергардскія казармы и собрали здѣсь 94 подписи. Рано утромъ 25-го февраля шляхетство, генералитетъ и офицеры (по словамъ Вестфалена въ числѣ 150 человѣкъ, по указанію Лефорта—800 человѣкъ, а по Рондо—300 человѣкъ) собрались во дворцѣ и попросили аудіенціи у Императрицы. Князь Черкасскій, боясь быть арестованнымъ верховниками, по однимъ извѣстіямъ, пріѣхалъ во дворецъ лишь къ 10 часамъ утра, когда уже можно было предположить, что тамъ собрались его сторонники, по другимъ извѣстіямъ, за нимъ при началѣ аудіенціи послала сама Анна Іоанновна, и онъ до такой степени испугался, что, уѣзжая простился съ женой, какъ бы идя на вѣрную смерть (Дипломат. докум., относящ. къ исторіи Россіи XVIII ст. изъ Саксонскаго государственнаго архива). Анна Іоанновна, повелѣвъ пригласить засѣдавшихъ во дворцѣ членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта въ большую залу, сама немедленно вышла къ собравшимся. Князь Черкасскій отъ лица собранія привѣтствовалъ ее и вручилъ ей челобитную, но не ту, которая составлена была совмѣстно съ партіей Барятинскаго, а составленную его партіей о созывѣ общаго собранія всѣхъ чиновъ государства для выработки наилучшей формы правленія. Петиція эта, по повелѣнію Государыни, была прочитана вслухъ Татищевымъ и подписана Императрицею по настоянію сестры ея, герцогини Мекленбургской Екатерины Іоанновны. Между тѣмъ, сторонники самодержавія, увидѣвъ, что поданная Черкасскимъ петиція совсѣмъ не та, которую вчера составилъ Кантемиръ, а они согласились подписать, подняли шумъ и кричали: «Не хотимъ, чтобы Государынѣ предписывались законы: она должна быть такою же самодержицею, какъ были и ея предки»! Анна Іоанновна замѣтила, что и между челобитчиками существуетъ сильное разногласіе. Обратившись къ собранію она предложила ему, въ виду выраженнаго ею согласія на принятіе поданной ей челобитной, тутъ же, не выходя изъ дворца и привести свое желаніе въ исполненіе, собрать просимое ими общее собраніе чиновъ государства и обсудить, какую именно форму государственнаго управленія они считаютъ наилучшею для Россіи. Затѣмъ, пригласивъ членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта отобѣдать вмѣстѣ съ нею въ ожиданіи, пока кончится совѣщаніе челобитчиковъ, и, такимъ образомъ, почетно арестовавъ ихъ, она удалилась во внутренніе покои дворца, приказавъ находившимся въ залѣ гвардейскимъ офицерамъ слушаться генерала Салтыкова и только его одного, «такъ какъ она себя чувствуетъ здѣсь не въ безопасности». Часть собравшихся,—почти исключительно сторонники Черкасскаго, удалилась изъ аудіенцъ-залы для совѣщанія и порѣшила, по словамъ Лефорта, ограничиться поднесеніемъ Государынѣ благодарственнаго адреса за милостивое принятіе челобитной. Постановленіе это однако не имѣло никакихъ результатовъ. Салтыковъ понялъ ясный намекъ Государыни и, не дожидаясь окончанія совѣщанія удалившейся изъ аудіенцъ-залы части шляхетства, первый воскликнулъ: «Да здравствуетъ Императрица Анна Іоанновна, самодержица Всероссійская»! Крикъ его немедленно былъ подхваченъ гвардейскими офицерами, не пожелавшей принять участія въ совѣщаніи частью шляхетства, и въ общемъ составилось столь значительное большинство, что и остальная часть шляхетства, вернувшаяся въ аудіенцъ-залу послѣ совѣщанія, сочла за лучшее не противорѣчить и согласиться на поднесеніе новой челобитной о воспріятіи самодержавія, объ уничтоженіи подписанныхъ Анною Іоанновною въ Митавѣ «пунктовъ», упраздненіи Верховнаго Тайнаго Совѣта и возстановленіи Правительствующаго Сената, какъ то было учреждено при Петрѣ Великомъ. Въ четвертомъ часу пополудни Анна Іоанновна въ сопровожденіи членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта снова вышла въ аудіенцъ-залу и на этотъ разъ князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой отъ имени всѣхъ собравшихся поднесъ ей новое прошеніе, которое и было прочитано вслухъ княземъ Антіохомъ Кантемиромъ. Затѣмъ были разорваны Анною Іоанновною «пункты», а на слѣдующій день 26-го февраля составлена и утверждена Императрицей «присяга о самодержавіи». Съ провозглашеніемъ Анны Іоанновны Самодержавною Императрицею князь Черкасскій сразу занялъ выдающееся положеніе среди сановниковъ государства. Анна Іоанновна, благодарная ему за то,

что онъ въ рѣшительную минуту не сталъ открыто на сторону ея противниковъ, что при его связяхъ и богатствѣ не могло не оказать вліянія на ходъ событій, поспѣшила осыпать его знаками благоволенія: 4-го же марта, при уничтоженіи Верховнаго Тайнаго Совѣта и возстановленіи Сената, онъ былъ назначенъ однимъ изъ двадцати одного членовъ его, совмѣстно со всѣми бывшими членами Верховнаго Тайнаго Совѣта, 23-го марта онъ получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго, 30-го августа—пожалованъ кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго, 18-го марта 1731 г.—произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, причемъ ему поручено по прежнему принимать участіе въ работахъ остермановской комиссіи о коммерціи и наблюдать за правильнымъ ходомъ торговли съ Хивою и Бухарою. Видя возвышеніе Черкасскаго, передъ нимъ стали заискивать послы иностранныхъ державъ: такъ, австрійскій посолъ графъ Вратиславъ, хлопотавшій о привлеченіи Россіи на сторону Австріи, поднесъ ему 27-го іюля 1730 года отъ имени императора портретъ его, осыпанный брилліантами, цѣною около 20.000 рублей, предназначавшійся, было, сначала Остерману и отъ котораго тотъ отказался; испанскій посолъ герцогъ Де Лиріа указываетъ въ своемъ письмѣ отъ 1-го февраля 1731 г., что онъ старается привлечь на свою сторону князя Черкасскаго. Гордый такими знаками милостиваго отношенія Императрицы, приписывая ихъ личному расположенію къ себѣ Анны Іоанновны, князь Черкасскій снова попытался выступить самостоятельно на поприще на этотъ разъ уже придворной партійной борьбы, и совмѣстно съ Ягужинскимъ и Левенвольде помѣриться силами съ захватившимъ въ свои руки всѣ нити государственнаго управленія Остерманомъ. Сначала, какъ будто бы, попытка и удалась — Анна Іоанновна поколебалась въ своемъ довѣріи къ Остерману. По крайней мѣрѣ, французскій посолъ Маньянъ, 3-го августа 1730 года, предсказываетъ «скорое паденіе Остермана вслѣдствіе интригъ Черкасскаго и Ягужинскаго и замѣну Остермана Черкасскимъ», затѣмъ 28-го сентября того же года пишетъ, что Остерману до нѣкоторой степени удалось отклонить дѣйствіе «интригъ» Черкасскаго и Ягужинскаго, но далеко не уничтожить ихъ. Однако торжество Черкасскаго было непродолжительно. Произошло событіе, какъ это часто бываетъ при придворныхъ интригахъ, хотя и не имѣющее никакого политическаго значенія, но которое разрушило всѣ планы Черкасскаго, лишивъ его на нѣкоторое время расположенія Императрицы. Анна Іоанновна задумала женить своего оберъ-гофмейстера графа Левенвольде на дочери Черкасскаго; тотъ, однако, ожидавшій для своей дочери далеко не такого жениха, настолько неохотно выразилъ свое согласіе на этотъ бракъ, что самъ гр. Левенвольде устроилъ такъ, что черезъ два мѣсяца послѣ помолвки, 3-го мая 1731 года, обручальныя кольца были возвращены обратно. Императрица осталась очень недовольна такимъ окончаніемъ своего сватовства, и, въ результатѣ, Черкасскій на нѣкоторое время былъ удаленъ отъ двора. Этого было достаточно, чтобы упавшій было кредитъ Остермана снова поднялся до прежней высоты и онъ, какъ доносилъ Маньянъ своему двору, «снова сдѣлался, вмѣстѣ съ братьями Минихами, полнымъ хозяиномъ Россійской Имперіи». Черкасскій былъ и на этотъ разъ побѣжденъ. Онъ понялъ несомнѣнно, что какая бы то ни было активная роль не по силамъ ему, что онъ не способенъ быть политическимъ дѣятелемъ—и смирился. Остерманъ, съ своей стороны, не сталъ добиваться униженія своего противника, а, напротивъ, видя, что Черкасскій болѣе не опасенъ ему, ходатайствовалъ даже самъ передъ Императрицей о назначеніи Черкасскаго членомъ вновь организуемаго «для лучшаго и порядочнѣйшаго отправленія всѣхъ государственныхъ дѣлъ, къ собственному всемилостивѣйшему рѣшенію Государыни подлежащихъ» Кабинета. Анна Іоанновна согласилась и 6-го ноября 1731-го года Кабинетъ былъ организованъ въ составѣ: Остермана, канцлера Головкина и Черкасскаго. Прося о назначеніи князя Черкасскаго въ составъ Кабинета, Остерманъ, очевидно, зналъ съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло и какую роль будетъ играть Черкасскій на своемъ новомъ посту. Знали объ этомъ и другіе. «Душой вновь организованнаго верховнаго Кабинета, которому подотчетенъ Сенатъ является Остерманъ», писалъ Маньянъ въ ноябрѣ 1731

года, «канцлеръ Головкинъ мало принимаетъ участія въ дѣлахъ, Черкасскій же и въ милость то вошедшій, какъ предполагаютъ, лишь на условіи союза съ Остерманомъ—не будетъ противодѣйствовать ему». Это предсказаніе осуществилось: Черкасскій, какъ кабинетъ-министръ, все время исполнялъ пассивную роль лишь «тѣла кабинета», какъ иронически отзывались о немъ, называя «душой кабинета» — Остермана. Втеченіи царствованія Анны Іоанновны онъ неоднократно принималъ участіе въ обсужденіи важныхъ политическихъ вопросовъ: такъ, напр., онъ былъ въ составѣ комиссіи, разрабатывавшей торговый договоръ съ Англіей 1734 года; 23-го сентября 1732 г., вмѣстѣ съ Остерманомъ и братомъ Миниха, разсматривалъ проектъ союза Россіи съ Франціей, при чемъ, какъ видимъ изъ переписки Маньяна (27 апр. 1733 г) самъ Минихъ совѣтовалъ Маньяну, хлопотавшему объ этомъ союзѣ, обращаться съ французскими дѣлами къ Черкасскому, «который-де, хотя и слѣпо повинуется Остерману, но все же русскій человѣкъ; 22-го февраля 1733-го года участвовалъ въ генеральномъ собраніи, созванномъ Императрицею для обсужденія польскихъ дѣлъ; на слѣдующій годъ, 21-го декабря, въ конференціи, обсуждавшей планъ дѣйствій Россіи, Австріи и Польши въ случаѣ войны съ Турціей; 1-го марта 1739 года онъ, вмѣстѣ съ Остерманомъ, Минихомъ и Волынскимъ, подалъ Императрицѣ докладъ о планѣ военныхъ операцій предстоящей турецкой кампаніи, и Анна Іоанновна согласилась съ этимъ мнѣніемъ. На него возлагались и отвѣтственныя порученія: такъ, 7-го января 1737-го года, онъ былъ назначенъ членомъ генеральнаго суда надъ княземъ Голицынымъ. При придворныхъ пріемахъ и церемоніяхъ ему отводилось видное мѣсто: напр., 29-го декабря 1739-го г., онъ отъ имени Императрицы отвѣчалъ на привѣтственную рѣчь вновь назначеннаго французскаго посла въ Петербургѣ—Шетарди; на слѣдующій годъ, 25-го января, по случаю заключенія мира съ турками, онъ же, имѣя по правую руку фельдмаршала Миниха, а по лѣвую фельдмаршала Ласси, двухъ героевъ войны,—сказалъ Царицѣ привѣтственную рѣчь отъ имени государственныхъ чиновъ. Анна Іоанновна, съ своей стороны, постоянно выказывала ему свое благоволеніе и награждала его. Въ 1732-мъ году, 17-го февраля, ему пожалованы были мызы въ Копорскомъ уѣздѣ—Воронецкая и Высоцкая съ деревнями и крестьянами; 19-го декабря 1733-го года—мѣсто для загороднаго дома по рѣкѣ Невѣ на московской сторонѣ; 5-го марта 1734-го года ему назначено было жалованье по 6 тыс. рублей въ годъ; въ 1735-мъ году, 22-го іюля, подарена земля на Адмиралтейскомъ острову; въ 1737-мъ году, 16 го ноября, земли въ Ингерманландіи и на Выборгской сторонѣ, (при всемъ богатствѣ Черкасскаго этотъ послѣдній подарокъ былъ данъ ему «по его прошенію»), наконецъ, въ 1740-мъ году, 14-го февраля, по случаю заключенія мира съ турками, онъ получилъ бриллiантовый перстень цѣною отъ 5 до 6 тыс. рублей. При всемъ этомъ внѣшнемъ блескѣ своего положенія, онъ, какъ упоминалось выше, на самомъ дѣлѣ не игралъ никакой роли, и находился въ рукахъ «сильныхъ людей», которымъ было нужно его имя. Имѣя полную возможность, опираясь на свое богатство и знатность, вліять на ходъ дѣлъ всего государства, съ надеждою на успѣхъ составить оппозицію Бирону и предотвратить, такимъ образомъ, многія жестокости кровавой эпохи «бироновщины», онъ заискивалъ передъ Бирономъ, жена его писала Бирону льстивыя письма, называя себя его «нижайшей услужницей» и т. п Будучи равноправнымъ товарищемъ Остермана по Кабинету, онъ никогда не позволялъ себѣ настаивать на своемъ мнѣніи, когда тотъ произносилъ свое «не такъ». Сознаніе своей приниженности, обезличенности тяготило его, онъ радъ былъ бы заявить о своихъ правахъ, но на это не хватало рѣшимости, смѣлости, и онъ ограничивался тѣмъ, что брюзжалъ втихомолку, изливался, напримѣръ, вновь назначенному въ 1736-мъ году вмѣсто умершаго Ягужинскаго кабинетъ-министру Волынскому въ жалобахъ на Остермана—за его честолюбіе, на Бирона—за его злодѣйства, даже на Государыню, что она будто его мало награждаетъ, но и жалобы эти продолжались недолго: какъ только онъ замѣтилъ, что на Волынскаго косятся Остерманъ, а главное Биронъ, онъ поспѣшилъ удалиться отъ Волынскаго, какъ отъ опаснаго человѣка. Послы иностранныхъ державъ при русскомъ дворѣ

правильно оцѣнили его истинное значеніе, и въ ихъ донесеніяхъ, мы встрѣчаемъ отзывы о немъ, какъ «о лицѣ безгласномъ, представляющемъ лишь номинальную величину» (Финчъ и Рондо—Гаррингтону), какъ о манекенѣ, назначенномъ въ кабинетъ только, ради его имени и угожденія народу (Док. изъ Саксон. госуд. архива). Шетарди въ августѣ 1740-го года пишетъ, что Черкасскій, по слухамъ, не подтвердившимся впослѣдствіи, недовольный назначеніемъ новаго сослуживца послѣ Волынскаго — Бестужева, потребовалъ отставки и получилъ ее, а затѣмъ добавляетъ: «эта перемѣна не будетъ сопровождаться никакими послѣдствіями. Черкасскій никому не страшенъ, и не можетъ быть такимъ, но кѣмъ его замѣнятъ, такъ какъ трудно среди русскихъ найти подданнаго, который, подобно князю Черкасскому, совмѣщалъ бы самое знатное происхожденіе, очень большое состояніе и ограниченность, равняющуюся его покорности, качества, которыми онъ себя всегда выказывалъ очень одареннымъ». Къ концу царствованія Анны Іоанновны здоровье Черкасскаго пошатнулось: онъ былъ вообще, очень тученъ, страдалъ одышкою; леди Рондо въ своихъ «Письмахъ» еще въ 1736-мъ году такъ описывала его наружность: «фигура Черкасскаго болѣе широка, чѣмъ длинна, голова его слишкомъ велика и склоняется къ лѣвому плечу, а животъ, который также очень обширенъ, наклоняется на правый бокъ; ноги его очень коротки»... Въ апрѣлѣ 1738-го года съ нимъ случился въ присутствіи всего Двора первый апоплексическій ударъ, и отъ послѣдствій этого удара онъ уже не могъ оправиться до самой смерти. При установленіи регентства Бирона во время предсмертной болѣзни Анны Іоанновны, Черкасскій съ Бестужевымъ были наиболѣе ревностными сторонниками герцога. Черкасскій однимъ изъ первыхъ высказался за необходимость регентства, именно, Бирона на предварительномъ совѣщаніи вельможъ; онъ же особенно горячо уговаривалъ его согласиться на избраніе его, когда тотъ, видя, что регентство его уже рѣшено вельможами, сталъ разыгрывать комедію и отговариваться отъ предлагаемаго ему званія. За время трехнедѣльнаго регентства Бирона, Черкасскій еще разъ доказалъ ему свою преданность, выдавъ подполковника Пустошкина и его единомышленниковъ. Эти послѣдніе принадлежали къ партіи недовольныхъ назначеніемъ регентомъ Бирона, а не принца Брауншвейгскаго, довольно открыто высказывали свое недовольство еще 6-го октября; 21-го октября Пустошкинъ пріѣхалъ къ князю Черкасскому и, напомнивъ ему о его участіи, какъ главы партіи, въ 1730-мъ году, просилъ отъ лица своихъ единомышленниковъ взять на себя и теперь руководство движеніемъ противъ Бирона. Черкасскій, по словамъ Миниха-сына, терпѣливо выслушалъ посланнаго, похвалилъ его планъ дѣйствій и, сославшись на недосугъ, предложилъ пріѣхать для переговоровъ завтра, а самъ немедленно донесъ обо всемъ герцогу. Пустошкинъ и другіе были немедленно схвачены, начались розыски, пытки, и только вскорѣ затѣмъ послѣдовавшее низверженіе Бирона спасло отъ смерти этихъ людей, рѣшившихся такъ довѣрчиво обратиться къ Черкасскому. Черкасскій и самъ не успѣлъ пожать плодовъ своего доноса: Минихъ такъ быстро и рѣшительно привелъ въ исполненіе планъ Пустошкина, что Черкасскій, явившись, какъ ни въ чемъ не бывало черезъ три часа послѣ ареста Бирона въ засѣданіе Кабинета въ Лѣтній Дворецъ, здѣсь впервые узналъ о паденіи своего пріятеля (Финчъ). Впрочемъ, даже и роль вѣрнаго друга Бирона, которую не простили бы никому другому, не отразилась дурно на судьбѣ Черкасскаго: слишкомъ мало обращали вниманія на его взгляды, на его симпатіи и антипатіи. Минихъ, составлявшій утромъ 8-го ноября со своимъ сыномъ списокъ наградъ и назначеній, хотя, какъ видно изъ записокъ сына, и выразился о князѣ Черкасскомъ, что онъ по своему поведенію относительно Бирона заслуживаетъ скорѣе наказанія, чѣмъ награды, но все же предоставилъ ему званіе великаго канцлера, и въ этомъ званіи онъ былъ оффиціально утвержденъ Высочайшимъ указомъ 10-го ноября. Мало этого, при распредѣленіи дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію отдѣльныхъ кабинетъ-министровъ, ему вмѣстѣ съ вице-канцлеромъ графомъ Головкинымъ Именнымъ указомъ 28-го января 1741-го года поручены всѣ внутреннія дѣла, «вѣдать все то, что

касается до внутреннихъ дѣлъ по Сенату и Суноду, и о государственныхъ по Камеръ-Коллегіи сборахъ и другихъ доходахъ, о коммерціи и юстиціи», словомъ компетенціи министровъ: юстиціи, финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и оберъ-прокурора Св. Сунода. Положимъ, впослѣдствіи, при разбирательствѣ дѣла о Биронѣ, и противъ Черкасскаго было выставлено длинное обвиненіе въ 14 пунктахъ, въ которомъ ему ставилось въ вину его участіе въ избраніи Бирона регентомъ и, между прочимъ, его поступокъ съ Пустошкинымъ, но это обвиненіе не имѣло никакихъ дурныхъ послѣдствій для Черкасскаго. 24-го апрѣля 1741-го года состоялся Высочайшій манифестъ объ объявленіи прощенія во всѣхъ дѣяніяхъ Миниху, Черкасскому, Ушакову, Куракину и другимъ замѣшаннымъ въ дѣлѣ Бирона лицамъ. Что касается участія Черкасскаго въ дѣлахъ государственныхъ за время правленія Анны Леопольдовны, то можно указать, что имъ былъ подписанъ трактатъ о союзѣ съ Пруссіей, заключенный 16-го декабря 1740-го г., трактатъ оборонительнаго союза между Россіей и Англіей отъ 3-го апрѣля 1741-го года, конвенція отъ 30 мая 1741-го года между Даніей и Россіей о снабженіи кораблей, идущихъ изъ Россіи черезъ Зундъ, паспортами о грузѣ и, наконецъ, онъ же, по порученію Анны Леопольдовны, въ іюлѣ 1741-го года велъ переговоры съ турецкимъ посломъ. 8-го августа 1741-года съ нимъ случился второй апоплексическій ударъ ровно черезъ три дня послѣ того, какъ онъ торжественно участвовалъ при крещеніи новорожденной Великой Княжны Екатерины Антоновны, въ качествѣ представителя герцога Мекленбургскаго. Вступленіе на престолъ Елисаветы Петровны было радостнымъ событіемъ для Черкасскаго: Елисавета видѣла въ немъ истинно-русскаго человѣка, преданнаго ей, одного изъ немногихъ оставшихся въ живыхъ слугъ ея покойнаго отца и поспѣшила выказать ему свое довѣріе. Утромъ 25-го же ноября ему совмѣстно съ Бреверномъ и Бестужевымъ поручено было составить манифестъ о вступленіи Елисаветы на престолъ и форму присяги. Затѣмъ, по указанію Шетарди, ему было довѣрено на первыхъ порахъ управленіе всѣми дѣлами государства. 12-го декабря, по уничтоженіи Кабинета и возстановленіи Сената съ тѣмъ значеніемъ, какое онъ имѣлъ при Петрѣ Великомъ, Черкасскій вновь назначенъ сенаторомъ, причемъ ему, какъ канцлеру, передано завѣдываніе всѣми иностранными дѣлами, помощникомъ же ему назначенъ Бестужевъ-Рюминъ, получившій званіе вице-канцлера. 14-го января 1742-го года ему подаренъ каменный домъ въ Москвѣ, принадлежавшій царевнѣ Екатеринѣ Іоанновнѣ. Почувствовавъ, что ему довѣряютъ, даютъ нѣкоторую самостоятельность, Черкасскій захотѣлъ быть, хоть теперь, на склонѣ лѣтъ, настоящимъ дѣятелемъ, и съ несвойственною его лѣни ревностью принялся за выполненіе возложенныхъ на него трудныхъ обязанностей. Задача предстояла нелегкая: нужно было замѣнить Остермана, который до сихъ поръ являлся руководителемъ русской политики, нужно было установить отношенія съ Франціей, которая, наружно выказывая расположеніе къ Россіи, въ тоже время вела интриги противъ нея въ Швеціи, въ Турціи, но для этого приходилось считаться съ личными симпатіями Елисаветы, которая относилась съ большимъ расположеніемъ къ французскому послу Шетарди и съ еще бо́льшимъ къ своему лейбъ-медику Лестоку—другу Франціи; нужно было закончить начатую еще въ прошлое царствованіе войну со Швеціей, остановить завоевательныя стремленія Пруссіи, поддержать Австрію и Саксонію. Черкасскій правильно понялъ свою задачу, со всею энергіею принялся за выполненіе ея, досадуя, когда Бестужевъ пробовалъ вмѣшиваться въ его дѣйствія и желая лично докладывать обо всѣхъ дѣлахъ Императрицѣ (Нецольдъ), но, понятно, что при его старости, неповоротливости, а главное болѣзненности, это было для него почти невозможнымъ, и мы видимъ, что почти всѣ иностранные послы—и Вейчъ, и Шетарди, и Нецольдъ жалуются въ своихъ донесеніяхъ на страшную медленность въ дѣлахъ, на то, что «дѣла ведутся такъ безтолково, что, не испытавъ этихъ порядковъ на мѣстѣ, невозможно повѣрить разсказамъ о нихъ», что «половина дѣлъ совсѣмъ не докладывается Императрицѣ, а о другой она получаетъ слишкомъ поздніе свѣдѣнія». Какъ бы то ни было, Черкасскій однако менѣе чѣмъ за годъ своего управленія иностранными

дѣлами сдѣлалъ многое: онъ рѣзко сталъ въ оппозицію къ Франціи и добился того, что не только было отклонено предлагаемое ею посредничество въ шведскихъ дѣлахъ, но и престижъ Шетарди, пользовавшагося первое время послѣ вступленія Елисаветы на престолъ, какъ упомянуто выше, большимъ расположеніемъ Императрицы, почетомъ при Дворѣ (Финчъ писалъ, что, если первый поклонъ дѣлался Императрицѣ, то второй — Шетарди), подорванъ былъ настолько, что въ сентябрѣ 1742-го года онъ былъ отозванъ своимъ правительствомъ, а вмѣсто него посланъ Далліонъ. Шведская война, послѣ неудачныхъ переговоровъ съ шведскимъ посланникомъ при русскомъ Дворѣ — Нолькеномъ относительно мирныхъ условій, была продолжена до тѣхъ поръ, пока русскіе войска не заняли города Або, вытѣснивъ шведовъ изъ Финляндіи, и тогда русскіе могли уже свободно продиктовать сами условія мира, не нуждаясь ни въ чьемъ содѣйствіи. Наконецъ, благодаря Черкасскому же, достигнуто тѣсное сближеніе съ союзницей Австріи—Англіей, пересмотрѣнъ совмѣстно съ вновь назначеннымъ въ Россію англійскимъ посломъ Вейчемъ оборонительный договоръ съ Англіей отъ 3-го апрѣля 1741-го года и составленъ окончательный проектъ новаго договора, который подписанъ былъ обѣими сторонами вскорѣ послѣ смерти Черкасскаго—11-го декабря 1742 года. Лѣнивый, не энергичный Черкасскій выказалъ себя на новомъ самостоятельномъ посту, на склонѣ своихъ дней, настолько честнымъ, неподкупнымъ, а главное стойкимъ защитникомъ интересовъ Россіи, что эти достоинства признавали за нимъ не только друзья его англичане, но и политическіе противники—французы. Такъ Шетарди, покидая Россію, 11-го сентября 1742-го года, совѣтывалъ замѣстителю своему Далліону «держаться Черкасскаго, который безукоризненно честный и разумный старый русскій и притомъ пользующійся большимъ довѣріемъ Императрицы». Далліонъ, тоже 24-го сентября, признавая честность и прямоту Черкасскаго, выражаетъ только сожалѣніе, что «онъ недостаточно уменъ и образованъ, чтобы идти самостоятельно по стопамъ своихъ предшественниковъ». Въ концѣ октября, по пріѣздѣ въ Москву на торжество коронаціи Елисаветы Петровны, Черкасскій заболѣлъ жестокимъ ревматизмомъ и принужденъ былъ слечь. Елисавета Петровна милостиво сама навѣстила больного на другой же день. Вскорѣ старикъ началъ оправляться, но тутъ случилась семейная непріятность, очень тяжело повліявшая на него и подкосившая его и безъ того слабыя силы. Старикъ не вынесъ этой непріятности: 4-го ноября съ нимъ случился третій апоплексическій ударъ, и онъ скончался. Вѣсть о его смерти вызвала, какъ видно изъ донесеній Пецольда, большую радость среди приверженцевъ Франціи и встрѣчена была съ огорченіемъ англичанами. «Царица утратила въ немъ министра, къ которому относилась съ полнымъ довѣріемъ, а мы—добраго друга, стремившагося къ союзу Россіи съ Англіей», пишетъ Вейчъ по поводу его смерти. 7-го ноября Черкасскій былъ торжественно похороненъ въ Высочайшемъ присутствіи подъ Знаменской церковью Московскаго Новоспасскаго монастыря. По отзывамъ современниковъ Черкасскій былъ человѣкъ прямой и честный, но съ другой стороны чрезвычайно лѣнивый, нерѣшительный, застѣнчивый до робости и крайне мелочной, такъ, напр., Терещенко разсказываетъ, что Черкасскій однажды ночью велѣлъ разбудить тайнаго совѣтника Бреверна, служившаго въ Иностранной Коллегіи, чтобы спросить у него: большія или малыя буквы надо ему поставить въ своей подписи на отвѣтномъ письмѣ герцогу Мекленбургскому. Ко всему этому онъ отличался большою молчаливостью, такъ, что лэди Рондо въ своихъ «Письмахъ» насмѣшливо пишетъ о немъ: «я думаю, что онъ никогда не говорилъ болѣе, чѣмъ одинъ членъ знаменитаго собранія, котораго мы съ вами знаемъ по его напечатанной рѣчи... по всей вѣроятности онъ не будетъ смущать Совѣтъ своимъ краснорѣчіемъ». Въ общемъ, исторія жизни Черкасскаго какъ нельзя лучше характеризуетъ его эпоху—тяжелое время казней, кровавыхъ пытокъ и дворцовыхъ переворотовъ. Кругомъ Черкасскаго кипѣла ожесточенная борьба страстей, велись интриги, падали люди и снова со сказочною быстротою возвышались, «вчерашній кабинетъ-министръ», какъ выразился Бестужевъ-Рюминъ, при его арестованіи послѣ паденія Бирона, «завтра

становился арестантомъ», а Черкасскій все шелъ неуклонно вверхъ по лѣстницѣ почестей и наградъ, ни разу не подвергся опалѣ или немилости, и только потому, что былъ человѣкомъ малозначительнымъ, по общему признанію тѣхъ же людей, которые его возвышали, что не имѣя за собою почти никакихъ достоинствъ, кромѣ богатства и знатнаго происхожденія, онъ въ тоже время не мѣшалъ другимъ вести отчаянную борьбу между собою, душить другъ друга изъ за власти, почестей и денегъ, и спокойно плылъ по теченію, являясь покорнымъ орудіемъ въ рукахь другихъ «сильнѣйшихъ» его людей; тѣ же съ благодарностью не только не трогали его, а еще возвышали. «Нынѣ его поставятъ— на завтра постригутъ — онъ за все про все молчитъ и ничего не говоритъ»—охарактеризовалъ его Волынскій, и это-то качество составило ему карьеру, спасало его отъ всѣхъ невзгодъ въ то грустное время. Судьба тоже какъ бы благопріятствовала ему — и смерть пресѣкла его жизнь именно въ тотъ моментъ, когда совершенно независѣвшія отъ него обстоятельства могли лишить его расположенія Императрицы и повлечь за собою опалу для него.

Полное Собраніе Законовъ, т. V, 169, 180—181, 522, 534, 624, 700; т. VI, 234, 357; т. X, 198; т. XI, 359, 384, 545—546.—Барановъ, «Опись Высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ .... въ Архивѣ Прав. Сената», т. I, №№ 365, 366, 370, 371, 374, 387, 638, 797, 1450; т. II, №№ 1639, 2090, 2630, 2733, 3729, 3973, 4001, 4051, 4059, 4165, 4190, 4415, 4420, 4799, 4855, 5237, 5572, 5796, 6361; т. III, №№ 8030, 8663, 8669, 8685, 8730.—«Сборникъ Имп. Русскаго Историч. Общества», т. 3, стр. 433; т. 5, стр. 354, 366—377, 382, 384, 387, 391, 394, 408—412, 414, 419; т. 6, стр. 403, 431, 447, 448, 451, 453; т. 20, стр. 93—102, 110; т. 11, стр. 243, 246—247, 298—300, 539; т. 29, стр. 266; т. 55; т. 56; т. 61, стр. 176, 214; т. 63, стр. 167, 548, 554, 607, 616; т. 66, стр. 139, 153, 160; т. 69; т. 75, стр. 455, 503, 507, 513; т. 76, стр. 332, 335, 341, 379; т. 79; т. 80, стр. 161, 286, 289; т. 81, стр. 78, 86—88, 115, 140, 186, 200, 218, 257—258, 260, 271, 326, 455, 617; т. 84; т. 85, стр. 297, 321, 351, 367, 442, 483, 516; т. 86, стр. 98, 144, 203, 231, 497, 502; т. 91, стр. 40, 46, 48, 214, 285, 326, 344—346, 369, 481, 488, 504—507; т. 92, стр. 8, 68, 215, 314, 316, 427; т. 94; т. 96, стр. 197, 251, 311, 421, 535, 647, 657, 681; т. 99, стр. 76, 82, 84, 86—94, 99, 112, 116—117, 124, 126, 128, 165, 192, 206; т. 100, стр. 261, 281—283, 337, 363, 373, 376, 378, 383, 391, 393—394, 402, 410—415, 427; т. 101; т. 104, стр. 6, 24, 27, 32; т. 105, стр. 452; т. 106.—Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. IV, 1155, 1164—1168, 1171, 1183—1184, 1200, 1234, 1279, 1387—1389, 1423, 1505, 1508, 1617, 1618, 1621, 1625, 1628, 1634—1636; т. V, 10, 11, 23, 25, 35—36, 125, 143, 168, 175—180, 185, 215.—Голиковъ, «Дѣянія Петра Великаго», т. VI, 282, 346; т. VII, 116, т. IX, 488; т. X, 352.—Бантышъ-Каменскій, «Словарь достопамятныхъ людей русской земли», ч. V, 254—258, Москва 1836 г.—А. Терещенко, «Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи», Спб., 1837 г., ч. II, Канцлеры, стр. 50—60.—Russlands Geschichte und Politik dargestellt in der Geschichte der russischen hohen Adels, von Dr. Arthur Kleinschmidt, Cassel, 1877, 114—115.—Hermanns, Geschichte des Russischen Staats, Hamburg, 1853, V, стр. 13—14.—Бобринскій, «Дворянскіе роды, внесенные въ общій гербовникъ Россійской имперіи», ч. I, 538.—«Россійская родословная книга», кн. Петра Долгорукова, ч. II, Спб. 1855 г., стр. 36—«Памятники Сибирской исторіи XVIII ст.», кн. I и II.—Устряловъ, «Исторія царствованія Петра Великаго», т. VI, 535.—Корсаковъ, Воцареніе Императрицы Анны Іоанновны», Казань, 1880 г.—«Кашпиревъ, «Памятники новой русской исторіи», Спб. 1871 г., т. II, стр. 2, 5, 8—9, 194, 367, 370—371.—«Отечественныя Записки», 1872 г, январь, стр. 208—237, февраль, 485—516: Карновичъ, «Замыслы верховниковъ и челобитчиковъ въ 1730 году».—«Русскій Вѣстникъ», 1859 г, январь, 5—64: П. Щебальскій, «Вступленіе на престолъ Императрицы Анны».—«Утро», 1859 г., стр. 359—369. Татищевъ, «Произвольное и согласное разсужденіе собравшагося шляхетства русскаго о правленіи государственномъ».—Шубинскій, «Записки фельдмаршала графа Миниха», стр. 41—46, 62, 69—70. 76, 80, 175, 308.—«Записки графа Миниха, сына фельдмаршала», Спб. 1817 г., 45, 52, 159, 164—165, 189, 194, 207—208.—«Письма леди Рондо», подъ ред. Шубинскаго, Спб. 1874, стр. 114, 145, 201—203, 230, 243—244, уп. 176.—«Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ», 1862 г., январь—мартъ, стр. 28—149: «Дѣло о Биронѣ».—«Время», 1861 г., № 12, стр. 522—623: «Обстоятельства, подготовившія опалу Эрнста Іоанна Бирона, герцога Курляндскаго».—Отечественныя Записки, 1858 г., № 5, стр. 285—306: Шишкинъ «Событія въ С.-Петербургѣ въ 1740—1741 годахъ»; 1873 г., кн. XI, стр. 94—132: Карновичъ, «Значеніе Бироновщины въ русской исторіи».—Арсеньевъ, «Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ», т. IX, Спб. 1872 г. стр. 158—160, 195—197, 201, 232—239, 247, 308, 312—313.—Бартеневъ, «XVIII Вѣкъ», Москва 1869 г., кн. III, стр. 58, 105.—«Архивъ князя Воронцова», кн. I, 104, 119, 188, 192—197, 199, 202, 215, 217—218, 223, 227, 248, 252—253, 257, 280, 329, 355.—Петровъ, «Исторія Санктъ-Петербурга», стр. 132, 143, 169, 273, 331, 402, 448.—«Русскій Вѣстникъ», 1861 г., т. 33.—«Русская Старина», 1870 г., т. II, стр. 47—58, 104.—«Русскій Архивъ», 1866, стр. 1—38.—«Русскій Біографическій Словарь», т. II, стр. 773—777. («Бестужевъ—Рюминъ»).—«Сборникъ въ пользу воскресныхъ школъ», Москва, 1894 г.: Милюковъ, «Попытка государственной реформы при воцареніи Императрицы Анны Іоанновны», стр. 210—276.

Н. Н. Павловъ—Сильванскій.

Черкасскій, *князь Борисъ Канбулатовичъ*, двоюродный братъ жены Іоанна Грознаго, царицы Марьи Темрюковны, бояринъ и воевода московскій конца XVI вѣка. Онъ былъ сыномъ кабардинскаго князя Канбулата и до крещенія въ православную вѣру носилъ имя Хорошай-мурза; повидимому, уже въ зрѣломъ возрастѣ онъ выѣхалъ въ Россію на службу къ царю Іоанну Грозному и, по всей вѣроятности, въ самомъ началѣ 80-тыхъ годовъ XVI вѣка, такъ какъ его имя встрѣчается впервые только въ 7091-мъ году, но сразу уже онъ показанъ на очень важномъ посту: вмѣстѣ съ кн. Ѳ. Шестуновымъ онъ былъ посланъ осенью 1582-го года, а вѣрнѣе въ началѣ 1583-го года первымъ воеводою большого полку въ Новгородъ для отраженія шведовъ, собиравшихся напасть на русскія владѣнія подъ начальствомъ знаменитаго графа Делагарди. Къ тому же времени слѣдуетъ отнести и крещеніе Хорошая-мурзы въ православную вѣру, съ именемъ Бориса; во всякомъ случаѣ оно совершилось передъ отправленіемъ его въ Новгородъ.

Въ Новгородѣ князю Борису Канбулатовичу пришлось пробыть недолго, такъ какъ Царь вступилъ съ Делагарди въ переговоры, кончившіеся въ маѣ 1583 года заключеніемъ перемирія, сначала только на два мѣсяца, а потомъ на три года. Съ 29-го апрѣля 1585-го года князь Черкасскій и Иванъ-Колодка Дмитріевичъ Плещеевъ были воеводами большого полку на «береговой» службѣ въ Серпуховѣ для охраны русскихъ предѣловъ отъ вторженій крымскихъ татаръ и ногайскихъ шаекъ; осенью 1585-го года князь Борисъ Канбулатовичъ былъ отпущенъ къ Москвѣ, а 5-го мая 1586-го года опять былъ отправленъ туда же на службу, гдѣ и пробылъ, вѣроятно, до осени 1586-го года. Должно быть, въ виду обостренія отношеній къ Швеціи, Царь, 10-го августа 1589-го года, отправилъ князя Бориса Канбулатовича въ Новгородъ первымъ воеводой большого полку собранныхъ и собиравшихся тамъ войскъ. Однако, когда въ январѣ 1590-го года начались военныя дѣйствія противъ шведовъ, первымъ воеводою большого полку былъ назначенъ кн. Ѳед. Мстиславскій, а князь Черкасскій даже совсѣмъ не упоминается ни на одномъ изъ воеводскихъ мѣстъ, соотвѣтствовавшихъ знатности его породы и его служебному положенію. Въ 1591-мъ году, весною, кн. Борисъ Канбулатовичъ былъ посланъ на обычную «береговую» службу въ Тулу первымъ воеводой большого полку. Когда, въ концѣ іюня этого года, на Москвѣ стало извѣстно, что крымскій ханъ Казы-Гирей съ 150.000 татаръ ворвался въ русскіе предѣлы, то всѣмъ «береговымъ» воеводамъ, въ томъ числѣ и князю Б. Черкасскому велѣно было итти въ сходъ къ князю Ѳедору Ивановичу Мстиславскому, въ Серпуховъ; но вскорѣ пришла вѣсть, что ханъ идетъ прямо на Москву, и потому воеводамъ приказано было спѣшить на защиту столицы.

Въ войскѣ князя Ѳ. П. Мстиславскаго кн. Борисъ Канбулатовичъ пришелъ къ Москвѣ первымъ воеводою сторожевого полку и сталъ у Данилова монастыря. 5-го іюля крымцы бѣжали, не дождавшись рѣшительной битвы, и князь Борисъ преслѣдовалъ ихъ со своимъ полкомъ до Серпухова; послѣ того онъ остался, повидимому, дослуживать свою службу «на берегу», которая обыкновенно оканчивалась осенью; въ Серпуховъ привезъ ему стольникъ Иванъ Юрьевъ и царскую награду—золотой корабельникъ. Крымцы, несмотря на неудачу вторженія, продолжали сильно тревожить границы Московскаго государства, что дало князю Борису Канбулатовичу возможность проявить значительныя энергію и искусство въ ратномъ дѣлѣ.

Въ бояре князь Б. К. Черкасскій былъ пожалованъ въ 1592-мъ году и первый разъ въ этомъ чинѣ указанъ подъ 14 іюня за столомъ у Государя въ Грановитой палатѣ по случаю крестинъ царевны Ѳеодосіи Ѳедоровны.

Изъ послѣдующей его дѣятельности извѣстно очень немного фактовъ. 22-го мая 1597-го г. бояринъ кн. Б. К. Черкасскій сидѣлъ среди бояръ «въ большой лавкѣ», во время пріема цесарскаго посла бургграфа Авраама Донавскаго (zu Dohna) въ Большой Грановитой палатѣ.

Воцареніе Бориса Годунова не принесло въ началѣ никакихъ перемѣнъ въ положеніи князя Бориса, тѣмъ болѣе, что и онъ находился среди собора, упрашивавшаго Годунова вступить на осиротѣвшій престолъ Московскаго государства.

Со 2-го мая до конца іюня 1598-го года, когда царь Борисъ лично выступилъ съ

войскомъ въ походъ противъ крымскаго хана Казы-Гирея, князь Борисъ Канбулатовичъ вмѣстѣ съ другими знатнѣйшими боярами, оставался при царицѣ и царевичѣ вѣдать Москву, при чемъ имя его поставлено на четвертомъ мѣстѣ; на случай осады Государь указалъ ему быть первымъ воеводой въ Новокаменномъ городѣ, на большомъ посадѣ, отъ Неглинной по Яузу и по Москву-рѣку.

Совершенно неизвѣстно, за что царь Борисъ опалился на князя Бориса Канбулатовича.

Правда, одно уже то обстоятельство, что князь Борисъ былъ женатъ на сестрѣ боярина Ѳедора Никитича Романова, Марѳѣ Никитичнѣ, способно было возбудить подозрительность Бориса Годунова. Но есть нѣкоторые намеки въ источникахъ на то, что князь Борисъ, если не самъ игралъ какую-то роль въ козняхъ противъ Годунова, то, по крайней мѣрѣ, смотрѣлъ сквозь пальцы на то, что дѣлалось въ его домѣ не въ угоду Царю. Въ «благодатномъ» домѣ князя Бориса Канбулатовича часто бывалъ Григорій Отрепьевъ «и отъ сына его князя Ивана Борисовича честь пріобрѣталъ». Необходимо предположить, что Отрепьевъ часто приходилъ въ этотъ домъ не только для того, чтобы пользоваться гостепріимствомъ хозяевъ, а, гораздо вѣроятнѣе, для того, чтобы встрѣчать тамъ людей, которые или ему были нужны или въ немъ нуждались. Князь Борисъ Черкасскій былъ схваченъ одновременно съ Романовыми по обвиненію въ намѣреніи извести Государя; сынъ его князь Иванъ Борисовичъ также былъ посаженъ въ тюрьму. Несмотря на свои заслуги, болѣзнь и пожилой возрастъ, князь Борисъ былъ на ряду съ остальными подвергнутъ пыткѣ. Однако, повидимому, ни самъ онъ, ни другіе не дали на слѣдствіи никакихъ особенно компрометтирующихъ его показаній. Болѣе полугода просидѣлъ князь въ тюрьмѣ, на цѣпи и въ желѣзахъ, пока, наконецъ, въ 1600-мъ году не былъ сосланъ вмѣстѣ съ женой, дочерью и нѣкоторыми родственниками жены на Бѣлоозеро; всѣ его богатыя вотчины и помѣстья, и даже движимое имущество были отписаны на Государя. Князь Борисъ умеръ на Бѣлоозерѣ въ апрѣлѣ (кажется, 25-го числа) 1601-го года; причиной смерти его считали тюремную «тѣсноту и нужду», къ которымъ слѣдуетъ еще присоединить и давнишнюю его болѣзнь—подагру. Въ 1606-мъ году, по приказанію Лжедимитрія I, прахъ Черкасскаго былъ перенесенъ въ Московскій Новоспасскій монастырь.

Кромѣ сына Ивана, у князя Бориса было еще двѣ дочери Ирина и Ксенія; Ирина была замужемъ за бояриномъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ, а Ксенія—за Иваномъ Дмитріевичемъ Колычевымъ.

Долгоруковъ, П., кн., «Россійская Родословная Книга», ч. II, стр. 41.—Валуевъ, Д., «Синбирскій Сборникъ», 1845 г., стр. 83, 88, 92, 108, 112, 114, 120, 125, 135, 136.—«Древняя Россійская Вивліоѳика», изд. II, ч. XIV, стр. 435, 467, 480; т. XX, стр. 61, 71. — Карамзинъ, «Исторія Государства Россійск.», изд. Эйнерлинга, т. X, пр. 147, 273, 315; т. XI, стр. 10, 60, 61, 73; пр. 151, 156.—Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. «Обществ. Пользы», кн. II, стр. 734. — «Акты, собранные Археографической Экспедиціей», т. II, стр. 42; т. III, стр. 227.—«Собраніе государств. грамотъ и договоровъ», т. II, стр. 322.—«Сказаніе и повѣсть еже содѣяся въ царствующемъ градѣ Москвѣ и о растригѣ Гришкѣ Отрепьевѣ»... въ «Чтеніяхъ Общ. Исторіи и Древн. Россійск.», за 1847 г., № 9, стр. 4. — «Сборникъ матеріаловъ по исторіи предковъ Царя Михаила Ѳедоровича Романова. Родословная рода Захарьиныхъ-Юрьевыхъ-Романовыхъ, по матеріаламъ И. П. Сахарова, провѣренн. и дополн. Н. Н. Селифонтовымъ», ч. II, Спб. 1898, стр. 90—92.

В. Бенешевичъ.

Черкасскій, *князь Василій Кордануковичъ* (также Кордануговичъ и Казыкардануковичъ, по прозвищу Коза), бояринъ и воевода. Онъ былъ родомъ изъ Кабарды (отчего и названъ иногда въ памятникахъ Кабардинскимъ-Черкасскимъ); отецъ его приходился двоюроднымъ братомъ женѣ Іоанна Грознаго, царицѣ Марьѣ Темрюковнѣ, а самъ онъ приходился племянникомъ князю Борису Канбулатовичу Черкасскому (а не двоюроднымъ братомъ, какъ ошибочно утверждаетъ Карамзинъ въ т. X, пр. 147) и двоюроднымъ братомъ князьямъ Ивану Борисовичу и Якову Куденетовичу Черкасскимъ. Можно думать, что Казы-мурза (какъ до крещенія назывался кн. Василій Кордануковичъ) переселился въ Россію и крестился въ православную вѣру, приблизительно, во второй половинѣ или даже подъ конецъ царствованія Грознаго. Хотя обстоятельства жизни князя Василія Кордануковича совершенно неизвѣстны вплоть до 1582-го года, но въ пользу высказаннаго предположенія, кажется, говоритъ то, что въ

1582-мъ году мы сразу встрѣчаемъ его на видномъ мѣстѣ — первымъ «воеводой правой руки» въ московскомъ войскѣ, сосредоточенномъ въ Новгородѣ противъ шведовъ; однако, ни объ участіи его въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ непріятеля, ни даже о продолжительности его пребыванія въ войскѣ никакихъ свѣдѣній не сохранилось. 23-го ноября 1585-го года, Государь указалъ князю Василію Кордануковичу быть вторымъ воеводою лѣвой руки войскъ, но только въ томъ случаѣ, если бы шведскіе послы не «добили челомъ» Государю и московскимъ войскамъ пришлось открыть военныя дѣйствія противъ шведовъ; а такъ какъ до войны дѣло не дошло, то, и назначеніе это было отмѣнено. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ князю Василію Кордануковичу пришлось служить на берегу, охраняя русскую границу отъ набѣговъ крымцевъ и ногайцевъ. Онъ былъ посланъ туда 5-го мая 1586-го года и вторично 21-го мая 1587-го года, каждый разъ воеводой передового полку; весной 1588-го года онъ былъ отправленъ туда первымъ воеводой сторожевого полку, а 15-го апрѣля 1589-го года—въ Каширу первымъ воеводой лѣвой руки.

По возвращеніи, осенью 1589-го года, въ Москву, князь Черкасскій уже въ январѣ 1590-го года долженъ былъ вмѣстѣ съ Царемъ выступить въ качествѣ перваго воеводы ерта ульнаго полка въ походъ противъ шведовъ, окончившійся въ февралѣ того же года, вслѣдствіе перемирія со шведами.

Во время нашествія крымцевъ въ 1591-мъ году, князь Черкасскій былъ посланъ къ Тулѣ первымъ воеводою передового полку. Съ 1592-го по 1599-й годъ онъ несъ службу на берегу противъ крымскихъ и ногайскихъ татаръ, то первымъ воеводой лѣвой руки, то вторымъ воеводой большого полку, то вторымъ воеводой передового полку, то воеводой большого полку. Изрѣдка имя его попадается въ это время и среди участниковъ придворныхъ торжествъ на Москвѣ: 22-го мая 1597-го года на пріемѣ цесарскаго посла бургграфа Авраама Донавскаго онъ стоялъ вмѣстѣ съ другими дворянами въ Золотой Грановитой палатѣ. Съ осени 1599-го года до начала 1602-го года князь Василій Кордануковичъ былъ отпущенъ къ Москвѣ; 19-го августа 1599-го года онъ былъ у Государя на обѣдѣ въ честь шведскаго королевича Густава; 18-го октября 1601-го года былъ въ отвѣтѣ съ датскимъ посломъ, а съ апрѣля до осени 1602-го года и въ 1603-мъ году находился въ Мценскѣ воеводою большого полку. 28-го же сентября 1602-го года встрѣчалъ вмѣстѣ съ другими боярами датскаго королевича Іоганна, во время торжественнаго пріема у Царя. 1-го сентября 1604-го года Государь назначилъ князя воеводою въ Смоленскъ, гдѣ онъ упоминается на службѣ и въ февралѣ 1605-го года. Царь Борисъ пожаловалъ князю Василію Кордануковичу въ 1600-мъ году село Песочню, Рязанскаго уѣзда, можетъ быть, еще за то, что въ 1598-мъ году князь своимъ участіемъ въ соборѣ, призывавшемъ Годунова на царство, доказалъ ему свою преданность. Гдѣ былъ князь во время кратковременнаго правленія и ужасной смерти царя Ѳеодора Борисовича, неизвѣстно. Лжедимитрій I въ своемъ проектѣ государственной рады, 1605-го года, опредѣлилъ князю мѣсто въ свѣтскомъ совѣтѣ, среди перваго класса бояръ. Повидимому, князь былъ однимъ изъ дѣятельныхъ сторонниковъ Самозванца: сохранилось извѣстіе, что въ 1606-мъ году по государеву, царскому и великаго князя Димитрія Ивановича указу «бояринъ князь Василій Кордануковичъ, да князь Андрей Васильевичъ Хилковъ да дьякъ Иванъ Тимоѳеевъ верстали на Тулѣ царскимъ жалованьемъ, помѣстными оклады и деньгами, епифанцевъ, дѣтей боярскихъ и новиковъ служилыхъ и неслужилыхъ». Кажется, что вступленіе на престолъ царя Василія Шуйскаго заставило князя Черкасскаго оставить службу и удалиться изъ Москвы въ свои помѣстья, такъ какъ въ 1607-мъ году имя его упоминается среди именъ другихъ бояръ, взятыхъ при самозванцѣ Петрушкѣ по разнымъ городамъ и убитыхъ его приверженцами. Кн. Василій Кордануковичъ былъ женатъ съ 1590 года на дочери боярина кн. Ѳеодора Ивановича Мстиславскаго.

Акты Археогр. Экспедиціи, II, 42.—Акты Московскаго государства, изд. подъ ред. Н. Попова, т. I, Спб. 1897, 64, 78.—Барсуковъ, А., Родъ Шереметевыхъ, I, 453; II, 73, 227—228.—Кн. П. Долгоруковъ, Росс. Родословная Книга, II, 38.—Собраніе Госуд. Грамотъ и Договоровъ, II, 208.—Древн.

Росс. Вивліоѳика, изд. 2-ое, ч. XIV, 435, 491—492, 495.—Синбирскій Сборникъ, Д. Валуева, стр. 83, 92, 93, 96, 102, 107, 109, 117, 125, 127, 128, 130, 133, 135, 141, 145, 148, 150, 151, 152.—Акты Историческіе, II, № 53.—Карамзинъ, Исторія Госуд. Росс. (изд. Эйнерлинга), т. X, пр. 99, 147, 273, 315; XI, 22, 48; XII, 34, прим. 47.—Русская лѣтопись по Никоновск. списку, ч. VIII, 85.

В. Бенешевичъ.

Черкасскій, *князь Владиміръ Александровичъ,* потомокъ князя Михаила Алегуковича (см. ниже) и праправнукъ князя Александра Андреевича (см. выше) Черкасскихъ. Онъ родился 2-го февраля 1824 года въ Чернскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, отъ князя Александра Александровича Черкасскаго и рано лишился отца. Мать, его Варвара Семеновна, рожденная Окунева, занимавшаяся его воспитаніемъ, поручила его обученіе извѣстному профессору Московскаго Университета Бодянскому, который и готовилъ князя В. А. къ вступительному экзамену въ Московскій Университетъ въ 1840-мъ году. Направленіе Бодянскаго повліяло на характеръ занятій князя. Русская исторія была тогда любимымъ предметомъ большинства дѣльныхъ студентовъ. Бодянскій считалъ князя Черкасскаго лучшимъ своимъ ученикомъ, пріучилъ его къ чтенію, обратилъ къ Карамзину, послѣ котораго Черкасскій перешелъ къ трудамъ Погодина и Бѣляева; впослѣдствіи князь неоднократно заявлялъ, что изъ замѣчательнаго труда Бѣляева «Крестьяне на Руси» онъ почерпнулъ самыя точныя и обстоятельныя свѣдѣнія о русской общинѣ.

Князь, какъ видно изъ найденныхъ уже послѣ его смерти бумагъ, будучи студентомъ, занимался историческими изслѣдованіями и готовилъ сочиненіе на заданную по юридическому факультету тему, для полученія золотой медали «Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія въ Россіи, до отмѣны Юрьева дня».

Изслѣдованіе князя Черкасскаго очень разрослось; онъ успѣлъ окончить только историческую небольшую часть и довелъ свой трудъ до изложенія указа Шуйскаго 9-го марта 1607-го года. Окончивъ курсъ Университета, въ 1844-мъ году, со степенью кандидата, князь намѣревался держать экзаменъ на степень магистра и занять каѳедру исторіи Русскаго права. Съ этою цѣлію онъ готовилъ диссертацію «*Юрьевъ день*», — о подвижности народонаселенія въ древней Россіи. Это изслѣдованіе указываетъ на трудолюбивое изученіе предмета и свѣтлыя мысли, которыми отличались и впослѣдствіи работы князя.

Но отъ намѣренія посвятить себя ученому поприщу князь Черкасскій отказался, по совѣту опытнаго и уважаемаго имъ лица, старавшагося направить его къ государственной службѣ. По своему уму и образованію князь могъ бы себѣ составить блистательную карьеру. Но подобное честолюбіе не плѣняло его, вѣроятно, и въ это время, замѣчаетъ Аксаковъ: «честолюбіе князя Черкасскаго было нѣсколько иного разряда; честолюбіе — силы себя сознающей и ищущей развернуться во всю свою ширь».

Черкасскій не поступилъ на дѣйствительную службу, а жилъ большею частью въ деревнѣ, въ Тульской губерніи, и изучалъ положеніе крестьянъ. Около 1847-го года онъ устроилъ кружокъ изъ нѣсколькихъ образованныхъ помѣщиковъ для разработки вопроса объ уничтоженіи крѣпостного состоянія; кружокъ этотъ, однако, былъ закрытъ по распоряженію правительства въ 1848-мъ году.

Въ это время Черкасскій сблизился съ представителями Славянофильства: Хомяковымъ, Аксаковымъ и др., но не былъ завлеченъ въ область славянщины, какъ говорилъ самъ Черкасскій, по совершенному туману, облекавшему эту сферу и не заманчивому для живаго государственнаго ума. Всего болѣе онъ сблизился съ Кирѣевскимъ, причемъ точкою сближенія былъ европеизмъ. Князь горячо изучалъ западныхъ политиковъ: Токвилля, Монталамбера и другихъ, и за шахматами (въ которые князь любилъ играть до послѣдней минуты жизни) они оба выражали *участіе* (но не сочувствіе) къ интересамъ западной европейской жизни. Тоже направленіе, но болѣе литературное, сблизило его съ матерью Кирѣевскаго, А. П. Елагиною, — живымъ центромъ всѣхъ поэтическихъ и литературныхъ преданій блестящаго періода нашей европейсствовавшей словесности. Гостинная Елагиной включала въ сороковыхъ годахъ все лучшее изъ Московскаго общества, все умное, ученое, образованное, литературное: тутъ собирались Соболевскій, Чаадаевъ, Грановскій, Аксаковъ, Самаринъ и другіе. Въ это

время, въ 1851-мъ году, князь Черкасскій помѣстилъ въ извѣстномъ славянофильскомъ журналѣ «Русская Бесѣда» нѣсколько интересныхъ статей, какъ то:—обозрѣніе политическихъ событій въ Европѣ за 1850-й годъ; о сочиненіяхъ Монталамбера и Токвилля; два слова по поводу восточнаго вопроса; о православной церкви въ Австріи и Турціи и т. д. Эти статьи обратили на него вниманіе, какъ на виднаго публициста.

Къ этому періоду относится женитьба князя Черкасскаго. Въ высшемъ кругу Московскаго общества того времени, семейство Васильчиковыхъ выдавалось большою образованностью, патріархальною строгостью семейныхъ началъ, глубокою религіозностью, богатствомъ и благоустройствомъ дома и т. п. Въ этомъ семействѣ было двѣ дочери: одна, Анна Алексѣевна, вышедшая замужъ за графа П. Т. Баранова, а другая, Екатерина Алексѣевна,—за В. А. Черкасскаго. Свадьба происходила въ подмосковномъ имѣніи Васильчиковыхъ, Подольскаго уѣзда, въ сельской церкви, въ самомъ тѣсномъ кругу родныхъ. Черкасскій сталъ теперь близокъ на практикѣ къ сельскому хозяйству и удивлялъ въ ту пору всѣхъ малымъ знакомствомъ съ простѣйшими элементами и мелкими отличіями нашего крестьянскаго, деревенскаго быта. Но князь не пропускалъ случая пополнить этотъ пробѣлъ. Послѣ женитьбы онъ часто объѣзжалъ обширныя имѣнія своей супруги въ разныхъ мѣстахъ Россіи, сближался практически съ нашими крестьянами и опытомъ дѣйствительной жизни дополнялъ свои основные на нихъ взгляды, почерпнутые изъ ученыхъ изслѣдованій, такъ что князь могъ съ полнымъ успѣхомъ принять участіе въ выступившемъ въ то время крестьянскомъ вопросѣ. Въ это время князь, хотя все еще въ маленькихъ чинахъ, является въ рядахъ знати, не только по роду, но и по положенію, видною особою, вліятельнымъ лицемъ, любимымъ гостемъ общества. Колкій, блестящій умъ, бойкій споръ, остроумная находчивость и всѣмъ доступная любезность обращенія очаровывали всѣхъ, вездѣ гдѣ бы онъ ни появлялся. Онъ читалъ массу книгъ, долго за полночь, преимущественно французскихъ и нѣмецкихъ; вставалъ около 12 часовъ, углублялся въ газеты, дѣлалъ визиты и очень много сидѣлъ, чѣмъ повредилъ свое здоровье.

Въ концѣ 1857-го года разрѣшено было образовать въ губерніяхъ комитеты для обсужденія способовъ къ освобожденію крестьянъ или, какъ говорили тогда, къ улучшенію быта крестьянъ. Въ эти комитеты надлежало выбрать по два представителя отъ дворянъ каждаго уѣзда въ губерніи. На означенныхъ выборахъ въ Тульской губерніи шла упорная борьба между двумя партіями: одна изъ нихъ хотѣла освободить крестьянъ безъ земли, а другая, съ Черкасскимъ во главѣ,—съ землею. Видя, что съ Черкасскимъ бороться трудно, возымѣли мысль удалить его изъ собранія, сдѣлавъ ему непріятность, (подробности этого дѣла изложены въ воспоминаніяхъ Раевской, Рус. Арх. 1896, т. I, ст. 226 и слѣд.), послѣдствіемъ которой былъ вызовъ на дуэль со стороны обидѣвшихся словами князя. Самая дуэль однако, не состоялась, ибо вызывавшіе не хотѣли подчиниться общеустановленнымъ правиламъ всякой дуэли, и все дѣло ограничилось письменными объясненіями. Черкасскій, въ чинѣ коллежскаго секретаря, былъ назначенъ членомъ отъ правительства въ образованный въ то время въ г. Тулѣ губернскій комитетъ по устройству быта крестьянъ, вмѣстѣ съ П. Ѳ. Самаринымъ, а послѣ того участвовалъ въ предварительныхъ работахъ Редакціонной Комиссіи въ Петербургѣ и въ засѣданіяхъ оной. Онъ усердно посѣщалъ засѣданія Комиссіи, участвовалъ въ происходившихъ преніяхъ, и написалъ не мало докладовъ по весьма важнымъ вопросамъ, разсматривавшимся этою Комиссіею, какъ то: объ основаніяхъ и размѣрѣ поземельнаго надѣла крестьянъ, объ угодьяхъ поступающихъ въ надѣлъ крестьянъ и о замѣнѣ однихъ угодій другими, объ отводѣ надѣла и обмѣнѣ земель, о правѣ пользованія крестьянъ отводимымъ надѣломъ, а также о сельской расправѣ или управѣ, о крестьянскомъ судѣ (составленный Н. П. Семеновымъ и окончательно обработанный Черкасскимъ). Кромѣ того ему, вмѣстѣ съ Соловьевымъ, поручено было предъявлять въ засѣданіяхъ Комиссіи краткія свѣдѣнія о занятіяхъ по хозяйственному отдѣленію, въ которомъ онъ былъ членомъ.

Князь горячо стоялъ за освобожденіе крестьянъ съ землею, за выкупъ кресть-

янами ихъ усадьбъ, за снабженіе крестьянъ лѣсомъ для топлива (см. недавно изданную княгинею Трубецкою переписку кн. Черкасскаго съ Самаринымъ, Кошелевымъ, Аксаковымъ и пр.). Князь Черкасскій былъ противъ увеличенія оброковъ, гдѣ таковые платились до 1861-го года и т. д. При обсужденіи вопросовъ объ общественномъ управленіи крестьянъ Черкасскій горячо доказывалъ, что не должно придумывать ничего искусственнаго тамъ, гдѣ находится уже готовая, такъ сказать, точка исхода для составленія положенія объ административномъ устройствѣ крестьянъ. Онъ находилъ, что *приходъ* есть уже естественный и исторически образовавшійся пунктъ средоточія сельской жизни. Сохраняя круговую поруку, князь Черкасскій находилъ, что нельзя не предоставить сходу права удалять вредныхъ людей отъ участія въ дѣлахъ. Сходъ же самый нельзя устраивать изъ однихъ выборныхъ, которые обыкновенно бываютъ равнодушны къ нуждамъ и требованіямъ членовъ общества. Равнымъ образомъ, онъ полагалъ устроить и особый крестьянскій судъ при сельской управѣ, на первое время, изъ стариковъ среди крестьянъ, предоставивъ уже времени образованіе такого суда, который будетъ ближе всего удовлетворять обычаямъ и народнымъ потребностямъ. Вообще, Черкасскій находилъ невозможнымъ заранѣе опредѣлить закономъ каждый случай въ жизни. Онъ только старался прежде всего оградить, сколь возможно, общество крестьянъ отъ всякаго самоуправства и насилія бюрократіи. Поэтому онъ полагалъ, что никакая полиція и ни въ какомъ видѣ не должна имѣть соприкосновенія къ составу управленія, въ которомъ назначенія должностныхъ лицъ предоставляются выбору общества и т. д.

Во время занятій въ Редакціонной Коммиссіи, Черкасскій сошелся съ Ю. Ѳ. Самаринымъ и Н. А. Милютинымъ, которымъ онъ впослѣдствіи призванъ былъ для осуществленія различныхъ преобразованій въ губерніяхъ Царства Польскаго. Позднѣе, когда все дѣло объ освобожденіи крестьянъ поступило на разсмотрѣніе особаго Главнаго Комитета подъ предсѣдательствомъ Я. И. Ростовцова, сей послѣдній выбралъ въ члены Комитета Черкасскаго, вмѣстѣ съ Самаринымъ, Галаганомъ и другими лицами, направленіе коихъ выяснилось въ работахъ по губернскимъ комитетамъ. Ростовцовъ подпалъ совершенно вліянію Черкасскаго, какъ объ этомъ говорили въ то время (см. Записки Милютиной, Рус. Стар., т. 98, ст. 123). Находясь въ Петербургѣ, Черкасскій бывалъ у фрейлины Вел. Кн. Елены Павловны, баронессы Э. Ѳ. Раденъ, у которой стекались многія умственныя силы петербургскаго общества и оттуда, подъ ея покровительствомъ, проникали въ сферу Великой Княгини. Онъ также участвовалъ на обѣдѣ, 10 февраля 1861 года, данномъ въ честь экономиста де-Молинари, посѣтившаго тогда Петербургъ, и произнесъ рѣчь, въ которой высказалъ, что какъ ни высоко слѣдуетъ ставить здравыя начала націи, тѣмъ не менѣе въ жизни практической невозможно не дѣлать уступокъ современнымъ требованіямъ общества. Разумныя уступки должно дѣлать и ихъ всегда дѣлаютъ, какъ экономисты, такъ и государственные люди, серіозно желающіе торжества истины и блага человѣчества. Эти вполнѣ справедливыя слова вызвали длинную филиппику въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (1860 годъ, № 2, «Современная лѣтопись»), въ которой видимо не хотѣли понять истиннаго смысла словъ Черкасскаго. По утвержденіи крестьянскихъ положеній и ихъ обнародованіи 19-го февраля 1861 года, Черкасскій поспѣшилъ на практическое примѣненіе своей работы къ жизни, въ качествѣ мироваго посредника роднаго Веневскаго уѣзда. При этомъ онъ сказалъ своимъ сотоварищамъ, Мировымъ Посредникамъ, рѣчь, въ которой напомнилъ имъ, что долгъ ихъ — полное безпристрастіе, полная правда въ отношеніи къ обоимъ сословіямъ; что они обязаны оберегать начало собственности, соблюдая законъ, вести крестьянство по пути развитія безъ насилія, пріобрѣтать любовь общества, безъ которой Мировые Посредники не укоренятся въ общественномъ сознаніи. Этими словами и опредѣляется вполнѣ дѣятельность самаго Черкасскаго, которая и была тотъ же часъ оцѣнена, какъ крестьянами, такъ и помѣщиками, и прежняя къ нему вражда дворянства была оставлена. Это была лучшая эпоха въ жизни князя Черкасскаго. Но вскорѣ онъ былъ призванъ на другое поприще.

Вспыхнувшій въ Польшѣ мятежъ побудилъ правительство заняться кореннымъ

преобразованіемъ этого края, которое поручено было Н. А. Милютину. Онъ пригласилъ къ себѣ теперь прежнихъ своихъ сотрудниковъ по крестьянскому дѣлу въ Имперіи, Самарина и Черкасскаго. Подготовившись въ короткій промежутокъ, сколько можно, князь все, что зналъ о русскомъ крестьянинѣ, дополнилъ изученіемъ польскаго народа, его исторіи и литературы; онъ тщательно прочелъ не одно серіозное сочиненіе о Польшѣ, въ особенности на иностранныхъ языкахъ. Впослѣдствіи эта подготовка князя проявилась во многихъ составленныхъ имъ запискахъ по разнымъ предметамъ, касавшимся внутренняго быта страны (какъ напр., по вопросу о введеніи русскаго языка въ католическомъ богослуженіи, по вопросу о евреяхъ и ихъ положеніи вообще, о школѣ и обученіи евреевъ, о распространеніи между ними русскаго языка и т. д.) Вмѣстѣ съ Черкасскимъ отправилось въ Польшу не мало знакомыхъ ему лицъ, для новой дѣятельности по освобожденію крестьянъ и судебной реформѣ. Объѣхавъ, вмѣстѣ съ Самаринымъ и Милютинымъ, всѣ губерніи Царства Польскаго, Черкасскій вмѣстѣ съ ними принялся за составленіе извѣстныхъ указовъ 19 февраля (2 марта) 1864 года, которые опредѣляли устройство крестьянъ въ губерніяхъ бывшаго Царства Польскаго, устройство сельскихъ гминъ, а также Ликвидаціонной Комиссіи для выкупа земель, и самый порядокъ приведенія въ дѣйствіе новыхъ о крестьянахъ постановленій. Предъ вступленіемъ въ управленіе Комиссіею Внутреннихъ Дѣлъ, князь Черкасскій въ 1864-мъ году произнесъ въ Варшавѣ рѣчь, въ которой высказалъ, что отъ служащихъ въ вѣдомствѣ Комиссіи требуется безусловная преданность правительству, строгое соблюденіе присяги, служба честная и безкорыстная. Цѣль служенія — водвореніе въ обществѣ полнаго спокойствія и тишины, прочное умиротвореніе края, тщательное изученіе его истинныхъ потребностей, матеріальныхъ и нравственныхъ, заботливое врачеваніе ранъ, нанесенныхъ краю мятежомъ, открытіе новыхъ источниковъ благосостоянія во всѣхъ живыхъ силахъ народа, необходимо твердо и хладнокровно идти по пути, указанному Императоромъ въ указахъ 19 февраля (2 марта) 1864 года, и избѣгать при этомъ всякихъ крайностей.

Въ упомянутыхъ выше указахъ было уже выражено, что земли, состоявшія въ пользованіи крестьянъ, въ имѣніяхъ принадлежащихъ частнымъ лицамъ и казнѣ, поступаютъ въ полную собственность крестьянъ; что крестьяне освобождаются навсегда отъ всѣхъ, безъ исключенія, повинностей, которыми были обложены въ пользу владѣльцевъ имѣній; владѣльцы же имѣній получаютъ отъ казны вознагражденіе за упраздняемыя повинности изъ источниковъ Ликвидаціонной Комиссіи, причемъ были указаны и основанія, на коихъ землевладѣльцы будутъ вознаграждены особыми кредитными бумагами. Но примѣненіе всего этого на дѣлѣ вызвало рядъ инструкцій и разъясненій, изданныхъ учредительнымъ комитетомъ (членомъ котораго былъ и Черкасскій), — какъ это видно изъ обширнаго сборника узаконеній и правительственныхъ распоряженій по крестьянскому дѣлу въ губерніяхъ Царства Польскаго съ 19 го февраля 1864 г. по 21-е августа 1871 г., какъ то: инструкціи объ открытіи выборовъ и новаго гминнаго управленія, о порядкѣ разбора дѣлъ о поземельныхъ правахъ въ Царствѣ Польскомъ, о распредѣленіи дѣлъ между комиссарами и комиссіями по крестьянскимъ дѣламъ, о порядкѣ составленія ликвидаціонныхъ проектовъ, о составленіи и утвержденіи данныхъ для крестьянъ и т. д. Кромѣ того оказалось необходимымъ расширить кругъ дѣйствій указовъ 1864-го года, примѣнивъ ихъ къ *поселянамъ*, ничѣмъ не отличавшимся отъ крестьянъ въ губерніяхъ Царства Польскаго. Выработаны были, удостоившіяся Высочайшаго утвержденія, положенія о поземельныхъ правахъ поселянъ разныхъ именованій, о правахъ на землю и угодья: поселянъ въ имѣніяхъ «поржондовыхъ», иностранныхъ поселенцевъ въ Царствѣ, мѣщанъ-рольниковъ, а также старообрядцевъ.

Ближайшія изслѣдованія обнаружили, кромѣ того, что во многихъ городахъ Царства удержались еще *доминіальныя* (вотчинныя) отношенія, возникшія еще въ прежніе вѣка и несоотвѣтствовавшія болѣе понятіямъ и потребностямъ времени. Жители этихъ городовъ были обложены въ пользу владѣльцевъ оныхъ разными платежами и повинностями, препятство-

вавшими развитію городской жизни. При этомъ оказалось еще, что въ числѣ 452 городовъ Царства весьма много такихъ поселеній, которыя, хотя и называются городами, однако, по незначительному числу жителей, малому развитію въ нихъ промышленности и незначительности городскихъ доходовъ не имѣютъ въ настоящее время значенія городовъ, къ числу которыхъ они были причислены въ прежнее время, единственно на томъ основаніи, что по законамъ той эпохи только въ городахъ дозволялось производить торговлю и ремесла.

Вслѣдствіе этого, еще въ 1866-мъ году, 20-го октября, состоялось положеніе объ упраздненіи вотчинныхъ отношеній въ городахъ Царства Польскаго, а немного позднѣе (1-го іюля 1869 г.)—указъ объ уменьшеніи числа городовъ въ Царствѣ. Одновременно разрабатывалось положеніе о новомъ устройствѣ подымной и соединенной съ нею шарварковой (подводной) подати въ городахъ и селеніяхъ, и о дворскомъ поземельномъ налогѣ. Всѣ вводимыя преобразованія порождали массу жалобъ и прошеній всякаго рода, для разбора которыхъ была образована особая комиссія (въ которой участвовалъ и Черкасскій), закрытая въ 1865-мъ году съ образованіемъ центральной комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ. Изъ всего выше изложеннаго видно, что крестьянское дѣло въ Царствѣ Польскомъ одно уже могло заполнить собою всю дѣятельность одного лица. Между тѣмъ, Черкасскій, занимая въ Варшавѣ должность члена учредительнаго комитета и главнаго директора Правительственной Комиссіи Внутреннихъ и Духовныхъ Дѣлъ, былъ въ то же время главнымъ дѣятелемъ по введенію и другихъ коренныхъ реформъ въ краѣ, къ числу которыхъ относятся: закрытіе римско-католическихъ монастырей въ Царствѣ Польскомъ (1864 г.), которые или принимали участіе въ мятежѣ или не имѣли узаконеннаго Тридентскимъ Соборомъ числа (8) монашествующихъ; отмѣна патронатства или ктиторства (14 іюня 1864 г.) польскихъ помѣщиковъ надъ уніатскими приходами; упраздненіе базиліанскихъ монастырей (22-го ноября 1866 г.),—этихъ разсадниковъ католицизма среди уніатскаго населенія; преобразованіе греко-уніатскихъ учебныхъ заведеній; улучшеніе быта уніатскихъ священниковъ; возстановленіе православнаго восточнаго богослуженія, произвольно искаженнаго въ уніатскихъ церквахъ; назначеніе въ составъ управленія духовными и, въ частности, уніатскими дѣлами лицъ русскаго происхожденія (11-го и 17-го іюля 1864 года); устройство свѣтскаго римскаго духовенства, причемъ всѣ имущества и капиталы духовенства поступили въ полное вѣдѣніе и распоряженіе казны. Во время разгара мятежа изданы были инструкціи о постройкѣ и исправленіи церквей и другихъ церковно-приходскихъ строеній въ римско-католическихъ и греко-уніатскихъ приходахъ. За тѣмъ были изданы мѣры противъ совращенія уніатовъ въ латинство,—мѣры очень подробныя. (Нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ приводились въ исполненіе уже по выходѣ князя Черкасскаго въ отставку, подъ главнымъ руководствомъ и высшимъ наблюденіемъ графа Д. А. Толстого, который въ званіи Министра Народнаго Просвѣщенія и вмѣстѣ Оберъ-Прокурора Св. Синода сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ высшее завѣдываніе дѣлами бывшихъ греко-уніатовъ Холмской Руси). Задача возрожденія народа и Православной Церкви, по мнѣнію князя Черкасскаго, находилась въ зависимости отъ возрожденія всѣхъ народныхъ силъ и отъ развитія сознанія въ направленіи обще-русскомъ. Онъ направилъ главныя свои заботы на массы народа и смотрѣлъ на духовенство только, какъ на одинъ изъ важныхъ органовъ въ этихъ заботахъ. При этомъ князь никогда не забѣгалъ впередъ, не бросался на мелочи, хотя бы и бьющія въ глаза всѣмъ, и пренебрегалъ скороспѣлыми плодами. Онъ тѣсно соединялъ заботы о духовенствѣ съ заботами о народѣ, и только въ этомъ соединеніи видѣлъ залогъ прочности задуманнаго дѣла и его полное значеніе для государства. Необходимо припомнить, что еще до вступленія своего въ управленіе духовными дѣлами въ Царствѣ, князь Черкасскій, въ виду предстоявшаго ему назначенія, тщательно изучалъ и уяснялъ себѣ, совмѣстно съ Н. А. Милютинымъ, все относящееся къ духовнымъ дѣламъ Царства Польскаго и намѣчалъ предстоявшія ему задачи Существеннѣйшая часть этихъ трудовъ напечатана въ

1864-мъ году подъ заглавіемъ «Предположенія и матеріалы по устройству Духовной части въ Царствѣ Польскомъ», гдѣ помѣщены всѣ изслѣдованія и данныя по каждому вопросу. Кромѣ того, чтобы не упустить ни малѣйшей подробности, князь приглашалъ каждаго болѣе или менѣе знакомаго съ положеніемъ дѣлъ на мѣстѣ, сообщать ему нужныя свѣдѣнія или изложить свою мысль; на этотъ зовъ откликнулись весьма многіе. Онъ обращалъ особенное вниманіе на тѣхъ лицъ изъ уніатскаго духовенства, которыя принадлежали къ русской націи и въ различное время противудѣйствовали сближенію уніи съ латинствомъ; на тѣхъ которые въ виду гибели, угрожавшей во время мятежа, греко-уніатской церкви и русской народности, умоляли намѣстниковъ Царства въ 1863-мъ году о защитѣ греко-уніатскаго исповѣданія и русской народности уніатовъ; на тѣхъ, которые жаловались на дѣйствія подляшскаго католическаго епископа Шиманскаго, враждебнаго Уніи. Черкасскій являлся защитникомъ и покровителемъ той части холмскихъ уніатовъ, которая была расположена къ русскому правительству и сохраняла черты русской народности. Заботамъ князя Черкасскаго надо приписать все то, что Учредительный Комитетъ и Правительственная Комиссія Народнаго Просвѣщенія сдѣлали въ пользу греко-уніатскихъ учебныхъ заведеній. Онъ вдохновлялъ учебное вѣдомство (главнымъ директоромъ былъ Ѳ. Ѳ. Витте) и направлялъ его на истинно русскій путь; въ иныхъ случаяхъ непосредственно руководилъ этимъ вѣдомствомъ. Такъ устройство русскихъ гимназій для уніатовъ и женскаго пятиклассного училища въ Холмѣ—обязаны почину князя.

Въ тоже время князь Черкасскій слѣдилъ за дѣйствіями новаго епископа холмскаго Каминскаго и за епархіальнымъ управленіемъ. Каминскій, по настоянію князя Черкасскаго, хотя и сдѣлалъ нѣсколько важныхъ представленій о введеніи въ епархіи новаго строя и порядка, но тѣмъ не менѣе велъ тайныя интриги противъ Черкасскаго, распространялъ ложные слухи о намѣреніяхъ русскаго правительства и противодѣйствовалъ всему насколько могъ. Каминскій былъ, наконецъ, удаленъ. Въ 1866-мъ г., 11-го мая, изданъ былъ намѣстникамъ указъ, который имѣлъ въ виду обуздать посягательства католическихъ ксендзовъ на уніатскую церковь опредѣленіемъ неизбѣжныхъ взысканій за всякое съ ихъ стороны участіе въ совращеніяхъ уніатовъ въ латинство.

Сверхъ всего этого, Черкасскимъ учреждено особое управленіе работами по постройкѣ и починкѣ церквей греко-уніатскихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, была предположена постепенная постройка православныхъ церквей въ краѣ.

Всѣ эти мѣры вызвали походъ озлобленной ненависти противъ Черкасскаго не только въ польской средѣ, но и въ Австріи (ибо онъ завелъ живыя сношенія съ Галиціею и съ живущими тамъ русскими уніатами) и даже въ самой Россіи, такъ какъ переходъ его изъ мировыхъ посредниковъ прямо почти въ министры представлялся чѣмъ то необычайнымъ, съ чѣмъ не могла помириться обыкновенная посредственность. Всѣ вооружились противъ Черкасскаго, который при Милютинѣ могъ еще дѣйствовать и бороться, но параличъ, постигшій Милютина въ 1866-мъ году, побудилъ Черкасскаго оставить служеніе въ Польшѣ. Пріѣхавъ въ Петербургъ, навѣстить больнаго Милютина и разъяснить свое положеніе, Черкасскій узналъ, что управленіе канцеляріею по дѣламъ Царства Польскаго возложено на Набокова. Черкасскій выразилъ настоятельно свое желаніе оставить службу въ Царствѣ Польскомъ, хотя Государь Александръ II желалъ, чтобы онъ остался по прежнему главнымъ директоромъ духовныхъ и внутреннихъ дѣлъ въ Царствѣ (Русск. Старина 1895 г., № 2). Этимъ отказомъ Черкасскій сдѣлалъ себя невозможнымъ для государственной службы на будущее время.

Уѣзжая изъ Варшавы, князь Черкасскій оставилъ такое количество личныхъ, одному ему свойственныхъ, политическихъ соображеній, плановъ, проектовъ въ глубокую даль, что долго и долго преемники его будутъ ихъ перебирать, удивляясь его уму, таланту, недоумѣвая гдѣ взять новыхъ силъ и дѣятелей на ихъ выполненіе.

Уѣхавъ изъ Варшавы, Черкасскій очутился въ Москвѣ подъ сѣнью хоругви св. Кирилла и Меѳодія, гдѣ разъяснялъ поль-

скій вопросъ собравшимся тогда въ Москву славянамъ, на первый всеславянскій съѣздъ 1867 года, участвовалъ на торжествахъ, бывшихъ по этому поводу и т. д. Князь предполагалъ отдохнуть и набраться новыхъ силъ, а пока посѣщалъ гостиныя, собранія, бесѣды, выставки, клубы, засѣданія ученыхъ обществъ (Естествознанія, Сельскаго хозяйства и, особенно, Общества Любителей Словесности, которое очень любилъ); онъ помогалъ и усердно хлопоталъ объ устройствѣ общества народнаго пѣнія и былъ однимъ изъ первыхъ его учредителей. Старая любовь къ обильному чтенію по вечерамъ и ночамъ опять проявилась въ немъ, но онъ долженъ былъ вѣчно дѣйствовать, какъ бы ни скромна была эта рабочая дѣятельность. Такая дѣятельность ему скоро и представилась.

По словамъ Муханова (Русск. Арх. 1897, т. I, ст. 96) министръ Зеленый въ 1870 г. представилъ Черкасскаго себѣ въ товарищи министра, но Государь Императоръ предпочелъ ему князя Оболенскаго. Черкасскій былъ вскорѣ избранъ въ Москвѣ городскимъ головою. Но эта дѣятельность была не по немъ; хозяинъ онъ былъ плохой. По свидѣтельству служившихъ съ нимъ, онъ много тратилъ времени на мелочи, не хотѣлъ спокойно махнуть рукою и предоставить подлежащую администрацію своему теченію; онъ вдавался въ разбирательство ея и регламентацію, дробилъ свой талантъ на мелкіе вопросы, вступалъ въ пренія съ мелкими чиновниками и наемными служителями, доказывая имъ ихъ ограниченность и непониманіе дѣла; это порождало обиды, неудовольствіе, жалобы на притѣсненія, дерзости и т. д. Вскорѣ онъ сдѣлалъ ошибку, принявъ участіе въ поданномъ тогда адресѣ, въ которомъ московская дума, принося Государю благодарность за призывъ всѣхъ сословій къ отбыванію воинской повинности, ходатайствовала о дарованіи сословіямъ правъ политическихъ. Этотъ адресъ былъ возвращенъ при выговорѣ, что и заставило князя сложить съ себя званіе головы и окончательно закрыло ему пути къ высшимъ постамъ въ администраціи.

Тяжело было видѣть Черкасскаго, осужденнаго на жизнь частнаго человѣка, но еще томительнѣе было ему самому. Онъ пытался разсѣяться путешествіемъ по Европѣ.

Между тѣмъ, тщательно разработанное въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, положеніе о городскомъ общественномъ управленіи передано было Государственнымъ Совѣтомъ въ особую Комиссію подъ предсѣдательствомъ Главноуправляющаго II Отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи князя Урусова, гдѣ это положеніе было пересмотрѣно съ участіемъ приглашенныхъ экспертовъ и городскихъ головъ, въ числѣ коихъ былъ и князь Черкасскій. За тѣмъ это Положеніе вновь поступило въ Государственный Совѣтъ, гдѣ къ разсмотрѣнію его въ засѣданіяхъ 15 и 16 апрѣля 1870 года былъ также приглашенъ князь Черкасскій. Когда онъ былъ частнымъ человѣкомъ, къ нему по временамъ обращались изъ правительственныхъ сферъ по тому или другому вопросу. Такъ, въ 1870-мъ году правительство наше было озабочено вопросомъ: слѣдуетъ ли принять мѣры и какія именно по ограниченію дробленія поземельной собственности крестьянъ, и Главноуправляющій бывшаго II Отд. С. Е. И. В. Канцеляріи князь Урусовъ, проэктировавъ правила въ этомъ отношеніи, пожелалъ знать и мнѣніе князя Черкасскаго по этому предмету. Князь отвѣтилъ, 1 августа 1870 года, на это длиннымъ письмомъ, въ которомъ выразилъ, что изданіе новаго закона, имѣющаго опредѣлить низшій размѣръ дробленія крестьянской собственности, представляетъ много трудностей. Слѣдуетъ прежде всего правительству обезпечить успѣхъ предстоящаго преобразованія—общиннаго владѣнія земли въ подворное—всѣми отъ него зависящими мѣрами. Прежде, чѣмъ думать объ установленіи недробимости крестьянской подворной собственности, необходимо предварительно создать эту самую собственность изъ нынѣшняго общиннаго владѣнія.

Князь при этомъ, однако, полагалъ, что не должно быть безучастнымъ къ вопросу о дробленіи крестьянской поземельной собственности. «Должно, не издавая закона, содѣйствовать, естественнымъ и непринудительнымъ для крестьянина путемъ, простому, по мѣрѣ возможности, сохраненію въ крестьянскомъ быту болѣе или менѣе крупной единицы, какова бы ни

была эта единица, общинная, подворная или семейная, — ибо возможнымъ сохраненіемъ каждой изъ таковыхъ единицъ въ крестьянскомъ быту достигается болѣе или менѣе близко, та главная цѣль неизмельчанія крестьянской поземельной собственности, которую законодатель имѣетъ нынѣ въ виду». Подобная случайная дѣятельность, конечно, не удовлетворяла князя.

Въ это время онъ предпринялъ опять путешествіе за-границу, во время котораго обогнулъ моремъ Балканскій полуостровъ, посѣтилъ Царьградъ, Крымъ и остался въ восторгѣ отъ величаваго вида всемірно-историческаго Босфора, о которомъ Черкасскій и писалъ Самарину изъ Флоренціи: «Я не знаю прекраснѣе и назидательнѣе зрѣлища для русскаго человѣка. Стыдно кататься каждый годъ отъ скуки по опошленнымъ Швейцаріямъ, Енгадинамъ и не заглянуть въ Крымъ, Черное море, Босфоръ», а потомъ далѣе прибавляетъ: «Какъ бы то ни было я убѣдился и ежедневно убѣждаюсь болѣе и болѣе, что я для свѣта отяжелѣлъ, что въ мірѣ людская память меня покинула, даже въ кругу моихъ прежнихъ *присныхъ;* что самъ я утратилъ способность и случай сближенія съ болѣе молодымъ поколѣніемъ. Остается примириться съ этимъ положеніемъ, научиться оставаться чуждымъ тому движенію — разумному или неразумному, которое совершается вокругъ тебя и доживать свой вѣкъ, какъ можно скорѣе».

Затѣмъ въ 1876-мъ году, въ Парижѣ, онъ принялся писать исторію крестьянскаго преобразованія въ Россіи, но написалъ только начало и, при томъ, весьма немного,—онъ дошелъ только до занятій Редакціонной Коммиссіи. Между тѣмъ, ему не суждено было оставаться чуждымъ тому движенію, которое начало совершаться опять вокругъ него. Онъ очутился лицомъ къ лицу съ восточнымъ вопросомъ, которымъ и ранѣе занимался, какъ это видно по его статьямъ. Послѣдовалъ манифестъ 12-го апрѣля 1877-го года; русскія войска двинулись за Дунай. Князь Черкасскій не счелъ возможнымъ оставаться въ сторонѣ. Онъ выразилъ военному министру (Д. А. Милютину) желаніе быть при госпиталяхъ армін, и Милютинъ содѣйствовалъ его назначенію въ качествѣ уполномоченнаго при дѣйствующей арміи отъ Центральнаго Управленія Общества Краснаго Креста. Кромѣ того, Милютинъ сообщилъ ему о предположеніи сдѣлать его также завѣдующимъ гражданскою частью вновь занимаемаго края. Черкасскій поѣхалъ въ Петербургъ, чтобы ознакомиться съ новою предстоящею ему дѣятельностью. Для Общества Краснаго Креста Черкасскій былъ человѣкомъ совершенно новымъ и неизвѣстнымъ; никто не предполагалъ, что онъ займетъ должность, на которую было не мало желающихъ въ Петербургѣ. Къ нему отнеслись съ недовѣріемъ и нерасположеніемъ, и не оказывали необходимаго содѣйствія. Въ министерствахъ также не оказалось матеріаловъ по предстоявшему управленію краемъ, который должно было еще завоевать. Черкасскаго приняли холодно; онъ видѣлъ шаткость своего положенія; все откладывали его отъѣздъ въ дѣйствующую армію, гдѣ были также противъ него. Находили, что мѣропріятія по устройству Болгаріи не совмѣстимы съ веденіемъ военныхъ дѣйствій; что несвоевременно даже ихъ обсуждать, не завоевавъ края и т. д. Прибывъ въ Кишиневъ, гдѣ находилась главная квартира Главнокомандующаго, князь Черкасскій прежде всего позаботился о переводѣ на русскій языкъ самыхъ существенныхъ законовъ, которыми управлялась Болгарія, чтобы имѣть возможность дать надлежащія руководства для временнаго управленія постепенно занимаемыми нами областями. Съ появленіемъ нашихъ войскъ турецкія власти и все турецкое населеніе поголовно бѣжало; приходилось и завѣдывать страною, и охранять оставшихся турокъ отъ насилія болгаръ. Черкасскій предполагалъ по окончаніи войны это временное управленіе замѣнить другимъ, полнымъ гражданскимъ устройствомъ, на началахъ, взятыхъ изъ жизни народа, а пока было необходимо вводить какое нибудь гражданское управленіе потому, что военное управленіе съ отходомъ войскъ упразднялось само собою и наступала неурядица. Воспользовавшись существовавшими при турецкомъ владычествѣ порядками, князь Черкасскій далъ широкій просторъ самоуправленію городскому, сельскому и земскому, примѣнилъ ихъ къ потребностямъ болгарской автономіи. При этомъ всякая ненужная бю-

рократическая ломка была отстранена. Такъ, сохранено было прежнее дѣленіе страны на округи и санджаки (губерніи), и ихъ взаимныя границы. Но административно-полицейская власть въ округахъ и санджакахъ была, на первое время, въ рукахъ русскихъ должностныхъ лицъ, изъ военныхъ, причемъ имъ даны помощники изъ мѣстныхъ жителей; административный персоналъ изъ болгаръ долженъ былъ подготовиться по мысли Черкасскаго въ два года. Полицейская стража была учреждена изъ мѣстныхъ жителей. Во избѣжаніе кровопролитныхъ стычекъ между злобствующими частями населенія рѣшено было произвести обезоруженіе вообще, но Черкасскій выражалъ, что должно подвергнуть обезоруженію одно мусульманское населеніе, столько разъ злоупотреблявшее своимъ оружіемъ. На дѣлѣ же оказалось, что надлежало охранять оставшихся турокъ отъ *мщенія болгаръ.* Образовали особыя свободныя болгарскія партіи вооруженныхъ (четы) для наблюденія за порядкомъ. Но эти то четы именно и рѣзали и грабили турокъ. Тогда, 8-го августа 1877 года, разрѣшили учредить, по усмотрѣнію губернаторовъ, караулы изъ болѣе достаточныхъ жителей. Не предрѣшая вопроса о той или другой формѣ суда въ будущемъ, были сохранены прежніе судебные совѣты (меджлиссы), причемъ въ виду исключительныхъ обстоятельствъ военнаго времени, губернаторамъ (мутесарифамъ) предоставлено было изъ производства мѣстныхъ судовъ изъять всякое дѣло, коль скоро это будетъ признано необходимымъ для поддержанія въ краѣ порядка и спокойствія. Возстановлены были дѣйствія прежнихъ окружныхъ казначействъ и таможенъ (гдѣ таковыя были), при чемъ составлены правила о казначействахъ по образу русскихъ. Система налоговъ, бывшая при турецкомъ владычествѣ, была сохранена, но только отмѣнена поголовная и исключительно съ христіанъ подать, подъ названіемъ *бебель*, за освобожденіе отъ военной службы; измѣненъ порядокъ взиманія податей съ десятины; ненавистная населенію отдача податей на откупъ была отмѣнена. Въ Зимницѣ, 20-го іюня, было Высочайше утверждено основаніе для финансоваго управленія Болгаріею. Князь обратилъ вниманіе на изученіе земледѣльческихъ кассъ, собралъ любопытные матеріалы о нихъ и хотѣлъ дать имъ широкое развитіе. Изданы были временныя правила о подводной повинности населенія и устроены для почтовой гоньбы почтовыя станціи, числомъ 21 съ 230 лошадьми, нанятыми въ нѣмецкихъ колоніяхъ около Одессы; вмѣстѣ съ тѣмъ устроены почтовые тракты по тремъ линіямъ изъ Систова въ Плевну, въ Ени-Загру и Габрово.

Временное управленіе не касалось духовной и учебной части.

Война чрезвычайно затянулась; пришлось вести трудную осеннюю и зимнюю кампанію, стоять подъ Плевною, на высотахъ Шипки и т. д. Это въ свою очередь неизбѣжно дало совсѣмъ другое направленіе неутомимой дѣятельности князя Черкасскаго; ему пришлось заниматься *не законоположеніями гражданскаго устройства* княжества Болгарскаго, но *мѣрами къ возможному уменьшенію бѣдствій войны;* ему пришлось заботиться о больныхъ и раненыхъ (количество которыхъ доходило до громадныхъ размѣровъ) и еще о спасеніи и пріютѣ многихъ сотенъ тысячъ мирныхъ жителей Болгаріи, раззоренныхъ, оставшихся безъ крова, безъ пищи и даже безъ одежды при наступленіи суровой зимы.

Для помощи болгарскимъ *бѣженцамъ* князь Черкасскій составилъ комиссію и послалъ изъ Тырнова по разнымъ направленіямъ въ горы для оказанія помощи нуждающимся. Онъ предложилъ также губернаторамъ размѣщать безпріютныхъ по домамъ ушедшихъ турокъ, выдавать пособія, преимущественно, натурою, отдавать безвозмездно поля съ хлѣбомъ, оставленныя турками, сдавать для заработка всѣ натуральныя работы (какъ то починки дорогъ, кошеніе травы и хлѣба и пр.) Во всѣхъ городахъ открыты комитеты для болгаръ; всему населенію способному къ труду указаны работы; старики и дѣти собраны въ пріюты; а для женщинъ организованы мастерскія.

Помимо этого, князь Черкасскій потрудился по дѣлу образованія запасовъ для продовольствія арміи. Въ дни побѣдъ не обращали вниманія на тучныя поля и нивы, не полагая, что онѣ могутъ пригодиться во время военныхъ дѣйствій осенью и зимою. Черкасскій еще въ Тырновѣ предлагалъ охранять поля и воспользоваться этими средствами края для продовольствія

арміи, которое, какъ извѣстно, было отдано, по особому договору, товариществу Горвицъ и Коганъ, оказавшемуся, впослѣдствіи, несостоятельнымъ. Подъ Плевной выяснилось, что предстоитъ зимовать въ Болгаріи; тогда нашли возможнымъ воспользоваться предложеніемъ Черкасскаго и рѣшили образовать путемъ реквизиціи, за деньги, запасы хлѣба и фуража для арміи. Всѣ запасы должны были поступать въ вѣдѣніе интендантства. Равнымъ образомъ, оказался недостатокъ въ подводахъ для перевозки тяжестей и Черкасскій предлагалъ обратить на это турецкій скотъ, покинутый владѣльцами. Сперва не приняли его предложенія, а потомъ просили его же образовать транспортъ, хотя бы изъ тысячи подводъ. Подобнаго рода мѣры Черкасскаго возбуждали, однако, противъ него неудовольствіе лицъ, заинтересованныхъ въ дѣлахъ интендантства. Къ нимъ понемногу примыкали и другія лица и въ томъ числѣ даже многіе болгары, мечтавшіе о предстоящей имъ политической дѣятельности.

На основаніи данной инструкціи, на Черкасскаго возлагалось также дѣятельное содѣйствіе военному начальству въ образованіи болгарскихъ дружинъ (ополченіе) и, вообще, мѣстной военной силы, на которую по выходѣ русскихъ войскъ могло бы быть возложено охраненіе края. Черкасскій немедленно приступилъ къ образованію ополченія, при чемъ матеріаломъ для этого служили бывшіе добровольцы сербской арміи и болгарскіе выходцы; кадры же и офицеры назначались изъ русскихъ войскъ. Правила для формированія этого болгарскаго ополченія были утверждены 5 апрѣля 1877 года, а съ небольшимъ чрезъ мѣсяцъ, 16 мая, уже насчитывалось шесть дружинъ ополченія (болѣе 1.000 человѣкъ въ каждой), которыя перешли Дунай.

Скоро появились неудобства отъ полнаго отсутствія почтъ и телеграфовъ на пространствѣ отъ Дуная до Балканъ. Черкасскій успѣлъ организовать почтовое дѣло, по возможности по русскому образцу, при содѣйствіи полеваго штаба. Помимо этого, гражданское управленіе въ то же время заботилось о возможныхъ удобствахъ арміи и о предоставленіи войскамъ возможности наилегчайшимъ способомъ пріобрѣтать для себя все необходимое.

Но всѣ эти распоряженія и представленія князя Черкасскаго не снискали ему благорасположенія главной квартиры, занятой въ то время исключительно мыслію овладѣть Плевною. Напротивъ того, ему давали понять, что тяготятся его представленіями и выказывали замѣтное охлажденіе къ нему. Это не оставалось безъ вліянія на характеръ и здоровье Черкасскаго. Къ тому же онъ начиналъ недомогать и предполагалъ ѣхать въ Москву, куда звала его престарѣлая мать его, 90 лѣтъ отъ роду, желавшая передъ смертью еще разъ съ нимъ повидаться. Но обстоятельства измѣнились послѣ взятія Плевны, 28 ноября. Князь не думалъ проситься объ увольненіи въ отпускъ въ Москву, а вслѣдъ за побѣдоносным шествіемъ нашихъ войскъ самъ совершилъ, 1 января 1878 г., переходъ черезъ Балканы. Дорога была ужасная. Князь почти все время шелъ пѣшкомъ, поддерживая бодрость другихъ, но утомился и шепнулъ на ухо сосѣду «какъ бы хорошо было быть теперь дома, у себя, въ Чернышевскомъ переулкѣ». Утро князь провелъ въ Шейновѣ, а потомъ поѣхалъ въ Казанлыкъ, по страшной дорогѣ; ежеминутно попадались глазамъ картины раззоренія и смерти, трупы людей и животныхъ, бѣглецы и т. д. Достигнувъ Германлы, князь и его спутники сѣли въ вагоны, и пріѣхали въ Адріанополь, откуда князь Черкасскій писалъ 15 января своей семьѣ, а затѣмъ, въ виду предстоящаго заключенія мира, усиленно занимался дѣлами по гражданскому управленію краемъ, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ его помощниковъ уѣхалъ въ Петербургъ. «Дѣла — гибель, не успѣваешь за нимъ; истомился страшно, состарился и похудѣлъ. Думаю, когда то Господь сжалится надо мною и дастъ мнѣ увидѣть свою семью и свой домъ», писалъ онъ брату своему, 31 января. Это были послѣднія скорбныя его строки. Онъ заболѣлъ еще въ Тырновѣ маларіею, но не обратилъ должнаго вниманія на болѣзнь, которая обострилась въ Адріанополѣ до того, что врачи совѣтывали ему отдохнуть и лѣчиться, но Черкасскій пренебрегъ этими совѣтами.

2 февраля ему исполнилось 54 года; князь чувствовалъ себя дурно, но превозмогалъ себя и лежа занимался дѣлами. 7-го февраля, по утру, было не хуже; къ нему являлись съ разными докладами; онъ усталъ и около 4-хъ часовъ заснулъ. По-

томъ мысли стали путаться. Докторъ Обермиллеръ созвалъ консиліумъ; одни говорили — апоплексическій ударъ;—другіе — злокачественная болгарская лихорадка. Но всѣ доктора рѣшили единогласно, что нуженъ полный отдыхъ, что необходимо переѣхать въ какой нибудь приморскій городъ, гдѣ вдали отъ дѣлъ князь поправился бы.

Но князь объявилъ, что поѣдетъ въ Санъ-Стефано. «Я долженъ видѣть Великаго Князя; отъ этого зависитъ участь Болгаріи; послѣ этого свиданія буду самымъ послушнымъ паціентомъ». Князь везъ проэктъ учрежденій высшаго управленія Болгаріею. 14-го февраля онъ покинулъ постель, цѣлый день ревностно приводилъ дѣла въ порядокъ и вечеромъ поѣхалъ по желѣзной дорогѣ, былъ веселъ, бодръ, но утомился. Въ это время у него явились боли въ кишкахъ, которыя князь утаивалъ, боясь, что доктора помѣшаютъ ему отправиться къ Великому Князю. Пріѣхавъ 16 февраля въ Санъ-Стефано, князь помѣстился прекрасно, хотѣлъ видѣть Великаго Князя 17-го, но по случаю развода Его Высочество отложилъ пріемъ до слѣдующаго дня. Князь въ шубѣ на балконѣ сидѣлъ и наслаждался морскимъ живительнымъ воздухомъ. Разговоръ шелъ о кандидатѣ на болгарское княжество. На другой день, въ 12 часовъ, Черкасскій отправился къ Великому Князю. Болѣзненный видъ Черкасскаго и его нервная зѣвота поразили Великаго Князя. Возвратившись домой, Черкасскій сѣлъ писать и все исполнилъ, что вытекало изъ утвержденныхъ Великимъ Княземъ докладовъ. 18 февраля съ нимъ сдѣлался легкій ударъ и онъ лишился языка а, затѣмъ 19 февраля 1878 г. скончался въ $5^1/_2$ часовъ утра. Въ тотъ же самый день былъ подписанъ договоръ въ Санъ-Стефано. Тѣло Черкасскаго бальзамировали, положили въ гробъ и 21 февраля вынесли въ греческую церковь, гдѣ отпѣвали, а затѣмъ на пароходѣ перевезли въ Одессу, потомъ по желѣзной дорогѣ въ Москву. Послѣ торжественной обѣдни, 15 марта, въ церкви Московскаго Университета, тѣло князя Черкасскаго предано землѣ въ Даниловомъ монастырѣ, рядомъ съ могилами Гоголя, Самарина и Хомякова.

Потомство послѣ себя князь Черкасскій не оставилъ.

Судить о князѣ Черкасскомъ, какъ о дѣятелѣ болгарскаго освобожденія и перваго устроителя Болгаріи въ настоящее время едва ли возможно; но можно сказать, что онъ какъ бы заранѣе предназначенъ былъ къ исполненію выпавшей на него задачи и по силѣ просвѣщеннаго ума своего, и по богатой опытомъ предшествовавшей своей организаторской дѣятельности. Личный его характеръ, былъ не изъ симпатичныхъ и часто вредилъ ему. Князь побѣждалъ не столько пріятностью своего характера и способомъ обращенія, сколько своимъ глубокимъ умомъ, обширными знаніями, горячимъ патріотизмомъ, необыкновенною способностью къ дѣловымъ занятіямъ и организаторскою дѣятельностью. Кромѣ этого, по справедливому замѣчанію А. Васильчикова. (Новое Время 1878 г., № 717), на князя Черкасскаго отчасти по его собственной винѣ обрушились многія неудовольствія и злобы лицъ, пострадавшихъ, отъ преобразованій 1861 и 1864 годовъ, въ имущественныхъ или личныхъ своихъ интересахъ.

Н. П. Барсуковъ, Жизнь Погодина, т. IX. — Князь В. А. Черкасскій, Москва, 1879.—Князь В. А. Черкасскій и Холмскіе Греко-Уніаты. Варшава, 1879 г.—Поповъ, Судьба уніи въ русской Холмской эпархіи, Москва.—Памятники Русской старины въ западныхъ губерніяхъ, издаваемые Батюшковымъ. Выпускъ VIII. «Холмская Русь.»—«Холмскій Варшавскій Епархіальный Вѣстникъ» за 1878 и 1879 года.—Собраніе узаконеній и распоряженій правительства по крестьянскимъ дѣламъ въ губерніяхъ царства Польскаго, т. I, съ 19 февраля 1864 года по 31 Августа 1871 г.—Матвѣевъ, Болгарія послѣ Берлинскаго конгресса.—Юридическій Вѣстникъ, 1872 года, № 2.—Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго Права, 1880 года, книга 4; (статья Полаузова).—«Русь» 1883 года, № 3—6.—«Наблюдатель» 1882 года, № 9—10. — «Московскія Вѣдомости», 1871 года, № 72, Апрѣля 7. — «Новое Время», 1878 года, № 714, 717. — «Вѣстникъ Европы» 1878 года, № 3. — Щепкинъ, «Общественное хозяйство г. Москвы». Москва. — Дитятинъ, Городское Управленіе. — Семеновъ, Н. П., «Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II», т. I, II и III, ч. 1 и ч. 2.—Русскій Архивъ за 1878 годъ № 6; 1880 г., III; 1882 г., I и II; 1884 г., II; 1887, т. II; 1896 г. т. I, (воспоминанія Раевской); 1895, т. I, 1897, т. I. ст. 96; 1899, т. III, ст. 312; 1901, № 10, стр. 257. — Русская Старина за 1876 г., № 2; 1878 г., III; 1884 г., томъ 41, 42; 1886 г., т. 50, май, октябрь; 1887, т. 53, 54; 1888 г., т. 57—60 1889 г., т. 61, 62, 63; 1890 г., т. 65—68; 1892, томъ 73, 75; 1893 г., т. 77; 1895 (статьи г. Анучина) и 1896 г. (статьи г. Анучина); 1897, окт., т. 92; 1899, т. 97, Записки М. А. Милютиной. — «Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго» составила княг. О. Трубецкая. т. I. Переписка съ Самаринымъ, Кошелевымъ, Аксаковымъ и пр. Москва 1901 года

П. М. Майковъ.

Черкасскій, *князь Григорій Сунчалеевичъ (также Сунгульевичъ)*, бояринъ и воевода при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Татарское имя его Сунчалей-мурза сразу указываетъ на то, что онъ былъ родомъ изъ мѣстности, лежащей по рѣкѣ Сунжѣ (Сунчалей значитъ сунженецъ); отецъ его князь Сунчалей Канкичевичъ («Янклычевичъ», по произношенію лѣтописи) пришелъ въ 1594-мъ году на житье на Терекъ со многими людьми, поставилъ слободы на другой сторонѣ рѣки и Государю «многую службу показалъ». Вслѣдствіе общности происхожденія отъ Идара-мурзы, кн. Григорій Сунчалеевичъ находился въ болѣе или менѣе отдаленномъ родствѣ съ прочими князьями Черкасскими. Заслуги отца, связи при московскомъ дворѣ, наконецъ, неизмѣнная благосклонность московскаго правительства къ знатнымъ и вліятельнымъ пришельцамъ съ далекаго Кавказа достаточно объясняютъ появленія князя Григорія Сунчалеевича при дворѣ среди «вѣковѣчныхъ холопей государевыхъ»; должно быть, уже въ Москвѣ онъ крещенъ былъ въ православную вѣру. Въ 1645-мъ году бояринъ Ѳеодоръ Ивановичъ Шереметевъ сосваталъ за князя Григорія Сунчалеевича свою внучку, княжну Праскôвью Никитичну Одоевскую, и въ своемъ завѣщаніи отказалъ за ней въ приданое 3000 рублей и богатыя вотчины и помѣстья въ разныхъ уѣздахъ. Только съ того же 1645-го года начинаютъ встрѣчаться въ памятникахъ свѣдѣнія о службѣ князя Григорія Сунчалеевича, которая вплоть до 1654-го года была исключительно придворной и проходила въ непосредственной близости къ особѣ Царя: во время походовъ царскихъ на богомолье онъ ѣздилъ рындой съ государевымъ сайдакомъ и находился въ комнатѣ у Государя; во время торжественныхъ обѣдовъ у Царя вина наряжалъ; среди стольниковъ онъ показанъ во всѣхъ случаяхъ на первомъ мѣстѣ. 28 сентября 1645-го года князь Григорій Сунчалеевичъ первымъ постилалъ царское подножье во время коронованія царя Алексѣя Михайловича; съ 18-го мая 1654-го года онъ былъ головою первой сотни стольниковъ и осауломъ въ государевомъ полку во время похода противъ польскаго короля. Въ 1655-мъ году, 22 марта, велѣно князю Григорію Сунчалеевичу быть первымъ воеводою у горскихъ черкасъ и астраханскихъ татаръ. Однако, уже въ 1656-мъ году онъ вернулся опять ко двору и 12-го февраля наряжалъ вина за государевымъ столомъ въ именины царевича Алексѣя Алексѣевича, а 4-го мая за обѣдомъ въ честь цесарскихъ пословъ; во время похода изъ Смоленска противъ шведскаго короля онъ, съ 20 іюня, былъ опять головою первой сотни «комнатныхъ» стольниковъ, но и во время похода наряжалъ вина при торжественныхъ обѣдахъ. 5 февраля 1657-го года князь Черкасскій былъ пожалованъ въ бояре; среди бояръ онъ занималъ также одно изъ первыхъ мѣстъ, какъ это видно изъ того, что въ отсутствіе Государя онъ былъ первымъ оставленъ «Москву вѣдать» въ маѣ 1658-го года и 28 іюля первымъ за крестами шелъ изъ Новодѣвичьяго монастыря въ Успенскій соборъ. 6-го іюня 1660-го года Царь послалъ князя Григорія Сунчалеевича первымъ воеводою въ Астрахань вмѣстѣ съ Волынскимъ и Дашковымъ. Въ сношеніяхъ съ инородцами-калмыками и горскими племенами—князь Черкасскій проявилъ много энергіи и умѣнья. Уже въ половинѣ 1661-го года онъ писалъ Царю изъ Астрахани, что его службою и радѣньемъ калмыцкіе тайши со всѣми своими улусами приняли подданство Россіи и укрѣпили свою клятву въ вѣрности шертною записью, которая, однако, помѣчена 9-мъ декабря 1661-го года. За эту калмыцкую службу присланъ былъ, въ октябрѣ 1661-го года, къ Григорію Сунчалеевичу въ Астрахань отъ Государя стольникъ князь Татевъ съ милостивымъ словомъ, а въ іюнѣ 1662-го года князь Хованскій — съ «золотымъ», стоившимъ 9 золотыхъ. Для обереганія русскихъ предѣловъ отъ прихода воинскихъ и воровскихъ людей князь Черкасскій посылалъ на помощь терскимъ служилымъ людямъ полковника Германа фонъ-Стадена съ офицерами и солдатами; терскимъ воеводамъ онъ велѣлъ оказывать поддержку его племянникамъ Ходождуку, Салтанашу и Касаю мурзамъ и, въ случаѣ просьбы съ ихъ стороны, отправить къ нимъ полковника фонъ-Стадена. Въ октябрѣ 1662-го года князю Черкасскому указано было идти изъ Астрахани въ Царицынъ собираться съ ратными людьми, а въ Астрахани оставить

стольника Дашкова; но, будучи въ Царицынѣ, онъ долженъ былъ вѣдать и Астрахань; изъ Царицына съ ратными людьми и съ калмыками онъ долженъ былъ отправить кн. Каспулата Черкасскаго и стольника Леонтьева на Крымъ и къ Азову. Находясь на воеводствѣ въ Царицынѣ, князь Григорій Сунчалеевичъ сдѣлалъ въ 1664-мъ году попытку освободить хитростью боярина Василія Борисовича Шереметева изъ татарскаго плѣна, въ которомъ тотъ томился со времени пораженія подъ Чудновымъ (т. е. съ октября 1660 го года). Возможно, что инициатива въ этомъ дѣлѣ принадлежала не князю Черкасскому, а самому Царю Алексѣю Михайловичу, который очень близко принималъ къ сердцу печальную судьбу своего «вѣрнаго и истиннаго послушника, храбраго и мужественнаго архистратига». Только по случаю, это тщательно обдуманное и удачно начатое предпріятіе должно было совершенно разстроиться и даже ухудшило положеніе плѣннаго боярина. Къ 1661-му году относится грамота, посланная княземъ Григоріемъ Сунчалеевичемъ изъ Царицына къ калмыцкому тайшѣ Мончаку и содержащая приглашеніе выслать калмыковъ для промысла надъ крымскими татарами и заднѣпровскими черкасами. Послѣ того имя князя Григорія Сунчалеевича упоминается очень рѣдко. 23-го января и 6-го февраля 1670-го года онъ дневалъ при гробѣ царевича Алексѣя Алексѣевича; 22-го января 1671-го года онъ былъ на бракосочетаніи Государя съ Натальей Кирилловной Нарышкиной первымъ при государевомъ конѣ; 4-го іюня 1672-го г. былъ за столомъ у Государя по случаю крещенія царевича Петра Алексѣевича.

14-го октября 1672-го года князь Григорій Сунчалеевичъ былъ убитъ въ своей вотчинѣ «неизвѣстно кѣмъ».

По словамъ современника, князь Григорій Сунчалеевичъ былъ истый горецъ-дикарь, искавшій случая показать тѣлесную силу, лихой наѣздникъ, умѣвшій укрощать самыхъ дикихъ коней, страстный любитель лошадей, которыми были наполнены его конюшни, болѣе сострадательный къ животнымъ, чѣмъ къ людямъ.

У него были дѣти: сынъ Даніилъ, женатый на Марьѣ Петровнѣ Шереметевой, сестрѣ фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева и дочь Елена, вышедшая замужъ за кн. Юрія Юрьевича Трубецкого.

«Дворцовые Разряды», т. III, ст. 13, 16, 18, 82, 87, 88, 92, 93, 106, 112, 135, 141, 146, 149, 291, 299, 314, 329, 342, 343, 352, 415, 461, 492. — «Памятники дипломатическихъ сношеній Россіи съ иностранными державами», т. III, ст. 436. — «Акты историческіе», т. IV, № 147, 155 и 169. — «(Первое) Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи», т. I, №№ 304 и 316. — Соловьевъ, «Исторія Россіи», кн. III, ст. 614—615 (изд. «Общ. Пользы»). — «Лѣтопись о многихъ мятежахъ и о разореніи Московскаго государства отъ внутреннихъ и внѣшнихъ непріятелей...», 2 изд., 1788 г., стр. 37, 355. — «Акты относ. къ исторіи Южной и Западной Россіи», т. IX, 480; т. VI, 132; т. VII, 346, 348, 350. — Кн. П. Долгоруковъ, Россійск. Родословн. книга, ч. II, 38. — Potocki, Paulus, comes. Opera omnia. Varsaviae, 1748, p. 192. — А. Барсуковъ, Родъ Шереметевыхъ, т. I, 458; т. III, 325, 338; т. VI, 269. — «Древняя Россійск. Вивліоѳика», изд. 1897 г., ч. II, стр. 189; ч. VI, стр. 15, 21; изд. 2-е, ч. XX, стр. 124.

В. Бенешевичъ

Черкасскій, *князь Дмитрій Мамстрюковичъ*, ближній бояринъ и воевода московскій въ царствованіе Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича; татарское его имя было Каншовъ-мурза; отецъ его — извѣстный князь Мамстрюкъ Темрюковичъ Черкасскій. Имя князя Дмитрія Мамстрюковича встрѣчается впервые въ 1600-мъ (1601?) году, когда царь Борисъ Годуновъ далъ ему Шереметевскую вотчину, дер. Иванисово съ деревнями и съ пустошами, 291 четь, въ помѣстье. Изъ временъ смуты и Московскаго разоренья сохранилось извѣстіе, что, когда послѣ Ходынской битвы 25-го іюня 1608-го году стали отъѣзжать отъ царя Василія Шуйскаго къ самозванцу въ Тушино стольники и стряпчіе, и дворяне Московскіе, и жильцы, и городовые дворяне, и дѣти боярскія, и дьяки и всякіе люди, то и стольникъ князь Дмитрій Мамстрюковичъ отъѣхалъ туда же вмѣстѣ съ княземъ Дмитріемъ Тимоѳеевичемъ Трубецкимъ, княземъ Алексѣемъ Юрьевичемъ Сицкимъ, Михаиломъ Матвѣевичемъ Бутурлинымъ и двумя князьями Засѣкиными, хотя всѣ они всего за нѣсколько дней передъ тѣмъ цѣловали крестъ «сидѣть за домъ Пресвятыя Богородицы». Повидимому, князь Черкасскій былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ Лжедимитрія II, такъ какъ въ 1610-мъ году изъ Московскихъ знатныхъ людей только онъ да кн. Д. Т. Тру-

бецкой остались при самозванцѣ въ Калугѣ. 11-го декабря 1610-го года самозванецъ былъ убитъ и вскорѣ жители Калуги вынуждены были покориться Владиславу и принять его воеводу кн. Ю. Н. Трубецкого. Тогда князь Дмитрій Мамстрюковичъ оставилъ Калугу и, 27-го января 1611-го года, пріѣхалъ къ гетману литовскому Яну Сапѣгѣ, который выражалъ желаніе сражаться за православную вѣру въ расчетѣ на то, что «кто будетъ на Московскомъ государствѣ царемъ, тотъ и заплатитъ за его и прочихъ вольныхъ людей заслуги». Однако, въ слѣдующемъ 1612-мъ году имя князя Черкасскаго встрѣчается среди дѣятельныхъ сподвижниковъ князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго: князь Дмитрій Мамстрюковичъ посланъ былъ противъ гетмана Ходкевича и побилъ его; выгналъ изъ Антоніева монастыря, въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, малороссійскихъ казаковъ и изъ Углича — великороссійскихъ; на жалованной грамотѣ князю Д. Т. Трубецкому, данной въ 1613-мъ году во время междуцарствія отъ боярской думы, Василій Бутурлинъ приложилъ руку и за себя и за князя Д. М. Черкасскаго, который, кажется, не умѣлъ писать: по крайней мѣрѣ, и на грамотѣ объ избраніи на царство Михаила Ѳедоровича Романова за него росписался князь В. Туренинъ. При новомъ царѣ князь Дмитрій Мамстрюковичъ былъ однимъ изъ виднѣйшихъ боевыхъ воеводъ во время продолжительной и ожесточенной борьбы Москвы съ Польшей и Литвой. Еще въ 1613-мъ году Царь послалъ стольниковъ и воеводъ князя Дмитрія Мамстрюковича да Михаила Матвѣевича Бутурлина противъ польскихъ и литовскихъ людей и черкасъ; воеводы вытѣснили непріятеля изъ Серпейскихъ и Мещовскихъ мѣстъ къ Вязьмѣ, а оттуда къ Дорогобужу; самымъ замѣчательнымъ событіемъ этого года была осада города Бѣлой, во время которой Бутурлинъ былъ опасно раненъ въ голову, такъ что Черкасскій долженъ былъ одинъ руководить дѣйствіями и въ августѣ заставилъ городъ сдаться. За Бѣльскую службу Царь прислалъ князю золотыхъ и велѣлъ о его здоровьи спрашивать. На мѣсто Бутурлина товарищемъ Черкасскому былъ назначенъ князь Иванъ Ѳедоровичъ Троекуровъ, и въ августѣ же воеводамъ было приказано итти подъ Смоленскъ. Осада Смоленска тянулась до половины 1615-го года и не привела къ сдачѣ: недостатокъ въ ратныхъ людяхъ и въ провіантѣ, и разныя другія нестроенія въ русскомъ войскѣ были тому причиной. Несмотря на то, дѣйствія воеводъ были настолько удачны, что весною 1615-го года Царь прислалъ подъ Смоленскъ стольника спрашивать объ ихъ здоровьи. Въ іюнѣ этого же года князь Дмитрій Мамстрюковичъ и его товарищъ были отозваны къ Москвѣ. По пріѣздѣ въ Москву князь Черкасскій былъ приглашенъ къ столу государеву, а послѣ стола Государь пожаловалъ ему шубу на соболяхъ, атласъ золотный и кубокъ.

Въ августѣ 1617-го года, узнавши, что литовцы осадили Дорогобужъ, Государь указалъ воеводамъ собираться въ замосковныхъ городахъ и ждать дальнѣйшихъ его распоряженій; князь Дмитрій Мамстрюковичъ былъ назначенъ въ Ярославль; когда же, въ декабрѣ 1617-го года, пришла вѣсть, что королевичъ Владиславъ хочетъ итти къ Можайску, князю Черкасскому сначала велѣно было итти на Волокъ, а потомъ въ началѣ 1618-го года пришелъ указъ итти къ Можайску, гдѣ сидѣлъ князь Б. Лыковъ. Черкасскому удалось пробиться въ Можайскъ; поляки и литовцы такъ стѣснили, однако, московскихъ воеводъ, что только присланный Царемъ вспомогательный отрядъ избавилъ осажденныхъ отъ окончательнаго пораженія и плѣна; самъ Черкасскій былъ раненъ и увезенъ въ Москву. Туда же приказано было ему и князю Лыкову отвести свои войска. Вѣроятно, князь находился вмѣстѣ съ Царемъ въ Москвѣ, когда въ 1618-мъ году ее осаждалъ Владиславъ. Переговоры, кончившіеся заключеніемъ перемирія въ Деулинѣ, надолго прервали боевую дѣятельность князя Черкасскаго. 6-го января 1619-го года онъ былъ пожалованъ изъ стольниковъ въ бояре, что открыло ему возможность занять сообразное знатности своего рода и своимъ военнымъ заслугамъ мѣсто въ высшемъ управленіи государствомъ. Въ 1623-мъ, 1625-мъ, 1628-мъ, 1629-мъ, 1632-мъ, 1633-мъ, 1634-мъ годахъ князь вѣдалъ приказъ Казанскаго Дворца, въ которомъ онъ засѣдалъ, еще будучи стольникомъ, въ 1611-мъ году; вмѣстѣ съ Казанскимъ Дворцомъ ему подчиненъ былъ, вѣроятно, и Сибирскій приказъ, такъ

какъ по словамъ Котошихина, оба эти приказа всегда находились въ вѣдѣніи одного и того же лица; въ 1637—38-мъ году Казанскій Дворецъ находился уже въ вѣдѣніи князя Б М. Лыкова.

Затрудненія въ войнѣ съ Польшей заставили Государя, 18-го октября 1633-го года, назначить князя Черкасскаго главнымъ воеводой войскъ, назначенныхъ итти подъ Смоленскъ на выручку къ боярину М. Б. Шеину. Еще 11-го іюля 1630-го года Государь указалъ было Черкасскому быть на своей государевой службѣ подъ Смоленскъ, но посылка эта не состоялась. Въ апрѣлѣ 1632-го года Царь опять указалъ Черкасскому и князю Лыкову быть на своей службѣ подъ Смоленскомъ, но 22-го апрѣля на ихъ мѣсто были назначены бояринъ М. Б. Шеинъ и кн. Д. М. Пожарскій. Назначенный, наконецъ, воеводой, Черкасскій къ февралю 1634-го года успѣлъ дойти только до Можайска, когда Шеинъ уже сдался; князь пробылъ на воеводствѣ до самаго заключенія Поляновскаго мира и былъ отозванъ къ Москвѣ 13 го іюня 1634-го года. Одинъ разъ пришлось князю Черкасскому быть и первымъ воеводою на Украйнѣ, для охраненія русской границы отъ набѣговъ крымцевъ и ногайцевъ: указъ объ этомъ послѣдовалъ 1-го мая 1639-го года, а 14-го сентября князь уже былъ отпущенъ къ Москвѣ. Какъ почти всѣ Черкасскіе, князь, Дмитрій Мамстрюковичъ занималъ выдающееся положеніе при дворѣ. О близости его къ Государю лучше всего говоритъ то, что на обѣихъ свадьбахъ царскихъ (въ 1624-мъ и 1626-мъ гг.) онъ былъ большимъ дружкой съ Государевой стороны; на обѣдахъ у Государя—онъ обычный гость; не разъ ѣздилъ онъ съ Государемъ въ подмосковныя села для потѣхи и по монастырямъ на богомолье. Въ іерархіи придворныхъ чиновъ Черкасскому принадлежало одно изъ первыхъ мѣстъ. Его назначали въ «отвѣтъ» съ послами, наприм., съ шведскимъ, 17-го февраля 1630-го года; ему государь поручилъ, 21-го мая 1635-го года, вмѣстѣ съ другими боярами вѣдать Москву на время своего отсутствія.

Объ отношеніяхъ кн. Дмитрія Мамстрюковича къ лицамъ, окружавшимъ Царя, ничего неизвѣстно, кромѣ нѣсколькихъ случаевъ мѣстничанья; молва народная приписывала ему что то въ родѣ соперничества съ Морозовымъ и Милославскими. Кн. Дмитрій Мамстрюковичъ умеръ въ 1651-мъ году; отъ брака его съ Еленой Алексѣевной Зюзиной (въ 1620 году) дѣтей не было.

Акты Историческіе II, № 303; III, №№ 4, 134, 135, 137, 154, 172, 177; VI и IV.—Акты Археогр. Экспедиціи, III, 354—359, 371, 372. — Собраніе государств. грамотъ и договоровъ, I, 638; II, 508, 595; III, 113, 279, 280, 345. — Книги Разрядныя, II, 557—568, 633. — Кн. П. Долгоруковъ, Росс. Родословная Книга II, 37. — Акты Московскаг Государства, изд. Акад. Н. подъ ред. Н. Попова, I, 99, 109, 112, 113, 118, 119—121, 126, 139, 196, 197, 375, 391, 542, 518, 549, 572, 573. — Барсуковъ, А П, Родъ Шереметевыхъ, III, 19, 59, 121, 232; IV, 67, 68.—Полное Собраніе Рус. Лѣтописей, V, 64.—Русск. Историч. Библіотека, IX, 526, 534 535 — 536, 560; X, 1; XIII, 132.—Лѣтопись о многихъ мятежахъ и о разореніи Московск. Госуд., стр. 308—314. — Карамзинъ. Истор. Гос. Росс. (изд. Эйнерл) XII, 92, 216, 272, пр. 222, 533. — С. Платоновъ, Очерки по исторіи Смуты. . стр. 367, 495, 553.—Древн. Росс. Вивліоѳ., изд. 2-е, ч. XX, 91, 107. — Соловьевъ, Исторія Россіи (изд. «Общ. Польза»), кн. II, 851, 1020, 1067, 1068, 1140, 1141, 1142, 1198, 1199, 1201, 1201, 1205, 1304, 1524, 1526.—Дополн. къ Актамъ Историч., II, 227; IV, 181; V, 381.—Полное Собраніе Законовъ, т. III, № 1670. — Дворцовые Разряды, I, 101—105, 124—128, 160, 176, 178—180, 286, 307—308, 323, 324, 331, 332, 333, 385, 630, 683, 703, 707, 708, 766; II, 159, 193, 199, 208, 229, 238, 248, 250, 263, 266, 268, 269, 270, 272, 283, 293, 303, 311, 315, 322, 340, 349—350, 373—374, 386, 465, 467, 473, 535, 544, 571, 579, 589, 603—607, 617, 618, 621, 630, 637, 647, 648, 653, 674, 685, 694, 702, 837, 934, 936, 972; III, 235.—Новый лѣтописецъ по списку кн. М. Оболенскаго, Москва. 1853, приложеніе, стр. 3.

В. Бенешевичъ.

Черкасскій, князь *Иванъ Борисовичъ*, сынъ князя Бориса Канбулатовича, двоюродный братъ и ближній бояринъ царя Михаила Ѳеодоровича. Первый разъ упоминается его имя подъ 1598-мъ годомъ: на соборномъ опредѣленіи объ избраніи Бориса Годунова на царство подписался и стольникъ князь Иванъ Борисовичъ Черкасскій. Въ 1599-мъ году, когда по оговору дворового человѣка Бартенева были схвачены Романовы, ихъ родные, друзья и знакомые, одновременно съ ними былъ взятъ и князь Иванъ. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что сынъ князя Бориса Канбулатовича не оставался въ сторонѣ отъ дѣйствій, которыя старобоярская партія съ Романовыми во главѣ вела противъ царя Бориса: из-

вѣстно, что въ «благодатный домъ» князя Бориса Канбулатовича часто приходилъ Григорій Отрепьевъ, который отъ князя Ивана Борисовича «честь пріобрѣталъ»; заслуживаетъ вниманія замѣчаніе лѣтописи, что царь Борисъ «негодовалъ» за это на князя Ивана только, а не на его отца. Боярскій приговоръ, состоявшійся въ іюнѣ 1601-го года, опредѣлилъ князю Ивану Черкасскому самую высшую мѣру наказанія, какая только была примѣнена въ этомъ процессѣ: имѣніе его было отписано на Государя, а самаго его рѣшено было сослать въ Сибирь на житье; туда же были сосланы только двое изъ выдающихся представителей рода Романовыхъ — Иванъ и Василій Никитичи. Однако, приставъ, везшій князя Ивана Борисовича въ ссылку, получилъ приказаніе оставаться со своимъ узникомъ до царскаго указу въ Малмыжѣ, на Вяткѣ. 28-го мая 1602-го г. Царь указалъ быть князю Ивану Черкасскому и дядѣ его Ивану Никитичу Романову на государевой службѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ; приставъ долженъ былъ везти князя Ивана изъ Малмыжа въ Нижній нескованнаго и смотрѣть, чтобы онъ ни во время пути, ни въ Нижнемъ ни въ чемъ не нуждался и никакого «лиха» надъ собой не учинилъ; также долженъ былъ приставъ смотрѣть и за тѣмъ, чтобы къ князю Ивану, и къ Ивану Романову, и къ ихъ людямъ никто не подходилъ, съ ними не разговаривалъ и писемъ имъ никакихъ не передавалъ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ князь Черкасскій долженъ былъ жить до указу, который и вышелъ 17-го сентября 1602-го года: царь Борисъ пожаловалъ князя Ивана и Ивана Никитича Романова, велѣлъ ихъ взять къ Москвѣ, куда князь Иванъ и былъ привезенъ въ ноябрѣ того же года. О дальнѣйшей судьбѣ его при царѣ Борисѣ и при первомъ самозванцѣ ничего неизвѣстно.

Царь Василій Шуйскій назначилъ князя Ивана Черкасскаго крайчимъ, вмѣсто князя Ивана Хворостинина, бывшаго въ этой должности при первомъ самозванцѣ и сосланнаго Шуйскимъ въ монастырь. Князь Черкасскій скоро, однако, былъ смѣщенъ съ крайчества, неизвѣстно, по какой причинѣ, — какъ думаетъ проф. С. Ѳ. Платоновъ, можетъ быть потому, что царь Василій имѣлъ основанія бояться Романовскихъ племянниковъ и зятей. Въ 1608-мъ году царю Василію Шуйскому опять понадобилась служба князя Ивана: весною этого года второй самозванецъ подступилъ къ Москвѣ; тогда Царь собралъ войско и раздѣлилъ его на три полка, изъ которыхъ одинъ былъ отданъ подъ команду князя Черкасскаго. Это царское войско напало въ іюнѣ 1608-го года на польско-литовское войско самозванца, стоявшаго лагеремъ въ Тушинѣ; битва продолжалась цѣлый день безъ рѣшительныхъ результатовъ для противниковъ; послѣ того московская рать двѣ недѣли стояла безъ дѣйствія на рѣчкѣ Ходынкѣ, въ шести верстахъ отъ литовскаго лагеря; 25-го іюня непріятель напалъ на москвичей и заставилъ ихъ отойти въ Москву; все лѣто прошло въ мелкихъ стычкахъ, а къ осени ратные люди мало-по-малу стали расходиться по домамъ; куда отправился князь Иванъ Борисовичъ и что онъ дѣлалъ въ остальное время правленія царя Василія Шуйскаго, совершенно неизвѣстно. Въ событіяхъ смутнаго времени ему пришлось играть роль, кажется, довольно видную, какъ это можно думать даже на основаніи дошедшихъ до насъ очень скудныхъ извѣстій. Въ 1610-мъ году стольникъ князь Иванъ Борисовичъ Черкасскій приходилъ къ гетману со многими людьми бить челомъ отъ всей земли о томъ, чтобы былъ уничтоженъ тотъ особенно ненавистный дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ пунктъ въ договорѣ съ Владиславомъ, который опредѣлялъ, что до успокоенія Московскаго государства въ приказахъ на порубежныхъ городахъ должны были сидѣть и польскіе и литовскіе люди. Кромѣ того, извѣстно еще, что въ февралѣ 1611-го года князь Иванъ приходилъ въ войскѣ князя Ивана Семеновича Куракина изъ Юрьевца-Повольскаго подъ Владиміръ, бывшій тогда на сторонѣ Владислава; здѣсь князь Куракинъ былъ разбитъ, а князь Черкасскій попался владимірцамъ въ плѣнъ.

Само собою разумѣется, что вступленіе Михаила Ѳедоровича Романова на московскій престолъ произвело огромную перемѣну въ судьбѣ князя Ивана Борисовича. Молодой Царь видѣлъ въ своихъ родственникахъ тѣхъ немногихъ вѣрныхъ людей, на поддержку и совѣтъ которыхъ

онъ могъ положиться; но среди бояръ очень скоро выдѣлились трое, которые составили изъ себя нѣчто въ родѣ постояннаго совѣта, оказывавшаго вліяніе на дѣла государственныя и по возвращеніи изъ плѣна отца Государева. Вмѣстѣ съ боярами Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ и Иваномъ Никитичемъ Романовымъ, въ числѣ ближайшихъ совѣтниковъ находился и князь Иванъ Борисовичъ. 11-го іюля 1613-го года, передъ царскимъ вѣнчаніемъ, ему сказано было боярство раньше даже, чѣмъ князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому, хотя подписаніе имъ въ маѣ 1613-года года грамоты объ избраніи Михаила Ѳедоровича на царство является единственнымъ исторически засвидѣтельствованнымъ его дѣйствіемъ въ дѣлѣ установленія династіи. Возвращеніе Филарета Никитича изъ польскаго плѣна еще болѣе укрѣпило положеніе князя Ивана Борисовича при дворѣ, такъ какъ властный отецъ Государевъ не имѣлъ поводовъ къ недовольству своимъ племянникомъ и видѣлъ въ немъ одного изъ своихъ «пріятелей». Первый случай назначенія князя Ивана Борисовича на дѣйствительную службу государеву относится, однако, только къ 1618-му году; до того же времени онъ принималъ дѣятельное участіе въ жизни двора и почти неотлучно находился при Государѣ. 16-го сентября 1618-го года онъ былъ отправленъ въ Ярославль собрать ратныхъ людей на помощь Москвѣ, которая 20-го сентября была осаждена польскимъ королевичемъ Владиславомъ. Противъ отрядовъ, которые были посланы Владиславомъ изъ подъ Троицко-Сергіева монастыря для опустошенія Галицкихъ, Костромскихъ, Ярославскихъ, Пошехонскихъ и Бѣлозерскихъ мѣстъ, князь Черкасскій отправилъ своего товарища Бутурлина, который и побилъ, 24-го ноября, польскихъ и литовскихъ людей въ Ярославскомъ уѣздѣ; другой его товарищъ князь Тюфякинъ передъ Рождествомъ 1618-го года разбилъ непріятельскіе отряды въ Устюжскомъ и Бѣлозерскомъ уѣздахъ; въ то же время князю Черкасскому удалось склонить къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ противъ непріятеля и казаковъ Ярополческой волости, причинявшихъ до того большой вредъ Московскому государству. Въ благодарность за такія успѣшныя дѣйствія Царь два раза присылалъ въ станъ къ князю Черкасскому своихъ стольниковъ съ жалованнымъ словомъ и съ золотыми; а когда, въ началѣ 1619-го года, князь возвратился изъ Ярославля въ Москву, то былъ приглашенъ къ государеву столу и послѣ стола получилъ отъ Государя шубу и кубокъ. Въ 1619-мъ году князю Ивану Черкасскому и князю Данилѣ Мезецкому «съ товарищи» велѣно было Государемъ «насильныхъ людей во всякихъ обидахъ сыскивать и указъ по сыску дѣлать».

Осенью 1624-го и весною 1627-го гг. въ вѣдѣніи князя Ивана Борисовича находился Стрѣлецкій приказъ. По словамъ Котошихина, боярину, вѣдавшему Стрѣлецкій приказъ, были подчинены обыкновенно также Иноземскій, Рейтарскій и Аптекарскій приказы и приказъ Казеннаго Двора и Большой Казны; дѣйствительно, изъ памятниковъ видно, что князь Иванъ Черкасскій сидѣлъ на Казенномъ Дворѣ и у Большой Казны въ 1628, 1630—1637, 1639—1641-мъ гг.; въ Иноземскомъ приказѣ—въ 1628, 1630—1635, 1637-мъ гг.; въ Аптекарскомъ—въ 1630—1633-мъ гг.; а въ Стрѣлецкомъ—въ 1628, 1630—1635, 1637, 1639-мъ гг.

Эти хронологическія указанія источниковъ не могутъ, однако, ни служить для опредѣленія того, когда началась служба князя Ивана Борисовича въ каждомъ изъ названныхъ приказовъ (совсѣмъ неизвѣстно случаевъ присутствованія князя Черкасскаго въ Рейтарскомъ приказѣ, потому что и самый приказъ при немъ не былъ еще соединенъ со Стрѣлецкимъ приказомъ и едва ли, вообще, существовалъ), ни дать поводъ выводить изъ существованія въ нихъ перерывовъ заключеніе о существованіи такихъ же перерывовъ и въ службѣ его. Скорѣе, однако, слѣдуетъ думать, что князь Черкасскій вѣдалъ Стрѣлецкій приказъ и приказы, соединенные съ нимъ, начиная съ времени около 1624-го года, почти до самой своей смерти съ единственнымъ перерывомъ въ 1638-мъ году. Именно, въ этомъ году, 1-го апрѣля, Царь указалъ князю Ивану Борисовичу быть на своей береговой службѣ въ Тулѣ для прихода крымскихъ и ногайскихъ людей; ожидали большого набѣга татаръ и, чтобы устранить лишнюю причину замѣшательствъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, Государь указалъ всѣмъ

воеводамъ быть «безъ мѣстъ» и писать къ нему долженъ былъ одинъ князь Черкасскій «съ товарищи», который былъ поставленъ въ положеніе главнокомандующаго всей рати. Послѣ 1618-го года это единственный случай, когда князю Ивану была указана служба внѣ Москвы, и въ то же время 1638-й годъ—единственный, подъ которымъ Стрѣлецкій приказъ показанъ въ вѣдѣніи боярина Ѳедора Ивановича Шереметева. 17-го сентября 1638-го года указано было князя Ивана Борисовича съ товарищи отпустить къ Москвѣ, гдѣ онъ немедленно опять вступилъ въ управленіе и Стрѣлецкимъ приказомъ и приказомъ Казеннаго Двора и Большой Казны.

Въ свѣдѣніяхъ о службѣ князя Ивана, военной и гражданской, нельзя найти положительныхъ данныхъ для сужденія о томъ насколько онъ былъ обязанъ своимъ выдающимся положеніемъ не знатности, богатству и родству съ Царемъ, а и своимъ личнымъ достоинствамъ; точно также не видно, что помимо родственнаго чувства привлекало къ нему Государя. А положеніе князя Черкасскаго въ кругу царскаго семейства, его значеніе при дворѣ и вліяніе на дѣла государства были дѣйствительно велики. Князь Иванъ Борисовичъ принималъ дѣятельное участіе въ выборѣ невѣстъ для царя и на обѣихъ свадьбахъ царскихъ (въ 1624-мъ и 1626-мъ гг.) былъ въ тысяцкихъ. Почего уже и говорить о томъ, что на торжественныхъ обѣдахъ у царя и у патріарха по случаю большихъ праздниковъ или радостныхъ событій въ царской семьѣ или въ честь иностранныхъ пословъ; на торжественныхъ царскихъ выходахъ и пріемахъ; во время «походовъ» царскихъ на богомолье по монастырямъ — очень часто упоминается въ разрядахъ имя князя Ивана Борисовича Черкасскаго. 15-го февраля 1635-го г. Царь въ присутствіи пословъ литовскаго короля Владислава цѣловалъ крестъ на грамотѣ о заключеніи мира и при этомъ князь Иванъ принялъ съ головы его вѣнецъ На пріемахъ и отпускахъ иностранныхъ пословъ князь Черкасскій часто бывалъ съ ними «въ отвѣтѣ»,—кажется, первый разъ 17 го мая 1625-го г. съ кизилбашскими (персидскими) послами, а послѣдній разъ 4-го февраля 1634-го г. съ турецкимъ посломъ. Несомнѣнно, что Царь очень цѣнилъ совѣтъ князя Ивана и даже едва ли считалъ возможнымъ обойтись безъ него; по крайней мѣрѣ, въ 1638-мъ году, когда князь находился на береговой службѣ въ Тулѣ, къ нему Царь прислалъ Проѣстева, привезшаго изъ Польши отвѣтъ короля на требованіе московскаго правительства наказать польскихъ сановниковъ, виновныхъ въ умаленіи царскаго титула, и просилъ сообщить свое мнѣніе; князь отвѣтилъ, что виновные должны быть, казнены смертью; и отправленные послѣ этого въ Польшу гонцы требовали казни виновныхъ. Въ іюнѣ 1625-го г. князь Иванъ Борисовичъ вмѣстѣ съ другими боярами былъ судьей въ мѣстническомъ дѣлѣ боярина Ѳедора Ивановича Шереметева съ княземъ Андреемъ Сицкимъ; князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій передъ смертью своей (19-го февраля 1622-го г.) назначилъ его однимъ изъ своихъ душеприказчиковъ. Нѣсколько разъ (въ 1623, 1625, 1627-мъ гг.) князь Иванъ Черкасскій водилъ въ Вербную субботу осля подъ патріархомъ Филаретомъ. Съ 8-го до половины декабря 1640-го года Царь ѣздилъ въ Вязники и во Владиміръ на богомолье, и на время своего отсутствія поручилъ вѣдать Москву князю Ивану Борисовичу «съ товарищи». На Москвѣ князь былъ самымъ богатымъ человѣкомъ; обыкновенно, онъ выставлялъ для торжественныхъ встрѣчъ пословъ 50 «даточныхъ людей», въ цвѣтныхъ кафтанахъ; очень немногіе могли выставить столько же, а между тѣмъ бывали случаи, когда онъ выставлялъ и 100 человѣкъ.

Такъ какъ князь Иванъ Борисовичъ, хотя и былъ женатъ, но не имѣлъ дѣтей, то послѣ его смерти, послѣдовавшей 4-го апрѣля 1642-го г., огромныя его богатства перешли частью въ родъ Шереметевыхъ, частью къ князьямъ Димитрію Мамстрюковичу и Якову Куденетовичу Черкасскимъ.

Новый лѣтописецъ по списку кн. М. А. Оболенскаго, Москва, 1853, прил., стр. 3.—Полн. Собраніе Законовъ, т. III, №№ 132, 173, 176, 183, 239, 292.—Собраніе государ. грамотъ и договоровъ, т. I, 637; т. II, 475, 514; т. III, 70, 171, 177, 259, 279, 310, 313, 315, 316, 325.—Долгоруковъ, П. кн., Росс. Родословная Книга, II, 38.—Никоновская лѣтопись, ч. VIII, 43.—Древняя Россійск. Вивліоѳика, изд. 1897 г., ч. I, 1, 3, 7, 8; ч. VII, 67, 74, 78.—Карамзинъ, Исторія Госуд. Россійск. (изд. Эйнерлинга), т. XI, 60, 61, 63; прим. 149,

151, 194; т. XII, прим. 198, 229, 687.—Соловьевъ, Исторія Россіи (изд. «Общ. Пользы»), кн. II, 734, 736, 1050, 1163, 1229, 1312, 1323. — Платоновъ, С. Θ., «Очерки по исторіи Смутнаго времени» стр. 247, 311, 559; прим. 270.—Русскій Архивъ, 1872 г., стр. 889, 890.—Барсуковъ, А. П., Родъ Шереметевыхъ, кн. III, 3, 232. — Селифонтовъ, Н. Н., Сборникъ матеріаловъ по исторіи предковъ царя Михаила Θедоровича Романова. Родословная рода Захарьиныхъ-Юрьевыхъ-Романовыхъ по матеріаламъ И. П. Сахарова... ч. II, Спб. 1898, стр. 91.—Сказаніе и повѣсть «еже содѣяся въ царствующемъ градѣ Москвѣ и о растригѣ Гришкѣ Отрепьевѣ и о похожденіи его» въ Чтен. Общ. Исторіи и Древн. Россійск., 1847 г., № 9, стр. 4.—Лѣтопись о многихъ мятежахъ и о разореніи Московскаго государства..., изд. 2-е, Москва, 1788, стр. 58, 60, 318, 323—324, 332.—Русская Историческая Библіотека, т. IX, 433, 469, 525, 541, 547; т. X, 1, 110, 116; т. XIII, 590—591.—Акты, собран. Археограф. Экспедиціей, т. II, 43.—Письма русскихъ государей, т. I, № 346. — Акты Историческіе, т. II, № 38; т. III, № 182; IV, XVIII, XX, XXVII, XXX—XXXII.—Дополн. къ Акт. Историч., т. IX, 318. — Дворцовые Разряды, т. I, 96, 159, 180, 270, 357, 358, 363, 364, 381, 382, 385, 386, 390, 393, 430, 432, 466, 630, 682, 683, 689, 703, 707, 708, 759, 766, 767, 801, 808, 827, 855, 861, 872, 876, 906, 907, 914, 927, 960, 1002, 1013, 1023; т. II, 13, 15, 18, 22, 41, 46, 54, 57, 62, 63, 64, 78, 81—82, 85, 91, 101, 103, 104, 107, 128, 145, 146, 157, 163, 178, 181, 187, 195, 198, 201, 208, 220, 225—226, 230, 231, 232, 233, 234, 237—238, 245, 248, 267, 274, 279, 289, 321, 326, 327, 331, 334, 353, 362, 363, 367, 372, 383, 390, 394, 402, 435, 415, 459, 467, 475, 479, 482, 487, 488, 491, 501, 506, 509, 516, 518, 534, 535, 539, 542, 550, 559, 562, 564, 567—569, 571, 590, 594, 596, 618, 620, 629, 636, 641, 643, 645, 646, 647, 650, 652, 665, 671, 674, 689, 837—840. 933, 964.—Книги Разрядныя, I, 1165, 1166.—Акты Московскаго государства, изд. Акад. Наукъ подъ ред. Н. А. Попова, Москва, 1897 г., т. I, 138, 204, 264, 313, 314, 315, 361, 362, 373, 383, 409, 430, 525, 533, 632, 658.

В. Бенешевичъ.

Черкасскій, *князь Каспулатъ Муцаловичъ*, одинъ изъ мелкихъ кавказскихъ владѣтелей, подчиненныхъ Россіи, сынъ князя Муцала Сунчалѣевича, отличался своей ревностной службой московскимъ государямъ, распространялъ московское вліяніе среди кавказскихъ князьковъ и инородцевъ юго-восточной Россіи, пользуясь вмѣстѣ съ тѣмъ авторитетомъ Москвы для своихъ личныхъ цѣлей, такъ какъ ему, кажется, пришлось вести упорную борьбу съ своими воинственными сосѣдями—кавказскими горцами. Въ сентябрѣ 1661-го года за свою службу онъ получилъ отъ Царя Алексѣя Михайловича жалованную грамоту на Терскую область. Въ 1671-мъ году Каспулатъ Муцаловичъ принялъ дѣятельное участіе въ усмиреніи разинскаго бунта: сперва онъ прекратилъ распространеніе мятежа на Терекѣ, а потомъ, когда мятежники засѣли въ Астрахани, подъ начальствомъ атамана Θедора Шелудяка, явился на помощь къ воеводѣ Милославскому, осаждавшему Астрахань съ сѣверной стороны, и, осадивъ городъ съ южной стороны, вскорѣ захватилъ самого главаря бунтовщиковъ, Шелудяка, и принудилъ городъ къ сдачѣ. Въ 1675-мъ году Каспулатъ Муцаловичъ ходилъ на Запорожье, соединился тамъ съ запорожскимъ кошевымъ атаманомъ Иваномъ Сѣркомъ и, напавъ на Крымъ, проникъ за Перекопъ, разбилъ татаръ, разграбилъ страну и освободилъ массу русскихъ плѣнныхъ. За этотъ походъ, заставившій на нѣкоторое время крымцевъ оставить въ покоѣ русскую украйну, князь Черкасскій былъ щедро награжденъ русскимъ правительствомъ: ему была пожалована крытая бархатомъ соболья шуба, богатая раззолоченная шапка и ферязь. Въ 1677-мъ году Каспулату Муцаловичу пришлось итти въ Малороссію противъ турокъ и крымцевъ, сдѣлавшихъ нашествіе на нашу Украйну, и въ то же время усмирять калмыковъ и едисанскихъ татаръ, перессорившихся между собою, и склонить ихъ къ походу. Благодаря своему вліянію среди инородцевъ восточной Руси, ему удалось помирить ихъ, но уже въ слѣдующемъ, 1678-мъ году, ему снова пришлось умиротворять калмыковъ, раздраженныхъ насиліями, произведенными надъ ними донскими и яицкими казаками, и только съ большимъ трудомъ удалось Каспулату заставить калмыковъ итти съ нимъ подъ Чигиринъ, гдѣ въ то время происходила ожесточенная борьба между московскими войсками и полчищами турокъ и крымскихъ татаръ, находившихся подъ начальствомъ великаго визиря. 29-го іюля Каспулатъ Муцаловичъ, уладивъ всѣ ссоры между казаками и калмыцкими тайшами, явился на помощь къ воеводѣ, князю Ромодановскому и мужественно сражался съ своими единовѣрцами. Московское правительство умѣло цѣнить труды и дарованія Каспулата и щедро награждало его: 20-го января 1678-го года ему были посланы изъ Москвы богатые и почетные дары, а въ декабрѣ того же года ему была дана жалованная грамота на владѣніе пошлиннымъ сборомъ, получавшимся до того времени

въ казну съ Терека. По этой грамотѣ Каспулатъ Муцаловичъ дѣлался владѣльцемъ громаднаго дохода получавшагося съ товаровъ, провозимыхъ черезъ Терекъ, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ, главнымъ образомъ, сосредоточивалась торговля русскихъ и англійскихъ купцовъ съ Персіей и другими восточными странами. Въ 1679-мъ году, когда ожидалось новое нашествіе турокъ на Малороссію, Каспулату Муцаловичу было снова приказано итти съ своими войсками и съ калмыками на соединеніе съ главнымъ войскомъ, двигавшимся по направленію къ Кіеву. Когда узнали, что великій визирь со своими войсками на Кіевъ итти не думаетъ, Каспулатъ Муцаловичъ двинулся къ Запорожью и занялъ позицію у Чугуева и Харькова. Послѣ этого свѣдѣнія о Каспулатѣ Муцаловичѣ прекращаются и прослѣдить дальнѣйшую судьбу этого черкасскаго князя оказывается невозможнымъ.

Разрядныя книги, II, 1157, 1177—1179, 1189, 1192, 1194, 1195, 1286, 1290, 1295, 1335.—Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, IV, 75, 326, 327, 330, 361, 369.—Акты историческіе, IV, 383—384, 388, 420—421, 424, 484, 505—506.—Дополненія къ актамъ историческимъ, VI, 26, 30, 260, 261, 286; VII, 46, 70, 196, 230—231, 247, 248, 275; VIII, 1, 2, 24, 31, 32; IX, 71, 124—125; X, 212.—Соловьевъ, Исторія Россіи (изд. т-ва «Общ. Польза»), III, 292, 309, 330, 485, 573, 574, 840, 860.

Е. Лихачевъ.

Черкасскій, *князь Михаилъ Алегуковичъ*, бояринъ; о первыхъ годахъ его службы намъ ничего неизвѣстно; первый разъ имя его встрѣчается подъ 1674-мъ годомъ (20 декабря), когда онъ показанъ стольникомъ и воеводой въ Новгородѣ съ титуломъ намѣстника Ярославскаго (для дипломатическихъ сношеній). Въ концѣ 1677-го или въ началѣ 1678-го г. онъ уже значится въ боярахъ и на первой недѣлѣ Великаго поста въ 1678-мъ году показанъ первымъ изъ бояръ «у дѣйства» въ Соборной церкви Успенія Пресвятыя Богородицы. Въ томъ же году онъ назначенъ первымъ воеводой большого полка у Кіева противъ турокъ; онъ энергично принялся за укрѣпленіе Кіева, построилъ въ окрестностяхъ нѣсколько крѣпостецъ, навелъ черезъ Днѣпръ мостъ «на стругахъ»; турки, узнавъ о готовящемся имъ отпорѣ, не двинулись на Кіевъ и вскорѣ заключили миръ. За укрѣпленіе Кіева Государь пожаловалъ Черкасскаго: послалъ ему на встрѣчу стольника и «изволилъ спрашивать о здоровьѣ и за службы жаловалъ своимъ милостивымъ словомъ». Въ августѣ того же года при дипломатическихъ сношеніяхъ ему велѣно писаться намѣстникомъ Казанскимъ; 30-го сентября Черкасскій былъ уже въ Москвѣ «у руки Государевой» и снова жалованъ милостивымъ словомъ, а, уѣзжая изъ Москвы, Государь оставилъ его въ Москвѣ первымъ изъ бояръ. Въ 1679-мъ году Черкасскій былъ воеводой въ полку въ Переяславлѣ, затѣмъ былъ воеводой въ Казани, а по заключеніи, въ 1681-мъ году, перемирія на двадцать лѣтъ съ турками и крымскими татарами за заслуги свои во время войны съ ними получилъ, 1-го апрѣля 1682-го года, изъ помѣстья въ вотчину 500 четвертей въ Московскомъ, Суздальскомъ и Луховскомъ уѣздахъ. Въ этомъ же году онъ былъ назначенъ членомъ Государевой Думы и подписалъ «Соборное дѣяніе объ уничтоженіи случаевъ и мѣстничества». Во время стрѣлецкаго бунта М. А. рисковалъ собственной жизнью, чтобы спасти своего личнаго врага боярина А. С. Матвѣева—сначала уговаривалъ стрѣльцовъ, а затѣмъ, видя, что убѣжденія не дѣйствуютъ, силой вырвалъ его изъ ихъ рукъ. Насколько велико было его вліяніе при дворѣ видно уже изъ того, что съ нимъ приходилось считаться даже такимъ лицамъ, какъ временщикъ князь В. В. Голицынъ; въ письмахъ этого послѣдняго къ Шакловитому ясна тревога, боязнь передъ все возрастающимъ значеніемъ князя Черкасскаго. Въ «Дворцовыхъ Разрядахъ» этого времени имя князя М. А. встрѣчается исключительно на первыхъ мѣстахъ и онъ осыпается царскими милостями. Съ воцареніемъ Петра I роль и значеніе Черкасскаго возрастаетъ, какъ виднаго и дѣятельнаго члена партіи Царицы Наталіи Кирилловны. Во время поѣздки Государя въ Воронежъ, Черкасскій оставленъ былъ первымъ въ Москвѣ и ему поручено «вѣдать всѣ государевы дѣла»; онъ принималъ дѣятельное участіе въ слѣдственной коммиссіи о стрѣлецкомъ бунтѣ. Для Азовскаго похода Черкасскій на собственныя средства построилъ корабль и Петръ, въ одномъ изъ писемъ, даетъ объ этомъ кораблѣ отзывъ, какъ объ одномъ изъ самыхъ лучшихъ.

Популярность князя М. А. въ это время была такъ велика, что въ 1700-мъ году какой то «книгописецъ» Гришка Талицкій составилъ письмо, въ которомъ называлъ Петра антихристомъ и «приказывалъ народу отступить отъ него... и чтобы выбрали въ правительство боярина князя М. А. Черкасскаго, для того, что онъ человѣкъ *добрый*». Въ томъ же году былъ сформированъ отдѣльный полкъ изъ «школьниковъ всѣхъ школъ» и во главѣ его былъ поставленъ князь М. А. Во время своихъ отлучекъ изъ Москвы, что въ это время случалось очень часто, Петръ почти всегда оставлялъ своимъ замѣстителемъ князя Черкасскаго, велъ съ нимъ дѣятельную переписку, сообщалъ о своихъ побѣдахъ и въ письмахъ ко многимъ изъ своихъ сподвижниковъ приказывалъ «исправлять, не описывяся, все, о чемъ станетъ говорить господинъ Черкасскій». Съ 1702-го по 1705-й годъ Черкасскій «сидѣлъ въ Расправной Палатѣ». Въ 1707-мъ году онъ былъ назначенъ воеводой въ Москвѣ, гдѣ скорѣе можно было ожидать Карла XII, а «товарищей ему прибрать по волѣ своей, кого и сколько похочетъ». Въ 1708-мъ году у него въ имѣніи обѣдалъ царевичъ Алексѣй Петровичъ. Годъ смерти князя М. А. Черкасскаго въ точности не извѣстенъ, по однимъ свѣдѣніямъ онъ умеръ 30 ноября 1721-го года, по другимъ, болѣе достовѣрнымъ—въ 1712-мъ году. Современники дали ему самую лестную характеристику; «онъ отличался» — пишетъ І. Корбъ,—«степенностью, приличной его пожилымъ лѣтамъ... и своей честностью, непорочной жизнью... заслужилъ всеобщую любовь». Петръ, возвратившись изъ первой заграничной поѣздки, не обрѣзалъ бородъ только у боярина Т. Н. Стрѣшнева и князя М. А. Черкасскаго, въ виду ихъ преклоннаго возраста и общаго къ нимъ уваженія.

«Дворцовые Разряды», Спб., 1855 г., т. II, 1043—1398; т. III, 116—118, 1144, 1206, 1207, 1215, 1222, 1292—93; т. IV, стр 79, 115, 118, 127, 214, 235.—«Сборникъ лѣтописей относящихся къ Южной и Западной Руси», Спб., 1888 г., стр. 661.—«Полное Собраніе Законовъ», № 627, 715, 750.—«Дополненія къ Актамъ Историческ.», т. IX, стр. 158, 210—212.—«Сборникъ Имп. Рус. Истор. Общ.», т. 50, стр. 32, 96; т. 94, стр. 612.—«Акты Историч.», т. V, стр. 56. — Устряловъ, «Исторія царствованія Петра Великаго», Спб., 1858 г., т. I, стр. 391—393.—Соловьевъ, «Ист. Рос. съ древ. вр.», Спб., изд. «Об. Пользы», кн. III, стр. 899, 900, 1004, 1005, 1191, 1371, 1476, 1477.—Голиковъ, «Дѣянія Петра В.», изд II, кн. I, стр. 15, 146, 565, 606; кн. XI, стр. 436; кн. XIII, стр. 112, 223, 226.—Бычковъ, «Письма и бумаги Петра Великаго», т. I, стр. 322, 323, 786; т. II, стр. 414—415, 482, 534—535, 544, 547, 548, 582—584, 532; т. III, стр. 651—652, 662 - 663; т. IV, стр. 1119.—Н. В. Калачовъ, «Доклады и приговоры, состоявш въ Правит. Сенатѣ въ царств. Петра В.», т. II, стр. 100, 187; т. III,—1, стр. 83, 160; III,—2, стр. 727; т. IV,—2, стр. 651; т. V,—1, стр. 177—180; т. V,—2, стр. 1162, 1166, 1170.— Описаніе документ. и бумагъ, хранящ. въ Москов. архивѣ Мин. Юстиц.», кн. IX, стр. 91, 118—120, 125; кн. X, стр. 216, 267, 307, 331, 332, 443, 445, 448; кн. XI, 563, стр. 2, IV; VI. 598; II, 621.—«Архивъ кн. Куракина», Спб., 1890 г., кн. I, стр 53, 57, 96.—П. Ивановъ, «Опис. государ. разряд. архива», Москва, 1842 г., стр. 16.—П. Ивановъ. «Указатель къ бояр. книг.», Москва, 1853 г.—«Рус. Архивъ», 1865 г., стр. 650, 666; 1870 г.—«Сборникъ Муханова», Спб., 1866 г., стр. 555—Лобановъ-Ростовскій, «Рус. Род. Кн.», ч. II, изд. 2, 1895 г., стр. 109.—Петровъ, «Ист. родовъ рус. дворян., т. I, Спб., 1885 г., стр. 222.—Долгоруковъ, «Рус. Род. Кн.», т. II, стр. 323.—В. и Г. Холмогоровы: «Историч. матеріалы о церквахъ и селахъ XVI—XVIII ст.», вып. III, ст. 247.—«Извѣстія Русскаго Генеалогическаго Общества», т. II, отд. 2, стр. 1 16, статья Н. Н. Кашкина «Столицы кн. Черкасскихъ».—«Tagebuch des Generals Patrik Gordon». St.-P., 1851, т. II, 639.—Iohann Georg Korb: «Дневникъ». Перев. съ латин. Б. Женева и М. И. Семевскаго. Москва, 1868 г. стр. 88 пр. 35, 113, 114, 127, 161, 165, 167, 171, 312, 335, 339.

Н. Тучко.

Черкасскій, *князь Михаилъ* (до крещенія Салтанукъ) *Темгрюковичъ*, сынъ Темгрюка Идаровича, владѣтеля «черкасской земли» (Большой Кабарды), прибылъ въ Россію въ октябрѣ 1558-го года и обучался грамотѣ въ Кремлевскомъ дворцѣ вмѣстѣ съ сыновьями князей Сибока и Сююнбека. Уже въ слѣдующемъ 1559-мъ году онъ отличился на войнѣ съ крымцами—«истребилъ конскій отрядъ», какъ доносилъ великому князю Вишневецкій. Черкасскій началъ пріобрѣтать особенную силу и вліяніе съ 1561-го года, когда породнился съ Іоанномъ IV,—послѣдній 21 августа женился на его сестрѣ Маріи Темгрюковнѣ. Въ концѣ 1562-го г. князь М. Т. показанъ рындой съ большимъ государевымъ сайдакомъ въ «Полотскомъ походѣ», а въ слѣдующемъ году по случаю завоеванія Полоцка, ему было поручено «говорить посольскія рѣчи» митрополиту Макарію, князю Юрію Васильевичу и княгинѣ Евфросиніи Андреевнѣ; въ 1567-мъ году, онъ былъ пожалованъ

въ бояре. Отношенія съ Іоанномъ Грознымъ у князя М. Т. были самыя лучшія— одно время, а именно тотчасъ по установленіи опричнины, Іоаннъ даже жилъ у князя Черкасскаго, въ его домѣ, за Неглинной, на Воздвиженской улицѣ. Сохраненію хорошихъ отношеній много способствовало и сходство характеровъ. Карамзинъ даетъ ему слѣдующую характеристику: «суровый азіатецъ, то знатнѣйшій воевода, то гнуснѣйшій палачъ, осыпаемый и милостями, и ругательствами. и... побоями.., многократно обогощаемый и многократно лишаемый всего въ забаву царю». Онъ принималъ живое участіе въ кровавыхъ потѣхахъ Грознаго, собственноручно замѣняя палача; такъ въ 1567-мъ году онъ «разсѣкъ на части казначея государева Хозяина Юрьевича Тютина съ женой, двумя сыновьями и двумя юными дочерьми». Кельхъ передаетъ (Lievl. Geschichte, 280), что около 1568-го года родственники и вельможи Іоанна Грознаго собирались передаться королю Сигизмунду и между прочими родственниками упоминаетъ и князя М. Т. Другіе источники ничего не говорятъ объ этомъ намѣреніи князя Черкасскаго; можно допустить, что если такой планъ и былъ, то онъ остался въ области тайныхъ желаній, ничѣмъ не проявился вовнѣ и не вызвалъ никакихъ печальныхъ послѣдствій для князя М. Т., такъ какъ въ служебной іерархіи онъ продолжалъ занимать видное мѣсто до самой смерти; въ 1568, 1570 и весной 1571-го года онъ показанъ первымъ воеводой «большихъ» полковъ въ войнахъ съ крымцами; въ 1570-мъ году принималъ видное участіе въ рѣшеніи вопроса о проведеніи Полоцкаго рубежа. Не задолго до смерти князь М Т. интриговалъ противъ дьяка Василія Щелкалова; по его наущенію подъячій Уланъ Айгустовъ «доводилъ лихія дѣла» на Щелкалова; окончанія этого дѣла мы не знаемъ; можетъ быть оно было прекращено за смертью князя М. Т.—посаженнаго на колъ, когда заболѣла третья жена Іоанна Грознаго— Мароа Собакина; въ ея болѣзни обвинили родственниковъ двухъ первыхъ женъ царя. Царская опала поразила князя Черкасскаго, когда онъ собирался съ полкомъ опричниковъ итти въ слѣдъ за Девлетъ-Гиреемъ.

«Акты Историч.», т. I, стр. 319—321.—«Акты собр. Археогр. Эксп.», т. I, стр. 316.—«Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ.», т. 71, стр. 640, 666.—Петровъ, «Ист. родовъ рус. дворянства», т. I, стр. 222.—Лобановъ-Ростовскій, «Рус. родосл. книга», ч. II, стр. 109, изд. II, 1895 г.—Карамзинъ, «Ист. госуд. Рос.», т. VIII, изд. 1821 г., стр. 228; прим. 416, 559; т. IX, стр. 57, 59, 102, 110, 187—188; прим. 3, 72, 138, 183, 353, 365.—Соловьевъ, «Ист. Рос. съ древн. врем.», изд. 3, т. VII, стр. 168; т. IX, стр. 368.

Н. Тычино.

Черкассій, *князь Михаилъ Яковлевичъ*, сынъ Якова Куденетовича, ближній бояринъ и послѣдній воевода Тобольскій. Въ ранней юности онъ прибылъ въ Россію, былъ крещенъ и возведенъ въ княжеское достоинство. Въ 1667-мъ году онъ построилъ въ Новоспасскомъ монастырѣ церковь во имя Николая Чудотворца и при ней больницу. Въ «Дворцовыхъ Разрядахъ» онъ впервые показанъ подъ 1680-мъ годомъ стольникомъ —«наряжалъ вина для государева стола», а въ 1682—83-мъ гг. сопровождалъ Царя Петра Алексѣевича въ загородныхъ поѣздкахъ его въ село Воробьево и Новодѣвичій монастырь. 1685 годъ Черакссій провелъ на воеводствѣ въ Новгородѣ, причемъ ему поручено было обратить особое вниманіе на борьбу съ расколомъ и «сыскивать раскольниковъ, бѣжавшихъ за Свѣйскій рубежъ». Долго ли онъ оставался въ Новгородѣ—остается невыясненнымъ, но въ промежутокъ между 1690 и 1692-мъ годомъ онъ снова былъ въ Москвѣ,— между прочимъ, присутствовалъ на свадьбѣ кн. Б. И. Куракина. Въ 7-й день кончины царя Іоанна Алексѣевича, въ 1696-мъ году, М. Я. дневалъ и ночевалъ у его гроба и по указу Государя «кормилъ патріарха со властьми и со освященнымъ соборомъ въ его Патріаршей Крестовой Палатѣ». Въ сентябрѣ 1697-го года князь Черкасскій былъ назначенъ воеводой въ Тобольскъ съ приказаніемъ: ѣхать «не мѣшкавъ», причемъ ему была дана самая подробная инструкція; въ товарищи ему былъ данъ сынъ его Петръ, а послѣ смерти послѣдняго въ 1701-мъ году—второй сынъ Алексѣй. На этомъ мѣстѣ Черкасскій пробылъ до 1710-го года и за это время своимъ добросовѣстнымъ и энергичнымъ управленіемъ снискалъ любовь и расположеніе Государя и народа. Онъ завелъ въ Сибири первые кирпичные заводы въ окрестностяхъ г. Томска, заложилъ въ самомъ городѣ каменную

церковь и первыя каменныя зданія, построилъ Каменскіе желѣзные заводы на р. Каменкѣ, занимался изысканіемъ и добычей рудъ, лилъ пушки и другія артиллерійскія орудія на Верхотурьи, о чемъ писалъ Виніусъ Петру I въ 1702 г. и съ большимъ одобреніемъ высказывался о дѣятельности Черкасскаго. Но кромѣ этой административно-культурной дѣятельности М. Я. постоянно приходилось выказывать и таланты военачальника; и на этомъ поприщѣ онъ показалъ себя стоящимъ на высотѣ призванія, такъ какъ все время съ успѣхомъ велъ борьбу съ незамиренными инородческими племенами и только жаловался Царю, «что служилыхъ людей мало и послать противъ башкиръ некого». Добросовѣстность его была внѣ сомнѣнія, и въ средѣ сибирскихъ воеводъ того времени онъ является въ этомъ отношеніи рѣдкимъ исключеніемъ, хотя Е. Карновичъ, выясняя источники происхожденія крупныхъ состояній, и намекаетъ на то, что состояніе М. Я. возникло не совсѣмъ легальнымъ путемъ; «съ должности воеводъ» — говоритъ онъ — «тогда не возвращались съ пустыми карманами», но никакихъ болѣе точныхъ свѣдѣній о незаконномъ пріобрѣтеніи состоянія Черкасскаго не даетъ, тогда какъ безкорыстіе и честность М. Я. засвидѣтельствованы самимъ правительствомъ: самоуправство и поборы съ населенія не только воеводъ, но и пріѣзжихъ къ нимъ родственниковъ и знакомыхъ, вынудили правительство запретить безъ разрѣшенія Государя ѣздить въ Сибирь къ воеводамъ, но князя М. Я. и его семьи это запрещеніе не касалось. Словцовъ, въ своемъ «Обозрѣніи Сибири», также свидѣтельствуетъ о честности князя М. Я. и даже утверждаетъ, что «послѣдніе Тобольскіе воеводы... князья Черкасскіе... безкорыстнымъ долголѣтнимъ управленіемъ и оправданной довѣренностью утвердили правительство въ сосредоточеніи всѣхъ воеводствъ въ одну точку». Умеръ князь Черкасскій 28-го іюня 1712-го года, уже вернувшись изъ Сибири въ Москву.

Полное Собр. Законовъ, т. III, № 1530, 1556, 1594, 1665, 1857; т. V, № 2667.—Памятн. Сибирской исторіи XVIII в., кн. I (1700—1713 г.), Спб. 1882, стр. 65, 375, 242.—Тобольск. Губерн. Вѣдом. 1871 г., № 16.—Дополн. къ Акт. Истор., т. X, Спб. 1867 г., стр. 31—32; 444.—Дворцовые Разряды, т. IV, Спб., 1855 г., стр. 161, 227, 1083—1084.—Сборн. Имп. Рус. Историч. Общ., т. 11, стр. 245—47. т. 66, стр. 159—160.—«Записки Юста Юля», изд. Ю. Н. Щербачева, Москва, 1900 г., стр. 225, 250.—Н. В. Щегловъ.—«Хронологич. перечень важнѣйш. данныхъ изъ ист. Сибири», Иркутскъ, 1883 г., стр. 142, 149.—«Русская Историч. Библ.» т. VIII, стр. 689.—«Акты Историч.», т. V, стр. 220, 520.—«Письма и бумаги Петра В.», т. I, Спб., 1887 г., стр. 808, 813; т. II, стр. 413.—«Письма леди Рондо», Спб., 1874 г., стр. 230—231.—Голиковъ, «Дѣянія Петра В.», изд. II, т. V, стр. 100; т. XIII, стр. 223.—П. Барановъ, «Опись именнымъ высочайшимъ указамъ и повелѣн. царствованія Имп. Петра В.», Спб., 1872 г., т. I, № 235, 239, 1427.—«Архивъ кн. Куракина», кн. I стр. 249, 270.—Калачовъ, «Доклады и приговоры правит. Сената и пр.», т. II, стр. 158; т. III, кн. 1, стр. 230—235; кн. 2, стр. 1132.—«Описаніе документ. и бумагъ Москов. архива мин. юстиціи», т. XI, 768, 1, II; 769, ст. 1, V.—«Сборникъ Муханова», Спб., 1866 г.—Словцовъ, «Историч. обозрѣніе Сибири», кн. I, Спб., 1886 г., стр. 163, 186—187.—Е. П. Карновичъ, «Замѣчат. богатства частн. лицъ въ Россіи», Спб., 1874 г., стр. 229.—«Календарь Тобольск. губерн. на 1890 г.».—Tagebuch des Generals Patrick Gordon», St.-P., 1851 г., т. III, стр. 163, 164, 167, 184, 222.—Соловьевъ, «Ист. Рос. съ древн. вр.», изд. «Общ. Польза», т. III, стр. 1266; т. IV, стр. 255.

Н. Тычино.

Черкасскій, *князь Яковъ Куденетовичъ* (или Куденековичъ), ближній бояринъ и воевода, до крещенія носилъ имя Урусканъ-мурза; князья Иванъ Борисовичъ и Василій Кардануковичъ Черкасскіе приходились ему двоюродными братьями. Неизвѣстны ни мотивы, побудившіе Урускана-мурзу пріѣхать въ Россію и здѣсь креститься, ни время его пріѣзда и крещенія, ни обстоятельства его жизни вплоть до 17-го мая 1625-го года, когда впервые встрѣчаемъ въ памятникахъ его имя: при отпускѣ въ этотъ день персидскаго посольства князь Яковъ Куденетовичъ Черкасскій сидѣлъ въ меньшей золотой палатѣ среди стольниковъ, на первомъ мѣстѣ. За все время съ 1625-го по 1645-й годъ князь Яковъ Куденетовичъ очень рѣдко принималъ участіе въ придворныхъ церемоніяхъ и торжествахъ; вотъ всѣ случаи, сохранившіеся въ разрядныхъ записяхъ: 5-го февраля 1626-го г. онъ сидѣлъ на жениховомъ мѣстѣ во время бракосочетанія царя Михаила Ѳедоровича съ Евдокіей Лукьяновной Стрѣшневой; въ февралѣ и 17-го мая 1631-го г. сидѣлъ первымъ стольникомъ въ меньшей золотой палатѣ, когда Государь принималъ шведскаго посла Антона Монира; 21-го марта 1635-го г. первымъ «передъ Государя пить носилъ» во время торжествен-

наго обѣда въ честь отъѣзжавшихъ литовскихъ пословъ Песочинскаго и Сапѣги; 19-го мая того же года — на такомъ же обѣдѣ въ честь персидскаго посла; 28-го января 1643-го г. и 28-го января 1644-го г. «вина наряжалъ» на обѣдахъ въ честь датскаго королевича Вальдемара. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ награждалъ князя Черкасскаго за эту службу своимъ жалованьемъ: извѣстно, что въ 1632-мъ году князю Якову Куденетовичу была пожалована въ помѣстье вотчина Кузьмы Минина село Богородицкое, а въ 1633-мъ году ему и князю Ивану Борисовичу Черкасскому былъ отданъ домъ Кузьмы Минина, находившійся въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Два раза князь Яковъ Куденетовичъ былъ посыланъ на береговую службу въ Тулу: 1-го мая 1641-го года Государь указалъ ему ѣхать туда первымъ воеводой и принять тамъ начальство надъ ратными людьми, бывшими тамъ въ 1639-мъ году съ княземъ Иваномъ Борисовичемъ Черкасскимъ для обереганія русской границы отъ набѣговъ крымцевъ и ногайцевъ; 17-го сентября того же года онъ былъ отпущенъ къ Москвѣ. 1-го мая 1645-го года Государь опять указалъ князю Якову Куденетовичу ѣхать на воеводство, въ ту же Тулу, куда 22-го іюля пріѣхалъ стольникъ князь Б. И. Троекуровъ спрашивать его о здоровьи уже отъ имени новаго Царя. Отпущенный, 15-го сентября 1645-го года, съ Тулы къ Москвѣ, князь Яковъ Куденетовичъ, 28-го сентября того же года, въ коронованіе Царя Алексѣя Михайловича первымъ передъ нимъ ходилъ и вино наряжалъ при государевомъ столѣ, а 29-го сентября былъ пожалованъ въ бояре и сидѣлъ за Государевымъ столомъ въ Грановитой палатѣ. Съ самаго начала царствованія Алексѣя Михайловича князь Яковъ Куденетовичъ сталъ принимать очень дѣятельное участіе въ жизни двора: онъ, то сопровождалъ богомольнаго Царя въ походахъ по монастырямъ, то ѣздилъ съ Царемъ тѣшиться въ подмосковныя села, то обѣдалъ у Государя по случаю большихъ праздниковъ или радостныхъ событій въ семействѣ царскомъ, а 16-го января 1648-го г. при бракосочетаніи Государя съ Марьей Ильиничной Милославской былъ въ тысяцкихъ. Въ 1649—1650-мъ гг. князь Яковъ Куденетовичъ вѣдалъ Стрѣлецкій и Иноземскій приказы и Новую Четь.

Польская война, начавшаяся въ 1654-мъ году, дала возможность князю Якову Куденетовичу выказать такое искусство въ ратномъ дѣлѣ, что его причисляютъ къ самымъ выдающимся полководцамъ царствованія Алексѣя Михайловича. Назначенный первымъ воеводою большого полку въ войскѣ, при которомъ находился и самъ Царь, князь Яковъ Куденетовичъ 17-го мая 1654-го г. выступилъ изъ Москвы къ Смоленску; Дорогобужъ сдался 4-го іюня безъ боя и въ концѣ іюня русское войско расположилось подъ Смоленскомъ; 28-го іюня самъ Царь расположился станомъ въ Богдановой околицѣ, а 5-го іюля перешелъ на Дѣвичью Гору. Отсюда царь послалъ 9-го іюля своихъ воеводъ ближнихъ, боярина князя Якова Куденетовича Черкасскаго «съ товарищи», на литовскаго гетмана Януша Радзивилла подъ Оршу и велѣлъ имъ «промышлять надъ Радзивилломъ, сколько милосердый Богъ помощи подастъ». Въ товарищахъ съ княземъ Яковомъ Куденетовичемъ отправились воеводы сторожевого полку князь Мих. Мих. Темкинъ-Ростовскій и Василій Ив. Стрѣшневъ, передового полку—князь Никита Ивановичъ Одоевскій и князь Ѳед. Юрьев. Хворостининъ. Гетманъ Запорожскій Иванъ Золотаренко долженъ былъ идти подъ Оршу на помощь къ князю Черкасскому, но, занятый осадой Гомеля, уже во второй половинѣ августа могъ отдѣлить только 1.000 казаковъ подъ начальствомъ своего брата Василія; въ то же время гетману Хмѣльницкому со стольникомъ Андр. Вас. Бутурлинымъ велѣно было «промышлять» надъ коронными и литовскими городами. Благодаря всѣмъ этимъ распоряженіямъ, гетманъ Радзивиллъ былъ поставленъ въ очень затруднительное положеніе, такъ какъ онъ оказался предоставленнымъ исключительно своимъ силамъ, не превышавшимъ, по извѣстіямъ польскихъ историковъ, 8.000 человѣкъ, въ виду многочисленной московской рати. Поэтому Радзивиллу хотя и удалось 2-го августа неожиданнымъ ночнымъ нападеніемъ нанести чувствительный уронъ московскому войску, но уже 4-го августа, придя къ Оршѣ, князь Яковъ Куденетовичъ могъ донести Царю, что

Радзивиллъ изъ-подъ Орши побѣжалъ къ Копыси. Взявъ Оршу, князь Черкасскій двинулся за Радзивилломъ къ Копыси и занялъ этотъ городъ безъ сопротивленія, такъ какъ Радзивиллъ побѣжалъ дальше, а жители Копыси присягнули Царю. 7-го августа воеводы настигли Радзивилла подъ Шкловымъ и разбили его, не прибѣгая къ помощи князю Алексѣя Никит. Трубецкого, стоявшаго въ то время за Днѣпромъ. Радзивиллъ побѣжалъ къ Борисову. Обрадованный этими успѣхами, Царь прислалъ, 11-го августа, къ воеводамъ князю Якову Куденетовичу съ товарищи стольника спросить о здоровьи. Въ погоню за Радзивилломъ велѣно было идти князю Алексѣю Никит. Трубецкому, а князю Якову Куденетовичу поручено было промышлять надъ Шкловымъ, Быховымъ и другими литовскими городами. Еще осенью того же 1654-го года посланные княземъ Черкасскимъ отряды успѣли взять нѣсколько городовъ. Такъ какъ въ Москвѣ съ іюля 1654-го года до начала 1655-го года свирѣпствовала моровая язва, отъ которой во дворѣ князя Якова Куденетовича умерло 423 человѣка изъ 533, то князю не пришлось на время затишья въ военныхъ дѣйствіяхъ по случаю холоднаго времени года возвратиться на отдыхъ въ Москву; при томъ же и Царь въ письмѣ къ нему, 19-го января, сообщалъ о своемъ намѣреніи въ скоромъ времени опять выступить противъ Польши; 23-го января Царь писалъ къ Матвѣеву, что онъ послалъ уже по бояръ и по всѣхъ ратныхъ людей и велѣлъ имъ со всѣми запасами идти на службу и ставиться безсрочно, потому что время приспѣло.

Раннею весною 1655-го года Государь отправился въ Смоленскъ, гдѣ его уже ожидалъ князь Яковъ Куденетовичъ, бывшій по прежнему первымъ воеводою большого полку, и къ лѣту война была въ полномъ разгарѣ. 11-го іюля Государь указалъ князю Якову Куденетовичу съ товарищи идти подъ Вильну, вмѣстѣ съ запорожцами подъ начальствомъ гетмана Ивана Золотаренки. 29-го іюля въ полумилѣ отъ Вильны русскіе сразились съ поляками, бывшими подъ начальствомъ Радзивилла и Гонсевскаго, и разбили ихъ, а затѣмъ овладѣли Вильной; 9-го августа было взято Ковно, а 29-го—Гродно. Повидимому, князь Яковъ Куденетовичъ не принималъ непосредственнаго участія въ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ, а оставался въ Вильнѣ при Царѣ, который уже далъ было князю приказъ послать походныхъ воеводъ съ значительнымъ количествомъ ратныхъ людей къ Варшавѣ; туда же двинулся и самъ князь Черкасскій съ главными силами. Но походъ этотъ пришлось остановить потому, что на театрѣ войны готовился выступить еще одинъ противникъ—шведскій король Карлъ X, успѣвшій овладѣть Великой Польшей, Варшавой, Краковомъ и стремившійся къ захвату Бѣлоруссіи и Литвы. Столкновеніе желали предотвратить переговорами, которые поручено было вести князю Якову Куденетовичу. Черезъ дворянина Лихарева, отправленнаго 18-го августа, князь старался привлечь великаго гетмана Литовскаго князя Радзивилла на сторону Царя Алексѣя Михайловича обѣщаніями царскаго жалованія и сохраненія всѣхъ вольностей и вѣры; но и Радзивиллъ, а за нимъ и польный гетманъ Гонсевскій дали уклончивые отвѣты. Въ сентябрѣ князь Черкасскій выразилъ черезъ дворянина Нестерова шведскому генералу графу Делагарди протестъ противъ занятія шведами городовъ, взятыхъ русскими въ 1654 и 1655-мъ гг.; Делагарди обѣщалъ представить дѣло на усмотрѣніе короля. Между тѣмъ успѣхи русскихъ заставили Гонсевскаго уже въ октябрѣ прислать къ князю Якову Куденетовичу запросъ о томъ, не пожелаетъ ли Царь заключить миръ съ королемъ Яномъ-Казиміромъ. Переговоры начались, но о степени участія въ нихъ князя Черкасскаго ничего положительнаго не извѣстно. 6-го апрѣля 1656-го г. онъ былъ за столомъ государевымъ на Москвѣ, куда уѣхалъ, должно быть, вмѣстѣ съ Царемъ еще въ ноябрѣ 1655-го года. Въ маѣ 1656-го года указано князю Якову Куденетовичу ѣхать въ Смоленскъ первымъ воеводою большого полку противъ шведскаго короля. Въ іюнѣ князь двинулся съ войскомъ изъ-подъ Смоленска противъ шведовъ, завоевалъ много городовъ, и при осадѣ Риги стоялъ съ своимъ 12.000-мъ отрядомъ въ пяти верстахъ отъ города, противъ цитадели, у нынѣшняго Московскаго предмѣстья. Подъ прикрытіемъ большого полка князя Якова Куденетовича и ертаула стольника П. В. Шереметева Царь отсту-

вилъ 5-го октября 1656-го года отъ Риги къ Куконосу; оба воеводы удачно отбили всѣ нападенія преслѣдовавшихъ русское войско шведовъ, за что Царь велѣлъ ихъ о здоровьи спрашивать. За промежутокъ времени съ конца 1656-го года до 1663-го года изъ дѣятельности князя Якова Куденетовича сохранилось упоминаніе только объ одномъ случаѣ, а именно: 7-го февраля 1659-го года онъ находился среди немногихъ близкихъ къ Царю бояръ, когда обсуждались особо важныя статьи, касавшіяся сношеній съ малороссійскимъ гетманомъ Выговскимъ; очень часто упоминается имя князя Якова въ разрядныхъ записяхъ среди гостей за столомъ у Государя; 12-го апрѣля 1663-го года онъ водилъ въ Вербное Воскресенье осля подъ Крутицкимъ митрополитомъ.

Въ виду возобновленія войны съ Польшей, князю Черкасскому велѣно было, 16-го іюня 1663 года, быть на государевой службѣ въ Смоленскѣ первымъ воеводой. Военныя дѣйствія противъ поляковъ, которыми предводительствовалъ самъ король, начались въ концѣ 1663-го года и сопровождались удачею для князя Якова. Однако, онъ не сумѣлъ воспользоваться стѣсненнымъ положеніемъ польскаго короля и далъ ему уйти въ Польшу, вмѣсто того, чтобы взять его со всѣмъ его истощеннымъ войскомъ въ плѣнъ. Эта оплошность и долгое безполезное стояніе то подъ Смоленскомъ, то подъ Болховомъ, только оттягивали возможность скорѣйшаго заключенія мира и казались до такой степени непонятными современникамъ, что они находили вѣроятнымъ даже предположить какую-то измѣну со стороны перваго воеводы. Правда, по свидѣтельству Григорія Котошихина, находившагося подъ Смоленскомъ при князѣ Черкасскомъ, подобное предположеніе исходило отъ князя Юрія Алексѣевича Долгорукаго, хотѣвшаго занять мѣсто князя Якова Куденетовича въ войскѣ, и было чистѣйшей клеветой. Во всякомъ случаѣ Царь Алексѣй Михайловичъ счелъ нужнымъ спросить князя Якова о здоровьи и въ то же время сдѣлать ему выговоръ за бездѣйствіе, но не смѣстилъ его сразу. Для оказанія воздѣйствія на польскихъ комиссаровъ, съѣзжавшихся въ Дуровичахъ для переговоровъ о мирѣ, князь Черкасскій получилъ отъ Царя въ іюнѣ 1664-го года приказаніе итти къ Оршѣ. Надо думать, что князь продолжалъ по прежнему обнаруживать недостатокъ энергіи, такъ какъ въ іюлѣ 1664-го года онъ былъ отозванъ Царемъ въ Москву подъ предлогомъ, что онъ долженъ быть дворовымъ воеводою во время предполагаемаго царскаго похода въ Литву; на его мѣсто былъ назначенъ князь Ю. А. Долгорукій. Послѣдніе годы своей жизни князь Яковъ Куденетовичъ провелъ вдали отъ тревогъ военной жизни, повидимому, даже въ нѣкоторомъ удаленіи отъ двора: по крайней мѣрѣ, въ разрядахъ за все время записанъ одинъ только случай участія его въ церемоніяхъ—9-го марта 1665-го года онъ посреди повода держалъ осля, котораго въ Вербное Воскресенье велъ подъ митрополитомъ Сарскимъ и Подонскимъ Павломъ Царь Алексѣй Михайловичъ. Князь Черкасскій умеръ 8-го іюля 1666-го года. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Евдокіи Семеновнѣ Прозоровской и отъ этого брака имѣлъ сыновей Михаила (ум. 28 іюня 1712 г.) и Ивана (ум. 28 сентября 1658 г.), дочерей Евдокію и Анну (ум. 21 іюня 1649 г.).

Среди лицъ, окружавшихъ царя Алексѣя Михайловича, князь Яковъ Куденетовичъ былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся. Съ одной стороны огромное богатство, увеличившееся особенно послѣ полученія въ 1642-мъ году наслѣдства отъ князя Ивана Борисовича Черкасскаго; съ другой—знатность происхожденія и родственныя связи съ сильными людьми; наконецъ, расположеніе самого Царя давали ему чрезвычайное значеніе и силу при дворѣ. Трудно сказать, насколько личныя качества князя играли роль при этомъ, иными словами, насколько онъ былъ достоинъ своего положенія. Административныя способности его не получили возможности проявиться вслѣдствіе кратковременности его службы въ приказахъ. Что же касается военныхъ, то, кажется, рѣдко въ русской военной исторіи до-Петровскаго времени военныя приготовленія были такъ тщательны и при томъ непріятель такъ слабъ, какъ во время войны съ Польшей 1653—1665 гг.: этому перевѣсу силы, а не тонкости стратегическихъ и тактическихъ пріемовъ слѣдуетъ скорѣе приписать всѣ успѣхи князя Черкасскаго; такъ-же было и въ войнѣ съ Швеціей.

Насчетъ того, какъ пользовался князь

Яковъ Куденетовичъ своимъ вліяніемъ, прямыхъ свидѣтельствъ не сохранилось. Имя его было во всякомъ случаѣ такъ-же популярно, какъ имена Никиты Ивановича Романова, князя Ив. Андр. Голицына и другихъ; народная молва приписывала ему въ 1649-мъ году готовность выступить однимъ изъ вождей движенія, направленнаго противъ Морозова и Милославскихъ.

Барсуковъ, А., «Родъ Шереметевыхъ», IV, 76, 181, 201; III, 232, 262, 296; VI, 250, 255, 256, 280; VI, 523—524. — Чтенія въ Общ. Исторіи и Древностей Росс., 1859 г., кн. III, 82.—Дополненія къ Актамъ Историческимъ, V, 109; т. VI, 445, 451.—Акты, относящ. къ исторіи Южной и Западн. Россіи, т. VI, 129, прим. 1; XIV, 5, 6, 16, 17, 52, 139, 747, 748, 755, 767, 769, 771, 772, 775.—Акты Археограф. Экспедиціи, т. IV, 199. — Лѣтопись Гадячскаго полковника Грабянки, изд. Врем. Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ. Кіевъ 1853, стр. 186.—Дворцовые Разряды кн. I, 684, 770; II, 209, 436, 460, 655, 656, 657, 672, 726, 752, 754, 838; III, 5, 14, 17, 63, 78, 101, 123, 124, 127, 136, 137, 138, 139, 141, 156, 170, 175, 212, 264, 290, 297, 313, 314, 335, 343, 347, 404, 409, 419, 427, 439, 440, 441, 442, 450, 453, 454, 467, 472, 478; дополн. къ III ч. Дв. Разрядовъ, ст. 44, 55, 72, 77, 78.—Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. IV, стр. 338, 339, 340.—Лѣтопись о многихъ мятежахъ и о разореніи Московскаго государства... изд. 2-е, Москва 1788, стр. 355.—Сборникъ лѣтописей, относящ. къ исторіи Южн. и Западн. Руси, С.-Петербургъ, 1888, стр. 22.—Historya panowania Jana Kazimierza przez nieznajomego autora Wydana z rękopismu przez Edwarda Raczynskiego, Poznan, 1840, т. I, 181, 185, 188, 189, 231. — Краткое описаніе ставропигіальнаго Новоспасскаго монастыря въ Москвѣ составл. іеромон. Адріаномъ. Москва, 1821, стр. 61, 62. — Соловьевъ, Исторія Россіи (изд. «Общ. Пользы») кн. II, ст. 1312, 1524, 1525, 1663, 1667, 1670, 1682; кн. III, ст. 15, 130, 165—168, 614.—Древняя Росс. Вивліоѳика, изд. 2-е, ч. XX, 103, 118; изд. 1897 г.; ч. I, стр. 6, 8; II, 176, 186.—Новый лѣтописецъ по списку кн. М. А. Оболенскаго. Москва 1854. Прилож. стр. 3. — Выходы государей, царей и великихъ князей Михаила Ѳедоровича, Алексѣя Михайловича и Ѳедора Алексѣевича всея Руссіи самодержцевъ, Москва, 1844, указат. 51.—Г. Котошихинъ, О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, изд. Арх. Коммиссіи.—Кн. П. Долгоруковъ, Россійск. Родословн. книга, т. II, стр. 38.—Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ, т. III, 281, 282.—Полн. Собраніе Законовъ, т. I, № 157, 158, 372.

В. Бенешевичъ.

Черкесовъ, *Антонъ Антоновичъ*, генералъ-маіоръ, помощникъ начальника 18-й пѣхотной дивизіи, родился въ 1824-мъ году и получилъ домашнее воспитаніе. Поступивъ въ военную службу, Черкесовъ, въ 1843-мъ году, былъ произведенъ въ прапорщики и служилъ въ л.-гв. Измайловскомъ полку. Въ 1855-мъ году Черкесовъ былъ произведенъ въ полковники, а въ 1863-мъ году былъ назначенъ командиромъ Тульскаго пѣхотнаго полка. Въ 1869-мъ году онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры назначенъ помощникомъ начальника 18-й пѣхотной дивизіи и, состоя въ этой должности, умеръ 18 февраля 1870-го года.

Русскій Инвалидъ, 1870 г., № 47.—Ежегодникъ Русской Арміи за 1871 г., ч. II, стр. 70.

А. Трика.

Черкесовъ, *Михаилъ Николаевичъ*, генералъ-маіоръ, начальникъ штаба Кіевскаго Военнаго Округа, родился въ 1833-мъ году и происходилъ изъ дворянъ Оренбургской губ. Въ 1851-мъ году Черкесовъ поступилъ въ Михайловское артиллерійское училище и въ 1853-мъ году былъ произведенъ въ прапорщики съ оставленіемъ при офицерскихъ классахъ. Въ 1855-мъ году онъ съ успѣхомъ окончилъ офицерскіе классы и поступилъ въ ряды кавказской арміи, въ 1-ую батарею кавказской гренадерской артиллерійской бригады. Въ томъ же году онъ участвовалъ въ штурмѣ Карса. На Кавказѣ Черкесовъ служилъ до 1854-го г.; затѣмъ онъ былъ прикомандированъ къ Генеральному Штабу. Въ 1861-мъ году, выдержавъ экзаменъ, Черкесовъ, въ чинѣ штабсъ-капитана, поступилъ въ практическій классъ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, гдѣ и окончилъ курсъ въ томъ же году. По окончаніи Академіи, Черкесовъ снова вступилъ въ ряды кавказской арміи. Въ 1863-мъ году, въ чинѣ подполковника, онъ былъ назначенъ управляющимъ канцеляріей по управленію кавказскими горцами. Въ концѣ 1865-го г. Черкесовъ, въ чинѣ полковника, состоялъ для особыхъ порученій при главнокомандующемъ кавказской арміей. Въ 1865—1869-мъ гг. онъ былъ начальникомъ штаба Терской области. Въ 1869-мъ году Черкесовъ получилъ чинъ генералъ-маіора и былъ назначенъ начальникомъ штаба Восточно-Сибирскаго военнаго округа. Въ этой должности онъ оставался до 1872-го г. Послѣ того, нѣкоторое время онъ былъ предсѣдателемъ Киммисіи по составленію положенія объ общей военноконской повинности въ Имперіи. Въ 1873-мъ году Черкесовъ былъ назначенъ начальникомъ Штаба Кіевскаго Военнаго Округа. Во время Русско-Турецкой войны

1877—78-го гг. онъ состоялъ при начальникѣ военныхъ сообщеній, и затѣмъ, съ октября, былъ начальникомъ штаба войскъ прикрывавшихъ тылъ дѣйствующей арміи. Въ ноябрѣ 1878-го г. Черкесовъ возвратился на прежнюю должность въ Кіевъ, гдѣ и оставался до смерти, послѣдовавшей 17-го іюля 1881-го года.

Кіевлянинъ, 1881 г. № 159.—Русскій Инвалидъ 1881 г. № 170.

Н. Горчаковъ.

Черкесовъ, *Николай Петровичъ,* генералъ отъ кавалеріи, происходилъ изъ дворянъ Новгородской губерніи, родился 29 ноября 1793-го г. и поступилъ на службу юнкеромъ въ л.-гв. Драгунскій полкъ въ 1811-мъ году и въ томъ же году произведенъ въ фаненъ-юнкера; онъ участвовалъ въ отечественной войнѣ, былъ въ сраженіяхъ подъ Витебскомъ, Смоленскомъ, Бородинымъ, Малымъ Ярославцемъ (1812), при Піонѣ, Седанѣ, Монтмиралѣ, подъ Реймсомъ, при Лаферъ-Шампеноазѣ и при взятіи Парижа (1814), произведенъ въ прапорщики 21-го октября 1812-го г. и награжденъ за отличіе противъ непріятеля орденомъ св. Анны съ надписью «За храбрость» въ 1814-мъ году. Въ январѣ 1816-го г. Черкесовъ былъ уволенъ отъ службы съ чиномъ поручика, а въ декабрѣ того-же года вновь опредѣленъ на службу въ Оренбургскій Уланскій полкъ. Въ чинѣ штабсъ-ротмистра, Черкесовъ былъ переведенъ въ Гродненскій, впослѣдствіи Клястицкій, гусарскій полкъ въ 1819-мъ году и снова уволенъ отъ службы, съ чиномъ маіора въ мартѣ 1825-го г. Въ апрѣлѣ 1827-го г. онъ вновь опредѣленъ былъ на службу въ тотъ-же полкъ ротмистромъ съ назначеніемъ адъютантомъ при Рижскомъ военномъ губернаторѣ маркизѣ Паулуччи, въ слѣдующемъ году, переименованъ въ капитаны съ переводомъ въ л.-гв. Конно-Егерскій полкъ и съ оставленіемъ въ должности адъютанта, а въ 1830-мъ году переведенъ въ л.-гв. Драгунскій полкъ съ назначеніемъ адъютантомъ при командирѣ отдѣльнаго Оренбургскаго Корпуса. Въ 1834-мъ году Черкесовъ былъ произведенъ въ полковники, съ переводомъ въ Борисоглѣбскій уланскій полкъ и съ прикомандированіемъ къ Образцовому Кавалерійскому полку; въ 1835-мъ году онъ былъ назначенъ состоять по кавалеріи и находился при отдѣльномъ Оренбургскомъ Корпусѣ, а въ 1838-мъ году переведенъ въ Корпусъ Жандармовъ, съ назначеніемъ губернскимъ штабъ-офицеромъ въ г. Одессѣ, занималъ затѣмъ должность штабъ-офицера по особымъ порученіямъ въ округахъ Корпуса Жандармовъ: 7-го—съ 1838-го по 1839 г. и 5-го—съ 1839-го по 1845 г. Въ сентябрѣ 1845-го г. Черкесовъ былъ назначенъ начальникомъ 6 округа Корпуса Жандармовъ, 7 апрѣля 1846-го г. произведенъ въ генералъ-маіоры, въ 1852-мъ году назначенъ начальникомъ 5 округа того-же корпуса; 26-го августа 1856-го г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а 4-го декабря 1867-го г., по случаю упраздненія 5-го округа произведенъ въ генералы отъ кавалеріи съ увольненіемъ отъ службы. Время смерти Н. П. Черкесова неизвѣстно.

Послужной списокъ въ Общемъ Архивѣ Главнаго Штаба.

А. Гернетъ.

Черминскій, *Валентій Гіацинтовичъ,* докторъ медицины, сынъ дворянина, родился въ Волынской губ. Первоначальное образованіе получилъ въ Виленской гимназіи, откуда поступилъ казеннымъ воспитанникомъ въ Виленскій Университетъ, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1820-мъ году, со степенью магистра медицины. 21-го января 1821-го г., защитивъ диссертацію «De gerina inguinali congenita», получилъ степень доктора медицины и тогда же былъ назначенъ врачемъ въ Рижскій драгунскій полкъ, причемъ въ этой должности пробылъ до 1832-го г. и затѣмъ былъ уволенъ. Послѣ того съ 1832 г. до 1835 г. Черминскій служилъ уѣзднымъ врачемъ въ Житомирѣ, затѣмъ вышелъ въ отставку и занимался частной практикой, а въ 1839-мъ году поступилъ врачемъ въ имѣніе Прушинской, въ Виленской губ., гдѣ оставался до 1842-го г. Въ 1844-мъ году онъ опять вернулся въ Житомиръ на прежнюю должность уѣзднаго врача, которую и занималъ до 1845-го г. Въ 1849-мъ году Черминскій поступилъ врачемъ въ Волынскую палату Государственныхъ Имуществъ и оставался тамъ до 1857-го г. За время службы дошелъ до чина надворнаго совѣтника. Во время пребыванія въ Рижскомъ полку производилъ изслѣдованія лѣченія пупковой опухоли—перевязкой струной, при чемъ описаніе двухъ случаевъ излѣченія помѣ-

стилъ въ польскомъ журналѣ: «Дневникъ медико-хирургіи и фармаціи» за 1823 г. Умеръ Черминскій въ 1861-мъ году.

Змѣевъ, «Русскіе Врачи Писатели.

І. Дагаевъ.

Чернавинъ, *Өеодоръ Леонтьевичъ,* омскій городской дѣятель, родился въ 1831-мъ году, умеръ въ 1879-мъ году; окончивъ курсъ, въ Казанскомъ Университетѣ по физико-математическому факультету въ 1851-мъ году, онъ былъ учителемъ, сначала, въ Тобольской гимназіи, а затѣмъ перешелъ въ Сибирскій Кадетскій Корпусъ, гдѣ неоднократно исполнялъ должности инспектора и даже директора. Въ 1870-мъ году Чернавинъ былъ избранъ Омскимъ городскимъ головою и въ этой должности оставался до самой смерти. Онъ много потрудился для развитія народнаго образованія и нерѣдко принималъ на себя издержки по этому дѣлу; состоя членомъ Западнаго Отдѣла Географическаго Общества, принималъ большое участіе въ трудахъ комисіи этого общества по осуществленію однодневной переписи въ Омскѣ, руководилъ организаціей ея и исходатайствовалъ съ этою цѣлью отпускъ денегъ изъ городскихъ суммъ. Своею дѣятельностью Чернавинъ заслужилъ большую любовь и уваженіе общества г. Омска.

Акмолинскія Областн. Вѣдом. 1879 г., № 6.— Душеполезное чтеніе за 1879 г., № 6. — Надгробное слово прот. Сулоцкаго.—Отчетъ Западно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Русск. Географ. Общества за 1879 г., въ Запискахъ Западн. Сиб. Отдѣла за 1880 г.

Иннокентій Соколовъ.

Чернавскій, *Иванъ Александровичъ,* сенаторъ, родился 5-го мая 1826-го г., происходилъ изъ дворянъ и по окончаніи курса въ С.-Петербургскомъ Университетѣ со степенью кандидата правъ, поступилъ 26-го марта 1847-го г. на службу въ Департаментъ Полиціи Исполнительной Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Въ 1852-мъ году онъ былъ переведенъ на ту же должность въ Хозяйственный Департаментъ того же Министерства, а 23-го августа слѣдующаго года назначенъ испр. должн. редактора этого департамента. Назначенный, 13 октября 1858 г., начальникомъ 2-го отдѣленія въ томъ-же департаментѣ, Чернавскій принималъ участіе въ трудахъ комиссіи для соглашенія уставовъ Государственнаго Заемнаго банка, Сохранныхъ казенъ и Приказовъ Общественнаго Призрѣнія, и обсужденія мѣръ къ преобразованію этихъ кредитныхъ учрежденій, и таковой же комиссіи объ устройствѣ земскихъ банковъ. Кромѣ того на Чернавскаго возлагалась разработка нѣкоторыхъ сложныхъ вопросовъ по устройству общественнаго призрѣнія, какъ то: о преобразованіи канцелярскихъ училищъ, объ учрежденіи центральныхъ домовъ для умалишенныхъ, о пересмотрѣ устава лечебныхъ заведеній и др. Приглашенный Н. А. Милютинымъ въ финансовую комиссію по крестьянскому дѣлу, Чернавскій съ іюня по октябрь 1860 г. принималъ въ ней участіе по составленію проекта положенія о выкупѣ крестьянскихъ угодій. 19 апрѣля 1861 г. онъ былъ командированъ въ распоряженіе министерства финансовъ для содѣйствія послѣднему въ подготовительныхъ мѣрахъ къ устройству выкупной операціи, а 17 іюня того же года назначенъ членомъ отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ Главное Выкупное Учрежденіе, и въ томъ же году ѣздилъ въ командировку въ Новороссійскій край для личныхъ совѣщаній съ мѣстными начальствующими лицами относительно преобразованія благотворительной части въ тамошнихъ градоначальствахъ. 5-го августа 1861-го г. Чернавскій былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій V класса по крестьянскимъ дѣламъ при министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ, 15-го марта 1863-го г.—управляющимъ дѣлами Главнаго Выкупного Учрежденія съ оставленіемъ въ прежнихъ должностяхъ, а 19-го февраля 1865-го г. произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. 25-го декабря 1870-го г. Чернавскому повелѣно быть членомъ совѣта министра Внутреннихъ Дѣлъ, съ оставленіемъ членомъ-управляющимъ дѣлами Главнаго Выкупного Учрежденія. Въ 1871 — 1876-мъ г.г. онъ неоднократно, по нѣсколько мѣсяцевъ, исполнялъ обязанности предсѣдателя Главнаго Выкупного Учрежденія и управляющаго С.-Петербургскими Сохранною и Ссудною Казнами. 30-го іюня 1874-го г. онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комиссіи для изслѣдованія причинъ ненормальнаго экономическаго положенія сельскаго населенія Самарской губерніи, 30-го августа того-же года произведенъ въ тайные со-

вѣтники, $^{17}/_{19}$ октября 1877-го г. ему повелѣно быть статсъ-секретаремъ Государственнаго Совѣта, управляющимъ дѣлами главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, а 19-го февраля 1880-го г. пожалованъ ему орденъ Бѣлаго Орла. Назначенный 9-го іюня 1882-го г. сенаторомъ, Чернавскій умеръ въ С.-Петербургѣ 3-го іюля 1885-го года.

Формулярный списокъ.—Н. П. Семеновъ, Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II, т. I, Спб. 1889, стр. 728.—«Знакомые», альбомъ М. Н. Семевскаго, Спб. 1888, с. 79.

Н. Мичатекъ.

Чернай, *Александръ Викентьевичъ*, профессоръ зоологіи въ Харьковскомъ Университетѣ, родился 7-го апрѣля 1821-го года въ С.-Петербургѣ. Отецъ его былъ архитекторъ, по происхожденію чехъ, а мать — дочь непремѣннаго секретаря Академіи Наукъ Фуса. Окончивъ курсъ въ Главномъ Педагогическимъ Институтѣ, въ 1841-мъ году, по отдѣленію физико-математическихъ наукъ, и будучи удостоенъ серебряной медали, онъ былъ оставленъ для спеціальныхъ занятій по зоологіи при Зоологическомъ Музеѣ Академіи Наукъ подъ руководствомъ академика Ѳ. Ѳ. Брандта. Въ 1842-мъ году Чернай былъ отправленъ на казенный счетъ за границу, гдѣ слушалъ лекціи: въ Берлинѣ, Парижѣ, Лейденѣ, гдѣ равно, какъ и въ музеяхъ Вѣны, Парижа и Лондона, практически изучалъ систематику животныхъ и сравнительную анатомію. Въ 1845-мъ году, по прочтеніи пробной лекціи въ С.-Петербургѣ, онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность адъюнкта по кафедрѣ зоологіи въ Харьковскомъ Университетѣ. Въ 1846-мъ году Чернай получилъ степень магистра зоологіи, защитивъ диссертацію: «Объ устройствѣ, отправленіи и значеніи крыла въ систематикѣ птицъ». Въ 1848-мъ году онъ защитилъ диссертацію на степень доктора естественныхъ наукъ: «Монографія уксуснаго червячка». Въ томъ же году онъ былъ утвержденъ экстра-ординарнымъ профессоромъ, а въ 1850-мъ году—ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ зоологіи. Съ 1857-го по 1869 г. онъ состоялъ деканомъ физико-математическаго факультета. Въ 1868-мъ году онъ получилъ званіе заслуженнаго профессора и вновь выбранъ профессоромъ на пятилѣтіе. Въ 1873-мъ году Чернай оставилъ, по собственному желанію, службу въ университетѣ. Онъ участвовалъ въ ученой экспедиціи, снаряженной въ 1848-мъ году для изслѣдованія Харьковской губерніи и прилежащихъ къ ней мѣстъ въ естественно-историческомъ отношеніи. Вслѣдъ за тѣмъ онъ былъ командированъ въ южные уѣзды Харьковской губерніи для изслѣдованія образа жизни и распространенія овражка и вреда, причиняемаго имъ; въ 1868-мъ году участвовалъ въ качествѣ депутата отъ Харьковскаго Университета въ первомъ съѣздѣ естествоиспытателей въ С.-Петербургѣ. Чернай состоялъ почетнымъ членомъ Императорскаго Харьковскаго Университета; членомъ Общества испытателей природы въ Москвѣ съ 1849 года; дѣйствительнымъ членомъ, и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ и предсѣдателемъ, Общества испытателей природы при Харьковскомъ Университетѣ. Въ 1864-мъ году онъ былъ избранъ членомъ Императорскаго Русскаго Общества акклиматизаціи животныхъ и растеній и членомъ Губернскаго Статистическаго Комитета въ Харьковѣ.

Годъ смерти его неизвѣстенъ.

Его научныя труды по зоологіи печатались въ Bulletin des Naturalistes de Moscou. Имъ написаны: 1) Monographie des Essigälchens, 1849; 2) Beobachtungen gesammelt auf Reisen etc., 1851; 3) Aspius Owsianka, 1851; 4) Beiträge zur Fauna etc., 1850; 5) Nachtrag zu meinen Beobachtungen, 1851; 6) Notice sur Cobitis mergs, 1852; 7) Beobachtungen über die Ankunft und das Wegziehn einiger Vögelarten, 1852; 8) Zusatz zur Käferfauns etc., 1853; 9) Über eine neue Gattung der Flusswasserwürmer, 1853; 10) Verzeichniss der Lepidopteren etc., 1854; 11) Über das Variiren der Artkenzeichen etc.; 12) Nachtrag zur Fauna des Charkowschen Gouvernements, 1869; 13) Рѣчь о фаунѣ Харьковской губерніи и прилежащихъ къ ней мѣстъ, 1850; 14) Описаніе овражка, 1851 г.; 15) Фауна Харьковской губерніи и прилежащихъ къ ней мѣстъ, выпускъ I и II, 1859 г.; 16) Систематическій каталогъ зоологическаго кабинета при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ, 1854 г.; 17) О вредной гусеницѣ, въ Харьк. Вѣдом. 1856 г.; 18) Современный взглядъ на электричество нервнаго

вещества 1856 г., въ Медицинскомъ Журналѣ; 19) О фаунѣ Харьковской губерніи, въ изданіяхъ Губернскаго Статистическаго Комитета 1868 г. Въ трудахъ общ. испытателей природы при Харьковскомъ Университетѣ помѣщены: 20) Объ иглахъ губокъ, встрѣчающихся въ илѣ озеръ Лимана и Чайки, 1870 г.; 21) Животныя прѣсноводныя въ отнош. къ морскимъ и сухопутнымъ, 1870 г.; 22) Замѣтка о коллекціи жесткокрылыхъ насѣкомыхъ Донецъ-Захаржевскаго, 1873 г.

Извѣстія Императорскаго Общества Любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи т. LV; Труды зоологическаго отдѣленія общества, т. 3; Матер. для истор. научн. и прикл. дѣят. по зоологіи, т. 1. л. 7-ой. — Русск. энциклоп. словарь Березина, вып. XIII, стр. 64—65.—Необходимое дополн. къ Настольн. Словарю Толля, т. 3-й.

П. Полевой.

Черневъ, *Павелъ Григорьевичъ*, генералъ-маіоръ, родился 30-го октября 1821-го года. Онъ происходилъ изъ природныхъ, такъ называемыхъ самарскихъ и алексѣевскихъ, казаковъ, положившихъ ядро оренбургскому казачьему войску. Первоначальное образованіе Черневъ получилъ въ уѣздномъ училищѣ и поступилъ въ военную службу въ 1838-мъ году. Въ первый офицерскій чинъ онъ былъ произведенъ въ 1850-мъ году, а въ 1860-мъ году получилъ первый штабъ-офицерскій чинъ. Черневъ занималъ послѣдовательно разнообразныя должности въ различныхъ войсковыхъ учрежденіяхъ. Состоя продолжительное время чиновникомъ особыхъ порученій и правителемъ канцеляріи при наказномъ атаманѣ оренбургскаго войска, онъ усвоилъ всѣ тонкости канцелярской дѣятельности. Видная служебная дѣятельность Чернева началась съ 1866-го года, когда онъ былъ назначенъ депутатомъ отъ оренбургскаго войска въ Петербургъ, въ Высочайше утвержденный временный комитетъ при главномъ управленіи иррегулярными войсками для пересмотра казачьихъ законоположеній. Въ 1869-мъ году Черневъ былъ назначенъ членомъ комитета при томъ же управленіи, а въ 1873-мъ году произведенъ въ генералъ-маіоры и утвержденъ въ должности помощника начальника Главнаго Управленія казачьихъ войскъ. Знакомство съ условіями быта оренбургскаго казачества заставляло Чернева стоять за проведеніе въ жизнь законоположеній, поднимавшихъ воинскій духъ, благоустройство и въ особенности матеріальное обезпеченіе казаковъ, офицеровъ, чиновниковъ и ихъ семействъ. Труды его, касавшіеся земельнаго устройства оренбургскаго войска, вызвали къ нему высокое уваженіе оренбургскихъ казаковъ, выразившееся при встрѣчѣ останковъ Чернева въ Оренбургѣ. Продолжительная канцелярская служебная дѣятельность разстроила его здоровье и онъ умеръ въ Петербургѣ 13 февраля 1884-го г. Останки его перевезены въ Оренбургъ и похоронены тамъ 21 февраля того же года.

«Русскій Инвалидъ» 1884 г., № 54. — «Оренбургскія губ. Вѣдомости», 1884 г., № 10. — «Русскій календарь» на 1885 г., стр. 272.

А. Трика.

Чернецовъ, *Григорій Григорьевичъ*, академикъ пейзажной живописи, извѣстный въ свое время художникъ, сынъ мѣщанина, родился въ г. Лухѣ, Костромской губ., въ 1801-мъ году, умеръ 8 іюня 1865-го года, въ Петербургѣ. Уже въ дѣтствѣ онъ обнаруживалъ большія способности къ рисованію; въ началѣ 1819-го года Чернецовъ обратился въ Академію Художествъ съ письмомъ, при коемъ приложены были два небольшихъ рисунка съ эстамповъ, съ просьбою принять его въ число учениковъ Академіи на казенный счетъ, такъ какъ недостатокъ средствъ отца не позволяетъ ему поступить въ Академію на собственный счетъ. За малолѣтіемъ и отсутствіемъ свободныхъ мѣстъ ему было отказано, но Академія, уважая его желаніе быть художникомъ, предложила ему даромъ нужныя художественныя пособія. Но судьба улыбнулась даровитому юношѣ. Черезъ Лухъ проѣзжалъ П. П. Свиньинъ, замѣтилъ въ Чернецовѣ способность къ рисованію, взялъ его съ собою въ Петербургъ и рекомендовалъ Обществу Поощренія Художниковъ. При поддержкѣ общества Чернецовъ сталъ посѣщать классы Академіи въ 1819-мъ году, въ качествѣ посторонняго ученика. Онъ обучался сначала у А. Варнека, а затѣмъ у М. Воробьева. Уже въ 1821-мъ году Академія наградила его за живопись; въ 1825-мъ году за живопись перспективную онъ былъ удостоенъ серебряной медали перваго достоинства. Въ 1826-мъ году Чернецовъ

представилъ видъ Военной Галлереи и пейзажъ, писанный съ натуры, за что и получилъ золотую медаль втораго достоинства и признанъ художникомъ XIV класса. Въ 1831-мъ году онъ былъ удостоенъ званія академика за исполненную, по назначенію Академіи, картину, изображающую видъ въ окрестностяхъ Петербурга. Вмѣстѣ съ братомъ своимъ, уступавшимъ ему по дарованію, Никаноромъ, онъ много путешествовалъ, посѣтилъ Кавказъ, Грузію, въ 1838-мъ году изъѣздилъ Волгу отъ Рыбинска до ея устьевъ, въ 1840 мъ году отправился въ Италію, а оттуда въ Египетъ, Палестину и Европейскую Турцію, откуда вернулся лишь въ 1844-мъ году. Подобное же путешествіе онъ совершилъ въ 1846—49 гг. Въ своихъ путешествіяхъ Чернецовы срисовывали все достойное вниманія. Рисунки ихъ служили имъ въ дальнѣйшемъ темами для картинъ. За цѣлый альбомъ видовъ Палестины имъ назначена была Академіею Художествъ награда въ 1000 руб. Эскизы и этюды поволжскихъ видовъ очень заинтересовали иностранныхъ художниковъ, которымъ Чернецовы показывали ихъ въ Римѣ. Они собирались издать альбомъ Волжскихъ видовъ, но, къ сожалѣнію, не привели въ исполненіе своего желанія. Въ 1846-мъ году Григорій Чернецовъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Никаноромъ и Сергѣемъ Ивановымъ, роднымъ братомъ знаменитаго живописца, былъ отправленъ на казенный счетъ въ Италію, гдѣ пробылъ три года. Въ 1849-мъ году онъ вернулся обратно въ Петербургъ, причемъ ему было дано по Высочайшему повелѣнію на дорогу 100 червонцевъ. Съ 1829-го года онъ носилъ званіе придворнаго живописца и получалъ содержаніе отъ Кабинета Его Величества. Кисти его принадлежатъ слѣдующія картины, находящіяся въ залахъ Академіи Художествъ: «Погребальный катафалкъ Императрицы Маріи Ѳедоровны», «Видъ въ окрестностяхъ Петербурга» и «Мертвое море»; послѣдняя картина написана въ 1850-мъ году и принесена въ даръ Академіи самимъ художникомъ въ 1859-мъ году. Въ Царскосельскомъ дворцѣ находится акварель художника, на которой представленъ Имп. Александръ I, сидящій за письменнымъ столомъ; рядомъ съ нею находится другая акварель, изображающая послѣднія минуты пребыванія Имп. Александра I въ Петербургѣ. Послѣдняя картина, какъ и картина, изображающая Имп. Александра I молящимся на колѣняхъ передъ ракой Св. Александра Невскаго въ Невской лаврѣ, были изданы Обществомъ Поощренія Художниковъ. Кисти его также принадлежитъ картина «Майскій парадъ въ 1837-мъ году», находящаяся въ Зимнемъ Дворцѣ. На картинкѣ, служащей эскизомъ для большой картины, изображающей парадъ по случаю окончанія Польской войны, изображены по желанію Императора Николая I-го въ качествѣ зрителей Жуковскій, Гнѣдичъ, Крыловъ и Пушкинъ.

П. Н. Петровъ, «Сборникъ матеріаловъ для Исторіи Имп. Академіи Художествъ, т. II, стр. 133, 188, 196, 208, 215, 224 и 265; т. III, стр. 17, 55, 101, 122 и 211, и «Указатель къ нему» А. Е. Юндолова.—А. Сомовъ, «Картинная Галлерея Императорской Академіи Художествъ», I, 53 и 191 — Д. А. Ровинскій, «Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ», т. I, стр. 170 и 820, примѣч. стр. 235 и 254.—Толь, «Настольный словарь для справокъ по всѣмъ отраслямъ знанія», т. III, стр. 996.—«Настольный энциклопедическій словарь», А. Граната и К°, стр. 5125.—Н. Березинъ, «Русскій энциклопедическій словарь». — Nagler, «Künstler-Lexicon», B. 19, стр. 142.—В. В. Стасовъ, «Собраніе сочиненій», т. I, стр. 880.

А. Слѣпянъ.

Чернецовъ, *Никаноръ Григорьевичъ*, академикъ пейзажной живописи, родился въ 1804-мъ году, умеръ 11 января 1879-го г., братъ предыдущаго; уступалъ ему въ способностяхъ и бралъ, главнымъ образомъ, прилежаніемъ и усидчивостью. Онъ родился въ г. Лухѣ, Костромской губерніи; Общество Поощренія Художниковъ воспитывало его на свой счетъ въ Академіи Художествъ, гдѣ онъ обучался въ классѣ М. Воробьева. Въ 1827-мъ году онъ удостоился полученія серебряной медали 1-го достоинства за пейзажную живопись; въ томъ же году за видъ галлереи въ Императорскомъ Эрмитажѣ получилъ вторую золотую медаль и званіе художника XIV класса. Въ 1832-мъ году онъ получилъ званіе академика за «Видъ Тифлиса», а въ 1844-мъ году удостоенъ званія живописца Его Величества. Н. Г. Чернецовъ путешествовалъ много съ своимъ братомъ. Изъ массы рисунковъ, исполненныхъ имъ во время путешествія съ братомъ въ 1831—40 г., составилось четыре портфеля, которые пріобрѣла Академія Худо-

жествъ. Въ 1844—45 г. былъ изданъ альбомъ «Палестина. Виды, рисованные съ натуры академиками Г. и Н. Чернецовыми въ 1842—43 годахъ». Изданіе это, въ большой листъ, выходило тетрадями, которыхъ всѣхъ вышло четыре съ шестью рисунками въ тетради. Къ каждой тетради приложенъ листъ объяснительнаго текста; обложка весьма красиво иллюстрирована. Въ 1844-мъ году по возвращеніи изъ Палестины, онъ получилъ отъ Академіи вознагражденіе въ 1000 руб. Въ 1846-мъ году Никаноръ Чернецовъ отправился въ Италію, причемъ Академія постановила выдавать ему по 1500 р. въ годъ. Изъ картинъ, нарисованныхъ имъ, въ свое время пользовались извѣстностью за большую тщательность отдѣлки и вѣрность, «Видъ Іосафатовой долины», «Видъ рѣки Нила въ Каирѣ», «Видъ Гурзуфа», «Видъ горы Ай-Петри въ Крыму», «Видъ Александріи». Нѣкоторыя изъ названныхъ картинъ находятся въ Императорской Академіи Художествъ; въ Русскомъ музеѣ Императора Александра III въ настоящее время находятся слѣдующія картины: «Видъ г. Саратова при закатѣ солнца», «Развалины церкви въ г. Кутаисѣ» (Залъ XIII). Альбомы, пріобрѣтенные Академіею въ 1874-мъ году содержатъ 1274 рисунка видовъ Крыма, Волги, Египта, и другихъ мѣстностей.

П. Н. Петровъ, сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. Академіи Художествъ, ч. II, стр. 211, 215, 223, 265, 267, 289; часть III, стр. 17, 55, 56, 101, 122, 211 и «Указатель» къ нему. Л. Е. Юндолова.—А Гранатъ, Настольный Энциклопедическій словарь, стр. 5124—25.—А. Сомовъ, «Картинная галлерея Императорской Академіи Художествъ», стр. 57 и. 195.—Словарь Клюшникова.—В. А. Верещагинъ, «Русскія иллюстрированныя изданія XVIII и XIX в., Спб. 1898 г., стр. 179.—Отчетъ Академіи Художествъ за 1870 г., стр. 42; тоже 1898 г., стр. 106.—Краткій указатель художественнаго отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III, Спб 1900 г., стр. 23 и 24.

А. Слѣпянъ.

Черни, *Валеріанъ Александровичъ*, фельетонистъ и художникъ акварелистъ, родился на Кавказѣ въ 1855-мъ году, воспитывался во Франціи, а затѣмъ поступилъ на службу въ одинъ изъ русскихъ армейскихъ гусарскихъ полковъ. Еще на школьной скамьѣ онъ началъ писать стихи, а съ начала 70-ыхъ годовъ сталъ постояннымъ сотрудникомъ «Стрекозы», откуда скоро перешелъ въ «Петербургскій Листокъ», одновременно сотрудничая и въ «Шутѣ». Обладая бойкимъ и легкимъ фельетоннымъ слогомъ, Черни былъ въ то же время талантливымъ художникомъ-акварелистомъ, причемъ его остроуміе давало ему возможность рисовать прекрасно и каррикатуры. Работалъ онъ подъ псевдонимами: «Валеріанъ Негри» и «Знакомый Незнакомецъ». Умеръ въ Твери отъ чахотки 15 (или 16) марта 1886-го г., на 31-мъ году жизни.

«Петербургскій Листокъ» 1886 г., №77.—«Шутъ» 1886 г., № 13.—«Новь» 1886 г., кн. XI, стр. 589.—Д. Д. Языковъ: «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», выпускъ VI, Спб. 1889 г., стр. 124.

Н. Тычино.

Черниговскіе, князья. О времени основанія Чернигова мы нигдѣ не находимъ извѣстій. Въ первый разъ онъ упоминается въ лѣтописяхъ подъ 907-мъ годомъ, гдѣ говорится о мирномъ договорѣ Олега съ греками, и гдѣ Черниговъ поставленъ первымъ послѣ Кіева въ числѣ городовъ, на которые Олегъ выговорилъ у грековъ «уклады». Черниговъ, по Константину Багрянородному, велъ съ Византіей торговлю, посылая въ нее суда свои по южно-русскимъ рѣкамъ и Черному морю. Такимъ образомъ, если въ X-мъ вѣкѣ онъ былъ уже весьма значительнымъ городомъ, то безошибочно можно сказать, что онъ существовалъ уже до X-го вѣка, можетъ быть, даже до призванія Рюрика. Въ X-мъ вѣкѣ онъ принадлежалъ великому княжеству Кіевскому, а въ 1024-мъ году его самовольно взялъ князь тмутараканскій Мстиславъ Владимировичъ, который, по договору съ братомъ своимъ, великимъ княземъ Ярославомъ, получилъ въ свое владѣніе Черниговъ и, вообще, земли по лѣвому берегу Днѣпра. Мстиславъ княжилъ въ Черниговѣ съ 1024-го г. до своей кончины въ 1036-мъ году. Единственный сынъ его Евстафій умеръ раньше отца бездѣтнымъ, и Черниговъ опять присоединился къ Кіеву. Ярославъ, не задолго до своей смерти, назначилъ удѣлы своимъ сыновьямъ, изъ которыхъ второму, Святославу, достался Черниговъ (1054 г.). По смерти отца, Ярославичи, разверстали между собою удѣлы, при чемъ Святославъ полу-

чилъ еще Тмутаракань, Рязанскую землю, Муромъ и землю Вятичей. Съ этого-то Святослава и начинается непрерывный для всего, вообще, Черниговскаго удѣла рядъ Черниговскихъ князей съ ихъ развѣтвленіями по второстепеннымъ удѣламъ. Въ 1097-мъ году на Любецкомъ съѣздѣ за Святославичами подтверждены вышеназванныя земли, и оставшіеся въ живыхъ, ко времени этого съѣзда, дѣти Святослава такъ размѣстились въ своей волости: Давидъ, какъ старшій, сѣлъ въ Черниговѣ, за которымъ была и Тмутаракань; Олегъ получилъ Новгородъ-Сѣверскъ и Курскъ, а Ярославъ—Муромо-Рязанскія земли. Этотъ Ярославъ, занявшій, въ 1123-мъ году, Черниговъ послѣ Давида, по праву старшинства, но въ 1127-мъ году выгнанный изъ него роднымъ племянникомъ своимъ, Всеволодомъ Ольговичемъ, уѣхалъ въ Муромъ, гдѣ скончался въ 1129-мъ году. Съ этихъ поръ Муромо-Рязанскія земли совершенно обособляются въ родѣ Ярослава, потомки котораго, никогда—ни прямо, ни косвенно,—не изъявляли претензій на Черниговъ, если не считать попытки Святослава Всеволодовича рѣшить оружіемъ какія-то темныя недоразумѣнія съ рязанскими князьями на счетъ границъ, чего недозволилъ ему Великій Князь Владимирскій, Всеволодъ III. Позднѣйшія столкновенія (начала XIV или конца XIII в.) Рязанскихъ князей съ Черниговскими, въ которыхъ первыми была отобрана отъ вторыхъ Лопастенская волость, перешедшая потомъ (около 1328-го г.) къ Москвѣ, объясняются исключительно жаждой территоріальныхъ пріобрѣтеній. Такимъ образомъ, Черниговско-Сѣверская земля осталась во владѣніи потомства двухъ князей, Давида и Олега Святославичей. Старшая линія, линія Давидовичей, вымерла очень рано въ IX-мъ колѣнѣ: она прекратилась со смертію правнука Святослава Ярославича, кн. вщижскаго Святослава Владимировича († 1166 г.), не занявшаго по смерти Святослава Ольговича († 1165 г.) Черниговскаго стола, можетъ быть, потому, что этотъ Давидовичъ былъ единственнымъ, послѣднимъ въ своей старшей линіи, между тѣмъ, какъ члены младшей линіи, линіи Ольговичей, къ этому времени весьма сильно размножились, и если не право старшинства, то матеріальная сила была на ихъ сторонѣ. Итакъ, по смерти послѣдняго Давидовича обладателями всей Черниговско-Сѣверской волости остались одни представители младшей линіи Святославичей, потомки Олега Святославича (Гориславлича, по «Слову о полку Игоревѣ»), такъ что съ этого времени всѣ Черниговско-Сѣверскіе князья совершенно вѣрно называются, вообще, Ольговичами, а особенно по отношенію къ другимъ княжескимъ родамъ, какъ, напр., потомкамъ Мономаха — Мономаховичамъ. Въ свою очередь и младшая линія Святославичей, оставшаяся единственной обладательницей Черниговско-Сѣверской области, — Ольговичи— могутъ быть раздѣлены на двѣ линіи, старшую и младшую: къ первой нужно отнести потомковъ Всеволода Ольговича чрезъ сына его Святослава, а ко второй—потомковъ Святослава Ольговича чрезъ сыновей его, Олега и Игоря. Потомства Глѣба Ольговича и племянника его, Ярослава, сына Всеволода, Глѣбова брата, рано угасли, и ихъ можно, въ настоящемъ случаѣ, не принимать въ разсчетъ. Соотвѣтственно размноженію Олегова племени размножались и удѣлы; какъ это было и въ сѣверо-восточной Руси, изъ первостепенныхъ удѣловъ Черниговскаго и Новгородъ-Сѣверскаго выдѣлялись удѣлы второстепенные, изъ этихъ послѣднихъ образовывались новые, мелкіе удѣлы. Такимъ образомъ, кромѣ главныхъ удѣловъ, Черниговскаго и Новгородъ-Сѣверскаго, извѣстны еще слѣдующіе: Березовскій, Болховскій (Болоховскій), Борятинскій, Брянскій или Дебрянскій, Бѣлевскій, Волконскій, Воргольскій, Воротынскій, Вщижскій, Глуховской, Гомельскій, Елецкій, Звенигородскій, Карачевскій, Козельскій, Конинскій, Курскій, Липецкій, Лопастенскій, Масальскій, Мезецкій или Мещовскій, Мышагскій или Мышецкій, Новосильскій, Оболенскій, Одоевскій, Перемышльскій, Путивльскій, Ропескій, Рыльскій, Свирѣльскій, Сновскій или Сонскій, Спашскій или Спасскій, Стародубскій, (Тмутараканскій), Торусскій, Трубчевскій, Устивскій (отъ Новосильскаго), Чичерскій или Чечерскій.

Въ разное время, при различныхъ обстоятельствахъ, удѣлы эти отбирались отъ ихъ владѣльцевъ то Литвой, то Рязанью; Москва пріобрѣтала ихъ частію непосредственно, частію изъ вторыхъ рукъ, отъ

тѣхъ же Литвы и Рязани. Что же касается собственно Черниговскихъ князей, то они лишились самостоятельности раньше многихъ удѣльныхъ: послѣднимъ самостоятельнымъ княземъ Черниговскимъ,— вообще изъ Святославичей, въ частности изъ Ольговичей, — былъ Романъ Михайловичъ II, владѣвшій Черниговомъ и Брянскомъ, котораго лишился въ 1368-мъ году, но владѣлъ Черниговомъ почти до конца второй половины XIV столѣтія, вѣроятнѣе всего, какъ подручникъ или намѣстникъ Великаго Князя Литовскаго.

Здѣсь представляются въ алфавитномъ порядкѣ собственно Черниговскіе князья, которыхъ, что́ и князей сѣверо-восточной Руси, какъ совершенно обособившихся отъ главнаго центра (отъ Владимира и Москвы—въ сѣверной Руси, отъ Кіева—въ южной), лѣтописи часто называютъ великими, конечно, въ отличіе отъ князей, выдѣлившихся изъ главнаго удѣла и образовавшихъ удѣлы второстепенные. Много входитъ сюда и владѣтельныхъ князей второстепенныхъ удѣловъ, исключительно такихъ, (не считая князя Мстислава Михайловича Карачевскаго, о которомъ см. т. III, с. 520), которые извѣстны лѣтописямъ. Многіе изъ этихъ послѣднихъ, какъ извѣстные, такъ и неизвѣстные по своимъ второстепеннымъ удѣламъ, часто обзываются въ лѣтописяхъ князьями Черниговскими. Что касается хронологическаго порядка, въ какомъ потомки Святослава Ярославича занимали главный столъ удѣла, т. е. Черниговъ, то здѣсь встрѣчается пока много недоразумѣній, которыя могутъ быть рѣшены развѣ только условно. Попытки составить хронологическій списокъ князей собственно Черниговскихъ, начиная съ попытки Маркова (въ «Чтеніяхъ» 1847-го г., № 1) и оканчивая такой же попыткой въ изслѣдованіи Р. Зотова «О черниговскихъ князьяхъ по Любецкому синодику» и пр., такъ и останутся попытками. Результатами изслѣдованія г. Зотова мы здѣсь позволили себѣ воспользоваться только при обозначеніи княжескихъ именъ, данныхъ имъ при крещеніи или принятіи ими иноческаго образа, и при томъ въ такихъ только случаяхъ, гдѣ не было мѣста сомнѣнію; остальные выводы г. Зотова, иногда довольно остроумные, не могли быть принятыми, по ихъ условности и шаткости: тамъ, гдѣ синодикъ сходится съ лѣтописью, дѣло стоитъ твердо; въ остальныхъ случаяхъ—въ громадномъ большинствѣ — дѣло ограничивается домыслами, догадками, предположеніями и т. п. При томъ, не всѣ синодики сопоставлены, свѣрены одинъ съ другимъ. Громадная разница оказывается между синодиками, которые касаются Черниговскихъ князей и которыми пользовались г. Зотовъ, преосв. Филаретъ и г. Квашнинъ-Самаринъ. Встрѣчающіяся здѣсь проблемы могутъ быть разрѣшены развѣ только съ открытіемъ новыхъ источниковъ.

---

1. *Андрей* (по родословнымъ Андреянъ или Адріанъ) *Мстиславичъ*, сынъ Мстислава Михайловича, князь козельскій и звенигородскій, упоминается въ лѣтописяхъ подъ 1339-мъ годомъ: въ этомъ году, іюня 23-го, онъ былъ убитъ племянникомъ своимъ Василіемъ Пантелеймоновичемъ, кн. Карачевскимъ, только и упоминаемымъ въ лѣтописяхъ по этому случаю. По Никоновской лѣтописи онъ былъ женатъ на Еленѣ, дочери литовскаго князя Гаманта, отъ которой имѣлъ сына Θеодора, извѣстнаго только по родословнымъ.

2. *Андрей, князь Рыльскій*, по соображеніямъ хронологическимъ и по названію его у Плано-Карпини, въ латинскомъ изданіи его путешествія, княземъ Черниговскимъ (названіе его во французскомъ изданіи «duc de Sarvogle» напоминаетъ и одинъ изъ мелкихъ черниговскихъ удѣловъ, Воргольскій), долженъ быть Мстиславичемъ, сыномъ Мстислава Святославича (см. далѣе), князя Рыльскаго. О немъ извѣстно только, что онъ убитъ былъ, по приказанію Батыя, въ 1245-мъ году. Жена князя Андрея (по Любецкому синодику—Елена) и неизвѣстный по имени братъ его явились къ Батыю и просили его не отнимать у нихъ Андреева удѣла, тотъ согласился, но заставилъ деверя вступить въ бракъ съ невѣсткою, какъ это было въ обычаѣ монголовъ.

3. *Борисъ Ольговичъ*. См. далѣе Святославъ-Борисъ Ольговичъ.

4. *Борисъ Святославичъ*, сынъ Великаго Князя Святослава Ярославича, упоминаемый только Воскресенской лѣтописью въ перечнѣ дѣтей его и нѣкоторыми родословными. Татищевъ, называя его княземъ вщижскимъ, говоритъ, что

въ 1073-мъ году онъ сидѣлъ въ Вышгородѣ (въ мартѣ этого года отецъ его занялъ кіевскій столъ). По Татищевъ, въ событіяхъ 1077—1078-го гг., отождествляетъ его съ лѣтописнымъ Борисомъ Вячеславичемъ, боровшимся за Черниговъ съ Всеволодомъ и сыномъ его, Владиміромъ Мономахомъ.

5. *Владиміръ Всеволодовичъ*, сынъ Всеволода Ольговича, князя черниговскаго и великаго князя кіевскаго. Онъ упоминается только въ Воскресенской, Тверской и Никоновской лѣтописяхъ подъ 1201-мъ годомъ, по случаю его кончины въ южномъ Переяславлѣ, и вездѣ называется княземъ черниговскимъ. Больше ничего о немъ неизвѣстно. Его смѣшиваютъ даже въ Указателѣ къ 8-ми томамъ П. С. Р. Л. съ Владиміромъ Святославичемъ (см. далѣе).

6. *Владиміръ Давидовичъ*, старшій изъ пяти сыновей Давида Святославича, начинаетъ упоминаться въ лѣтописяхъ съ 1139-го г. Въ этомъ году онъ получилъ, помимо Игоря Ольговича, Черниговъ отъ двоюроднаго брата своего, Всеволода Ольговича, которому помогалъ овладѣть Кіевомъ подъ Вячеславомъ Владиміровичемъ (см. это имя). Наступленіе Игоря на Черниговъ (1141 г.) окончилось примиреніемъ. Всеволодъ, чтобы не обострять вражды между Мономаховичами и Ольговичами и спокойно владѣть Кіевомъ, желалъ жить въ мирѣ съ первыми и, между прочимъ, отдалъ Вячеславу Владиміровичу Переяславль, эту послѣднюю ступень къ великокняжескому столу. Этимъ оскорбились младшіе Ольговичи. Чтобы уладить дѣло, Всеволодъ пригласилъ къ себѣ какъ родныхъ, такъ и двоюродныхъ братьевъ — Давидовичей (Владиміръ, вмѣстѣ съ братомъ Изяславомъ, получилъ отъ него Черниговъ). Но Давидовичи и младшіе Ольговичи цѣловали другъ другу крестъ на томъ, чтобы за одно требовать себѣ отъ великаго князя волостей. Распря дошла до того, что князья-союзники пошли войной на Переяславль, на Вячеслава. Всеволодъ вынужденъ былъ удовлетворить и тѣхъ и другихъ, но такъ, что на время разорвалъ ихъ союзъ. Давидовичи, въ придачу къ Чернигову получили отъ него Берестій (Брестъ), Дрогичинъ, Вщижъ и Ормину (1142 г.). Стремясь къ скрѣпленію узъ дружбы между Мономаховичами и Ольговичами, Всеволодъ, въ 1144-мъ году, одновременно выдалъ двухъ внукъ Мономаха, дочерей Всеволода Давидовича, князя городенскаго, одну за Юрія туровскаго, другую за Владиміра Давидовича. На свадебныхъ пирахъ Великій Князь уговорилъ Мономаховичей и Ольговичей смирить гордаго и «многоглаголиваго» Владимирка галицкаго. Въ походѣ на него участвовали и Давидовичи. Въ слѣдующемъ 1145-мъ году, приглашенные въ Кіевъ, Давидовичи присягнули наслѣднику Всеволода, Игорю Ольговичу и ходили съ послѣднимъ помогать зятю Великаго Князя, польскому королю Владиславу II, въ борьбѣ его съ младшими братьями, а въ 1146-мъ году съ самимъ Всеволодомъ вторично ходили на Владимирка. По смерти Всеволода, когда Кіеву началъ угрожать Изяславъ Мстиславичъ, Игорь, теперь уже великій князь кіевскій, еще разъ спрашивалъ Давидовичей, стоятъ ли они въ крестномъ цѣлованіи къ нему. Давидовичи начали торговаться съ нимъ на счетъ волостей, и Игорь обѣщалъ удовлетворить ихъ требованіе, а тѣ дали слово помогать ему противъ Изяслава. Великій Князь потребовалъ братьевъ къ себѣ на помощь; тѣ пришли, но тайно начали сноситься съ Изяславомъ, который, наконецъ, овладѣлъ Кіевомъ и отправилъ Игоря въ заточеніе. Давидовичи нѣкоторое время обманывали своей дружбой Святослава Ольговича, стремившагося къ освобожденію брата, но, наконецъ, формально заключивъ союзъ съ Изяславомъ, вмѣстѣ съ послѣднимъ послали сказать Святославу, что если онъ уступитъ имъ Новгородъ-Сѣверскій и откажется отъ брата Игоря, то можетъ спокойно владѣть своей областью. Святославъ не согласился, и Давидовичи, съ сыномъ Изяслава Мстиславомъ, подступили къ Новгородъ-Сѣверску, бились съ Ольговичемъ, ограбили полное княжескихъ запасовъ сельцо Игорево, не пощадивъ и тамошняго храма св. Георгія, заняли Путивль и раздѣлили между собой тамошній Святославовъ дворъ, а церковь Вознесенія «всю облупиша». Къ Святославу прибылъ сынъ Юрія, Иванъ, которому Ольговичъ еще раньше далъ Курскъ и Посемье. Къ противникамъ Святослава также явилась помощь въ лицѣ самого

вел. кн. Изяслава. Святославъ, узнавши объ этомъ, уѣхалъ въ Карачевъ. Его преслѣдовалъ, съ тремя тысячами всадниковъ и кіевскимъ воеводой Шварномъ, Изяславъ Давидовичъ. Но Святославъ, сверхъ всякаго чаянія, разбилъ его, разорилъ Карачевъ и ушелъ въ землю Вятичей. За свои услуги, Давидовичи получили отъ Изяслава всю, завоеванную при его помощи, часть владѣній Ольговича, кромѣ Курска. Изяславъ возвратился въ Кіевъ, а братья Давидовичи продолжали преслѣдовать Святослава: выгнали его изъ Брянска, Козельска и Дѣдославля; но, заслышавъ о приближеніи къ Святославу помощи отъ Юрія Долгорукаго, отступили къ Чернигову, объявивъ въ землѣ Вятичей, что тотъ, кто убьетъ Ольговича, получитъ его имущество. Святославъ, между тѣмъ, побывавъ въ Москвѣ у Юрія, съ помощью половцевъ побѣдоносно наступалъ на враговъ своихъ: посадники Давидовичей бѣжали отъ него изъ земли Вятичей, Брянска и др. городовъ, — а Святославъ, съ сыномъ Юрія, Глѣбомъ, все ближе и ближе подвигался къ Сѣверскому удѣлу. Давидовичи, при такомъ оборотѣ дѣлъ, чрезъ пословъ предложили Святославу миръ и его отчину, но въ то же время продолжали тайно сноситься съ Изяславомъ. Заключивши союзъ съ Ольговичемъ, коварные Давидовичи жаловались Великому Князю, что Святославъ отвоевалъ у нихъ ихъ область, что съ кіевской помощью они желаютъ выгнать его и смирить Юрія суздальскаго. Но коварство Давидовичей открылось (см. далѣе подъ словомъ Изяславъ Мстиславичъ), и слѣдствіемъ этого было убіеніе кіевлянами Игоря (1147 г.). Изяславъ разорилъ нѣкоторыя черниговскія мѣста, но скоро воротился въ Кіевъ, отложивъ войну до болѣе благопріятнаго времени. Скоро война возобновилась. Глѣбъ Юрьевичъ взялъ Остеръ и готовился итти на Переяславль; Давидовичи, дружина Святослава и половцы опустошили кіевскій городъ Брягинъ. Смиривъ Глѣба, Изяславъ подошелъ къ Чернигову и предлагалъ врагамъ своимъ битву. Союзники не отважились принять вызовъ и только тогда поднялись, когда Великій Князь пошолъ къ Любечу, въ которомъ находились запасы черниговскихъ князей. Непогода помѣшала состояться битвѣ, и Изяславъ едва успѣлъ перебраться на другую сторону Днѣпра, черезъ тронувшійся въ рѣкѣ ледъ, а союзники обратились къ Юрію суздальскому съ требованіемъ отъ него помощи. Юрій медлилъ, а когда посланный имъ старшій сынъ Ростиславъ перешелъ на сторону Изяслава, Давидовичи, Святославъ Ольговичъ и Святославъ, сынъ Всеволода, приставшій къ дядьямъ во время войны, предложили Великому Князю прекратить войну, тѣмъ болѣе, что причина ея—Игорь Ольговичъ былъ уже въ могилѣ. Давидовичи передъ кіевскими послами цѣловали крестъ въ черниговскомъ соборномъ храмѣ. Вскорѣ Изяславъ позвалъ союзниковъ въ Городецъ на совѣтъ. Давидовичи, отвѣчая за вѣрность обоихъ Святославовъ, не хотѣвшихъ являться на съѣздъ, условились съ Изяславомъ относительно общихъ дѣйствій противъ Юрія суздальскаго. Зимой союзники Изяслава должны были итти къ Ростову и соединиться съ Великимъ Княземъ на Волгѣ. Но когда послѣдній открылъ военныя дѣйствія въ верховьяхъ Волги, черниговскіе князья стояли въ землѣ Вятичей, «ожидаюча и зряча, што ся тамо учинить межю Гюргемъ и Изяславомъ» (1148 г.). Весенняя распутица помѣшала продолженію войны. По возвращеніи Изяслава въ Кіевъ, произошла извѣстная исторія съ Ростиславомъ (см.), сильно раздражившая Юрія и поднявшая его на племянника. Владиміръ Давидовичъ извѣстилъ Изяслава о вступленіи суздальскаго войска въ землю Вятичей (1149 г.). Попытка Великаго Князя и Давидовичей привлечь на свою сторону отшатнувшагося отъ нихъ Святослава Ольговича не удалась: онъ примкнулъ къ Юрію и вмѣстѣ съ послѣднимъ, въ свою очередь, склонялъ братьевъ пристать къ нимъ. «Душею не моževѣ играти», отвѣчали Давидовичи, хотя прежде и часто играли ею. Но когда Юрій занялъ Кіевъ, Владиміръ, по зову его, немедленно явился въ столицу и присягнулъ новому Великому Князю (1149 г.). Юрій вскорѣ изгнанъ былъ изъ Кіева Изяславомъ, но и послѣдній не долго держался въ столицѣ: въ 1150-мъ году Владиміръ подступилъ съ Юріемъ къ Кіеву и, по занятіи его суздальскимъ княземъ, договаривался съ Владимиркомъ галицкимъ относительно преслѣдованія Изяслава. Вскорѣ Юрій

опять потерялъ Кіевъ, но Владимиръ не отставалъ отъ него: по приглашенію его, онъ вмѣстѣ съ Святославомъ Ольговичемъ приплылъ изъ Чернигова въ Городецъ (Остерскій), вмѣстѣ съ Юріемъ подступалъ къ Кіеву, прошелъ къ Витичеву, Зарубу и, сражаясь въ рядахъ Юрія, палъ на берегу Рута въ іюлѣ 1151 г. Изяславъ Давидовичъ, только на этотъ единственный разъ отставшій отъ брата своего Владимира и приставшій къ Изяславу Мстиславичу, вмѣстѣ съ послѣднимъ оплакалъ потерю брата, отвезъ тѣло его въ Черниговъ и похоронилъ въ Спасо-Преображенскомъ соборѣ. Жена Владимира, Всеволодковна старшая (см. выше), бѣжала къ половцамъ и вышла за хана Башкорда. Отъ нея Владимиръ имѣлъ единственнаго сына Святослава (см.), со смертію котораго (1166 г.) старшая линія Святославичей угасла.

7. *Владимиръ-Петръ Игоревичъ*, князь сѣверско-путивльскій, сынъ Игоря Святославича, род. въ 1173-мъ году. Зотовъ, въ объясненіяхъ статей Любецкаго синодика, нашелъ соотвѣтствующаго этому князю Владимира, но не Петра, а Владимира-Антонія. Недоумѣніе, почему въ синодикѣ есть Владимиръ-Антоній а нѣтъ Владимира-Петра, привело его къ заключенію, что Владимиръ-Петръ род. въ 1173 г. и вскорѣ умеръ, а слѣдующаго сына-погодка отецъ назвалъ именемъ утраченнаго сына, но съ христіанскимъ именемъ Антонія, а не Петра. Владимиръ-Антоній, по этому объясненію, и есть лѣтописный Владимиръ Игоревичъ. Само собой разумѣется, что Владимиръ-Петръ могъ не попасть въ синодикъ, какъ умершій въ самомъ раннемъ младенчествѣ. Во всякомъ случаѣ, если Владимиръ-Петръ и Владимиръ-Антоній были погодки и если мы, признавая одного Владимира-Петра, дѣлаемъ погрѣшность, такъ сказать, родословную, то хронологическая погрѣшность тутъ самая незначительная. Еще будучи отрокомъ, онъ участвовалъ въ походѣ отца на половцевъ, въ 1183-мъ году. Взятый отцемъ изъ Путивля, онъ былъ участникомъ знаменитаго похода на тѣхъ же половцевъ, въ 1185-мъ году, шелъ съ своимъ полкомъ впереди (что означало особый почетъ), бился съ половцами у р. Сюурлія, а послѣ пораженія русскихъ на р. Каялѣ взятъ былъ въ плѣнъ одновременно съ отцемъ. Послѣ бѣгства изъ плѣна отца его, Владимиръ подвергся болѣе строгому надзору. Ханъ Кончакъ, по выраженію «Слова о полку Игоревѣ», упустивъ сокола, хотѣлъ опутать соколенка: онъ женилъ Владимира на своей дочери, съ которой тотъ прижилъ въ плѣну сына. Въ 1187-мъ году онъ получилъ свободу, и вмѣстѣ съ Кончаковной, потомъ крестившейся, и сыномъ-младенцемъ возвратился къ отцу: «и створи свадбу Игорь сынови своему и вѣнча его и съ дѣтятемъ».—Въ 1205-мъ году не стало Романа Мстиславича галицкаго, оставившаго послѣ себя двухъ малолѣтковъ-младенцевъ. Черниговскіе князья на совѣтѣ положили добывать Галичъ и пришли къ нему. Галичане, не дождавшись ни замедлившаго своимъ прибытіемъ Ярослава Всеволодовича ни помощи изъ Венгріи, послали въ станъ русскихъ князей и пригласили къ себѣ Владимира Игоревича, котораго они, настроенные бояриномъ Владиславомъ, сильно расхваливавшимъ имъ этого князя, еще раньше приглашали къ себѣ. Владимиръ, тайно отъ остальныхъ князей, поспѣшно перебрался въ Галичъ, откуда еще раньше вышла вдова Романа съ дѣтьми въ наслѣдственный удѣлъ свой, Владимиръ-Волынскій. Чтобы утвердиться на галицкомъ столѣ, Владимиру нужно было устранить Романовичей, задобрить главу своего рода, Всеволода Чермнаго, и сосѣдей, королей венгерскаго и польскаго. Чрезъ посла-священника Владимиръ потребовалъ у граждан Владимира-Волынскаго выдачи дѣтей Романа, угрожая, въ противномъ случаѣ, разрушить городъ. Вдова Романа съ дѣтьми тайно ушла изъ города, который занялъ братъ Владимира, Святославъ, между тѣмъ, какъ другой братъ его, Романъ, еще раньше, кажется, занялъ Звенигородъ. Королямъ венгерскому и польскому Владимиръ послалъ дары, а Всеволоду Чермному, ни съ чѣмъ ушедшему изъ-подъ Галича, лично помогалъ отнять Кіевъ, въ томъ же 1206-мъ г., у Рюрика Ростиславича. Внѣшнія дѣла, такъ или иначе, были улажены,—но внутри княжества не все было спокойно: вслѣдствіе ли боярскихъ интригъ или по какимъ-либо другимъ причинамъ, Владимиръ разссорился съ братомъ Романомъ, который, при помощи венгровъ, занялъ Галичъ, заставивъ старшаго брата уда-

литься въ Путивль (1208 г.). Романъ сидѣлъ не долго; его замѣнилъ венгерскій вельможа Бенедиктъ. Крутой режимъ послѣдняго заставилъ галичанъ опять позвать къ себѣ Владимира. Къ послѣднему присоединились и братья его: Романъ, бѣжавшій изъ Венгріи, и Святославъ, отпущенный изъ плѣна поляками. Игоревичи заставили Бенедикта удалиться, но должны были удовольствоваться только собственно Галицкимъ княжествомъ, такъ какъ Владимиро-волынская область занята была Александромъ бѣлзскимъ. Владимиръ сѣлъ въ Галичѣ, Святославъ—въ Перемышлѣ, Романъ — въ Звенигородѣ — одинъ сынъ Владимира, Изяславъ, получилъ Теребовль, а другой, Всеволодъ, посланъ былъ отцемъ къ королю венгерскому съ дарами и просьбой о выдачѣ Даніила Романовича (1210 г.). Теперь Игоревичи хотѣли крутыми мѣрами утвердиться въ Галичѣ: посовѣтовавшись съ братомъ Романомъ, Владимиръ многихъ знатныхъ бояръ предалъ суду, безъ вины осудилъ и около 500 человѣкъ лишилъ жизни. Остальные бояре возмутились этой жестокостью; одинъ изъ нихъ, прежній благодѣтель Игоревичей, Владиславъ, бѣжалъ въ Венгрію и успѣлъ поднять въ пользу Даніила Романовича короля Андрея. Города сдавались венграмъ одинъ за другимъ. Игоревичи привели половцевъ, но и въ рядахъ враговъ ихъ явились союзники: Александръ Всеволодовичъ владимиро-волынскій (бѣлзскій), Ингварь луцкій, Мстиславъ пересопницкій и поляки (1211 г.). Романъ и Святославъ и еще какой-то князь Ростиславъ, можетъ быть братъ двухъ первыхъ, а можетъ быть только князь ихъ рода, были повѣшены. Владимиръ, когда венгры отъ Звенигорода съ плѣннымъ Романомъ пошли на Галичъ, бѣжалъ съ сыномъ Изяславомъ; его преслѣдовали до Нѣзды, но онъ ускользнулъ отъ преслѣдующихъ (1211 г., по Ипатской — въ 1208; хронологія этой лѣтописи вообще отстаетъ отъ другихъ на 2—3 года.) Годомъ смерти его полагаютъ 1212-й, такъ какъ послѣ 1211-го г. онъ уже не упоминается въ лѣтописяхъ. Отъ Кончаковны онъ имѣлъ двухъ, выше упомянутыхъ, сыновей.

8. *Владиміръ Святославичъ*, князь новгородскій, сынъ Святослава Всеволодовича, князя черниговскаго, (неизвѣстно, на какомъ основаніи «Указатель къ 8 тт. Полн. Собр. Рус. Лѣт.» называетъ этого князя: «кн. новгородскій, потомъ черниговскій», каковымъ онъ не былъ, т. е. не сидѣлъ на черниговскомъ столѣ), въ первый разъ упоминается въ лѣтописяхъ подъ 1176-мъ годомъ: въ этомъ году, по порученію отца, онъ провожалъ, приглашенныхъ къ себѣ на княженіе владимирцами, Михалка и Всеволода (Большое Гнѣздо) Юрьевичей, которымъ помогалъ въ битвѣ ихъ на Бѣлеховѣ полѣ съ Ярополкомъ Ростиславичемъ. Послѣ этой битвы Юрьевичи одарили его и отпустили домой. Въ слѣдующемъ году, опять по порученію отца, онъ ходилъ на помощь Всеволоду Юрьевичу въ войнѣ его съ Глѣбомъ Ростиславичемъ рязанскимъ и другимъ Ростиславичемъ, Мстиславомъ, съ которыми бился на берегахъ Колокши, а въ 1178-мъ году Всеволодъ вызвалъ его во Владимиръ и женилъ на племянницѣ своей, дочери Михалка, съ которой Владимиръ возвратился въ томъ же году въ Черниговъ. Въ 1180-мъ году въ Новгородѣ скончался Мстиславъ Ростиславичъ Храбрый, и новгородцы, къ досадѣ Всеволода III-го, обратились за княземъ для Новгорода къ Святославу черниговскому, который и отпустилъ къ нимъ сына Владимира. Между княземъ владимирскимъ и бывшимъ благодѣтелемъ его, княземъ черниговскимъ, послѣдовалъ открытый разрывъ, и Владимиръ, въ томъ же году, выходилъ съ новгородцами на Волгу, къ Твери, помогать отцу противъ Всеволода. Не совсѣмъ удачныя военныя дѣйствія и весенняя распутица заставили Святослава и Владимира отступить въ Новгородъ, откуда черниговскій князь направился къ югу, имѣя въ виду отнятіе Кіева у Ростиславичей. Между тѣмъ Всеволодъ взялъ Торжокъ и вынудилъ новгородцевъ «показать путь» Владимиру изъ Новгорода. Святославичъ удалился «въ Русь» къ отцу. Вскорѣ Всеволодъ и Святославъ обладавшій уже Кіевомъ, примирились, и Владимиръ Святославичъ, въ 1182-мъ году, даже участвовалъ въ походѣ владимирскаго князя на болгаръ. Затѣмъ о Владимирѣ Святославичѣ лѣтописи упоминаютъ еще только два раза: подъ 1185-мъ годомъ говорятъ о посылкѣ его отцемъ въ Посемье (города по Сейму) съ извѣстіемъ о плѣненіи Игоря Святославича половцами, и подъ 1191-мъ годомъ объ участіи его въ

походѣ южныхъ князей на половцевъ. Годомъ смерти этого князя обыкновенно считаютъ 1201 г. Но въ лѣтописяхъ, въ которыхъ говорится подъ этимъ годомъ о смерти Владимира черниговскаго (П. С. Р. Л. VII, 107,—X, 33,—XV, 200), этотъ послѣдній названъ по отчеству Всеволодовичемъ; Лаврентьев. лѣтопись, говоря подъ тѣмъ же годомъ о смерти Владимира черниговскаго, не называетъ его отчества, но, очевидно, здѣсь разумѣется тотъ же Всеволодовичъ, — и только Густинская лѣтопись (II, 327) называетъ Владимира, умершаго въ 1201-мъ году, Святославичемъ. Во всякомъ случаѣ о разныхъ лицахъ здѣсь (1191 и 1201 г.) говорится, или объ одномъ и томъ же,—между 1191-мъ и 1201-мъ годами о дѣятельности того или другаго Владимира въ лѣтописяхъ ничего не говорится. Дѣтей отъ жены своей, дочери Михалка, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, Пребраны-Елены, Владимиръ не имѣлъ.

9. *Всеволодъ Владимировичъ*, сынъ Владимира Игоревича (см. выше) упоминается только одинъ разъ подъ 1210-мъ годомъ (по Ипат. 1206) по случаю поѣздки его къ королю венгерскому. Никакихъ другихъ извѣстій о немъ не дошло до насъ.

10. *Всеволодъ Давидовичъ*, князь муромскій, сынъ Давида Святославича (см. далѣе), упоминается въ лѣтописяхъ два раза: въ 1116-мъ году онъ ходилъ съ Ярополкомъ, сыномъ Мономаха, на половцевъ, а въ 1124-мъ году женился въ Муромѣ на какой-то полькѣ («ведена бысть лѣховица» — въ другихъ «ляховка» — «въ Муромъ за Давыдовича Всеволода»). Больше ничего о немъ неизвѣстно.

11. *Всеволодъ Ольговичъ*, сынъ Олега-Михаила Святославича, княжилъ въ Черниговѣ съ 1127-го по 1139-го года, въ которомъ отнялъ Кіевъ у Вячеслава Владимировича. О немъ см. по алфавиту подъ словомъ Всеволодъ.

12. *Всеволодъ Святославичъ*, сынъ Святослава Ольговича, князь курско-трубчевскій, болѣе извѣстенъ по участію въ походѣ брата своего Игоря на половцевъ, въ 1185-мъ году. Но въ лѣтописяхъ онъ начинаетъ упоминаться много раньше этого года. Въ 1159-мъ году отецъ его, находившійся въ ссорѣ съ Изяславомъ Давидовичемъ, нуждался въ помощи Великаго Князя Ростислава Мстиславича,— но кіевляне подозрительно относились къ Ольговичу, почему Ростиславъ и взялъ у него въ заложники сына Всеволода. Вообще, дѣятельность этого князя представляется болѣе пассивной: въ 1165-мъ году онъ терпитъ обиду отъ двоюроднаго брата своего, Святослава Всеволодовича, обѣщавшаго, но не давшаго ему волостей; въ 1169-мъ году участвовалъ въ походѣ Великаго Князя Мстислава на половцевъ; въ 1175-мъ году вмѣстѣ съ братомъ Олегомъ осаждалъ Стародубъ; въ 1180-мъ году ходилъ съ Святославомъ Всеволодовичемъ на Всеволода III и, между прочимъ, на р. Вленѣ оттѣснилъ союзниковъ владимирскаго князя, князей рязанскихъ, отъ обозовъ Святослава. По возвращеніи изъ этого похода, Всеволодъ оставленъ былъ въ Черниговѣ братомъ Игоремъ; въ 1183-мъ году съ этимъ братомъ ходилъ на половцевъ, а въ 1185-мъ году участвовалъ въ знаменитомъ походѣ того же Игоря на тѣхъ же половцевъ. Выступивши изъ Трубчевска, Всеволодъ соединился съ братомъ близъ Переяславля. По удостовѣренію лѣтописи, онъ мужественно бился съ врагами при р. Каялѣ: «толма бившеся, яко и оружья въ руку его не доста». Тѣмъ не менѣе онъ взятъ былъ въ плѣнъ. Авторъ «Слова о полку Игоревѣ» называетъ его буй-туромъ, который сыплетъ на враговъ стрѣлы и гремитъ о шлемы непріятелей мечемъ булатнымъ; «гдѣ сверкнетъ золотой шлемъ его, тамъ лежатъ головы половецкія». Таковы же были и его сподвижники—куряне, которые «подъ звукомъ трубъ повиты, концемъ копья вскормлены; пути имъ свѣдомы, — овраги знаемы; луки у нихъ натянуты, колчаны открыты; рыщутъ они въ полѣ, какъ сѣрые волки: ищутъ самимъ себѣ чести, а князю — славы».— Изъ плѣна Всеволодъ освобожденъ вмѣстѣ съ племянникомъ, Владимиромъ Игоревичемъ, въ 1187-мъ году. Послѣ того лѣтописи еще только три раза отмѣчаютъ его: въ 1191-мъ году онъ ходилъ съ братомъ Игоремъ на половцевъ; въ 1194-мъ году былъ въ Роговѣ на совѣщаніи съ двоюроднымъ братомъ Святославомъ Всеволодовичемъ о несостоявшемся походѣ на Рязань. Въ маѣ 1196-го года Всеволодъ скончался и погребенъ въ Черниговской Богородицкой церкви. Южная лѣтопись такъ характеризуетъ его: онъ

былъ «въ Ольговичѣхъ всихъ удалѣе рожаемъ (дородствомъ), и воспитаніемъ, и возрастомъ, и всею добротою и мужьственною доблестью». По догадкѣ проф. Тихонравова, въ «Словѣ о полку Игоревѣ» подъ именемъ Глѣбовны, жены Всеволода, разумѣется Ольга Глѣбовна, внучка Юрія Долгорукаго. Но по лѣтописямъ и родословнымъ у Глѣба Юрьевича значатся только два сына. Изъ лѣтописей и родословныхъ не видно, чтобы у Всеволода были дѣти, хотя весьма правдоподобнымъ будетъ предположеніе, что упоминаемый въ лѣтописяхъ безъ отчества, подъ 1232-мъ годомъ, князь Трубчевскій Святославъ былъ его сыномъ.

13. *Всеволодъ Святославовичъ*, по прозванію *Чермный* (Красный или Рыжій, какъ нѣкоторые называютъ его, переводя церковно-слав. на русскій яз.), сынъ Святослава Всеволодовича, типичный представитель безпокойныхъ и коварныхъ Ольговичей. До занятія имъ черниговскаго стола (въ 1204-мъ году) онъ только дважды упоминается въ лѣтописи: въ 1183-мъ году онъ участвовалъ въ походѣ Игоря Святославича на половцевъ и битвѣ съ ними на берегахъ рѣки Хиріи (Хороль); въ 1191-мъ году, по приказанію отца, опять ходилъ на половцевъ. Затѣмъ лѣтописныя извѣстія о немъ прекращаются до 1204-го года включительно, когда онъ, по смерти брата Олега, занялъ черниговскій столъ. Въ 1205-мъ году не стало знаменитаго Романа галицкаго,—и южные князья пришли въ движеніе: ихъ привлекали Кіевъ и Галичъ. Кіевъ захваченъ уже былъ тестемъ Романа, Рюрикомъ Ростиславичемъ,—но на него имѣлъ виды, какъ показываетъ смыслъ движенія тогдашнихъ южныхъ князей, и князь черниговскій. Въ перспективѣ у тѣхъ и другихъ оставался еще Галичъ съ его наслѣдниками—Романовичами, младенцами Даніиломъ и Василькомъ. Ольговичи, послѣ совѣщаній въ Черниговѣ, рѣшили итти на Галичъ. Когда они подошли къ Днѣпру, на встрѣчу имъ вышелъ Рюрикъ, какъ показываетъ смыслъ дальнѣйшихъ событій, не съ добрымъ намѣреніемъ, такъ какъ онъ зналъ о видахъ Всеволода на Кіевъ. Очевидно, здѣсь рѣшено было итти всѣмъ на Галичъ и добывать его для Всеволода. Рюрикъ шелъ съ Ольговичами, конечно, для того, чтобы, добывъ Галичъ для Всеволода, самому спокойно владѣть Кіевомъ; но вмѣшательство въ это дѣло венгерскаго короля Андрея, а потомъ приглашеніе галичанами Владиміра Игоревича (см. выше) разстроило всѣ прежнія комбинаціи, и соединенные князья вынуждены были уйти изъ-подъ Галича «со срамомъ великимъ». У Всеволода теперь развязаны были руки по отношенію къ Рюрику, такъ какъ Галичъ попалъ въ другія руки, и онъ, на обратномъ пути изъ похода, захватилъ Кіевъ (1206—1207 гг.) и посадилъ въ кіевскихъ городахъ своихъ намѣстниковъ, отдавъ Переяславль сыну своему Михаилу, по удаленіи изъ этого города Ярослава Всеволодовича. Рюрикъ, однако, не хотѣлъ помириться съ такимъ положеніемъ дѣлъ: съ сыновьями своими и племянниками онъ подступилъ къ Кіеву и выгналъ изъ него Всеволода, а Михаила—изъ Переяславля. Въ томъ же году (1206) Всеволодъ съ братьями, племянниками и половцами подступалъ къ Кіеву, но, простоявъ подъ нимъ три недѣли отошелъ безъ успѣха. Въ слѣдующемъ 1207-мъ году Всеволодъ поднялъ всѣхъ своихъ родичей, въ томъ числѣ и Владиміра Игоревича галицкаго, даже князей туровскихъ, и пошелъ къ Кіеву. Узнавъ, что Рюрикъ ушелъ въ Овручъ, а Мстиславъ Романовичъ—затворился въ Бѣлгородѣ, Всеволодъ подошелъ къ послѣднему; Мстиславъ просилъ пути, получилъ его и ушелъ въ Смоленскъ; затѣмъ побѣдитель обратился на засѣвшаго въ Торческѣ Мстислава Мстиславича Удалого. Послѣдній не могъ противиться Всеволоду и цѣловалъ крестъ «на его воли». Всеволодъ сѣлъ въ Кіевѣ, «много зла сотворивъ земли русской», такъ какъ союзники его, половцы, безпощадно разоряли населеніе грабежами и злодѣйствами. Народъ ждалъ спасенія съ сѣвера, отъ великаго князя владимірскаго, который, дѣйствительно, поднялся на черниговскихъ князей, но, по обстоятельствамъ, остановился въ Рязанской землѣ. Съ вѣстью объ этомъ къ Всеволоду Чермному прибылъ зять его, князь пронскій Киръ-Михаилъ. Ободренный такимъ оборотомъ дѣлъ, Рюрикъ Ростиславичъ напалъ на Кіевъ и выгналъ изъ него Всеволода. По лѣтописямъ нельзя съ точностью опредѣлить, сколько времени си-

дѣлъ на этотъ разъ въ Кіевѣ Рюрикъ; но сопоставленіе всѣхъ относящихся къ 1208—1210 годамъ фактовъ заставляетъ правдоподобно предполагать, что въ 1209-мъ или въ началѣ 1210-го года его уже не было въ живыхъ. Изгнанный изъ Кіева, угрожаемый съ сѣвера, Чермный видѣлъ всю необходимость примиренія съ великимъ княземъ владимирскимъ. Чрезъ посредство имъ же поставленнаго кіевскаго митрополита Матвѣя, Чермный вступилъ въ переговоры о мирѣ съ Всеволодомъ III, который, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, не хотѣлъ договариваться безъ свата своего, Рюрика Ростиславича. Миръ, однако, состоялся въ 1210-мъ или 1211-мъ году и Всеволодъ Чермный, въ томъ же году, — вслѣдствіе ли этого мира или вслѣдствіе, надо полагать, послѣдовавшей около того времени кончины Рюрика, а можетъ быть, вслѣдствіе того и другаго, занялъ Кіевскій столъ. Миръ съ великимъ княземъ владимірскимъ былъ упроченъ родственными связями: въ 1211-мъ году дочь Чермнаго (Агаѳія) повѣнчана во Владимирѣ съ Юріемъ Всеволодовичемъ, впослѣдствіи великимъ княземъ владимирскимъ. Но излишнее властолюбіе погубило Всеволода: въ 1213-мъ году право или неправо, онъ обвинилъ дѣтей и племянниковъ Рюрика Ростиславича въ гибели галицкихъ Игоревичей, Романа и Святослава, и выгналъ ихъ изъ Руси, т. е. изъ Кіевской земли. Но изгнанники нашли защитника въ князѣ новгородскомъ Мстиславѣ Удаломъ, который заставилъ Всеволода бѣжать за Днѣпръ (1214 г.). Вмѣстѣ съ братомъ Глѣбомъ, Чермный затворился въ Черниговѣ, но здѣсь осажденный Мстиславомъ, съ горя умеръ (1215 г.), а Глѣбъ, покорностію и дарами, купилъ у побѣдителя миръ. Всеволодъ Святославичъ былъ женатъ дважды: 1) на Маріи, дочери польскаго короля Казимира II, отъ которой имѣлъ сына Михаила, и 2) на N, отъ которой имѣлъ двухъ дочерей: Агаѳію (см. выше), и другую, неизвѣстную по имени, бывшую за Киръ-Михаиломъ Всеволодовичемъ, княземъ пронскимъ, которая у Татищева названа Вѣрой.

14. *Всеволодъ-Лаврентій Ярополковичъ*, сынъ Ярополка Ярославича, неизвѣстный по лѣтописямъ, но извѣстный по Любецкому синодику, по нѣкоторымъ соображеніямъ, долженъ былъ княжить въ Черниговѣ послѣ св. Михаила Всеволодовича, съ 1246 г. по 1263 г. За этотъ періодъ времени лѣтописи отмѣчаютъ два болѣе или менѣе крупныхъ событія, касающихся Черниговской области: въ 1255-мъ году Черниговское княжество, наравнѣ съ другими русскими областями, подверглось татарской переписи, а въ 1258-мъ году его разорилъ литовскій князь Миндовгъ. Въ Ипатской лѣтописи подъ 1261-мъ годомъ говорится, что князь волынскій Василько Романовичъ отдалъ дочь свою Ольгу за Андрея Всеволодовича «Чернигову» («до Чернѣгова»), т. е. въ Черниговъ. Само собою разумѣется, что этого Андрея нельзя считать кн. Черниговскимъ, т. е. занимавшимъ черниговскій столъ. Но чей онъ былъ сынъ? Сыномъ Всеволода Чермнаго, братомъ св. Михаила онъ не могъ быть: черезчуръ поздно было бы жениться ему въ 1261-мъ году. Но въ Любецкомъ синодикѣ есть троюродный братъ Михаила, одного съ нимъ колѣна, Всеволодъ Ярополковичъ, и всего вѣрнѣе считать Андрея женившагося въ 1261-мъ году на Ольгѣ, княжнѣ волынской, сыномъ этого Всеволода, при которомъ онъ и находился, въ 1261-мъ году, въ Черниговѣ. Для разныхъ соображеній въ рѣшеніи такихъ проблеммъ приводимъ здѣсь два факта изъ лѣтописей: въ 1263-мъ году братъ Ольги Васильковны, по той же Ипатской лѣтописи, Владимиръ, женился на Ольгѣ, дочери Романа, сына св. Михаила; еще фактъ: Ольга Васильковна, жена Андрея Всеволодовича (чей бы ни былъ онъ сынъ), въ 1288-мъ году находилась во Владимирѣ Волынскомъ при погребеніи выше помянутаго брата своего Владимира.

15. *Георгій*. См. *Игорь*.

16. *Глѣбъ Ольговичъ*, внукъ Святослава Ярославича, князь курскій, только два раза упоминается въ лѣтописяхъ: въ 1137-мъ году съ курянами и половцами онъ ходилъ на помощь брату своему, князю новгородскому Святославу противъ Всеволода-Гавріила Мстиславича, князя псковскаго. Онъ скончался въ Курскѣ, въ 1138-мъ году. Отъ брака съ неизвѣстной онъ имѣлъ двухъ сыновей, Изяслава и Ростислава.

17. *Глѣбъ Святославичъ*, сынъ Святослава Ярославича, князь тмуторокапскій,

жилъ и дѣйствовалъ во второй половинѣ XI в. Въ 1064-мъ году онъ сидѣлъ въ Тмуторокани, откуда выгнанъ былъ двоюроднымъ братомъ своимъ, княземъ-изгоемъ Ростиславомъ Владимировичемъ, явившимся изъ Новгорода. Отецъ Глѣба, Святославъ Ярославичъ, пришелъ въ Тмуторокань съ войскомъ, и Ростиславъ, не желая поднимать оружiя противъ дяди, удалился. Но какъ только Святославъ ушелъ изъ города, Ростиславъ вторично выгналъ оттуда Глѣба, который ушелъ къ отцу (въ томъ же или—по другимъ извѣстiямъ — въ 1065-мъ году). Вскорѣ послѣ смерти Ростислава († 1065 г.) Глѣбъ опять сѣлъ въ Тмуторокани. Въ 1067-мъ году, по догадкѣ С. М. Соловьева, Глѣбъ получилъ отъ дяди, великаго князя Изяслава Ярославича, Новгородъ, — но уже въ слѣдующемъ году, когда на великокняжескiй столъ возведенъ былъ Всеславъ Брячиславичъ полоцкiй, долженъ былъ опять возвратиться въ Тмуторокань, и здѣсь, между прочимъ, какъ свидѣтельствуетъ надпись на извѣстномъ Тмутороканскомъ камнѣ, въ 1068-мъ году «мѣрилъ море по леду отъ Тмуторокани до Кърчева (Керчи) 10,000 и 4,000 саженъ» (т. е. 14 т. саж.). Вѣроятно, въ какой-нибудь связи съ бѣгствомъ изъ Кiева Всеслава находится и перемѣщенiе Глѣба изъ Тмуторокани въ Новгородъ, на который, въ 1069-мъ году, съ сильнымъ войскомъ напалъ, выгнанный изъ Полоцка, Всеславъ; но Глѣбъ съ новгородцами нанесъ ему сильное пораженiе на Гзени. Подъ 1071-мъ годомъ въ лѣтописяхъ говорится о появленiи въ Новгородѣ волхва, который прельстилъ и привлекъ на свою сторону почти всѣхъ гражданъ, говоря, что передъ всѣми пройдетъ по Волхову и погубитъ епископа Θеодора. Въ городѣ произошелъ мятежъ. Епископъ, вышедши къ народу съ крестомъ, пригласилъ стать на свою сторону вѣрующихъ въ Распятаго: на его сторонѣ стали кн. Глѣбъ и бояре, а народъ почти весь столпился около волхва. Князь, имѣя въ рукѣ подъ плащемъ топоръ, подошелъ къ волхву и спросилъ его, знаетъ ли онъ, что случится съ нимъ въ этотъ день, и, когда волхвъ сказалъ, что онъ сотворитъ великiя чудеса, разсѣкъ ему голову топоромъ. Народъ разошелся и успокоился. Татищевъ, подъ 1073-мъ годомъ, называетъ Глѣба княземъ переяславскимъ, и очень возможно, что онъ тогда сидѣлъ подлѣ отца, въ Переяславлѣ, такъ какъ въ 1074-мъ году мы видимъ его въ Кiевѣ, гдѣ отцу его и ему св. Θеодосiй преподалъ свое предсмертное благословенiе. Но по смерти Святослава († 1076 г.), мы видимъ его опять въ Новгородѣ: въ 1077-мъ году сюда приходилъ къ нему Владимиръ Мономахъ (упоминающiй объ этомъ въ своемъ «поученiи») въ помощь противъ ли новгородцевъ, какъ нѣкоторые думаютъ (напр. С. М. Соловьевъ), или противъ Чуди, которой онъ былъ убитъ въ Заволочьѣ, въ 1078-мъ году. Тѣло его, въ iюлѣ того же года, было перевезено въ Черниговъ и погребено за Спасо Преображенскимъ соборомъ. Былъ ли онъ женатъ и имѣлъ ли дѣтей, ни откуда не видно. Лѣтописи такъ описываютъ внутреннюю и внѣшнюю красоту его: онъ былъ «взоромъ красенъ», милостивъ къ убогимъ и страннолюбивъ, попечителенъ о церквахъ, при теплой вѣрѣ былъ тихъ, кротокъ и долготерпѣливъ.

18. *Глѣбъ Святославичъ*, сынъ Святослава Всеволодовича, князь бѣлогородскiй, потомъ черниговскiй, въ первый разъ неудачно выступаетъ дѣйствующимъ лицомъ въ 1180-мъ году: посланный отцемъ на помощь Роману Глѣбовичу Рязанскому противъ Всеволода III, онъ съ его пьяной дружиной взятъ былъ послѣднимъ въ плѣнъ и отправленъ во Владимиръ. Послѣ неудачнаго похода Святослава Всеволодовича въ Суздальскую область для освобожденiя сына изъ оковъ и плѣна, Всеволодъ, управившись съ Новгородомъ, изъ-за котораго у него былъ раздоръ съ черниговскимъ княземъ, на радостяхъ съ честью отпустилъ Глѣба домой и примирился съ его отцемъ. Женившись, въ 1182-мъ году, на дочери Рюрика Ростиславича, и справивши свадьбу свою, Глѣбъ въ слѣдующемъ 1183-мъ году (по другимъ въ 1185 г.) принималъ участiе въ походѣ отца своего на половцевъ. Въ 1189-мъ году, по порученiю отца, онъ ѣздилъ въ Галичъ для переговоровъ, по дѣламъ галицкимъ, съ венгерскимъ королемъ Болою III-мъ. Зимой слѣдующаго 1190-го г. Глѣбъ оставленъ былъ отцемъ у Канева, куда привелъ половцевъ князь торковъ Кунтувдѣй. Глѣбъ напалъ на нихъ, и многiе изъ половцевъ, бѣжа изъ города, попа-

лись ему въ плѣнъ, а нѣкоторые обломились на льду р. Роси и потонули. Въ 1196-мъ году, во время похода Ольговичей къ Витебску и возгорѣвшейся потомъ войны ихъ съ Мономаховичами, тогдашній князь черниговскій Ярославъ Всеволодовичъ оставлялъ Глѣба въ Черниговѣ блюсти городъ. Въ 1205-мъ году, когда Ольговичи условились итти на Галичъ съ Рюрикомъ Ростиславичемъ, послѣдній отдалъ имъ Бѣлгородъ, въ которомъ сѣлъ Глѣбъ. Но въ 1206-мъ году, когда Всеволодъ Чермный занялъ Кіевъ, а Рюрикъ ушелъ въ Овручъ, Бѣлгородъ занялъ Мстиславъ Романовичъ смоленскій. Когда, въ 1210-мъ году, Всеволодъ Чермный въ третій разъ овладѣлъ Кіевомъ, Глѣбъ, по довольно основательнымъ соображеніямъ позднѣйшихъ изслѣдованій по исторіи Черниговo-Сѣверской земли, получилъ Переяславль. Въ 1214-мъ году Мстиславъ Удалой заставилъ Чермнаго съ его «братью» удалиться за Днѣпръ, потомъ осадилъ Черниговъ (1215 г.), гдѣ Всеволодъ скончался, а братъ его Глѣбъ, не видя никакой возможности противустоять силамъ Мстислава, изъявилъ покорность и, по выраженію Карамзина, дарами купилъ миръ. Вѣроятно, Глѣбъ сидѣлъ въ Черниговѣ до 1219-го г., подъ которымъ (въ Никон. лѣт., а въ другихъ — подъ 1220—1221 гг.), въ качествѣ черниговскаго князя, упоминается о братѣ его, Мстиславѣ. Отъ Рюриковны, названной въ Любецкомъ синодикѣ Анастасіей, онъ имѣлъ сына Мстислава и двухъ дочерей: Евѳимію, выданную, въ 1194-мъ г., за какого-то греческаго царевича, и неизвѣстную по имени, вышедшую, въ 1215-мъ году, за сына Всеволода III, Владиміра.

19. *Давидъ Ольговичъ*, сынъ Олега Святославича, въ первый разъ упоминается въ лѣтописяхъ подъ 1190-мъ годомъ, по случаю женитьбы его на неизвѣстной по имени дочери Игоря Святославича. Въ 1191-мъ году онъ ходилъ съ Игоремъ и Всеволодомъ Святославичами на половцевъ, но отъ Оскола воротился безъ боя. Въ 1196-мъ году Давидъ ходилъ съ отцомъ и другими Ольговичами къ Витебску, бился съ смольнянами, которые его «иссѣкоша». Отъ Игоревны Давидъ Ольговичъ имѣлъ сына Мстислава (см. далѣе).

20. *Давидъ Ольговичъ*, князь рыльскій и воргольскій. См. далѣе Олегъ, князь рыльскій и воргольскій.

21. *Давидъ Святославичъ*, князь черниговскій, сынъ Святослава Ярославича. Въ 1073-мъ году Святославъ Ярославичъ черниговскій взялъ Кіевъ подъ братомъ своимъ Изяславомъ. Переяславль южный, по мнѣнію С. М. Соловьева, онъ отдалъ тогда сыну Давиду; но по смерти отца, въ 1076-мъ году, онъ вынужденъ былъ уйти въ Муромъ, одну изъ черниговскихъ волостей. Въ 1093-мъ году отъ одного изъ дядей своихъ — или отъ Всеволода, или отъ преемника его Святополка-Михаила, Давидъ получилъ Смоленскъ, но въ 1095-мъ году онъ выведенъ былъ оттуда въ Новгородъ Святополкомъ и Мономахомъ, вслѣдствіе ссоры ихъ съ Давидовымъ братомъ Олегомъ. Но Давидъ сидѣлъ тамъ не долго: новгородцы не взлюбили его, и онъ опять ушелъ въ Смоленскъ, откуда, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, выгналъ Мономахова сына Изяслава (1096 г.). Въ 1097-мъ году, послѣ Любецкаго съѣзда князей, на которомъ распредѣлены и утверждены за каждымъ княземъ его наслѣдственныя земли,—за Святославичами, въ частности, Черниговo-Сѣверскія и Муромо-Рязанскія земли и земля Вятичей,— Давидъ утвердился въ Черниговѣ, который занималъ до своей кончины. Въ слѣдующемъ, 1098-мъ году, по почину Мономаха, вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ и братомъ Олегомъ, Давидъ подступалъ къ Кіеву и требовалъ отъ великаго князя Святополка II объясненій по поводу ослѣпленія Василька, князя теребовльскаго, по навѣтамъ Давида Игоревича. Въ 1100-мъ году, на съѣздѣ князей въ Увѣтичахъ, вмѣстѣ съ братомъ Олегомъ онъ далъ 200 гривенъ серебра Давиду Игоревичу, лишенному, за его злодѣяніе, Владиміра-Волынскаго. Согласныя дѣйствія князей на этомъ съѣздѣ устрашили половцевъ, которые и рѣшили просить у нихъ мира; въ заключеніи послѣдняго въ Саковѣ, въ 1101-мъ году, участвовалъ и Давидъ. Но уже въ 1103-мъ году, по почину Владиміра Мономаха, князья должны были предпринять противъ половцевъ походъ, въ которомъ принималъ участіе и Давидъ. Въ битвѣ у Сутеня тогда пало до 20 половецкихъ хановъ. Въ 1107-мъ году онъ участвовалъ въ разбитіи тѣхъ же половцевъ на р. Хоролѣ;

въ 1110-мъ году въ походѣ Святополка и Мономаха на нихъ же; въ 1111-мъ году опять на нихъ въ походѣ за Донъ и въ блистательной побѣдѣ надъ ними на р. Сальницѣ. Въ 1113 мъ году скончался великій князь кіевскій Святополкъ, и старшими въ родѣ Ярослава оказывались черниговскіе Святославичи, изъ которыхъ прежде всѣхъ имѣлъ право на кіевскій столъ Давидъ; но кіевляне и слышать о томъ не хотѣли: они пригласили къ себѣ Мономаха. Тѣмъ не менѣе, Давидъ не изъявлялъ по этому поводу недовольства и шелъ рука объ руку съ великимъ княземъ: такъ, въ 1115—18 годахъ онъ ходилъ съ сыномъ Мономаха — Ярополкомъ на князя минскаго Глѣба Всеславича, пустошившаго сосѣднія кіевскія мѣста, участвовалъ въ перенесеніи мощей свв. Бориса и Глѣба въ Вышгородѣ, съ самимъ Мономахомъ ходилъ на того же Глѣба минскаго и на Ярослава («Ярославца») Святополковича владиміро-волынскаго. Давидъ Святославичъ скончался въ январѣ 1123-го года въ Черниговѣ и погребенъ въ Спасо-Преображенскомъ соборѣ. Отъ брака съ неизвѣстной онъ имѣлъ сыновей: Владиміра, Изяслава, Всеволода, Святослава (Никола-Святоша) и Ростислава.

22. *Игорь-Георгій Ольговичъ*, князь сѣверскій и великій князь кіевскій, см. т. III, стр. 59—61.

23. *Игорь-Георгій Святославичъ*, сынъ Святослава Ольговича, князь новгородъ-сѣверскій, род. 10 го апрѣля 1151-го г. (по Ипат. л.; по Густ. 1150-го г.). Уже съ отроческихъ лѣтъ онъ принималъ, хотя и пассивное, участіе въ дѣлахъ старшихъ князей: въ 1159-мъ году вмѣстѣ съ отцомъ онъ присутствовалъ на съѣздѣ черниговскихъ князей по дѣлу объ Иванѣ Берладникѣ; въ 1165-мъ году не былъ надѣленъ волостями, противъ обѣщанія, Святославомъ Всеволодовичемъ, — а въ 1169-мъ году находился въ числѣ одиннадцати князей, ходившихъ по приказу Андрея Боголюбскаго, на Мстислава Изяславича и разорившихъ Кіевъ. Въ 1172-мъ году Игорь выступилъ на половцевъ, перешелъ Ворсклу, но, узнавъ отъ плѣнныхъ непріятелей, что главныя половецкія силы пошли къ Переяславлю, пустился за ними и нанесъ сильное пораженіе ханамъ Кобяку и Кончаку. Прибывши въ Кіевъ, гдѣ Романъ Ростиславичъ торжествовалъ свое восшествіе на кіевскій столъ, Игорь, въ знакъ уваженія къ Роману, вручилъ ему сайгатъ (трофеи), былъ одаренъ Ростиславичами и праздновалъ вмѣстѣ съ ними въ Вышгородѣ день св. Бориса и Глѣба. Въ 1174-мъ году, вмѣстѣ съ Святославомъ Всеволодовичемъ, Игорь присоединился къ многочисленнымъ войскамъ, посланнымъ Андреемъ Боголюбскимъ на Кіевъ противъ Ростиславичей, и безуспѣшно осаждалъ въ Вышгородѣ Мстислава Храбраго. Въ 1180 г. (по Ипат. лѣт. 1178 г.) скончался Олегъ Святославичъ, и Игорь сѣлъ на новгородъ-сѣверскомъ удѣлѣ, на которомъ оставался до своей кончины. Въ томъ же году онъ принималъ участіе въ совѣщаніяхъ черниговскихъ князей съ великимъ княземъ Святославомъ Всеволодовичемъ, который готовился къ войнѣ съ Всеволодомъ III и Ростиславичами. На время похода Святославъ оставилъ Игоря съ братомъ своимъ Ярославомъ блюсти Черниговъ и, въ случаѣ надобности, дѣйствовать противъ Ростиславичей; затѣмъ приказалъ имъ выступить въ землю Кривичей, гдѣ Игорь съ половцами долженъ былъ дѣйствовать противъ князя друцкаго Глѣба Рогволодовича и Давида Ростиславича смоленскаго, — но безъ Святослава не смѣлъ рѣшиться на битву. Въ Кіевской области, куда прибылъ Святославъ по разореніи Друцка, Игорь ожидалъ его подъ Вышгородомъ. По просьбѣ половцевъ, Святославъ отпустилъ его къ Долобску. Посланный противъ нихъ Рюрикомъ Ростиславичемъ, Мстиславъ Владиміровичъ съ черными клобуками разбилъ ихъ, и Игорь съ ханомъ Кончакомъ въ лодкѣ ушелъ чрезъ Городецъ въ Черниговъ. Въ 1183-мъ году южные князья задумали итти на половцевъ. Великій князь Святославъ Всеволодовичъ вмѣсто себя послалъ Игоря. Князь переяславскій Владиміръ Глѣбовичъ просилъ Игоря пустить его впереди полковъ (что считалось тогда особымъ почетомъ), но получилъ отказъ и, въ гнѣвѣ на Игоря, обратилъ оружіе свое на сѣверскіе города, въ которыхъ взялъ «много добытка». Тѣмъ не менѣе Игорь дошелъ до р. Хиріи (Хороля) и здѣсь захватилъ половцевъ, не успѣвшихъ переправиться черезъ рѣку. Въ томъ же году мы видимъ его еще разъ

въ походѣ на половцевъ, которыхъ онъ разбилъ, а затѣмъ—въ Путивлѣ, гдѣ онъ принялъ и далъ пріютъ своему шурину, Владиміру Ярославичу галицкому, котораго примирилъ съ отцемъ и, послѣ двухгодичнаго пребыванія у себя, отпустилъ въ Галичъ. Какъ видно изъ лѣтописныхъ извѣстій Игорь былъ заклятымъ врагомъ половцевъ: въ 1184-мъ году великій князь Святославъ Всеволодовичъ собрался идти на половцевъ; братъ его, Ярославъ черниговскій, отказался лично участвовать въ походѣ, что сильно возмутило Игоря: «не дай Богъ», сказалъ по этому случаю Игорь, «на поганыѣ ѣздяся отрещи: поганы есть всимъ намъ обчій ворогъ». Но и ему воспрепятствовала участвовать въ этомъ походѣ дружина его: она указывала на невозможность догнать Святослава. За то въ апрѣлѣ 1185-го года Игорь твердо рѣшилъ сдѣлать походъ на половцевъ. Этотъ походъ, послужившій канвой для «Слова о полку Игоревѣ», болѣе или менѣе извѣстенъ: Игорь, въ битвѣ на берегахъ р. Каяла, попался въ плѣнъ, который счелъ «отместьемъ отъ Господа Бога» за свои грѣхи. При распредѣленіи плѣнныхъ онъ достался на часть Чилбука. Ханъ Кончакъ поручился за Игоря, почему послѣдній пользовался нѣкоторой свободой, благодаря которой ему удалось потомъ бѣжать изъ плѣна. Набожный князь вызвалъ къ себѣ изъ Руси священника, полагая, что ему долго придется оставаться въ плѣну; но «за молитву хрестьянскую», по убѣжденію находившейся при немъ дружины, при помощи половчанина Лавра, онъ освободился изъ плѣна бѣгствомъ: одиннадцать дней онъ пѣшкомъ прошелъ до Донца, отсюда—въ свой Новгородъ-Сѣверскій, гдѣ ему всѣ обрадовались. Изъ Новгорода онъ отправился въ Черниговъ къ двоюродному брату Ярославу Всеволодовичу просить помощи, и отсюда — въ Кіевъ, гдѣ ему обрадовались и великій князь Святославъ и сватъ Рюрикъ. Въ 1190-мъ году, выдавши свою дочь за Давида Ольговича (см. выше), Игорь сдѣлалъ два похода на половцевъ; изъ перваго возвратился съ добычей, изъ второго — безъ успѣха. Въ 1194-мъ году, по приглашенію великаго князя, онъ ѣздилъ въ Роговъ (по позднѣйшимъ поправкамъ въ лѣтописи и по Карамзину—въ Корачевъ, гдѣ черниговскіе князья совѣщались о походѣ на Рязань для разрѣшенія спорныхъ дѣлъ о границахъ, но этотъ походъ не осуществился по несогласію на него великаго князя владимірскаго. Въ 1198-мъ году Игорь, по смерти Ярослава Всеволодовича, занялъ черниговскій столъ, на которомъ сидѣлъ до своей кончины, послѣдовавшей въ 1202-мъ году. Онъ женатъ былъ на неизвѣстной по имени дочери князя галицкаго Ярослава Осмомысла, отъ которой имѣлъ пятерыхъ сыновей и неизвѣстную по имени дочь, бывшую за Давидомъ Ольговичемъ.

24. *Изяславъ Владиміровичъ,* князь новгородъ-сѣверскій, сынъ Владиміра Игоревича, родился въ 1187-мъ году, когда отецъ его былъ еще въ плѣну у половцевъ. По вторичномъ занятіи Владиміромъ Галича въ 1210-мъ году (по Ипат. 1206), Изяславъ получилъ отъ отца Теребовль, на р. Серетѣ. Когда Игоревичи, въ 1211-мъ году, должны были расплачиваться за жестокости съ галицкимъ боярствомъ, приведшимъ на нихъ венгровъ, Изяславъ вмѣстѣ съ отцемъ бѣжалъ изъ Галича. Погоня преслѣдовала его до р. Нѣзды, гдѣ онъ бился съ нею, потерялъ коня, но все-таки спасся бѣгствомъ. Лѣтописи затѣмъ въ продолженіи лѣтъ 15-ти ничего не говорятъ объ Изяславѣ. Въ 1226-мъ году къ нему явился (куда, въ какой городъ, въ лѣтописяхъ не говорится) галицкій бояринъ Жирославъ, за клевету изгнанный изъ Галича Мстиславомъ Удалымъ. Неизвѣстно, по какимъ соображеніямъ и съ какою цѣлью, съ этимъ Жирославомъ Изяславъ ушелъ въ Венгрію за разбитыми Мстиславомъ войсками венгерскаго короля Андрея II. По лѣтописямъ опять не видно, какъ и гдѣ жилъ и дѣйствовалъ Изяславъ въ продолженіи лѣтъ пяти; но въ 1231-мъ году мы видимъ его въ Кіевѣ: онъ присутствовалъ тамъ на хиротоніи архимандрита владимірскаго Рождественскаго монастыря Кирилла во епископа Ростову. Въ 1233-мъ году Даніилъ Романовичъ галицкій взялъ его изъ Кіева противъ Дьяниша, угорскаго воеводы, угрожавшаго Галичу. Хотя Даніилъ привелъ Изяслава къ присягѣ, тѣмъ не менѣе присяжникъ, пришедшій въ Галицкую область съ половцами, «лесть створи: велѣ воевати землю Данилову, и възяша Тихомль .

Въ 1234-мъ году онъ принялъ участіе въ распрѣ Михаила Всеволодовича съ Даніиломъ галицкимъ и Владиміромъ Рюриковичемъ кіевскимъ. При наступленіи послѣдняго на Черниговскую область, Изяславъ бѣжалъ къ половцамъ, которыхъ привелъ къ Кіеву, соединился съ Михаиломъ Всеволодовичемъ и у Торческа на-голову разбилъ войска Даніила и Владиміра, который былъ взятъ въ плѣнъ. Изяславъ сѣлъ на кіевскомъ столѣ, а Михаилъ занялъ Галичъ. Незадолго до этого событія одинъ изъ болоховскихъ князей, Борисъ межибожскій, послѣ совѣщанія съ нѣкоторыми лицами, какъ темно говоритъ объ этомъ лѣтопись, послалъ къ Даніилу съ ложнымъ извѣстіемъ, что Изяславъ съ половцами пошелъ на Владиміръ-Волынскій, къ которому Даніилъ отправилъ брата Василька, а самъ вынужденъ былъ удалиться въ Венгрію (1235 г.). Возвратившись оттуда, Даніилъ не могъ воротить Галича и, кромѣ того, долженъ былъ дѣйствовать противъ галичанъ и князей болоховскихъ, пришедшихъ къ Каменцу. Послѣдніе взяты были въ плѣнъ и отведены во Владиміръ къ Даніилу. Михаилъ и Изяславъ потребовали у Даніила, чтобы онъ отдалъ имъ «ихъ братью», и, получивъ отказъ, навели на него поляковъ, русь и половцевъ. Вѣроятно, вслѣдствіе примиренія Даніила съ Михаиломъ, Изяславъ, по порученію волынскаго князя, ходилъ на Конрада, князя мазовскаго (1235 г.). Къ этому же году лѣтописи относятъ изгнаніе Изяслава изъ Кіева Ярославомъ Всеволодовичемъ суздальскимъ. Во время похода Батыя, въ 1240-мъ году, черезъ южную Русь въ Венгрію, Изяславъ владѣлъ Каменцемъ, который взятъ былъ Батыемъ. Въ послѣдній разъ Изяславъ упоминается въ Ипатской лѣтоп. подъ 1255—56 г.: въ 1255-мъ году онъ собрался на Галичъ противъ Даніила; для этого онъ просилъ у татаръ помощи, но тѣ отказали, ссылаясь на то, что Даніилъ «лютъ есть». Послѣдній выслалъ противъ него сына Романа, который взялъ Изяслава въ плѣнъ и привелъ къ отцу; въ 1256-мъ году онъ ходилъ съ Романомъ на ятвяговъ. Дальнѣйшая судьба этого князя неизвѣстна. Указатель къ 8-ми томамъ Полн. Собр. Рус. Лѣтоп. заканчиваетъ лѣтописныя извѣстія объ этомъ князѣ 6743-мъ (1235) годомъ, а извѣстія 1240 и 1255—56 годовъ, подъ которыми упоминается Изяславъ безъ отчества, ни къ какому другому Изяславу не пріурочиваетъ. Предположеніе Хмырова, что Изяславъ 1240 и 1255 гг. есть сынъ Владиміра Ингваревича луцкаго, за которымъ въ родословныхъ не значится сыновей, такъ и должно остаться предположеніемъ.

25. *Изяславъ Глѣбовичъ*, сынъ князя курскаго Глѣба Ольговича. О немъ извѣстно только, что онъ умеръ 14-го мая 1134-го года.

26. *Изяславъ Давидовичъ*, сынъ Давида Святославича, князь черниговскій и в. кн. кіевскій, занималъ черниговскій столъ съ 1151 по 1154 г. и съ 1154 по 1155 г. О немъ см. т. III, стр. 73—74.

27. *Іоаннъ Константиновичъ*, сынъ Константина Іоанновича, князь торусскій. Лѣтописи отмѣчаютъ походы его съ великимъ княземъ Дмитріемъ (Донскимъ) въ 1375-мъ году на Михаила Александровича великаго князя тверского, и въ 1380-мъ году на Мамая; онъ былъ тогда въ сторожевомъ полку. Больше объ этомъ князѣ ничего неизвѣстно.

28. *Іоаннъ Михайловичъ*, князь козельско-перемышльскій, единственный сынъ Михаила Семеновича, кн. Козельскаго (Михаилъ Семеновичъ извѣстенъ только по родословнымъ, по чему здѣсь о немъ и не будетъ говориться), въ концѣ XV-го вѣка перешелъ изъ подданства (подручничества) Литвы въ подданство Москвѣ. Въ 1492-мъ году онъ бился съ литовцами у Мосальска, а въ 1499-мъ году вмѣстѣ съ другими князьями черниговскихъ удѣловъ отбивалъ татаръ и азовскихъ казаковъ изъ подъ Бѣлева и Козельска. Въ 1503-мъ году онъ съ московскими полками ходилъ въ Литву отвоевывать свои родовыя владѣнія, занятыя литовцами. Въ извѣстныхъ разрядныхъ спискахъ (печатныхъ) онъ болѣе не встрѣчается, и дальнѣйшая судьба его неизвѣстна.

29. *Іоаннъ Ольговичъ*. Объ этомъ князѣ говоритъ только Никоновская лѣтопись, что онъ скончался въ Новгородъ-Сѣверскѣ въ 1148-мъ году. Время и мѣсто кончины этого князя,—если только вѣрно извѣстіе Никон. лѣтописи,—не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ былъ сыномъ Олега Святославича.

30. *Михаилъ Всеволодовичъ*, князь черниговскій, сынъ Всеволода Святославича Чермнаго, начинаетъ упоминаться въ лѣтописяхъ съ 1206-го года: въ этомъ году отецъ его занялъ Кіевъ, а Михаила посадилъ въ Переяславлѣ. Но въ томъ же году и отецъ и сынъ изгнаны были изъ занятыхъ ими городовъ Рюрикомъ Ростиславичемъ. Затѣмъ до 1224-го года онъ какъ бы исчезаетъ со страницъ лѣтописей, а въ этомъ году, послѣ совѣщанія князей въ Кіевѣ, принялъ участіе въ походѣ на татаръ и въ битвѣ съ ними на Калкѣ. Послѣ Калкской битвы мы видимъ его въ Новгородѣ, куда онъ принятъ былъ по предложенію великаго князя владимирскаго Юрія Всеволодовича, за которымъ была сестра Михаила. Новгородцы полюбили новаго князя, но Михаилъ не долго оставался въ Новгородѣ: онъ стремился къ родному Чернигову, но, прибывъ туда въ 1225-мъ году, встрѣтилъ врага въ Олегѣ Святославичѣ курскомъ, послѣ битвы на Калкѣ завладѣвшемъ Черниговомъ. Михаилъ обратился за помощью къ зятю своему, великому князю владимирскому, который прибылъ въ Черниговъ съ племянниками своими, Васильковъ и Всеволодомъ Константиновичами. Но дѣло до кровопролитія не дошло, благодаря посредничеству кіевскаго князя Владимира Рюриковича, приславшаго въ Черниговъ, для примиренія родичей, митрополита Кирилла (1226 г.). Михаилъ сѣлъ въ Черниговѣ. Года черезъ два въ Новгородѣ произошелъ мятежъ по случаю голода; дѣти Ярослава Всеволодовича тайно выѣхали оттуда, и новгородцы позвали къ себѣ Михаила. Въ это время Михаилъ (1228 г.), держа сторону Владимира Рюриковича кіевскаго противъ Даніила Романовича галицкаго, ходилъ на Каменецъ, а послѣ неудачной осады этого города и заключенія мира, черезъ Брынь уѣхалъ съ младенцемъ-сыномъ Ростиславомъ въ Новгородъ, гдѣ встрѣченъ былъ съ великой радостью (1229 г.). Чтобы еще болѣе привязать къ себѣ новгородцевъ, онъ далъ имъ клятву—не нарушать ихъ вольностей, дарованныхъ имъ грамотами Ярослава, и далъ льготы въ дани бѣднымъ людямъ; наконецъ, возстановивъ въ городѣ тишину, онъ предложилъ избрать новаго святителя: избраннымъ оказался діаконъ Спиридонъ; при этомъ жребіи съ престола бралъ Михаиловъ сынъ—младенецъ, Ростиславъ. Оставивъ въ Новгородѣ сына, Михаилъ уѣхалъ въ Черниговъ, взявъ съ собой нѣсколько знатныхъ новгородцевъ, какъ говоритъ Карамзинъ, для совѣта или въ залогъ вѣрности. Въ слѣдующемъ году онъ опять пріѣхалъ въ Новгородъ, совершилъ надъ юнымъ Ростиславомъ обрядъ постригъ и, удаляясь опять въ Черниговъ, обѣщалъ новгородцамъ пріѣхать къ нимъ въ сентябрѣ, чтобы выступить въ поле на защиту новгородскихъ областей, но, по обстоятельствамъ, измѣнилъ своему слову. Въ Новгородѣ возгоралась вражда, сопровождавшаяся убійствами, между посадникомъ Водовикомъ и Степаномъ Твердиславичемъ; къ этому присоединились голодъ и моръ. Между тѣмъ между Ярославомъ Всеволодовичемъ и Михаиломъ черниговскимъ изъ-за Новгорода готова была вспыхнуть война. Владимиръ Рюриковичъ кіевскій, при посредствѣ митрополита и черниговскаго епископа Порфирія, и великій князь владимирскій Юрій Всеволодовичъ успѣли примирить враждующихъ. Новгородцы остались недовольны этимъ и послали въ Торжокъ сказать Ростиславу (который удалился туда съ Водовикомъ), что отецъ его измѣнилъ имъ, что онъ, Ростиславъ, долженъ удалиться отъ нихъ, что они найдутъ себѣ другого князя. Михаилъ не соблюдалъ условій мира, принимая у себя новгородцевъ, враговъ Ярослава, и это оскорбило не только послѣдняго, но и брата его великаго князя Юрія. Юрій выступилъ противъ Михаила, но съ дороги воротился назадъ, а Ярославъ съ племянниками Константиновичами выжегъ Серенскъ и осаждалъ Масальскъ, города черниговскіе (1232 г.). Между тѣмъ у Михаила еще раньше этого событія произошла ссора съ Владимиромъ Рюриковичемъ, неизвѣстно по какой причинѣ. Даніилъ галицкій, зять Михаиловъ, помирилъ ихъ. Въ 1234-мъ году ссора снова возгорѣлась и окончилась тѣмъ, что Кіевъ занятъ былъ Изяславомъ Владимировичемъ, а Галичъ—Михаиломъ. Два раза пытался Даніилъ возвратить Галичъ, но неудачно. Михаилъ уступилъ ему Перемышль, но вскорѣ опять отнялъ его у Даніила (1235 г.). Дальнѣйшія событія южной Руси представляются не очень ясными, чтобы изъ фактовъ

дѣлать положительные выводы: въ 1235-мъ году въ Галичѣ мы видимъ одного Ростислава, у котораго городъ въ томъ же году отнятъ Даніиломъ; Михаилъ, очевидно, куда-то ушелъ, и, по всей вѣроятности, въ Черниговъ, а не въ Кіевъ, какъ нѣкоторые думаютъ, потому что въ послѣднемъ съ 1236 по 1238 г. сидѣлъ Ярославъ Всеволодовичъ, и только по удаленіи его во Владиміръ Михаилъ занялъ Кіевъ. Въ 1239-мъ году, по разореніи Чернигова и другихъ мѣстъ, татары подступили къ Кіеву. Посланный Батыемъ для осмотра города Менгу-ханъ «лестію» послалъ къ Михаилу пословъ съ предложеніемъ сдаться, но послы эти были убиты, а самъ князь бѣжалъ вслѣдъ за сыномъ Ростиславомъ въ Венгрію. Во время бѣгства его Ярославъ Ингваревичъ луцкій захватилъ въ плѣнъ Михаилову супругу (сестру Даніила) въ Каменцѣ, но, по требованію Даніила, отпустилъ ее въ Галичъ. Между тѣмъ Михаилу пришлось скитаться по чужимъ землямъ: венгерскій король, видя его изгнанникомъ, не только отказалъ сыну его Ростиславу въ рукѣ своей дочери, но и приказалъ обоимъ удалиться изъ своихъ владѣній. Михаилъ удалился въ Польшу, откуда обратился къ Даніилу и Васильку Романовичамъ съ просьбой простить ему тѣ «пакости», которыя онъ многократно чинилъ имъ. Романовичи вызвали его изъ Польши, возвратили ему супругу его, сыну его Ростиславу дали Луцкъ, а ему самому—Кіевъ, въ которомъ, до разоренія его татарами, сидѣлъ намѣстникъ Даніила, Димитрій. Но Михаилъ не смѣлъ итти въ Кіевъ «за страхъ татарскій», почему Романовичи дозволили ему «ходити по землѣ своей»; кромѣ того дали ему «пшеницѣ много, и меду, и говядъ, и овецъ доволѣ». Между тѣмъ Кіевъ, въ 1240-мъ году, взятъ былъ татарами, которые, послѣ того, пошли далѣе, на Западъ. Теперь Михаилъ возвратился на Русь: по однимъ извѣстіямъ онъ пришелъ къ Кіеву и жилъ подъ городомъ на одномъ днѣпровскомъ островѣ, а Ростислава послалъ въ Черниговъ (Ипатск. лѣт.); по другимъ же (Никон. лѣт.) онъ, послѣ скитальчества, прошелъ въ Черниговъ. Какъ бы то ни было, въ 1241-мъ году мы видимъ Ростислава подъ Бакотой, затѣмъ въ Венгріи, гдѣ онъ женился-таки на дочери Белы IV, Аннѣ. Узнавши объ этомъ, Михаилъ, въ 1245-мъ году, отправился самъ въ Венгрію посовѣтоваться съ Белой, какъ ему избавиться отъ татаръ. Сухой пріемъ, сдѣланный ему сватомъ и даже сыномъ, заставилъ его скоро съ неудовольствіемъ оставить Венгрію. Вернувшись въ Черниговъ, онъ нашелъ тамъ ханскихъ сановниковъ, дѣлавшихъ поголовную перепись народу для обложенія его данью. Эти сановники приказали Михаилу явиться въ орду, куда онъ и отправился съ любимымъ бояриномъ своимъ Ѳеодоромъ и юнымъ внукомъ, Борисомъ Васильковичемъ ростовскимъ. Передъ представленіемъ Батыю, отъ Михаила требовали, чтобы онъ исполнилъ языческіе религіозные обряды татаръ: прошелъ сквозь разложенный передъ ханской ставкой священный огонь и поклонился кумирамъ. Михаилъ рѣшительно отказался отъ исполненія этого требованія, несмотря на просьбы юнаго внука и сопровождавшихъ его въ орду ростовскихъ бояръ покориться волѣ Батыя. Принявши запасные Св. Дары, взятые имъ изъ Чернигова, онъ отдалъ себя на казнь, которая и совершилась надъ нимъ 20-го сентября 1246 г. Тѣла его и погибшаго съ нимъ боярина Ѳеодора первоначально погребены были въ Черниговѣ, потомъ перенесены въ Москву и здѣсь положены были сначала на Тайницкихъ кремлевскихъ воротахъ (1572 г.), въ посвященномъ обоимъ мученикамъ храмѣ, потомъ въ Срѣтенскомъ кремлевскомъ соборѣ (1770 г.), наконецъ — въ Архангельскомъ соборѣ (1774 г.). Память причтенныхъ православною церковью къ лику святыхъ кн. черниговскаго Михаила и боярина его Ѳеодора празднуется 20-го сентября. Дѣти его занимали, по смерти отца, второстепенные удѣлы: Романъ — Брянскъ, Мстиславъ — Карачевъ, Симеонъ—Глуховъ, Юрій—Тарусу, а старшій, Ростиславъ, оставшійся въ Венгріи, былъ потомъ баномъ Мачвы и Бозны.

33. *Михаилъ Романовичъ*, кн. брянскій, с. Р. Михайловича Стараго (№ 47), упоминается въ лѣтописяхъ только одинъ разъ: въ 1264-мъ г. онъ посланъ былъ отцомъ провожать сестру свою Ольгу, вышедшую за Владиміра—Ивана Васильковича, кн. волынскаго. Болѣе ничего о немъ неизвѣстно.

34. *Мстиславъ-Θедоръ Глѣбовичъ*, кн. черниговскій, с. Г. Святославича (№ 18), выступаетъ дѣйствующимъ лицемъ только два раза: въ 1234-мъ г. Михаилъ Всеволодовичъ (№ 32) и Изяславъ Владиміровичъ (№ 24) находились въ ссорѣ съ Владиміромъ Рюриковичемъ кіевскимъ, въ которую замѣшанъ былъ и Даніилъ галицкій; кіевскій и галицкій князья вошли въ Черниговскую область, опустошили ее и въ Черниговѣ заключили миръ не съ главными дѣйствующими лицами изъ черниговскихъ князей, а съ двоюроднымъ братомъ Михаила, Мстиславомъ Глѣбовичемъ и черниговцами. Впрочемъ, это торжество Владиміра и Даніила вскорѣ затмилось, а именно послѣ битвы у Торческа (см. № 24). Въ 1239-мъ г., когда въ Кіевѣ сидѣлъ Михаилъ, татары подступили къ Чернигову, на защиту котораго выступилъ Мстиславъ Глѣбовичъ *). Какъ ни храбро черниговцы защищались и бились изъ-за стѣнъ и за стѣнами города, Черниговъ былъ взятъ татарами и сожженъ, многое множество воиновъ было перебито, а князь Мстиславъ едва могъ спастись бѣгствомъ въ Венгрію. Никакихъ другихъ извѣстій объ этомъ князѣ до насъ не дошло.

35. *Мстиславъ - Θедоръ Давидовичъ*, с. Д. Ольговича (№ 19), упоминается въ лѣтописяхъ только по случаю его рожденія въ 1193-мъ г. Если изслѣдователи черниговскихъ синодиковъ вѣрно пріурочиваютъ къ этому князю статью 41 любецкаго синодика, то оказывается, что этотъ князь былъ женатымъ и жена его называлась Матроной.

36. *Мстиславъ - Пантелеймонъ Святославичъ*, с. С. Всеволодовича (№ 58), кн. черниговскій, начинаетъ упоминаться въ лѣтописяхъ съ 1182 г.: въ этомъ году онъ женился на Ясынѣ, неизвѣстной по имени свояченицѣ в. кн. владимірскаго Всеволода III. Справивъ свадьбу, въ слѣдующемъ 1183-мъ г. онъ участвовалъ въ блистательномъ походѣ отца своего на половцевъ и пораженіи послѣднихъ на берегахъ р. Угла или Орели; въ 1191-мъ году тоже участвовалъ въ неудачномъ походѣ черниговскихъ Ольговичей на тѣхъ же половцевъ. Послѣ брата Глѣба (№ 18) занялъ Черниговъ въ 1219-мъ г., а въ 1220-мъ напавшихъ на Черниговскую область литовцевъ «гони... и изби всѣхъ, полонъ отъятъ». М. С. палъ на р. Калкѣ въ битвѣ съ татарами (1224).

37. *Мстиславъ Святославичъ*, с. С. Ольговича (№ 62), кн. рыльскій, упоминается въ лѣтописяхъ только одинъ разъ: въ 1241-мъ г. онъ былъ убитъ татарами, но гдѣ, почему, при какихъ обстоятельствахъ, въ лѣтописяхъ не поясняется. Андрей (№ 2), кн рыльскій, упоминаемый въ лѣтописяхъ подъ 1245-мъ г., долженъ, по всѣмъ соображеніямъ, считаться его сыномъ.

38. *Олегъ*, кн. рыльскій и воргольскій, сынъ неизвѣстнаго по имени отца, по сопоставленію нѣкоторыхъ фактовъ, касающихся князей рыльскихъ, и по хронологическимъ соображеніямъ, внукъ Святослава-Бориса Ольговича (№ 62), извѣстенъ по очень характерному эпизоду, разсказанному въ лѣтописяхъ. Въ 1283-мъ г. въ Курскомъ княжествѣ былъ баскакомъ бесерменинъ Ахматъ, сильно притѣснявшій населеніе при сборѣ даней, отъ которыхъ сильно обогатился и основалъ двѣ слободы, населивъ ихъ людьми со всѣхъ мѣстъ княжества; по количеству жителей и числу ремесленниковъ, эти слободы не уступали городамъ. Олегъ и родственникъ его Святославъ, кн. липецкій, часто ссорились между собою изъза этихъ слободъ, часто шли и рука объ руку противъ Ахмата. Однако, это было для всѣхъ нихъ дѣломъ домашнимъ и до хана не доходило. Но насилія и притѣсненія, чинимыя слобожанами жителямъ княжествъ, заставили князей заключить союзъ съ цѣлью совмѣстно и согласно дѣйствовать противъ Ахмата. По заключеніи союза, Олегъ отправился въ орду къ хану Телебугѣ съ жалобой на баскака. Ханъ далъ Олегу приставовъ съ приказаніемъ взять изъ слободъ Ахмата княжескихъ людей и возвратить ихъ по принадлежности, а самыя слободы

*) Трудно утверждать, гдѣ былъ Мстиславъ передъ самымъ приходомъ къ Чернигову, въ самомъ ли Черниговѣ, или въ другомъ мѣстѣ, откуда поспѣшилъ къ Чернигову на защиту его. Большею частью лѣтописи такъ объ этомъ выражаются: «*Слышавъ* же М. Г. нападеніе на градъ иноплеменныхъ, *приде* на нѣ со всими вои... (Ипат.). «Слышевъ же то кн. М. Г... и изыде на нихъ...» (Никон.). «Слышавъ то М. Г... и *пріиде* на нихъ съ многыми вои *къ Чернигову...*» (Твер.).

вообще разогнать. Пока Олегъ былъ въ ордѣ, князь липецкій сдѣлалъ на слободы нападеніе ночью, чего Олегъ, старавшійся идти законными путями, не могъ одобрить; затѣмъ оба князя исполнили приказаніе Телебуги. Когда вѣсть объ этомъ дошла до Ахмата, бывшаго тогда у хана Ногая, онъ представилъ послѣднему князей, какъ разбойниковъ и ратныхъ ему, хану. Убѣдившись въ послѣднемъ, Ногай послалъ въ Курскую землю татаръ: Олегъ бѣжалъ къ Телебугѣ, а Святославъ — въ воронежскіе лѣса. Княжества были опустошены; много людей и добра забрано въ нихъ и отправлено въ слободы къ Ахмату, который, казнивъ княжескихъ бояръ, одежду ихъ роздалъ забраннымъ въ качествѣ плѣнныхъ собирателямъ милостыни, которыхъ отпустилъ на волю, приказавъ вездѣ разсказывать, какая участь ждетъ противниковъ баскака. Такъ какъ князья не были пойманы, то Ахматъ, боясь оставаться въ своихъ слободахъ, ушелъ съ полономъ къ Ногаю, оставивъ двухъ братьевъ блюсти слободы. Эти послѣдніе шли однажды (1284 г.) изъ одной слободы въ другую, имѣя при себѣ, кромѣ своихъ, 25 человѣкъ русскихъ; Святославъ подстерегъ ихъ на пути и сдѣлалъ нападеніе; при этомъ убито было 20 человѣкъ русскихъ, которые сопровождали братьевъ Ахмата, и два бесерменина. Ахматовы братья бѣжали къ Курску. Олегъ только что возвратился тогда изъ орды и почтилъ побитыхъ бояръ своихъ поминовеніемъ. Черезъ пословъ онъ укорялъ Святослава за его разбойничьи дѣянія и совѣтовалъ отправиться въ орду для оправданія въ своихъ дѣйствіяхъ. Между прочимъ, Олегъ ставилъ на видъ Святославу, что по договору они оба должны были дѣйствовать совмѣстно, съ общаго согласія, и «своею правдою бесерменина потягати». Но Святославъ «затерялъ правду» и свою, и его, Олегову, и не хотѣлъ идти къ своему царю Ногаю «на исправу», почему Олегъ и разорвалъ съ нимъ договоръ. Онъ привелъ изъ орды татаръ и, по приказу хана, убилъ Святослава. Братъ послѣдняго Александръ, въ отмщеніе одновременно убилъ и Олега, и двухъ сыновей его, Давида (№ 20) и Симеона (№ 68).

39. *Олегъ — Павелъ Игоревичъ*, с. И. Святославича, кн. новгородъ-сѣверскаго (№ 23), упоминается въ лѣтописяхъ только два раза: подъ 1275-мъ г., по случаю рожденія его, и подъ 1283-мъ г., когда отецъ поручилъ ему отвести кіевскіе полки изъ-подъ Переяславля обратно, по случаю несостоявшагося похода на половцевъ.

40. *Олегъ (Леонтій) Романовичъ*, с. Р. Михаиловича (№ 47), *кн. брянскій*, причтенный православною церковью къ лику святыхъ. Лѣтописи мало говорятъ о немъ: въ 1274-мъ г. вмѣстѣ съ отцемъ своимъ онъ ходилъ, по приказу хана Менгу-Тимура, помогать кн. галицкому Льву Даниловичу противъ литовскаго князя Тройдена, и отъ Новогрудка, у котораго ничѣмъ окончился походъ, посланъ былъ отцомъ во Владиміръ Волынскій къ сестрѣ своей Ольгѣ Романовнѣ, бывшей за кн. волынскимъ Владиміромъ Васильковичемъ, который на этотъ разъ приглашалъ къ себѣ собственно тестя. Въ 1286-мъ г. онъ участвовалъ въ не совсѣмъ удачномъ походѣ отца на Смоленскъ. Но тяготѣя болѣе къ иноческой жизни, О. основалъ въ Брянскѣ Петропавловскій монастырь, въ которомъ и скончался въ самомъ концѣ XIII в. Мощи его покоятся подъ спудомъ въ Петропавловскомъ храмѣ основаннаго имъ, но потомъ упраздненнаго, монастыря *).

41. *Олегъ - Михаилъ Святославичъ*, кн. черниговскій, с. С. Ярославича (№ 65). родился около 1058 г. **). До вступленія въ сферу дѣйствій въ междукняжескихъ отношеніяхъ О. спокойно княжилъ, какъ видно изъ поученія Мономаха, во Владимірѣ Волынскомъ съ 1073 по 1076 г. Въ 1076-мъ г., вмѣстѣ съ Владиміромъ Мономахомъ, онъ посланъ былъ отцомъ, тогда вел. княземъ кіевскимъ и союзникомъ поляковъ, въ Силезію на помощь Болеславу Смѣлому противъ чеховъ; князья доходили до Глогау. Между тѣмъ, обстоятельства на Руси круто измѣнились: 27-го декабря 1076 г. Святославъ Ярославичъ

---

*) Любецкій синодикъ такъ называетъ его: „... Олега Романовича, *вел. князя черниговскаго*, Леонтія, оставившаго дванадесять темъ людей и пріемшаго ангельскій образъ, во иноцѣхъ Василія“. Синодикъ называетъ великими князьями вообще тѣхъ князей, которые занимали Черниговъ.

**) По лѣтописямъ онъ умеръ въ 1115-мъ г., имѣя отъ роду *около 60-ти лѣтъ*.

скончался, и въ размѣщеніи князей по княжествамъ произошли перемѣны: Олегъ долженъ былъ выйти изъ Владимира и праздно жить въ Черниговѣ, который достался Всеволоду Ярославичу (1077 г.). Такъ какъ Черниговъ раньше занималъ отецъ Олега, то послѣднему, естественно, дядя Всеволодъ могъ казаться похитилемъ его отцовскаго наслѣдія. Въ апрѣлѣ 1078-го г. Олегъ бѣжалъ къ брату своему Роману въ Тмутаракань (№ 49), гдѣ пріютился еще князь-изгой, Борисъ Вячеславичъ смоленскій. Нанявъ половцевъ, эти изгнанники вошли въ Черниговскую область, разбили Всеволода и заняли Черниговъ. Черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ Всеволодъ и Изяславъ Ярославичи съ сыновьями подступили къ Чернигову, когда тамъ не было ни Олега, ни Бориса. Послѣдніе спѣшили на выручку города, но Ярославичи встрѣтили ихъ у Нѣжатиной нивы. Видя превосходство непріятельскихъ силъ, Олегъ совѣтовалъ Борису вступить съ дядями въ переговоры, но Вячеславъ не слушалъ его, вступилъ въ битву, въ которой палъ, а Олегъ опять бѣжалъ въ Тмутаракань. Романъ Святославичъ, желая отмстить за Бориса и Олега, нанялъ половцевъ и пошелъ къ Переяславлю. Но Всеволоду Ярославичу, тогда уже великому князю, удалось отвлечь половцевъ отъ Романа и заключить съ ними миръ; на обратномъ пути половцы убили Романа; хозары, игравшіе при этомъ видную роль, уговорили половцевъ силою отправить Олега въ Константинополь, связанный родствомъ съ домомъ Всеволода (1079 г.). Проживъ на островѣ Родосѣ, куда отправленъ былъ изъ Константинополя, два года, въ 1083-мъ г. онъ какимъ-то образомъ вышелъ оттуда и явился въ Тмутаракань, гдѣ только что засѣли Володарь Ростиславичъ и Давидъ Игоревичъ, которыхъ онъ захватилъ, но скоро отпустилъ въ Русь. Наказавъ хозаръ, виновниковъ своего изгнанія, Олегъ съ половцами, въ 1094-мъ г., осадилъ Владимира Мономаха въ Черниговѣ. Восемь дней Владимиръ отбивался отъ непріятеля, но, наконецъ, добровольно уступилъ Черниговъ Олегу и ушелъ въ Переяславль; Смоленскъ также оставленъ былъ Олегу. Заключенъ былъ миръ. Но вскорѣ опять обнаружилась вражда между двоюродными братьями. Въ 1095-мъ г. Олегъ не сдержалъ своего слова: не ходилъ съ вел. княземъ на половцевъ и въ то же время держалъ у себя сына половецкаго князя Итларя. Святополкъ - Михаилъ и Владимиръ Мономахъ требовали, чтобы Олегъ, по крайней мѣрѣ, или выдалъ имъ Итларева сына, или самъ убилъ его. Олегъ отвергъ это требованіе. Изъ-за этой распри не мало потерпѣлъ и братъ Олега, Давидъ (№ 21). Съ другой стороны, сынъ Мономаха, Изяславъ курскій, нечаянно завладѣлъ достояніемъ черниговскаго князя, Муромомъ, схватилъ тамошняго Олегова намѣстника и осѣлся тамъ. При такихъ-то обстоятельствахъ Святополкъ и Мономахъ позвали Олега въ Кіевъ на княжескій съѣздъ для обсужденія вопроса объ оборонѣ Русской земли отъ поганыхъ «предъ епископы и игумены, и предъ мужи отецъ нашихъ,— говорили кіевскіе князья, — и предъ людьми градными». — «Нѣсть мене лѣпо судити епископомъ, или игуменомъ, или смердомъ», гордо отвѣчалъ Олегъ. Святополкъ и Мономахъ взяли Черниговъ и подступили къ Стародубу, куда бѣжалъ Олегъ. Болѣе мѣсяца держался здѣсь Олегъ,—наконецъ, голодъ заставилъ его смириться и дать клятву пріѣхать въ Кіевъ на совѣтъ. Князья требовали, чтобы онъ отправился къ Давиду и вмѣстѣ съ нимъ явился на съѣздъ. Не впущенный почему-то жителями въ Смоленскъ *), Олегъ подступилъ къ Мурому, между тѣмъ какъ его ждали въ Кіевѣ. Изяславъ заблаговременно призвалъ къ себѣ войска изъ Ростова, Суздаля и съ Бѣлоозера. Олегъ требовалъ Мурома, какъ своего достоянія, но получилъ отказъ. Въ происшедшей затѣмъ битвѣ юный Изяславъ палъ, и Олегъ занялъ Муромъ, Суздаль и Ростовъ. Изяславовъ братъ, крестникъ Олега Мстиславъ новгородскій требовалъ только, чтобы Олегъ вышелъ изъ Ростова и Суздаля, но тотъ хотѣлъ

*) Воскр. лѣт. подъ однимъ и тѣмъ же годомъ даетъ двѣ версіи этого эпизода: Олегъ пошелъ изъ Стародуба къ Смоленску, но, непринятый жителями, ушелъ въ Рязань. Сказавъ потомъ о нѣсколькихъ нападеніяхъ половцевъ на Русь, лѣтопись „возвращается на предняя“ и уже такъ варіируетъ эпизодъ: Олегъ обѣщалъ только, но не хотѣлъ исполнить требованія князей: онъ пришелъ къ Смоленску, взялъ воиновъ и отправился къ Мурому и т. д.

взять даже и Новгородъ; онъ даже послалъ людей своихъ въ новгородскія волости собирать дань, но посланный Мстиславомъ напередъ себя «въ сторожѣ» Добрыня Рагуиловичъ захватилъ этихъ данниковъ» и сбилъ Олегово передовое войско на берегахъ Медвѣдицы. Ни Ростова, ни Суздаля Олегъ не могъ удержать за собой; съ досады онъ даже выжегъ Суздаль, когда выходилъ изъ него. Одерживая верхъ надъ крестнымъ отцомъ, Мстиславъ не хотѣлъ доводить дѣло до крайности, мирилъ Олега съ отцомъ своимъ и требовалъ отъ противника только возвращенія плѣнныхъ. Въ то же время Мономахъ, пославъ къ Мстиславу сына Вячеслава съ отрядомъ союзныхъ половцевъ, написалъ Олегу краснорѣчивое письмо, которымъ приглашалъ его къ христіанскому смиренію и миру. Олегъ согласился на миръ, но, когда Мстиславъ распустилъ войска, двинулся на Суздаль, гдѣ сынъ Мономаха безпечно пировалъ съ боярами. Получивъ извѣстіе, что Олегъ стоитъ уже на Клязьмѣ, Мстиславъ быстро собралъ новгородскія, ростовскія и бѣлозерскія рати и приготовился къ отпору. Олегъ медлилъ, а, между тѣмъ, Вячеславъ успѣлъ соединиться съ братомъ. Мономаховичи выиграли битву. Олегъ, поручивъ Муромъ младшему брату Ярославу, ушелъ въ Рязань. Мстиславъ, ограничившись освобожденіемъ ростовскихъ и суздальскихъ плѣнниковъ, оставилъ Олега, не знавшаго, гдѣ приклонить голову, въ покоѣ, вышелъ изъ Муромской области и постарался даже примирить своего крестнаго отца съ вел. княземъ и отцомъ своимъ (1096 г.). Чтобы положить конецъ распрямъ изъ-за удѣловъ, въ 1097-мъ г. князья собрались на совѣтъ въ Любечѣ. За Олегомъ съ братьями здѣсь утверждены, какъ отчина ихъ, Черниговъ, Рязань и Муромъ. Казалось, что, по распредѣленіи удѣловъ, долженъ былъ водвориться миръ. Но клевета Давида Игоревича передъ великимъ княземъ на Мономаха и Василька Ростиславича и ослѣпленіе послѣдняго подняла на ноги всѣхъ князей. Мономахъ, пригласивъ Олега и Давида Святославичей, потребовалъ отъ великаго князя отчета въ совершенномъ злодѣйствѣ (см. Владиміръ Мономахъ). На съѣздѣ въ Увѣтичахъ, на которомъ Давида Игоревича лишили Владимірскаго стола, Олегъ съ братомъ Давидомъ, въ вознагражденіе Игоревича за лишеніе, даютъ послѣднему 200 гривенъ (1100 г.). Въ слѣдующемъ 1101-мъ г. Олегъ присутствовалъ въ съѣздѣ князей на р. Золотчѣ, гдѣ заключенъ былъ миръ съ половцами, но на слѣдующемъ съѣздѣ, на Долобскѣ, отказался быть по болѣзни. Однако, въ 1104-мъ г. ходилъ съ войсками Владиміра Мономаха противъ Глѣба Всеславича минскаго. Въ 1107-мъ г. Олегъ былъ участникомъ въ побѣдахъ русскихъ князей надъ половцами за Сулой и у Хороля, а въ 1111-мъ г., будучи не въ состояніи самъ участвовать въ походѣ на тѣхъ же половцевъ, посылалъ на послѣднихъ сыновей своихъ, Всеволода и Святослава. Этотъ честолюбивый, энергичный князь, названный въ «Словѣ о полку Игоревѣ» за его неудачи *Гориславичемъ*, умеръ въ Черниговѣ 1-го августа 1115 г. Тѣло его погребено въ черниговскомъ Спасопреображенскомъ соборѣ. Имѣлъ онъ пятерыхъ сыновей: Всеволода, Игоря, Святослава, Глѣба и Ивана.

42. *Олегъ Святославичъ*, кн. новгородъ-сѣверскій, с. С. Ольговича (№ 63), выступаетъ на историческую сцену въ разгаръ борьбы отца своего съ Изяславомъ Мстиславичемъ, котораго Святославъ считалъ виновникомъ гибели брата своего, в. князя Игоря. Это обстоятельство заставило Святослава искать помощи у суздальскаго князя. Въ 1147-мъ г. оба князя съѣхались въ Москвѣ, куда еще нѣсколько ранѣе прибылъ сынъ сѣверскаго князя Олегъ, подарившій тогда Юрію Долгорукому рѣдкой красоты пардуса. Въ 1150-мъ г., при осадѣ Луцка Юріемъ, послѣдняго успѣлъ примирить съ Изяславомъ, признавшимъ себя побѣжденнымъ, князь галицкій. Слѣдствіемъ мира были свадебные пиры: между прочимъ, Олегъ Святославичъ женился на дочери Юрія, Маріи. Въ 1158-мъ г. О. С. участвовалъ на Лутавскомъ съѣздѣ отца своего съ Изяславомъ Давидовичемъ, тогда вел. кн. кіевскимъ, по дѣламъ Іоанна Берладника, а въ слѣдующемъ 1159-мъ г., побивъ набѣжавшихъ на Черниговскую область половцевъ, причемъ убитъ былъ Олегомъ князь послѣднихъ Сантузъ, Святославичъ ходилъ съ отцомъ

и осаждалъ во Вщижѣ Святослава Владимировича (№ 57). Въ 1160-мъ г. Святославъ послалъ Олега въ Кіевъ, гдѣ вел. кн. Ростиславъ Мстиславичъ хотѣлъ дружелюбно угостить его. Но нѣкоторые злонамѣренные бояре, вѣроятно, сторонники Изяслава Давидовича (№ 26), увѣрили Олега, что великій князь готовитъ ему темницу. Олегъ сталъ проситься у Ростислава домой подъ предлогомъ болѣзни матери. Ничего не сказавъ отцу, Олегъ сталъ проситься у него къ Курску, гдѣ его любовно встрѣтили послы Изяслава, на сторону котораго Олегъ перешелъ. Святослава сильно оскорбилъ поступокъ сына; но черниговскіе бояре чернили передъ своимъ княземъ Ростислава, и это обстоятельство увлекло его на сторону того же Изяслава. Олегъ, послѣ того, два раза участвовалъ въ походахъ Изяслава въ томъ же 1160-мъ г.: къ Переяславлю на Глѣба Юрьевича и къ Кіеву на Ростислава, побѣда надъ которымъ доставила Изяславу великокняжескій столъ. Въ битвѣ слѣдующаго года съ Ростиславомъ, стоившей Изяславу жизни, дружина Олега была разбита и много черниговцевъ пало на мѣстѣ. Въ слѣдующемъ году Олегъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ заключилъ миръ съ Ростиславомъ, по требованію котораго въ 1162-мъ г. вмѣстѣ съ другими князьями ходилъ на меньшого брата Ростислава, Владимира Мстиславича, Изяславова союзника, и выгналъ его изъ Слуцка... Въ 1164-мъ г. умеръ Святославъ, а Олегъ находился въ отсутствіи. Привязанная къ нему дружина три дня скрывала смерть князя. Но епископъ, хитрый грекъ Антоній, также давшій клятву скрывать смерть Святослава, тайно извѣстилъ о ней Святослава Всеволодовича новгородъ-сѣверскаго, который немедленно послалъ одного изъ сыновей своихъ занимать черниговскіе города, а потомъ и самъ выступилъ къ Чернигову. Однако, Олегъ предупредилъ его. Святославъ вступилъ въ переговоры, и Олегъ уступилъ ему, какъ старшему въ родѣ, Черниговъ, а себѣ взялъ Новгородъ-сѣверскій. Святославъ далъ клятву, что наградитъ братьевъ Олега иными удѣлами, но по смерти бездѣтнаго кн. вщижскаго, Святослава Владимировича (1166 г.), присвоилъ его удѣлъ себѣ одному. Съ обѣихъ сторонъ стали готовиться къ войнѣ, но въ эту распрю вступился тесть Олега (по его второй супругѣ), в. кн. кіевскій Ростиславъ, и Святославъ долженъ былъ уступить Олегу четыре города. Кажется, слѣдствіемъ примиренія князей былъ походъ на половцевъ: въ жестокую зиму 1168-го г. Олегъ съ братомъ Святослава, Ярославомъ, съ небольшими дружинами углубились въ половецкія степи и напали на двухъ хановъ; Олегъ взялъ вежи хана Козы (Кзы), забралъ его жену съ дѣтьми, золото и серебро. Вскорѣ затѣмъ, въ числѣ многихъ другихъ князей, онъ принималъ участіе въ блистательномъ походѣ вел. кн. Мстислава на половцевъ за р. Орель, освободилъ при этомъ многихъ русскихъ изъ половецкаго плѣна и воротился домой съ большой добычей, табунами коней и плѣнными половцами. Но послѣ этого похода Олегъ явно отшатнулся отъ вел. кн. кіевскаго въ сторону Андрея суздальскаго, питавшаго непріязнь къ Мстиславу по дѣламъ новгородскимъ: онъ былъ въ числѣ одиннадцати князей, участвовавшихъ въ походѣ грозной рати Андрея на Кіевъ, въ обложеніи этого города, взятіи и разореніи его 12-го марта 1169-го г. Года черезъ четыре послѣ этого похода возникли изъ-за чего-то непріязненныя отношенія между Олегомъ и Святославомъ черниговскимъ. Въ 1174-мъ г. Святославъ сильно попустошилъ Олеговы города за то, что Олегъ передъ тѣмъ самъ пустошилъ города черниговскіе. Сѣверскій князь обратился за помощью къ шурьямъ своимъ, Ростиславичамъ смоленскимъ, и Ярославу Изяславичу луцкому, у котораго были столкновенія съ Святославомъ изъ-за Кіева. Союзники сожгли Лутаву, Моравскъ и осадили Черниговъ, но успѣха никакого не имѣли. Приглашенные кн. сѣверскимъ, союзники ушли, заключивъ отдѣльный миръ съ Святославомъ. Олегъ хотя и остался только съ братьями, но продолжалъ борьбу: братья осадили Стародубъ и хотя не взяли города (крѣпости), но въ окрестностяхъ захватили весь скотъ и угнали его въ Новгородъ-Сѣверскъ. Въ свою очередь и Святославъ осадилъ Новгородъ: Олегова рать сопротивлялась недолго и обратилась въ бѣгство; укрѣпленія были сожжены и большая часть сѣверской дружины попала въ плѣнъ. Тогда Олегъ вынужденъ былъ просить мира, на который Святославъ охотно со-

гласился (1174—1175-й г.). Олегъ скончался 16-го (по другимъ 18-го) января 1180-го г. въ Новгородѣ-сѣверскомъ и погребенъ «у св. Михаила», въ храмѣ, теперь неизвѣстномъ. Онъ женатъ былъ дважды: а) съ 1150-го г. на Маріи, дочери Юрія Долгорукаго, умершей въ 1165-мъ г.; б) съ 1165-го г. на Агаѳіи, дочери в. кн. кіевскаго Ростислава Мстиславича, отъ брака съ которой имѣлъ единственнаго сына Святослава - Бориса, кн. рыльскаго (№ 62).

43. *Олегъ Святославичъ*, кн. черниговскій, с. С-ва Всеволодовича (№ 58), въ первый разъ упоминается въ лѣтописяхъ подъ 1167-мъ г. по случаю кончины его супруги. Дѣйствующимъ лицомъ въ междукняжескихъ отношеніяхъ онъ начинаетъ упоминаться съ 1176-го г.: въ этомъ году онъ, проводивъ, по приказанію отца, до Москвы женъ Михалка и Всеволода (Большое-гнѣздо) Юрьевичей, воротился въ волость свою Лопасну и отсюда послалъ дружину свою занять Свирѣльскъ. Глѣбъ Ростиславичъ рязанскій выслалъ къ Свирѣльску войско, но оно разбито было Олегомъ. Въ это время отецъ его находился въ столкновеніяхъ изъ-за Кіева съ Ростиславичами смоленскими. Готовясь къ борьбѣ съ Романомъ, Святославъ, ища союзниковъ, послалъ Олега къ Треполю побудить жившаго тамъ зятя своего, кн. дорогобужскаго Мстислава Владимировича, отступиться отъ Ростиславичей, и Мстиславъ отступился отъ нихъ. Въ слѣдующемъ 1177-мъ г. Олегъ съ братомъ Владимиромъ, по приказанію отца, ходили на помощь Всеволоду III-му въ борьбѣ его съ Глѣбомъ Ростиславичемъ рязанскимъ. Скоро отношенія между Всеволодомъ и Святославомъ Всеволодовичемъ обострились: послѣдній выступилъ противъ Всеволода; съ нимъ былъ и сынъ его Олегъ (1180-й г.). Къ Святославу вскорѣ долженъ былъ присоединиться остававшійся въ Черниговѣ Ярославъ Всеволодовичъ и идти къ Друцку съ Игоремъ Святославичемъ; уходя изъ Чернигова, Ярославъ оставилъ въ немъ Олега и Игорева брата Всеволода блюсти городъ отъ непріятелей. Въ 1183-мъ г. Олегъ принималъ нѣкоторое участіе въ весьма успѣшномъ походѣ отца своего и многихъ другихъ южныхъ князей на половцевъ, которые потерпѣли сильное пораженіе на берегахъ Угла или Орели и близь Хороля. Послѣ знаменитаго похода Игоря Святославича на половцевъ въ 1185-мъ г., когда на Русь пришла вѣсть о печальномъ исходѣ Игорева предпріятія, всѣ жители Руси пришли въ волненіе, потому что, какъ тогда думали или знали, побѣда половцевъ надъ русскими князьями отворяла первымъ дороги въ Русь. Въ Черниговской области особенно волновалось населеніе по Сейму: «възмятошась... города Посемскіе, и бысть скорбь и туга, яко николижь... мнози отрекахуся душь своихъ, жалующе по князехъ...» Святославъ, для успокоенія населенія, послалъ въ Посемье сыновей Олега и Владиміра. Въ безпокойное для Ольговичей и Мономаховичей время 1195—1196-го гг. Олегъ принималъ дѣятельное участіе въ войнѣ Ярослава, дяди своего, съ князьями смоленскими: посланный Ярославомъ къ Витебску на Давида Ростиславича, онъ сначала потерпѣлъ пораженіе, но во́-время подоспѣвшіе къ нему полочане ударили на смольнянъ съ тылу, и племянникъ Давида, Мстиславъ Романовичъ, уже гнавшій было черниговцевъ, окруженный съ двухъ сторонъ, попалъ въ плѣнъ полочанамъ, которые уступили его Олегу, а этотъ передалъ его Ярославу Всеволодовичу. Въ 1196-мъ г. Ярославъ, выступая въ походъ противъ Всеволода III-го, оставилъ Олега блюсти Черниговъ. Въ 1202—1203-мъ гг., вмѣстѣ съ другими ольговичами, Олегъ Святославичъ принималъ участіе въ усобицѣ между Рюрикомъ Ростиславичемъ и зятемъ его Романомъ Мстиславичемъ, держа сторону перваго. Въ 1204-мъ г. при посредствѣ Романа Олегъ и другіе Ольговичи примирились съ в. кн. Всеволодомъ III-мъ; въ томъ же году бились съ литвой, которой положили въ бою 1700 человѣкъ. Въ этомъ же году Олегъ умеръ, неизвѣстно гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ. Онъ былъ женатъ дважды: а) на дочери Андрея Владимировича Добраго, кн. владимиро-волынскаго, и б) на дочери кн. муромскаго Юрія Ростиславича, отъ которой имѣлъ сына Давида (№ 19). Имена Олеговыхъ женъ ни въ лѣтописяхъ, ни въ родословныхъ не сохранились *).

*) *Зотовъ* считаетъ сыномъ этого Олега упоминаемаго въ 15 ст. Любецкаго синодика „вел. кн. Константина Ольговича черниговскаго“. Онъ

44. *Олегъ Святославичъ*, кн. курскій, с. С—ва - Адріана Игоревича (№ 60), смѣшиваемый нѣкоторыми историками съ другими одноименными черниговскими князьями, въ первый разъ упоминается въ лѣтописяхъ подъ 1224-мъ годомъ: въ этомъ году онъ «крѣпко бился» съ татарами на р. Калкѣ, вмѣстѣ съ Даніиломъ Романовичемъ храбро тѣснилъ густыя толпы татаръ. Пользуясь смутнымъ временемъ, Олегъ послѣ Калкской битвы, не обращая вниманія на старшинство, занялъ Черниговъ помимо князей не только своей, младшей линіи Святослава Ольговича, но и помимо нѣсколькихъ членовъ старшей линіи Всеволода Ольговича. Изъ послѣднихъ вступился за свои права Михаилъ Всеволодовичъ (святой, № 32), съ которымъ, при посредствѣ митрополита Кирилла и вел. кн. владимирскаго Юрія Всеволодовича, примирился, уступивъ ему Черниговъ; а съ вел. кн. владимирскимъ, года черезъ два, даже породнился, выдавъ дочь свою Ольгу за его племянника, Всеволода Константиновича, князя ярославскаго, сидѣвшаго тогда (1228 г.) въ Переяславлѣ южномъ. О дальнѣйшей судьбѣ этого князя ничего неизвѣстно. Изъ дѣтей его лѣтописи отмѣчаютъ только сейчасъ упомянутую дочь его, Ольгу.

45. *Романъ Игоревичъ*, с. И. Святославича (№ 23), принималъ видное и дѣятельное участіе, въ 1202—1203-мъ годахъ, въ борьбѣ Рюрика Ростиславича съ знаменитымъ Романомъ галицкимъ, держа вмѣстѣ съ другими Ольговичами черниговскими сторону перваго, а по смерти Романа, вмѣстѣ съ братьями приглашенный галичанами на княженіе, сѣлъ въ Звенигородѣ (подробности см. подъ № 7). Въ 1208-мъ г., разссорившись съ братомъ Владимиромъ, онъ занялъ Галичъ при помощи венгровъ, которымъ вынужденъ былъ уступить его въ 1209-мъ г.; но, помирившись съ братомъ и выгнавъ венгровъ общими силами въ 1210-мъ г., опять занялъ Звенигородъ. Крутыя мѣры Игоревичей противъ галицкихъ бояръ вызвали месть со стороны послѣднихъ: младшіе Игоревичи, Романъ, Святославъ (и Ростиславъ), были повѣшены въ 1212-мъ г. (см. № 7). Больше объ этомъ князѣ ничего неизвѣстно.

46 *Романъ Михайловичъ I (или Старый)* *), с. св. Михаила (№ 32), по лѣтописямъ и нѣкоторымъ родословнымъ кн. брянскій, по другимъ родословнымъ — брянскій и в. кн. черниговскій, въ первый разъ упоминается въ лѣтописяхъ подъ 1263-мъ г., когда Миндовгъ, еще раньше, въ 1258 мъ г. разорившій Черниговскую землю, ходилъ на него со всѣмъ своимъ войскомъ. Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что и тотъ Романъ (безъ отчества), котораго въ 1246-мъ г. встрѣтилъ на пути въ орду Плано Карпини, былъ этотъ самый Романъ Михайловичъ. Въ 1264-мъ г. онъ разбилъ литовцевъ, но и самъ былъ раненъ въ бою. Въ томъ же году онъ выдалъ дочь свою Ольгу за Владимира, кн. волынскаго (см. № 33). Въ 1275-мъ г. онъ ходилъ на помощь Льву галицкому противъ Тройдена ли-

считаетъ этого Константина тождественнымъ Рюрику Ольговичу, который княжилъ въ Черниговѣ въ 1210-мъ по 1214-й (или по другимъ по 1212-й г.) именно въ тѣ года, въ которые родной дядя его, Всеволодъ Чермный, княжилъ въ Кіевѣ. Рюрикъ же Ростисл. кіевскій, у котораго отбивалъ Кіевъ Всеволодъ Чермный, и который, по отнятіи у него Кіева Всеволодомъ въ третій разъ, вокняжился въ Черниговѣ, гдѣ и умеръ въ 1215-мъ г., никогда въ послѣднемъ не княжилъ: лѣтописи смѣшали Рюрика-Константина Ольговича съ Рюрикомъ Ростиславичемъ. Арцыбашевъ, Карамзинъ, Соловьевъ сомнѣваются въ извѣстіи Лавр. лѣтописи о смерти Рюрика Ростиславича въ 1215-мъ г. и полагаютъ, какъ и Костомаровъ, и Иловайскій, что онъ умеръ раньше 1214-го г., а Татищевъ говоритъ положительно, что онъ умеръ въ 1211-мъ г. въ Кіевѣ. Передавая и по лѣтописямъ извѣстные факты о заключеніи Чермнымъ мира съ Всеволодомъ III (въ 1211-мъ г.) и объ отправленіи во Владимиръ дочери своей, невѣсты Юрія Всеволодовича, Татищевъ говоритъ, что послѣднюю встрѣтилъ въ Черниговѣ Рюрикъ Ольговичъ, который по этому случаю далъ большой пиръ и послалъ сына своего провожать невѣсту до Коломны. Хотя доказательства Зотова въ пользу Рюрика-Константина О-ча и не неотразимо убѣдительны, особенно его объясненіе занятія Рюрикомъ-Константиномъ Чернигова раньше роднаго дяди своего, Глѣба Святославича (добавимъ еще двоюродныхъ дядей Ростислава и Ярополка Ярославичей), тѣмъ, что съ 1210-го по 1214 й г. (какъ нарочно на это время!) „руководящая идея Ольговичей о порядкѣ наслѣдованія ими черниговскихъ столовъ по родовому старшинству какъ будто отошла у нихъ на задній планъ“,—тѣмъ не менѣе непосредственное чутье, при чтеніи относящихся сюда лѣтописныхъ извѣстій, говоритъ, что эти послѣднія относительно Рюрика Ростиславича невѣрны и не выдерживаютъ критики.

*) Такъ названъ онъ въ Любецкомъ синодикѣ.

товскаго. Въ 1285-мъ г. Романъ ходилъ съ войскомъ на Смоленскъ, сжегъ пригородъ его и ушелъ обратно. Послѣ этого похода онъ уже не упоминается въ лѣтописяхъ, но въ «Сказаніи о началѣ Свѣнскаго монастыря» (нынѣ Брянскій Успенскій Свѣнскій монастырь) говорится, что въ 1288-мъ г. «вел. кн. черниговскій Романъ М-чъ», будучи въ своей отчинѣ въ Брянскѣ, ослѣпъ, но исцѣлился отъ чудотворнаго обра́за Пресв. Богородицы Печерской и въ память этого событія основалъ на р. Деснѣ, противъ р. Свини, Успенскій монастырь. Когда онъ княжилъ въ самомъ Черниговѣ, по запутанности извѣстій и междукняжескихъ русскихъ и литовскихъ отношеній опредѣлить трудно, хотя есть основаніе полагать, что послѣ Всеволода-Лаврентія Ярополковича (№ 14). Онъ имѣлъ двухъ сыновей, Михаила и Олега-Леонтія, и четырехъ дочерей, изъ которыхъ по имени извѣстна только вышеупомянутая Ольга.

47. *Романъ Михайловичъ II*, послѣдній изъ Ольговичей, владѣвшихъ Черниговомъ, сидѣвшій въ послѣднемъ, всего вѣроятнѣе, въ качествѣ литовскаго подручника или намѣстника, сынъ пока еще неизвѣстнаго Михаила. Онъ упоминается въ лѣтописяхъ съ 1375 г., въ которомъ принималъ участіе въ походѣ Димитрія Донского на Тверь. Но кромѣ его некого разумѣть и подъ тѣмъ «вел. княземъ Романомъ», который еще раньше упоминается, а именно въ договорѣ 1371 г. Димитрія Донского съ Ольгердомъ*). Еще только разъ упоминается въ лѣтописяхъ Р. М. подъ 1401-мъ г.: онъ былъ, по какимъ-то обстоятельствамъ, въ Смоленскѣ, который только что завоеванъ былъ Витовтомъ, и это пребываніе его тамъ, очевидно, находится въ связи съ какими то отношеніями его къ в. кн. литовскому. Тогда Юрій Святославичъ смоленскій при помощи тестя своего, Олега Ивановича рязанскаго, взялъ свою отчину, и при этомъ взятьѣ Р. М. былъ убитъ, а жена и дѣти его были отпущены. Относительно занятія этимъ Романомъ Чернигова нужно сказать то же, что и о предшествующемъ князѣ, его соименникѣ. Но необходимо замѣтить, что Витовтъ, въ 1404-мъ г., передъ в. кн. московскимъ Василіемъ, къ которому бѣжалъ Юрій смоленскій, укорялъ послѣдняго въ томъ, что онъ много зла сдѣлалъ ему: «Брата мнѣ и тобѣ,—говорилъ Витовтъ Василію,—князя великого Романа черниговскаго убилъ и казну его взялъ». Это — извѣстіе Тверской лѣт.; другія лѣтописи прибавляютъ, что жена и дѣти Романа были отпущены. Но мы только изъ Любецкаго синодика узнаемъ, что «у в. кн. Романа М-ча черниговскаго, убіеннаго отъ кн. Юрія смоленскаго», былъ сынъ Симеонъ съ женою Маріей Корчевской (Карачевской?), о которыхъ лѣтописи ничего не говорятъ,—молчимъ и мы.

48. *Романъ Святославичъ*, кн. тмутараканскій, с. С. Ярославича (№ 65), только два раза упоминается въ лѣтописяхъ: въ 1077-мъ г. къ нему въ Тмутаракань бѣжалъ Борисъ Вячеславичъ, занявшій было Черниговъ; въ 1078-мъ г. за того же Бориса и брата своего Олега, добивавшихся Чернигова, началъ междоусобную войну, которая стоила ему жизни (см. № 42). Потомства Р. С. не оставилъ.

49. *Ростиславъ Всеволодовичъ*, с. В. Ольговича, в. кн. черниговскаго, потомъ кіевскаго (№ 11), упоминается въ лѣтописи только одинъ разъ. Изяславъ Мстиславичъ, собираясь, въ 1147-мъ г., на враговъ своихъ, Святослава Ольговича (№ 63) и Юрія Долгорукаго, докладывалъ митр. Клименту, что пойдетъ на нихъ съ Давидовичами, съ Святославомъ Всеволодовичемъ и братомъ его, Ростиславомъ В.—мъ. Больше объ этомъ князѣ ничего неизвѣстно.

50. *Ростиславъ Глѣбовичъ*, с. Г. Ольговича (№ 16), тоже одинъ разъ только упоминается въ лѣтописяхъ: въ 1144-мъ г. онъ принималъ участіе въ походѣ в. кн. Всеволода Ольговича (№ 11) на Владимирка галицкаго. Потомства не оставилъ.

51. *Ростиславъ Давидовичъ*, с. черниговскаго князя Д. Святославича (№ 21), въ 1111-мъ г. принималъ участіе въ удачномъ походѣ Мономаха на половцевъ за Донъ и умеръ въ 1120-мъ г., не оста-

*) Иловайскій нерезонно видитъ въ этомъ Романѣ князя новосильскаго: сколько извѣстно, на югѣ называли (лѣтописи) *вел. князьями* князей только главнаго города всего удѣла, напр., Чернигова, какъ на С.-В. въ Ярославскомъ, наприм., удѣлѣ—только кн. ярославскаго, и то не всегда.

ковъ потомства. Больше о немъ ничего неизвѣстно.

52. *Ростиславъ Игоревичъ*, с. И. Святославича (№ 23), упоминается въ лѣтописяхъ одинъ разъ: въ 1212-мъ г. вмѣстѣ съ братьями Святославомъ и Романомъ (№№ 46 и 60) онъ повѣшенъ былъ галичанами. Относительно его происхожденія ср. № 7.

53. *Ростиславъ Михайловичъ*, старшій сынъ св. Михаила (№ 32), кн. черниговскій и банъ Мачвы и Бозны въ Сербіи, род. въ двадцатыхъ годахъ XIII в. Время съ 1229-го по 1230-й г. онъ провелъ въ Новгородѣ (см. № 32). Въ 1234-мъ г. Михаилъ Всеволодовичъ помолвилъ Р—ва съ дочерью венгерскаго короля Белы IV и занялъ Галичъ, въ которомъ засѣлъ вмѣстѣ съ Ростиславомъ и множествомъ венгровъ. Даніилъ Романовичъ два раза пробовалъ выбить ихъ изъ Галича, но эти попытки оканчивались миромъ. Въ слѣдующемъ году Михаилъ отнялъ у Даніила данный ему недавно Перемышль и уѣхалъ въ Русь, оставивъ въ Галичѣ Р—ва, у котораго съ Даніиломъ вперемежку идутъ то ссора, то миръ. Въ томъ же году Ростиславъ отправился на Литву со всѣми боярами своими, а въ его отсутствіе къ Галичу подступилъ Даніилъ, которому граждане охотно хотѣли отворить ворота. Дворскій Григорій съ еписк. Артеміемъ удерживалъ галичанъ отъ сдачи города, но, видя усилія свои напрасными, «съ слезными очима и ослабленомъ лицемъ» самъ вышелъ съ епископомъ къ Даніилу и сказалъ ему: «княже Даниле! приими градъ». На другой день Р. подошелъ къ Галичу, но, узнавъ, что онъ занятъ, бѣжалъ въ Венгрію. Въ 1239-мъ г., когда татары подступили къ Кіеву, Михаилъ бѣжалъ вслѣдъ за сыномъ въ Венгрію. Теперь, видя, въ какомъ положеніи находятся черниговскіе князья, Бела не хотѣлъ уже выдавать дочери своей за Р—ва и даже приказалъ князьямъ удалиться. Наконецъ, по просьбѣ Михаила, Р—въ, послѣ скитальчествъ по Польшѣ, вмѣстѣ съ отцомъ пришелъ во владѣнія Романовичей, которые дали Ростиславу Луцкъ, а отцу его—Кіевъ, къ которому, впрочемъ, рѣшился подойти только тогда, когда татары разорили его и пошли далѣе на Западъ (1240-го г.). Ростислава отецъ послалъ въ Черниговъ, въ которомъ онъ сидѣлъ весьма короткое время: въ 1241-мъ г., въ то время, когда галицкій печатникъ Кириллъ, посланный Романовичами «исписати грабительства нечестивыхъ бояръ» въ Бакоту, находился въ послѣдней, на городъ напалъ Р. съ болоховскими князьями. Кириллъ вступилъ съ Р—мъ въ переговоры, но, не убѣдивши его «словесы мудрыми», видя его «непослушанье», вышелъ противъ него и у городскихъ воротъ вступилъ въ битву, окончившуюся отступленіемъ Ростислава. Даніилъ также устремился на Р—ва, но успѣлъ только наказать кн. болоховскихъ. Однако Ростиславу, при помощи галицкаго измѣнника, тысяцкаго Владислава, и при соучастіи скитальца-изгнанника, кн. рязанскаго Константина Владимировича, удалось захватить Галичъ и Перемышль. Вскорѣ выбитый изъ Галича Романовичами, Р. послалъ Константина въ Перемышль къ тамошнему «крамольному» епископу, конечно, чтобы удержать за собой хоть этотъ городъ, но посланцый туда же Даніиломъ бояринъ Андрей заставилъ бѣжать Константина (1242 г.). Въ 1243-мъ г. татары, «розгнаша» Р—ва гдѣ-то «во Борку», и онъ бѣжалъ въ Венгрію. Теперь Бела почему-то согласился на выдачу за него дочери своей Анны. Услышавъ объ этомъ, Михаилъ Всеволодовичъ, въ 1245-мъ г., поѣхалъ въ Венгрію; но такъ какъ сынъ и сватъ приняли его сухо, «чести ему не створиста», то онъ, разгнѣвавшись на Р—ва, поспѣшилъ въ Черниговъ. Р—въ не думалъ оставлять Даніила въ покоѣ: въ 1245-мъ г. онъ выпросилъ у тестя войско, съ которымъ и подступаетъ къ Перемышлю. Занятый войною съ поляками, Даніилъ противъ Р—ва выслалъ сына Льва, еще «млада суща;» но онъ разбитъ былъ на р. Сѣчницѣ, и только подоспѣвшій изъ-подъ Люблина самъ Даніилъ успѣлъ прогнать венгровъ. Въ 1249-мъ г. Р. опять началъ упрашивать тестя о посылкѣ войска на Даніила. Въ то же время онъ просилъ жену герцога польскаго Лешка, чтобы она отпустила съ нимъ ляховъ, и получилъ просимое; при этомъ нѣкоторые польскіе бояре и другіе ляхи хотѣли перейти къ Даніилу, но Р. воспрепятствовалъ имъ. Узнавши о приходѣ Р—ва къ Ярославлю, Даніилъ послалъ къ

кн. Конраду мазовецкому и Миндовгу литовскому просить помощи, а въ ожиданіи этой послѣдней отряжаетъ къ Ярославлю боярина Андрея. Битва подъ Ярославлемъ окончилась бѣгствомъ Р—ва въ Ляхи, откуда, захвативши съ собой бывшую тамъ жену свою, ушелъ въ Венгрію. Послѣ этого, кажется, Р. навсегда уже простился съ Русью и удалился въ Сербію, въ данный ему тестемъ банатъ Мачву, а потомъ и Бозну. Отъ брака съ дочерью у него были дѣти: Михаилъ или Мича и Бела, баны Мачвы,—дочери: Кунигунда, бывшая за королемъ богемскимъ Оттокаромъ II-мъ, и Агриппина—за Лешкомъ Чернымъ, герцогомъ польскимъ.

54. *Ростиславъ-Іоаннъ Ярославичъ*, с. Я. Всеволодовича (№ 72), кн. сновскій, род. 24-го іюня 1174-го (1172-го г.), а въ 1187-мъ г. уже женился на Всеславѣ, дочери в. кн. владимирскаго Всеволода Юрьевича. Въ 1189-мъ г. Р. былъ, по какому-то случаю, у тестя во Владимирѣ и присутствовалъ при освященіи еп. Лукой соборной церкви, а года черезъ два (1191-го г.) со Всеволодомъ Чермнымъ и Игоремъ Святославичемъ ходилъ на половцевъ. Въ 1204-мъ г. Ольговичи помогали Рюрику Ростиславичу, бывшему во враждѣ съ зятемъ своимъ, Романомъ галицкимъ, при взятіи Кіева, при чемъ дружина Ростислава захватила, перешедшаго еще раньше на сторону Романа, кн. дорогобужскаго Мстислава Владимировича, котораго Р. отвелъ въ свой Сновскъ. Въ 1214-мъ г. Всеволодъ Чермный, тогда в. кн. кіевскій, выгналъ изъ Руси Мономаховичей, дѣтей и племянниковъ Рюрика Ростиславича. Мстителемъ за такую обиду явился Мстиславъ Мстиславичъ Удалой, который въ битвѣ подъ Бѣлгородомъ взялъ въ плѣнъ Р—ва и брата его Ярополка. О дальнѣйшей судьбѣ Р—ва, какъ и о его потомствѣ, ничего неизвѣстно.

55. *Святославъ*, с. неизвѣстнаго отца, кн. Липецкій (по Карамзину - курскій), извѣстенъ своими отношеніями. (1283—1284-го гг.) къ баскаку Ахмату и «сродннку» своему, кн. Олегу рыльскому и воргольскому, которымъ былъ убитъ по приказу хана, въ 1284-мъ г. Подробности объ этомъ князѣ см. подъ № 39.

56. *Святославъ Владимировичъ*, с. В. Давидовича (№ 6), кн. вщижскій, послѣдній представитель старшей линіи рода Святослава Ярославича черниговскаго, Давидовичей. Онъ начинаетъ упоминаться въ лѣтописяхъ съ первыхъ годовъ второй половины XII в., когда раздоры, смуты и клятвопреступленія въ междукняжескихъ отношеніяхъ, въ борьбѣ Ольговичей съ Мономаховичами изъ-за Кіева, были явленіемъ обыденнымъ. Въ 1156-мъ г., по неизвѣстнымъ лѣтописцу побужденіямъ, С. вдругъ занялъ черниговскіе города по Деснѣ, принадлежавшіе его родному дядѣ, Изяславу Давидовичу черниговскому (№ 26). Въ то же время С. переметнулся на сторону Ростислава Мстиславича смоленскаго. Ссора между дядей и племянникомъ началась, кажется, раньше. Въ 1156-мъ г. Изяславъ ѣздилъ съ Юріемъ Долгорукимъ въ Зарубъ для переговоровъ съ половцами, касавшихся преимущественно Юрія. Но Изяславъ для своихъ дѣлъ нанялъ половцевъ и пошелъ съ ними къ Березову, гдѣ находился С. Къ послѣднему пришелъ на помощь Ростиславъ, и дѣло окончилось, какъ сказано выше, занятіемъ со стороны С—ва городовъ по Деснѣ. Вскорѣ, однако, дядя и племянникъ примирились: въ 1157-мъ г., приглашенный на кіевскій столъ, Изяславъ оставляетъ въ Черниговѣ С—ва блюсти городъ, которымъ хотѣлъ овладѣть сѣверскій князь. Святославъ Ольговичъ (№ 63) и Святославъ Всеволодовичъ (№ 58) уже подходили къ Чернигову, но ихъ не впустили туда. Въ послѣдующихъ событіяхъ С. стоялъ постоянно на сторонѣ дяди: такъ, въ 1158-мъ г. онъ присутствовалъ на съѣздѣ Изяслава съ Святославомъ Ольговичемъ черниговскимъ въ Лутавѣ для заключенія союза противъ Ярослава галицкаго и въ томъ же году привелъ къ дядѣ многихъ «дикихъ» половцевъ; тогда же пришелъ къ Изяславу и вотчимъ С—ва, ханъ Башкордъ.—Андрей Боголюбскій, по своимъ отношеніямъ къ Новгороду, недружелюбно относился въ это время къ Ростиславу Мстиславичу. Изяславъ просилъ у в. кн. владимирскаго руки дочери его для своего племянника С—ва и получилъ согласіе. С—въ въ это время (1159-го г.) осажденъ былъ въ Вщижѣ кн. черниговскимъ Святославомъ Ольговичемъ, съ которымъ, кромѣ Святослава и Ярослава

Всеволодовичей, были Романъ и Рюрикъ Ростиславичи. Услышавъ, что сильное войско Боголюбскаго идетъ на помощь кн. вщижскому, Святославъ Ольговичъ склонился къ миру, снялъ осаду и ушелъ, обязавъ только двоюроднаго племянника клятвою — чтить его, какъ старшаго въ родѣ. Въ 1162-мъ г. С., вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ своимъ Олегомъ Святославичемъ и др. князьями выгналъ изъ Слуцка Владимира Мстиславича. С. В. скончался во Вщижѣ въ 1166-мъ г. Отъ брака съ дочерью Андрея Боголюбскаго Ростиславой (по Татищеву) потомства онъ не оставилъ.

57. *Святославъ Всеволодовичъ*, с. Всеволода II-го Ольговича (№ 11), кн. новгородъ-сѣверскій, потомъ черниговскій, начинаетъ упоминаться въ лѣтописяхъ съ 1140-го г. Въ этомъ году новгородцы, выгнавъ отъ себя Святослава Ольговича, просили в. кн. Всеволода прислать къ нимъ сына своего. Святославъ В—чъ, отпущенный отцомъ, находился уже въ Черниговѣ, какъ новгородцы «отслаша й назадъ ко отцу», заявивъ, что они хотятъ князя изъ племени Мономаха. Но вскорѣ въ Кіевской области произошли перемѣщенія князей изъ однихъ городовъ въ другіе (1142-го г.): С. посаженъ былъ въ Туровѣ на мѣсто Вячеслава Владимировича. Однако въ томъ же году въ Туровѣ сѣлъ опять Вячеславъ, а С. сѣлъ во Владимирѣ-Волынскомъ. Въ слѣдующемъ году онъ справилъ свою свадьбу, женившись на дочери кн. полотскаго Василька Рогволодовича, Маріи (по Любецкому синодику), а черезъ два года съ дядей Игоремъ и др. князьями ходилъ на помощь зятю Всеволода Ольговича, королю польскому Владиславу противъ его младшихъ братьевъ. (1145 г.). Въ 1146-мъ г. С. принималъ участіе въ походѣ отца на галицкаго князя и борьбѣ дяди Игоря съ Изяславомъ Мстиславичемъ за Кіевъ. Когда Изяславъ одержалъ рѣшительную побѣду надъ Игоремъ, С. хотѣлъ скрыться въ кіевской обители св. Ирины, но взятъ былъ здѣсь и представленъ новому вел. князю, который обошелся съ нимъ чрезвычайно ласково. Вмѣсто Владимира - Волынскаго, С. получилъ отъ Изяслава Бужскъ, Межибожье, Котельницу, всего пять городовъ. Въ дальнѣйшей распрѣ между Изяславомъ Мстиславичемъ и Святославомъ Ольговичемъ С. В. принимаетъ дѣятельное участіе, переходя съ одной стороны на другую. Держа теперь сторону в. кн. Изяслава, онъ жалѣлъ о дядѣ Святославѣ Ольговичѣ и сносился съ нимъ. Наконецъ, Давидовичи черниговскіе (Владимиръ и Изяславъ), Святославъ Ольговичъ и С. В. заключили тайный союзъ противъ кіевскаго князя. Давидовичи притворно требовали помощи отъ Изяслава Мстиславича противъ Святослава Ольговича и Юрія Долгорукаго, съ которыми были въ союзѣ. Въ то же время С. Вс. просился у вел. князя въ Черниговъ, говоря: «тамо ми жизнь вся», тамъ, у родичей, онъ будетъ просить волостей. Изяславъ Мстиславичъ отпустилъ на помощь Давидовичамъ С—ва В—ча, который около Выря встрѣтился съ Глѣбомъ Юрьевичемъ, только что посадившимъ въ Курскѣ своего намѣстника. Глѣбъ пошелъ къ Переяславлю, а С. В. соединился съ черниговскими князьями, съ которыми бралъ кіевскій городъ Брагинъ (1147-го г.). Обстоятельства сложились такъ, что черниговскіе князья, а съ ними и С. Вс., должны были примириться съ Изяславомъ (1148-го г.). Однако на совѣтъ въ Городецъ, куда приглашалъ будущихъ союзниковъ великій князь, явились только Давидовичи, а С. Вс., какъ и дядя его, Святославъ Ольговичъ, не пріѣхали; за нихъ, впрочемъ, поручились передъ Изяславомъ князья черниговскіе. Святославъ Ольговичъ не сдержалъ своего слова и въ 1149-мъ г. присталъ опять къ Юрію, а ему послѣдовалъ и племянникъ его, который, хотя и не любилъ суздальскаго князя, но въ угодность дядѣ, всюду слѣдовалъ за нимъ: принималъ участіе въ битвѣ подъ Переяславлемъ въ томъ же 1149-мъ г., въ 1151-мъ г. въ военныхъ дѣйствіяхъ на Днѣпрѣ, а потомъ на берегахъ Рута. По смерти Изяслава, Кіевъ занялъ Вячеславъ Владимировичъ, пригласивъ къ себѣ въ соправители другого племянника, Ростислава Мстиславича, и звалъ къ себѣ С—ва В—ча. Послѣдній, тайно отъ дядей, пріѣхалъ въ Кіевъ и получилъ отъ в. князя Пинскъ и Туровъ (1154 г.). Съ другой стороны Изяславъ Давидовичъ и Святославъ Ольговичъ заключили союзъ съ Юріемъ Долгорукимъ. Въ слѣдующемъ году (1155.) Ростиславъ съ своимъ

союзникомъ пошелъ на Черниговъ, но кіевское войско безъ битвы обратилось въ бѣгство, при чемъ С. Вс. попалъ въ плѣнъ половцамъ Глѣба Юрьевича. Вскорѣ онъ выручень былъ изъ плѣна дядей Изяславомъ. Юрій, занявши Кіевъ, простилъ измѣну С-ва В—ча, по ходатайству дяди его, Святослава Ольговича, который тогда помѣнялся съ племянникомъ городами, взявъ у него Сновъ, Воротынскъ и Карачевъ и давъ ему другіе. Въ 1157-мъ г. Изяславъ Давидовичъ, занявъ Кіевъ, добровольно уступилъ Черниговъ Святославу Ольговичу, а въ Новгородѣ-Сѣверскомъ сѣлъ С. Вс. Между тѣмъ Изяславъ Давидовичъ, лишившись Кіева и считая виновникомъ своего несчастія Святослава Ольговича, подступилъ къ Чернигову, гдѣ находился и С. Вс—чъ. На выручку Чернигова дядя и племянникъ звали Ростислава. Но кіевляне и берендѣи, вѣря Ольговичу, не вѣрили Всеволодовичу, почему послѣдній вынужденъ былъ отправить къ Ростиславу сына въ качествѣ заложника, и только тогда великокняжескіе полки спасли Черниговъ. Отдѣлавшись благополучно отъ Изяслава, черниговскій князь вмѣстѣ съ С—мъ Вс—мъ и братьями Ростислава ходилъ на родного племянника Изяслава, Святослава Владимировича вщижскаго, котораго, впрочемъ, послѣ непродолжительной осады, должны были оставить въ покоѣ (1158—1159 г.). Въ слѣдующемъ году (1160 г.) непостоянный С. Вс—чъ присталъ къ дядѣ Изяславу, а за нимъ и Олегъ, сынъ Святослава черниговскаго. Въ 1164-мъ г. Святославъ Ольговичъ скончался, и Черниговъ занялъ С. Вс., уступивъ Новгородъ-сѣверскій Святославову сыну Олегу и давъ, но не исполнивъ, обѣщаніе о надѣленіи волостями младшихъ братьевъ Олега. Однако, при помощи Ростислава Олегъ добился нѣсколькихъ городовъ, примирился съ Святославомъ (1166 г.), съ которымъ черезъ два года (1168 г.) принималъ участіе въ походѣ в. кн. Мстислава на половцевъ.—Въ 1173-мъ г. С. Вс. стоялъ во главѣ сильной рати Андрея Боголюбскаго, посланной имъ къ Кіеву на Ростиславичей, которые вынуждены были оставить Кіевъ; только Мстиславъ Храбрый засѣлъ въ Вышгородѣ, который С. осадилъ болѣе, чѣмъ съ 20-ю князьями. Но многіе изъ послѣднихъ не любили Андрея, другіе опасались коварства черниговскаго князя, почему среди осаждающихъ не было согласія. Прибытіе Андреева союзника Ярослава Изяславича луцкаго, и переходъ его, послѣ тайныхъ переговоровъ, на сторону Ростиславичей, рѣшили судьбу осады: Андреевы союзники бѣжали. Раздосадованный С., не надѣясь поднять Андрея, сталъ требовать у Ярослава удѣла, но получилъ отказъ. Тогда С. тайно напалъ на Кіевъ, заставилъ Ярослава бѣжать, а жену его, сына и бояръ захватилъ въ плѣнъ, ограбилъ дворецъ и ушелъ назадъ. Между тѣмъ Олегъ сѣверскій сдѣлалъ нападеніе на черниговскія волости, и Святославъ Вс., помирившись съ Ярославомъ, снова занявшимъ Кіевъ, пошелъ на двоюроднаго брата, пожегъ его волость, осадилъ его самого въ Новгородѣ-сѣверскомъ и заставилъ просить мира (см. № 43).—Въ это время въ Суздальской области, со смертію Андрея, происходятъ важныя въ междукняжескихъ отношеніяхъ перемѣны: ростовцы, суздальцы и владимирцы выбрали въ князья племянниковъ Андрея, Мстислава и Ярополка Ростиславичей, которые, въ свою очередь, пригласили въ соправители къ себѣ дядей своихъ, проживавшихъ тогда у Святослава В—ча въ Черниговѣ, Михалка и Всеволода. Святославъ отпустилъ Юрьевичей, давъ имъ въ провожатые сына Владимира съ полкомъ; вскорѣ потомъ онъ отпустилъ къ нимъ и женъ ихъ съ другимъ сыномъ, Олегомъ (1174—1175 гг.). — Въ 1176-мъ г. въ Кіевѣ сѣлъ Романъ Ростиславичъ. Князь черниговскій въ это время тайно сносился съ кіевлянами и черными клобуками; наконецъ, пользуясь пораженіемъ Романовичей половцами, началъ открыто жаловаться Роману на Давида, требовалъ изгнанія послѣдняго изъ днѣпровскихъ областей за то, что онъ помогалъ Олегу Святославичу жечь черниговскіе города. Получивъ отказъ, С. взялся за оружіе и воспользовался измѣнниками: зять его, Мстиславъ Владимировичъ дорогобужскій, жившій въ Треполѣ съ Ярополкомъ Романовичемъ, сдалъ этотъ городъ тестю; берендѣи также измѣнили Ростиславичамъ. Романъ вышелъ изъ Кіева и затворился

въ Бѣлгородѣ въ ожиданіи братьевъ, а С. Вс. занялъ Кіевъ. Хотя С—ву вскорѣ и пришлось бѣжать изъ столицы отъ совокупныхъ силъ братьевъ, но Ростиславичи, узнавъ о набѣгѣ половцевъ, призванныхъ кн. черниговскимъ, добровольно уступили Кіевъ С—ву (1177 г.). Что касается отношеній С—ва къ в. кн. владимирскому, недавно пользовавшемуся его гостепріимствомъ, то они до послѣдняго времени были дружественны. Въ 1177-мъ г. С. посылалъ сыновей своихъ, Владимира и Олега, на помощь Всеволоду Юрьевичу въ борьбѣ его съ Глѣбомъ Ростиславичемъ рязанскимъ и племянникомъ Мстиславомъ. Но по отношеніямъ Всеволода III-го къ Новгороду и рязанскимъ князьямъ, дружбѣ его съ Святославомъ наступилъ перерывъ. Въ 1180-мъ г. новгородцы на мѣсто умершаго Мстислава Храбраго пригласили къ себѣ Святославова сына Владимира; затѣмъ, въ походѣ на Рязань Всеволодъ захватилъ въ плѣнъ Святославова сына Глѣба, посланнаго отцомъ на помощь Роману рязанскому. Это обстоятельство привело въ ярость С—ва. Онъ собралъ князей въ Любечѣ, гдѣ рѣшенъ былъ походъ на Всеволода. Но С—ву хотѣлось прежде вытѣснить изъ Кіевской области Рюрика и Давида. Послѣдняго онъ хотѣлъ тайно схватить на Днѣпрѣ, гдѣ тотъ охотился, но это ему не удалось, и въ перспективѣ представлялась война, о чемъ онъ и сообщилъ родичамъ, пригласивъ ихъ на совѣтъ въ Черниговъ. Нанявъ множество половцевъ, С., въ 1181 г., оставивъ брата Ярослава съ частью войска въ Черниговѣ, чтобы дѣйствовать, въ случаѣ надобности, противъ Рюрика и Давида, самъ пошелъ въ Суздальскую область, на устьѣ Тверцы соединился съ новгородцами, опустошилъ берега Волги и направился къ Переяславлю. На берегахъ Влены Всеволодъ занималъ выгодную позицію, и Святославу не удалось вызвать его на бой. Угрожала весенняя распутица, и черниговскій князь, оставивъ часть обоза въ добычу непріятелю и сжегши Дмитровъ, ушелъ весновать въ Новгородъ, гдѣ его встрѣтили, какъ побѣдителя. С. не рѣшился, однако, продолжить военныхъ дѣйствій въ Суздальской области: намѣреваясь итти на Кіевъ, онъ приказалъ брату Ярославу выступить изъ Чернигова для соединенія съ нимъ въ кривскихъ областяхъ. Здѣсь Васильковичи, Всеславъ полоцкій и Брячиславъ витебскій, волей-неволей, присоединились съ дружинами своими къ С—ву; Всеславъ, кромѣ того, привелъ съ собой литву и ливонцевъ. Одинъ Глѣбъ Рогволодовичъ друцкій остался вѣрнымъ Давиду Ростиславичу смоленскому. С., сожегши внѣшнія укрѣпленія Друцка, спѣшилъ съ толпами половцевъ къ Кіеву. Не надѣясь на свои силы, Рюрикъ выѣхалъ въ Бѣлгородъ. Ему удалось, однако, внезапно разбить половцевъ Игоря Святославича сѣверскаго, и это обстоятельство помогло ему заключить съ Святославомъ миръ, по которому онъ призналъ послѣдняго старѣйшимъ, отказался отъ Кіева, но удержалъ за собой всѣ другіе днѣпровскіе города. Рюрикъ старался примирить С—ва и со Всеволодомъ III-мъ, и это ему удалось тѣмъ болѣе, что новгородцы выслали отъ себя Святославова сына и обратились за княземъ къ Всеволоду. Вел. кн. владимирскій освободилъ тогда Глѣба Святославича и отпустилъ домой съ великой честію, а съ отцомъ его «взялъ великую любовь». Примиреніе и съ Рюрикомъ и съ Всеволодомъ тогда же закрѣплено было и родственными связями: Глѣбъ Святославичъ женился на дочери Рюрика, а другой сынъ С—ва, Мстиславъ, на «ясынѣ», свояченицѣ Всеволода (1182-го г.). Въ 1183-мъ г. Всеволодъ собирался на болгаръ и просилъ помощи у свата; Святославъ послалъ къ нему сына Владимира. Съ 1184-го г. замѣчается особенное движеніе со стороны степняковъ, которое поднимаетъ на ноги и южно-русскихъ князей: въ этомъ году въ Русь пришелъ со множествомъ половцевъ ханъ Кончакъ «плѣнити... грады рускыѣ»; видно, что хана воодушевляло нѣчто необыкновенное, съ помощью чего онъ легко могъ цолонить русскую землю: съ нимъ былъ «бесурменинъ, иже стрѣляше живымъ огньмъ». Но русскіе князья разбили Кончака близъ Хороля, при чемъ взятъ въ плѣнъ и «бесурменинъ съ живымъ огнемъ». Успѣхъ этого похода вызвалъ другой, знаменитый походъ Игоря Святославича сѣверскаго (1185-го г., см. № 23), о печальномъ исходѣ котораго Святославъ Всеволодовичъ узналъ на пути изъ Карачева въ Кіевъ. Ожидая нападенія половцевъ, онъ собралъ князей подъ Ка-

невымъ, но вскорѣ распустилъ ихъ, видя, что половцы удалились. Но это былъ хитрый пріемъ со стороны степняковъ: они воротились, опустошили Римъ (Ромны) и окрестности Путивля и съ большой добычей ушли во-свояси. Въ 1186-мъ г. С—ву пришлось вмѣшаться въ дѣла рязанскихъ князей,—Романа, Игоря, Владимира и Всеволода Глѣбовичей. Князья рязанскіе раздражили Всеволода III-го и, видя, что ихъ дѣянія не останутся безнаказанными со стороны послѣдняго, обратились къ посредничеству С—ва В—ча. Святославъ отправилъ во Владимиръ черниговскаго епископа Порфирія, но фальшивыя, нечистыя дѣйствія послѣдняго только раздражили Всеволода и вызвали его на опустошеніе рязанской земли огнемъ и мечомъ. Года черезъ три нѣсколько пошатнулись и отношенія къ Рюрику: С., вопреки договору, началъ тайно сноситься съ Белой III-мъ, который, отнявъ у Романа Мстиславича Галичъ, хотѣлъ—искренно или нѣтъ—передать этотъ послѣдній черниговскому князю. Рюрикъ досадовалъ на вѣроломство С—ва; наконецъ, при посредствѣ митрополита, князья согласились-было сообща изгнать венгровъ, но С—въ, уступая Галичъ, въ случаѣ успѣха, Рюрику, требовалъ себѣ Овруча, Бѣлгорода и всѣхъ другихъ днѣпровскихъ областей. Рюрикъ не согласился, и Галичъ остался за венграми (1189-го г.). Въ 1190-мъ г. С. задумалъ присвоить себѣ часть смоленскихъ владѣній. Рюрикъ и Давидъ, при содѣйствіи в. кн. владимирскаго, обезоружили его, выставляя ему на видъ, что онъ взялъ Кіевъ съ условіемъ ничего болѣе не требовать и забыть старые споры, бывшіе при в. кн. Ростиславѣ. — Послѣдніе годы жизни С—ва прошли въ войнахъ съ половцами. Въ годъ смерти его едва не произошло кроваваго столкновенія съ рязанскими князьями, съ которыми происходили ссоры изъ-за границъ. С—въ, находившійся тогда въ Карачевѣ, имѣя въ виду подручныя отношенія рязанскихъ князей къ в. кн. владимирскому, испрашивалъ согласія послѣдняго на рязанскій походъ, но, не получивъ его, выѣхалъ изъ Карачева. На пути онъ занемогъ: чувствуя сильную боль въ ногѣ, хотя было и лѣто, онъ ѣхалъ въ саняхъ до Десны, здѣсь пересѣлъ въ лодку и пріѣхалъ въ Кіевъ, а отсюда переѣхалъ въ Вышгородъ. Отправивъ гонца за Рюрикомъ, онъ принялъ иноческій образъ. Скончался 24-го іюля 1194-го г. Отъ брака съ дочерью Василька полоцкаго онъ имѣлъ сыновей: Глѣба, Олега, Владимира, Всеволода и Мстислава, изъ которыхъ Всеволодъ былъ женатъ на дочери польскаго короля Казимира, а дочь Глѣба, Евѳимія, выдана за греческаго царевича, какъ думаетъ Карамзинъ, Алексѣя IV-го, сына Исаакова. Одна изъ двухъ дочерей С—ва, Болеслава, была за Владимиромъ Ярославичемъ галицкимъ.

58. *Святославъ - Николай Давидовичъ* (Святоша). См. по алфавиту.

59. *Святославъ-Адріанъ Игоревичъ*, с. И. Святославича (№ 23), кн. новгородъ-сѣверскій, род. въ 1177 г.; выступаетъ на сцену еще въ отроческихъ лѣтахъ, съ 1183 г. Въ этомъ году Игорь Святославичъ, пріютившій у себя всюду гонимаго зятя своего, Владимира Ярославича галицкаго, ввелъ его, какъ выражаются лѣтописи, въ любовь съ отцомъ его, къ которому и отправилъ его съ сыномъ С-мъ. Въ 1205 г. Владимиръ Игоревичъ съ братьями занялъ Галичъ (см. № 7). Въ 1207 г. онъ отнялъ Владимиръ Волынскій у Романовичей, который занялъ братъ его С-въ. Сосѣдніе князья съ завистью смотрѣли на Игоревичей и при первомъ удобномъ случаѣ готовы были вырвать изъ ихъ рукъ Галичъ и Волынь. Только единодушіе могло спасти Игоревичей отъ сосѣдей а его-то и не было у нихъ: ссора произошла между Романомъ и Владимиромъ. (№ 7) Игоревичами. Пользуясь этимъ, Лешко Бѣлый и Александръ Всеволодовичъ Белзскій осадили Владимиръ Волынскій, жители котораго отворили имъ ворота. Святославъ взятъ былъ въ плѣнъ и отправленъ въ Польшу (1211 г.), а Владимиръ занятъ былъ Александромъ Белзскимъ. Вскорѣ и Романъ отвезенъ былъ въ Венгрію, въ неволю, откуда, впрочемъ, скоро бѣжалъ и помирился съ Владимиромъ. Братья выгнали венгровъ изъ Галича; Владимиръ сѣлъ въ Галичѣ, Романъ удовольствовался Звенигородомъ, а освобожденный къ тому времени ляхами Святославъ взялъ себѣ Перемышль. Крутыя мѣры Игоревичей, которыми они хотѣли утвердиться въ Галичѣ, заставили галиц-

кихъ бояръ обратиться къ венграмъ, которые легко покоряли города одинъ за другимъ. Жители Перемышля выдали имъ С-ва; Романъ бѣжалъ, но пойманъ. Воеводы короля Андрея хотѣли отвести братьевъ въ Венгрію, но галицкіе бояре требовали ихъ для торжественной казни; венгры колебались, но дары взяли свое: Игоревичей били, терзали и, наконецъ, повѣсили (1212 г.). Отъ брака (съ 1187 г.) съ Ярославой, дочерью в. кн. кіевскаго Рюрика Ростиславича, С. оставилъ сына Олега (№ 45).

№ 60. *Святославъ Мстиславичъ*, кн. карачевскій, с. М. Михайловича, перваго удѣльнаго кн. карачевскаго (№ 36), упоминается въ лѣтописяхъ только одинъ разъ: въ 1310-мъ г. Василій Александровичъ брянскій (изъ кн. смоленскихъ) съ татарами напалъ на Карачевъ и убилъ его. Болѣе объ этомъ С-вѣ ничего неизвѣстно.

№ 61. *Святославъ - Борисъ Ольговичъ*, с. О. Святославича (№ 43), кн. рыльскій, род. въ 1167-мъ г.; въ лѣтописяхъ упоминается два раза: въ 1183-мъ г. принималъ участіе въ походѣ дяди своего, Игоря Святославича, на половцевъ; въ 1185-мъ г. въ знаменитомъ походѣ того же Игоря опять на половцевъ, которыми взятъ былъ въ плѣнъ. Дальнѣйшая судьба этого князя неизвѣстна. Имѣлъ сына Мстислава (№ 38).

№ 62. *Святославъ-Николай Ольговичъ*, с. знаменитаго О. Святославича (Гориславича, № 42), кн. черниговскій, начинаетъ упоминаться въ лѣтописяхъ съ первыхъ лѣтъ XII-го в., какъ участникъ нѣкоторыхъ (1111-го и др. годовъ) походовъ на половцевъ. Въ 1135-мъ г. вмѣстѣ съ своими братьями онъ ходилъ на Ярополка II-го Владиміровича, в. кн. кіевскаго (см.), перессорившаго тогда почти всѣхъ князей, пустошилъ Переяславскую область и участвовалъ въ пораженіи Ярополка на р. Супоѣ въ 1136-мъ году. По миру, заключенному тогда съ Ярополкомъ, черниговскіе князья получили Курскъ съ частью Переяславской области. Въ томъ же году новгородцы, заключивъ въ епископскомъ домѣ князя своего, Всеволода-Гавріила Мстиславича, пригласили къ себѣ С-ва О-ча. Съ прибытіемъ послѣдняго Всеволодъ (см.) былъ освобожденъ; онъ получилъ отъ Ярополка Вышгородъ. Въ Новгородѣ образовалось двѣ партіи: партія Всеволода хотѣла такъ или иначе отдѣлаться отъ С-ва, хотѣли даже убить его, а Всеволода переманили пока во Псковъ. Узнавъ объ этомъ, противники Всеволода разграбили домы его сторонниковъ, нѣкоторыхъ обложили пенями и собранныя 1500 гривенъ отдали купцамъ для заготовленія необходимыхъ для войны вещей. С-въ призвалъ изъ Курска брата своего Глѣба, призвалъ и половцевъ. Псковитяне, въ свою очередь, на случай войны сдѣлали такія приготовленія, что Святославъ, выступивъ противъ Пскова, не рѣшился идти далѣе Дубровны и воротился назадъ (1137 г.). Положеніе С-ва становится плачевнымъ: избраніемъ его новгородцы оскорбили князей владимирскаго и смоленскаго; третій сосѣдъ, Василько полоцкій, былъ вѣренъ Всеволоду; подвозъ хлѣба прекратился, и Новгороду угрожалъ голодъ. Съ другой стороны С-въ, вопреки запрещенію епископа, вступилъ въ Новгородѣ въ какой-то незаконный бракъ (см. ниже). Впрочемъ, С-въ старался обезоружить владыку Нифонта щедростью: онъ возобновилъ древній уставъ Владимира Святого о церковной дани, опредѣливъ епископу брать, вмѣсто десятины отъ виръ и продажъ, сто гривенъ изъ княжеской казны, кромѣ уѣздныхъ оброковъ и пошлинъ. Но успокоить новгородцевъ С-въ не могъ, и изгнанъ былъ съ безчестіемъ: для избѣжанія мести со стороны Ольговичей, новгородцы задержали у себя Святославовыхъ бояръ и жену его, которую заключили въ монастырѣ св. Варвары. Самъ С-въ, на пути въ Черниговъ, задержанъ былъ смольнянами и заключенъ въ Смядынскомъ монастырѣ (1138 г.), такъ какъ въ это время отношенія Ольговичей къ Мономаховичамъ были враждебныя. Черниговскіе князья воевали тогда по Сулѣ и угрожали Переяславлю; а узнавъ о заточеніи С-ва, они еще болѣе начали напирать на Мономаховичей, взяли Прилукъ и хотѣли идти на самый Кіевъ, призвавъ множество половцевъ. Ярополкъ собралъ громадное ополченіе изъ ростовцевъ, полочанъ, смольнянъ, угровъ, галичанъ, берендѣевъ и пр., пошелъ на Черниговъ и заставилъ Всеволода Ольговича униженно просить мира.

Вѣроятно, поэтому, Святославъ былъ освобожденъ и ушелъ въ Курскъ. Въ 1139-мъ г. Всеволодъ Ольговичъ, тогда уже вел. кн. кіевскій, задумалъ вытѣснить Мономаховичей изъ главныхъ городовъ Руси и, между прочимъ, потребовалъ у Андрея Владиміровича Добраго Переяславль для брата С-ва, предлагая Андрею Курскъ. Но Святославъ былъ разбитъ и прогнанъ переяславкимъ княземъ. Тогда же С-въ опять отправился въ Новгородъ. Еще въ концѣ 1138-го г. новгородцы разсорились съ Ростиславомъ Юрьевичемъ и просили у Всеволода Ольговича брата его, но тогда Всеволоду было не время: онъ занятъ былъ Мономаховичами; теперь же Всеволодъ только по взятіи заложниковъ отпустилъ къ нимъ С-ва. Спокойствія, однако, и теперь не было въ Новгородѣ; князь и его приверженцы мстили своимъ личнымъ врагамъ: нѣкоторыхъ изъ бояръ заключили въ оковы, другихъ сослали въ Кіевъ. Всеволодъ хотѣлъ послать сына въ Новгородъ и новгородцы отправили за нимъ епископа Нифонта. Неувѣренный въ своей безопасности, С-въ тайно уѣхалъ изъ Новгорода съ посадникомъ Якуномъ (1140-го г). Между тѣмъ въ Кіевской области, со смертью Андрея Владиміровича Добраго (1141-го г.), произошли княжескія передвиженія по удѣламъ, при чемъ оскорблены были, какъ обойденные Всеволодомъ, братья послѣдняго, Игорь и Святославъ, которымъ вел. князь не хотѣлъ дать ни Новгорода-Сѣверскаго, ни земли Вятичей. Ольговичи заключили союзъ съ черниговскими и хотѣли оружіемъ добыть себѣ хорошіе удѣлы: опустошили и пограбили нѣсколько суздальскихъ городовъ и то же сдѣлали съ Переяславской областью. Всеволодъ старался разъединить союзниковъ. Наконецъ, братья смирились. С-въ получилъ отъ Всеволода Черторижскъ и Клецкъ. По смерти Всеволода въ Кіевѣ сѣлъ Игорь (1146 г.). С-въ неотлучно находился при немъ до занятія Кіева Изяславомъ Мстиславичемъ (см. это имя и здѣсь № 22), послѣ чего онъ ушелъ въ Новгородъ-Сѣверскій, рѣшивъ всѣми силами стараться объ освобожденіи брата Игоря. Онъ обратился къ двоюроднымъ братьямъ, черниговскимъ Давидовичамъ, съ запросомъ, будутъ-ли они поддерживать его въ предстоящей борьбѣ, и получилъ утвердительный отвѣтъ. Но вскорѣ Давидовичи измѣнили С-ву: ихъ послы и послы Изяслава Мстиславича сказали ему, что онъ спокойно можетъ княжить въ своей области, если уступитъ имъ Новгородъ-Сѣверскій и клятвенно откажется отъ Игоря. Тогда С-въ обратился къ Юрію суздальскому, оскорбленному племянникомъ Изяславомъ, помимо дядей занявшимъ Кіевъ. Юрій обнадежилъ С-ва въ помощи; къ послѣднему явились на помощь и дядья его, половецкіе ханы; въ Новгородъ-Сѣверскій прибылъ и рязанскій князь Владиміръ и галицкій изгнанникъ, Иванъ Ростиславичъ Берладникъ. Князья черниговскіе съ сыномъ вел. князя Мстиславомъ вступили въ Сѣверскую область, намѣреваясь взять Новгородъ-Сѣверскъ. Они опустошили село Игорево и др. мѣста и далеко преслѣдовали С-ва. Такъ несчастный С-въ съ перемѣннымъ счастьемъ велъ войну до 1149-го г., когда Кіевъ занялъ Юрій Долгорукій (подробности 1147—1148-го гг. см. здѣсь подъ № 6 и 58 и подъ вел. кн. Юріемъ Долгорукимъ, Изяславами Мстиславичемъ и Давидовичемъ). Юрій отдалъ тогда С-ву Курскъ, Посемье, Сновскую область, Слуцкъ и всю землю Дреговичей, принадлежавшую къ составу вел. княженія. Въ слѣдовавшихъ затѣмъ военныхъ операціяхъ Юрія С-въ принималъ самое дѣятельное участіе. Послѣ несчастной битвы на берегахъ Рута (1151-го г.), гдѣ палъ Владиміръ Давидовичъ черниговскій, С-въ бѣжалъ въ Черниговскую землю, намѣреваясь сдѣлать нападеніе на Черниговъ, но, будучи «тяжелъ тѣломъ», онъ подвигался медленно, долженъ былъ отдыхать въ Остерѣ, и его предупредилъ Изяславъ Давидовичъ, спѣшившій въ Черниговъ съ тѣломъ убитаго на Рутѣ брата. Узнавши, что въ Черниговѣ уже много войска, С-въ поѣхалъ прямо въ Новгородъ-Сѣверскъ и вскорѣ потомъ дружелюбно раздѣлился съ Изяславомъ: каждый изъ нихъ взялъ отцовскую часть. Юрій медлилъ уходомъ изъ южной Руси, и Изяславъ рѣшился выгнать его силой и подступилъ къ Городцу. С-въ волей-неволей долженъ былъ послать сюда на помощь Изяславу дружину свою, но выгнаннаго изъ Городца Юрія принялъ въ Новгородѣ съ честью

«и повозы да ему». Въ 1152-мъ г. Юрій, узнавши, что его Городецъ разрушенъ до основанія, тронулся въ походъ, занялъ землю Вятичей до Ольгова, откуда послалъ звать къ себѣ С-ва, съ которымъ пошелъ на Черниговъ. Около двухъ недѣль стояли они подъ городомъ, но провѣдавъ, что на помощь черниговцамъ идутъ Вячеславъ и Изяславъ Мстиславичъ, отступили за Сновъ, а потомъ черезъ Новгородъ-Сѣверскій въ Рыльскъ, откуда Юрій намѣренъ былъ уйти въ Суздаль. С-въ представлялъ ему свое критическое положеніе, но Юрій ушелъ, оставивъ у него только 50 чел. дружины съ сыномъ Василькомъ. Изяславъ Мстиславичъ, дождавшись зимы, подступилъ къ Новгороду-Сѣверскому и заставилъ С-ва просить мира, на который согласился только въ виду приближавшейся весенней распутицы. 13-го ноября 1154-го г. умеръ Изяславъ Мстиславичъ. Приглашенный Вячеславомъ, сынъ Всеволода Ольговича тайно отъ дядей уѣхалъ въ Кіевъ и получилъ отъ Ростислава Мстиславича (см.) Туровъ и Пинскъ, а С-въ Ольговичъ и Изяславъ Давидовичъ заключили союзъ съ Юріемъ, за которымъ, узнавши о смерти Изяслава, послали въ Суздаль. Вскорѣ на великокняжескомъ столѣ Ростислава смѣнилъ Изяславъ Давидовичъ, но подоспѣвшій къ Кіеву Юрій требуетъ, чтобы Давидовичъ выѣхалъ изъ столицы. Изяславъ медлилъ, но, убѣжденный Святославомъ, наконецъ, очистилъ столицу; благодаря ходатайству того же С-ва, Юрій простилъ и Святослава Всеволодовича еще на пути къ Кіеву, въ Стародубѣ. Послѣ того оба Святослава помѣнялись городами (см. № 58). Тогда же С-въ О-чъ получилъ отъ Юрія Мозырь. Изяславъ черниговскій время отъ времени возбуждалъ другихъ князей противъ Юрія; въ 1157-мъ г. онъ подговаривалъ противъ послѣдняго Ростислава Мстиславича и родного племянника его Мстислава, но С-въ О-чъ рѣшительно отказался нарушить крестное цѣлованіе. Въ томъ же году у С-ва нашелъ пріютъ изгнанный полочанами Рогволодъ Борисовичъ. Еще въ 1151-мъ г., во время междукняжескихъ усобицъ въ Полоцкой области, полочане признали С-ва покровителемъ своей области. Теперь С-въ далъ Рогволоду вспомогательную дружину, при помощи которой онъ взялъ Друцкъ у Глѣба Ростиславича. 15-го мая 1157-го г. скончался Юрій Долгорукій, и въ Кіевъ поспѣшилъ Изяславъ Давидовичъ, оставивъ въ Черниговѣ племянника, Святослава Владиміровича вщижскаго. Святославъ Ольговичъ съ племянникомъ Святославомъ Всеволодовичемъ подступили къ Чернигову, но кн. вщижскій отбился отъ нихъ. Дядя и племянникъ отступили и стали за р. Свиною, куда поспѣшилъ изъ Кіева и Изяславъ Давидовичъ. Здѣсь князья примирились: С-въ О-чъ получилъ Черниговъ, а Новгородъ-Сѣверскій отданъ Святославу Всеволодовичу. Въ 1158-мъ г. Изяславу грозила опасность со стороны Ярослава галицкаго и его союзниковъ изъ-за Ивана Берладника, и онъ обратился за помощью къ С-ву черниговскому, предлагая ему при этомъ два города, Мозырь и Чечерскъ. На съѣздѣ въ Лутавѣ Изяславъ заключилъ съ Ольговичами союзъ. Узнавъ объ этомъ, противники его отложили свой походъ, но теперь Изяславъ самъ хотѣлъ идти на Ярослава, «ища волости» Берладнику. С—въ удерживалъ его отъ такого риска, но Изяславъ отвѣтилъ ему черезъ пословъ, что, по возвращеніи его изъ Галича, онъ, Святославъ, волей или неволей, можетъ изъ Чернигова отправиться опять въ Новгородъ-Сѣверскій. Къ счастію С—ва, Изяславъ былъ побитъ, но теперь онъ сталъ считать черниговскаго князя виновникомъ своего несчастья и обрушился на черниговскую волость, землю Вятичей, которую и завоевалъ, затѣмъ началъ тревожить курскіе города. С—въ, съ своей стороны, захватывалъ имущество и семейства Изяславовыхъ бояръ и, наконецъ, въ Моравскѣ заключилъ миръ съ новымъ вел. кн. кіевскимъ Ростиславомъ. Изяславъ съ пришедшими къ нему половцами подступилъ къ Чернигову, но, услышавъ о приближеніи къ С—ву помощи отъ Ростислава, отступилъ въ поле. Узнавъ, что С—въ боленъ и что племянникъ его Святославъ Всеволодовичъ ушелъ отъ него, Изяславъ хотѣлъ напасть на Черниговъ «изъѣздомъ», но С—въ предупредилъ его: преслѣдовалъ хищниковъ до Выря, который, впрочемъ, отстоялъ вѣрный Изяславу Иванъ Берладникъ (1159-й г.). С—въ съ своими союзниками напалъ за

тѣмъ на Вщижъ, на Святослава Владимировича, съ которымъ, впрочемъ, по обстоятельствамъ, долженъ былъ, не доводя осады Вщижа до конца, примириться (см. № 57). Отношенія князей, затѣмъ, круто измѣнились: сынъ С—ва Олегъ тайно отъ отца перешелъ на сторону Изяслава, а потомъ и самъ С—въ, подъ вліяніемъ рѣчей бояръ своихъ, чернившихъ передъ нимъ Ростислава, послѣдовалъ за сыномъ (см. № 43). Изяславъ занялъ, наконецъ, Кіевъ; но, не довольствуясь этимъ, собрался на Бѣлгородъ, гдѣ засѣлъ Ростиславъ. С—въ изъ Чернигова совѣтовалъ ему примириться съ Ростиславомъ, но Изяславъ не послушалъ, и это стоило ему жизни. Ростиславъ не хотѣлъ мстить Ольговичамъ и удовольствовался новой присягой ихъ. С—въ О—чъ скончался 15-го февр. 1164-го г. Онъ женатъ былъ дважды: а) на неизвѣстной по имени дочери кн. половецкаго Аепы Гиргенева, отъ которой имѣлъ сына Олега, и б) на Марьѣ Петриловнѣ, дочери новгородскаго посадника Петрилы І-го, уже бывшей за кѣмъ-то въ замужествѣ, отъ которой имѣлъ сыновей Игоря и Всеволода и дочерей Марію, бывшую за Романомъ Ростиславичемъ смоленскимъ, и неизвѣстную по имени, бывшую за Ярополкомъ Изяславичемъ, кн. бужско-волынскимъ.

63. *Святославъ-Николай Ярославичъ*, с. вел. кн. Я. Владимировича, родоначальникъ кн. черниговскихъ и муромо-рязанскихъ, *великій князь* черниговскій и *кіевскій*, род. въ Кіевѣ въ 1027-мъ г. Въ 1054-мъ г. Ярославъ назначилъ удѣлы своимъ сыновьямъ, причемъ второму изъ нихъ, Святославу, достался Черниговъ. По смерти отца Ярославичи разверстали между собой земли, и при этой разверсткѣ черниговскій князь взялъ себѣ еще отдаленный Тмуторокань, Рязань, Муромъ и землю Вятичей. Въ Тмутороканѣ онъ посадилъ сына Глѣба, котораго въ 1064-мъ г. ему пришлось защищать отъ своего племянника Ростислава Владимировича (см. № 17). Въ 1067-мъ г. Ярославичи общими силами ходили на Минскъ противъ Всеслава Брячиславича полоцкаго (см.), а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ—на половцевъ, но въ ночной битвѣ на р. Альтѣ потерпѣли пораженіе. Зато въ слѣдующемъ 1068-мъ г. Святославъ одинъ съ малочисленною дружиною побилъ этихъ степняковъ у Сновска, взялъ ихъ вождя и многихъ потопилъ въ р. Сновѣ. Между тѣмъ, вел. кн. Изяславъ (см.), бѣжавшій изъ Кіева вслѣдствіе бунта гражданъ, объявившихъ великимъ княземъ Всеслава полоцкаго, шелъ къ столицѣ съ польскимъ королемъ Болеславомъ II-мъ и поляками. Всеславъ вышелъ противъ него, но тайно бѣжалъ въ Полоцкъ, и кіевляне обратились къ заступничеству С—ва черниговскаго. Святославъ совѣтовалъ кіевлянамъ изъявить покорность Изяславу, а послѣднему—войти въ столицу съ немногочисленною дружиною и не мстить раскаявшимся гражданамъ (1069 г.). Ярославичи жили пока дружно. Въ 1071-мъ г. всѣ они были въ Кіевѣ по случаю перенесенія мощей Бориса и Глѣба въ новую церковь, сооруженную въ Вышгородѣ Изяславомъ, пировали вмѣстѣ и разъѣхались друзьями. Но въ 1073-мъ г. Святославъ задумалъ овладѣть великокняжескимъ столомъ и съ этою цѣлью увѣрилъ младшаго брата Всеволода, что старшій братъ Изяславъ сговаривается противъ нихъ съ кн. полоцкимъ. Младшіе братья вооружились, и Изяславъ вынужденъ былъ опять бѣжать въ Польшу, а Кіевъ занялъ С—въ. Изяславъ просилъ помощи, между прочимъ, у нѣмецкаго императора Генриха IV-го, который отправилъ въ Русь посла (Бурхарда) съ требованіемъ, чтобы русскіе князья возвратили Изяславу (см.) великокняжескій столъ. Но посольство это не имѣло успѣха. Лѣтопись отмѣчаетъ только, что С—въ удивилъ нѣмцевъ своими богатствами, удивилъ богатыми дарами и самого императора. Почти трехлѣтнее княженіе его въ Кіевѣ ничѣмъ особеннымъ не ознаменовано; лѣтописи отмѣчаютъ только, что онъ пожертвовалъ 50 фунтовъ золота на сооруженіе великолѣпнаго каменнаго Печерскаго храма, пригласивъ изъ Константинополя для работъ греческихъ художниковъ, собственноручно копалъ ровъ подъ основаніе церкви (1073-й г.), посѣтилъ вмѣстѣ съ сыномъ Глѣбомъ преп. Ѳеодосія передъ его кончиной (1074-й г.). Отъ этого С—ва до насъ дошелъ извѣстный Изборникъ. С—въ скончался 27-го декабря 1076-го г. Онъ имѣлъ шестерыхъ сыновей и двухъ дочерей: Глѣба, Романа, Давида, Олега,

Ярослава, Бориса, Вышеславу, бывшую за польскимъ королемъ Болеславомъ II-мъ Смѣлымъ, и Предславу, умершую въ 1116-мъ г. инокиней.

64. *Святоша.* См. Святославъ-Николай Давидовичъ № 59.

65. *Семенъ Ольговичъ*, с. Олега, кн. рыльскаго и воргольскаго. См. № 39.

66. *Семенъ Романовичъ*, с. Р. Михайловича II-го. См. конецъ въ № 48.

67. *Ярополкъ-Гавріилъ Ярославичъ*, кн. повгородскій, с. Я. Всеволодовича уп. въ лѣтописяхъ только два раза: въ 1197-мъ г. новгородцы взяли его къ себѣ въ князья на мѣсто изгнаннаго ими Ярослава Владимировича, свояка Всеволода III-го. Ярополкъ недолго жилъ въ Новгородѣ, всего съ полгода. Въ 1214-мъ г. въ битвѣ подъ Бѣлгородомъ онъ взятъ былъ въ плѣнъ Мстиславомъ Удалымъ и послѣ уже не появляется на страницахъ лѣтописей. Онъ имѣлъ сына Всеволода-Лаврентія (№ 14).

68. *Ярославъ Всеволодовичъ*, кн. черниговскій, с. В. Ольговича (№ 11), род. въ 1139-мъ (1140-мъ) г. О дѣятельности его лѣтописи начинаютъ говорить съ 1158-го г. Въ этомъ году онъ стоялъ на сторонѣ двоюроднаго дяди своего, Изяслава Давидовича (№ 26), боровшагося тогда съ Мономаховичами за Кіевъ: изгнанный изъ послѣдняго, онъ бѣжалъ въ Гомель, откуда послалъ за женой своей въ Переяславль. Я—въ встрѣтилъ ее въ Ропескѣ и проводилъ до Гомеля. Хотя потомъ обстоятельства заставили Я—ва (1159-й г.) стать на сторону Святослава Ольговича и вмѣстѣ съ нимъ осаждать Изяславова союзника, Святослава Владимировича вщижскаго, но вскорѣ (1160-й г.) и самъ Святославъ перешелъ на сторону Изяслава. Со смертью послѣдняго, Ольговичи примкнули къ новому вел. кн. кіевскому Ростиславу Мстиславичу (см.) и ходили съ его братомъ Рюрикомъ и туровскимъ княземъ Святославомъ Юрьевичемъ и др. князьями на непокорнаго Ростиславова брата Владимира, котораго вытѣснили изъ Слуцка (1162-й). По смерти Святослава Ольговича, Черниговъ занялъ братъ Я—ва Святославъ, который обидѣлъ дѣтей Святослава Ольговича, не давъ имъ, какъ обѣщалъ, волостей, между тѣмъ какъ брату Ярославу далъ лучшую волость. Распрю между родичами прекратилъ вел. кн. Ростиславъ (1165-й г.). Въ слѣдующемъ, затѣмъ, году сынъ Святослава Ольговича Олегъ и братъ Святослава черниговскаго Ярославъ ходили на половцевъ, причемъ Ярославъ взялъ вѣжи половецкаго князя Беглюка (по др. лѣтоп. это было въ 1168-мъ году), а въ 1167-мъ г., вмѣстѣ съ другими князьями, по приказу Ростислава, ходилъ къ Каневу беречь водный путь (купцовъ) *гречниковъ* и *залозниковъ* отъ нападенія половцевъ, причемъ подъ его начальствомъ былъ обозъ князей, охранителей пути. Въ 1168-мъ г. Я—въ участвовалъ въ блистательномъ походѣ на половцевъ за р. Орелъ двухъ Мстиславовъ Изяславича, вел. кн. кіевскаго (см.), и Ростиславича Храбраго. Послѣ этого похода въ жизни Я—ва на нѣсколько лѣтъ установилось какъ бы затишье. Но въ 1175-мъ—1176-мъ гг., въ годину ссоры брата его Святослава съ Романомъ Ростиславичемъ (см.) кіевскимъ, на сторонѣ котораго стоялъ двоюродный братъ его Олегъ Святославичъ Я—ву пришлось принять дѣятельное участіе. Ростиславичи съ Олегомъ Святославичемъ пошли на Черниговъ, на Ярославова брата, пожгли Лутаву и Моравійскъ. Ростиславичи примирились съ Святославомъ, но Олегъ съ братьями, Игоремъ и Всеволодомъ, подступилъ къ Стародубу и, не взявъ города, забралъ въ окрестныхъ селеніяхъ скотъ и погналъ его къ Новгороду-Сѣверскому. Святославъ съ братомъ Ярославомъ подступилъ къ послѣднему и заставилъ Олега просить мира. Въ 1177-мъ г., когда старшій Всеволодовичъ (Святославъ), занялъ Кіевъ, слѣдующій за нимъ по старшинству братъ его Ярославъ занялъ Черниговъ, но, кажется, пока въ качествѣ намѣстника старшаго брата Святослава. Во время похода послѣдняго на Всеволода III-го онъ оставленъ братомъ въ Черниговѣ, чтобы дѣйствовать, въ случаѣ надобности, противъ Рюрика и Давида Ростиславичей (1181-й г.), а затѣмъ по приказу того же Святослава, долженъ былъ выступить изъ Чернигова и соединиться съ братомъ въ землѣ Кривичей, чтобы идти къ Кіеву. Къ этому времени относится независимое утвержденіе Я—ва на черниговскомъ столѣ. Въ 1195-мъ г. Рюрикъ Ростиславичъ кіевскій, Всеволодъ III-й владимирскій

и Романъ Мстиславичъ волынскій (см. этихъ князей по алфавиту) перессорились между собою. Романъ, ненавидѣвшій тестя своего Рюрика, вошелъ въ тѣсныя сношенія съ Ярославомъ черниговскимъ и совѣтовалъ ему отнять Кіевъ у Рюрика. До вооруженнаго столкновенія дѣло, однако, не дошло. Рюрикъ и братъ его, Давидъ смоленскій, потребовали отъ Ольговичей, чтобъ они присягнули за себя и своихъ потомковъ никогда не искать ни Кіева, ни Смоленска и довольствоваться лѣвымъ берегомъ Днѣпра. Ольговичи отказались, но, когда Всеволодъ III-й погрозилъ имъ, смирились, а Рюрикъ, оставивъ приготовленія свои къ войнѣ съ Ольговичами, обѣщалъ Ярославу исходатайствовать у брата своего Витебскъ, хотя тамъ княжилъ зять Давида Ростиславича, Василько Брячиславичъ. Окончательно это обѣщаніе могло вступить въ силу по утвержденіи его послами со стороны Рюрика, Всеволода III-го и Давида, но Ольговичи преждевременно выступили на Витебскъ и по дорогѣ начали грабить даже Смоленскую область. Мстиславъ Романовичъ, хотѣвшій отразить ихъ, былъ разбитъ Олегомъ Святославичемъ и взятъ въ плѣнъ. Ярославъ, возбужденный успѣхомъ Олега, хотѣлъ идти на Смоленскъ, но Рюрикъ (см.) охладилъ и остановилъ его. Однако, Романъ Волынскій (см.), по своимъ отношеніямъ къ тестю Рюрику, поднялся на Кіевъ, и этимъ вывелъ Ярослава изъ затруднительнаго положенія. Но неудачи Романа съ одной стороны и выступленіе Всеволода III-го на Черниговъ съ другой заставили Ярослава измѣнить свою тактику: онъ попортилъ всѣ пути въ свою область, подѣлалъ засѣки и послалъ къ Всеволоду III-му съ предложеніемъ мира или войны. Осторожный Всеволодъ, несмотря на противодѣйствіе смоленскихъ и рязанскихъ князей къ заключенію мира, послалъ сказать Ольговичамъ, что онъ согласенъ на миръ, если тѣ освободятъ Мстислава Романовича, отстанутъ отъ Романа волынскаго и выгонятъ отъ себя проживавшаго тогда въ Черниговѣ Всеволодова врага, Ярополка Ростиславича. Ярославъ согласился на все, не принялъ только условія относительно Романа Волынскаго (1196-й г.). Черезъ два года послѣ того (по др. извѣстіямъ въ 1200-мъ г.) Я—въ скончался и погребенъ въ Спасо-Преображенскомъ черниговскомъ соборѣ. Онъ имѣлъ двухъ сыновей, Ростислава и Ярополка, и дочь, неизвѣстную по имени, бывшую за Владиміромъ Глѣбовичемъ, кн. переяславскимъ.

69. *Ярославъ-Панкратій Святославичъ*, кн. черниговскій, родоначальникъ князей муромо-рязанскихъ, с. С. Ярославича начинаетъ упоминаться въ лѣтописяхъ съ 1096-го г., когда онъ оставленъ былъ братомъ Олегомъ въ Муромѣ, изъ-за котораго у Святославичей шла борьба съ Изяславомъ и Мстиславомъ Владиміровичами. Подобныя ссоры изъ-за удѣловъ вызвали въ 1097-мъ г. съѣздъ князей въ Любечѣ, гдѣ за Олегомъ, Давидомъ и Ярославомъ Святославичами утверждены были Черниговъ, Рязань и Муромъ. Князья на время умирились и въ 1101-мъ г., по почину Владиміра Мономаха, совершили походъ на половцевъ, въ которомъ участвовалъ и Ярославъ. Черезъ три года (1104-й г.) ему пришлось биться съ другими инородцами, съ мордвой, которая одержала надъ нимъ верхъ. Въ 1116-мъ г. вмѣстѣ съ старшимъ братомъ Давидомъ онъ ходилъ на Минскъ. Въ 1123-мъ г., по кончинѣ Давида, Ярославъ, какъ старшій въ родѣ, занялъ Черниговъ и мирно княжилъ въ немъ до 1126-го г., а въ 1127-мъ г. выгнанъ былъ изъ него племянникомъ Всеволодомъ Ольговичемъ (см.) Ярославъ прибѣгъ къ посредничеству вел. кн. Мстислава, который далъ ему клятву наказать Всеволода, но послѣдній употребилъ всевозможныя средства, чтобы выйти изъ бѣды чистымъ и невредимымъ: онъ обращался къ половцамъ, прибѣгалъ къ смиренію передъ вел. княземъ, задаривалъ кіевскихъ вельможъ и усыпилъ Мстислава. Несчастный Я—въ пріѣхалъ изъ Мурома въ Кіевъ напомнить вел. князю его клятву. Мучимый по этому поводу совѣстью, Мстиславъ успокоенъ былъ любимцемъ Мономаха, игуменомъ Андреевской обители Григоріемъ, привлекшимъ на свою сторону (митрополита тогда не было въ Кіевѣ) все главное духовенство, которое и взяло грѣхъ клятвопреступленія Мстиславова на себя. Въ горести Я—въ возвратился въ Муромъ и черезъ два года (1129-й г.) скончался, оставивъ дѣтямъ своимъ Муромо-Рязан-

скую область, совершенно обособившуюся отъ Чернигова.

(Перечень источниковъ и пособій см. въ «Лѣтописи занятій Археогр. Коммиссіи», вып. IX-й, Спб. 1893 г., въ изслѣдованіи Р. Вл. Зотова: «О черниговскихъ князьяхъ по Любецкому синодику и о Черниговскомъ княжествѣ въ татарское время»). **А. Э.**

Черниковъ, *Василій Васильевичъ*, актеръ временъ Императрицы Екатерины II, котораго публика всегда цѣнила, какъ хорошаго исполнителя на «первыя роли слугъ» (впрочемъ, онъ былъ *первымъ* исполнителемъ роли *Митрофанушки* въ «Недорослѣ», и публика и здѣсь оцѣнила его хорошую игру). Женившись очень рано, онъ, вмѣстѣ съ женой, Прасковьей Черниковой, отдалъ искусству всю свою жизнь. Дебютировалъ онъ на сценѣ Петербургскаго театра 1-го мая 1771 года и съ тѣхъ поръ служилъ тамъ 12 лѣтъ, одинъ исполняя роли своего амплуа. Конечно, это было для него слишкомъ тяжело и заставило отказаться отъ участія въ нѣсколькихъ пьесахъ, послѣ чего пришлось уйти со сцены. 7-го августа 1783 года состоялось очередное собраніе «комитета россійскихъ актеровъ», на которомъ рѣшили предложить Черникову вернуться на сцену подъ условіемъ, что онъ «въ упрямствѣ своемъ не останется» и будетъ по прежнему играть роли слугъ. Такъ какъ матеріальное положеніе Черниковыхъ въ это время было очень затруднительно, то это предложеніе было принято съ радостью, и 16-го сентября 1783 года состоялось постановленіе комитета о принятіи обратно мужа и жены Черниковыхъ съ назначеніемъ первому 500 рублей жалованья при казенной квартирѣ и дровахъ, а второй 300 рублей. Временное удаленіе Черникова со сцены не осталось безъ послѣдствій. 1-го декабря 1783 года комитетъ назначилъ на однѣ роли съ нимъ Силу Сандунова, московскаго актера, а также рѣшилъ побудить къ исполненію тѣхъ же ролей Алексѣя Волкова, «дабы онъ отъ совершенной праздности не терялъ втуне немалую способность къ подобнымъ ролямъ, каковую имѣетъ». Съ этого времени у Черникова является порядочно свободнаго времени, которое онъ и посвящалъ болѣе серьезному изученію ролей и усовершенствованію во французскомъ и итальянскомъ языкахъ. 1-го января 1784 года, въ виду усерднаго отношенія къ дѣлу и «для вящаго поощренія», его жалованье увеличили до 700 рублей, а 1-го января 1788 года до 1.000 рублей. Къ этому времени Черниковъ такъ овладѣлъ итальянскимъ и французскимъ языками, что сдѣлалъ переводы оперы Д. Чимароза «Два барона» (за что и получилъ 150 рублей) и комедіи Отероша «Слуга докторъ». Въ то же время онъ былъ назначенъ инспекторомъ оперы, за что жалованье его увеличили до 1.300 рублей. Но теперь Черникову, никогда не отличавшемуся крѣпкимъ здоровьемъ, пришлось очень плохо. Постоянное участіе въ драматическихъ спектакляхъ, режиссированіе оперными спектаклями, пріобрѣтеніе для нихъ партитуръ, переписка партій для пѣвцовъ, все это до крайности утомляло Черникова и подтачивало его организмъ. Наконецъ, онъ почувствовалъ себя настолько плохо, что рѣшилъ просить отпуска за границу для поправленія здоровья. 26-го марта 1790 года отпускъ былъ разрѣшенъ, и временнымъ замѣстителемъ Черникова по режиссированію оперой былъ назначенъ актеръ Петровъ.

Пословица «лучше поздно, чѣмъ никогда» не оправдалась на артистѣ: поправлять здоровье было слишкомъ поздно, и, уѣзжая въ Парижъ, онъ рисковалъ умереть одинъ въ чужомъ городѣ, что и случилось 4-го октября 1790 года, вскорѣ по пріѣздѣ. О смерти артиста узналъ русскій полномочный министръ Симолинъ, который и счелъ своимъ долгомъ отдать должную дань таланту покойнаго и выдалъ деньги на похороны; расходъ этотъ былъ впослѣдствіи ему возвращенъ «комитетомъ россійскихъ актеровъ». Въ благодарность за труды покойнаго «комитетъ», по Высочайшему повелѣнію, выдалъ его женѣ 23-го ноября того же года годовой окладъ жалованья покойнаго артиста, въ размѣрѣ 1.300 рублей.

Араповъ. «Лѣтопись русскаго театра». 1888 г.; «Архивъ дирекціи императорскихъ театровъ»; Д. Языковъ. «Недоросль» на сценѣ и въ литературѣ.—«Историческій Вѣстникъ» 1882 г; «Драматическій словарь»; 1880 г. (Точное воспроизведеніе изданія 1787 года); Михневичъ. «Очеркъ исторіи музыки въ Россіи въ культурно-общественномъ отношеніи»; 1879 г. «Чтенія въ

Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ». 1882 г. «Хроника русскаго театра».
Владиміръ Березкинъ.

Черниковъ, *Василій Михайловичъ*, малоизвѣстный артистъ временъ императрицы Елизаветы Петровны, игравшій въ Москвѣ. Онъ отличался прекрасною наружностью и хорошимъ голосомъ. Такъ какъ въ то время оперные артисты не были отдѣлены отъ драматическихъ, то онъ выступалъ и въ качествѣ пѣвца, и въ качествѣ драматическаго артиста, и даже въ качествѣ танцовщика. Вполнѣ естественно, что при такомъ разнообразіи амплуа онъ не могъ развить своего дарованія и ни въ одной изъ этихъ областей искусства не далъ ничего особеннаго и прошелъ совершенно незамѣченнымъ въ исторіи русскаго театральнаго искусства. А между тѣмъ при другихъ условіяхъ изъ него могъ бы выработаться или прекрасный пѣвецъ, или хорошій комикъ. Главное его амплуа, какъ въ оперѣ, такъ и въ драмѣ — роли слугъ (grande livrée), которыя онъ исполнялъ хорошо, особенно въ пьесахъ «Мельникъ» (музыка Соколовскаго) и «Сбитеньщикъ», гдѣ «отмѣнно къ забавѣ зрителей талантъ свой проявлялъ». На судьбѣ Черникова можно видѣть, что положеніе артиста въ то время было крайне незавидно: начальственный произволъ царилъ надъ его личностью и судьбою безгранично. Благоугодно было начальству сдѣлать изъ Черникова одновременно танцовщика, пѣвца и драматическаго актера и оно сдѣлало изъ него ничтожность, хотя по своимъ дарованіямъ онъ могъ занять видное мѣсто среди лучшихъ артистовъ того времени. Годъ смерти его, равно какъ и годъ его рожденія неизвѣстны; извѣстно лишь, что у него осталась дочь, впослѣдствіи тоже артистка, доставившая себѣ своей прекрасной игрой большую извѣстность—это Софья Самойлова.

1) Араповъ—Лѣтопись русскаго театра 1888 г. 2) Михневичъ—Очеркъ исторіи музыки въ Россіи въ культурно-общественномъ отношеніи. 1879 г.
Владиміръ Березкинъ.

Черниковъ, *Лаврентій Ивановичъ*, генералъ-лейтенантъ, членъ общаго присутствія интендантства Морского Министерства, родился въ 1783 г., скончался 30-го іюля 1856-го г.

Воспитывался въ Черноморскомъ Корпусѣ, откуда выпущенъ въ гардемарины въ 1800-мъ г. (1-го мая), черезъ три года произведенъ въ мичманы, а чинъ лейтенанта получилъ въ 1810-го г. (1-го марта). По выходѣ изъ Корпуса первыя 7 лѣтъ плавалъ въ Черномъ морѣ и въ Архипелагѣ, а въ 1807-мъ г., въ чинѣ мичмана, на фрегатѣ «Св. Іоаннъ Златоустъ» участвовалъ при бомбардировкѣ и взятіи крѣпости Анапы, послѣ чего впродолженіи 13-ти лѣтъ плавалъ въ Черномъ морѣ и чинъ капитанъ-лейтенанта получилъ въ 1821-мъ г. (16-го марта). Въ этомъ чинѣ находился въ командировкахъ въ Кіевѣ по заготовленію строительнаго лѣса и на казенной Богоявленской фабрикѣ для испытанія солдатскихъ суконъ.

Получивъ чинъ капитана 2-го ранга въ 1827-мъ г. (8-го декабря), Ч. на слѣдующій годъ, командуя фрегатомъ «Поспѣшный», крейсеровалъ въ эскадрѣ вице-адмирала. С. Грейга и участвовалъ при вторичномъ взятіи крѣпости Анапы, за что награжденъ былъ золотою саблею съ надписью «за храбрость».

Продолжая крейсеровать по Черному морю, Ч. въ іюлѣ и августѣ взялъ съ боя, двумя гребными судами, въ плѣнъ два турецкихъ судна и одно сжегъ, а затѣмъ, находясь въ отрядѣ капитана 1-го ранга Критскаго, подошелъ съ фрегатомъ вновь къ крѣпости Инада и, несмотря на сильный огонь съ послѣдней, занялъ мѣсто по диспозиціи на картечный выстрѣлъ отъ непріятельскихъ батарей и вмѣстѣ съ прочими судами заставилъ ихъ замолчать. По высадкѣ десанта крѣпость сдалась; фрегатъ «Поспѣшный» получилъ 11 пробоинъ, а капитанъ его награжденъ орденомъ св. Георгія 4-го класса за храбрость. Въ слѣдующемъ году Ч. командовалъ кораблемъ «Пименъ» и въ отрядѣ контръ-адмирала Кумани находился при бомбардировкѣ и взятіи крѣпости Сизополь, за что награжденъ былъ слѣдующимъ чиномъ (20-го марта) и по возвращеніи изъ плаванія назначенъ былъ членомъ коммиссіи по доставкѣ провіанта въ дѣйствующую армію. Командуя затѣмъ въ Севастополѣ 42-мъ флотскимъ экипажемъ и кораблемъ «Императрица Екатерина II», въ 1833-мъ г. перевозилъ войска въ эскадрѣ контръ-адмирала М. П. Лазарева изъ Буюкъ-Дере въ Өеодосію. Въ 1836-мъ г. (іюля 8-го) Ч. произведенъ былъ въ

контръ-адмиралы съ назначеніемъ командиромъ 1-ой бригады 1-ой флотской дивизіи и съ 1838-го—1842-го г. плавалъ ежегодно съ отрядомъ въ Балтійскомъ морѣ. Черезъ два года (2-го февраля) Ч. назначили членомъ общаго присутствія интендантства Морского Министерства, а въ 1847-мъ г. (26-го ноября) его произвели въ генералъ-лейтенанты.

Ордена имѣлъ, кромѣ св. Георгія 4-го класса «за храбрость», св. Владиміра 3-й ст. и 4-й ст., св. Станислава 1-й ст. и турецкую золотую медаль.

Об. мор. сп., VIII, стр. 437 Мор. Сбор. 1850 г. «Описаніе дѣйствій Черноморскаго флота» № 1; стр. 44, № 2, стр. 96, 97, 104, 105, № 3 стр. 198 № 4 стр. 268—269 № 5 стр. 397.

А. Кротковъ «Повседневная запись замѣчательныхъ событій въ русскомъ флотѣ». 1894 г. стр. 104, 124, 126, 127, 182, 287, 330, 331, 26, 28, 77, 22. *А. Петцъ.*

Черникъ, *Елисѣй Денисовичъ*, войсковой архитекторъ Кубанской области. Братъ профессора Ивана Черникъ, родился въ Екатеринодарѣ 14-го іюля 1818-го года. Въ 1835-мъ году, по окончаніи мѣстнаго уѣзднаго училища, поступилъ на службу въ войсковую канцелярію и на слѣдующій годъ былъ посланъ пансіонеромъ Черноморскаго войска въ Императорскую академію художествъ, гдѣ былъ зачисленъ сверхштатнымъ ученикомъ. Въ 1841-мъ году получилъ серебряную медаль второй степени за экзаменъ по рисованію и въ 1842-мъ году окончилъ академію съ званіемъ неклаcнаго художника. Оставленный, по желанію войскового правленія, на годъ при академіи для усовершенствованія въ архитектурѣ, онъ въ 1843-мъ году былъ откомандированъ въ распоряженіе департамента военныхъ поселеній. Работалъ по постройкѣ новыхъ и починкѣ старыхъ казармъ. Съ 1846-го года Черникъ состоялъ до конца своей жизни войсковымъ архитекторомъ Кубанскаго, прежде Черноморскаго, казачьяго войска. Въ 1858-мъ году академія художествъ почтила его за исключительныя заслуги и познанія званіемъ академика. Скончался Елисей Черникъ 2-го августа 1871-го года.

П. Н. Петровъ, «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Импер. С.-Петерб. Академіи Художествъ за 100 лѣтъ ея существованія», 2-й томъ, стр. 415, 437; Послужной списокъ изъ архива Акад. Худож.

Черникъ, *Иванъ Денисовичъ*, генералъ-маіоръ, потомъ тайный совѣтникъ, архитекторъ и профессоръ Академіи Художествъ въ С.-Петербургѣ. Родился въ Екатеринодарѣ въ 1811-мъ году и принадлежалъ къ казачьему сословію. Первоначальное образованіе получилъ весьма скудное и уже 12-ти лѣтъ задумалъ отправиться въ столицу для поступленія въ Академію Художествъ. Это намѣреніе онъ скоро выполнилъ, отправившись пѣшкомъ въ Петербургъ и по прибытіи туда былъ принятъ въ Академію. Въ Академіи Черникъ отличался своими выдающимися способностями и неоднократно былъ удостоенъ нѣсколькихъ наградъ за свои архитектурныя программы, а въ 1834-мъ году онъ былъ возведенъ въ званіе класснаго художника архитектуры. Состоя пенсіонеромъ Черноморскаго войска, Черникъ предназначалъ себя для цѣлей спеціально военныхъ и для изученія военной архитектуры онъ вскорѣ послѣ окончанія курса отправился за границу; прежде всего онъ посѣтилъ Берлинъ, гдѣ занимался подъ руководствомъ извѣстнаго Шинкеля, который, впрочемъ, мало чѣмъ помогъ Чернику въ изученіи военной архитектуры. Во время дальнѣйшаго пребыванія за границей Черникъ сопутствовалъ наслѣднику-цесаревичу въ путешествіяхъ по Италіи, Франціи и Англіи. Особенное вліяніе на развитіе художественной фантазіи и таланта Черника оказало его пребываніе въ Италіи—въ Римѣ, Неаполѣ и Сициліи. Оригинальнымъ памятникомъ этого періода его жизни за границей является грандіозный и фантастическій по замыслу проектъ сооруженія постояннаго моста въ С.-Петербургѣ взамѣнъ старо-исаакіевскаго, начатый имъ еще въ Берлинѣ. Проектъ этотъ былъ посланъ имъ изъ-за границы императору Николаю I-му, а въ бытность Черника въ Римѣ былъ представленъ имъ папѣ. Но проектъ этотъ, какъ извѣстно, не получилъ практическаго осуществленія. Послѣ трехлѣтняго пребыванія за границей Черникъ возвратился въ Петербургъ и съ этого времени началась его художественно-строительная дѣятельность, которая во обще отличалась необыкновенной плодовитостью. Въ 1835-мъ году Черникъ былъ предложенъ въ академики за представленный имъ проэктъ атаманскаго

замка. Профессорская дѣятельность Черника началась съ 1842-го года, когда онъ избранъ въ профессора академіи за представленный имъ проектъ императорскаго дворца въ столицѣ, и продолжалась почти до самой его смерти. Всѣ многочисленныя постройки, оставленныя Черникомъ, свидѣтельствуютъ о его крупномъ и разностороннемъ дарованіи, причемъ онъ съумѣлъ внести художественный элементъ въ такую отрасль искусства, какъ казарменная архитектура, которая безспорно весьма многимъ обязана Чернику своей благообразностью и нѣкоторой долей изящества, чѣмъ рѣзко отличается отъ этого типа построекъ временъ Павла I-го. Въ этомъ отношеніи особенно заслуживаютъ вниманія такія сооруженія Черника, какъ зданіе Главнаго Штаба и конногвардейскія казармы въ С.-Петербургѣ; кромѣ того имъ было выстроено нѣсколько кадетскихъ корпусовъ, такъ какъ онъ состоялъ архитекторомъ Военнаго Министерства и главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній. Въ области гражданскаго зодчества Черникъ оставилъ послѣ себя такія грандіозныя сооруженія, какъ домъ г. Кокорева на Покровкѣ и гостинница Мамонтова въ Москвѣ, а также многія зданія въ Варшавѣ, Вильнѣ, Саратовѣ, Ярославлѣ, Нижнемъ-Новгородѣ и другихъ городахъ. Имъ же были выстроены десятки дачъ въ окрестностяхъ Петербурга, по большей части въ русскомъ стилѣ, хотя вообще этотъ послѣдній мало занималъ Черника. Особенно замѣтно въ Черникѣ его пристрастіе къ церковнымъ сооруженіямъ, которое выразилось въ постройкѣ нѣсколькихъ церквей въ Сибири и большого собора въ Новочеркасскѣ, выстроенныхъ во вкусѣ тоновскихъ построекъ. Подъ конецъ своей жизни Черникъ, будучи уже въ чинѣ тайнаго совѣтника, занималъ должность предсѣдателя техническаго строительнаго комитета. Умеръ Черникъ 27-го мая 1874-го года въ С.-Петербургѣ.

П. Н. Петровъ—«Сборникъ матеріаловъ для исторіи С.-Петерб. Академіи Художествъ», часть 2-ая. Журн. «Зодчій» 1874 г., № 6, стр. 79—80 (ст. Петрова: «Архитекторы изъ черноморскихъ пенсіонеровъ). Некрологъ въ «Иллюстрированной Недѣлѣ» за 1874 г., № 28, стр. 448.

Черницкій, *Адамъ Гавриловичъ*, ген. м., родился въ 1830-мъ г. и воспитывался въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1846-мъ г. и былъ оставленъ при училищѣ фейерверкеромъ. Въ 1850-мъ г. Ч. былъ произведенъ въ прапорщики. Въ 1863-мъ г. Ч. былъ переведенъ въ л.-гв. конно-облегченную № 2-й Его Императорскаго Высочества генералъ-фельдцейхмейстера батарею; въ томъ же году онъ былъ произведенъ въ полковники и назначенъ командиромъ этой батареи. Въ 1870-мъ г. Ч. былъ назначенъ командующимъ гвардейской конно-артиллерійской бригадой, а въ 1871-мъ г. произведенъ въ генер.-маіоры. Ч. скончался 4-го апрѣля 1871-го года.

«Русскій Инвалидъ», 1871 г., № 75: «Ежегодникъ Русской Арміи» на 1872 г., ч. II, стр. 6.
А. Трнка.

Черницкій, *Александръ Васильевичъ*, священникъ Покровской церкви села Майдрова Валуйскаго уѣзда Воронежской губерніи. Родился въ 1789-мъ году. 14-ти лѣтъ былъ назначенъ дьячкомъ, 1-го августа 1813-го года посвященъ въ діаконы, 22-го октября 1820 года во священники с. Самарина Валуйскаго уѣзда. Въ 1841-мъ году былъ переведенъ въ с. Майдрово и здѣсь началъ дѣятельно хлопотать объ открытіи школы, для которой изъ своихъ небольшихъ средствъ построилъ домъ. Школа была открыта въ 1862-мъ году, и въ теченіе 7-ми лѣтъ Ч. преподавалъ въ ней безмездно Законъ Божій. Скончался 16-го августа 1876 года. Погребенъ въ Покровской церкви с. Майдрова.

Воронежскія Епархіальныя Вѣдомости за 1876 годъ № 19 ст. М. Томилина (некрологъ) стр. 856—858. *Ястребцовъ.*

Чернобаевъ, *Николай Яковлевичъ*, сынъ сельскаго священника, родился въ одной изъ южно-русскихъ губерній (Харьковской или Черниговской) въ 1797-мъ году. Дѣтство его прошло среди многихъ лишеній и крайней нужды. Для первоначальнаго образованія Чернобаевъ былъ помѣщенъ въ мѣстную духовную Семинарію, откуда, по вызову С.-Петербургской Медико - Хирургической Академіи, былъ отправленъ въ 1816-мъ году, для изученія медицинскихъ наукъ, въ Москву, гдѣ въ то время было отдѣленіе Петербургской Медико-Хирургической Академіи, и тамъ зачисленъ въ число казенно-коштныхъ воспитанниковъ. Трудно при-

шлось на первыхъ порахъ Николаю Яковлевичу и пріѣхавшимъ вмѣстѣ съ нимъ его тремъ товарищамъ тоже мѣстнымъ семинаристамъ. Ихъ робость, застѣнчивость, плохое произношеніе русскаго языка, а главное усидчивость и прилежаніе, все это вызывало массу насмѣшекъ и грубыхъ шутокъ со стороны ихъ русскихъ товарищей, не привыкшихъ къ подобнаго рода явленіямъ въ своей средѣ. Наиболѣе были тяжелы, больнѣе всего отзывались на нихъ то презрѣніе и тѣ насмѣшки, которыя задѣвали ихъ малорусское происхожденіе. Въ этомъ направленіи для ихъ необузданныхъ товарищей не было границъ. Волей-неволей пришлось новымъ пришлецамъ отшатнуться отъ общей студенческой семьи, составить свой тѣсный кружокъ и, вслѣдствіе отвращенія къ безшабашной, разгульной жизни студентовъ того времени, погрузиться въ лекціи, книги и тетради. Только благодаря прекрасно выдержаннымъ экзаменамъ ихъ положеніе измѣнилось къ лучшему. Русскіе студенты, выказывавшіе на испытаніяхъ большей частью грубое невѣжество, перемѣнили наконецъ мнѣніе о своихъ товарищахъ - малороссахъ, и уже во второй половинѣ академическаго курса Чернобаевъ и его товарищи пользовались всеобщей любовью и уваженіемъ.

Въ 1820-мъ году Чернобаевъ окончилъ курсъ 25-ти лѣтнимъ юношей, былъ выпущенъ изъ Академіи лѣкаремъ I-го отдѣленія по медицинской и ветеринарной частямъ, награжденъ за отличные успѣхи серебряной медалью и сейчасъ же получилъ назначеніе состоять младшимъ лѣкаремъ въ Изюмскомъ гусарскомъ полку, въ которомъ и прослужилъ около четырехъ лѣтъ.

Его благородство, уживчивый характеръ, вѣжливое обращеніе со своими подчиненными, отвращеніе къ мелочамъ и дрязгамъ, къ униженію и угодничеству создали ему положеніе человѣка, любимаго и уважаемаго всѣми сослуживцами. Черезъ три года послѣ окончанія Академіи Ч. былъ произведенъ въ штабъ-лѣкари и вскорѣ былъ назначенъ старшимъ врачемъ въ Тамбовскій пѣхотный полкъ (21-го марта 1824 г.). Съ этого времени ему приходилось временами пріѣзжать въ Москву за лѣкарствами для полка и здѣсь встрѣчаться со своими старыми товарищами по Академіи, черезъ которыхъ онъ познакомился съ молодымъ, но уже начинавшимъ входить въ славу профессоромъ Дядьковскимъ, подъ вліяніемъ бесѣдъ съ которымъ и принялъ твердое намѣреніе готовиться къ докторскимъ экзаменамъ и добиться степени доктора медицины. Несмотря на всѣ затрудненія, онъ началъ работать надъ диссертаціей, въ 1825-мъ году успѣшно сдалъ экзамены и, защитивъ свою диссертацію на тему «De haemorrhoidibus» (Москва 1825 г. 8°.), былъ признанъ достойнымъ степени, которой добивался.

Съ началомъ Турецкой кампаніи Ч. былъ отправленъ за Дунай въ дѣйствующую армію и въ 1828—1829 годахъ былъ однимъ изъ неутомимыхъ, самоотверженныхъ дѣятелей во время чумной эпидеміи, развившейся въ то время въ нашихъ войскахъ. Чума приняла угрожающіе размѣры. Въ госпитали больныхъ поступало ежедневно отъ 100 до 200 человѣкъ; смертность была около 100%; о правильномъ лѣченіи нельзя было и думать. Вся забота Ч. состояла главнымъ образомъ въ томъ, чтобы дать больнымъ болѣе или менѣе сносную пищу; Средствъ же, кромѣ нѣкоторыхъ успокоительныхъ, противъ страшной болѣзни почти не было. Въ началѣ своей службы въ дѣйствующей арміи онъ занималъ должность старшаго врача въ Базарджикскомъ временно-военномъ госпиталѣ, затѣмъ былъ переведенъ въ Варнавскій первый, затѣмъ въ Монгольскій и наконецъ въ Кистенджикскій. Даже 35 лѣтъ спустя онъ не могъ равнодушно вспомнить о тѣхъ ужасахъ, которые ежеминутно проходили передъ его глазами въ это тяжелое время его врачебной дѣятельности. Несмотря на довольно значительный процентъ смертности среди врачей, пользовавшихъ чумныхъ больныхъ, онъ, самоотверженно исполняя свой долгъ, до самого конца эпидеміи не покидалъ своего поста. Нерѣдко ему приходилось оставаться совершенно одному съ массою больныхъ на рукахъ, по случаю смерти всѣхъ госпитальныхъ ординаторовъ и коммиссаріатскихъ чиновниковъ. Его геройская дѣятельность не прошла незамѣченной высшимъ медицинскимъ начальствомъ: за «усердную службу

и добросовѣстное отношеніе къ своему долгу онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-ой степени и получилъ чинъ коллежскаго асессора (1829—1830-й г). Научнымъ плодомъ его врачебной дѣятельности за этотъ періодъ времени явилась его статья: «О чумѣ, свирѣпствовавшей въ 1829-мъ году между россійскими войсками въ Кистенджи и Монгаліи» («Военно-Медицинскій Журналъ» 1836 г. ч. XXVII №№ 2 и 3). Эта статья, какъ самостоятельный трудъ съ вполнѣ научнымъ направленіемъ, служила весьма цѣннымъ вкладомъ въ нашу литературу по исторіи чумной эпидеміи въ русскихъ войскахъ. Покончивъ только что съ одной эпидеміей, Ч., по окончаніи Турецкой войны, возвратился въ Кіевскую губернію, гдѣ въ то время появилась и начинала уже принимать угрожающіе размѣры холера,—и ему было поручено завѣдываніе холернымъ отдѣленіемъ въ самомъ городѣ, гдѣ онъ и проработалъ около 3-хъ мѣсяцевъ, до самаго прекращенія эпидеміи. За борьбу съ холерой ему было объявлено Высочайшее благоволеніе, а въ скоромъ времени онъ былъ назначенъ дивизіоннымъ врачомъ 11-ой пѣхотной дивизіи.

Подъ конецъ польской кампаніи ему пришлось опять отправиться на мѣсто военныхъ дѣйствій: онъ былъ назначенъ на перевязочный пунктъ около крѣпости Замостья. Здѣсь, Чернобаевъ выказалъ ту же энергію и неутомимость, за что и былъ награжденъ брилліантовымъ перстнемъ.

Продолжая вполнѣ добросовѣстно нести трудную службу дивизіоннаго врача Чернобаевъ находилъ все-таки время и для литературныхъ занятій. За это время, кромѣ вышеупомянутыхъ замѣтокъ о чумѣ въ Турецкую компанію, онъ помѣстилъ въ «Военно-Медицинскомъ Журналѣ» еще нѣсколько статей. Одна изъ нихъ, подъ заглавіемъ «Медико-топографическія замѣчанія о городѣ Брестѣ-Литовскомъ» не лишена даже и теперь нѣкотораго интереса не только для врачей, но и для неспеціалистовъ по медицинѣ. Эта статья даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о народной медицинѣ и о тѣхъ способахъ и средствахъ, которые примѣняются при лѣченіи различныхъ болѣзней деревенскими знахарями и знахарками. («Военно-Мед. Жур.» 1835 г. ч. XXV. 1). Въ этомъ же журналѣ приблизительно въ этотъ же промежутокъ времени помѣщены его статьи: «Органическое измѣненіе мозга» («Мед. Жур.» 1835 г. ч. XXVI. 3) и «Обзоръ болѣзней 9-ой (11-ой) пѣхотной дивизіи за 1835-ой—1836-ой годъ» (тамъ же 1837 г. XXX. 3. Спб.).

Прослуживъ дивизіоннымъ врачомъ семь лѣтъ, Чернобаевъ въ 1840-мъ году получилъ давно желанное имъ мѣсто корпусного врача. Семилѣтняя безукоризненная служба на этомъ посту, его энергичная дѣятельность и хорошее отношеніе къ подчиненнымъ показали, что онъ стоялъ гораздо выше своихъ современниковъ и по всей справедливости долженъ быть причисленъ къ разряду свѣтлыхъ личностей и передовыхъ людей.

Прочность его положенія, связи и хорошія отношенія съ корпуснымъ командиромъ Тимоѳеевымъ позволяли ему человѣчно и внимательно относиться къ своимъ подчиненнымъ. Онъ всегда охотно выслушивалъ ихъ просьбы и жалобы, былъ ихъ руководителемъ на служебномъ поприщѣ и наставникомъ тамъ, гдѣ требовалось разрѣшеніе научныхъ вопросовъ. Въ этихъ отношеніяхъ не было и намека на педантизмъ и высокомѣріе, столь обычныя явленія въ служебномъ и чиновничьемъ мірѣ того времени. Этими качествами Чернобаевъ достигалъ гораздо большаго успѣха, чѣмъ многіе его современники. Любовь и уваженіе, которыми онъ пользовался со стороны своихъ подчиненныхъ, вполнѣ гарантировали ихъ исправное отношеніе къ своимъ обязанностямъ. Чернобаевъ особенно симпатизировалъ молодымъ, только что начинавшимъ свою служебную дѣятельность врачамъ, попадавшимъ подъ его начальство. Да и вообще онъ любилъ общество врачей и сближался съ ними при каждомъ удобномъ случаѣ.

Однако же товарищескія отношенія съ подчиненными, которыя имѣли мѣсто внѣ службы, не мѣшали ему быть строгимъ и требовательнымъ начальникомъ, разъ дѣло касалось службы. Въ его отношеніяхъ съ начальствомъ тоже не было и слѣда угодливости и лицемѣрія, доказательствомъ чего можетъ служить его размолвка съ Р. С. Четыркинымъ, бывшимъ тогда въ большой силѣ. Чернобаевъ

не могъ мѣнять своихъ убѣжденій съ перемѣной начальства или съ перемѣной настроенія у послѣдняго. Дѣятельность Чернобаева, какъ корпусного врача, очевидно тоже выдѣлялась изъ общаго уровня, о чемъ можно судить по тѣмъ наградамъ, которыми онъ былъ пожалованъ за этотъ періодъ своей службы. За это же время онъ дважды былъ командированъ для производства слѣдствія въ Кіевскомъ военномъ госпиталѣ: первый разъ вслѣдствіе необыкновенно сильнаго развитія въ немъ глазныхъ болѣзней, а второй разъ для тщательнаго осмотра госпиталя въ виду дошедшихъ слуховъ о его безпорядочномъ состояніи. Пріѣхавъ на второе слѣдствіе, онъ, кромѣ чисто-внѣшнихъ упущеній и безпорядковъ, замѣтилъ у госпитальныхъ ординаторовъ полнѣйшее отсуствіе научнаго направленія, и потому предложилъ учредить въ опредѣленные дни общія медицинскія совѣщанія и даже изъявилъ согласіе принять въ нихъ лично участіе. Къ его совѣту отнеслись многіе сочувственно, но все же онъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Послѣ окончанія слѣдствія въ Кіевскомъ госпиталѣ его начальникъ Адамовичъ былъ переведенъ въ Московскій военный госпиталь, а его мѣсто занялъ Чернобаевъ (въ 1848-мъ году). Дѣятельность его на этомъ новомъ посту характеризуется многими улучшеніями и нововведеніями, которыя отразились не только на ввѣренномъ ему госпиталѣ, но имѣли также весьма большое значеніе для Кіевскаго Университета. Главная его услуга университету заключалась въ устройствѣ госпитальныхъ клиникъ.

Клиническія отдѣленія были открыты въ госпиталѣ въ 1849-мъ году. Многіе университетскіе профессора изъявили согласіе перенести свои занятія въ эти клиники, такъ какъ онѣ давали массу матеріала и практики. Физіономія госпиталя совершенно измѣнилась. На ряду съ образцовымъ внѣшнимъ порядкомъ, и занятія госпитальныхъ ординаторовъ мало-по-малу приняли болѣе научный характеръ, съ тѣхъ поръ какъ въ стѣнахъ госпиталя появились университетскіе профессора.

Кромѣ того, Чернобаевъ, нѣсколько освоившись съ своимъ новымъ положеніемъ, рѣшилъ привести въ исполненіе свой совѣтъ бывшему главному врачу госпиталя Адамовичу — устроить частныя медицинскія совѣщанія. Какъ и прежде, къ его проекту всѣ отнеслись весьма сочувственно, и благодаря его энергіи онъ въ скоромъ времени былъ приведенъ въ исполненіе. Эти совѣщанія происходили сперва въ госпиталѣ, а затѣмъ были перенесены на квартиру Чернобаева. Доступъ на нихъ былъ всѣмъ свободенъ. Они совершенно не носили оффиціальнаго характера. Это было не что иное, какъ товарищескія бесѣды между сослуживцами, во время которыхъ совершенно забывалось различіе служебнаго положенія. Начальства и подчиненныхъ здѣсь не было. Душой этихъ вечеринокъ былъ Чернобаевъ, умѣвшій всегда придавать имъ веселый, непринужденный характеръ, не лишая ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ глубокаго научнаго содержанія. Какъ и прежде, вокругъ него группировались молодые врачи, пользовавшіеся случаемъ поучиться у всегда готоваго отвѣчать на ихъ вопросы и разрѣшать ихъ сомнѣнія Николая Яковлевича... За свою энергичную и плодотворную дѣятельность въ Кіевскомъ военномъ госпиталѣ онъ былъ пожалованъ орденомъ св. Анны 2-ой степени, затѣмъ дважды ему было объявлено Высочайшее благоволеніе «за отличное состояніе госпиталя и образцовый порядокъ въ немъ». Въ это же самое время Чернобаевъ продолжалъ печатать въ «Военно-Медицинскомъ Журналѣ» свои статьи, которыя по научно-практическому направленію были въ то время чуть ли не самыми первыми. Нѣкоторыя изъ нихъ даже и до сихъ поръ не потеряли своего значенія. Въ 1849-мъ году Чернобаевъ былъ внезапно оторванъ отъ своего дѣла и отправленъ въ командировку въ Ананьевъ, Херсонской губерніи, гдѣ появилась тифозная горячка. Прибывъ на мѣсто своего назначенія, онъ сейчасъ же занялся устройствомъ лазарета. Въ Ананьевѣ онъ выждалъ окончательнаго прекращенія горячки, послѣ чего опять возвратился въ Кіевъ. Въ скоромъ времени по его возвращеніи ему была предложена должность вице-призидента Медико-Хирургической Академіи, но онъ отказался, не желая уѣзжать изъ Кіева, гдѣ уже обжился, составилъ тѣсный кружокъ знако-

мыхъ и мечталъ только объ одномъ: какъ бы спокойно прожить, не удаляясь больше отъ родныхъ и друзей.

Въ 1853-мъ году Чернобаевъ неожиданно получилъ командировку за границу. Думая по возвращеніи опять занять спокойное мѣсто въ Кіевскомъ госпиталѣ, онъ попросилъ оставить его за собой. Просьба его была удовлетворена, и затѣмъ онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность генералъ-штабъ-доктора войскъ 5-го и 4-го пѣхотныхъ корпусовъ Его назначеніе на этотъ, хотя и столь высокій, но все же нежелательный для него постъ, было не случайно, и состоялось не благодаря чьему либо за него ходатайству, а было мотивировано исключительно его знакомствомъ съ климатическими условіями мѣстности, гдѣ предполагались военныя дѣйствія. Кромѣ того, ученая, служебная и литературная дѣятельность ставила его значительно выше всѣхъ врачей того времени, практиковавшихъ въ дѣйствующей арміи. Пріѣхавъ на мѣсто своей новой службы, онъ нашелъ полный безпорядокъ въ подвластныхъ ему госпиталяхъ. Только благодаря его опытности и энергіи ему, хоть и съ трудомъ, удалось привести ихъ въ надлежащій видъ. Во время этой кампаніи въ войскахъ стали сильно развиваться различныя повальныя болѣзни, вслѣдствіе чего Чернобаевъ учредилъ подъ своимъ предсѣдательствомъ комитетъ «для совѣщанія о свойствахъ господствующихъ въ полкахъ болѣзней».

Комитетъ этотъ выработалъ и разослалъ докторамъ наставленія, которыми они должны были руководствоваться въ случаѣ появленія повальнаго заболѣванія во ввѣренной ихъ надзору части. Дѣятельность Чернобаева въ 1854-мъ году была достойно оцѣнена его высшимъ начальствомъ. «За отлично-усердное исполненіе своихъ обязанностей во время военныхъ дѣйствій съ турками 10-го 11-го марта» ему былъ пожалованъ орденъ св. Владиміра 3-й степени, а при переправѣ черезъ Дунай 11-го ноября было объявлено Высочайшее благоволеніе.

Но съ этого же приблизительно времени начинается къ нему неблаговоленіе ближайшаго начальства. Его отвращеніе къ низкопоклонничеству и лести, а также и нежеланіе мѣнять чисто оффиціальныя отношенія съ своимъ чопорнымъ начальствомъ на какія-либо другія, послужили главной причиной этого неблаговоленія. Его частная жизнь, простое, сердечное отношеніе къ подчиненнымъ были выставлены въ преувеличенномъ видѣ. Со стороны военнаго начальства начали появляться различнаго рода придирки, а иногда даже и прямо оскорбленія. Начался рядъ неудачъ. До сихъ поръ онъ былъ все еще только «исправляющимъ должность генералъ-штабъ-доктора южной арміи». Когда военныя дѣйствія были перенесены въ Крымъ, и его начальникъ князь Горчаковъ уѣхалъ на мѣсто Меньшикова въ Севастополь, то Чернобаевъ все-таки остался на своемъ прежнемъ мѣстѣ, несмотря на свои заслуги, опытность и привычку къ работѣ въ военное время. Въ это же самое время значительно увеличившаяся болѣзненность и смертность въ войскахъ южной арміи послужили причиной къ обвиненію его въ бездѣйствіи со стороны начальства, въ глазахъ котораго его репутація, какъ самоотверженнаго труженика, добросовѣстнаго, честнаго врача и энергичнаго администратора, была неосновательно подорвана. Передъ окончаніемъ Крымской войны открылись безпорядки и даже злоупотребленія въ госпиталяхъ, виновниками которыхъ были нѣкоторые изъ медицинскихъ и фармацевтическихъ чиновъ, подвергшихся за нихъ суду и слѣдствію. Допущеніе того и другого также ставилось въ вину Николаю Яковлевичу. Все это повлекло за собой новую неудачу: онъ не былъ назначенъ непремѣннымъ членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета, почетнымъ членомъ котораго состоялъ уже съ 1852 года. Положеніе его въ Кіевѣ тоже сильно измѣнилось къ худшему: мѣсто главнаго врача въ кіевскомъ военномъ госпиталѣ до сихъ поръ, по его просьбѣ, оставалось за нимъ; лишь временно исправляющимъ эту должность былъ назначенъ Брунъ. Послѣдній, вслѣдствіе разногласія съ профессорами, долженъ былъ покинуть временно занимаемый постъ, на который и былъ назначенъ по желанію Р. С. Четыркина главный докторъ Бобруйскаго госпиталя. Послѣдняя, столь часто лелѣянная мечта прожить спокойно, занимаясь любимымъ дѣломъ въ Кіевѣ, у Чернобаева рухнула. Пробывъ еще нѣсколько времени

въ главной квартирѣ южной арміи въ Одессѣ, онъ продолжалъ попрежнему заниматься текущими дѣлами и затѣмъ возратился въ Кіевъ. Отсюда, чтобы окончательно узнать о рѣшеніи своей участи, онъ отправился въ Петербургъ, но тамъ ничего не добился въ свою пользу и принужденъ былъ возвратиться въ Кіевъ, потративъ понапрасну время и деньги.

Желая окончательно порвать связь съ прошедшимъ, которое принесло ему столько незаслуженнаго горя, онъ сжегъ весь, накопившійся за громадный промежутокъ времени, литературный матеріалъ, вмѣстѣ съ которымъ погибъ предназначенный къ печати его историческій очеркъ санитарнаго состоянія арміи въ Крымскую войну. Почти два года о Чернобаевѣ ничего не было слышно, но въ 1858 году послѣдовало распоряженіе о прикомандированіи его къ Кіевскому военному госпиталю «для исправленія должности ординатора». Въ этомъ званіи онъ оставался до 1861 года, а потомъ, на основаніи послѣдняго закона о срокахъ службы для военныхъ врачей, былъ уволенъ въ отставку съ ничтожной пенсіей въ 1.000 р. 65 к. въ годъ.

Неудачи на служебномъ поприщѣ сильно разстроили его уже и такъ пошатнувшееся здоровье. Къ этому же времени относятся и его первыя неудачи въ семейной жизни. Во время его болѣзни заболѣла и умерла его жена, урожденная графиня де-Бурблянъ. Чернобаевъ хоть и оправился отъ всѣхъ перенесенныхъ потрясеній, но потерялъ уже прежнюю живость характера. Его любовь къ обществу смѣнилась стремленіемъ къ одиночеству. Крайне незначительная пенсія, не позволявшая имѣть даже всего необходимаго, заставила его наконецъ просить добавочнаго содержанія. Въ скоромъ времени за жизненными невзгодами послѣдовали неожиданныя радости. Просьба его объ увеличеніи пенсіи была уважена. Содержаніе ему было удвоено. Затѣмъ и въ семейной жизни наступили для него радостные дни. Свадьба сына и тихая семейная жизнь скоро вернули ему прежнее веселое настроеніе... Чернобаевъ умеръ 70-ти лѣтъ отъ роду 23-го февраля 1868 года.

Источники. Змѣевъ. 1) «Русскіе врачи-писатели», вып. I. Спб. 1886 г.; 2) Кіевлянинъ 1868 г. № 26. Кіевъ. 3) Иллюстрированная газета за 1868 годъ, № 11. Спб. 4) Русскій Архивъ 1870 г. 5) Кіевскій телеграфъ 1863—1864 г. Кіевъ. 6) Медицинскій Вѣстникъ за 1867 г. № 9. Спб. 7) Тоже за 1868 г. № 11 и №№ 32—51. 8) Военно-Медицинскій журналъ 1835 г. XXV. 1; XXVI. 3. 9) Тоже за 1836 г. XXVII №№ 2 и 3. 10) Тоже за 1837 г. XXX. 3. 11) Тоже за 1847 г. XL IX. № 2 Спб. 12) Современная медицина 1863—64 г. Спб. 13) Кіевлянинъ за 1865 г. Кіевъ. 14) Университетскія извѣстія за 1865 г. Кіевъ. 15) Р. С. Четыркинъ «О чумѣ въ русскихъ арміяхъ, дѣйствовавшихъ противъ турокъ въ 1828, 1829 и 1830 годахъ» 1836 г. 8. Спб.

Л. Дагаевъ.

Чернова, весьма извѣстная въ свое время драматическая актриса Симферопольскаго театра, умерла въ Симферополѣ 16-го марта 1877 года, на двадцатомъ году жизни. Не получивъ никакого сценическаго образованія и не имѣя передъ собой примѣровъ, достойныхъ подражанія, Чернова всѣми своими сценическими успѣхами была обязана исключительно своему врожденному таланту. Какъ и во многихъ провинціальныхъ театрахъ того времени, въ Симферопольскомъ театрѣ даже лучшіе артисты труппы зачастую играли роли не одного опредѣленнаго амплуа, а всѣ тѣ роли, которыя имъ поручались, и Чернова въ теченіе своей недолгой сценической карьеры выступала въ самыхъ разнообразныхъ роляхъ, пользуясь у публики неизмѣннымъ успѣхомъ. Горячо любя искусство и обладая артистическою чуткостью, она въ каждую роль умѣла вложить искреннее чувство и тонкое пониманіе. Она внимательно изучала характеръ каждаго изображаемаго лица и всегда съ замѣчательною старательностью относилась къ заучиванію ролей. Счастливая сценическая наружность, обнаружившійся несомнѣнный талантъ и ранній, блестящій успѣхъ не вселили въ нее какого бы то ни было самомнѣнія, и она всегда оставалась одинаково скромной и готовой выслушать и воспользоваться совѣтомъ или замѣчаніемъ относительно своей игры. Лучшею и любимою ролью Черновой была роль Сусанны въ комедіи Бомарше «Женитьба Фигаро»; по словамъ Черновой, она себѣ «лучшей роли не могла представить», и ее «роль эта поразила своимъ совершенствомъ». Умерла Чернова послѣ тяжкой болѣзни, продолжавшейся болѣе полугода; переутомленіе вслѣдствіе непрерывныхъ трудовъ и заботъ, связанныхъ со сцени-

*

ческою дѣятельностью, ускорило смерть, застигшую ее на зарѣ жизни.

«Дѣвица Чернова»—въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» 1877 г., № 27, стр. 138 (фельетонъ).

Черновъ, *Иванъ Потаповичъ*, академикъ исторической живописи, родился въ 1768-мъ г. и свое художественное образованіе получилъ въ Импер. Академіи Художествъ подъ руководствомъ П. Соколова и И. Акимова. Опредѣленіемъ Совѣта Академіи отъ 28-го апрѣля 1795 г. за картину «Блудный сынъ» (находится въ карт. галер. Имп. Акад. Худ.) Черновъ удостоенъ званія «назначеннаго» въ академики; вслѣдъ за этимъ ему даютъ програму на полученіе званія академика; но, очевидно, академическая тема на этотъ разъ не удовлетворила художника, и въ февралѣ 1797 г. онъ извѣщаетъ Совѣтъ Академіи, что «по причинѣ разныхъ обстоятельствъ» задачи онъ не исполнилъ. Онъ добивается новой задачи, и 2-го апрѣля 1799 г. Совѣтъ опредѣляетъ дать ему слѣдующую програму: «Самсонъ, утоляющій жажду истекшею водою изъ челюсти, которою онъ побивалъ Филистимлянъ» (наход. въ карт. гал. Имп. Ак. Худ.). На этотъ разъ тема была исполнена, и Черновъ 18-го августа 1800 г. удостоивается званія академика исторической живописи. Въ 1803-мъ г. Академія приглашаетъ его къ себѣ учителемъ рисованія для учениковъ второго возраста. Затѣмъ, съ 1804 г. Черновъ пишетъ для строившагося въ то время Казанскаго собора нѣсколько иконъ, изъ числа которыхъ по несомнѣннымъ достоинствамъ слѣдуетъ отмѣтить «Св. Сергія», «Обрученіе Маріи съ Іосифомъ», «Срѣтеніе» и 6 образовъ для царскихъ дверей праваго придѣла. Эти работы являются лучшими изъ всѣхъ работъ Чернова и своевременно заслужили не мало похвалъ какъ отъ Академіи, такъ и отъ извѣстныхъ знатоковъ церковной живописи, а въ 1812 г. труды художника для Казанскаго собора удостоились и оффиціальной Высочайшей благодарности. Умеръ Черновъ въ Петербургѣ 18-го апрѣля 1817 г.

П. Н. Петровъ. «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. Акад. Худ.», I и II чч.; А. Сомовъ. «Картинная галлерея Имп. Ак. Худ.», I ч.; Ф. Толль. «Настольный энциклопедическій словарь» 1864 г. И. П. Божеряновъ. «А. Н. Воронихинъ»—«Рус. Стар.» 1885 г. 3; «Архивъ Имп. Ак. Худ.» 1803 г., дѣло № 69. *Валерій Березкинъ.*

Черновъ, *Николай Ивановичъ*, врачъ, родился 11-го октября 1832 г. въ Эстляндіи. Первоначальное образованіе получилъ въ Дворянскомъ Училищѣ въ Ревелѣ, откуда, въ 1851-мъ г., поступилъ казеннымъ стипендіатомъ въ Дерптскій Университетъ на медицинскій факультетъ. Во время прохожденія университетскаго курса обнаружилъ большія способности и прилежаніе. За свой мягкій и отзывчивый характеръ Ч—въ всегда пользовался любовью и уваженіемъ товарищей. На послѣднемъ курсѣ Ник. Ив. написалъ диссертацію: «De liquorum embryonalium in animalibus carnivoris constitiacione chemica», вслѣдствіе чего при окончаніи университета получилъ степень доктора медицины и званіе акушера въ 1859-мъ г. Получивъ дипломъ, Ч—овъ 28-го апрѣля того же года поступилъ на службу въ Орловскую губ. уѣзднымъ врачемъ, а въ 1867-мъ г. былъ переведенъ акушеромъ въ Орловскую врачебную управу. Отличаясь рѣдкими познаніями по предмету своей спеціальности, Ник. Ив. пользовался огромной практикой.

Въ то же время онъ отличался и необыкновенной добротой. Чуждый всякихъ матеріальныхъ разсчетовъ, Черновъ, съ одинаковой готовностью служить ближнему, отправлялся и въ домъ богача и въ хату нищаго. Зачастую вмѣстѣ съ рецептомъ онъ оставлялъ на столѣ деньги, необходимыя на покупку лѣкарствъ и улучшеніе пищи. Благодаря такой безкорыстной дѣятельности онъ пользовался необыкновенной популярностью и любовью среди населенія Орла. Въ среднихъ и низшихъ классахъ Ник. Ив. былъ извѣстенъ подъ названіемъ «нашъ Николай чудотворецъ». За время службы онъ дошелъ до чина статскаго совѣтника. Въ апрѣлѣ 1874 г. Ч—овъ заболѣлъ тифомъ. Во все время его болѣзни квартира его была переполнена посѣтителями, справлявшимися о его здоровьи. 15-го апрѣля 1874 г. орловское общество понесло тяжкую утрату: въ этотъ день скончался неутомимый труженикъ на пользу ближнихъ, врачъ Ник. Ив. Черновъ.

Источники: 1) Змѣевъ «Русскіе врачи писатели». 2) Орловскія губернскія вѣдомости за 1874 г. № 35; 3) A. Hasselblatt: Album academicum d. Kais. Univ. Dorpat. 1889. 4) A. V. Gernet; Album Estonorum. 1896. *Л. Дагаевъ.*

Черноглазовъ, *Владиміръ Григорьевичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, род. въ 1807-мъ г., умеръ 7-го іюля 1886 г. По окончаніи курса наукъ въ Царскосельскомъ благородномъ пансіонѣ Императорскаго лицея, въ 1826-мъ году поступилъ на службу въ 1-й Департаментъ С.-Петербургской Палаты Гражданскаго Суда. Въ 1829-мъ году В. Г. Черноглазовъ былъ назначенъ на должность секретаря Департамента С.-Петербургской Палаты Гражданскаго Суда, а въ слѣдующемъ году ему было поручено исправленіе должности губернскаго уголовныхъ дѣлъ стряпчаго, въ каковой должности черезъ два года онъ былъ утвержденъ Правительствующимъ Сенатомъ. Въ 1830 году В. Г. Черноглазовъ былъ Высочайше утвержденъ членомъ Комитета Общества попечительства о тюрьмахъ. Съ 1836 г. онъ состоялъ въ должности С.-Петербургскаго прокурора. Въ слѣдующемъ году онъ былъ перемѣщенъ совѣтникомъ С.-Петербургскаго Губернскаго Правленія; въ 1840-мъ году, по собственной просьбѣ В. Г. Черноглазова, онъ былъ уволенъ отъ этой должности, а въ 1841-мъ году онъ былъ опредѣленъ на должность столоначальника (впослѣдствіи экспедитора) Государственной Канцеляріи; въ 1843-мъ году онъ былъ назначенъ помощникомъ статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта. Въ 1848-мъ году состоялось назначеніе В. Г. Черноглазова на должность управляющаго Отдѣленіемъ Дѣлъ государственнаго секретаря. Въ 1852-мъ году, по случаю разсмотрѣнія въ Департаментѣ Экономіи смѣтъ расходамъ на 1853 годъ Министерствъ и Главныхъ Управленій, В. Г. Черноглазовъ былъ командированъ въ означенный Департаментъ до окончанія разсмотрѣнія смѣтъ. Въ 1853-мъ году ему было поручено исправленіе должности статсъ-секретаря въ Департаментѣ Законовъ Государственнаго Совѣта. Въ 1860-мъ году онъ былъ назначенъ въ помощь Государственному Секретарю при окончательномъ разсмотрѣніи въ Главномъ Комитетѣ по крестьянскому дѣлу составленнаго бывшими при немъ редакціонными коммиссіями положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, съ тѣмъ, чтобы онъ завѣдывалъ всѣмъ дѣлопроизводствомъ по Главному Комитету подъ ближайшимъ постояннымъ наблюденіемъ и руководствомъ государственнаго секретаря. Высочайшимъ указомъ 1-го января 1861 года В. Г. Черноглазовъ былъ назначенъ сенаторомъ. В. Г. Черноглазовъ принималъ участіе въ работахъ по преобразованію судебной части въ имперіи. 23-го января 1875 г. Высочайшимъ указомъ В. Г. Черноглазову повелѣно быть первоприсутствующимъ въ Уголовномъ Кассаціонномъ Департаментѣ и въ Общемъ Собраніи Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, а въ 1885-мъ году былъ назначенъ къ присутствованію въ Общемъ Собраніи первыхъ двухъ Департаментовъ и Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената. В. Г. Черноглазовъ былъ кавалеромъ орденовъ: св. вел. кн. Александра Невскаго, Бѣлаго Орла и св. Владиміра 2 ст. 7-го іюля 1886 г. В. Г. Черноглазовъ скончался въ имѣніи «Загорье», Лужскаго уѣзда, С.-Петербургской губерніи; а похороненъ на Волковомъ кладбищѣ въ С.-Петербургѣ.

Формулярный списокъ о службѣ В. Г. Черноглазова; «Новости» 1886 г., № 188.

В. Грековъ.

Черногоровъ, *Сергѣй Арефьевичъ*, купецъ 1-й гильдіи, потомственный почетный гражданинъ, пріобрѣтшій, по мѣсту своего жительства въ гор. Ярославлѣ, извѣстность своей благотворительностью. Онъ происходилъ изъ небогатой семьи и съ 14-ти — 15-ти-лѣтняго возраста долженъ былъ жить самостоятельнымъ и тяжелымъ трудомъ. Поступивъ на службу въ контору торговой фирмы Пѣгова, энергичный, честный и даровитый мальчикъ обратилъ на себя вниманіе своего патрона, который довѣрилъ ему впослѣдствіи управленіе однимъ изъ своихъ заводовъ сначала въ Орловской губерніи, а потомъ въ самомъ Ярославлѣ. Съ этого времени начинается самостоятельная и обезпеченная жизнь С. А. Черногорова. Самъ испытавъ нужду, онъ чутко отзывался на нужды бѣдняковъ и всегда охотно помогалъ имъ, обращая особенно свое заботливое вниманіе на престарѣлыхъ и малолѣтокъ-сиротъ. Такъ, его заботливости и щедрымъ пожертвованіямъ обязаны своимъ возникновеніемъ и процвѣтаніемъ слѣдующія благотворительныя учрежденія въ городѣ Ярославлѣ:

1. Пріютъ для мальчиковъ въ память въ Бозѣ почившаго Императора Александра II-го.

2. Домъ Трудолюбія въ память 17-го октября 1888 г., на который С. А. Черногоровъ пожертвовалъ 10.000 руб.

3. Комитетъ о бѣдныхъ.

Сверхъ того онъ много сдѣлалъ и личнымъ трудомъ и пожертвованіями для другихъ благотворительныхъ учрежденій города Ярославля, возникшихъ не по его инціативѣ (Леонтьевская богадѣльня, Екатерининскій домъ призрѣнія ближняго, гдѣ онъ 24 года былъ членомъ-казначеемъ Совѣта, и другія). За свои благотворенія онъ не разъ былъ награжденъ медалями и орденами. Скончался онъ 5-го мая 1890 г., на 66 году жизни. На похоронахъ его, кромѣ огромнаго числа мѣстныхъ обывателей, присутствовали всѣ мѣстныя власти, съ Ярославскимъ губернаторомъ во главѣ.

См. «Ярославскія Губернскія Вѣдом.» 1890 г.: Некрологъ С. А. Черногорова, изданный также и отдѣльной брошюрой. *Ф. В.*

Черной, *Семенъ*, дьякъ. Его припись встрѣчается въ государевой граматѣ 1679 г., справа—въ памяти 1680 г. Въ 1690 г. присутствовалъ при совершеніи казни бывшаго стольника Безобразова и его сообщниковъ.

Дополн. къ Акт. Истор., т. IX; Акты Истор., т. V, Акты, относ. до юр. быта, т. III. *Н. Бореукъ.*

Чернопятовъ, *Илья Никитичъ*, профессоръ Петровской земледѣльческой Академіи, членъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, Россійскаго Общества садоводства въ С.-Петербургѣ, членъ-корреспондентъ ученаго комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ, членъ хозяйственнаго комитета Петровской Академіи, Императорскаго Московскаго Общества сельскаго хозяйства и комитетовъ шелководства и скотоводства при томъ же Обществѣ. Изъ дворянъ. Родился 17-го іюля 1822 г. умеръ 1-го мая 1879 г. въ чинѣ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника. Первоначальное образованіе получилъ въ Горыгорѣцкой земледѣльческой школѣ, по окончаніи которой поступилъ на службу въ корпусъ гражданскихъ топографовъ классным топографомъ и былъ въ 1846-мъ г. назначенъ въ Лифляндію, для усовершенствованія въ нѣмецкомъ языкѣ и сельскомомъ хозяйствѣ. Въ 1848-мъ г. Чернопятовъ былъ отправленъ за границу для изученія искусственнаго орошенія луговъ и разработки торфа. По преобразованіи Корпуса топографовъ въ Корпусъ межевщиковъ Чернопятовъ былъ назначенъ туда младшимъ запаснымъ землемѣромъ. По возвращеніи изъ за границы въ 1850-мъ г. онъ былъ причисленъ къ Департаменту Сельскаго Хозяйства. Въ 1851-мъ г. Чернопятовъ былъ назначенъ исправляющимъ должность помощника управляющаго казанской учебной фермой. Въ томъ же году онъ выдержалъ экзаменъ на званіе агронома при Горыгорѣцкомъ земледѣльческомъ Институтѣ. Въ 1853-мъ г. былъ назначенъ въ Межевой и Лѣсной Институты сначала преподавателемъ сельскаго хозяйства, а съ 1859-го г. наставникомъ руководителемъ по отдѣлу естественныхъ наукъ. Въ 1863-мъ г. Чернопятовъ былъ назначенъ профессоромъ Петровской земледѣльческой и лѣсной Академіи и былъ командированъ на полтора года съ ученою цѣлью за границу: во Францію, Германію, Англію и Бельгію. Въ 1863-мъ г. онъ выдержалъ при Московскимъ университетѣ экзаменъ на магистра сельскаго хозяйства и лѣсоводства. Въ 1865-мъ г. Чернопятовъ получилъ званіе ординарнаго профессора Петровской Академіи; при ней же онъ завѣдывалъ фермою съ 1870-го г.

За ученые труды свои получилъ награды: изъ кабинета Его Величества—брилліантовый перстень въ 500 р.; орденъ Св. Анны 2-й степ.; малую золотую медаль отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ; большую золотую медаль отъ Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства. Составленная имъ научная коллекція шерстей изъ 643 образцовъ была премирована въ 1873-мъ г. на Вѣнской выставкѣ. Ему принадлежатъ слѣдующіе научные труды:

1. Руководство къ торфяному хозяйству. Съ 72-мя политипажами. Спб. 1857 г.

2. Руководство къ орошенію разныхъ земельныхъ угодій. Спб. 1864 г.

3. О шерсти овецъ въ хозяйственномъ и фабричномъ отношеніяхъ. Спб. 1863 г.

4. Хозяйственныя и техническія руководства, издаваемыя Императорскимъ Вольно-Экономическимъ Обществомъ.

Руководство къ сушкѣ и храненію хлѣба. Спб. 1867 г. Съ атласомъ.

5. Воспитаніе телятъ. (Оттискъ изъ 1 и 2 №-ровъ журн. «Русское Сельское Хозяйство» 1869 г.).

6. Скотоводство въ сѣверныхъ и среднихъ губерніяхъ Россіи и мѣры къ его улучшенію. Съ политипажами и чертежами. Москва. 1872 г.

7. Историческій очеркъ развитія тонкошерстнаго овцеводства въ Россіи и обозрѣніе нынѣшняго положенія его. Рѣчь, читанная на актѣ въ Петровской земледѣльческой и лѣсной Академіи 21-го ноября 1873 г. Москва. 1873 г.

8. Настольная книга для русскихъ сельскихъ хозяевъ. Составлена А. П. Людоговскимъ, И. А. Стебутомъ, И. Н. Чернопятовымъ и А. А. Фадѣевымъ, членами комитета сельско-хозяйственной консультаціи, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства. Изданіе А. Ф. Девріена. Спб. 1875 г. 3 тома.

И. Н. Чернопятову принадлежитъ въ этомъ изданіи отдѣлъ по скотоводству.

Краткія, но не полныя и не вполнѣ точныя свѣдѣнія объ И. Н. Чернопятовѣ помѣщены въ собранныхъ Анат. Богдановымъ «Матеріалахъ для исторіи научной и прикладной дѣятельности въ Россіи по зоологіи и соприкасающимся съ нею отраслямъ знанія», т. III. (Москва. 1891 г.), листъ 25-й.

Болѣе точныя, но и болѣе краткія свѣдѣнія помѣщены въ изданныхъ В. И. Чернопятовымъ «Матеріалахъ къ родословію дворянъ Чернопятовыхъ». Москва. 1902 г., стр. 187—189.

Оригинальный эпизодъ изъ путешествія И. Н. Чернопятова по Южной Россіи разсказанъ въ «Донскомъ Вѣстникѣ» 1868 г. и перепечатанъ оттуда въ «Иллюстрированной Газетѣ» 1868 г. № 32 (подъ загл. «Ревностный сыскной начальникъ»).

Н. Н. Горчаковъ.

Чернцовъ, *Яковъ*, дьякъ. Въ 1674-мъ г. со стольникомъ и намѣстникомъ боровскимъ П. И. Потемкинымъ былъ отправленъ посломъ въ Австрію, для принесенія поздравленій цесарю Леопольду I-му по случаю его бракосочетанія; въ то же время поручено имъ было возстановить цесаря противъ Польши и склонить къ союзу съ Россіей. Порученіе имъ выполнить не удалось и въ мартѣ 1675 г. посольство вернулось обратно. Въ 1678-мъ—1679-мъ гг. Чернцовъ былъ дьякомъ въ Московскомъ Судномъ Приказѣ, а въ 1680-мъ г.—въ Смоленскѣ при воеводѣ кн. Урусовѣ.

«Дополненіе къ Актамъ Историческимъ», т. IX, стр. 106. Спб. 1875 г.; Полное Собр. Законовъ, т. II, № 817. Ивановъ. «Алфавитный указатель фамилій и именъ лицъ, упоминаемыхъ въ боярскихъ книгахъ, хранящихся въ I отд. Москов. арх. Мин. Юстиціи», Москва. 1853 г.; «Сборникъ госуд. грамот. и договоровъ» т. IV стр. 373—375.; Бантышъ-Каменскій. «Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи», т. I, стр. 24—25.

Н. Т.

Чернышева, *Авдотья (Евдокія) Ивановна, графиня*, статсъ-дама. Авдотья Ивановна происходила изъ рода Ржевскихъ и родилась 12-го февраля 1693 г. Она была дочерью Ивана Ивановича Ржевскаго и жены его Дарьи Гавриловны, рожд. Соковниной (названной Петромъ Великимъ при вѣнчаніи одной шутовской свадьбы «князь игуменьей» и сохранившей этотъ титулъ до своей смерти). Семнадцати лѣтъ отъ роду Авдотья Ивановна вступила въ бракъ (въ 1710-мъ г.) съ Григоріемъ Петровичемъ Чернышевымъ, впослѣдствіи генералъ-аншефомъ, сенаторомъ, Московскимъ генералъ-губернаторомъ и графомъ. Свадьба эта описана Григоріемъ Петровичемъ въ памятной запискѣ, составленной для дѣтей. Пользуясь большимъ расположеніемъ Петра Великаго, она оказывала вліяніе на возвышеніе мужа, кромѣ того вся царская фамилія при императорѣ Петрѣ I имѣла въ ней сильную покровительницу, особенно племянницы Государя, герцогини Курляндская и Мекленбургская, причемъ первая въ письмахъ къ ней подписывалась: «въ прочемъ пребываю вамъ неотмѣннымъ другомъ, Анна». Благодаря этому, вскорѣ по восшествіи на престолъ Императрицы Анны Іоанновны, Авдотья Ивановна была назначена въ числѣ восьми лицъ въ статсъ-дамы (3-го мая 1730 г.) и во все царствованіе императрицы пользовалась большимъ ея расположеніемъ, между прочимъ, за то, что умѣла хорошо разсказывать разныя городскія новости и анекдоты. При восшествіи на престолъ императрицы Елизаветы Петровны, Авдотья Ивановна не потеряла своего вліянія. 25-го апрѣля

1742 г. мужъ ея былъ возведенъ въ графское достоинство. Овдовѣвъ, она удалилась отъ двора и вскорѣ сама скончалась въ Петербургѣ 17-го іюня 1747 г., гдѣ и погребена въ Александро-Невской лаврѣ. Авдотья Ивановна была матерью извѣстныхъ впослѣдствіи государственныхъ дѣятелей екатерининскаго времени.

«Русская Старина», 1870 г. т. II стр. 482; 1872 г. т. V, стр. 798, 802, 887; 1873 г. т. VII стр. 341; т. VIII стр. 37; «Русскій Архивъ» 1880 г. т. II стр. 237; 1885 г. т. I стр. 158;—Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій. «Русская родословная книга» изд. 2-ое 1895 г. т. II, стр. 354; «Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества», т. LXVI (Спб. 1889 г.) стр. 165; т. С. (Спб. 1897 г.) стр. 23, 314; т. CIII (Спб. 1897 г.) стр. 22, 126, 334.; Восемнадцатый вѣкъ. Историческій сборникъ издаваемый Петромъ Бартеневымъ», Москва 1869 г., т. III, стр. 63. *Б. Еловскій.*

Чернышева, *гр. Анна Родіоновна*, жена гр. Захара Григорьевича Чернышева, р. въ 1744-мъ г. † въ Смоленскѣ 9-го іюля 1830 г.; старшая дочь генералъ-маіора Иродіона Кондратьевича фонъ-Ведель и жены его Анастасіи Богдановны, рожденной Пассекъ.

По смерти жены, Ирод. Кондр. фонъ-Ведель пріѣхавъ въ Петербугъ, представилъ своихъ дочерей императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, которая приняла ихъ очень благосклонно и милостиво, а когда генералъ-маіоръ Ведель вскорѣ послѣ того умеръ, сиротки остались во дворцѣ, гдѣ и получили воспитаніе. Въ 1762-мъ г. Петръ III произвелъ ихъ во фрейлины, и онѣ продолжали оставаться при дворѣ Екатерины II-ой до своего замужества. Въ 1764-мъ г., какъ видно изъ «Записокъ» С. А. Порошина, десятилѣтній великій князь былъ влюбленъ въ Анну Родіоновну, которая была ровно вдвое старше его.

Характеромъ сестры Ведель не походили другъ на друга: Марья Родіоновна, напоминала свою мать, которая была «добра какъ ангелъ», а Анна Родіоновна, обладавшая отъ природы тоже весьма добрымъ сердцемъ и бывшая искренно религіозной, является вмѣстѣ съ тѣмъ типической представительницей своенравной и властной великосвѣтской барыни второй половины XVIII-го вѣка, у которой гнѣвъ и милость шли рука объ руку. Несмотря на то, что она «жаловала» свою камеристку, Марью Ѳоминишну, которая находилась при ней съ самаго дѣтства и была, какъ говорятъ, не изъ дворовыхъ, а изъ шляхты, она сильно разгнѣвалась, когда та осмѣлилась признаться, что желаетъ выйти замужъ за человѣка, который ей понравился. «Ты съ чего это вздумала,—закричала графиня,—съ чего взяла свою волю имѣть? Надоѣла я тебѣ? Отдѣлаться отъ меня захотѣлось? За всѣ, за великія мои милости? Ахъ ты неблагодарная! Вишь, замужъ собралась! Когда такъ, выдамъ тебя, но только за кого мнѣ угодно. Эй! позвать сюда капельмейстера Переборенко». Явился Переборенко и его тотчасъ же обвѣнчали съ Ѳоминишной, которая попрежнему осталась камеристкой графини. Уже будучи старушкой, Марья Ѳоминишна подѣлилась своими воспоминаніями о графинѣ съ Д. Д. Рябининымъ, и тотъ записалъ, что ему показалось наиболѣе интереснымъ.

Вотъ какъ Марья Ѳоминишна характеризуетъ графиню: «Вельможа настоящая, гордая, пышная и охъ-какая крутая, да капризная. Все у ней выходило невзначай и временемъ: когда милость, а когда и гроза. Часомъ, бывало, станетъ вдругъ богомольна, милостива, обходительна, и тогда ужъ добрымъ дѣламъ конца и мѣры нѣтъ. По цѣлымъ недѣлямъ Богу молится и постится, словно схимница какая, бѣдныхъ людей и нищую братію щедро награждаетъ, допускаетъ къ себѣ всякаго, кто имѣетъ просьбу къ ней, и всѣмъ-то помочь старается; благодѣтельствуетъ, по церквамъ и монастырямъ деньги безъ счету сыплетъ; а въ иное время, что чаще бывало, просто и приступу къ ней нѣтъ, такова дѣлалась грозна и капризна; всѣхъ-то она тиранитъ и въ страхѣ держитъ; всякаго, кто бы ни былъ, норовитъ обидѣть. Не токмо-что наша братья, рабы ея, а и сильные люди по стрункѣ передъ ней ходили; а ужъ эти разные судейскіе чиновники, исправники тамъ, да засѣдатели, тѣ просто тряслись передъ нею и не смѣли являться безъ зова».

Одно происшествіе, случившееся вслѣдствіе вспыльчивости Анны Родіоновны, произвело на нее такое сильное впечатлѣніе, что не изгладилось изъ ея памяти до самой ея кончины. Какъ-то разъ она прогнѣвалась на двухъ своихъ дворовыхъ дѣвочекъ; велѣла запереть ихъ на чердакъ и держать тамъ до тѣхъ поръ,

пока сама прикажетъ ихъ выпустить. Дѣло было зимой. Уже на вторыя сутки, увидавъ во снѣ, что ей кто-то сказалъ, будто бы дѣвочки замерзли, графиня въ испугѣ послала за ними на чердакъ. Когда оказалось, что дѣвочки дѣйствительно замерзли, графиня упала въ обморокъ и долго не приходила въ себя. Потомъ, по словамъ Переборенки, она «и волосы на себѣ рвала, и руки ломала, рыдала, вопила... Съ тѣхъ поръ, по самую смерть свою, графиня каялась въ грѣхѣ этомъ и мучилась совѣстью. Иногда цѣлыя ночи напролетъ молилась Богу земными поклонами, со слезами и рыданіями, накладывала на себя эпитиміи, морила себя голодомъ и холодомъ».

О добротѣ графини упоминаетъ между прочимъ де-Санглепъ въ своихъ «Запискахъ», говоря, что множество благодѣяній ея осталось въ неизвѣстности, потому что она тщательно старалась скрывать ихъ. Такъ, напр., одна вдова чиновника была въ полной увѣренности, что ей благодѣтельствуетъ секретарь графа Чернышева, Ключаревъ, тогда какъ онъ былъ только исполнителемъ воли графини.

Послѣ выхода замужъ за графа Захара Григорьевича Чернышева, Анна Родіоновна продолжала быть близкой ко двору: 15-го августа 1773 г., въ день присоединенія къ православію великой княжны Натальи Алексѣевны, первой жены цесаревича Павла Петровича, Анна Родіоновна была пожалована въ дѣйствительныя статсъ-дамы, а въ коронацію императора Павла, 5-го апрѣля 1797 г., получила орденъ св. Екатерины 1-й степени. Аннѣ Родіоновнѣ нѣсколько разъ приводилось принимать у себя царственныхъ гостей: императрица Екатерина II-я, цесаревичъ Павелъ Петровичъ съ великой княгиней Маріей Θеодоровной, императоръ Александръ I-й — всѣ посѣщали ее, проѣзжая черезъ тѣ города, гдѣ она въ то время жила. Въ 1780 г., когда графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ былъ бѣлорусскимъ генералъ-губернаторомъ, императрица Екатерина II-я провела въ Могилевѣ шесть дней, съ 24-го по 30-ое мая, и остановилась въ помѣщеніи, приготовленномъ ей въ домѣ графа Чернышева. Ожидались щедрыя награжденія чиновниковъ, но Екатерина II-я разгнѣвалась на графа Чернышева за то, что онъ повздорилъ съ княземъ Потемкинымъ, и никого не наградила: только графиня Анна Родіоновна получила отъ нея жемчужное ожерелье. Осенью 1781 г., по дорогѣ за границу, цесаревичъ Павелъ Петровичъ и великая княгиня Марія Θеодоровна заѣхали въ принадлежавшее графу Захару Григорьевичу Чернышеву мѣстечко Чечерскъ, въ Могилевскомъ намѣстничествѣ, и провели тамъ нѣсколько дней. Чернышевы устраивали для своихъ высокихъ гостей разныя празднества, между прочимъ былъ данъ спектакль: шла опера «Новое семейство», сочиненная для этого случая полковникомъ Вязмитиновымъ, и французская комедія «Anglomanie». Спектакль кончился прологомъ, игранньмъ дѣтьми и сочиненнымъ секретаремъ графа, Θ. П. Ключаревымъ.

Весной слѣдующаго 1782 г. фельдмаршалъ гр. Зах. Гр. Чернышевъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ въ Москву, причемъ ему первому былъ данъ титулъ Московскаго главнокомандующаго. Къ этому времени относится слѣдующій разказъ, записанный Карабановымъ и вкратцѣ нами передаваемый: Аннѣ Родіоновнѣ случилось какъ-то увидать въ одной изъ московскихъ церквей горько плакавшую женщину, бѣдную дворянку. Разспросивъ ее о причинѣ слезъ, Анна Родіоновна узнала, что у нея есть тяжебное дѣло, что ее обвиняютъ и что она должна всего лишиться. На совѣтъ Анны Родіоновны обратиться къ главнокомандущему или къ женѣ его, женщина отвѣтила, что къ графу не пустятъ, а къ женѣ его и идти нечего: «говорятъ, что пренравная, — сказала она, — вмѣсто милости прогонитъ съ толчками». Графиня уговорила ее придти на другое утро; когда она пришла и смутилась при видѣ графини, та ободрила ее, отвела къ своему мужу и сказала: «Вотъ барыня, которая меня разбранила; если она невинна, будь ея защитникомъ». Вскорѣ дѣло было разсмотрѣно, найдено справедливымъ и рѣшено въ пользу дворянки; когда она явилась благодарить графа, тотъ сказалъ: «Я исполняю долгъ обязанности, а тебя благодарю, что жену проучила».

Будучи Московскимъ генералъ-губернаторомъ, гр. Чернышевъ покровительствовалъ просвѣщенной издательской дѣятельности Компаніи типографической, во

главѣ которой стоялъ извѣстный масонъ Н. И. Новиковъ. Гр. Чернышевъ велѣлъ Новикову издать Букварь и Руководство учителямъ и продавать эти книги по утвержденной имъ цѣнѣ «для пользы училищъ и вообще публики». Гр. Чернышевъ былъ окруженъ масонами: С. Г. Гамалѣя былъ правителемъ его канцеляріи, а генералъ-адъютантомъ при немъ состояли полковникъ Ив. Петр. Тургеневъ (очень видный изъ масоновъ) и Н. И. Ртищевъ. Извѣстный архіепископъ, впослѣдствіи митрополитъ, Платонъ былъ друженъ съ гр. Чернышевымъ и постоянно защищалъ его, когда пріемникъ гр. Чернышева въ Москвѣ,—гр. Я. П. Брюсъ, человѣкъ надменный и лично не любившій гр. Чернышева, рѣзко порицалъ его дѣйствія. Гр. Анна Родіоновна, уважая благочестіе масоновъ, тоже сильно имъ покровительствовала, какъ видно изъ донесенія Екатеринѣ II кн. Прозоровскаго.

Графъ Зах. Гр. Чернышевъ скончался 29-го августа 1784-го г., а 2-го сентября того же года цесаревичъ Павелъ Петровичъ писалъ изъ Гатчины брату его гр. Ив. Гр. Чернышеву слѣдующее: «Съ крайнимъ прискорбіемъ увѣдомился я, графъ Иванъ Григорьевичъ, о печали вашей. Я ее тѣмъ болѣе съ вами дѣлю, что чувствую сію потерю. Вамъ извѣстно расположеніе мое и къ вамъ самимъ, и къ брату вашему. Пекитесь о своемъ здоровьѣ и о здоровьѣ невѣстки вашей, которую прошу увѣрить о участіи сердечномъ, принимаемомъ мною». На оборотѣ написано по-французки великой княгиней Маріей Ѳеодоровной: «Графъ, чувствительно раздѣляю печаль вашу и искренно сожалѣю о потерѣ, понесенной вами и нами въ особѣ фельдмаршала, вашего брата. Молюсь о здоровьѣ вашемъ и вашей невѣстки; прошу васъ, передайте ей, что я ее вспоминаю, и засвидѣтельствуйте, какъ я чувствительна къ ея горести. Всѣ вообще сожалѣютъ о понесенной ею утратѣ. Она и вы, графъ, можете найти оба истинное утѣшеніе въ тѣхъ чувствахъ, съ которыми всѣ относились къ вашему брату и которыя теперь всѣми выражаются. Вамъ извѣстно мое къ нему уваженіе».

Зимой 1787-го г., будучи въ Могилевской губ., императрица Екатерина II посѣтила гр. Анну Родіоновну въ мѣстечкѣ Чечерскѣ и провела у нея цѣлыя сутки. Проводивъ императрицу, графиня поѣхала къ своей сосѣдкѣ, вдовѣ генерала Фабриціанъ, чтобы подѣлиться съ ней впечатлѣніями по поводу посѣщенія императрицы, и осталась у нея ночевать. Ночью загорѣлся домъ; страшный трескъ услыхали только тогда, когда бо́льшая часть дома была охвачена пламенемъ, а потому хозяйку и гостью вытащили черезъ окна, чуть не въ одномъ бѣльѣ, когда онѣ уже задыхались отъ дыма и стали терять силы и память. Графиня очнулась лишь къ полудню и потребовала къ себѣ всѣхъ пріѣхавшихъ съ ней служащихъ; ей сказали, что управляющій ея имѣніями маіоръ Луксъ и землемѣръ Дольнеръ погибли во время пожара: это извѣстіе сильно потрясло ее, и она упала въ обморокъ. Послѣ того графиня долгое время отвѣчала всѣмъ тѣмъ, кто приглашалъ ее къ себѣ въ гости: «не желайте вы видѣть въ своемъ домѣ несчастную. Я, куда ни пріѣду—всюду бѣдствіе и смерть съ собою привезу». Бездѣтную вдову маіора Лукса графиня обезпечила, подаривъ ей деревню и назначивъ пожизненную пенсію.

По смерти своего мужа гр. Анна Родіоновна совсѣмъ оставила дворъ и большой свѣтъ, ѣздила по церквамъ и жила очень уединенно, по большей части въ Чечерскѣ, гдѣ у нея были заведены свои порядки и даже была своя полиція и полицеймейстеръ. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ времени Ел. Павл. Фадѣева, рожденная княжна Долгорукая: «Въ послѣдній мой пріѣздъ въ Чечерскъ она не принимала никого; въ это время у нея гостила только генеральша Ледуховская, большая богомолка. Я пріѣхала съ мужемъ, бабушкой (Еленой Ивановной Бандре-дю-Плесси) и полугодовой дочерью. Бабушка велѣла доложить черезъ полицеймейстера о своемъ пріѣздѣ, и графиня сейчасъ же прислала просить бабушку и меня съ дочерью къ себѣ, исключивъ моего мужа, которому входъ былъ закрытъ, какъ мужчинѣ. Графиня обѣдала обыкновенно въ 12 часовъ ночи. Мы пошли къ ней въ шесть часовъ пополудни. Чтобы достигнуть до дома, въ которомъ она жила, надобно было пройти черезъ три двора; въ первомъ находился караулъ изъ мужчинъ, а въ остальныхъ двухъ изъ жен-

щинъ, и мужчины не смѣли туда показываться. Этотъ уставъ соблюдался тогда съ большою строгостью, и ни для кого не дѣлалось исключеній. Графиня приняла насъ очень привѣтливо, радушно, какъ и всегда, и, повидимому, была очень довольна нашимъ посѣщеніемъ. Она лежала на софѣ; спинка софы была устроена такъ, что сверху, во всю длину софы, была сдѣлана деревянная полоса, въ родѣ полки, которая была вся уставлена въ рядъ маленькими образами одинаковой величины. Когда въ комнату внесли мою маленькую дочь, графиня взяла ее на руки, сняла съ полки одинъ образокъ и благословила ее имъ. Обѣдали мы ровно въ полночь, а бесѣда и разговоры наши продолжались почти до утра».

Графиня Анна Родіоновна была истинной патріоткой, любила Россію, любила Москву, съ благоговѣніемъ относилась къ памяти Екатерины II, помня ея «къ себѣ щедроты», восторженно отзывалась о пребываніи въ Москвѣ Императора Александра I. Все это ясно видно изъ письма графини къ старшинамъ Московскаго Благороднаго Собранія, когда они предположили поставить бронзовую статую Екатетинѣ II и получили на то дозволеніе Императора Александра I.

Гр. Анна Родіоновна была сама по себѣ настолько богата, что для нея не составляло никакого лишенія учрежденіе графомъ Захаромъ Григорьевичемъ такъ называемаго «чернышевскаго маіората», въ пользу младшаго брата, гр. Ивана Григорьевича. Въ Воронежской губ., въ Валуйскомъ уѣздѣ, ей принадлежала слобода Вейделевка съ хуторами, состоявшая изъ 40.000 десятинъ земли, съ населеніемъ въ слишкомъ 3 тысячи ревизскихъ душъ. Въ 1792-мъ г. графиня предложила своему двоюродному брату Вас. Вас. Пассеку, бывшему въ то время въ весьма стѣсненныхъ обстоятельствахъ, управленіе Вейделевкой, съ тѣмъ, чтобы онъ пользовался половиною дохода съ этого имѣнія. «Все, что я ни буду для тебя дѣлать, —сказала она,—не будетъ въ сравненіи съ тѣмъ, что отецъ твой для меня дѣлалъ. Онъ былъ мой опекунъ и второй отецъ!» Было у графини еще имѣніе въ Смоленской губ., гдѣ она находилась какъ разъ во время нашествія Наполеона I на Россію. По разсказамъ Марьи Ѳоминишны Переборенки, въ усадьбу графини забрались два французскихъ солдата и приняли сь хозяйничать—подавай имъ то то, то другое.

Услыхавъ объ этомъ, Анна Родіоновна вышла къ нимъ въ лентѣ со звѣздой и грозно прикрикнула на нихъ по-французски, прибавивъ: «Развѣ не знаете, кто я такова? Да со мною самъ Наполеонъ вашъ знакомъ и я сейчасъ письмо къ нему пошлю; вотъ тогда узнаете, кого осмѣлились безпокоить!» Солдаты, конечно, испугались, стали извиняться и поспѣшили уйти, ничего не тронувъ.

Въ 1825-мъ графиня жила въ Бѣлгородѣ, въ женскомъ монастырѣ. Когда императоръ Александръ I пріѣхалъ въ Бѣлгородъ, онъ, прежде всего, посѣтилъ престарѣлую графиню. Въ 1830-мъ г. графиня Анна Родіоновна скончалась 86 лѣтъ отъ роду и погребена въ Смоленскѣ въ женскомъ монастырѣ.

Рус. Арх. 1863 г., с. 359—360; 1870 г., с. 286—287; 1891 г., I, с. 307—309;—Рус. Стар. 1870 г., т. II, с. 496—498; 1871 г., т. IV, с. 191—193; 1874 г., т. XI, с. 572—576; 1883 г., т. XL, с. 149;—Записки Энгельгардта изд. Рус. Архива. М. 1867 г., с. 20, 25—Записки Порошина, С.-Пб. 1881 г., с. 35, 445, 482, 491, 495, 528, 543;—М. Н. Лонгиновъ, «Новиковъ и московскіе мартинисты». М. 1867 г., с. 161—163;—Восемнадцатый вѣкъ, изд. Бартеневымъ, II, с. 376;—Е. П. Карповичъ, «Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи». С.-Пб. 1874 г., с. 165.

В. Д. Корсаковъ.

Чернышевскій, *Гавріилъ Ивановичъ*, священникъ, отецъ извѣстнаго публициста Н. Г. Ч—каго. Родился въ 1795-мъ году, былъ сыномъ дьякона. Мать его, не имѣя никакихъ средствъ содержать и воспитывать сына, привезла его къ епархіальному архіерею, который изъ жалости приказалъ его принять на казенный счетъ въ Тамбовское духовное училище. Г. И. былъ тогда даже безграмотнымъ. За хорошіе успѣхи въ 1803-мъ году Г. И. былъ переведенъ въ Пензенскую Семинарію и, по окончаніи курса, какъ лучшій ученикъ, былъ опредѣленъ учителемъ греческаго языка въ той же Пензенской Семинаріи, въ 1814 году назначенъ библіотекаремъ, а въ 1816-мъ г. учителемъ піитическаго класса.

Въ началѣ двадцатыхъ годовъ Г. И. женился и получилъ приходъ въ Саратовѣ. Тогда же Г. И. получилъ мѣсто учителя въ Саратовскомъ духовномъ учи-

лищѣ, а въ 1822-мъ году былъ назначенъ инспекторомъ этого училища. Кромѣ того, Г. И. былъ членомъ консисторіи, благочиннымъ городскихъ церквей, а съ 1856-го года каѳедральнымъ протоіереемъ. Много потрудился Г. И. и въ борьбѣ съ расколомъ. Эта дѣятельность, между прочимъ, дала ему матеріалъ для «Историческаго описанія обращенія Иргизскаго монастыря въ единовѣрческій».

Трудъ этотъ напечатанъ не былъ, также какъ и другой трудъ Г. И. «Церковно-историческое и статистическое описаніе Саратовской епархіи». Рукопись эта хранится въ архивѣ Саратовской духовной консисторіи.

Вообще, Г. И. былъ человѣкомъ очень образованнымъ, прекрасно зналъ греческій, латинскій и французскій языки, а также исторію. Онъ обладалъ громадной памятью и до старости лѣтъ сохранилъ живой умъ и любознательность.

Какъ человѣкъ, Г. И. отличался необыкновеннымъ трудолюбіемъ, честностью и сердечностью, которой сыскалъ себѣ всеобщую любовь. Рѣзко выдѣляясь среди современнаго духовенства, онъ настолько былъ скроменъ, что многіе даже и не догадывались о его большихъ познаніяхъ.

Скончался Г. И. 22-го октября 1861-го года.

Источники: «Русская Старина», 1889 года, т. LXIV, стр. 499—502, 1890 годъ, т. LXVI, стр. 449—465, т. LXVII, стр. 531—568. «Русскій Архивъ» 1890 г., № 4; Хованскій. «Очерки по исторіи города Саратова» (указаніе на эту книгу см. также «Русская Старина», т. XL, 522).

В. Войновъ.

Чернышевскій, *Николай Гавриловичъ*, сынъ предыдущаго, публицистъ и критикъ, род. 12-го іюля 1828 г., въ Саратовѣ. Одаренный отъ природы отличными способностями, единственный сынъ своихъ родителей, Н. Г. былъ предметомъ усиленныхъ заботъ и попеченій всей семьи. Хотя и записанный въ духовное училище, онъ до 14-лѣтняго возраста воспитывался дома и подъ руководствомъ отца и своей старшей двоюродною сестры, Л. Н. Пыпиной, къ которой онъ очень былъ привязанъ, получилъ прекрасную подготовку къ Семинаріи: онъ зналъ древніе и новые языки и чрезвычайно много читалъ литературныхъ и научныхъ книгъ. Немудрено поэтому, что, поступивъ въ 1842 г. въ низшее отдѣленіе (риторику) Саратовской Семинаріи, Ч. сразу выдѣлился изъ среды своихъ товарищей. Въ 1843 г. онъ аттестованъ былъ такимъ образомъ: «Способностей отличныхъ, прилежанія ревностнаго, успѣховъ отличныхъ, поведенія весьма скромнаго». Какъ передаетъ Ф. В. Духовниковъ, «учителя были въ восторгѣ отъ Ч., особенно учитель словесности, который входилъ съ рапортомъ въ семинарское правленіе, донося ему о сочиненіяхъ Ч., какъ о замѣчательныхъ и образцовыхъ. Семинарское правленіе, въ лицѣ своихъ членовъ, было недовольно тѣмъ, что приходилось доносить о сочиненіяхъ Н. Г. архіерею, который велѣлъ всѣ представленныя ему сочиненія, какъ выдающіяся, хранить въ библіотекѣ Семинаріи». Много лѣтъ сберегались эти сочиненія, но потомъ куда-то исчезли. Такъ какъ по многимъ предметамъ Ч. былъ впереди своихъ товарищей, то онъ могъ заниматься тѣмъ, что не входило въ обязательную программу: подъ руководствомъ извѣстнаго археолога-оріенталиста Г. С. Саблукова онъ изучилъ татарскій языкъ; занимался также арабскими и еврейскими языками; все же свободное время онъ посвящалъ чтенію, особенно интересуясь исторіей и словесностью.

Одно время Ч. мечталъ по окончаніи Семинаріи поступить въ Духовную Академію, но скоро оставилъ это намѣреніе: въ ноябрѣ 1844 г. онъ подалъ прошеніе объ увольненіи изъ Семинаріи. Получивъ въ томъ же году увольненіе, онъ сталъ готовиться къ Университету и въ 1846 г., отлично выдержавъ почти всѣ вступительные экзамены, былъ принятъ въ С.-Петербургскій Университетъ, въ I отдѣленіе философскаго факультета, по разряду общей словесности. Въ теченіе университетскаго курса Ч. болѣе всего занимался древними языками, общей словесностью и славянскими нарѣчіями. Изученіе славяновѣдѣнія сблизило его съ И. И. Срезневскимъ, а черезъ него онъ познакомился съ Ир. И. Введенскимъ, на еженедѣльныхъ вечерахъ у котораго собирался кружокъ лицъ, имѣвшихъ сильное вліяніе на выработку міросозерцанія Ч.: подъ ихъ воздѣйствіемъ, въ немъ пробуждаются новые интересы, онъ увлекается науками соціальными, экономическими, а

затѣмъ и естествовѣдѣніемъ; въ это время уже выясняются первыя основы тѣхъ взглядовъ, которые проводятся Ч. въ его послѣдующей критико-публицистической дѣятельности, т.-е. матеріалистическій позитивизмъ въ философіи и соціализмъ въ общественныхъ вопросахъ.

Въ 1851 г. Ч. окончилъ курсъ со степенью кандидата и былъ оставленъ при Университетѣ, но въ слѣдующемъ году онъ уѣхалъ въ Саратовъ, гдѣ получилъ мѣсто учителя гимназіи. Его сослуживцы были люди совсѣмъ иного склада воззрѣній, и потому онъ замыкается въ своей семьѣ и сближается лишь съ небольшимъ кружкомъ образованныхъ людей, между прочимъ съ Н. И. Костомаровымъ, который незадолго передъ тѣмъ былъ сосланъ въ Саратовъ. Научно-литературныя занятія Ч. за это время, вѣроятно, сосредоточиваются, главнымъ образомъ, въ той же области, что и прежде, и онъ не оставляетъ славяновѣдѣнія: такъ можно, по крайней мѣрѣ, заключать по его рецензіи на сочиненіе Гильфердинга «О родствѣ славянскаго языка съ санскритскимъ» («Отеч. Записки», 1853 г., № 7). Въ 1852 г. Ч. женился и вскорѣ послѣ женитьбы высочайшимъ приказомъ 24-го января 1854 г. былъ перемѣщенъ во 2-й кадетскій корпусъ «на должность учителя 3-го рода»; однако на этомъ новомъ мѣстѣ онъ пробылъ всего около года и послѣ столкновенія съ однимъ дежурнымъ офицеромъ вышелъ въ отставку. Какъ видно изъ нѣкоторыхъ воспоминаній, педагогическая работа въ это время уже не особенно интересовала Ч.: хотя онъ и увлекательно излагалъ свой предметъ, но совсѣмъ не заботился о томъ, чтобы ученики работали самостоятельно, не спрашивалъ ихъ, не задавалъ имъ сочиненій.

Еще будучи преподавателемъ, Ч. сотрудничалъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Современникѣ»; по выходѣ же въ отставку, онъ почти цѣликомъ отдается журналистикѣ, готовя однако свою магистерскую диссертацію. Самая тема и основныя идеи этой диссертаціи намѣчаются уже раньше въ рецензіи на переводъ «Піитики» Аристотеля, изданный Ордынскимъ. Рецензія эта, помѣщенная въ «Отеч. Зап.» 1854 г., № 9, уже ясно характеризуетъ отрицательное отношеніе Ч. къ трансцендентальной эстетикѣ. Видно, что авторъ выступаетъ сторонникомъ эмпирическихъ методовъ изслѣдованія. «Всякая теоретическая наука, говоритъ онъ, основывается на возможно-полномъ и точномъ изслѣдованіи фактовъ. Но мы готовы предполагать, что у насъ многіе ошибаются еще относительно современныхъ понятій о томъ, что такое теорія и что такое философія. У насъ еще многіе думаютъ, что у современныхъ мыслителей господствуютъ трансцендентальныя идеи объ «апріорическомъ знаніи», «развитіи науки самой изъ себя», ohne Voraussetzung и т. п.: смѣемъ ихъ увѣрить, что, по мнѣнію современныхъ мыслителей, эти понятія были очень хороши и, главное, необходимо нужны, какъ переходная ступень въ свое время, назадъ тому 40, 30 или, пожалуй, даже 20 лѣтъ, но не теперь: теперь они устарѣли, признаны односторонними и недостаточными. Смѣемъ увѣрить, что истинно-современные мыслители понимаютъ теорію точно такъ же, какъ понимаетъ ее Бэконъ, а вслѣдъ за нимъ астрономы, химики, физики, врачи и другіе адепты положительной науки. Правда, по этимъ новымъ понятіямъ не написано еще, сколько намъ извѣстно, формальнаго «курса эстетики»; но понятія, которыя будутъ лежать въ его основаніи, ужъ достаточно обозначились и развились въ отдѣльныхъ маленькихъ статьяхъ и эпизодахъ большихъ сочиненій».

Отвергнувъ трансцендентальную эстетику, Ч. по вопросу о значеніи искусства высказываетъ полное сочувствіе радикально-отрицательнымъ и утилитарнымъ взглядамъ Платона (въ поздній періодъ его философіи), Руссо и Кампе, изъ которыхъ послѣдній говорилъ, что «выпрясть фунтъ шерсти полезнѣе, нежели написать томъ стиховъ». Отвергая теорію «искусства для искусства», Ч. говоритъ: «Мысль эта имѣла смыслъ тогда, когда надобно было доказывать, что поэтъ не долженъ писать великолѣпныхъ одъ, не долженъ искажать дѣйствительности въ угоду разнымъ произвольнымъ и приторнымъ сентенціямъ. Къ сожалѣнію, для этого она появилась ужъ слишкомъ поздно, когда борьба была кончена; а теперь и подавно она ни къ чему не нужна: искусство успѣло ужъ отстоять свою самостоятель-

ность и должно думать о томъ, какъ ею пользоваться. «Искусство для искусства» —мысль такая же странная въ наше время, какъ «богатство для богатства», «наука для науки» и т. д. Всѣ человѣческія дѣла должны служить на пользу человѣку, если хотятъ быть непустымъ и празднымъ занятіемъ: богатство существуетъ для того, чтобы имъ пользовался человѣкъ, наука для того, чтобы быть руководительницею человѣка; искусство также должно служить на какую-нибудь существенную пользу, а не на безплодное удовольствіе». Говоря о пользѣ, приносимой искусствомъ, Ч. не удовлетворяется тѣмъ мнѣніемъ, что искусство возвышаетъ душу человѣка, смягчаетъ его сердце: онъ находитъ, что такое же дѣйствіе оказываютъ на человѣка всякія удовольствія, начиная хотя бы съ сытнаго обѣда, всякія пріятныя занятія, отъ которыхъ зависитъ хорошее расположеніе духа, и благодѣтельное вліяніе искусства состоитъ «почти исключительно въ томъ, что искусство—вещь пріятная». «Здоровый человѣкъ,—аргументируетъ Ч., —гораздо менѣе эгоистъ, гораздо добрѣе, нежели больной, всегда болѣе или менѣе раздражительный и недовольный, хорошая квартира также болѣе располагаетъ человѣка къ добротѣ, нежели сырая, мрачная, холодная... И надобно сказать, что практическія, житейскія, серьезныя условія довольства своимъ положеніемъ дѣйствуютъ на человѣка сильнѣе и постояннѣе, нежели пріятныя впечатлѣнія, доставляемыя искусствомъ. Для большинства людей оно—только развлеченіе, то-есть довольно ничтожная вещь, не могущая принести серьезнаго довольства. И, взвѣсивъ хорошенько факты, мы убѣдимся, что многія самыя неблестящія, обыденныя развлеченія больше вносятъ довольства и благорасположенія въ человѣческое сердце, нежели искусство: если бы явился между нами Платонъ, вѣроятно, сказалъ бы онъ, что, напримѣръ, сидѣнье на завалинѣ (у поселянъ) или вокругъ самовара (у горожанъ) больше развило въ нашемъ народѣ хорошаго расположенія духа и добраго расположенія къ людямъ, нежели всѣ произведенія живописи, начиная съ лубочныхъ картинъ до «Послѣдняго дня Помпеи».

Отвергнувъ нравственно облагороживающее воздѣйствіе искусства, приравнявъ его съ этой стороны ко всякимъ другимъ пріятнымъ предметамъ, Ч. видитъ пользу искусства въ отношеніи интеллектуальномъ и признаетъ его своего рода суррогатомъ науки. «Наука,—говоритъ онъ,—сурова и не заманчива въ своемъ настоящемъ видѣ: она не привлечетъ толпы. Наука требуетъ отъ своихъ адептовъ очень много приготовительныхъ познаній и, что еще рѣже встрѣчается въ большинствѣ,—привычки къ серьезному мышленію. Поэтому, чтобы проникнуть въ массу, наука должна сложить съ себя форму науки. Ея крѣпкое зерно должно быть перемолото въ муку и разведено водою для того, чтобы стать пищею вкусною и удобоваримою. Это достигается популярнымъ изложеніемъ науки. Но и популярныя книги еще не исполняютъ всего, что нужно для распространенія понятія о наукѣ въ большинствѣ публики: онѣ предлагаютъ чтеніе легкое, но не заманчивое, а большинство читателей хочетъ, чтобы книга была сладкимъ дессертомъ. Это обольстительное чтеніе представляютъ ему романы, повѣсти и т. д... Какъ изъ разговора съ образованнымъ человѣкомъ малообразованный всегда вынесетъ какія-нибудь новыя свѣдѣнія, хотя бы разговоръ, повидимому, и не касался ничего серьезнаго, такъ и изъ чтенія романовъ, повѣстей, по крайней мѣрѣ историческихъ, даже стихотвореній, которыя пишутся людьми, во всякомъ случаѣ стоящими по образованности выше, нежели большинство ихъ читателей, масса публики, не читающая ничего, кромѣ этихъ романовъ и повѣстей, узнаетъ многое... Если популярныя книги перечеканиваютъ въ ходячую монету тяжелый слитокъ золота, выплавленный наукою, то поэзія пускаетъ въ ходъ мелкія серебряныя деньги, которыя обращаются и тамъ, куда рѣдко заходитъ золотая монета, и которыя все-таки имѣютъ свою неотъемлемую цѣнность. Поэзія, какъ распространительница знаній и образованности, имѣетъ чрезвычайно важное значеніе для жизни. «Забава» ею приноситъ пользу умственному развитію забавляющагося; потому, оставаясь забавою для массы читателей, поэзія получаетъ серьезное значеніе въ глазахъ мыслителей».

Въ приведенныхъ разсужденіяхъ Ч.

заключается зерно тѣхъ положеній, которыя обстоятельно развиты имъ въ его диссертаціи и затѣмъ явились главнымъ критическимъ мѣриломъ, съ которымъ онъ обращался къ оцѣнкѣ литературныхъ произведеній. Источникъ этихъ взглядовъ, которымъ суждено было играть такую видную роль въ послѣдующемъ развитіи русской литературной критики, можно видѣть частью въ публицистическомъ характерѣ европейской критики того времени, частью въ направленіи Бѣлинскаго въ послѣдній періодъ его дѣятельности, когда онъ говорилъ, что «пора перестать вспоминать о какомъ-то чистомъ и абстрактномъ искусствѣ, котораго нигдѣ и никогда не бывало». Это отрицаніе чистаго искусства можно замѣтить и у Вал. Н. Майкова и даже у критика, по основнымъ политическимъ и философскимъ возрѣніямъ противоположнаго Чернышевскому, у А. А. Григорьева.

Диссертація Ч.: «Эстетическія отношенія къ дѣйствительности» вышла въ 1855 г. По характеру изложенія и по самой темѣ сочиненіе представляло собою явленіе, далеко не обычное въ то время, и авторъ уже въ предисловіи долженъ былъ оправдываться противъ упрека въ излишней широтѣ предмета изслѣдованія. Ему казалось, что необходимо пересмотрѣть основные вопросы науки, такъ какъ «выработаны матеріалы для новаго воззрѣнія» на эти вопросы. Это новое воззрѣніе должно отличаться позитивнымъ направленіемъ. «Уваженіе къ дѣйствительной жизни,—говоритъ Ч.,—недовѣрчивость къ апріорическимъ, хотя бы и пріятнымъ для фантазіи, гипотезамъ—вотъ характеръ направленія, господствующаго нынѣ въ наукѣ. Автору кажется, что необходимо привести къ этому знаменателю и наши эстетическія убѣжденія, если еще стоитъ говорить объ эстетикѣ». Послѣдняя фраза въ высшей степени характерна для всего трактата Ч.: онъ, дѣйствительно, можетъ считаться отрицаніемъ господствовавшей трансцендентальной эстетики, «разрушеніемъ эстетики», какъ впослѣдствіи его назвалъ Писаревъ. Авторъ рѣшительно отвергаетъ теорію о превосходствѣ произведеній искусства надъ произведеніями природы, а также и абстрактное опредѣленіе прекраснаго, какъ «полнаго проявленія общей идеи въ индивидуальномъ явленіи», и, установивъ положеніе (уже ранѣе встрѣчающееся у Бѣлинскаго), что «прекрасное есть жизнь», формулируетъ свой взглядъ на задачи искусства слѣдующимъ образомъ: «Существенное значеніе искусства —воспроизведеніе того, чѣмъ человѣкъ интересуется въ дѣйствительности. Но интересуясь явленіями жизни, человѣкъ не можетъ, сознательно или безсознательно, не произносить о нихъ своего приговора; поэтъ или художникъ, не будучи въ состояніи перестать быть человѣкомъ вообще, не можетъ, если бы и хотѣлъ, отказаться отъ произнесенія своего приговора надъ изображаемыми явленіями; приговоръ этотъ выражается въ его произведеніи—вотъ новое значеніе произведеній искусства, по которому искусство становится въ число нравственныхъ дѣятельностей человѣка. Бываютъ люди, у которыхъ сужденіе о явленіяхъ жизни состоитъ почти только въ томъ, что они обнаруживаютъ расположеніе къ извѣстнымъ сторонамъ дѣйствительности и избѣгаютъ другихъ, —это люди, у которыхъ умственная дѣятельность слаба; когда подобный человѣкъ—поэтъ или художникъ, его произведенія не имѣютъ другого значенія, кромѣ воспроизведенія любимыхъ имъ сторонъ жизни. Но если человѣкъ, въ которомъ умственная дѣятельность сильно возбуждена вопросами, порождаемыми наблюденіемъ жизни, одаренъ художническимъ талантомъ, то въ его произведеніяхъ, сознательно или безсознательно, выразится стремленіе произнести живой приговоръ о явленіяхъ, интересующихъ его (и его современниковъ, потому что мыслящій человѣкъ не можетъ мыслить надъ ничтожными вопросами, никому, кромѣ его неинтересными), будутъ предложены или разрѣшены вопросы, возникающіе изъ жизни для мыслящаго человѣка; его произведенія будутъ, чтобы такъ выразиться, сочиненіями на темы, предлагаемыя жизнью. Это направленіе можетъ находить себѣ выраженіе во всѣхъ искусствахъ (напр., въ живописи можно указать на каррикатуры Гогарта); но преимущественно развивается оно въ поэзіи, которая представляетъ полнѣйшую возможность выразить опредѣленную мысль. Тогда художникъ становится мыслителемъ, и произведеніе искусства,

оставаясь въ области искусства, пріобрѣтаетъ значеніе научное. Само собою разумѣется, что въ этомъ отношеніи произведенія искусства не находятъ себѣ ничего соотвѣтствующаго въ дѣйствительности,—но только по формѣ: что касается до содержанія, до самыхъ вопросовъ, предлагающихся или разрѣшаемыхъ искусствомъ, они всѣ найдутся въ дѣйствительной жизни, только безъ преднамѣренности, безъ arrière-pensée».

Такимъ образомъ, по взгляду Ч., выраженному въ этой диссертаціи, искусство не простая популяризація науки, но относится къ дѣйствительности такъ же, какъ и наука, строящая для объясненія жизни рядъ формулъ: искусство при помощи своихъ спеціальныхъ средствъ также объясняетъ жизнь. «Все, что высказывается наукою и искусствомъ, найдется въ жизни, и найдется въ полнѣйшемъ, совершеннѣйшемъ видѣ, со всѣми живыми подробностями, въ которыхъ обыкновенно и лежитъ истинный смыслъ дѣла, которыя часто не понимаются искусствомъ и наукою, еще чаще не могутъ быть ими обняты; въ дѣйствительной жизни все вѣрно, нѣтъ недосмотровъ, нѣтъ односторонней узкости взгляда, которою страждетъ всякое человѣческое произведеніе,—какъ поученіе, какъ наука, жизнь полнѣе, правдивѣе, даже художественнѣе всѣхъ твореній ученыхъ и поэтовъ. Но жизнь не думаетъ объяснять намъ своихъ явленій, не заботится о выводѣ аксіомъ; въ произведеніяхъ науки и искусства это сдѣлано; правда, выводы неполны, мысли односторонни въ сравненіи съ тѣмъ, что представляетъ жизнь; но ихъ извлекли для насъ геніальные люди; безъ ихъ помощи наши выводы были бы еще одностороннѣе, еще бѣднѣе. Наука и искусство (поэзія)—Handbuch для начинающаго изучать жизнь; ихъ значеніе приготовить къ чтенію источниковъ и потомъ отъ времени до времени служить для справокъ. Наука не думаетъ скрывать этого; не думаютъ скрывать этого и поэты въ бѣглыхъ замѣчаніяхъ о сущности своихъ произведеній; одна эстетика продолжаетъ утверждать, что искусство выше жизни и дѣйствительности». Сблизивъ въ такой степени области искусства и науки, Чернышевскій вполнѣ естественно пришелъ къ установленію параллели между исторіей и искусствомъ, потому что «искусство относится къ жизни совершенно такъ же, какъ исторія; различіе по содержанію только въ томъ, что исторія говоритъ о жизни человѣчества, искусство—о жизни человѣка, исторія—о жизни общественной, искусство—о жизни индивидуальной. Первая задача исторіи воспроизвести жизнь; вторая, исполняемая не всѣми историками,—объяснить ее; не заботясь о второй задачѣ, историкъ остается простымъ лѣтописцемъ, и его произведеніе только матеріалъ для настоящаго историка или чтеніе для удовлетворенія любопытства; думая о второй задачѣ, историкъ становится мыслителемъ, и его твореніе пріобрѣтаетъ черезъ это научное достоинство. Совершенно то же самое надо сказать объ искусствѣ».

Сдавъ магистерскій экзаменъ и защитивъ свою диссертацію, Чернышевскій однако не былъ удостоенъ искомой ученой степени, такъ какъ министръ народнаго просвѣщенія А. С. Норовъ отказалъ утвердить представленіе о немъ университетскаго совѣта. Оставивъ вслѣдствіе этого мечту о профессурѣ, Чернышевскій всецѣло отдается журналистикѣ, сотрудничая исключительно въ «Современникѣ». До средины 1857 г. онъ ведетъ въ этомъ журналѣ отдѣлъ критики и библіографіи, сравнительно мало касаясь вопросовъ политическихъ и экономическихъ. Этимъ вопросамъ посвящены лишь нѣкоторые разборы книгъ по статистикѣ («Стат. опис. Кіевской губерніи» Фундуклея, «Совр.» 1856 г., №№ 7 и 8) и по финансамъ («О золотѣ и серебрѣ» Тарасенко-Отрѣшкова, «Совр.» 1856 г., № 7, «Рѣчь Бакста о народномъ капиталѣ», ibid., № 8 и др., а также «Хроника современныхъ военныхъ событій» («Совр.» 1856 г., №№ 1, 2, 5) и «Заграничныя извѣстія» (ibid., №№ 7 и 8). Указанныя статьи, можетъ быть, по цензурнымъ условіямъ отличаются гораздо болѣе умѣреннымъ, спокойнымъ тономъ, чѣмъ болѣе позднія публицистическія произведенія Чернышевскаго или его критическія статьи по литературѣ этого времени. Въ послѣднихъ статьяхъ проглядываетъ уже стремленіе оцѣнивать произведенія словесности съ общественной точки зрѣнія и проявляется рѣзкость и рѣшительность сужденій, несмотря на то, что оцѣниваемыя произве-

денія принадлежали иногда перу весьма выдающихся писателей. Эту рѣзкость тона Чернышевскій считалъ выраженіемъ «искренности въ критикѣ» и заявлялъ, что «во многихъ случаяхъ это единственный тонъ, приличный критикѣ, понимающей важность предмета и не холодно смотрящей на литературные вопросы». Согласно съ своей общей эстетической теоріей онъ требовалъ отъ литературы, если не содержанія, то «мысли, т.-е. самаго стремленія къ содержанію, вѣянія въ книгѣ того субъективнаго начала, изъ котораго возникаетъ содержаніе».

Изъ литературно-критическихъ статей Чернышевскаго иныя не утратили своего значенія и въ наше время, обнаруживая въ авторѣ иногда замѣчательную тонкость художественнаго пониманія. Такова, напр., статья о первыхъ произведеніяхъ графа Л. Н. Толстого («Совр.» 1856 г., № 12). Говоря о раздававшихся со всѣхъ сторонъ похвалахъ чрезвычайной наблюдательности и тонкому психологическому анализу гр. Толстого, критикъ замѣчалъ, что эти похвалы отличаются неопредѣленностью, представляютъ собою общія мѣста, приложимыя ко всякому крупному писателю; а потому онъ считалъ необходимымъ выяснить, какія «особенныя черты» принадлежатъ гр. Толстому. Такою особенною чертою критикъ признаетъ прежде всего характеръ психологическаго анализа гр. Толстого. «Вниманіе графа Толстого,—говоритъ онъ,—болѣе всего обращено на то, какъ одни чувства и мысли развиваются изъ другихъ; ему интересно наблюдать, какъ чувство, непосредственно возникающее изъ даннаго положенія или впечатлѣнія, подчиняясь вліянію воспоминаній и силѣ сочетаній, представляемыхъ воображеніемъ, переходитъ въ другія чувства, снова возвращается къ прежней исходной точкѣ и опять и опять странствуетъ, измѣняясь, по всей цѣпи воспоминаній; какъ мысль, рожденная первымъ ощущеніемъ, ведетъ къ другимъ мыслямъ, увлекается дальше и дальше, сливаетъ грезы съ дѣйствительными ощущеніями, мечты о будущемъ съ рефлексіею о настоящемъ. Графа Толстого всего болѣе занимаетъ самъ психическій процессъ, его формы, его законы, діалектика души, чтобы выразиться опредѣлительнымъ терминомъ». Другой особенностью, великимъ достоинствомъ произведеній гр. Толстого Чернышевскій признаетъ «чистоту нравственнаго чувства», которое никогда не колебалось, сохранилось во всей юношеской непосредственности и свѣжести». Въ этомъ отзывѣ о первыхъ произведеніяхъ гр. Толстого въ сущности указаны тѣ главныя особенности, которыя отмѣчались и послѣдующею нашею критикою въ талантѣ гр. Толстого: и «правдивость», о которой говорилъ Н. Н. Страховъ, и «художественная память», охарактеризованная С. А. Андреевскимъ. Не лишены также важныхъ достоинствъ и статьи Чернышевскаго о сочиненіяхъ Пушкина («Совр.» 1855 г., №№ 2, 3, 7 и 8), въ которыхъ онъ развиваетъ обстоятельно нѣкоторыя мысли, высказанныя Бѣлинскимъ.

Для характеристики литературно-критическихъ взглядовъ Чернышевскаго важны и его статьи о Лессингѣ, но наиболѣе цѣннымъ изъ его критическихъ трудовъ нужно признать обширное изслѣдованіе «Очерки гоголевскаго періода русской литературы» («Совр.» 1855 г., № 12 и 1856 г., №№ 1, 2, 4, 7, 9, 10, 11, 12). Эта работа появилась по поводу выхода въ свѣтъ новаго изданія сочиненій Гоголя и второго тома «Мертвыхъ Душъ»; но хотя уже въ самомъ началѣ Чернышевскій говорилъ, что «давно уже не было въ мірѣ писателя, который былъ бы такъ важенъ для своего народа, какъ Гоголь для Россіи»,—предметомъ «Очерковъ» послужили не самыя произведенія Гоголя, но отношеніе къ нему критики. Поставивъ себѣ эту сравнительно ограниченную задачу, Чернышевскій почти съ самаго начала вышелъ изъ ея рамокъ и далъ обзоръ развитія нашей критики (въ ея принципіальныхъ взглядахъ) съ конца 20-хъ годовъ XIX-го в. до смерти Бѣлинскаго. Здѣсь разсмотрѣна критическая дѣятельность Н. А. Полевого, Сенковскаго, И. В. Кирѣевскаго, Шевырева, Плетнева, кн. П. А. Вяземскаго, Надеждина и въ особенности Бѣлинскаго. Въ этой книгѣ впервые охарактеризовано было умственное движеніе тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ и, при богатствѣ фактическаго матеріала, Чернышевскій по нѣкотормыъ вопросамъ пришелъ къ вполнѣ прочнымъ выводамъ, справедливость которыхъ подтверждалась детальной разработкой позд-

нѣйшихъ изслѣдователей, въ особенности трудами академика А. Н. Пыпина. Недостаткомъ изслѣдованія можно считать тотъ полемическій тонъ, который особенно замѣчается въ главѣ о Шевыревѣ; можетъ быть, именно вслѣдствіе этой полемики Шевыреву удѣлено слишкомъ много мѣста. Крупнымъ достоинствомъ книги является анализъ критической дѣятельности Полевого и Надеждина и выясненіе отношеній послѣдняго изъ этихъ критиковъ къ Бѣлинскому. Въ этомъ отношеніи къ Чернышевскому примыкаютъ, несмотря на отрицательные выводы С. А. Венгерова, академики И. Н. Ждановъ и А. Н. Пыпинъ. Наконецъ, самый обзоръ дѣятельности Бѣлинскаго настолько полонъ и справедливъ, что всѣ позднѣйшіе труды о Бѣлинскомъ принимаютъ схему, установленную Чернышевскимъ. Отмѣтивъ полемическій элементъ, слѣдуетъ указать и на замѣчательное проявленіе объективности по отношенію къ славянофиламъ, о которыхъ Чернышевскій высказалъ такое мнѣніе: «для развитія той части русской публики, которая ими увлекается, эти убѣжденія (т.-е. славянофильскія) болѣе полезны, нежели вредны, служа переходною ступенью отъ умственной дремоты, отъ индифферентизма или даже вражды противъ просвѣщенія къ совершенно современному взгляду на вещи, къ совершенному разрыву съ нашей старинной бездѣйственностью и холодностью въ дѣлѣ общемъ. Потому-то люди, которыхъ въ насмѣшку называли «западниками», и славянофилы, несмотря на жаркіе споры между собою, были сподвижники въ одномъ общемъ стремленіи, которое тѣмъ и другимъ было въ сущности дороже всего остального, что ихъ раздѣляло». Этимъ общимъ дѣломъ было, по указанію Чернышевскаго, стремленіе къ просвѣщенію.

Но, говоря о научной сторонѣ «Очерковъ», нельзя не упомянуть и объ ихъ публицистической тенденціи, особенно выразившейся въ послѣднихъ главахъ, посвященныхъ Бѣлинскому. Авторъ, какъ и слѣдовало ожидать, является поклонникомъ того направленія, которое усвоилъ себѣ Бѣлинскій въ послѣдніе годы жизни, и во взглядѣ на искусство мы видимъ тотъ же утилитаризмъ, что и въ «Эстетическихъ отношеніяхъ». «Поэзія,—говоритъ Чернышевскій,—есть жизнь, дѣйствіе, страсть; эпикуреизмъ въ наше время возможенъ только для людей бездѣйственныхъ, чуждыхъ исторической жизни,—потому въ эпикуреизмѣ нашего времени очень мало поэзіи. И если справедливо, что живая связь съ разумными требованіями эпохи даетъ энергію и успѣхъ всякой дѣятельности человѣка, то эпикуреизмъ нашего времени не можетъ создать въ поэзіи ровно ничего сколько-нибудь замѣчательнаго. Дѣйствительно, всѣ произведенія, написанныя нашими современниками въ этой тенденціи, совершенно ничтожны въ художественномъ отношеніи: они холодны, натянуты, безцвѣтны и реторичны. Литература не можетъ быть служительницей того или другого направленія идей: это назначеніе, лежащее въ ея натурѣ,—назначеніе, отъ котораго она не въ силахъ отказаться. Послѣдователи теоріи чистаго искусства, выдаваемаго намъ за нѣчто долженствующее быть чуждымъ житейскихъ дѣлъ, обманываются или притворяются: слова «искусство должно быть независимо всегда отъ жизни» всегда служили только прикрытіемъ для борьбы противъ не нравившихся этимъ людямъ направленій литературы, съ цѣлью сдѣлать ее служительницею другого направленія, которое болѣе приходилось этимъ людямъ по вкусу».

Сообразно съ такимъ взглядомъ на литературу, и критика Чернышевскаго все болѣе и болѣе проникается элементами публицистическими; разборъ литературнаго произведенія есть для критики поводъ къ разсужденіямъ объ общественныхъ вопросахъ, и критикъ заявляетъ, что литературная сторона дѣла его мало занимаетъ. Онъ говоритъ: «Богъ съ ними, съ эротическими вопросами, — не до нихъ читателю нашего времени, занятому вопросами объ административныхъ и судебныхъ улучшеніяхъ, о финансовыхъ преобразованіяхъ, объ освобожденіи крестьянъ» (Атеней, 1858 г. № 17). Вполнѣ естественно, что при такомъ взглядѣ на критику, Чернышевскій при первой же возможности отъ нея отказывается и цѣликомъ отдается публицистикѣ. Въ 1858 г. онъ поручаетъ критическій отдѣлъ «Современника» Добролюбову, а самъ съ этого времени исключительно пишетъ по вопросамъ экономическимъ и политическимъ. На первомъ планѣ долженъ, конечно,

стоять крестьянскій вопросъ, который въ то время былъ выдвинутъ правительствомъ и занималъ вниманіе всего общества. Въ рядѣ статей («О поземельной собственности» Совр. 1857, №№ 9 и 11, «О новыхъ условіяхъ сельскаго быта, 1858 г. №№ 2 и 4», Устройство быта помѣщичьихъ крестьянъ, 1859, № 1, 2, 7, 10 и др.) Чернышевскій настаиваетъ на увеличеніи надѣла, крайнемъ уменьшеніи выкупа, стоитъ за сохраненіе сельской общины, которая представляется ему одной изъ формъ будущаго общественнаго устройства на началахъ соціалистическихъ. Защищая общинное владѣніе землей противъ нападокъ авторитетнаго въ то время «Экономическаго Указателя», Чернышевскій «весьма оригинально пользуется діалектическимъ гегеліанскимъ методомъ доказательства. «Общій ходъ планетарнаго развитія —говоритъ онъ,— прогрессивная лѣстница классовъ животнаго царства вообще, высшіе классы животныхъ въ особенности, физическая жизнь человѣка, его языкъ, обращеніе съ другими людьми, его одежда, манера держать себя, всѣ его общественныя учрежденія, — администрація, войско и война, судопроизводство, заграничная торговля, торговое движеніе вобще, понятіе о справедливости,—каждый изъ этихъ фактовъ подлежитъ слѣдующей нормѣ: повсюду высшая ступень развитія представляется по формѣ возвращеніемъ къ первобытной формѣ, которая замѣнилась противоположною на средней ступени развитія; повсюду очень сильное развитіе содержанія ведетъ къ возстановленію той формы, которая была отвергаема развитіемъ содержанія не очень сильнымъ». Признавая этотъ абсолютный законъ развитія, Чернышевскій въ томъ фактѣ, что общинное владѣніе есть первобытный институтъ, видитъ прочное основаніе для защиты его жизненности: отъ поземельной частной собственности, которая представляется, по отношенію къ общинному владѣнію, вторымъ моментомъ развитія, противоположнымъ первому, отъ этого второго момента логически неизбѣженъ переходъ къ третьему моменту, т.-е. возвратъ къ общинному владѣнію измѣненному. Защищая общину противъ экономистовъ школы «laissez faire, laissez passer», Чернышевскій снова сближается съ славянофилами, которые такъ хорошо поняли значеніе этого учрежденія, такъ хорошо сохранившагося въ русскомъ народномъ быту. «Важность, говоритъ Чернышевскій, распространенія здравыхъ понятій о вопросѣ, касательно необходимости для національнаго благосостоянія сохранить господствующее у насъ пользованіе землею чрезвычайно велика. Но примѣръ западнаго населенія, бѣдствующаго отъ утраты этого принципа, не имѣетъ надъ большинствомъ нашихъ экономистовъ такой силы, какъ лишенныя всякихъ дѣльныхъ основаній изреченія тѣхъ политико-экономическихъ авторитетовъ, которыхъ они привыкли держаться. Славянофилы въ этомъ случаѣ не таковы. Они знаютъ смыслъ урока, представляемаго намъ участью англійскихъ и французскихъ земледѣльцевъ, и хотятъ, чтобы мы воспользовались этимъ урокомъ. Они считаютъ общинное пользованіе землями, существующее нынѣ, важнѣйшимъ залогомъ, необходимѣйшимъ условіемъ благоденствія земледѣльческаго класса. Въ этомъ случаѣ они высоко стоятъ надъ многими изъ такъ называемыхъ западниковъ, которые почерпаютъ свои убѣжденія въ устарѣлыхъ системахъ, принадлежащихъ по духу своему минувшему періоду одностороннято увлеченія частными правами отдѣльной личности, и которые необдуманно готовы возставать противъ нашего драгоцѣннаго обычая, какъ несовмѣстнаго съ требованіями этихъ системъ, несостоятельность которыхъ уже обнаружена наукою и опытомъ западно-европейскихъ народовъ».

Крайній демократизмъ пропагандируется Чернышевскимъ всякими пріемами: то онъ предлагаетъ читателямъ «Современника» очерки изъ новѣйшей исторіи Франціи (Кавеньякъ, 1858 г. №№ 1 и 3, Борьба партій во Франціи, 1858 г. № 8 и 9, Іюльская монархія, 1860 г. № 1 и 2), въ которыхъ старается показать несостоятельность либеральной партіи и усиленно подчеркиваетъ свое сочувствіе тѣмъ, кто стоялъ за интересы работниковъ, демократамъ-радикаламъ и соціалистамъ; то даетъ онъ переводъ или пересказъ политической экономіи Милля, съ обширными своими примѣчаніями, въ которыхъ подвергаетъ жестокой критикѣ господство-

*

вавшую буржуазную систему политической экономіи (Совр. 1860 г. №№ 2, 3, 4, 5, 7, 8, 11, 1861 г., №№ 6—12). Эти «примѣчанія» Чернышевскаго могутъ считаться однимъ изъ обстоятельнѣйшихъ очерковъ соціалистической теоріи, почему и заслужили весьма одобрительный отзывъ Карла Маркса.

Всѣ эти, на первый взглядъ, отвлеченныя темы въ изложеніи Чернышевскаго постоянно получали примѣненіе къ русской жизни. Ее-то прежде всего и стремился онъ перестроить на новыхъ началахъ. Все прежнее религіозное и философское міросозерцаніе представлялось Чернышевскому устарѣлымъ, не соотвѣтствующимъ ни современнымъ научнымъ взглядамъ, ни современнымъ общественнымъ потребностямъ. На смѣну этому міросозерцанію Чернышевскій выдвигалъ теорію матеріалистическаго утилитаризма. Съ наибольшею рѣшительностью онъ изложилъ эту теорію въ статьѣ «Антропологическій принципъ въ философіи» (Совр. 1860 г., №№ 4 и 5). Основаніемъ новаго міросозерцанія, всей теоріи нравственности служатъ для Чернышевскаго естественныя науки. Психологія есть только отрасль физіологіи, такъ какъ никакой двойственности въ натурѣ человѣка нельзя замѣтить. Различіе между человѣкомъ и животными только количественное, и всѣ тѣ высокія чувства, которыми совсѣмъ неправильно гордится человѣкъ, имѣютъ въ основѣ своей эгоизмъ: человѣкъ дѣлаетъ то, что ему пріятно и полезно. На этомъ разумномъ эгоизмѣ должна строиться вся общественная нравственность. Добро есть, какъ будто очень полезная польза. Эта статья вызвала критику проф. Кіевской духовной Академіи, Юркевича, который очень обстоятельно доказалъ несообразность утилитаризма; но Чернышевскій не обратилъ вниманія на вѣскіе философскіе доводы Юркевича, объявилъ ихъ схоластикой и отвѣтилъ одними насмѣшками (Совр. 1851 г. № 6). Какъ ни были слабы философскія основанія утилитаризма, авторитетъ Чернышевскаго настолько былъ великъ въ глазахъ молодежи того времени, что его теорія получила чрезвычайную популярность. Радикализмъ воззрѣній Чернышевскаго встрѣчалъ рѣдкое сочувствіе въ молодежи, настроенной революціонно, и этимъ же радикализмомъ объясняется успѣхъ романа «Что дѣлать?», написаннаго Чернышевскимъ уже послѣ ареста (Совр. 1863 г. № 4, 5, 6).

Арестованъ былъ Чернышевскій 7 іюля 1862 г. по обвиненію въ государственномъ преступленіи, въ участіи въ противоправительственной пропагандѣ, въ составленіи возмутительныхъ воззваній къ народу. По приговору Правительствующаго Сената 13-го іюня 1864 г., Чернышевскій былъ сосланъ въ Нерчинскіе заводы на 7 лѣтъ каторжной работы. Въ 1871 г., по отбытіи срока каторги, онъ былъ поселенъ въ г. Вилюйскѣ. Въ 1875 г. была попытка освободить Чернышевскаго изъ ссылки: 12-го іюля явился къ вилюйскому исправнику нѣкто Ипполитъ Мышкинъ, въ мундирѣ жандармскаго офицера, назвавшійся Мещериновымъ, съ подложнымъ предписаніемъ сдать ему Чернышевскаго для перевода въ Благовѣщенскъ; однако, обманъ былъ обнаруженъ. Ссылка въ Сибирь окончилась для Чернышевскаго въ 1883 г., когда ему разрѣшено поселиться въ Астрахани. За время ссылки, конечно, литературная дѣятельность Чернышевскаго должна была прекратиться, но отъ одного изъ товарищей Чернышевскаго по каторгѣ имѣются свѣдѣнія о его беллетристическихъ опытахъ за это время. Вообще беллетристика для Чернышевскаго была лишь средствомъ проведенія извѣстныхъ идей. Такимъ образомъ онъ пользовался беллетристической формой и до ссылки, когда написанъ былъ романъ «Что дѣлать?», а также и въ ссылкѣ. Романъ «Что дѣлать?» является популяризаціей утилитарной нравственности, такъ какъ его герои постоянно говорятъ, что ихъ дѣйствіями руководитъ эгоизмъ; а кромѣ того въ этомъ романѣ развивается теорія свободной любви и эмансипаціи женщины, а въ «снахъ» Вѣры Павловны рисуется то счастье, которое предстоитъ человѣчеству при осуществленіи соціалистическихъ идеаловъ; провести же эти идеалы въ жизнь возможно только такимъ сильнымъ практическимъ дѣятелямъ, какъ Рахметовъ; однако, люди, подобные Рахметову, настоящему герою, явятся не сразу, они представляютъ собою, такъ сказать, идеалъ революціонныхъ дѣятелей, а подготовкой къ этому идеалу служатъ «новые люди», каковыми надо считать Лопухова, Кирсанова и др.

На каторгѣ, въ 1865 г. въ Кадаѣ начата Чернышевскимъ трилогія романовъ, въ которыхъ онъ изображалъ общественное движеніе, сопутствовавшее крестьянской реформѣ; въ 1868 г. эти романы («Прологъ къ прологу», «Дневникъ Левицкаго» и «Прологъ») были окончены. Въ этихъ романахъ Чернышевскій выводитъ самого себя, свою жену и Добролюбова, а также многихъ дѣятелей редакціонныхъ коммиссій. Предполагалъ Чернышевскій дать продолженіе этихъ романовъ, изобразить событія 1862—3 гг., но планъ не былъ осуществленъ: были лишь написаны отдѣльные эпизоды («Разсказы изъ Бѣлаго зала»), въ которыхъ дѣйствіе переносилось за границу. По тѣмъ же свѣдѣніямъ извѣстно о нѣкоторыхъ комедіяхъ («Другимъ нельзя») и разсказахъ Чернышевскаго, сочиненныхъ также на каторгѣ. Во время ссылки Чернышевскаго въ цюрихскомъ журналѣ «Впередъ» въ 1874 г. были напечатаны «Письма безъ адреса», написанныя Чернышевскимъ еще въ 1862 г., но по цензурнымъ условіямъ не могшія появиться въ Россіи. Въ этихъ «Письмахъ» Чернышевскій рѣзко критикуетъ крестьянскую реформу, доказывая, что она повела къ несправедливому обремененію крестьянъ платежами въ пользу помѣщиковъ, что недостатки реформы произошли отъ бюрократическихъ пріемовъ ея подготовки и т. д.

По возвращеніи изъ ссылки, Чернышевскій получаетъ снова возможность заняться литературнымъ трудомъ. Живя сперва въ Астрахани, а въ 1889 г. въ Саратовѣ, онъ принимается за огромный трудъ перевода «Всеобщей исторіи» Георга Вебера. Онъ успѣлъ перевести 11 томовъ и значительную часть XII-го. Къ нѣкоторымъ изъ переведенныхъ имъ томовъ Чернышевскій прилагалъ статьи философско-историческаго характера (т. I—«Очеркъ научныхъ понятій о возникновеніи обстановки человѣческой жизни и о ходѣ развитія человѣчества въ доисторическія времена; т. VI—О правописаніи мусульманскихъ и въ частности арабскихъ собственныхъ именъ; т. VII—о расахъ; т. VIII—О классификаціи людей по языку; т. IX—О различіяхъ между народами по національному характеру; т. X—Общій характеръ элементовъ, производящихъ прогрессъ; т. XI—Астрономическій законъ распредѣленія солнечной теплоты). И переводъ и приложенія являлись въ свѣтъ съ псевдонимомъ *Андреевъ*. Съ этимъ же псевдонимомъ Чернышевскій напечаталъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» статью «Характеръ человѣческаго знанія», а въ «Русской Мысли» стихотвореніе «Гимнъ дѣвѣ неба» (1885 г., № 7) Въ томъ же журналѣ, съ подписью *Старый трансформистъ* была напечатана статья «Происхожденіе теоріи благотворности борьбы за жизнь» 1888 г., № 9). Передъ смертью Чернышевскій началъ изданіе «матеріаловъ для біографіи Н. А. Добролюбова (Рус. Мысль 1889, № 1 и 2 съ псевдонимомъ *Андреевъ*, а въ 1890 г. изд. Солдатенковымъ въ одномъ томѣ). Умеръ Чернышевскій 17-го октября 1889 г. въ Саратовѣ, гдѣ и похороненъ на Воскресенскомъ кладбищѣ.

Пособія: Сочиненія Н. Г. Чернышевскаго, изд. Елпидина, въ 13 томахъ. Веве. 1868. Современникъ 1854—63 гг. Изд. М. Н. Чернышевскаго. Эстетика и поэзія, Спб. 1893. Очерки гоголевскаго періода русской литературы. Спб. 1892; Критическія статьи, Спб. 1893. Замѣтки о современной литературѣ, Спб. 1894. Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова. М. 1890 Рус. Старина. 1889. №№ 11, 12; 1890 г. №№ 5 статья А. В. Смирнова, № 9, ст. Ф. В. Духовникова. Рус. Архивъ 1890. № 4. ст. И. У. Палимсестова. Ист. Вѣстникъ 1889 г. № 11 ст. А. Н. Фаресова; И. И. Ивановъ. Исторія русской критики, т. II, Спб. 1900, А. Л. Волынскій. Русскіе критики, Спб 1896, Русская мысль, 1890 г. № 6 (автобіографія Костомарова). Научное обозрѣніе, 1899 г., № 4. Русское Богатство, 1900 г., № 10. В. Добролюбовъ. Ложь г.г. Николая Энгельгардта и Розанова о Н. А. Добролюбовѣ, Н. Г. Чернышевскомъ и духовенствѣ, Спб. 1902. Невѣдѣнскій. Катковъ и его время. Спб. 1889. Судъ надъ Чернышевскимъ. Берл. 1875. Страховъ. Изъ исторіи литературнаго нигилизма. Спб. 1890. Головинъ. Русскій романъ и русское общество, Спб. 1897. Матеріалы для біографіи Ѳ. М. Достоевскаго. Спб. 1883. Цытовичъ. Что дѣлали въ романѣ «Что дѣлать?» Одесса 1879 K. Marx. Das Kapital, 2-te Aufl. Vorwort, Добрывъ. Біографіи русскихъ писателей Спб. 1900 г. Игнатовъ. Галлерея русскихъ писателей. М. 1901 Plechanow Nik. Gawr. Tschernyschewsky. Stuttgart. 1894. А. Тунъ. Исторія революціоннаго движенія въ Россіи, 1903.

А. Бороздинъ.

Чернышевъ, *Александръ Ивановичъ*, свѣтлѣйшій князь, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-кавалеріи, военный министръ, предсѣдатель Государственнаго Совѣта, происходилъ изъ дворянъ и родился 30-го декабря 1785 г. Онъ былъ сыномъ генералъ-поручика и сенатора

Ивана Львовича Ч. и приходился роднымъ племянникомъ извѣстному любимцу императрицы Екатерины II, флигель-адъютанту Александру Дмитріевичу Ланскому. Рано лишившись отца, Александръ Ивановичъ остался на попеченіи матери, причемъ, по обычаю того времени, еще съ колыбели былъ записанъ въ военную службу и числился вахмистромъ въ лейбъ-гвардіи конномъ полку, живя, однако въ Москвѣ съ матерью и не нося даже военной формы. Воспитателемъ его былъ извѣстный въ то время аббатъ Перренъ. Важнымъ событіемъ въ жизни Чернышева была коронація императора Александра I-го (1801 г.), когда впервые, на балу у князя А. Б. Куракина, государь узналъ и отличилъ молодого Чернышева. Ему было предложено званіе камеръ-юнкера, отъ котораго онъ однако отказался, предпочитая посвятить себя военной службѣ, вслѣдствіе чего 13-го октября 1801 г. былъ пожалованъ въ камеръ-пажи и поэтому принужденъ былъ покинуть Москву и переселиться въ Петербургъ. 20-го сентября 1802 г., изъ камеръ-пажей Чернышевъ былъ произведенъ въ корнеты кавалергардскаго полка и усердно отдался военной службѣ. Назначенный въ 1804 г. (іюня 20-го) адъютантомъ къ шефу кавалергардскаго полка генералъ-лейтенанту Ѳ. П. Уварову, онъ въ томъ же году сентября 29-го былъ произведенъ въ поручики. Въ слѣдующемъ 1805 г. Чернышевъ принялъ участіе въ походѣ противъ Наполеона, причемъ, оставаясь въ званіи адъютанта генерала Уварова, въ первый разъ попалъ 16-го ноября въ огонь въ авангардномъ дѣлѣ подъ Вишау. Начиная съ этого дня Чернышевъ участвовалъ въ цѣломъ рядѣ сраженій и стычекъ, находясь всегда въ авангардѣ арміи. 20-го ноября въ неудачномъ для насъ сраженіи подъ Аустерлицемъ Чернышевъ въ началѣ сраженія находился въ трехъ кавалерійскихъ атакахъ, изъ которыхъ послѣдняя была неудачна, и съ донесеніемъ о нихъ онъ былъ отправленъ генераломъ Уваровымъ къ государю, который оставилъ его при себѣ, отправляя съ разными порученіями и отдавая черезъ него приказанія дѣйствующимъ войскамъ; съ наступленіемъ же темноты, при безпорядочномъ отступленіи арміи Чернышевъ очень удачно и быстро исполнилъ приказаніе императора отыскать Кутузова. За Аустерлицкое сраженіе Чернышевъ былъ награжденъ (29-го января 1806 г.) орденомъ Владиміра 4-й степени съ бантомъ, что получали тогда только полковники, и кромѣ того такъ понравился государю, что по возвращеніи въ Петербургъ былъ представленъ обѣимъ императрицамъ. Въ этомъ же году, ноября 1-го, онъ былъ произведенъ въ штабъ-ротмистры, исполняя по прежнему обязанности адъютанта при генералъ-лейтенантѣ Уваровѣ. Отправившись въ 1807 г. во второй походъ противъ Наполеона, Чернышевъ участвовалъ въ предѣлахъ Пруссіи въ сраженіяхъ 19-го февраля при селеніи Линау противъ корпуса фельдмаршала Нея, 24-го мая при селеніи Шарникъ и 25-го при Акендорфѣ и Депенѣ, причемъ за два послѣднія сраженія онъ получилъ золотую шпагу съ надписью «за храбрость». Далѣе, за отличіе въ сраженіяхъ 26-го мая при Вольфсдорфѣ, 29-го при Гейльсбергѣ и, главнымъ образомъ, 2-го іюня при Фридландѣ, гдѣ онъ, при безпорядочномъ и гибельномъ отступленіи нашихъ войскъ по горѣвшимъ мостамъ на рѣкѣ Алле, нашелъ бродъ и тѣмъ далъ возможность переправиться и спастись значительной части арміи, получилъ 20-го мая 1808 года орденъ Георгія 4-й степени. Вскорѣ послѣ этого было заключено перемиріе, а 13-го іюня состоялось свиданіе двухъ императоровъ, послѣдствіемъ чего было подписаніе 25-го іюня Тильзитскаго мира. Здѣсь впервые Чернышевъ увидалъ Наполеона и съ этого времени ему приходилось очень часто сталкиваться съ нимъ вплоть до самаго 12-го года. Зиму Чернышевъ провелъ въ Петербургѣ, хотя ему представлялся случай отправиться въ Парижъ по одному дипломатическому порученію, что однако, не состоялось, и только въ концѣ января 1808 г. онъ отправился туда съ письмомъ императора Александра къ Наполеону; письмо это русскій посолъ въ Парижѣ графъ Толстой лично передалъ Наполеону, а черезъ недѣлю Чернышевъ получилъ аудіенцію у императора, которому представилъ его тотъ же графъ Толстой. Наполеонъ долго разговаривалъ съ нимъ, причемъ Чернышевъ очень ему

понравился непринужденностью и смѣлостью своихъ сужденій о сраженіяхъ при Аустерлицѣ и Фридландѣ. Вернувшись 4-го марта въ Петербургъ, Чернышевъ не долго, однако, здѣсь оставался, такъ какъ 25-го марта вторично былъ отправленъ императоромъ Александромъ въ Парижъ, чтобы лично вручить Наполеону письмо государя о занятіи Финляндіи. Прибывъ туда, Чернышевъ не засталъ Наполеона, который находился въ Байоннѣ по случаю волненій въ Испаніи. Исполняя данное ему порученіе, онъ отправился далѣе и въ замкѣ Маракѣ около Байонна онъ представился императору, который его очень милостиво принялъ и передалъ ему свои отвѣтныя письма императору Александру. На обратномъ пути въ Россію, Чернышеву удалось собрать много секретныхъ свѣдѣній о численности французскихъ войскъ, находящихся въ Испаніи, о подкрѣпленіяхъ, которыя къ нимъ посылались, о страшномъ возбужденіи умовъ въ Испаніи противъ французовъ и ихъ императора, и много другихъ, менѣе важныхъ данныхъ и со всѣмъ этимъ запасомъ самыхъ секретнѣйшихъ дѣлъ онъ предсталъ 11-го мая предъ государемъ въ Петербургѣ и подробно изложилъ ему результаты своей поѣздки, чѣмъ доставилъ Александру I большое удовольствіе, получивъ разрѣшеніе считать себя флигель-адъютантомъ, но однако, пока не разглашать объ этомъ обстоятельствѣ впредь до изданія указа о пожалованіи въ это званіе—чего ему пришлось дожидаться довольно долго, такъ какъ враги и завистники съумѣли повредить ему въ мнѣніи императора, который на время охладѣлъ къ нему.

Между тѣмъ Австрія снова вооружилась противъ Франціи, приглашая Пруссію также выступить противъ общаго врага; Россія же по условіямъ Эрфуртской конвенціи 1808 г. должна была обратить свое оружіе противъ Австріи, что, помимо всѣхъ другихъ условій, было крайне для нея обременительно, такъ какъ она вела въ это время войну съ Турціей, Персіей, Швеціей и Англіей; вотъ въ это то время Императоръ Александръ снова пригласилъ къ себѣ Чернышева, давъ ему приказаніе отвезти письмо Наполеону и затѣмъ остаться при его штабѣ; а такъ какъ не было извѣстно мѣстопребываніе французскаго Монарха, то въ апрѣлѣ мѣсяцѣ выѣхавшему изъ Петербурга Чернышеву пришлось кружнымъ путемъ черезъ Франкфуртъ на Майнѣ искать Императора, съ которымъ онъ наконецъ встрѣтился въ Сентъ-Пельтонѣ и былъ очень радушно принятъ Наполеономъ. Ему было приказано находиться при Императорѣ, при чемъ даже помѣщеніе отводилось ему вблизи покоевъ Наполеона. Въ бюллетенѣ по арміи было объявлено о прибытіи Чернышева — при чемъ онъ былъ названъ полковникомъ, графомъ и адъютантомъ Русскаго Императора; Ч. конечно протестовалъ противъ этого, такъ какъ не носилъ этихъ званій, но Наполеонъ приказалъ ему не обращать на это вниманія. Сопровождая Императора въ походѣ, онъ былъ свидѣтелемъ бомбардировки и покорной сдачи Вѣны, Асперискаго и Ваграмскаго сраженій, изъ коихъ въ первомъ Наполеонъ потерпѣлъ неудачу въ столкновеніи съ арміей Эрцъ-Герцога Карла и принужденъ былъ отступить, послѣ чего на другой день, отправляя въ Петербургъ курьера, предложилъ Чернышеву написать письмо Императору Александру и сообщить о происшедшемъ сраженіи; это щекотливое порученіе Ч. исполнилъ очень удачно и зная, что письмо его будетъ прочтено Наполеономъ, съ чисто дипломатическою ловкостью извѣстилъ однако своего Государя о пораженіи французской арміи. Александръ I оцѣнилъ дипломатическія способности молодаго офицера и сталъ питать къ нему еще большее довѣріе; Наполеонъ же на другой день пригласилъ Чернышева къ завтраку и своей любезностью показалъ ему, что письмо его прочтено и очень понравилось. Вскорѣ послѣ этого Ч. исполнилъ порученіе Наполеона: съѣздить въ Вѣну и разузнать тамъ о настроеніи общественнаго мнѣнія. Ваграмскимъ пораженіемъ 24-го іюня закончилась эта кампанія и начались мирные переговоры. 25-го Іюня, то есть на другой день послѣ побѣды, Наполеонъ наградилъ Чернышева, ни на шагъ не отлучавшагося отъ него во все время боя, Крестомъ Почетнаго Легіона, при чемъ, получивъ извѣстіе изъ Петербурга отъ своего посла Коленкура о пожалованіи Чернышева флигель-адъютантомъ, первый поздравилъ его съ этой наградой, кото-

рая дана была ему 5-аго Іюня 1809 г., и тотчасъ отправилъ его въ Петербургъ съ донесеніемъ о Ваграмскомъ пораженіи.

Между тѣмъ эта война, въ которой Россія показала себя очень ненадежнымъ союзникомъ Франціи, явилась первой причиной неудовольствія Наполеона на политику русскаго Правительства. Въ это-то время, т. е. когда велись мирные переговоры между Австріей и Франціей, Императоръ Александръ, отказавшись отъ присылки уполномоченнаго со стороны Россіи для веденія мирныхъ переговоровъ, отправилъ снова Чернышева 21-го августа къ Наполеону съ письмомъ, въ которомъ просилъ его позаботиться объ интересахъ Россіи. Чернышевъ былъ очень милостиво принятъ Императоромъ и въ тотъ же день, откланявшись Наполеону, отправился въ замокъ Дотисъ къ Императору Францу, чтобы передать ему письмо Александра. Своимъ появленіемъ въ Австрійской главной квартирѣ онъ произвелъ очень хорошее впечатлѣніе на австрійцевъ и былъ конечно тотчасъ принятъ Императоромъ Францемъ, крайне удрученнымъ понесенными имъ пораженіями. Послѣ этого Чернышевъ опять вернулся въ Шенбрунъ, въ главную квартиру французской арміи, гдѣ и оставался до заключенія мира, ничего впрочемъ не зная объ его условіяхъ и получая отъ Наполеона завѣренія, что Россія получитъ городъ Лембергъ (Львовъ) и нѣкоторыя другія мѣстности. Мирныя условія показали, что Россія была обманута, получивъ незначительный клочокъ австрійской Галиціи.

9-го октября 1809 г. Ч. произведенъ былъ въ ротмистры, а въ январѣ 1810 г. опять былъ отправленъ въ Парижъ, съ приказаніемъ находиться въ распоряженіи Наполеона. Несмотря на охлажденіе отношеній между Россіей и Франціей, Чернышевъ былъ очень любезно принятъ какъ самимъ императоромъ, такъ и самыми близкими къ Наполеону лицами. Въ вихрѣ удовольствій и придворныхъ баловъ, ведя самый свѣтскій образъ жизни, бывая часто у любимой сестры Наполеона—принцессы Боргезе и у королевы неаполитанской, онъ не забывалъ, однако, своей роли и въ длинныхъ донесеніяхъ въ Петербургъ сообщалъ массу самыхъ секретнѣйшихъ свѣдѣній о Наполеонѣ и о планахъ и намѣреніяхъ французскаго правительства. Континентальная система, столь тягостная для большинства европейскихъ государствъ, очень плохо соблюдалась въ Россіи, что, конечно, мѣшало планамъ Наполеона сокрушить могущество Англіи. Видя, что Россія всѣми способами старается избавиться отъ обременительныхъ для нея условій, и узнавъ, что въ гавани Балтійскаго моря направилось болѣе 600 англійскихъ купеческихъ кораблей, Наполеонъ пригласилъ Чернышева и поручилъ ему отправиться въ Петербургъ и передать императору Александру требованіе о немедленной конфискаціи этого громаднаго торговаго флота; при этомъ онъ имѣлъ большой политическій разговоръ съ Александромъ Ивановичемъ, оправдываясь во всѣхъ взводимыхъ на него недоброжелательныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи. Въ половинѣ октября Чернышевъ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ тотчасъ по прибытіи былъ принятъ императоромъ Александромъ и передалъ ему письмо отъ Наполеона. Очень довольный дѣятельностью Чернышева во время пребыванія его въ Парижѣ, государь произвелъ его 8-го ноября 1810 г. въ полковники и приказалъ немедленно готовиться въ дорогу, обратно въ Парижъ, съ тѣмъ чтобы по пути заѣхать въ Стокгольмъ и разузнать на мѣстѣ, какихъ плановъ и образа дѣйствій по отношенію Россіи будетъ держаться наслѣдный принцъ шведскаго престола, бывшій французскій маршалъ Бернадотъ. Чернышеву, котораго впослѣдствіи въ письмѣ къ наслѣдному принцу шведскому императоръ Александръ назвалъ «самымъ смѣлымъ, какіе только извѣстны въ военной исторіи», не трудно было сдѣлать это, въ виду того, что онъ въ Парижѣ близко зналъ будущаго шведскаго короля и находился съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Радушно принятый Карломъ XIII, Ч. во время краткаго пребыванія въ Стокгольмѣ имѣлъ три тайныхъ аудіенціи у наслѣднаго принца, отъ котораго получилъ самыя положительныя и категорическія заявленія о неизмѣнной дружбѣ къ Россіи; прямымъ послѣдствіемъ этого порученія была завязавшаяся дружеская переписка между русскимъ царемъ и Бернадотомъ. Вернувшись въ Парижъ, Чер-

нышевъ былъ по прежнему милостиво принятъ Наполеономъ, который долго съ нимъ разговаривалъ, прочтя врученное имъ письмо отъ русскаго императора.

Между тѣмъ, отношенія Россіи и Франціи съ каждымъ днемъ ухудшались, а новый русскій тарифъ и протестъ императора Александра противъ изгнанія герцога Ольденбургскаго изъ его родовыхъ имѣній, о чемъ въ Парижѣ узнали въ февралѣ мѣсяцѣ, окончательно раздражили Наполеона противъ Россіи и на пріемѣ дипломатическаго корпуса 8-го февраля 1811 г. онъ очень холодно обошелся съ Чернышевымъ, не сказавъ ему ни слова и умышленно игнорируя его въ обществѣ близко стоящихъ къ нему дипломатовъ, съ которыми императоръ очень любезно разговаривалъ. Раздраженіе Наполеона выразилось въ письмѣ къ Императору Александру, отправленномъ съ Чернышевымъ. Съѣздивъ въ Петербургъ и вернувшись съ отвѣтнымъ письмомъ государя, Ч. тотчасъ же получилъ весьма продолжительную аудіенцію ($4^1/_2$ часа) у Наполеона, который остался очень недоволенъ письмомъ Александра и, въ концѣ концовъ, заявилъ Чернышеву, что и привезенное имъ письмо, и высказанныя словесныя сообщенія не позволяютъ ему пріостановить приготовленій къ войнѣ; императоръ, впрочемъ, милостиво отпустилъ Ч., пожелавъ чтобы ихъ разговоръ былъ письменно доведенъ до свѣдѣнія царя. Въ своихъ донесеніяхъ въ Петербургъ Чернышевъ постоянно писалъ, что война съ Франціей неизбѣжна и что Наполеонъ желаетъ только выиграть время, пока улучшится положеніе дѣлъ въ Испаніи. По мѣрѣ того, какъ приготовленія къ войнѣ приближались къ концу Наполеонъ все менѣе и менѣе скрывалъ свое враждебное отношеніе къ Россіи и наконецъ 3-го августа 1811 г. онъ позволилъ себѣ въ присутствіи всего дипломатическаго корпуса изложить русскому послу князю Куракину въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ причины своего неудовольствія противъ Россіи. Съ этого времени Чернышевъ, ясно сознавая близость разрыва и видя, что только позднее время помѣшало французскому правительству начать враждебныя дѣйствія, употребилъ всѣ свои способности и энергію на собираніе свѣдѣній о вооруженіяхъ французской арміи, о ея численности, передвиженіяхъ, положеніи дѣлъ въ Испаніи, о внутреннихъ броженіяхъ и о намѣреніяхъ Наполеона найти себѣ друзей въ предстоящей опасной войнѣ съ недавними союзниками. Между тѣмъ дѣятельность Чернышева стала очень подозрительна французскому правительству, да и самъ онъ, опасаясь за участь своихъ бумагъ, въ случаѣ если Наполеонъ, отправившись къ арміи, велитъ арестовать дипломатическихъ агентовъ и конфисковать ихъ бумаги, просилъ въ письмѣ къ графу Румянцеву подъ какимъ либо предлогомъ вызвать его въ Петербургъ. Оказалось однако, что такого предлога искать не понадобилось, такъ какъ самъ Наполеонъ рѣшилъ отправить туда Чернышева. 13-го февраля 1812 г. Александръ Ивановичъ имѣлъ прощальную аудіенцію у Наполеона, на которой императоръ не сказалъ ничего новаго, а ограничился лишь упреками, обвиненіями въ недоброжелательствѣ и увѣреніями въ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ по отношенію къ Россіи, но ясно было, что разрывъ неизбѣженъ. Письмо, отправленное Наполеономъ императору Александру, было очень коротко. «Государи не должны писать обширныхъ писемъ при такихъ обстоятельствахъ, когда ничего пріятнаго не могутъ сказать одинъ другому» — сказалъ Наполеонъ, передавая это письмо Чернышеву.

Въ Петербургѣ Ч. доложилъ императору Александру все, что сказалъ ему Наполеонъ передъ отъѣздомъ. Въ мартѣ Александръ отвѣтилъ столь же лаконическимъ письмомъ французскому императору, а 9-го апрѣля онъ уже оставилъ Петербургъ, отправившись въ Вильну къ арміи —флигель-адъютантъ Чернышевъ сопровождалъ государя въ этой поѣздкѣ. Между тѣмъ Наполеонъ прибылъ въ Дрезденъ, сосредоточивая вокругъ себя «великую армію». 11-го іюня наполеоновская армія перешла черезъ Нѣманъ. Въ это время, т. е. передъ началомъ войны, флигель-адъютантомъ Чернышевымъ была представлена государю писанная на французскомъ языкѣ «Записка о средствахъ къ предупрежденію вторженія непріятеля въ 1812 г.», въ которой онъ указывалъ на необходимость соединенія нашихъ двухъ армій и на ошибку въ планѣ

военныхъ дѣйствій, вслѣдствіе которой въ рукахъ непріятеля очутилась очень важная для насъ дорога отъ Минска до Смоленска и Москвы; для борьбы съ непріятелемъ онъ рекомендовалъ обратиться государю въ Москвѣ къ народу, съ призывомъ противъ врага, и совѣтовалъ устроить укрѣпленныя позиціи числомъ около пяти». — Прочтя эту записку, государь обнялъ и поцѣловалъ Чернышева и, уѣзжая изъ арміи, приказалъ Александру Ивановичу вмѣстѣ съ полковниками Мишо и Эйхенъ отправиться въ Москву и подыскать въ ея окрестностяхъ мѣста, удобныя для устройства укрѣпленнаго лагеря для защиты древней столицы, но въвиду быстраго наступленія Наполеона этотъ планъ не могъ быть выполненъ и Чернышевъ снова вернулся въ Петербургъ. Послѣ возвращенія Александра въ Петербургъ и соединенія нашихъ армій незадолго до Бородинскаго сраженія, а именно 10-го августа, государь, желая окончательно увѣриться въ нейтралитетѣ Швеціи, отправился въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ, среди которыхъ находился и флигель-адъютантъ Чернышевъ, въ Або, чтобы повидаться съ наслѣднымъ принцемъ шведскимъ Бернадотомъ. Свиданіе состоялось и 18-го августа союзники подписали договоръ, еще болѣе распространившій нѣкоторыя статьи трактата 24-го марта. При этомъ свиданіи Бернадотъ, сознавая выгодность для Россіи при теперешнихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ союза съ Швеціей и желая, пользуясь этимъ, соблюсти выгоды своей страны, пожелалъ получить Аландскіе острова; этого однако онъ не сказалъ императору Александру, а передалъ Чернышеву, прося его сообщить государю. Александръ рѣшительно отвергъ подобное предложеніе, но, внушивъ Бернадоту надежду, въ случаѣ пораженія Наполеона, получить французскій престолъ, пріобрѣлъ въ немъ для себя вѣрнаго союзника. Послѣ Бородинскаго сраженія и взятія Москвы, въ первыхъ числахъ сентября мѣсяца Чернышевъ отправленъ былъ государемъ къ фельдмаршалу князю Кутузову и адмиралу Чичагову съ сообщеніемъ о направленіи арміи къ рѣкѣ Березинѣ и долженъ былъ потерять нѣсколько дней въ пути, объѣзжая окружными дорогами столицу, чтобы прибыть въ главную квартиру фельдмаршала въ Тарутинѣ. Послѣ этого Александръ Ивановичъ принималъ большое участіе въ партизанской войнѣ, причемъ своими быстрыми и удачными дѣйствіями оказалъ большія услуги русской арміи. 22-го ноября «за успѣшныя дѣйствія по возлагаемымъ на него порученіямъ и за благоразумное исполненіе отважной экспедиціи», какъ сказано въ формулярѣ, онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ генералъ-адъютантомъ. Участвуя въ преслѣдованіи отступающаго непріятеля, Чернышевъ, по прибытіи государя въ Вильну, былъ откомандированъ къ графу Платову, съ которымъ и двинулся по слѣдамъ деморализованныхъ войскъ великой арміи. Разбивъ 31-го декабря вице-короля италійскаго подъ Маріенвердеромъ, онъ, соединившись съ полковникомъ Тетенборномъ, въ февралѣ 1813 г. одержалъ блистательную побѣду надъ французами подъ Берлиномъ. За оба эти сраженія онъ получилъ орденъ св. Георгія 3-й степ. Результатомъ послѣдняго сраженія было занятіе имъ Берлина, за что онъ получилъ Анну 1-й степ. Въ Берлинѣ онъ однако не остался, а послѣдовалъ дальше по стопамъ непріятеля, все того же вице-короля италійскаго, котораго 22-го февраля еще разъ разбилъ у мѣстечка Бѣлицъ, захвативъ въ плѣнъ 180 человѣкъ. Столь неутомимая дѣятельность по преслѣдованію непріятеля продолжалась и далѣе, ознаменовываясь иногда блистательными побѣдами, какъ это было 21-го марта при городѣ Луненбургѣ, гдѣ Ч. съ генераломъ Деренбергомъ разбилъ дивизіоннаго генерала Морона. За это дѣло онъ получилъ алмазные знаки ордена Анны 1-й степени, а отъ короля прусскаго орденъ Краснаго Орла также 1-й степени. Перейдя вторично съ русскими войсками Эльбу, Ч. въ томъ же 1813 году цѣлымъ рядомъ удачныхъ военныхъ дѣйствій, сопровождавшихся побѣдами и взятіемъ большого количества плѣнныхъ и оружія, заслужилъ новую награду. 20-го октября «въ знакъ особенной монаршей признательности къ отличному мужеству и воинскимъ подвигамъ, оказаннымъ въ сраженіи при взятіи города Касселя 19-го сентября 1813 г. и при

преслѣдованіи изъ онаго непріятеля», онъ былъ награжденъ орденомъ Владиміра 2-ой степени.

Въ 1814 году, составляя по прежнему все время авангардъ арміи, Ч. конечно, вездѣ стоялъ лицомъ къ лицу съ врагомъ и ему приходилось постоянно выдерживать первый натискъ непріятеля, что, конечно, при всѣхъ трудностяхъ похода и удачныхъ дѣйствіяхъ выдвигало его, а дѣйствовать приходилось неутомимо.

4-го марта онъ былъ произведенъ въ генералъ - лейтенанты, съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта, за отличіе въ сраженіи при взятіи штурмомъ города Соасона, и вслѣдъ затѣмъ примкнулъ къ передовымъ отрядамъ соединенной арміи, дѣйствуя однако вполнѣ самостоятельно. За всѣ подвиги 1814-го года Чернышевъ получилъ ордена: Австрійскій — Маріи Терезіи 3-ей степени и два французскихъ — Св. Людовика (командорскій крестъ) и Почетнаго Легіона (золотой крестъ). Вскорѣ послѣ того союзники вступили въ Парижъ и Чернышевъ получилъ приказаніе прибыть туда; онъ сдалъ начальство надъ отрядомъ старшему по себѣ и поспѣшилъ въ столицу Франціи. Въ это время Императоръ Александръ Павловичъ имѣлъ намѣреніе назначить Чернышева сопровождать Наполеона на островъ Эльбу, отъ чего впрочемъ скоро отказался, сказавъ, что Наполеону въ несчастьи тяжело будетъ видѣть того, кто былъ при немъ во время величія.

Въ 1815 году, находясь во главѣ отдѣльнаго отряда, Ч. продолжалъ свою отчасти партизанскую дѣятельность до самаго Парижа, близъ котораго онъ примкнулъ къ арміямъ фельдмаршала Блюхера и Велингтона, причемъ 7-го сентября 1815 г. «за отличное усердіе и храбрость, оказанныяпри занятіи города Шалона», удостоенъ монаршей признательности и особеннаго благоволенія, изъявленныхъ въ высочайшемъ рескриптѣ. По окончаніи войны Ч.сопровождалъ императора Александра въ Англію и находился при государѣ во время Вѣнскаго и Веронскаго конгрессовъ. 10-го марта 1819 г. Чернышевъ былъ назначенъ членомъ комитета объ устройствѣ Донского войска. Комитетъ этотъ существовалъ до 26-го мая 1835 года, причемъ на первыхъ же порахъ у Чернышева вышли разногласія съ предсѣдателемъ комитета Денисовымъ, который отдалъ на откупъ всю Донскую область, чѣмъ страшно вооружилъ противъ себя мѣстное дворянство и что послужило главнымъ поводомъ столкновенія его съ Чернышевымъ. Уѣхавъ на короткое время въ Петербургъ, Ч. въ сентябрѣ 1819 года отправился съ государемъ въ Варшаву, но вскорѣ, вслѣдствіе начавшихся въ Донской области крестьянскихъ безпорядковъ, вернулся туда и занялся усмиреніемъ волнующихся крестьянъ, къ которымъ онъ обращался между прочимъ съ воззваніемъ изъ слободы Орловской; виновникомъ этихъ безпорядковъ составленная Чернышевымъ коммиссія признала Денисова, и отношенія Ч. и войскового атамана настолько обострились, что перешли совсѣмъ на личную почву, причемъ Чернышевъ, какъ болѣе вліятельный, конечно одолѣлъ, и Денисовъ былъ отставленъ отъ должности наказного атамана; назначенный же вмѣсто него генералъ-маіоръ Иловайскій въ предсѣдатели «Комитета для составленіяп оложенія объ устройствѣ Войска Донского» не попалъ, а имъ былъ сдѣланъ 29-го января 1821 г. Ч., получившій еще ранѣе того (16-го іюня 1820 г.) рескриптъ съ изъявленіемъ благодарности за усердную службу и (25-го іюля того же года) орденъ св. Александра Невскаго за труды по устройству управленія Войска Донского. Предсѣдателемъ этого комитета Чернышевъ оставался до его закрытія, неся вмѣстѣ съ тѣмъ и много другихъ обязанностей. 18-го апрѣля 1821 г. Чернышевъ былъ сдѣланъ начальникомъ легкой гвардейской дивизіи, а въ 1822 году отправился съ императоромъ на Веронскій конгрессъ. 21-го апрѣля 1823 года Ч. получилъ алмазные знаки ордена св. Александра Невскаго, опять-таки за работы въ комитетѣ объ устройствѣ Донского Войска. 23 го апрѣля 1825 г. Александръ Ивановичъ, какъ предсѣдатель комитета, поднесъ государю проектъ «Новаго положенія о Донскомъ Войскѣ». Проектъ этотъ былъ тогда же переданъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта и вскорѣ послѣ этого императоръ Александръ Павловичъ во время послѣдняго своего путешествія

въ Таганрогъ, желая на мѣстѣ удостовѣриться въ пользѣ преобразованія Донского края, заѣхалъ въ Новочеркасскъ и Старочеркасскую станицу. Чернышеву было приказано отправиться въ Новочеркасскъ и встрѣтить тамъ государя. Александръ очень милостиво обошелся съ Иловайскимъ и другими членами комитета и оказалъ особенное вниманіе къ Донскому Войску, разрѣшивъ генералъ-адъютанту Чернышеву, только что тогда въ августѣ мѣсяцѣ въ третій разъ женившемуся, изъ Новочеркасска пріѣхать въ Таганрогъ вмѣстѣ съ молодой женой; въ приглашеніи этомъ была впрочемъ и другая цѣль: государь самъ хотѣлъ заняться благоустройствомъ Донского Войска, которое содержало въ Таганрогѣ отдѣльный корпусъ, составлявшій Таганрогскій гарнизонъ, который императоръ всегда называлъ «Таганрогскою гвардіею». Событія, однако, быстро измѣнились, такъ какъ императоръ Александръ въ Таганрогѣ неожиданно скончался, при чемъ Ч. былъ въ числѣ немногихъ лицъ, находившихся при его кончинѣ. Въ тотъ же печальный день 19-го ноября въ 10 часовъ вечера былъ собранъ чрезвычайный комитетъ, которому предложено было составить государственный актъ о смерти Александра I-го. Ч. былъ членомъ этого комитета и вмѣстѣ съ княземъ Волконскимъ, барономъ Дибичемъ, статсъ-секретаремъ Лонгиновымъ, духовникомъ-протоіереемъ Алексѣемъ Ѳедотовымъ, лейбъ-медиками: Вилліе и Тарасовымъ подписалъ этотъ важный актъ. Бальзамированіе тѣла почившаго императора происходило въ присутствіи коммиссіи, составленной подъ предсѣдательствомъ Чернышева.

Началось новое царствованіе, которое главнымъ образомъ, способствовало возвышенію Александра Ивановича. На первыхъ же порахъ своей дѣятельности при императорѣ Николаѣ Чернышевъ, засѣдая въ коммисіи, которой было поручено произвести слѣдствіе о декабрьскомъ возмущеніи, заявилъ себя самымъ безжалостнымъ и строгимъ судьей, чѣмъ, конечно снискалъ къ себѣ большое расположеніе молодого государя, благосклонность котораго онъ никогда не терялъ, несмотря на происки и интриги, которые очень часто всплывали наружу. Во время процесса декабристовъ Ч-въ ходатайствовалъ о пожалованіи ему маіората, принадлежавшаго подвергшемуся ссылкѣ графу Чернышеву, но ходатайство это не было уважено императоромъ Николаемъ. Александръ Ивановичъ былъ впрочемъ скоро утѣшенъ за понесенную имъ неудачу и получивъ 25-го іюня 1826 г. табакерку съ портретомъ государя, онъ 22-го августа былъ возведенъ въ графское достоинство «за неусыпные труды, понесенные имъ при открытіи злоумышленниковъ и произведеніе о нихъ изслѣдованія», какъ сказано въ указѣ, при чемъ еще раньше того, усердно исполняя свои служебныя обязанности и пользуясь неизмѣннымъ расположеніемъ государя, Чернышевъ въ продолженіе 1823, 1824, 1825 и 1826 годовъ получилъ 18 объявленныхъ въ Высочайшихъ Приказахъ особенныхъ монаршихъ благоволеній за чисто военную дѣятельность по маневрамъ и состоянію ввѣреннаго ему войска. Что касается дѣятельности донскаго комитета, то въ новое царствованіе она была столь же не энергична и полна интригъ, какъ и раньше. Уже въ январѣ 1826 г. наказной атоманъ Иловайскій, думая, что при новомъ государѣ Чернышевъ не будетъ въ прежней милости, подалъ въ Москвѣ императору Николаю, во время коронаціи докладную записку, въ которой подвергалъ критикѣ какъ составъ самого комитета изъ лицъ не избранныхъ донскимъ войскомъ, а назначенныхъ по выбору предсѣдателемъ, такъ и работы комитета, которому, говоря словами Высочайшаго Приказа, было повелѣно: «собрать во единое всѣ узаконенія относительно войска Донского въ различныя времена и по разнымъ случаямъ изданныя и въ разныхъ частныхъ постановленіяхъ заключающіяся — разсмотрѣть оныя въ особомъ комитетѣ, сообразить ихъ съ настоящимъ порядкомъ вещей и представить потомъ новое положеніе», а онъ между тѣмъ занимался обсужденіемъ отдѣльныхъ вопросовъ безъ всякой связи ихъ другъ съ другомъ — во всемъ этомъ Иловайскій обвинялъ Чернышева и просилъ Его Величество перевести комитетъ снова на Донъ. Государь передалъ эту записку Чернышеву, который написалъ на нее обширное возраженіе, послѣдствіемъ котораго было

преданіе суду какъ самого Иловайскаго, такъ и трехъ лицъ изъ донской администраціи. Ничто не могло подорвать вліянія Чернышева и онъ остался предсѣдателемъ комитета до его закрытія. Выработанное комитетомъ «Положеніе объ управленіи войска Донскаго» было введено въ 1836 году и дѣйствуетъ до настоящаго времени, хотя подверглось многимъ дополненіямъ и измѣненіямъ.

6-го декабря 1827 г. Чернышевъ былъ сдѣланъ сенаторомъ, а 3-го февраля слѣдующаго года назначенъ товарищемъ управляющаго главнымъ штабомъ. 26-го августа того же года Александръ Ивановичъ былъ утвержденъ товарищемъ начальника главнаго штаба и ему поручено было управлять военнымъ министерствомъ. Затѣмъ 12-го сентября повелѣно присутствовать въ комитетѣ министровъ, а 2-го октября онъ за отличіе былъ произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи. Вскорѣ послѣ этого (11-го апрѣля 1828 г.) Чернышевъ былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта, а 12-го апрѣля ему по случаю войны съ Турціей и отъѣзда начальника главнаго штаба въ армію было ввѣрено соединенное управленіе главнымъ штабомъ и военнымъ министерствомъ «въ справедливомъ сознаніи государя великихъ заслугъ его». 22-го августа 1828 г. онъ былъ награжденъ знакомъ отличія безпорочной службы за XXV лѣтъ. Въ декабрѣ (6-го) Ч. получилъ за свою полезную дѣятельность по благоустройству арміи и управленію военнымъ министерствомъ очень высокую награду, какой считается орденъ Владиміра 1-й степени. 8-го іюля 1829 г. ему была пожалована аренда на 12 лѣтъ въ 8.000 рублей серебромъ годового дохода, но временно, пока эта аренда не будетъ имъ найдена по личному выбору, приказано было выдавать ему съ 8-го же іюля 8.000 рублей серебромъ въ годъ, съ зачетомъ этой выдачи въ арендный срокъ; 22-го сентября того же года за дѣятельное содѣйствіе успѣхамъ арміи въ войнѣ съ Турціей Чернышевъ получилъ денежную награду въ 300.000 рублей ассигнаціями. 3-го іюня 1830 г. онъ получилъ Высочайшій рескриптъ, въ которомъ выражалась признательность государя за образцовое состояніе возвратившихся изъ Турціи войскъ 2-го пѣхотнаго корпуса, а 17-го числа того же мѣсяца былъ награжденъ орденомъ Бѣлаго Орла. 9-го августа Чернышевъ былъ назначенъ присутствовать въ Сибирскомъ комитетѣ, закрывшемся лишь 9-го января 1838 г. 22-го авг. 1831 г. Александру Ивановичу былъ пожалованъ украшенный алмазами перстень съ портретомъ Его Величества; въ этомъ же году 31-го декабря онъ получилъ высшій въ государствѣ орденъ Андрея Первозваннаго; въ слѣдующемъ 1832 году въ январѣ мѣсяцѣ Чернышевъ былъ зачисленъ въ списки гвардейскаго генеральнаго штаба и 1-го мая сдѣланъ военнымъ министромъ (на основаніи новаго образованія высшаго военно-сухопутнаго управленія), при чемъ, согласно § 37 проекта образованія военнаго министерства, попалъ въ непремѣнные предсѣдатели военнаго совѣта. 2-го апрѣля 1833 г. былъ назначенъ шефомъ С.-Петербургскаго Уланскаго полка, а 22-го августа награжденъ знакомъ отличія безпорочной службы за 30 лѣтъ; въ апрѣлѣ (22-го числа) слѣдующаго 1834 г. Чернышеву были пожалованы алмазные знаки Андрея Первозваннаго и разрѣшено (19-го октября) принять и носить орденъ Чернаго Орла, пожалованный ему королемъ прусскимъ. Наконецъ 21-го апрѣля 1835 г. Александръ Ивановичъ получилъ аренду на 50 лѣтъ въ 8.000 р. годоваго дохода. Кромѣ этой массы полученныхъ имъ наградъ Чернышевъ въ продолженіи 1834, 1835, 1836, 1837, 1838 и 1839 годовъ получилъ 14 весьма милостивыхъ рескриптовъ, въ которыхъ были выражены признательность и благоволеніе Его Величества своему военному министру. 16-го октября 1839 г. Александру Ивановичу было пожаловано въ майоратное владѣніе имѣніе «Кленова», находящееся въ царствѣ Польскомъ, въ Калишской губерніи, и приносящее 30.000 злотыхъ дохода. Въ апрѣлѣ (24-го) слѣдующаго 1840 г. онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комитета, учрежденнаго для введенія за Кавказомъ новаго гражданскаго устройства, которое, въ связи съ возникшимъ въ это время на Кавказѣ крестьянскимъ вопросомъ, за нѣсколько времени передъ тѣмъ было поручено разсмотрѣть члену государственнаго совѣта барону Гану. Хорошо ознакомившись съ

дѣломъ и въ частности съ крестьянскимъ вопросомъ въ Грузіи, баронъ Ганъ пришелъ къ заключенію, что тамъ крѣпостного права никогда не существовало, что крестьяне были не болѣе, какъ простые фермеры, обязанные платить извѣстныя подати, могли уходить съ господскихъ земель когда хотѣли, и что поэтому ихъ немедленно слѣдуетъ освободить, подведя подъ категорію крестьянъ Остзейскихъ губерній. Въ этомъ смыслѣ по настоянію барона совѣтъ управленія Закавказскимъ краемъ готовился уже сдѣлать представленіе для разрѣшенія дѣла въ законодательномъ порядкѣ. Эта рѣшительная и крутая мѣра вызвала сильнѣйшее волненіе въ грузинскомъ дворянствѣ и оно направило своего губернскаго предводителя князя Орбельяни съ нѣсколькими депутатами въ Петербургъ для поднесенія государю всеподданнѣйшаго прошенія о защитѣ его дворянства отъ столь неправильнаго и обиднаго мѣропріятія. Результатомъ этой миссіи было назначеніе въ Грузію съ обширными полномочіями князя Ч. для изслѣдованія и разрѣшенія дѣла на мѣстѣ. Пріѣхавъ туда, онъ былъ великолѣпно принятъ тифлисскимъ дворянствомъ, которое устроило ему цѣлый рядъ блестящихъ празднествъ заранѣе ознакомившись со вкусами Чернышева. Въ концѣ концовъ все это кончилось очень печально для грузинскаго крестьянства, такъ какъ, вернувшись въ Петербургъ, князь Ч. представилъ дѣло въ другомъ совсѣмъ свѣтѣ, вопросъ объ освобожденіи крестьянъ въ Грузіи болѣе не возбуждался, а баронъ Ганъ былъ исключенъ изъ службы и уволенъ изъ членовъ государственнаго совѣта, обвиненный Чернышевымъ чуть не въ измѣнѣ. За это разслѣдованіе Чернышевымъ получено 4 благодарности, объявленныхъ въ высочайшихъ приказахъ. 16-го апрѣля 1841 г. Александръ Ивановичъ былъ возведенъ въ княжеское Россійской Имперіи достоинство, а 22-го августа награжденъ знакомъ отличія безпорочной службы за 35 лѣтъ. Въ началѣ 1842 г. распространился слухъ, что Чернышевъ потерялъ свое вліяніе, что ему грозитъ царская немилость и увольненіе отъ должности военнаго министра съ назначеніемъ главнокомандующимъ на Кавказѣ; полученное имъ 2-го апрѣля этого года особое порученіе по Кавказскому и Закавказскому краю еще болѣе усилило эти слухи—причемъ преемникомъ ему прочили Клейнмихеля, который въ отсутствіе его управлялъ Военнымъ Министерствомъ и вполнѣ самостоятельно проводилъ разнообразныя реформы по Дону.—Все это впрочемъ оказалось лишь слухомъ, который вовсе не оправдался, и Чернышевъ, отправившись въ Одессу и проѣхавъ оттуда въ Грузію и на Донъ, гдѣ въ Новочеркасскѣ ему былъ оказанъ блестящій пріемъ донскимъ дворянствомъ, устроившимъ ему роскошный балъ и благодарившимъ его за всѣ труды на пользу войска, вернулся осенью въ Петербургъ и вступилъ въ управленіе военнымъ министерствомъ. 30-го августа послѣ закрытія комитета для введенія за Кавказомъ новаго гражданскаго устройства Александръ Ивановичъ попалъ въ предсѣдатели новаго комитета по предварительному разсмотрѣнію и соображенію всѣхъ дѣлъ по управленію Закавказскимъ краемъ, подлежащихъ Высочайшему разрѣшенію. 11-го апрѣля 1843 г. онъ былъ назначенъ шефомъ Кабардинскаго егерскаго полка, получивъ впродолженіи предыдущаго и этого года 10 благосклонныхъ отзывовъ съ признательностью Его Величества, объявленныхъ въ высочайшихъ приказахъ. Въ 1844 г. (26-го марта) двумъ полкамъ, С.-Петербургскому-Уланскому и Кабардинскому-Егерскому, было приказано именоваться полками Генералъ-Адъютанта Князя Чернышева, при этомъ Александръ Ивановичъ получилъ особый весьма благосклонный Всемилостивѣйшій рескриптъ. 18-го августа 1845 г. ему было разрѣшено носить пожалованный ему шведскимъ королемъ орденъ св. Серафима, а 22-го августа онъ былъ награжденъ знакомъ отличія безпорочной службы за 40 лѣтъ и впродолженіи этого и слѣдующаго года была семь разъ изъявлена высочайшая признательность, объявленная въ приказахъ. 31-го декабря 1846 г. Ч. получилъ Высочайшій рескриптъ съ изъявленіемъ признательности государя за дѣятельность въ качествѣ предсѣдателя Кавказскаго комитета и впродолженіи 1847 и 1848 гг. получилъ четыре объявленныхъ въ Высочайшихъ приказахъ благодарности отъ Его Величества, а 25-го іюня 1848 г.

былъ награжденъ портретомъ Его Императорскаго Величества, украшеннымъ алмазами, для ношенія въ петлицѣ, при этомъ ему былъ данъ Высочайшій рескриптъ, въ которомъ въ краткихъ чертахъ характеризовалась его дѣятельность съ первыхъ годовъ его службы и въ которомъ государь благодаритъ его за сформированіе въ самое короткое время запасной арміи изъ безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ. 22-го августа Чернышевъ былъ пожалованъ знакомъ отличія безсрочной службы за 45 лѣтъ, а 1-го ноября того же года былъ сдѣланъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта съ сохраненіемъ всѣхъ прежнихъ званій и должностей и съ назначеніемъ 6-го числа того же мѣсяца предсѣдателемъ комитета министровъ. 22-го августа 1849 г. Александру Ивановичу былъ пожалованъ титулъ свѣтлости при особомъ рескриптѣ отъ того же числа, въ которомъ было сказано, что онъ получилъ эту награду за образцовое состояніе войскъ въ Венгерскомъ походѣ, а 28-го сентября ему было разрѣшено носить пожалованный австрійскимъ императоромъ орденъ св. Стефана. 23-го мая 1850 г. Чернышевъ получилъ высочайшій рескриптъ, въ которомъ Государь отъ всей души благодаритъ его за службу «себѣ и Россіи». Въ декабрѣ того же года праздновался 25-лѣтній юбилей царствованія императора Николая, при чемъ всѣ министерства представили записки съ краткимъ обозрѣніемъ дѣятельности каждаго изъ нихъ за это время; одна изъ обширнѣйшихъ записокъ, представленныхъ Государю въ это время, была отъ Военнаго министерства подъ названіемъ «Историческое обозрѣніе военно-сухопутнаго управленія съ 1825 по 1850 годъ».—Здѣсь Александръ Ивановичъ подробно изложилъ какъ военныя дѣйствія Россіи за это время, такъ и дѣятельность отдѣльныхъ учрежденій Военнаго министерства, какъ то: Главнаго штаба, Военно-Топографическаго депо, Военно-медицинской части и другихъ отраслей военно-административнаго устройства, снабдивъ все это массой статистическихъ свѣдѣній. 3-го іюля 1851 г. Чернышеву повелѣно было состоять по спискамъ Кавалергардскаго Ея Величества полка и носить мундиръ онаго, а 22-го апрѣля 1852 г. онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Сибирскаго комитета. 26-го августа того же года, въ день 25-лѣтняго управленія имъ Военнымъ министерствомъ, онъ былъ уволенъ по прошенію отъ должности Военнаго министра съ оставленіемъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта и въ другихъ занимаемыхъ имъ должностяхъ, при чемъ онъ получилъ весьма благосклонный рескриптъ Государя, въ которомъ ему между прочимъ объявлялось о назначеніи его сына князя Льва Александровича Чернышева флигель-адъютантомъ; одновременно отъ того же числа Александру Ивановичу былъ пожалованъ занимаемый имъ казенный домъ въ Петербургѣ и было дано распоряженіе министру финансовъ выплачивать ежегодно изъ суммъ государственнаго казначейства на содержаніе этого дома и платежа городскихъ повинностей 15.000 рублей серебромъ, пока домъ этотъ будетъ находиться въ родѣ князя Чернышева. Такъ закончилась дѣятельность Александра Ивановича, какъ военнаго министра. Съ вошествія на престолъ Императора Николая и впродолженіи всего его царствованія Чернышевъ былъ ближайшимъ сотрудникомъ и исполнителемъ предначертаній Государя и въ 25-ти лѣтній промежутокъ времени управленія его военнымъ министерствомъ ни одна отрасль этого важнаго вѣдомства не ускользнула отъ его вниманія, но всѣ безъ исключенія получили или коренное преобразованіе, или существенное улучшеніе.

Изъ войнъ, предпринятыхъ въ это время, окончены походы въ Персію и Турцію, въ Царство Польское и Венгерская кампанія.

Вотъ краткій перечень реформъ, произведенныхъ Александромъ Ивановичемъ по военному министерству: провіантское управленіе раздѣлено на полевое и внутреннее и распоряженія по продовольственной части возложены на главнокомандующихъ и корпусныхъ командировъ; произведено коренное измѣненіе системы провіантскихъ заготовленій; изданы: госпитальный уставъ (1829 г.), рекрутскій уставъ 1831 г., учреждены госпитальные запасы (1831 г.), изданъ штатъ генеральнаго штаба, причемъ были сдѣланы большіе успѣхи по преобразованію личнаго состава штаба и ученымъ занятіямъ; ни-

женерныя и строительныя работы произведены въ обширныхъ размѣрахъ. Въ 1832 г. бывшимъ военнымъ поселеніямъ дано устройство болѣе сообразное съ государственными цѣлями. Обмундированіе войскъ приняло совсѣмъ другой видъ. Учреждены: военная академія, генералъ-аудиторіатъ и аудиторское училище военнаго министерства; изданъ военно-уголовный уставъ; введена военно-судная статистика; произведено общее преобразованіе армейской пѣхоты и кавалеріи и всей артиллеріи (1833 г.), установлены безсрочные отпуска и образованы запасныя войска изъ безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ, что дало возможность имѣть, въ случаѣ войны, готовую 250.000 запасную армію (1834 г.); изданы общія войсковыя положенія для казачьихъ войскъ (1835 г.); издано учрежденіе военнаго министерства; увеличено порціонное довольствіе войскъ; издано положеніе экономическаго капитала военнаго министерства (1831 г.); издано положеніе о казенныхъ заготовленіяхъ военнаго министерства; произведено улучшеніе госпитальной части и учреждены при непремѣнныхъ госпиталяхъ кадры на 15.000 человѣкъ (1838 г.); далѣе послѣдовало изданіе свода военныхъ постановленій (1840 г.); измѣнены калибры и конструкція артиллерійскихъ орудій и введена на Кавказѣ горная артиллерія (1842 г.); издано положеніе объ отчетности военнаго министерства; кремневое оружіе стало передѣлываться въ ударное (1842 г.); изданъ «уставъ управленія арміями въ мирное и военное время» и окончены военно-статистическія описанія губерній и областей Имперіи (1841 г.); увеличены жалованье и столовыя деньги офицерамъ и назначено имъ, на время корпусныхъ сборовъ, порціонное довольствіе; учреждено 8 кадетскихъ корпусовъ и возведены многія новыя крѣпости и укрѣпленія: Александрополь (начатый въ 1835 году и оконченный въ 1845 г.), Александровская цитадель въ Варшавѣ, Новогеоргіевскъ, Иванъ-Городъ, Брестъ-Литовскъ, цитадель въ Вильнѣ, Аландская крѣпость (Бомарзундъ), Шуша, Новые Закаталы и Ленкоранъ.

28-го августа, въ память двадцатипятилѣтняго управленія гвардейскимъ генеральнымъ штабомъ, Ч. получилъ разрѣшеніе носить мундиръ этого штаба. Оставленіе княземъ должности военнаго министра, совпавшее съ 25-ти-лѣтнимъ юбилеемъ управленія этимъ министерствомъ, ознаменовалось учрежденіемъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ 10-ти стипендій для малолѣтнихъ дѣтей изъ капитала, собраннаго для этой цѣли чинами вѣдомства военнаго министерства, причемъ пользующимся этими стипендіями было присвоено наименованіе «пенсіонеровъ и пенсіонерокъ князя Александра Ивановича Чернышева». Этотъ поступокъ чиновъ военнаго министерства былъ вполнѣ одобренъ Государемъ, который съ своей стороны сдѣлалъ распоряженіе о содержаніи въ кадетскихъ корпусахъ двухъ воспитанниковъ и въ патріотическомъ институтѣ двухъ воспитанницъ, преимущественно изъ потомковъ лицъ, участвовавшихъ въ военныхъ дѣйствіяхъ князя съ 1812 по 1815 годъ; имъ было также присвоено названіе пенсіонеровъ и пенсіонерокъ князя Александра Ивановича Чернышева, причемъ на содержаніе этихъ пенсіонеровъ было повелѣно ежегодно отчислять изъ наградного капитала военнаго министерства. Одновременно съ этимъ Донское дворянство и торговое сословіе, въ ознаменованіе плодотворной дѣятельности князя Чернышева на пользу Донского края, составили капиталы для каждаго сословія отдѣльно, на которые должны были содержаться по 2 малолѣтнихъ дѣтей изъ донского юношества въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, причемъ имъ, конечно, было присвоено то же названіе— это также съ большимъ удовольствіемъ было одобрено Государемъ.

9-го ноября 1852 г. Чернышеву было повелѣно быть почетнымъ президентомъ военной академіи.

На мѣстѣ бывшаго Усть-Грязновскаго хутора основана была новая станица, которая положеніемъ военнаго совѣта 29-го мая 1853 г. названа «Чернышевскою»— въ память признательности Донского войска къ долголѣтнему попеченію о благоустройствѣ его въ бытность Чернышева военнымъ министромъ.

8-го іюня 1853 г. было сдѣлано распоряженіе министру финансовъ, въ виду приближающагося 8-го іюля окончанія срока полученія Ч. ежегодно по 8.000 рублей серебромъ, назначенныхъ указомъ 22-го іюня 1840 г. вмѣсто аренды,—продолжить

еще на 12 лѣтъ, 22-го августа 1854 г. Александръ Ивановичъ пожалованъ знакомъ отличія безпорочной службы за 50 лѣтъ.

Получивъ 4-го мая 1855 г. разрѣшеніе отправиться заграницу для леченія на все каникулярное время общаго собранія государственнаго совѣта, онъ уѣхалъ туда 17-го числа и вслѣдствіе затянувшейся болѣзни не могъ явиться въ срокъ, такъ что, по сообщенію генералъ - адъютанта графа Адлерберга отъ 2-го сентября 1855 г., ему позволено было остаться въ отпуску всю зиму, съ сохраненіемъ содержанія; 5-го апрѣля онъ былъ по просьбѣ своей уволенъ вслѣдствіе совершенно разстроеннаго здоровья отъ обязанностей предсѣдателя государственнаго совѣта, комитета министровъ и комитетовъ кавказскаго и сибирскаго, и остался лишь генералъ - адъютантомъ, причемъ 17-го апрѣля былъ пожалованъ украшеннымъ алмазами знакомъ съ портретами Императоровъ Николая I и Александра II для ношенія въ петлицѣ на Андреевской лентѣ и получилъ при этомъ благодарственный рескриптъ, въ которомъ Государь Императоръ Александръ II, увольняя его, согласно прошенію, отъ лежащихъ на немъ обязанностей, выражалъ надежду, что здоровье Чернышева поправится и онъ снова будетъ имѣть въ немъ полезнаго сотрудника въ «предстоящихъ Мнѣ трудахъ и заботахъ ко благу нашего любезнаго отечества». 8-го іюня 1857 года Александръ Ивановичъ скончался въ Кастелламарѣ.

1) Пажи за 183 года (1711—1894). Біографіи бывшихъ пажей, съ портретами. Собралъ и издалъ О. Р. фонъ-Фрейманъ. Фридрихсгаммъ 1894 г. стр. 129, 845, 871, 874; 2) Справочный энциклопедическій словарь изданіе К. Крайя. Спб. 1847 г. Т. XII, стр. 148—151; 3) Формулярный списокъ о службѣ. 4) Русскій архивъ 1864 г. стр. 875; 1867 г. стр. 1059, 1061; 1868 г. стр. 905—909, 911—915, 917, 918, 736, 743, 747, 754, 774; 1870 г. стр. 372, 1590, 1622, 1628, 1980, 2188, 2192, 2202, 2203; 1871 г. т. II, стр. 258, 259, 318, 822; 1872 г. стр. 953, 1824, 1972, 2335; 1874 г. т. I, стр. 1147; т. II, стр. 694; 1875 г. т. I стр. 151; т. II, стр. 92, 93, 266, 293, 354; 1876 г. т. III, стр. 302; 1877 г. т. III, стр. 93, 99, 101; 1878 г. т. III, стр. 102, 262, 263, 268, 270, 272; 1880 г. т. II, стр. 404; т. III, стр. 289, 324, 435, 436; 1881 г. т. II, стр. 228, 237, 238, 243; 1882 г. т. I, стр. 217, 218; т. II, стр. 304, 305, 307, 308; т. III, стр. 314, 322; 324; 342, 435, 436, 438, 453; 1884 г. т. III, стр. 163, 164, 166, 169; 1885 г. т. II, стр. 254, 325, 380, 383; т. III, стр. 304; 1886 г. т. I стр. 268; т. III, 265, 382; т. III, стр. 516; 1888 г. т. I, стр. 261, 270, 272, 445, 454, 582, 616; т. II, стр. 122, 0133; т. III, стр. 379; 1889 г. т. I, стр. 250, 470, 477, 483, 495; т. III, стр. 260; 1891 г. т. III, стр. 257; 1892 г. т. стр. 150, 156, 159, 163, 164, 165; т. II, стр. 447, 458, 464; т. III, стр. 8, 102; 1893 г. т. I, стр. 419; 1894 г. т. I, стр. 297, 301, 309, 313, 318, т. II, стр. 234, 235, 350, 360, 386, 449, 472, 516, 532, 533; т. III, стр. 34—48, 150—154, 157, 172, 199; 239, 345—432, 490, 491, 496, 497, 499, 591; 1895 г. т. II, стр. 193, 338; т. III, стр. 379, 380; 1898 г. т. II, стр. 32; 1899 г. т. I, стр. 74, 145, 157, 531, 567, 569, 571, 574—576, 580, 583, 584, 590, 594, 597, 600, 607—609, 616, 620, 622; т. III, стр. 79, 87; 1900 г. т. III, стр. 249, 472; 5) Историческій Вѣстникъ 1881 г. февр., стр. 472; май 9, 24; 1882 г. сент. 657; 1885 г. апрѣль 17, 22; май 374; іюнь 526; 1886 г. апрѣль 80—81: 1888 г. мартъ 566, 567; іюнь 632; 1889 г. декабрь 509, 510; 1890 г. январь 32, 35; августъ 305; 1891 г. декабрь 703, 704; 1892 г. февраль 562, 568; апрѣль 155; 1895 г февраль 605 622; 1898 г. августъ 434, 439, 444—446, 450—457; сентябрь 789—791, 794—809, 817, 1900 г. май 461—466; декабрь 1032; 6) Русская старина 1870 г. т. I, стр. 548—549, 603—604; т. II, стр. 207; 1871 г. т. III, стр. 457—458; 1872 г. т. V, стр. 633, 784; т. VI, стр. 105, 106, 108, 128, 129, 403, 507, 508; 1873 г. т. VII, стр. 249—253, 666, 729. 783; т. VIII, стр. 228, 275, 277, 279; 1874 г. т. X, стр. 2 и 3; т. XI, стр. 272, 576, 776; 1875 г. т. XII, стр. 472—476, 641, 644. 701—718; т. XIII, стр. 41, 42, 43, 44, 45, 46, 49—60, 217—220, 225, 229—233, 234; т. XIV, стр. 348, 349, 352; 1876 г. іюнь, стр. 364, 368; августъ, стр. 627; октябрь, стр. 226, 263; декабрь, стр. 845 — 851; 1877 г. январь, стр. 190, 191; февраль, стр. 280; май, стр. 19, 20, 143; іюнь, стр. 193, 215, 216, 281; сентябрь, стр. 47— 69; октябрь, стр. 202; декабрь, стр. 588—609; 1878 г. февраль, стр. 231—233; іюль, стр. 406, 420; 1879 г. май, стр. 180; іюль, стр. 437, 443, 446, 447, 454; августъ, стр. 660; ноябрь, стр. 558; 1880 г. январь, стр. 178; май, стр. 138; іюль, стр. 437, 446, 535; сентябрь, стр. 23, 184—186; октябрь, стр. 423—426; ноябрь, стр. 618, 619, 624, 916; 1881 г. январь, стр. 104, 115, 120—127; февраль, стр. 267, 428—432, 449; мартъ, стр. 503—511, 520, 658—665; іюнь, стр. 310; іюль, стр. 381—397; августъ, стр. 550—555, 566; декабрь‘ стр. 758, 759, 888, 894; 1882 г. январь, стр. 221, 251; мартъ, стр. 830, 839; апрѣль, стр. 200, 205, 243—245, 282, 285; іюль, стр. 164—167, 186—213; августъ, стр. 447; сентябрь, стр. 585; октябрь, стр. 195; декарь, стр. 629; 1884 г. январь, стр. 106, 138—151, 157, 159; мартъ, стр. 539; 1885 г. февраль, стр. 352; мартъ, стр. 544, 722; апрѣль, стр. 126, 127, 129; май, стр. 281, 290; іюль, стр. 36, 45, 47, 51; 1886 г. мартъ, стр. 547, 548, 571—574; іюнь, стр. 501; іюль, стр. 35, 47, 50; декабрь, стр. 718; 1887 г. іюль, стр. 234, 235; августъ, стр. 446; 1888 г. октябрь. стр. 179; 1889 г. іюнь, стр. 622, 745; іюль, стр. 147, августъ, стр. 242; сентябрь, стр. 539; октябрь, стр. 39; 1890 г. январь, стр. 89, 251; февраль, стр. 324, 327; апрѣль. стр. 205; май, стр. 356; августъ, стр. 313—315; октябрь, стр. 228; ноябрь, стр. 491, 492, 527; 1891 г. январь, стр. 22, 26, 106; мартъ, стр. 514, 516, 532, 534; апрѣль, стр. 53, 61, 63, 64, 70, 174, 176; май, стр. 275, 288, 289, 302, 303; іюнь, стр. 605; декабрь, стр. 667; 1892 г. январь, стр. 74;

апрѣль, стр. 71, 78; май, стр. 240; октябрь, стр. 118; ноябрь, стр. 284; декабрь, стр. 480; 1893 г. январь, стр. 3, 4, 180; февраль, стр. 390—392, 488—491; мартъ, стр. 535, 692; апрѣль, стр. 153, 161; іюнь, стр. 582; октябрь, стр. 14, 223; 1894 г. январь, стр. 126—132; февраль, стр. 104—107, 113, 117, 120, 121; апрѣль, стр. 127, 128; іюнь, стр. 205, 211—218; ноябрь, стр. 45; 1895 г. мартъ, стр. 39, 46, 49, 50, 52, 53, 59, 60, 66, 72, 73; 1896 г. мартъ, стр. 499; май, стр. 314, 342, 406—408; іюнь, стр. 530; сентябрь, стр. 673, 674; октябрь, стр. 154; 1897 г. январь, стр. 26, 39, 41; февраль, стр. 208, 238; мартъ, стр. 474, 480; май, стр. 232; ноябрь, стр. 332—344; декабрь, стр. 544, 566, 567; 1898 г. январь, стр. 103, 109, 169—181; февраль, стр. 405, 423; мартъ, стр. 504, 505, 515, 516; іюль, стр. 155, 156; сентябрь, стр. 536, 540, 546; ноябрь, стр. 333, 336, 347; декабрь, стр. 522—537, 547, 595—612; 1899 г. февраль, стр. 415; мартъ, стр. 666, 667; апрѣль, стр. 38; іюнь, стр. 518, 521, 627, 641; августъ, стр. 276—294; сентябрь, стр. 498; октябрь, стр. 44; ноябрь, стр. 275; декабрь, стр. 539, 549; 1900 г. январь, стр. 28—53, 187; февраль, стр. 330; мартъ, стр. 384, 551, 614, 642; апрѣль, стр. 33, 34, 128, 189, 217, 218; май, стр. 238—291; іюнь, стр. 479—526, 586—591; іюль, стр. 25—41, 185, 186; августъ, стр. 234, 238, 252, 257; сентябрь, стр. 512—521; октябрь, стр. 93, 100, 101; ноябрь, стр. 238, 253, 486; 7) кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій. Русская родословная книга изд. 2-е 1895 г. т. II, стр. 357; 8) Военный Сборникъ 1866 г. № 9, стр. 3—25; 9) Биржевыя Вѣдомости 1873 г. № 225, 226, 234 и 258; (Клубъ анекдотистовъ и каламбуристовъ. Изъ воспоминаній и изъ памятной книжки петербургскаго старожила. В. Бурнашева). 10) Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества т. XXI (С.-Пб. 1877 г.) стр. 1—323; т. LXXVIII (С.-Пб. 1891 г.) стр. 5, 166, 193, 202, 300, 318, 376, 433, 437, 446, 451, 496, 528, 541; т. LXXXVIII (С.-Пб. 1893 г.) стр. 455, 560, 607, 608, 668, 670; т. LXXXIX, стр. XI, 366, 369, 375—378, 419, 442, 443, 447, 462, 494, 496, 503, 507, 510, 512, 514, 515. 518, 519, 526, 544, 545, 576, 748; т. XC, стр. 397, 405, 409, 422, 423, 436, 458, 459. 461; т. , 98 (С.-Пб. 1896 г.) стр. 125, 137, 145, 151, 155, 156, 171, 184, 215, 222, 224, 233, 235. 239, 447; 11) Записки А. Е. Розена, ч. I, стр. 36; 12) Отечественныя Записки 1822 г. ч. X, № 25, стр. 145—165 и № 326, стр. 333—351. Дѣйствія отряда генералъ-лейтенанта Чернышева въ 1814 г. 13) Военный Сборникъ 1902 г. январь. Свѣт. князь Александръ Ив. Чернышевъ, біографическій очеркъ Н. Шильдера. 14) «Государственные сановники, управлявшіе военной частью въ Россіи съ 1701 года» стр. 18—21. С.-Петербургъ 1866 г. 15) «Записки Русскаго Географическаго Общества» С.-Пб. 1849 г. книга 3-я.

Б. Алексѣевскій.

Чернышевъ, *Алексѣй Филипповичъ*, академикъ, родился въ 1824 г. въ г. Оренбургѣ, въ семьѣ изъ податного сословія. (Въ формулярномъ спискѣ онъ показанъ происхожденіемъ изъ солдатскихъ дѣтей). Съ ранняго дѣтства у него появилась страсть къ рисованію. Первыми учителями рисованія у него были сначала старикъ иконописецъ, а потомъ одинъ изъ его родственниковъ. Въ 1841 г., благодаря В. А. Перовскому, бывшему генералъ-губернаторомъ Оренбургскаго края, Чернышеву удалось уѣхать въ Петербургъ и поступить въ академію художествъ. Тамъ онъ скоро обратилъ на себя вниманіе, какъ недюжинный талантъ, что помогло ему сдѣлаться стипендіатомъ общества поощренія художниковъ. Въ періодъ 1848—1851 г. Чернышевъ получилъ двѣ серебряныя и двѣ золотыя медали отъ академіи художествъ. Сверхъ того, въ бытность свою въ академіи, онъ неоднократно, за представленіе своихъ работъ, получалъ подарки отъ Государя Императора, Государыни Императрицы и Наслѣдника Цесаревича. Въ 1853 г. онъ, будучи уже придворнымъ рисовальщикомъ, былъ отправленъ за границу пансіонеромъ академіи. Вскорѣ послѣ отъѣзда, Чернышевъ заболѣлъ нервнымъ разстройствомъ, сопряженнымъ съ болѣзнью глазъ. Несмотря на всѣ старанія, вылечиться ему не удалось. Въ Петербургъ онъ вернулся въ 1860 г. совсѣмъ больнымъ, такъ что почти не работалъ. Болѣзнь самымъ губительнымъ образомъ отразилась на его творческой дѣятельности. Зимой 1862 г. Чернышевъ былъ помѣщенъ въ психіатрическую больницу Штейна, гдѣ и скончался 7-го мая 1863 г. отъ размягченія мозга. Какъ художникъ, Чернышевъ извѣстенъ своими картинами изъ домашняго и народнаго быта. Изъ произведеній его наиболѣе выдаются слѣдующія: «Отъѣздъ», «Обрученіе», «Шарманщикъ», «Домашняя сцена изъ простого быта въ Финляндіи», «Прощаніе офицера съ семействомъ», «Рыбный рынокъ въ Бретани», «Разбойники въ Террагинѣ», «Портретъ Черносвитова». «Благословеніе родителями дочери на бракъ въ присутствіи родныхъ». За послѣднюю картину Чернышевъ получилъ званіе классного художника, а за картину «Нормандскіе рыбаки» — званіе академика. Кромѣ того, Чернышевъ исполнилъ массу рисунковъ для частныхъ коллекцій и альбомовъ.

«С.-Петербургскія Вѣдомости» 1863 г., № 116. Петровъ. Матеріалы для исторіи императорской академіи художествъ за сто лѣтъ ея существованія, т. III, стр. 110, 145, 164. Каталогъ выставки императорской академіи художествъ за 1861 г. Мѣсяцесловъ на 1864 г.

Чернышевъ, *Андрей Гавріиловичъ*, генералъ-аншефъ, С.-Петербургскій комендантъ. Старшій сынъ лейбъ-кампанца Гаврилы Ч, происходившаго изъ «людей барскихъ» г. Москвы (по другимъ даннымъ—изъ крестьянъ графа Чернышева; не имѣя собственной фамиліи, принялъ фамилію своего барина), родился въ 1720 г. или 1721 г., началъ службу въ началѣ 1740 годовъ (1741—1743 гг.), когда рекрутомъ прибылъ въ Петербургъ; видная наружность привела его во дворецъ и онъ сталъ камеръ-лакеемъ великаго князя Петра Θеодоровича. Ко времени прибытія въ Россію великой княгини Екатерины Алексѣевны онъ уже состоялъ любимцемъ великаго князя: «былъ самымъ близкимъ къ нему человѣкомъ и исполнялъ самыя интимныя его порученія». «Высокаго роста, хорошо сложенный, красивый», «любимецъ жениха», онъ понравился и Екатеринѣ, быстро подружился съ ея камердинеромъ Тимоθеемъ Евреиновымъ, и этимъ путемъ Екатерина, по ея же словамъ, узнавала очень многое, чего другими путями ей узнать было бы невозможно. Отношенія Ихъ Выс-въ къ А. Г. были настолько просты и хороши, что Екатерина называла его «сынкомъ», а онъ её—«матушкой», старалась пользоваться исключительно его услугами, любила съ нимъ разговаривать и, вообще, настолько интересовалась имъ, что отвѣчала (черезъ Евреинова) на его письма, когда онъ сидѣлъ подъ арестомъ. Во время придворнаго бала, въ двадцатыхъ числахъ мая 1746 г., камергеръ графъ Б. А. Девьеръ засталъ Екатерину разговаривающей черезъ полуотворенную дверь ея спальни съ А. Ч. На слѣдующій день Ч—вы были арестованы, по распоряженію Елизаветы Петровны, и началось строгое слѣдствіе. Результатовъ его мы не знаемъ. Бильбасовъ же высказываетъ рѣшительную увѣренность, что «дерзкія подозрѣнія» основывались на «вздорныхъ сплетняхъ». Подверглись допросу и Екатерина съ мужемъ. «Въ началѣ августа 1746 г.—разсказываетъ Екатерина въ своихъ мемуарахъ, намъ съ мужемъ было приказано говѣть, и Симонъ Тодорскій, епископъ псковскій, много допрашивалъ насъ, каждаго по одиночкѣ, что происходило между нами и А. Ч., но такъ какъ у насъ рѣшительно ничего не происходило, то у него вырвался вопросъ: «кто же наговорилъ императрицѣ совершенно другое?» Два года А. Г. содержался подъ стражей въ Рыбачьей слободѣ близъ С.-Петербурга и въ 1748 г., по распоряженію тайной канцеляріи, былъ отправленъ на службу въ Оренбургскій гарнизонъ. Ссылка не помѣшала ему повышаться въ чинахъ—есть указаніе, что въ 1757 г. онъ имѣлъ чинъ маіора арміи. Въ 1762 г. Петръ III возвратилъ его въ Петербургъ, произвелъ въ генералъ-адъютанты и назначилъ членомъ коммиссіи по разслѣдованію жалобы изъ новой Сербіи на генералъ-поручика Хорвата. Во время государственнаго переворота 28-го іюня 1762 г. онъ былъ на сторонѣ Петра III, но, несмотря на это, Екатерина, послѣ воцаренія, писала Олсуфьеву: «поручаю тебѣ выбрать мѣсто или, однимъ словомъ сказать, хлѣба дать А. Ч., генералъ-адъютанту бывшаго императора... вели сшить шубу... они (съ Евреиновымъ) нѣкогда за меня пострадали, а я оставляю ихъ гранить мостовую, не зная, чтобы для нихъ сдѣлать». Въ слѣдующемъ году Ч. былъ опредѣленъ въ полкъ съ полковничьимъ жалованьемъ, но, согласно прошенія былъ уволенъ въ отставку съ чиномъ генералъ-маіора по бригадирскому окладу въ 800 р. въ годъ. Въ 1773 г. онъ заявилъ желаніе снова поступить на службу и былъ назначенъ оберъ-комендантомъ С.-Петербургской крѣпости. Въ 1796 г. произведенъ въ генералъ-аншефы и приказано было ему именоваться «комендантомъ». О дѣятельности его за этотъ періодъ мы свѣдѣній не имѣемъ; врядъ ли она, однако, могла быть особенно энергичной и плодотворной. Болотовъ упоминаетъ объ немъ въ 1789 г., когда пріѣхалъ къ нему благодарить за доставленное мѣсто: «онъ очень предобрый, принялъ меня очень ласково и пріятно ему весьма было то, что я пріѣхалъ его благодарить». Въ январѣ 1797 г. А. Г. вышелъ въ отставку съ сохраненіемъ содержанія и умеръ 16-го февраля того же года.

См. Бильбасовъ. «Исторія Екатерины II», Берлинъ, т. I, стр. 215—217; 219, 221, 224—225, Бартеневъ. «XVIII вѣкъ», кн. III, М. 1869 г. стр. 353; Барановъ: «Опись сенатскаго архива», т. III, Спб. 1878 г.; «Русская Старина» 1887 г., кн. 2, стр. 328, статья Гельбига: «Русскіе избран. и случайные люди». Полное собраніе зако-

новъ, т. XXIV, № 17535, Лобановъ-Ростовскій. «Русская Родословн.», кн. I—II. Спб. 1895 г., кн. Долгоруковъ: «Рус. род. кн.» ч. II, стр. 103; «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1796 г. № 93; 1797 г. №№ 4. 6. «Русскій Архивъ» 1865 г., стр. 333—350; 1880 г. кн. 2 стр. 41. Записки А. Т. Болотова; т. IV. Спб. 1873 г., стр. 683, 684, 686, 689, 693, 714. Полное собраніе сочиненій А. С. Пушкина. М. 1882 г., т. VI, «Исторія Пугачевскаго бунта», стр. 119, 226, 270 и примѣчанія. *Н. Тычино.*

Чернышевъ, *Андрей Марковичъ*, статскій совѣтникъ, инспекторъ спб. Ларинской гимназіи, изъ духовнаго званія (род. въ 1842 г.—ум. 16-го августа 1885 г.). По окончаніи курса въ университетѣ св. Владиміра по историко-филологическому факультету съ званіемъ дѣйствительнаго студента съ правомъ на полученіе степени кандидата, 12-го августа 1868 года опредѣленъ учителемъ греческаго языка въ Минскую классическую гимназію. Сверхъ этой прямой должности, преподавалъ въ той же гимназіи исторію и географію съ 1-го ноября 1868 г. по 1 января 1872 г. Совѣтомъ университета св. Владиміра, на основаніи представленной диссертаціи, 8 мая 1871 г. удостоенъ степени кандидата историко-филологическаго факультета. 21 Іюня 1873 г. назначенъ инспекторомъ с.-петербургской Ларинской (IV) гимназіи. По тяжкой неизлечимой болѣзни (сумасшествіе) 7 октября 1883 г. уволенъ отъ службы. Изъ печатныхъ трудовъ Чернышева извѣстны: 1) Біографія науки о языкѣ (Минскія губернскія вѣдомости 1871 г. №№ 27—30), и 2) Царица поэтовъ Сафо и ея школа. Спб. 1877.

Дѣло архива министерства народнаго просвѣщенія № 168. 506. — Пятидесятилѣтіе Спб. Ларинской гимназіи 1836—1886. Спб. 1886. Приложенія стр. 77. *Н. Мичатекъ.*

Чернышевъ, графъ *Григорій Ивановичъ*, оберъ-шенкъ высочайшаго двора, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сынъ генералъ-фельдмаршала по флоту графа Ивана Григорьевича Чернышева, родился 30-го января 1762-го года. Получивъ блестящее по тогдашнему времени воспитаніе, онъ всю жизнь свою провелъ при дворѣ. Прослуживъ недолго въ военной службѣ, Григорій Ивановичъ уже въ 1786-мъ году былъ пожалованъ въ камергеры. Въ 1797-мъ году онъ лишился отца своего, сильно разстроившаго громадное Чернышевское состояніе роскошной жизнью и великолѣпными пирами, которые онъ задавалъ въ Петербургѣ. Дѣла ихъ настолько испортились, что надъ графомъ Григоріемъ Ивановичемъ, несмотря на то, что онъ уже былъ женатъ и имѣлъ дѣтей, была по высочайшему повелѣнію учреждена опека; Императоръ Павелъ, очень благоволившій къ его отцу, всѣми способами старался спасти Чернышевское состояніе, и назначилъ опекуномъ надъ ихъ имѣніями дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Сиверса, который однако не оправдалъ возложенныхъ на него на этотъ разъ надеждъ и чуть было не погубилъ совсѣмъ все дѣло опеки, рѣшивъ отдать въ раздѣлъ кредиторамъ все движимое и недвижимое имѣніе графа Григорія Ивановича. Къ счастію, получивъ новое назначеніе, Сиверсъ принужденъ былъ оставить опеку и вмѣсто него былъ назначенъ извѣстный поэтъ Гавріилъ Романовичъ Державинъ. Указъ объ этомъ назначеніи отъ 6-го апрѣля 1798 года гласилъ слѣдующее: «По случаю отъѣзда д. т. совѣтника Сиверса по начальству его надъ водяными коммуникаціями увольняя его отъ попечительства надъ имѣніемъ т. совѣт. графа Чернышева, изволяемъ принять оное тайному совѣтнику Державину и вступить въ управленіе онаго такъ, чтобъ, разобравъ долги, кредиторы въ удовлетвореніи своихъ претензій были обезпечены». Вступивъ въ опекунскія обязанности, Державинъ увидѣлъ, что всѣхъ имѣній далеко не хватило бы для расплаты съ долгами, большая часть которыхъ была несправедлива, въ томъ числѣ казенный долгъ въ двѣсти тысячъ рублей; тогда, какъ опекунъ, онъ рѣшилъ обратиться съ письмомъ къ Императору Павлу, прося его всѣ частныя претензіи, какъ основанныя на незаконныхъ обязательствахъ, приказать разобрать въ судебныхъ мѣстахъ, что же касается казенныхъ долговъ, то не взыскивать только процентовъ. Государь противъ ожиданія отнесся къ этому очень благосклонно и все дѣло уладилось очень удачно почти такъ, какъ просилъ Державинъ—причемъ для расплаты съ несомнѣнными долгами разрѣшено было выдать изъ Государственнаго Банка нужныя для того суммы подъ залогъ имѣній. Хлопоты Державина осложнялись еще

тѣмъ обстоятельствомъ, что ему приходилось расплачиваться съ долгами самого графа Григорія Ивановича, который унаслѣдовалъ отъ отца любовь къ широкой жизни и этимъ сильно тормозилъ расплату съ долгами. Имѣнія находились въ опекѣ до 1806 года, т. е. до того времени, когда графъ Чернышевъ пожелалъ освободиться отъ попечительства; долговъ оставалось уже немного, а опека видимо его тяготила. Отблагодаривъ Державина въ собственноручномъ письмѣ за его хлопоты по опекѣ, графъ Григорій Ивановичъ вступилъ въ безконтрольное пользованіе своимъ имуществомъ, что впрочемъ не пошло ему въ прокъ и, при привычкѣ къ роскоши и мотовству, онъ запутался опять въ большіе долги.

Обращаясь снова къ служебной дѣятельности графа Григорія Ивановича, можно сказать, что онъ всю жизнь не имѣлъ собственно никакихъ отвѣтственныхъ должностей и получалъ чины и ордена, какъ лицо, носящее придворное званіе; въ сущности онъ былъ совершенно свободенъ и жизнь свою проводилъ въ своемъ Орловскомъ имѣніи—селѣ Тагинѣ, въ Орлѣ, заграницей и конечно въ Петербургѣ. Только въ 1799 году когда извѣстный вельможа, острякъ, оберъ-камергеръ Александръ Львовичъ Нарышкинъ занялъ мѣсто директора Императорскихъ Театровъ, графъ Григорій Ивановичъ вмѣстѣ съ В. В. Капнистомъ попалъ къ нему въ помощники, причемъ Чернышеву было поручено завѣдываніе иностранными труппами; должность эту онъ покинулъ въ самомъ началѣ царствованія Императора Александра I. О жизни графа и его семьи въ Орлѣ и въ Орловскомъ имѣніи въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія можно найти нѣкоторыя свѣдѣнія въ запискахъ Жиркевича. Григорій Ивановичъ жилъ тамъ открыто, какъ крупный помѣщикъ и богатый вельможа. Его мирная и спокойная жизнь была нарушена въ 1825 году приготовленными ему судьбой тяжелыми испытаніями: его сынъ графъ Захаръ и его зять Муравьевъ, замѣшанные въ заговорѣ декабристовъ, попали въ число главныхъ руководителей движенія, были лишены всѣхъ правъ и сосланы въ Сибирь; отъ этого удара графъ Чернышевъ никогда не могъ оправиться; онъ скончался въ званіи оберъ-шенка Высочайшаго Двора, кавалеромъ Александра Невскаго и Анны I-ой степени 2-го января 1831 года въ Орлѣ, гдѣ и погребенъ въ мужскомъ монастырѣ на кладбищѣ при архіерейскомъ домѣ.

Имѣя добрый, веселый нравъ и будучи прекрасно образованъ, графъ Григорій Ивановичъ былъ всегда однимъ изъ первыхъ и любимыхъ людей въ обществѣ. Онъ всей душей любилъ театръ и, отличаясь краснорѣчіемъ, писалъ французскія драматическія сочиненія, а также и веселые, остроумные стихи во вкусѣ Грессе и Бифлеро, конечно тоже на французскомъ языкѣ. Извѣстный С. П. Жихаревъ такъ отзывается въ своемъ дневникѣ о графѣ Григоріи Ивановичѣ: «это одинъ изъ самыхъ любезныхъ людей въ свѣтѣ, умный, остроумный, привѣтливый».

«Русская Старина» 1875 годъ Томъ XIII, стр. 573—580; «Русскій Архивъ» 1863 г. стр. 5; 1864 г., 567; 1867 г., стр. 197: 1869 г., стр. 127, 935; 1870 г., стр. 1554; 1871 г., 385—408, 970; 1872 г., стр. 2152; 1873 г., 01323, 2068; 1874 г. Томъ I, стр. 467, т. II стр. 545 и пр.; 1875 г. т. II, стр. 182; 1876 г. т. I, стр. 87, 197: т. II, стр. 129; 1881 г. Т. III, стр. 399, 401; 1886 г. Т. I, стр. 153; 1891 г. Т. I, стр. 26, 27; 1895 г. Т. II, стр. 193;—«Историческій Вѣстникъ» 1899 г. № 6 стр. 610; «Сочиненія Державина» изд. Императорской Академіи Наукъ, т. VI стр. 106, 120, 124, 125, 128, 139, 168, 177—179, 305, 426, 708, 709—712; томъ VIII, стр. 721, 722, 723, 781; —Кн. И. М. Долгорукій «Капище моего сердца» Кн. А. Б. Лобановъ—Ростовскій «Русская родословная книга» изд. 2-ое, т. II, стр. 356.

Б. Алексѣевскій.

Чернышевъ, графъ *Григорій Петровичъ*, р. 21-го января 1672, † 30-го іюля 1745 г. Родоначальникъ теперешнихъ графовъ Чернышевыхъ, былъ однимъ изъ приближеннѣйшихъ лицъ къ Петру В. и его любимецъ, и по справедливости можетъ быть помѣщенъ въ числѣ выдающихся «птенцовъ гнѣзда Петрова»—по выраженію Пушкина. Принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ войнахъ и преобразованіяхъ «перваго императора» и отличался личной храбростью и исполнительностью. Испанскій посолъ при русскомъ дворѣ въ 1727—1730 гг., герцогъ де-Лиріа даетъ слѣдующую характеристику Ч-ва. «уменъ, храбръ, хорошо велъ себя по службѣ, но былъ очень скупъ и *лживъ* и притомъ *врагъ иностранцевъ*». Лживость и вражда къ иностранцамъ,

отмѣчаемыя испанскимъ посломъ у Ч-ва, требуютъ поясненія. Ч-въ, какъ всѣ «птенцы Петра Великаго» по смерти ихъ покровителя, въ «суетное и опасное время» фаворитовъ и временщиковъ, долженъ былъ вести себя изъ чувства самосохраненія очень осторожно, и эта-то осторожность могла быть понята со стороны за лживость. Болѣе вспыльчивые и откровенные люди изъ учениковъ Петра Великаго, въ родѣ кн. Д. М. Голицына и А. П. Волынскаго, умерли въ тюрьмѣ или на плахѣ. Петру Великому Ч-въ говорилъ откровенно правду въ глаза, и иногда очень рѣзко. Нелюбовь къ иностранцамъ могла являться у Ч-ва скорѣе выраженіемъ нерасположенія къ тѣмъ нѣмецкимъ «случайнымъ людямъ», которые стали послѣ смерти Петра Великаго переполнять собою правительственныя сферы, въ ущербъ природнымъ русскимъ, чѣмъ отрицательнымъ отношеніемъ ко всему иноземному.

Въ 1688 г. Ч-въ былъ записанъ въ «житье» и въ стряпчіе; 1689 г. стольникъ, посланъ въ Симбирскъ, Астрахань и другіе города съ извѣщеніемъ о рожденіи царевны Маріи Іоанновны. 1691—1695 гг., во время воеводства въ Казани кн. Данилы Григ. Черкасскаго, былъ тамъ «въ свѣтлицѣ, судьею». 1695 г. участвовалъ въ Азовскомъ походѣ Петра Великаго, будучи есауломъ у кн. Бориса Алексѣев. Голицына. 1696 г. воевода въ Керенскѣ. 1699 г. «написанъ въ ученье въ солдаты», а затѣмъ опредѣленъ адъютантомъ къ генералу кн. Никитѣ Ив. Репнину. Съ 1700 года начинаются его боевые подвиги въ Великой Сѣверной войнѣ. Въ 1700 г. Ч-въ участвовалъ въ походѣ подъ Нарву. 1701—1703 гг. былъ при взятіи Кокенгаузена, Динаминда, Шлиссельбурга и Канцевъ. 1704 г. произведенъ въ маіоры и образовалъ новый солдатскій полкъ, переименованный изъ полка кн. Репнина въ Тобольскій; при штурмѣ въ этомъ году Нарвы командовалъ за полковника Тобольскимъ и другими полками, былъ раненъ въ голову и въ руку и, послѣ ожесточеннаго боя войдя въ городъ, взялъ въ плѣнъ нарвскаго коменданта Горна; нѣсколько дней спустя принималъ сдавшійся по договору Ивань-городъ. 1705 г. пожалованъ въ подполковники и посланъ въ Вильну, а оттуда въ Гродно; потомъ переведенъ въ другой полкъ, названный Нарвскимъ, который пришлось обучать. 1707 г. пожалованъ въ этотъ полкъ полковникомъ. 1708—1709 гг. отстоялъ отъ нападенія шведскихъ войскъ Новгородъ-Сѣверскъ и Ахтырку, несмотря на то, что при блокадѣ Новгорода-Сѣверска присутствовалъ самъ шведскій король Карлъ XII, обѣщавшій въ случаѣ сдачи города многія милости. Послѣ Полтавскаго боя (1709 г.) посланъ черезъ рѣку Ворсклу къ непріятельскому лагерю для взятія «языковъ»; во время сраженія командовалъ «за бригадира» и былъ затѣмъ награжденъ этимъ чиномъ. Въ іюлѣ 1709 г. сопровождалъ до Москвы 4.000 шведскихъ плѣнныхъ; по возвращеніи оттуда отправленъ въ Нарву въ команду гр. Ѳ. М. Апраксина, а ранней весной 1710 г. участвовалъ во взятіи предмѣстья Выборга и въ нѣсколькихъ сраженіяхъ въ близлежащихъ финскихъ мѣстечкахъ. Выборгъ былъ взятъ 14 іюня 1710 г., по прибытіи гвардіи и самого Петра Великаго, который первымъ Выборгскимъ комендантомъ назначилъ Ч-ва и пожаловалъ ему свой портретъ, осыпанный алмазами. Осенью этого года и слѣдующаго 1711 г. шведы по два и по три мѣсяца осаждали Выборгъ, и гарнизону приходилось терпѣть недостатокъ въ провіантѣ.

Въ 1710 г. царь Петръ Великій женилъ своего любимца на 17-ти лѣтней *Евдокіи Ивановнѣ Ржевской* (р. 12 февр. 1693 † 17-го мая 1747 г.), дочери знаменитой «князь-игуменьи», повѣнчанной черезъ пять лѣтъ послѣ того (въ 1715 г.) при шутовской церемоніи съ «князь-папой» Н. М. Зотовымъ, бывшимъ «учителемъ» Петра Великаго. Въ этой шутовской свадьбѣ матери должна была принять участіе ея дочь, Чернышева, въ польскомъ костюмѣ, и самъ Ч-въ, въ «ассессорскомъ» платьѣ, «съ соловьями», особаго рода музыкальнымъ инструментомъ.—Бракъ съ Ржевской обогатилъ Ч-ва (отецъ его Петръ Захар. Чернышевъ не имѣлъ большого состоянія). Евд. Ив. Ржевская получила отъ царя въ приданное 4.000 душъ крестьянъ; потомъ ея сыновьямъ отъ Чернышева Петръ Великій жаловалъ «на зубокъ» деньги и деревни, такъ что очень скоро семейство Чернышевыхъ стало весьма состоятельнымъ.

Въ 1713 г. Ч-въ взятъ въ собственную царскую эскадру, на галеры, ходилъ къ Гельсингфорсу, предварительно сдѣлавъ планъ аттаки этого города, и овладѣлъ любекскимъ торговымъ кораблемъ съ разными товарами; вскорѣ послѣ этого, въ день рожденія Петра Великаго, пожалованъ въ генералъ-маіоры. 1713—1714 гг. Ч-въ провелъ въ Финляндіи. Осенью 1713 г. онъ переплылъ съ шестью тысячами войска на плотахъ озеро Пелкино, шириною болѣе трехъ верстъ, и участвовалъ въ сраженіи со шведами, которое счастливо окончилось. 1714 г. былъ въ битвѣ у Вазы, гдѣ трижды раненъ, одна лошадь подъ нимъ убита, а другая ранена. Петръ Великій вторично наградилъ его своимъ портретомъ, осыпаннымъ алмазами, и пожаловалъ ему значительную денежную сумму. Въ концѣ этого года Ч-въ назначенъ оберъ-штеръ-кригсъ-коммисаромъ при адмиралтействѣ, такъ какъ по отзыву гр. Ѳ. М. Апраксина, «нынѣшнюю кампанію за ранами ни на сухомъ пути, ни на морѣ служить не можетъ». Состоя въ этой должности до 1722 г., завѣдывалъ пріемомъ положенныхъ на адмиралтейство суммъ и провіанта, раздачею жалованья всѣмъ морскимъ чинамъ, военными и адмиралтейскими дѣлами корабельнаго и галернаго флотовъ, нарядомъ и присылкою рекрутъ и мастеровыхъ людей, канцелярскими и аудиторскими дѣлами, аптеками, госпиталями и академическими школами. Во время отсутствія изъ Петербурга кн. Меньшикова вѣдалъ петербургскую полицію и учредилъ черезъ Неву и изъ Кронштадта перевозъ почты водой, а изъ Выборга сухимъ путемъ. 1717 г. участвовалъ въ засѣданіяхъ «консилій» при адмиралтейской канцеляріи, подъ предсѣдательствомъ Петра Великаго и назначенъ наблюдать за выполненіемъ строительныхъ постановленій въ Петербургѣ, такъ какъ государь остался недоволенъ дѣйствіями въ этомъ отношеніи кн. Меньшикова. 1718 г., по учрежденіи адмиралтействъ-коллегіи, сталъ присутствовать въ ея засѣданіяхъ. Въ томъ же году, при обнародованіи Петромъ Великимъ «Объявленія какимъ образомъ асамблеи отправлять надлежитъ», въ спискѣ тѣхъ лицъ, у которыхъ по очереди будутъ устраиваться асамблеи, помѣщенъ и Г. П. Ч-въ. 1719 г., янв. 11-го будучи въ адмиралтействѣ для торжественной закладки военнаго корабля, Петръ Великій посѣтилъ Ч-ва, написалъ у него два письма Румянцеву, а затѣмъ поѣхалъ съ хозяиномъ и съ его гостями къ псковскому епископу Ѳеофану Прокоповичу, у котораго провелъ нѣсколько часовъ. 1720 г. назначенъ въ адмиралтействъ-коллегію въ званіи «камеръ-совѣтника». Во время представленія Петру Великому въ присутствіи адмиралтействъ-коллегіи, возвратившихся изъ за границы гардемариновъ, рѣзко возразилъ на отданное государемъ приказаніе, чтобы они прослужили одну компанію гардемаринами, представилъ доводы о несправедливости такого распоряженія и убѣдилъ государя въ необходимости немедленно произвести экзаменъ и наградить достойныхъ офицерскими чинами. (Въ числѣ этихъ гардемариновъ былъ извѣстный впослѣдствіи Ив. Ив. Неплюевъ, также одинъ изъ «птенцовъ» Петра Великаго). 1722 г. Ч-ву поручено составленіе переписи податныхъ сословій въ Москвѣ и въ Московской губ.; въ слѣдующемъ году онъ представилъ докладные пункты относительно переписи и подушнаго оклада, и въ позднѣйшихъ сенатскихъ указахъ весьма часто упоминаются резолюціи, положенныя Петромъ Великимъ на дѣльный и обстоятельный докладъ Ч-ва. 1724 г. государь приказалъ строить квартиры коннымъ и пѣхотнымъ полкамъ около Петербурга, въ Московской, Ревельской и Рижской губерніяхъ и въ Выборгской провинціи, по рисункамъ, присланнымъ при донесеніи Ч-ва: это было послѣднее исполненіе повелѣнія, даннаго Петромъ Великимъ. Мы встрѣчаемъ затѣмъ Ч-ва въ числѣ тѣхъ трехъ маршаловъ, которые при похоронной процессіи Петра Великаго предшествовали его гробу.

При императрицѣ Екатеринѣ I, въ 1725 г., Ч-въ былъ генералъ-кригсъ-коммисаромъ, въ рангѣ генерала-поручика, и награжденъ орденомъ Св. Александра Невскаго. Вслѣдствіе его донесенія велѣно воспользоваться никѣмъ незанятыми воеводскими и другими казенными дворами, подъ полковые дворы; предписано ему перестроить житные дворы въ Москвѣ, со всѣми принадлежащими къ

нимъ строеніями, на квартиры для двухъ полковъ Московскаго гарнизона и подъ складъ оружія и аммуниціи. Согласно сдѣланному имъ расписанію утвержденъ Сенатомъ окладъ жалованья земскимъ коммисарамъ, подъячимъ и писарямъ. Въ томъ же 1725 г. онъ посланъ губернаторомъ въ Азовскую губернію, гдѣ пробылъ съ небольшимъ годъ и пригласилъ въ это время учителемъ къ своему старшему сыну Тарасія Постникова, изучавшаго въ Парижѣ философію. Постниковъ вмѣстѣ со своими двумя товарищами вернулся изъ-за границы въ началѣ 1723 г., и Петръ Великій писалъ тогда Синоду, чтобы этихъ молодыхъ людей «освидѣтельствовать въ ихъ наукахъ и опредѣлить къ дѣлу и учинить имъ жалованье». Постниковъ пробылъ у Ч-ва лишь нѣсколько мѣсяцевъ, потому что въ сентябрѣ 1725 г. онъ былъ назначенъ преподавателемъ Московской Заиконоспасской Академіи.

Въ 1730 г. Ч-въ подписался подъ двумя проектами. имѣвшими цѣлью ограниченіе самодержавія. 1) подъ проектомъ, составленнымъ В. Н. Татищевымъ (также однимъ изъ видныхъ «птенцовъ» Петра Великаго) и представленнымъ отъ имени кн. А. М. Черкасскаго, игравшаго въ то время большую роль среди «родословнаго» шляхетства по своему богатству и родственнымъ связямъ, но не отличавшагося ни умомъ, ни характеромъ, 2) подъ проектомъ Максима Грекова.

Чернышевъ находился также вмѣстѣ съ кн. Черкасскимъ и съ генераломъ кн. Гр. Дм. Юсуповымъ во главѣ 150 челобитчиковъ, явившихся 25-го февраля 1730 г. въ Кремлевскій дворецъ, гдѣ засѣдалъ въ то время Верховный Тайный Совѣтъ, съ прошеніемъ о пересмотрѣ шляхетскихъ проектовъ и мнѣній. Не удовольствовавшись обѣщаніемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта о передачѣ ихъ прошенія на разсмотрѣніе императрицы, князья Черкасскій и Юсуповъ и Г. П. Чернышевъ добились аудіенціи у самой Анны Іоанновны и были такъ милостиво ею приняты, что, возвратившись въ Верх. Т. Совѣтъ, повели тамъ совсѣмъ иныя рѣчи. Датскій посланникъ при русскомъ дворѣ того времени гр. Вестфаленъ утверждаетъ, что къ словамъ кн. Юсупова о томъ, что императрица заслуживаетъ искренной признательности за свою снисходительность, Ч-въ добавилъ: «Мы не можемъ лучше возблагодарить Ея Величество за всѣ милости къ народу, какъ возвративъ ей похищенное у нея, т.-е. самодержавную власть, которой пользовались всѣ ея предки». Вслѣдъ за этимъ было представлено Аннѣ Іоанновнѣ въ тотъ же день прошеніе «о воспріятіи самодержавія», поданное кн. И. Ю. Трубецкимъ и прочтенное кн. А. Д. Кантемиромъ. Подъ этимъ прошеніемъ мы видимъ подпись и Ч-ва.

Послѣ уничтоженія Верховнаго Тайнаго Совѣта и возстановленія Правит. Сената, Ч-въ назначенъ сенаторомъ, а въ день коронаціи императрицы Анны Іоанновны, 28-го апр. 1730 г., пожалованъ въ генералъ-аншефа. 1731—1732 гг. онъ былъ Московскимъ генералъ-губернаторомъ. Въ числѣ его заботъ объ улучшеніи города слѣдуетъ указать на постановку на улицахъ фонарей. 1735 г. согласно прошенію уволенъ отъ службы. 1740 г. снова сенаторъ, членъ слѣдственной коммиссіи по дѣлу А. П. Волынскаго и еще двухъ коммиссій: 1,) для разсмотрѣнія дѣлъ о розданныхъ въ Ингерманландіи мызахъ, деревняхъ и земляхъ, 2,) особой коммиссіи, учрежденной при Сенатѣ, для рѣшенія неоконченныхъ дѣлъ. Въ 1740 г. вышло повелѣніе о производствѣ ежегодно всѣмъ кадетамъ публичныхъ смотровъ и экзаменовъ. Для производства экзаменовъ, какъ старшій изъ сенаторовъ, былъ назначенъ генералъ-аншефъ Ч-въ, но это отмѣнено, потому что ни онъ, ни другіе, присутствующіе въ Сенатѣ, «за необученіемъ самихъ ихъ надлежащимъ къ тому экзамену, кромѣ военной экзерциціи, наукамъ, при томъ безплодны быть могутъ». Вслѣдствіе этого Сенатъ обратился къ Кабинету Ея Импер. Велич. съ просьбой назначить кого-нибудь другого; тогда избрали генералъ-фельдмаршала гр. Миниха и учителей де-Сіансъ и Адмиралтейской Академій и Инженерной школы.

Въ томъ же 1740 г. возникло интересное дѣло, доказывающее въ какой «силѣ» находился тогда Ч-въ. Пользуясь своимъ значеніемъ при Петрѣ Великимъ, онъ выпросилъ себѣ значительный участокъ земли, при раздачѣ мѣстъ въ С.-Петербургѣ на берегу Фонтанки. Ког-

да при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ его стали побуждать застроить чѣмъ-нибудь этотъ участокъ, онъ предложилъ разнымъ торговымъ и ремесленнымъ людямъ выстроить на своемъ дворѣ по Фонтанкѣ на арендномъ правѣ какое кому угодно помѣщеніе съ тѣмъ, чтобы они пользовались имъ временно такое количество лѣтъ, въ которое окупится строеніе. Въ началѣ 1740 г., когда еще не вышелъ срокъ арендняго пользованія возводившими на землѣ Ч-ва постройки, въ Петербургѣ было произведено усиленное размѣщеніе гвардейскихъ солдатъ на постой въ частныхъ домахъ. Самъ Ч-въ пользовался правомъ освобожденія отъ постоя своихъ жилыхъ помѣщеній, но не пользовались этимъ правомъ арендаторы и весьма тяготились. Тогда, съ согласія арендаторовъ, которымъ онъ предоставилъ жить у себя во дворѣ до истеченія срока, Ч-въ потребовалъ отъ полицеймейстерской конторы очистить отъ постоя всѣ помѣщенія на его землѣ по Фонтанкѣ, такъ какъ жильцы «за долговыя и за пожилыя деньги уступили ему свои домы», а «другіе при разсчетѣ, чего оное ихъ строеніе стоило отъ него и деньги себѣ получили». Полицеймейстерская канцелярія представила прошеніе Ч-ва на заключеніе Сената, тотъ вошелъ въ кабинетъ министровъ, а кабинетъ-министры, зная милость императрицы Анны Іоанновны къ Чернышеву и къ женѣ его Авдотьѣ Ивановнѣ, не пожелали выразить своего мнѣнія и поручили Сенату: «разсмотрѣть и рѣшеніе учинить по указамъ, и въ полицеймейстерскую канцелярію подтвердить чтобъ впредь изъ оной канцеляріи въ надлежащія мѣста доношенія подаваны были, съ представленіемъ своего мнѣнія, какъ указы повелѣваютъ».

Императрица Елизавета Петровна, въ память своего отца, оказывала большое благоволеніе всему семейству Чернышевыхъ. Въ 1741 г., при восшествіи ея на престолъ, Ч-въ получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго, а въ 1742 г., въ день коронаціи, пожалованы ему съ потомствомъ графскій титулъ и многія имѣнія. Въ 1744 г., когда дѣлались приготовленія къ торжественному бракосочетанію наслѣдника престола Петра Ѳеодоровича, была представлена императрицѣ вѣдомость прошеній: графъ Ч-въ просилъ, чтобы его пожаловали генералъ-фельдмаршаломъ и генералъ-губернаторомъ въ Петербургскую губернію или генералъ-адмираломъ. Но прошеніе это не было исполнено. Въ 1745 г., какъ сказано выше, Ч-въ умеръ.

«Записки самого гр. Г. П. Чернышева. «Р. Ст.,» V, стр. 791;—802.—Веселаго. «Общій морской списокъ», Спб. 1885 г., ч. I, стр. 411—413. Голиковъ, «Дѣянія Петра Великаго», т.т. III—XI, XIII—XV.—Шляхетскіе проекты и прошенія 1730 г. у Корсакова. «Воцареніе им-цы Анны Іоанновны», Казань. 1880 г.—Перв. Полн. Собр. Закон., тт. VII, VIII и XI; «Восемнадцатый вѣкъ», изд. Бартеневымъ, т.т. II и III; «Опис. Сенат. Арх.», сост. Барановымъ, т.т. II и III; Петровъ, «Исторія С.-Петербурга», Спб. 1885 г. Карновича «Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи», Спб. 1874 г., стр. 163; Пекарскій: «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ» Спб. 1862 г., I, стр. 240; II, стр. 436; Біографіи Ч-ва: Бантышъ-Каменскій». «Дѣянія знаменитыхъ полководцевъ и министровъ, служившихъ въ царствованіе госуд. импер. Петра Великаго». М. 1821 г., изд. 2-е, ч. 2-я, стр. 241—248;—Его же: «Словарь достопамятныхъ людей русской земли», Спб. 1857 г., ч. III, стр. 509—514.

Д. Корсаковъ.

Чернышевъ, графъ *Захаръ Григорьевичъ*, генералъ-фельдмаршалъ, намѣстникъ Бѣлоруссіи, главнокомандующій г. Москвы, третій сынъ предъидущаго, родился 18-го марта 1722 г., умеръ 29-го августа 1784 г.

Тринадцати лѣтъ онъ былъ записанъ въ военную службу въ 1735 г., а въ началѣ 1741 г. пожалованъ капитаномъ. Въ слѣдующемъ 1742 г. былъ отправленъ въ Вѣну дворяниномъ посольства къ бывшему въ то время тамъ чрезвычайному посланнику Людвигу Ланчинскому. Это пребываніе въ Вѣнѣ расширило его умственный кругозоръ и обогатило разными познаніями, такъ какъ свободное время онъ употреблялъ на изученіе иностранныхъ языковъ и быта австрійцевъ.

По возвращеніи графа на родину, мать его графиня Чернышева, пользовавшаяся расположеніемъ императрицы Елизаветы Петровны, безъ труда помѣстила сына къ великому князю камеръ-юнкеромъ, съ чиномъ армейскаго полковника.

Умъ графа, любезность и ловкое обращеніе обратили на него вниманіе великой княгини Екатерины Алексѣевны, умѣвшей различать людей.

Въ концѣ 1745 г. Ч. былъ отправленъ

во Франкфуртъ на имперскій сеймъ министромъ отъ великаго князя Петра Өеодоровича, какъ герцога Шлезвигъ-Голштинскаго, для охраненія его правъ. Однако, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ долженъ былъ возвратиться въ Петербургъ, не приступивъ даже къ исполненію возложеннаго на него порученія, вслѣдствіе того, что, какъ православный, онъ встрѣтилъ на сеймѣ много препятствій и затрудненій, служившихъ во вредъ интересамъ великаго князя.

Возвратившись въ Петербургъ, графъ Чернышевъ не потерялъ за кратковременное отсутствіе своего значенія, которымъ пользовался при дворѣ, гдѣ и пробылъ до 1748 г. Въ этомъ году, однако, онъ заслужилъ неудовольствіе императрицы по слѣдующему случаю.

Однажды императрица выѣхала на саняхъ изъ дворца, какъ вдругъ подошелъ къ ней какой-то солдатъ, унтеръ-офицеръ, съ прошеніемъ на головѣ. Это была коллективная жалоба солдатъ на полковника, князя Г., разорившагося и желавшаго поправить свои финансы на счетъ полка. Государыня передала прошеніе Чернышеву и приказала изслѣдовать дѣло. Но родственники полковника склонили его къ тому, чтобы онъ замялъ дѣло, для чего онъ солдата отправилъ въ отдаленный сибирскій полкъ, а слѣдствіе прекратилъ. Однако, императрица не забыла объ этомъ прошеніи и, узнавъ въ чемъ дѣло, уволила Чернышева въ С.-Петербургскій армейскій полкъ въ томъ же чинѣ.

За участіе въ походѣ на Рейнъ, графъ Захаръ Григорьевичъ, какъ командиръ С.-Петербургскаго полка, который былъ отправленъ въ походъ, получилъ въ 1750 г. чинъ генералъ-маіора, потому что неоднократно принималъ участіе въ сраженіяхъ и былъ полезнымъ членомъ военныхъ совѣтовъ.

«Въ Прусскую войну передъ сраженіемъ при Коллинѣ между австрійцами и пруссаками,—говоритъ въ своихъ запискахъ кн. Ф. Н. Голицынъ, графъ Захаръ Григорьевичъ подалъ преважный совѣтъ фельдмаршалу Лаудону, при которомъ находился волонтеромъ...»

Въ 1757 и 1758 гг. Чернышевъ находился при австрійской арміи, разбившей на голову пруссаковъ. Въ 1758 г. произведенъ въ генералъ поручики и получилъ орденъ св. Александра Невскаго. Участвовалъ въ знаменитой Цорндорфской битвѣ, гдѣ командовалъ гренадерами. Въ этой жестокой битвѣ графъ Чернышевъ перемѣнилъ двухъ раненыхъ подъ нимъ лошадей, потерялъ своихъ адъютантовъ и, наконецъ, былъ захваченъ въ плѣнъ около Корштена. Когда послѣ битвы Захаръ Григорьевичъ, Салтыковъ и другіе взятые въ плѣнъ генералы были представлены Фридриху, то онъ, кинувъ презрительный взоръ и отвернувшись отъ нихъ, сказалъ: «у меня нѣтъ Сибири, куда бы ихъ можно было сослать; такъ бросьте ихъ въ казематы кюстринскіе. Сами они приготовили себѣ такія хорошія квартиры, такъ пусть теперь и постоятъ въ нихъ».

Несмотря на протесты графа Чернышева, приказъ былъ исполненъ въ точности. Однако въ эту же осень, по договору объ обмѣнѣ плѣнныхъ, онъ вернулся изъ плѣна и въ 1759 году камандовалъ отдѣльнымъ корпусомъ, а въ 1761 г. взялъ Берлинъ.

«Шестнадцать дней будучи все въ походахъ и движеніяхъ—пишетъ онъ гр. М. Л. Воронцову—успѣлъ исполнить порученную мнѣ коммиссію, Берлинъ взялъ, въ немъ былъ; контрибуція и прочее съ него собрано, непріятеля отъ него принудилъ отступить, аріергардъ разбилъ... я весьма счастливымъ почитаю, что сіе такъ удачно учинилось и дѣйствительно со славою оружія милосердой нашей государыни. Марши же такіе дѣлалъ, что по семь миль въ день проходилъ... теперь опять иду къ соединенію въ Гроссенъ».

За удачный походъ на Берлинъ графъ Чернышевъ получилъ польскій орденъ Бѣлаго Орла.

Со смертью императрицы Елизаветы Петровны ходъ дѣлъ внезапно измѣнился. Императоръ Петръ III-й заключилъ перемиріе съ Фридрихомъ Великимъ, а войска, ввѣривъ командованіе надъ ними графу Чернышеву, присоединилъ къ прусской арміи. Фридрихъ Великій возложилъ на графа орденъ Чернаго Орла.

По воцареніи императрицы Екатерины II-ой графъ З. Г. Чернышевъ, въ августѣ 1762 г. получилъ приказъ отъ императрицы о возвращеніи войскъ изъ Пруссіи въ Россію. Приказъ этотъ былъ полученъ

имъ въ Богеміи, гдѣ Фридрихъ Вел. готовился атаковать Дауна, укрѣпившагося въ горахъ Богеміи.

Приказъ императрицы сильно огорчилъ короля, такъ какъ совсѣмъ его ослаблялъ и лишалъ возможности одержать побѣду надъ австрійцами. Поэтому онъ просилъ Чернышева дня два или три не объявлять объ этомъ повелѣніи императрицы никому, а скрывъ его, постоять съ корпусомъ своимъ въ назначенномъ ему Фридрихомъ мѣстѣ, хотя бы даже и безъ дѣла. Чернышевъ рѣшился исполнить эту просьбу короля и поставилъ корпусъ въ такомъ мѣстѣ, что не знавшіе еще ничего австрійцы принуждены были отдѣлить значительную часть арміи противъ мнимаго непріятельскаго корпуса, чѣмъ значительно ослабили свои силы, а Фридрихъ, имѣя перевѣсъ, принудилъ непріятеля оставить почти неприступныя Богемскія горы.

Такимъ образомъ Чернышевъ, не принявъ участія въ сраженіи, оказалъ Фридриху великую услугу, за что щедро былъ одаренъ имъ.

Императрица пожаловала графа генералъ-аншефомъ, а въ день коронованія, при которомъ Ч—въ исполнялъ должность верховнаго церемоніймейстера, кавалеромъ ордена св. апостола Андрея Первозваннаго (24-го сентября 1762 г.).

Съ этого времени дѣятельность графа приняла другое направленіе. Періодъ его военной дѣятельности заканчивается и начинается второй—гражданской дѣятельности, открывшій широкое поле его необычайнымъ административнымъ способностямъ.

Удостоенный особенной довѣренности императрицы въ 1763 году, графъ Чернышевъ былъ назначенъ вице-президентомъ Военной Коллегіи. 6-го октября этого же года на конференціи, держанной у двора, былъ читанъ его проектъ о занятіи Польши русскими войсками на случай смерти короля Августа III-го. Эту идею онъ всѣми мѣрами старался привести въ исполненіе даже до смерти короля.

Разсказываютъ, будто послѣ знаменитаго разговора императрицы съ принцемъ Генрихомъ по случаю занятія австрійцами нѣсколькихъ польскихъ земель на границѣ Венгріи графъ Чернышевъ подошелъ къ нему и сказалъ: «Пруссіи слѣдуетъ завладѣть Вармійскимъ епископствомъ. Надобно, чтобы каждый что-нибудь да получилъ».

Однако, спустя нѣсколько времени послѣ чтенія его проекта, Чернышевъ былъ уволенъ по прошенію, по причинѣ неизвѣстной. По мнѣнію С. М. Соловьева, очевидно, Чернышевъ думалъ, что его станутъ удерживать, но обманулся,—ему дали отставку. Онъ сталъ просить представиться императрицѣ, думая поправить свое дѣло при личномъ свиданіи, и надѣясь привести на память прежнюю благосклонность къ нему императрицы Екатерины, когда она была еще великой княгиней. Но въ этомъ ему было отказано.

Тогда Чернышевъ написалъ покорное письмо, просилъ прощенія и высказалъ готовность поступить снова на службу. Онъ былъ принятъ на службу въ слѣдующемъ году и получилъ прежнее мѣсто вице-президента Военной Коллегіи.

22-го сентября 1773 года Захаръ Григорьевичъ получилъ чинъ генералъ-фельдмаршала и должность президента Военной Коллегіи, хотя уже въ слѣдующемъ году (1774) долженъ былъ подать въ отставку, такъ какъ помощникомъ у него былъ Потемкинъ, который тогда уже былъ въ силѣ и не любилъ быть подчиненнымъ. Болѣе десяти лѣтъ графъ Чернышевъ управлялъ Военной Коллегіей съ большимъ успѣхомъ и искусствомъ. При немъ изданы штаты, положенія и инструкціи для полковъ, водворены въ войскахъ лучшій порядокъ и благоустройство.

Послѣ присоединенія Бѣлоруссіи, которому онъ много содѣйствовалъ, графъ Захаръ Григорьевичъ назначенъ былъ намѣстникомъ Полоцкой и Могилевской губерній. Тутъ онъ не щадилъ трудовъ, чтобъ поднять благосостояніе и благоустройство ввѣреннаго ему края, и добился желаемаго. Бѣлоруссія была приведена въ цвѣтущее состояніе какъ по внѣшнему своему виду, такъ и по внутреннему устройству.

Вначалѣ жители были не довольны новымъ правительствомъ и графу пришлось принять крутыя мѣры, такъ какъ въ краѣ была полнѣйшая анархія. Но въ то же время онъ употребилъ всѣ мѣры для благоустройства края. Ново-

присоединенная область была соединена какъ съ обѣими столицами, такъ и съ сосѣдними губернскими и уѣздными городами прекрасными прямыми и широкими дорогами, окопанными по обѣимъ сторонамъ канавами и обсаженными въ два ряда березами; по непроходимымъ мѣстамъ и болотамъ устроены были гати; черезъ рѣки устроены прочные мосты и безопасныя переправы; на почтовыхъ станціяхъ были выстроены домики, снабженные простой, но достаточной мебелью, такъ что каждый проѣзжій находилъ не только спокойный ночлегъ, но и все необходимое.

Графъ склонилъ владѣльцевъ тѣхъ селеній, гдѣ учреждены были почтовыя станціи, взять на себя, за выгодную для нихъ плату, содержаніе почтовыхъ зданій, лошадей и почтальоновъ, одѣтыхъ пристойно, по прусскому образцу. Въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ выстроены были присутственныя мѣста, каменныя, въ два этажа, удобно расположенные и приличной архитектуры; также дома для губернатора, вице-губернатора и предсѣдателей палатъ, а въ уѣздныхъ городахъ—дома для городничихъ; въ домѣ для государева намѣстника устроена была большая зала, въ которой поставленъ былъ тронъ и могло помѣститься для выборовъ все дворянство. Всѣ эти мѣры привели край въ такое состояніе, что Императрица Екатерина, проѣзжая по ввѣреннымъ графу губерніямъ, сказала: «Если бы я сама невидѣла такого устройства въ Бѣлоруссіи, то никому бы не повѣрила; а дороги ваши, какъ сады».

Впослѣдствіи, когда всѣ эти работы были закончены, отношеніе мѣстныхъ жителей къ Ч—ву измѣнилось: неудовольствіе перешло въ уваженіе и признательность. Угрюмый, по утрамъ даже неприступный, онъ былъ добрымъ, сердечнымъ человѣкомъ. Трудолюбивый, дальновидный и справедливый, въ дѣлахъ былъ строгъ и требовалъ точнаго исполненія обязанностей. Хотя онъ не былъ одаренъ блистательными качествами полководца, но среди администраторовъ занималъ первое мѣсто и всегда имѣлъ голосъ въ совѣтахъ государственныхъ.

При свиданіи императрицы Екатерины съ австрійскимъ императоромъ Іосифомъ II въ Могилевѣ въ 1780 году его ожидали милость и расположеніе государыни. Со дня въѣзда (24 мая), императрица пробыла въ Могилевѣ до 30-го мая. Встрѣча была устроена великолѣпная. Въ трехъ верстахъ отъ города была устроена тріумфальная арка, гдѣ встрѣтилъ ее графъ Чернышевъ съ чинами губерніи и дворянствомъ съ ихъ предводителями. Однако, на второй день пребыванія императрицы въ Могилевѣ, между графомъ Чернышевымъ и Потемкинымъ произошелъ инцидентъ, лишившій и самого графа, и его подчиненныхъ царскихъ милостей. Онъ состоялъ въ слѣдующемъ: графъ первымъ къ наградѣ панагіей представилъ епископа Георгія черезъ Потемкина, который тогда былъ въ силѣ. Потемкинъ, желая сдѣлать пріятное графу, доложилъ государынѣ, вынесъ панагію и сказалъ: «извольте отнести сами желаемое вами награжденіе епископу».

Гордый и самолюбивый графъ отвѣтилъ: «у васъ есть на то адъютанты, а я ужъ старъ для разсылокъ».

Потемкинъ, обидѣвшись на его отвѣтъ, пожаловался государынѣ; она разгнѣвалась на Чернышева и стала обращаться съ нимъ холодно. Щедрыя награды орденами и чинами, которыя были приготовлены для чиновниковъ бѣлорусскихъ губерній, остались неутвержденными.

Честный и откровенный графъ не скрылъ отъ подчиненныхъ, что онъ былъ виновникомъ очевиднаго нерасположенія императрицы, и спустя нѣсколько дней послѣ ея отъѣзда сказалъ: «ну, друзья мои, виноватъ, что никто изъ васъ не награжденъ; признаюсь, не кстати погорячился; ну вотъ, по крайней мѣрѣ, жалованіе государыни женѣ моей раздѣлю съ вами», и разорвалъ жемчужное ожерелье сидѣвшей рядомъ съ нимъ жены и раздѣлилъ между присутствующими.

Въ слѣдующемъ 1781 году наслѣдникъ престола великій князь Павелъ Петровичъ съ великою княгинею проѣзжалъ черезъ Могилевъ за-границу и графъ Чернышевъ удостоился принять ихъ высочества въ своемъ мѣстечкѣ Чечерскѣ и угостилъ своихъ высокихъ гостей великолѣпно.

Въ 1782 году графъ Чернышевъ былъ назначенъ главнокомандующимъ города Москвы. Вотъ что гласитъ рескриптъ императрицы Екатерины отъ 4-го февраля 1782 года: «По случаю смерти нашего генерала князя Долгорукаго-Крымскаго, мы всемилостивѣйше препоручаемъ вамъ главную команду и попеченіе о сохраненіи добраго порядка во время отсутствія нашего въ столичномъ нашемъ городѣ Москвѣ и во всей Московской губерніи, повелѣвая вамъ присутствовать Сената нашего въ пятомъ департаментѣ, принять въ команду вашу московскую дивизію и всѣ войска, кои подъ вѣдѣніемъ покойнаго князя Долгорукаго-Крымскаго по сему мѣсту находились, и управляя на основаніи постановленій и указовъ предмѣстникамъ вашимъ данныхъ, ежечасно доносить намъ о состояніи города и губерніи, о тишинѣ и безопасности въ оныхъ и добромъ устройствѣ... По многимъ опытамъ усердія вашего къ службѣ нашей мы совершенно увѣрены, что вы сіе служеніе, изъ особливой нашей довѣренности на васъ возлагаемое, исправите ко благоугодности нашей».

Какъ и вездѣ, графъ Захаръ Григорьевичъ и въ Москвѣ проявилъ свои административныя способности. Москва ему обязана тоже многимъ.

Къ тому времени скопилась масса бумагъ по дѣламъ «колодниковъ», которыя, вслѣдствіе нерадѣнія чиновниковъ, слишкомъ затягивались. Это очень тяжело отражалось какъ на обвиняемыхъ, такъ и на соотвѣтствующихъ учрежденіяхъ, которыя должны были содержать этихъ лицъ въ заключеніи, Первымъ дѣломъ графа Чернышева было испросить разрѣшеніе у государыни «о болѣе скоромъ рѣшеніи дѣлъ о колодникахъ».

Онъ не мало заботился о внѣшнемъ видѣ города. Такъ, при немъ были починены стѣны Китая-города, закончена въ Кремлѣ постройка присутственныхъ мѣстъ; починены земляной и компанейскій валы, построены каменныя караульни у Варварскихъ, Ильинскихъ и Никольскихъ воротъ, ремонтированы рынки. Ему Москва обязана и многими украшеніями. Простой московскій народъ говорилъ о немъ простымъ купеческимъ тономъ: «хотя бы онъ, нашъ батюшка, два годочка еще пожилъ; мы бы Москву-то всю такову-то видѣли, какъ онъ отстроилъ наши торговыя лавки и другія публичныя зданія».

Графъ Чернышевъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра въ день его учрежденія.

Скончался онъ въ Москвѣ 29-го августа 1784 года, на 63 году отъ рожденія.

1) С. М. Соловьевъ, Ист. Рос. съ древн. врем. тт. XXIV, XXV. 2) Костомаровъ, Русск. истор. въ жизнеоп. ея главн. дѣятелей. 3) Лонгиновъ, Новиковъ и московскіе мартинисты. 4) Воспоминанія, Ф. П. Лубяновскаго, Рус. Арх. 1872 г. №№ 1, 3, 4. 5) Письма и рескрипты Екат. II къ моск. главноком., Рус. Арх. 1872 г. №№ 2, 3, 4. 6) Письма Екат. II къ гр. Чернышеву, Рус. Арх. 1874 г. № 9. 7) Записки кн. Голицына, Рус. Арх. 1874 г. № 5. 8) Выписки, извлечен. изъ рѣшетил. арх., бум. кн. Долгорукаго-Крымск., Рус. Арх. 1865 г. 9) Иконниковъ, графъ Н. С. Мордвиновъ. 10) Переписка гр. Чернышева объ учрежденіи въ Бѣлоруссіи новиціата для учрежденія орд., Сборн. отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ т. 9. 11) Анучинъ, гр. Панинъ, усмиритель пугачевщ., «Рус. Вѣст.» 1869 г. т. 80 №№ 3, 4, 5, 6. 12) Анучинъ, Первыé успѣхи Пугачева и экспедиція Кара. Воен. Сбор. №№ 5, 6. 13) Генер.-фельдм. кн. А. А. Прозоровскій, Военный Сбор. 1868 г. т. 72, № 7, 8; т. 73 № 9; т. 74 № 11. 14) Рескрипты и письма Имнер. Екатер. II къ гр. Чернышеву «Заря» 1871 г. № 2. 15) А. Н. Энгельгардтъ, воспоминанія. 16) Архивъ кн. М. Л. Воронцова кн. VI. 17) Архивъ воен.-подох. канцел. гр. Румянцева-Задунайскаго 7 1—4, Чтеніе въ общ. ист. и древн. рос. 1865 г. № 1; 1866 г. № 1; 1875 г. № 4. 18) Рескипты и письма имп. Екат. II Пам. Нов. русс. Ист. 1872 г. т. 2. 19) О сооруж. монум. ген. фельдм. гр. Чернышеву «Журн. Деп. Нар. Просв.» 1821 г. ч. 2. 20) Письма къ ген. Кречетову гр. Чернышева. Чтен. въ им. общ. ист. и древн. россійск. кн. 4 отд. I. 21) Плакат. Бѣлорус. ген. губ. гр. Чернышеву. Чтен. въ им. общ. ист. и древн. Рос. кн. I отд. V. 22) Бантышъ. Каменскій: Біогр. генер. и фельдм. кн. II. 23) Н. С. Кутайсовъ, изъ историческихъ судебъ западн. края. «Историч. вѣстн.» т. XXXIV 1890 г. 24- Черты изъ жизни Екат. II. Древ. и нов. рос) 1871 г. 25) Записки. шведск. дворянина. Древ. и Нов. рос. 1880 г. 26) Черты хар. ген. фельдм. Чернышева. Журн. для чт. восп. воен. уч. завед. 1841 г. т. 31 № 122. 27) Записки А. Т. Болотова. 28) «XVIII вѣкъ» сборникъ Бартенева. 29) Историческій сборникъ Михайлова. 30) Кашпирева: Памятники новой рус. исторіи. 31) Бильбасовъ, Первыя полит. письма Екат. II. 32) Бильбасовъ, Исторія имп. Екат. II т. II. 33) Батюшковъ, Бѣлоруссія и Литва, С.-Пб. 1890 г. 34) Мартыновъ, Русская Старина въ памятникахъ церковнаго и гражданск. зодчества. 25) Масловскій, Русск. арм. въ Семилѣт. войну. Походъ Апраксина въ Вост. Пруссію. 36) П. Ѳ. Карабановъ, Историч. разск. и отд. записки со словъ имен. людей: «Рус. Стар.» 1872 г. т. V. 37) Добрынинъ: Истинное повѣствованіе, Рус. Ст. 1871 г. IV. 38) Архивъ кн. М. И. Голенищева-Кутузова-

Смоленскаго, письма М. П. Гол.-Кут. къ женѣ, «Рус. Ст». 1870 г. т. I и II; «Рус. Ст. 1871 г. т. III и IV. 39) Импер. Іосифъ II въ Россіи. Донесеніе шведск. посл. Нолькена, сообщ. акад. Я. К. Гротъ. «Рус. Стар. 1883 г. т. XXXX. 40) Евгеній Петровичъ Кашкинъ, одинъ изъ сподвиж. Екат. II. «Рус. Стар.» 1882 г. т. XXXV. 41) Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общества тт. 4, 5, 6, 7, 9, 10, 12, 13, 18, 19, 20, 22, 27, 28, 32. 36, 37, 42, 43, 44, 46, 48, 51, 57, 67, 68, 72, 73, 87, 97. 42) Полное собраніе законовъ тт. XVI, XVII, XVIII, XIX. XX, XXI. №№ 11774, 11780, 11935, 12181, 12468, 12557, 12899, 13329, 13378, 13390, 13807, 13850, 13865, 13866, 13879, 13911, 13918, 13923, 13938, 13957, 13964, 13971, 14073, 14102, 14106, 14113, 14122, 14222, 14312, 14582, 14689, 14941, 14962, 15015, 15021, 15028, 15403, 15473.

Чернышевъ графъ *Иванъ Григорьевичъ*, генералъ фельдмаршалъ отъ флота, президентъ адмиралтейской коллегіи, родился въ Петербургѣ 24-го ноября 1726 г. и былъ младшимъ сыномъ генерала-аншефа графа Григорія Петровича. Проведя дѣтство въ домѣ родителей, онъ въ 1739 г. былъ опредѣленъ въ сухопутный кадетскій корпусъ, но пробылъ въ немъ недолго и въ 1741 г. былъ отправленъ дворяниномъ посольства въ Копенгагенъ, куда старшій его братъ, дѣйствительный камергеръ графъ Петръ Григорьевичъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ. Посвятивъ себя дипломатической службѣ, Иванъ Григорьевичъ на первыхъ порахъ находился подъ руководствомъ своего брата, который занимался за границей его образованіемъ и къ которымъ въ февралѣ 1742 г. Иванъ Григорьевичъ переѣхалъ въ Берлинъ, такъ какъ туда былъ переведенъ Петръ Григорьевичъ. Здѣсь Иванъ Григорьевичъ состоялъ въ томъ же званіи дворянина посольства, сначала безъ жалованья, а въ 1744 г. ему было назначено по 400 р. въ годъ. Въ слѣдующемъ 1745 г. Иванъ Григорьевичъ возвратился въ Россію и поступилъ подпрапорщикомъ въ лейбъ гвардіи Семеновскій полкъ, гдѣ черезъ годъ былъ произведенъ въ Гвардейскіе прапорщики и, прослуживъ послѣ того три съ небольшимъ года, оставилъ военную службу, такъ какъ 8-го Октября 1749 г., по случаю своей женитьбы на близкой родственницѣ Императрицы Елизаветы Петровны, онъ изъ Гвардейскихъ прапорщиковъ былъ сдѣланъ камеръ-юнкеромъ съ содержаніемъ 1000 рублей въ годъ. Послѣ этого Чернышевъ уѣхалъ съ женой за границу и вернулся въ Россію только въ 1755 году; 25-го декабря этого года онъ былъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры, а въ слѣдующемъ 1756 г. получилъ орденъ Св. Анны. Въ этомъ же году Иванъ Григорьевичъ исполнилъ данное ему императрицей важное порученіе, ясно показавшее то довѣріе, которое питала къ нему Елизавета Петровна, поручивъ ему отвезти въ подарокъ 10.000 рублей королевѣ польской Маріи Жозефинѣ, мужъ которой, король польскій и курфюрстъ Саксонскій Августъ III, крайне нуждаясь въ деньгахъ для войны съ прусскимъ королемъ Фридрихомъ II, обратился за помощью къ русской императрицѣ. Отъ императрицы Ч-въ получилъ на путевыя издержки 6.000 р., а польскій король пожаловалъ ему орденъ Бѣлаго Орла. По исполненіи этого порученія онъ, съ разрѣшенія императрицы, отправился путешествовать сначала въ Вѣну, а затѣмъ въ Парижъ, гдѣ представлялся королю и былъ очень ласково принятъ королевскою фамиліей и всѣмъ высшимъ придворнымъ кругомъ и очень шумно и весело провелъ тамъ время. Покинувъ Парижъ въ концѣ мая 1757 г., онъ возвратился въ С.-Петербургъ. Въ свое отсутствіе онъ, по ходатайству друга своего, всесильнаго въ то время фаворита И. И. Шувалова, получилъ 21-го марта 1757 г. въ награду два казенныхъ мѣдныхъ Юговскихъ завода въ Кунгурскомъ уѣздѣ, заплативъ казнѣ всего 90.000 рублей, причемъ ему досталось тутъ же готовой мѣди на 100.000 рублей. 8-го марта 1759 на улучшеніе этихъ заводовъ имъ было получено заимообразно изъ государственныхъ суммъ 50.000 рублей, платежъ которыхъ указами 17-го мая и 8-го іюня 1761 г. былъ отсроченъ на три года; въ концѣ концовъ эти заводы въ разоренномъ совершенно видѣ были куплены правительствомъ за 700000 рублей. Въ Петербургѣ Чернышевъ главнымъ образомъ вращался при дворѣ, будучи назначаемъ императрицей исполнять разныя экстренныя порученія, отличавшія его среди другихъ придворныхъ. Такъ, ему было повелѣно состоять «для компаніи и службы» при только что пріѣхавшемъ 31-го марта 1758 г. въ Петербургъ сынѣ короля польскаго Августа III, Саксонскомъ принцѣ Карлѣ

Христіанѣ-Іосифѣ. 16-го августа 1760 г. Ч—въ былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ Сената, обязанности котораго заключались главнымъ образомъ въ объявленіи Сенату къ исполненію высочайшихъ повелѣній по разнымъ дѣламъ и предметамъ. 9-го октября 1760 г. Чернышевъ былъ назначенъ главнымъ директоромъ только что учрежденной при Сенатѣ коммиссіи о коммерціи. Въ апрѣлѣ слѣдующаго года онъ былъ назначенъ, вмѣстѣ съ вѣнскимъ посломъ нашимъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ графомъ Германомъ Карломъ Кайзерлингомъ, вторымъ полномочнымъ министромъ со стороны Россіи на аугсбургскій конгрессъ. Этотъ генеральный мирный конгрессъ въ Аугсбургѣ былъ созванъ вслѣдствіе успѣховъ русскаго оружія въ семилѣтнюю войну и усиливавшагося среди нѣкоторыхъ Европейскихъ государствъ опасенія за преобладаніе русскаго вліянія на внутренній строй и внѣшнія отношенія европейскихъ государствъ, а также изъ участія къ положенію понесшаго тогда сильныя пораженія и потери прусскаго короля Фридриха II.

Какъ извѣстно, отношенія Россіи къ Пруссіи нисколько не улучшились и никакого соглашенія съ ней не состоялось, а потому и Аугсбургскій съѣздъ никакихъ благопріятныхъ послѣдствій не достигъ и война продолжалась, и только смерть Императрицы Елизаветы Петровны 25-го декабря 1761 г. совершенно измѣнила политику Петербургскаго кабинета и графъ Иванъ Григорьевичъ былъ въ началѣ 1762 г. отозванъ въ Россію Императоромъ Петромъ III.

Въ Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ графъ Ч—въ потерялъ свою покровительницу, которая всегда благоволила къ нему и осыпала его своими милостями, выражавшимися очень часто въ крупныхъ подаркахъ деньгами и недвижимымъ имуществомъ, благодаря чему состояніе графа Чернышева, и безъ того не маленькое при богатствѣ его жены, выросло до очень крупныхъ размѣровъ. Довѣріе государыни къ нему было безконечно и порученія, даваемыя ему, поражаютъ своимъ разнообразіемъ. Такъ, напр., императрица, отличавшаяся большой набожностью и воздвигшая въ свое царствованіе много церквей и монастырей, вспомнивъ однажды (1760—1761 г.), что Св. Іоаннъ Дамаскинъ одинъ изъ всѣхъ святыхъ греческаго календаря не имѣетъ въ Имперіи церкви своего имени, повелѣла немедленно отпустить 100.000 рублей на сооруженіе въ Петербургѣ этого храма, поручивъ графу Ивану Григорьевичу наблюденіе за возведеніемъ зданія по той причинѣ, что онъ носилъ имя упомянутаго святого.

Отозванный въ Россію императоромъ Петромъ III-мъ, графъ Иванъ Григорьевичъ возвратился изъ заграничной миссіи только со вступленіемъ на престолъ императрицы Екатерины II-й, издавна ему и брату его графу Захару Григорьевичу покровительствовавшей. 22-го сентября 1762 г., въ день коронованія императрицы Екатерины II-й, графъ Иванъ Григорьевичъ былъ произведенъ въ генералъ-поручики, съ оставленіемъ въ званіи дѣйствительнаго камергера, а 7-го ноября того же года онъ былъ назначенъ членомъ особой духовной коммиссіи. Вскорѣ послѣ этого Чернышевъ, находившійся въ дружескихъ отношеніяхъ съ воспитателемъ великаго князя Павла Петровича графомъ Н. И. Панинымъ, сблизился съ маленькимъ дворомъ наслѣдника престола и лицами окружающими великаго князя, который 20-го декабря 1762 г., послѣ увольненія отъ службы генералъ-адмирала князя М. М. Голицына, былъ назначенъ на его мѣсто и по званію генералъ-адмирала сдѣлался президентомъ Адмиралтействъ-Коллегіи, гдѣ вице-президентомъ состоялъ тогда адмиралъ С. И. Моравскій. Заботясь, чтобы великаго князя окружали лица ему преданныя и ему сочувствующія, графъ Н. И. Панинъ постарался привлечь на службу въ морское вѣдомство графа Ивана Григорьевича, и 22-го марта 1763 г. Чернышевъ былъ назначенъ членомъ Адмиралтействъ-Коллегіи, причемъ жалованье было велѣно ему производить изъ адмиралтейскихъ суммъ. Въ томъ же 1763 году Иванъ Григорьевичъ попалъ въ члены двухъ комиссій, образованныхъ почти одновременно; одна, особо учрежденная (17-го ноября 1763 г.) при Адмиралтействъ-Коллегіи, такъ называемая морская комиссія для разсмотрѣнія вопроса о преобразованіи россійскаго флота и адмиралтейскаго правленія, а другая (8-го декабря того же года) для обсужденія

мѣръ къ улучшенію коммерціи россійскаго государства.

14-го мая 1764 г. была снаряжена съ высочайшаго разрѣшенія по ходатайству Чернышева полярная экспедиція, о которой очень хлопоталъ М. В. Ломоносовъ, оказавшаяся, къ сожалѣнію, неудачной. Съ этого же 1764 г. графъ Чернышевъ замѣнилъ адмирала Талызина въ должности докладчика при особѣ императрицы по дѣламъ морского вѣдомства и ему, между прочимъ, 4-го мая 1764 г., было поручено разсмотрѣть для доклада государынѣ присланный нашимъ полномочнымъ министромъ въ Парижѣ княземъ Д. А. Голицынымъ проектъ «о лонштюдахъ». Несмотря на связи Ивана Григорьевича съ дворомъ нелюбимаго императрицей наслѣдника престола, онъ попрежнему пользовался расположеніемъ императрицы Екатерины, которая или переписывалась съ нимъ, или имѣла его въ своей свитѣ. Такъ, во время морского путешествія своего въ Ревель государыня приказала Чернышеву сопровождать ее въ этомъ плаваніи, давъ ему 16-го іюня 1764 г. военный корабль съ правомъ «поднять на немъ свой адмиральскій флагъ». Когда выгорѣлъ г. Кронштадтъ, императрица въ собственноручной запискѣ къ Чернышеву отъ 29-го іюля поручала ему позаботиться объ обездоленныхъ жителяхъ Кронштадта и какъ можно скорѣе выстроить каменный госпиталь на мѣстѣ сгорѣвшаго деревяннаго, а больныхъ на время распредѣлить поудобнѣе и если не хватитъ мѣста, то и въ тамошнемъ дворцѣ; обо всемъ этомъ Иванъ Григорьевичъ долженъ былъ отъ имени государыни доложить Адмиралтействъ-Коллегіи. 30-го декабря этого же года графъ Чернышевъ былъ сдѣланъ главнымъ командиромъ галернаго флота и порта. Впродолженіи 1764 г., подъ предлогомъ совмѣстной службы, графъ Иванъ Григорьевичъ, а также и братъ его графъ Захаръ не прерывали своихъ дружескихъ отношеній съ молодымъ дворомъ и были почти ежедневными посѣтителями великаго князя, у котораго они часто обѣдали; графъ Иванъ Григорьевичъ проводилъ время въ бесѣдахъ съ графомъ Н. И. Панинымъ, нерѣдко участвуя въ играхъ юнаго Павла Петровича и, подъ именемъ «комнатнаго генералъ-адмирала», забавлялъ его разными морскими упражненіями, знакомя вмѣстѣ съ тѣмъ съ исторіей Россіи.

Эта близость къ гатчинскому двору и довѣріе императрицы къ графу Ивану Григорьевичу дѣлали его, несмотря на присутствіе въ Адмиралтействъ-Коллегіи вице-президента, первымъ лицомъ въ морскомъ вѣдомствѣ, причемъ всѣ высочайшіе указы и повелѣнія Адмиралтействъ-Коллегіи объявлялись черезъ графа Чернышева.

Въ 1766 г. Иванъ Григорьевичъ на короткое время (съ 23-го мая по 3-е іюля) былъ въ отпуску, а въ слѣдующемъ 1767 г. сопровождалъ государыню въ путешествіи ея по Волгѣ, начальствуя надъ галерами, на которыхъ совершалось плаваніе самой императрицы и ея блестящей свиты, состоявшей изъ самыхъ близкихъ къ ней лицъ и иностранныхъ посланниковъ. Въ концѣ этого путешествія, 6-го іюня 1767 г., государыня въ собственноручной запискѣ объявила графу Ивану Григорьевичу, что она «поведеніемъ всей морской команды во время плаванія весьма довольна», о чемъ онъ немедленно довелъ до свѣдѣнія Адмиралтействъ-Коллегіи. Кромѣ своихъ непосредственныхъ обязанностей по морскому вѣдомству, Чернышевъ исполнялъ много другихъ порученій и дѣлъ, участвуя, напримѣръ, въ августѣ 1767 г. въ разсмотрѣніи разработаннаго И. И. Бецкимъ плана учрежденія Московскаго воспитательнаго дома, а во время приготовленія къ войнѣ съ Турціей получилъ отъ императрицы Екатерины II-й особое дипломатическое порученіе: отправиться чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ къ великобританскому двору. Графъ Иванъ Григорьевичъ выѣхалъ туда вмѣстѣ съ женой въ іюлѣ 1768 г. вмѣстѣ съ назначеннымъ состоять при немъ поручикомъ Бабинковымъ и мичманомъ княземъ Иваномъ Гагаринымъ. Покидая Петербургъ, графъ Чернышевъ сдалъ свои обязанности по завѣдыванію инвалиднымъ домомъ на Каменномъ островѣ на время своего отсутствія генералъ-кригсъ-комиссару Селиванову.

Въ Лондонѣ гр. Ч—въ пробылъ до половины 1770 года и впродолженіи всего этого времени не прекращалась личная переписка его съ императрицей Екатериной, которая въ письмахъ своихъ (съ 18-го іюля 1768 г.

по 27-е іюня 1770 года), возлагая на него разныя порученія, сообщала обо всемъ происходившемъ и достойномъ вниманія.

За время своего отсутствія графъ Иванъ Григорьевичъ 4-го іюня 1769 года произведенъ былъ въ полные генералы-по флоту и назначенъ вице-президентомъ Адмиралтействъ-Коллегіи. 15-го іюля, сообщая собственноручно и поздравляя его съ этимъ назначеніемъ, великій князь Павелъ Петровичъ писалъ ему: «Графъ Иванъ Григорьевичъ! Повышеніе ваше въ чинъ нашего вице-президента сдѣлало мнѣ крайнее удовольствіе, зная ваше усердіе къ направленію флота и имѣя въ васъ себѣ такого помощника... Я съ великимъ сожалѣніемъ увѣдомился отъ пріѣхавшихъ сюда изъ Англіи, что вы отъ дурного лондонскаго воздуха были больны. Желая, чтобы вы отъ такихъ приключеній были впредь навсегда свободны и здоровы, остаюсь вамъ навсегда благосклонный—Павелъ».

Отношенія графа Ивана Григорьевича къ великому князю продолжали оставаться наилучшими—яснымъ доказательствомъ чему можетъ служить слѣдующее отвѣтное письмо Павла Петровича отъ 12-го марта 1769 года: «Графъ Иванъ Григорьевичъ! Я получилъ письмо ваше съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что нашелъ въ ономъ ту же искренность и любовь, которая всегда заставляла любить васъ столь много. Будьте увѣрены, что оно меня еще болѣе утвердило въ тѣхъ мысляхъ, которыя я вамъ всегда старался оказывать, и теперешняя наша разлука тѣмъ для меня чувствительнѣе, что я не могу персонально вамъ того изъяснить. Извините, что я столь долгое время умедлилъ отвѣтствовать на письмо ваше и будьте совершенно увѣрены, что я пребываю вамъ всегда благосклонный—Павелъ».

Наконецъ въ началѣ 1770 года графъ Иванъ Григорьевичъ вернулся изъ Англіи въ Петербургъ и немедленно вступилъ въ отправленіе новой вице-президентской своей должности, которая, въ сущности, ставила его дѣйствительнымъ главнымъ начальникомъ морского вѣдомства, гдѣ съ 1763 года номинально президентомъ коллегіи состоялъ юный генералъ-адмиралъ великій князь Павелъ Петровичъ. Такъ смотрѣла на него фактически и императрица, относившаяся непосредственно по всѣмъ морскимъ дѣламъ къ графу Чернышеву, который уже и по служебнымъ обязанностямъ своимъ еще болѣе приблизился къ государынѣ, оставляя представительный почетъ по вѣдомству наслѣднику престола. Вскорѣ послѣ этого, какъ ближайшее слѣдствіе полученныхъ имъ повышеній, было 12-го апрѣля 1770 г. повелѣно имѣть графу Чернышеву «штатъ противъ прочихъ въ его чинѣ находящихся». Въ іюнѣ этого года произошло извѣстное истребленіе турецкаго флота при Чесмѣ, по поводу котораго императрица написала графу Чернышеву письмо съ описаніемъ медали, которую она велѣла отчеканить въ память этой побѣды; по поводу этой же побѣды графъ А. Г. Орловъ-Чесменскій черезъ Ивана Григорьевича просилъ государыню согласиться на награды, которыя имъ были розданы послѣ сраженія—на что, конечно, императрица съ удовольствіемъ согласилась, а графъ Чернышевъ съ своей стороны исходатайствовалъ 26-го августа 1771 года Высочайшее повелѣніе выдать полугодовое жалованье въ прибавку къ получаемому морскими и адмиралтейскими офицерами содержанію. Попавъ въ вице-президенты, графъ Иванъ Григорьевичъ находился въ постоянной перепискѣ съ Екатериною II и отъ этого времени дошло до насъ много писемъ и записочекъ къ нему императрицы. При разнообразіи своей дѣятельности графъ Чернышевъ участвовалъ въ 1772 г. въ разработкѣ многихъ очень важныхъ государственныхъ проектовъ, какъ, напримѣръ, о воспитательномъ домѣ, объ учрежденіи при немъ вдовьяго отдѣленія, ссудной и сохранной казны и объ учрежденіи коммерческихъ училищъ для купеческихъ дѣтей. Непосильные труды по морскому вѣдомству, въ связи съ другими работами и занятіями, подорвали здоровье Чернышева и онъ въ 1773 году заболѣлъ настолько серьезно, что ему пришлось бросить всѣ дѣла и отдохнуть. 15-го апрѣля ему былъ разрѣшенъ по болѣзни полуторогодовой отпускъ съ сохраненіемъ получаемаго содержанія и онъ тотчасъ же уѣхалъ за границу. 15-го ноября 1774 г. государыня разрѣшила ему пробыть въ чужихъ краяхъ еще до апрѣля 1775 г.

Въ іюлѣ того же года, во время празд-

нованія въ Москвѣ годовщины Кучукъ-Кайнарджискаго мира, при назначеніи наградъ лицамъ, такъ или иначе прикосновеннымъ къ Турецкой войнѣ 1769—1774 г., гр. Ч—въ получилъ одну изъ высшихъ наградъ въ государствѣ — орденъ св. Андрея «за рачительные многихъ лѣтъ труды о приведеніи флота въ желаемое доброе состояніе», какъ сказано было въ данномъ ему при этомъ рескриптѣ. Вскорѣ послѣ этого 27-го августа Иванъ Григорьевичъ получилъ также орденъ Александра Невскаго.

10-го іюня 1776 г., по случаю отъѣзда за-границу для свиданія съ своей невѣстой овдовѣвшаго тогда великаго князя Павла Петровича, графу Ивану Григорьевичу поручено было до возвращенія генералъ-адмирала «руководство всѣхъ дѣлъ касающихся до Коллегіи», при этомъ Чернышевъ получилъ слѣдующій приказъ отъ великаго князя: «За отбытіемъ моимъ отсюда съ будущаго понедѣльника т.-е. съ 13-го числа сего мѣсяца, имѣете вы принять главное начальство въ дѣлахъ касательныхъ до государственной Адмиралтействъ-Коллегіи и производить оное впредь до моего возвращенія. Павелъ».

29-го декабря этого года графъ Иванъ Григорьевичъ избранъ былъ почетнымъ членомъ императорской Академіи Наукъ одновременно съ свѣтлѣйшимъ княземъ Потемкинымъ-Таврическимъ и оберъ-камергеромъ Иванъ Ивановичемъ Шуваловымъ.

О дѣятельности графа Чернышева съ 1777 по 1781 годъ имѣются очень скудныя свѣдѣнія; извѣстно лишь, что въ 1778 году онъ участвовалъ, между прочимъ, въ разсмотрѣніи проекта князя Потемкина объ устройствѣ въ лиманѣ гавани и верфи, названныхъ Херсономъ. Въ 1781 году въ письмѣ къ Чернышеву императрица его просила какъ можно справедливѣе разобрать дѣло о пожарѣ на 32-хъ пушечномъ фрегатѣ «Марія», позаботясь при этомъ чтобы не было произведено никакихъ жестокихъ наказаній. Въ слѣдующемъ 1782 г. 3-го іюля императрица поручила Чернышеву отправить азовскій флотъ къ берегамъ Крыма для прекращенія нападеній татаръ крымскаго хана Шагинъ-Гирея. Въ этомъ же году 23-го октября, по случаю учрежденія ордена св. Владиміра, графъ Иванъ Григорьевичъ получилъ первую степень этого ордена. Въ 1783 году онъ сопровождалъ императрицу Екатерину въ Фридрихсгамъ для свиданія ея съ королемъ шведскимъ Густавомъ III, а 24-го ноября того же года былъ сдѣланъ сенаторомъ, причемъ 28-го ноября ему было повелѣно засѣдать въ 1-мъ департаментѣ Сената, «когда онъ будетъ свободенъ отъ другихъ дѣлъ по должности».

Во время путешествія императрицы Екатерины, въ началѣ 1787 года, на югъ для обозрѣнія присоединенныхъ къ Россіи крымскихъ провинцій, графъ Иванъ Григорьевичъ съ дочерью своей Екатериною (фрейлиною государыни) находился въ ея свитѣ и во время переѣзда по Днѣпру имѣлъ въ своемъ распоряженіи трешкотъ «Орелъ». Немедленно вслѣдъ затѣмъ графъ Чернышевъ исходатайствовалъ 17-го апрѣля 1787 г. у государыни разрѣшеніе отправить нѣсколько морскихъ судовъ изъ Балтійскаго моря въ Восточный океанъ съ научными цѣлями для изученія и описанія острововъ, а также и точнаго изслѣдованія карты океана. Между тѣмъ здоровье Ивана Григорьевича, оправившееся заграницей, снова разстроилось и онъ 17-го мая 1787 года получилъ заграничный отпускъ на неопредѣленное время «до излеченія», какъ сказано въ указѣ, и съ сохраненіемъ содержанія; немедленно послѣ этого онъ покинулъ Россію.

Политическія условія 1788 года и начавшаяся война съ Швеціей побудили императрицу, ввиду усиленныхъ приготовленій по морскому вѣдомству, вызвать Чернышева въ Петербургъ и заняться снаряженіемъ флота. Князь Потемкинъ также просилъ «вытащить графа Ивана Григорьевича Чернышева»—все это, конечно, заставило его покинуть Италію и немедленно возвратиться въ маѣ 1788 г. къ своей должности и заняться массою неотложныхъ дѣлъ по адмиралтействъ-коллегіи. Прибывъ въ Петербургъ, Иванъ Григорьевичъ, однако, не явился ко двору и до половины октября почти безвыѣздно сидѣлъ дома подъ предлогомъ болѣзни и только смерть адмирала Грейга заставила его показаться въ придворномъ кругу. Это продолжительное затворничество объясняли въ то время боязнью Чернышева, чтобы помимо его воли не

былъ никто назначенъ командовать флотомъ. Дѣятельность графа Ивана Григорьевича по морскому вѣдомству обнаружилась главнымъ образомъ въ приготовленіи къ Шведской войнѣ (1788—1790 года), когда онъ энергично занялся постройкой судовъ и снаряженіемъ русскаго флота. Какъ въ Кронштадтѣ, такъ и въ самомъ Петербургѣ въ главномъ адмиралтействѣ, въ Новой-Голландіи, на Галерномъ островѣ, въ Галерной гавани, на Охтѣ и въ другихъ мѣстахъ спѣшно строилось и перестраивалось до полутораста судовъ гребного флота и двѣсти шлюпокъ; сюда же кромѣ того изъ заводовъ и мастерскихъ свозились якоря, такелажъ, строительный, лѣсной и металлическій матеріалъ, сапожный товаръ и пр.

Все это доставлялось въ Петербургскіе магазины, тамъ принималось, осматривалось, пересчитывалось и распредѣлялось по судамъ. Не будучи совершенно морякомъ, при полномъ незнаніи морского техническаго дѣла, графъ Иванъ Григорьевичъ съумѣлъ, однако, поставить работы настолько успѣшно, что русскій флотъ въ очень скоромъ времени былъ готовъ къ выступленію противъ непріятеля; этому способствовали главнымъ образомъ энергичные сотрудники графа Чернышева: въ Петербургскомъ портѣ—флота оберъ-интендантъ генералъ-маіоръ И. П. Балле, а въ Кронштадтѣ—генералъ-интендантъ и главный командиръ Кронштадтскаго порта П. И. Пущинъ. Съ помощью этихъ сотрудниковъ Иванъ Григорьевичъ, на видъ сильно постарѣвшій, больной и нѣсколько желчный, съумѣлъ угодить государынѣ быстрымъ и удачнымъ преобразованіемъ флота, а какъ начальникъ былъ очень любимъ своими подчиненными, видѣвшими въ немъ своего покровителя и человѣка, умѣющаго цѣнить ихъ усердіе и службу.

Когда окончилась Шведская война и былъ подписанъ выгодный для насъ Верельскій миръ, Чернышевъ первый поздравилъ императрицу съ этимъ извѣстіемъ, получивъ за это отъ государыни благодарственную записку, причемъ вскорѣ при раздачѣ наградъ дѣятелямъ и участникамъ послѣдней Шведской войны, онъ былъ награжденъ, 8-го сентября 1790 г., алмазными знаками ордена Св. Андрея Первозваннаго «за труды въ вооруженіи флотовъ при управленіи морскимъ департаментомъ». 16-го декабря графъ Иванъ Григорьевичъ сдалъ галерный флотъ и портъ адмиралу принцу Людовику Нассау-Зигену, а за труды и управленіе Галернымъ портомъ получилъ ежегодную прибавку къ жалованью въ 6.000 рублей, съ оставленіемъ при немъ прежняго штата и, какъ сказано было въ рескриптѣ, «въ полномъ удостовѣреніи что вы служеніе ваше намъ въ другихъ важныхъ должностяхъ вамъ ввѣренныхъ усердно продолжать не оставите». Въ маѣ 1791 года графъ Иванъ Григорьевичъ сильно захворалъ и, получивъ 16-го августа годовой отпускъ съ сохраненіемъ содержанія, тотчасъ уѣхалъ заграницу. Ему не пришлось однако черезъ годъ вернуться въ Россію и отпускъ его отсрочивался нѣсколько разъ, такъ что онъ вернулся въ Россію незадолго до смерти императрицы. Живя въ чужихъ краяхъ, онъ не перерывалъ своихъ сношеній съ Петербургскимъ дворомъ и находился въ постоянной перепискѣ съ самой императрицей, всегда съ участіемъ и благосклонностью относившейся къ своему угасающему сотруднику. Здоровье графа между тѣмъ не улучшалось, и 9-го іюля 1795 г. ему разрѣшно было остаться заграницей еще годъ и повелѣно было выдать впередъ годовое жалованье. Въ 1796 году Иванъ Григорьевичъ вернулся въ Россію, и въ томъ же году 6-го ноября скончалась Екатерина II. На служебной карьерѣ графа Чернышева наступленіе новаго царствованія не отразилось никакими дурными послѣдствіями, такъ какъ императоръ Павелъ Петровичъ съ дѣтства съ большой любовью относился къ давно и близко знакомому ему Ивану Григорьевичу—его первому помощнику по морскому вѣдомству. 12-го ноября 1796 г., графъ Иванъ Григорьевичъ былъ сдѣланъ президентомъ Адмиралтействъ-Коллегіи и произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы отъ флота «съ тѣмъ однакожъ—какъ сказано было въ указѣ—чтобы онъ не былъ генералъ-адмираломъ». Это были послѣднія повышенія, полученныя не пришлось болѣе Григорьевичемъ; ему не пришлось болѣе служить старому своему покровителю, выросшему и развившемуся на его глазахъ. Силы его такъ ослабли, что онъ снова отправился за-

границу, надѣясь весною немного окрѣпнуть, чтобы, вернувшись въ Россію, снова продолжать свою энергичную дѣятельность при новомъ своемъ покровителѣ; но скоро силы его покинули и 26-го февраля 1797 г. онъ скончался въ Римѣ. Тѣло его привезли въ Петербугъ и торжественно похоронили 31-го августа въ церкви Благовѣщенія Александро-Невской Лавры.

Обзоръ его государственной дѣятельности весьма кстати будетъ закончить его нравственной характеристикой, оставленной намъ его современникомъ, извѣстнымъ историкомъ кн. М. М. Щербатовымъ: «Графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, человѣкъ не толь разумный, коль быстрый, увертливый и проворный и, словомъ, вмѣщающій въ себѣ всѣ нужныя качества придворнаго, многіе примѣры во всякомъ родѣ сластолюбія подалъ. Къ несчастію Россіи, онъ не малое время путешествовалъ въ чужіе края, видѣлъ все, что сластолюбіе и роскошь при другихъ европейскихъ дворахъ наиприятнѣйшаго имѣютъ, онъ все сіе перенялъ, все сіе привезъ въ Россію и всѣмъ симъ отечество свое снабдить тщился. Одѣянія его были особливаго вкуса и богатства и ихъ толь много, что онъ единожды вдругъ двѣнадцать кафтановъ выписалъ; столъ его со вкусомъ и изъ дорогихъ вещей содѣланный, обще вкусъ, обоняніе и видъ привлекалъ; экипажи его блистали златомъ и самая ливрея его пажей была шитая серебромъ; вина у него были на столѣ наилучшія и наидрожайшія. И подлинно, онъ симъ нѣкоторое преимущество получалъ, яко человѣкъ, имѣющій вкусъ, особливо всегда былъ уважаемъ у двора».

«Русская Старина» 1870 года, томъ I, стр. 309; томъ II, стр. 104; 1871 годъ, томъ III, стр. 680; томъ IV, стр. 61, 195, 399; 1872 годъ, томъ V, стр. 801, 802; томъ VI, стр. 569—572; 1873 годъ, томъ VIII, стр. 885, 887; 1874 годъ, томъ IX, стр. 410, 537; 1875 г., томъ XIII, стр. 542; томъ XII, стр. 360, 499, 500; 1876 годъ, томъ XVI, стр. 1, 225, 239, 409, 433, 452, 464, 504; 1877 годъ, томъ XVIII, стр. 100, 101, 216—247; томъ XIX, стр. 29—39, 1878 годъ, томъ XXII, стр. 60; томъ XXIII, стр. 190, 410; 1882 годъ, январь, стр. 195; 1883 годъ, декабрь, стр. 706; 1886 годъ, ноябрь, стр. 245—249, 256, 257, 268; 1887 годъ. февраль стр. 308; апрѣль, стр. 53; іюль, стр. 41, 48—50; ноябрь, стр. 377; 1888 годъ, февраль, стр. 272; іюнь, стр. 546; іюль, стр. 18, 20; августъ, стр. 230, 231, 233, 234, 235, 236, 237, 244; сентябрь, стр. 469, 472, 473; октябрь, стр. 42, 43; ноябрь, стр. 500; 1892 годъ, мартъ, стр. 544, 563; декабрь стр. 568; 1894 годъ, апрѣль, стр. 161, 167; «Русскій Архивъ» 1863 годъ, стр. 394; 1864 годъ, стр. 360 и др.; 1867 годъ, 197—203, 931; 1869 годъ, стр. 6, 7, 9, 10, 17, 19, 20, 24, 25, 27, 29, 31, 33, 40, 41, 44, 50, 52, 61, 1779—1870; 1870 годъ, стр. 284, 285, 286, 287, 1399, 1401; 1871 годъ, стр. 1313—1348, 2043, 2049; 1872 годъ, стр. 2077, 2083; 1873 годъ, стр. 103; 1874 годъ, томъ I, стр. 467, 959, 1002, 1451; томъ II, стр. 164—165; 382—383, 440, 545—547, 747, 903, 921, 933; 1875 годъ, томъ I, стр. 425; томъ II, стр. 42; 1876 годъ, томъ II, стр. 8; томъ III, стр. 258, 264, 397; 1877 г., томъ I, стр. 30, 481; томъ III. стр. 394; 1878 годъ, томъ I, стр. 470, 473; томъ III, стр. 46, 102; 1879 годъ, томъ II, стр. 47, 55, 75; 1880 годъ, томъ II, стр. 237; томъ III, стр. 347; 1884 годъ, томъ I, стр. 303; томъ II, стр. 210; 1885 годъ, томъ I, стр. 152—159; 1886 годъ, томъ I, стр. 156, 161, 261, 268, 305; томъ III, стр. 8, 10; 1888 годъ, томъ I, стр. 4; 1889 годъ, томъ III, стр. 185; 1890 годъ, томъ I, стр. 504; томъ III, стр. 255; 1893 годъ, томъ I, стр. 389; 1894 годъ, томъ II, стр. 114; томъ III. стр. 22; «Историческій Вѣстникъ» 1881 годъ. мартъ, стр. 696; 1885 годъ, августъ, стр. 252, 253. 324; 1887 годъ, августъ стр. 401;—Высочайшіе указы сенатскаго Архива;—«Россійская родословная книга», кн. П. В. Долгорукова, томъ II, стр. 103;—«Русская родословная книга», изд. «Русской Старины» 1873 г. томъ I, стр. 369—371;—Извлеченія изъ дѣлъ Морского министерства; Бантышъ-Каменскій. Біографіи генералъ-фельдмаршаловъ, изд. 1840 г., томъ II, стр. 234;—Его-же. Словарь достопамятныхъ людей русской земли, изд. 1847 г., томъ III, стр. 514; Его-же Списки кавалеровъ, изд. 1814 г., стр. 118, 225; А. Вейдемейеръ. Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи во второй половинѣ XVIII-го вѣка изд. 1846 г., ч. I, стр. 67;—Списки Карабанова изд. 1860 г., стр. 6, 13 90;—Дневникъ, А. В. Храповицкаго изд. Н. П. Барсукова 1874 г.—Записки С. А. Порошина изд. 1881 г.—Записки В. А. Нащокина изд. 1842 г.—Письма и бумаги Екатерины II, хранящіяся въ Государственномъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ», изданіе П. Пекарскаго 1871 г., стр. 111, 114 329;—Архивъ Морского Министерства» изданіе 1882 г., томъ III;—Энциклопедическій Лексиконъ Старчевскаго» томъ XII, стр. 152;—Морской Сборникъ, 1871 г., томъ CXV, № 8 неоффиціальный отдѣлъ, стр. 10—12;—Архивъ князя Воронцова. томъ II, стр. 372; томъ III, стр. 243, 247, 255. 282, 544; томъ IV, стр. 465, 472;—П. Пекарскій, «Исторія Императорской Академіи Наукъ», изд 1873 г., томъ II, стр. 805—809;—Общій списокъ членовъ Имераторскій Академіи Наукъ со дня ея основанія, составилъ В. П. Шеміотъ, архиваріусъ Конференцъ-Академіи, стр. 26.

Б. Алексѣевскій.

Чернышевъ, *Иванъ Егоровичъ*, артистъ драматической труппы Спб. императорскихъ театровъ, драматургъ, (род. 1833 г. ум. 16 ноября 1863 г.), началъ заниматься литературой со школьной скамьи. Еще будучи воспитанникомъ теа-

тральнаго училища, онъ сочинялъ пьесы и одна изъ нихъ въ то же время попала на подмостки Александринскаго театра. На вызовы публики авторъ выходилъ въ казенной курточкѣ. Впослѣдствіи Чернышевъ показалъ себя недюжиннымъ драматургомъ. Пьесы его имѣли выдающійся успѣхъ. Этимъ успѣхомъ Чернышевъ обязанъ до нѣкоторой степени А. Е. Мартынову, который, питая привязанность къ Чернышеву, много помогалъ ему, какъ драматургу, своими совѣтами и указаніями и, что главное, бралъ его пьесы для своихъ бенефисовъ и игралъ въ нихъ главныя роли. Чернышеву принадлежатъ слѣдующія драматическія произведенія: «Не въ деньгахъ счастье» ком. въ 4 д. съ прологомъ Спб. 1858 и 1859. 2) «Женихъ изъ долгового отдѣленія» 1858. 3) «Примадонна» сцены изъ жизни провинціальныхъ актеровъ, въ 1 д. Спб. 1858. 4) «Отецъ семейства», драма въ 4 д. Спб. 1860. 5) «Испорченная жизнь» ком. въ 5 д. Спб. 1862. Кромѣ того перу Чернышева принадлежатъ: 1) Уголки театральнаго міра. Очерки нравовъ. 3 части (Отеч. зап. 1862 г. Сент. стр. 1 — 122, окт. стр. 219—316, нояб. стр. 44—145 и отдѣльно Спб. 1875 г.), и 2) Петербургскія актрисы, Спб. 1876 г. Какъ актеръ, Чернышевъ не выдавался изъ ряда посредственностей. Игралъ онъ по большей части злодѣевъ. Но самъ себя считалъ онъ талантомъ и не признавалъ знаменитыхъ современныхъ ему актеровъ, за исключеніемъ А. Е. Мартынова. По натурѣ Чернышевъ не былъ злымъ, но въ сужденіяхъ о своихъ товарищахъ, въ особенности старшихъ по лѣтамъ и выслугѣ, онъ никогда не выбиралъ выраженій. Кромѣ того онъ находилъ удовольствіе въ либеральничаніи по отношенію къ начальству, старался разыгрывать изъ себя авторитетнаго вершителя судебъ театра и нещадно казнить всѣхъ окружающихъ, кто не входилъ въ кругъ его друзей. Благодаря всему этому онъ нажилъ не малое число враговъ. Чернышевъ еще въ училищѣ, по собственному признанію, пріучился къ вину. Страсть къ алкоголю развивалась въ немъ постепенно все сильнѣе и сильнѣе и наконецъ сгубила его. Послѣдніе годы его жизни были омрачены чуть ли не безпросыпнымъ кутежомъ. Къ простой привычкѣ присоединилась еще безнадежная любовь къ одной актрисѣ-премьершѣ. Желая заглушить въ себѣ это чувство, Чернышевъ усиленно предался пьянству и допился до водянки, которая и свела его въ могилу. Умеръ онъ въ нищенской обстановкѣ.

Русск. Арх. 1865 г. ст. 1387. — Русск. Стар. 1886 г. т. 52, стр. 632. Воспоминанія Н. И. Куликова.—Истор. Вѣстн. 1894 г. т. 57, стр. 683—688. Воспоминанія А. А. Нильскаго.—Русск. Сцена, т. II, № 3, отд. II. стр. 33—56. М. В. Родевичъ. П. Е. Чернышевъ и его «испорченная жизнь», А. М. Скабичевскій. Исторія новѣйшей Русской Литературы 1848 — 1892 г.г. спб. 1897, стр. 423. *Мичатекъ.*

Чернышевъ, *Иванъ Львовичъ*, генералъ-поручикъ, сенаторъ, родился въ 1736 году. О его происхожденіи и родственныхъ связяхъ существуютъ самыя противорѣчивыя свѣдѣнія, но опредѣленнаго ничего нѣтъ. Матеріальное его состояніе было невелико, такъ какъ за нимъ числилось всего 99 душъ. Въ 1749 году онъ вступилъ въ военную службу и 16-го марта 1750 года былъ сдѣланъ капраломъ; 21-го апрѣля того же года онъ былъ произведенъ въ каптенармусы, а черезъ четыре дня послѣ этого т.-е. 25-го апрѣля въ сержанты; 27-го августа 1754 года Ч—въ былъ пожалованъ во флигель-адъютанты прапорщичьяго чина, а 25-го апрѣля 1755 года попалъ въ полковые адъютанты. Съ этого времени служебная карьера Чернышева стала подвигаться довольно быстро. 1-го января 1757 года онъ былъ произведенъ въ поручики, принялъ участіе въ прусскомъ походѣ, былъ во всѣхъ генеральныхъ сраженіяхъ этого похода и получилъ раны пулею въ ногу, бокъ и шею. Произведенный 9-го октября 1760 года въ капитаны, онъ 15-го мая слѣдующаго 1761 года получилъ чинъ секундъ-маіора, а 3-го іюня 1762 года чинъ премьеръ-маіора. Отличившись затѣмъ въ польской войнѣ при взятіи въ крѣпости Станиславовѣ въ плѣнъ около 4.000 человѣкъ, а также въ многочисленныхъ стычкахъ съ конфедератами, Ч—въ 10-го декабря 1764 года былъ произведенъ въ подполковники. За участіе въ Турецкомъ походѣ онъ былъ произведенъ 1 янв. 1770 г. въ полковники и выступилъ снова въ Польшу; 17-го марта 1774 года, командуя Ноте-

бургскимъ пѣхотнымъ полкомъ, былъ пожалованъ въ бригадиры. Въ 1777 году 28-го іюня онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ командиромъ Бѣлозерской дивизіи; въ 1778 и 1779 годахъ командовалъ Польскимъ корпусомъ, а въ 1780 году Украинской дивизіей. 22-го апрѣля 1781 года получилъ орденъ св. Анны и 28-го іюня того же года былъ назначенъ правителемъ Костромскаго намѣстничества. Ровно черезъ два года послѣ этого т.-е. 28-го іюня 1783 года Чернышевъ былъ произведенъ въ генералъ-поручики и вскорѣ послѣ этого 23-го января 1784 года онъ былъ сдѣланъ сенаторомъ съ увольненіемъ отъ обязанностей Костромскаго намѣстника; 26-го января ему повелѣно было присутствовать въ 6 Департаментѣ Сената. 17-го ноября 1786 года ему было поручено отправиться въ Москву для присутствія тамъ въ особомъ комитетѣ по дѣлу о разныхъ безпорядкахъ въ комиссаріатѣ и съ этого времени Ч—въ поселился въ Москвѣ. Умеръ онъ въ 1791 году. Его сынъ Александръ Ивановичъ (см. выше) сдѣлалъ блестящую карьеру и въ царствованіе Императора Николая Павловича получилъ княжеское достоинство.

«Формулярный списокъ о службѣ». Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій «Русская родословная книга». Изд. 2, т. II, стр. 356. Губернскій служебникъ кн. Туркестанова, стр. 125; Бантышъ-Каменскій «Списки кавалеровъ», стр. 322.

Б. Алексѣевскій.

Чернышевъ, *Николай Николаевичъ*, этнографъ, родился въ Кіевѣ, въ 1861 г. Первоначальное образованіе получилъ въ 1-й кіевской гимназіи и въ реальномъ училищѣ, которое и окончилъ въ 1878 году. Въ томъ же году онъ поступилъ въ петербургскій технологическій институтъ, гдѣ пробылъ недолго. Выйдя изъ института, Чернышевъ уѣхалъ за границу, поступилъ въ Бернѣ на медицинскій факультетъ и съ особеннымъ усердіемъ занимался анатоміей. Тогда же онъ началъ серьезно интересоваться исторіей и на послѣдніе гроши составилъ себя порядочную библіотеку капитальныхъ историческихъ сочиненій. 19—20-ти лѣтъ онъ снова вернулся въ Петербургъ, гдѣ начались его скитанія по урокамъ, конторамъ, занятія перепискою бумагъ и т. п. ради насущнаго хлѣба, пока въ 1883 г. онъ не поступилъ на службу въ министерство Путей Сообщенія Все свободное отъ службы время Чернышевъ посвящалъ самообразованію, подготовкѣ себя къ литературной дѣятельности въ области южно-русской этнографіи. Онъ тщательно изучалъ всякую книгу по исторіи Малороссіи, всякое изслѣдованіе или сообщеніе о вѣрованіяхъ, обычаяхъ, обрядахъ южно-русскаго племени. Новые языки онъ зналъ хорошо, читалъ въ подлинникѣ и древне-греческихъ писателей. Любимѣйшимъ чтеніемъ его были труды по описательной этнографіи англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ ученыхъ; добытыя европейской наукой общія положенія по исторіи культуры онъ переносилъ на родную почву и съ помощью ихъ старался выяснить черты глубокой южно-русской старины, сохранившіяся въ обычаяхъ и обрядахъ. Кромѣ того, онъ трудился надъ изготовленіемъ статьи о похоронныхъ малорусскихъ обычаяхъ и обрядахъ, объясняемыхъ на широкой основѣ сравнительной этнографіи. Въ іюлѣ 1887 г. Чернышевъ, по слабости здоровья, вынужденъ былъ покинуть Петербургъ и поселиться въ Кременчугѣ, куда онъ былъ переведенъ на ту же должность по министерству Путей Сообщенія. Къ концу жизни судьба сжалилась надъ нимъ: матеріальныя обстоятельства его значительно улучшились—даже завѣтная мечта его о поселеніи въ Кіевѣ близка была къ осуществленію, но въ январѣ 1883 г. онъ захворалъ и 22-го марта 1888 г. скончался. Изъ трудовъ Н. Н. Чернышева, напечатанныхъ въ «Кіевской Старинѣ», извѣстны: «Опытъ истолкованія обычая понедилкуваня» (1887, IV), пространная рецензія на книгу Змыгродскаго: «Die Mutter bei den Völkern des arischen Stammes», München, 1886 (1888, X) и «Къ вопросу о парубоцтвѣ, какъ особой общественной группѣ» (1887 г., XI).

«Кіевская Старина», 1888 г., т. XXI, кн. V, стр. 60—65 (Некрологъ Н. Н. Чернышева). Языковъ, Д. Д. Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей. Вып. VIII, стр. 125.

Александръ Ивановъ.

Чернышевъ, *Николай Павловичъ*, предводитель дворянства Могилевскаго уѣзда, Подольской губ., и одинъ изъ учредителей одесскаго перваго народнаго

театра въ Россіи. Еще до освобожденія крестьянъ Ч. задумалъ устроить у себя образцовый пансіонъ, который со временемъ могъ бы сдѣлаться разсадникомъ образованія. Мысль эту онъ осуществилъ у себя въ имѣніи Куковкѣ (Подольской губ.). Въ его школѣ получали безплатно воспитаніе мальчики бѣдныхъ семействъ. Кромѣ того Ч. устроилъ образцовое народное училище и обезпечилъ какъ его, такъ и сельскаго учителя пожертвованнымъ капиталомъ. Въ этой школѣ впервые въ Россіи были введены звуковой методъ обученія и методъ Грубе. Однако, завѣтной мыслью Ч. было устройство народнаго театра. Съ этой цѣлью онъ переселился въ Одессу, гдѣ посвятилъ все свое имущество и силы на осуществленіе этой идеи. Постоянные труды (такъ какъ онъ, будучи самъ актеромъ и режиссеромъ, занимался и игрой и постановкой пьесъ и составленіемъ репертуара) и непріятности, сопряженные съ дѣлами народнаго театра, разстроили его здоровье. Ч. умеръ въ Одессѣ 31-го декабря 1871 г.

Источники: 1) «Кіевлянинъ», 1872 г. № 4, стр. 2; 2) «Одесскій Вѣстникъ», 1877 г., стр. 13 и 14. *А. Трнка.*

Чернышевъ, *Петръ*, самозванецъ на имя Петра Ѳеодоровича, былъ солдатомъ Брянскаго пѣхотнаго полка. Взявъ отпускъ, онъ бѣжалъ изъ полка, и въ селѣ Купенкахъ, Изюмскаго уѣзда, сойдясь съ какимъ-то попомъ Иванецкимъ, объявилъ себя императоромъ Петромъ Ѳеодоровичемъ. Сосланный въ каторжныя работы вѣчно, онъ прибылъ въ Нерчинскіе заводы въ 1763 г. и былъ помѣщенъ, какъ секретный арестантъ. Пробовалъ бѣжать, но неудачно, за то своимъ побѣгомъ обратилъ вниманіе на себя Льва Евдокимова, растриги, сосланнаго по дѣлу другого самозванца Кремнева. Подъ его вліяніемъ и съ его помощью онъ снова сталъ выдавать себя за императора сначала среди служителей тюрьмы, а затѣмъ и среди окрестнаго населенія. Крестьяне стали приходить къ нему съ подобающими приношеніями. Дѣло дошло до того, что мѣстный тунгусскій князь готовъ былъ освободить его изъ тюрьмы и предоставить въ Петербургъ. Послѣднее не входило въ разсчеты самозванца, и онъ только при помощи своихъ друзей бѣжалъ. Но вскорѣ принужденъ былъ голодомъ отдаться въ руки правосудія, былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ Мангазею и по дорогѣ туда умеръ въ Енисейскѣ.

Максимовъ. Сибирь и каторга, т. III. Его же. Два эпизода изъ нерчинскихъ тюремъ. Библіотека для чтенія. 1861 г., № 10. Дубровинъ. Пугачевъ и его сообщники, т. I, стр. 368.

Чернышевъ, графъ *Петръ Григорьевичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, дѣйствительный камергеръ и сенаторъ, родился въ Петербургѣ 24-го марта 1712 г. и былъ старшимъ сыномъ деньщика Петра Великаго, а впослѣдствіе генерала-аншефа, сенатора и графа Григорія Петровича Чернышева. Уже съ самаго его рожденія, благодаря положенію при дворѣ его родителей, судьба судила ему блестящую карьеру. Его воспріемниками отъ купели были царь Петръ Великій, графъ Гавріилъ Ивановичъ Головкинъ и царевны Анна и Екатерина Іоановны Уже 7-го декабря 1715 года онъ былъ зачисленъ, «во вниманіе къ родителямъ», солдатомъ лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ, а въ 1722 году, десяти лѣтъ отъ роду, ему разрѣшено было поступить на службу къ владѣтельному герцогу Шлезвигъ-Голштинскому Карлу Фридриху, у котораго онъ былъ сперва пажемъ, потомъ камеръ-пажемъ и наконецъ въ чинѣ капитанъ-поручика Голштинской службы. 29-го мая 1727 года, въ царствованіи Императора Петра II, вернулся въ Россію, гдѣ по распоряженію верховнаго тайнаго совѣта 12-го декабря того же года былъ назначенъ, съ чиномъ поручика, адъютантомъ къ своему отцу, генералъ-кригсъ-комиссару и рижскому губернатору Григорію Петровичу. Пятилѣтнее пребываніе заграницей и личная склонность къ дипломатической карьерѣ заставили Петра Григорьевича 29-го Іюня слѣдующаго года, по предписанію государственной иностранной коллегіи, отправиться съ русскимъ посломъ на Суасонскій конгрессъ, для изученія политическихъ дѣлъ. Съ этого времени Чернышевъ всецѣло посвятилъ себя дипломатической дѣятельности, получивъ впослѣдствіи широкую извѣстность на этомъ поприщѣ. Пробывъ заграницей полтора года, онъ возвратился въ Петербургъ уже при императрицѣ

Аннѣ Іоанновнѣ и 22-го марта 1730 года былъ пожалованъ въ дѣйствительные камеръ-юнкеры. Принадлежа къ русской партіи, Петръ Григорьевичъ не пользовался особеннымъ довѣріемъ тогдашняго нѣмецкаго правительства съ Бирономъ во главѣ и въ продолженіи всего царствованія, находясь въ придворномъ званіи, не несъ никакихъ служебныхъ обязанностей; только женитьба въ 1738 году на дочери всесильнаго въ то время начальника тайной канцеляріи графа Андрея Ивановича Ушакова приблизила его ко двору и онъ 30-го марта 1739 года, будучи старшимъ камеръ-юнкеромъ, былъ сдѣланъ первымъ камергеромъ къ принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ Брауншвейгъ Люнебургской, а 14-го февваля 1740 года пожалованъ въ дѣйствительные камергеры къ высочайшему двору. Вскорѣ послѣ этого Чернышеву было предложено отправиться къ испанскому двору въ качествѣ полномочнаго министра; назначеніе это однако не состоялось вслѣдствіе смерти императрицы Анны Іоанновны и только въ началѣ 1741-го года, при правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, онъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ къ Датско-Норвежскому двору. Случившійся въ то время государственный переворотъ могъ разстроить и на этотъ разъ планы Петра Григорьевича, но вступившая на престолъ императрица Елизавета Петровна благоволила къ семьѣ Чернышева и безъ всякихъ колебаній 28-го ноября утвердила его въ новой должности. Недолго однако пришлось ему состоять при дворѣ датскаго короля Христіана V, такъ какъ 19-го декабря того же года онъ былъ переведенъ полномочнымъ министромъ въ Мадридъ и также, какъ и въ первый разъ, не былъ утвержденъ въ этой должности, а ему повелѣно было быть 26-го декабря нашимъ посломъ въ Берлинѣ. Въ рескриптѣ, полученомъ имъ по этому случаю, было сказано: «Такъ какъ король прусскій передъ недавнимъ временемъ чрезъ министра своего Мардефельда велѣлъ подъ рукою потребовать отзыва Бракеля (предмѣстника графа Чернышева въ Берлинѣ), которымъ онъ не очень былъ доволенъ, то и вы пристойнымъ образомъ имѣете нашимъ именемъ представить королю, чтобъ онъ показалъ намъ взаимное снисхожденіе, отозвалъ отъ нашего двора своего министра Мардефельда».

Еще до пріѣзда Петра Григорьевича въ Берлинъ отправленъ былъ къ нему указъ отъ 13-го февраля съ порученіемъ: домогаться у короля прусскаго Фридриха II поддержки въ дѣлѣ избранія въ герцоги Курляндскіе принца Гессенъ-Гомбургскаго. Какъ извѣстно, избраніе это не состоялось; тѣмъ не менѣе Чернышевъ былъ награжденъ 18-го декабря 1743 года орденомъ Александра Невскаго. Пользуясь вначалѣ повидимому полнымъ расположеніемъ Фридриха II, Чернышевъ получалъ отъ него для передачи императрицѣ даже такіе дружескіе совѣты, какъ удаленіе находившейся въ Лифляндіи Брауншвейгской фамиліи въ такія мѣста, чтобы никто не могъ узнать, куда она дѣвалась; но затѣмъ отношенія перемѣнились, и по желанію берлинскаго кабинета 23-го декабря 1743 г. рѣшено было отозвать графа Чернышева изъ Берлина и замѣнить его графомъ М. П. Бестужевымъ-Рюминымъ. Предполагалось графа Петра Григорьевича назначить министромъ къ римскому двору и объ этомъ коллегіей иностранныхъ дѣлъ было сдѣлано представленіе государынѣ, которая, однако, не согласилась на это. Подписавъ 8-го января 1744 г. указъ объ отозваніи изъ Берлина Петра Григорьевича, императрица велѣла ему послѣ полученія прощальной аудіенціи у прусскаго короля оставаться всетаки до особаго распоряженія въ Берлинѣ и не распродавать своего имущества. На его мѣсто въ Берлинъ былъ назначенъ въ тотъ же день, т. е. 8-го января, оберъ-гофмаршалъ графъ М. П. Бестужевъ-Рюминъ. Только 5-го мая Ч. откланялся въ прощальной аудіенціи королю Фридриху, но, согласно данному ему предписанію, не покинулъ столицы прусскаго королевства, оставшись тамъ ожидать дальнѣйшихъ распоряженій отъ своего правительства. Хотя въ маѣ же мѣсяцѣ и предполагалось опредѣлить Чернышева русскимъ министромъ въ Лондонъ, на мѣсто князя Щербатова, но происшедшее въ то время разстройство внутреннихъ дѣлъ въ Польшѣ, разложеніе которой уже было ясно, побудило императрицу перевести 26-го Іюля 1744 года русскаго посла въ Берлинѣ графа Бестужева-Рюмина въ Варшаву, а

дѣла и обязанности снова поручить (27-го Іюля) живущему тамъ Петру Григорьевичу. Это вторичное назначеніе не было временнымъ исправленіемъ обязанностей, и Чернышевъ занималъ этотъ постъ въ продолженіи 1744 и 1745-хъ годовъ. Только въ началѣ 1746 года его отношенія съ Прусскимъ правительствомъ окончательно обострились. У него вышло столкновеніе съ прусскимъ министромъ Подевильсомъ изъ за Саксонскихъ дѣлъ; министръ заявилъ Чернышеву, что императрица не имѣетъ права считать Бреславльскій миръ нарушеннымъ и судить, кто правъ: Саксонія или Пруссія. Въ пылу разговора оба дипломата возвысили голосъ и разошлись, не придя ни къ какому соглашенію. Пріѣхавъ послѣ этого разговора на третій день ко двору вмѣстѣ съ другими посланниками, графъ Чернышевъ былъ очень дурно принятъ королемъ, который не обратилъ на него никакого вниманія, вполнѣ его игнорируя. Послѣ всего этого Петру Григорьевичу, конечно, нельзя было оставаться въ Берлинѣ и въ маѣ 1746 года онъ былъ переведенъ посломъ въ Лондонъ, на мѣсто князя Щербатова, причемъ кредитивная грамота для него была подписана лишь 15-го августа. Прибывъ въ Лондонъ и быстро тамъ освоившись при дворѣ и обществѣ, онъ скоро пріобрѣлъ расположеніе короля Георга II, сопровождая его неоднократно въ Гановеръ, по случаю чего указами 25-го января 1748 года, 5-го іюня и 10-го августа 1750 года—ему были отпущены деньги «на переѣзды его за англійскимъ королемъ въ Гановеръ», какъ сказано въ указахъ.

Занимая постъ русскаго посла въ Лондонѣ, графъ Чернышевъ принималъ на Ахенскомъ конгрессѣ въ 1746 г. дѣятельное участіе въ заключеніи прелиминарныхъ статей мирнаго договора между Франціей и морскими державами, чѣмъ и закончилась Европейская война. Въ 1750 г. онъ хлопоталъ о привлеченіи Англіи къ союзу съ Россіей и Австріей, между которыми былъ заключенъ 22-го мая 1746 г. оборонительный трактатъ; эти хлопоты увѣнчались успѣхомъ и декларація объ этомъ союзѣ была подписана 30-го октября 1750 г. королемъ Георгомъ II. Кромѣ того Петръ Григорьевичъ велъ переговоры о сохраненіи въ Швеціи прежняго государственнаго строя и затѣмъ о выдачѣ Англіей русскому правительству субсидіи на содержаніе на Лифляндской границѣ наблюдательнаго корпуса противъ короля Фридриха II. Вотъ перечень болѣе важныхъ дѣлъ, которыя были рѣшены при содѣйствіи графа Чернышева. 5-го сентября 1754 г. Петръ Григорьевичъ былъ пожалованъ въ генералъ-лейтенанты съ оставленіемъ въ камергерскомъ званіи и вскорѣ послѣ этого, въ мартѣ 1755 г., былъ отозванъ изъ Лондона въ Россію, при чемъ ему было разрѣшено воспользоваться отпускомъ и отдохнуть. Дипломатическая дѣятельность графа Петра Григорьевича пріостановилась на довольно продолжительное время и только 4-го іюля 1760 г., послѣ смерти нашего посла въ Парижѣ, графа Бестужева-Рюмина, туда по распоряженію конференціи былъ назначенъ генералъ-поручикъ и дѣйствительный камергеръ графъ Чернышевъ съ жалованіемъ въ двадцать тысячъ рублей въ годъ и съ выдачею единовременно на экипажъ и проѣздъ къ мѣсту назначенія также двадцати тысячъ рублей. 16-го августа того же года графъ Петръ Григорьевичъ былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и ровно черезъ мѣсяцъ послѣ этого, т. е. 16-го сентября, былъ сдѣланъ сенаторомъ и числился неприсутствующимъ по 1762 г. По вступленіи 25-го декабря 1761 г. на престолъ Императора Петра III графъ Чернышевъ попалъ въ число лицъ, пользовавшихся довѣріемъ молодого императора, и уже 27-го декабря былъ награжденъ орденомъ Андрея Первозваннаго. Однимъ изъ первыхъ актовъ Петра III-го было заключеніе мира съ Пруссіей. Явное благоговѣніе передъ Прусскимъ королемъ и заключеніе мирнаго договора съ Пруссіей безъ согласія союзниковъ очень не понравились Франціи, которая, какъ союзница Россіи, не могла, конечно, равнодушно относиться къ такой рѣзкой перемѣнѣ во внѣшней политикѣ со стороны Россіи. Людовикъ XVересталъ говорить съ графомъ Чернышевымъ на выходахъ, и положеніе его при французскомъ дворѣ стало очень щекотливымъ; къ этому присоединилось еще недовольство французскаго правительства на требованіе русскаго царя, чтобы всѣ иностранные министры сдѣ-

лали первый визитъ къ принцу Георгію Голштинскому, ранѣе чего они не допускались на аудіенцію во дворецъ. Французскій посолъ Бретейль вслѣдствіе этого былъ переведенъ изъ Петербурга въ Стокгольмъ, при чемъ герцогъ Шуазель объявилъ графу Чернышеву, что въ Петербургѣ будетъ назначенъ повѣренный въ дѣлахъ или резидентъ—однимъ словомъ министръ третьяго класса. На это графъ Петръ Григорьевичъ въ свою очередь заявилъ герцогу, что въ такомъ случаѣ онъ вынужденъ будетъ выѣхать изъ Франціи, оставивъ въ ней повѣреннымъ въ дѣлахъ секретаря посольства—Хотинскаго. Вступившая въ это время не престолъ императрица Екатерина II замѣнила его камергеромъ Сергѣемъ Салтыковымъ, а Чернышеву было повелѣно отпустить 26-го іюля 1762 г. 4.000 рублей на возвращеніе въ Россію. Этимъ закончилась дипломатическая дѣятельность графа Петра Григорьевича. Возвратившись въ 1763 г. въ Петербургъ, онъ, по званію сенатора, сталъ засѣдать въ Правительствующемъ Сенатѣ и при раздѣленіи сената на департаменты ему было повелѣно 23-го января 1764 г. присутствовать въ третьемъ изъ нихъ. Несмотря на перемѣну въ служебной карьерѣ графа Чернышева и нѣкоторое устраненіе его отъ дѣлъ, онъ тѣмъ не менѣе пользовался большимъ расположеніемъ императрицы, которая иногда навѣщала его и даже оставалась у него кушать, какъ это было 28-го ноября 1765 г., когда Екатерина II, какъ пишетъ Порошинъ въ своихъ запискахъ, «въ этотъ дѣнь малой піесы смотрѣть не изволила, такъ какъ поѣхала кушать къ графу Петру Григорьевичу Чернышеву». Здоровье графа Петра Григорьевича въ это время уже было сильно расшатано и 6-го сентября 1766 г. онъ былъ уволенъ отъ службы впредь до выздоровленія. Графъ Чернышевъ не поступалъ болѣе на службу, такъ какъ болѣзненное состояніе ему этого не позволяло, прожилъ же онъ послѣ этого довольно долго и умеръ въ Петербургѣ лишь 17-го августа 1773 г. Похоронили его 20-го августа въ Александро-Невской лаврѣ.

«Русская Старина», 1871 г. Т. III, стр. 42, 122, 124, 131, 133, 139, 275, 280, 467, 1872 г. Т. V, стр. 799—802, 1873 г. Т. VIII, стр. 95, 1875 г. Т. XII, стр. 393, 1878 г. Т. XXIII, стр. 743, 1879 г. Т. XXVI, стр. 409, 1887 г. февраль стр. 308, мартъ стр. 588, апрѣль стр. 78, 90, 1890 г. апрѣль, стр. 128, 129. «Русскій Архивъ» 1867 г., стр. 309, 1868 г. стр. 1422, 1869 г. стр. 12, 15, 24, 39, 1800, 1801, 1826, 1839; 1870 г. стр. 1399, 1413, 1414, 1417, 1422; 1872 г. стр. 791—793, 799; 1873 г. стр. 1646; 1877 г. Т. I, стр. 20, 43, 1878 г. Т. I, стр. 281, 1866 г. Т. II, стр. 312, 315, 1887 г. Т. II, стр. 502, 1892 г. Т. III, стр. 194. «Историческій Вѣстникъ» 1881 г. № 9, стр. 206, 207. «Русская родословная книга» князя Долгорукова изд. 1855 г. Т. II, стр. 102, «Русская родословная книга», изд. Русской Старины г. Т. I, стр. 369—371. Бантышъ-Каменскій—«Словарь достопамятныхъ людей» изд. 1847 г. Т. I, стр. 515. Бантышъ-Каменскій «Списки кавалеровъ» стр. 108, 196. «Энциклопедическій лексиконъ» Старчевскаго Т. XII, стр. 153. «Записки» С. А. Порошина—см. указатель. Послужной списокъ П. Г. Чернышева за 1755 г. изъ дѣлъ московскаго архива министерства юстиціи. «Архивъ князя Воронцова» Т. I, стр. 101, 110, 170, 196, 199, 279, 311, 365, 366, 556, Т. VI, стр. 12—13, 18, 123, 125; Т. VIII, стр. 37, 46, 70, 72, 78, 210, 528. П. Н. Петровъ: «Каталогъ историч. выстав. портретовъ», стр. 140 № 498. Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій «Русская родословная книга», изд. 2-ое Т. II, стр. 355. С. М. Соловьевъ «Исторія Россіи» Т. XXII, стр. 250—252. Полное собраніе законовъ Ст. 9812. Высочайшіе Указы Сенатскаго Архива;—Матеріалы для біографіи сенаторовъ сост. Барановъ.

Б. Алексѣевскій.

Чернышевъ, *Петръ Матвѣевичъ*, комендантъ Симбирской крѣпости, происходилъ изъ польскаго шляхетскаго рода; началъ службу въ 1745 г. придворнымъ камеръ-лакеемъ. Въ маѣ 1746 г. арестованъ вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ, Андреемъ Гавріиловичемъ По однимъ свѣдѣніямъ до 1748 года находился подъ стражей въ Рыбачьей слободѣ, по другимъ въ томъ же 1746 г. выпущенъ прапорщикомъ въ полевые полки, а въ 1748 г. произведенъ послѣдовательно въ чины подпоручика и поручика. Есть указаніе, что въ 1755 г. онъ служилъ въ Кизлярѣ. Въ мартѣ 1762 г. онъ былъ произведенъ въ премьеръ- маіоры съ назначеніемъ въ тобольскій пѣхотный полкъ; въ 1764 г. произведенъ въ подполковники а въ 1766 г. въ полковники и назначенъ Симбирскимъ комендантомъ. Во время Пугачевскаго бунта, по приказу генерала Кара двинулся съ отрядомъ въ 2.000 чел. при 12 орудіяхъ на помощь осажденному Оренбургу. 13-го ноября 1773 г. въ деревнѣ Черноречѣнской, въ разстояніи одного перехода отъ Оренбурга, узналъ о пораженіи генерала Кара, но продолжалъ движеніе къ Оренбургу, поддавшись убѣжденіямъ шпіона Пуга-

чева, казацкаго сотника и депутата Падурова, обѣщавшаго провести отрядъ безопасной дорогой. Не доходя 4—5 верстъ до Оренбурга, Чернышевъ попалъ въ засаду; казаки и калмыки, составлявшіе значительную часть его отряда, измѣнили, а солдаты, измученные стужей, голодомъ и ночными переходами, оказали слабое сопротивленіе, такъ что весь отрядъ былъ взятъ въ плѣнъ. Пугачевъ повѣсилъ Чернышева и съ нимъ оставшихся вѣрными Екатеринѣ 36 офицеровъ и калмыцкаго полковника.

См. Бильбасовъ: Исторія Екатерины II. Берлинъ. Т. I, стр. 215—217. Бартеневъ: XVIII вѣкъ Т. I. М. 1869 г.—Рус. Архивъ 1865 г. стр. 333—350; 863 — 868; 1867 г. стр. 501. — Полн. собр. сочин. А. С. Пушкина. М. 1882 г. т. VI. «Исторія Пугачевскаго бунта» стр. 29—30,—32, 34, 86.
Н. Тычино.

Чернышевъ, *Ѳедоръ Сергѣевичъ*, авторъ извѣстной «Солдатской сказки про двухъ царей, россійскаго и нѣмецкаго, и о томъ, какъ царь русскій, перещеголявъ царя нѣмецкаго, поступилъ съ нимъ великодушно». Сынъ отставного поручика Сергѣя Николаевича Чернышева и его жены Анны Ѳедоровны, рожденной Толстой; изъ дворянъ Калужской губ. — Родился въ 1805 году въ Калужской губерніи; воспитывался въ Пажескомъ Корпусѣ съ 1815 по 1824 г., откуда выпущенъ былъ въ 1824 г. прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ. 12-го февраля 1838 г. назначенъ флигель-адъютантомъ его императорскаго величества; 16-го апрѣля 1841 г. произведенъ въ полковники, съ оставленіемъ въ Преображенскомъ полку; 22-го марта 1843 г. уволенъ въ безсрочный отпускъ; 2-го февраля 1848 г. снова зачисленъ на дѣйствительную службу въ тотъ же полкъ, съ оставленіемъ въ томъ же званіи и съ назначеніемъ членомъ коммиссіи объ улучшеніи штуцеровъ и ружей; 6-го декабря 1853 г. былъ произведенъ за отличіе въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ въ свиту его величества; 31-го марта 1855 г. назначенъ временно командующимъ резервной дивизіей 4-го пѣхотнаго корпуса и командовалъ ею до 2-го мая 1855 г.; съ 29-го декабря 1855 г. по 18-е марта 1856 г. завѣдывалъ стрѣлковыми ротами въ крымской арміи; 26-го августа 1856 г. назначенъ помощникомъ инспектора стрѣлковыхъ батальоновъ, а съ 10-го апрѣля 1858 г., состоя при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, предсѣдательствовалъ въ комитетѣ, учрежденномъ въ Петербургѣ для словеснаго разбирательства по искамъ и просьбамъ, не облеченнымъ въ законную форму; въ 1861 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а 21-го декабря 1867 г. уволенъ въ отставку съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья. Скончался въ 1869 году въ Петербургѣ.

Во время военной службы участвовалъ въ усмиреніи Польскаго возстанія и за храбрость въ сраженіи подъ Варшавой награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени. Въ 1855 г. принималъ участіе въ оборонѣ Севастополя и находился при бомбардированіи этого города 24-го августа.

Въ литературѣ Чернышевъ извѣстенъ остроумными, хотя часто нецензурными мелкими стихотвореніями, шутками и эпиграммами. Наилучшимъ и наиболѣе извѣстнымъ его произведеніемъ была «Солдатская сказка», вызванная извѣстными калишскими маневрами, на которыхъ происходило братаніе Россіи съ Пруссіей. Она быстро разошлась во множествѣ копій; а въ 1839 г., по случаю бородинскаго сбора войскъ для празднованія бородинской годовщины, сказка эта сдѣлалась извѣстна императору Николаю Павловичу и авторъ получилъ за нее брилліантовый перстень въ 2.000 р. Сказка, эта была напечатана въ «Русской Старинѣ» 1872 г. № VI по литографированному списку, принадлежавшему извѣстному библіофилу Н. П. Дурову; другой такой же списокъ сообщенъ былъ редакціи П. А. Ефремовымъ.

Фрейманъ: Пажи, стр. 248, 845. «Русская Старина» 1871 г., т. III, стр. 444; 1872, № VI. Н. В. Гербель: Русскіе поэты. Спб. 1880, стр. 680—683. «Новое Время» 1900, № 8599. Формулярный списокъ Ѳ. С. Чернышева, хранящійся въ общемъ архивѣ Главнаго Штаба. *Ф. В.*

Чернышевъ-Кругликовъ, графъ *Иванъ Гавриловичъ*, тайный совѣтникъ, шталмейстеръ Выс. двора. И. Г. происходилъ изъ старой смоленской дворянской фамиліи Кругликовыхъ и родился 13-го августа 1787 г. Получивъ образованіе въ благородномъ пансіонѣ Московскаго университета, онъ, по окончаніи его, поступилъ (9-го іюня 1806 г.) на службу въ Государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ, гдѣ пробылъ около двухъ лѣтъ и въ 1808 г. (апрѣля 15-го) вышелъ въ

отставку съ чиномъ переводчика; въ томъ же году въ декабрѣ мѣсяцѣ (10-го числа) И. Г. опредѣлился въ канцелярію малороссійскаго генералъ-губернатора князя Лобанова-Ростовскаго и прослужилъ здѣсь до 1812 г.; произведенный 27-го февраля 1812 г. въ титулярные совѣтники, онъ въ іюлѣ (5-го) мѣсяцѣ того же года оставилъ гражданскую службу и перешелъ въ военную въ Московскій гусарскій (что нынѣ Иркутскій гусарскій) полкъ корнетомъ (8-го іюля 1812 г.), попавъ сейчасъ же въ дѣйствующую армію въ качествѣ адъютанта при генералѣ-отъ-кавалеріи Уваровѣ, съ которымъ участвовалъ въ цѣломъ рядѣ сраженій: 26-го августа при Бородинѣ, 28 и 29-го августа въ аріергардныхъ дѣлахъ, затѣмъ при Чириковѣ, при Тарутинѣ, (когда былъ разбитъ корпусъ короля неаполитанскаго), при Маломъ Ярославцѣ, при Вязьмѣ и Красномъ. Принявъ участіе въ заграничныхъ походахъ нашихъ армій 1813, 1814 и 1815 гг., онъ находился въ сраженіяхъ при Люценѣ, за которое награжденъ орд. Анны 4-й ст.; при Бауценѣ, при Пирнѣ, въ дрезденскомъ дѣлѣ, при Кульмѣ (за это дѣло онъ получилъ Владиміра 4-й ст. съ бантомъ и знакъ отличія прусскаго ордена Желѣзнаго Креста). За участіе въ лейпцигскомъ сраженіи И. Г. получилъ золотую саблю съ надписью «за храбрость» и былъ принятъ въ адъютанты къ генер.-адъютанту графу Ожаровскому. 11-го октября 1813 г. онъ участвовалъ въ сраженіи подъ Бутельштетомъ и 28-го ноября того же года былъ произведенъ въ поручики. Перейдя затѣмъ въ предѣлы Франціи, И. Г. былъ въ сраженіяхъ подъ Бріеномъ (20-го января 1814 г.), подъ Тине (21-го января), марта 13-го при Фершампенуазѣ (гдѣ награжденъ орденомъ Анны 2-й ст. и прусскимъ «за достоинство») и наконецъ 10 и 11-го подъ Самію и при взятіи Парижа. Въ маѣ (10-го) 1814 г. онъ перешелъ въ адъютанты къ генер.-адъютанту Васильчикову, при которомъ и состоялъ до производства своего въ ротмистры, 14-го ноября 1817 г. (въ штабъ-ротмистры онъ произведенъ 7-го марта 1816 г.). Произведенный 15-го декабря 1819 г. въ полковники, онъ прослужилъ еще въ военной службѣ пять слишкомъ лѣтъ и 14-го января 1826 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, впрочемъ всего лишь на полторы недѣли, такъ какъ 23-го числа того же мѣсяца былъ сдѣланъ шталмейстеромъ и присутствующимъ въ придворной конюшенной конторѣ. Лѣтомъ 1829 г. И. Г. женился на графинѣ Софьѣ Григорьевнѣ Чернышевой, старшей сестрѣ послѣдняго графа Чернышева—декабриста, лишеннаго всѣхъ правъ и сосланнаго въ Сибирь, вслѣдствіе чего по Высочайшему повелѣнію отъ 14-го января 1832 г. Ивану Гавриловичу переданъ Чернышевскій майоратъ (первый по времени майоратъ въ Россіи) и фамилія графовъ Чернышевыхъ. 30-го января 1835 г. гр. И. Г. вышелъ въ отставку съ чиномъ тайнаго совѣтника. Послѣ этого онъ съ семействомъ часто жилъ за границей, гдѣ лѣтомъ 1847 г. скончалась его жена гр. С. Г., послѣ чего онъ съ дѣтьми вернулся въ Петербургъ и осенью того же года скончался (30-го октября 1847 г.).

Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій: Русская родословная книга, изд. 2-е Спб.; 1895 г., т. II, стр. 356; Формулярный списокъ. Русскій архивъ; 1880г. т. III, стр. 437; 1894 г. т. III, стр. 168—173, 368, 369, 419, 538; 1895 г. т. I, стр. 433, 434; 1897 г. т. II, стр. 37, 73, 114, 204, 277, 553, 576, 581, т. III, стр. 245; 1898 г. т. II, стр. 31; 1900 г. т. II, стр. 244, 245. *Б. Еловскій.*

Черный, *Леонтій*, иконописецъ. Въ началѣ XVII-го столѣтія былъ царскимъ иконописцемъ, а въ сороковыхъ годахъ этого же столѣтія показанъ приказнымъ въ Софійскомъ дому Новгородскаго митрополита Аѳонія. Въ 1640 г. онъ подновлялъ чудотворную икону Знаменья Пресвятой Богородицы въ Новгородскомъ Знаменскомъ соборѣ.

См. грам. царя Мих. Ѳеодор. митрополиту Аѳонію 9-го сентября 7149 г. (1641 г.).—Матеріалы для археологич. словаря стр. 46—47 въ «Трудахъ моск. археолог. общ.» т. III, Москва 1870 г. *Н. Тычино.*

Черный, *Симеонъ*, иконописецъ въ 1395 г. вмѣстѣ съ мастеромъ-иконникомъ Ѳеофиломъ «Гречиномъ-философомъ» и учениками расписывали въ Москвѣ новую каменную церковь Рождества Пречистыя Богородицы и предѣлъ св. Лазаря.

См.: Записки Имп. археол. общ. т. VIII, Спб. 1856 г. статья Ровинскаго: Исторія рус. школъ живописи, стр. 195—196.—Полн. собр. рус. лѣт. изд. археогр. ком. т. VI, стр. 124. *Н. Тычино.*

Чернѣевскій, *Николай Степановичъ*, преподаватель физики и математики во 2-ой казанской гимназіи. Родился въ г. Вяткѣ и первоначальное образованіе получилъ въ мѣстной гимназіи, по выходѣ изъ которой поступилъ въ Казанскій университетъ на физико-математическій факультетъ, въ которомъ и окончилъ курсъ въ 1856 г. со степенью кандидата и въ томъ же году занялъ мѣсто преподавателя математики и физики въ Уфимской гимназіи; но здѣсь онъ пробылъ недолго и въ августѣ 1858 г. переѣхалъ въ Казань и поступилъ на ту же должность во 2-ую казанскую гимназію. Преподавательская дѣятельность его въ этой гимназіи продолжалась до 1867 г., когда онъ былъ назначенъ инспекторомъ въ императорскую 1-ю гимназію въ Казани же. Благодаря ясному и толковому преподаванію, вмѣстѣ съ простымъ и гуманнымъ отношеніемъ къ воспитанникамъ, Чернѣевскій выдѣлялся изъ обычной среды многихъ провинціальныхъ педагоговъ того времени. Кромѣ педагогической дѣятельности во 2-й гимназіи Чернѣевскій былъ еще преподавателемъ физики въ Родіоновскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ и въ Казанской женской гимназіи. Скончался Чернѣевскій 19-го апрѣля 1870 г. отъ чахотки. Въ педагогической литературѣ онъ оставилъ нѣсколько статей, помѣщенныхъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», изъ которыхъ наиболѣе цѣнной является статья: «Объ устройствѣ физическихъ кабинетовъ въ гимназіяхъ» (1864 г.).

«Казанскія губ. вѣдомости», 1872 г. № 96. («Некрологія казанскихъ ученыхъ, умершихъ въ 1870 г.» ст. П. В.). Гвоздевъ—«Историческая записка о 2-й казанской гимназіи» Казань 1876 г. (стр. 330—331).

Чернѣевскій, *Семенъ*, штабъ-лекарь, надворный совѣтникъ. Въ 1821 г. окончилъ курсъ въ С.-Петербургской Медико-Хирургической академіи со степенью лекаря 1 отдѣленія и въ 1824 г. былъ назначенъ штабъ-лекаремъ въ Псковскій пѣхотный полкъ. Затѣмъ, въ 1830 г., служилъ ординаторомъ въ Рижскомъ военномъ госпиталѣ. Въ 1833 г., перейдя на гражданскую службу, состоялъ уѣзднымъ врачомъ въ Псковской губ. Великолуцкаго уѣзда, откуда и уволенъ въ 1842 г.

Печатные труды его слѣдующіе: 1) «Цынга, излеченная сосновымъ масломъ», Военно-Медицинскій журналъ 1825 г., ч. 5, II, 173, 2) «Куриная слѣпота» Военно-Медицинскій журналъ, 1829 г., ч. 9, III, 3) «Методъ леченія сифилиса», Другъ здравія, 1835, 15.

Змѣевъ, русскіе врачи-писатели.

Чернѣевъ, *Иванъ Борисовичъ*, дьякъ съ 1668 г. Въ 1647 г. въ званіи подъячаго былъ объѣзжимъ головой въ Москвѣ отъ Неглинны по Срѣтинскую улицу; въ это время помѣстнымъ окладомъ онъ не верстанъ, а получалъ по 7 руб. Въ періодъ съ 1682 г. по 1684 г. служилъ дьякомъ при устюжскомъ воеводѣ А. Ѳ. Траурнихтѣ. Въ дьякахъ числился до 1692 г.

См. Рус. истор. библіотека: т. X, Спб. 1886 г. стр. 385, 392; т. XII, Спб. 1890 г. стр. 582, 584, 613. Ивановъ: «Алфавитный указатель фамилій и именъ лицъ, упоминаемыхъ въ боярскихъ книгахъ, хранящихся въ I отд. Московскаго архива мин. юстиц.». Москва, 1853 г.

Н. Тычино.

Чернявская—Кузнецова, *Марія Макаровна*, извѣстная въ свое время артистка императорскихъ театровъ, родилась 9-го марта 1853 года, умерла въ Москвѣ 31-го декабря 1891 года. Чернявская получила первоначальное образованіе въ частномъ Петербургскомъ пансіонѣ г-жи Ивановой-Заливкиной, послѣ чего поступила въ С.-Петербургскую консерваторію, гдѣ впродолженіе двухъ лѣтъ обучалась пѣнію въ классѣ профессора г-жи Ниссенъ-Соломонъ. Впервые Чернявская выступила на сценѣ въ Беклешевскомъ театрѣ въ Лѣсномъ, въ роли Параши въ водевилѣ Н. И. Куликова «Ворона въ павлиньихъ перьяхъ», а затѣмъ нѣкоторое время выступала на провинціальныхъ сценахъ. 21-го и 28-го апрѣля 1872 года состоялись дебюты Чернявской (въ роляхъ Периколы и Прекрасной Елены) на сценѣ С.-Петербургскаго Императорскаго Александринскаго театра, въ труппу котораго она и была принята 15-го іюня того же 1872 года. Втеченіе шести сезоновъ Чернявская играла почти всѣ главныя роли опереточнаго репертуара, участвуя, сверхъ того въ комедіяхъ и водевиляхъ. Въ октябрѣ 1878 года Чернявская покинула сцену. Черезъ годъ она поступила въ

московскую императорскую драматическую труппу; здѣсь она прослужила до 1-го марта 1882 года, послѣ чего вновь вернулась на петербургскую сцену, а 1-го іюля 1883 года окончательно оставила службу при императорскихъ театрахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вообще сценическую дѣятельность. Чернявская пользовалась репутаціей талантливой опереточной артистки, обладала прекраснымъ голосомъ и привлекательною сценическою внѣшностью.

«Русскія Вѣдомости» 1892 г., № 5, Ежегодникъ Императорскихъ театровъ, сезонъ 1891—1892 года. Новое время 1892, № 5697.

В. Грековъ.

Чернявскій, *Иванъ Родіоновичъ*, артистъ с.-петербургской русской драматической труппы. Родился въ 1846 г. Начавъ свою сценическую дѣятельность въ провинціи, Чернявскій въ 1872 г. дебютировалъ на сценѣ Александринскаго театра въ роляхъ: Сюлливана («Любовь и предразсудокъ»—27-го апрѣля) и Жоржа Дорси («Гувернеръ»—4-го мая). Въ томъ же году Чернявскій былъ принятъ на службу дирекціи и пробылъ въ с.-петербургской драматической труппѣ до 1874 г., когда по прошенію оставилъ Императорскую сцену. Въ 1882 г. Чернявскій снова поступилъ въ петербургскую труппу, но по истеченіи сезона 1882—1884 гг. вторично оставилъ службу. Дальнѣйшая дѣятельность Чернявскаго принадлежитъ частнымъ сценамъ С.-Петербурга и провинціи. Чернявскій скончался 1-го мая 1890 года въ Петербургѣ отъ чахотки легкихъ и погребенъ на Волковомъ кладбищѣ.

Источники: 1) «Ежегоднихъ Императорскихъ театровъ», сезонъ 1891—1892 гг., стр. 489. 2) «Петербургскій Листокъ», 1890 г., № 120.

А. Трнка.

Чернявскій, *Николай Ивановичъ*, писатель, родился 6-го февраля 1840 года, воспитывался въ Строительномъ училищѣ, откуда перешелъ въ военное Константиновское училище и былъ уволенъ до окончанія курса. Отецъ предназначалъ его къ военной службѣ, но онъ отказался, чувствуя склонность къ литературѣ, которой занимался еще въ училищѣ.

Вѣроятно, изъ за нежеланія подчиниться волѣ отца, или еще по какимъ-нибудь другимъ семейнымъ недоразумѣніямъ Ч. разошелся съ отцомъ, былъ принужденъ съ раннихъ лѣтъ добывать себѣ средства къ существованію и всю свою жизнь испытывалъ крайнюю матеріальную нужду. Въ своемъ письмѣ, помѣщенномъ въ «Петербургской Газетѣ» послѣ смерти Ч., отецъ его объясняетъ размолвку между ними нежеланіемъ Ч. бросить ту «грязную компанію полуграмотныхъ писакъ», съ которой онъ жилъ и которая его эксплоатировала, причемъ сообщаетъ, что часто помогалъ сыну деньгами. Какъ бы то ни было, несомнѣнно одно, что Ч. крайне нуждался, часто болѣлъ, лежалъ цѣлые мѣсяцы въ больницѣ и, наконецъ, скончался отъ чахотки на 32 году жизни, 12-го февраля 1871 года.

Литературную свою дѣятельность Ч. началъ въ газетѣ «Очерки», но работалъ тамъ недолго, такъ какъ «Очерки» вскорѣ были запрещены. Изъ «Очерковъ» Ч. попалъ въ сотрудники «Петербургскаго Листка». Редакція «Петербургскаго Листка» въ то время далеко не пользовалась уваженіемъ въ литературныхъ кругахъ и попалъ туда Ч., по разсказамъ случайно. Онъ поставилъ условіемъ своего участія въ газетѣ, чтобы его статьи печатались безъ редакторскихъ поправокъ. Условіе это было принято и Ч. сталъ помѣщать въ газетѣ подъ псевдонимомъ «Литературный медіумъ» хроники петербургской жизни, обратившіе на себя вниманіе тогдашней печати и публики. Кромѣ этихъ хроникъ, Ч. помѣщалъ въ «Петербургскомъ Листкѣ» и другихъ органахъ свои повѣсти, разсказы и стихотворенія, не лишенныя таланта. Но главнымъ его произведеніемъ, надѣлавшимъ въ свое время много шума и вызвавшимъ въ печати многочисленные отзывы, была комедія «Гражданскій бракъ», впервые поставленная на Александринской сценѣ 25-го ноября 1866 года и потомъ обошедшая провинціальныя сцены.

Послѣ смерти Ч. осталось еще двѣ комедіи: «Наемщикъ» и «Домашній адъ». Послѣдняя осталась неоконченной, а первая не была пропущена театральной цензурой.

Некрологи: «Иллюстрированная газета» 1871 г., № 8; «Русскій календарь» Суворина на 1872 г.; «Русскій Архивъ» 1873 г., № 8; «Петербургскій Листокъ» 1871 г., № 34 и 39; «Русскій міръ» 1872 г., № 39; «Гражданскій бракъ», ком. въ 5

дѣйствіяхъ Н. П. Ч. съ предисловіемъ автора о значеніи брака, изд. II, Спб. 1868 г.; о ней: «Бесѣда» 1872 г., № 6; «Бессарабскія Областныя Вѣдомости» 1868 г., № 16; «Отечественныя Записки» 1866 г., т. 169 и 1868 г., т. 179; «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1866 г., № 316; «Петербургская Газета» 1871 г., № 26; «Хроника Петербургскихъ театровъ-Вольфа, 1866 г. *Викторъ Войновъ.*

Чернявскій, *Осипъ.* Біографическихъ свѣдѣній о немъ не имѣется. Авторъ «Купецкой компаніи», комедіи въ одномъ дѣйствіи, напечатанной въ «Россійскомъ Ѳеатрѣ», издававшемся Императорской Академіею Наукъ, 1788 г., ч. XXVII, стр. 149—208 и изданной отдѣльно два раза: въ 1780 и 1786 годахъ въ Москвѣ.

А. Н. Неустровъ. Историческое разысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 г., С.-Пб. 1875 г., стр., 441; Сопиковъ. Опытъ Россійской библіографіи №№ 5414, 5415; Смирдинъ. Роспись Россійскимъ книгамъ, № 7148. *В. Гарскій.*

Чернявскій, *Федоръ Григорьевичъ,* сынъ мѣщанина, родился въ Кіевѣ въ 1762 году. Первоначальное образованіе получилъ дома, а затѣмъ поступилъ въ Кіевскую Академію, откуда въ январѣ 1783 г. перешелъ ученикомъ въ госпитальную школу при Московскомъ генеральномъ госпиталѣ. Въ это время по Высочайшему повелѣнію была въ Курскѣ основана школа для излеченія каменной болѣзни, которая была поручена надзору извѣстнаго въ то время изслѣдованіемъ и леченіемъ этой болѣзни штабъ-лекаря Горбатовскаго. Чернявскій, окончивъ госпитальную школу подлекаремъ, былъ назначенъ къ нему въ школу для изученія каменной болѣзни печени, причемъ былъ послѣднимъ его ученикомъ. Окончивъ школу уже при докторѣ Галдеѣ, Чернявскій получилъ званіе лекаря и въ 1792 году былъ назначенъ уѣзднымъ лекаремъ въ гор. Богатый, Курской губ., откуда въ 1797 г. былъ переведенъ въ г. Щигры. Въ 1801 г. былъ произведенъ въ штабъ-лѣкари. Въ 1805 г., какъ результатъ его изслѣдованій и опытовъ, появилось сочиненіе «De partu extra uterum». Въ 1808 г. Чернявскій былъ посланъ на чуму въ Астрахань, гдѣ проявилъ много усердія, за что и былъ произведенъ въ колежскіе ассесоры. Оттуда онъ вернулся въ Щигры, гдѣ и умеръ 28-го марта 1812 г.

Источники: 1) «Опытъ исторіи медицинскихъ учрежденій XVIII вѣка» Чистовича; 2) «Русскіе врачи писатели» Змѣева. *Л. Дагаевъ.*

Чернявскій, *Федоръ Филипповичъ,* художникъ-пейзажистъ. Образованіе получилъ въ Императорской Академіи Художествъ, гдѣ работы его были удостоены сначала серебряной медали, а въ 1806 г. за исполненіе задачи «изобразить сильный вѣтеръ и укрывающееся отъ онаго стадо»—второй золотой. Въ томъ же 1806 г. онъ былъ выпущенъ изъ Академіи съ аттестатомъ первой степени и шпагой, а черезъ 5 лѣтъ, въ 1811 г., по представленнымъ Совѣту Академіи видамъ, былъ избранъ послѣднимъ въ «назначенные», т.-е. для соисканія званія академика.

П. Н. Петровъ. Сборникъ мат. для ист. Имп. Акад. Худ. I ч. *Вал. Березкинъ.*

Черняевъ, *Валеріанъ Васильевичъ,* ученый агрономъ, инспекторъ сельскаго хозяйства при министерствѣ государственныхъ имуществъ и членъ ученаго комитета его, дѣйств. ст. сов., сынъ заслуженнаго профессора Харьковскаго Университета В. М. Черняева (см. ниже), родился въ Харьковѣ 2 августа 1844 года и воспитывался въ Харьковскомъ Университетѣ, гдѣ въ 1867 г. окончилъ курсъ кандидатомъ естественныхъ наукъ. Въ теченіе зимы 1866—1867 гг. онъ слушалъ лекціи въ Петровской земледѣльческой Академіи. Въ 1867 г. (19 декабря) начинается его служба въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ, гдѣ онъ былъ переводчикомъ ученаго комитета, чиновникомъ особыхъ порученій въ департаментѣ земледѣлія и сельской промышленности, а въ 1882 г. назначенъ инспекторомъ сельскаго хозяйства, какимъ состоялъ до самой смерти. Одновременно со службой въ Министерствѣ Ч. состоялъ прикомандированнымъ для занятій къ Императорскому сельскохозяйственному музею. Съ 1868 по 1876 г. Ч. было поручено публичное объясненіе выставленныхъ въ Импер. сельско-хозяйственномъ музеѣ машинъ, здѣсь же неоднократно имъ читались лекціи по машиновѣдѣнію. Съ 1871 г. Министерство Государственныхъ Имуществъ ежегодно командировало Ч. въ качествѣ спеціалиста на выставки и конкурсы, а также для осмотра сельскохозяйственныхъ машиностроительныхъ заведеній; кромѣ того онъ былъ командированъ за границу для изученія сельскохозяйственнаго машиностроенія и для

устройства отдѣла сельскохозяйственныхъ машинъ на всемірныхъ выставкахъ: въ Вѣнѣ (1873 г.), въ Филадельфіи (въ 1876 г.) въ Парижѣ (въ 1878 и 1889 г.) и въ Вѣнѣ (въ 1890 г.); ему же было поручено организовать русскій отдѣлъ сельскаго хозяйства на выставкѣ въ Чикаго. Съ 1868 г. Ч. состоялъ постояннымъ сотрудникомъ «Земледѣльческой Газеты» и журнала «Сельское хозяйство и лѣсоводство», преимущественно по сельскохозяйственному машиновѣдѣнію. Своими многочисленными трудами и отвѣтами руководящаго и критическаго характера онъ пріобрѣлъ довѣріе среди хозяевъ и машиностроителей. Ч. былъ не менѣе извѣстенъ за границей. Нужды сельскохозяйственнаго машиностроенія, безпошлинный привозъ сельскохозяйственныхъ машинъ, рядовая культура, пресованіе сѣна, кустарное производство сельскохозяйственныхъ машинъ были его излюбленными вопросами. Въ 1885 г. онъ первый обратилъ вниманіе на значеніе огневой сушки плодовъ и овощей для нашего садоводства и огородничества, сталъ усиленно ее пропагандировать и при содѣйствіи министерства государственныхъ имуществъ производилъ въ различныхъ мѣстностяхъ публичные демонстративные опыты сушки въ Петербургѣ—въ 1886 г., въ Симферополѣ, Харьковѣ и Москвѣ—въ 1887 г., въ Кіевѣ—1888 г., въ Тифлисѣ—въ 1889 г., въ Херсонѣ, Казани и Ярославлѣ—въ 1890 г. и въ Ростовѣ, Ярослав. губ.—въ 1891 г. Съ 1886 г. на Ч. возложено было наблюденіе за производствомъ земледѣльческихъ орудій на Воткинскомъ казенномъ заводѣ, въ Вятской губ., по его иниціативѣ и достигшемъ блестящихъ результатовъ. Ч. состоялъ почетнымъ членомъ сельскохозяйственныхъ обществъ: Псковскаго, Острогожскаго и Борисоглѣбскаго, дѣйств. членомъ Императорскаго Вольно-Экономическаго общества, Русскаго техническаго, Московскаго общества сельскаго хозяйства и Кіевскаго сельскаго хозяйства. Черняевъ ум. въ Петербургѣ, 29 декабря 1892 г.

Некрологи В. В. Черняева: Вѣстникъ русскаго сельскаго хозяйства 1893 г. № 2, стр. 34; Труды Имп. вольно-экономич. О-ва 1893 г. № 2, стр. 49; Историч. Вѣстникъ 1893 г. т. LI, стр. 649; Всемірная Иллюстрація 1893 г. № 1251; Сѣверъ 1893 г. № 2.; Новое Время 1892 г. № 6048; Новости 1892 г. № 359; Петерб. Жизнь 1893 г. № 7.

А. Ѳ. Ивановъ.

Списокъ печатныхъ трудовъ Вал. Вас. Черняева по сельскому хозяйству: 1) «Американскіе конные топчаки—приводы съ молотилками и ихъ значеніе для нашихъ хозяйствъ» («Труды» Импер. Вольно-Экономич. общ—ва, 1882 г., т. I. вып. 3; также отдѣльное изданіе, Спб. 1882). 2) «Испытаніе сортировальныхъ и зерно-очистительныхъ машинъ въ сельскохозяйственномъ музеѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ въ С.-Петербургѣ, 14 16 и 23 ноября 1869 г. Спб. 1870. 3) «Очистка и сортировка сѣмянъ. Руководство для сельскихъ хозяевъ, сѣменноторговцевъ и хлѣботорговцевъ. Съ 121 рис. въ текстѣ. Спб. 1890. 4) «Прессованіе сѣна и сѣнные прессы. Спб. 1877. 5) «Жнее-сноповязалка Макъ-Кормика». «Земледѣльческая Газета» 1880 г., также отд. оттискъ. Спб. 1880. 6) «Жучколовки». Спб. 1877. 7) «Земледѣльческія орудія и машины, устройство, выборъ и уходъ за ними». Спб. 1875. 8) «Заботы Одесской земской управы объ удешевленіи сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій». Одесса. 1876. 9) «Конкурсъ земледѣльческихъ машинъ и орудій въ мѣстечкѣ Бѣлой Церкви въ іюлѣ 1881 г.». Спб. 1881. 10) «Конная молотыка Смита» (сельскохозяйственное коммиссіонерство «Работникъ»). Спб. 1871. 11) «Конный приводъ бр. Эльворти». Спб. 1881. 12) «Многокорпусные плуги и ихъ назначеніе». Спб. 1879. (Было помѣщено въ «Трудахъ» Импер. Вольно-Эконом. общ—ва 1879 г., т. I, вып. 3). 13) «Молотилки съ приводомъ А. М. Теплякова въ молочныхъ дворахъ Тульской губерніи». «Земледѣльч. Газ.». 1880 г. Также отдѣльно, Спб. 1882. 14) «Notice sur la création et développement de la construction des machines aqricoles en Russie». 1878. 15) «Орудія и машины, употребляемыя при воздѣлываніи и уборкѣ кукурузы». 1883. 16) «Отдѣлъ сельскохозяйственныхъ машинъ на Всероссійской Промышленно-художественной выставкѣ въ Москвѣ въ 1882 г.». «Правительственный Вѣстникъ» 1883 г. № 31—33. Также отдѣльной брошюрой, Спб. 1883. 17) «Настоящее положеніе сельскохозяйственнаго машиностроенія и его нужды». Спб. 1879. 18) «Новая жатвенная машина Джокстона «Тріумфъ», Спб. 1880. 19) «Обезпеченіе хозяйства хорошими посѣвными сѣменами», Спб. 1878 20) «О вліяніи таможенныхъ пошлинъ на земледѣльческія орудія и машины по отношенію къ сельскому хозяйству». Спб. 1880. 21) «Огневая сушка фруктовъ и овощей». Практическое руководство. Изданіе автора, Спб. 1887. 22) То же. Изд. 2-е съ дополненіемъ: «Сушка плодовъ и овощей». Спб. 1891. 23) «О значеніи огневой сушки плодовъ и овощей для нашего садоводства и огородничества». Спб. 1887. 24) «О плодосушеніи и Корасу-Базарскомъ, Симферопольскомъ и Каларашскомъ садоводствѣ». Журн. «Садъ и огородъ» 1888 г. Также отдѣльное изданіе. Москва. 1888. 25) «О прессованіи сѣна и сѣнныхъ прессахъ». Съ 38 рис. въ текстѣ. Спб. 1882. 26) «Отчетъ по испытанію дешевыхъ вѣялокъ съ 5 по 11 и по 17 ноября 1881 г.». Спб. 1882. 27) «Очеркъ исторіи усовершенствованія жатвенныхъ и сѣнокосильныхъ машинъ въ Россіи». Спб. 1870. 28) «Первая выставка сушеныхъ фруктовъ и овощей». Спб. 1889. 29) «Первая выставка сушеныхъ фруктовъ и овощей въ С.-Петербургѣ 31 окт. и 26 ноябр.

1888», «Земледѣльч. Газ.». 1888 г. № 48—52. Также отдѣльн. оттискъ. Спб. 1889. 30) «Плужная запряжка». Съ 35 рис. Спб. 1886. 31) «Пособіе при выборѣ и покупкѣ сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій на 1889 г.». Приложеніе къ «Календарю и справочной книжкѣ русскаго сельскаго хозяина» на 1889 г. То же. Изд. 2-е. Спб. 1892. 32) «Пособіе при выборѣ и покупкѣ сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій». Спб. 1890. 33) В. Черняевъ и П. Костычевъ. «Посѣвъ полевыхъ растеній и употребляемыя при немъ машины и орудія». Спб. 1881. (См. «Библіотека Сельскохозяйственная»). 34) «Прессованіе сѣна, какъ средство облегченія и удешевленія доставки его по желѣзнымъ дорогамъ». Спб. 1881 г. (Было помѣщено въ «Трудахъ» Импер. Вольно-Экономич. общ—ва 1881 г., т. III, вып. 3). 35) «Приборъ для поенія телятъ». Спб. 1869. 36) «Программа лекцій о земледѣльческихъ орудіяхъ и машинахъ». Спб. 1882. 37) «Производство стальныхъ косъ». «Земледѣльч. Газ.» 1888 г., № 23 и 24. Также отдѣльный оттискъ. Спб. 1888. 38) «Пятый Всероссійскій съѣздъ сельскихъ хозяевъ въ Одессѣ, съ 5 по 20 дек. 1878, и его заключенія». Отчетъ, представленный Императорскому Вольно-Экономическому обществу. Спб. 1879. 39) «Различные способы посѣва и выгоды, представляемыя примѣненіемъ рядового посѣва». Спб. 1872. 40) «Русское сельскохозяйственное машиностроеніе». Спб. 1881. 41) «Рядовая сѣялка Смита». Спб. 1882. 42) «Сельскохозяйственныя машины на Всероссійскихъ Промышленно-художественной выставкѣ и конкурсѣ земледѣльческихъ машинъ и орудій въ Москвѣ въ 1882 г.». Спб. 1883. 43) «Скоропашки П. А. Кравченки и американскія». Спб. 1881. 44) «Споповая (овинная) сушка хлѣба, молотьба его и невыгоды этого способа». Спб. 1878. 45) «Сортировка куколеотборникъ Майсра № 0». Спб. 1880 г. (было помѣщено въ «Трудахъ» Вольно-Экономич. общ—ва 1880 г., т. I, вып. 3). 46) «Состязаніе пахарей и плуговъ въ г. Тамбовѣ съ 30 мая по 3 іюня 1871 г.». Спб. 1871. 47) «Успѣхи сельскохозяйственнаго машиностроенія въ Россіи. Спб. 1892.

Ф. В.

Черняевъ, *Василій Матвѣевичъ*, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ русскихъ ботаниковъ, неутомимѣйшій изслѣдователь флоры Украйны и вообще южной Россіи. Родился въ 1796 году, въ деревнѣ Калитвѣ, Землянскаго уѣзда, Воронежской губерніи. Происходя изъ духовнаго званія, онъ поступилъ въ Воронежскую Семинарію, но скоро, чувствуя наклонность къ точнымъ знаніямъ, перешелъ на медицинскій факультетъ Московскаго Университета. Это было въ 1812 году, и ему, въ числѣ другихъ, пришлось покинуть Москву. Не имѣя никакихъ средствъ, онъ пѣшкомъ отправился въ Харьковъ, гдѣ и былъ, съ помощью нѣкоторыхъ профессоровъ, зачисленъ на казенный счетъ въ студенты медицинскаго факультета. По окончаніи курса онъ былъ назначенъ прозекторомъ анатоміи. Черезъ годъ Совѣтъ университета поручилъ ему чтеніе лекцій по естественной исторіи студентамъ всѣхъ факультетовъ. Его счастливыя способности и любовь къ естественнымъ наукамъ обратили на себя вниманіе профессора ботаники и зоологіи Делявиня, по предложенію котораго Совѣтъ университета оставилъ В. М. адъюнктомъ ботаники. Для подготовки къ каѳедрѣ онъ былъ посланъ сначала для ботаническихъ изслѣдованій на юго-западъ Россіи, а затѣмъ для дальнѣйшаго усовершенствованія за границу. Въ свою поѣздку по Россіи онъ познакомился съ знаменитымъ ботаникомъ барономъ Биберштейномъ, производилъ совмѣстно съ нимъ ботаническія экскурсіи, осматривалъ образцовые сады, виноградники и школы шелководства и участвовалъ въ составленіи III-го тома Таврическо-кавказской флоры. За границей болѣе года онъ провелъ въ Богеміи и Австріи, обращая особенное вниманіе на сады, изучалъ гербаріи профессоровъ Вильденова и Жакена. Черезъ Германію онъ поѣхалъ въ Парижъ. Здѣсь богатые матеріалы далъ ему Jardin des plantes. Впродолженіи двухъ лѣтъ главными руководителями его были Жюсье, Кювье, Дюмериль, Жоффруа де-Сентъ Илеръ, Ламаркъ. Отсюда онъ совершилъ поѣздки въ Швейцарію и на Пиринеи. Въ Женевѣ онъ познакомился съ Декандолемъ, предоставившимъ въ его распоряженіе свой замѣчательный гербарій. По дорогѣ въ Россію слушалъ курсы Окена и Рейхенбаха по натурфилософіи. Возвратившись въ 1826 году въ Россію, онъ впродолженіи сорока лѣтъ занималъ каѳедру ботаники въ Харьковскомъ Университетѣ. Замѣчательный профессорскій талантъ В. М. всегда привлекалъ многочисленныхъ слушателей, съ которыми онъ, не ограничиваясь однимъ чтеніемъ лекцій, устраивалъ ботаническія экскурсіи. Отношеніе его къ студентамъ было исполнено рѣдкаго добродушія. Но и оставивъ свои оффиціальныя обязанности, онъ не переставалъ до конца жизни съ увлеченіемъ работать. Такъ, незадолго до своей смерти, онъ верхомъ совершилъ большую поѣздку по восточному берегу Чернаго моря, обогативъ науку о русской флорѣ новыми видами. Печатныхъ трудовъ у В. М. немного. Въ 1839 году онъ помѣстилъ въ

«Бюллетеняхъ Императорскаго Общества испытателей природы» брошюру по микологіи, въ которой описалъ открытый имъ родъ и нѣсколько новыхъ видовъ изъ семейства дождевиковъ. Издалъ (но не окончилъ) «Конспектъ растеній, дикорастущихъ и разводимыхъ въ окрестностяхъ Харькова и въ Украйнѣ», гдѣ описалъ 17 новыхъ видовъ растеній. Онъ первый обратилъ вниманіе на разведеніе дикорастущихъ кормовыхъ травъ, на облѣсеніе южнаго края, на воздѣлываніе разныхъ лекарственныхъ растеній, о чемъ напечаталъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ нѣсколько статей. Въ своихъ многочисленныхъ ботаническихъ экскурсіяхъ, которыя были постоянной потребностью его энергической натуры, В. М. собралъ огромный гербарій, который оставилъ Харьковскому Университету. Гербарій этотъ представляетъ важный матеріалъ для изученія флоры Россіи и особенно важенъ онъ въ томъ отношеніи, что для каждаго растенія находится множество замѣчаній, которыми нерѣдко пользовались ученики его для своихъ диссертацій. В. М. былъ избранъ въ дѣйствительные члены многихъ ученыхъ обществъ, русскихъ и иностранныхъ. Умеръ онъ 21-го февраля 1871 г.

«Esquisse biologique consacré à la mémoire du professeur B. M. Czerniaéw par J. Kaleniczenko» «Иллюстрированная Газета» 1871 года № 15, «Харьковскія Губернскія Вѣдомости» 1870 года №№ 33, 36, 38. «Харьковскія Губернскія» 1871 года № 27. «Голосъ» 1871 годá № 97. «Одесскій Вѣстникъ» 1872 года № 45. «Русскій Календарь» 1872 г. А. Суворина. «Отчетъ о дѣйствіяхъ Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества» за 1872 годъ. «Русскій Архивъ» 1873 года № 8.

К. Ереминъ.

Черняевъ, *Николай Васильевичъ*, директоръ и основатель сельскохозяйственнаго музея въ Петербургѣ, сынъ предъидущаго. Родился въ Харьковѣ въ 1832 г. Получивъ первоначальное образованіе сначала въ частномъ пансіонѣ, а потомъ въ нѣжинской гимназіи, Ч. поступилъ затѣмъ на естественное отдѣленіе математическаго факультета Харьковскаго университета. По окончаніи въ немъ курса, въ 1852 г., Ч. опредѣлился на службу по Министерству государственныхъ имуществъ. Его занятія по естественнымъ наукамъ еще въ университетѣ обратили на него вниманіе профессора Борисяка, которому онъ сопутствовалъ при изслѣдованіи Харьковской губерніи въ минералогическомъ и геологическомъ отношеніи. На службѣ, свѣдѣнія эти нашли широкое примѣненіе и были оцѣнены по достоинству. Въ 1859 г. Ч. состоялъ членомъ обществъ Императорскаго Вольно-Экономическаго и Садоводства, комитета акклиматизаціи животныхъ и растеній и дѣлопроизводителемъ Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ. Въ это же время подана была имъ мысль объ учрежденіи сельскохозяйственнаго музея. Вполнѣ понимая ея плодотворность, бывшій министръ графъ Н. М. Муравьевъ поручилъ Ч. разработать ее. Въ 1860 г. Ч. былъ командированъ за границу для окончательнаго подготовленія къ устройству музея, которое было ему поручено. Ч. долженъ былъ посѣтить наиболѣе замѣчательныя сельскохозяйственныя учрежденія Европы, осмотрѣть существовавшіе тогда промышленные музеи и подробно изучить ихъ средства и устройство и, наконецъ, сдѣлать пріобрѣтенія для музея. Устройство самаго музея (сначала помѣщеннаго въ бывшемъ лѣсномъ институтѣ), постоянная забота объ его улучшеніи и обогащеніи, объясненія, за которыми обращались къ нему посѣтители, главнымъ образомъ поглощаютъ послѣдующую дѣятельность Ч. Сначала онъ былъ назначенъ къ нему консерваторомъ, а затѣмъ, съ переводомъ музея въ городъ, директоромъ его. Благодаря знаніямъ и ревностному труду Ч—ва, сельскохозяйственный музей вскорѣ сдѣлался одной изъ достопримѣчательностей Петербурга. По представленію наслѣднаго принца, посѣтившаго музей, прусское правительство пожаловало Ч. орденъ Желѣзной Короны за заслуги на пользу сельскаго хозяйства. За труды по выставкѣ 1867 г. французское правительство пожаловало Ч. орденъ Почетнаго Легіона. Простудившись при устройствѣ русскаго отдѣла на Парижской всемірной выставкѣ, Ч—въ скончался 10-го января 1868 г. въ Монтрё, на берегу Женевскаго озера. Кромѣ иностранныхъ орденовъ Ч. также былъ кавалеромъ русскихъ орденовъ: Св. Анны 2-й степ. и Св. Владиміра 3-й степ.

Источники: 1) «Записки Русскаго Техническаго Общества», — 1868 г., № 2, стр. 23—25.

2) «Харьковскія губ. Вѣдомости»,—1868 г., № 15. 3) «Русскій Архивъ», — 1870 г., стр. 2041. 4) «Иллюстрированная Газета»,—1868 г., № 6, стр. 95. *А. Трика.*

Черняевъ, *Сергѣй Ивановичъ*, приватъ-доцентъ С.-Петербургскаго университета, преподаватель персидскаго языка и литературы (ум. 31-го мая 1888 г. 70-ти лѣтъ отъ роду), былъ сынъ чиновника. Получивъ домашнее образованіе, онъ прямо поступилъ въ С.-Пб. университетъ, гдѣ въ 1836 году окончилъ курсъ кандидатомъ по восточному отдѣленію историко-филологическаго факультета; въ концѣ того же года онъ поступилъ канцелярскимъ чиновникомъ въ С.-Пб. университетъ; въ слѣдующемъ перешелъ въ департаментъ военныхъ отчетовъ. Въ то же время онъ сотрудничалъ въ энциклопедическомъ словарѣ Плюшара и давалъ уроки исторіи въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ 1838 году онъ поступилъ въ азіатскій департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ переводчикомъ. Въ 1841 году былъ отправленъ вторымъ драгоманомъ въ Персію, гдѣ очень усердно занялся изученіемъ персидской литературы и усовершенствовался въ персидскомъ языкѣ. Въ качествѣ переводчика и дипломатическаго чиновника Ч. принималъ участіе въ экспедиціи Путятина на Каспійскомъ морѣ (1842 г.), послѣ чего былъ отозванъ и опредѣленъ при Азіатскомъ департаментѣ переводчикомъ VIII класса для персидскаго языка. Четыре года спустя Ч. по порученію Сенявина открылъ консульство въ Астрабадѣ, гдѣ и провелъ 6 лѣтъ. По возвращеніи въ 1852 году въ Петербургъ Ч. былъ опредѣленъ драгоманомъ VI класса при азіатскомъ департамертѣ, а въ 1856 г. былъ назначенъ начальникомъ 4-го отдѣленія департамента внутреннихъ сношеній. Имѣя свободное отъ служебныхъ занятій время, Ч. началъ публиковать труды свои о Персіи, бывшіе результатомъ его непосредственнаго знакомства и личныхъ наблюденій надъ жизнью этой страны. Въ «Современникѣ» 1854 г. (т. XLVII) онъ помѣстилъ ст. «Персидскіе доктора и персидскіе паціенты»; въ «Отечеств. Зап.» 1855 года т. CI—«Судьба женщины на мусульманскомъ востокѣ»; въ «Современникѣ» 1857 года (т. LXIII).—«День персіянина. Очеркъ частной жизни въ Персіи». Кромѣ того, въ «С.-Пб. Вѣдомостяхъ» за 1853 г. Ч. помѣстилъ рядъ статей подъ заглавіемъ: «Очерки современной Турціи». Литературныя его работы были прерваны новою поѣздкою. Въ 1857 году онъ былъ назначенъ генеральнымъ консуломъ въ Тавризъ, гдѣ онъ оставался 5 лѣтъ, а послѣ того въ 1863 г. получилъ назначеніе на постъ управляющаго дипломатическою канцеляріей намѣстника кавказскаго. По упраздненіи ея, онъ оставался нѣкоторое время чиновникомъ особыхъ порученій VI класса при намѣстникѣ Кавказа, но вскорѣ по разстроенному здоровью Ч. былъ уволенъ въ отпускъ въ С.-Пб. впредь до выздоровленія. Въ 1870 г. скончался профессоръ персидскаго языка Казембекъ, не подготовивъ себѣ пріемника, и остававшійся не у дѣлъ Ч. былъ приглашенъ въ университетъ лекторомъ персидской литературы и языка. Въ январѣ 1871 г. онъ былъ назначенъ вольнонаемнымъ преподавателемъ съ жалованьемъ доцента, въ февралѣ началъ чтеніе лекцій; въ апрѣлѣ 1872 года былъ переведенъ съ Высочайшаго разрѣшенія на окладъ экстраординарнаго профессора; съ 1884 г. при томъ же окладѣ состоялъ въ званіи приватъ-доцента. Въ 1881 году Ч. вновь поступилъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ, но безъ назначенія на вакантную должность. Преподавательскую свою дѣятельность Ч. не оставлялъ до самой своей смерти.

Некрологъ Проф. Н. Веселовскаго въ «Новомъ Врем.» за 1888 г. № 4414 (отъ 12-го іюня). Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Имп. С.-Пб. Университета за истекш. третью четверть вѣка его существованія (1869—1894 г.) т. II, стр. 328—329. *П. Соколовъ.*

Чернякъ, *Владиміръ Григорьевичъ*, надворный совѣтникъ, врачъ-писатель, ординаторъ Владикавказскаго военнаго госпиталя. Родился 17-го апрѣля 1839 г. Воспитывался въ Ставропольской гимназіи, по окончаніи которой поступилъ въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію. Выпущенный изъ нея въ 1865 году лѣкаремъ, онъ началъ свою службу во 2-й конно-артиллерійской батареѣ Терскаго казачьяго войска, а затѣмъ, два года спустя, былъ переведенъ на должность младшаго ординатора во Владикавказскій военный госпиталь. Здѣсь

онъ принялъ дѣятельное участіе въ работахъ кавказскаго общества врачей, въ протоколахъ котораго помѣстилъ нѣсколько статей. Съ начала же 1880-хъ гг. онъ, кромѣ того, состоялъ и членомъ Пятигорскаго бальнеологическаго общества. Скончался 19-го октября 1884 года, на 46 году отъ рожденія.

Изъ напечатанныхъ В. Г. Чернякомъ статей можно указать слѣдующія: 1) «Perichondritis laryngea idiopatica» («Протоколы о—ва кавказскихъ врачей» за 1868—1869 гг., стр. 261); 2) «Къ лѣченію сочувственнаго воспаленія бубона при перелоѣ и шанкрѣ» (ibid., 1870—1871 г., № 23, стр. 125) и 3) «Одна изъ многихъ санитарныхъ нуждъ въ Пятигорскѣ въ связи съ значеніемъ его, какъ центра группъ кавказскихъ минеральныхъ водъ» (о чистой водѣ для питья) напечатано въ «Протоколахъ Пятигорскаго бальнеологическаго общества» за 1881—1882 гг., стр. 20—98.

«Терскія Вѣдомости» за 1884 г., № 86, некрологъ; Протоколы пятигорскаго бальнеологическаго общества за 1885—1886 гг., некрологъ; Л. Ѳ. Змѣевъ. Русскіе врачи-писатели, вып. II, С.-Пб. 1889 г. стр. 192; «Русская Медицина» за 1884 г. № 41, некрологъ. *Е. Ястребцевъ.*

Чернякъ, *Иванъ Леонтьевичъ*, полковникъ полтавскій, одинъ изъ типичныхъ представителей малороссійской старшины первой четверти XVIII-го столѣтія, сынъ слѣдующаго. Свѣдѣнія о Ч. начинаются съ 1690 года, когда онъ получилъ за службы отъ полковника полтавскаго Ѳедора Жученка село Камянку, въ Полтавскомъ полку. Затѣмъ, одно время Ч. былъ сотникомъ, отъ каковой должности уволенъ Мазепой въ январѣ 1704 года. Во время измѣны Мазепы Ч. остался вѣренъ Россіи и подвергся въ своемъ домѣ нападенію отъ сторонника Мазепы, Григорія Герцика, заковавшаго его въ колодки и отправившаго въ Кіевъ къ Мазепѣ. Узнавъ объ участи, постигшей Ч., сынъ его и зять, сотникъ Будищенскій Дмитрій Калачинскій, поѣхали къ Мазепѣ, находившемуся тогда въ Бѣлой Церкви, прося его объ освобожденіи полтавскаго полковника, но гетманъ посадилъ ихъ въ тюрьму, куда потомъ перевелъ и самого Ч. Желая узнать отъ Калачинскаго о деньгахъ Кочубея, Мазепа угрожалъ ему пыткой; тѣхъ же свѣдѣній добивался онъ и отъ Ч., но, по принятіи послѣднимъ присяги въ томъ, что онъ объ имуществѣ Кочубея ничего не знаетъ, отпустилъ его. Получивъ свободу, Ч. былъ посланъ Петромъ Великимъ въ Крымъ и Запорожскую Сѣчь, откуда кошевой, «бивъ его нещадно, забивъ въ кандалы и оковавъ руки», отослалъ къ Мазепѣ, который держалъ его у себя до самой полтавской битвы и намѣревался казнить въ Великихъ Будищахъ, мѣстечкѣ Полтавскаго полка. Родные Ч., узнавъ объ угрожавшей ему опасности, обратились къ Меньшикову о «вызволеніи» его отъ смерти. Меньшиковъ приказалъ объявить гетману, что, въ случаѣ казни Ч., такой же участи подвергнутся и Герцики, родственники Мазепы, вслѣдствіе чего онъ и былъ отпущенъ Мазепой. За вѣрность во время измѣны Мазепы Ч. былъ щедро награжденъ: онъ получилъ изъ имѣній измѣнника Григорія Герцика села Высшіе Нефорощи и Василевку, а въ 1709 году—урядъ полтавскаго полковничества, на мѣсто Ивана Прокофьевича Левенца. Получивъ на полковничество гетманскій универсалъ отъ 10-го іюля 1710 г. и царскую грамоту отъ 12-го іюля того же года, Ч., какъ и большинство малорусской старшины, начиная съ гетмановъ и кончая сотенными писарями, сталъ обогащаться насчетъ своихъ полчанъ, совершая различныя злоупотребленія, заключавшіяся, большею частью, въ излишнемъ обложеніи казаковъ поборами и особенно въ требованіяхъ исправленія натуральныхъ повинностей. Въ 1714 году возникло дѣло у гетмана по поводу жалобъ полчанъ, поданныхъ на Ч., начавшееся по письму государственнаго канцлера графа Г. И. Головкина къ гетману Скоропадскому. Изъ этого дѣла, сохранившагося въ дѣлахъ иностранной коллегіи, видно, какія позволяли себѣ злоупотребленія полковники и какими различными путями они пользовались для своего обогащенія. Кромѣ жалобъ, поданныхъ отъ полчанъ, изъ этого же дѣла открылось, что Ч. присвоилъ себѣ деньги, собранныя съ сотенъ полтавскаго полка во время полтавской осады на покупку селитры. Изъ гетманской канцеляріи дѣло было отослано къ графу Головкину въ Петербургъ, и 31-го марта 1715 года состоялось, по обсужденіи его въ иностран-

ной коллегіи и по докладѣ государю, опредѣленіе. Изъ этого опредѣленія видно, что, по мнѣнію коллегіи, «надлежало бы его, полковника, отъ уряду отставить», но вслѣдствіе того, что онъ «по прелести его Мазепиной къ нему не приставалъ», государь велѣлъ его «отпустить», обязавъ не мстить жалобщикамъ и не обижать полчанъ, подъ страхомъ отрѣшенія отъ полковничества. Удержавшись на урядѣ, Ч. въ январѣ 1718 года ѣздилъ съ гетманомъ въ Москву «для поклоненія царскому величеству» и получилъ царскую грамоту на имѣнія въ полтавскомъ полку. Неизвѣстно за что, но Ч. въ эту поѣздку былъ посаженъ въ преображенскій приказъ, откуда, впрочемъ, въ іюлѣ того же года былъ отпущенъ на родину. Въ 1721 и 1722 годахъ Ч. находился съ 10-ю тысячами казаковъ на работахъ, производившихся при прорытіи Ладожскаго канала. Здѣсь весь полтавскій полкъ былъ обвиненъ въ нерадѣніи и лѣни, о чемъ сохранилось доношеніе Ч. въ Сенатъ, въ которомъ онъ старался оправдаться. Повидимому, ему это удалось, такъ какъ онъ былъ еще полковникомъ въ 1726 г. Въ этомъ году Ч., по всей вѣроятности, и умеръ, такъ какъ на его мѣсто былъ назначенъ Василій Васильевичъ Кочубей.

Дѣла въ архивѣ департ. герольдіи правит. сената о дворянствѣ Черняковъ и Заньковскихъ.— Полтавскій полковникъ Иванъ Чернякъ, статья А. Востокова, въ «Кіевской Старинѣ», 1889 г., октябрь, стр. 1—17. Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича, т. I, стр. 6. А Лазаревскій, Черниговская лѣтопись по новому списку (1587—1725) и Коломацкія челобитныя, Кіевъ, 1890 г., стр. 30. Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, изд. 3-е, т. III, М., 1842, стр. 140, прим. 196. «Русскій Архивъ», 1875 г., апрѣль, стр. 449. «Кіевская Старина», 1884 г., май, стр. 117—122.

В. Гарскій.

Чернякъ, *Леонтій Ивановичъ*, генеральный есаулъ и полковникъ полтавскій. Принадлежалъ къ числу старинныхъ полтавскихъ казаковъ, и въ 1672 году, вмѣстѣ съ избраніемъ въ гетманы Самойловича въ Казацкой Дубравѣ, былъ избранъ въ генеральные есаулы, коимъ былъ еще въ 1677 году. Но такъ какъ урядъ генеральнаго есаульства не давалъ ему никакой самостоятельной власти, то Чернякъ и былъ постояннымъ претендентомъ на полтавское полковничество. Въ первый разъ онъ былъ избранъ полковникомъ лѣтомъ 1680 года, вмѣсто Өедора Жученка, и оставался имъ до 1683 года, когда принужденъ былъ уступить свой урядъ новому претенденту Павлу Герцику. Затѣмъ, въ 1689 году, Чернякъ снова былъ избранъ полковникомъ полтавскимъ, но продержался всего только нѣсколько мѣсяцевъ, когда его замѣнилъ опять Өедоръ Жученко. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о службѣ Черняка не имѣется; извѣстно только, что онъ въ 1690 году получилъ съ сыномъ Иваномъ (см. выше) царскую грамоту на имѣнія, и что въ 1698 году онъ былъ еще живъ.

Дѣла архива департамента герольдіи Правит. Сената о дворянствѣ Черняковъ; А. Лазаревскій: Полтавщина въ XVII в., «Кіевская Старина» 1891 г., № 8, стр. 372—373; «Полное собраніе законовъ», т. I, 183а стр. 897; «Русскій Архивъ» 1875 г., т. 1, стр. 449.

В. Гарскій.

Черскій, *Иванъ Дементьевичъ*, извѣстный изслѣдователь Сибири, геологъ, палеонтологъ, былъ по происхожденію литвинъ, родился 3-го мая 1845 года въ зажиточной дворянской семьѣ, въ родовомъ имѣніи «Сволна» Дриссенскаго уѣзда Виленской губерніи. Въ 1860 г., по окончаніи третьяго класса Виленской гимназіи, Ч. былъ переведенъ въ Виленскій Дворянскій Институтъ. Послѣдній годъ пребыванія Ч. въ этомъ учебномъ заведеніи совпалъ со временемъ польскаго мятежа (1863 г.) и восемнадцатилѣтній юноша, схваченный среди повстанцевъ, былъ сосланъ въ Сибирь и зачисленъ рядовымъ въ 1-й Западно-Сибирскій линейный баталіонъ, стоявшій въ г. Омскѣ. Военная служба тяжело отозвалась на Черскомъ: отличаясь слабымъ и нѣжнымъ тѣлосложеніемъ, онъ не вынесъ тягостей этой службы, сталъ хилѣть, хворать и, наконецъ, слегъ. По несчастью, окружающіе Черскаго въ это время относились къ нему очень подозрительно и не довѣряли его заявленіямъ о болѣзни. Болѣзнь была нервная, сопровождавшаяся внутренними страданіями и не бросавшаяся въ глаза; поэтому Ч-му пришлось пробыть на испытаніи въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, полныхъ мучительной тревоги и опасеній за свою участь. Не смотря, однако, на всю эту неблагопріятную обстановку, въ юношѣ не угасла жажда знаній, и, безъ сомнѣнія, уже въ омскихъ казармахъ имъ

были пріобрѣтены зачатки тѣхъ свѣдѣній, которыя впослѣдствіи поставили Ч-го въ ряду самыхъ выдающихся изслѣдователей Сибири. Въ этомъ онъ еще въ Омскѣ нашелъ себѣ поддержку въ лицѣ одного изъ своихъ земляковъ В. И. Квятковскаго, снабжавшаго его книгами, и Г. Н. Потанина. Послѣдній въ особенности имѣлъ громадное вліяніе на направленіе всей дальнѣйшей ученой дѣятельности Ч-го, указывая ему лучшія руководства по естественнымъ наукамъ, въ особенности по геологіи; не имѣя возможности самому принять участія въ экскурсіяхъ съ И. Д., онъ руководилъ все-таки работами послѣдняго во время его геологическихъ изслѣдованій окрестностей Омска. Чтеніе, научныя занятія, собираніе коллекцій, часть которыхъ была еще въ 1867 г. отослана Московскому Обществу любителей естествознанія, были единственнымъ утѣшеніемъ и поддержкой для Ч-го. Наконецъ, въ 1869 г. онъ былъ уволенъ отъ военной службы, но прожилъ еще два года въ Омскѣ, перебиваясь уроками и посѣщая городскую больницу, гдѣ онъ занимался практической анатоміей. Въ концѣ 1871 г. Черскій получилъ разрѣшеніе переселиться въ Иркутскъ и почти со дня пріѣзда сталъ работать при восточно-сибирскомъ отдѣлѣ Императорскаго русскаго географическаго общества. Здѣсь, въ лицѣ двухъ товарищей по несчастью, Дыбовскаго и Чекановскаго, выдающихся естествоиспытателей, онъ нашелъ себѣ новую поддержку. Знакомство съ ними, по его собственнымъ словамъ, имѣло самое благопріятное вліяніе на его научныя занятія. Въ Иркутскѣ Ч. повелъ жизнь настоящаго труженика науки, и, несмотря на скудную матеріальную обстановку и на недостатокъ научныхъ пособій, онъ, благодаря своему трудолюбію, энергіи, завоевалъ себѣ почетное имя одного изъ лучшихъ остеологовъ. Съ переѣздомъ въ Иркутскъ начинается его литературная дѣятельность; къ этому времени относится рядъ его статей зоологическаго, палеонтологическаго и геологическаго содержанія, матеріалъ для которыхъ онъ черпалъ въ начавшихся въ то же время научныхъ экскурсіяхъ. Свою геологическую дѣятельность Ч. началъ изслѣдованіемъ окрестностей города Омска, произведеннымъ въ 1871 г.; лѣтомъ 1873 г. онъ уже работалъ въ Восточной Сибири, совершая трудное путешествіе по Тункинскимъ и Китайскимъ альпамъ; собранныя коллекціи сгорѣли во время пожара г. Иркутска въ 1879 г., но результаты изслѣдованія включены Черскимъ въ дополненія къ извѣстному изданію «Азіи» Риттера. Въ 1874 г. Черскій изслѣдовалъ Тункинскую котловину и окружающія горы, особенно Еловскій отрогъ, и выяснилъ связь Саяна съ Тункинскими альпами, образуемую этимъ отрогомъ. Въ 1875 г. Ч. проѣхалъ изъ Иркутска по такъ называемому Московскому тракту до р. Бирюсы, съ маршрутнымъ изслѣдованіемъ пути, затѣмъ вернулся въ Нижнеудинскъ и вверхъ по р. Удѣ къ Нижнеудинскимъ пещерамъ, гдѣ, при поддержкѣ Академіи Наукъ, произвелъ раскопки, давшія весьма интересный матеріалъ по третичной фаунѣ млекопитающихъ. Въ слѣдующемъ 1876 г. онъ изслѣдовалъ долину р. Иркута отъ входа рѣки въ ущелья, ниже Торской думы, до впаденія въ Ангару. Въ 1877 г. Черскій началъ одну изъ своихъ важнѣйшихъ работъ,—изслѣдованіе береговой полосы озера Байкала, которое продолжалось пять лѣтъ. Результаты изслѣдованій, которыя Ч., сберегая скромныя средства отдѣла, велъ, плавая на своей собственной лодкѣ и гребя самъ, помѣщались въ ежегодныхъ весьма подробныхъ предварительныхъ отчетахъ и въ первой части полнаго отчета, составляющаго XII т. Записокъ восточно-сибирскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества и касающагося только всего юго-восточнаго берега озера; матеріалы же относительно сѣверо-западнаго берега включены Черскимъ въ дополненія къ «Азіи» К. Риттера. Краткій сводъ всѣхъ этихъ изслѣдованій вошелъ въ XV т. Записокъ императорскаго русскаго географическаго общества и кромѣ того въ 1880 г. Ч. составилъ весьма подробную карту береговой полосы озера въ масштабѣ 10 ф. въ дюймѣ, изданную Минералогическимъ и Географическимъ обществами въ 1886 г. Въ 1881 г. Ч. окончилъ изслѣдованіе послѣдней части юго-восточнаго берега Байкала, сдѣлалъ экскурсію въ Забайкалье, отъ устья Селенги до Кяхты, съ боковыми экскурсіями по притокамъ Се-

ленги, Джидѣ, Чикою и Хилку. Лѣтомъ 1882 г. Черскій отправился изъ Иркутска по Якутскому тракту до ст. Горбовской, оттуда переѣхалъ на Н. Тунгуску, гдѣ въ с. Преображенскомъ провелъ болѣе года, ведя метеорологическія наблюденія и изслѣдуя потретичныя отложенія въ долинѣ р. Н. Тунгуски, ихъ фауну и остатки первобытнаго человѣка. Всѣ эти поѣздки совершались по порученію и на средства восточно-сибирскаго отдѣла императорскаго русскаго географическаго Общества. Съ 1885 г. Черскій началъ работать на средства Императорской Академіи Наукъ; въ этомъ году, проѣздомъ изъ Иркутска въ Петербургъ, онъ изслѣдовалъ мѣстность вдоль Сибирскаго почтоваго тракта до восточнаго склона Урала и совершилъ боковыя экскурсіи къ Падунскому порогу на р. Ангарѣ и къ г. Минусинску. Изданное Императорскою Академіей Наукъ сочиненіе Черскаго «Геологическое изслѣдованіе Сибирскаго почтоваго тракта» представляетъ единственный въ своемъ родѣ трудъ, суммировавшій много отрывочныхъ фактовъ по геологіи Сибири, и, безъ сомнѣнія, надолго будетъ служить настольной книгой для лицъ, интересующихся этой страной. Болѣе пяти лѣтъ, 1886—91 г., Черскій провелъ въ Петербургѣ, продолжая свои работы по изученію В. Сибири, обрабатывая уже въ кабинетѣ собранные имъ матеріалы. Переѣздъ въ Петербургъ, не говоря уже о лучшей обстановкѣ, былъ для Ч-го необходимъ, такъ какъ положеніе въ Иркутскѣ становилось все болѣе и болѣе тягостнымъ. Къ матеріальнымъ невзгодамъ уже обзаведшагося къ этому времени семьей Черскаго присоединились различныя интриги и несправедливости со стороны нѣкоторыхъ иркутскихъ дѣльцовъ. Черскій, несмотря на свой замѣчательно кроткій характеръ, не избѣгъ людской зависти. Нравственныя волненія, усиленныя умственныя занятія расшатали слабый организмъ Черскаго настолько, что въ 1881 г. онъ сильно захворалъ мозговою болѣзнью и долженъ былъ цѣлый годъ провести въ вынужденномъ бездѣйствіи, снискивая себѣ пропитаніе обязанностями приказчика въ лавкѣ у одного изъ своихъ земляковъ. Съ переѣздомъ въ Петербургъ его матеріальная обстановка немного измѣнилась къ лучшему, но измѣнившаяся атмосфера возродила Ч. и онъ съ юношескою энергіей принялся за работу. Ко времени его пребыванія въ Петербургѣ относится рядъ самыхъ капитальныхъ изслѣдованій и печатныхъ трудовъ. Здѣсь онъ издалъ вышеупомянутую карту и изслѣдованіе Сибирскаго тракта. Работая усердно въ музеѣ Академіи Наукъ, Ч. въ то же время успѣлъ закончить, по порученію Имп. Р. Географическаго Общества, обширный трудъ, составившій дополнительный томъ къ «Землевѣдѣнію Азіи» Риттера. По порученію того же Общества, онъ обработалъ матеріалы, собранные А. Л. Чекановскимъ во время экспедиціи на Н. Тунгуску, и приготовилъ этотъ трудъ къ печати. Затѣмъ, по порученію Академіи Наукъ, принялся за изслѣдованіе вымершей фауны млекопитающихъ Сибири. Исходнымъ матеріаломъ для этой работы должны были послужить коллекціи, собранныя въ 1885 и 1886 г. ново-сибирской экспедиціей; пользуясь не только академическими коллекціями, но и собраніями Геологическаго Комитета, Горнаго Института, С.-Петербургскаго и Московскаго Университетовъ и другихъ научныхъ учрежденій, а также собраніями частныхъ лицъ, И. Д. значительно расширилъ рамки своей работы и далъ полную монографію всей извѣстной до сихъ поръ маммологической фауны Сибири. Этотъ трудъ привелъ Черскаго къ такимъ интереснымъ предположеніямъ относительно геологической исторіи сѣвера Сибири въ новѣйшіе періоды, что вызвалъ новую экспедицію на сѣверъ Сибири, въ Колымскій край, снаряженную Академіей Наукъ. Начальникомъ этой экспедиціи былъ назначенъ И. Д. Были всѣ данныя налицо для того, чтобы ждать блестящихъ результатовъ отъ этой экспедиціи. Ожиданія эти уже стали подтверждаться первыми донесеніями Черскаго, написанными такъ живо и увлекательно и проникнутыми такимъ бодрымъ духомъ, что единственное опасеніе друзей Черскаго, знавшихъ слабое здоровье путешественника, за неблагополучный исходъ работъ среди всевозможныхъ лишеній, стало казаться неосновательнымъ. Къ сожалѣнію, этимъ опасеніямъ суждено было оправдаться:

Черскій умеръ, не окончивъ предпринятой имъ экспедиціи, на пути изъ Средне въ Нижне-Колымскъ, 25 іюня 1892 г. Умеръ онъ, не переставая до самой последней минуты вести свои наблюденія и замѣтки. Предчувствуя свою близкую кончину, онъ сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія, которыя дали бы возможность ввѣренной ему экспедиціи, подъ начальствомъ его жены М. П. Черской, сдѣлать нѣчто законченное въ научномъ отношеніи. Такимъ образомъ, онъ до конца оставался вѣренъ своему призванію.

Этому замѣчательному ученому и человѣку принадлежатъ слѣдующіе труды: Очеркъ геогностическаго строенія окрестностей г. Омска. «Извѣстія сибирскаго отдѣла Географич. Общества». 1872 г., т. III;—Нѣсколько словъ о вырытыхъ въ Иркутскѣ издѣліяхъ каменнаго періода. Тамъ же; «Замѣтка по поводу вопроса о формѣ переднихъ роговъ вымершаго носорога». Тамъ же;—Составленіе каталоговъ остеологической коллекціи Иркутскаго музея.—«Отчетъ Сибирскаго Отдѣла Географич. Общества за 1871 г.». Иркутскъ. 1872 г.;—Краткій отчетъ объ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ въ Китайскихъ и Тункинскихъ альпахъ. «Извѣстія Спб. Отд. Географич. Общества», т. IV, 1873 г.;—Уродливый поросенокъ Тамъ же, т. IV, 1873 № 3—4;—Даурскій Myospalax, какъ самостоятельный видъ. «Bulletin de la Soc. Imp. des Naturalistes de Moscou». 1873 г., № 2, p. 430;—Объ уклоненіяхъ въ зубной системѣ соболя и его пищѣ. «Отчетъ Сибирскаго Отдѣла Имп. Рус. Географич. Общества за 1873 г.». Иркутскъ. 1874 г.;—Объ уклоненіи въ зубной системѣ сибирскихъ лисицъ. «Извѣстія Сиб. Отд. Русск. Географич. Общества». 1874 г., т. V, № 1;—О зубной системѣ сибирскихъ хорьковъ (ласка, горностай и т. п.). «Извѣстія Спб. Отд. Имп. Русскаго Географич. Общества». 1874 г., т. V. № 3—4; — Объ ископаемыхъ остаткахъ сѣвернаго оленя около Иркутска и о современной имъ фаунѣ. Тамъ же, т. V, № 2; — Дополненія къ ископаемой фаунѣ окрестностей г. Иркутска Тамъ же, т. V, № 3—4; «Описаніе черепа носорога, отличнаго отъ Rh. tichorinus (Rh. Merkii Jaeg.)», съ таблицею. «Записки Имп. Академіи Наукъ», т. XXV, 1874 г., стр. 65 — 74; «Ископаемые остатки съ Тихозадонскаго пріиска Олекминской золотоносной системы». «Изв. Спб. отд. Р. г. Общ.» 1875 г., т. VI, № 1—2; «Замѣтка къ вопросу о возрастѣ породъ, развитыхъ въ окрестностяхъ г. Омска». Тамъ же, т. VI, 1875 г., № 1—2; то же на нѣмецкомъ языкѣ въ «Zeitschr. d. Deutsch. geolog. Gesellsch.» 1876 г., Bd. XXVIII, p. 217—224; mit einer Tafel; Предварительныя свѣдѣнія о предполагавшемся аксисѣ (Cervus axis) въ Восточной Сибири». «Изв. Спб. отд. И. р. г. О.», т. VI, 1875 г., № 1—2; «Остатки первобытнаго быка (Bosprі migenius)». Тамъ же, 1875 г., т. VI, № 3; «Еловскій отрогъ, какъ связь между Тункинскими альпами и Саяномъ». Тамъ же, 1875 г. т., VI, № 4, съ картою и рисунками; «Краткій отчетъ объ изслѣдованіи Нижне-Удинской пещеры». Тамъ же;«Омежтемянной кости бѣлокъ(Scurus)». Тамъ же, 1876 г., т. VII, № 1—2; «Отчетъ объ изслѣдованіи Нижне-Удинской пещеры», съ планомъ и картой. Тамъ же, 1876 г., т. VII, № 2—3; «Краткій отчетъ объ изслѣдованіи теченія р. Иркута». Тамъ же, 1876 г., № 4—5; «Антилопа Сайга съ р. Вилюя», съ табл. Тамъ же; «Остатки пищи въ зубахъ сибирскаго носорога». Тамъ же; «Не превращенъ ли каменно-угольный (юрскій) песчаникъ въ гнейсъ, развитый у истока Ангары». Тамъ же; «Что такое древнія развалины, найденныя около крѣпости Тунки». Тамъ же; «Мнѣнія о бывшемъ въ послѣ-третичный періодъ значительномъ распространеніи водъ Ледовитаго океана въ Сибири (вопросъ о байкальскомъ тюленѣ)». Тамъ же, 1877 г., т. VIII, № 1—2; «Вопросъ о возрастѣ нѣкоторыхъ породъ, развитыхъ въ Иркутской губ.». Тамъ же; «Предварительный отчетъ о геологическомъ изслѣдованіи береговой полосы озера Байкала». Тамъ же, 1878 г., т. IX, № 1—2; «Изъ письма г. Черскаго». Тамъ же, т. IX, № 3—4; «Минеральныя богатства мѣстности, принадлежащей г. Иркутску». Тамъ же; «Ископаемые остатки Нижне-Удинской пещеры» (тамъ же перечень всѣхъ сухопутныхъ послѣ-третичныхъ млекопитающихъ Восточной Сибири). Тамъ же, 1879 г., т X, № 1—2: «Изслѣдованія члена-сотрудника Черскаго на Байкалѣ». «Извѣстія Имп. русск. геогр.

Общ.» 1880 г., т. XVI, стр. 180—182; «Предварительный отчетъ о геологическихъ изслѣдованіяхъ береговой полосы озера Байкала», съ карт. профилями и разрѣзами. «Изв. Вост.-Сиб. отдѣла Импер. р. г. Общ.» 1880 г., т. XI, № 1—2; «Къ отчету о лѣтнихъ экскурсіяхъ». Тамъ же; «Предварительный отчетъ о геологическомъ изслѣдованіи береговой полосы озера Байкала». Тамъ же, 1881 г., т. XII, № 2—3; «Къ вопросу о слѣдахъ древнихъ ледниковъ въ Восточной Сибири». Тамъ же, т. XII, № 4—5; «Нѣкоторыя примѣчанія къ описанію Байкала К. Риттера». Тамъ же; «Геологическая экскурсія на высокое плоскогорье и берегъ Байкала между устьемъ рр. Селенги и Кики». Тамъ же, 1882 г., т. XIII, № 1—2; «Отчетъ о геологическомъ изслѣдованіи береговой полосы озера Байкала», часть I. «Записки В.-Сиб. отд. Имп. р. г. О.» 1886 г., т. XII, стр. I — XXIX; 1 — 405; съ чертежами; «Естественно-историческія наблюденія и замѣтки, дѣланныя на пути отъ г. Иркутска до с. Преображенскаго на р. Нижней-Тунгускѣ. «Изв. В.-Сиб. отд.» 1886 г., т. XVI, стр. 238—309; съ таблицей рисунковъ каменныхъ орудій; J. Czersky. «Naturhistorische Beobactung und Bemerkungen während eine Reise von Ircutzk nach N. Tunguska»; «Ueber die Resultate der Forschungen im Gebiete des Baikal-Sees». «Neues Jahrb. für Mineralogie, Geologie und Paleontologie». 1887 г., p. 471. Référé par. S. Nikitin. «О результатахъ изслѣдованія озера Байкала». «Записки Имп. русск. геогр. Общ.» 1886 г., т. XV, № 3, стр. 1—48; съ двумя листами геологической карты; То же въ «Матер. геолог. Россіи» 1889 г., т. XIII, стр. 1-48; съ геологическою картою. «О тектоникѣ горной страны, входящей въ составъ сѣверо-западной окраины внутренней Азіи». «Труды С.-Пб. Общ. естествоиспыт.» 1886 г., т. XVII, вып. 2, стр. 51—58; «Геологическое изслѣдованіе Сибирскаго почтоваго тракта отъ озера Байкала до восточнаго склона Урала, а также путей, ведущихъ къ Падунскому порогу на р. Ангарѣ и въ г. Минусинскъ». «Записки Имп. Академіи Наукъ» 1888 г., т. LIX, стр. 1—145; съ картою; «Exploration géologique de la route de Sibérie depuis de la lac de Baïkal, jusqu, au versant oriental de l'Oural, ainsi que des chemins, qui conduisent a Minousinsk et à la cascade Padoun sur l'Angara» «Bull. Soc. Belge de Geolog.», 1889 г., т. III, стр. 22—23. Référé par F. Loewinson—Lessing. «О послѣ-третичныхъ образованіяхъ Сибири». «Труды С.-Пб. Общ. естеств.» 1888 г., т. XVIII, стр. 1—6; «Объ ископаемой фаунѣ Нижне-Удинской пещеры» «Труды С.-Пб. Общ. естеств.» 1888 г., т. XIX, отд. зоологіи, стр. 66—70; «О причинахъ смѣшенія арктическихъ и болѣе южныхъ формъ млекопитающихъ въ раннія эпохи послѣ-третичнаго періода». «Записки Имп. минер. Общ.» 1891 г., т. XXVII, стр. 395—397; «Описаніе коллекцій послѣ-третичныхъ млекопитающихъ животныхъ, собранныхъ ново-сибирскою экспедиціею 1885—86 г.». Приложеніе къ LXV т. «Запис. Имп. Ак. Н.» 1891 г. С.-Пб. 8°, стр. 1—706; съ 6 таблицами; И. Черскій. Описаніе коллекцій послѣ-третичныхъ млекопит. жив. etc.». Рефератъ И. Кузнецова. «Извѣст. Имп. географ. Общ.» 1892 г. Вып. V, стр. 500—509; то же на нѣм. языкѣ подъ заглавіемъ: «Wissenschaftliche Resultate der zur Erforschung des Janlandes und der Neusibirischen Inseln ausgesandtén Expedition», IV Abt. Beschreibung der Sammlung postertiärer Säugethiere». Aus den russischen übersetzt. «Memoires de l'Acad. de Sc. de S.-Pb.», т. XL, № 1, 1892 г., p. 1—512; mit. 6 Tafel; J. Tschersky (Czersky). «Beschreibung der Sammlung posttertiärer Säugethiere etc.». Naturwissensch Rundschau» 1895 г., №№ 3 и 4. Referiert von E. Koeken. «Свѣдѣнія объ экспедиціи Императорской Академіи Наукъ для изслѣдованія рр. Колымы, Индигирки и Яны. Путешествіе отъ Якутска до Верхне-Комымска лѣтомъ 1891 г.». Приложеніе № 3 къ LXVIII т. «Записокъ Академіи Наукъ»; «Свѣдѣнія объ экспедиціи Имп. Акад. Наукъ для изслѣд. и пр. II. Пребываніе въ Верхне-Колымскѣ зимою 1891—92 г.». Письмо на имя адъюнкта академіи г. Плеске. Приложеніе № 8 къ LXXI тому «Записокъ Имп. Ак. Н.» 1893 г.; «Предварительный отчетъ объ изслѣдов. и пр.», годъ первый (1891 г.). Отъ г. Якутска чрезъ верхнее теченіе р. Индигирки до с. Верхне-Колымска. Съ картою и разрѣзомъ, 1—35; Приложеніе № 5 къ LXXIII т. «Зап. Ак. Н.» 1893 г.; J. Tzchersky (Czersky) «Vorläufiger Bericht über Forschungen in Gebiete der Flusse Kolyma,

Indigirka und Jana». «N. Jahrb. Miner. etc.». 1896 г. Bd. II. S. 318—320. Referé par Ed. von-Toll, avec quelques remarques. К. Риттеръ. «Землевѣдѣніе Азіи. Географія странъ, входящихъ въ составъ Азіатской Россіи. Новѣйшія свѣдѣнія объ этихъ странахъ (1832—93). Часть I. Саянское нагорье въ предѣлахъ Иркутской губ. до юго-западной оконечности озера Байкала къ югу отъ большого Сибирскаго тракта». Составили по порученію И. р. географ. Общ. П. Семеновъ, И. Черскій и Г. Петцъ. С.-Пб. 1894 г. Главная часть трудовъ по составленію этого тома принадлежитъ Черскому. Черскій состоялъ членомъ И. Р. Географическаго и И. Р. Минералогическаго О-въ, С.-Петербургскаго О-ва естествоиспытателей, Имп. Московскаго О-ва испытателей природы, Имп. О-ва любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи и Московскаго археологическаго О-ва; былъ удостоенъ слѣдующихъ ученыхъ наградъ отъ И. Р. Географическаго О-ва: въ 1876 г. малой серебряной медали, въ 1878 г. малой золотой медали и въ 1886 г. золотой медали имени графа Литке.

Некр.: С. Никитина и Ѳ. Чернышева. «Извѣстія геологическаго комитета» 1892 г., № 9—10; В. Обручева. «Изв. Восточно-Сибирскаго отдѣла географ. Общ.», т. XXIII, № 23; Н. Ядринцева. Памяти И. Д. Черскаго». «Русск. Вѣдомости» 1892 г., № 248; тамъ же некр. А. въ № 247; М. В: Загоскина и В. Соловьева. «Восточное Обозрѣніе» 1892 г., №№ 39 и 40; Е. К. въ «Тобольск. Губ. Вѣдом.» 1892 г., № 39; «Историч. Вѣстникъ» 1892 г. № 11, стр. 558—559; A. Iwanovsky. «A la mémoire de feu J. D. Czersky». «Bulletin d. l. Sosiété Imp. d. naturalistes de Moscou» 1893 г., № 2—3, стр. 355—364; И. Д. Кузнецова въ «Вѣстникѣ Естествознанія» за 1893 г.; «О послѣднихъ дняхъ путешественника по Сибири, Ив. Д. Черскаго». «Записки Имп. Академіи Наукъ» т. LXXII, 1893 г., стр. 1—7; см. также «Зап. Имп. А. Н.», т. XXVII, 1876 г., стр. 166—167; т. XXVIII, 1876 г., стр. 214, 219; т. XXX, 1877 г. стр. 44, 45, 50; т. LVIII, 1888 г., стр. 68; «Очеркъ двадцатипятилѣтней дѣятельности Сибирскаго отдѣла Имп. р. г. Общ.», стр. 11, 12, 14, 22; E. Toll. «Die Tscherskische Expedition zur Erforschung der Gebiete der Kolyma, Indigirka und Jana». «Petermann's Mitteilung.» 1892 г., № V, p. 121—123. «Записки Имп. С.-Петерб. минер Общ.», 2-я серія, ч. XXIX, 1892 г., стр. 217; Матеріалы для исторіи научной и прикладной дѣятельности въ Россіи по зоологіи и соприкас. съ нею отраслямъ знанія преимущ. за послѣднее 35-ти-лѣтіе (1850—1888 г.)», собр. А. Богдановымъ въ «Извѣст. Имп. Общ. люб. естествозн., антропол. и этногр.», т. XLVII; «Труды зоол. отд. Общ.». т. IV. (И. Д. Черскій, кратк. біогр. и портретъ на XX таб.); см. также: т. LIV; «Труды зоол. отдѣл.», т. II, стр. 9; «Труды С.-Петерб. Общ-ва естествоиспыт.», т. XXIV, вып. I, 1894 г., стр. X; см также: с. XVII, вып. I, стр. 15—16; вып. 2, стр. 51; т. XVIII, стр. 1; т. XX, стр. I; т. XXI, стр. II; Извѣстія Имп. р. г. Общ-ва» 1886 г., т. XXII, стр. 449, 488, 597; «Отчетъ р. геогр. Общ.» за 1886 г., стр. 11—16; «Древности. Труды Моск. археол. Общ.», т. VIII. Протоколы собр., стр. 2; «Русская геологическая библіотека», составл. подъ ред. С. Никитина. Вып. I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII, IX, X (1885—1894).

И. Соколовъ.

Чертковъ, *Александръ Дмитріевичъ*, тайный совѣтникъ, предсѣдатель Московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ, нумизматъ, основатель Чертковской библіотеки; происходилъ изъ стариннаго русскаго дворянскаго рода, восходящаго къ XVI-му вѣку, и родился 19-го іюня 1789 года въ Воронежѣ. Дѣдъ его со стороны отца, Василій Алексѣевичъ Чертковъ, былъ въ то время генералъ-губернаторомъ Воронежскаго намѣстничества, а отецъ, Дмитрій Васильевичъ, женатый на Евдокіи Степановнѣ Тевяшевой, впродолженіи девяти трехлѣтій служилъ губернскимъ предводителемъ Воронежскаго дворянства. Со стороны матери дѣдомъ его былъ Острогожскаго округа полковникъ и извѣстный богачъ Степанъ Ивановичъ Тевяшевъ, учившійся въ Харьковскомъ Коллегіумѣ и отличавшійся любовью къ собиранію книгъ. Богатое состояніе родителей Черткова позволило имъ дать старшему своему сыну Александру самое лучшее образованіе, какое можно было имѣть тогда въ губерніяхъ. Изъ наставниковъ Черткова наиболѣе достойны памяти французъ Мортель и учитель воронежскаго народнаго училища, впослѣдствіи профессоръ Харьковскаго университета, Гавріилъ Петровичъ Успенскій, переводчикъ «Космографіи» Н. Шмидта (Воронежъ, 1801 годъ) и сочинитель «Опыта повѣствованія о древностяхъ русскихъ» (Харьковъ, 1801 годъ), книги, долго бывшей у насъ въ исторической литературѣ единственной въ своемъ родѣ и до сихъ поръ не утратившей своего значенія по точности и обстоятельности сообщаемыхъ въ ней свѣдѣній. Нѣтъ сомнѣнія, что Успенскій заронилъ въ душу Черткова любовь къ родной старинѣ и направилъ его на изученіе ея. Девятнадцати лѣтъ отъ роду Чертковъ уѣхалъ изъ Воронежа въ Петербургъ и поступилъ 31-го января 1808 года на службу

къ министру внутреннихъ дѣлъ А. Б. Куракину—въ департаментъ министерства. Получивъ 24-го августа того же года чинъ коллегіи юнкера, Чертковъ вскорѣ бросилъ статскую службу и 29-го сентября 1809 года поступилъ эстандартъ-юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи конный полкъ. Въ чинѣ корнета (съ 29-го октября 1811 г.) онъ принималъ участіе со своимъ полкомъ въ отечественной войнѣ и находился въ 1813 году въ сраженіяхъ подъ Дрезденомъ, Кульмомъ (за отличіе въ которомъ получилъ орденъ св. Анны 4-го класса и прусскій желѣзный крестъ) и Лейпцигомъ. Съ перенесеніемъ военныхъ дѣйствій во Францію, Чертковъ, уже въ чинѣ поручика (съ 23-го сентября 1813 года), участвовалъ въ дѣлахъ при Бріенѣ, Ферштампенуазѣ (за отличіе въ коемъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-ой степени съ бантомъ) и при Парижѣ (18-го марта). Однако, тревоги, неизбѣжныя при походной жизни, не принудили его покинуть умственныхъ занятій: съ 1813 года начинается рядъ тетрадей его съ записками, сначала и по большей части веденыхъ на французскомъ языкѣ. По возвращеніи въ Россію, Чертковъ назначенъ былъ казначеемъ своего полка (18-го іюля 1815 года) и былъ произведенъ въ чины: штабъ-ротмистра (18-го августа 1816 г.), ротмистра (25-го октября 1819 года) и полковника (14-го іюня 1822 года). Несмотря на трудныя обязанности полкового казначея, Чертковъ и послѣ назначенія на эту должность продолжаетъ вести свои записки, въ которыхъ подробно отмѣчаетъ прочитанное, и часто дѣлаетъ изъ него длинныя выписки, причемъ тогда уже было замѣтно въ немъ предпочтеніе, которое онъ началъ оказывать книгамъ по русской исторіи и древностямъ. Вѣроятно, желаніе имѣть больше досуга и всецѣло посвятить себя научнымъ занятіямъ и побудило его выйти въ отставку, полученную имъ 18-го ноября 1822 г., послѣ чего Чертковъ 2 года провелъ въ Австріи, Швейцаріи и Италіи. Находясь въ Италіи, Чертковъ пристрастился къ изученію итальянскихъ древностей, чему способствовали также возникшія у него во Флоренціи дружескія отношенія съ ученымъ Себастьяномъ Чіампи, авторомъ важной книги о взаимныхъ отношеніяхъ Польши и Россіи къ Италіи. Отъ этого путешествія сохранились двѣ большія тетради записокъ. По возвращеніи въ Россію, Чертковъ поселился въ Москвѣ, но возникшая война съ Турціей снова вызвала его на военное поприщѣ и онъ 15-го іюня 1827 года поступилъ въ гусарскій эрцъ-герцога Фердинанда полкъ, служа въ которомъ командовалъ резервными эскадронами полка (съ 4-го марта 1828 года). Выйдя 22-го іюля 1829 года за болѣзнью въ отставку, Чертковъ съ этихъ поръ окончательно посвятилъ себя научнымъ занятіямъ по русской исторіи и древностямъ, избравъ себѣ постояннымъ мѣстомъ жительства Москву и уѣзжая лишь иногда за границу и въ свои имѣнія. Лишь временно занявшись науками естественными подъ вліяніемъ своего сближенія съ Г. И. Фишеромъ-фонъ-Вальдгеймомъ и избранія въ члены общества испытателей природы, Чертковъ съ его помощью составилъ себѣ большой минералогическій кабинетъ, собиралъ коллекцію бабочекъ и описывалъ флору Острогожскаго уѣзда (на итальянскомъ языкѣ), но вскорѣ всецѣло посвятилъ свое время русскимъ древностямъ. Живя въ Москвѣ, Чертковъ въ 1833 году избранъ былъ въ дѣйствительные члены Императорскаго московскаго общества сельскаго хозяйства и принималъ особенное участіе въ его отдѣленіи для размѣна мыслей объ улучшеніи овцеводства въ Россіи, 14-го октября 1834 года опредѣленъ членомъ попечительнаго совѣта заведеній общественнаго призрѣнія въ Москвѣ и попечителемъ работнаго дома и въ томъ же году устроилъ на 400 нищихъ работное заведеніе, начальникомъ котораго былъ до конца 1839 года, когда это учрежденіе предано было въ вѣдѣніе комитета о просящихъ милостыню. Затѣмъ онъ 24-го октября 1834 года назначенъ былъ начальникомъ контроля для отчетности по заведеніямъ подвѣдомственнымъ попечительному совѣту заведеній общественнаго призрѣнія въ Москвѣ, а 11-го іюня 1835 г., по предложенію Московскаго генералъ-губернатора — попечителемъ временнаго заведенія для праздношатающихся и просящихъ милостыню въ Москвѣ. Избранный 22-го октября 1835 года въ московскіе уѣздные предводители дворянства, Чертковъ въ этомъ году былъ предсѣдателемъ коммиссій объ оцѣнкѣ земель, от-

ходящихъ подъ различныя части Москвы, по народному продовольствію, о составленіи именныхъ списковъ потомственнымъ дворянамъ, предсѣдателемъ уѣзднаго опекунскаго совѣта и неоднократно исполнялъ обязанности губернскаго предводителя. 26-го мая 1836 года Чертковъ избранъ былъ дворянствомъ Московской губерніи въ почетные попечители Московскихъ губернскихъ гимназій, 24-го апрѣля 1836 года—вице-президентомъ Императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, 26-го мая того же года—непремѣннымъ членомъ комитета, управляющаго дѣлами Императорскаго общества испытателей природы, членомъ статистическаго комитета Московской губерніи и 28-го октября—членомъ Московской дорожной коммиссіи. Пожалованный 23-го сентября 1841 года въ статскіе совѣтники, Чертковъ избранъ былъ 31-го декабря того же года въ члены Одесскаго общества исторіи и древностей и вновь назначенъ присутствовать въ дорожной коммиссіи и быть членомъ комитета о тюрьмахъ, 30-го декабря 1842 года онъ избранъ былъ членомъ Императорской Академіи Наукъ, а 8-го октября 1843 года—пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Около этого же времени по мысли Черткова, Ѳ. Я. Скарятина, А. С. Хомякова, М. Ѳ. Орлова и С. П. Шевырева, основано было въ Москвѣ училище живописи и ваянія, въ члены совѣта котораго Чертковъ избранъ былъ 5-го декабря того же года, а затѣмъ, «за оказаніе важной пользы обществу ревностнымъ содѣйствіемъ къ процвѣтанію класса живописи и ваянія», — въ почетные члены общества. Въ 1844 году 1-го января Чертковъ назначенъ былъ членомъ IV-го округа путей сообщенія и публичныхъ зданій, 18-го февраля—Московскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, по должности котораго состоялъ предсѣдателемъ Московской губернской посреднической коммиссіи и членомъ высочайше утвержденной коммиссіи для построенія въ Москвѣ храма во имя Христа Спасителя. 21-го декабря 1846 года Чертковъ вновь избранъ былъ въ званіе почетнаго попечителя Московскихъ губернскихъ гимназій и губернскаго предводителя дворянства, въ должности котораго и оставался по 1856 годъ, получивъ за это время чинъ тайнаго совѣтника и ордена: св. Станислава 1-ой степени (13-го января 1846 года) и св. Анны 1-ой степени (11-го апрѣля 1848 года) и св. Владиміра 2-й степени. Съ 24-го октября 1847 года и по день смерти онъ состоялъ почетнымъ членомъ русскаго археологическаго общества, а съ 1849 по 1857—президентомъ Императорскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ. Несмотря однако на столь трудныя и многостороннія служебныя обязанности, Чертковъ находилъ время для научныхъ занятій и обогатилъ русскую историческую науку многими цѣнными трудами. Возвратясь на родину послѣ путешествія по Европѣ, онъ сталъ собирать коллекціи русскихъ древностей и монетъ съ цѣлью изучить и классифицировать ихъ сообразно современному состоянію науки. Литературная и научная дѣятельность его началась почти одновременно. Первымъ трудомъ его были: 1) Воспоминанія о Сициліи, М. 1835—36, двѣ части съ великолѣпнымъ атласомъ рисунковъ. Затѣмъ слѣдовали: 2) «Палермо и его окрестности», помѣщенная въ Московскомъ наблюдателѣ 1835 г. ч. II, стр. 521—64; 3) Описаніе древнихъ русскихъ монетъ, М. 1834, 28 таблицъ монетъ и къ нему: прибавленіе первое, М. 1837, прибавленіе второе, М. 1838, съ рисунками 20 монетъ, и прибавленіе третье, М. 1843, съ рисунками 60 монетъ; 4) «Нѣсколько словъ вмѣсто предисловія къ описанію древнихъ русскихъ монетъ», въ Запискахъ и Трудахъ Общества исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ 1873 г., ч. 7, стр. 1—56; 5) «О пяти русскихъ деньгахъ XV вѣка» (съ рисункомъ), тамъ-же стр. 208—213; 6) «О древнихъ вещахъ, найденныхъ въ 1838 году въ Звенигородскомъ уѣздѣ въ имѣніи Н. А. Толстого» (съ рисункомъ), въ «Русскомъ Историческомъ Сборникѣ», издававшемся московскимъ Обществомъ исторіи и древностей россійскихъ, 1838 г. т. III, кн. I—IV, стр. 284—92, и въ «Запискахъ Русскаго Археологическаго общества», т. I, стр. 234—50; 7) «Описаніе посольства, отправленнаго въ 1659 году отъ царя Алексѣя Михайловича къ Фридриху VI, великому герцогу Тосканскому», въ «Русскомъ Историческомъ Сборникѣ», т. III, кн. I—

IV, стр. 311—69, и также отдѣльно, М. 1840; 8) «О переводѣ Манассіиной лѣтописи на славянскій языкъ, по двумъ спискамъ: Ватиканскому и Патріаршей библіотеки, съ очеркомъ исторіи болгаръ», тамъ же, 1843 г., т. VI, кн. 1—2, стр. 1—183, и также отдѣльно, М. 1842; 9) «Описаніе похода великаго князя Святослава Игоревича на болгаръ и грековъ, въ 967—971 годахъ», тамъ-же, 1843 г., кн. 3—4, стр. 185—283, и отдѣльно М. 1843; 10) «О числѣ русскаго войска, завоевавшаго Болгарію и сражавшагося съ греками во Ѳракіи и Македоніи въ 967—971 годахъ», Одесса 1842 (изъ Записокъ Одесскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ); 11) «О Бѣлобережьѣ и Семи Островахъ, на которыхъ, по словамъ Димешки, жили Руссы —разбойники, съ картою Freduce d' Ancona, гдѣ назначены ихъ притоны, въ IX—XI столѣтіяхъ, на Черномъ и Азовскомъ моряхъ»; въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1845 г. №№ 8 и 9, и отдѣльно Спб. 1845; 12) «Грамота великаго князя Витовта 1390 года», во «Временникѣ Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ» 1849 г., кн. 3, смѣсь, стр 5—6; 13) «Сказаніе о началѣ Москвы, выписанное изъ одной Новгородской лѣтописи, служащее объясненіемъ происхожденія сочиненія Каменевича-Рвовскаго», тамъ-же 1851 г., кн. 11, смѣсь, стр. 25—29. Изъ этого ряда трудовъ Черткова, посвященныхъ русской исторіи и археологіи, первое мѣсто принадлежитъ, безспорно «Описанію древнихъ русскихъ монетъ», которымъ онъ положилъ начало точному, систематическому описанію древнихъ нашихъ монетъ, первый возбудилъ охоту къ собиранію ихъ и далъ возможность любителямъ монетъ разобраться въ нихъ и отнести къ тому или другому великому князю. До появленія этого замѣчательнаго сочиненія, русская литература по нумизматикѣ была крайне бѣдна и заключала въ себѣ небольшое число статей, посвященныхъ отдѣльнымъ отраслямъ этой науки. Къ числу этихъ статей относятся, напримѣръ: «Опытъ историческаго изслѣдованія о древности монеты въ Россійскомъ государствѣ» Мальгина (1810), «Критическія разысканія о древнихъ русскихъ монетахъ», изданныя Императорскою Академіею Наукъ (1807), «Опытъ о кожаныхъ деньгахъ» (1835), и др. Но несмотря однако и на эти труды, можно сказать, что до Черткова науки нумизматики не существовало. Даже такіе ученые, какъ, напримѣръ, Н. М. Карамзинъ, дѣлившій всѣ монеты на четыре разряда: 1) съ изображеніемъ разныхъ звѣрей безъ надписи, 2) съ татарскою надписью, 3) съ русскою надписью и татарскою и 4) съ одною русскою надписью, были вполнѣ несвѣдущими людьми въ области нашихъ древнихъ монетъ. Чертковъ, разобравъ надписи, раздѣлилъ монеты по княжествамъ и отнесъ ихъ къ именамъ князей, въ княженіе которыхъ они были выпущены, словомъ, создалъ науку. Послѣ начальной разработки, данной Чертковымъ, другимъ стало легче издавать болѣе полныя описанія древнихъ русскихъ монетъ, какими явились труды Я. Рейхеля и другихъ. Черткову принадлежитъ въ этой области заслуга еще въ томъ, что онъ былъ однимъ изъ первыхъ, предостерегшихъ (во второмъ прибавленіи къ «Описанію древнихъ русскихъ монетъ», М. 1838) собирателей древнихъ русскихъ монетъ о появленіи фальшивыхъ (новодѣльныхъ) экземпляровъ, которые быстро стали показываться въ продажѣ послѣ увеличенія спроса на старыя монеты. Описанныя въ этомъ сочиненіи монеты принадлежали по большей части самому автору «Описанія», во второмъ же прибавленіи были изъ коллекцій Н. Головина и С. Г. Строгонова. Изслѣдованіе Черткова снабжено разными научными примѣчаніями, родословіями нѣкоторыхъ князей, указателемъ именъ, названій предметовъ, а также таблицами вѣса монетъ и рисунковъ; кромѣ того, въ первомъ прибавленіи помѣщены замѣчанія извѣстнаго оріенталиста Френа, а во второмъ—особая статья о новодѣльныхъ монетахъ. Какъ первый систематическій трудъ по русской нумизматикѣ «Описаніе древнихъ русскихъ монетъ» было удостоено отъ Академіи Наукъ полной Демидовской преміи, отъ которой Чертковъ отказался, передавъ ее въ распоряженіе академіи, напечатавшей на эти средства Остромирово Евангеліе 1056—57 годовъ (1843). «Описаніе древнихъ русскихъ монетъ» не потеряло значенія своего и до сихъ поръ, но въ виду

ограниченнаго количества выпущенныхъ экземпляровъ, давно стало библіографической рѣдкостью. Кромѣ отечественной исторіи, Чертовъ занимался исторіею славянъ, отыскивая въ греческихъ, римскихъ и византійскихъ источникахъ забытыя имена и дѣла славянъ. Догадки свои о древности и повсемѣстности славянъ на югѣ Европы, онъ простиралъ иногда до того, что въ этрускахъ и древнѣйшихъ римлянахъ видѣлъ слѣды первыхъ славянъ. Въ такомъ духѣ и съ такою цѣлью имъ изданы слѣдующія сочиненія: 1) «О переселеніи Ѳракійскихъ племенъ за Дунай и далѣе на сѣверъ, къ Балтійскому морю и къ намъ на Русь, т. е. очеркъ древнѣйшей исторіи Прото Словенъ», въ «Временникѣ» 1851 г., кн. 10-я, изслѣдованія, стр. 1—134 и VIII рис. и отдѣльно М. 1851; 2) «Ѳракійскія племена, жившія въ малой Азіи» тамъ-же, 1852 г., кн. 13-я, изслѣдованіе, стр. 1—140 и 1—40; 3) «Пелазго-ѳракійскія племена, населявшія Италію и оттуда перешедшія въ Ретію, Венделикію и далѣе на сѣверъ до рѣки Майна», тамъ-же, 1853 г., кн. 16-я, изслѣдованія, стр. 1—102 и 1—46; 4) «О языкѣ Пелазговъ, населившихъ Италію, и сравненіе его съ древлесловенскимъ», тамъ-же, 1857 г., кн. 23-я, изслѣдованія, стр. 1—193; 5) «Продолженіе опыта Пелазгійскаго словаря», тамъ-же, 1857 г., кн. 25-я, изслѣдованія, стр. 1—50, и отдѣльно, М. 1857. Ученыя занятія естественно привели Черткова къ собранію книгъ, большое число томовъ которыхъ онъ получилъ уже отъ отца своего и дѣда С. И. Тевяшева.

Впродолженіи всей своей жизни онъ постоянно пополнялъ свою библіотеку, а посвятивъ себя изученію русскихъ древностей, задумалъ составить такую библіотеку, въ которой находились бы всѣ пособія для изученія Россіи въ самомъ обширномъ смыслѣ. Разросшееся собраніе побудило Черткова составить ему каталогъ, который имъ былъ выпущенъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ: Всеобщая библіотека Россіи, или каталогъ книгъ для изученія нашего отечества во всѣхъ отношеніяхъ и подробностяхъ», М. 1838—45, съ прибавленіями, изданіе второе, М. 1863—4. Всего въ каталогѣ 4701 названіе, но въ виду того, что здѣсь указаны сочиненія, касающіяся одного предмета—Россіи, книга эта является весьма полезнымъ указателемъ для каждаго, занимающагося русской исторіей, географіей, статистикой и политикой. Не довольствуясь перепечаткой заглавій книгъ, Чертковъ снабдилъ каталогъ примѣчаніями и указаніями о важности почти каждой книги въ какомъ либо отношеніи, причемъ высказалъ большую начитанность: про него можно сказать, что онъ не только собралъ библіотеку, но и прочелъ ее. Задавшись цѣлью собрать въ свое книгохранилище все то, что было написано о Россіи на европейскихъ языкахъ и славянскихъ нарѣчіяхъ, Чертковъ, для пополненія своей библіотеки, доступной для ученыхъ, неоднократно ѣздилъ за границу, и въ послѣдніе годы его жизни библіотека его пополнилась сочиненіями преимущественно иностранными и на славянскихъ нарѣчіяхъ, достигнувъ 9500 сочиненій. Сынъ Черткова—Г. А. Чертковъ немедленно по кончинѣ отца приступилъ къ исполненію его намѣренія, помѣстивъ библіотеку отца въ особомъ, нарочно выстроенномъ, трудносгораемомъ зданіи и открывъ ее для общественнаго пользованія. Въ 1863—73 годахъ при Чертковской библіотекѣ издавался «Русскій Архивъ» подъ редакціей библіотекаря ея П. И. Бартенева, а затѣмъ она была передана въ вѣдѣніе города и помѣщалась при Румянцовскомъ музеѣ, находясь въ завѣдываніи Е. В. Барсова. По открытіи-же въ 1878 году Императорскаго Русскаго Историческаго музея—библіотека пожертвована была ему Г. А. Чертковымъ и разложена въ его залахъ. До преобразованія Императорской публичной библіотеки, обогатившейся подъ управленіемъ барона М. А. Корфа отдѣломъ книгъ такъ называемыхъ Rossica, Чертковское книгохранилище было единственнымъ въ своемъ родѣ собраніемъ сочиненій, посвященныхъ познанію Россіи въ всѣхъ отношеніяхъ. Кромѣ библіотеки, Чертковъ обладалъ замѣчательнымъ собраніемъ греческихъ древностей и русскихъ монетъ.

Съ дѣтства владѣя французскимъ и нѣмецкимъ языками и выучившись латинскому и итальянскому уже позже, Чертковъ не имѣлъ строгаго классическаго образованія, но этотъ недостатокъ съ избыткомъ искупался многостороннею на-

читанностью, точностью и рѣдкимъ даромъ постоянства и усидчивости въ работѣ. Подъ строгою наружностью его таилось много душевной энергіи и сильной любви къ своему дѣлу. Гостепріимный домъ его былъ открытъ постоянно для писателей и ученыхъ, изъ числа которыхъ у него бывали: В. А. Жуковскій, М. П. Погодинъ, Н. Н. Мурзакевичъ, П. С. Савельевъ, В. В. Григорьевъ и другіе.

Умеръ Чертковъ 10-го ноября 1858 года.

Послужной списокъ 1848. — «Библіографическія Записки» 1859 г., стр. 658—9 (Некрологъ Г. Н. Геннади).—Записки графа М. Д. Бутурлина, въ «Русскомъ Архивѣ» 1897 г., № 6, стр. 188, 189, 204, 209, 210, 223; № 8, стр. 581, 591; 1898 г., № 9, стр 178.—Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. II, Спб. 1889 стр. 239, 324; т. IV. Спб. 1891, стр. 38—40, 166, 258, 398, 400; т. V, Спб. 1892, стр. 15, 79, 100, 406, 428, 431; т. VI, Спб. 1892, стр. 18, 19, 22, 128, 146, 154, 241, 320, 324, 326, 334, 359, 365, 390; т. VII, Спб. 1893, стр. 184, 185, 241, 245. 270, 294, 425; т. VIII, Спб. 1894, стр. 148, 150, 3[illegible]9, 466; т. IX, Спб. 1895, стр. 196, 209, 327, 335; т. X, Спб. 1896, стр. 159, 160, 176—180, 19[illegible], 438, 479, 480, 484, 545; т. XI, Спб. 1897, стр. 258; т. XII, Спб. 1848, стр. 73, 78, 441, 442, 465, 507; т. XIII, Спб. 1899, стр. 323.—Записки Н. Н. Мурзакевича, въ «Русской Старинѣ» 1887, № 4, стр. 133; № 7, стр. 661, 662; 1892 г., № 2, стр. 232, 251; «Русская Старина» 1889 г., № 4, стр. 229; 1890, № IX, стр. 627, 629.—«Древняя и новая Россія» 1875 г., № 2, стр. 150—153.—«Русскій Архивъ» 1863 г., ч. I, стр. 1—19; 1864 ч. I, стр. 1—11; 1865, I, стр. 1—2; 1886, стр. 1—3, 726; 1867, № 2, стр. 314—320; 1870, № 11, стр. 2143; 1873, № 3, стр. 388—89; 1877, № 12, стр. 361; 1878, № 2, стр. 157; № 11, стр. 376, 380, 382, 383; 1880, кн. I, стр. 280; 1883; кн. I, стр, 99, 102; 1886, кн. I, стр. 335, кн. III, стр. 255; 1890, № 7, стр. 333, 344; 1892, № 3, стр. 399—400.—Изъ записокъ К. Н. Лебедева, «Русскій Архивъ» 1888 г., № 11, стр. 463.—Ст. Масловъ: Историческое обозрѣніе Императорскаго Московскаго Общества сельскаго хозяйства, М. 1848, прилож., стр. 122, 181.—Каталогъ русскихъ книгъ библіотеки Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, т. I, Спб. 1897.—Извѣстія Императорскаго Археологическаго общества, т. I, вып. 6-й, 1859 г., Спб., стр. 392—94 (Некрологъ).—Записки Одесскаго общества исторіи и древностей, т. IV, отдѣленіе II и III, Одесса. 1860, стр. 320—22, (Некрологъ Н. Н. Мурзакевича).—Н. И. Веселовскій, Исторія Императорскаго русскаго Археологическаго общества за первое пятидесятилѣтіе его существованія, 1846—1986, Спб. 1900, стр. 10, 268.—Князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій: Русская родословная книга, изд. 2-е, т. II, Спб. 1895, стр. 364.—Москвитянинъ 1841 г., № 1, стр. 606.—В. С. Иконниковъ: Опытъ русской исторіографіи, т. I, кн. 1, Кіевъ 1891, стр. 123*, 141*, 262*, 258, 298, 299, 307, 360, 627, 697, 863; т. I, кн. II, Кіевъ. 1892, стр. 1131, 1161, 1171, 1242—1244, 1246—1248, 1265, 1296, 1360, 1365, 1401, 1403, 1406, 1416, 1436, 1508, XLIII, CLXXXIII, CXXX. — Энциклопедическій словарь Толля, дополненія, стр. 547.—Біографическій и библіографическій словарь Крайя, т. XIII, стр. 155.—Московская биржевая газета» 1872 г., № 8.—« С.-Петербургскія Вѣдомости» 1836 г., № 260, стр. 1043—45, № 261, стр. 1047—49. 1872 г., № 178.—«Московскія Вѣдомости» 1873 г., № 71.—Archiv fur wiss. Kunde Russlands 1864 г.—«Воронежскія губернскія Вѣдомости» 1863 г., № 14.—А. В. Александровъ: Современные историческіе труды въ Россіи, Спб. 1845.—«Журналъ Министерства народнаго просвѣщенія» 1836 г., XII, стр. 377; 1867 г., № 1, стр. 107; ч. VII, стр. 99; ч. XXXVII; отд. VI, стр. 76; ч. XLI, отд. VI, стр. 57; ч. XLVII, отд. II, стр. 65; ч. CXVII, отд. VI, стр. 115.—Библіотека для чтенія» 1834 г., т. 6, № 6 стр. 11—12; 1838 г., т. 30, стр. 13—14.—Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду» 1838 г., № 40.—«Москва» (при «Телескопѣ») 1834 г., № 37, стр. 147—51.—«Телескопъ» 1834 г., ч. 23, стр. 285—90.

В. Гарскій

Чертковъ, *Василій Алексѣевичъ*, генералъ-поручикъ, воронежскій, харьковскій и саратовскій генералъ-губернаторъ, св. Александра Невскаго и св. Анны кавалеръ, сынъ флота капитана 1-го ранга Алексѣя Никитича Черткова, принадлежалъ къ древнему дворянскому роду и родился въ 1726 году. 22-хъ лѣтъ, то-есть въ 1748 г. Чертковъ поступилъ на государственную службу и въ 1764 г. былъ произведенъ въ бригадиры съ назначеніемъ оберъ-комендантомъ крѣпости св. Елизаветы, построенной по ходатайству сербскаго генералъ-маіора Хорвата для защиты сербскихъ переселенцевъ. Въ 1771 году онъ былъ пожалованъ въ генералъ-маіоры и съ 1776—1782 гг. исполнялъ должность азовскаго губернатора, былъ командиромъ Днѣпровской линіи, генералъ-поручикомъ (съ 1777 г.) поселенныхъ въ Азовской губерніи регулярныхъ и иррегулярныхъ полковъ и шефомъ Пикинерскаго луганского полка. Въ 1782 г. Василій Алексѣевичъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ воронежскаго и харьковскаго намѣстничествъ и въ 1787 г., въ день торжественнаго посѣщенія Харькова императрицей Екатериной II, былъ всемилостивѣйше пожалованъ бриліантовымъ перстнемъ и 6.000 р. на подъемъ во вновь ввѣренную ему Саратовскую губернію. Въ первый же годъ своего правленія, Чертковъ подалъ въ Государственный Совѣтъ проектъ построенія крѣпости на рѣкѣ Большомъ

Узенѣ, чтобы предохранить часть Саратовской губерніи отъ грабежей и нападеній киргизъ-кайсаковъ и другихъ безпокойныхъ сосѣдей. Проектъ этотъ былъ одобренъ и уже въ серединѣ 1788 года было положено основаніе земляному укрѣпленію, названному по имени рѣки Узенемъ. Чертковъ несъ обязанности генералъ-губернатора воронежскаго и саратовскаго до своей смерти, послѣдовавшей въ 1793 году. Онъ былъ женатъ на Наталіи Дмитріевнѣ, рожденной Семичевой, и приходился дѣдомъ Александру Дмитріевичу Черткову, составителю знаменитой Чертковской библіотеки. По указанію «Словаря» Новикова, В. А. Чертковъ сочинилъ комедію, подъ названіемъ «Кофейной домъ», которая представлена была на Елизаветградскомъ театрѣ въ 1770 г. и тогда же напечатана въ Кременчугѣ.

Туркестановъ: Губернскій служебникъ. Спб. 1869 г. стр. 125, Лобановъ-Ростовскій: Русская родословная книга II т., изд. 2-е, 363. Архивъ государственнаго совѣта I, 2-я часть. Сенатскій Архивъ VIII, 411. Русскій Архивъ 1863 г., 1865 г. 2-е изд., 1872 г. «Русская Старина» 1870 г. II т., Мѣсяцесловъ на 1872 г., 459. Журналъ министерства внутреннихъ дѣлъ, декабрь, 1844 г., 461 стр. Митроп. Евгеній: Слов. свѣтскихъ писателей, т. II. Бартеневъ: Осьмнадцатый вѣкъ, кн. I, стр. 385. Самарскій, Екатеринославской епархіи, Пустынно-Николаевскій монастырь, Екатеринославъ, 1873 г. приложенія. Дневникъ Храповицкаго. Матеріалы для исторіи русск. литер, изд. Ефремовымъ Спб. 1867 г. стр. 118.

И. Н. Артамонова.

Чертковъ 1-й, *Григорій Ивановичъ*, генералъ-адъютантъ. Родился въ 1828 г. и образованіе получилъ въ Пажескомъ Корпусѣ, по окончаніи курса въ которомъ, въ 1846 г., поступилъ на службу корнетомъ въ лейбъ-гвардіи конный полкъ. Въ 1853 г., получивъ чинъ штабъ-ротмистра, онъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству. Въ 1859 г. былъ произведенъ въ полковники, а въ началѣ 1861 г. получилъ въ командованіе лейбъ-гвардіи 4-й стрѣлковый Императорской фамиліи батальонъ. Командуя этимъ батальономъ, онъ принималъ участіе въ войнѣ съ поляками и за отличіе въ сраженіи 12-го іюня 1863 г. при деревнѣ Монтвидово былъ награжденъ чиномъ генералъ-маіора съ назначеніемъ въ свиту Его Величества и съ оставленіемъ въ должности. Въ 1867 г. Ч. было поручено командованіе лейбъ-гвардіи Преображенскимъ полкомъ, а въ 1870 г. онъ былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству съ оставленіемъ въ прежней должности. Въ сентябрѣ того же года мы застаемъ его начальникомъ гвардейской стрѣлковой бригады, а въ мартѣ онъ получилъ чинъ генералъ-лейтенанта, съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта. Въ апрѣлѣ 1872 г. Ч. былъ назначенъ помощникомъ начальника 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, которою командовалъ тогда наслѣдникъ цесаревичъ, впослѣдствіи императоръ Александръ III. 17-го ноября 1874 г. Ч. получилъ должность помощника предсѣдателя главнаго комитета по устройству и образованію войскъ, съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта и въ должности помощника начальника дивизіи. Наконецъ, въ февралѣ 1877 г., передъ самымъ объявленіемъ Турецкой войны, Ч. былъ назначенъ начальникомъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, оставаясь вмѣстѣ съ тѣмъ и помощникомъ предсѣдателя комитета по устройству и образованію войскъ, но, по болѣзни, въ скоромъ времени принужденъ былъ сдать дивизію и уѣхать въ Вѣну, гдѣ онъ разсчитывалъ поправить свое здоровье, сильно разстроенное образовавшейся у него на ногѣ гангреной, которая и повела къ отнятію ноги въ томъ же 1877 г. По прошествіи четырехъ лѣтъ та же участь постигла и другую ногу. Наконецъ, 22-го апрѣля 1884 г. Ч. скончался въ Петербургѣ отъ паралича сердца.

Приведенный перечень фактовъ изъ жизни Ч. еще не даетъ представленія о его необыкновенной преданности служебному долгу и горячей любви къ военному дѣлу. Съ первыхъ шаговъ своей службы въ должности начальника отдѣльной части онъ обнаружилъ не совсѣмъ обычное отношеніе къ своимъ обязанностямъ. Онъ подробно входилъ во всѣ мелочи внутренней жизни офицеровъ и солдатъ ввѣренныхъ ему частей и не успокаивался до тѣхъ поръ, пока не достигалъ существенныхъ улучшеній въ той или другой отрасли управленія. Въ 1874 г., какъ было выше указано, Ч. былъ призванъ къ дѣятельности, вполнѣ отвѣчавшей его стремленію къ усовершенство-

ваніямъ въ военномъ дѣлѣ. Назначенный помощникомъ предсѣдателя главнаго комитета по устройству и образованію войскъ, онъ со всей своей энергіей принялъ участіе въ работахъ этого комитета, дѣятельность котораго, оживившаяся послѣ Турецкой войны, выразилась составленіемъ и изданіемъ цѣлаго ряда положеній, наставленій и инструкцій для войскъ, также какъ и дополненіемъ и пересмотромъ почти всѣхъ дѣйствующихъ военныхъ уставовъ. Преданность свою военному дѣлу Ч. выказалъ также, принимая участіе, въ качествѣ предсѣдателя, въ коммиссіи по снабженію увѣчныхъ воинскихъ чиновъ искусственными конечностями. Дѣятельное участіе въ работахъ комитета и коммиссіи неоднократно обращало на себя монаршее вниманіе. Ч. имѣлъ всѣ русскія ордена до ордена св. Александра Невскаго съ алмазами включительно. Кромѣ того, онъ былъ пожалованъ нѣсколькими иностранными орденами.

Ч. былъ не чуждъ и военной литературѣ оставилъ послѣ себя память среди войскъ изданными имъ «Памятными книжками для унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ», выдержавшими нѣсколько изданій. «Памятныя книжки» написаны весьма популярно и по цѣнѣ доступны всякому.

О Ч. подробнѣе см.: — «Русскій Инвалидъ» 1884 г., № 94—«Новое Время» 1884 г., № 2928.— «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1884 г. № 112— «Русская Старина» 1890 г. т. LXVII, ст. 182; 1891, т. LXXI, ст. 57; 1896 г. декабрь, стр. 579.— «Полный списокъ шефовъ, полковыхъ командировъ и офицеровъ лейбъ-гвардіи коннаго полка» С.-Пб. 1886. *Б. Савинковъ.*

Чертковъ, *Дмитрій Александровичъ*, камеръ-юнкеръ, попечитель калужскихъ богоугодныхъ заведеній. Дворянинъ и помѣщикъ, владѣвшій населенными имѣніями въ губерніяхъ Владимірской, Костромской и Московской (всего 7.150 дес. и 1.065 душъ). Родился въ 1824 г. и воспитывался въ Импер. царскосельскомъ лицеѣ, откуда выпущенъ въ 1841 г. (4-го іюня) съ правомъ на чинъ 9-го класса. Въ томъ же году (сентября 25-го) опредѣленъ на службу вторымъ переводчикомъ въ Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ слѣдующемъ 1842 г. онъ, сверхъ означенной должности, утвержденъ въ должности члена комитета Московской дѣтской больницы по письменной части. Въ 1843 г. (ноября 10-го) перемѣщенъ на должность перваго переводчика при Главн. Архивѣ. Въ 1844 г., за ревностную службу и «особые труды по званію члена комитета Московской дѣтской больницы» произведенъ въ коллежскіе ассессоры. Въ 1845 г. (мая 22-го) уволенъ отъ должности члена комитета Московской дѣтской больницы и въ томъ же году (іюня 5-го) перемѣщенъ въ III-ю экспедицію департамента внѣшнихъ сношеній министерства иностранныхъ дѣлъ. 21-го апрѣля 1847 г. пожалованъ въ званіе камеръ-юнкера двора Е. И. В. Въ январѣ 1850 г. былъ командированъ временно для занятій въ С.-Петербургскій Главный Архивъ Министерства иностранныхъ дѣлъ, а въ октябрѣ 1854 г. былъ назначенъ попечителемъ Калужскихъ богоугодныхъ заведеній, причемъ обязался жертвовать въ пользу этихъ заведеніи по 300 руб. ежегодно и единовременно пожертвовалъ 700 руб. (Формулярный списокъ 1855 г.).

Дальнѣйшихъ свѣдѣній объ немъ не имѣется. *Ф. В.*

Чертковъ, *Дмитрій Васильевичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ, Воронежскій губернскій предводитель дворянства. Сынъ Василія Алексѣевича и отецъ Александра Дмитріевича, (см. выше). Печатныя біографическія свѣдѣнія объ немъ очень скудны и потому приходится довольствоваться формулярнымъ спискомъ о его службѣ, составленнымъ въ 1821 г. Родился онъ 1-го мая 1758 г., а скончался 11 апрѣля 1831 г. Въ службу вступилъ въ Преображенскій полкъ ротнымъ квартирмистромъ въ 1771 г., апрѣля 16-го. Въ томъ же году, 22-го апрѣля произведенъ въ вахмистры, а 2-го мая—въ прапорщики. Въ 1772 г. (іюля 22-го) произведенъ въ подпоручики, въ 1774 г. (марта 27-го)—въ поручики, въ 1775 г. (января 6-го)—въ капитаны, въ 1777 г. (іюня 7-го) въ секундъ-маіоры, въ 1786 г. (января 1-го) въ преміеръ-маіоры, въ 1787 г. (іюня 19-го)—въ подполковники. Состоя въ военной службѣ, былъ въ походахъ въ Крыму (1782—1783 г.). 10-го марта 1788 г. опредѣленъ совѣтникомъ въ Воронежское намѣстническое правленіе, а 13-го іюля 1792 г.— предсѣдателемъ 2-го департамента Воронежскаго Верхняго земскаго суда. За

время гражданской своей службы получилъ орденъ св. Владиміра 4-ой степени. Съ 1-го января 1795 г. начинается его служба по выбору дворянства. Съ начала онъ былъ назначенъ судьею въ Воронежскій Совѣстный судъ, а 1-го января 1798 г. избранъ Воронежскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства и съ тѣхъ поръ, въ теченіе девяти трехлѣтій, оставался въ этомъ званіи. 23-го февраля 1800 г. «за исправность, найденную въ дѣлахъ господами сенаторами при обревизованіи Воронежской губерніи» Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена св. Анны 2-ой степ. Въ 1802 г. (іюня 19-го) принятъ въ число юстицкихъ кавалеровъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго; 31-го декабря 1804 г. произведенъ въ статскіе совѣтники; 1811 г. награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-ей степ.; 26-го іюня 1818 г. произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Женатъ былъ на дочери полковника, Евдокіи Степановнѣ Тевяшевой, отъ которой имѣлъ трехъ сыновей: Александра, Николая и Ивана. *Ф. В.*

Чертковъ, *Евграфъ Александровичъ*, одинъ изъ главныхъ пособниковъ импер. Екатерины II-ой при ея вступленіи на престолъ. Полной біографіи его не существуетъ въ печати и вообще біографическія свѣдѣнія объ немъ отрывочны и скудны. Извѣстно только, что во время переворота 28-го іюня 1762 г. онъ былъ поручикомъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и за содѣйствіе при восшествіи на престолъ имп. Екатерины II былъ награжденъ 800 душъ крестьянъ, а къ коронаціи пожалованъ въ камеръ-юнкеры. Въ 1765 г. Импер. Екатерина II праздновала трехлѣтнюю годовщину переворота и всѣхъ лицъ, оказавшихъ ей услугу 28-го іюня 1762 г. наградила серебряными сервизами; въ числѣ награжденныхъ былъ и Е. А. Чертковъ. Въ 1777 г. онъ былъ уже тайнымъ совѣтникомъ, камергеромъ и былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степ.; 22-го сентября 1793 г. получилъ орденъ св. Александра Невскаго; 4-го апрѣля 1795 г. произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, а въ декабрѣ 1797 г. скончался и погребенъ (29-го декабря) въ Александро-Невской лаврѣ, на Лазаревскомъ кладбищѣ.

Бартеневъ, XVIII-й вѣкъ, кн. III, стр. 344—354: Лонгиновъ: Нѣсколько извѣстій о первыхъ пособникахъ Екатерины Великой. Бильбасовъ: Исторія Екатерины II, стр. 468, 471 и 473. Храповицкій: Дневникъ. Кн. Лобановъ-Ростовскій: Русская родословная книга, т. II. Русск. Архивъ, 1863 г., стр. 463. Вл. Саитовъ: «Петербургскій некрополь», стр. 145. *Ф. В.*

Чертковъ, *Иванъ Дмитріевичъ*, двора Его Императорскаго Величества шталмейстеръ, почетный опекунъ С.-Петербургскаго Опекунскаго Совѣта, управлявшій Маріинскимъ сиротскимъ отдѣленіемъ, учрежденнымъ при Соборѣ всѣхъ учебныхъ заведеній, и Вдовьимъ домомъ; почетный членъ Демидовскаго дома призрѣнія трудящихся; членъ комитета о коннозаводствѣ, Попечительнаго Совѣта заведеній общественнаго призрѣнія въ С.-Петербургѣ и комитета главнаго Попечительства дѣтскихъ пріютовъ, попечитель Александринскаго сиротскаго дома. Изъ дворянъ Воронежской губерніи. Сынъ Дмитрія Васильевича Черткова (см. выше). Родился въ 1797 г. Въ службу вступилъ 15-ти лѣтъ, въ 1813 г. (25-го марта), «къ дѣламъ Воронежскаго гражданскаго губернатора», причемъ произведенъ былъ въ коллежскіе регистраторы. Въ томъ же году (окт. 13) переведенъ въ Арзамасскій конно-егерскій полкъ прапорщикомъ и съ тѣхъ поръ 20 лѣтъ провелъ на военномъ поприщѣ, принимая дѣятельное участіе въ кампаніяхъ 1813—1814, Турецкой 1828—29 и Польской 1831 г. Поступивъ въ военную службу, онъ состоялъ при шефѣ своего полка генералъ-маіорѣ Хрущевѣ, командовавшемъ 1-ю конно-егерскою дивизіей, для исправленія должности адъютанта; въ 1814 (февр. 12) награжденъ, за отличіе въ сраженіяхъ, орденомъ св. Анны 4-й степ.; въ томъ же году, 13-го марта, произведенъ въ поручики, а 18-го марта награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степ. съ бантомъ; въ ноябрѣ того же года назначенъ бригаднымъ адъютантомъ къ ген-м. Хрущову; въ 1816 г. (іюля 1-го) адъютантомъ къ командиру 4-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, генералъ-лейтенанту графу Палену 2-му; въ авг. 1816 г. переведенъ корнетомъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ; въ 1817 (февр. 13-го) произведенъ въ поручики, 1819 (февр. 2-го)—въ ротмистры; 13-го ноября 1820 г. назначенъ адъютантомъ къ

командовавшему гвардейскимъ корпусомъ генералъ-адъютанту Васильчикову; 1-го февраля 1822 г. — адъютантомъ къ начальнику Главнаго Штаба Его Величества, генералу-отъ-инфантеріи, князю Волконскому, къ которому былъ прикомандированъ еще съ 1-го января 1821 г., а 1-го января 1825 г. «обращенъ въ полкъ». Въ 1826 (янв. 28-го) произведенъ въ полковники и въ томъ же году (ноябр. 27-го) назначенъ адъютантомъ къ Его Императорскому Высочеству великому князю Михаилу Павловичу; въ 1827 г. награжденъ ореномъ св. Анны 2-й степ. Принявъ участіе въ Турецкой кампаніи 1828—29 гг., Чертковъ, по покореніи крѣпости Браилова, награжденъ былъ орденомъ св. Владиміра 3-й степ. и, сверхъ того, получилъ за эту компанію въ числѣ прочихъ, не въ зачетъ годовое жалованье. За польскую кампанію 1831 г. онъ получилъ орденъ св. Станислава 2-й степ. и золотую саблю съ надписью «за храбрость».

Въ 1833 г. (янв. 1-го) Чертковъ уволенъ отъ службы съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и съ назначеніемъ ко двору Его Императорскаго Величества въ должности шталмейстера. Въ томъ же году онъ назначенъ членомъ комитета о коннозаводствѣ, членомъ Попечительнаго Совѣта заведеній общественнаго призрѣнія въ С.-Петербургѣ и попечителемъ Александринскаго сиротскаго дома. Въ 1834 г. за отлично усердное исполненіе возложеннаго Его Императорскимъ Величествомъ порученія по продовольствію крестьянъ Бѣловодской Коннозаводской волости во время бывшаго въ 1833 г., неурожая, награжденъ орденомъ св. Станислава 1-й степ. Въ томъ же году (окт. 22-го) назначенъ почетнымъ членомъ Демидовскаго дома призрѣнія трудящихся, а въ ноябрѣ того же года назначенъ попечителемъ этого Дома на время отсутствія его учредителя, въ каковомъ званіи оставался до 10-го августа 1839 г., 1-го декабря 1835 г. ему пожалованъ орденъ св. Георгія 4-й степ. за 25-ти лѣтнюю безпорочную службу въ офицерскихъ чинахъ, а 5-го декабря того же года «за отличное усердіе и попечительность въ дѣлахъ богоугодныхъ» награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степ. и получилъ (30-го дек.) благодарственный рескриптъ отъ государыни императрицы. Такіе же рескрипты онъ не разъ получалъ и впослѣдствіи. 21-го декабря 1836 г. назначенъ почетнымъ опекуномъ С.-Петербургскаго Опекунскаго Совѣта, а 12-го апрѣля 1837 г. назначенъ управляющимъ Маріинскимъ сиротскимъ отдѣленіемъ при Соборѣ всѣхъ учебныхъ заведеній и Вдовьимъ домомъ. Въ 1838 г., (ноябр. 1-го), удостоенный благодарственнаго рескрипта государыни императрицы «за постоянные труды по учрежденію вновь въ нѣкоторыхъ частяхъ столицы дѣтскихъ пріютовъ», Чертковъ назначенъ былъ членомъ комитета главнаго Попечительства дѣтскихъ пріютовъ. 20-го апрѣля 1840 г. пожалованъ въ шталмейстеры двора Его Императорскаго Величества. Съ 1848 по 1856 г. управлялъ Московской дѣтской больницей. Скончался 6-го февраля 1865 г. Женатъ былъ на бар. Еленѣ Григорьевнѣ Строгановой (род. 11-го февраля 1800 г., сконч. 25-го іюня 1832 г.).

И. Селезневъ. 50-лѣтіе IV-го отдѣл. собствен. Е. И. В. канцеляріи, приложен., стр. 29, 36 и 43. Русская радословная книга, кн. Лобанова. Ростовскаго, т. II. формулярный списокъ (1841 г., имъ самимъ подписанный. *Ф. В.*

Чертковъ, *Николай Дмитріевичъ*, генералъ-лейтенантъ, извѣстенъ своимъ крупнымъ пожертвованіемъ на постройку Воронежскаго Кадетскаго Корпуса. Родился Ч. 18-го іюля 1794 г. отъ отца Дмитрія Васильевича Черткова, Воронежскаго предводителя дворянства, и матери, урожденной Тевяшовой. Благодаря заботамъ своего отца, человѣка очень состоятельнаго, Ч. получилъ самое лучшее образованіе, какое только можно было получить въ провинціи. Поступивъ въ 1813-мъ году въ военную службу, Ч. участвовалъ въ пяти кампаніяхъ, состоялъ нѣкоторое время адъютантомъ при генералъ-фельдмаршалѣ графѣ Паскевичѣ-Эриванскомъ и передъ Калишскимъ смотромъ былъ уволенъ въ отставку съ чиномъ генералъ-маіора. За свои боевыя заслуги онъ имѣлъ военныя отличія и, между прочимъ. орденъ св. Владиміра 3-й степени, полученный имъ въ бытность его командиромъ Тверского драгунскаго полка. Знаки отличія, по его словамъ, онъ добывалъ «грудью, на полѣ сраженія».

Ч. извѣстенъ, однако, не своей боевой службой; онъ сталъ извѣтенъ лишь со времени своего участія въ основаніи Воронежскаго Кадетскаго Корпуса. Въ 1834 г. воронежское дворянство обратилось съ ходатайствомъ объ открытіи въ губернскомъ городѣ кадетскаго корпуса, предлагая употребить на это собранную по подпискѣ между дворянами сумму, въ размѣрѣ около 700.000 р. Какъ ни значительна казалась на первый взглядъ эта сумма, однако ходатайство воронежскихъ дворянъ было отклонено именно въ виду недостаточности собранныхъ средствъ для постройки и надлежащаго обезпеченія такого учрежденія, какъ кадетскій корпусъ. Ч., признавая полезнымъ, чтобы дворянскія дѣти отдавали преимущество военной службѣ передъ гражданской, и желая оказать помощь дѣлу военнаго образованія дворянъ, рѣшилъ передать въ распоряженіе правительства милліонъ рублей ассигнаціями и 2.000 душъ крестьянъ (впослѣдствіи онъ измѣнилъ свой первоначальный планъ, пожертвовавъ $1^1/_2$ милліона деньгами и 1.000 крестьянъ) съ специальною цѣлью учрежденія въ гор. Воронежѣ кадетскаго корпуса. Съ предложеніемъ своего пожертвованія Ч. въ 1836 г. лично отправился въ С.-Петербургъ. Послѣ бесѣды съ главнымъ начальникомъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній, великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, Ч. 16-го апрѣля того же года обратился письменно къ государю, прилагая свое всеподданнѣйшее ходатайство о принятіи приносимаго имъ въ пользу Воронежскаго Кадетскаго Корпуса пожертвованія. Чрезвычайно характерно для Ч., что онъ въ вышеупомянутомъ ходатайствѣ просилъ Государя, чтобы кадетскій корпусъ, на постройку котораго должны были быть употреблены его деньги, не былъ названъ его именемъ, а получилъ бы названіе «Михайловскаго», въ честь великаго князя Михаила Павловича. Мотивировалъ свою просьбу Ч. тѣмъ, что не желаетъ, «дабы имя его стало наравнѣ съ великими именами императоровъ Петра, Павла и Александра».

За свой щедрый вкладъ Ч. бы награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-й степени; кромѣ того, онъ былъ снова принятъ въ службу генералъ-маіоромъ, былъ назначенъ состоять при главномъ начальникѣ военно-учебныхъ заведеній и въ честь него была выбита почетная медаль.

Съ принятіемъ пожертвованія Ч-ва дѣло постройки Воронежскаго кадетскаго корпуса двинулось впередъ. 14-го сентября 1837 г. состоялась торжественная закладка главнаго зданія; 16 августа 1844 г. Высочайше утверждено было «Положеніе о Михайловскомъ Воронежскомъ кадетскомъ корпусѣ съ неранжированною онаго ротой, составляемою Тамбовскимъ кадетскимъ корпусомъ». Директоромъ новаго кадетскаго корпуса, по предложенію Ч., былъ назначенъ родственникъ его, полковникъ А. Д. Винтуловъ, а Ч. была предоставлена почетная должность попечителя. Наконецъ, 8-го ноября 1845 г. состоялось торжественное открытіе корпуса. Ч. былъ награжденъ чиномъ генералъ-лейтенанта и орденомъ св. Анны 1-й степени.

Скончался Ч. въ С.-Петербургѣ 14-го ноября 1852 г. Прахъ его покоится у порога церкви Св. Духа въ Александро-Невской лаврѣ. Кромѣ могильной плиты, вдѣланной въ полъ у лѣвой стороны двери, тутъ же находится мраморный кіотъ съ вдѣланной золотой доской, на которой вырѣзана надпись «Основателю Воронежскаго кадетскаго корпуса».

На главной площадкѣ Воронежскаго корпуса помѣщенъ бюстъ Ч. съ надписью: «Дворянинъ Воронежской губерніи генералъ-маіоръ Николай Дмитріевичъ Чертковъ пожертвовалъ въ 1836 г. $1^1/_2$ милліона руб. ассигн. и 1.000 душъ крестьянъ на основаніе въ г. Воронежѣ кадетскаго корпуса, съ просьбою наименовать его Михайловскимъ, въ честь его императорскаго высочества великаго князя Михаила Павловича».

О Ч. подробнѣе см.: «Воронежскія Губернскія Вѣдомости» 1852 г., № 48, отдѣлъ «Мѣстная Хроника», статья П. Малыхина; «Историческій Вѣстникъ» 1896 г., т. LXIII, стр. 345; «Русская Старина» 1896 г., февраль, стр. 369; 1897 г., августъ, стр. 351; «Русскій Архивъ» 1895 г., ноябрь, статья священника С. Звѣрева—«Москвитянинъ» 1843 г., № 2; «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1886 г., № 241. *Б. Савинковъ.*

Чертковъ, *Павелъ Васильевичъ*, сакелларій Преображенскаго собора въ Петербургѣ, сынъ протоіерея лейбъ-гвардіи егерскаго полка, Василія Гавриловича Черткова. Въ 1794 г. обучался при отцѣ

въ Митавской Гимназіи, откуда поступилъ въ 1797 г. въ Александро-Невскую академію въ высшій грамматическій классъ, а въ 1800 именнымъ указомъ переведенъ въ новоучрежденную армейскую семинарію. По окончаніи курса рукоположенъ (1803 г.) во священника въ Литовскій мушкатерскій пѣхотный полкъ, изъ котораго переведенъ въ 1805 г. въ Бѣлозерскій пѣхотный полкъ. Съ этими полками онъ участвовалъ въ войнахъ 1805—1806 гг. противъ французовъ и даже попалъ, въ январѣ 1807 г., въ плѣнъ къ французамъ, но скоро былъ освобожденъ и участвовалъ въ битвѣ при Прейсишъ-Эйлау. За участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ былъ награжденъ скуфьею и годовымъ окладомъ жалованья. Въ апрѣлѣ 1807 г. былъ назначенъ въ Преображенскій полкъ и вернулся въ Петербургъ. Здѣсь, помимо прямыхъ своихъ обязанностей, много и долго трудился, и притомъ безвозмездно, на педагогическомъ поприщѣ, за что не разъ получалъ награды. Такъ, въ 1816 г. за безвозмездное преподаваніе съ 1812 г. Закона Божія въ сиротскомъ училищѣ, ему пожалована была камилавка, а въ 1821 г. за то же золотой крестъ. Въ 1820 г. за усердное и пастырское попеченіе о бѣдныхъ дѣтяхъ, ему объявлена благодарность отъ С.-Петербургскаго попечительнаго комитета. Въ это же время онъ принималъ участіе въ открытіи училища для взаимнаго обученія воиновъ л.-гв. Преображенскаго полка и въ день открытія училища (11-го сентября 1820 г.) сказалъ по этому поводу рѣчь, которая тогда же была напечатана отдѣльной брошюрой (С.-Пб., 1821 г.). Въ 1825 г. (22-го декабря) онъ былъ утвержденъ сакелларіемъ Преображенскаго собора, получивъ передъ тѣмъ (въ 1823 г.) орденъ св. Анны 3-й степени. Въ 1826 г. за безмездное 13-тилѣтнее преподаваніе Закона Божія въ Институтѣ Патріотическаго Общества, по засвидѣтельствованію государыни императрицы Елизаветы Алексѣевны, государь императоръ пожаловалъ ему наперсный крестъ съ драгоцѣнными камнями.

Ф. В.

Черухинъ, *Николай Ивановичъ*, умеръ въ февралѣ 1874-го года, въ С.-Петербургѣ. Въ 1844-мъ году окончилъ дѣйствительнымъ студентомъ С.-Петербургскій Университетъ по 2-му отдѣленію философскаго факультета, по разряду математическихъ наукъ. Съ 1849-го по 1862-й г. Ч-нъ состоялъ преподавателемъ физики, химіи и физической географіи, въ 1-мъ Кадетскомъ Корпусѣ въ Петербургѣ. Въ началѣ 1872-го года Н. И. Черухинъ вступилъ въ число членовъ преобразованной въ то время постоянной коммиссіи по техническому образованію при Императорскомъ Русскомъ Техническомъ Обществѣ и съ этого времени всецѣло посвятилъ себя дѣламъ названной коммиссіи. Въ томъ же 1872-мъ году Н. И. Черухинъ участвовалъ въ особой коммиссіи для разработки вопроса объ устройствѣ публичныхъ лекцій при Императорскомъ Русскомъ Техническомъ Обществѣ, а въ концѣ 1872-го года онъ былъ избранъ товарищемъ предсѣдателя коммиссіи по техническому образованію; въ этомъ званіи онъ состоялъ до самой смерти. Въ 1873-мъ году Н. И. Черухинъ, въ качествѣ товарища предсѣдателя коммиссіи по техническому образованію, былъ назначенъ однимъ изъ депутатовъ въ Совѣтъ Торговли и Мануфактуръ для работы по изслѣдованію кустарной промышленности. Въ началѣ 1874-го года онъ въ числѣ прочихъ, изъявилъ согласіе прочесть рядъ публичныхъ лекцій въ аудиторіи Музея прикладныхъ знаній, но неожиданная смерть помѣшала ему привести въ исполненіе это намѣреніе. Въ рѣчи, которою предсѣдатель коммиссіи по техническому образованію Е. И. Андреевъ открылъ первое послѣ смерти Н. И. Черухина засѣданіе, онъ характеризуетъ его, какъ неутомимаго и безкорыстнаго дѣятеля, беззавѣтно преданнаго долгу и любимому дѣлу. Н. И. Черухину принадлежитъ помѣщенная имъ въ «Русской Старинѣ» 1873-го года статья: «Календарь для хронологическихъ справокъ» и «Замѣтка» къ ней; въ своей статьѣ Н. И, Черухинъ даетъ «легкій и удобный способъ находить день недѣли для каждаго числа въ данномъ годѣ, а также опредѣлять для даннаго года день Пасхи».

Архивъ С.-Петербургскаго Императорскаго Университета: «Записки Императорскаго Русскаго Техническаго Общества» 1874 г. «Русская Старина» 1873 г., т. VIII.—«Сынъ Отечества» 1874 г., № 7.—Б. Н. Тицъ: Очеркъ постоянной Коммиссіи по техническому образованію при Императорскомъ Русскомъ Техническомъ Обществѣ съ ея осно-

ванія въ 1868-мъ году до 1-го января 1889-го года». В. Сабанинъ: «Систематическій указатель предметовъ и именъ къ постановленіямъ совѣта и общихъ собраній Императорскаго Русскаго Техническаго Общества 1866—1884 г.г.». Адресъ—Календари за 1845—1874 г.г.

Вл. Грековъ.

Ческій, *Иванъ Васильевичъ*, граверъ рѣзцомъ, изъ крестьянъ. Родился въ 1777-мъ г. Въ Академію взятъ въ 1791-мъ г. по Высочайшему повелѣнію. Учился въ классѣ профессора Клаубера, какъ и братъ его Козьма. Окончилъ Академію въ 1799-мъ г. Въ 1807-мъ г. Ческій былъ избранъ въ академики за ландшафтъ съ Пуссена. Умеръ онъ въ 1848-мъ г. Число всѣхъ гравюръ, исполненныхъ И. В. Ческимъ, доходитъ до ста пятидесяти пяти; наиболѣе выдающіяся изъ нихъ слѣдующія: К. Н. Батюшковъ при книгѣ «Новое Собраніе Образц. Русскихъ. соч. въ стихахъ». Спб. 1822-го г. 2) И. Ѳ. Богдановичъ;—въ собраніи сочиненій. Спб. 1825-го г., 3) Кн. Витгенштейнъ, въ профиль. 4) Г. Р. Державинъ, въ Собраніи образцовыхъ сочиненій въ стихахъ Спб. 1825-го г. 5) В. А. Жуковскій, въ новомъ Собр. Образц. Русскихъ Сочиненій въ стихахъ, Спб. 1821—22-го г. 6) Вел. Кн. Елена Павловна; копія съ гравюры Вейса. 7) Николай I, при календарѣ 1827-го г. 8) Большой ландшафтъ съ охотниками, съ картины К. Пуссена, 9) Валаамскій монастырь, съ картины Сергѣева. 10) Церковь на горѣ Голговѣ въ Іерусалимѣ, съ картины М. В. Воробьева. 11) Осада и оборона Сарагоссы, съ кар. А. Иванова, 12) Французы разстрѣливаютъ Смоленскаго помѣщика Энгельгарда въ 1812-мъ г.; съ картины И. Иванова, 13) Рыцарь смотритъ на заколдованный замокъ, съ картины Зеленцова. 14) Открытіе мощей св. Митрофана 1832-го г. авг. 6-го дня, съ картины съ натуры О. Чурикова. 15) И. А. Крыловъ; въ Собран. Образц. Соч. въ прозѣ и стихахъ, Спб. 1818-го г. 16) М. М. Херасковъ, въ Собран. Соч. въ прозѣ и стихахъ 1825-го г., 17) Кронборгъ. На первомъ планѣ лодка съ 4-мя гребцами, вдали крѣпость; помѣщено въ Запискахъ морского офицера Спб. 1818-го г.; 18) Христосъ съ учениками на пути въ Эммаусъ, съ картины I. Claude Lorrain, 19) Четыре виньетки къ баснямъ Крылова, Спб. 1825-го г.: а) Напраслина, b) Сочинители разбойникъ, с) Василекъ; d) Конь и всадникъ. 20) Виньетка къ «Домику въ Коломнѣ» Пушкина. «Кухарка брѣется»; съ рисунка А. П. Брюллова. Новоселье Спб. 1833-го г.

Ровинскій. Подробный Словарь Русскихъ Граверовъ, стр. 739, 740, 741, 742, 742, 744, 745, 746. Петровъ Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Художествъ.

Н. Н. Горчаковъ.

Ческій, *Козьма Васильевичъ*, граверъ рѣзцомъ и акватинтой. Родился въ 1776-мъ г. въ крестьянской семьѣ. Въ 1793-мъ по Высочайшему повелѣнію взятъ въ Академію. До 1797 го г. воспитывался на средства кабинета, а съ 1797-мъ г. на средства Академіи. Въ 1799-мъ г. Ческій окончилъ Академію съ аттестатомъ. Въ 1811-мъ г. избранъ былъ въ академики. Умеръ въ 1813-мъ г. К. В. Ческимъ были исполнены слѣдующія гравюры: 1) Ф. Ѳ. Винцингероде, 2) Кн. Голенишемъ-Кутузовъ, въ профиль, 3) Гр. М. И Милорадовичъ, 4) Онъ же, 5) Видъ Эскадры подъ командою вице-адмирала Ушакова, расположенной при мѣстечкѣ Буюкдерѣ (писалъ С. Щедринъ), 6) Видъ Пиля въ саду города Павловска (съ кар. Щедрина); 7—11) пять досокъ въ атласѣ Сарычева, 12) Видъ Алексаидровской площади въ Полтавѣ (съ картины Ф. Алексѣева), 13—20) 8 досокъ въ атласъ Крузенштерна, 21) Видъ Гатчинскаго обелиска.

Д. А. Ровинскій. Подробный словарь русскихъ граверовъ. стр. 747, 748,

Н. Н. Горчаковъ.

Чеславская, *Софія Ивановна*, устроительница и начальница Казанскаго Женскаго Епархіальнаго Училища. Скончалась 16-го ноября 1874-го г., на 70-мъ году жизни. Устроивъ свое училище по образцу Царскосельскаго, она поставила его на такую высоту, что «молва о ея мудромъ, неустанномъ управленіи училищемъ, о порядкахъ, въ немъ заведенныхъ, и о христіанскомъ направленіи воспитанія и образованія привлекала въ училище воспитанницъ изъ отдаленныхъ епархій, хотя бы въ нихъ были и свои епархіальныя училища».

Софья Ивановна Чеславская, урожденная Трофимова, была вдовою Ив. Богдан. Чеславскаго, скончавшагося въ 1844-мъ г. (см. о немъ далѣе). Педагогическую службу свою начала она классной дамой въ Мо-

сковскомъ Елизаветинскомъ училищѣ. Въ 1852-мъ г. она была назначена начальницей Казанскаго училища дѣвицъ духовнаго званія, еще не существовавшаго и только предположеннаго къ открытію. Для приготовленія къ предстоявшей ей дѣятельности, ей вмѣнено было въ обязанность пожить въ Царскосельскомъ училищѣ, присмотрѣться къ тамошнимъ порядкамъ и вообще практически ознакомиться съ администраціей этого, тогда еще новаго, типа женскихъ учебныхъ заведеній.

По прибытіи въ Казань, ей пришлось *создать* то училище, начальницей котораго она была назначена, начиная съ устройства помѣщенія и кончая устройствомъ учебнаго курса и воспитательной части. Эти хлопоты и потраченные ею на училище труды такъ сроднили ее съ училищемъ, что его интересы она ставила выше своихъ личныхъ и отдала училищу всю свою жизнь, потрудившись для него болѣе 20 л. Только въ началѣ своей дѣятельности, опасно заболѣвъ отъ непосильныхъ трудовъ, она въ началѣ 1857-го г. вышла въ отставку и уѣхала въ Петербургъ, но въ концѣ того-же года, не смотря на вполнѣ обезпеченную въ матеріальнаго отношеніи жизнь и не слушая убѣжденій родныхъ, уговаривавшихъ ее остаться въ Петербургѣ, она возвратилась въ Казань и снова приняла въ свои руки созданное ею училище, которое уже и не покидала до самой своей смерти.

Педагогическая ея дѣятельность прекрасно очерка въ статьѣ законоучителя училища, священ. Ник. Варушкина «Вѣнокъ на могилу С. И. Чеславской» и въ его надгробномъ «Словѣ», помѣщенныхъ въ «Извѣстіяхъ по Казанской епархіи» 1874-го г. стр. 700—719; «Вѣнокъ» перепечатанъ въ «Пермскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ 1875 г. № 3, стр. 29—42. Некрологъ Чеславской помѣщенъ въ газетѣ «Современность» 1874 г. № 104, стр. 3.

Ф. В.

Чеславскій, *Иванъ Богдановичъ*, поэтъ и переводчикъ; происходилъ изъ рода Смоленскихъ шляхтичей, восходящаго къ началу XVII-го вѣка. Отецъ его, Богданъ Антоновичъ Чеславскій въ 1792-мъ году былъ отставнымъ подпоручикомъ и имѣлъ въ Порѣчской и Красинской округахъ, Смоленскаго намѣстничества, 262 души. Отъ брата его съ Авдотьей Григорьевной Богдановичъ и родился Чеславской въ 1790-мъ году. Въ 1803-мъ году Чеславскій поступилъ кадетомъ въ Морской Корпусъ, въ 1804-мъ былъ уже произведенъ въ гардемарины, а 1808-го января 1-го, изъ унтеры-офицеровъ—въ мичманы. Въ этомъ году Чеславскій находился при проводкѣ судна «Перунъ» отъ Петербурга до Кронштадта, а въ слѣдующемъ, 1809-мъ году на томъ же суднѣ «Перунъ» былъ въ кампаніи на Кронштадтскомъ рейдѣ. Въ 1812-мъ году, января 1-го, Чеславскій былъ произведенъ въ лейтенанты и плавалъ на бригѣ «Коммерстраксъ» между Свеаборгомъ, Стокгольмомъ, Данцигомъ и Ригой. Въ слѣдующемъ, 1813-мъ, году Чеславскій въ отрядѣ канонерскихъ лодокъ перешелъ изъ Свеаборга, черезъ Ригу, къ Данцигу, при осадѣ котораго былъ контуженъ, и участвовалъ въ троекратномъ сраженіи у Вексельмюнде. Въ 1814-мъ году Чеславскій командовалъ канонерской лодкой № 31 и прибылъ изъ Кенигсберга, гдѣ онъ былъ на зимовкѣ, въ Петербургъ. Въ 1816-мъ году, декабря 27-го, Чеславскій былъ уволенъ за болѣзнью отъ службы съ чиномъ капитанъ-лейтенанта. Черезъ четыре года, Чеславскій 29-го мая 1820-го года былъ опредѣленъ въ Департаментъ Внѣшней Торговли и 22-го сентября того же года помѣщенъ на вакансію переводчикомъ въ 1-мъ отдѣленіи торговыхъ и внѣшнихъ сношеній въ томъ же Департаментѣ. 3-го марта 1821-го года Чеславскій получилъ чинъ коллежскаго ассессора, въ слѣдующемъ, 1822-мъ, году, мая 3-го, уволенъ изъ Департамента Внѣшней Торговли и опредѣленъ того же числа въ Дирекцію Императорскихъ театровъ инспекторомъ Театральнаго училища. Пробывъ на новой должности до 20-го января 1823-го года, Чеславскій 21-го января того же года былъ опредѣленъ помощникомъ столоначальника въ Департаментъ Государственнаго Казначейства, а 7-го марта 1824-го года назначенъ тамъ же столоначальникомъ. Выйдя въ оставку изъ Департамента Государственнаго Казначейства 11-го сентября 1824-го года, Чеславскій 20-го числа того же мѣсяца опредѣленъ къ исправленію должности начальника 2-го отдѣленія Инженернаго Департамента,

утвержденіе въ коей послѣдовало 4-го декабря того же года. 3-го сентября 1832-го года Чеславскій былъ перемѣщенъ на должность начальника 1-го отдѣленія а въ декабрѣ 1833-го г. назначенъ дѣйствительнымъ членомъ комитета по ученой части при Совѣтѣ С.-Петербургскаго Человѣколюбиваго Общества. Въ 1837-мъ году Чеславскій состоялъ правителемъ дѣлъ Общаго Собранія Инженернаго Департамента, на каковой должности пробылъ по 1843-ій годъ. Въ этомъ году Чеславскій опредѣленъ сначала чиновникомъ особыхъ порученій, а затѣмъ правителемъ канцеляріи Виленскаго военнаго губернатора и генералъ-губернатора Гродненскаго, Минскаго и Бѣлостокскаго, на каковой должности и скончался въ 1844-мъ году.

Въ литературѣ Чеславскій извѣстенъ своимъ переводомъ на русскій языкъ трагедіи Расина «Федра», напечатаннымъ въ «Благонамѣренномъ» на 1821-ый годъ, ч. XIV, №№ 7 и 8, стр. 10—14, и изданномъ отдѣльно въ Спб., въ 1827-мъ году. Этотъ переводъ въ стихахъ, мѣстами сходный съ переводомъ, исполненнымъ ранѣе его М. Е. Лобановымъ, Чеславскій какъ членъ С.-Петербургскаго Общества любителей словестности, наукъ и художествъ, поднесъ Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ. Кромѣ перевода, «Федры» Рассина, Чеславскому принадлежитъ прологъ къ комедіи кн. А. А. Шаховскаго «Своя семья» и нѣсколько стихотвореній, помѣщенныхъ въ «Соревнователѣ» на 1823-ій годъ, «Благонамѣренномъ» на 1821-й, 1822ій и 1824-й, «Сынѣ Отечества» на 1826-й и «Одесскомъ альманахѣ на 1840-й годъ».

Дѣла о родѣ Чеславскихъ въ «Архивѣ Департамента Герольдіи Правит. Сената».—Послужной списокъ, составленный 24-го февраля 1833-го года. «Общій морской списокъ», ч. VIII-я, Спб., 1894, стр. 445.—«Обзоръ преобразованій Морскаго Кадетскаго Корпуса съ 1852-го года», Спб., 1897, стр. 126.—«Извѣстія по Казанской епархіи», 1874 № 24.—«Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго» т. IV, М., 1883, стр. 71.—Мѣсяцесловъ: 1821 г., т. I. стр. 801; 1823 г., ч. I, стр. 69; 1834, ч. I; стр. 129, 828.—«Списки гражданскимъ чинамъ» V-го и VI-го класса по 1-ое мая 1843-го года, стр. 35 и по 1-е февраля 1844 г. стр. 113.—«Русск. Архивъ», 1871 г. №№ 7 и 8, стр. 981.—«Дѣло» 1874 г., № 4, стр. 177.—Смирдинъ, «Роспись Россійскимъ книгамъ», № 6974. *В. Гарскій.*

Чеславскій, *Николай Богдановичъ*, статскій совѣтникъ, предсѣдатель костромской казенной палаты. Родился въ 1796-мъ году въ своемъ имѣніи Краснинскаго уѣзда, Смоленской губерніи и происходилъ изъ дворянской семьи. Воспитывался въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, куда поступилъ въ 1804-мъ году, а спустя четыре года былъ произведенъ въ гардемарины. Въ 1811-мъ году произведенъ въ мичманы въ 8-ой флотскій экипажъ, а черезъ пять лѣтъ въ лейтенанты. Проживъ во флотѣ до 15-го января 1826-го года, онъ вышелъ въ отставку по разстроенному здоровью. Въ томъ же году занялъ должность чиновника особыхъ порученій при С.-Петербургской казенной палатѣ, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вышелъ въ отставку. Въ 1831-мъ году снова поступилъ на службу совѣтникомъ въ Витебскую Казенную Палату и спустя семь лѣтъ, 18-го мая 1838-го года былъ назначенъ предсѣдателемъ той же палаты, затѣмъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники и назначенъ предсѣдателемъ Костромской Казенной Палаты. Здѣсь кромѣ того онъ состоялъ еще членомъ Попечительнаго о тюрмахъ Комитета и неоднократно исполнялъ обязанности губернатора. За свою многолѣтнюю службу имѣлъ ордена св. Владиміра 4-ой степени, св. Станислава 2-ой степени и св. Анны 2-ой степени съ императорскою короною. Н. Б. Чеславскій скончался 18-го мая 1848-го года въ Костромѣ на 51-мъ году отъ рожденія. Тѣло его погребено тамъ же.

«Костромскія Губернскія Вѣдомости» за 1848 г. № 11, стр. 39—40, некрологъ; «Общій Морской Списокъ». *Е. Ястребцевъ.*

Чесменскій *Александръ Алексѣевичъ*, бригадиръ, кавалеръ ордена св. Георгія IV-го класса, происходилъ изъ россійскихъ дворянъ. Онъ родился въ 1763 г. Отцомъ его былъ прославившійся въ Екатерининскую эпоху знаменитый графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій, который не бросилъ незаконнаго ребенка на произволъ судьбы, а занялся его воспитаніемъ и образованіемъ. Въ 1768 году заботы о подростающемъ малюткѣ были ввѣрены дядѣ его Владиміру Григорьевичу Орлову, такъ какъ Алексѣй Григорьевичъ принужденъ былъ принять участіе въ 1-ойТурецкой войнѣ. Въ 1770 г. Ч. въ числѣ другихъ молодыхъ людей былъ отправленъ за границу въ Педагогіумъ въ Галле, для полученія образова-

нія. По возвращеніи въ Россію онъ поступилъ на службу сержантомъ гвардіи 1-го іюля 1774 года. Въ 1788 году Александръ Алексѣевичъ уже въ чинѣ подполковника участвовалъ въ походѣ въ Финляндію, гдѣ сражался противъ Шведовъ. Въ 1789 году 21-го апрѣля, онъ былъ пожалованъ въ полковники въ С.-Петербургскомъ драгунскомъ полку. Въ 1789 г. онъ былъ въ Турціи и принималъ участіе въ сраженіи при Акерманѣ и при взятіи Бендеръ. Съ іюля 1789 года по апрѣль 1790 г. онъ исполнялъ должность дежурнаго полковника при Григоріи Александровичѣ Потемкинѣ. Съ 11-го мая 1792 г. по 12-ое марта 1793 года Чесменскій находился въ Польшѣ. 6-го іюля 1794 года былъ въ сраженіи у мѣстечка Баруни, 7-го близъ деревни Новоселокъ, 24-го при разбитіи непріятеля у мѣстечка Лиды, 8-го іюля при атакѣ батареи и ретраншаментовъ подъ Вильною и въ сраженіи на Погулянкѣ, 31-го при пораженіи непріятеля у Вильны, при занятіи города и въ близѣ на Погулянкѣ. 1-го января 1795 года Ч. былъ пожалованъ въ бригадиры. По смерти Алексѣя Григорьевича Орлова дочь его Анна Алексѣевна поручила всѣ дѣла по имѣнію въ 1808 г. Александру Алексѣевичу подъ главнымъ руководствомъ дяди его Владиміра Григорьевича.

Послужной списокъ въ отдѣленіи Архива главнаго Штаба въ Москвѣ. Александръ Барсуковъ Письма братьевъ Орловыхъ къ графу П. А. Румянцеву Спб. 1897 стр. 6. «Графъ Владиміръ Орловъ-Давыдовъ» Біографическій очеркъ графа Владиміра Григорьевича Орлова Спб. Т 1, стр. 189, 195, 267, 299, 300, 306; т. II стр. 80, 81, 195, 196. *П. Артамонова.*

Четвериковъ, *Иванъ Ивановичъ* дѣйствительный статскій совѣтникъ, извѣстный ревнитель православія и храмоздатель. Ч. родился въ 1809 г. и происходилъ изъ купеческаго сословія города Москвы. Когда рѣшено было принять издержки по постройкѣ и приведеніи въ сносный видъ православныхъ церквей юго-западнаго края на счетъ казны, а также отчасти искать вспомоществованій у частныхъ благотворителей, митрополитъ Филаретъ указалъ на Ч-ва П. Н. Батюшкову, въ спеціальное вѣдѣніе котораго было передано дѣло о пособіи православнымъ церквамъ въ Западномъ краѣ. Съ этихъ поръ въ теченіи десяти лѣтъ Ч. дѣятельно трудился на этомъ поприщѣ. Имя Ч. неразрывно связано съ исторіей возобновленія православныхъ храмовъ въ западныхъ губерніяхъ. Онъ не только жертвовалъ изъ собственныхъ средствъ, но еще больше собиралъ для той же цѣли среди московскаго купечества. Съ 1861 по 1871 годъ Ч. помогъ различными пособіями болѣе чѣмъ 4000-мъ церквей — вдвое болѣе того, что сдѣлала сама казна при ежегодномъ расходѣ въ полмилліона рублей. Государыня Императрица, принимавшая самое дѣятельное участіе въ благотворительной дѣятельности Ч., передала ему въ даръ «на добрый подвигъ» икону и неоднократно потомъ принимала его и выслушивала его представленія о нуждѣ церквей и о томъ, что было сдѣлано для нихъ путемъ частной благотворительности. Ч. былъ щедро награжденъ за свои труды многими орденами, дарованіемъ ему потомственнаго дворянства и пожалованіемъ ему сначала чина статскаго, а затѣмъ и дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Когда въ западныхъ губерніяхъ стали возникать церковныя братства, Ч. явился имъ на помощь, онъ также не мало помогъ балтійскимъ и гельсингфорскимъ церквамъ. На его средства окончена постройка Гельсингфорскаго собора. Для духовенства Московской епархіи Ч. также не мало потрудился, главнымъ образомъ, устройствомъ эмеритальной кассы. Ч. собралъ капиталъ, легшій въ ея основаніе, а также принималъ дѣятельное участіе въ составленіи устава кассы и былъ на съѣздѣ духовенства избранъ казначеемъ Московской эмеритальной кассы. Ч. скоропостижно скончался отъ разрыва сердца 4-го декабря 1871 г. на своей Городищенской фабрикѣ, Богородскаго у., Московской губ., и похороненъ на кладбищѣ Алексѣевскаго дѣвичьяго монастыря.

Источники: «Волынскія Епархіальныя Вѣдомости»,—1872 г., № 2, стр. 66, 67. 2. «Литовскія Епархіальныя Вѣдомости»,—1872 г., № 1 стр. 22—26 и № 3—стр. 75, 76. 3. «Московскія Епархіальныя Вѣдомости»,—1871 г., № 50, стр. 121, 122. 4. «Современныя извѣстія»,—1871 г., №№ 338, 343. 5. «Московскія Вѣдомости»,—1871 г., № 268. 6. «Современный Русскій Календарь» на 1873 г. 7. «Иллюстрированная газета», — 1871 г., № 49, стр. 783. *А. Трика.*

Четвериковъ, *Павелъ Филипповичъ*. Вступилъ въ Институтъ Путей Сообще-

нія воспитанникомъ I-го класса въ 1818-мъ г. Прапорщикъ 17-ти лѣтъ въ 1819-мъ г. Поручикомъ 1821-го г. назначенъ въ V-ый (Кіевскій) округъ, откуда переведенъ въ 1823-мъ г. на работы по Московскому шоссе въ вѣдѣніе подполковника барона Фитингофа. Здѣсь имъ исполнены работы на дистанціи между Москвою и Черною-Грязью; другими же шоссейными работами, производившимися подъ Москвою, онъ завѣдывалъ съ съ 1826-го г. какъ директоръ работъ. Въ 1829-мъ г. П. Ф. былъ командированъ къ работамъ по соединенію верховій рр. Волги и Москвы. На этихъ работахъ онъ былъ недолго, такъ какъ былъ назначенъ въ 1830-мъ г. управляющимъ изысканіями для устройства шоссе отъ Москвы до Брестъ-Литовска. По окончаніи изысканій П. Ф. былъ опредѣленъ членомъ Московской дорожной коммиссіи, отъ занятій въ которой уволенъ въ 1838-мъ г. При начавшихся въ 1840-мъ г. работахъ по устроенію Московско-Брестскаго шоссе П. Ф. былъ назначенъ управляющимъ этими работами.

Главноуправляющій гр. Толь въ 1841 г. поручилъ П. Ф. составить проектъ со смѣтою на исправленіе постояннаго въ г. Смоленскѣ моста черезъ р. Днѣпръ и представить свои соображенія къ составленію проекта на постройку совершенно новаго на этомъ мѣстѣ моста. Коммиссія проектовъ и смѣтъ и Совѣтъ Главнаго Управленія нашли выработанный проектъ образцовымъ, и гр. Толь приказалъ напечатать въ Журналѣ М. П. С. пояснительную записку, какъ могущую служить руководствомъ при исполненіи подобныхъ порученій. Въ 1843-мъ г. П. Ф. былъ назначенъ помощникомъ начальника XI-го (Могилевскаго) округа П. С. Въ 1844-мъ г. ему поручено исправленіе должности начальника того-же XI-г. округа; послѣ-же производства въ генералъ-маіоры въ 1847 мъ г. онъ былъ утвержденъ въ должности начальника округа. Въ 1849-мъ г. П. Ф. былъ награжденъ орденомъ св. Станислава I-ой ст. за труды по устройству новаго шоссе отъ Опочки черезъ Невель до Городка и отъ Орши чрезъ Могилевъ до Бобруйска. Въ XI-мъ округѣ П. Ф. оставался до 1850-го г., когда онъ былъ перемѣщенъ на должность начальника X-го (Кіевскаго) округа. Во время управленія этимъ округомъ въ Кіевѣ были произведены большія работы, за которыми П. Ф. имѣлъ или особенное наблюденіе, или самые проекты составлены при дѣятельномъ его участіи. Въ Кіевѣ сооруженъ по проекту Виньола Николаевскій постоянный цѣпной мостъ, чѣмъ установилось непрерывное сообщеніе чрезъ Днѣпръ. Прежде же, при вскрытіи и замерзаніи рѣки, а лѣтомъ во время паводковъ, сообщніе прекращалось на продолжительное время и часто цѣлыя недѣли нельзя было попасть ни въ Кіевъ, ни выѣхать изъ Кіева за Днѣпръ. Для соединенія Подольской части г. Кіева съ мостомъ устроено по берегу р. Днѣпра набережное шоссе. Подолъ же соединенъ съ старымъ городомъ Глубочицскимъ шоссе, которое начинается отъ устроенной при П. Ф. пристани на Днѣпрѣ. Для соединенія съ мостомъ и для соединенія крѣпости Крещатика съ Подоломъ устроены Николаевскій и Александровскій спуски, среди которыхъ зигзагами вьются съѣзды. Обвалы утесистыхъ горъ предотвращены тѣмъ, что пробивающіеся въ нѣдрахъ горъ подземные ключи переняты, собраны въ отдѣльныя вмѣстилища и особыми руслами отведены отъ сооруженій. Для сообщенія между частями города устроено Кадетское шоссе. Памятникъ св. Владиміру такъ же устроенъ при ближайшемъ надзорѣ со стороны П. Ф. При немъ же запруженъ рукавъ р. Днѣпра, называемый Черторой, чѣмъ направлены къ Кіеву всѣ воды Днѣпра. Постоянное попеченіе и содѣйствіе къ успѣшному сплаву изъ малороссійскихъ пристаней въ г. Кіевъ, Брестъ-Литовскъ и другія мѣста провіанта для войскъ доставило П. Ф. нѣсколько разъ Высочайшее благоволеніе.

Работы Кіево-Брестскаго шоссе причинили П. Ф. не мало хлопотъ. Еще при гр. Клейнмихелѣ подрядчикъ Гладинъ въ 1851 г. принялъ на себя по контракту сооруженіе Кіево-Брестскаго шоссе длиною въ 560 верстъ, за 5.399.480 р. Смѣты оказались не совсѣмъ точно составленными по отношенію, главнымъ образомъ, способа полученія камня и разстоянія его подвозки. По мѣстамъ подвозка камня была разсчитана на $2^1/_2$ версты; на дѣлѣ же пришлось добывать камень за 30 верстъ и выламывать его изъ скалъ. Добросовѣстный во всемъ, но крайне мѣшкотный, П. Ф. не рѣшался представить о добавкѣ

платы Гладину безъ полнаго и фактическаго удостовѣренія въ дѣйствительной возможности выполнить подрядъ. Для такого удостовѣренія П. Ф. подъ своимъ наблюденіемъ заготовлялъ камень и щебень для разныхъ участковъ, съ строгою экономіею и только тогда представлялъ о добавкѣ Гладину денегъ, когда собственнымъ опытомъ убѣждался, что эта добавка представляетъ дѣйствительную необходимость.

Въ маѣ 1860 г. П. Ф. былъ назначенъ членомъ Совѣта Главнаго Управленія, причемъ ему былъ разрѣшенъ годовой заграничный отпускъ для излѣченія отъ болѣзни.—Скончался въ 1868 г.

1) Формулярный списокъ, 2) Некрологъ, сост. Н. Полибинъ. «Жур. Мин. Пут. Сообщ». 1868 г. Т. X. № 5. 3) Біографіи «инженеровъ путей сообщенія« Выпускъ. 1-й. Составилъ инж. Житковъ. 1889 г.

С. Житковъ.

Кн. Четвертинскій, *Борисъ Антоновичъ*. У Антонія-Станислава кн. Святополкъ-Четвертинскаго, бывшаго кастеляномъ Перемышльскимъ, около 1784 г. родился сынъ Борисъ. Князья Четвертинскіе—ополячившіеся Рюриковичи, и полный титулъ ихъ: князья Святополки на четвернѣ Четвертинскіе поэтому новорожденнаго, какъ и другихъ представителей ихъ рода, крестили по обряду римско-католической церкви, причемъ воспріемницей была сама Императрица Екатерина. Именнымъ Высочайшимъ указомъ отъ 11-го ноября 1792 г. кн. Борисъ былъ записанъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ.—Во время польскихъ смутъ 1794 г., отецъ его былъ повѣшенъ поляками на глазахъ семьи за приверженность къ Россіи. Кромѣ Бориса, у вдовы кн. Антонія на рукахъ остались двѣ падчерицы, отъ перваго брака его съ Капенгаузъ; одна, Марья Антоновна, впослѣдствіи бывшая за мужемъ за оберъ-камергеромъ Дмитріемъ Львовичемъ Нарышкинымъ; умная, красивая, она—другъ Адама Чарторижскаго—пользовалась громаднымъ вліяніемъ на Императора Александра I; вторая—Жаннета Антоновна, сумѣвшая настолько расположить въ себѣ великаго князя Константина Павловича, что онъ хотѣлъ, разведясь съ своей супругой Анной, жениться на ней, чему энергично воспрепятствовали Государь и Государыня, и Жаннета Антоновна вышла замужъ за польскаго шляхтича Вышковскаго. Въ осиротѣломъ семействѣ приняла живое участіе Императрица Екатерина: отецъ палъ жертвой вѣрности Россіи и русская Императрица, насколько могла, хотѣла своею заботою о вдовѣ и дѣтяхъ его хоть нѣсколько вознаградить эту незамѣнимую утрату. Она немедленно пожаловала вдовѣ 1.500 душъ крестьянъ въ Литвѣ, въ Гродненской губерніи, а дѣтей выписала въ Петербургъ, призрѣла и облагодѣтельствовала сиротъ. Обѣ дочери были сдѣланы фрейлинами и помѣщены во дворцѣ, а молодой кн. Борисъ былъ опредѣленъ въ Кадетскій корпусъ, откуда вскорѣ, несмотря на свои еще почти ребяческие годы, былъ выпущенъ подпоручикомъ въ Преображенскій полкъ, (1-го января 1796 г.); затѣмъ онъ быстро подвигается въ чинопроизводствѣ. 6-го ноября 1803 г. онъ вышелъ въ отставку уже съ чиномъ полковника. Милости двора не прекращались и при воцареніи императоровъ Павла и Александра; при послѣднемъ это были отношенія почти родственныя, поддерживаемыя исключительною благосклонностью Императора Александра къ его сестрѣ, Марьѣ Антоновнѣ. Въ 1805 г. (18-го іюня) кн. Борисъ поступилъ снова на службу, и мы его видимъ теперь въ рядахъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка. Въ это время, нѣсколько отдалившись отъ сестры, онъ жилъ почти безвыѣздно со своимъ эскадрономъ въ Царскомъ Селѣ. Но лишь только начались наполеоновскія войны, онъ рѣшилъ принять участіе въ нихъ, и его участіе въ кампаніяхъ, начиная съ 1805 г. и до самого выхода въ отставку въ 1813 г., можно назвать блистательнымъ: въ 1806 г. 12-го января онъ награжденъ орденомъ Георгія 4 ст., и 24-го февраля того же года, золотой саблей съ надписью «за храбрость»; въ 1807 г. 20-го мая, удостоился получить даже прусскій орденъ «Pour le merite», и 21-го сентября того же года орденъ Владиміра 3 ст.; въ 1808 г., 20-го мая,—Анны 2 ст. Въ кампаніи 1805 г. онъ состоялъ при гр. Голенищевѣ-Кутузовѣ, а въ кампаніи 1807 г. при фельдмаршалѣ гр. Каменскомъ. Послѣ этихъ военныхъ подвиговъ кн. Четвертинскій въ 1810 г. 11-го февраля, снова оставилъ службу, несмотря на убѣжденія великаго князя Кон-

стантина Павловича и на желаніе самаго Императора удержать его на службѣ. Отставка его и въ этотъ разъ была непродолжительна. Война съ Наполеономъ вызвала сильный подъемъ патріотическаго духа; начались пожертвованія на сформированіе ополченія, и однимъ изъ крупныхъ жертвователей былъ гр. Дмитріевъ-Мамоновъ, на средства котораго образованъ былъ особый полкъ. 1-го іюля 1812 г. командиромъ этого полка, который былъ названъ Первымъ Коннымъ Казачьимъ полкомъ, Императоръ назначилъ кн. Б. А. Четвертинскаго. По минованіи опасности кн. Четвертинскій снова удалился въ отставку (16-го іюля 1813 г.). 6-го апрѣля 1835 г. онъ былъ пожалованъ въ должность шталмейстера двора Его Величества, съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и получилъ орденъ Станислава 1 ст. (5-го декабря 1837 г.) и Анны 1 ст. (11-го сентября 1839 г.) Послѣдніе годы своей жизни кн. Ч. прожилъ въ Москвѣ, въ казенномъ домѣ у Колымажнаго двора, гдѣ и скончался 23-го января 1865 г., на 81-мъ году жизни.

Источники: 1) Послужной списокъ кн. Бориса Антоновича Четвертинскаго. 2) „Рýсская Старина», т. III 1871 г. — іюнь. «Памятныя замѣтки Д. В. Давыдова» — «Кн. Четвертинскій, братъ Маріи Антоновны Нарышкиной». 3) «Русская Старина“ стр. 630 т. V, 1872 г. «Денисъ Васильевичъ Давыдовъ». 4) «Осмнадцатый вѣкъ» сборникъ П. Бартенева, т. IV, стр. 194. «Послѣдній король польскій въ Гроднѣ и Литва въ исходѣ XVIII в.», М. Ѳ. де-Пуле. 5) «Архивъ кн. Воронцова» т. 23. Письмо Н. М. Лонгинова къ гр. С. Р. Воронцову изъ С.-Петербурга отъ 28-го іюня 1812 г. 6) «Сборникъ Русскаго Историческаго Общества» 16 т. стр. 288, 289 и 393; 47 т. стр 272, 316, 482 и 483; т. 73, стр. 107. 98 т. 7) «Россійская родословная книга», изд. кн. Петромъ Долгорукимъ, стр. 120—127.

Всев. Широковъ.

Четвертинскій, князь, *Густавъ Антоновичъ*, тайный совѣтникъ, сенаторъ, род. въ 1794 г., ум. 11-го апрѣля 1851 г. 30-го августа 1814 г. пожалованъ въ званіе камеръ-юнкера Высочайшаго двора, съ зачисленіемъ на службу по Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ; 22-го сентября того же года причисленъ къ россійской миссіи въ Вѣнѣ, 12-го декабря 1821 г. пожалованъ въ званіе камергера Высочайшаго двора и 12-го марта 1823 г. уволенъ въ безсрочный отпускъ, съ дозволеніемъ находиться и въ иностранныхъ краяхъ. Въ 1827 г. назначенъ членомъ Высочайше учрежденной коммиссіи въ Одессѣ для разсмотрѣнія требованій россійскихъ подданныхъ къ Оттоманской Портѣ за понесенные ими убытки по торговымъ дѣламъ послѣ наваринской битвы и по окончаніи коммиссіи въ октябрѣ 1827 г. причисленъ къ россійской миссіи въ Константинополѣ. Въ 1829 г. назначенъ секретаремъ россійской миссіи въ Мадритѣ, гдѣ съ 3-го мая 1830 г. болѣе года исправлялъ должность повѣреннаго въ дѣлахъ за время отсутствія россійскаго посланника. Въ 1832 г. Ч. по собственному желанію былъ отозванъ въ Россію и состоялъ причисленнымъ къ Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, а 3-го октября того же года причислился къ азіатскому департаменту того же министерства. Высочайшимъ указомъ 16-го февраля 1846 г. Ч. пожалованъ въ тайные совѣтники съ назначеніемъ присутствовать въ общемъ собраніи варшавскихъ департаментовъ Правит. Сената.

Домашній арх. П. И. Баранова, принадл. П. Н. Семенову: форм. спис., Выс. ук. Сен. Арх.

Четрерухинъ, *Константинъ Александровичъ* (род. въ самомъ концѣ іюля 1848 г. въ Вологдѣ, ум. тамъ же въ ночь на 27-е января 1891 г.), писатель, былъ сыномъ священника Вологодской градской Николаевской-Глинковской церкви. Послѣ домашняго ученія, въ 1862 г. поступилъ онъ въ III-й классъ Вологодскаго Духовнаго Училища, а въ 1862 г. перешелъ въ Вологодскую Духовную Семинарію, которую и окончилъ въ 1880 г. по первому рязряду съ званіемъ студента. Въ началѣ 1871 г. поступилъ на должность учителя латинскаго языка въ Вологодское духовное училище, но, прослуживъ 10 лѣтъ, вышелъ въ отставку «по разстройству здоровья», которымъ, кстати сказать, онъ не могъ похвастаться отъ самаго рожденія. Въ началѣ 1889 г. онъ вновь поступилъ на службу чиновникомъ Вологодской казенной палаты, но въ срединѣ 1890 г. принужденъ былъ оставить по нездоровью и эту должность, и послѣ тяжкой болѣзни скончался 27-го января 1891 г. Литературой занялся Ч. въ началѣ 1880 г., по выходѣ изъ службы въ училищѣ. Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» печатались его корреспонденціи; въ одномъ изъ юмористическихъ, журналовъ

(кажется, въ «Осколкахъ»)—его шутки и анекдоты; въ «Сынѣ Отечества»—его фельетонъ «Двадцатое число»; въ «Книжкахъ Недѣли» (1886, авг.)—разсказъ «Шабашъ», подписанный: К. Рухинъ; въ «Колосьяхъ», 1888, № 7—8, помѣщена его комедія, «Пропащая»; въ сборникѣ «Вологжанинъ» (1895) — драма «Грѣхъ по невѣдѣнію или поучили». Сверхъ того, нѣсколько его произведеній осталось послѣ него въ рукописяхъ. По отзывамъ людей, знавшихъ Ч., онъ былъ человѣкъ веселый и симпатичный.

«Вологжанинъ». Литературно - научный сборникъ. Изданіе П. Дилакторскаго. Вологда, 1895 г., стр. 3—4. *Н. Мичатекъ.*

Четыркинъ, *Романъ Сергѣевичъ*, сынъ священника, родился 10-го октября 1797 г. въ г. Рославлѣ Смоленской губ. Окончивъ курсъ, въ Смоленской гимназіи, онъ въ 1812 году поступилъ въ Медико-Хирургическую Академію, въ которой окончилъ курсъ лѣкаремъ 1-го отдѣленія и за хорошіе успѣхи 17-го авг. того же года былъ назначенъ въ Финляндскій драгунскій полкъ—30-го апрѣля 1819 г. онъ былъ утвержденъ младшимъ лѣкаремъ 1-го класса, а 17-го августа 1820 г. былъ произведенъ въ штабъ-лѣкари. Въ бытность свою въ Финляндскомъ полку онъ обратилъ вниманіе на бытъ солдатъ и въ особенности на жестокое съ ними обращеніе офицеровъ, которое сильно возмущало его гуманную натуру. Слѣдствіемъ этого появилась его первая брошюра: «Правила о сбереженіи здоровья солдатъ». Въ концѣ 1821 г. Ч. вмѣстѣ съ полкомъ поселился въ г. Валуйкахъ, Воронежской губ. Здѣсь онъ, благодаря своимъ медицинскимъ познаніямъ, пользовался большой практикой и за свое безкорыстіе пріобрѣлъ большую популярность и любовь среди мѣстныхъ помѣщиковъ и населенія. 5-го января 1822 г. Валуйскій предводитель дворянства П. Шидловскій прислалъ ему благодарственный адресъ за 28 подписями помѣщиковъ. Кромѣ того, они просили Ч. оставить службу и предлагали купить ему домъ. 22-го авг. 1822 г. Медицинскій Департаментъ утвердилъ Р. С. старшимъ лѣкаремъ въ Воронежскомъ пѣхотномъ полку, куда онъ былъ прикомандированъ. Въ 1824 году по просьбѣ командира Финляндскаго драгунскаго полка, Ч. опять былъ перемѣщенъ старшимъ лѣкаремъ въ этотъ полкъ. За участіе во второй польской компаніи Ч. получилъ орденъ св. Владиміра 4-ой степени. Во время послѣдней, благодаря своей дѣятельности, Ч. обратилъ на себя вниманіе фельмаршала Паскевича и снискалъ его расположеніе. Это оказало большое вліяніе на его послѣдующую карьеру. 6-го ноября 1831 года Р. С. былъ прикомандированъ къ главной квартирѣ дѣйствующей арміи, а 12-го января 1832 г. утвержденъ старшимъ лѣкаремъ главной квартиры и 1-го мая 1833 г. назначенъ главнымъ медикомъ дѣйствующей арміи съ производствомъ по Высочайшему повелѣнію добавочнаго жалованья по 1000 руб. асс. въ годъ, до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ находиться въ настоящей должности. Въ 1833 г. въ Военно-Медицин. Журналѣ появилась статья: «Донесеніе штабъ-лѣкаря Четыркина о появившейся въ 1831 г. въ слободѣ Мандровѣ Валуйскаго уѣзда Воронежской губ. повальной болѣзни: антоновъ огонь селезенки». Въ томъ же году въ «В. М. Ж.» была напечатана другая его статья: «Медико-топографическое описаніе Закавказскаго края, Бессарабіи, Молдавіи, Валахіи и Булгаріи». Обѣ эти статьи обратили на себя вниманіе С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи и она избрала Р. С. 23-го іюня 1833 г. въ члены кореспонденты Академіи, а черезъ годъ конференція Академіи признала его докторомъ медицины, но при этомъ предложила ему двѣ задачи: 1) изъ частной терапіи—«О чумѣ, свирѣпствовавшей въ послѣднюю турецкую кампанію въ дѣйствующей арміи»; 2) изъ хирургіи—«О достопримѣчательныхъ раненыхъ, случившихся во время послѣдней войны въ Турціи и Царствѣ Польскомъ». Въ 1835 году конференція признала представленныя рѣшенія задачъ удовлетворительными и въ засѣданіи 9-го февраля удостоила Ч. званія доктора медицины. Кромѣ того, въ засѣданіе, происходившее 29-го сентября 1834 г. Р. С. представилъ конференціи 1) свое «Разсужденіе о военной медицинѣ вообще, въ какомъ состояніи находится она въ Россіи» и 2) «Практическія замѣчанія о болѣзняхъ для врачей дѣйствующей арміи, издаваемыя военно-медицинскимъ комитетомъ». Не ограничиваясь этимъ, Р. С. въ половинѣ 1834 г.

окончилъ свое сочиненіе «Опытъ военно-медицинской полиціи», на которое обратилъ вниманіе Государь и приказалъ выдать Ч. 2 тысячи руб. на изданіе. Сочиненіе было оцѣнено по достоинству правительствомъ и по Высочайшему повелѣнію принято въ руководство во всѣхъ войскахъ и впослѣдствіи вошло въ сводъ военныхъ постановленій. Туда же вошло написанное имъ въ томъ же году «Наставленіе для прекращенія и лѣченія скорбута».

Тогда же по мысли Р. С. былъ учрежденъ при главной квартирѣ военно-медицинскій комитетъ, для котораго имъ были составлены правила. Въ то же время Ч. былъ избранъ членомъ Общества русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ. Въ 1835 г. вышла брошюра Ч. «О глазной болѣзни, господствующей въ войскахъ дѣйствующей арміи». Въ томъ же году было напечатано его наблюденіе «Повсемѣстная рожа». Не жалѣя времени и здоровья, Ч. неустанно трудился на пользу своихъ ближнихъ и дѣйствительно по заслугамъ пользовался всеобщей извѣстностью. Въ 1836 г. Ч. былъ избранъ членомъ Общества варшавскихъ врачей, а въ 1837 г. назначенъ членомъ Медицинскаго Совѣта, учрежденнаго въ это время для, борьбы съ холерой въ Варшавѣ. Тогда же въ «Воен. Мед. Ж.» былъ напечатанъ его отчетъ о холерѣ. По его иниціативѣ впервые стали примѣнять въ Россіи во время холеры тинктуру гуако, которая дала очень хорошіе результаты. Въ награду за отлично-усердную службу 16-го октября 1835 г. ему назначили прибавочное жалованіе по 1500 руб. въ годъ. Въ 1838 г. по Высочайшему повелѣнію Ч. составилъ «Правила для прекращенія чумы въ войскахъ и на случай употребленія ихъ для оцѣпленія зараженныхъ мѣстъ на большомъ пространствѣ». Находя много недостатковъ въ Медицинскомъ Совѣтѣ, Ч. составилъ проектъ его преобразованія, который удостоился Высочайшаго одобренія, и 12-го іюля 1838 г. Ч. былъ назначенъ и. д. главнаго медицинскаго инспектора преобразованнаго по Высочайшему повелѣнію Совѣта. Въ 1839 г. Р. С. былъ избранъ почетнымъ членомъ Виленской Медико-Хирургической Академіи, членомъ Краковскаго ученаго общества при тамошнемъ Ягеллонскомъ Университетѣ и членомъ главнаго попечительнаго Совѣта богоугодныхъ заведеній Царства Польскаго. 18-го декабря онъ получилъ чинъ статскаго совѣтника 30-го августа 1840 г. награжденъ орденомъ Владиміра 3-ей ст., а 5-го октября 1840 г. былъ Высочайше утвержденъ въ должности главнаго медицинскаго инспектора Царства Польскаго. Дѣятельность Ч, какъ врачебнаго инспектора, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Его преобразованія и реформы совершенно измѣнили прежніе порядки, давно отжившіе и позорившіе администрацію. Только благодаря его энергіи и неутомимой дѣятельности врачебно-санитарное дѣло въ Варшавѣ было поставлено на хорошую ногу. Много приходилось Ч. бороться, и каждая реформа бралась имъ съ бою, и только благодаря хорошимъ отношеніямъ съ фельдмаршаломъ и сочувствію Государя онъ выходилъ въ концѣ концовъ побѣдителемъ. Нельзя не упомянуть при этомъ, что Ч. представлялъ въ этомъ случаѣ рѣдкое исключеніе: онъ пользовался своими связями только для блага и пользы других. Не мало потрудился также Р. С. на почвѣ сближенія медицинскихъ учрежденій Царства Польскаго съ русскими. Вообще къ полякамъ онъ относился съ уваженіемъ, цѣнилъ ихъ не поверхностное, а основательное образованіе, ихъ любовь къ труду, ихъ гражданскую развитость, и будучи человѣкомъ чисто русскимъ, былъ чуждъ всякихъ узкихъ національныхъ стремленій.

Прежде всего Р. С. обратилъ вниманіе на аптекарское дѣло. Въ 1839-мъ году былъ изданъ уставъ для аптекарей, а въ 1840-мъ г. онъ открылъ фармацевтическую школу въ Варшавѣ, причемъ, по его просьбѣ, профессора читали въ ней безплатно. Затѣмъ Ч. назначилъ ревизіи аптекъ и издалъ подробныя правила для провѣрки качества лѣкарствъ. Стараясь привести въ удовлетворительное состояніе больницы, онъ прежде всего позаботился о томъ, чтобы въ нихъ были хирургическіе инструменты. Кромѣ того, устроилъ подъ своимъ наблюденіемъ повивальный институтъ и школу акушерокъ при больницѣ св. Іисуса. Затѣмъ по его ходатайству были учреждены ветеринарная и фельдшерская школы, послѣдняя на 30 человѣкъ. Благодаря

усиленнымъ хлопотамъ Ч. были утверждены выработанныя имъ правила о пріемѣ и отправленіи молодыхъ людей Царства Польскаго въ россійскіе университеты и академіи для обученія медицинѣ и учреждены для нихъ казенныя стипендіи. По его иниціативѣ, Медицинскій Совѣтъ издавалъ съ 1844—1856 г. журналъ «Судебная Медицина». На случай появленія оспы были изданы правила, по которымъ населеніе обязано было немедленно привить предохранительную оспу во всѣхъ окрестныхъ мѣстахъ на разстояніи 2 миль. Затѣмъ Р. С. лишилъ «цирюльниковъ» присвоенныхъ ими правъ лѣчить и устроилъ фельдшерскія залы для первоначальной помощи населенію за весьма умѣренную плату. Изъ остальныхъ преобразованій перечислимъ важнѣйшія: уставъ ветеринарной полиціи, утвержденный 14-го апрѣля 1844 г., правила и инструкціи по судебно-медицинскимъ изслѣдованіямъ (1840 г.), издана судебно-полицейская химія, правила о спасеніи людей мнимоумершихъ и находящихся въ опасности лишиться жизни скоропостижно, правила о погребеніи умершихъ и объ устройствѣ и содержаніи кладбищъ, медико-полицейскія правила по случаю распространенія венерическихъ болѣзней, врачебно-полицейскія правила о посудѣ въ трактирахъ. Наконецъ, послѣднимъ дѣломъ Ч. былъ проектъ объ учрежденіи въ Варшавѣ Медико-Хирургической Академіи. Для осуществленія своего проекта Р. С. воспользовался сильнымъ недостаткомъ врачей во время Крымской кампаніи и его старанія увѣнчались успѣхомъ: академія была открыта послѣ коронаціи Императора Александра II. Въ то же время Ч. не забывалъ и литературной дѣятельности. Въ «Опытѣ медицинской полиціи» появился новый VIII отдѣлъ подъ заглавіемъ «Обращеніе съ солдатами», въ которомъ Р. С. знакомитъ начальниковъ съ характеромъ и наклонностями солдатъ разныхъ національностей; прибавлена большая глава о причинахъ повальныхъ и заразительныхъ болѣзней и мѣрахъ къ предупрежденію и прекращенію ихъ. Особенную предусмотрительность выказалъ Ч. передъ холерой 1848 г. Заранѣе ее ожидая, онъ издалъ правила о холерѣ за годъ до ея появленія; и эта предусмотрительность оказалась не напрасной: населеніе было подготовлено къ встрѣчѣ врага, и, какъ видно изъ отчета, холера проявилась въ болѣе слабой степени, чѣмъ въ 1837 г. Въ 1847 г. были напечатаны его «Мысли о холерѣ, основанныя на законахъ гальванизма». Вопросъ о связи между холерой и гальванизмомъ былъ въ то время моднымъ, теперь же онъ оставленъ, какъ не выдерживающій сколько-нибудь строгой научной критики. За это время Р. С. получилъ рядъ наградъ и чиновъ: 14-го апрѣля 1841 г. ему былъ пожалованъ по Высочайшему повелѣнію маіоратъ въ Царствѣ Польскомъ; въ 1842-мъ г. онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Общества кіевскихъ врачей; 8-го января 1844-го г. былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники; въ 1845-мъ году избранъ членомъ вольно-экономическаго общества; въ 1846-мъ году получилъ орденъ Станислава 1-й степени; кромѣ того, Ч. неоднократно получалъ Высочайшія благоволенія и, наконецъ, за холеру 1848—1849 г. получилъ 2.300 руб. сер. Вслѣдствіе усиленной дѣятельности, и разныхъ непріятностей при введеніи своихъ реформъ, Ч. заболѣлъ артритизмомъ сердца, вслѣдствіе чего сдѣлался крайне нервнымъ и раздражительнымъ. Особенно рельефно это выразилось во время Венгерскаго похода въ 1849 г., въ которомъ онъ участвовалъ, какъ генералъ-штабъ-докторъ дѣйствующей арміи. Здѣсь онъ проявилъ полное отсутствіе хладнокровія: постоянно бранился, суетился, отдавалъ противорѣчивыя приказанія, благодаря чему порядка было мало. Правда, этому много способствовало въ высшей степени скверное состояніе военныхъ госпиталей. О больныхъ и раненыхъ никто не заботился, очень часто ихъ нечѣмъ было даже кормить. Все это оказывало сильное вліяніе на гуманную натуру Р. С., привыкшаго во время всей своей жизни заботиться о благѣ другихъ и сознававшаго въ данномъ случаѣ свое безсиліе для достиженія хорошихъ результатовъ. Но это не останавливало его и онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы облегчить участь больныхъ. Въ заключеніе въ войскахъ появилась холера, въ борьбѣ съ которой Ч. не пожалѣлъ своихъ силъ. Его дѣятельность во время Венгерскаго похода была оцѣнена Госу-

даремъ, и 21-го іюля 1849 г. онъ получилъ орденъ Анны 1-й степени. 23-го ноября онъ былъ избранъ вице-президентомъ главнаго попечительнаго совѣта богоугодныхъ заведеній Царства Польскаго. Постоянная неутомимая дѣятельность не мѣшала Р. С. посвящать время научнымъ трудамъ. Въ 1850 г. онъ издалъ свое сочиненіе «Наставленія по части практической военно-медицинской помощи», на изданіе котораго получилъ три тысячи руб. сер. Трудъ этотъ появился, какъ плодъ его многолѣтней административной дѣятельности, и по своимъ достоинствамъ превосходитъ всѣ предшествующіе. Въ томъ же году 25-го іюля получилъ чинъ тайнаго совѣтника, отъ императора австрійскаго за Венгерскій походъ орденъ командорскаго креста Леопольда 2-й степени и орденъ Анны 1-й степени съ Императорскою короною. Кромѣ того, когда Ч. сдѣлался въ 1848 г. генералъ-штабъ-докторомъ дѣйствующей арміи, то ежегодно стало появляться много приказовъ, наставленій и мѣръ, имѣвшихъ цѣлью ограничить болѣзненность и смертность въ арміи. Изъ нихъ главнѣйшіе были: «Правила для предупрежденія въ войскахъ цынги и другихъ сходныхъ съ нею повальныхъ болѣзней и медико-полицейскія правила для прекращенія въ войскахъ мѣстныхъ повальныхъ лихорадокъ съ ихъ послѣдствіями». Когда лѣтомъ 1852 г. опять появилась холера, то дѣятельность Ч. проявилась во всей своей силѣ въ борьбѣ съ нею. По его приказанію населенію была предоставлена даровая медицинская помощь и выдавались даровыя лѣкарства. 30-го мая 1853 г. онъ былъ избранъ членомъ кореспондентомъ Императорскаго королевскаго Общества вѣнскихъ врачей. Вскорѣ послѣ этого, 30-го мая 1855 г., Ч. былъ назначенъ генералъ-штабъ-докторомъ во вновь сформированныя войска по случаю движенія войскъ къ турецкимъ границамъ. Въ 1856 г. въ Россіи появился повсемѣстный тифъ. Борьба съ нимъ возбудила упавшую было, вслѣдствіе болѣзни, энергію Ч. и тогда же появилась его послѣдняя брошюра: «Наставленіе для медиковъ на случай эпидемическаго развитія тифоидальной горячки или тифа въ войскахъ западной и средней арміи». Въ это время умеръ Паскевичъ и намѣстникомъ въ Варшавѣ былъ назначенъ князь Горчаковъ. Ч., привыкшему къ уваженію и полной самостоятельности, трудно было ладить съ новымъ начальникомъ и онъ вышелъ въ отставку 7-го апрѣля 1857 г. На этомъ кончилась служебная дѣятельность Ч. и началась новая дѣятельность передоваго человѣка своего времени, которая заслуживаетъ не меньшаго вниманія. Пріѣхавъ въ имѣніе свое Хомутецъ (Кіевской губ.), онъ засталъ крестьянъ въ самомъ жалкомъ состояніи. Какъ человѣкъ умный, онъ сознавалъ, что помѣщикъ только тогда можетъ получать большой доходъ, когда крестьяне живутъ въ довольствѣ, и поэтому употреблялъ всѣ усилія, чтобы устроить сколько-нибудь сносно ихъ бытъ. Сразу послѣ пріѣзда онъ внесъ за крестьянъ казенную недоимку въ 1½ тысячи и всегда радъ былъ оказать имъ помощь совѣтомъ и деньгами. Послѣ 19-го февраля 1861 г. Р. С. первый въ уѣздѣ подалъ уставную грамоту, которая осенью 1861 г. и была утверждена. Не забывало его и правительство. Во время сельской жизни ему былъ присланъ на разсмотрѣніе проектъ новаго устава морского военнаго госпиталя. Разсмотрѣвъ его, Ч. сдѣлалъ нѣкоторыя свои замѣчанія. Кромѣ того, между его бумагами найденъ проектъ устройства госпиталей въ случаѣ войны съ западными государствами и записка о коловратномъ движеніи столовъ, которая свидѣтельствуетъ, что и онъ не былъ чуждъ увлеченія моднымъ въ то время спиритизмомъ. Важнѣйшія произведенія Р. С. Четыркина: 1) «Медико-топографическое описаніе Закавказскаго края, Бессарабіи, Молдавіи, Валахіи и Булгаріи», нап. въ «Военно-Медицинскомъ журналѣ» 1833 г., ч. 21, I, 3—27; 2) «Практическія замѣчанія о лѣченіи глазной болѣзни, нынѣ господствующей», Варшава, 1838 г.; 3) «Учрежденіе объ управленіи медицинской частью въ Царствѣ Польскомъ», Варшава, 1839 г.; 4) «Положеніе объ управленіи медицинскою частью въ Царствѣ Польскомъ», съ польск. текст., Варшава, 1839 г.; 5) «Полицейско-ветеринарный уставъ», Варшава, 1874 г. Кромѣ того, Р. С. Ч. состоялъ сотрудникомъ въ слѣдующихъ журналахъ: «Военно-Медиц. журн.», «Другъ здравія», «Труды Общества русскихъ врачей», «Heckers vis-

senscl. Ann.», 1883 г., «Brit. medic. Rev.», 1835 г., «Medic. chirurg. Zeitung» 1836 г.

Архивъ Военно-Медицинской Академіи за 1817 г.; «Исторія Военно-Медиц. Академіи за 100 лѣтъ»; «Военно-Медицинскій журналъ» 1833 г. ч. XXI и XXV; «Медицинскій Вѣстникъ» 1865 г., №№ 27—52, 1866 г., № 1—9; 1867 г. №№ 6—15; 1868 г., № 26; «Сѣверная Пчела» 1834 г., №№ 204—207; 1835 г., № 144; 7-ой томъ военныхъ постановленій; Біографическій словарь Березина; Біографическій словарь Козминскаго; «Военно-Медицинскій журналъ» за 1851—52—53 годы; То же за 1837 г., ч. XXIX; «Русскій инвалидъ» за 1847 г., №№ 21—24 и 134; «Jahrbücher der in-und ausländischen gessammten Medizin» von C. Ch. Schmidt, 1837 г., № VIII; Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели». *Л. Дагаевъ.*

Четъ-мурза, выходецъ, изъ Золотой Орды. Лѣтописецъ относитъ прибытіе его въ Россію къ 1330 г. — «въ лѣто 6838 пріиде изъ Орды князь Четъ, а во св. крещеніи Захарія»—и передаетъ слѣдующія подробности. Во время пути въ Москву мурза Ч. остановился на отдыхъ при впаденіи р. Костромы въ Волгу и здѣсь будто бы ему явилась Божія Матерь съ Младенцемъ на рукахъ и съ предстоящими передъ Нею въ молены св. апостоломъ Филиппомъ и священно-мученикомъ Ипатіемъ Гангрскимъ. Видѣніе это мурза счелъ за счастливое предзнаменованіе и какъ бы за указаніе свыше и когда въ Москвѣ былъ милостиво принятъ и обласканъ велик. кн. Іоанномъ I Даниловичемъ Калитой, крестился съ сыномъ, принявъ имя Захаріи, а сына нарекши Александромъ, и навсегда остался въ Россіи. Онъ является родоначальникомъ цѣлой группы дворянскихъ родовъ, сыгравшихъ впослѣдствіи громадную роль въ историческихъ судьбахъ Россіи. Его нисходящіе по прямой линіи: внукъ—Дм. Александровичъ Зерно, правнуки—Иванъ и Константинъ Димитріевичи Шея, праправнуки — Ѳедоръ Ивановичъ Сабуръ, Иванъ Ивановичъ Годунъ и Вельяминъ Андреевичъ, сынъ Андрея Константиновича, по прозвищу «Глазъ»—вотъ непосредственные, ближайшіе родоначальники Зерновыхъ, Шеиныхъ, Сабуровыхъ, Пѣшковыхъ (они же одно время писались Сабуровыми-Пѣшковыми), Годуновыхъ и Вельяминовыхъ. Въ память видѣнія князь Ч. (по преданію на томъ мѣстѣ, гдѣ ему явилась Божія Матерь) основалъ монастырь, нынѣ извѣстный подъ названіемъ Костромского-Ипатскаго монастыря; извѣстность этотъ монастырь пріобрѣлъ, главнымъ образомъ, потому, что въ немъ былъ возведенъ на царство родоначальникъ нынѣ царствующаго дома Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ. Существовалъ монастырь почти исключительно иждивеніемъ кн. Ч. и его потомковъ, особенно же разбогатѣлъ послѣ возвышенія Годуновыхъ, сдѣлавшихъ въ его пользу громадныя пожертвованія. Монастырь этотъ является какъ бы фамильной усыпальницей рода кн. Захаріи: тамъ похороненъ самъ кн. Захарія, умершій неизвѣстно въ которомъ году, всѣ члены первыхъ пяти поколѣній и многіе изъ послѣдующихъ.

Карамзинъ, «Ист. Госуд. Рос.», т. IV. Спб., 1819 г., стр. 242, прим. 324, 574; Соловьевъ, «Ист. Рос. съ древнѣйш. вр.», кн. I, Спб. изд. «Общ. Польза», стр. 1005; Кн. Долгорукій, «Рос. родослов. кн., т. IV», Спб. 1857 г. стр. 76—77, 197; Лобановъ-Ростовскій, «Рус. родослов. кн.», т. I, изд. II, Спб. 1895 г., стр. 145; Протоіерей М. Діевъ, «Истор. описаніе Костром.-Ипат. мон.», Москва, 1858 г. *Н. Тычино.*

Чеховичъ, *Венедиктъ Павловичъ*, профессоръ Кіевской Духовной Академіи, родился въ 1804 г. въ семьѣ приходскаго священника (Волынской губ., Луцкаго уѣз., село Лаврово). 13-ти лѣтъ онъ поступилъ въ Острожскую духовную семинарію, куда его подготовилъ отецъ. Еще на школьной скамьѣ В. П. обратилъ на себя вниманіе преподавателей своими выдающимися способностями и по окончаніи курса семинаріи былъ отправленъ въ Кіевскую Духовную Академію. Семинарія дала ему прекрасное знаніе языковъ латинскаго, греческаго, древне-еврейскаго, французскаго и нѣмецкаго; въ Академіи онъ спеціально занимался математикой и 23-хъ-лѣтнимъ юношей былъ оставленъ при ней въ качествѣ «баккалавра» математическихъ наукъ. Когда послѣ событій 1830 г. въ Кіевѣ была учреждена коммиссія для разбора дѣлъ польскихъ мятежниковъ, В. П. былъ приглашенъ къ участію въ занятіяхъ коммиссіи въ качествѣ переводчика польскихъ документовъ; занятія эти съ небольшимъ промежуткомъ продолжались 4 года, до февраля 1835 г. Въ 1833 г. Ч. отказался отъ духовнаго сана и уволился изъ духовнаго званія; отказъ этотъ ухудшилъ его матеріальное положеніе и чрезвычайно не понравился начальству, такъ что коммиссія духовныхъ училищъ нашла даже возможнымъ издать

указъ, которымъ начальство Академіи обязывалось «стараться, при выпускѣ изъ Академіи воспитанниковъ, узнавать истинное расположеніе ихъ къ принятію духовнаго сана» (постановленіе 20-го марта 1833 г., за № 636); но на карьерѣ В. П. отказъ его не отразился, такъ какъ уже въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ физико-математическихъ наукъ. Съ отрытіемъ Кіевскаго Университета В. П. былъ приглашенъ Совѣтомъ Университета читать физику и завѣдывать физическимъ кабинетомъ, который, строго говоря, цѣликомъ обязанъ В. П. своимъ существованіемъ; физику же, по отзывамъ современниковъ, Ч. читалъ въ томъ духѣ, какъ она преподавалась въ духовныхъ заведеніяхъ, т.-е. не идя далѣе гимназическаго курса. Послѣ него остались метеорологическія наблюденія, произведенныя имъ въ 1842—44 и 1852—54 гг., но они отличаются неточностью и потому мало цѣнны въ научномъ отношеніи. Съ 1838 г. Ч. снова былъ приглашенъ къ участію въ занятіяхъ секретной коммиссіи, учрежденной въ Кіевѣ для изслѣдованія о тайныхъ обществахъ, гдѣ и работалъ до 1840 г. Съ 1842 г. В. П. преподавалъ физику и въ Институтѣ для благородныхъ дѣвицъ. Въ 1846 г. Ч. пришлось отказаться отъ преподаванія физики въ Университетѣ въ виду назначенія туда штатнаго профессора, а въ 1850 г. онъ отказался отъ всѣхъ своихъ обязанностей, съ цѣлью отдохнуть, оставивъ за собой только профессорскую каѳедру въ Академіи, но отдохнуть не пришлось—его просили занять отвѣтственную должность секретаря внутренняго Правленія Академіи. Канцелярскія занятія слишкомъ были не по душѣ В. П. и, какъ только онъ получилъ приглашеніе вступить дѣйствительнымъ членомъ въ учрежденную въ 1857 г. при Кіевскомъ Университетѣ коммиссію для описанія губерній Кіевскаго Университетскаго округа—онъ сейчасъ же отказался отъ секретарской должности, сохранивъ за собой только должность секретаря Кіевскаго духовнаго цензурнаго комитета. Скоро онъ бросилъ и послѣднюю должность, такъ какъ былъ избранъ цензоромъ въ томъ же комитетѣ, гдѣ съ началомъ изданія «Вѣстника юго-западной и западной Россіи», явилась настоятельная потребность въ человѣкѣ знающемъ языки, на которыхъ писаны акты, могущіе быть напечатаны въ журналѣ, знакомомъ съ исторіей и интересами края, и единогласный выборъ членовъ конференціи Академіи палъ на Ч.; это была послѣдняя должность, какую онъ занималъ. Литературная его дѣятельность начинается съ первыхъ же лѣтъ его профессуры: какъ преподаватель духовно-учебнаго заведенія онъ былъ обязанъ произнести въ церкви нѣсколько проповѣдей. Онъ сотрудничалъ въ «Воскресномъ Чтеніи» съ самаго его основанія, но какія именно статьи принадлежали ему, указать теперь мы не можемъ, такъ какъ по обычаю нашихъ духовныхъ журналовъ того времени, всѣ статьи, за исключеніемъ архіерейскихъ проповѣдей, являлись въ печати безъ подписи автора. Капитальнымъ трудомъ Ч. было изданіе частью въ собственномъ переводѣ, частью подъ его редакціей извѣстной въ свое время книги Вебера «Динамика вещества» (въ 1838 г.). Въ 1860 г. имъ сдѣланы переводы «Твореній западныхъ отцовъ церкви», изданные по порученію св. Синода въ «Трудахъ Кіевской Духовной Академіи», именно твореній св. Кипріана; самъ работая въ качествѣ переводчика, Ч. въ то же время состоялъ и редакторомъ этой части «Трудовъ». Честный до щепетильности, сердечный и простой въ обращеніи, Ч. пользовался искреннимъ уваженіемъ и любовью какъ въ средѣ товарищей-сослуживцевъ, такъ и среди учащейся молодежи. Убѣжденія свои всегда высказывалъ прямо, подчасъ даже рѣзко, если того требовали обстоятельства, такъ какъ слишкомъ было не въ его характерѣ жертвовать хотя бы долей своей внутренней независимости и самостоятельности въ угоду какимъ бы то ни было авторитетамъ и отношеніямъ. Умеръ Ч. 20-го ноября 1862 г. въ Кіевѣ.

См. некрологъ въ «Вѣстникѣ юго-западной и западной Россіи» за 1862 г., т. II, стр. 273—284; некрологъ въ «Кіевскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ» за 1863 г., № 1, стр. 7—15; «Кіевскія епархіальныя вѣдомости» 1862 г., № 24, стр. 759—763; Рѣчь Ѳ. Г. Лебединцева—«Труды Кіевской Духовной Академіи» 1862 г., ноябрь, стр. 391—404. Рѣчь В. Пѣвницкаго, стр. 404—426: біографич. свѣдѣнія: В. С. Иконниковъ, «Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Имп. Университета св. Владиміра», Кіевъ, 1884 г., стр. 734—636; Зап. и рѣчь, читанныя на актѣ въ Унив. св. Владиміра въ 1845 г., стр. 21; Ве-

селовскій, «О климатѣ Россіи», 1857 г.; Клоссовскій, «Нѣкоторыя данныя для климатологіи Кіева», 1873 г.; «Кіевскія Губернскія Вѣдомости» за 1842—44 и 1852—53 гг. *Н. Тычино.*

Чеховъ (Чоховъ), *Андрей*, литейный мастеръ, вылившій царь-пушку въ 1586 г., вѣсомъ въ 2400 пудовъ, «пищали»: «Траилъ» въ 430 пудовъ и «Аспидъ» въ 370 пудовъ—въ 1590 году. На царь-пушкѣ надпись: «дѣлалъ литецъ Андрей Чоховъ»; на послѣднихъ двухъ пищаляхъ: «дѣлалъ Андрей Чоховъ».

Карамзинъ, т. X, пр. 453. *Н. Борсукъ.*

Чеховъ, *Николай Павловичъ* — родился въ Таганрогѣ въ 1858 году, кончилъ курсъ въ мѣстной Гимназіи, художественное же образованіе получилъ въ Московскомъ училищѣ живописи, ваянія и зодчества. Послѣ окончанія Московскаго училища, онъ долгое время былъ сотрудникомъ «Всемірной Иллюстраціи», куда посылалъ свои рисунки. Заболѣвъ чахоткой, Николай Павловичъ долженъ былъ переѣхать въ Сумы, гдѣ и скончался на 31-мъ году своей жизни, 17-го іюня 1889-го года. Послѣдніе два рисунка Николая Павловича помѣщены во «Всемірной Иллюстраціи» за 1889-й годъ. Одинъ изъ нихъ: «Московскія сцены: сплавъ лѣса по рѣкѣ Москвѣ» въ № 1052, стр. 204, а другая картина: «Ждетъ мужа» въ № 1071 на стр. 65.

«Всемірная Иллюстрація» за 1889 годъ, № 1071, стр. 65, и № 1052, стр. 204 и др.
Н. Беклемишева.

Чечель, *Димитрій Васильевичъ*, одинъ изъ наиболѣе приближенныхъ людей къ Мазепѣ. Онъ былъ, повидимому, выходецъ изъ Подоліи, гдѣ и получилъ польское образованіе, слѣды котораго сохранялъ еще и въ Малороссіи, подписываясь, напримѣръ, на русскихъ актахъ по-польски. До появленія Чечеля, какъ дѣятеля во время мазепиной измѣны, о немъ извѣстно очень немного, именно, что въ 1695-мъ году онъ носилъ званіе знатнаго войскового товарища, а въ 1704-мъ году былъ уже охочепѣхотнымъ полковникомъ. 24-го ноября 1708-го года Мазепа, уходя изъ Батурина на соединеніе со шведами, поручилъ защиту этого города противъ русскихъ войскъ тремъ лицамъ: сердюцкому полковнику Чечелю, начальнику батуринской артиллеріи Фридриху Кенигсеку и батуринскому сотнику Димитрію Нестеренку. Ровно черезъ недѣлю послѣ ухода Мазепы изъ Батурина, къ послѣднему подступилъ Меньшиковъ съ русскимъ войскомъ; день 1-го ноября прошелъ въ переговорахъ между Меньшиковымъ и батуринцами; первый требовалъ добровольной сдачи города, вторые — отказывались исполнить это. Благодаря одному изъ старшинъ Прилуцкаго полка Ивану Носу, указавшему мѣсто, черезъ которое можно было безпрепятственно проникнуть въ городъ, Меньшиковъ 2-го ноября проникъ въ Батуринъ. Такимъ образомъ, городъ этотъ былъ взятъ безъ какихъ-либо усилій со стороны русскихъ, не встрѣтившихъ никакого сопротивленія, но за отказъ въ добровольной сдачѣ, Батуринъ былъ, по приказу Меньшикова, сожженъ и разоренъ, а жители его разбѣжались, причемъ нѣкоторые изъ нихъ были взяты «въ полонъ, въ Москву». Защитники его тоже бѣжали; изъ нихъ Чечель, по разсказу Лизогубовской лѣтописи, бѣжалъ на село Обмочевъ, батуринской сотни, гдѣ остановился у своего кума погрѣться, «понеже весь обмокъ»; кумъ же выдалъ его мѣстному войту и Чечель былъ представленъ русскимъ военачальникамъ казаками села Поповки Яценками, получившимъ за это отъ Меньшикова «оборонный» универсалъ. Чечель былъ отправленъ въ Глуховъ, гдѣ «почвертвованъ, зъ росказанія (по приказанію) царского».

А. Лазаревскій, «Описаніе Старой Малороссіи», т. II, полкъ Нѣжинскій, Кіевъ. 1893 г., стр. 230, 256, 257, 276, 277; Черниговская лѣтопись по новому списку (1587—1725 г.г.) и Коломацны челобитныя (оттискъ изъ «Кіевской Старины»), Кіевъ. 1890 г., стр. 25, 26; Н. Костомаровъ, «Мазепа и мазепинцы», стр. 433; «Сборникъ лѣтописей, относящихся къ южной и западной Руси», Кіевъ. 1888 г., стр. 47. *Вадимъ Гарскій.*

Чешихинъ, *Евграфъ Васильевичъ*, публицистъ, редакторъ «Рижскаго Вѣстника». Родился 6-го декабря 1824 г. въ г. Оренбургѣ; отецъ его былъ аудиторомъ и, по обязанностямъ службы, принужденъ былъ кочевать за полкомъ по всей Россіи. Среднее образованіе Ч. получилъ въ Динабургской (Двинской) Гимназіи, по окончаніи курса которой посту-

пилъ въ 1843 г. въ Московскій Университетъ на 2-ое отдѣленіе философскаго факультета (нынѣ физико-математическій факультетъ). Время Гоголя, Бѣлинскаго, Грановскаго и ожесточенныхъ споровъ между славянофилами и западниками оставило глубокій слѣдъ на міросозерцаніи Ч.; съ той поры и до самой своей смерти, онъ является убѣжденнымъ сторонникомъ стараго, московскаго славянофильства, всю жизнь считая своими учителями А. С. Хомякова, Ю. Ѳ. Самарина, К. С. и И. С. Аксаковыхъ и др. По окончаніи курса въ Университетѣ, Ч. возымѣлъ желаніе посвятить себя педагогической дѣятельности, но, уступая настояніямъ родителей, поступилъ въ 1848 г. бухгалтеромъ въ инженерную команду крѣпости Замостье, гдѣ и прослужилъ до 1862 г., когда получилъ должность дѣлопроизводителя въ Рижскомъ окружномъ инженерномъ управленіи. Прибытіе Ч. въ Ригу совпало съ тѣмъ временемъ, когда, подъ вліяніемъ реформъ Императора Александра II-го, началъ пробуждаться духъ политическаго и національнаго самосознанія въ мѣстномъ обществѣ. Пробужденіе это выражалось въ устройствѣ всевозможныхъ русскихъ обществъ, въ стремленіи къ распространенію образованія, наконецъ, въ оппозиціи тому феодально-аристократическому строю, который лежалъ въ основаніи тогдашнихъ гражданскихъ отношеній между жителями Лифляндіи. Ч. немедленно примкнулъ къ этому теченію и, собравъ вокругъ себя нѣсколько лицъ изъ мѣстнаго русскаго общества, главнымъ образомъ купцовъ, рѣшилъ издавать газету на русскомъ языкѣ. Въ 1869 г. появился первый № «Рижскаго Вѣстника», редакторомъ котораго былъ Ч., и съ этого же времени начинается рядъ цензурныхъ и всякихъ иныхъ гоненій на газету и редактора ея. Постоянныя столкновенія съ цензорами, пререканія съ непосредственнымъ инженернымъ начальствомъ, не желавшимъ видѣть совмѣщенія чиновничьяго и литературнаго труда, службы и газеты, наконецъ, бѣдственное матеріальное положеніе органа (въ 1871 г. газету спасла отъ прекращенія денежная помощь московскаго кружка И. С. Аксакова),—все это, отражаясь на здоровьи Ч., не могло принудить его оставить редакцію. Вѣрный своему принципу, что остатки средневѣковаго быта должны въ Лифляндіи, какъ и въ Россіи, уступить мѣсто новымъ общественнымъ и политическимъ отношеніямъ, онъ въ «Рижскомъ Вѣстникѣ» привѣтствовалъ каждое преобразованіе, разъяснялъ значеніе и смыслъ освобожденія крестьянъ, реформъ судебной, земской, городской, воинской (см. «Рижскій Вѣстникъ» 1874 г., № 10; 1875 г., №№ 271, 285), словомъ, хотя и настаивалъ на «обрусѣніи края», но не на томъ «обрусѣніи», которое проповѣдывали и проповѣдуютъ сторонники ультра-консервативнаго образа мыслей, а на томъ, въ основу котораго кладется введеніе въ прибалтійскихъ губерніяхъ реформъ Александра II-го во всей ихъ совокупности; желательности же преимущественнаго господства русскаго населенія Лифляндіи, только потому, что оно русское, онъ не признавалъ и въ этомъ его второе отличіе отъ обрусителей реакціоннаго лагеря.

Кромѣ литературной, публицистической дѣятельности, Ч. значительную часть своего времени отдавалъ ученымъ работамъ, изслѣдованіямъ по исторіи Прибалтійскаго края. Кромѣ «Исторіи Ливоніи съ древнѣйшихъ временъ», обширнаго труда, который сталъ выходить въ свѣтъ съ 1884 г. (всего вышло 7 выпусковъ), и цѣлаго ряда мелкихъ историческихъ статей, печатавшихся въ «Рижскомъ Вѣстникѣ» и вошедшихъ въ 4 тома «Сборника матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края» (І-ый т.—1877 г.), Ч. сотрудничалъ еще въ «XVIII-мъ вѣкѣ» Бартенева, «Русскомъ Архивѣ», «Русской Старинѣ», «Наблюдателѣ» и др., и помѣщалъ корреспонденціи въ нѣкоторыхъ столичныхъ газетахъ, между прочимъ въ «Новомъ Времени».

Въ 1866 г. Ч. былъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники, на чемъ и закончились его повышенія по службѣ; въ 1868 г. онъ занялъ мѣсто инженернаго чиновника въ рижской инженерной дистанціи, въ 1873 г. — былъ переведенъ въ 1-ый осадный инженерный паркъ и, наконецъ, въ 1886 г. оставилъ службу, за два года до своей смерти.

Какъ было упомянуто выше, Ч., кромѣ литературной и литературно-научной дѣятельности, принималъ еще участіе въ общественной жизни края. Такъ, онъ не

мало потрудился для открытія въ Ригѣ Ломоносовской женской гимназіи и Александровской мужской; состоялъ председателемъ: Петро-Павловскаго русскаго братства, литературнаго русскаго кружка, имъ же и основаннаго въ 1874 г., Благовѣщенскаго церковно-приходскаго попечительства о бѣдныхъ и, кромѣ того, членомъ почти всѣхъ русскихъ обществъ въ Ригѣ, изъ которыхъ многія были учреждены по его иниціативѣ и при его содѣйствіи. Въ 1881 и 1883 гг. онъ въ качествѣ делегата отъ мѣстнаго русскаго общества, былъ въ депутаціяхъ, отправленныхъ для поздравленія Императора Александра III-го съ восшествіемъ на престолъ и съ коронованіемъ. Несомнѣнно, что Ч. являлся главнымъ выразителемъ интересовъ и стремленій извѣстной, довольно значительной части русскихъ рижанъ; являясь таковымъ и, не имѣя возможности вполнѣ ясно и точно формулировать свои мнѣнія въ газетахъ, поневолѣ, принужденъ былъ прибѣгать къ докладнымъ запискамъ, которыя подписывались многими русскими и, затѣмъ, подавались Чешихинымъ кому-нибудь изъ высокопоставленныхъ лицъ, въ надеждѣ, что такимъ путемъ, могутъ осуществиться интересы населенія. Изъ такихъ докладныхъ записокъ наиболѣе обширны и интересны двѣ: одна, поданная при ревизіи Прибалтійскаго края, въ то время еще сенатору, К. А. Манасеину, и вторая, представленная въ 1881 г. министру внутреннихъ дѣлъ графу Н. П. Игнатьеву. Въ запискахъ этихъ Ч. наиболѣе опредѣленно высказалъ свой взглядъ на возможность и необходимый характеръ обрусенія края.

Умеръ Ч. 2-го марта 1888 г. отъ апоплексическаго удара и погребенъ въ Ригѣ, на общественный счетъ. На Покровскомъ кладбищѣ надъ его могилой въ 1890 г. поставленъ памятникъ отъ русскихъ рижанъ. На одной изъ сторонъ его сдѣлана надпись: «Блаженни алчущіе и жаждущіе правды, яко тіи насытятся».

Кромѣ указанныхъ въ текстѣ трудовъ, Ч. извѣстенъ еще слѣдующими своими сочиненіями:—«Указъ Императрицы Екатерины I-й Лифляндскому генералъ-губернатору, князю Репнину (1725—1726)». Извлечено изъ Архива Канцеляріи Рижскаго генералъ-губернатора Е. В. Чешихинымъ; «18-ый вѣкъ», IV, 77 — «Переписка съ графомъ Г. М. Броуномъ: 1) яицкіе казаки въ Прибалтійскомъ краѣ, 2) распоряженія въ первые дни царствованія, 3) о капитанѣ Сергѣѣ Пушкинѣ, 4) о Невзоровѣ и Колокольченковѣ, 5) о самозванцѣ Кудиловѣ, 6) о баронѣ ф.-Гертдорфѣ, 7) о возвращеніи Курляндіи Бирону, 8) о Гастѣ и Цукербекерѣ». Извлечено изъ Арх. Канц. Прибалтійскаго ген.-губ. Е. В. Ч.; «18-ый вѣкъ», I, 367—«Выписки изъ Арх. Канц. Приб. ген.-губ.: 1) о бѣглыхъ лифляндскихъ крестьянахъ, 2) о Степанѣ Маломъ, 3) по дѣламъ, касающимся Польши, 4) о казакахъ Макринѣ и Поцѣлуевѣ, 5) о магистрѣ Масковѣ, 6) по Пугачевскому бунту, 7) по Турецкой войнѣ, 8) о подаркѣ отъ Лифляндіи по случаю перваго брака Великаго Князя Павла Петровича, 9) о курляндцѣ Отто-Германѣ фонъ-Ховенъ», извлечено Е. В. Ч.; «18-ый вѣкъ», III, 187—«Студенческія безчинства въ Дерптѣ въ 1884 г.»; «Русскій Архивъ», 1887, № 10 — «Людовикъ XVIII въ Митавѣ», «Русскій Архивъ», 1888, II, 269 — «Сектантъ Юшковъ на островѣ Эзелѣ»; «Русскій Архивъ», 1888, I, 313—«Какъ поняли въ балтійскихъ губерніяхъ указъ объ отмѣнѣ пытокъ 1801 г.»; «Русскій Архивъ», 1887, III, 449 — «Императоръ Павелъ I-ый въ своихъ письмахъ и распоряженіяхъ. Рескрипты и указы 1797 г.: генералъ-лейтенанту Архарову 26-го января; Ѳ. Ѳ. Буксгевдену, 9-го марта; генералъ-лейтенанту Зоричу, 20-го мая; генералъ-фельдмаршалу Салтыкову, 21-го апрѣля, и др.» — «Русская Старина», 1896, сентябрь, 541—544 и др.

О Ч. подробнѣе см.: статья Вѣтринскаго въ «Русской Старинѣ», 1898, мартъ, 543—557, май, 313—333; «Русская Старина» 1890 г., т. LXV, ст. 346, «Историческій Вѣстникъ», 1888, май, 507; «Историческій Вѣстникъ»; 1894, сентябрь, 900; «Новое Время», 1888, № 4, 319; «Рижскій Вѣстникъ», 1888, № 49 и послѣдующіе; «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1888, № 66; «Düna Zeitung», 1888, № 50 и др.

Б. Савинковъ.

Чивилевъ, *Александръ Ивановичъ*, докторъ политической экономіи и статистики, ординарный профессоръ Московскаго Университета, начальникъ II-го отдѣленія Департамента Удѣловъ, родился 9-го ноября 1808 года въ г. Вытегрѣ, Олонецкой губерніи, въ которой отецъ

его служилъ уѣзднымъ судьею. Получивъ среднее образованіе въ Петрозаводской гимназіи, онъ въ январѣ 1824 г. поступилъ на юридическій факультетъ С.-Петербургскаго Университета. Изъ предметовъ факультетскаго курса особенный интересъ вызвала въ немъ политическая экономія, которая и была избрана имъ для дальнѣйшаго спеціальнаго изученія. Въ 1828 г., по успѣшномъ окончаніи курса въ Университетѣ кандидатомъ, А. И. поступилъ въ профессорскій институтъ, учрежденный при Дерптскомъ Университетѣ, гдѣ продолжалъ свои занятія по политической экономіи. Въ 1833 г., защитивъ диссертацію—«Du soulagement des pauvres» и получивъ степень магистра философіи, онъ отправился для дальнѣйшаго усовершенствованія въ Берлинъ, гдѣ пробылъ два года. Несмотря на цвѣтущее состояніе Берлинскаго Университета въ то время, политическая экономія не находила себѣ тамъ представителей наравнѣ съ другими науками, и потому А. И. приходилось продолжать изученіе своего спеціальнаго предмета изъ книгъ; за это, впрочемъ, онъ могъ вознаградить себя тѣмъ, что слушалъ лекціи статистики знаменитаго директора прусскаго статистическаго бюро—Гофмана, и философіи—у Мишеле. Въ 1835 г., по возвращеніи въ Россію, онъ былъ назначенъ въ Московскій Университетъ преподавателемъ и въ томъ же году утвержденъ адъюнктомъ по каѳедрѣ политической экономіи и статистики. Въ 1838 г. защитилъ диссертацію «О народномъ доходѣ» и былъ удостоенъ степени доктора историческихъ наукъ, политической экономіи и статистики, и утвержденъ экстраординарнымъ, а въ 1842 г. ординарнымъ профессоромъ. Въ это время, по приглашенію графа С. Г. Строгонова, онъ занялъ мѣсто директора бывшаго Московскаго Дворянскаго Института; дѣятельности его здѣсь была особенно обязана та строго - классическая система образованія, которая выдѣляла эту школу изъ среды другихъ среднихъ школъ Москвы. Въ 1849 г. Дворянскій Институтъ былъ закрытъ, Ч. оставилъ Московскій Университетъ и перешелъ на службу въ С.-Петербургъ по Министерству Удѣловъ, а затѣмъ былъ приглашенъ въ наставники Великихъ Князей Александра Александровича и Владиміра Александровича. Кончина его была ужасна — онъ сгорѣлъ ночью при пожарѣ запаснаго дворца въ Царскомъ Селѣ 16-го сентября 1867 г., виною котораго, какъ полагаютъ, былъ самъ.

Профессорская дѣятельность А. И. не снискала ему славы и популярности среди его молодыхъ слушателей—въ своихъ лекціяхъ онъ не искалъ эффектовъ, но зато тѣ, кто давалъ себѣ трудъ вникать въ нихъ, цѣнили ихъ за ясность, чистоту экономическаго ученія и правильность терминологіи, которую ему приходилось самому вырабатывать. Онъ раздѣлялъ политическую экономію на двѣ части: теоретическую, въ которой излагалъ общіе законы народнаго хозяйства, и практическую, въ которой разсматривалъ мѣры и учрежденія, способствующія успѣшному достиженію цѣли народнаго хозяйства. Что касается его курса всеобщей статистики, то онъ обнималъ собою всю Европу, такъ какъ задачу этой науки Ч. видѣлъ въ изображеніи современной степени развитія всего человѣчества.

«Русскій Архивъ» за 1869 г., «Свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ 1867 г.» (стр. 2016—2017), Геннади. «Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго Университета» (стр. 554 — 556); «Исторія Московскаго Университета» Шевырева. Рус. Стар, 1887, IX, 658;—А. Вороновъ: Ист.-стат. обозр. уч. зав. Спб. уч. охр. приложеніе, стр. 282—283; «Энциклопедическій словарь» Березина; газеты за 1867 годъ: «Голосъ», №№ 257 и 259; «Петербургскія Вѣдомости», № 258; «Московскія Вѣдомости», №№ 203 и 204; «Русскія Вѣдомости» № 109; «Иллюстрированная Газета», № 39.

М. Акимовъ.

Чивилевъ, *Михаилъ Никандровичъ*, историческій живописецъ. Родился въ Костромской губерніи, въ Галичскомъ уѣздѣ, въ 1839 году. Съ 1854 года сталъ посѣщать Академію Художествъ и состоялъ ученикомъ Бруни. Въ 1855 году получилъ за рисунки съ натуры двѣ серебряныхъ медали. На слѣдующій годъ получилъ еще одну серебряную медаль первой степени. Въ 1859 году по ходатайству проф. Бруни ему назначили стипендію отъ академіи и онъ приступилъ къ конкурсу по заданной программѣ «Сцена изъ олимпійскихъ игръ». За эту картину былъ удостоенъ въ 1860 году золотой медали второй степени и отправленъ за

границу на казенный счетъ. Умеръ въ Дрезденѣ 27-го февраля 1861 года.

Сомовъ, «Картинная галлерея Имп. Акад. Худ.» 2-й каталогъ, стр. 239, Петровъ, «Матер. для Имп. Акад. Худ.»; 3-й томъ, стр. 238, 244, 271, 277, 324, 334, 356.

Чижевскій, *Лука Степановичъ*, композиторъ духовной вокальной музыки, род. около 1785 г. и былъ священникомъ (съ 1810 г.) слободы Рябушекъ, Слободскоукраинской (Харьковской) губ., Лебединскаго уѣзда. Первый въ Харьковской епархіи составитель каноновъ и духовныхъ пѣснопѣній, композиторъ съ богатымъ природнымъ дарованіемъ, но безъ спеціальнаго музыкальнаго образованія. Умеръ Чижевскій въ 1830 г.

Дѣла Придворной Пѣвческой Капеллы. 1826. Архіеп. Филаретъ: «Историко - статистическое описаніе Харьковской эпархіи», т. III, стр. 469. «Духовный Вѣстникъ», 1865, т. XI, май, стр. 429. К. П. Щелковъ: «Историческая хронологія Харьковской губерніи», стр. 168—169.

Вал. Бер.

Чижовъ, *Дмитрій Семеновичъ*, заслуженный профессоръ С.-Петербургскаго Университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ, родился въ 1785 году; первоначально воспитывался въ Тверской Духовной Семинаріи; въ 1803 году поступилъ въ С.-Петербургскій Педагогическій Институтъ и, по окончаніи въ немъ полнаго курса, какъ одинъ изъ лучшихъ студентовъ, отправленъ былъ (въ 1808 г.) на нѣсколько лѣтъ за границу для усовершенствованія въ математикѣ. По возвращеніи оттуда въ 1811 году былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ математики при Педагогическомъ Институтѣ. Въ 1816 году, когда этотъ Институтъ былъ переименованъ въ Главный Педагогическій Институтъ, Чижовъ былъ произведенъ въ ординарные профессоры чистой и прикладной математики; съ 1816 по 1818 годъ преподавалъ математику также на публичныхъ курсахъ при Педагогическомъ Институтѣ. 8-го февраля 1819 года Главный Педагогическій Институтъ былъ переименованъ въ С.-Петербургскій Университетъ, и Чижовъ продолжалъ читать при немъ математику Въ 1826 году Д. С.былъ избранъ въ корреспонденты Императорской Академіи Наукъ, а въ 1828 году въ дѣйствительные члены ея. Съ 1834 года Чижовъ свои лекціи по теоретической механикѣ, которую онъ продолжалъ читать до самаго своего увольненія, сталъ дополнять изъ Пуассона и Пуансо, а съ 1842 г. прибавилъ еще Навье.

Съ преобразованіемъ Университета по уставу 1835 года Д. С. былъ избранъ въ деканы математическаго факультета, а въ 1841 году получилъ званіе заслуженнаго профессора. Въ 1846 году Д. С. Чижовъ оставилъ Университетъ, ученое сословіе котораго избрало его на прощаніе въ почетные свои члены.

Скончался Дмитрій Семеновичъ въ Петербургѣ, 27-го мая 1852 года, прослуживъ по учебной части 35 лѣтъ.

Чижовъ принадлежалъ къ числу уважаемыхъ и стойкихъ въ своихъ убѣжденіяхъ профессоровъ Университета. Во время университетской исторіи 1821 года, когда четыре профессора были обвинены въ распространеніи идей, «разрушительныхъ для общественнаго порядка», Д. С. оставался въ числѣ тѣхъ десяти профессоровъ, которые, не боясь угрозъ попечителя Рунича, отказались отъ подачи мнѣнія на томъ основаніи, что обвиняемымъ не дано ни малѣйшихъ средствъ къ оправданію.

Написалъ онъ: «Записки о приложеніи началъ механики къ исчисленію дѣйствія машинъ наиболѣе употребительныхъ», С.-Пб. 1823 г.

Григорьевъ, «Исторія С.-Петербургскаго Университета»; Плетневъ, «Сочиненія и переписка», томъ II, страница 207—208; «Ученыя записки Императ. Академіи Наукъ», т. I, вып. 1 (1853); «Отчетъ Импер. Академіи Наукъ по II и III отд. за 1852 годъ», стр. 352 и 603; М. И. Сухомлиновъ, «Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію», т. I, стр. 247; «Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Импер. Александра I»; «Сѣверная Пчела» 1852 г., № 119 (29-го мая). Труды Рос. Ак. ч. I-я (1840) стр. 97. Періодич. соч. объ успѣх. народ. просв. 1808, ч. XXII, стр. 127—152. М. Максимовичъ: Истор. оч. развитія гл. инж. уч. стр. 44, 68. Актъ 25 лѣт. юбил. Пед. инст-та, стр. 7. Плетневъ: Первое 25-лѣтіе Спб. унив-та. Спб. 1844; Словарь Старчевскаго, XII, 179. П. Плетневъ, Отчеты Спб. Унив-та, Спб. 1845, стр. 21, 23, 39, 66. Ж. М. Н. Пр. ч. LXXIII, № 3, стр. 33.

Чижовъ, *Петръ Ѳедоровичъ*, секретарь военной коммиссіи, писатель и переводчикъ.

Происходилъ изъ духовнаго званія; обучался, по собственному выраженію, въ россійскихъ и иностранныхъ академіяхъ различнымъ званіямъ и языкамъ. Въ 1768 г. поступилъ студентомъ въ коммиссію для сочиненія проекта Новаго Уложенія, въ 1774 г. назначенъ переводчикомъ въ бывшій городовой магистратъ въ Петербургѣ, въ слѣдующемъ году вступилъ въ должность секретаря въ учрежденную при дворѣ коммиссію о коммерціи; въ 1781 г. секретарь военной коммиссіи. Въ 1786 г. награжденъ орденомъ св. князя Владиміра и дворянскимъ гербомъ. Перевелъ: Картина дѣйствій человѣческихъ, мысли свободныхъ часовъ. Переводъ съ французскаго. С.-Пб. 1786 г., in. 8.

Дипломъ на дворянское достоинство 1792 г, Прошеніе о дипломѣ 1787 г. Сопиковъ „Опытъ россійской библіографіи" (№ 5103); Смирдинъ. Роспись россійскимъ книгамъ (№ 1149); Плавильщиковъ: Роспись россійскимъ книгамъ" (№ 6641).
М. А.

Чижовъ, *Ѳедоръ Васильевичъ*, крупный общественный и промышленный дѣятель половины XIX вѣка, писатель; происходилъ изъ бѣдной дворянской семьи и родился въ 1811 году, въ Костромѣ. Начавъ свое ученіе въ Костромской Гимназіи, Чижовъ перешелъ, затѣмъ, въ Третью Петербургскую, откуда поступилъ на физико-математическій факультетъ С.-Петербургскаго Университета. Окончивъ здѣсь курсъ со степенью кандидата въ 1832 году, Чижовъ предназначенъ былъ для приготовленія къ профессурѣ и для этой цѣли—къ отправленію за границу, но въ виду состоявшагося въ 1831 году Высочайшаго повелѣнія о пріостановкѣ командировокъ русскихъ молодыхъ ученыхъ за границу, онъ принужденъ былъ остаться въ Петербургѣ. Способности Чижова, однако, были настолько выдающимися, что профессоръ университета Д. С. Чижовъ, однофамилецъ Ѳ. В., выхлопоталъ ему въ августѣ 1833 года отъ попечителя учебнаго округа С. С. Уварова ежегодное въ теченіе трехъ лѣтъ пособіе по 1.500 рублей, дабы Чижовъ могъ заниматься математикой у академика М. В. Остроградскаго. Въ это время Чижовъ уже состоялъ адъюнктомъ университета и читалъ въ немъ курсъ начертательной геометріи (съ 1832 года), но отказавшись отъ своего небольшого родового имѣнія въ пользу сестеръ еще во время своего студенчества и получая всего лишь 600 рублей, онъ принужденъ былъ зарабатывать себѣ деньги частными уроками. Поэтому, полученное имъ отъ С. С. Уварова пособіе было для него большимъ благодѣяніемъ и онъ могъ спокойно предаться занятіямъ математикой, не отвлекаясь отъ нихъ заботами о заработкѣ. Продолжая читать лекціи въ Университетѣ, Чижовъ представилъ диссертацію на степень магистра, напечатанную въ 1836 году и носящую названіе: «Объ общей теоріи равновѣсія съ приложеніемъ къ равновѣсію жидкихъ тѣлъ и опредѣленію фигуры земли». За эту работу, замѣчательную по отчетливости изложенія, столь важной въ аналитической механикѣ теоріи, онъ былъ удостоенъ званія магистра математическихъ наукъ. Въ Университетѣ Чижовъ впервые встрѣтился съ Н. В. Гоголемъ, назначеннымъ въ 1834 году на каѳедру древней и средневѣковой исторіи, но сойтись они не могли: слишкомъ велика была разница между ними какъ по ихъ личнымъ харнктерамъ, такъ и по взглядамъ на науку и ея преподаваніе.

Въ 1837 году Чижовъ выпустилъ въ свѣтъ новый свой трудъ: «Паровыя машины, исторія, описаніе и приложеніе ихъ, со множествомъ чертежей (составленное по Пертингтону, Стефенсону и Араго)»,—сочиненіе, бывшее въ свое время весьма полезнымъ и выдающимся. Кромѣ того, въ это время онъ принималъ участіе въ повременныхъ изданіяхъ того времени, каковы: «Библіотека для чтенія», «Сынъ Отечества» и «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», въ которыхъ помѣщалъ какъ оригинальныя, такъ и переводныя статьи. Въ Петербургскомъ Университетѣ Чижовъ пробылъ до осени 1840 года, когда разстроенное здоровье принудило его покинуть преподаваніе и уѣхать сперва въ Малороссію, а затѣмъ и за границу. Изъ этого отпуска онъ на службу уже не возвращался, и каѳедра его до окончательнаго увольненія изъ университета въ 1845 году была замѣщена экстраординарнымъ профессоромъ Савичемъ. Еще находясь въ университетѣ, Чижовъ сталъ интересоваться литературой, искусствами и исторіей и въ 1839 году

выпустилъ въ свѣтъ переводъ сочиненія Галлама: «Исторія европейской литературы въ XV—XVI столѣтіяхъ», снабдивъ его многими своими примѣчаніями, показавшими въ немъ весьма обширную начитанность, а въ 1841 году «Призваніе женщинъ» (переводъ и передѣлка съ англійскаго). Увлеченіе исторіей искусствъ и другими науками, а также замкнутость избраннаго имъ поприща—ученаго математика, не могшее удовлетворить пылкой и разнообразно одаренной природы Чижова,—были, безъ сомнѣнія, не послѣдними причинами, заставившими его оставить университетъ. Избравъ себѣ цѣлью въ заграничномъ путешествіи изученіе исторіи искусствъ, какъ, по собственному его опредѣленію, «одного изъ самыхъ прямыхъ путей къ изученію исторіи человѣчества», Чижовъ первый годъ провелъ на водахъ въ Маріенбадѣ, объѣхалъ, затѣмъ, большую часть западной Европы, а зимою посѣтилъ Италію, куда потомъ пріѣзжалъ на зиму уже каждый годъ во все пребываніе свое за границей. Встрѣтившись въ первый годъ своего пребыванія за границей въ Прагѣ съ Ганкой, давшимъ ему впервые понятіе объ общеславянскихъ идеяхъ, Чижовъ, увлекшійся ими, посѣтилъ, затѣмъ, южнославянскія земли, Истрію, Далмацію, Черногорію, Сербію, съ цѣлью убѣдиться въ близости славянскихъ народовъ между собою и провѣрить свое увлеченіе. Вездѣ Чижовъ встрѣчалъ искреннее сочувствіе къ себѣ, какъ къ русскому; найдя близъ Полы православную церковь и пораженный ея крайней бѣдностью, Чижовъ выписалъ для нея изъ Россіи церковную утварь, ризы, книги и прочее, и лично перевезя все это по Адріатическому морю, онъ подвергся опасности отъ австрійцевъ, несмотря на то, что его охраняли заранѣе предупрежденные имъ далматинцы. Путешествуя, Чижовъ встрѣчался со многими извѣстными людьми. Такъ, въ одну изъ поѣздокъ своихъ по Бельгіи, онъ встрѣтился съ В. С. Печоринымъ, часть записокъ котораго имъ помѣщена въ «Русскомъ Архивѣ» 1870 г., стр. 1333—42,—Мицкевичемъ, который, по его отзыву, въ это время былъ крайнимъ мистикомъ и слѣпо вѣрующимъ идеалистомъ безъ какихъ-либо опредѣленныхъ цѣлей. Большую часть своего пребыванія Чижовъ провелъ въ Италіи, изучая здѣсь не только исторію искусства, но и итальянскую исторію вообще, въ особенности же исторію Венеціи. Въ Римѣ Чижовъ жилъ въ одномъ домѣ съ Гоголемъ и Н. М. Языковымъ, причемъ сошелся близко только съ послѣднимъ. Принявшись со свойственнымъ ему жаромъ за изученіе искусствъ, Чижовъ вскорѣ сталъ знатокомъ въ этой области и близко сошелся съ А. А. Ивановымъ и тамошнимъ кружкомъ художниковъ, на которыхъ имѣлъ весьма благотворное вліяніе, будучи строгимъ и справедливымъ судьей художественныхъ произведеній. Насколько Чижовъ серьезно занимался здѣсь искусствомъ, могутъ служить замѣчательныя его статьи: «О работахъ русскихъ художниковъ въ Римѣ» и «О римскихъ письмахъ Муравьева» («Московскій Сборникъ» 1846 и 1847 гг.). Въ 1845 году Чижовъ пріѣхалъ въ Петербургъ, но не встрѣтивъ здѣсь живого отклика славянскимъ идеямъ, которыя вмѣстѣ съ задачей изученія искусствъ тогда всецѣло поглощали его, онъ отправился въ Москву и здѣсь вполнѣ примкнулъ къ кругу Хомякова, Кирѣевскихъ, К. Аксакова и Ю. Самарина. Ставя Хомякова выше всѣхъ остальныхъ по уму, таланту, обширности взгляда и начитанности, онъ мало сошелся и узналъ другихъ членовъ кружка. Смотря на общеславянскую идею съ точки зрѣнія исторически міровой неизбѣжности и вполнѣ самъ проникнутый ею, Чижовъ задумалъ было съ 1847 года издавать славянофильскій журналъ, но потомъ отложилъ его до 1848 года. Содержаніе этого журнала должно было состоять изъ отрывковъ его путешествія по славянскимъ землямъ, изъ постоянныхъ съ чистоученой точки зрѣнія изслѣдованій литературъ всѣхъ славянскихъ народовъ и статей русскихъ людей съ разборомъ всѣхъ замѣчательныхъ иностранныхъ сочиненій, но въ такомъ видѣ, чтобы они давали полное понятіе какъ о содержаніи книги, такъ и объ исполненіи. Предполагалось также, если будетъ дозволено, помѣщать и разборы иностранныхъ сочиненій о Россіи, но съ просьбой, чтобы они шли черезъ Канцелярію Его Величества, а не черезъ обыкновенную цензуру. Знакомство Чижова со всѣми членами кружка славянофиловъ, а также его горячая и дѣятельная жизне-

способность служили залогомъ успѣха журнала, и съ цѣлью пріобрѣтенія сотрудниковъ въ славянскихъ земляхъ онъ вновь въ 1846 году уѣхалъ за границу. Посѣтивъ вторично Сербію, Истрію, Далмацію и другія австрійскія славянскія земли, Чижовъ вездѣ горячо проповѣдывалъ славянскія идеи, а находясь на Далматинскомъ берегу, ему случайно удалось помочь далматинцамъ выгрузить оружіе. Еще во время своего перваго заграничнаго путешествія Чижовъ былъ замѣченъ австрійскимъ правительствомъ, посылавшимъ на него доносы русскому; послѣ же случая съ выгрузкой далматинцами оружія въ доносахъ австрійцевъ стали появляться предупрежденія объ опасности отъ такого возмутителя, составившаго якобы заговоръ противъ русскаго правительства. Около этого же времени Чижовъ получилъ извѣстіе объ опасной болѣзни своей матери и поспѣшилъ возвратиться въ Россію. Но едва онъ переѣхалъ границу, какъ былъ захваченъ ждавшими его здѣсь русскими полицейскими агентами и отправленъ прямо въ Петропавловскую крѣпость. Отвѣты Чижова (напечатанные въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1883 г., августъ, стр. 241—62, «Воспоминанія Ѳ. В. Чижова», должно быть не что иное, какъ эти отвѣты) на тринадцать предложенныхъ ему вопросныхъ пунктовъ о его дѣятельности, связяхъ и мысляхъ, занявшіе до пятидесяти листовъ, были написаны имъ совершенно правдиво и прочитаны императоромъ Николаемъ I, нашедшимъ чувства Чижова хорошими, но слишкомъ горячо выраженными. Воспретивъ Чижову пребываніе въ обѣихъ столицахъ, государь разрѣшилъ ему, однако, самому избрать мѣсто для жительства; Чижовъ уѣхалъ въ Кіевскую губернію и сталъ тамъ заниматься шелководствомъ, которымъ заинтересовался еще будучи въ Италіи. Такимъ образомъ, въ жизни Чижова совершился рѣзкій переворотъ и изданіе задуманнаго имъ журнала само собой не состоялось. Предавшись со всей страстностью и настойчивостью своей природы изученію шелководства въ мѣстечкѣ Трипольѣ (внизъ по Днѣпру, въ 50 верстахъ отъ Кіева) въ отведенныхъ ему въ аренду 50 десятинахъ земли отъ Министерства государственныхъ имуществъ, Чижовъ принялся также и за изученіе философіи, свидѣтельствомъ чему служатъ многочисленныя его выписки изъ сочиненій по этому предмету. Работая здѣсь собственноручно въ теченіе шести лѣтъ, онъ иногда посѣщалъ въ Кіевѣ семейство Галагановъ, тѣсныя, почти родственныя, связи съ которымъ у него были еще со времени его пребыванія въ Петербургѣ, когда одновременно съ чтеніемъ лекцій въ университетѣ онъ занимался съ Г. П. Галаганомъ. Впослѣдствіи, когда умеръ сынъ его воспитанника въ 1869 году, мысль о учрежденіи въ Кіевѣ коллегіи его имени была подана Чижовымъ, и такимъ образомъ «Коллегія Павла Галагана», въ разработкѣ плана которой онъ принималъ близкое участіе, до нѣкоторой степени обязана своимъ существованіемъ Чижову. У Галаганъ, а также у доктора С. А. Смирнова, С. А. Данилевскаго и М. В. Юзефовича, Чижовъ встрѣчался съ Гоголемъ и на этотъ разъ, по его отзыву, какъ съ истиннымъ другомъ. Результатомъ работъ Чижова по шелководству было появленіе сперва многочисленныхъ статей его по этому предмету въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», а затѣмъ и изслѣдованія: «Записки о шелководствѣ» (новое изданіе, М. 1870), которое заключало въ себѣ исторію развитія шелководства, Книга эта, переведенная на иностранные языки, до сихъ поръ не потеряла своего значенія для всѣхъ занимающихся разведеніемъ шелковичнаго червя. Со вступленіемъ на престолъ императора Александра II, Чижовъ съ 1855 года получилъ разрѣшеніе жить въ столицахъ, и, не имѣя возможности издавать задуманный имъ журналъ («Русскій Вѣстникъ» издавался уже, и враждебной славянофиламъ партіей), Чижовъ ограничился помѣщеніемъ статей по разнымъ предметамъ въ «Московскомъ Сборникѣ», «Русской Бесѣдѣ» и другихъ журналахъ. Такова его статья: «Джіованни Фіезольскій и объ отношеніи его произведеній къ нашей иконописи», «Русская Бесѣда» 1856 г. Здѣсь же за 1857 годъ, а также частью въ «Московскомъ Сборникѣ 1847 года помѣщены его записки о путешествіи, интересныя и бытовыми, и историческими чертами, а также описаніемъ памятниковъ римскаго зодчества. Съ этихъ поръ, т.-е. съ 1857 года, въ дѣятельности Чижова наступаетъ но-

вый періодъ. Убѣдившись въ крайне угнетенномъ и безпомощномъ положеніи русской промышленности и поставивъ себѣ задачей покровительствовать ей въ смыслѣ развитія соперничества съ иностраннымъ производствомъ посредствомъ наибольшей продуктивности труда и при помощи научно-техническаго образованія, Чижовъ вложилъ все свое увлеченіе и энергію въ новое для себя дѣло. Образовавъ при содѣйствіи А. П. Шипова «Общество для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ»—которое, однако, не принесло значительной пользы дѣлу, вслѣдствіе косности купечества и новизны положеннаго въ его основаніе публичнаго обмѣна мыслей по поводу нуждъ самого же купечества, Чижовъ съ 1858 года предпринялъ изданіе «Вѣстника Промышленности» съ бывшей при немъ газетой «Акціонеръ», сперва держа редактированіе имъ въ своихъ рукахъ, а потомъ (въ 1861 г.) раздѣливъ этотъ трудъ съ профессоромъ И. К. Бабстомъ. «Вѣстникъ Промышленности», издававшійся на весьма ограниченныя средства Чижова, несмотря на сочувствіе и матеріальную поддержку со стороны московскихъ богачей (В. К. Крестовниковъ, И. Ѳ. Мамонтовъ, К. В. Рукавишниковъ, С. М. Третьяковъ, А. И. Кошелевъ, П. П. Малютинъ, Т. С. Морозовъ, И. А. Ляминъ, К. Т. Солдатенковъ, В. А. Кокоревъ и другіе), шелъ плохо и въ концѣ концовъ, по нежеланію Чижова продолжать его, хотя и были доставлены упомянутыми лицами на его изданіе значительныя суммы, прекратился въ 1861 году. «Акціонеръ» же въ 1862 году выходилъ самостоятельно, а въ 1863 году—какъ приложеніе къ газетѣ «День», издававшейся подъ редакціей И. С. Аксакова. Въ 1862 же году Чижовъ намѣревался издавать «День», но это не было ему разрѣшено безъ объясненія причинъ, хотя правительство ранѣе и предлагало ему редактировать газету, долженствовавшую замѣнить запрещенный въ 1859 году «Парусъ». Ведя журналъ, въ которомъ приходилось часто помѣщать статьи, заключавшія въ себѣ сѣтованія по поводу того, что русское желѣзнодорожное дѣло находится въ рукахъ иностранцевъ, Чижовъ обратилъ вниманіе на этотъ вопросъ и рѣшилъ вырвать русскія дороги изъ рукъ иностранцевъ. Желая доказать, что русскіе могутъ построить дорогу и управлять ею такъ же, какъ и иностранцы, онъ избралъ на первый разъ линію къ Троице-Сергіевской Лаврѣ. Всегда принимаясь за дѣло основательно и обдуманно, Чижовъ,—съ цѣлью собрать данныя о количествѣ пассажировъ будущей дороги,—снарядилъ нѣсколько партій изъ молодежи, на обязанности которой лежалъ точный перечетъ всѣхъ проѣзжихъ и прохожихъ на пути въ Лавру. Собравъ такимъ оригинальнымъ способомъ необходимыя данныя, онъ представилъ соображенія насчетъ дороги правительству, и въ 1860 году акціонерная компанія была разрѣшена. Первое правленіе дороги состояло изъ барона А. И. Дельвига (главный инспекторъ желѣзныхъ дорогъ), И. Ѳ. Мамонтова и Н. Г. Рюмина. Работы по постройкѣ были начаты въ 1860 же году, а въ 1863 году было открыто движеніе отъ Москвы до Лавры, причемъ Чижовъ, будучи до того кандидатомъ въ члены правленія, замѣстилъ А. И. Дельвига, выбывшаго изъ его состава. Заинтересовавшись, затѣмъ, положеніемъ въ промышленномъ отношеніи нашего сѣвернаго края, забытаго и правительствомъ, и частною предпріимчивостью, и построивъ Вологодскую линію, Чижовъ одновременно съ ея проведеніемъ организовалъ товарищество Архангельско-мурманскаго пароходства по Бѣлому морю и Сѣверному Ледовитому океану. Наводя каждаго вступающаго къ нему въ компанію на мысль о безкорыстномъ служеніи родинѣ и о вѣроятности убытковъ, несмотря на безпроцентную ссуду правительства въ 100 тысячъ рублей, Чижовъ незадолго до своей смерти вложилъ въ это дѣло своихъ 200 тысячъ рублей, заложивъ для того всѣ свои свободныя бумаги. Неуклонно идя къ разрѣшенію поставленной имъ себѣ задачи—передачи желѣзныхъ дорогъ въ русскія руки,—онъ задумалъ сдѣлать это и съ Николаевской дорогой. Заручившись довѣріемъ русскаго правительства и составивъ солидную компанію (Т. С. Морозовъ, С. М. Третьяковъ съ родней, И. Ѳ. Мамонтовъ, Н. Г. Рюминъ, П. П. Малютинъ, К. В. Рукавишниковъ, А. и В. Крестовниковы, И. А. Ляминъ, К. Т. Солдатенковъ, В. А. Полетика — редакторъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», негласно В. А. Кокоревъ и другіе), Чижовъ, тѣмъ

не менѣе не былъ въ состояніи купить эту дорогу у Главнаго Общества. Потерпѣвъ здѣсь неудачу, Чижовъ сталъ заниматься исключительно Троицкой дорогой и принималъ лишь косвенное участіе въ газетахъ «Москва» и «Москвичъ», издававшихся оффиціально подъ редакціей Андреева, а фактически—И. С. Аксакова и выходившихъ въ 1867—68 годахъ. Эти газеты просуществовали недолго, но, тѣмъ не менѣе, успѣли принести большую пользу русской промышленности, вызвавъ пересмотръ таможеннаго тарифа съ участіемъ представителей отъ купеческаго сословія. И въ этомъ дѣлѣ Чижовъ принималъ самое дѣятельное участіе, провѣряя записки о дѣйствительной стоимости предметовъ производства каждаго фабриканта. Этотъ первый общій пересмотръ тарифа съ представителями отъ купечества, состоявшійся подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника Небольсина, неудовлетворилъ своими результатами многихъ, особенно сторонниковъ протекціонистовъ, и спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ утвержденія новаго тарифа въ кредитныхъ рубляхъ, Чижовымъ была составлена записка о желательности золотой пошлины, которая и была введена вскорѣ, возвысивъ почти на 40% по тогдашнему курсу всѣ пошлины и вызвавъ приливъ золота въ казну. Послѣ этого Чижовъ удлиннялъ свою Троицкую дорогу и задумалъ покупку въ русскія руки Московско-Курской желѣзной дороги. При помощи особо придуманной имъ комбинаціи, дорога въ 1873 году была куплена московской компаніей, и Чижовъ, какъ одинъ изъ ея участниковъ, реализировалъ значительные барыши. По условію съ правительствомъ, акціи этой дороги должны были быть неприкосновенными 18 лѣтъ, и Чижову до самой послѣдней минуты не были извѣстны его капиталы. Послѣдніе годы своей жизни Чижовъ занятъ былъ устройствомъ «Московскаго купеческаго банка», директоромъ котораго онъ пробылъ нѣсколько лѣтъ, и «Общества взаимнаго кредита»,—учрежденій, принесшихъ огромнѣйшую пользу московскому купечеству, не имѣвшему до того мелкаго кредита, столь необходимаго въ торговыхъ оборотахъ. Скончался Чижовъ отъ аневризма, 14-го ноября 1877 года, и похороненъ въ Даниловскомъ монастырѣ въ Москвѣ, близъ могилы Н. В. Гоголя.

Будучи «безкорыстнѣйшимъ изъ людей», «безъ всякой личной корысти», какъ сказалъ объ этомъ замѣчательномъ дѣятелѣ И. С. Аксаковъ въ своей рѣчи, читанной 18-го декабря 1877 года въ Славянскомъ Благотворительномъ Обществѣ, Чижовъ не былъ лишь умнымъ, строгимъ и безупречнымъ въ сферѣ экономическихъ интересовъ практическимъ дѣятелемъ. По существу своей природы это былъ человѣкъ вѣчной духовной мысли и высшихъ нравственныхъ идеаловъ, которые онъ не покидалъ ни въ какихъ своихъ дѣлахъ. Принимаясь за какое-либо предпріятіе, онъ всегда одухотворялъ его своей нравственной стихіей, высшею идеальною цѣлью,—и только въ такомъ случаѣ возможна была для него работа. Всякое дѣло, за которое онъ брался, имѣло всегда самыя благотворныя послѣдствія для слѣдующихъ поколѣній. Обладая несокрушимой энергіей, волей, мощью характера и будучи строгъ по отношенію къ себѣ, — Чижовъ имѣлъ въ высшей степени сострадательное сердце и многимъ въ своей жизни помогъ и словомъ и дѣломъ, но не выносилъ лѣности и праздности въ людяхъ, а также невнимательнаго и легкаго отношенія къ своимъ долгу и обязанностямъ. Живя въ высшей степени скромно, Чижовъ былъ безупречно честенъ, что было извѣстно не только въ Россіи, но и за границей, и имя его, стоявшее во главѣ какого-либо предпріятія, было лучшимъ ручательствомъ за достоинство и вмѣстѣ съ тѣмъ за успѣхъ взятаго имъ на себя дѣла. Въ людяхъ, съ которыми его сталкивалъ случай, Чижовъ оставлялъ неизгладимое впечатлѣніе своей личностью. Постоянно занятый какимъ-либо взятымъ въ свои руки дѣломъ, Чижовъ находилъ время и для занятій литературой. Такъ, кромѣ упомянутыхъ, имъ напечатаны, напримѣръ, слѣдующія статьи: «Полвѣка общественной жизни. Воспоминанія И. А. Шестакова, съ предисловіемъ Ѳ. В. Чижова» («Русскій Архивъ» 1873 г., стр. 164—200) и «О трудахъ по исторіи русскаго законодательства» («Русскій Архивъ» 1869 г., стр. 2045—66). На реализованныя въ 1891 году акціи Московско-Курской желѣзной дороги, доставившія около 6

милліоновъ состоянія, по завѣщанію Чижова, было устроено пять имени его промышленныхъ училищъ въ Костромской губерніи: два въ Костромѣ (среднее механико-техническое изъ четырехъ классовъ и низшее химико-техническое изъ трехъ спеціальныхъ и одного приготовительнаго), одно — въ Кологривѣ (низшее сельско-хозяйственно-техническое), одно — въ Макарьевѣ (ремесленное) и одно—въ Чухломѣ (сельскохозяйственное). Въ настоящее время всѣ эти училища вполнѣ обезпечены неприкосновеннымъ капиталомъ почти въ четыре милліона рублей, находящимся въ Государственномъ банкѣ. Почти непрерывно, начиная со студенчества и до послѣдняго дня своей жизни, Чижовъ велъ подробный дневникъ, занося въ него всѣ случайности и встрѣчи съ приведеніемъ своихъ взглядовъ и мнѣній о каждомъ явленіи и лицахъ. Этотъ весьма любопытный документъ, обнимающій собой время почти въ сорокъ лѣтъ и весьма цѣнный для освѣщенія славянофильства, былъ завѣщанъ Чижовымъ Румянцевскому музею подъ условіемъ вскрытія его черезъ сорокъ лѣтъ послѣ его смерти и, такимъ образомъ, оцѣнка и значеніе самобытной и поистинѣ крупной и замѣчательной личности Чижова не можетъ быть полной и всесторонней въ настоящее время.

Аркадій Черновъ, «Ѳ. В. Чижовъ и его связи съ Н. В. Гоголемъ», біографическій очеркъ, М. 1902; «Русская Старина» 1881 г., январь, стр. 191; «Воспоминанія В. Ѳ. Чижова», «Историческій Вѣстникъ» 1883 г., февраль, стр. 241—62; «Русскій Архивъ» 1878 г., кн. I, стр. 129—137; 1883 г., кн. II, стр. 207—08; 1884 г., кн. I, стр. 391; 1885 г., кн. III, стр. 296—7; В. Григорьевъ, «Императорскій С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ его существованія», С.-Пб. 1870, стр. LXXI, 92, 177—8, примѣчаніе 181-е; Некрологъ, «Пчела» 1877 г., №№ 9 и 10; В. Срезневскій, «Списокъ повременныхъ изданій съ 1703 по 1899 годъ со свѣдѣніями объ экземплярахъ, принадлежащихъ Императорской Академіи Наукъ, С.-Пб. 1901 (корректур. изданіе); «Русск. Сборн»., т. II, ч. 1—2. (Безпл. прил. къ журн. «Гражданинъ), стр. 320 — 323.—Отчетъ географ. общ. 1877; А. Вороновъ: Ист.-стат. обозр. учеб. зав. Спб. учеб. окр., стр. 177—178, 185, 227; «Ж. М. Н. Пр.» 1877, № 12, стр. 155—157.

Вадимъ Модзалевскій.

Чика, *Иванъ*, одинъ изъ ревностнѣйшихъ сподвижниковъ Пугачева, получившій отъ него титулъ и званіе графа Чернышева, былъ яицкій казакъ, по настоящей фамиліи — Зарубинъ. При первыхъ же извѣстіяхъ о появленіи царя и сношеніяхъ, завязавшихся между нимъ и волновавшимся тогда яицкимъ войскомъ, Чика вызвался быть посредникомъ и съ другимъ казакомъ, Мясниковымъ, отправился къ Пугачеву, чтобы привести его къ войску. При первомъ же свиданіи съ Пугачевымъ, несмотря на предъявленные тѣмъ въ доказательство «царскіе» знаки на тѣлѣ, умный Зарубинъ сразу понялъ, что предъ нимъ простой мужикъ. Тѣмъ не менѣе онъ съ первыхъ же шаговъ новоявленнаго царя въ яицкомъ войскѣ принялъ его на свое попеченіе и, хотя и убѣдился въ самозванствѣ Пугачева, вьтытавъ у него самого признаніе въ этомъ, вмѣстѣ съ прочими вожаками согласился не только не выдавать самозванца, а напротивъ, убѣждать всѣхъ и каждаго, что онъ истинный и природный государь, призванный заступиться за обиженное правительствомъ и старшинами яицкое войско. Сдѣлавшись ближайшимъ совѣтникомъ и помощникомъ Пугачева, онъ былъ сдѣланъ послѣднимъ въ видахъ внесенія нѣкотораго порядка въ повинившемся самозванцу и страдавшемъ отъ грабежа башкиръ краѣ (заводы и селенія окрестностей Уфы и вся Башкирія) начальникомъ надъ нимъ. Отправившись къ мѣсту назначенія, Чика въ короткое время разными манифестами и ложными слухами сумѣлъ собрать войско болѣе чѣмъ въ 10.000 ч. Пользуясь большими полномочіями, данными ему самозванцемъ, Чика сдѣлался полновластнымъ распорядителемъ обширнаго края, и поселившись въ Чесноковкѣ, какъ Пугачевъ въ Бердѣ, по его примѣру устроилъ свой дворъ. Словомъ, это былъ второй Пугачевъ, но болѣе умный, самостоятельный и энергичный. Въ октябрѣ 1773 г. его шайки стали появляться у самаго города Уфы, а въ декабрѣ къ ней подступилъ и самъ Чика, который и держалъ ее въ осадѣ до 26-го марта слѣдующаго года. Въ этотъ день онъ былъ разбитъ при деревнѣ Зубовкѣ Михельсономъ, послѣ чего онъ бѣжалъ въ Табинскъ, но былъ схваченъ собственнымъ казакомъ и выданъ побѣдителю. Послѣ суда надъ мятежниками, Чика былъ приговоренъ къ смертной казни и для исполненія приговора былъ привезенъ въ Уфу,

«понѣже весь край тотъ злодѣйствами его былъ измученъ».

П. Дубровинъ, «Пугачевъ и его сообщники»; Гротъ, Я. К., «Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта», «Записки Акад. Наукъ», т. XXV, Прилож. № 4, стр. 121; Игнатьевъ, Р., «Воспоминанія 25-го марта 1774 г.», «Уфимскія Губ. Вѣдомости» 1876 г., № 12; «Оренбургскія Губ. Вѣдомости» 1852 г. № 41; «Пугачевскіе листы», «Русск. Стар.» 1875 г., № 6, стр. 272; «Екатерина II и пугачевщина», «Русск. Ст.» 1875 г., № 5, стр. 122—125; «И. И. Михельсонъ, побѣдитель Пугачева», «Р. Стар.» 1876 г., т. XV, стр. 195. Словарь Старчевскаго, т. XII, стр. 179.

Чикуанова, *Анна Ѳедоровна*, начальница Одесскаго женскаго института. Получивъ воспитаніе въ Екатерининскомъ институтѣ, Чикуанова вскорѣ по выпускѣ изъ института вышла замужъ. Мужъ ея занималъ довольно видное мѣсто въ Петербургѣ. Благодаря довольно обезпеченному въ матеріальномъ отношеніи своему положенію, они могли завести довольно обширный кругъ знакомства, причемъ гостинная ихъ всегда была средоточіемъ выдающихся художниковъ, литераторовъ и артистовъ того времени. Въ числѣ послѣднихъ бывалъ у Чикуановыхъ и композиторъ А. Г. Рубинштейнъ, женившійся впослѣдствіи на одной изъ дочерей Чикуановыхъ. Овдовѣвъ, А. Ѳ. Чикуанова подала 12-го февраля 1866 года на имя императрицы Маріи Александровны прошеніе о назначеніи ея начальницей какого-либо института. Просьба ея была уважена и она была зачислена кандидаткой. Назначенная 12-го августа 1870 года начальницей Керченскаго института, она по освобожденіи вакансіи въ Одесскомъ институтѣ была переведена на ту же должность въ Одессу. Здѣсь прослужила она болѣе 15-ти лѣтъ и, по словамъ «Одесскаго Вѣстника», не разъ удостаивалась получать подарки и благодарность отъ императрицы за прекрасное руководство институтомъ. А. Ѳ. Чикуанова скончалась въ началѣ октября 1889 г. въ Одессѣ, уже въ преклонныхъ лѣтахъ. Тѣло ея погребено тамъ же.

«Новое Время» 1889 г., 24-го октября, № 4905, некрологъ; «Одесскій Вѣстникъ» 1889 г., № 277, некрологъ.

Е. Ястребцовъ.

Чиляевъ, *Егоръ Гавриловичъ*, писатель и переводчикъ; род. въ Грузіи 14-го февраля 1790 г., въ 1815—1822 гг. жилъ въ Петербургѣ, находясь на службѣ, и имѣлъ въ 1818 г. чинъ титулярнаго совѣтника. Въ сентябрѣ 1815 г. Ч. вступилъ ученикомъ въ масонскую ложу А. Ѳ. Лабзина «Умирающій Сфинксъ», въ которой былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ членовъ и горячихъ поклонниковъ Лабзина, съ іюля 1816 г. будучи въ ней «товарищемъ», съ мая 1817 г. — «мастеромъ», въ 1818—1819 гг.—«риторомъ» и въ 1821 г.— «надзирателемъ». Въ 1821 г. Ч. перешелъ на службу на Кавказъ прокуроромъ Верховнаго Грузинскаго правительства, затѣмъ служилъ въ Департаментѣ Министерства Юстиціи экспедиторомъ 1-й экспедиціи (1826—1827), былъ управляющимъ Канцеляріей Тифлисскаго военнаго губернатора (1830); чиновникомъ особыхъ порученій при Главноуправляющемъ гражданскою частью и пограничными дѣлами въ Грузіи, Кавказскихъ и Закавказскихъ областяхъ (1833); въ 1821 году былъ членомъ коммиссіи для перевода и пересмотра Грузинскаго Уложенія Царя Вахтанга и, съ іюня 1828 г.,— членомъ и управляющимъ дѣлами Комитета объ устройствѣ мусульманскихъ провинцій по части законовъ и управленія. Умеръ, въ чинѣ статскаго совѣтника (съ 1831 г.), во второй половинѣ 1830-хъ годовъ, въ г. Ленкоранѣ, гдѣ и погребенъ.

Ч. принадлежатъ слѣдующіе литературные труды: «Арзасъ и Исменія», соч. Монтескье, перев. съ фр., Спб. 1810 г.; «Начертаніе права народнаго», Спб. 1812 г.; «О изученіи исторіи», соч. Мабли, 3 ч., перев. съ фр., Спб. 1812 г.; «Письма грузинскаго царевича Вахтанга Ираклієвича», перев. съ груз. яз., Спб. 1812 г.; «Пѣснь на кончину князя М. Л. Голенищева-Кутузова Смоленскаго», Спб. (1813 г.); «Предварительное понятіе къ познанію натуры», Спб. 1819 г., перев. съ французскаго языка; кромѣ того, въ т. VIII Актовъ Кавказской Археографической Коммиссіи напечатаны записки Ч.: о горскихъ народахъ по Военно-Грузинской дорогѣ (1827 г.) и о торговлѣ по Военно - Грузинской дорогѣ въ горахъ (1827 г.) и въ т. VIII — записка о бекахъ (1836 г.).

«Воспоминанія А. Е. Лабзиной, съ предисл. и примѣч. Б. Л. Модзалевскаго, Спб. 1903 г., по

указ.; «Русск. Арх.» 1904 г., № 1, ст. Б. Л. Модзалевскаго, стр. 115 — 116; «Справочный энциклопедическій словарь», под. ред. Старчевскаго, т. XII, Спб. 1847 г., стр. 182; «Русск. Стар.» 1894 г., т. 82, изд. 12, стр. 124; «Акты, собранные Кавказскою археографическою коммиссіею. Я. Березинъ-Ширяевъ. Послѣдніе матеріалы для библіографіи, Спб. 1884, стр. 18.

Б. Гарскій.

Чимароза, *Доминико* (Domenico Cimarosa). 17-го декабря 1749 года въ маленькомъ мѣстечкѣ Неаполитанскаго королевства, Аверсѣ, у бѣднаго каменьщика Чимароза родился сынъ Доминико, которому суждено было стать впослѣдствіи однимъ изъ выдающихся и наиболѣе любимыхъ композиторовъ не только Италіи, но и всей Европы. Черезъ годъ, т.-е. въ 1750 году, отецъ Доминико, сильно бѣдствовавшій въ Аверсѣ, рѣшилъ искать работы въ Неаполѣ и для этого поселился недалеко отъ города въ маленькомъ домикѣ по сосѣдству съ монастыремъ de Saint-Sévère, принадлежавшемъ ордену миноритовъ (францисканцевъ). Доминико было 7 лѣтъ, когда отецъ его упалъ во время работы съ лѣсовъ и умеръ, а сироту взяли въ пріютъ для бѣдныхъ, содержимый миноритами. Въ качествѣ учителя этотъ пріютъ посѣщалъ pater Polcano, органистъ монастыря de Saint-Sévère и духовный отецъ матери Доминико, который вскорѣ обратилъ вниманіе на выдающіяся способности и живой умъ даровитаго мальчика. Почтенный pater сильно полюбилъ Доминико и занялся развитіемъ его, вложивъ всю душу въ свое дѣло. Они цѣлыми часами занимались музыкой, латынью, изученіемъ нѣмецкихъ классиковъ и отечественныхъ поэтовъ. Передавъ мальчику всѣ свои знанія, pater Polcano помѣстилъ его въ мѣстную консерваторію Santa Maria di Loretto, гдѣ Чимароза серьезно занимался пѣніемъ подъ руководствомъ Manna и Sacchini, изучая въ то же время съ Fenaroli контрапунктъ и драматическій стиль. Къ этому же времени относится его знакомство и дружба съ Piccini, который помогъ ему усовершенствоваться въ искусствѣ композиціи. Въ 1772 году Чимароза окончилъ курсъ консерваторіи и дебютировалъ, на поприщѣ драматическаго композитора оперой «Le stravaganze del conte», которая съ успѣхомъ была исполнена въ Неаполѣ въ театрѣ di Fiorentini. Въ томъ же году онъ написалъ «Le pazzie di Stellidanza e di Zoroastre». Послѣ этого его произведенія появляются одно за другимъ съ неимовѣрной быстротой.

Въ какой-нибудь годъ молодой композиторъ пріобрѣтаетъ себѣ такую популярность въ Италіи, что становится наравнѣ съ Paesiello, находившимся тогда въ расцвѣтѣ славы. Всѣ города Италіи зовутъ Чимароза къ себѣ, и даже Римъ, радуется, получивъ въ 1774 году отъ него оперу «Italiana in Londra». Съ этого времени и до 1780 года молодой композиторъ живетъ то въ Римѣ, то въ Неаполѣ, гдѣ въ 1774 году ставитъ оперы: «La finta parigina» и «La finta prascatana». Тутъ же написаны имъ историческая опера «Caio Mario», двѣ библейскихъ: «Assalonea» и «La Giuditta, кромѣ того, еще около 20 разнаго содержанія, по преимуществу оперъ-буффъ. Съ 1784 года Чимароза поселился во Флоренціи и нѣкоторое время писалъ исключительно для нея, хотя всѣ его оперы не сходили съ репертуара театровъ Рима, Неаполя, Венеціи, Турина и другихъ городовъ Италіи. Во Флоренціи имъ написаны, главнымъ образомъ, духовныя произведенія— нѣсколько мессъ, requiem и др. Въ 1782 году Чимароза познакомился съ Paesiello, и, начиная съ этого времени, въ теченіе 20 лѣтъ оба композитора побратски дѣлили славу царей музыки въ Италіи. Между тѣмъ, слава Чимароза разнеслась по всей Европѣ и достигла Петербурга. И Екатерина II, пригласила талантливаго композитора замѣнить при ея дворѣ уѣзжавшаго изъ Россіи послѣ шестилѣтняго пребыванія въ ней Paesiello. Чимароза принялъ это приглашеніе и въ іюлѣ 1788 года покинулъ Неаполь къ глубокому прискорбію всѣхъ и направился въ Ливорно. Долго совершалъ онъ свой путь въ Россію. Задержала его буря, заставившая простоять лишнихъ 17 дней въ открытомъ морѣ, задержала постановка въ Туринѣ оперы «Il Valdamiro» и, наконецъ, все время задерживали тѣ почести, которыми его осыпали въ попутныхъ городахъ. Во Флоренціи онъ долженъ былъ на нѣсколь-

ко времени остаться при тосканскомъ дворѣ, гдѣ его осыпали подарками; въ Вѣнѣ императоръ Іосифъ II далъ ему аудіенцію и тоже оказалъ всякое вниманіе; наконецъ, въ Варшавѣ польская аристократія такъ приняла его, что только черезъ мѣсяцъ Чимароза могъ продолжать свой путь. Въ началѣ 1789 года онъ прибылъ въ Петербургъ, представился императрицѣ и сразу очаровалъ ее своимъ талантомъ; она дала ему званіе придворнаго композитора, назначила большое содержаніе и поручила обученіе пѣнію своихъ внуковъ. Въ Петербургѣ Чимароза, несмотря на свое недолгое пребываніе и массу занятій, успѣлъ написать 4 оперы, мессу, около 105 разныхъ небольшихъ отрывковъ и романсовъ для придворныхъ концертовъ и, наконецъ, блестящую кантату для Потемкина на слова Державина. Въ числѣ обязанностей, возложенныхъ на Чимароза, было дирижированіе оркестромъ на спектакляхъ, называвшихся «Большими Эрмитажами», и постановка оперъ. Любопытно, что онъ, поставивъ на этихъ спектакляхъ очень много оперъ, изъ своихъ далъ только очень немногія: «Vergine del sole», вызвавшую громадный энтузіазмъ, «Два барона» (24-го апрѣля 1789 г.), «Двѣ невѣсты» (18-го апрѣля 1789 г.), «Idalida» (26-го октября 1789 г.) и «Cleopatra» (27-го сентября 1789 г.). Позднѣе, когда композитора не было уже въ Петербургѣ, кромѣ названныхъ оперъ, были поставлены: «La ballerina amante» (12-го января 1796 г.), «Gli inemici generosi» (въ 1798 г.), «I due suposti conti» (9-го апрѣля 1798 г.), «L'italiana in Londra» (въ 1797 г.), «Тайный бракъ» и «Гораціи и Куріаціи» (въ 1818 г.). Изъ чужихъ оперъ Чимароза охотнѣе всего ставилъ оперы своего друга Paesiello, уже знакомаго Петербургу. Такъ, имъ были поставлены: «Двѣ графини», «Смѣшной поединокъ», «Ахиллъ въ Сцирѣ», «Нинета», «Купидонъ и Псиша», «Крестьянинъ, маркизъ, или колбасникъ» и др.

Вообще Чимароза относился къ своему дѣлу крайне старательно и умѣлъ сдѣлать оперные спектакли интересными, чѣмъ сильно расположилъ къ себѣ петербургскую публику. Если прибавить къ этому еще славу даровитѣйшаго композитора, то будетъ понятно то сожалѣніе, съ которымъ проводили его изъ Петербурга, послѣ того какъ стало замѣтно, что рѣзкій климатъ отзывается вредно на его здоровьи. Это было въ 1792 году. Прямо изъ Петербурга Чимароза отправился въ Вѣну, гдѣ императоръ Леопольдъ радушно принялъ его, далъ званіе директора придворной капеллы, 12000 флориновъ жалованья и квартиру. Тутъ Чимароза написалъ лучшую свою оперу «Il matrimonio segreto». Говорить о ея успѣхѣ не стоитъ, достаточно вспомнить, что на первомъ представленіи ея по окончаніи императоръ выразилъ желаніе прослушать оперу еще разъ, и черезъ какой нибудь часъ, послѣ того какъ артисты (Паоло, Фидальма, Каролина, Робинзонъ и др.) поужинали, опера была повторена при самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ одобренія публики, нерѣдко заглушавшихъ музыку... Въ Вѣнѣ Чимароза пробылъ одинъ годъ и въ 1793 году ему снова пришлось увидѣть Италію. Къ этому времени у него было уже написано 70 крупныхъ партитуръ, не говоря уже о мелкихъ. Первое произведеніе, которое онъ поставилъ по пріѣздѣ въ Неаполь, по общему требованію, было, конечно, «Il matrimonio segreto». Успѣхъ этой оперы въ Неаполѣ превзошелъ даже успѣхъ въ Вѣнѣ. 67 представленій ея не могли уменьшить восторга, съ которымъ ее каждый разъ принимали. Вскорѣ Чимароза далъ Неаполю еще одно произведеніе, которое по музыкѣ, собственно говоря, стоитъ выше Il matrimonio segreto, это—«Astuzie feminili». Въ 1796 году онъ поѣхалъ въ Римъ, гдѣ ставили его оперу «Gli inemici generosi», а оттуда въ Венецію, гдѣ онъ написалъ «Gli Orazzi e i Curiazzi». Только въ 1798 году Чимароза опять вернулся въ родной Неаполь, гдѣ въ это время началось революціонное движеніе, въ которомъ онъ и принялъ горячее участіе со времени прибытія французской арміи подъ командой генерала Шампьоне. Вскорѣ онъ чуть не сдѣлался кровавой жертвой сопротивленія, оказаннаго кардиналомъ Руффо, и вслѣдъ затѣмъ былъ арестованъ, посаженъ въ тюрьму приговоренъ къ смертной казни и, вѣрно, былъ бы казненъ, если бы русскій посланникъ, горячій поклонникъ таланта композитора, не убѣдилъ короля Фердинанда помиловать его.

Чимароза былъ выпущенъ на свободу, которою ему пришлось пользоваться недолго... Желая поселиться опять въ Россіи, онъ отправился въ Венецію, но тамъ почувствовалъ себя слишкомъ слабымъ для такого далекаго и тяжелаго по тѣмъ временамъ путешествія. Здѣсь онъ написалъ свое послѣднее произведеніе—мессу для папы Пія VII, а 11-го января 1801 года умеръ. Тотчасъ же распространились слухи, что онъ былъ отравленъ по распоряженію королевы Каролины. Общественное мнѣніе громко обвиняло правительство въ преступленіи и требовало оффиціальной публикаціи лейбъмедика папы Пія VII, которая бы опровергла слухи и констатировала бы естественную причину смерти композитора. Впрочемъ, нужно думать, что слухи эти недостаточно основательны; вѣрнѣе мнѣніе, указывающее причиною смерти нарывъ въ желудкѣ, слѣдствіе черезчуръ плохого содержанія въ тюрьмѣ. Впрочемъ, такъ или иначе, все же правительство виновато въ этой преждевременной смерти, лишившей Италію, да и всю Европу такого выдающагося таланта. По смерти Чимароза въ Венеціи въ церкви Св. Ангела лучшими артистами была пропѣта панихида, написанная директоромъ капеллы Бертони, а въ Римѣ кардиналъ Консальви, покровитель и другъ покойнаго, устроилъ ему великолѣпныя похороны въ церкви Св. Карла. По заказу того же Консальви, знаменитый скульпторъ Канова сдѣлалъ бюстъ Чимароза, который и поставленъ въ римскомъ Пантеонѣ недалеко отъ бюстовъ Sacchini и Paesiello.

Чимароза оставилъ послѣ себя самыя разнообразныя произведенія: оперы-буффъ, оперы-serias, кантаты, мессы, ораторіи, изъ которыхъ лучшими можно назвать «Юдифь» и «Тріумфъ религіи», и пр. Изъ оперъ самыя распространенныя: «Caio Mario», «Gli Orazzi e i Curiazzi» и, «Il matrimonio segreto», которыя во время имперіи очень часто ставились при дворѣ Наполеона съ участіемъ такихъ артистовъ, какъ Грассини и Кречентини. Впрочемъ, трудно объяснить, почему именно эти оперы удостоились любви публики, а не «Пенелопа», напримѣръ, или не «Жертвоприношеніе Авраама», или «Олимпіада», хотя въ этихъ послѣднихъ отличительныя качества таланта Чимароза — необычайная простота музыки и въ то же время кипучая жизненность—замѣтны особенно сильно. Нѣкоторые строгіе критики упрекаютъ Чимароза въ подражаніи Моцарту, на самомъ же дѣлѣ общаго между обоими композиторами только и есть, что одинаковая глубина идей, которую Чимароза соединяетъ съ красотой и плавностью мелодіи, драматическою живостью, умѣлою эффектною трактовкою человѣческаго голоса и выдающейся инструментовкой.

Араповъ,—«Лѣтопись русскаго театра».; «Энциклопедическій словарь» Березина; Перепелицынъ,—«Музыкальный словарь» Записки Каратыгина,—«Русская Старина»; 1873 г. В. Марковъ—«Историческіе очерки русской оперы съ самаго ся начала» до 1862 г. Михневичъ,—«Очеркъ исторіи музыки въ Россіи въ культурно-общественномъ отношеніи». 1879 г.; Перепелицынъ,—«Исторія музыки въ Россіи». 1888 г.; «Архивъ Дирекціи Имераторскихъ театровъ»; «Чтеніе въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ» (Москва 1882 г.)—«Хроника русскаго театра»; D-r Hugo Rieman — «Musik-Lexikon»; Herman Mendel—«Musikaliches conversations-lexicon», T. 2. Pierre Larausse, «Grand dictionnaire universel du XIX-e siècle», tome quatrième. Георги,—«Описаніе столичнаго города С.-Петербурга». 1794 г. *Владиміръ Березкинъ.*

Чингизъ, *Абдулъ-Хаиръ*, ханъ Малой Киргизской Орды, умеръ въ 1748 г. Судя по родословной киргизскихъ хановъ, Абдулъ-Хаиръ ханъ происходилъ по прямой линіи отъ Усяка, который вмѣстѣ съ братомъ своимъ Джадикомъ жилъ около половины XVI ст. и владѣлъ въ Азіи громадной площадью земли, простиравшейся отъ 55° почти до 42° сѣверной широты и отъ 68° 35' до 102° восточной долготы. Отца Абдулъ-Хаира звали Аджой.

Абдулъ-Хаиръ-ханъ повелѣвалъ большею частью Малой Орды и нѣкоторыми родами Средней Орды.

Имя Абдулъ-Хаира въ первый разъ встрѣчается въ статьѣ «О песочномъ золотѣ», гдѣ упоминается о сношеніи губернатора Сибири кн. Гагарина съ Киргизъ-Кайсацкими ханами Тявкой, Каипомъ и Абдулъ-Хаиромъ въ 1717 г. Въ этомъ году Орда Абдулъ-Хаира проникла въ Казанскую губ. до Новошешминска, который былъ взятъ и разоренъ киргизами.

До 1723 г. Абдулъ-Хаиръ жилъ въ Туркестанѣ, столицѣ киргизскихъ хановъ, а въ 1723 г. былъ изгнанъ оттуда зюнгарами и съ своей Ордой перекочевалъ къ Хивѣ и Бухарѣ.

Зюнгары не долго владѣли завоеванными землями; киргизы, на время забывъ свои междоусобія, единогласно выбрали предводителемъ Абдулъ-Хаира и послѣ многихъ сраженій опять вернули свои земли обратно.

Абдулъ-Хаиръ, однако, не остался на отвоеванной землѣ, а пошелъ со своей Ордой на западъ, дошелъ до р. Эмбы, перешелъ на ея правый берегъ и достигъ Урала, гдѣ и остановился.

Ханъ этотъ отличался большимъ честолюбіемъ и хотѣлъ во что бы то ни стало возвыситься надъ своими соперниками и врагами, а въ особенности надъ ханомъ Каиномъ, которому была подвластна часть Малой Орды. Обладая недюжиннымъ умомъ и большой прозорливостью, онъ сумѣлъ воспользоваться нѣкоторыми благопріятными обстоятельствами и убѣдилъ свой народъ добровольно перейти въ подданство Россіи. Хотя на предложеніе хана согласились далеко не всѣ его подданные, онъ, нимало этимъ не смущаясь, выбралъ надежнѣйшихъ людей изъ своихъ приближенныхъ и отправилъ ихъ, въ сопровожденіи башкирскаго старѣйшины Алдара, къ Уфимскому воеводѣ Бутурлину съ письменнымъ предложеніемъ подданства. Посольство это въ іюлѣ 1730 г. прибыло въ Уфу и немедленно было отправлено Бутурлинымъ въ Петербургъ.

Въ письмѣ своемъ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ ханъ мотивировалъ свой добровольный переходъ въ русское подданство безпрестаннымъ нападеніемъ на него зюнгаровъ, волжскихъ калмыковъ и башкирцевъ; просилъ помощи для покоренія хивинцевъ, каракалпаковъ, аральцевъ и др., а взамѣнъ обѣщалъ отъ лица своего народа признавать себя и свою Орду вѣчными подданными Россіи.

Посланцы хана прибыли въ Петербургъ во время для нихъ очень благопріятное: дворъ и государыня, обрадованные добровольнымъ предложеніемъ подданства народа, для усмиренія котораго приходилось посылать войска съ большими издержками на Уралъ и Иртышъ, готовы были исполнить всѣ желанія Абдулъ-Хаира. Осыпанные милостями и подарками, послы Абдулъ-Хаира отправились обратно къ себѣ съ императорской грамотой къ хану. Въ грамотѣ этой было изъявлено согласіе на принятіе Абдулъ-Хаира въ подданство и обѣщаны ему защита и покровительство. Для приведенія къ присягѣ новыхъ подданныхъ изъ Петербурга былъ отправленъ въ орду переводчикъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Тевкелевъ, а для охраны его нѣсколько уфимскихъ дворянъ, башкирцевъ и русскихъ казаковъ, а также два офицера-геодезиста для топографическихъ работъ.

Формально вступленіе въ русское подданство Абдулъ-Хаира совершилось два года спустя, а именно въ 1732 г. Тевкезеву стоило не малыхъ трудовъ сломить упорство подданныхъ Абдулъ-Хаира и довести до конца свою миссію. Прошло еще 7—8 мѣсяцевъ послѣ этого, прежде чѣмъ Тевкелеву удалось извѣстить о своемъ успѣхѣ правительство. Наступили неурядицы среди киргизовъ; Абдулъ-Хаиръ долженъ былъ откочевать къ берегамъ Сыра, куда за нимъ послѣдовалъ и Тевкелевъ. Здѣсь, между прочимъ, благодаря стараніямъ Абдулъ-Хаира, вступили въ подданство Россіи каракалпаки.

Въ декабрѣ 1732 г. Абдулъ-Хаиръ приблизился къ границамъ Россіи и отправилъ Тевкелева вмѣстѣ съ послами отъ себя въ Петербургъ. Посольство состояло изъ сына хана Эрали-султана, изъ нѣсколькихъ киргизскихъ старѣйшинъ; къ нимъ еще Абдулъ-Хаиръ безъ всякаго основанія присоединилъ старѣйшинъ Большой Орды Араль-бая и Арасгельды-Батыра.

Посольство это вмѣстѣ съ Тевкелевымъ въ январѣ 1733 г. прибыло въ Уфу. Тевкелевъ, остановивъ посольство въ Уфѣ, самъ поспѣшилъ въ Петербургъ извѣстить правительство о прибытіи пословъ отъ Абдулъ-Хаира. Въ январѣ 1734 г. посольство въ сопровожденіи того же Тевкелева, успѣвшаго вернуться въ Уфу, прибыло въ Петербургъ, а въ февралѣ этого же года представлялось императрицѣ.

Правительство, желая всесторонне обсудить этотъ важный вопросъ присоединенія новыхъ подданныхъ, задержало на нѣкоторое время посольство Абдулъ-Хаира въ Петербургѣ. Однако, чтобы не

оставлять хана въ безызвѣстности объ участи его сына, отправила 20-го апрѣля 1734 г. къ Абдулъ-Хаиру двухъ киргизовъ съ письмомъ. Въ письмѣ была изъявлена благодарность хану за его старанія привести въ подданство Россіи Большую и Среднюю Орды; затѣмъ объявлено, что его сынъ и все посольство были приняты императрицей очень милостиво, и что они скоро будутъ отправлены назадъ и, наконецъ, хану было велѣно жить въ мирѣ и согласіи съ каракалпаками и другими Ордами.

Между тѣмъ, успокоивъ такимъ образомъ на время хана, правительство приступило къ разсмотрѣнію его обѣщаній и обязательствъ относительно Россіи, а также его требованій.

Всѣ обязательства Абдулъ-Хаира можно было разбить на 4 категоріи: во-1-ыхъ, онъ обязывался охранять безопасность россійскихъ границъ, смежныхъ съ землями его Орды; во-2-ыхъ, защищать наши купеческіе караваны и провожать ихъ черезъ киргизскія степи; въ-3-ихъ давать изъ своихъ подвластныхъ подкрѣпленія русскому войску въ случаѣ нужды и въ-4-ыхъ, платить дань (яссакъ) звѣриными шкурами.

Однако ни одного изъ этихъ своихъ обязательствъ Абдулъ-Хаиръ не могъ исполнить, такъ какъ не имѣлъ достаточно власти надъ своимъ народомъ, подобно всѣмъ наслѣдовавшимъ ему ханамъ.

Изъ просьбъ Абдулъ-Хаира особеннаго вниманія заслуживаютъ двѣ: во-1-ыхъ, объ утвержденіи ханскаго достоинства въ его родѣ на вѣчныя времена и, во-2-ыхъ, о постройкѣ при впаденіи р. Ори въ р. Уралъ города съ крѣпостью, куда могъ бы онъ укрыться въ случаѣ опасности.

Обѣ эти просьбы Абдулъ-Хаира были удовлетворены; приведеніе ихъ въ исполненіе было поручено статскому совѣтнику Кириллову.

Кирилловъ, снабженный обширной и подробной инструкціей, достаточной военной силой и артиллеріей, а также хорошими средствами (для издержекъ ему была предоставлена часть офицерскихъ доходовъ), выѣхалъ изъ Петербурга вмѣстѣ съ посольствомъ Абдулъ-Хаира и Тевкелевымъ 15-го іюня 1734 г., имѣя при себѣ двѣ императорскія грамоты: Абдулъ-Хаиру и Шемакѣ-хану.

Городъ, просимый Абдулъ-Хаиромъ, былъ заложенъ Кирилловымъ 15-го августа 1735 г. на мѣстѣ нынѣшней Орской крѣпости и былъ названъ Оренбургомъ. Весной 1736 г., когда были возведены укрѣпленія и введены внутрь войска, Кирилловъ послалъ къ Абдулъ-Хаиру султана Ніаза съ приглашеніемъ въ новый городъ на свиданіе. Свиданіе это не состоялось вслѣдствіе смерти Кириллова. Татищеву, преемнику Кириллова въ Оренбургской экспедиціи, пришлось довольно часто видѣться съ Абдулъ-Хаиромъ.

Въ концѣ 1737 г. ханъ предложилъ правительству свои услуги въ дѣлѣ усмиренія взбунтовавшихся башкирцевъ, что ему и было разрѣшено указомъ 30-го декабря 1737 г., съ тѣмъ, однако, чтобы Абдулъ-Хаиръ, наказывая мятежниковъ, по возможности щадилъ жизнь и имущество вѣрныхъ России башкирцевъ. Абдулъ-Хаиръ же, вопреки волѣ правительства, два мѣсяца грабилъ Башкирію, не разбирая правыхъ и виноватыхъ, и, по слухамъ, хотѣлъ даже сына своего сдѣлать ханомъ башкирскимъ. Все это заставило правительство распорядиться объ удаленіи Абдулъ-Хаира изъ предѣловъ Башкиріи, что и было исполнено Татищевымъ въ мартѣ 1738 г. безъ ссоры, благовиднымъ образомъ — лишь сынъ Абдулъ-Хаира Эрали-султанъ былъ оставленъ въ Оренбургѣ въ качествѣ заложника. 3-го августа 1738 г. состоялось свиданіе Абдулъ-Хаира съ Татищевымъ, котораго послѣдній добивался съ іюля мѣсяца.

Абдулъ-Хаиръ, чувствуя за собой вину за башкирскіе грабежи и думая, что Татищевъ хочетъ его наказать, все откладывалъ это свиданіе подъ разными предлогами и только убѣжденный Тевкелевымъ согласился пріѣхать въ Оренбургъ.

Во время свиданія Абдулъ-Хаиръ произнесъ рѣчь съ изъявленіемъ своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ и вторично присягнулъ вмѣстѣ со своимъ сыномъ Нурази и свитой на вѣрность въ подданствѣ императрицѣ.

За этимъ первымъ свиданіемъ Абдулъ-Хаира съ Татищевымъ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ, происходившихъ то въ Оренбургѣ, то подъ Оренбургомъ, то въ самой ставкѣ хана. На этихъ свиданіяхъ Абдулъ-Хаиръ упросилъ Татищева

отпустить его сына Эрали въ Орду, а на мѣсто его взять въ Оренбургъ другого сына, Хаджу-Ахмета; самъ же, междупрочимъ, обѣщалъ: во-1-ыхъ, освободить изъ неволи и доставить въ Россію всѣхъ плѣнныхъ русскихъ, находящихся въ Киргизскихъ Ордахъ, и, во-2-ыхъ, въ знакъ изъявленія покорности пожелалъ отправить въ 1739 г. свою супругу Ханыпу-Папай къ русскому двору.

Въ 1740 г. кн. Урусовъ, назначенный на мѣсто Татищева въ Оренбургъ, приглашалъ Абдулъ-Хаира на свиданіе, но ханъ отказался, отговариваясь болѣзнью и отдаленностью своей стоянки, и прислалъ вмѣсто себя своихъ сыновей: Нурали и Эрали, въ сопровожденіи ихъ наставника Батыра Джанибека, человѣка очень уважаемаго киргизами.

Черезъ сыновей Абдулъ-Хаиръ просилъ дать ему нѣсколько пушекъ для войны съ хивинцами и построить городъ на р. Сырѣ, приказавъ кому-нибудь предварительно осмотрѣть и снять планъ мѣста будущаго города. Въ первой просьбѣ хану было отказано; вторая же просьба была принята во вниманіе и съ цѣлью снятія карты мѣстности предполагаемаго города были посланы геодезистъ Муравинъ и инженеръ Назимовъ. Въ томъ же 1740 г. Абдулъ-Хаиръ нарушилъ свою вѣрноподданническую присягу, пославъ 3.000 киргизовъ для разоренія волжскихъ калмыковъ, находящихся въ русскомъ подданствѣ.

Въ 1741 г. Абдулъ-Хаиръ овладѣлъ Хивой и находился въ ней, когда въ предѣлы Хивинскаго царства вторгся персидскій шахъ Надиръ. Навстрѣчу шаху Абдулъ-Хаиръ послалъ гедезиста Муравина съ просьбой оставить его хивинскимъ ханомъ. Шахъ принялъ очень ласково Муравина и велѣлъ передать Абдулъ-Хаиру, чтобы онъ самъ явился въ станъ персидскій.

Однако Абдулъ-Хаиръ въ силу какихъ-то обстоятельствъ не исполнилъ требованія Надира и ушелъ изъ Хивы въ свою Орду.

Въ 1742 г. зюнгарскій ханъ Гальданъ-Циренъ послалъ вооруженный отрядъ съ цѣлью наказать Орду Абдулъ-Хаира за частые грабежи. Абдулъ-Хаиръ обратился къ Русскому правительству съ просьбой впустить его, въ случаѣ опасности, въ Оренбургскую крѣпость, гдѣ онъ могъ бы укрыться отъ враговъ—это ему было разрѣшено.

Впрочемъ, на самомъ дѣлѣ хану не пришлось вступать въ вооруженное столкновеніе съ зюнгарскимъ войскомъ. Онъ предупредилъ полководца, что готовъ повиноваться зюнгарскому хану и дать ему заложниковъ, но прежде долженъ посовѣтоваться съ Неплюевымъ, новымъ начальникомъ Оренбурга. Послѣдній же объяснилъ зюнгарскимъ посламъ, которые вмѣстѣ съ Абдулъ-Хаиромъ пришли къ нему въ Оренбургъ, что ханъ, какъ русскій подданный, не можетъ вступать въ какія-либо сношенія съ самостоятельными владѣльцами, а тѣмъ болѣе давать заложниковъ безъ особаго разрѣшенія. Абдулъ-Хаиръ на это и расчитывалъ; такимъ образомъ, онъ остался правъ и передъ зюнгарами, и передъ Русскимъ правительствомъ. Въ августѣ 1742 г. Абдулъ-Хаиръ съ сыномъ своимъ Эрали, нѣсколькими султанами и старѣйшинами присягалъ на вѣрность въ подданствѣ Императрицѣ Елизаветѣ. Въ 1743 г. Абдулъ-Хаиръ, озлобленный отказомъ правительства принять заложникомъ его побочнаго сына Чингиза вмѣсто султана Хаджи-Ахмета, сталъ поощрять своихъ подданныхъ къ нападенію на русскія пограничныя владѣнія; въ предводители этихъ разбойничьихъ шаекъ ханъ далъ своего родственника султана Дершибали. Эти разбойники нападали даже на укрѣпленные форпосты и крѣпости, убивая и грабя все, что имъ попадалось подъ руку.

Указъ, данный Неплюеву 31 октября 1743 г., которымъ ему приказывалось захватывать въ заложники знатныхъ киргизовъ, а также и слухъ о походѣ русскихъ въ Зауральскія степи заставили на время смириться Абдулъ-Хаира.

Въ началѣ 1744 г. ханъ опять началъ нападать на пограничныя владѣнія и грабить караваны, шедшіе изъ Астрахани въ Хиву. Между прочимъ, Абдулъ-Хаиръ остановилъ и ограбилъ караванъ поручика Гладышева, шедшій изъ Оренбурга къ каракалпакамъ съ грамотой Императрицы. Эти неистовства Абдулъ-Хаира продолжались вплоть до 1745 г. Въ началѣ этого года ханъ опять смирился. Хотя онъ и позволялъ себѣ грубости въ сношеніяхъ съ Неплюевымъ, но нападеній не дѣлалъ

и тогда же въ своемъ аулѣ присягалъ на вѣрность Петру III, наслѣднику Императрицы Елизаветы, а кромѣ того возвратилъ около 30 человѣкъ плѣнныхъ русскихъ и калмыковъ.

Въ сентябрѣ 1745 г. Абдулъ-Хаиръ жаловался письменно правительству на Неплюева, увѣряя, что, кромѣ личной ссоры съ этимъ начальникомъ и кромѣ неудовольствія за отказъ замѣнить сына его Хаджи-Ахмета Чингисомъ, онъ другихъ непріязненныхъ чувствъ къ Россіи не питаетъ. Въ это же время Ханъ принималъ посольство изъ Хивы, жители которой просили сына его Нурали къ себѣ въ ханы, а также просили у Абдулъ-Хаира защиты отъ нападеній туркменцевъ. Письма хивинцевъ Абдулъ-Хаиръ отправилъ Неплюеву, прося у него совѣта.

Въ февралѣ 1746 г. Ханъ, все еще питавшій ненависть къ Русскому правительству, а особенно къ Неплюеву, за неудовлетвореніе его просьбы о сынѣ, съ частью своей Орды перешелъ по льду Каспійскаго моря въ калмыкскія степи противъ устьевъ Урала и подъ Краснымъ Яромъ разгромилъ калмыковъ, взялъ въ плѣнъ около 700 чел., перебилъ около 100 и угналъ множество разнаго скота. Месть хана не ограничилась этимъ: когда къ нему пріѣхалъ переводчикъ съ бумагами отъ Неплюева, онъ посадилъ этого несчастнаго въ тюрьму, гдѣ и продержалъ цѣлый годъ. Въ этомъ же году Абдулъ-Хаиръ уговаривалъ своихъ киргизовъ уйти отъ Россіи на югъ въ пески и безплодныя степи, и когда тѣ отказались исполнить его безразсудное требованіе, онъ пожаловался на нихъ русскому пограничному начальству, выдавая ихъ истинными виновниками всѣхъ безпокойствъ.

Въ январѣ 1747 г. Абдулъ-Хаиръ снова напалъ на улусы волжскихъ калмыковъ, но на этотъ разъ потерпѣлъ полнѣйшую неудачу: онъ потерялъ много людей при переходѣ по льду Каспійскаго моря (ледъ благодаря оттепели сталъ проваливаться); много киргизовъ было перебито русскими казаками, поджидавшими хана въ Уральскихъ горахъ.

Изыскивая средства во что бы то ни стало отомстить русскимъ, ханъ, между прочимъ, въ томъ же 1747 г. искалъ сношеній съ Персіей.

Между тѣмъ правительство, не желая заводить ссоры съ Абдулъ-Хаиромъ и желая показать ему свое снисхожденіе, въ концѣ 1747 г. послало въ Оренбургъ Тевкелева съ тѣмъ, чтобы онъ уговорилъ хана помириться съ Неплюевымъ и укротилъ его своими совѣтами. Тевкелеву также было поручено возвратить хану сына его Хаджи-Ахмета, замѣнивъ другимъ какимъ-либо, рожденнымъ, однако, отъ Ханыши.

О результатахъ этой миссіи Тевкелева трудно судить, такъ какъ тутъ вскорѣ случилась смерть хана, однако онъ обнаружилъ нѣкоторыя миролюбивыя стремленія.

Лѣтомъ 1748 г. ханъ пріѣзжалъ въ Орскую крѣпость для свиданія съ Неплюевымъ, отдалъ въ заложники своего законнаго сына Айчувака, присоединивъ къ нему дѣтей нѣсколькихъ своихъ старѣйшинъ; кромѣ того, онъ далъ письменное обязательство въ томъ, что вернетъ всѣхъ русскихъ, взятыхъ въ плѣнъ, и что впредь его Орда не будетъ нападать на Русскія владѣнія.

Впрочемъ ханъ до конца своей жизни продолжалъ вести двуличную политику—такъ, возвратившись изъ Орской крѣпости, онъ послалъ пословъ къ зюнгарскому хану съ предложеніемъ въ замужество своей дочери, самъ же съ толпой киргизовъ пошелъ на разграбленіе каракалпаковъ, русскихъ подданныхъ. Смерть Абдулъ-Хаира произошла осенью 1748 г.: онъ былъ убитъ султаномъ Баракомъ. Съ Баракомъ ханъ встрѣтился въ землѣ каракалпаковъ, надъ которыми оба эти владѣльца имѣли нѣкоторую власть. Баракъ разгромилъ и обратилъ въ бѣгство толпу Абдулъ-Хаира, вмѣстѣ со своими людьми бѣжалъ и ханъ. Султанъ Шигай, сынъ Барака, нагналъ хана и ударомъ копья сшибъ его съ лошади, а подоспѣвшій Баракъ уже докончилъ дѣло.

По смерти Абдулъ-Хаира ханомъ былъ выбранъ сынъ его Нурали, которому даровано было новое достоинство: онъ сталъ называться ханомъ Киргизъ-Кайсацкимъ. Утвержденіе Нурали въ новомъ достоинствѣ и утвержденіе его избранія послѣдовало въ указѣ Императрицы 26 февраля 1749 года.

«Описаніе Киргизъ-Кайсацкихъ Ордъ и степей», соч. Левшина. 1832 г. С.-Пб.; «Этнографическіе и историческіе матеріалы по Средней Азіи и Оренбургскому краю», соч. Галкина. 1869 г. С.-Пб.;

Старковъ, «Краткое обозрѣніе Киргизской степи» въ «Тобольскихъ Губернск. Вѣдомост.» 1860 г.; Вельяминовъ-Зерновъ, «Историческія извѣстія о киргизъ-кайсакахъ и сношеніяхъ Россіи съ Средней Азіей». Уфа. 1853 г. (изъ «Оренб. Губ. Вѣдом.»); «Очерки исторіи киргизскаго народа» («Матеріалы для статистики Туркестанскаго края»), вып. II, 1873 г. *В. Ахтямовъ.*

Чингизъ, *Султанъ-Джангиръ, ханъ* Малой Киргизской Орды, родившійся около 1802 года, происходилъ изъ древняго ханскаго рода, владѣвшаго въ предшествовавшемъ столѣтіи Малой и частью Средней киргизской Орды, и былъ сыномъ султана Букея, внука извѣстнаго Абдулъ-Хаира (см. выше). По смерти отца, послѣдовавшей въ 1815 году, Джангиръ остался 13-ти-лѣтнимъ мальчикомъ, и поэтому въ управленіе Ордой вступилъ временно братъ покойнаго хана, Шигай. Въ 1824 году Джангиръ, по достиженіи совершеннолѣтія, былъ формально утвержденъ въ ханскомъ достоинствѣ и до самой своей смерти въ 1845 году занималъ этотъ высокій постъ, успѣлъ выказать свои блестящія административныя способности. Этотъ замѣчательный человѣкъ, не получивъ почти никакого образованія, собственными силами такъ развилъ себя, что далеко поднялся надъ умственнымъ уровнемъ своихъ единоплеменниковъ, и благодаря этому съумѣлъ привить дикой Ордѣ многія хорошія качества цивилизованныхъ обществъ. До Джангира Букеевскіе киргизы ни въ образѣ жизни, ни въ администраціи, ни въ характерѣ, составлявшемъ смѣсь дикаго своеволія и раболѣпія, жестокости и добродушія, ничѣмъ не отличались отъ другихъ киргизовъ. Джангиръ-ханъ первый словомъ и примѣромъ старался привить своему народу наклонность къ осѣдлой жизни. Первое заселеніе въ Ордѣ началось основаніемъ на оконечности Рынъ-песковъ Ханской Ставки и возведеніемъ хану по Высочайшей милости на счетъ казны дома. Впослѣдствіи произведены постройки мечети, дома для ахуна и другихъ домовъ, а также большихъ корпусовъ лавокъ для ярмарки, которую Ханъ намѣревался открыть съ цѣлью усиленія сношеній съ сосѣдями и сбыта продуктовъ скотоводства. Далѣе, ханъ предложилъ нѣкоторымъ султанамъ и многимъ торговцамъ послѣдовать его примѣру и, выстроивъ въ Зимней Ставкѣ дома и лавки, поселиться тамъ навсегда. Какъ тѣ, такъ и другіе не замедлили воспользоваться предложеніемъ, которое однимъ сулило милости хана, а другимъ—выгоды. Такъ возникла Ханская Ставка.

Этотъ примѣръ хана и его личныя убѣжденія побудили родоначальниковъ и старшинъ строить въ своихъ зимовьяхъ дома и землянки и положить такимъ образомъ прочное основаніе осѣдлой жизни киргизовъ. Въ 1832 году при Ханской Ставкѣ по волѣ хана были учреждены двѣ ярмарки: одна съ 15-го апрѣля по 15-ое мая, другая съ 15-го сентября по 15-ое октября. Ярмарки эти не мало способствовали развитію сношеній съ сосѣдними татарами и русскими, развитію торговли, прежде крайне безпорядочной, и наконецъ, какъ необходимое послѣдствіе всего этого,—развитію потребностей народа, повлекшему за собой реформу въ области хозяйственной: скотоводство, единственный источникъ народнаго благосостоянія, велось до этого самымъ первобытнымъ способомъ: киргизы круглый годъ кочевали со скотомъ по всей степи и держали его на подножномъ корму даже зимой. Джангиръ настоялъ на введеніи опредѣленныхъ для каждаго рода участковъ кочеванія и на введеніи сѣнокошенія, а въ 1840 году исходатайствовалъ у правительства назначеніе въ Орду ветеринара. Это сильно повліяло на развитіе скотоводства и на усиленіе вывоза продуктовъ его. Насколько значителенъ былъ этотъ вывозъ, можно видѣть изъ сообщенія «Журнала Торговли и Мануфактуръ»: такъ, въ 1828 году киргизы продали однимъ только русскимъ купцамъ: 400.000 головъ овецъ, 3.000 лошадей, 4.000 пудовъ козьей шерсти, 15.000 лошадиныхъ кожъ, 100.000 овечьихъ кожъ, 10.000 заячьихъ кожъ и 10.000 пудовъ овечьяго жиру,—всего приблизительно по цѣнамъ того времени на 3.000.000 рублей. Съ введеніемъ же ярмарокъ цифры эти значительно повысились. Въ видахъ торговыхъ и административныхъ сношеній съ различными частями Орды ханъ проложилъ по всѣмъ направленіямъ дороги, облегчавшія перевозку товаровъ, безопасныя въ отношеніи разбойничьихъ нападеній и, кромѣ того, снабженныя въ различныхъ пунктахъ лошадьми для проѣзжающихъ.

заботы хана о своемъ народѣ и о болѣе или менѣе нормальныхъ отношеніяхъ его къ Россіи далеко не ограничились стараніемъ завязать торговыя отношенія съ русскими: съумѣвъ съ самаго утвержденія своего въ ханскомъ достоинствѣ поставить себя въ строго-опредѣленное положеніе по отношенію къ русскому правительству, онъ старался однако, согласовать его желанія со своими и съ желаніемъ народа, въ чемъ почти всегда успѣвалъ. Это положеніе Джангира предоставляло ему самыя широкія полномочія, что видно изъ постановленій, опредѣлявшихъ права и власть хана: 1) грамотой, Высочайше дарованной хану Джангиру, внутреннее управленіе Ордой возложено на него; 2) сводомъ законовъ Джангиру предоставлено право суда надъ подвластными ему киргизами. Впрочемъ въ судебную компетенцію хана входили не всѣ преступленія; такъ изъ его вѣдѣнія изъяты: уголовныя преступленія, государственная измѣна и т. подоб. болѣе или менѣе важныя преступленія.

7-го апрѣля 1828 года по Высочайше утвержденному положенію Азіатскаго Комитета при ханѣ утвержденъ совѣтъ изъ 12 біевъ, или совѣтниковъ, которые должны были «содѣйствовать хану совѣтами и мнѣніями по управленію». Какъ главное лицо въ Ордѣ, ханъ имѣетъ право входить въ сношенія съ правительствомъ по своимъ предначертаніямъ, клонящимся къ улучшенію быта киргизовъ и ихъ нравственнаго состоянія». Для текущаго дѣлопроизводства ханъ имѣлъ при себѣ канцелярію. Разсылка бумагъ по Ордѣ производилась черезъ учрежденныхъ предписаніемъ Джангира родоправителямъ отъ 29-го ноября 1840 года вѣстовыхъ. Они были избраны изъ благонадежныхъ киргизовъ по одному отъ каждаго рода и получали на содержаніе въ Ставкѣ себя и верховой лошади по 128 р. сер. каждый отъ своего рода. Всѣ расходы по управленію ханъ покрывалъ собираемыми съ киргизовъ податями, которыя предоставлялись правительствомъ въ безотчетное его распоряженіе.

Доходы хана состояли изъ «зекетъ». До Джангира эта подать, равнявшаяся 1/40 части скота каждаго киргиза, выплачивалась натурой, такъ какъ какой-либо нормы въ оцѣнкѣ скота не было установлено. Ханъ установилъ эту норму, предполагая считать стоимость лошади въ 15 р. сер., рогатаго скота—8 р. с. и т. д. Затѣмъ, собравъ ежегодно передъ взносомъ податей свѣдѣнія отъ старшинъ о количествѣ скота въ Ордѣ, онъ вычислилъ общую сумму податей и распредѣлялъ ее по различнымъ округамъ. Такимъ образомъ онъ могъ облегчать по своему усмотрѣнію положеніе наиболѣе бѣдныхъ округовъ. Кромѣ того, по распоряженію хана, киргизъ, имѣющій скота менѣе чѣмъ на сто руб., не уплачивалъ зекета. Общая сумма сбора, по донесенію самого хана, колебалась между 72.000 р. и 92.000 р. с., между тѣмъ, если бы была сохранена прежняя система, то съ 2.000.000 головъ разнаго скота, числившагося въ Ордѣ, ежегодно приходилась бы сороковая часть, равная 50.000 головъ, что по самой низкой оцѣнкѣ въ 2—3 раза превышало установленный ханомъ ежегодный сборъ.

Другой видъ подати—«сугумъ» установленное по обычаю приношеніе киргизовъ своему хану на содержаніе его семейства и на угощеніе пріѣзжающихъ въ Ханскую Ставку для разбирательства спорныхъ дѣлъ лицъ. Она собиралась обыкновенно въ размѣрѣ одной рогатой скотины или 6 головъ овецъ съ каждыхъ 5 кибитокъ. Ханъ и сюда ввелъ денежную расцѣнку, хотя подать эта принималась преимущественно натурой.

Третій видъ подати—сборъ на содержаніе вѣстовыхъ—введенъ былъ ханомъ съ веденіемъ послѣднихъ.

Всѣ эти преобразованія въ финансовой области были направлены къ возможно большему облегченію бремени податей, неблагопріятно отражавшихся на хозяйствѣ киргизовъ. Однако, двигая свой народъ по пути матеріальнаго преуспѣянія, Джангиръ не забывалъ и нравственной стороны его жизни. Хотя киргизы уже давно приняли магометанство, однако рѣдкіе изъ нихъ понимали сущность своей религіи. Унихъ, какъ вообще у кочевниковъ, существовала такая масса суевѣрій, что изъ за нихъ невозможно было усмотрѣть даже основного принципа магометанства—единобожія.

Духовенство состояло изъ 15 муллъ

на всю Орду, да и эти муллы мало чѣмъ отличались отъ своихъ прихожанъ. Джангиръ понималъ, что оставляя дѣло въ томъ же положеніи, онъ рискуетъ никогда не вывести свой народъ изъ темноты. Онъ пригласилъ наиболѣе развитыхъ татарскихъ муллъ, способныхъ повліять на народъ, поставилъ одного ахуномъ въ Ставкѣ, далъ ему нѣсколько помощниковъ, а другихъ разослалъ по всей Ордѣ, предварительно снабдивъ указами, точно выясняющими обязанности ихъ. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ обязанностей:

1) строить мечети и училища;

2) малолѣтнихъ учить грамотѣ;

3) несвѣдущимъ толковать всѣ правила религіи;

4) внушать и увѣщевать киргизовъ не дѣлать между собой никакихъ насилій, почитать, уважать и быть всегда покорными государю императору и своему начальству и т. д.

Муллы, снабженные указами, назывались «указными»—ихъбыло 126 человѣкъ

Однако ханъ, заботившійся какъ видно изъ этого, о религіозномъ и нравственномъ просвѣщеніи своегонарода, не ограничивался этимъ: онъ отлично понималъ, до чего низокъ умственный уровень киргизовъ и какъ необходимо поднять его. Это видно изъ словъ самого хана, сказанныхъ имъ въ Казани, куда онъ заѣхалъ, возвращаясь въ 1826 году изъ Петербурга съ коронаціи императора Николая I. Въ Казани, между прочимъ, онъ изъявилъ желаніе осмотрѣть Университетъ. Желаніе его было исполнено и онъ въ сопровожденіи профессоровъ прошелъ по всѣмъ отдѣламъ Университета, любознательно разспрашивая о заинтересовавшихъ его приборахъ. При прощаніи онъ сказалъ сопровождавшимъ его лицамъ, что желалъ бы, чтобы и его сыновья получили образованіе въ Университетѣ, и въ заключеніе прибавилъ: «Время, чтобы наши киргизы чему-нибудь научились и вышли изъ дикаго состоянія; я хочу сдѣлать тому начало открытіемъ училищъ». Но только спустя 15 лѣтъ хану удалось привести въ исполненіе свое благое намѣреніе; 6-го декабря 1841 года открыто имъ при Ставкѣ его на Рынъ-пескахъ училище, «съ цѣлью, чтобы доставить дѣтямъ султановъ и старшинъ возможность какъ къ соотвѣтствующему ихъ положенію въ Ордѣ первоначальному образованію; такъ и къ дальнѣйшему обученію способнѣйшихъ въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ». Чтобы убѣдить султановъ и старшинъ въ необходимости образованія, онъ отдалъ во вновь открытое училище двоихъ своихъ сыновей. Училище это помѣщалось въ домѣ, выстроенномъ для этого на ханскія деньги и содержалось на счетъ хана же. Изъ этого училища способнѣйшіе поступали въ Оренбургскій Неплюевскій Кадетскій Корпусъ, а дѣти хана Джангира, «въ ознаменованіе особеннаго вниманія къ заслугамъ хана по управленію Ордой», помѣщены въ Пажескій Его Императорскаго Величества Корпусъ.

Изъ другихъ нововведеній Джангира необходимо отмѣтить, во-первыхъ, приглашеніе въ 1830 году въ Орду постояннаго оспопрививателя, во-вторыхъ, назначеніе въ Ханскую Ставку, по ходатайству Джангира, медика, съ жалованіемъ отъ казны и правами государственной службы. Такимъ образомъ Джангиръ ханъ, поднявъ матеріальное благосостояніе киргизовъ, поднявъ ихъ умственный и нравственный уровень, первый двинулъ ихъ по пути мирной гражданственности и, вмѣсто буйныхъ, непокорныхъ сосѣдей, постоянно нападавшихъ на русскіе предѣлы и только номинально подвластныхъ русскому правительству, оставилъ послѣ своей смерти, послѣдовавшей 11-го августа 1845 года, около 190.000 мирныхъ вѣрноподданныхъ гражданъ. Правительство достойно оцѣнило заслуги хана: ханъ Джангиръ былъ пожалованъ чиномъ генералъ - майора, имѣлъ двѣ золотыя медали съ брилліантовыми украшеніями и съ потретомъ государя императора на Анненской и Андреевской лентѣ, двѣ звѣзды ордена св. Анны 1-ой степени: одну съ алмазными украшеніями, а другую съ императорской короной, Высочайше дарованную соболью шубу и золотую съ драгоцѣнными камнями саблю.

Личныхъ воспоминаній о Джангирѣ много, такъ какъ онъ отличался замѣчательной общительностью и съ удовольствіемъ принималъ всѣхъ, кто бы къ нему ни пріѣзжалъ.

Изъ нихъ можно упомянуть, напр., о «Запискахъ» Гебеля, профессора химіи и фармаціи въ Дерптскомъ Университетѣ, въ 1834 г. посѣтившаго хана. Онъ очень хорошо отзывается о ханѣ и съ удивленіемъ говоритъ о его хорошемъ русскомъ произношеніи.

«Казанскій Вѣстникъ» 1826 г., ч. 18, кн. 12: «Пребываніе въ Казани Киргизскаго хана Джангира», «Астраханск. Губерн. Вѣдом.» 1845 г., №№ 45—47: «Поѣздка въ ставку Джангиръ-Букеева» «Современникъ» 1851 г., т. 29., Евреиновъ, «Внутренняя или Букеевская Киргизъ-Казачья Орда»; «Отечественныя Записки» 1848 г., т. 58, № 6: «Взглядъ на Внутреннюю Киргизскую Орду»; Оленицкій: «Очерки Зауральской степи и Внутренней Букеевской Орды», Москва, 1859 г.; Старковъ: «Краткое обозрѣніе Киргизской степи» въ «Тобольск. Губерн. Вѣдом.» 1860 г.; «Сводъ Законовъ», т. II, кн. VII, V разд., ст. 733; т. XV, ст. 179, § 4. Изд. 1842 г.; Ханыковъ, «Очеркъ состоянія Внутренней Киргизской Орды въ 1841 г.», «Записки Имп. Русск Географич. Общества“, 1849 г., кн. 1—2; Харузинъ, «Степные очерки», М. 1888; его же „Киргизы Букеевской Орды“ М. 1889—1891 вып., 1—2, «Труды Антропологич. отдѣла Имп. Общества любителей естествознанія», т. XIII и XIV; «Памятная книжка Астраханской губ. на 1891 г.» *В. Ахтямовъ.*

Чинчикъ, *Павелъ Ивановичъ*, генералъ-маіоръ; командиръ 1-й бригады XV-й пѣхотной дивизіи. Родился 15-го января 1786 г. въ г. Сосницѣ и происходилъ изъ дворянской семьи. Въ 1800 г. Ч. поступилъ на службу въ Невскій пѣхотный полкъ подпрапорщикомъ. Въ теченіе отечественной войны Ч. вмѣстѣ съ Невскимъ полкомъ сначала участвовалъ въ сраженіяхъ съ пруссаками у Роне, а затѣмъ, 19-го сентября 1812 г. и 1-го и 2-го ноября въ сраженіяхъ при Чашникахъ и мызѣ Смольянахъ, гдѣ получилъ рану, и за отличіе награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ. Въ 1816 г. Ч. былъ произведенъ въ маіоры и назначенъ баталіоннымъ командиромъ Подольскаго пѣхотнаго полка. Въ 1827 г. Ч. былъ назначенъ полковымъ командиромъ Бѣлостокскаго пѣхотнаго полка. Во время усмиренія польскихъ мятежниковъ въ 1831 г. Ч. участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, и въ одномъ получилъ контузію, а за отличіе въ сраженіи при д. Гроховѣ 13-го февраля, награжденъ золотою саблей съ надписью «за храбрость». Въ 1832 г. Ч. былъ назначенъ командиромъ 1-й бригады XV-й пѣхотной дивизіи. Въ 1833 г. по болѣзни, возникшей отъ полученной въ 1831 г. контузіи, Ч. былъ уволенъ отъ службы въ чинѣ генералъ-маіора. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ въ г. Сосницѣ а затѣмъ, переселился въ Новгородъ-Сѣверскій уѣздъ. Въ 1841 г. Ч. былъ избранъ предводителемъ дворянства Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда. Ч. умеръ 26-го февраля 1854 г. въ своемъ имѣніи близъ Новгородъ-Сѣверска.

„Черниговскія Губернскія Вѣдомости,“ 1854 г., № 23, стр. 161, 162. *А. Трика.*

Чириковъ, *Алексѣй Ильичъ*, капитанъ-командоръ, спутникъ Беринга въ его экспедиціяхъ, началъ службу гардемариномъ флота въ 1716 году. За отличные успѣхи въ наукахъ, въ 1721 г. произведенъ въ унтеръ-лейтенанты, а въ слѣдующемъ году былъ опредѣленъ въ команду капитана Казинскаго для обученія гардемаринъ. Дѣло онъ повелъ настолько успѣшно, что впослѣдствіи, когда у начальства его былъ сдѣланъ о немъ запросъ, то послѣднее дало самый лестный отзывъ, въ силу котораго онъ «другимъ не въ образецъ» въ 1725 г. былъ произведенъ въ лейтенанты и такимъ образомъ получилъ право сдѣлаться однимъ изъ главныхъ помощниковъ Беринга. Послѣдній при отправленіи въ первую свою экспедицію самъ просилъ назначить ему Чирикова, въ ту пору еще совсѣмъ молодаго офицера, но уже обратившаго, какъ выше сказано, на себя вниманіе своими способностями и знаніями. Во время путешествія Чириковъ велъ журналъ, который содержитъ нѣкоторыя любопытныя подробности, отсутствующія въ судовомъ журналѣ Чаплина, на котораго было возложено его веденіе. По возвращеніи изъ путешествія въ Петербургъ Чириковъ былъ назначенъ начальникомъ придворныхъ яхтъ. Въ 1733 произведенный въ капитаны онъ былъ назначенъ во вторую Камчатскую экспедицію, и въ 1740 г., 8-го сентября, командуя пакетботомъ Св. Павелъ, подъ начальствомъ Беринга, командовавшаго пакетботомъ св. Петръ, вышелъ въ Охотское море для изслѣдованія въ Авачинской губѣ, куда пришелъ 27-го сентября. Прозимовавъ вмѣстѣ съ Берингомъ во вновь основанной Петропавловской гавани, они въ слѣдующемъ году опять вышли въ море, держа на востокъ съ цѣлью найти

берега Америки. Потерявъ въ одну изъ ночей корабль своего начальника, Чириковъ продолжалъ путь одинъ, и 15-го іюля на шир. 45° 21, открылъ берегъ Америки. Чириковъ выслалъ на берегъ одну за другой двѣ шлюпки съ матросами, но онѣ не вернулись, и онъ принужденъ былъ, прождавъ ихъ нѣсколько времени, оставить намѣреніе осмотрѣть берегъ и вернуться обратно въ Петропавловскъ. На слѣдующій годъ онъснова вышелъ въ море въ поиски за своимъ начальникомъ и въ это время открылъ на шир. 52° остр. Св. Ѳеодора, подходилъ даже къ тому острову, гдѣ находились въ то время несчастные спутники Беринга, но только съ другой стороны, и съ приближеніемъ осени, зайдя въ Петропавловскъ, вернулся въ Охотскъ. Послѣднія плаванія очень разстроили здоровье Чирикова, экипажъ котораго, послѣ потери шлюпокъ, долженъ былъ страдать отъ недостатка воды, весь почти переболѣлъ цингою и понесъ большія потери въ лицѣ многихъ товарищей. Въ 1744 году Чириковъ получилъ возможность вернуться въ Петербургъ и былъ назначенъ (въ 1746 г.) присутствовать въ академической экспедиціи. Но здоровье его было на столько расшатано, что онъ вскорѣ умеръ, получивъ за годъ до смерти, послѣдовавшей въ декабрѣ 1748 г., чинъ капитанъ-командора. Умеръ Чириковъ бѣднякомъ, оставивъ по себѣ долги, семейство, едва снискивавшее себѣ дневное пропитаніе, да добрую славу безкорыстнаго, скромнаго труженика на пользу науки и русской земли.

Общій Морской Списокъ, ч. I—«Жизнеописанія первыхъ россійскихъ адмираловъ», С.-Пб. 1832; «Берингъ и Чириковъ» ст. Ак. Бера.—«Русскій Инвалидъ» 1849 г., №№ 121, 122, 123 «Берингъ и Чириковъ.» «Сѣв. Пчела» 1849 г., № 98, 99, 133, ст. Соколова; «Судьба Чирикова». «Библіографическія записки» 1861 г., т. 3, № 12; «Первое морское путешествіе Россіянъ», С.-Пб. 1823; Вахтинъ. «Русскіе труженики моря. Первая морская экспедиція Беринга для рѣшенія вопроса; соединяется ли Азія съ Америкой», С.-Пб. 1890 г. Словарь Старчевскаго, XII, 184.

Чириковъ, *Андрей Ивановичъ*, стольникъ съ 1644 г. Въ 1648—51 гг. сопутствовалъ государю Ал. Мих. во время поѣздокъ въ подмосковныя, ставалъ «на ухабахъ»; въ сентябрѣ 1648 г. отвозилъ грамоту отъ царя въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, въ 1650 г. служилъ при столѣ въ день пріема грузинскаго царя Теймураза. Въ это время «окладъ ему съ придачами помѣстной 750 чети, денегъ 42 р.», какъ значится въ Боярской кн. на 155 г. Въ 1658 г. окладъ ему «новичной помѣстный 550 чети, денегъ 25 р.» Въ 1660 г. онъ присутствовалъ при отпускѣ грузинскаго царевича Николая Давидовича, а въ 1669 г. дежурилъ при гробѣ царевича Симеона Алексѣевича. За службы 1664—65 гг. ему окладъ 130 чети, денегъ 9 р.; какого характера были эти «службы» остается не выясненнымъ. «Для объявленія блаженной памяти благовѣрнаго государя царевича 1668 г. окладъ ему 100 чети, денегъ 12 р.». Въ 1671 г. «придачи 27 р., да за перехожіе за 60 чети денегъ 3 руб.» Въ 1676 г. Ч. былъ пожалованъ комнатнымъ стольникомъ царя Ѳеод. Алекс., въ слѣдующемъ году окольничимъ и въ 1678 г. показанъ при бояринѣ Ив. Богд. Милославскомъ въ Новой Чети и въ Бѣлогороцкомъ полку. За службу 1683 г., когда онъ «былъ за Великимъ Государемъ въ Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ, придачи 70 р.». Послѣ заключенія «вѣчнаго мира» съ Польшей въ 1686 г. онъ получилъ «придачи» еще 70 р. и, наконецъ, въ 1687 г. онъ пожалованъ денежнымъ окладомъ въ 300 р. Умеръ въ апрѣлѣ 1689 г.

Доп. къ „Акт. Ист.“, т. IX. С.-Пб. 1875 г., стр. 105; т. III, С.-Пб. 1848 г., стр. 152; „Разряд. и боярскія кн.“ подъ соотвѣт. год.; Алфавит. указат. фамилій и лицъ, упом. въ боярск. кн., хранящихся въ I отд. Моск. арх. Мин. юст. Москва. 1853 „Рус. Ист. Биб.“ т. X. С.-Пб. 1886 г. стр 420; т. XI, С.-Пб., 89 г. по указат. Карм. книжка для любит. русск. стар. и народа. 1830, № 4, стр. 524. *Н. Тычино.*

Чириковъ, *Илья Ивановичъ*, пожалованъ изъ стряпчихъ въ стольники въ 1648 г. Въ 1660 г. находился при отпускѣ грузинскаго царевича Николая Давидовича; въ декабрѣ 1671 г. былъ посланъ въ Симбирскъ и Казань «спросить о здоровьѣ и сказать государскую милость» воеводамъ ратнымъ и городскимъ людямъ «за службу и нужное осадное сидѣніе» за сильное сопротивленіе шайкамъ Стеньки Разина. 1674 и 75 гг. Ч. провелъ въ Кіевѣ, откуда уволенъ по болѣзни. Въ 1677 г. назначенъ окольничимъ Новгородскаго приказа, а въ 1678—79 г.

показанъ окольничимъ при бояринѣ Ив. М. Милославскомъ въ приказахъ: Большой Казны, Большого Прихода и Новгородскомъ и во Владимірской и Галицкой четяхъ. Въ томъ же 1679 г. ему поручено собрать новый налогъ на жалованіе разнымъ людямъ — десятую деньгу съ гостей, съ гостиной, суконной и черной сотенъ. Въ 1680 г. Ч. съ тѣмъ же Милославскимъ назначенъ завѣдывать приказомъ Большой Казны, Московской таможней, Помѣрной и Мытной избами, городовыми таможнями и вообще «вѣдать всякіе денежные доходы, которые были вѣдомы въ приказѣ Большаго Приходу, кромѣ оброчныхъ, лавочныхъ и неокладныхъ пошлинныхъ денегъ, что собираются съ купчинъ и съ данныхъ лавочныхъ же и судныхъ дѣлъ». Въ это же время произошло соединеніе Новгородскаго приказа, приказа Большого Приходу, Владимирской и Галицкой четей въ одно мѣсто, «чтобы челобитчикамъ по тѣмъ разнымъ приказамъ лишнія волокиты не было». Въ 1681 г. въ званіи намѣстника Олонецкаго Ч. былъ отправленъ великимъ посломъ въ Турцію, но на дорогѣ, на Дону, умеръ.

«Акт. Ист.», т. V., С.-Пб. 1841 г., стр. 31, 35, 41, 65, 69, 86; Доп. къ «Акт. Ист.», т. VII, С.-Пб. 1859 г., стр. 107, 120, 124, 199—200, 229, 274, 277; т. IX, С.-Пб. 1875 г., стр. 90, 92, 105, 123, 133, 135, 139, 157; т. VIII, С.-Пб. 1862 г., стр. 79, 245; «Разряд. кн.» подъ соотвѣт. годъ; «Полн. С. З.» т. II; № 824; «Рус. Ист. Биб.», т. X, стр. 420, «Матер. для ист. возмущ. Стеньки Разина», изд. «Рус. Бесѣды» Москва. 1857 г. стр. 85—92.
Н. Тычино.

Чириковъ, *Михаилъ Никитинъ*, дьякъ съ 1658 г. Въ 1670 г. назначенъ дьякомъ въ Тобольскъ къ воеводѣ кн. Репнину, гдѣ и пробылъ до 1676 г.; въ 1679 г. возникло сыскное дѣло о его злоупотребленіяхъ; въ дьякахъ онъ показывается до 1678 г.

Дополненія къ «Актамъ Историч.», т. VI, С.-Пб. 1857 г., стр. 85, 325, 372,; Ивановъ «Алфавит. указатель фамилій и именъ лицъ, упоминаемыхъ въ боярскихъ книгахъ, хранящихся въ I отд. Москов. архива Мин. Юстиціи» Москва. 1853 г.; Н. Оглоблинъ, «Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго Приказа» (1592—1768 г.), т. I. Москва. 1895 г., стр. 27, 185 (столбцы №№ 688, 891); «Сборникъ государственныхъ грамотъ и договоровъ», Москва. 1828 г., т. IV, стр. 290; К. Б. Газенвинкель, «Систематическій перечень воеводъ, дьяковъ, письменныхъ головъ и подъячихъ съ приписью въ сибирскихъ городахъ и и главнѣйшихъ острогахъ», Тобольскъ. 1891 г. стр. 12. *Н. Т.*

Чириковъ, *Сергѣй Гавриловичъ*, гувернеръ Царскосельскаго, впослѣдствіи Императорскаго Александровскаго, Лицея; живописецъ, писатель сынъ придворнаго истопника, родился 3-го іюля 1776 года, въ С.-Петербургѣ. Шести лѣтъ Ч. былъ принятъ въ училище при Императорской Академіи Художествъ, откуда затѣмъ поступилъ своекоштнымъ воспитанникомъ въ живописный классъ Академіи. Обладая способностью къ рисованію, онъ былъ награжденъ за лѣпленіе, архитектурныя сочиненія и рисунки съ натуры два раза малыми серебряными медалями. Одновременно съ посѣщеніемъ классовъ Академіи Художествъ, Ч. поступилъ 18-го августа 1795 года съ чиномъ коллежскаго регистратора на службу въ Чертежную всего флота, гдѣ былъ произведенъ 22-го ноября 1796 года въ чинъ секретаря старшихъ портовъ и откуда уволился по болѣзни 3-го мая 1807 года. Въ слѣдующемъ, 1808 году, 1-го ноября, Ч. былъ опредѣленъ вновь на службу секретаремъ Медико-филантропическаго Комитета, а въ 1811 году, іюля 28-го, поступилъ гувернеромъ въ только что открывшійся Царскосельскій Лицей, гдѣ онъ и оставался по 18-е ноября 1841 года, до выхода въ отставку. Кромѣ должности гувернера въ Лицеѣ, Ч. съ 28-го января 1814 года по 24-е іюля 1817 года былъ еще учителемъ рисованія въ Благородномъ Пансіонѣ при Лицеѣ. Ч. былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ лицъ Царскосельскаго, впослѣдствіи Императорскаго Александровскаго Лицея, какъ по своему долгому служенію въ немъ, такъ и по умѣнію обходиться съ воспитанниками. Директоръ Лицея А. Ѳ. Малиновскій въ его послужномъ спискѣ за 1811 годъ написалъ, что Ч. «къ продолженію службы отмѣнно способенъ и къ повышенію чиномъ достоинъ по своему усердію и искуству въ надзорѣ за воспитанниками». Въ воспоминаніяхъ лицеистовъ А. Н. Яхонтова и графа М. А. Корфа Ч. является человѣкомъ благороднымъ, добрымъ, обладавшимъ ровнымъ характеромъ и удивительномъ тактомъ, вслѣдствіе чего, несмотря на его стойкость, въ отношеніяхъ его съ лицеистами не происходило никогда недоразумѣній. Особенно Ч. былъ любимъ воспитанниками

Лицея за сочувствіе съ его стороны и поощреніе въ ихъ литературныхъ занятіяхъ. Въ первое время существованія Лицея воспитанники, не пользуясь правомъ отпуска въ дома родителей, проводили нерѣдко свободное время у своихъ воспитателей, въ томъ числѣ и у Ч. Унего часто на дому составлялся литературной кружокъ лицеистовъ, въ числѣ которыхъ былъ и Пушкинъ; подъ руководствомъ же Ч. издавался въ Лицеѣ каррикатурный журналъ, въ которомъ, между прочими, принимали участіе: Пушкинъ, А. Д. Илличевскій и А. И. Мартыновъ. Сочувствуя и поощряя лицеистовъ въ занятіяхъ литературой, Ч. и самъ занимался ею, хотя особеннымъ талантомъ не обладалъ. Онъ, еще до вступленія на службу въ Лицей, писалъ длинныя трагедіи въ стихахъ, но не печаталъ ихъ, а они читались лицеистами въ рукописяхъ. Къ числу ихъ принадлежитъ трагедія Ч. «Герой сѣвера», ходившая въ Лицеѣ въ 1812 году, вслѣдствіе чего и установилось прозвище Ч. въ Лицеѣ, извѣстнаго подъ именемъ «Героя сѣвера». По мнѣнію нѣкоторыхъ лицъ, портретъ Пушкина, приложенный къ первому изданію «Кавказскаго плѣнника», напечатаннаго въ 1822 году, въ Петербургѣ, принадлежитъ работѣ Ч.; но по мнѣнію другихъ, его рисовалъ извѣстный К. П. Брюлловъ. Умеръ Ч. въ чинѣ статскаго совѣтника, 31-го января 1853 года и погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ, въ С.-Петербургѣ.

Дѣло Архива Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената о дворянствѣ Чириковыхъ; Послужной списокъ 1811 года. Воспоминанія Царскосельскаго лицеиста (А. Н. Яхонтова), въ «Русской Старинѣ» 1888 г., октябрь, стр. 117; Сочиненія Пушкина, С.-Пб. 1887, т. II, стр. 300; Я. Гротъ, Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники, С.-Пб. 1887, въ Сборникѣ II-го отдѣленія Императорской Акад. Наукъ, т. 42, № 4, стр. 263—5; Надгробіе на Смоленкладбищѣ; Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имнер. С.-Петербургской Акад. Художествъ за сто лѣтъ ея существованія, изданный П. Н. Петровымъ, С.-Пб. 1864, т. I, стр. 169, 335; т. II, С.-Пб. 1865, стр. 106, 118—19; Въ. Гаевскій, Пушкинъ въ Лицеѣ и лицейскія его стихотворенія, въ «Современникѣ» 1863 г., № 7, стр. 129—176; № 8, стр. 349—399; И. Селезневъ, Историч. очеркъ Императорскаго Александровскаго Лицея, С.-Пб. 1861, стр. 61,62, 84, 134, 135, 160, 161, 319, 373, 394; Памятная Книжка Императорск. Александровск. Лицея на 1856—7 годъ, С.-Пб., 1856, стр. 108, 109, 126. *В. Гарскій.*

Чириковъ, *Степанъ Кипріановичъ*, (Назимовичъ), стряпчій съ 1658 г. по 1676 г. въ 1675 г. помѣстный окладъ ему 650 чети и 35 р. денегъ; съ 1676 по 1686 г.—стольникъ; въ 1678 г. ѣздилъ посланникомъ въ Персію, а въ 1682 г.—въ Римскую имперію.

Дополненіе къ «Акт. Истор.», т. IX. С.-Пб. 1875 г., стр. 155—156; Ивановъ: «Алфавит. указатель фамилій и лицъ, упомин. въ бояр. кн., хранящихся въ I отд. Москов. арх. Мин. Юстиц.» Москва. 1853 г.; Рукописные матеріалы В. В. Румеля. *Н. Т.*

Чириковъ, *Ѳедоръ Петровичъ*, штабъ-лекарь, коллежскій совѣтникъ, членъ С.-Петербургскаго Общества русскихъ врачей. Медицинское образованіе Чириковъ получилъ въ С.-Петербургской Медико - Хирургической Академіи, гдѣ кончилъ курсъ со степенью лекаря 1 отдѣленія. Въ 1821 г. состоялъ ординаторомъ въ Артиллерійскомъ госпиталѣ и лейбъ-гвардіи артиллерійской бригадѣ. Въ 1824 г. получилъ званіе штабъ-лекаря и въ 1825 г. назначенъ операторомъ въ Томскую врачебную управу, откуда въ 1829 г. былъ уволенъ. Затѣмъ, въ 1831 г. Чириковъ былъ командированъ въ Хотынскій уѣздъ на холеру, гдѣ онъ пробылъ три мѣсяца. Въ 1835 г. получилъ въ С.-Петерб. Медико-Хирургической Академіи званіе инспектора врачебной управы и въ томъ-же году назначенъ въ Пензенскую врачебную управу; уволенъ со службы въ 1852 г.

Печатные труды его слѣдующіе 1) «Скорое излеченіе мигрени, дѣвичей немочи и нервной боли желудка углекислымъ желѣзомъ съ водородоиднымъ кали». «Другъ здравія», 1837, 3; 2) «Коровье молоко въ брюшной водянкѣ, какъ слабительное и мочегонное средство». «Другъ здравія». 1840, 2 и 6. Читано въ засѣданіи Спб. Общества русскихъ врачей. 3) «Статистика дѣтскихъ пріютовъ въ Россіи за 1851 г». Журналъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ, ноябрь. Оттискъ С.-Пб. 1853, 8°, «Библ. Военно-Мед. Жур.», 1844. ч. 63, 1; 4) «О появленіи повальнаго насморка въ Сибири, въ Томской, Тобольской и Пермской губ.» «Военно-Мед. Журналъ» 1826, ч. 8, 283—92.

Змѣевъ, русскіе врачи-писатели.

Чирковъ, *Николай Александровичъ* генералъ - маіоръ, ордена св. Георгія

кавалеръ, родился въ 1753 году; онъ происходилъ изъ россійскихъ дворянъ въ 1771 году, 15-го апрѣля опредѣлился рядовымъ въ лб.-гв. Преображенскій полкъ, января 1-го 1777 года произведенъ въ прапорщики. Въ 1778 году, января 1-го въ подпоручики, а въ 1779 году, января 1-го въ поручики. Выпущенный въ полевые полки 1-го января 1782 года подполковникомъ, Чирковъ поступилъ въ бывшій Ядринскій полкъ, который 1-го мая 1784 года переименованъ былъ въ Черноярскій полевой батальонъ. Когда же два полевыхъ батальона образовали полкъ, получившій названіе Оренбургскаго драгунскаго полка, Чирковъ 11-го августа 1785 года опредѣлился туда и участвовалъ въ походахъ и сраженіяхъ второй Турецкой кампаніи подъ предводительствомъ генералъ-поручика принца Нассаускаго. 7-го іюня 1788 года, командуя гренадерскимъ батальономъ на лодкахъ, Чирковъ за удачныя военныя дѣйствія былъ рекомендованъ и награжденъ золотою шпагою съ надписью «за мужество, оказанное въ сраженіи 7-го іюня 1788 г. на Лиманѣ Очаковскомъ». 17-го іюня подъ Очаковымъ Чиркову во главѣ вооруженныхъ лодокъ поручено было атаковать непріятеля съ праваго фланга. Удачно выполненнымъ маневромъ большинство турокъ было отбито, непріятель атакованъ, разбитъ и военно-плѣнными взято 110 человѣкъ, за что Чирковъ былъ произведенъ въ полковники. 18-го іюня онъ атаковалъ фрегаты и мелкія суда, расположенные на лиманѣ поблизости Очакова; послѣ жестокаго сопротивленія со стороны турокъ ему, наконецъ, удалось поджечь флотъ, причемъ плѣнными взято 160 человѣкъ. 1-го іюня Чирковъ былъ командированъ со стороны лимана съ 20-ю лодками поджечь городъ и истребить остатокъ флота. За успѣшно выполненное порученіе и участіе во многихъ вылазкахъ во время осады Очакова Чирковъ былъ представленъ къ наградѣ и пожалованъ только что учрежденнымъ Георгіевскомъ крестомъ. 21-го октября 1789 года Ч. перевелся въ Старооскольскій пѣхотный полкъ, числясь въ которомъ въ 1790—91 гг. участвовалъ съ двумя полками въ Черноморскомъ флотѣ въ сраженіяхъ и десантахъ Указомъ Государственной военной Коллегіи отъ 7-го іюня 1791 года Чирковъ былъ снова переведенъ на службу въ Оренбургскій драгунскій полкъ сверхъ комплекта на полковничью вакансію и 1-го января 1793 г. произведенъ въ бригадиры. 22-го февраля 1796 года Ч. подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ службы на десять мѣсяцевъ для отдыха и леченія разстроеннаго здоровья. Просьба его была уважена, и сдавъ, командованіе полкомъ полковнику Ладыженскому, онъ отправился въ Симбирскую губернію. 1-го іюля 1796 года былъ, произведенъ въ генералъ-маіоры и въ мартѣ слѣдующаго 1797 года зачисленъ въ Кавказскій корпусъ и назначенъ шефомъ Тифлисскаго пѣхотнаго полка. Вслѣдствіе усилившейся болѣзни Чирковъ подалъ прошеніе объ увольненіи его и 22-го октября 1797 года былъ отставленъ отъ службы. Выйдя въ отставку, Ч. посвятилъ себя устройству имѣній. Скончался въ Москвѣ въ декабрѣ 1806 года, 72 лѣтъ отъ роду.

Формуляръ изъ Московскаго отдѣленія Архива Главнаго Штаба; «Историческій Вѣстникъ» 1887 года, т. XXIX, 562; т. XXX, 497—598.
Артамонова.

Чистого, *Алмазъ* (Аникій) *Ивановичъ*, дьякъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, родомъ изъ ярославскихъ купцовъ, упоминается впервые въ 1647 году, какъ дьякъ приказа Большой Казны, гдѣ пробылъ до 1652 года, пользуясь нѣкоторое время значеніемъ благодаря вліянію своего брата Назара Ивановича. Въ 1652 году былъ посланъ въ Польшу съ дворяниномъ Аѳанасіемъ Ѳедоровичемъ Прончищевымъ для присутствія на сеймѣ при судѣ и наказаніи людей, виновныхъ въ невѣрномъ написаніи царскаго титула, но потомъ снова находился въ приказѣ Большой Казны до 1-го января 1661 года, когда былъ назначенъ дьякомъ въ Вологдѣ вмѣстѣ съ воеводой Никитой Константиновичемъ Стрѣшневымъ. Въ Вологдѣ Чистого пробылъ до мая 1663 года, когда былъ отозванъ въ Москву снова для сидѣнія въ томъ же приказѣ. Въ 1665 году былъ отправленъ при воеводѣ князѣ Щербатовѣ на Двину и пробылъ тамъ до 20-го октября 1666 года. Въ 1672 году Чистого былъ уже въ Нижнемъ-Новго-

родѣ при воеводѣ князѣ Татевѣ и отозванъ оттуда 18-го декабря 1674 года. Въ послѣдній разъ мы его видимъ дьякомъ въ Тобольскѣ, гдѣ онъ пробылъ съ 1678 по 1683 годъ. Послѣ этого извѣстій о немъ до насъ не доходитъ и года смерти его мы опредѣлить не можемъ.

«Акты Историческіе», IV, 52; «Дополненіе къ Актамъ Истор.», III, 99, 139—141, 240; VI, 242, 245, 331; VII, 360—362; VIII, 33, 41—47, 50, 95, 155, 170, 218, 219, 336; IX, 99, 100, 148; «Акты Археограф. Экспедиціи» IV, 222, 292, 295, 298—299, 130, 168, 170, 190; «Русская Историческая Библіотека», V, 122, 688; X, 496, 364, 374, 403, 433, 434; XI, 300; XVI, 789, 813; «Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ», III, 435—437, 443; «Лѣтопись Двинская», М. 1889, 28; «Дворцовые разряды», III, 898, 1140; «Древняя Россійская Вивліоѳика», III, 232, 235, 238, 240, 241; XX, 282, 367; Барсуковъ, «Списки воеводъ XII-го вѣка» Спб. 1902, 48, 65, 151, 241.

Е. Лихачъ.

Чистого, *Назиръ Ивановичъ*, (братъ предъидущаго) думный дьякъ при Алексѣѣ Михаиловичѣ, происходилъ изъ рода ярославскихъ купцовъ и самъ сперва былъ, купцомъ, велъ обширную торговлю съ иностранными государствами и самъ бывалъ заграницей. Вслѣдствіе этого онъ былъ значительно образованнѣе всѣхъ своихъ современниковъ и довольно хорошо знакомъ съ начатками западно-европейской культуры. Съ 1632 года мы его застаемъ уже дьякомъ въ Приказѣ Большой Казны, гдѣ онъ, благодаря своему уму и способностямъ, быстро выдвинулся и получилъ значительное вліяніе на дѣла, пользуясь этимъ часто, впрочемъ, въ своихъ интересахъ и наживаясь на счетъ нуждавшихся въ его вліяніи. Такъ, въ 1639 году, когда въ Москву пріѣхали голштинскіе послы съ просьбой о разрѣшеніи голштинскимъ купцамъ вести торговлю съ Персіей черезъ русскія земли, Чистого удалось убѣдить ихъ, что безъ его думы царь ничего не рѣшитъ по этому вопросу и выманить съ нихъ взятку. Послѣ послы жаловались на него, но Чистого заперся, назначенное слѣдствіе оправдало его, и голштинцы удовлетворенія не получили. Еще болѣ увеличилось вліяніе Чистого послѣ воцаренія Алексѣя Михаиловича. Умный дьякъ сумѣлъ сдѣлаться необходимымъ бояриту Морозову, который ничего не предпринималъ безъ его совѣта и доставилъ ему 6-го января 1647 года высшій для лица купеческаго званія постъ—думнаго дьяка посольскаго приказа. Съ этого времени почти ни одно болѣе или менѣе важное дѣло не рѣшалось безъ участія Чистого, а по нѣкоторымъ извѣстіямъ именно онъ и предложилъ знаменитый большой налогъ на соль 18-го марта 1846 года. Однако, благодаря этому налогу, онъ пріобрѣлъ себѣ массу ненавистниковъ среди простого народа. Это обстоятельство еще усилилось тѣмъ, что Чистого вообще отличался своимъ корыстолюбіемъ и еще раньше былъ сильно не любимъ народомъ. 2-го іюня 1848 года, во время извѣстнаго народнаго возмущенія, мятежники напали на дворъ Чистого, вытащили его самаго, убили ударами дубины, раздѣли до нага и бросили на навозную кучу на дворѣ, и только на третій день, когда волненіе уже улеглось, онъ тайно былъ похороненъ своими слугами.

Акты истор., III, 403, 500; IV, 32; Дополненіе къ актамъ исторра III, 47, 48, 84, 88—89, 92, 112, 125, 133, 136, 143, 242, 243; Акты археограф. экспедиціи, III, 408, 471; IV, 5, 36; Собраніе Госуд. Грамотъ и Договоровъ, III, 362, 410: «Русская Истор. Библіотека» II, 592; V, 1060, IX, 525; X, 1, 82, 95, 104, 119, 138, 172, 180, 201, 203, 229, 230, 250, 251, 301, 323, 352, 379; «Дворцовые Разряды», II, 680; III, 55—60, 67. 72, 74, 80, 87, 89, 90, 92, 93; «Лѣтопись о многихъ мятежахъ» (изд. 2), 358; Чтенія Моск. Общ. «Ист. и Древн.» 1893, орд. I, стр., 195, отд. III, стр., 13—14; «Сѣверный Архивъ», 1822, стр., 151 «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1888, VI, 285, 1891, VI, 371—373; «Истор. Вѣстн.», 1880, I, 70; «Древн. Росс. Библіотека» (изд. 2), XX, 281—282; Соловьевъ (изд. т.-ва. «Общ. Польза»), II, 1236, 1491, 1515. Словарь Старчевскаго XII, 185. *Е. Лихачевъ.*

Чистовичъ, *Яковъ Алексѣевичъ*, докторъ медицины С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи, тайный совѣтникъ, академикъ, совѣщательный членъ Медицинскаго Совѣта, непремѣнный членъ Военно-Медицинскаго Ученаго Комитета, бывшій начальникъ и профессоръ по каѳедрѣ судебной медицины и медицинской полиціи С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи, почетной членъ Общества русскихъ врачей въ Петербургѣ, Кіевскаго и Кавказскаго медицинскихъ Обществъ, Общества минскихъ врачей и Оренбургскаго физико-медицинскаго Общества, членъ Императорскихъ Обществъ Вольнаго Экономическаго и Русскаго Географическаго, членъ Общества русскихъ врачей въ Москвѣ и членъ-корреспондентъ Обще-

ства Чешскихъ Врачей въ Прагѣ и Виленскаго медицинскаго Общества, извѣстный ученый по исторіи медицины и медицинскій писатель-публицистъ, редакторъ «Военно-Медицинскаго Журнала», «Друга Здравія» и редакторъ-издатель «Медицинскаго Вѣстника». Родился 24-го апрѣля 1820 года въ г. Малоярославцѣ, Калужской губерніи. Скончался въ Петербургѣ въ ночь съ 18-го на 19-ое октября 1885 года скоропостижно, погребено на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря. Отецъ Чистовича былъ діаконъ. Первоначальное образованіе Я. А. получилъ въ Боровскомъ духовномъ училищѣ, по окончаніи курса котораго въ 1834 году перешелъ въ Калужскую духовную семинарію, гдѣ все время шелъ въ числѣ лучшихъ учениковъ. Въ 1838 году, когда Чистовичъ былъ уже въ философскомъ классѣ, Петербургская Медико - Хирургическая Академія прислала въ Калужскую духовную семинарію требованіе прислать одного изъ лучшихъ воспитанниковъ для зачисленія въ студенты Академіи на казенный счетъ. Чистовичъ изъявилъ желаніе поѣхать, и послѣ предварительнаго экзамена въ Калужской врачебной управѣ и вступительнаго испытанія при Академіи былъ принятъ въ число казеннокоштныхъ студентовъ. Пять лѣтъ спустя онъ былъ выпущенъ изъ Академіи лѣкаремъ 1-го разряда и награжденъ серебряною медалью. Назначенный младшимъ лѣкаремъ въ гусарскій короля Ганноверскаго полкъ съ прикомандированіемъ ко 2-му военно-сухопутному госпиталю, онъ черезъ нѣсколько недѣль былъ переведенъ въ запасной паркъ 2-ой артиллерійской бригады съ оставленіемъ при 2-мъ военно-сухопутномъ госпиталѣ. Профессоръ Хотовицкій, весьма довольный дѣльными отвѣтами Чистовича на выпускномъ экзаменѣ, намѣтилъ его въ репетиторы по каѳедрѣ акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней, что открывало ему дорогу къ профессурѣ. Но не суждено было Чистовичу оставаться при Академіи; онъ захворалъ брюшнымъ тифомъ, отъ котораго долго не могъ оправиться; между тѣмъ репетиторъ по каѳедрѣ акушерства требовался немедленно, и поэтому должность эта была замѣщена другимъ, когда же Чистовичъ оправился отъ болѣзни, его экстренно вызвали въ бригаду. Проработавъ въ западномъ краѣ, гдѣ была расположена его бригада, болѣе трехъ лѣтъ, онъ въ 1847 году два раза просился въ Петербургъ для экзамена, но оба раза получалъ отказъ, и только лишь благодаря покровительству начальника дивизіи генералъ-лейтенанта Сержпутовскаго ему удалось прикомандироваться ко 2-му военно-сухопутному госпиталю. Выдержавъ докторскій экзаменъ, онъ 1-го мая 1848 года защищалъ диссертацію подъ заглавіемъ «De hepatitide» (Diss. D. M. Stpb. 1848. 8⁰) и получилъ степень доктора медицины. Вслѣдъ затѣмъ Чистовичу пришлось снова уѣхать въ Кальвару, въ виду начавшейся Венгерской кампаніи и сильно свирѣпствовавшей холерной эпидеміи. Кальвара маленькій городокъ, населенный почти исключительно евреями. До холеры въ немъ практиковали четыре врача, но когда началась холера трое уѣхали и на весь городъ остался одинъ Чистовичъ, который проводилъ въ работѣ цѣлые дни. Въ сентябрѣ того же 1848 года Чистовичъ былъ вызванъ въ 1-ый военно-сухопутный госпиталь съ прикомандированіемъ къ военно-медицинскому департаменту помощникомъ редактора «Военно-Медицинскаго Журнала». Назначенный въ 1852 году старшимъ ординаторомъ Архангельскаго военнаго госпиталя, съ оставленіемъ при 1-мъ военно-сухопутномъ госпиталѣ, и помощникомъ редактора «Военно-Медицинскаго Журнала», Чистовичъ въ слѣдующемъ году получилъ адъюнктъ-профессуру судебной медицины, гигіены и медицинской полиціи въ Петербургской Медико-Хирургической Академіи, а съ 1856 года, сверхъ того, состоялъ еще при Медицинскомъ Департаментѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ для разбора историческихъ матеріаловъ. Далѣе Я. А. съ 1857 года по 1869 занималъ должность помощника главнаго врача 2-го военно-сухопутнаго госпиталя и, кромѣ того, въ теченіе 1857—1858 гг. былъ редакторомъ «Военно-Медицинскаго Журнала». Затѣмъ онъ съ 1858 года состоялъ ординарнымъ профессоромъ Петербургской Медико-Хирургической Академіи, по каѳедрѣ судебной медицины и медицинской полиціи. Избранный 23-го іюня 1868 года академикомъ, Чистовичъ въ

слѣдующемъ году былъ назначенъ совѣщательнымъ членомъ Военно-Медицинскаго Ученаго Комитета, ученымъ секретаремъ конференціи Медико-Хирургической Академіи и завѣдующимъ судебно-медицинскимъ отдѣломъ Петербургскаго клиническаго госпиталя. Двѣ послѣднія должности онъ занималъ до 11-го мая 1871 года, когда былъ назначенъ начальникомъ Военно-Медицинской Академіи и совѣщательнымъ членомъ Медицинскаго Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Оставивъ четыре года спустя должность начальника Военно-Медицинской Академіи Я. А. былъ назначенъ непремѣннымъ членомъ Военно-Медицинскаго Ученаго Комитета и въ этой должности, какъ и въ должности совѣщательнаго члена Медицинскаго Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, оставался до самой своей смерти.

Изучивъ во время студенчества французскій и нѣмецкій языки, Ч., еще будучи въ Академіи, переводилъ для «Военно-Медицинскаго Журнала» при редакторѣ Нароновичѣ. Затѣмъ, по окончаніи Академіи, онъ помѣстилъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» за 1844 годъ свою статью: «Объ ампутаціи бедра при посредствѣ сѣрнаго эфира». По возвращеніи въ Петербургъ для докторскаго экзамена, Ч. принялъ участіе въ редактированіи «Военно-Медицинскаго Журнала», а съ сентября 1849 г. былъ назначенъ помощникомъ редактора «Журнала», въ которомъ вскорѣ расширилъ программу Назначенный 10-го іюня 1857 года редакторомъ журнала, Ч. добился, наконецъ, того, что «Военно-Медицинскій Журналъ» былъ преобразованъ въ изданіе ежемѣсячное, но въ началѣ 1858 года вынужденъ былъ отказаться отъ редакторства. За время своего десятилѣтняго участія въ редакціи «Военно-Медицинскаго Журнала» Чистовичъ помѣстилъ въ немъ цѣлый рядъ своихъ какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ статей. Изъ числа первыхъ укажемъ на слѣдующія: 1) «Срощеніе сердца съ правымъ легкимъ, періодическія ревульсивныя язвы» (за 1848 г. кн. IV), 2) «Геморофильное кровотеченіе изъ мягкаго неба» (за 1849 г. ч. 53, кн. I), 3) «Гнойное зараженіе послѣ хирургическихъ операцій» (за 1850 г. ч. 55, кн. II), 4) «Потовая горячка» (1831 г., ч. 58, кн. II), 5) «Біографія президента С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи И. Б. Шлегеля» (за 1859 г., ч. 59, кн. I), 6) «Гигіеническій конгрессъ въ Брюсселѣ въ 1852 г. (за 1853 г., ч. 61, кн. III), 7) «Подробный алфавитный указатель статей, напечатанныхъ въ «Военно-Медицинскомъ Журналѣ» за 1823—1852 гг.» (тамъ же), 8) «Карантинный конгрессъ во Франціи» (за 1853 г., ч. 62, кн. III), 9) «О мономаніи въ примѣненіи къ законодательству» (по Молинье) (ч. 62, кн. IV); 10) «О статистикѣ народонаселенія европейскихъ государствъ» (по Будену) (ч. 62, кн. VII), 11) «Два судебно-медицинскихъ дѣла изъ временъ Медицинской Канцеляріи 1736 года (за 1857 г., ч. 69, кн. I) и цѣлый рядъ другихъ статей. Изъ переводовъ Чистовича, помѣщенныхъ въ тотъ же періодъ времени въ «Военно-Медицинскомъ Журналѣ», укажемъ на слѣдующіе: 1) съ французскаго: Боданъ. «Лѣченіе огнестрѣльныхъ ранъ» (за 1849 г., ч. 53, кн. I), 2) Мальфель. «Лѣченіе переломовъ костей» (за 1846 г., ч. 53, кн. II, и за 1850 г., ч. 54, кн. I и II), 3) Буденъ. «Опытъ медицинской географіи» (съ добавленіями Чистовича) (за 1852 г., ч. 59, кн. I и II) и др. Выйдя изъ состава редакціи «Военно-Медицинскаго Журнала», Чистовичъ, однако, не переставалъ въ немъ сотрудничать. Такъ, въ «Журналѣ» за 1860 года (ч. 78, кн. I и II) была напечатана его статья: «Кизляръ и его медицинская топографія за 100 лѣтъ назадъ», въ различныхъ книжкахъ журнала за 1867 — 1883 гг. онъ напечаталъ отчеты о 25-ти общихъ собраніяхъ участниковъ главной медицинской вспомогательной кассы, «Отчетъ о состояніи и дѣятельности С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи за 1870» (за 1871 г.), «Моровая язва въ 1738 году» (за 1879 г. ч. 127) и другія. Любовь къ литературному труду у Чистовича была такъ сильна, что несмотря на множество работы по редакціи «Военно-Медицинскаго Журнала», онъ, какъ только редакція газеты «Другъ Здравія» перешла къ Е. Пеликану (въ 1850 г.) охотно согласился безвозмездно работать и здѣсь и напечаталъ въ этой газетѣ слѣдующія свои статьи: 1) «Русская медицина и русскіе врачи» (за 1851 г. № 1), 2) «Полный вывихъ 11-го спиннаго позвонка

въ брюшную полость» (тамъ же № 3), 3) «Общенародная медицина» (тамъ же № 5), 4) «Старинные русскіе лѣчебники и травники» (за 1852 г., №№ 16, 17, 21 и 22). Чтобы дать по возможности болѣе полное представленіе о литературной дѣятельности Чистовича въ этотъ періодъ времени, укажемъ, что имъ еще напечатаны слѣдующія статьи: «Сбереженіе здоровья дѣтей» («Земледѣльческая Газета» 1854 г.) и «Значеніе педагогической гимнастики» («Педагогическій Вѣстникъ» 1857 г., кн. I), а также и его крупныя переводныя работы. До 1858 года Чистовичемъ были сдѣланы слѣдующіе переводы: съ французскаго: 1) Нелятонъ. «О болѣзняхъ сочлененій» (С.-Пб. 1850 г. 8°, 8 н., 415), 2) Мальгень. «Ученіе о переломахъ» (С.-Пб. 1850 г., 8° VII, 831), 3) Мальгень. «Руководство къ оперативной хирургіи» (С.-Пб. 1851 г. 8°, XV, 720), 4) Беккерель. «Элементарное начертаніе частной и общественной гигіены» (съ добавленіями Ч.) (С.-Пб. 1852 г. 8о XVIII+543) и съ нѣмецкаго Энгель. «Описаніе трупныхъ явленій» (С.-Пб. 1857 г. 8о 2 н. +378), что составляетъ около 3.000 страницъ. Дальнѣйшая литературная дѣятельность Чистовича сосредоточилась, главнымъ образомъ въ «Протоколахъ Общества русскихъ врачей въ Петербургѣ», которые онъ редактировалъ съ 1856 по 1862 годъ, и въ «Медицинскомъ Вѣстникѣ». Получивъ въ 1856 году въ свое вѣдѣніе «Протоколы» (редакція коихъ лежала на секретарѣ Общества, а эту должность съ 1856 по 1862 г. занималъ Ч.), онъ прежде всего ввелъ періодическое ихъ печатаніе взамѣнъ прежнихъ «Трудовъ», выходившихъ въ неопредѣленные сроки, а затѣмъ, послѣ упорныхъ трудовъ, поставилъ ихъ на такую высоту, что по степени научнаго интереса они не уступали подобнымъ же изданіямъ заграничныхъ обществъ. Въ «Протоколахъ Общества русскихъ врачей въ Петербургѣ» за время своей литературной дѣятельности Чистовичъ въ числѣ другихъ напечаталъ слѣдующія свои статьи: 1) О примѣненіи гимнастики къ педагогикѣ» (за 1856—1857 гг.); 2) «Замѣчательный случай раненія живота» (тамъ же); 3) «Краткое описаніе двухголовыхъ младенцевъ С.-Пб-го врача Вейтко и другого отъ штабъ-лѣкаря Вейса изъ Новгорода» (тамъ же); 4) «О физіологическомъ образованіи сахара въ печени по изслѣдованію Клода Бернара» (тамъ же); 5) Объ уродахъ Маврѣ Родіоновой и въ 1741 г. Агафьѣ Ивановой» (за 1858—1859 г.); 6) «Второе изслѣдованіе Кончезерскихъ желѣзныхъ водъ въ 1752 г., (тамъ же); 7) «Госпитальный споръ въ 1758 г.» (за 1858—1859); 8) «О прислугѣ въ военныхъ госпиталяхъ (тамъ же). Статья эта обратила на себя вниманіе министра, онъ послалъ ее въ особую Высочайше учрежденную коммиссію для устройства военно-медицинской администраціи и военныхъ госпиталей, и коммиссія рѣшила реорганизовать службу госпитальной прислуги по указанію Чистовича; 9) «Первый медицинскій штатъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ» (Смольнаго монастыря) (за 1858—1859 гг.); 10) «Учрежденіе акушерскихъ школъ для повивальныхъ бабокъ» (за 1858—1859 и 1860—1861 гг.); 11) «Медико-фармацевтическія общества въ Россіи» (1859—1860 г.); 12) «Статистика механическихъ поврежденій людей на петербургскихъ фабрикахъ» (тамъ же); 13) «Ulcus rotundum двѣнадцати-перстной кишки» (тамъ же); 14) «Памятникъ баронету Виллiе и рѣчь Я. В. Чистовича при открытіи» (тамъ же), 15) «Примѣчаніе къ статьѣ Никольскаго о жирѣ» (тамъ же); 16) «О необходимости скорбныхъ домовъ въ селахъ» (тамъ же); 17) «О живой покойницѣ» (за 1860—1861 г.); 18) «О міазматической заразительности оспы» (1863 — 1864 г.); «Мальцъ-экстрактъ берлинскаго пивовара Гоффа, (за 1865—1866 г.); 20) «О собираніи матеріаловъ и программа для медицинской географіи и статистики въ Россіи» (за 1865 — 1866 г.); 21) «Предосторожности противъ холеры» (тамъ-же); 22) «Объ афазіи» (1867—1868 г.); 23) «Объ искусственномъ дыханіи» (тамъ же); 24) «О перерывѣ сифилитическаго лѣченія» (за (за 1868 — 1869 г.); 25) «О завѣдомо прижизненныхъ переломахъ костей, принятыхъ за посмертные отъ спазма сосудовъ двигательныхъ нервовъ, зависящихъ отъ страха» (тамъ же); 26) «О колхицинѣ, какъ противоядіи фосфору» (за 1869 — 1870 г.); 27) «О переносной кровати Соборова» (тамъ же); 28) «Объ отравленіи стрихниномъ» (тамъ же); 29) «О

нозологической таблицѣ и историческая замѣтка о медико-статистическомъ институтѣ въ Москвѣ въ 1793 году» (за 1873 г.); 30) «Заявленіе общества по вопросу объ отвѣтственности врача за неявку по приглашенію къ больному» (за 1875—1876 г.); 31) «Число врачей въ русскихъ арміяхъ въ турецкую войну 1769 — 1774 гг. (за 1877 — 1878 г.); 32) «О манифестѣ русскимъ врачамъ Елизаветы Петровны по случаю Семилѣтней войны и Императора Александра I-го за 1812—1813 г.» (тамъ же); 33) «О лѣченіи холодной водой скарлатины» (тамъ же); 34) «Мнѣніе объ употребленіи кибитокъ на войнѣ» (тамъ же). Кромѣ всѣхъ вышеперечисленныхъ статей Чистовичемъ въ «Протоколахъ» напечатано болѣе десяти годичныхъ отчетовъ Общества, отчетъ за первые двадцать пять лѣтъ существованія Общества и нѣсколько біографій и некрологовъ извѣстныхъ врачей и медицинскихъ дѣятелей. Вообще за все время своего секретарства (а слѣдовательно и редакторства «Протоколовъ»), вице - предсѣдательства и предсѣдательства въ Обществѣ русскихъ врачей Чистовичъ является однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ сотрудниковъ «Протоколовъ» Общества. Оставивъ редакторство «Военно - Медицинскаго Журнала», Чистовичъ хотя и имѣлъ въ своемъ распоряженіи «Протоколы засѣданій Общества русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ», но они не удовлетворяли его и онъ стремился получить въ свои руки такой органъ, гдѣ бы могъ начать будить русскихъ врачей, будить въ нихъ стремленіе сбросить съ себя гипнозъ нѣмецкаго авторитета. Въ своей статьѣ «Русская медицина и русскіе медики» («Другъ Здравія» за 1851 г.) Чистовичъ указываетъ на то, что хотя у насъ есть врачи, назвать которыхъ своими почелъ бы за честь любой западный городъ, что хотя многія болѣзни (напримѣръ, холера) у насъ изслѣдованы и лѣчатся лучше, чѣмъ на Западѣ, все же наша медицина далеко не самостоятельна. Такимъ органомъ сдѣлался для Ч. «Медицинскій Вѣстникъ»— еженедѣльная медицинская газета, и 25-го марта 1861 года онъ выпустилъ первый номеръ своей газеты (будучи сначала лишь редакторомъ «Медицинскаго Вѣстника», а съ 1862 года и издателемъ) и въ немъ помѣстилъ три свои статьи: «Историческій очеркъ медицинской журналистики въ Россіи», «Объ учрежденіи вспомогательной медицинской кассы» и «Учрежденіе С.-Петербургскаго комитета общественнаго здравія», а во второмъ номерѣ были напечатаны его статьи: «Коммиссія для осмотровъ фабрикъ и заводовъ въ С.-Петербургѣ и уѣздѣ» и «О студенческой С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи вспомогательной кассѣ». Въ теченіе своего десятилѣтняго владѣнія «Медицинскимъ Вѣстникомъ» Чистовичъ напечаталъ въ немъ болѣе 200 статей, изъ которыхъ укажемъ на слѣдующія: въ 1861 году, кромѣ вышеупомянутыхъ, «Какъ изъ худа иногда выходитъ добро» (разъѣзды и прогоны уѣздныхъ врачей) (№ 2), «О преобразованіи губернскихъ медицинскихъ учрежденій» (№ 4 и 5), «Городская замѣтка» (о выпискѣ родильницъ на 3-й день) (№ 4), «Судебно-медицинскій случай смерти отъ побоевъ» (№ 8), «Зуболѣчитель офицеръ Бородинъ» (тамъ же), «Обращеніе къ врачебной помощи для внезапныхъ случаевъ» (№ 12), «Учебные экзамены въ Медико-Хирургической Академіи» (исторія ихъ съ Бидлоо) (№№ 13, 14 и 15), «Медицинскія ученыя общества въ Россіи» (№ 15), «Общества Маріинскаго капитала для вдовъ и сиротъ врачей» (№ 25), «Огромный нарывъ въ сторонѣ печени», «Предположеніе объ устройствѣ скорбныхъ домовъ» (№ 28), «Отрывокъ изъ исторіи гомеопатіи въ Россіи» (№№ 29—30), «Одна изъ тайнъ врачей—практиковъ и нѣкоторыхъ аптекарей» (№ 36) и «Притворный выкидышъ» (№№ 40 и 41), въ 1862 году: 1) «Смерть отъ тѣлеснаго наказанія» (№ 1), 2) «Преобразованіе въ торговлѣ иностранными патентованными лѣкарствами» (№ 3), 3) «Къ вопросу о врачахъ-женщинахъ въ Россіи» (№ 4 и за 1863 г. № 28), 4) «Отчего петербургское пиво горько» (№№ 4 и 31), 5) «Первый докторскій дипломъ, полученный по экзамену въ Россіи» (№№ 16, 17 и 18), 6) «Законъ 3-го марта 1862 года» (отмѣна медицинской цензуры) (№ 16), 7) «Учрежденіе казенныхъ аптекъ въ Тобольскѣ и Иркутскѣ» (№№ 17, 18 и 19), 8) «Объ учрежденіи С.-Петербургскимъ фармацевтическимъ Обществомъ Pharmaceutische Zeitsshr. für Russland» № 20), 9) «Европейскій госпиталь въ

Китаѣ» (№ 28), 10) «Къ вопросу о докторскомъ экзаменѣ» (№№ 31, 32, 33, 34 и 35), 11) «Нешпоркевичъ и современность (пилюли изъ ваты отъ зубной боли) (№ 31), 12) «Женскій вопросъ въ Эдинбургскомъ университетѣ» (№ 50) и 13) «Конкурсныя медали Общества русскихъ врачей» (№ 52), въ 1863 году: 1) «Объ учрежденіи ученаго Общества военныхъ врачей въ Варшавѣ» (№ 2), 2) «Еще одна изъ тайнъ петербургскихъ аптекарей» (№№ 10 и 12), 3) «Конкурсъ на должность оператора въ Московской госпитальной школѣ въ прошломъ столѣтіи» (№№ 17, 18, 19, 20, 21, 22 и 23), 4) «Призрѣніе умалишенныхъ въ С.-Петербургѣ» (№№ 23 и 24), 5) «Странное сгораніе трупа» (№ 29), 6) «О листкѣ Кавказскихъ минеральныхъ водъ» (№ 31), 7) «Военно-хирургическій музей С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи» (№ 35), 8) «Судебно-медицинскій случай насильственной смерти» (Северинъ), изъ дѣлъ С.-Петербургскаго физиката (№ 38), 9) «Протестъ противъ опытовъ надъ животными» (№№ 45 и 46) и 10) «Русское бальнеологическое Общество при Кавказскихъ минеральныхъ водахъ» (№ 48); за 1864 г.: 1) «Естественно-историческій институтъ при С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи» (№№ 1, 2, 3, 4, 5, 6 и 7), 2) «С.-Петербургская статистика» (№ 5), 3) «Вліяніе С.-Петербугскаго климата на оперативную хирургію» (отправленіе калькулезныхъ въ Москву (№ 10), 4) «Аптечный вопросъ въ Россіи» (№ 26 и «Голосъ» 1864 г., №№ 153—156), 5) «О недопущеніи женщинъ къ слушанію лекцій въ С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи» (№ 29) и 6) «Губернскія медицинскія общества»; за 1865 годъ; 1) «Объ измѣненіи аптекарской таксы» (№ 1), 2) «Къ исторіи возвратной горячки въ Петербургѣ» (№№ 14 и 15), 3) «О значеніи большихъ госпиталей» (№№ 16, 17, 18, 19 и 20) и 4) «Аптекарское шарлатанство» (№ 31); за 1866 годъ: 1) Признаки старческой дряхлости (№ 7), 2) «Мѣры противъ холеры» (№ 9, 28, 29, 30 и 31), 3) «Опять трихины въ С.-Петербургѣ и еще живыя» (№ 11), 4) «Медицина при новомъ судопроизводствѣ» (№ 14), 5) «Учрежденіе общественнаго призрѣнія и лѣченія» №№ 25 и 26), 6) «Медицинскіе конкурсы» № 34), и 7) «О предложеніи П. А. Нарановича устроить клиническое отдѣленіе для больныхъ съ механическими поврежденіями» (№ 43); за 1867 годъ: 1) «О докторскихъ экзаменахъ для студентовъ» (№№ 22, 24 и 25), 2) «Новая эпидемія meningitis cerebro-spinalis superativa» (№№ 28, 30 и 35), 3) «Русская женщина съ докторскимъ дипломомъ» (№ 35) и 4) «Два слова о земской медицинѣ» (№ 48); за 1868 годъ: 1) «Первый съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ С.-Петербургѣ» (№ 4), 2) «Выпускъ молодыхъ врачей на службу» (№ 5), 3) «Помойныя нечистоты передъ мировымъ судомъ въ Петербургѣ (№ 23), 4) «Предположенія объ устройствѣ земской аптеки» (№ 37), 5) «По поводу мнѣнія о врачеваніи, какъ о свободномъ промыслѣ, на основаніи будто бы новаго закона» (№ 38) и 6) «О медицинскихъ календаряхъ» (№ 39); за 1869 годъ: 1) «Земская медицина» (№№ 20, 21, 33 и 34), 2) «О преобразованіи военно-фельдшерскихъ школъ» (№№ 29 и 30), 3) «Гдѣ взять хирургическихъ инструментовъ» (№ 35), 4) «Второй съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Москвѣ» (№ 36), 5) «Разъясненіе недавняго оперативнаго случая» (№ 39), 6) «Очеркъ устройства дѣтской больницы принца Петра Ольденбургскаго» (№ 42), 7) «Свѣдѣнія о холерѣ въ Россіи» и 7) «Отчетъ судебно-медицинскаго отдѣленія клиническаго военнаго госпиталя» (№№ 48, 49, 50, 51 и 52); за 1870 годъ: 1) «О резервѣ врачей для военнаго времени» (№№ 24 и 25), 2) «Новыя періодическія изданія въ Россіи» («Знаніе» и «Dorpater med. Zeitsch.») (№ 30), 3) «Старая новость» (Персинъ—лѣчитель сифилиса) (№ 42) и 4) «Икота—сѣверная болѣзнь» (№№ 42, 43, 44, 45, 46, 47, 46 и 49); за 1871 годъ: 1) «Военные отголоски» (№ 6), 2) «Самоубійство угаромъ» (№ 8), 3) «О недостаткѣ врачей въ Россіи» (№№ 12, 13 и 14), 4) «Деревенскія лѣчебницы» (№ 14), 5) «Куда ѣхать на лѣто» (№ 15), 6) «Нашъ врачебный бытъ» (№№ 16, 17, 23, 24, 25, 26 и 27), и за 1873 годъ: «Первые городовые врачи въ Россіи. Учрежденіе сифилитическихъ больницъ въ большихъ городахъ въ Россіи 100 лѣтъ тому назадъ» (№№ 31, 32, 33, 34 и 35). Назначенный въ 1871 году начальникомъ С.-Петербург-

ской Медико-Хирургической Академіи, Чистовичъ былъ такъ обремененъ занятіями по Академіи, что вынужденъ былъ оставить редакторство «Медицинскаго Вѣстника» и передалъ его доктору медицины Дмитревскому, не переставая во все время редакторства послѣдняго, хотя уже и менѣе интенсивно, сотрудничать въ журналѣ. Изъ дальнѣйшихъ, напечатанныхъ въ «Медицинскомъ Вѣстникѣ» статей Чистовича укажемъ слѣдующія: «Открытіе Михайловской Клинической больницы баронета Виліе 2-го декабря 1873 года» («Медиц. Вѣстн.» 1874 г., № 1), «Первыя клиники С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи» (тамъ же, №№ 3, 4, 5, 6 и 7) и «Вспомогательная медицинская касса» (по поводу статьи Р. Кулишера) («Медиц. Вѣст.» 1878 г. № 38). Чтобы дополнить очеркъ журнальной дѣятельности Чистовича, укажемъ, что онъ еще сотрудничалъ въ слѣдующихъ изданіяхъ: 1) въ «Московской Медицинской Газетѣ», гдѣ напечатаны его статьи: «Московскіе операторы каменной болѣзни» (за 1860 г. №№ 47 и 48), «Г-ну Горыничу (о вспомогательной медицинской кассѣ)» и другія; 2) въ «Архивѣ Судебной Медицины», гдѣ помѣстилъ: «6-ой перечень судебно медицинскихъ вскрытій при каѳедрѣ С.-Петербургской Медико-Хирургической Акад. съ 1-го сентября 1860 года по 1-ое августа 1863 года» (за 1865 г., № 3), «О множественности травматическихъ поврежденій» (за 1868 г., № 3) и другія, 3) въ «Медицинскомъ Календарѣ», 4) въ «Знаніи», 5) въ «Правительственномъ Вѣстникѣ и нѣсколькихъ другихъ современныхъ ему періодическихъ изданіяхъ. Переводами въ этотъ періодъ своей литературной дѣятельности Чистовичъ совсѣмъ не занимался, и за все время подъ его редакціей переведено (С. Вертоградовымъ) лишь одно сочиненіе: съ французскаго, Гаварре. «О теплотѣ, производимой живыми существами» (Спб. 1866 г. 8°). Будучи страстнымъ публицистомъ, Чистовичъ въ то же время и съ увлеченіемъ занимался исторіей медицины. Принявъ на себя въ 1856 году безвозмездное назначеніе состоять при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ для разбора историческихъ матеріаловъ, хранящихся въ Архивѣ Медицинскаго Департамента (дѣла Медицинской Канцеляріи и Государственной Медицинской Коллегіи), онъ въ теченіе восьми лѣтъ изо дня въ день работалъ по вечерамъ у себя дома надъ разборомъ и изученіемъ разныхъ документовъ, привозимыхъ къ нему изъ архива. Начавъ заниматься исторіей медицины въ Россіи, Чистовичъ рѣшилъ собрать весь матеріалъ для исторіи врачебнаго образованія въ Россіи въ восемнадцатомъ вѣкѣ. Работы было очень много, такъ какъ, кромѣ дѣлъ Медицинскаго Департамента, ему пришлось еще производить разысканія въ архивѣ Святѣйшаго Сѵнода, гдѣ хранятся дѣла бывшаго Монастырскаго Приказа, содержащія много документовъ, относящихся къ первымъ госпитальнымъ школамъ, а архивъ Святѣйшаго Сѵнода былъ въ страшномъ безпорядкѣ. Эти-то работы въ архивахъ дали ему возможность напечатать цѣлый рядъ статей историческаго характера, которыя онъ затѣмъ издалъ подъ общимъ заглавіемъ «Очерки изъ исторіи русскихъ медицинскихъ учрежденій XVIII вѣка» (С.-Пб. 1870 г. 8°, 446 стр.). Сюда вошли слѣдующіе очерки: 1) «Два судебно-медицинскихъ дѣла изъ временъ Медицинской Канцеляріи 1739 года, 3) «Кончезерскія минеральныя воды 1752—1753 гг.», 2) «Кизляръ и его медицинская топографія за 100 лѣтъ назадъ», 4) «Первыя акушерскія школы для повивальныхъ бабокъ», 5) «Госпитальный споръ 1757 г.», 6) «Учрежденіе казенныхъ аптекъ въ Тобольскѣ и Иркутскѣ», 7) «Первый медицинскій штатъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ», (Смольнаго монастыря) 8) «Первый докторскій дипломъ, полученный по экзамену въ Россіи», 9) «Московскіе операторы каменной болѣзни», 10) «Трина, судебно-медицинское дѣло 1778 года» и 11) «Конкурсъ на должность оператора въ Московской госпитальной школѣ въ 1795 году». Потративъ около пятнадцати лѣтъ на изученіе и разработку собраннаго имъ огромнаго историческаго матеріала, относящагося къ исторіи медицинскаго образованія въ Россіи въ XVIII вѣкѣ, Чистовичъ въ 1883 году выпустилъ въ свѣтъ свое наиболѣе крупное сочиненіе: — «Исторію первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи» (Спб. 1883 г. 8°, 662 и CCCLXX стр.) въ видѣ приложенія къ которому далъ

біографическій словарь врачей XVIII вѣка. Это сочиненіе Императорской Академіей Наукъ было удостоено Уваровской преміи. Вотъ далеко неполный очеркъ литературной дѣятельности Я. А. Чистовича. Болѣе полные перечни его трудовъ приведены въ книгѣ Л. Ѳ. Змѣева, «Русскіе врачи-писатели», вып. I, тетрадь II (С.-Пб. 1886 г.) и въ докторской диссертаціи А. Европина «Историческій очеркъ каѳедры судебной медицины съ токсикологіею при Императорской Военно-Медицинской Академіи. 1798—1898 гг.» (С.-Пб. 1898 г.).

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію *дѣятельности Я. А. Чистовича по Медико-Хирургической Академіи*. Не оставленный при Академіи тотчасъ же по окончаніи въ ней курса по болѣзни Чистовичъ, возвратившись въ Петербургъ и начавъ работать въ «Военно-Медицинскомъ Журналѣ», вскорѣ пріобрѣлъ себѣ репутацію трудолюбиваго и знающаго человѣка. Поэтому по смерти адъюнктъ-профессора каѳедры судебной медицины съ токсикологіею Ярошевскаго, конференція Медико-Хирургической Академіи избрала его на эту должность, въ которой онъ и былъ утвержденъ 18-го марта 1853 года, послѣ прочтенія двухъ пробныхъ лекцій: 1) «De intoxicatione strychnino et nicotino» и 2) «О водѣ въ гигіеническомъ отношеніи». Съ этого времени и начинается почти двадцатипятилѣтняя и весьма разнообразная дѣятельность Чистовича по Академіи. Профессоръ Е. В. Пеликанъ, при каѳедрѣ котораго онъ состоялъ адъюнктомъ, занималъ много разнообразныхъ должностей и вслѣдствіе этого часто находился въ командировкахъ. Въ такихъ случаяхъ Я. А., кромѣ возложенной на него гигіены съ медицинской полиціей, приходилось читать еще и судебную медицину съ токсикологіей, а слѣдовательно и быть преподавателемъ всѣхъ предметовъ той каѳедры, при которой онъ состоялъ адъюнктомъ. Не смотря на то, что у него очень много времени отнимали постороннія занятія, онъ всегда вполнѣ успѣшно велъ преподаваніе; поэтому, когда въ началѣ 1857 года Е. В. Пеликанъ уѣхалъ за границу, то Конференція Академіи 18-го марта того же года поручила ему исполнять должность профессора съ правомъ засѣдать въ Конференціи. Когда, по назначеніи Дубовицкаго президентомъ Медико-Хирургической Академіи, Конференція Академіи сдѣлала постановленіе, чтобы всѣ профессора представили ей донесенія о тѣхъ измѣненіяхъ, какія по ихъ мнѣнію слѣдовало бы произвести для улучшенія состоянія ихъ каѳедръ, Ч., въ составленномъ имъ донесеніи между прочимъ представилъ проектъ учрежденія при тогда только что присоединенномъ къ Медико-Хирургической Академіи 2-мъ военно-сухопутномъ госпиталѣ судебно-медицинскаго отдѣленія. Послѣ всесторонняго обсужденія проекта Ч. Конференція приняла его безъ измѣненія, и при Медико-Хирургической Академіи было учреждено судебно-медицинское отдѣленіе, которое было первымъ учрежденіемъ подобнаго рода не только въ Россіи, но и въ Европѣ. Завѣдующимъ этимъ отдѣленіемъ былъ Я. А. Чистовичъ. Утвержденный 14-го мая 1858 года ординарнымъ профессоромъ Медико-Хирургической Академіи по каѳедрѣ судебной медицины съ токсикологіей и медицинской полиціи съ гигіеной, Ч. продолжалъ по ноябрь 1863 года одинъ вести преподаваніе по всѣмъ предметамъ своей каѳедры, въ то же время занимая и должность завѣдующаго госпитальнымъ судебно-медицинскимъ отдѣленіемъ, а также и должность помощника главнаго врача 2-го военно-сухопутнаго госпиталя, причемъ первую изъ этихъ должностей онъ долгое время занималъ безплатно. Особенно много хлопотъ приносила ему должность помощника главнаго врача госпиталя, потому что время его службы совпало съ временемъ крупныхъ реформъ, производившихся Дубовицкимъ въ этомъ госпиталѣ, причемъ ему поручено было составленіе всѣхъ проектовъ, смѣтъ, плановъ, росписаній, каталоговъ, различныхъ правилъ для студентовъ, правилъ для экзаменовъ и много другихъ работъ. Кромѣ этого Чистовичъ участвовалъ почти во всѣхъ коммисіяхъ, составлявшихся изъ членовъ Конференціи съ цѣлью обсужденія какъ обыденныхъ, такъ и важныхъ вопросовъ. Затѣмъ ему чаще другихъ профессоровъ приходилось разсматривать диссертаціи, ученыя работы, статьи и популярныя сочиненія по медицинѣ, присылаемыя для

заключенія и отзыва изъ цензурнаго комитета. И это въ то время, когда онъ трудился по розысканію историческихъ документовъ, издавалъ свой «Медицинскій Вѣстникъ», цензуровалъ выходившія тогда медицинскія газеты: «Гигея», «Журналъ Гомеопатовъ» и «Блюститель здоровья и русскаго богатства», производилъ довольно часто изслѣдованіе аппаратовъ, присылаемыхъ изъ Главнаго Штаба, предположенныхъ для употребленія въ войскахъ, состоялъ (съ 1859 года) членомъ Высочайше учрежденной Коммисіи для осмотра заводовъ и фабрикъ въ С.-Петербургѣ, былъ секретаремъ, вице-предсѣдателемъ и предсѣдателемъ Общества Русскихъ Врачей, членомъ особаго Комитета Общественнаго здравія, членомъ коммисіи по устройству гражданскаго медицинскаго управленія (съ 1860 года), членомъ особаго комитета по составленію постановленій о пріемѣ рекрутовъ (съ 1863 года), давалъ заключенія и мнѣнія по судебнымъ дѣламъ и производилъ всѣ судебно-медицинскія вскрытія. Съ 1860 года онъ нѣсколько разъ просилъ объ увольненіи его отъ должности помощника главнаго врача 2-го военно-сухопутнаго госпиталя; Президентъ Дубовицкій, не находя никого, кѣмъ бы онъ могъ замѣнить Чистовича, не увольнялъ послѣдняго даже тогда, когда онъ, будучи назначенъ, 3-го мая 1869 года, ученымъ секретаремъ Конференціи Медико-Хирургической Академіи, снова подалъ просьбу объ увольненіи отъ должности помощника главнаго врача госпиталя и лишь въ слѣдующемъ году получилъ увольненіе отъ этой должности, причемъ Конференція Академіи, имѣя въ виду крупныя заслуги Чистовича передъ Академіей, упросила его остаться еще на пятилѣтній срокъ во всѣхъ другихъ академическихъ должностяхъ. Назначенный 11-го мая 1871 года начальникомъ Медико-Хирургической Академіи, Я. А. еще менѣе имѣлъ возможности отдохнуть, потому что какъ разъ въ это время въ Академіи начались разныя неурядицы. Наиболѣе серьезными изъ нихъ было переполненіе Академіи студентами. Кромѣ того среди профессоровъ въ то время какъ разъ образовались двѣ партіи, постоянно враждовавшія между собой, и Чистовичъ прилагалъ всѣ усилія, чтобы по возможности прекратить эти неурядицы. Когда же осенью 1874 года произошли студенческіе безпорядки во многихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ томъ числѣ и Медико-Хирургической Академіи, и по ходатайству военнаго министра передъ Государемъ о принятіи особыхъ мѣръ къ прекращенію неурядицъ въ Академіи, 26-го ноября 1874 года Высочайше была учреждена временная коммиссія подъ предсѣдательствомъ генерала-отъ-инфантеріи А. А. Непокойчицкаго, на которую было возложено изысканіе мѣръ къ предупрежденію будущихъ безпорядковъ и завѣдываніе всѣми дѣлами Академіи на правахъ главнаго военно-медицинскаго инспектора, то положеніе Чистовича сдѣлалось еще тяжелѣе. Однако не смотря на свое крайне неудобное служебное положеніе Чистовичъ изъ любви къ Академіи рѣшилъ переносить его насколько хватитъ силъ и оставаться на своемъ посту начальника. Вскорѣ впрочемъ онъ пришелъ къ заключенію, что жертва его не можетъ принести пользы Академіи и подалъ прошеніе объ отставкѣ. Уволенный 9-го августа 1875 года отъ должности начальника медико-хирургической Академіи съ назначеніемъ непремѣннымъ членомъ Военно-Медицинскаго Ученаго Комитета, онъ и послѣ того нѣсколько разъ принималъ участіе въ разныхъ коммиссіяхъ по пересмотру и измѣненію нѣкоторыхъ положеній Академіи.

Теперь разсмотримъ *дѣятельность Я. А. Чистовича, какъ члена разныхъ ученыхъ обществъ*. Первымъ по времени (24-го апрѣля 1854 года) состоялось избраніе его въ члены Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества; но дѣламъ этого общества онъ посвящалъ не особенно много времени, такъ какъ, будучи избранъ 16-го января 1856 г. въ дѣйствительные члены и секретаремъ Общества русскихъ врачей въ Петербургѣ, онъ все свое свободное время посвятилъ этому послѣднему обществу. Чистовичъ прежде всего позаботился о приведеніи денежныхъ дѣлъ Общества въ порядокъ. Затѣмъ, для поднятія научнаго интереса къ Обществу, онъ первый сталъ печатать протоколы засѣданій Общества, наконецъ, составилъ новый уставъ Общества, принятый и дѣйствовавшій болѣе 25-ти лѣтъ. Благодаря печата-

нію «Протоколовъ» Общества и измѣненію устава интересъ къ Обществу сталъ увеличиваться. Усилился также и притокъ новыхъ членовъ, особенно послѣ избранія предсѣдателемъ Общества Дубовицкаго, а вице-предсѣдателемъ Чистовича. Сообщеній въ Обществѣ стало дѣлаться больше, жизнь его пошла оживленнѣе, научное значеніе возрасло и къ его дѣятельности стали прислушиваться не только русскіе медики, но за ней съ большимъ интересомъ слѣдили и за границей. Избранному въ 1866 г. послѣ Дубовицкаго предсѣдателемъ Общества, Чистовичу оставалось только радоваться, глядя на тѣ прекрасные результаты, какими увѣнчались его труды. Но такъ продолжалось не долго. Вскорѣ начали происходить столкновенія между вновь притекшими молодыми силами. Засѣданія Общества сдѣлались болѣе мѣстомъ сведенія личныхъ счетовъ, чѣмъ мѣстомъ обмѣна научныхъ мнѣній и наблюденій, а вслѣдствіе этого у многихъ членовъ интересъ къ дѣламъ совершенно пропалъ. Будь въ это время предсѣдателемъ Общества не Чистовичъ, а человѣкъ съ меньшей силой воли и меньшими административными способностями, Общество навѣрное прекратило бы свое существованіе. Стараясь умиротворить образовавшіяся въ Обществѣ партіи, дѣятельно вербуя новыхъ членовъ, упорно продолжая вести засѣданія Общества даже при самомъ минимальномъ числѣ собравшихся членовъ, снова выступая весьма часто со своими докладами, рефератами и сообщеніями, лишь бы только не отмѣнять засѣданія въ виду отсутствія темы для бесѣды, Чистовичъ добился того, что Общество не только не прекратило своего существованія, но и снова пріобрѣло, временно было утерянное, свое прежнее высокое научное и общественное значеніе. Только добившись возрожденія Общества, Ч. 2-го октября 1878 года отказался отъ должности предсѣдателя, и тогда же былъ избранъ почетнымъ членомъ. Будучи еще членомъ Общества русскихъ врачей въ Москвѣ (съ 2-го мая 1862 года), Императорскаго Русскаго Географическаго Общества (съ 16-го февраля 1866 года), почетнымъ членомъ Кіевскаго Медицинскаго Общества (съ 23-го апрѣля 1866 г.), членомъ корреспондентомъ Общества чешскихъ врачей въ Прагѣ (съ 1-го іюня 1866 года), почетнымъ членомъ Кавказскаго Медицинскаго Общества (съ 16-го марта 1867 года) и членомъ корреспондентомъ Виленскаго Медицинскаго Общества (съ 12-го октября 1867 года) и Общества минскихъ врачей (съ 16-го октября 1867 года), Чистовичъ ограничивалъ свою дѣятельность по этимъ обществамъ, посылая имъ свои печатные труды, свой «Медицинскій Вѣстникъ», а иногда также присылая имъ свои сообщенія для доклада на засѣданіяхъ. Нельзя также не упомянуть о дѣятельности Ч. въ качествѣ основателя вспомогательной медицинской кассы и Общества пособія нуждающимся студентамъ Императорской Медико-Хирургической Академіи. Начавъ издавать свой журналъ, онъ въ первомъ же номерѣ «Медицинскаго Вѣстника» напечаталъ статью «Объ учрежденіи вспомогательной медицинской кассы», въ которой обращается къ врачамъ съ горячимъ призывомъ сплотиться и создать органъ взаимопомощи. Послѣ двухлѣтней упорной пропаганды этой мысли, въ 1866 году министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ утвержденъ уставъ кассы. За всѣ семнадцать лѣтъ энергичнаго завѣдыванія Чистовичемъ кассою капиталъ ея достигъ свыше 200.000 рублей. Устроивъ вспомогательную кассу для врачей, Чистовичъ, глубоко сознавая крайне печальное и часто безвыходное положеніе бѣдныхъ студентовъ Медико-Хирургической Академіи, задумалъ устроить Общество пособія нуждающимся студентамъ этой Академіи и благодаря сочувствію многихъ членовъ конференціи Общество было учреждено въ 1874 году и ему передана была въ завѣдываніе касса студентовъ. Предсѣдателемъ Общества былъ избранъ Чистовичъ, измѣнившій самый уставъ кассы. За десять лѣтъ завѣдыванія его касса собрала до 25.000 рублей капитала.

Воспоминанія Я. А. Чистовича о его жизни и дѣятельности въ качествѣ военнаго врача напечатаны Л. Ѳ. Змѣевымъ въ «Русской Старинѣ» 1886 года, кн. 12.

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели». Вып. I, тетрадь 2, стр. 154—162; А. К. Европинъ, «Историческій очеркъ каѳедры судебной медицины съ токсикологіей при Императорской Воен-

но-Медицинской (бывш. Медико-Хирургической) Академіи. 1798—1898» (дисс. на степень д-ра медицины), стр. 142—213; біографія, перечень трудовъ и портретъ; Л. Ѳ. Змѣевъ, «Былое врачебной Россіи»; «Голосъ» 1872 г., №№ 15 и 35, «Врачъ» 1885 г., № 43, некрологъ и рѣчи при погребеніи д-ра А. Г. Баталина и д-ра Н. В. Экка; «Новости» и «Биржевая Газета» 1885 г., №№ 291 и 292, некрологъ и рѣчи Сорокина (ошибка—Баталина и Экка) «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1885 г., декабрь, некрологъ, стр., 213—215, ст. Л. Ѳ. Змѣева «Новое Время» 1885 г. №№ 3467 и 3468, некрологъ и рѣчи Баталина и Экка; «Труды Общества русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ». 1885—1886 гг., некрологъ, стр. 34—40, ст. проф. С. П. Боткина; «Ежедневная Клиническая Газета» 1885 г., № 30, некрологъ, ст. Л. Ѳ. Змѣева и отдѣльный оттискъ. Спб. 1885 г. 8° 6 со спискомъ сочиненій Чистовича; «Петербургскій Листокъ» 1885 г., № 287, некрологъ, № 288 и № 289, рѣчи Баталина и Экка; «Калужскія Губернскія Вѣдомости» 1885 г., № 22 некрологъ; «Русская Медицина» 1885 г.. № 40, стр. 745—746, некрологъ и рѣчи Баталина и Экка; «Труды Общества русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ» 1860 г.; «Протоколы засѣданій Общества русскихъ врачей въ Петербургѣ» съ 1857 по 1878 гг.; «Отчеты объ общихъ собраніяхъ участниковъ медицинской вспомогательной кассы» «Военно-Медицинскій Журналъ» съ 1867 по 1883 гг. и «Медицинскій Вѣстникъ» съ 1867 по 1882 гг.; «Отчеты объ общихъ собраніяхъ членовъ Общества вспомоществованія нуждающимся студентамъ С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи («Здоровье»): «Русскій Міръ» 1874 г., № 142; «Русская Старина» 1886 г., кн. 12; «Новое Время» 1865 г., № 3083; и многія статьи Я. А. Чистовича, Виляре «Энциклопедическій Медицинскій Словарь», т. 3, стр. 1954, «Русскій Календарь» на 1887 г., некрологъ. стр. 246; «Всеобщій Календарь» на 1887 г., некрологъ и портретъ; «Энцикл. Словарь». изд. Брокгауза и Ефрона. Д. Языковъ, вып. V. *Е. Ястребцевъ.*

Чистосердовъ, *Иванъ Павловичъ*, лѣкарь, писатель, статскій совѣтникъ, членъ Московскаго Общества Русскихъ врачей, окончилъ курсъ въ Московскомъ Университетѣ въ 1848 году, былъ Скопинскимъ городскимъ врачомъ съ 1850 по 1862 годъ, потомъ вышелъ въ отставку и впослѣдствіи опять служилъ по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ. Ему принадлежатъ слѣдующія сочиненія: «По поводу статьи Розова «О направленіи медицинской дѣятельности»—«Московская медицинская газета», 1861 г.; «Изъ отчетовъ Скопинскаго городского врача за 1860 г.»—ibid., 1861 г.; «Два замѣчательныхъ случая изъ судебно-медицинской практики». ibid., 1861 годъ; «О правѣ городовыхъ врачей на пенсію», ibid., 1862 г.; «Скоропостижная смерть отъ внѣшняго насилія», ibid. 1862 годъ; «Случаи поврежденія головы», ibid., 1866 г.; «Скопинская городская больница», ibid., 1861 г.; «Рѣчь представителя провинціальныхъ врачей въ Московскомъ Обществѣ русскихъ врачей въ засѣданіи 1 іюля 1861 года», ibid., 1861 г.

Змѣевъ, «Русскіе врачи, писатели». *В. Войновъ.*

Чистякова, *Софья Аѳанасьевна*, дѣтская писательница. Родилась въ 1817 г. и получила первоначальное образованіе въ частномъ пансіонѣ въ Дерптѣ, послѣ чего продолжала самостоятельно заниматься науками и литературой. Въ 1835 году С. А. вышла замужъ за Михаила Борисовича Чистякова, впослѣдствіи извѣстнаго педагога и писателя. Съ этихъ поръ Ч. стала незамѣнимымъ сотрудникомъ своего мужа. Въ 1847 г. она, кромѣ того, открыла въ Петербургѣ пансіонъ для дѣвицъ. Въ 1851 г. вмѣстѣ съ мужемъ Ч. стала издавать «Журналъ для дѣтей», отличавшійся большими достоинствами, очень распространенный и въ то время почти единственный. Работы для Ч. было очень много и она принуждена была закрыть пансіонъ. Съ этого времени литературный трудъ вполнѣ поглотилъ ее, и она вскорѣ пріобрѣла извѣстность, какъ талантливая дѣтская писательница. Ч. состояла также сотрудницей «Семейныхъ Вечеровъ», во времена редакторства С. Кашпиревой, и между прочимъ помѣстила въ нихъ историческій очеркъ: «Татары» — «Семейные Вечера» 1871 г., № 2. Изъ сочиненій Ч. укажемъ на слѣдующія: «Радость и горе, здѣсь и тамъ», по Вильдермуту, Спб. 1869 г., изд. 2-е. Спб. 1882 г.; «Исторія кусочка угля», Спб. 1872 г.; «Дѣти», разсказы для крошечныхъ дѣтей, Спб. 1873 г.; «Разсказы изъ жизни животныхъ», Спб. 1875 г.; «Исторія Петра Великаго», составлена по Голикову, Устрялову и Соловьеву, Спб. 1875 г.; «Сказка Бова Королевичъ», Спб. 1880 г.; Сказка «Василиса Прекрасная», Спб. 1880 г.; сказка Емеля Дурачокъ», Спб. 1880 г.; сказка «Илья Муромецъ», Спб. 1880 г.; «Собраніе русскихъ народныхъ сказокъ», Спб. 1880 г.; «Лѣто», новые повѣсти и разсказы, преимущественно изъ русскаго быта, Спб. 1881 г.; «Осень», новые повѣсти и разсказы, Спб. 1881 г.; «Разсказы изъ жизни животныхъ», Спб. 1883 г.;

«Жизнь и приключенія Робинзона Крузо Д. Дефо, обработано для дѣтей, Спб. 1882 г. Ч., кромѣ работы надъ оригинальными произведеніями, такъ же положила много труда на переводы иностранныхъ авторовъ. Она участвовала въ переводѣ «Всемірной Исторіи» Шлоссера; перевела сочиненіе Ф. Кристмана и С. Оберлэндера: «Новая Зеландія и остальные острова южнаго океана», Спб. 1872—1875 гг.; а также нѣкоторые романы Ауэрбаха и Марлитта. Отъ усиленной работы здоровье Ч. начало слабѣть»,. особенно же на нее неблагопріятно подѣйствовала смерть двухъ взрослыхъ сыновей и мужа. Ч. скончалась въ Петербургѣ 11-го іюня 1890 года.

Отеч. Зап. 1849 г., т. LXV, вн. изв. стр. 111—117. «Историческій Вѣстникъ» 1890 г., № 8, стр. 478. кн. Н. Н. Голицынъ. «Библіографическій словарь русскихъ писательницъ», Спб. 1889 г., стр. 272. «Биржа», 1872 г., № 139. «Новое Время», 1890 г., № 5132. «Новости», 1890 г., № 160. «Русскій Календарь» на 1891 г., стр. 288.

А. Трнка.

Чистяковъ, *Иванъ Дороѳеевичъ*, ординарный профессоръ Московскаго университета по каѳедрѣ анатоміи и физіологіи растеній. Родился въ октябрѣ 1843 года на Кавказѣ, гдѣ отецъ его долгое время служилъ военнымъ врачомъ. По переѣздѣ семейства въ гор. Сызрань, Симбирской губерніи, Чистяковъ отданъ былъ въ Симбирскую гимназію, откуда, въ 1862 году, по желанію отца, поступилъ на историко-филологическій факультетъ Казанскаго университета, но пробылъ тамъ только одинъ годъ и уже въ слѣдующемъ году перешелъ на физико-математическій факультетъ Московскаго университета. Перейдя на 3-й курсъ, онъ начинаетъ сильно увлекаться ботаникой и посвящаетъ изученію этого предмета все свое свободное время. Въ 1867 году онъ началъ свое сочиненіе на золотую медаль: «Семейство каперсовыхъ крестоцвѣтныхъ, дымянковыхъ и маковыхъ, ихъ отношенія другъ къ другу и мѣсто въ системѣ», надъ которымъ работалъ цѣлый годъ, и за которое ему была присуждена золотая медаль; кромѣ того, онъ оставленъ былъ на два года при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію. Въ 1869 году въ Москвѣ созванъ былъ второй Съѣздъ естествоиспытателей, на которомъ Ч. сдѣлалъ докладъ въ одномъ изъ засѣданій ботанической секціи о маковыхъ. Въ 1870 году онъ сдалъ магистерскій экзаменъ, а когда въ томъ же году профессоръ Рачинскій вышелъ въ отставку, то читать его предметы—анатомію и физіологію растеній, Университетъ пригласилъ, въ качествѣ сторонняго преподавателя, Чистякова. Въ слѣдующемъ году онъ защитилъ магистерскую диссертацію «Объ организмѣ маковыхъ» и былъ удостоенъ искомой степени. Тогда же онъ избранъ былъ доцентомъ университета и началъ готовить диссертацію на доктора ботаники, которую и защитилъ въ 1871 году. Диссертація эта «О развитіи спорангіевъ и споръ у папоротниковъ» была признана выдающимся научнымъ сочиненіемъ и авторъ ея не только признанъ былъ докторомъ ботаники, но и избранъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ. Въ томъ же году Чистяковъ женился и уѣхалъ за границу на два года для научныхъ работъ. Тамъ онъ съ жаромъ принялся за изученіе и изслѣдованіе анатоміи и физіологіи клѣтки и помѣстилъ по этимъ вопросамъ цѣлый рядъ научныхъ статей въ разныхъ французскихъ, нѣмецкихъ и итальянскихъ періодическихъ изданіяхъ. Между тѣмъ у него появились признаки чахотки. Боясь, что онъ не успѣетъ опубликовать сдѣланныя имъ изслѣдованія, И. Д. Чистяковъ сталъ работать по 14-ти часовъ въ сутки. Такую работу не всякій и здоровый организмъ выдержитъ, поэтому понятно, что здоровье его сильно разстроилось. Лѣтомъ 1874 года онъ вернулся въ Москву совершенно больной и вскорѣ поѣхалъ въ Самару на кумысъ. Съ началомъ академическаго года началась и его усиленная работа, такъ какъ, кромѣ лекцій, у него много времени отнималъ еще ботаническій садъ, завѣдываніе которымъ было поручено ему. Это еще болѣе разстроило его здоровье и уже тою зимой у него открылось сильное кровохарканіе. Весной 1875 г. доктора послали его опять за границу, но и Италія не могла уже спасти его. Проживъ тамъ болѣе года и работая по мѣрѣ силъ надъ опубликованіемъ своихъ прежнихъ изслѣдованій, онъ въ началѣ 1877 г. получилъ изъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ третій разъ сумму для лѣченія за границей.

Онъ снова поѣхалъ въ Италію, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вернулся совершенно разбитый въ Москву, гдѣ и скончался 3-го іюня 1877 г. на 34-мъ году отъ рожденія. Тѣло его погребено въ Москвѣ, на Ваганьковскомъ кладбищѣ. За время своей ученой дѣятельности онъ опубликовалъ слѣдующіе свои труды: 1) «Beiträge zur Entwickelungsgeschichte d. Cuticula», Moskau. 1889; 2) «Versuch einer vergleichend - anatomischen Untersuchung des Stengels einiger Lemnaceen». Moskau. 1870. Обѣ работы помѣщены въ «Бюллетенѣ Императорскаго Московскаго Общества испытателей природы»; 3) «Органогенезисъ въ семействѣ Papaveraceae». M. 1871 г. Помѣщено въ «Трудахъ» 2-го съѣзда естествоиспытателей; 4) «Исторія развитія спорангіевъ и споръ высшихъ тайнобрачныхъ, пыльниковъ и пыльцы явнобрачныхъ». Анатомо-физіологическое изслѣдованіе, помѣщенное въ «Извѣстіяхъ Императорскаго Московскаго Общества любителей естествознанія» за 1871 г.; 5) «Développement des sporanges et des spores chez les Fougères», помѣщено въ «Annales des Sciences naturelles 5-e série Botanique за 1874 г.», составляетъ извлеченіе изъ предыдущей работы; 6) «Matériaux pour servir a l'histoire de la cellule végéttals (Recherches sur le developpement des spores de l'Equisetum limosum E et du Lyçopodium alpinum Z.), помѣщено въ «Nuovo Giornale botanico italiano». 1874.

«Рѣчи и отчетъ Московскаго Университета 12-го января 1878 года».—Некрологъ, ст. И. Горожанкина, стр. 1—10; «Извѣстія Императорскаго Московскаго Общества любителей естествознанія» за 1877 г., некрологъ.

Е. Ястребцевъ.

Чистяковъ, *Михаилъ Борисовичъ*, педагогъ и писатель въ области дѣтской литературы. Род. 1-го января 1809 г., умеръ въ ночь съ 23-го на 24-е сентября 1885 г. Чистяковъ родился въ с. Воскресенскомъ, Калужск. губ., Жиздринск. уѣзда, гдѣ отецъ его былъ сельскимъ священникомъ. Первыми учителями Чистякова были его родители. Особенно обязанъ онъ матери, женщинѣ умной и доброй, которая сумѣла развить въ немъ ту доброту, сердечность и мягкость характера, которая впослѣдствіи такъ привязывала къ нему его учениковъ и учениц. Отданный затѣмъ въ Калужское Духовное Училище, Чистяковъ вытерпѣлъ не мало нужды и лишеній; побывалъ онъ и въ другихъ Духовныхъ Училищахъ: въ Московскомъ, Рязанскомъ и Нижегородскомъ; преподаваніе въ училищахъ было поставлено плохо, и если Чистяковъ что-либо и вынесъ оттуда, то этимъ онъ былъ обязанъ себѣ. Суровая школа, ранняя самостоятельность, нужда—все это вырабатывало въ Чистяковѣ зрѣлую логику, энергію мысли и твердость характера. Въ классахъ Рязанскаго Училища не малое вліяніе оказалъ на Чистякова извѣстный Н. И. Надеждинъ. Подъ его вліяніемъ Чистяковъ рано полюбилъ русскую литературу и философію и еще въ эти годы изучалъ «Darstellung der kritischen Philosophie» Канта. Въ 1828 г. Чистяковъ поступилъ въ Московскій Университетъ на словесное отдѣленіе и тутъ вновь встрѣтился съ Надеждинымъ, уже профессоромъ. Вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ Чистяковъ слушалъ здѣсь Мерзлякова, Каченовскаго и вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ же онъ былъ (въ 1831 г.) учредителемъ студенческихъ «литературныхъ вечеровъ». Поддерживаемый этими профессорами, Ч. мечталъ по окончаніи курса университета поѣхать за границу. Но— мечты эти не сбылись. Будучи казеннокоштнымъ студентомъ, Ч., по окончаніи Университета (въ 1832 г., кандидатомъ словеснаго отдѣленія), долженъ былъ занять учительское мѣсто: онъ былъ назначенъ учителемъ словесности въ г. Оршу, въ уѣздное Училище, но вскорѣ же перевелся въ Полоцкъ; въ 1833 г. перевелся во 2-ую Виленскую Гимназію (старшимъ учителемъ); въ 1834 г.—въ Могилевъ; въ 1835 г.—въ Витебскъ и только въ 1837 г. перебрался изъ Бѣлоруссіи въ Петербургъ, гдѣ сначала преподавалъ въ 1-ой, а потомъ въ 3-ей Гимназіи. Въ 1838 г. Чистяковъ занялъ мѣсто учителя въ Павловскомъ Кадетскомъ Корпусѣ (нынѣ Военное Училище); съ 1846 г. былъ здѣсь же наблюдателемъ-наставникомъ. Съ 1838 же г. онъ началъ читать лекціи въ Институтахъ Патріотическомъ и Смольномъ, а съ 1841 г.—въ спеціальныхъ классахъ Дворянскаго полка (пробывъ здѣсь только годъ). Во время пересмотра и составленія программъ военно-учебныхъ заведеній Чистяковъ вошелъ въ коммиссію препо-

давателей русскаго языка (вмѣстѣ съ Буслаевымъ, Галаховымъ, Бычковымъ и др.); работы эти легли въ основу Высочайше утвержденныхъ въ 1849 г. программъ для военно-учебныхъ заведеній. Съ 1852 г. Чистяковъ былъ инспекторомъ классовъ Николаевскаго сиротскаго Института. Съ 1865 г. — предсѣдателемъ учебнаго комитета при собственной Его Величества канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи. Въ слѣдующемъ году онъ былъ командированъ, по Высочайшему повелѣнію, за границу (въ Германію, Бельгію, Швейцарію и Францію) для осмотра Фребелевскихъ садовъ, исправительно-воспитательныхъ заведеній для дѣтей и женскихъ учительскихъ Семинарій. Ближайшимъ результатомъ этой поѣздки было: 1) реорганизація малолѣтняго отдѣленія Института; 2) открытіе при Институтѣ женскаго Училища для малоспособныхъ; 3) новая организація всего учебнаго институтскаго курса. Большая часть педагогической дѣятельности Чистякова прошла въ Николаевскомъ Институтѣ (гдѣ онъ прослужилъ 33 года, отпраздновавъ 9-го окт. 1882 г. 50-тилѣтній юбилей педагогической дѣятельности); выйдя въ маѣ 1885 г. въ отставку, онъ оставилъ по себѣ самыя теплыя воспоминанія. Умеръ Чистяковъ въ Лышенцахъ, въ Лужскомъ уѣздѣ. 28-го сентября тѣло его было перевезено въ Петербургъ и погребено на Волковомъ кладбищѣ.

Чистяковъ, принадлежа къ тому же поколѣнію, какъ и Грановскій, Кудрявцевъ, Рѣдкинъ, Пироговъ, Ушинскій, понималъ просвѣщеніе широко и гуманно, считая его дѣломъ свѣтлымъ, патріотическимъ. Въ своей дѣятельности онъ былъ одушевляемъ философско-педагогической идеей, изъ которой у него развивались всѣ взгляды, мысли и пріемы обученія. Истинное образованіе, по мнѣнію Чистякова, обнимаетъ всего человѣка нераздѣльно: тѣло, чувство, умъ, волю въ ихъ единствѣ и цѣлостности. Будучи благороднымъ идеалистомъ, всею душою преданнымъ дѣлу воспитанія, стремясь всегда согласовать слова съ дѣломъ, Чистяковъ благотворно дѣйствовалъ на окружающихъ своею безупречною личностью, невольно располагая къ себѣ не только учениковъ и ученицъ, но и всѣхъ, кому приходилось служить съ нимъ вмѣстѣ. Литературно-ученая дѣятельность Чистякова, началась рано. Еще будучи студентомъ, онъ перевелъ и издалъ (въ 1832 г.) книгу Бахмана: «Die Kunstwissenschaft» (подъ заглавіемъ «Начертаніе теоріи изящныхъ искусствъ»). Въ 1845 г. онъ издалъ «Очеркъ теоріи изящныхъ искусствъ», а въ 1847 г., какъ результатъ учительской практики,— «Курсъ теоріи словесности» (въ 2-хъ ч.). и «Практическое руководство къ постепенному упражненію въ сочиненіи». Что касается «Теоріи словесности», то это замѣчательная для своего времени книга, какъ по полнотѣ и обстоятельности содержанія, такъ и по его серьезности и обоснованности положеній. Исходя изъ того основного положенія, что мысль и рѣчь съ одинаковымъ правомъ могутъ быть названы душевными способностями, Чистяковъ не считаетъ возможнымъ отдѣлять теорію словесности отъ психологіи и начинаетъ свой курсъ съ уясненія психологическихъ понятій. Книга эта, устарѣвъ въ нѣкоторыхъ частяхъ и и взглядахъ, является интересной для спеціалиста и въ данное время. «Практич. руков. къ постепенному упражненію въ сочиненіи» представляетъ интересную попытку автора научить умѣнію точно и правильно излагать свои мысли. Признавая, что анализъ и синтезъ являются главными основаніями для воспитательнаго развитія мысли, Чистяковъ свое руководство начинаетъ съ простой передачи чужихъ мыслей своими словами и старается довести своего ученика до умѣнія осмысленно отвѣчать на заданную тему, «углубляться въ самого себя, обращать вниманіе на процессы мысли, сводить въ идеи дѣйствія внутренней жизни, частности приводить къ единству» (стр. 10). Въ это-же время вышла его «Учебная грамматика русскаго языка, основанная на логическомъ разборѣ предложеній. Спб. 1849».

Въ 1875 г. Чистяковъ издалъ «Курсъ педагогики, составленный по программѣ, утв. для женск. инст.».Здѣсь весь запасъ его многолѣтней педагогической практики. Главная мысль этого труда: «Вся мудрость родителей и воспитателей должна состоять въ томъ, чтобъ открыть преобладающія свойства воспитанника и

умѣть давать имъ средства развиваться» (стр. 19). Курсъ этотъ безусловно заслуживаетъ вниманія, однако авторъ допустилъ въ немъ мѣстами ошибки (напр., въ объясненіи нѣкоторыхъ душевныхъ процессовъ) и порой впадаетъ въ воспитательный идеализмъ и резонерство. Какъ дѣтскій писатель, Чистяковъ является лицомъ выдающимся. Здѣсь на первый планъ нужно поставить его «Журналъ для дѣтей», основанный въ 1851 г. при сотрудничествѣ педагога А. Е. Разина и выходившій съ 1851 г. по 1856 г. еженедѣльно, потомъ два года ежемѣсячно и, наконецъ, съ 1858 г. снова еженедѣльно. Въ 1856 году Разинъ оставилъ редакцію, и весь трудъ по веденію журнала легъ на Чистякова, который, спустя нѣкоторое время, обратился и въ единственнаго сотрудника журнала. «Журналъ для дѣтей» явился вторымъ солиднымъ журналомъ послѣ новиковскаго «Дѣтскаго чтенія», и до сихъ поръ еще въ этой области мы не имѣемъ ничего подобнаго. Журналъ этотъ, съ гуманитарно-эстетическимъ направленіемъ, свободный отъ поддѣлки и прописной морали, поставилъ себѣ цѣлью дать дѣтямъ «духовное, нравственное, историческое, естество-описательное и литературное чтеніе» (см. на заглавн. листѣ). Идейное богатство содержанія, глубокая правда, строгій выборъ сюжетовъ, разнообразіе, простое, занимательное изложеніе, ясный, вполнѣ литературный языкъ — вотъ качества журнала. Явившись въ то время, когда не было порядочнаго чтенія для дѣтей, онъ сразу сдѣлался любимцемъ маленькихъ читателей. На его долю выпало счастье воспитывать цѣлыя поколѣнія, поселяя своими разсказами въ юныхъ душахъ начала любви къ человѣку, къ природѣ, ко всему высокому и прекрасному. Съ прекращеніемъ журнала (въ 1865 г.) Чистяковъ началъ издавать отдѣльно помѣщенныя въ немъ свои статьи и прибавилъ къ этому длинному ряду книгъ еще много новыхъ. Обращаясь къ нимъ, мы прежде всего поражаемся трудолюбіемъ и энергіей писателя, сумѣвшаго такъ плодотворно пользоваться досугами отъ служебныхъ занятій. Постараемся сдѣлать характеристику этихъ повѣстей, разсказовъ, очерковъ. 1) Главная идея, которой руководился Чистяковъ какъ писатель,—чувство гуманности, любви къ человѣчеству. 2) Авторъ считаетъ нужнымъ показать своимъ читателямъ горе ближнихъ и пробудить въ нихъ чувство жалости и состраданія. «Многіе не любятъ, чтобы описывали горе,—говоритъ Чистяковъ въ предисловіи къ одному изъ разсказовъ... — Мы будемъ стараться, чтобы читатели наши не закрывали глазъ отъ горя и сердца отъ состраданія». Авторъ, далѣе, хочетъ заставить своихъ читателей любить ближнихъ, заботиться объ ихъ благѣ; авторъ показываетъ идеалы истины, добра и красоты. Хорошо зная дѣтскую натуру и понимая, что дѣтямъ нужно чтеніе, дѣйствующее на воображеніе и чувство, Чистяковъ избѣгаетъ однообразныхъ описательныхъ пріемовъ и обращаетъ вниманіе на завязку и развязку своихъ повѣствованій; благодаря этому, разсказы его увлекательны, интересны. 3) Признавая за природой огромное воспитательное значеніе (см. «Педагогику». «Природа сильнѣе всякой книги». «Теор. слов.», I, 63), Чистяковъ отводитъ ей не мало мѣста въ своихъ разсказахъ; здѣсь онъ руководится желаніемъ пробудить въ юныхъ сердцахъ любовь и привязанность къ природѣ, стремленіе обратиться къ ближайшему знакомству съ ней. 4) Развивая общечеловѣческія чувства, Чистяковъ не упускаетъ изъ виду и чувство гражданское: любовь къ своей родинѣ. Чистяковъ считаетъ необходимымъ познакомить дѣтей съ своей родиной и съ другими странами свѣта (см. его геогр.-этногр. очерки). 5) Чистяковъ сообщаетъ рядъ свѣдѣній историческихъ, предпочитая, при передачѣ ихъ, форму повѣствовательную (см., напр., «Святославъ, кн. Липецк.»). Конечно, разсказы Чистякова не лишены недостатковъ, но ихъ такъ мало, что они вполнѣ выкупаются достоинствами (такъ, о біографическихъ разсказахъ надо замѣтить, что выборъ біографій случайный, что переданы нѣкоторыя односторонне. «Житейская пестрота»—сборникъ разсказовъ, отличающихся пустой болтовней; разсказъ «Дитя», при всей его поэтичности, идейности, не доступенъ дѣтскому пониманію). Надо замѣтить еще, что нѣкоторыя статьи Чистякова—вещи переводныя или пере-

дѣланныя (напр., «Охотничьи разсказы», «Разсказы о быломъ», «Радость и горе», «Историческія повѣсти» 1871 г. — вещи на половину переводныя). Имъ переведены: съ сербскаго—«Коссово поле», съ чешскаго—народная поэма «Забой, Славой, Людекъ». Кромѣ того, Чистяковъ помѣщалъ свои статьи въ «Литер. приб. къ «Инвалиду» («Бетховенъ», 1839 г., т. I, № 14; «Кельтскій обычай». Тамъ же, № 15; «Нравы парижанъ XVI ст.». Тамъ же, № 18; «Нѣмецкій художникъ въ Римѣ». Тамъ же, т. II, № 6); въ «Сѣверной Пчелѣ» («О русскихъ университетахъ», 1862 г., № 45); въ «Свѣточѣ» («Христіанская церковь и христіанское общество», Гизо, 1861 г., кн. XII); въ «Отечественныхъ Запискахъ» (здѣсь одно время онъ былъ рецензентомъ и обозрѣвателемъ иностранной литературы); въ «Сынѣ Отечества» («Языкъ чувства». Изъ Гердера. 1837 г., CLXXXVI). Мы не будемъ перечислять всѣхъ книгъ, принадлежащихъ перу Чистякова (ихъ до 70-ти), назовемъ только главныя: «Живописные виды», 1865 г.; «Колосья», повѣсть для дѣтей отъ 8 л. 1866 г.; «Повѣсти и разсказы для дѣтей 12—15 лѣтъ», 1867 г.; «Русскіе историческіе разсказы», 1868 г.; «Жизнь древнихъ», 1868 г.; «Корни и плоды, Повѣсть для дѣтей 12 лѣтъ, 1868 г.; «Зима, лѣто, весна». Повѣсти и разсказы изъ народнаго быта» (три отдѣльныя книги) 1870 и 1871 гг.; «Лѣто», въ 1899 г. выпущено третьимъ изданіемъ; «Занимательныя вещи въ природѣ, для взрослыхъ дѣтей», 1872 г.; «Живое зерно», повѣсть, 1873 г.; «Разсказы изъ путешествія по Азіи, Африкѣ, Америкѣ и Европѣ» (четыре отдѣльныя книги, 1873 г. «Бѣдняки», повѣсть, 1874 г.; «Рамайана» др.-инд. поэма, обработ. для юнош., 1883 г. «Исторія Донъ-Кихота». Спб., 1869 г., 2-е изд. 1882 г. «Богъ въ природѣ» по Фламмаріону, 1869 г.; Географическіе и этнографическіе очерки вышли въ 1871 г. вторымъ, а въ 1884 г. третьимъ изданіемъ, подъ заглавіемъ: «О странахъ и народахъ разныхъ частей свѣта»; «Журналистъ, читатель и писатель», разборъ произведеній Лермонтова («Семейные вечера» для юношества, 1871 г. № 2). Въ «Задушевномъ Словѣ» для старшаго возраста въ 1889 г. (т. XX, № 2) напечатана не изданная при жизни автора повѣсть «Семья и служба». Подробный указатель см. «Библіографъ», 1885 г. № 12, стр. 93; Указатель Языкова («Историческій Вѣстникъ» 1888 г., № 12); «Женское Образованіе» 1885 г., № 8.

Чистякову принадлежатъ еще статьи: «О нравственно-исправительныхъ заведеніяхъ въ Гамбургѣ, Бельгіи, Франціи и Швейцаріи»; «О высшихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Берлинѣ, Гамбургѣ и Швейцаріи», «Фребель. Дѣтскіе сады за границей» (изъ путевыхъ записокъ 1866 г.)—напечатаны въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» 1868 г., т. 137, № 1; т. 138, №№ 4 и 5; «Шатобріанъ». Тамъ же, 1852 г., кн. 5; «О заграничныхъ нравственно-воспитательныхъ заведеніяхъ и о педагогическомъ отдѣлѣ вѣнской выставки», Спб. 1875 г.; «Народное преданіе о Брюссѣ»—«Русская Старина» 1871 г., т. IV, № 8.

Чистякову, кромѣ того, принадлежитъ нѣсколько стихотвореній: «Декабрьскія ночи», «Каминъ», «Три картины»—«Одесскій Альманахъ». 1839 г.; «Дѣвушка» (изъ Анакр.)—«Библіотека для чтенія» 1845 г., кн. 8; «Храмъ», «Цвѣтокъ на могилѣ», «Мое желаніе»—тамъ же, кн. 10.

«Пчела» 1875 г., №№ 7, 9 и 12 (Автобіогр. зап.); «Женское Образованіе» 1882 г., № 8, и 1885 г., № 8; «Педагогическій Сборникъ» 1885 г., № 11; «Воспитаніе и Обученіе» 1885 г., кн. 2; «Педагогическій Листокъ при Дѣтскомъ Чтеніи» 1878 г., № 3—4; А. Н. Пыпинъ, „Бѣлинскій", I, гл. II; «Воспоминанія» Фета («Русское Обозрѣніе» 1893 г., кн. 2, стр. 461, 468—469, 481); «Церковный Вѣстникъ» 1875 г., № 12; «Московскія Вѣдомости» 1882 г. № 283; «Дѣтство и отрочество», В. Верещагинъ, стр. 58. «Дѣло» 1873 г. № 12 и 1875 г, № 4; «Голосъ» 1875 г., № 24; «Народная Школа» 1874 г., №№ 8 и 10. Некрологи: «Всемірная Иллюстрація» 1885 г., № 14; «Журналъ Мин. Нар. Просв.» 1885 г., кн. 11; «Историческій Вѣстникъ» 1885 г., кн. 11; «Библіографъ» 1885 г., № 12; «Новости» 1885 г., №№ 264 и 269; «Новое Время» 1885 г., №№ 3440 и 3445; «Петербургскій Листокъ» 1885 г., №№ 259 и 264. См. еще «Энцикл. слов.» Клюшникова, Зотова-Толя, Граната. *Вяч. Водарскій.*

Чистяковъ, *Павелъ Егоровичъ*, контръ-адмиралъ, членъ Общаго Присутствія морского интендантства, род. въ 1789 г., ум. 1-го іюля 1851 г. въ Спб. Воспитывался въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, куда поступилъ въ 1799 г. (25-го марта). Въ 1804 г., будучи еще кадетомъ, отправленъ былъ на фрегатѣ «Венусъ» въ Средиземное море, гдѣ 22-го декабря произведенъ былъ въ мичманы. Затѣмъ три го-

да прослужилъ онъ на этомъ фрегатѣ, исключая второй половины 1806 г., въ которую служилъ на шебекѣ «Забіяка» въ Адріатическомъ морѣ. Въ 1807 г. участвовалъ при взятіи о—ва Тенедосъ и потомъ въ сраженіяхъ съ турецкимъ флотомъ при Дарданелахъ и у Аѳонской горы. Послѣ того ходилъ съ флотомъ до Лиссабона, откуда фрегатъ «Венусъ» возвратился въ Средиземное море въ Палермо. Тутъ получено было извѣстіе о разрывѣ съ Англіей, и такъ какъ на рейдѣ стояла англійская эскадра, то фрегатъ долженъ былъ сдѣлаться призомъ непріятеля; но твердая рѣшимость капитана Андреянова и всего экипажа не сдаваться живыми и энергическія дѣйствія нашего посланника тайн. сов. Татищева вывели «Венусъ» изъ этого критическаго положенія. 29-го декабря 1807 г. фрегатъ былъ сданъ Сицилійскому правительству и флагъ нашъ спущенъ въ виду непріятеля съ военными почестями. Всѣ офицеры и въ томъ числѣ произведенный въ мичманы (12-го января) Ч. подписали рѣшеніе: остаться за моломъ или въ гавани, гдѣ стоялъ фрегатъ; купить пороху на свой счетъ, ибо казенный порохъ, везенный съ берега изъ арсенала, захваченъ былъ на англійскій адмиральскій корабль, до крайности отражать нападеніе непріятеля и, наконецъ, сжечь фрегатъ. Экипажъ фрегата единогласно готовъ былъ на славную смерть и цѣлыя сутки провели они въ приведеніи фрегата въ оборонительное положеніе, но благоразумная политика нашихъ дипломатовъ сохранила жизнь храбрыхъ моряковъ. Команда перевезена была въ казармы, гдѣ и жила до апрѣля слѣдующаго года, когда отправлена была на купеческихъ судахъ въ Тріестъ. Тамъ Ч. поступилъ на корабль «Седельбархъ» и черезъ 1½ года вернулся сухимъ путемъ въ Кронштадтъ, гдѣ въ январѣ 1810 г. (11-го) произведенъ былъ въ лейтенанты. Съ 1812—1819 г. находился въ плаваніи на разныхъ судахъ въ русскихъ и иностранныхъ водахъ. Съ 1819—1827 г. Ч. состоялъ при Штурманскомъ Училищѣ (нынѣ Морское техническое Училище Императора Николая I) въ Кронштадтѣ и въ 1823 г. (22-го марта) получилъ чинъ капитана-лейтенанта. Черезъ 4 года, 16-го сентября, имѣлъ счастье представлять Государю Императору изобрѣтенный имъ подвижной телеграфъ для арміи, за что получилъ брилліантовый перстень. Съ 1829 по 1831 г. почти 31 морской мѣсяцъ сряду былъ въ кампаніи командиромъ 44-хъ пуш. фрегата Елизавета, плавалъ въ Балтійскомъ морѣ, потомъ ходилъ въ Средиземное море и прибылъ изъ Поро въ Наполи-ди-Романи, для сдачи привезеннаго изъ Россіи груза греческому правительству. На обратномъ переходѣ въ Поро фрегатъ выдержалъ жестокій штормъ, отъ котораго потерялъ всѣ три стеньги. Спустя 5½ ч. послѣ потери рангоута, на фрегатѣ уже стояли нижніе паруса, подъ которыми онъ пришелъ въ Эгину, гдѣ англійскій адмиралъ Малькольмъ сказалъ капитану Ч., что «со всякимъ можетъ случиться подобное несчастіе въ морѣ, но не всякій такъ дѣятельно управится со своимъ фрегатомъ и не потеряетъ при этомъ ни одного человѣка». За это 1-го января 1830 г. Чистяковъ произведенъ былъ въ капитаны 2-го ранга и продолжалъ плавать на томъ же фрегатѣ въ Архипелагѣ, а затѣмъ привелъ его въ Кронштадтъ. Въ 1832 г. командовалъ отрядомъ гребной флотиліи изъ 4-хъ канонирскихъ лодокъ, пяти «іолъ», яхты и бота около Кронштадта; затѣмъ въ теченіе 6 лѣтъ командовалъ 7 фл. экипажемъ и 74 пуш. кораблемъ «Смоленскъ», съ которымъ былъ въ практическихъ крейсерствахъ и плаваніяхъ. Чинъ капитана 1 ранга получилъ въ 1834 г. (22-го апрѣля), а 6-го декабря 1839 г. произведенъ въ контръ-адмиралы съ назначеніемъ командиромъ 2 бригады 3 фл. дивизіи. Слѣдующіе два года состоялъ членомъ особаго комитета для усиленія обороны портовъ. Въ 1843 г. и 1845 г. ходилъ въ море съ отрядомъ для практическихъ крейсерствъ, а въ 1846 г. (7-го апрѣля) его назначили членомъ общаго присутствія морского интендантства. Ч. перевелъ съ англійскаго нѣсколько лоцій, употреблявшихся въ рукописяхъ, но напечатаны онѣ не были.

«Общ. Мор. Сп.», VIII, стр. 452—453; «Мор. Сбор.» 1851 г., № 11, стр. 424—428. Энциклоп. военныхъ и морскихъ наукъ, VIII.

А. Пецъ.

Чистяковъ, *Петръ Егоровичъ*, адмиралъ, членъ комитета о раненыхъ; род. въ 1790 г. ум. 21-го января 1862 г. Воспитаніе получилъ въ Морскомъ Кадетскомъ

Корпусѣ, куда поступилъ въ 1802 г. 11-го августа). Будучи кадетомъ, въ 1806 г. отправленъ былъ на кораблѣ «Скорый» въ Средиземное море и въ слѣдующемъ году участвовалъ при взятіи крѣпости Тенедосъ и затѣмъ въ сраженіяхъ съ турецкимъ флотомъ при Дарденелахъ и у Аѳонской горы, послѣ чего перешелъ въ Лиссабонъ, а оттуда въ Портсмутъ. Въ 1809 г. (апрѣля 1-го) получилъ чинъ мичмана и на англійскомъ транспортѣ вернулся въ Россію. Съ 1812—14 г. плавалъ на кораблѣ «Смѣлый», сдѣлалъ переходъ изъ Кронштадта къ берегамъ Англіи, участвовалъ въ блокадѣ французскаго флота подъ Флессингеномъ и въ дессантной вылазкѣ на голландскій берегъ; затѣмъ плавалъ у береговъ Франціи и въ 1814 г. (26-го іюля) произведенъ въ лейтенанты. Съ 1816—18 г. плавалъ на разныхъ судахъ въ русскихъ и иностранныхъ водахъ. Съ 1819—21 г. на компанейскомъ кораблѣ «Бородино» подъ командой кап. лейт. З. И. Панафидина совершилъ кругосвѣтное плаваніе въ Ново-Архангельскъ, послѣ чего два года находился при Кронштадтскомъ портѣ. Въ 1824 и 1825 г., командуя компанейскимъ судномъ «Елена», совершилъ вторично кругосвѣтное плаваніе въ Ново-Архангельскъ и за болѣзнью главнаго правителя россійскихъ колоній капитана 2-го ранга Муравьева исполнялъ его должность, а во второй половинѣ декабря 1825 г. (21 декабря) назначенъ былъ на этотъ постъ и въ началѣ января (7-го января) слѣдующаго года произведенъ былъ въ капитанъ-лейтенанты, въ концѣ же года (21-го декабря)—въ капитаны 2-го ранга. Чинъ капитана 1-го ранга получилъ въ 1829 г. (января 1-го). Должность главнаго правителя Ч. исполнялъ до 1831 г., когда вернулся въ Россію, и въ слѣдующемъ году назначенъ былъ командиромъ корабля «Іезекіиль», которымъ командовалъ 4 года вплоть до контръ-адмиральскаго чина (8-го іюля 1836 г.). Командуя затѣмъ 3 бригадой 3 флотской дивизіи, крейсировалъ съ отрядомъ по Балтійскому морю, держа свой флагъ на кораблѣ «Лефортъ.» Будучи въ 1839 г. назначенъ командиромъ 5 флотской дивизіи плавалъ до 1844 г. по Черному морю, имѣя свой флагъ на кораблѣ «Три Святителя». Въ 1844 г. Ч. назначенъ былъ въ Архангельскъ на должность военнаго губернатора, которую исполнялъ до 1848 г., когда получилъ назначеніе быть членомъ Морского Генералъ-Аудиторіата. Вице-адмиральскій чинъ получилъ 30-го августа 1847 г., а въ 1854 г. назначенъ былъ членомъ комитета о раненыхъ и 25-го августа 1856 г. произведенъ былъ въ адмиралы.

«Об. Мор. Сп.», VIII, стр. 454—455 «Зап. Гидр. Деп. Мор. Мин.» VIII стр. 170 и 181.

А. Петцъ.

Чихачевъ, *Василій Аѳанасьевичъ*. воевода; во время похода 1559 г. былъ головой въ полку воеводы Даніила Ѳедоровича Адашева, въ 1574 г. былъ посланъ Іоанномъ Грознымъ къ шведскому королю съ предложеніемъ мира. Шведы грубо обращались съ нимъ, грозили уморить голодомъ; одинъ изъ нихъ даже ударилъ его за то, что онъ хотѣлъ отдать грамоту въ руки самого короля. Нѣкоторое время онъ оставался у шведовъ заложникомъ за шведскаго толмача, котораго Іоаннъ оставилъ въ Россіи для обученія русскихъ дѣтей шведскому языку.

«Энцикл. словарь» Края Разряды. («Древн. рос. вивліоѳика» 13 т. 313 стр.; «Исторія Россіи» Соловьева, II кн. «Энциклопед. слов.» Ефрона, т. 76. Словарь Старчевскаго, т. XII.

Некрасовъ.

Чихачевъ, *Петръ Александровичъ*, извѣстный ученый путешественникъ и географъ, членъ многихъ ученыхъ обществъ и учрежденій, родился въ Гатчинѣ въ 1808 г. Отецъ его, отставной полковникъ Преображенскаго полка, служилъ директоромъ дворца при Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Мать Ч. была урожденная Бестужева-Рюмина. Воспитаніе П. А. получилъ домашнее, но для того времени, повидимому, очень хорошее. Родители его, люди состоятельные, переѣхали въ Царское Село, и П. А. вмѣстѣ со своимъ младшимъ братомъ Платономъ учился у профессоровъ тамошняго Лицея. Въ 1830 г. П. А. поступилъ на службу въ дипломатическій корпусъ и находился при русской миссіи въ Константинополѣ. Его рано возникшая страсть къ путешествіямъ отчасти находила себѣ удовлетвореніе въ разъѣздахъ съ различными порученіями въ Малую Азію, Египетъ, Сирію и Грецію. Но въ 1835 г. онъ, уступая своему влеченію къ

изученію географіи и естествознанію вообще, оставилъ службу и всецѣло посвятилъ себя научнымъ занятіямъ и путешествіямъ по Европѣ съ образовательными цѣлями. Въ этомъ смыслѣ онъ велъ свои занятія въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, сначала въ Фрейбергѣ, гдѣ слушалъ Наумана и Брейтгаупта, въ Мюнхенѣ, гдѣ работалъ у Либиха, въ Берлинѣ слушалъ Леопольда фонъ-Буха и Густава Розе, а затѣмъ въ Парижѣ занимался въ Ecole de mines и въ Collége de France. Здѣсь онъ сдѣлался ученикомъ Эли де-Бомон'а, имѣвшаго большое вліяніе на его научное развитіе. Другое близкое знакомство у него было съ палеонтологомъ А. де-Вернейль и маркизомъ д'Аршіак'омъ, равно какъ и съ извѣстнымъ С. Р. Мурчисономъ. Свою ученую карьеру П. А. началъ въ сороковыхъ годахъ. Первою его печатною статьею было: «Geognostiche Schilderung des monte Gargano in den Iahren 1839 und 1840», помѣщенная въ «Leonhard's Neue Jahrbuch für Mineralogie», 1841, pp. 39—58. За этой первой статьей послѣдовала въ томъ же 1841 г. на нѣмецкомъ же языкѣ замѣтка о геологическомъ строеніи Ниццы, а годъ спустя появилось первое отдѣльно изданное сочиненіе: «Coup d'oeil sur la constitution geologique des provinces meridionalles du Royaume de Naples». Berlin. 1842. За это сочиненіе (подробно разобрано въ «Leonhard's N. Jahrbuch» за 1842 г.). Ч. былъ, по велѣнію короля обѣихъ Сицилій, избранъ въ члены Реджійскаго ученаго общества въ Калабріи. Въ томъ же 1842 г. было издано въ Берлинѣ другое сочиненіе: «Coup d'oeil sur le charpente rocheuse des montagnes de la Calabre, de la Sicile et des Alpes maritimes de Nice». Возвратившись въ Россію, Ч. продолжалъ свои научныя занятія подъ руководствомъ Фишера, директора Ботаническаго сада, Купфера, директора физической обсерваторіи, и зоолога Брандта. Въ 1842 г., по Высочайшему повелѣнію, П. А. совершилъ путешествіе на Алтай, въ мѣстность до того времени весьма мало извѣстную. Главною цѣлью его путешествія было открыть источники Чуи, Чулышмана и Абакана; а также изслѣдовать въ отношеніяхъ геологическомъ, топографическомъ, ботаническомъ и зоологическомъ не только мѣста, по которымъ текутъ эти рѣки, но и пограничныя воды Китая. Описаніе этого путешествія и результаты его Ч. изложилъ въ сочиненіи, доставившемъ ему европейскую извѣстность и лестные отзывы ученаго міра: «Voyage scientifique dans l'Altaï oriental et les parties adjointes de la frontière de Chine». Paris. 1845 г. Первая часть этого сочиненія содержитъ историческій очеркъ путешествія, физическія наблюденія, этнографическія и другія замѣтки о пройденномъ пути. Вторая часть, въ обработкѣ которой автору содѣйствовали французскіе геологи Эли де-Бомонъ, де-Вернейль и др., а также нѣмецкій палеонтологъ проф. Геппертъ, разработавшій ископаемыя растенія,—заключаетъ въ себѣ геологическія наблюденія автора и его предшественниковъ на Алтаѣ; къ этой части приложена карта, составленная по собственнымъ наблюденіямъ, коллекціямъ Горнаго института, а также по сочиненіямъ Палласа, Шангина, Гмелина и проч. ученыхъ, посѣтившихъ Алтай; но авторъ все-таки не рѣшился назвать ее геологическою. Въ приложенномъ къ сочиненію атласѣ находится 4 листа маршрутовъ, отъ Бійска до Красноярска, снятыхъ топографомъ, командированнымъ изъ Омска; планы и разрѣзы нѣкоторыхъ рудниковъ (Змѣиногорскаго, Черепанова и др.), а также виды разныхъ мѣстностей Алтая, прекрасно гравированные на стали по рисункамъ бывшаго съ Ч. художника Мейера. Послѣ путешествія на Алтай Ч. служилъ въ теченіе двухъ лѣтъ въ качествѣ атташе при русскомъ посольствѣ въ Константинополѣ, гдѣ ревностно принялся за изученіе турецкаго языка, подготовляясь къ путешествію и естественно-историческому изученію Малой Азіи. Послѣднее задумано было подъ вліяніемъ А. Гумбольдта, съ которымъ у Ч. завязались еще ранѣе дружескія сношенія. Оставивъ службу, и въ этотъ разъ уже навсегда, Ч. посвятилъ себя съ 1847 г. по 1863 г., какъ разносторонній ученый и опытный, отважный путешественникъ, на изученіе Малой Азіи и Арменіи, отъ береговъ Босфора, Мраморнаго и Средиземнаго морей—до Эрзерума. Почти ежегодно предпринималъ онъ путешествія по разнымъ направленіямъ этой страны, собирая топографическія и географическія данныя, богатыя коллекціи ископаемыхъ

растеній и животныхъ. Результатомъ путешествій П. А. Ч., которыя онъ совершалъ исключительно на свои средства, большею частью въ сопровожденіи одного лишь европейца-служителя (только два раза бралъ онъ живописца), явилось капитальное и считающееся классическимъ сочиненіе подъ заглавіемъ: «Asie Mineure, description physique, statistique et archéologique de cette contrée» par P. de Tchihatchef». Издано было только собственно «description physique» въ восьми большихъ томахъ, изъ которыхъ первый появился въ 1853 г., а послѣдній въ 1869 году. Первая часть «Asie Mineure» содержитъ описаніе береговъ Малой Азіи, ея рѣкъ, озеръ и орографіи страны. Приложеніемъ къ этому тому служатъ таблицы высотъ пунктовъ, барометрически опредѣленныхъ большею частью самимъ П. А. Ч. и его предшественниками, англійскими путешественниками Эйнсвортомъ (Ainsworth) и Гамильтономъ. Второе приложеніе перваго тома составляютъ глубины Босфора, Мраморнаго моря, Дарданельскаго пролива и Смирнинскаго залива. Вторую часть А. М. составляетъ климатологія и зоологія. Третья часть въ двухъ томахъ содержитъ описаніе флоры Малой Азіи, Арменіи и островов Греческаго Архипелага. Наконецъ, четвертая часть въ четырехъ томахъ — геологію и палеонтологію Малой Азіи, которымъ авторъ, любившій эти отрасли знанія больше другихъ, и удѣлилъ больше вниманія. Первые три тома заключаютъ въ себѣ описаніе изверженныхъ породъ разныхъ частей Малой Азіи, съ показаніемъ ихъ географическаго распространенія; затѣмъ описаніе Девонской, Юрской, Мѣловой, третичной и прочихъ новѣйшихъ формацій. Приложеніемъ къ описательной геологіи служатъ двѣ геологическія карты Малой Азіи, части Арменіи, а также окрестностей Босфора и Константинополя. Палеонтологія, по коллекціямъ Ч. обработанная французскими учеными, составляетъ четвертый томъ. Этотъ громадный трудъ, въ которомъ принимало участіе много первостепенныхъ ученыхъ, преимущественно французскихъ, навсегда останется достойнымъ памятникомъ автору, выбранному за него въ почетные члены Петербургской, Берлинской и Мюнхенской Академіи Наукъ и членомъ многихъ другихъ ученыхъ обществъ и учрежденій. Во время своихъ путешествій по Малой Азіи Ч. прошелъ въ общей сложности приблизительно 14.000 верстъ и маршруты его, давшіе богатый картографическій матеріалъ, чертятъ карту Малой Азіи дѣйствительно вдоль и поперекъ. Они обработаны, по подлиннымъ журналамъ, Кипертомъ и изданы въ 1868 г. въ Ergänzungsheft № 20 Petermann's Geographische Mittheilungen. Нѣкоторые изъ маршрутовъ напечатаны въ журналѣ Берлинскаго Географическаго Общества («Zeitschrifs f. Allg. Erdkunde sechster Lieferung 1859 г.) и въ «Извѣстіяхъ Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» въ прилож. къ IV т. «Матеріалы для географіи Азіатской Турціи. Журналъ путешествія по Малой Азіи». П. Чихачевъ. Съ прим. Киперта. Перев. съ нѣм. Н. Гельмерсенъ. Картографическій и топографическій доставленный Чихачевымъ матеріалъ, которымъ, между прочимъ, воспользовался и І. И. Стебницкій при составленіи большой карты Азіатской Турціи (въ масштабѣ 20 верстъ въ дюймѣ) тѣмъ болѣе цѣненъ, что П. А. отлично зналъ турецкій языкъ, а потому правильно записывалъ названія населенныхъ мѣстъ и урочищъ. Дополненіемъ къ сочиненію «Asie Mineure» служитъ описаніе Босфора и Константинополя («Le Bosphore et Constantinople» par P. Tchihatchef, Paris, 1864; второе изданіе 1866 г.). Ч. производилъ и археологическія изысканія въ Малой Азіи и результаты ихъ сообщены были и на русскомъ языкѣ въ статьѣ «Памятники древности въ Малой Азіи» («Труды восточнаго отдѣленія Русскаго Археологическаго Общества» т. II). Свои труды о Малой Азіи Ч. популяризировалъ въ сочиненіи «Une page sur l'Orient. Asie Mineure. Geographie physique, climat, vegetation, espèces d'animaux, constitution geologique, consideration politique». П. А. Ч., какъ бывшій дипломатъ, любилъ обращаться къ политическимъ вопросамъ, связаннымъ съ изучаемою имъ страною, и посвятилъ имъ цѣлый рядъ политическихъ статей и брошюръ (см. ниже).

Женившись въ 1869 г. на внучкѣ лорда Дальгаузи, бывшаго вице-короля Англо-Индіи, Ч. совсѣмъ поселился за границей, живя большею частью во Флоренціи,

и не предпринималъ болѣе дальнихъ путешествій; только въ 1878 г. вдвоемъ съ женой посѣтилъ внутренній Алжиръ и Тунисъ. Интересное путешествіе это описано имъ въ письмахъ экономисту Мишелю Шевалью и издано отдѣльно книгою. «Espagne, Algerie et Tunise» par P. de-Tchihatchef, Paris, 1880 г.

Послѣднее время своей жизни Ч. исключительно посвятилъ литературной работѣ и смерть прервала его большой трудъ: «Les deserts du Globe», отдѣльныя части котораго уже появлялись въ печати. Умеръ онъ 1-го октября 1890 г. По завѣщанію П. А. Ч. оставилъ Парижской академіи наукъ капиталъ въ 100.000 фр. на преміи путешественникамъ по Азіи, исключая Британскую Индію, собственно Сибирь, Малую Азію и Сирію, какъ страны уже довольно хорошо изслѣдованныя. Составивъ себѣ громкую извѣстность за границей, Ч. вслѣдствіе того, что исключительно писалъ на иностранныхъ языкахъ, которыми онъ владѣлъ въ совершенствѣ, въ Россіи извѣстенъ только небольшому сравнительно кругу спеціалистовъ, и этотъ, одинъ изъ выдающихся географовъ, ученый и писатель, обладавшій по отзывамъ самихъ иностранцевъ мастерскимъ, художественнымъ и живымъ изложеніемъ, оказался на родинѣ полузабытымъ.

Кромѣ вышеуказанныхъ произведеній Чихачеву принадлежатъ: «La paix de Paris. Est-elle une paix solide? Par un ancien diplomate», Bruxelles. 1856 г.; «Lettres sur la Turquie», Bruxelles. 1859 г.; «Italie et Turquie», Paris et Bruxelles. 1859 г.; «Paix de Zurich», Paris et Bruxelles. 1859 г.; «Nouvelle phase de la question d'Orient». Paris. 1860 г. «La Turguie-Mirés». Paris et Marseille. 1861 г.; «Le Royaume d'Italie, etudiè sur les lièux mêmes», Paris, 1862 г.; «Le traité de Berlin», Paris. 1879 г. «Etudes de geographie et d'histoire naturelle». Florence. 1890 г. Сверхъ того Ч. писалъ въ «Revue de deux Mondes» и «Revue Britannique», между прочимъ о нефти въ Соединенныхъ Штатахъ и Россіи; тамъ же помѣщались очерки: Сахара, Гоби, Тибетъ, Арало-Каспійская низменность и оазисъ Мервъ, которые должны были составить большое сочиненіе: «Les déserts du Globe». Перечень его научныхъ статей, помѣщенныхъ въ научныхъ повременныхъ изданіяхъ можно найти въ «Catalogue of scientific papers». Compiled by the Royal Society. London.

Стебницкій, І. И., «ПетръАлександровичъ Чихачевъ» (некрологъ) «Извѣстія Императорскаго Россійскаго Географическаго Общества», т. XXVII, 1891, стр. 1—10; «П. Чихачевъ (некрол.) «Журн. Минист. Народн. просв.» 1890, № 12; «Нѣсколько словъ о двухъ русскихъ путешественникахъЧихачевыхъ».—«Отеч. Записки»1843, т. 26, № 2, стр. 91—93. «Русскіе путешественники».—«Художеств. листокъ» 1859, № 11; «Путешествіе г. Чихачева къ восточн. отклонамъ Алтая и къ Саянск. горамъ». Журн. Минист. Нар. Просв.» 1843 г. 37, № 1, стр. 1—6; То же: «Мануф. и Горнозаводск. Извѣстія» 1842 № 52, стр. 408—413. «Чихачевъ въ Малой Азіи». «Географическія Извѣстія» 1848. «Отзыв о соч. Чихачева С. Р. Мурчисона и Вик. Д'Аршіака» см. «Московск. Вѣдом.» 1869, № 181 по поводу книги «Une page sur l'Orient» см. «Русск. Вѣстн.» 1868 г. т. 78, № 12, стр. 697—702; «С.-Петерб. Вѣдом.» 1869 г. № 3. Нѣсколько эловъ по поводу книги Чихачева о Малой Азіи», барона Квинтъ-Гроціуса, Спб. 1870. «Энциклоп. Слов.» Ефроны, т. 76. «Нов. Время» 1890, № 5249. Н. Б. Бѣлозерская, П. А. Чихачевъ, «Вѣстн. Евр.» 1893, XI. Словарь Старчевскаго, т. XII.

Чихачевъ, *Платонъ Александровичъ*, братъ извѣстнаго Петра (см. выше), членъ-учредитель Русскаго Географическаго, Общества, почетный чл. С.-Петерургскаго Минералогическаго Общества, путешественникъ, родился въ 1812 г., въ Гатчинѣ, и воспитывался, какъ и старшій братъ, дома до 1828 г. Начавшаяся тогда война съ Турціей увлекла пылкаго юношу, и онъ былъ зачисленъ юнкеромъ въ С. П. армейскій уланскій полкъ и вмѣстѣ съ нимъ участвовалъ при осадѣ Силистріи и Шумлы. Произведенный въ 1829 г. за сраженіе подъ Кулевчой въ офицеры, Ч. въ дальнѣйшемъ походѣ участвовалъ въ переходѣ черезъ Балканы, при занятіи Адріанополя и въ наступленіи на Константинополь, остановленномъ, какъ извѣстно, мирными переговорами. По заключеніи мира былъ оставленъ съ войсками, охранявшими чумный лазаретъ въ Эски-Сараѣ близъ Адріанополя. Съ остатками этихъ войскъ онъ вернулся въ Севастополь, гдѣ сильно захворалъ и былъ запертъ въ чумномъ кварталѣ вмѣстѣ съ вымиравшими остатками зачумленныхъ войскъ; однако остался живъ. Переведенный затѣмъ за отличіе въ Кава-

кергардскій полкъ, онъ участвовалъ съ нимъ въ польскомъ походѣ въ 1831 г. Въ 1833 г. вышелъ въ отставку. Еще въ началѣ Турецкой кампаніи, во время зимней стоянки въ Бухарестѣ, Ч. прочиталъ сочиненіе Александра Гумбольдта, и подъ его впечатлѣніемъ у него зародилось желаніе увидѣть самому чудеса Новаго Свѣта. Оставивъ службу онъ привелъ вскорѣ свое желаніе въ исполненіе и въ 1835 г. отправился въ Америку.

Начавъ съ Канады, онъ спустился затѣмъ на югъ въ Мексику, переѣхалъ въ Южную Америку въ Гуякиль, а оттуда, на лошакахъ, до столицы Эквадорской республики, Кито. Здѣсь попытался онъ проникнуть до Атлантическаго океана черезъ Санта-фе де Богота, но смуты, безпрестанно возникавшія тогда во всѣхъ южно-американскихъ республикахъ, помѣшали ему продолжать путь. Та же неудача постигла его и въ Перу, и только въ Чили ему удалось исполнить свой планъ, и онъ, перваливъ Анды, черезъ пампасы добрался до Буэносъ-Айреса, откуда черезъ Бразилію вернулся въ Европу. Во время пребыванія въ Буэносъ-Айресѣ приходъ англійскаго фрегата, направлявшагося въ Индію, гдѣ тогда подготовлялось первое движеніе англичанъ на Афганистанъ, натолкнулъ его на мысль пробраться въ Среднюю Азію съ сѣвера. Онъ составилъ планъ, который былъ одобренъ А. Гумбольдтомъ. При содѣйствіи послѣдняго онъ представилъ, и сдѣлалъ докладъ о задуманномъ предпріятіи самому Государю во время его пребыванія въ Берлинѣ въ 1838 г. Не смотря на сочувствіе и одобреніе плана Государемъ, Ч. не могъ привести его въ исполненіе, такъ какъ встрѣтилъ сильное противодѣйствіе со стороны Нессельроде, препятствовавшаго, какъ извѣстно, всякому движенію русскихъ въ Азіи. Чихачеву съ большимъ трудомъ удалось добиться только прикомандированія къ отряду Перовскаго, отправлявшагося въ Хиву, съ тѣмъ, чтобы, дойдя съ нимъ до Хивы, дальнѣйшій путь продолжать самому, на свои средства и личную отвѣтственность. Какъ извѣстно, Хивинская экспедиція потерпѣла неудачу, и Чихачеву удалось добраться только до Усть-урта. Послѣ этой попытки Ч. не терялъ еще надежды привести свой планъ въ исполненіе. Однако, времена были для этого все еще неблагопріятны, и даже за статью, прочитанную въ Географическомъ обществѣ, въ которой Ч. сдѣлалъ обзоръ изслѣдованій вершинъ Сыръ- и Аму-Дарьи, онъ подвергся непріятностямъ. Тѣмъ не менѣе, онъ продолжалъ готовиться къ своему путешествію и посвятилъ свой досугъ пріобрѣтенію необходимыхъ научныхъ познаній, слушая лекціи и работая подъ руководствомъ первоклассныхъ европейскихъ ученыхъ. Только Крымская война отняла у него послѣднюю надежду организовать новую экспедицію, и вмѣсто этого, Ч. отправился въ Севастополь (въ 1855 г.), гдѣ и оставался при главнокомандующемъ князѣ Горчаковѣ до перемирія. Въ 1856 г. Ч. женился и съ тѣхъ поръ, по семейнымъ обстоятельствамъ и разстройству здоровья, жилъ большею частью за границей. Умеръ онъ въ Версали 13-го мая 1892 г. Ч. былъ однимъ изъ тѣхъ лицъ, среди которыхъ возникла и которыми была приведена въ исполненіе мысль объ учрежденіи, по примѣру нѣкоторыхъ европейскихъ государствъ, Географическаго Общества. Ч. напечаталъ очень немного. Громадное путешествіе въ Америку не дало ничего, кромѣ небольшого разсказа, такъ какъ всѣ дневники его были украдены. Ему принадлежатъ статьи: «О пароходствѣ и озерахъ въ Сѣверной Америкѣ», «Отеч. Зап.» 1839 г. Отд. II, стр. 54—70; «Восхожденіе на пикъ Нету въ Пиринеяхъ». «От. З.» 1842 г. Отдѣл. VIII, стр. 86—92; «Поѣздка черезъ Буэносъ-Айресскія Пампы». «Отеч. З.» 1844 г. Отдѣл. II, стр. 1—12; «О изслѣдованіи вершинъ Сыр- и Аму-Дарьи и нагорной площади Памиръ». «Записки Имп. Географич. Общ.» кн. 3, 1849 г., стр. 50—70; «Байдарская ночь или прогулка съ пластунами». «Русская Бесѣда» 1856 г. № 1; «Калифорнія и Уссурійскій край». «Вѣст. Европы» 1890 г., т. III, стр. 545—578; «Желѣзная дорога Тихо-океанская въ Канадѣ». «Вѣстн. Европы» 1891, т. I, стр. 569—587; кромѣ того, Араго помѣстилъ въ «Recueil des Savants etrangers», въ Парижской Академіи Наукъ, метеорологическія наблюденія, сообщенныя ему Ч. и сдѣланныя послѣднимъ во время Хивинской экспедиціи въ 1839 г. Тулузская Академія публиковала сообщенныя Чихачевымъ же барометрическія измѣ-

ренія пика «Maladette» съ выдачей ему своей серебряной медали. Послѣднія были результатомъ его путешествія по Пиренеямъ въ 1842 г., во время котораго онъ и совершилъ восхожденіе на упомянутую гору. Онъ былъ первымъ путешественникомъ, достигшимъ самаго высокаго пункта горы, и опредѣлившимъ барометрически высоту ея въ 3.414 метр.

Автобіографія. «Извѣст. Импер. Рус. Геогр. Общества» 1892 г. т. XXVIII, вып. 2, стр. 1; Рѣчь по поводу его смерти почетнаго директ. Минералогическ. Общества ак. Н. И. Кокшарова въ засѣданіи 15-го сентября 1892 г. «Записки Минерал. С.-Петерб. Общества» 1892 г. 2 серія ч. XXIX, стр 210—216; «Записки Р. Географич. Общества» 1849 г. кн. I, стр. 11. «Энциклопед. слов.» Ефрона т. 76. «Словарь» Старчевскаго, т. XII.

Чичаговъ, *Василій Яковлевичъ*, адмиралъ, извѣстенъ своимъ участіемъ въ Шведской войнѣ 1789—1790 гг. Родомъ изъ дворянъ Костромской губерніи, Ч. родился 28-го февраля 1726 г. и среднее образованіе получилъ въ Морскомъ училищѣ (школа навигацкихъ наукъ), учрежденномъ Петромъ Великимъ въ Москвѣ, по окончаніи курса въ которомъ уѣхалъ въ Англію съ цѣлью пополнить свои знанія. 10-го апрѣля 1742 года онъ былъ зачисленъ въ флотскую службу гардемариномъ, а въ 1744 г. получилъ назначеніе состоятъ при Ревельской береговой командѣ, черезъ годъ былъ произведенъ въ мичманы, и въ 1751 г. былъ назначенъ корабельнымъ секретаремъ. Черезъ три года онъ получилъ чинъ лейтенанта, а въ 1757 г. совершилъ свое первое плаванье на фрегатѣ «Св. Михаилъ», отправленномъ «по секретной коммиссіи» въ Зундъ. Изъ Ревеля въ Кронштадтъ онъ вернулся уже въ качествѣ командира названнаго судна. Въ 1758 г. онъ получилъ чинъ капитанъ-лейтенанта, черезъ 4 года—капитана 2-го ранга, въ томъ же 1762 г. онъ состоялъ при проведеніи изъ С.-Петербурга въ Кронштадтъ корабля «Святая Екатерина». Въ 1763 г. мы застаемъ его въ Казани, куда онъ былъ командированъ для освидѣтельствованія заготовленнаго на пристани лѣса, а въ слѣдующемъ году онъ, уже въ чинѣ капитана 1-го ранга, командуетъ кораблемъ «Ревель».

1764—1765 г.г. выдвинули Ч. изъ среды его сверстниковъ. По инціативѣ Ломоносова, указомъ 14-го мая 1764 г. была снаряжена «даже отъ сената секретная» экспедиція въ Ледовитый океанъ, имѣвшая цѣлью изслѣдовать путь черезъ Полярное море къ Камчаткѣ. Лѣтомъ и осенью были сдѣланы приготовленія, а въ 1765 г. Ч., назначенный начальникомъ экспедиціи, состоявшей изъ трехъ судовъ, вышелъ въ море изъ Колы, куда онъ прибылъ въ сентябрѣ 1764 г. Плаваніе было неудачное. Экспедиція сразу была задержана льдами и принуждена была зайти въ Клокбайкскій заливъ на островѣ Шпицбергенѣ и нѣкоторое время оставаться тамъ. Выйдя въ началѣ іюля въ море Ч. взялъ курсъ на западъ, но сплошные льды, встрѣченные экспедиціей, заставили его повернуть на сѣверъ. 23-го іюля онъ достигъ 80°26′ с. ш., но дальше не пошелъ, такъ какъ приближеніе осени и плавающіе льды начинали внушать опасеніе за благополучный исходъ экспедиціи. Посовѣтовавшись съ капитанами судовъ, Ч. повернулъ къ Архангельску, куда и прибылъ 20-го августа. Въ С.-Петербургѣ остались недовольны результатомъ экспедиціи и обвиняли начальника ея въ томъ, что онъ повернулъ къ сѣверу, тогда какъ, по точному смыслу полученной имъ инструкціи, онъ долженъ былъ держаться направленія на западъ, къ берегамъ Гренландіи. «Всего же главнѣе кажется то, что мореплаватели, кажется, рано вздумали о возвратномъ пути, не дождавъ того, чтобы настоящая нужда или опасность ихъ къ этому принудила». Въ слѣдующемъ году Ч., командуя тѣми же тремя судами, снова вышелъ въ море съ прежнею цѣлью—отыскать морской путь черезъ Сѣверный Ледовитый Океанъ въ Камчатку. На этотъ разъ экспедиція тоже не имѣла успѣха. Достигнувъ 80°30′ с. ш., Ч. вернулся обратно, такъ какъ не было никакой возможности пробиваться черезъ встрѣчавшіеся льды. Несмотря на неудачу, онъ, за двукратное плаванье въ Сѣверный океанъ, былъ награжденъ половиннымъ жалованьемъ въ пенсіонъ.

Въ 1767 г. Ч. сухимъ путемъ вернулся изъ Архангельска въ С.-Петербургъ и былъ немедленно назначенъ командиромъ петербургской корабельной команды. Въ 1768 г. онъ занялъ должность главнаго начальника Архангельскаго порта, въ которой и оставался до 1770 г., когда, по-

лучивъ чинъ контръ-адмирала, былъ вызванъ въ С.-Петербургъ. Въ томъ же году онъ, командуя эскадрой, плавалъ до острова Готланда и, по возвращеніи, былъ назначенъ главнымъ начальникомъ Ревельскаго порта, но въ 1771 г. снова ушелъ въ Балтійское море, имѣя флагъ на кораблѣ «Графъ Орловъ» и командуя эскадрой, а въ 1772 г., начальствуя тремя кораблями, плавалъ въ Средиземномъ морѣ. Въ октябрѣ онъ вернулся сухимъ путемъ въ С.-Петербургъ, былъ награжденъ орденомъ св. Анны и вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей, какъ начальникъ Ревельскаго порта. Въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ Кронштадтскаго порта и, командуя кронштадтской эскадрой, крейсировалъ до острова Готланда, имѣя флагъ на кораблѣ «Св. Андрей». Въ томъ же 1773 г. Ч. былъ командированъ въ Донскую экспедицію и, подъ командой адмирала Сенявина, защищалъ Керченскій проливъ отъ турецкаго флота, причемъ не допустилъ его войти въ Азовское море. Награжденный орденомъ св. Георгія 4-ой степени, Ч. 10-го іюня 1775 г., въ день празднованія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, былъ произведенъ въ вице-адмиралы и назначенъ членомъ Адмиралтействъ-коллегіи. Въ 1771 г. онъ былъ уволенъ въ годовой отпускъ, а въ 1776 г. командовалъ практической эскадрой у Красной Горки; въ 1782 г. онъ получилъ чинъ адмирала и орденъ св. Александра Невскаго; въ томъ же году онъ плавалъ во главѣ эскадры въ Средиземномъ морѣ; въ 1788 г. снова отправлялъ обязанности главнаго начальника Ревельскаго порта.

Назначенный командиромъ Балтійскаго флота и командуя эскадрой изъ 20-ти кораблей, Ч., 15-го іюля 1789 г., встрѣтился у острова Эланда со шведской флотиліей, считавшей въ своемъ составѣ до 22-хъ судовъ, и послѣ семичасового боя, принудилъ шведовъ отступить къ Карлскронѣ, а самъ отошелъ къ Финскому заливу. 6-го августа того же года Екатерина II-ая, недовольная дѣйствіями Балтійскаго флота, писала Совѣту: «Изъ полученныхъ реляцій адмирала Ч. видно, что шведы атаковали его, а не онъ ихъ, что онъ съ ними имѣлъ перестрѣлку, что въ оной потерялъ капитана бригаднаго ранга и нѣсколько сотъ прочихъ воиновъ безъ всякой пользы Имперіи, что, наконецъ, возвратился къ здѣшнимъ водамъ, будто ради прикрытія залива Финскаго. Я требую, чтобы поведеніе адмирала Ч. въ Совѣтѣ сличено было съ данною ему инструкціей...» Совѣтъ, по разсмотрѣніи образа дѣйствій Ч., нашелъ, что «сей адмиралъ удовлетворилъ совершенно даннымъ ему предписаніямъ, опричь единаго пункта—возвращенія своего къ Финскому заливу, въ чемъ ему надобности не было». Этимъ дѣло и кончилось, а 2-го мая 1790 г. произошло извѣстное ревельское сраженіе. Шведскій флотъ, состоявшій изъ 26-ти линейныхъ кораблей и разныхъ другихъ судовъ, напалъ на русскую эскадру, стоявшую подъ командой Ч. на Ревельскомъ рейдѣ; въ эскадрѣ этой было всего 10 кораблей. Послѣ упорнаго сраженія, длившагося $2^1/_2$ часа, шведы были разбиты, причемъ русскими былъ взятъ въ плѣнъ 64-хъ-пушечный корабль «Принцъ Карлъ» и 300 людей; другой такой же корабль былъ сожженъ. Разсказываютъ, между прочимъ, что когда Екатерина II-ая отправляла Ч. въ Ревель, поручая ему команду надъ эскадрой, то, взвѣсивъ силы русскихъ и шведовъ, выразила безпокойство объ исходѣ долженствующаго произойти сраженія. На это Ч. хладнокровно отвѣтилъ: «Ну да что же?.. Не проглотятъ!..» Отвѣтъ этотъ такъ понравился Государынѣ, что она поручила Державину сочинить надпись къ бюсту адмирала, въ которую бы непремѣнно входило его выраженіе. Державинъ и секретарь Императрицы составили нѣсколько болѣе или менѣе удачныхъ четверостишій. Не довольствуясь этимъ, Екатерина II-ая сама сочинила слѣдующую надпись:

«Съ тройною силою шли шведы на него,
«Узнавъ, онъ рекъ: Богъ защитникъ мой!
«Не проглотятъ они насъ!
«Отразивъ, плѣнилъ и побѣду получилъ».

За ревельское сраженіе Ч. былъ награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго и пожалованіемъ 1.388 душъ крестьянъ въ потомственное владѣніе.

По соединеніи ревельской эскадры съ кронштадтской, Ч. блокировалъ шведскій флотъ въ Выборгской губѣ и при попыткѣ послѣдняго прорваться, нанесъ ему рѣшительное пораженіе, за что получилъ орденъ св. Георгія 1-го класса, шпагу

съ алмазами, серебряный сервизъ и 2417 душъ крестьянъ въ потомственное владѣніе. Кромѣ того, Екатерина II-ая пожаловала ему дворянскій гербъ при собственноручномъ рескриптѣ.

Съ воцареніемъ Павла Петровича, Ч. въ 1797 г., по прошенію, былъ уволенъ отъ службы и послѣдніе годы жилъ въ С.-Петербургѣ, гдѣ и умеръ 4-го апрѣля 1809 г. Погребенъ Ч. въ Александро-Невской лаврѣ.

Въ заключеніе для характеристики Ч., какъ человѣка, приведемъ отзывъ о немъ Екатерины II-ой, взятый изъ письма Императрицы къ Гримму отъ 14-го сентября 1790 г.: «Я не могу видѣть Ч., чтобы не вспомнить слова князя де Линя о фельдмаршалѣ Лаудонѣ: когда о немъ кто-то спросилъ, почему его можно узнать: «пойдите,—сказалъ онъ»,—вы найдете его за дверью, сконфуженнаго своимъ достоинствомъ и своими талантами. Вотъ точное изображеніе моего адмирала».

Ч. подробнѣе см.: «Общій морской списокъ» С.-Пб. 1885 г. т. II;—«Портретная галлерея русскихъ дѣятелей»; С.-Пб., изд. Мюнстера, 1865 г., статья Хмырова;—А. С. Шишковъ «Военныя дѣйствія россійскаго флота противъ шведскаго въ 1788, 89 и 90 г.г.», изд. 1826 г.; «Кронштадтскій Вѣстникъ» 1876 г. № 82; «Русскія экспедиціи для описанія сѣверныхъ береговъ Сибири» и т. д.;—«Война Россіи со Швеціей 1789—90 г.», соч. Брикнера, въ «Журн. Минист. Народ. Просв.» 1869 г. №№ 2, 3, 4, 6;—«Морской Сборникъ» 1857 г. №№ 9, 1859 г. № 10, 1871 г. № 8;—«Проектъ Ломоносова и экспедиція Чичагова», изд. Гидрогр. департ. 1854 г.;—«Чтенія въ Императ. Обществѣ исторіи и древностей Россіи» 1862 г. № 1;—Н. Чистовичъ «Историческая записка о совѣтѣ въ царствованіе Имп. Екатерины II-ой». С.-Пб. 1870 г.; Леонидъ Чичаговъ «Архивъ адмирала П. В. Чичагова». Выпускъ I-ый С.-Пб. 1885 г.;—«Сборникъ Русс. Истор. Общ.», т. XXIII, стр. 495;—«Русская Старина» 1873 № 8;—«Историческій Вѣстникъ» 1899, т. LXXVI, стр. 782, т. LXXIII, стр. 436. «Энциклопед. слов.» Ефрона т. LXXVI. «Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ», т. VIII. «Словарь Старчевскаго», т. XII. «Спб. Вѣстн.» 1805, ч. VI, стр. 119. «Сынъ Отеч.» 1849, № 5, «Рус. Ист.» стр. 16—18. «Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Рос.», 1862, т. I, 174—177.

Б. Савинковъ.

Чичаговъ, *Михаилъ Николаевичъ*, архитекторъ, строитель театровъ въ Москвѣ и во многихъ губернскихъ городахъ. Родился въ Москвѣ въ 1837 году. Уже съ дѣтства обнаруживая большія художественныя способности, онъ отданъ былъ сначала въ училище при реформатской церкви, по окончаніи курса котораго, задумавъ посвятить себя архитекторской дѣятельности, онъ поступилъ въ бывшее при дворцовой конторѣ архитекторское училище. Окончивъ здѣсь курсъ, службу свою онъ началъ въ дворцовомъ вѣдомствѣ, изъ котораго вскорѣ перешелъ въ городскую управу, гдѣ занялъ должность архитектора. Однако и здѣсь прослужилъ не долго и съ цѣлью дальнѣйшаго усовершенствованія вышелъ въ отставку и отправился за-границу. Онъ побывалъ въ Германіи, Франціи и Италіи и вездѣ старался не пропускать случая пополнить свое художественное образованіе. Вернувшись въ Москву, онъ занялся частными работами, составляя проекты общественныхъ зданій и театровъ. Такимъ образомъ, въ Москвѣ имъ была выстроена Бахрушинская больница, театръ Корша, передѣланъ для театра домъ Ліакозова и домъ Гинсбурга (для Пушкинскаго театра). По его же проекту отдѣлана гостинница «Эрмитажъ» и домъ Носова (Охотничій клубъ). Но, помимо Москвы, М. Н. Чичаговъ произвелъ много построекъ и въ провинціи. Такъ, имъ построены городскіе театры въ г. Воронежѣ, Самарѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Вообще, какъ въ самой Москвѣ, такъ и въ Поволжьѣ онъ былъ извѣстенъ, какъ опытный, знающій и добросовѣстный архитекторъ. М. Н. Чичаговъ скончался скоропостижно въ Москвѣ отъ кровоизліянія въ полости черепа 9-го октября 1889 года на 54 году отъ рожденія. Тѣло его погребено на Ваганьковскомъ кладбищѣ.

«Московскія Вѣдомости» за 1889 г. № 281, некрологъ; «Русскія Вѣдомости» за 1889 г. № 289, некрологъ; «Русскій Календарь» на 1891 г., некрологъ; «Всеобщій Календарь» на 1891 г., некрологъ. «Энциклопед. слов.» Ефрона, т. LXXVI.

Е. Ястребцевъ.

Чичаговъ, *Павелъ Васильевичъ*, (сынъ Вас. Як. Чичагова, см. выше). Министръ морскихъ силъ, главнокомандующій Дунайскою арміей и Черноморскимъ флотомъ, генералъ-губернаторъ Молдавіи и Валахіи. Родился 27-го іюня 1767 года въ С.-Петербургѣ, Въ 1779 г. онъ былъ зачисленъ въ военную службу гвардіи сержантомъ. Въ 1782 г. получилъ чинъ поручика арміи и, когда отецъ его былъ назначенъ начальникомъ эскадры, уходившей въ Средиземное море, молодой

Ч. сталъ убѣждать В. Я. взять его съ собой. Послѣдній согласился и Ч. былъ назначенъ адъютантомъ къ отцу, тогда вице-адмиралу, и въ эскадрѣ его плавалъ въ Ливорно и обратно въ Кронштадтъ. Въ 1787 г. мы застаемъ его офицеромъ на кораблѣ «Iезекіиль» въ отрядѣ контръ-адмирала Козлянинова, съ которымъ онъ и дѣлалъ рейсъ къ острову Борнгольму. Въ 1787 г. онъ снова былъ назначенъ состоять при своемъ отцѣ и въ слѣдующемъ году получилъ чинъ капитана 2-го ранга. Въ томъ же году, уже въ качествѣ командира корабля «Ростиславъ», крейсировалъ съ флотомъ въ Балтійскомъ морѣ, причемъ принялъ участіе въ извѣстномъ сраженіи со шведами при Эландѣ. Въ 1790 г. Ч., командуя тѣмъ же кораблемъ, участвовалъ въ Ревельскомъ и Выборгскомъ морскихъ бояхъ, причемъ за первый былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-го класса, за второй—золотой шпагой съ надписью «За храбрость». Кромѣ того, посланный къ Государынѣ Императрицѣ съ извѣстіемъ о побѣдѣ надъ шведскимъ флотомъ при Выборгской губѣ, онъ былъ пожалованъ чиномъ капитана 1-го ранга.

8-ми-лѣтняя морская служба ясно показала будущему морскому министру недостатки нашего флота и пробудила желаніе устранить ихъ. Поэтому онъ сталъ просить своего отца отпустить его за границу для пополненія образованія. Чичаговъ-отецъ испросилъ разрѣшеніе у Императрицы и снарядилъ двухъ своихъ сыновей, Петра и Павла, въ Англію, давъ имъ въ руководители извѣстнаго тогда математика Гурьева и снабдивъ ихъ рекомендательнымъ письмомъ къ русскому посланнику въ Лондонѣ, гр. С. Р. Воронцову. Пріѣхавъ въ Англію, оба Ч. поступили въ морскую школу и стали усиленно заниматься англійскимъ языкомъ; вскорѣ они на бортѣ англійскаго учебнаго судна отправились въ Америку, но по разнымъ причинамъ корабль вернулся обратно, не дойдя до Новаго Свѣта. Пробывъ въ Англіи около года, Ч. вернулся въ Россію, гдѣ спеціально занялся изученіемъ кораблестроенія. Вскорѣ мы находимъ его въ эскадрѣ отца, отправленной въ Данію, причемъ онъ командуетъ кораблемъ «Софія Магдалина». Въ 1794 г. Ч. въ эскадрѣ вице-адмирала Ханыкова командуетъ кораблемъ «Ретвизанъ» и крейсируетъ у англійскихъ береговъ, а въ 1796 г. получаетъ чинъ капитана бригаднаго ранга. Плавая на «Ретвизанѣ», Ч. въ Чатамѣ познакомился съ начальникомъ мѣстнаго порта капитаномъ Проби и его семействомъ, полюбилъ дочь его Елисавету и уѣхалъ въ Россію уже женихомъ ея.

Между тѣмъ умерла Екатерина II-ая, вступилъ на престолъ Павелъ I-ый и служебное положеніе Ч. сильно измѣнилось Сторонникъ широкихъ реформъ, рѣзкій, откровенный и остроумный, Ч. нажилъ себѣ много враговъ среди приближенныхъ новаго Императора. Будущій адмиралъ и министръ народнаго просвѣщенія А. С. Шишковъ, гатчинскій любимецъ Павла I-го графъ Кушелевъ, Мордвиновъ и др. очень недружелюбно смотрѣли на Ч., видя въ немъ только адмиральскаго сына, выдвинувшагося благодаря покровительству отца. Первое столкновеніе произошло въ 1797 г. послѣ большихъ маневровъ флота подъ Красной Горкой, когда Ч., командуя кораблемъ «Ретвизанъ», дѣлалъ кампанію подъ штандартомъ Государя Императора. Корабль, ввѣренный ему, оказался однимъ изъ лучшихъ и Павелъ I-ый наградилъ капитана его орденомъ св. Анны 3-ьей ст. и чиномъ полковника, но конвертъ, въ которомъ былъ присланъ приказъ о производствѣ, былъ адресованъ ему, какъ подполковнику. Не понимая, какъ относиться къ такого рода царской милости, Ч. письмомъ запросилъ гр. Кушелева, долженъ-ли онъ считать себя полковникомъ или нѣтъ. Послѣдній отвѣтилъ ему: «Конечно, нѣтъ, ибо вы должны видѣть, что на конвертѣ вы означены подполковникомъ». Ч. тотчасъ подалъ въ отставку и былъ уволенъ отъ службы безъ пенсіи «по молодости лѣтъ». Это было первою служебною непріятностью будущаго эмигранта; за нею послѣдовала другая, гораздо болѣе крупная. Выйдя въ отставку, Ч. хотѣлъ поселиться въ деревнѣ, заняться хозяйствомъ и улучшить положеніе своихъ крестьянъ, но въ это время умеръ капитанъ Проби и Ч. получилъ письмо отъ своей невѣсты, что она ждетъ его. Въ такомъ положеніи Ч. обратился къ Государю съ просьбой дозволить ему выѣхать за границу, чтобы жениться на иностранкѣ. Павелъ I-ый передалъ черезъ

кн. Безбородко отказъ, который гласилъ, что «въ Россіи настолько достаточно дѣвицъ, что нѣтъ надобности ѣхать искать ихъ въ Англію». Вмѣстѣ съ тѣмъ Государь приказалъ снова принять Ч. на службу во флотъ съ производствомъ его въ контръ-адмиралы и съ назначеніемъ командовать эскадрой, отправляемой въ Англію для дѣйствій противъ Голландіи. Въ то же время графъ Кушелевъ представилъ Павлу I-му все дѣло женитьбы Ч. такъ, что, будто бы, молодой адмиралъ хочетъ воспользоваться этимъ благовиднымъ предлогомъ, чтобы впослѣдствіи перейти въ англійскую службу. Разумѣется, Государь очень разсердился, выслушавъ докладъ Кушелева, и потребовалъ Ч. къ себѣ въ кабинетъ. Здѣсь Павелъ I-ый обвинялъ его въ измѣнѣ, бранилъ его и приказалъ заключить его въ Петропавловскую крѣпость. Чичаговъ сталъ возражать. Ссылаясь на привилегію ордена св. Георгія, онъ рѣзко протестовалъ противъ заключенія въ крѣпость. Выведенный изъ себя, Императоръ приказалъ сорвать съ него Георгіевскій крестъ и дежурный флигель-адъютантъ графъ Уваровъ исполнилъ это приказаніе. Возмущенный тяжелымъ оскорбленіемъ, Ч. скинулъ, въ отвѣтъ на это, мундиръ и въ одномъ жилетѣ былъ препровожденъ въ фортъ. Это случилось 21-го іюня 1799 г. Въ тотъ же день онъ былъ уволенъ отъ службы безъ прошенія, мундира и пенсіи, а с.-петербургскому военному губернатору Государь послалъ собственноручный указъ, гласившій: «Якобинскія правила и противные власти отзывы посылаемаго Чичагова къ вамъ, принудили меня приказать запереть его въ равелинѣ подъ вашимъ смотрѣніемъ».

Трудно сказать, чѣмъ могла бы кончиться вся эта исторія, если бы, къ счастью для Ч., въ нее не вмѣшался с.-петербургскій генералъ-губернаторъ графъ фонъ-деръ-Паленъ, который доложилъ Государю, что Ч. раскаивается, и ходатайствовалъ о прощеніи его. Павелъ I-ый принялъ во вниманіе ходатайство Палена, приказалъ освободить заболѣвшаго въ равелинѣ Чичагова, дозволилъ ему жениться и 2-го іюня того же года вновь принялъ его на службу, съ назначеніемъ командиромъ той же экспедиціи. Вскорѣ новопожалованный контръ-адмиралъ вышелъ съ ввѣренной ему эскадрой и десантными войсками изъ Кронштадта и направился къ острову Тексель. Въ 1800 г. мы снова находимъ его въ С.-Петербургѣ.

Со вступленіемъ на престолъ Императора Александра I-го, понадобились люди, одинаково съ нимъ смотрѣвшіе на положеніе дѣлъ въ Россіи и готовые искренно и энергично работать въ томъ направленіи, которое указывалъ Государь. Естественно, что образованный и умный, Чичаговъ не могъ затеряться въ новое царствованіе. Поэтому неудивительно, что новый Императоръ сразу приблизилъ его къ себѣ. Въ 1801 г. онъ былъ назначенъ въ свиту Императора, а въ 1802 г. получилъ должность члена комитета по образованію флота и назначенъ докладчикомъ Александру I-му по дѣламъ этого комитета; въ октябрѣ того-же года ему были поручены обязанности правителя дѣлъ вновь учрежденной военной по флоту канцеляріи; въ ноябрѣ онъ былъ произведенъ въ вице-адмиралы и въ декабрѣ назначенъ товарищемъ министра морскихъ силъ. Такое быстрое повышеніе молодого вице-адмирала послужило причиной той нелюбви, которою онъ пользовался со стороны придворныхъ лицъ. Быть можетъ, здѣсь играли роль также его симпатія къ англійскимъ порядкамъ и то рѣзкое порицаніе, съ которымъ онъ относился къ русскому дворянству, высмѣивая его вездѣ, гдѣ только можно, и отстаивая идею освобожденія крестьянъ. Какъ бы то ни было, Ч. пользовался большимъ довѣріемъ и любовью Императора; между ними даже завязалась впослѣдствіи переписка. Въ 1807 г. Ч. получилъ чинъ адмирала и званіе министра морскихъ силъ. Онъ сталъ энергично работать надъ упорядоченіемъ дѣлъ министерства: сократилъ, сколько было возможно, всякаго рода хищенія, столь обычныя въ то время, увеличилъ флотъ, построилъ эллинги, слѣдилъ постоянно за развитіемъ техники и вводилъ усовершенствованія въ морской практикѣ. Мнѣнія и записки, поданныя Ч. въ Государственный Совѣтъ, служатъ лучшимъ доказательствомъ его неутомимой дѣятельности. Членъ Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ, онъ имѣлъ постоянныя столкновенія со своими товарищами и столкновенія эти привели, наконецъ,

къ тому, что онъ въ 1809 г. взялъ заграничный отпускъ. Черезъ два года онъ былъ, по прошенію, уволенъ отъ званія министра морскихъ силъ и, по возвращеніи изъ заграницы, назначенъ состоять при особѣ Государя Императора, т.-е. ежедневно, въ 11 ч .утра, являться во дворецъ и высказывать свое мнѣніе по текущимъ вопросамъ.

Въ 1812 году Александръ I-ый, недовольный медленностью дѣйствій Кутузова, выработалъ свой собственный планъ дѣйствій и, назначивъ Чичагова главнокомандующимъ Дунайскою арміей, Черноморскимъ флотомъ и генералъ-губернаторомъ Молдавіи и Валахіи, поручилъ ему привести этотъ замыселъ въ исполненіе. Отпуская Ч. на югъ, Государь сказалъ ему характерную для бывшаго морского министра. фразу: «Я вамъ не даю совѣтовъ, зная, что вы злѣйшій врагъ произвола». Ч. выѣхалъ 2-го мая изъ С.-Петербурга и 11-го былъ уже въ Яссахъ, но Кутузовъ еще до прибытія его заключилъ миръ съ Оттоманскою Портой и новому главнокомандующему нечего было дѣлать на берегахъ Дуная. Планъ Императора остался безъ осуществленія.

Во время отечественной войны Ч. пріобрѣлъ себѣ ту печальную извѣстность, которая заставила П. Бартенева въ его предисловіи къ XIX-му тому «Архива князя Воронцова» сказать о министрѣ-эмигрантѣ: «Ч. принадлежитъ къ скорбному списку русскихъ людей, совершившихъ для отечества несравненно менѣе того, на что они были способны и къ чему призваны». Насколько вѣрно такое мнѣніе трудно сказать опредѣленно. Несомнѣнно однако, что Ч. гораздо менѣе виновенъ въ несчастномъ для насъ исходѣ переправы черезъ Березину, чѣмъ это принято предполагать. Бывшій морской министръ былъ въ свое время предметомъ всякаго рода насмѣшекъ, шутокъ и эпиграммъ; И. А. Крыловъ написалъ по поводу Березинскаго сраженія извѣстную басню, выставлявшую Ч. въ очень невыгодномъ свѣтѣ, раздавались даже голоса, обвинявшіе злополучнаго адмирала въ измѣнѣ. О послѣдней, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи: вопросъ сводится къ тому, насколько, дѣйствительно, отсутствіе распорядительности главнаго начальника Дунайской арміей, если оно имѣло мѣсто, повліяло на результатъ сраженія.

Прибывъ въ Борисовъ, Ч. нашелъ положеніе дѣлъ крайне печальнымъ. Генералъ Ламбертъ, которому онъ довѣрялъ и которому хотѣлъ поручить командованіе авангардомъ, былъ раненъ и, поэтому, не могъ принимать участіе въ сраженіи. Ланжеронъ не потрудился осмотрѣть и изучить мѣстность, вообще въ большой степени неблагопріятную для сраженія; для инженерныхъ работъ оставалось весьма мало времени, такъ какъ со дня на день можно было ожидать непріятеля; земля промерзла на значительную глубину, въ арміи нашелся всего одинъ инженерный офицеръ, способный руководить постройкой укрѣпленія, словомъ, обстоятельства, какъ бы нарочно, сложились такимъ образомъ, что Ч. было крайне трудно, если не совсѣмъ невозможно, выполнить данную ему инструкцію. По этой инструкціи онъ обязанъ былъ устроить въ Борисовѣ укрѣпленный лагерь и укрѣпленные же дефилеи со стороны Бобра, что́ имѣло цѣлью остановить французскую армію. Ч., взвѣсивъ положеніе дѣлъ, отказался отъ этого плана и послалъ для изученія мѣстности дивизію авангарда подъ командой Палена, заступившаго мѣсто Ламберта. Едва Паленъ отошелъ отъ Борисова, какъ совершенно неожиданно наткнулся на войска маршала Удино и принужденъ былъ отступить, потерявъ до 600 человѣкъ убитыми и ранеными и оставивъ въ рукахъ непріятеля почти весь обозъ. Борисовъ заняли французы. Этотъ, окончившійся такъ печально авангардный бой французы въ своихъ реляціяхъ раздули въ крупную побѣду; русскіе же увеличили цифру потери Палена до 2,000 людей. Въ такомъ видѣ извѣстіе объ этомъ сраженіи дошло и до С.-Петербурга. Съ этого началась дурная слава Ч. По первоначальному плану Александра I-го на правомъ берегу Березины должны были собраться соединенныя силы Кутузова, Витгенштейна и Ч.; общею численностью въ 160.000 человѣкъ, причемъ первый долженъ былъ тѣснить французовъ съ тылу. Такимъ образомъ, Наполеонъ, по диспозиціи, долженъ былъ оказаться между двухъ огней. Планъ этотъ не осуществился. Войска Кутузова совсѣмъ не

принимали участія въ сраженіи, Витгенштейнъ же запоздалъ и началъ атаку на четыре часа позднѣе Ч., кромѣ того, онъ ввелъ въ дѣло лишь $^1/_3$ своей арміи, не согласился подкрѣпить злополучнаго адмирала двумя дивизіями, которые тотъ у него просилъ, и позволилъ Викто́ру цѣлый день удерживать занятую позицію.

Такимъ образомъ, вмѣсто предполагавшейся громадной силы въ 160.000 человѣкъ, сраженіе начали и почти самостоятельно вели 20.000 людей арміи Ч., растянутые между Веселовымъ и Березиною, имѣя передъ собой армію Наполеона, считавшую тогда до 45.000 человѣкъ, годныхъ къ бою, и сзади себя саксонцевъ Шварценберга. Нѣтъ ничего удивительнаго, что, при такихъ условіяхъ, французы переправились черезъ Березину; быть можетъ, былъ въ этомъ виноватъ и главнокомандующій Дунайскою арміей, не проявившій достаточной распорядительности, но главная вина, всетаки, падаетъ на несчастливо сложившіяся обстоятельства.

Въ 1813 г. Ч. получилъ безсрочный отпускъ во Францію, по болѣзни, съ сохраненіемъ содержанія и съ тѣхъ поръ болѣе не возвращался въ Россію. Почему онъ оставилъ Россію и почему въ 1834 г. окончательно порвалъ связь съ отечествомъ— до сихъ поръ не выяснено. Леонидъ Чичаговъ, издатель «Архива адмирала Ч.» говоритъ, что его старшій родственникъ уѣхалъ за-границу «не по своей винѣ»; причинъ же окончательнаго разрыва съ Россіей никто не знаетъ, кромѣ семьи Ч.

Послѣдніе годы своей жизни Ч. провелъ въ Италіи и во Франціи, преимущественно въ Парижѣ или въ подъ Парижемъ въ мѣст. Ссо. Слѣпой, неоцѣненный по заслугамъ, забытый, онъ жилъ у своей дочери, графини Екатерины дю-Бузе (du-Bouzet), жены французскаго моряка. Умеръ Ч. въ Парижѣ 20-го августа 1849 г. Послѣ Ч. остались «Записки» напечатанныя въ «Архивѣ гр. Воронцова» подъ заглавіемъ, сочиненнымъ самимъ адмираломъ: «Записки адмирала Ч., заключающія то, что онъ видѣлъ и что, по его мнѣнію, зналъ.» Писаны онѣ по французски и по-итальянски и переведены на русскій языкъ Леонидомъ Чичаговымъ.

Въ 1858 г. графъ дю-Бузе, родственникъ мужа графини Екатерины, издалъ въ Берлинѣ брошюру «Мемуары адмирала Чичагова» («Mémoires de l'amiral Tchitchagoff», 2-ое изданіе, Лейпцигъ 1862 г.), куда помѣстилъ нѣсколько листковъ изъ «Записокъ» адмирала, относящихся къ 1812 году и случайно попавшихъ къ нему въ руки (впервые напечатаны въ «Revue Comtemporaine» 1854), краткую біографію Ч., написанную Emil'емъ Shasles'омъ, нѣсколько разсказовъ дипломата-англичанина, взятыхъ изъ книги «Eastern Europe ant the emperor Nicholas», кое-какія газетныя статьи, прибавилъ къ этому кое что изъ собственныхъ измышленій и выдалъ все вмѣстѣ за подлинныя записки Ч. Брошюра эта въ свое время вызвала очень много толковъ и обвиненій по адресу Ч., имъ, во всякомъ случаѣ, не заслуженныхъ. Екатерина дю-Бузе начала процессъ противъ родственника своего мужа и выиграла его, но подлинныя «Записки» при ея жизни изданы не были.

О. Ч. подробнѣе см.: «Общій морской списокъ» 1885; С.-Пб. т. II-ой: Леонидъ Чичаговъ «Архивъ адмирала Чичагова» С.-Пб. 1885 Тьеръ, «Histoire de Consulat et de l'Empire», XIII, стр. 492 «Mémoires et correspondance» da Joseph de Maistre, 1808, Janvier, стр. 303; «Архивъ кн. Воронцова» кн. VIII, ст. 212: кн. XIII ст. 160, 173;кн. XIX, стр. 428; «Архивъ кн. Вяземскаго», стр. 246, 261.; «Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1858 №4. «Мнѣніе адмирала Чичагова о продовольствіи столицы» отъ 2-го іюня 1809; «Русскій Архифъ» 1869, стр. 1147 и сл.; «Русскій Архивъ» 1870, стр. 1522 и сл.; «Русскій Архивъ» 1887, I. «Изъ записокъ гр. Эдлингъ»; «Русскій Архивъ» 1875, I, «Двѣ записочки Императора Александра I-го къ адмиралу Чичагову».; «Сборникъ Русскаго Историческаго Общества» т. VI-ой «Письма адмирала Чигачова и Императора Александра I-го».; «Морской Сборникъ» 1856 № 12 «Замѣчанія стараго моряка Тридечнаго»; «Русская Старина» 1892, № 12, «Приказъ адмирала Чичагова» отъ 7-го ноября 1812 г.; «Русская Старина» 1873, т. VII, стр. 36, 44; «Русская Старина» 1880, т. XXXIX, стр. 796--822; «Историческій Вѣстникъ» 1886, V, стр. 447 и др. «Энциклопед. слов.» Ефрона, т. 76. «Записки Н. Греча», приложеніе, стр. XXXVIII—XL.

Борисъ Савинковъ.

Чичеринъ, *Василій Николаевичъ*, кавалеръ св. Георгія 3-ей ст., сынъ Николая Ивановича Чичерина, С.-Петербургскаго генералъ-полицеймейстера, (см. далѣе) родился въ 1754 году и принадлежалъ къ россійскому дворянскому роду. Въ 1761 г. онъ поступилъ на службу; 14-го іюля 1788 г., числясь по

пѣхотѣ, былъ произведенъ въ чинъ подполковника и въ 1792 году состоялъ при соединенной арміи. Въ 1794 г., въ чинѣ полковника, командовалъ въ Смоленскѣ драгунскимъ полкомъ и считался однимъ изъ самыхъ строгихъ командировъ. Въ 1804 году, въ чинѣ генералъ-маіора, Высочайшимъ повелѣніемъ Чичеринъ былъ опредѣленъ директоромъ Тульскаго оружейнаго завода. Благодаря энергичной дѣятельности Василья Николаевича, въ 1807—1810 гг. заводъ сталъ украшаться большими каменными зданіями; при немъ былъ построенъ корпусъ оружейнаго правленія, пріемная палата, механическая мастерская, домъ заводской полиціи. Потомъ вся береговая мѣстность завода была выровнена и возвышена насыпью, а правый берегъ Упы укрѣпленъ каменною набережною, при чемъ на всемъ протяженіи набережной поставлена прочная желѣзная рѣшетка на протяженіи 250 с. Вмѣсто нижней плотины, построенъ прочный каменый шлюзъ съ тремя воротами для спуска воды; равномѣрно верхняя плотина перестроена была въ каменный шлюзъ съ десятью спусками для весеннихъ водъ. При такихъ значительныхъ постройкахъ на заводѣ Чичеринъ долженъ былъ еще усилить оружейное производство: борьба съ Наполеономъ въ 1805 и 1807 гг. и наконецъ Финляндская война 1808 г., когда Тульскій заводъ долженъ былъ безпрерывно доставлять новое оружіе,—все это требовало большихъ неустанныхъ трудовъ и энергичной дѣятельности; Чичеринъ и комитетъ о постройкѣ завода достойно оправдали довѣренность Александра Благословеннаго. Въ 1809 г., по представленію Чичерина, куплены были у оберъ-егермейстера Д. Л. Нарышкина 350 человѣкъ оружейниковъ съ его бывшихъ Алексинскихъ заводовъ и перечислены въ Тульскіе казенные оружейники. При Чичеринѣ съ 1806—1808 г., когда серебряный рубль, постепенно возвышаясь, дошелъ до 4 р. асс., солдатское ружье обходилось только около 11 р. ассигнаціями, или около 3 р. серебромъ, вѣсило 13½ ф. и стрѣляло пулею на 120 саженъ. Впрочемъ, такое удешевленіе огнестрѣльнаго оружія достигнуто было значительнымъ пониженіемъ дневной платы, въ ущербъ рабочимъ. Въ декабрѣ 1809 года В. Н. Чичеринъ подалъ прошеніе объ отставкѣ и былъ уволенъ отъ должности. Въ 1812 году, во время нашествія Наполеона, Василій Николаевичъ командовалъ ратниками Московскаго ополченія. Въ 1816 году Василій Николаевичъ командовалъ драгунскимъ полкомъ въ Петергофѣ во время пріѣзда принца Оранскаго. Ученіе прошло блестяще и Государь, довольный произведеннымъ на принца впечатлѣніемъ, первый разъ изволилъ надѣть мундиръ драгунскаго полка. По просьбѣ Чичерина, день парада 4-го іюля, былъ сдѣланъ днемъ полкового праздника лейбъ-драгунъ. Скончался Василій Николаевичъ въ 1825 году. Онъ былъ женатъ на Екатеринѣ Александровнѣ Салтыковой и имѣлъ 2 сыновей: Николая и Александра, поручика лейбъ гвардіи Семеновскаго полка (1812 г.).

«Историческое обозрѣніе Тульской губерніи» Ивана Афремова ч. I. Москва 1850 г. 208, 209, 210; Описаніе Тульскаго оружейнаго завода Іосифа Гамеля. Москва 1826 г. 67, 69; Руммель и Голубцовъ, Родословный сборникъ. II, 693, 694; «Русская Старина» 1900 г. Апрѣль; «Русская Старина» 1895 г. Апрѣль; «Списокъ воинскому департаменту, генералитету и штабъ-офицерамъ» на 1792 г., 150 стр., «Русскій Архивъ» 1875 г., кн. III, стр. 26; «Русскій Архивъ» 1885 г, кн. III, 472, 474, 495. *И. Н. Артамонова.*

Чичеринъ, *Григорій Петровичъ*, въ 1619 г. показанный «объѣзжимъ головой въ Москвѣ для огней и всякаго береженія», въ слѣдующемъ году «годовалъ» воеводой въ г. Одоевѣ, а съ 1621 по 1625 г. былъ воеводой въ г. Литвинѣ. Въ кормленой книгѣ Костромской чети показанъ окладъ ему въ этотъ періодъ «19 руб. изъ чети». Въ 1625 г. былъ переведенъ воеводой въ Новосиль, гдѣ и оставался до 1631 г.; слѣдующіе два года провелъ снова въ Москвѣ въ прежней должности «объѣзжаго головы», а въ 1634 г. получилъ назначеніе въ Галичъ, но здѣсь пробылъ не долго— меньше года и по болѣзни отпущенъ въ Москву, гдѣ и умеръ въ январѣ 1635 г.

См.: Разряд. кн. т. I. С.-Пб. 1855 г., стр. 664, 719, 760, 870, 922, 1341; т. II, стр. 71, 178, 274, 340, 814; «Рус. Ист. Биб.» т. XV. С.-Пб. 1894 г., стр. 16: Кормлен. кн. Костром. чети; В. В. Руммель и В. В. Голубцовъ: «Родосл. Сборн. т. II. С.-Пб. 1887 г., стр. 687. *Н. Тычино.*

Чичеринъ, *Денисъ Ивановичъ*, Сибирскій губернаторъ (съ 1763 по 1781 г.),

происходилъ изъ древняго рода, ведшаго по преданію свое начало отъ итальянца Чичерини, пріѣхавшаго въ Россію вмѣстѣ съ Софіей Палеологъ. Родился Д. И. приблизительно въ 1720 г. и въ 1735 г. былъ записанъ въ Семеновскій полкъ; въ 1740 г. былъ уже сержантомъ и исполнялъ какую-то миссію въ Ижорѣ. Въ 1741 г.—прапорщикъ, въ 1751 г.—подпоручикъ, въ 1753—поручикъ, въ 1754—капитанъ-поручикъ въ 1761 г. Д. И. былъ уволенъ въ отставку уже секундъ-маіоромъ гвардіи. Быстрое повышеніе въ чинахъ, командировки въ 1748 г. за границу къ князю Репнину, наконецъ, исполненіе такихъ порученій самой Императрицы Елизаветы Петровны, какъ поѣздка въ Курскъ для осмотра, клеймены ли продаваемыя тамъ парчи, штофы и прочіе шелковые товары и позументы, — все показываетъ, что красивый, ловкій и расторопный офицеръ, Ч. былъ на виду у начальства. Въ самый день смерти государыни Елизаветы Петровны Ч. получилъ отставку по указу самаго государя, по которому ему было велѣно жить въ родовомъ сельцѣ Ильинскомъ (около г. Бѣлева).и запрещено опредѣлять его на службу. Чѣмъ навлекъ на себя Д. И. эту немилость, — неизвѣстно. Опала, впрочемъ, была непродолжительна. Съ вступленіемъ на престолъ Имп. Екатерины Д. И., въ ротѣ котораго служили братья Орловы, былъ вызванъ вновь изъ своей ссылки, награжденъ чиномъ премьеръ-маіора, а 10-го августа 1763 г., произведенный въ генералъ-маіоры, былъ назначенъ губернаторомъ Сибири. Пользуясь благоволеніемъ самой государыни, предоставлявшей въ управленіи краемъ многое на его личное усмотрѣніе, Д. И., надѣленный большими полномочіями, сдѣлался почти неограниченнымъ господиномъ громаднаго края. Почти 18 лѣтъ правилъ Чичеринъ Сибирью и имя его надолго сохранилось въ народной памяти. Екатерининскій вельможа окружилъ свой санъ и власть такою пышною обстановкою, которая необходимо должна была запечатлѣться въ памяти тобольскихъ обывателей. Любившій повеселиться, губернаторъ устраивалъ роскошныя празднества, давалъ торжественные, съ музыкой, громомъ пушекъ и ружейной пальбой, обѣды и балы, на которые собиралъ весь городъ, держалъ массу челяди, и въ высокоторжественные дни, окруженный большою свитою чиновниковъ, съ скороходами впереди, гайдуками позади, облеченный въ мантію ордена св. Александра Невскаго и въ орденахъ шествовалъ къ обѣднѣ въ соборъ. Не менѣе, если только не болѣе, должна была остаться памятною для сибирскаго населенія непомѣрная строгость, съ которой вводились и поддерживались новымъ губернаторомъ небывалые еще въ Сибири распорядки въ общественной и даже частной жизни. Быть нещадно сѣченнымъ за плохую распашку земли или плохое веденіе хозяйства, попасть въ каторжныя работы за плохое содержаніе мостовой передъ домомъ. при «батюшкѣ Денисѣ Ивановичѣ» было не такъ трудно. Пуская въ ходъ, для достиженія намѣченной цѣли, всю силу власти, почти ничѣмъ не сдерживаемой, Д. И., какъ истый сынъ своего вѣка, зачастую переходилъ предѣлы всякой законности, благоразумія и гуманности и добивался желаемаго неслыханными строгостями, граничившими съ безпощадною жестокостью. Ч. былъ человѣкъ иниціативы, замѣчательно энергичный и неутомимый работникъ. Любилъ во все входитъ и вникать самъ и не оставлялъ безъ вниманія ни одной отрасли управленія. Съ его именемъ связаны нѣкоторыя весьма важныя для Сибири мѣропріятія. Таково, напр. произведенное имъ заселеніе большого тракта отъ Тобольска до Иркутска, частью рекрутами, частью ссыльными; затѣмъ, заселеніе Барабинской степи, стоившее дешево казнѣ, но потребовавшее страшныхъ жертвъ со стороны колонистовъ ссыльныхъ. Есть указаніе на то, что при немъ въ промежутокъ времени отъ 1763 г. по 1767 г. совершилось уравнительное распредѣленіе земель въ Западной Сибири среди крестьянъ. Быстрыя и рѣшительныя мѣры, принятыя Д. И. въ самомъ началѣ пугачевщины, пресѣкли распространеніе бунта на Сибирь. Въ самомъ Тобольскѣ онъ открылъ геодезическую школу, завелъ госпиталь, аптеку, выписалъ доктора съ четырьмя помощниками для оспопрививанія, устроилъ ремесленный домъ для ссыльныхъ, выхлопоталъ банковую контору для размѣна ассигна-

цій съ капиталомъ въ 1.000.000 рублей; заботился о благоустройствѣ города, слѣдилъ за его санитарнымъ состояніемъ. Многіе циркуляры Ч. показываютъ, что онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стоялъ выше своихъ современниковъ. Но вводимые распорядки удерживались только грозною рукою Ч. и естественно не могли прочно укорениться въ жизни недоросшаго до нихъ общества. Крутой начальникъ, но все-таки заботившійся объ общественномъ благѣ Ч., какъ человѣкъ, является несимпатичнымъ. Впрочемъ, нужно замѣтить, что интерес ная фигура этого типичнаго вельможи екатеринииnскихъ временъ, развернувшагося во всю ширь русской натуры на неограниченномъ просторѣ сибирской глуши, до сихъ поръ не имѣетъ ни точной біографіи, ни справедливой оцѣнки административной дѣятельности. Получивъ еще въ началѣ своего губернаторства чинъ полнаго генерала и нѣсколько орденовъ, въ 1781 г. одряхлѣвшій Ч. получилъ отставку и съ большими богатствами, накопленными имъ за свою службу въ Сибири, удалился на покой въ свое родовое имѣніе, гдѣ вскорѣ, въ 1785 г. и умеръ.

«Москвитянинъ» 1845 г., ч. 6, № 11; «Русскій Архивъ» 1891 г., (извлеченіе изъ «Москвитянина» 1886 г., № 3. (Полякъ конфедератъ въ Сибири) 1870 г., стр. 567 568, 603. «Историческій Вѣстникъ» 1893 г., кн. 6, 1887 г., № 9; 1898 г., № 8. Дирипъ, «Исторія лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка; Соловьевъ.» «Исторія Россіи». 1893 г. т. VI; «Русская Старина» 1889 г., (Записки А. М. Тургенева); «Русскій Вѣстникъ» 1882 г., кн. 1 (Исповѣдный штрафъ въ Сибири. В. В. Гурьева). «Тобольскія Губ. Вѣдомости»: 1857 г., № 14, 1870 г., № 49, 1871 № 18, 1890 г., № 21, 1891 г., № 11, 12, 13 и 14; Словцовъ. «Историческое обозрѣніе Сибири»; В. К. Андріевичъ «Историческе очерки Сибири» тт. IV и V; Календарь Тобольской губ. 1891 г.; Щегловъ: Хронологическій перечень данныхъ изъ исторіи Сибири. Голодниковъ: Тобольскъ и его окрестности. Памятная книжка Тобольской губ. 1884 г., Дубровинъ. Пугачевъ и его сообщники. Relation ou Journal d'un officier français au service de la confederation de Pologne pris par les Russes et relegué en Sibérie 1776 г., Амстердамъ. «Энциклопед. слов.» Ефрона, т. 76. «Словарь Старчевскаго», т. XII. Бантышъ-Каменскій: «Словарь достопамятн. людей», ч. V.

Чичеринъ, *Иванъ Ивановичъ*, думный дьякъ 1609—1613. одинъ изъ второстепенныхъ дѣятелей смутнаго времени, приверженецъ Лжедимитрія II, въ 1609 г. подписалъ грамоту Самозванца къ Сапѣгѣ о скорѣйшемъ отправленіи литовскихъ и польскихъ ратныхъ людей и Донскихъ казаковъ съ Лисовскимъ для охраны Углича и Ярославля. Участвовалъ въ торжественномъ посольствѣ 31-го января 1610 г. къ королю Сигизмунду, когда «люди разныхъ чиновъ приняли на себя представительство Московскаго государства» и былъ награжденъ домомъ въ Москвѣ и помѣстнымъ окладомъ за то, что находился въ числѣ тѣхъ, которые, какъ сказано въ грамотѣ короля Сигизмунда отъ 21-го сент. 1610 г., «пріѣхали къ нашему королевскому величеству и почали служити прежъ всѣхъ... и втѣпоры, какъ они пріѣхали до насъ... подъ Смоленскъ, кн. В. Шуйскій... дворы ихъ на Москвѣ разорилъ до основанія»... Во время правленія Гонсѣвскаго въ Москвѣ Ч. почти одинъ подписывалъ всѣ грамоты и челобитныя, потому что «всѣ старые дьяки отогнаны были прочь». Онъ же привезъ подъ Смоленскъ извѣстіе о смерти Самозванца. Въ 1611 г., назначенный думнымъ дьякомъ въ Помѣстный приказъ, И. И. въ числѣ прочихъ бояръ, окольничихъ, думныхъ дворянъ и думныхъ дьяковъ подписалъ грамоту Московской Боярской Думы смоленскимъ воеводамъ Шеину и кн. Горчакову о немедленной сдачѣ Смоленска королю Сигизмунду. Имъ же подписаны извѣстныя увѣщательныя грамоты 25-го и 26-го августа 1612 г. и грамота объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича въ маѣ 1613 г. Въ томъ же году онъ посланъ въ Персію съ извѣщеніемъ о вступленіи на престолъ М. Ѳ. Въ 1616 г. Ч. въ званіи стряпчаго былъ воеводой сторожеваго полку въ Новосили, а въ слѣдующемъ году приставомъ у англійскаго посла. Въ 1625 г. пожалованъ московскимъ дворяниномъ и вторично ѣздилъ въ Персію, по возвращеніи откуда былъ назначенъ воеводой въ Уфу, гдѣ и оставался до 1628 г. 1630—1631 г.г. провелъ воеводой въ Казани, въ слѣдующемъ году былъ воеводой у Берсеневскихъ воротъ въ Москвѣ и затѣмъ снова «годовалъ» воеводой въ Казани. Постригся въ 1633 г. За послѣднія 7—8 лѣтъ служебной дѣятельности онъ нерѣдко удостаивался высокой чести быть приглашеннымъ къ государеву столу. Вотчина его — село Ро-

ждественское, въ 10—15 вер. отъ г. Углича.

Акт. Ист., т. II. С.-Пб. 1841 г., стр. 150, 199, 214, 365, 372, 379, т. III, стр. 103; В. В. Руммель и В. В. Голубцовъ: Родословный Сборн. т. II, стр. 687. С.-Пб. 1887 г.; Соловьевъ: „Ист. Рос." изд. «Общ. Польза» кн. II, стр. 903, 962, 976; Карамзинъ: „Ист. гос. Рос" т. XII. С.-Пб. 1829 г. прим. 486. Разр. кн. по указат.

Чичеринъ, *Николай Ивановичъ*, С.-Петербургскій генералъ-полицеймейстеръ, генералъ-аншефъ, сенаторъ, орденовъ св. Александра Невскаго и св. Анны кавалеръ, (отецъ Вас. Никол. Чичерина и братъ Дениса Ивановича Чичерина (см. выше), происходилъ изъ дворянъ. Онъ былъ сыномъ подполковника Полтавскаго полка Ивана Лаврентьевича Чичерина. Въ 1737 г. Николай Ивановичъ началъ службу, 13-го марта 1757 года былъ произведенъ въ подполковники при обсерваціонномъ корпусѣ и 1-го февраля 1759 г. пожалованъ въ полковники. Въ слѣдующемъ 1760 г., 22-го марта, назначенъ кіевскимъ оберъ-комендантомъ съ производствомъ въ генералъ-маіоры. Въ 1764 г. Чичеринъ былъ опредѣленъ генералъ-полицеймейстеромъ Петербурга. Въ это время правительствомъ было обращено вниманіе на строительное дѣло въ Петербургѣ; для правильнаго веденія его была образована Коммиссія о петербургскомъ строеніи, самымъ вліятельнымъ лицомъ которой сдѣлался генералъ-полицеймейстеръ, назначенный въ члены 14-го августа 1764 года; всѣ его представленія были приняты Коммиссіей для непремѣннаго исполненія, и надо отдать полную справедливость Чичерину: онъ заслужилъ полное довѣріе, такъ какъ это былъ человѣкъ, хорошо знавшій нужды разныхъ классовъ обывателей столицы и тепло относившійся ко всякому техническому представленію, заключавшему въ себѣ какія либо улучшенія существующаго положенія вещей. Въ 1766 г. Чичеринъ былъ произведенъ въ генералъ-поручики съ назначеніемъ въ сенаторы указомъ 29-го іюня. 30-го декабря того же года, имѣя полномочіе отъ Императрицы, онъ открылъ въ Петербургѣ депутатскіе выборы въ городскіе головы и депутаты отъ дворянства и, окончивъ съ успѣхомъ это дѣло въ столицѣ, былъ командированъ для того же въ Москву. 21-го апрѣля 1773 г. Чичеринъ былъ произведенъ въ генералъ-аншефы. Послѣдній годъ службы этого усерднаго и вѣрнаго слуги Екатерина II омрачился страшнымъ несчастьемъ: Нева, поднявшись болѣе чѣмъ на 10 футовъ, залила низменныя части столицы, причинила неисчислимыя бѣды жителямъ и поглотила не одну тысячу людей. Негодованію и огорченію Екатерины не было предѣловъ. Приписывая все нераспорядительности полиціи, она призвала Чичерина къ себѣ и сдѣлала ему строгій выговоръ, обвиняя его въ гибели невинныхъ людей. 7-го декабря 1777 г. Николай Ивановичъ былъ уволенъ отъ должности генералъ-полиціймейстера. Скончался онъ въ ноябрѣ 1782 г. и погребенъ въ Лазаревской церкви Александро-Невской лавры, гдѣ покоится прахъ его жены, Маріи Александровны Зыбиной, умершей 1776 г. У Н. И. Чичерина было трое сыновей: Александръ, впослѣдствіи генералъ-маіоръ, Василій и Дмитрій.

Край. «Справочный Энциклопедическій словарь». XII т. С:-Цб. 1847 г., 188 стр. Руммель и Голубцовъ „Родословный сборникъ II т. С.-Цб. 1887. 693, 694 Петровъ «Исторія С.-Петербурга», изд. 1885 г. „Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества", т. IV. „Русская Старина". 1877 г. XVIII т. „Русскій Архивъ." 1865 г. II. Барановъ: Опись высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ, хранящимся въ С.-Петербургскомъ Сенатскомъ Архивѣ, за XVIII в., Ш, 400; Мѣсяцесловъ на 1772 г., 24 стр.; М. Сантовъ, „Петербургскій Некрополь". М. 1883 г., стр. 146. «Словарь Старчевскаго», т. XII. «Сынъ Отеч.» 1847, № 7: «Сподвижники Екатерины II», стр. 14.

И. Н. Артамонова.

Чичеринъ, *Петръ Александровичъ*, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ-кавалеріи. Родился въ 1778 году и семи лѣтъ былъ зачисленъ сержантомъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, а въ слѣдующемъ году переведенъ вахмистромъ въ лейбъ-гвардіи конный полкъ. Конечно, служба его была чисто номинальная, и онъ продолжалъ жить дома до истеченія 19-ти лѣтъ. Вызванный по смерти Императрицы Екатерины въ полкъ, онъ былъ произведенъ въ корнеты. Видный, красивый, исполнительный, П. А. при Императорѣ Павлѣ быстро повышался по службѣ, а въ 1803 году былъ уже полковникомъ, добившись этого чина менѣе чѣмъ въ 6 лѣтъ своей дѣйствительной службы. Вскорѣ, впрочемъ, во вре-

мя наступившихъ войнъ, онъ доказалъ, что былъ вполнѣ достоинъ такихъ отличій. Первой войной, въ которой ему пришлось принять участіе, была война 1805 г. Здѣсь Чичеринъ особенно отличился въ сраженіи при Аустерлицѣ. Въ слѣдующіе затѣмъ годы онъ принималъ участіе въ сраженіяхъ при Гейльсбергѣ и Фридландѣ и за особенную храбрость, выказанную въ послѣднемъ сраженіи, былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени. Въ 1809 году состоялось назначеніе П. А. командиромъ лейбъ-гвардіи драгунскаго полка. Въ этой должности застала его отечественная война. Здѣсь съ самаго начала ему пришлось принять самое дѣятельное участіе во всѣхъ сраженіяхъ съ французами. При Вилькомірѣ, Витебскѣ, Смоленскѣ, Бородинѣ, Можайскѣ, однимъ словомъ, въ каждомъ сраженіи съ французами онъ всегда былъ впереди своего полка. Потомъ, желая еще чаще соприкасаться съ непріятелемъ, онъ вошелъ въ составъ партизанскаго отряда генерала Дорохова и участвовалъ въ цѣломъ рядѣ сраженій: при д. Моряковой, Юдиной, Бурдовой, при атакѣ непріятельскаго авангарда и пораженіи его подъ Малымъ Ярославцемъ, при Красномъ и др. За сраженіе подъ Краснымъ П. А. Чичерину былъ пожалованъ орденъ св. Георгія 3-ьей степени, а вскорѣ послѣ того онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ кампаніи слѣдующаго года онъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Люценѣ, Бауценѣ, Дрезденѣ, Кульмѣ, и Лейпцигѣ. Въ послѣднемъ сраженіи онъ былъ раненъ палашомъ въ щеку. Оправившись отъ раны, П. А. снова вернулся въ строй и принималъ участіе въ сраженіяхъ при Феръ-Шампенуазѣ и подъ Парижемъ, и за первое сраженіе получилъ орденъ св. Владиміра 2-ой степени По возвращеніи русскихъ войскъ въ Россію, Чичеринъ продолжалъ служить въ гвардіи и въ 1825 году былъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты къ Е. В., а въ слѣдующемъ году произведенъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ начальникомъ 1-ой гвардейской кавалерійской дивизіи. Возстаніе въ Польшѣ снова заставило его взяться за оружіе. Онъ участвовалъ во взятіи Варшавы и преслѣдовалъ поляковъ до рѣки Камчика. За отличія, выказанныя во время этой кампаніи, П. А. былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго. Въ 1831 году, командуя сводным гвардейскимъ кавалерійскимъ корпусомъ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ сраженіяхъ при Старомъ-Яцакѣ, при м. Суражѣ и при г. Остроленкѣ. Спустя два года онъ былъ назначенъ состоять при особѣ Е. И. В., а въ 1838 г. произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи. П. А. Чичеринъ скончался въ 1848 году въ С.-Петербургѣ.

Михайловскій - Данилевскій, «Описаніе войны 1812 и 1813 г.г.» «Справочный Энциклопедическій словарь», изд. А. Старчевскаго, т. 12 стр. 188. *Е. Ястребцовъ.*

Чіанфанелли (Гіанфонелли, Жіанфанелли,Цинфанелли) *Антоній* (Antonio Cianfanelli), итальянецъ по происхожденію, танцовщикъ. 26-го августа 1783 года Комитетомъ при дирекціи Императорскихъ театровъ было постановлено «писать о принятіи на службу для медзо характера къ Жіафанелію», служившему въ то время на сценѣ во Флоренціи; переговоры велись съ нимъ чрезъ графа Моцениго, тянулись почти два года, и лишь 1-го іюня 1785 года «славный танцовщикъ» Антоній Чіанфанелли былъ зачисленъ на службу въ петербургскій балетъ. По контракту, заключенному съ нимъ на три года, Чіанфанелли обязанъ былъ исполнять амплуа «de premièr danseur sérieux et demi caractere, excepté lorsque le sieur le Picq (современный Чіанфанелли первый танцоръ Императорскихъ театровъ.) dansera, de remplir l'emploi de second danseur», съ жалованьемъ въ 2.000 рублей въ годъ при готовой квартирѣ и 25 саженяхъ дровъ «натурою». За эти три года онъ сумѣлъ пріобрѣсти любовь у петербургской публики, и дирекція стала имъ дорожить, такъ что, когда при вторичномъ заключеніи контракта (до 1-го іюня 1791 года) Чіанфанелли потребовалъ себѣ прибавки, дирекція на его просьбу согласилась и положила ему ежегодно 3.000 рублей жалованья, квартиру и 30 саженъ дровъ. Что послѣ этого повліяло на перемѣну отношеній дирекціи къ Чіанфанелли, неизвѣстно, но только еще 23-го ноября 1790 г. ему было объявлено, что въ третій разъ контрактъ съ нимъ возобновленъ не будетъ, а 18-го февраля 1792 года, Чіанфанелли долженъ былъ подписать

бумагу такого рода: «въ Дирекціи надъ зрѣлищами я далъ сію подписку въ томъ, что по желаніямъ, какъ меня, такъ и жены моей (во все время пребыванія въ Россіи Чіанфанелли служилъ вмѣстѣ съ женой своей, танцовщицей Катариной Коппини), прежде срочнаго времени по контрактамъ уволены и во всемъ удовольствіе получили, также и требованіевъ болѣе на Дирекцію не имѣемъ», послѣ чего получилъ выговоренные имъ въ контрактѣ 400 руб. на обратный проѣздъ и вмѣстѣ съ женой покинулъ Россію.

Александръ Плещеевъ: Нашъ балетъ (1673—1896 гг.) С.-Пб. 1896 2) Танцы, балетъ, ихъ исторія и мѣсто въ ряду изящныхъ искусствъ (К. А. Скальковскаго). С.-Пб. 1886. Архивъ Дирекціи Императорскихъ Театровъ. Вып. 1, отд. I, II, III. *Валерій Березкинъ.*

Чіанфанелли, *Екатерина* (Catarina Cianfanelli), урожденная Коппини (Coppini), танцовщица, итальянка по происхожденію. По рекомендаціи графа Моцениго, вмѣстѣ съ танцовщикомъ Антоніемъ Чіанфанелли, была выписана Комитетомъ дирекціи Императорскихъ театровъ изъ Флоренціи и 1-го іюня 1785 года была принята на службу въ балетъ Императорскаго театра. Согласно контракту, заключенному съ ней дирекціей на три года, «мамзель Коппини» должна была исполнять амплуа «de première danseuse serieux et demi caractère, exceptè lorsque le dame Rossi (современная Коппини первая танцовщица петербургскаго балета) dansera, de remplir l'emploi de seconde danseuse,» за что ей было опредѣлено ежегодное жалованье въ 2.000 рублей, при готовой квартирѣ и 25 саженяхъ дровъ. Въ противоположность Антонію Чіанфанелли, за котораго вскорѣ по пріѣздѣ въ Россію Коппини вышла замужъ, успѣхомъ у петербургской публики она не пользовалась, теряясь рядомъ съ такой танцовщицей, какъ знаменитая Росси, вслѣдствіе чего, при заключеніи 1-го іюня 1788 года вторичнаго контракта на 3 года, дирекція сбавила ей жалованье, назначивъ всего 1.000 рублей, при казенной квартирѣ и казенныхъ дровахъ, а въ началѣ 1792 года и совсѣмъ предложила ей оставить петербургскую сцену. 15-го февраля 1792 года Екатерина Чіанфанелли (вмѣстѣ съ мужемъ) была уволена отъ службы съ уничтоженіемъ контракта и съ выдачей ей раньше условленныхъ 400 рублей на обратный проѣздъ.

Александръ Плещеевъ: «Нашъ балетъ (1673—1899 гг.) С.-Пб. 1899 Танцы, балетъ, ихъ исторія и мѣсто въ ряду изящнымъ искуствъ. (К. А. Скальковскаго) С.-Пб. 1886 Архивъ Дирекціи Императорскихъ Театровъ. Вып. I, отд. I, II и III. *Валерій Березкинъ.*

Чіарди (Чьярди), *Цезарь*, виртуозъ на флейтѣ, солистъ двора Его Величества, родился во Флоренціи, въ 1818 г. Въ 1847 году онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и съ 1853 года состоялъ солистомъ въ оркестрѣ петербургской итальянской оперы. Почти съ самаго основанія Консерваторіи русскаго музыкальнаго общества Чіарди былъ ея профессоромъ и имѣлъ свой классъ. Въ теченіе слишкомъ двадцатилѣтней профессорской дѣятельности, онъ образовалъ нѣсколько поколѣній флейтистовъ. Самъ онъ владѣлъ флейтой съ такимъ совершенствомъ, что пріобрѣлъ прозваніе царя флейтистовъ въ Европѣ. Имъ было написано также нѣсколько сочиненій вокальныхъ и для флейты. Умеръ Чіарди въ Стрѣльнѣ 13-го іюня 1877 года.

Рубецъ. Біографическій лексиконъ рус. композиторовъ и музыкальныхъ дѣятелей. Исторія музыки въ Россіи стр. 148, некрологъ. «Нашъ Вѣкъ» 1877 г. № 106, *А. Ивановъ.*

Чмыревъ, *Николай Андреевичъ*, литераторъ, педагогъ, высшее образованіе получилъ на юридическомъ факультетѣ Московскаго Университета. По окончаніи курса кандидатомъ правъ въ 1873 г. былъ назначенъ преподавателемъ географіи въ 1-ой Московской Гимназіи и Школѣ Межевыхъ топографовъ. По выходѣ въ отставку, посвятилъ себя литературной дѣятельности, а незадолго до смерти получилъ мѣсто секретаря Серпуховской городской думы.

Кромѣ повѣстей и разсказовъ, напечатанныхъ имъ въ періодъ 1881—1886 г.г. въ «Московскомъ Листкѣ», Чмыревъ издалъ: «Кобзарь». Т. Г. Шевченко въ переводѣ М. 1874 г., «Конспектъ всеобщей и русской географіи М. 1875 г.», 2-ое изд. 1878 г., 3-ье изд. 1886 г., «Развѣнчанная царевна», историческая повѣсть М. 1880 г., «Раскольничьи мученицы», историческій романъ изъ эпохи церковныхъ смутъ М. 1880 г., «Сытые и голодные» М. 1881 г., «Во святой обите-

ли», историческій романъ изъ временъ Петра Великаго, М. 1883 г., «Атаманъ волжскихъ разбойниковъ Ермакъ, князь Сибирской», историческій романъ М. 1874 г., «Психопатка», романъ послѣдняго времени М. 1885 г., «Александръ Невскій и Новгородская вольница», историческій романъ М. 1886 г. Послѣ смерти Чмырева напечатанъ его историческій романъ: «Бояринъ Петръ Басмановъ» («Московскій Листокъ» 1887 г., № 6—73). Скончался Н. А. Чмыревъ въ Серпуховѣ 30-го декабря 1886 г.

Некрологъ Н. А. Чмырева.—«Московскій Листокъ» 1886 г., № 361; 1887 г., № 4; Д. Д. Языковъ «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей» вып. VI, стр. 124. «Энциклопед. слов.» Ефрона т. 76. *Александръ Ивановъ.*

Чоботовъ, *Иванъ Яковлевичъ*, окольничій. Въ 1547 г. во время свадьбы Ивана Грознаго съ Анастасіей, «мыльню топилъ». Въ 1552 г. послѣ взятія Казани, «оставленъ годовать» въ ней. Въ 1563 г., во время войны съ Литвой, находился при государѣ, отправившемся къ Можайску. Въ 1564 г. сопровождалъ Ивана Грознаго въ село Коломенское. По донесенію Таубе и Крузе, царь велѣлъ Чоботову и другимъ приближеннымъ лицамъ голыми идти пѣшкомъ изъ Слободы въ Москву. Въ соборной грамотѣ нѣтъ подписи Ивана Чоботова, потому что онъ грамотѣ не умѣлъ (въ 1566 г.). Въ 1567 г. боярину Чоботову было приказано встрѣтить на границѣ вдову финляндскаго герцога Іоанна, Екатерину, на которой думалъ жениться Иванъ Грозный.

Карамзинъ, «Истор. Госуд. Росс.», т. VIII, IX; Соловьевъ, «Исторія Россіи съ древн. временъ», кн. II; Лихачевъ, «Разрядные Дьяки». *Н. Борсукъ.*

Чоглокова *Вѣра Николаевна*, дочь Николая Наумовича и по матери Маріи Симоновнѣ урожд. графинѣ Гендриковой,—троюродная племянница Имп. Елизаветы Петровны. Оставшись послѣ смерти матери 3-хъ лѣтъ, по волѣ Императрицы была взята въ Петергофъ во дворецъ вмѣстѣ со своей старшей сестрой Софьей, и тамъ воспиталась. Впослѣдствіи фрейлина Вѣра Н. была 17 лѣтъ отдана замужъ за графа Антона Сергѣевича Михаила, чтобы тѣмъ уничтожить склонность къ ней В. кн. Павла Петровича. Годъ смерти ея точно неизвѣстенъ.

Карабановъ, «Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора, XVIII ст. «Р. Старина» 1780 г., т. II стр. 470, 1871 г., т. IV, стр. 380. Долгоруковъ. «Р. родословная книга» т. IV, стр. 213. «Записки С. Порошина» (по указателю Н. Барсукова).

Чоглокова, *Екатерина Николаевна*, сестра предыдущей, родилась 2-го февраля 1748 г.; замужемъ была за генералъ-поручикомъ Николаемъ Ивановичемъ Рославлевымъ. Умерла въ 1794 г.

Карабановъ, Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора въ XVIII ст. Русск. Стар. 1870 г., IV стр. 380. Долгоруковъ Россійск. родословная. кн. IV стр. 213. Восемнадцатый вѣкъ т. стр. 491.

Чоглокова, *Елизавета Николаевна*, сестра предыдущей родилась 2-го февраля 1748 г.; была фрейлиной при дворѣ; замужемъ была за гвардіи капитанъ-поручикомъ Раевскимъ. Умерла 11-го мая 1771 в.

Долгоруковъ, «Россійская родословная книга»; т. IV, стр. 213., Карабановъ. Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора въ XVIII ст. Р. Стар. 1871 г. т. IV стр. 380.

Чоглокова, *Марія Симоновна* (мать предъидущихъ), по второму мужу Глѣбова, оберъ-гофмейстерина, статсъ-дама, дочь Симона Леонтьевича Гендрикова, была по матери своей Христинѣ Самуиловнѣ Скавронской родная племянница Екатерины I-ой и двоюродная сестра Императрицы Елизаветы Петровны. Родилась она въ 1723 г. и вмѣстѣ со своей младшей сестрой была взята фрейлиною во дворецъ. Марія Симоновна была любимицей и наперсницей цесаревны Елизаветы. Въ день коронаціи Елизаветы Петровны весь родъ Гендриковыхъ, два брата и двѣ сестры, были возведены въ графское достоинство, а 19-лѣтняя Марія Симоновна, сверхъ того, была вскорѣ пожалована въ статсъ-дамы. Въ августѣ того же года (1742.) граф. М. С. вышла замужъ за камергера Николая Наумовича Чоглокова. Молодые были поселены во дворцѣ; дѣтей ихъ пеленали андреевскими лентами съ плеча Государыни. У Императрицы не было дамы болѣе къ ней близкой, болѣе любимой и ее-то Елизавета Петровна, въ заботахъ своихъ о престолонаслѣдіи и вслѣдствіе другихъ соображеній, назначила, 26-го мая 1746 г., оберъ-гофмей-

стерпной при Великой Княжнѣ Екатеринѣ, причемъ Ч. была снабжена извѣстною инструкцiей (Архивъ кн. Воронцова. II, стр. 98). Знатная дама, молодая, красивая, горячо любившая мужа, счастливая мать и вѣрная супруга, слѣдовавшая тогда еще строгимъ правиламъ, Чоглокова должна была служить образцомъ для Великой Княгини, подвергшейся тогда, какъ извѣстно, совершенно несправедливымъ подозрѣнiямъ. Въ то же время подъ видомъ «приданiя вящей знатности» положенiю Вел. Княгини гофмейстерина должна была слѣдовать повсюду за ней и строго слѣдить, чтобы никто не смѣлъ обращаться непосредственно къ Вел. Княгинѣ: все должно было итти черезъ руки ея гофмейстерины. Такая обязанность требовала большого такта и деликатности, но Чоглокова была лишена какъ того, такъ и другого, хотя въ сущности была женщиною очень доброю. Слѣдуя буквѣ инструкцiи, она возстановила противъ себя не только Вел. Княгиню, но и всѣхъ окружающихъ придворныхъ, такъ что Государыня должна была умѣрить пылъ усердной исполнительницы ея инструкцiй. Но при всемъ своемъ старанiи Ч. не могла выполнить ни одного пункта инструкцiи. Какъ хранительница супружескаго согласiя Чоглокова также обманула надежды Императрицы и вскорѣ послѣ смерти мужа навлекла на себя гнѣвъ Императрицы и была отрѣшена отъ должности гофмейстерины 7-го февраля 1756 г. М. С., совсѣмъ больная уже, возимая въ колясочкѣ вступила въ второй бракъ съ Глѣбовымъ, котораго изъ невидныхъ чиновниковъ пожаловали по этому поводу въ оберъ-прокуроры Синода, 19-го марта 1756 г. Чоглокова-Глѣбова скончалась отъ чахотки.

«Записки Императрицы Екатерины II» Лондонъ. 1859 г., стр. 43—153; Гельбигъ; «Русскiе избранники». «Русская Старина» 1886 г., стр. 170. Weber. «Das veränderte Russland» т. 1 стр. 303. Castera. «Histoire de Catherine» II. Paris 1899 т. I; стр. 138, 139, 147, 148; Бильбасовъ. «Исторiя Императрицы Екатерины II», т. I, стр. 64—281. Записки кн. М. М. Щербатова о поврежденiи нравовъ въ Россiи. «Русск. Стар.» 1870. II, стр. 101; Карабановъ. Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора въ XVIII ст. «Русская Старина» 1870. II. стр. 470, 1871. т. IV, стр. 380; Долгоруковъ, Россiйская родословная книга» т. IV стр. 213; «Архивъ кн. Воронцова», т. II, стр. 98. «Восемнадцатый Вѣкъ» т. II, стр. 460—462. «Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общества», т. VII, стр. 299.

Чоглокова, *Софья Николаевна,* дочь Николая Наумовича и по матери, Марiи Симоновнѣ, ур. граф. Гендриковой—троюродная племянница Имп. Елизаветы; родилась 25-го февраля 1750 г. Оставшись послѣ смерти матери 6 лѣтъ, она вмѣстѣ съ младшей сестрой Вѣрой была взята во дворецъ въ Петергофъ, гдѣ и получила воспитанiе. Пожалованная впослѣдствiи во фрейлины, она затѣмъ вышла замужъ за лейбъ-гвардiи Измайловскаго полка кап.-поруч. Бориса Александровича Загряжскаго. Умерла 21-го февраля 1775 г.

Долгоруковъ, «Россiйск. родословная книга», т. IV, стр. 213, Карабановъ, «Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора въ XVIII ст.» «Русск. Старина» 1870 г., т. II, стр. 470.

Чоглоковъ *Василiй Александровичъ,* окольничiй и намѣстникъ Алатырьскiй. Стольникъ съ 1627 г. по 1640. Въ декабрѣ 1649 г., въ званiи окольничаго назначенъ воеводой въ Новгородскую губ., «на Олонцѣ и во всѣхъ Заонѣжскихъ степяхъ и погостахъ». При назначенiи получилъ обстоятельный наказъ, касавшiйся всѣхъ сторонъ дѣятельности воеводы, причемъ особенное вниманiе Ч. обращалось на возможность прибытiя иноземцевъ съ цѣлью завязать торговыя сношенiя; въ такихъ случаяхъ безусловной обязанностью ставилось какъ можно скорѣе увѣдомить государя, а «безъ государева указу пускать не смѣютъ». Въ 1656 г. В. А., въ званiи окольничаго и намѣстника Алатырьскаго, принималъ участiе въ съѣздѣ подъ г. Вильно по случаю переговоровъ объ избранiи царя Алексѣя Мих. королемъ Польскимъ и вел. кн. Литовскимъ, а въ 1658 г., въ виду многочисленныхъ обвиненiй Ч. въ лихоимствѣ, Сергѣю Андр. Малово приказано разслѣдовать всѣ дѣла по челобитнымъ и донести государю; на слѣдствiи, между прочимъ, выяснилось, что Ч. за деньги отпускалъ въ большомъ числѣ ратныхъ людей со службы раньше времени. Умеръ онъ въ 1667 г. окольничимъ, на Олонцѣ.

«Акты Историческiе», т. IV, Спб. 1842 г., стр. 128, 146, 155; «Дополн. къ Акт. Истор.», т. III, Спб. 1848 г., стр. 243—249; т. IV, стр. 389—391; «Сборникъ» Муханова, изд. II, 1866 г., стр. [illegible]; Алфавит. указат. фамилiй и лицъ, упоминаемыхъ въ боярскихъ книгахъ, хранящихся въ I отд. Московск. Архива Министерства Юстицiи. Москва, 1853 г.

Н. Тычино.

Чоглоковъ *Корнилъ* (-лій) *Никитичъ*, воевода съ 1609 по 1612 г. въ войскѣ кн. Трубецкаго и Пожарскаго; одинъ изъ второстепенныхъ дѣятелей Смутнаго времени. Въ 1609 г. былъ воеводой надъ иностранными войсками, съ которыми первый прибылъ въ Зарѣчье, а когда весной, съ прибытіемъ шведскаго войска, начались наступательныя дѣйствія, онъ съ Чулковымъ выгналъ Керновицкаго изъ Старой Руссы, разбилъ его при селѣ Каменкахъ въ Торопецкомъ уѣздѣ, очистилъ Торопецъ, Торжокъ, Порховъ и Орѣшекъ отъ засѣвшихъ было тамъ воровскихъ шаекъ. Въ началѣ слѣдующаго года, возлѣ Задубровской Слободы, Ч. «избилъ многихъ воровскихъ людей, которые ходили отъ вора изъ Тушина, а побивъ, пришелъ въ Кашынъ здорово, да привелъ съ собой казаковъ добрыхъ да пановъ 16 человѣкъ». Онъ принадлежалъ къ партіи, желавшей видѣть на русскомъ престолѣ королевича Владислава и потому нижегородцы, получивъ отъ патріарха грамату, призывавшую къ возстанію, посадили его въ тюрьму вмѣстѣ съ другимъ «Владиславовымъ воеводой» — Салтыковымъ. Въ 1612 г. Ч. былъ посланъ кн. Дм. Тим. Трубецкимъ къ кн. Дм. М. Пожарскому съ просьбой о скорѣйшемъ приходѣ къ Москвѣ.

«Акты Историческіе», т. II, Спб. 1841 г., стр. 204, 335;—Соловьевъ, «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ» Спб.изд. «Общ. Польза» кн. II, стр. 884, 973;—Карамзинъ, «Исторія Государства Россійскаго», т. XII, Спб. 1829 г., стр 155, прим. 379;—кн. Долгорукій, «Русская родословная книга», Спб. 1857 г., томъ IV, стр. 213.

Н. Тычино.

Чоглоковъ, *Наумъ Николаевичъ*, сынъ Николая Наумовича и Маріи Симоновны, рожд. граф. Гендриковой, родился въ 1743 г. Служилъ въ конной гвардіи, дошелъ до чина подполковника и въ 1770 г. отправился волонтеромъ въ Грузію къ тамошнему военному начальнику граф. Тотлебену съ тайнымъ намѣреніемъ «быть царемъ или погибнуть на эшафотѣ». Ѣхалъ онъ съ большою пышностью и хвастался по дорогѣ своимъ родствомъ съ царскою фамиліею. Мать его была двоюродною сестрою Императрицы Елизаветы. Не желая признавать власти главнокомандующаго и выказавъ ему явное неповиновеніе, Чоглоковъ вошелъ въ сношеніе съ Иракліемъ, царемъ Грузіи, и выступилъ съ нимъ противъ графа Тотлебена. Потерпѣвъ неудачу, онъ былъ схваченъ, судимъ вмѣстѣ съ кн. Ратіевымъ и нѣкоторыми другими лицами въ Казани и 22-го апрѣля 1771 г. былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ Сибирь. По присылкѣ въ Тобольскъ Чоглоковъ не поладилъ съ мѣстнымъ губернаторомъ Чичеринымъ и былъ отправленъ въ Березовъ; въ 1781 г. его возвратили въ Тобольскъ; при восшествіи на престолъ Императора Павла ему дозволено было жить подъ надзоромъ губернатора въ Новгородѣ, гдѣ онъ умеръ въ 1798 г. 6-го января. Въ Сибири онъ женился и имѣлъ дочь.

«Памятники новой русской исторіи», изд. Кашпирева. Спб. 1872 г., т. 3, отд. II, стр. 323—429; «Сборникъ Имп. Р. Истор. Общ.», т. X, стр. 441; «Именные указы Имп. Павла I». «Историческій Вѣстникъ» 1881 г., VI, стр. 207; «Архивъ кн. Воронцова» т. XXXIV, стр. 360-361; «Исторія Россіи» Соловьева, т. VI, стр. 668; Долгоруковъ; «Россійская Родословная книга» т. IV стр. 213. «Записки Императрицы Екатерины II». Лондонъ 1859, стр. 43—153. Гельбигъ; «Русскіе избранники»; «Русская Старина» 1886 г., IV, стр. 170.

Чоглоковъ, *Николай Наумовичъ*, камергеръ и оберъ-гофмейстеръ, состоявшій съ 1747 по 1754 г. при великомъ князѣ наслѣдникѣ Петрѣ Ѳеодоровичѣ, принадлежитъ къ категоріи такъ называемыхъ случайныхъ людей, которыми былъ такъ богатъ нашъ дворъ XVIII вѣка. Ч. родился 5-го апрѣля 1718 г. Происходилъ изъ древнейдворянской семьи, но принадлежалъ къ обѣднѣвшему ея отпрыску, и мать его была нѣмка «простого» званія. Какой-то случай помогъ ему попасть въ Кадетскій Корпусъ, а ловкость въ танцахъ сослужила ему службу при дворѣ. По другому источнику, онъ былъ взятъ изъ Корпуса и пользовался покровительствомъ старшаго сына Бирона, у котораго онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ служителя. Какъ бы то ни было, онъ, въ концѣ концовъ, попалъ ко двору, гдѣ обратилъ на себя вниманіе Маріи Симоновны Гендриковой, двоюродной сестры Императрицы Елизаветы Петровны, съ восшествіемъ на престолъ которой началась его карьера. Въ 1742 г. онъ былъ уже камергеромъ и кавалеромъ ордена Бѣлаго Орла. Въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года состоялось его

обрученіе съ графиней Гендриковой, а въ августѣ съ великимъ торжествомъ была отпразднована его свадьба. Въ 1746 г. онъ ѣздилъ съ почетнымъ порученіемъ въ Вѣну; по возвращеніи оттуда и послѣ удаленія впавшаго въ немилость князя Рѣпнина въ 1747 г. назначенъ былъ состоять при великомъ князѣ. Какъ извѣстно, незадолго передъ тѣмъ, въ силу нѣкоторыхъ политическихъ и государственныхъ соображеній, главнымъ образомъ—заботъ объ обезпеченіи престола наслѣдникомъ, — при большомъ дворѣ рѣшено было приставить къ великому князю и княгинѣ лицъ, обязанныхъ быть при нихъ «неотступно, помогать дѣломъ и совѣтомъ, охранять отъ всѣхъ непріятныхъ приключеній и непристойныхъ предпріятій», напротивъ того употреблять всевозможнѣйшее попеченіе и стараніе «къ поспѣшествованію совершенства истиннаго удовольствія, сущей чести и благополучія» Ихъ Императорскихъ Высочествъ. На лицо, приставленное къ великому князю, въ извѣстной инструкціи, помимо заботъ о здоровьѣ, возлагалось слѣдить и руководить поведеніемъ великаго князя въ церкви, въ обществѣ, дома, во время занятій и отдыха, оберегать даже его супружеское и семейное счастье и быть, такимъ образомъ, фактически гувернеромъ взрослаго человѣка. Никто изъ придворныхъ не смѣлъ обратиться съ чѣмъ бы то ни было непосредственно къ самому великому князю безъ вѣдома и разрѣшенія на то его оберъ-гофмейстера. Эта щекотливая и трудная обязанность была совсѣмъ не по плечу Чоглокову. Довольно ограниченный, нетактичный, съ громаднымъ самомнѣніемъ, не блиставшій ни умственными, ни нравственными качествами, страстный охотникъ, картежникъ и волокита, онъ совсѣмъ не годился для такой роли. Началъ онъ съ того, что, исполняя наказы, удалилъ всѣхъ довѣренныхъ лицъ и любимыхъ слугъ великихъ князя и княгини, старался отдѣлить ихъ отъ внѣшняго міра высокою стѣною, но дальше этого не пошелъ и даже на великаго князя не имѣлъ рѣшительно никакого вліянія. Недальновидный и гордый, Ч. возстановилъ противъ себя всѣхъ. У Государыни его репутація пала послѣ громкаго скандала его съ фрейлиной Кошелевой, и если онъ до конца своей, правда, не долголѣтней, жизни, оставался при дворѣ, то только благодаря ходатайству своей жены, вымолившей ему прощеніе. Ч. послѣ этого пользовался уже далеко не тѣмъ почетомъ, какъ раньше, а сообразно съ этимъ и меньшимъ вліяніемъ и значеніемъ при маломъ дворѣ. Умеръ Чоглоковъ 25-го апрѣля 1754 г. въ Москвѣ. У него отъ М. С. было 8 человѣкъ дѣтей; дочери: Вѣра, Екатерина, Елизавета и Софія, и сыновья: Наумъ, Николай, Симонъ и Самуилъ.

«Сборникъ Имп. Р. Общ.», т. VII, стр. 71; т. XIII; т. XVII, т. XX стр. 530; «Воссмнадцатый Вѣкъ» т. II; стр. 460 462 «Архивъ кн. Воронцова» т. II; стр. 155, стр. 98; Weber, Das veränderte Russland т. I стр. 303; «Histoire de Catherine II.» Castera, Paris. 1890, т. I стр. 138, 139. 147, 148. «Исторія Р. Соловьева» т. Λ стр. 410, 508, 924. 926, 927; Бильбасовъ. «Исторія Имп. Екатерины II т. I; стр. 64—281; «Записки кн. М. М. Щербатова о поврежденіи нравовъ въ Россіи» «Русская Ст.» 1870 II стр. 101; Карабановъ, «Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора въ XVIII ст. «Р. Стар.» 1870 г., II; стр. 470. 1871 г. IV стр. 380. Долгоруковъ, «Р. родословная» книга т. IV; стр. 213; «Соч. Державина т. IX стр. 751; Гельбигъ. «Русскіе избранники«. «Русск. Ст.» 1886 г., IV; стр. 170. «Записки Имп. Екатерины II»; Лондонъ 1859 г., стр. 13—153; Бантышъ — Каменскій. «Списки кав. четырехъ русскихъ орденовъ.» М. 1814; стр. 292 Карабановъ—Долгоруковъ. «Списки замѣчательныхъ лицъ русскихъ.» «Чтенія въ О. И. и Д.» 1860 г., т. I; стр. 148, 158.

Чоглоковъ, *Николай Николаевичъ*, сынъ Николая Наумовича и Маріи Симоновны, рожд. графини Гендриковой, родился 31-го января 1749 г. Служилъ въ военной службѣ и въ 1775 г. былъ уже маіоромъ, когда за покушеніе убить въ Ревелѣ барона Унгернъ-Штернберга былъ заключенъ на 15 лѣтъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Тамъ онъ женился на дочери коменданта Бередникова, отъ которой имѣлъ 8 человѣкъ дѣтей, и явился такимъ образомъ, продолжателемъ существующей по сю пору этой древней фамиліи. Въ 1794 г. ему было дозволено жить въ г. Пошехоньѣ Ярославской губ., а Императоръ Павелъ въ 1796 г. дозволилъ переѣхать въ Ревель, гдѣ Ч., кажется, вскорѣ и умеръ.

«Памятники новой русской исторіи», изд. Кашпиревымъ, С.-Пб. 1872 3, т. отд. II стр. 323—429; «Сборникъ Имп. Р. Истор. Общ.» т. X стр. 441; Долгоруковъ Р. Родословная книга т. VI, стр. 213. Гельбигъ. «Русскіе избранники» «Р. Старина 1886 г., т. VI, стр. 170.

Чоглоковъ, *Павелъ Николаевичъ*, генералъ-лейтенантъ. Родился въ Петербургѣ въ началѣ 1770-хъ г. Воспитаніе получилъ въ Сухопутномъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ, по окончаніи курса котораго былъ произведенъ, 8-го іюня 1790 года, въ поручики. Службу свою началъ онъ въ Псковскомъ мушкетерскомъ полку, въ которомъ, впрочемъ, пробылъ не долго, такъ какъ вскорѣ былъ переведенъ въ гребной флотъ, находившійся подъ начальствомъ принца Нассау-Зигена. Затѣмъ, поступивъ въ корпусъ генералъ-лейтенанта Нумсена, онъ въ немъ оставался до 1794 года, когда по собственному желанію, былъ назначенъ въ войска, дѣйствовавшія въ Польшѣ. Здѣсь онъ участвовалъ во многихъ стычкахъ съ поляками, какъ-то подъ Слонимомъ, Брестовцами, Гродномъ, Соколками, Бѣлостокомъ, Остроленкой, Броками и проч. Во время же прагскаго штурма П. Н. Чоглоковъ, идя во главѣ штурмовой колонны, одинъ изъ первыхъ взобрался на непріятельскія укрѣпленія. За отличія, оказанныя въ этой войнѣ, онъ получилъ два чина, а въ 1798 году былъ произведенъ въ подполковники. Однако, 30-го іюня 1799 года, за какое-то упущеніе въ своемъ (Кексгольмскомъ) полку во время парада, онъ былъ, по распоряженію Императора Павла, исключенъ изъ службы; но уже 4-го ноября слѣдующаго года снова принятъ въ тотъ же Кексгольмскій полкъ, а три дня спустя произведенъ въ полковники. Въ 1803 году П. Н. былъ назначенъ командиромъ Кексгольскаго полка, съ которымъ совершилъ кампанію 1805 года, состоя въ корпусѣ графа Толстого. Въ 1807 г. ему поручено было сформировать пѣхотный полкъ. Дѣло это онъ выполнилъ быстро и хорошо и былъ назначенъ шефомъ этого полка, названнаго Перновскимъ. Со своимъ молодымъ полкомъ онъ въ томъ же году принялъ участіе въ сраженіяхъ подъ Гейльсбергомъ и Фридландомъ, гдѣ выказалъ себя храбрымъ офицеромъ и знающимъ полковникомъ. По заключеніи Тильзитскаго мира, П. Н. Чоглоковъ со своимъ полкомъ былъ отправленъ въ отрядъ войскъ, дѣйствовавшихъ въ Финляндіи. Здѣсь онъ участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ въ томъ числѣ въ занятіи Свеаборга и въ сраженіи у мызы Лемо. За это послѣднее дѣло онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ 1812 году, по вступленіи французовъ въ Россію, П. Н. Чоглоковъ былъ назначенъ командиромъ 1-ой бригады 11-ой пѣхотной дивизіи. Вскорѣ ему пришлось сразиться съ французами сначала при Островѣ, а потомъ при Заболотѣ. Участвуя въ Бородинской битвѣ, онъ за храбрость и распорядительность былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-ой степени; затѣмъ, находясь въ авангардѣ, подъ командой Милорадовича принялъ самое дѣятельное участіе въ сраженіи подъ Вязьмой. Съ Перновскимъ и Кексгольмскимъ полкомъ онъ ворвался въ Вязьму, занятую многочисленнымъ французскимъ корпусомъ. За этотъ подвигъ П. Н. Чоглоковъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3-ей степени. По взятіи Дрездена онъ былъ назначенъ его комендантомъ, а затѣмъ вскорѣ, по переименованіи Кексгольмскаго и Перновскаго полковъ въ гренадерскіе, назначенъ былъ командующимъ 1-ою гренадерскою дивизіею, съ оставленіемъ шефомъ Перновскаго полка. Вслѣдъ за этимъ онъ дрался съ французами подъ Люценомъ, Бауценомъ и Лейпцигомъ, вездѣ попрежнему обнаруживая неустрашимость и распорядительность. За отличія, оказанныя въ сраженіи подъ Лейпцигомъ, онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Затѣмъ участвовалъ въ сраженіи при Арсисѣ и подъ Парижемъ, а по взятіи Парижа отвелъ гренадерскій корпусъ въ Россію. Въ самый день вступленія своего на родную землю онъ былъ утвержденъ начальникомъ 1-ой гренадерской дивизіи. Однако долго въ этой должности ему быть не пришлось, такъ какъ разстроенное многолѣтнею боевою жизнью здоровье вынудило его сначала въ 1817 году зачислиться по арміи, а въ слѣдующему году 23-го ноября и совсѣмъ выйти въ отставку. Послѣ этого онъ поселился въ Петербургѣ, лѣто проводя обыкновенно въ своемъ имѣніи Колтушахъ, Шлиссельбургскаго уѣзда. П. Н. Чоглоковъ скончался въ Петербургѣ 30-го апрѣля 1832 года. Тѣло его погребено въ его имѣніи Колтушахъ.

Михайловскій-Данилевскій: «Описаніе войны 1812 года», ч. III, С.-Пб. 1845 г., стр. 354 «Справочный Энциклопедическій Словарь» изд. К.

Крайя, т. 12, стр. 190; „Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ", VIII, 314.

Е. Ястребцевъ.

Чоглоковъ *Самуилъ Николаевичъ*, сынъ Николая Наумовича и Маріи Симоновны, рожд. графини Гендриковой, родился въ 1751 г. Былъ фурьеромъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, когда въ 1767 г. за покушеніе на жизнь Императрицы былъ наказанъ, вѣроятно, изъ снисхожденія къ его молодымъ годамъ, розгами и посланъ на службу въ Сибирь. Тамъ онъ дошелъ до чина прапорщика, но уже въ 1774 г. за плохое поведеніе былъ разжалованъ въ солдаты, сосланъ въ Мангазею, гдѣ и умеръ, въ 1792 г.

«Памятники новой русской исторіи.» изд. Кашпиревымъ т. 3, отд. II, стр. 323—429; «Сборникъ Имп. Р. Истор. Общ.» т. X; стр. 441. Castera «Histoire de Catherine II. Paris 1809. т. I стр. 178 Долгоруковъ, «Р. родословная книга» т. IV стр. 213. Гельбигъ. Русскіе избранники. «Р. Старина» 1886 г. IV стр. 170.

Чоглоковъ, *Тимоѳей Васильевичъ*, окольничій, началъ службу въ началѣ 1650-хъ годовъ и въ 1658 г. назначенъ стряпчимъ. Въ этомъ же году онъ былъ чашникомъ у государева стола на пріемѣ грузинскаго царевича Николая Давидовича. Въ 1675 г. на пріемѣ Кизилбашскаго посла Мамета Сейлибека онъ былъ сотеннымъ головой у жильцовъ, а въ 1679 г. на пріемѣ польскаго посла Павла Брестовскаго съ товарищами – сотеннымъ же головой у дворянъ. Званіе стольника получилъ въ 1666 г. и пробылъ имъ до 1693 г., когда былъ пожалованъ окольничимъ. Въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича былъ воеводой въ Черниговѣ. Въ 1693 г. имя его часто встрѣчается въ описаніяхъ всевозможныхъ процессій, крестныхъ ходовъ и т. п., вплоть до 1700 г. Въ 1694 г. онъ принималъ участіе въ кажуховскомъ «потѣшномъ дѣйствіи» одѣтый въ «нѣмецкое платье»; въ 1696 г. дневалъ и ночевалъ у гроба царя Іоанна. По списку 1705 г. онъ въ числѣ другихъ 18-ти человѣкъ значится въ «прежнихъ чинахъ», т. е. продолжаетъ носить чинъ «окольничаго». Дальнѣйшая участь его неизвѣстна.

Алфавитный указатель фамилій и именъ лицъ, упоминаемыхъ въ Боярскихъ книгахъ, хранящихся въ 1 отдѣленіи Московскаго архива Минист. Юстиціи, Москва. 1853 г., стр. 462; «Дворцовые разряды», т. IV, С.-Пб. 1855 г., стр. 106, 768, 789, 791, 831, 869, 905—906, 932, 1051—1052, 1058, 1061, 1078, 1080, 1101, 1106, 1107, 1110; «Сборникъ государственныхъ грамотъ и договоровъ», т. IV, Москва. 1828 г., стр. 656; «Древняя Россійская Вивліоѳика», т. VIII, Москва. 1789 г., стр. 138, 177, 179; Ивановъ: «Описаніе государственнаго разряднаго архива», Москва 1842 г., стр. 332. «Русская Историческая Библіотека» т. V С.-Пб. 1878 г., стр. 727. «Записки Желябужскаго» С.-Пб. 1840 г., стр. 35; Соловьевъ: «Исторія Россіи съ др. временъ. «Общ. Пользы» т. III стр. 1336; Голиковъ: «Дѣянія Петра I: т. I Москва 1837 г., стр. 231; т. XIII, М. 1840 г., стр. 196; т. XIV, М. 1842 г., стр. 461; т. XV ч. II М. 1843 г., стр. 190, 197. кн. Долгорукій: «Россійская родословная книга» т. IV. С.-Пб. 1857 г. стр. 213.

Н. Тычино.

Чоглоковы—дворянскій родъ, ведущій свое происхожденіе, согласно Бархатной книгѣ, отъ выѣхавшаго къ великому князю Александру Ярославовичу изъ прусской земли «мужа храбра и честна» именемъ Михаила. Михаилъ «Пружанинъ» поселился въ Новгородѣ, тамъ же умеръ и похороненъ въ церкви св. Архангела Михаила, что на Прусской улицѣ. Потомокъ его въ VIII колѣнѣ, Иванъ Ивановичъ получилъ прозвище «Чеглокъ» или «Чоглокъ» и явился ближайшимъ родоначальникомъ фамиліи Чоглоковыхъ. Кромѣ вышеупомянутыхъ представителей этого рода, пользовались нѣкоторой извѣстностью: 1) Владиміръ Аѳанасьевичъ, бывшій воеводой въ Полчевѣ въ 1565 г. 2) Іовъ Васильевичъ, по прозванію «Истома» воевода въ Вязьмѣ въ 1568 г. и въ Озерищахъ въ 1571 г.) 3,) Ушата Васильевичъ, братъ предыдущаго, воевода въ Вышгородѣ въ 1559 г.; въ 1562 г. изъ г. Вильяна былъ посланъ съ воеводой кн. В. М. Глинскимъ къ Тарвасу; въ 1565 г. «торопчанинъ» У. В. далъ поручную запись въ 50-ти рубляхъ по бояринѣ И. П. Яковлевѣ.

«Симбирскій Сборникъ». Москва. 1845, стр. 8. Кн. Долгорукій. «Россійская родословная книга», т. II, стр. 68—69; т. IV, стр. 213. Н. Лихачевъ, «Разрядные дьяки XVI въ». С.-Пб. 1888 г.;— «Сборникъ государственныхъ грамотъ и договоровъ» т. I, стр. 508, 511, 513; «Родословная книга князей и дворянъ россійскихъ и выѣзжихъ» (Бархатная книга) т. I Москва 1787 г., стр. 270—273; т. II, 399, 403, 415.—«Общій гербовникъ дворянскихъ родовъ Всероссійскія Имперіи начатый въ 1797 г., т. I стр. 40. *Н. Тычино.*

Чорба, *Федоръ Арсеньевичъ*, генералъ-маіоръ въ корпусѣ Новороссійской и Азовской губерніи, потомъ генералъ-поручикъ; происходилъ изъ сербскихъ дворянъ. Въ 1751 году, при Императрицѣ Елиза-

ветѣ Петровнѣ, многіе сербы, тѣснимые венгерскимъ правительствомъ, стали переходить на русскую службу. Между переселенцами находился капитанъ австрійской службы Федоръ Арсеньевичъ Чорба, который въ 1752 году переселился въ Россію, принялъ подданство и сталъ служить въ войскахъ, расположенныхъ въ Новой Сербіи. Принявъ участіе въ первой Турецкой войнѣ, онъ за дѣло при Баарджикѣ былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 3-й степ. и, произведенный въ томъ же году въ генералъ-маіоры, былъ назначенъ Высочайшимъ рескриптомъ (отъ 13-го окт. 1773 г.) въ Казанскую губернію во главѣ Великолуцкаго, Донского казачьяго и Володимірскаго полковъ для поимки Пугачева. Войско это должно было составить обсерваціонный корпусъ, который долженъ былъ дѣйствовать по усмотрѣнію генералъ-маіора Кара. Въ 1774 году Федоръ Арсеньевичъ былъ отправленъ въ Москву для усмиренія волненій, возникшихъ въ народѣ подъ вліяніемъ пугачевскаго бунта. Кн. Волконскій далъ въ вѣдѣніе Чорбы нѣсколько конныхъ полковъ, поручивъ ему не допускать злодѣйскаго покушенія по всѣмъ дорогамъ, идущимъ между рѣками Клязьмою и Москвою. Вскорѣ по прибытіи, Чорба покинулъ Москву и направился для поимки Пугачева по направленію къ Шацку. Въ 1784 г., въ чинѣ генералъ-поручика, Федоръ Арсеньевичъ исполнялъ должность губернскаго предводителя дворянства въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ.

Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. V, 713, 715, 716, 722; «Архивъ Государственнаго Совѣта», т. I. 1 ч. С.-Пб. 1869, стр. 282; «Сборникъ Русскаго Историческаго Общества», т. VI, стр. 86, 90, 91, 93, 97, 104, 105, 106, 109, 119, т. XIII, стр. 363; Туркестановъ, «Губернскій служебникъ»:—С.-Пб. 1869, 79. *Н. Н. Артамонова.*

Чориковъ, *Борисъ*, художникъ, род. въ 1807 г. Художественное образованіе получилъ въ Имп. Акад. Худ., куда принятъ былъ на казенный счетъ въ 1819 г. Здѣсь обращалъ на себя вниманіе преподавателей своими рисунками съ натуры, которые не разъ и оцѣнивались серебряными медалями. Окончилъ курсъ въ 1829 г. съ званіемъ классного художника. Извѣстенъ своими жанровыми картинами и композиціями, въ особенности карандашемъ, сценъ изъ русской исторіи. За свои работы былъ назначенъ Акад. Худ. къ соисканію званія академика, но званія этого получить ему по какимъ-то причинамъ не удалось. Умеръ въ 1840-хъ годахъ.

П. Н. Петровъ,—«Сбор. матер. для исторіи Имп. Ак. Худ.» ч. II. *Вал. Березкинъ.*

Чоховъ, *Андрей*, пушечный мастеръ временъ Ѳеодора Іоанновича. Отлилъ три пушки въ Московскомъ Кремлѣ: Дробовикъ или царь-пушку въ 2.400 пудовъ въ 1586 году, Троилъ въ 430 пудовъ и Аспидъ въ 370 пуд. въ 1590 году.

«Настольный словарь», Толля, стр. 1912; «Рус. энцикл. словарь», Березина, вып. XIII, стр. 124. „Словарь Старчевскаго" XII, 192. „Энциклоп. словарь" Ефрона, т. 76, стр. 929. *П. Полевой.*

Чубенскій *Николай Ѳомичъ*, былъ принятъ ученикомъ въ московскій генеральный госпиталь въ 1732 году, гдѣ и получилъ званіе подлѣкаря. Только черезъ 24 года послѣ своего поступленія въ московскій госпиталь онъ былъ произведенъ въ лѣкари (20-го ноября 1756 г.) Во время болѣзни главнаго доктора московскаго генеральнаго госпиталя Іоана Гольдмана Ч. долгое время, въ началѣ даже безвозмездно, исправлялъ должность главнаго врача въ вышеупомянутомъ госпиталѣ, и только черезъ полгода послѣ смерти Гольдмана былъ окончательно утвержденъ въ этой должности. Это чуть ли не первый примѣръ того, что врачъ изъ русскихъ въ то время достигъ такого, сравнительно, высокаго положенія. До Чубенскаго большею частью высшія мѣста въ госпитальной администраціи занимали врачи не русскаго происхожденія. Въ городѣ Чубенскій пользовался репутаціей знающаго, добросовѣстнаго врача и потому имѣлъ довольно значительную практику. Онъ былъ постояннымъ врачемъ въ Троице-Сергіевской Лаврѣ. Когда умеръ врачъ лавры, штабъ лѣкарь Иванъ Зегеръ и лавра осталась безъ доктора, то Чубенскому было предложено чрезъ епископа Гедеона перейти въ лавру на постоянную службу. Условія были очень выгодны и Чубенскій изъявилъ свое согласіе на предложеніе Гедеона. Въ 1762 году онъ отчислился отъ московскаго госпиталя и перешелъ на постоянную службу въ Троице-Сергіевскую лавру, заключивъ на 4 года

контрактъ и выговоривъ себѣ содержаніе 400 р. въ годъ съ квартирой, отопленіемъ, освѣщеніемъ и экипажемъ на счетъ лавры. Умеръ Чубенскій 1-го сентября 1768 года.

Змѣевъ «Р. Врачи Писатели» т. I; 1886 г., С.-Пб. и Чистовичъ. «Исторія первыхъ Медицинскихъ школъ въ Россіи» 1883 С.-Пб.

А. Дагаевъ

Чубиновъ, *Давидъ Іессевичъ*, заслуженный профессоръ С.-Петербургскаго университета по каѳедрѣ грузинскаго языка и словесности, тайный совѣтникъ, извѣстный въ Россіи и за границей своими трудами по лексикологіи и лексикографіи, владѣлецъ рѣдчайшей коллекціи грузинскихъ рукописей, съ которой едва ли можетъ сравниться какая-либо изъ существующихъ, родомъ природный грузинъ, сынъ протоіерея Сіонскаго собора, родился въ Тифлисѣ 26-го сентября 1814 г. Воспитывался онъ въ Петербургской Анненской школѣ и въ Петербургскомъ университетѣ, который и кончилъ въ 1840 г. кандидатомъ правъ. Тогда же онъ поступилъ на службу въ Азіатскій департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ, а въ 1844 г. утвержденъ доцентомъ грузинскаго языка при С.-Петербургскомъ университетѣ. Позднѣе, онъ, кромѣ того читалъ исторію грузинской литературы, имъ самимъ обработанную и обозрѣніе нарѣчій грузинскаго языка. Каѳедру онъ занималъ до 1870 г., когда былъ утвержденъ заслуженнымъ профессоромъ и когда оставилъ ее на нѣкоторое время. Въ 1877 г. онъ занялъ ее снова. Скончался въ Петербургѣ, 5-го іюня 1891 г. Слава Чубинова зиждется главнымъ образомъ на его «Русско-грузинскомъ словарѣ», «Грузинской грамматикѣ» на русскомъ языкѣ и на работѣ «Этнографія народовъ, наполняющихъ древнюю континентальную и приморскую Капподокію» (Монтъ римскихъ писателей). Всю почти свою жизнь онъ употребилъ на разработку грузинскаго языка и письменности, и на ознакомленіе съ этимъ языкомъ и письменностью ученаго міра и своихъ соотечественниковъ. Еще студентомъ, 23-хъ лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, представилъ онъ въ Академію Наукъ свой «Грузино-русско-французскій словарь», заключающій въ себѣ до 40.000 словъ, который, какъ капитальный трудъ, былъ не только напечатанъ на академическій счетъ, но и удостоенъ полной Демидовской преміи. Ч. первый составилъ у насъ настоящую грамматику грузинскаго языка, представлявшую въ то время единственную попытку вывести законы грузинскаго языка изъ наблюденій надъ свойствами его. Предшествовавшіе ему составители грамматики ограничивались простыми грамматическими дѣленіями, гдѣ навязывались грузинскому языку правила, выведенныя для латинскаго, армянскаго и русскаго языковъ, смотря по тому, который изъ нихъ брали авторы за точку отправленія; о самыхъ же свойствахъ языка у этихъ авторовъ почти ничего не говорилось. У Ч., напротивъ, всѣ законы и правила языка основаны на его глубокомъ изученіи, при чемъ каждый такой законъ подтверждается массою примѣровъ, заимствованныхъ изъ самыхъ разнообразнѣйшихъ матерьяловъ языка. Въ 1848 году, «Русско-грузинскій словарь» его удостоился вниманія Императора Николая I-го и также былъ увѣнчанъ Демидовской преміей. Въ брошюрѣ Ч. «Этнографія народовъ древней Капподокіи» впервые устанавливается дѣйствительное начало понтійской эры, вопреки мнѣніямъ западно-европейскихъ ученыхъ. Такою поправкою онъ далъ возможность разрѣшить многія недоумѣнія, существующія въ исторіи, напримѣръ, относительно доспарскаго царя Ассандра и проч. Будучи глубокимъ знатокомъ исторіи Грузіи и сосѣднихъ странъ, Ч., по порученію Академіи Наукъ, въ 1854 г., издалъ «Собраніе грузинскихъ историковъ и лѣтописцевъ» съ подробнымъ обзоромъ источниковъ грузинской исторіи: пріобрѣтеніе для науки совершенно новое и весьма важное. Кромѣ того по собственной инціативѣ, въ 1848 г., онъ издалъ «Древнюю исторію Грузіи царевича Теймураза»; въ 1859 г., «Басни Саввы Орбеліани»; въ 1860 г.— извѣстную поэму XII вѣка — «Барсова кожа», снабдивъ ее подробнымъ комментаріемъ, причемъ доказалъ непринадлежность автору этой поэмы Руставели цѣлыхъ 45 строкъ. Богатымъ вкладомъ въ грузинскую литературу явилась изданная имъ двухтомная «Грузинская хрестоматія», заключающая въ себѣ,

между прочимъ, около 2,000 пословицъ и поговорокъ. Кромѣ того, для «Родословной книги» князя П. Долгорукаго обработалъ онъ родословіе Грузинскихъ царей и княжескихъ фамилій и помѣстилъ большое количество статей по исторіи и литературѣ Грузіи въ энциклопедическихъ словаряхъ: Плюшара, П. Л. Лаврова, И. Н, Березина и др. Въ 1881 г. имъ была издана «Переписка грузинскихъ царей съ русскими», извлеченная Ч. изъ Московскаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, куда онъ былъ командированъ Академіей Наукъ. Въ 1886 г., Ч. напечаталъ 2 изданіемъ свой переработанный «Русско-грузинскій словарь», а въ 1890 г. еще болѣе обширный трудъ, начатый имъ еще со студенческой скамьи—«Грузино-русскій словарь». Въ томъ же 1890 г., по случаю 50 лѣтняго юбилея и въ награду за усердную и полезную дѣятельность онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники, а также былъ избранъ почетнымъ членомъ Археологическаго Института.

Императорскій С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ его существованія, проф. В. В Григорьева, стр. 118, 124, 269, 270, 326, 416; «Біографич. Словарь», проф. и препод. С.-Пб. универ., стр. 337; «Некрологи» Д. І. Чубинова: «Новое Время» 1891 г. № 5485; «Новости», 1891 г. № 156; «Историч. вѣстникъ» 1891 г., VIII, стр. 536; «Правительственный Вѣстникъ» 1891 г., № 123.

Александръ Ивановъ.

Чубинскій *Павелъ Платоновичъ*, извѣстный этнографъ и статистикъ, уроженецъ Малороссіи, происходилъ изъ небогатой дворянской семьи; родился 15-го января 1839 года въ мѣстечкѣ Борисполѣ, Переяславскаго уѣзда Полтавской губерніи. Учился во 2-ой Кіевской гимназіи, а затѣмъ С.-Петербургскомъ Университетѣ. По окончаніи курса въ 1861 году кандидатомъ по юридическому факультету вернулся на родину, но уже черезъ годъ, въ 1862 году, вслѣдствіе какихъ то обстоятельствъ, былъ высланъ изъ Кіева въ Архангельскъ. Здѣсь онъ вскорѣ, въ началѣ 1863 года, поступилъ на государственную службу и въ теченіе шести лѣтъ, до 11-го марта 1869 г. проходилъ самыя разнообразныя должности, какъ-то: слѣдователя, секретаря Архангельскаго статистическаго комитета, редактора мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей, начальника газетнаго стола, младшаго, а потомъ старшаго чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ, непремѣннаго члена Приказа общественнаго призрѣнія. Всѣ эти должности Чубинскій занималъ попеременно, то оставляя ихъ, то вновь занимая, смотря по надобности въ его работѣ, за исключеніемъ должности секретаря Архангельскаго статистическаго комитета, которую онъ несъ съ 12-го ноября 1863 года по 11-ое марта 1869 г. Въ эти годы своего невольнаго пребыванія на сѣверѣ Чубинскій очень много работалъ и своими трудами по изученію Сѣвернаго края обратилъ на себя вниманіе какъ администраціи, такъ и ученыхъ обществъ. Онъ былъ избранъ членомъ корреспондентомъ Императорскаго Московскаго Общества сельскаго хозяйства, членомъ сотрудникомъ Императорскаго Вольно-экономическаго и Императорскаго Географическаго обществъ, дѣйствительнымъ членомъ Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при московскомъ университетѣ. Въ это же время онъ былъ награжденъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ первою серебряною медалью «въ изъявленіе особенной признательности за полезные его труды, сообщенные Обществу». Находясь на административной службѣ, Чубинскій получилъ въ 1867 году, съ согласія министра внутреннихъ дѣлъ, командировку отъ двухъ обществъ, Русскаго Географическаго и Вольно-экономическаго, для изслѣдованія хлѣбной торговли и производительности въ бассейнѣ Сѣверной Двины. Съ апрѣля до октября этого года онъ объѣхалъ семь губерній Сѣвернаго края. Собранный во время поѣздки и обработанный имъ матеріалъ былъ изданъ отъ имени и на средства названныхъ Обществъ вмѣстѣ съ изслѣдованіями другихъ бассейновъ, произведенными другими учеными. Около этого же времени Чубинскій участвовалъ въ работахъ оффиціальной коммиссіи по изслѣдованію Печорскаго края. Успѣшное выполненіе этихъ порученій установило за Чубинскимъ репутацію опытнаго и добросовѣстнаго изслѣдователя по части статистики и этнографіи, такъ что Императорское Русское Географическое Общество, которое уже со времени возстанія 1863 г.

задумало предпринять статистическо-этнографическое изслѣдованіе Юго-западнаго края, рѣшило поручить ему это дѣло. Заручившись предложеніемъ Общества, и получивъ разрѣшеніе жить въ столицахъ и Юго-западномъ краѣ, Павелъ Платоновичъ вышелъ въ отставку 11-го марта 1869 года. Въ мартѣ же этого года онъ былъ выбранъ дѣйствительнымъ членомъ Географическаго Общества, а 16-го мая принялъ на себя руководство означенною экспедиціей. Въ это время его прежніе труды получили новую оцѣнку: въ апрѣлѣ 1869 года Великій Князь Алексѣй Александровичъ пожаловалъ ему брилліантовый перстень за сообщенныя имъ разнообразныя свѣдѣнія о сѣверныхъ губерніяхъ Россіи, а въ январѣ 1870 г. онъ во второй разъ получилъ отъ Географическаго Общества серебряную медаль за изданный имъ: «Очеркъ народныхъ юридическихъ обычаевъ и понятій по гражданскому праву въ Малороссіи». Это была кандидатская диссертація, которая была теперь вновь пересмотрѣна и дополнена. Чубинскій съ блестящимъ успѣхомъ и въ очень короткій срокъ исполнилъ возложенную на него задачу. По плану Географическаго Общества изслѣдованіе должно было обнять три губерніи: Кіевскую, Волынскую и Подольскую, но Чубинскій распространилъ его и на части губерній: Минской, Гродненской, Люблинской, Сѣдлицкой и Бессарабской области, населенныхъ малорусскимъ народомъ. Два года (1869 и 1870) Чубинскій провелъ въ поѣздкахъ, которыя совершилъ въ три пріема. Къ порученному ему дѣлу онъ сумѣлъ привлечь симпатіи мѣстнаго общества, и много частныхъ лицъ оказывали ему содѣйствіе собираніемъ матеріаловъ и частью ихъ обработкою: И. П. Новицкій передалъ въ распоряженіе экспедиціи до 5.000 собранныхъ имъ пѣсенъ; А. Ѳ. Кистяковскій разработалъ уголовныя рѣшенія волостныхъ судовъ и имъ же составленъ историческій очеркъ этого суда; В. Б. Антоновичъ сдѣлалъ извлеченія изъ процессовъ прошлаго вѣка о колдовствѣ; Н. В. Лисенко переложилъ на ноты мотивы свадебныхъ и нѣкоторыхъ другихъ обрядовыхъ пѣсенъ; Н. И. Петровъ, профессоръ Кіевской Духовной Академіи, доставилъ сборникъ повѣрій и обрядовъ; В. А. Сипиренко составилъ альбомъ фотографическихъ снимковъ типовъ и бытовой обстановки; многіе учителя народныхъ училищъ и сельскіе священники также сообщали собранные ими этнографическіе матеріалы всякаго рода и давали отвѣты на разные вопросы программъ.

Кромѣ того, подъ его непосредственнымъ руководствомъ работало еще пятеро молодыхъ людей. Изслѣдованія производились по програмамъ, частью составленнымъ самимъ Чубинскимъ, а частью по составленнымъ прежде. Результаты трудовъ Чубинскаго начали поступать въ Географическое Общество съ половины 1870 года. Въ 1872 году были изданы четыре части «Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ Юго-западный край». Остальныя три части появились въ печати въ 1877 и 1878 годахъ. Эти труды изданы на счетъ Рус. Географическаго Общества, нѣкоторые подъ редакціей Н. И. Костомарова, другіе—П. А. Гильдебрандта. Эта экспедиція является главнымъ научнымъ трудомъ Чубинскаго и представляетъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ предпріятій, какія только были сдѣланы въ нашей этнографіи. Трудъ этотъ занимаетъ первое мѣсто въ ряду другихъ сборниковъ подобнаго рода по обилію заключающихся въ немъ этнографическаго матеріала и изслѣдованій. Здѣсь собрана масса данныхъ о бытѣ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, экономическомъ бытѣ и преданіяхъ народныхъ. Наибольшее вниманіе Чубинскій обращалъ на тѣ стороны народной жизни, которыя наименѣе были изслѣдованы. Такъ, онъ особенно слѣдилъ за фонетическими и граматическими особенностями говора, измѣненіями въ бытовой обстановкѣ; изъ памятниковъ народнаго творчества обращалъ вниманіе особенно на обрядовыя пѣсни и сказки миѳическаго содержанія. Почти повсемѣстно имъ были дѣлаемы записи о заработной платѣ, характерныхъ занятіяхъ, степени урожая, вліяніи крестьянской реформы на экономическій бытъ народа, лѣсной торговлѣ, табаководствѣ, шелководствѣ и винодѣліи. Им. Русск. Геогр. Общ., присуждая Чубинскому за этотъ трудъ золотую медаль, признало, что «собранные имъ матеріалы и произведенныя изслѣдованія составляютъ

весьма важное пріобрѣтеніе науки народностей не только по своему объему, но и по содержанію». По ходатайству того же Общества, время, проведенное Чубинскимъ въ экспедиціи и потраченное на соединенные съ нею труды, было зачислено ему въ государственную службу. Кромѣ того, за эти труды Чубинскій получилъ золотую медаль 2-го класса по опредѣленію международнаго конгресса въ Парижѣ (1875 г.), а въ 1879 году Академія Наукъ назначила ему уваровскую премію. Но эти труды, такъ лестно оцѣниваемые съ научной стороны, далеко не давали ему тѣхъ средствъ, которыя могли бы обезпечить его съ матеріальной стороны, и для увеличенія ихъ ему приходилось удѣлять время для частныхъ занятій. Такъ— онъ принялъ мѣсто члена управленія въ одномъ частномъ предпріятіи. Въ то же время онъ не покидалъ и общественной дѣятельности на пользу науки. Въ 1870 годахъ онъ былъ секретаремъ Кіевскаго отдѣленія Императорскаго Техническаго Общества, секретаремъ и вице-предсѣдателемъ южно-русскаго отдѣла Географическаго Общества, принималъ дѣятельное участіе въ однодневной переписи г. Кіева въ 1873 году. Въ этотъ же періодъ онъ издалъ свои труды по изслѣдованію свеклосахарной промышленности подъ заглавіемъ: «Свеклосахарные заводы россійской имперіи съ оффиціальными статистическими о нихъ данными за кампанію 1871—1872 года». Въ 1876 году онъ издалъ первую карту свеклосахарной промышленности. Въ этомъ же году, вслѣдствіе какихъ-то недоразумѣній, Чубинскій вновь принужденъ былъ покинуть Кіевъ. Изъ Кіева онъ переселился въ Петербургъ, гдѣ, въ началѣ 1877 года, поступилъ на службу въ Министерство Путей Сообщенія. Здѣсь онъ скоро, благодаря своимъ знаніямъ и неутомимому труду, занялъ мѣсто дѣлопроизводителя общихъ дѣлъ этого министерства. Онъ принималъ также большое участіе по расширенію и организаціи желѣзнодорожныхъ училищъ и по устройству пенсіонныхъ кассъ для обезпеченія служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ. Дѣятельность его на этомъ поприщѣ была послѣдней. Еще до отъѣзда изъ Кіева болѣзнь его давала себя чувствовать, а въ Петербургѣ его поразилъ ударъ, который заставилъ его выйти въ отставку въ апрѣлѣ 1879 года. Возвратившись на родину, онъ сначала жилъ на своемъ хуторѣ, а потомъ въ Кіевѣ. Въ 1880 году съ нимъ случился новый припадокъ болѣзни, отъ котораго онъ вынужденъ былъ слечь въ постель, и въ такомъ видѣ онъ прожилъ еще четыре года. Скончался Чубинскій 18-го января 1884 года на 46-мъ году своей жизни. Павелъ Платоновичъ Чубинскій всю свою жизнь посвятилъ неутомимому труду на пользу науки и того общества, среди котораго жилъ. Въ той и другой области онъ проявилъ особыя дарованія и способности, по заслугамъ оцѣненныя многими учеными обществами. Онъ обладалъ неутомимой энергіей, несомнѣннымъ организаторскимъ талантомъ и практическимъ умомъ, мѣтко наблюдавшимъ народные обычаи. Чубинскій былъ, если можно такъ выразиться, мѣстнымъ патріотомъ; но онъ не принадлежалъ къ числу узкихъ украйнофиловъ. Прежде всего онъ считалъ себя принадлежащимъ къ русскому народу, котораго только части составляли населенія Великороссіи и Малороссіи. Любовь свою къ русскому народу онъ доказалъ многими своими трудами на пользу ему. Въ концѣ некролога Ч. Кистяковскій приводитъ нѣсколько строкъ изъ одного письма Чубинскаго, какъ его «лучшую характеристику». «Семь лѣтъ я трудился на сѣверѣ для русской науки и правительства,— писалъ Чубинскій,—и не стану перечислять моихъ трудовъ, но они показали, насколько я интересовался населеніемъ великорусскаго и финскаго племенъ. Помимо этнографіи, я коснулся всѣхъ отраслей экономическаго быта народа и замѣтки по этимъ вопросамъ послужили предметомъ многихъ представленій гг. губернаторовъ. Мнѣ даже до сихъ поръ случается встрѣчать въ газетахъ правительственныя распоряженія, вызванныя давними представленіями, которыя возникли по моей иниціативѣ. Я работалъ на сѣверѣ безъ устали и доказалъ мою любовь къ русскому народу».

Кромѣ огромнаго главнаго труда, Чубинскимъ было много написано и по другимъ отраслямъ изслѣдованія. Имъ были составлены очерки народныхъ юридическихъ обычаевъ Архангельской губерніи

и Малороссіи. Въ статьѣ «О промышленномъ состояніи сѣвера Россіи и мѣрахъ къ его развитію» Чубинскій даетъ краткіе очерки нѣкоторыхъ сторонъ экономической жизни этого края: хлѣбопашества, продовольствія края, мурманскихъ рыбныхъ промысловъ, лѣсной промышленности и др., а затѣмъ высказываетъ свои соображенія и предположенія, осуществленіе которыхъ могло бы повести, по его мнѣнію, къ развитію промышленности и вмѣстѣ съ нею къ благосостоянію края. Главными изъ этихъ предположеній являются: соединеніе Бѣлаго моря съ Балтійскимъ и развитіе судостроенія.

Имъ были также написаны статьи и дѣлаемы доклады по изслѣдованію свекло сахарной промышленности, шелководства, льноводства, хлѣбной торговлѣ и пр. Много мелкихъ своихъ статей Чубинскій помѣщалъ въ разныхъ журналахъ и газетахъ: «Основѣ», «Черниговскомъ Листкѣ», «Кіевскихъ Губ. Вѣд.», «Аргангельскихъ Губ. Вѣд.», «Юридическомъ Вѣстникѣ», «Трудахъ Имп. Вольно - Эконом. Общ.», «Извѣстіяхъ Имп. Русск. Геогр. Общ.», «Запискахъ Кіевск. отд. Русск. Техн. Общ.». Кромѣ того, онъ же издалъ «Отчеты о дѣятельности Архангельскаго губерн. статист. Комитета» за 1863—1868 гг. Архангельскъ, 1864—1869 гг. (пять книжекъ) и «Отчеты о дѣятельности Юго-западнаго отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общ.» за 1873—1874 гг. Кіевъ, 1874—1875 гг., (двѣ брошюры). Сочиненія Чубинскаго: «Минулося», стихотвореніе («Основа» 1861 г. кн. 7); «Почуковщина»—мѣстный мірской сборникъ («Основа» 1868 г., кн. 8.). «Нѣсколько словъ объ обычаяхъ и о значеніи сказокъ, пословицъ и пѣсенъ для криминалиста» («Черниговскій Листокъ» 1861 года, № 8). «Украинскій спектакль въ Черниговѣ» («Основа» 1862 г., кн. 3). «Исторія Бориспольской школы» («Основа» 1862 г, кн. 4). «Замѣтка по поводу лѣсохозяйства и лѣсокрадства» (тамъ же, кн. 6) «Ярмарка въ Борисполѣ» («Основа» 1862 г., кн. 7). «Програма для изученія народныхъ юридическихъ обычаевъ въ Малороссіи» («Кіевскія Губ. Вѣд.» 1862 г.). «Народонаселеніе города Архангельска», по свѣдѣніямъ, собраннымъ Архангельскимъ губ. статист. Комит. въ назначенный день, 22-го декабря 1863 г. съ предисловіемъ, Арханг., 1864 г. «Программа для собиранія статистическихъ свѣдѣній» «Арханг. Губ. Вѣдом.» 1854 г. № 10. «Програма этнографіи» (тамъ же, №№ 21—24). «Програма обычнаго права» (тамъ же, № 25). «Колонизація Мурманскаго россійскаго берега» (тамъ же, № 38); эта статья перепечатана въ «Сѣверной Почтѣ» (1864 г., № 221), «С.-Петербургскихъ Вѣд.» (1864 г., № 232) и «Народномъ Богатствѣ» (1864 г., № 216). «Статистическія таблицы и вѣдомости за 1853 годъ», съ предисл. («Памятная книжка Архангельской губ.» на 1864 г., Архангельскъ, 1865 г. отд. II, стр. 1—61). «Списокъ статей, помѣщенныхъ въ «Арханг. Губ. Вѣд.» съ 1838 по 1865 годъ» («Арх. Губ. Вѣд.» 1865 г., № 10). Статистическо-этнографическій очеркъ Корелы». «Статистика рожденій, браковъ и смертности по городу Архангельску за 10 лѣтъ». «Статистика рожденій, браковъ и смертности въ уѣздныхъ городахъ и посадахъ Архангельской губ.» и «Обозрѣніе главнѣйшихъ ярмарокъ въ Арханг. губ.» («Труды Архангельскаго Комитета за 1865 годъ»). Архангельскъ, 1866 г., кн. 2. «Виды хлѣбовъ, производимыхъ въ Архангельской губ., съ показаніемъ количества каждаго» («Труды Импер. Вольно-Экон. Общ.» 1867 г. т. I, вып. 4). «Объ изслѣдованіи хлѣбной торговли по Сѣверо-Двинскому бассейну» («Труды Имп. Вольно-Экон. Общ.» 1868 г., т. II, вып. 2). «О сборникѣ народныхъ юридическихъ обычаевъ Архангельской губ., составл. П. Е. Ефименкомъ» и «О хлѣбной производительности и торговлѣ въ бассейнѣ Сѣверной Двины» («Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ.» 1862 г., т. V). «Очеркъ народныхъ юридическихъ обычаевъ и понятій по гражданскому праву въ Малороссіи» («Записки Имп. Русск. Геогр. Общ.» 1869 г., т. VI, стр. 677—716). Разборъ книги П. Ефименка: «Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ Архан. губ.» («Юридич. Вѣстникъ» 1869 г., кн. 4). «Отчетъ о льноводствѣ, льняномъ производствѣ и льняной торговлѣ въ сѣверномъ районѣ» («Труды экспедиціи, снаряженной Вольно-Экон. Общ. для изслѣдованія хлѣбной торговли и производительности въ Россіи», 1869 г., т. I, вып. 2). «С.-Петербургскія Вѣдомо-

сти» 1869 г., № 93 («Библ. извѣстія»). «О состояніи хлѣбной торговли и производительности въ сѣверномъ районѣ» («Труды экспедиціи, снаряж. Вольно-Экон. Общ.» 1870 г., т. I, вып. 6). «Объ этнографическомъ изслѣдованіи юго-западной Россіи» («Извѣстія Имп Русск. Геогр. Общ.» 1872 г., т. VIII, № 3). «Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ Западно-русскій край, снаряженной Имп. Русск. Геогр. Общ.: Юго-западный отдѣлъ». Спб. 1872—1878 гг., семь томовъ. Рецензіи: «Русская Старина» 1873 г., № 7 («Библ. Замѣтки Г. М.»). «С.-Петербургскія Вѣд.» 1873 г.. № 56 («Библ. замѣтка»). «Кіевлянинъ» 1873 г., №№ 28, 29, 31 и 32 (передов. статьи). «Кіевлянинъ» 1873 г., № 149 («Библ. замѣтка»). «Кіевлянинъ» 1874 г., № 57. Рец., № 70 (Объясн. П. Чубин.), № 76 (Г. Чубинскому). «Биржевыя Вѣдомости» 1873 г., № 78 и 1874 г., № 21 («Библ. зам.» Н. Вакуловскаго). «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1873 г., № 235 и 1874 г., № 115 («Библ. Зам.»). «Пчела», 1875 г., № 11; стр. 134 («Библ. Зам.»); «Кіевлянинъ» 1874 г., № 53 («Библ. Зам.», № 129 (Рец. И. Новицкаго о 5-мъ томѣ). «Новое Время», 1873 г., № 31 (6-го дек.) (Рец. о 1, 3, 6 и 7 т. п.). «Дѣло», № 1; 1874 г., стр. 227—264 (статья В. Л. Мордовцева о 6-мъ т., подъ загл. «Какъ народъ самъ себя судитъ»). «Свеклосахарные заводы Россійской имперіи съ оффиціальными статистическими о нихъ данными за кампанію 1871—1872 гг.» (изд. Кіевск. отд. Технич. Общ. по свеклосахарной промышленности). Кіевъ, 1873 г.; то же за 1873 — 1875 гг. Кіевъ, 1876 г. «Прошедшее и настоящее свеклосахарной промышленности и ея нужды». Докладъ, читанный въ Обществѣ для содѣйствія промышленности и торговлѣ, 6-го мая 1877 г. Спб. 1877 г. Тип. М. П. Сообщ. «О подвѣдомственныхъ Мин. Пут. Сообщенія техническихъ желѣзнодорожныхъ училищахъ съ ихъ открытія по настоящій (1877 — 1878) годъ» («Журн. Мин. Пут. Сообщ.» 1878 г., № 2; стр. 115—164.). «О промышленномъ состояніи сѣверной Европейской Россіи и о мѣрахъ къ его развитію «Записки для чтенія» 1867 г., №№ 10—11, стр. 259—372. См. о томъ же статью въ № 36 «Промышл. Газеты», 1867 г.

Пыпинъ, «Исторія русской этнографіи», т. III, стр. 347—356; А. Н. Веселовскій, академикъ—его рецензія въ «Отчетѣ о двадцать второмъ присужденіи наградъ графа Уварова». Спб. 1880 г.; И. И. Срезневскій, «Замѣчанія по поводу сочиненія: Труды этногр.-статист. экспедиціи»; «Кіевская Старина» 1884 г., кн. 5, стр. 138—142; «Историческій Вѣстникъ» 1884 г., кн. 3, стр. 695—696; «Историческій Вѣстникъ», 1887 г. (№№ 10—12), стр. 104—107; «Вѣстникъ Европы», 1886 г., кн. 1, стр. 316—326; «Еженедѣльное Обозрѣніе», 1884 г., № 6; Кистяковскій въ «Кіевской Старинѣ» 1884 г., февраль, стр 343—349; «Кіевлянинъ», 1873 г., №№ 28, 29, 31 и 32; «Дѣло» 1874 г., № 1, стр. 227—264 (статья Д. А. Мордовцева о 6-мъ т. подъ заглавіемъ: «Какъ народъ самъ себя судитъ»; «Новое Время» 1873 г., № 31 (6 дек.).

Чуваевъ, *Петръ Николаевичъ*, граверъ на мѣди, работалъ у И. Я. Артемьева, который имѣлъ съ 1750 по 1780 г. въ Москвѣ «заводъ» для печатанія лубочныхъ картинъ. Работы Ч. отличаются отъ работъ прочихъ лубочныхъ мастеровъ большею исправностью рисунка и смѣлостью; гравировалъ крѣпкой водкой. Копировалъ онъ преимущественно французскія картинки «легкаго» содержанія и онѣ-то особенно недурны. Работы свои Ч. подписывалъ: «Петръ Ник. Чуваевъ», «П. Ч.», «Петръ». Есть много листовъ безъ его подписи, но несомнѣнно гравированныхъ имъ или съ его помощью, подъ его руководствомъ.

Перечень его работъ см. у Д. Ровинскаго: «Подробный словарь русскихъ граверовъ» СПб. 1896 г.; «Русскіе граверы и ихъ произведенія» Москва. 1870 г., стр. 321—322. *Н. Тычино.*

Чугуевецъ, *Анастасій Васильевичъ*, врачъ и писатель. Ч. родился въ 1826 г., въ Черниговской губерніи Отецъ его служилъ въ Суражскомъ уѣздномъ судѣ. Въ 1834 г. его помѣстили въ Суражское уѣздное училище. Вскорѣ счастливый случай помогъ отцу помѣстить Ч. въ Новгородъ-сѣверскую гимназію на счетъ жертвователя-вкладчика. Ч. сдѣлался однимъ изъ лучшихъ учениковъ и, по окончаніи курса, поступилъ въ Харьковскій Университетъ на медицинскій факультетъ, гдѣ въ 1847 г. окончилъ съ званіемъ лѣкаря 1-го отдѣленія и въ томъ же году поступилъ на службу въ Харьковское богоугодное заведеніе, на такъ называемую Сабурову дачу, помощникомъ старшаго врача. Въ 1852 г. Ч. былъ переведенъ въ г. Сумы, гдѣ занялъ мѣсто городского врача. Во время холерной

эпидеміи Ч. обнаружилъ необыкновенное самоотверженіе и, благодаря его энергіи и принятымъ имъ санитарнымъ мѣрамъ, холера въ Сумахъ была не такъ сильна, какъ въ окружающихъ городахъ. Онъ, между прочимъ, составилъ даже противохолерное лѣкарство, носящее названіе «капли Чугуевца». Съ особенной готовностью лѣчилъ онъ безплатно людей бѣдныхъ. Ч. состоялъ сотрудникомъ «Харьковскихъ губернскихъ вѣдомостей» въ которыхъ, между прочимъ, помѣстилъ статью: «Голосъ изъ среды сумскаго земства о Харьковскомъ повивальномъ училищѣ». Когда онъ заболѣлъ, Сумское общество на свой счетъ выписало изъ Кіевскаго университета профессора-медика для его излеченія. Ч. умеръ 7-го февраля 1875 г. въ Сумахъ.

1) «Харьковскія губернскія вѣдомости»,—1875 г., № 69. 2) «Харьковскія губернскія вѣдомости»,—1870 г., № 54. *А. Трнка.*

Чудецкій, *Павелъ Ивановичъ*, протоіерей, ректоръ Тифлисской православной духовной семинаріи, писатель. Ч. родился въ 1844 г. въ Костромской губ. Отецъ его былъ сельскимъ священникомъ. До поступленія въ духовное училище воспитаніемъ Ч. занималась его мать. Какъ въ Костромскомъ духовномъ училищѣ, такъ и въ Костромской семинаріи, курсъ которой онъ окончилъ въ 1868 г., Ч. обнаруживалъ блестящія способности. По окончаніи курса семинаріи, въ томъ же году, Ч. поступилъ учителемъ ариѳметики и географіи въ Костромское духовное училище. Спустя годъ, въ 1869 г. онъ поступилъ въ Кіевскую духовную академію на историческое отдѣленіе. Основательно владѣя нѣмецкимъ и французскимъ языками, Ч. въ академіи посвящалъ много времени знакомству съ заграничной литературой, какъ свѣтской, такъ и духовной, не только въ области исторіи, но и по философіи и педагогикѣ. Въ 1873 г., окончивъ курсъ академіи, Ч. поступилъ преподавателемъ во вновь открывшуюся Симферопольскую семинарію по предметамъ: исторіи философскихъ ученій, психологіи и педагогики. Вскорѣ затѣмъ ему была, кромѣ того, поручена должность инспектора классовъ въ епархіальномъ женскомъ училищѣ; въ немъ же Ч. преподавалъ географію, русскій языкъ, ариѳметику и педагогику. Въ 1874 году Чудецкій былъ выбранъ въ должность инспектора Симферопольской семинаріи и состоялъ въ ней до 1878 г. Съ этого года Ч. былъ переведенъ, по указу Св. Синода, на должность инспектора Кишиневской семинаріи. Въ 1877 г. Ч. выпустилъ въ свѣтъ свое первое произведеніе: «Опытъ историческаго изслѣдованія о числѣ монастырей русскихъ, закрытыхъ въ XVIII и XIX вѣкахъ» (Кіевъ. 1877 г.). Живя въ Кишиневѣ, Ч. обработалъ новую книгу «Родной языкъ. Обученіе механическому чтенію и письму», Кишиневъ. 1880 г., 215 стр. Въ 1883 г. Ч., по ходатайству первосвятителя Грузіи высокопреосвященнаго Павла, былъ назначенъ ректоромъ Тифлисской духовной семинаріи.

Въ этой новой должности Чудецкій обнаружилъ много энергіи и заботъ въ управленіи ввѣреннымъ ему училищемъ. Онъ возстановилъ ссудо-сберегательную кассу для служащихъ въ семинаріи, упорядочилъ и увеличилъ фундаментальную и ученическую библіотеки, положилъ много трудовъ на обращеніе въ православіе кавказскихъ горцевъ. Онъ состоялъ предсѣдателемъ «Братства грузинскаго экзархата во имя Пресвятой Богородицы» и «Епархіальнаго училищнаго совѣта по устройству церковно-приходскихъ школъ». Ч. до поступленія своего въ санъ священника, удостоенъ былъ въ Кишиневѣ чина статскаго совѣтника и имѣлъ ордена: св. Станислава 3-й ст. и св. Анны 3-й ст. Въ Тифлисѣ онъ былъ всемилостивѣйше пожалованъ камилавкою. 24-го мая 1886 г. Ч. былъ убитъ въ своей квартирѣ бывшимъ ученикомъ Тифлисской семинаріи, грузиномъ, Іосифомъ Лагіевымъ 19 лѣтъ, исключеннымъ Ч. изъ семинаріи за чтеніе «Отечественныхъ Записокъ». Ч. похороненъ въ оградѣ Александро-Невской Кукійской церкви.

1) Д. Д. Языковъ: «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей». Вып. 6. Русскіе писатели умершіе въ 1886 году. Спб. 1889 г., стр. 124. 2) Иконниковъ: «Опытъ русской исторіографіи». К., 1891 и 1892 г., стр. 666. 3) «Черниговскія Епархіальныя Извѣстія»,—1886 г., часть неоф. № 13, стр. 425—434. 4) «Волынскія Епархіальныя Вѣдомости»,—1886 г., часть неоф. № 19, стр. 595, 596. 5) «Церковный Вѣстникъ»,—1886 г., № 23, часть неоф., стр. 382—384. 6) «Кавказъ»,—1886 г., №№ 136, 139, 147, 152, 157—159 и 161. 7) «Петербургскій Листокъ»,—1886 г., №№ 141, 143 и 148. 8) «Московскій Листокъ»,—1886 г., № 145. *А. Трнка.*

Чуди, баронъ *Өедоръ-Генрихъ* (или Шуди), род. около 1724 г., въ Мецѣ и занималъ въ этомъ городѣ должность conseiller. Около 1751 г. Чуди, получивъ разрѣшеніе путешествовать, отправился въ Италію, гдѣ его застала папская булла 1751 г., направленная противъ масонства. Будучи самъ масономъ, Чуди написалъ апологію масонства противъ упомянутой буллы, и издалъ эту апологію подъ заглавіемъ «Etrennes au Pape, ou les francs-maçons vengés, réponse à la bulle du pape Benoit XIV, lancée l'an 1751. La Haye, 1752». Хотя это сочиненіе было издано не подъ настоящей фамиліей автора, а подъ псевдонимомъ «le chevalier de Lussy», тѣмъ не менѣе принадлежность «Etrennes» перу Чуди не осталась тайной, и онъ вынужденъ былъ удалиться изъ Италіи. Противъ той же папской буллы Чуди написалъ и второе свое сочиненіе, изданное подъ тѣмъ же псевдонимомъ въ La Haye въ 1752 г. Оно озаглавлено: «Le Vatican vengé, apologie ironique pour servir de pendant à «l'Etrennes au Pape», ou Lettre d'un père à son fils, à l'occasion de la bulle de Benoit XIV, aves des notes et commentaires». Затѣмъ, въ томъ же году въ Лондонѣ, выходитъ третье сочиненіе Чуди, подъ тѣмъ же псевдонимомъ: «La folle sensée, ou histoire de mademoiselle F... dediée à madame la marquise de V...». Около 1753 года Чуди появляется въ Россіи въ числѣ актеровъ императрицы Елисаветы. Способности Чуди и легкость, съ которою онъ говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ, обратили на него вниманіе И. И. Шувалова, который сдѣлалъ его своимъ частнымъ секретаремъ, подъ именемъ графа Пютланжа (Puttelange), и доставилъ ему мѣсто секретаря Московскаго университета. Въ 1754 году Чуди печатаетъ въ Амстердамѣ четвертое свое сочиненіе, подъ тѣмъ же псевдонимомъ: «Le philosophe au Parnasse français, ou le moraliste enjoué. Lettres du chevalier de L. et de M-r de M., dédiées à S. Excellence le Comte Ivan Ivanitche Chevaloff (sic!) chambellan actuel de S. M. Impériale de toutes les Russies». Книжка эта состоитъ изъ посвященія въ предисловіи и 13 писемъ о различныхъ матеріяхъ: о добродѣтели, о самолюбіи, о бракѣ, о комедіи и пр. Сочиненіе это представляетъ собою отъ первой до послѣдней страницы легкія бесѣды о всевозможныхъ предметахъ, щедро пересыпанныя цитатами изъ древнихъ классиковъ и современныхъ автору писателей. Въ 1755 г., подъ тѣмъ же псевдонимомъ, Чуди издавалъ первый въ Россіи журналъ на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «Le caméléon litteraire». Журналъ этотъ выходилъ еженедѣльно. Всего вышло 49 № (первый—5-го января, послѣдній—14-го декабря). Страницъ всего 1131 (12°). «Caméléon littéraire» не представляетъ ничего замѣчательнаго: онъ наполненъ мелкими стихотвореніями, неизбѣжными въ то время стихотворными загадками и логогрифами и легкими статейками въ прозѣ. Большая часть статей неподписаны; авторы остальныхъ скрылись подъ разными буквами. Кромѣ этого журнала, изъ печатныхъ трудовъ Чуди въ Россіи извѣстенъ переводъ на французскій языкъ похвальнаго слова Петру Великому Ломоносова, появившійся въ печати въ іюлѣ 1759 г. Переводъ этотъ, однако, по словамъ самого Ломоносова, сдѣланъ очень дурно и вопреки протесту автора. Этотъ переводъ изданъ подъ полной фамиліей барона Чуди. Въ концѣ 1755 года Чуди уѣхалъ во Францію, гдѣ былъ, неизвѣстно по какой причинѣ, арестованъ и посаженъ въ Бастилію. Слухъ объ этомъ дошелъ до И. И. Шувалова, и, благодаря вліянію послѣдняго, русскому повѣренному въ дѣлахъ въ Парижѣ, Ө. Д. Бехтѣеву, было поручено стараться объ освобожденіи Чуди. Вслѣдствіе этого заступничества Чуди въ іюлѣ 1756 года получилъ свободу и затѣмъ возвратился въ С.-Петербургъ. 30-го сентября 1759 г., высочайшимъ указомъ придворной конторѣ, Чуди съ чиномъ полковника артиллеріи назначенъ былъ, на мѣсто Вильгельма-Франца де-Фолиньи, гофмейстеромъ пажей. Назначеніе это состоялось по выбору тогдашняго гофмаршала барона К. Е. Сиверса, который, пораженный крайнею распущенностью и вообще неудовлетворительнымъ положеніемъ пажей, задумалъ устроить это учрежденіе на тѣхъ же началахъ, что и при Версальскомъ дворѣ, и искалъ для выполненія этого плана человѣка, знакомаго съ тамошними порядками. Тотчасъ по вступленіи въ свою новую должность, Чуди дѣятельно принялся за порученное ему

дѣло и въ началѣ слѣдующаго мѣсяца представилъ гофмаршалу меморіалъ изъ 12 пунктовъ, въ которомъ изложилъ свой взглядъ на воспитаніе и обученіе пажей. Меморіалъ этотъ замѣчателенъ, какъ памятникъ педагогіи гуманной, въ духѣ Франке и Базедова, шедшей совершенно въ разрѣзъ съ практиковавшимися тогда у насъ воспитательными мѣрами. Гораздо важнѣе, однако, историческая роль этого меморіала: онъ былъ положенъ въ основаніе Высочайшей инструкціи 25-го октября 1759 г.—акта, учредившаго «Пажескій двора Ея Императорскаго Величества корпусъ». Гофмейстеромъ пажей Чуди пробылъ недолго. Въ началѣ 1760 года онъ уѣхалъ въ заграничный отпускъ, изъ котораго уже въ Россію не возвратился. Въ Петербургѣ Чуди былъ братомъ - риторомъ одной масонской ложи и, покинувъ Россію, отправился въ родной Мецъ, гдѣ совершенно предался масонству. Въ 1766 г. появилось его масонское сочиненіе, озаглавленное «L'étoile flamboyante, ou la société des francs-maçons, considérée sous tous les rapport». Подъ конецъ жизни Чуди переселился въ Парижъ, гдѣ и умеръ 28-го мая 1769 года. Послѣ его смерти, въ 1780 году появилось въ печати еще одно масонское его сочиненіе: «L'Ecossais de Saint-André d'Ecosse, contenant le développement total de l'art royal de la franche-maçonnerie». Сочиненіе это издано въ свѣтъ противъ воли автора, который завѣщалъ рукопись совѣту «des chevaliers de l'Orient», но подъ условіемъ не отдавать ее въ печать. Кромѣ того, нѣкоторые приписываютъ Чуди составленіе романовъ, между которыми называютъ только одинъ «Thérèse philosophe», очень неприличное произведеніе.

«Biographie universelle ancienne et moderne», t. 47. Paris, 1827, стр. 9;—Quérard. La France littéraire, IX, стр. 571;—Larousse. Dictionnaire;—Lennig. «Allgemeines Handbuch der Freimaurerei», Leïpzig, 1863, стр. 11 и 392;—«Записки Имп. Академіи Наукъ», т. VI, кн. 2, С.-Пб. 1865 г. «Протоколы», стр. 308;—Mémoires de Duclos. Paris, 1865 г., стр. 401;—Билярскій. «Матеріалы для біографіи Ломоносова», С.-Пб. 1865 г, стр. 296 и 302;—Пекарскій, «Исторія Академіи Наукъ». С.-Пб. 1870, т. II, стр. 548 и 578;—«Архивъ князя Воронцова», кн. VI, М. 1873 стр. 196 и 274.—Гр. Милорадовичъ. «Матеріалы для исторіи Пажескаго корпуса». Кіевъ, 1876 г., стр. 23—30 и 245;—«Россійская Библіографія, 1881 г., № 91, стр. 328—330. *Н. Мичатекъ.*

Чудинъ. На совѣтѣ великаго князя Изяслава Ярославича, созванномъ имъ послѣ смерти отца, въ числѣ вельможъ кіевскихъ упоминается Чудинъ. На этомъ совѣтѣ смертная казнь была замѣнена денежной вирой.—Въ Несторовой лѣтописи, въ описаніи Кіева, упоминается «дворъ Чюдинъ». Послѣ перваго возвращенія Изяслава Ярославича въ Кіевъ, Чюдинъ былъ намѣстникомъ въ Вышгородѣ (въ 1072 г.).

Карамзинъ, «Истор. Государ. Росс.» т. I, II. Соловьевъ, «Исторія Россіи», кн. I.

Чудинъ, *Михаилъ Алексѣевичъ*, артистъ Императорской русской оперы, род. въ 1777 г. Получилъ лишь первоначальное образованіе и въ 1794 г. поступилъ наемнымъ писцомъ въ Провіантскую Экспедицію Государственной Военной Коллегіи, а въ 1798 г. зачисленъ былъ тамъ же въ штатъ и съ 30-го сентября 1798 г. въ чинѣ коллежскаго регистратора занималъ въ Экспедиціи должность актуаріуса, въ отсутствіе же секретаря исполнялъ обязанности послѣдняго. При своей исполнительности и рѣдкомъ усердіи онъ могъ бы пойти и дальше по службѣ, если бы не страсть къ сценѣ, заставившая его оставить эту службу и хлопотать о принятіи въ русскую оперную труппу Императорскихъ театровъ. Просьба его была уважена, и съ 1-го іюля 1803 г. Чудинъ занялъ амплуа второго баса-буффо. Не отличаясь хорошимъ голосомъ и будучи посредственнымъ пѣвцомъ, онъ исполнялъ въ большинствѣ случаевъ второстепенныя партіи, но это не мѣшало ему пользоваться расположеніемъ публики, цѣнившей въ немъ одного изъ наиболѣе даровитыхъ среди тогдашняго состава оперы актеровъ: каждая самая незначительная роль получала въ его рукахъ цѣльную и характерную физіономію. Изъ исполненныхъ имъ партій слѣдуетъ отмѣтить партію Соловья-Разбойника въ оперѣ Кавоса: «Илья Муромецъ». Опера эта пользовалась въ то время огромнымъ успѣхомъ, который въ значительной степени дѣлилъ и Чудинъ, Но, не довольствуясь положеніемъ второстепеннаго артиста, онъ всячески домогался лучщаго, а когда это ему не удалось, онъ, 25-го октября 1810 г. заявилъ о нежеланіи продолжать дальше службу при дирекціи и просилъ уволить

но для опредѣленія къ другимъ дѣламъ». Послѣ увольненія изъ дирекціи (25-го апрѣля 1811 г.) онъ пробовалъ свои силы на частныхъ сценахъ, но и тутъ недобился желаемаго успѣха, послѣ чего бросилъ совершенно пѣть. Умеръ онъ 15-го января 1813 г.

П. Перепелицынъ, «Исторія музыки въ Россіи». В. Морковъ, «Истор. оч. рус. оперы съ самаго ея начала до 1862 г.». С. Дехтерева, Кавосъ. К. А. Кавосъ, «Рус. Стар.», № 4. «Архивъ Дирекціи Императорскихъ Театровъ» 1810 г.—д. № 352; 1811 г.—д. № 130; 1827 г.—д. № 179; 1833 г.—д. № 51. *В. Березкинъ.*

Чудновскій, *Александръ Ивановичъ*, учитель пѣнія Придворной Пѣвческой Капеллы, дворянинъ по происхожденію, сынъ протоіерея Ахтырской Петровской церкви, родился 4 го дек. 1817 года. Съ малыхъ лѣтъ обращалъ на себя вниманіе прихожанъ Петровской церкви, съ удовольствіемъ слушавшихъ его пѣніе на клиросѣ во время богослуженій. Мальчику не было еще десяти лѣтъ, когда онъ былъ взятъ изъ родительскаго дома въ Петербургъ въ качествѣ пѣвчаго въ Придворную Пѣвческую Капеллу. Здѣсь онъ получилъ свое научное и музыкальное образованіе; здѣсь же и остался служить навсегда. 25-го ноября 1835 г. его перемѣщаютъ изъ младшихъ пѣвчихъ въ большіе, а 10-го сент. 1839 г. двадцатидвухлѣтній Чудновскій назначается помощникомъ учителя пѣнія Капеллы. Въ апрѣлѣ 1840 г. Капелла, имѣя недостатокъ въ малолѣтнихъ пѣвчихъ, посылаетъ Чудновскаго въ Малороссію въ поиски за хорошими и прочными голосами. Черезъ 4 мѣсяца послѣдній возвратился въ Петербургъ съ 12-ю прекрасными пѣвчими. Въ ноябрѣ 1846 года, когда потребовалось опытное лицо для устройства хора при дворѣ Великой Княгини Ольги Николаевны въ Штутгардтѣ, выборъ палъ на Чудновскаго, уже зарекомендовавшаго себя въ этомъ отношеніи. Чудновскій командированъ былъ въ Штутгардтъ, отлично выполнилъ возложенное на него порученіе и въ награду былъ пожалованъ золотыми часами. Въ октябрѣ 1848 г. онъ производится въ чинъ коллежскаго секретаря, а 14-го марта 1849 г., по представленію директора Капеллы, какъ «весьма исправный пѣвчій и отлично знающій церковный уставъ», назначается управляющимъ лѣвымъ клиросомъ Капеллы. Въ 1852 г. ему же поручаютъ выбрать для Великой Княгини Маріи Павловны въ церковь въ Веймарѣ двухъ теноровъ и двухъ басовъ, и выборъ его не оставляетъ желать ничего лучшаго. Еще съ 1844 г. Чудновскій постоянно сопровождалъ сначала Императора Николая I, а потомъ Императора Александра II въ ихъ поѣздкахъ какъ по Россіи, такъ и за границу, при чемъ не разъ былъ жалуемъ денежными наградами и подарками не только отъ Высочайшихъ Особъ, но и отъ иностранныхъ государей. Занимая втеченіе 13 лѣтъ должность управляющаго сначала лѣваго, а потомъ праваго клироса, Чудновскій всегда считался однимъ изъ лучшихъ преподавателей пѣнія, почему и былъ назначенъ (12-го ноября 1862 г.) на первую открывшуюся въ капеллѣ вакансію учителя пѣнія. Въ 1864 г. онъ принужденъ былъ подать въ отставку по болѣзни, отъ времени до времени исполняя по вольному найму свои прежнія обязанности. Умеръ онъ отъ удара 11-го января 1875 г., и похороненъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

«Иллюстрированная Недѣля», 1875 г., № 5; В. Т. Поповъ—«Императоръ Александръ II въ Вологдѣ».—«Рус. Стар.», 1890 г., № 10: Дѣла Придворной Пѣвческой Капеллы: 1840 г. № 17; 1849 г.—№№ 15, 20. 44; 1850 г.—№17: 1852 г.—№№ 13, 26; 1853 г. — № 31; 1855 г. — № 18; 1856 г.—№ 44; 1857 г.—№ 69; 1858 г.—№ 29 и 38 (общее); 1862 г.—№ 26 и 1875 г.—№ 10. *Валерій Березкинъ.*

Чукмасовъ, *Иванъ Іоакимовичъ*, медальеръ. Родился въ 1831 году, воспитывался въ горно-технической школѣ, состоявшей при Технологическомъ институтѣ, и тутъ уже обратилъ вниманіе своими успѣхами по медальерному искусству. Затѣмъ онъ сталъ посѣщать классы медальернаго искусства въ Императорской Академіи Художествъ, гдѣ занимался подъ руководствомъ профессора Лялина. Въ 1853 году получилъ серебряную медаль второй степени за вылѣпленіе изъ воску композиціи «Прометей», и въ томъ же году получилъ серебряную медаль первой степени за группу «Милонъ Кротонскій». Въ 1854 году былъ удостоенъ золотой медали второй степени, успѣшно выполнивъ заданную программу «Персей освобождаетъ Андромеду». Поступилъ медальеромъ на С.-Петербургскій монетный дворъ и продолжалъ работать

на конкурсы. Въ 1855 году былъ удостоенъ золотой медали первой степени за «Жертвоприношеніе Авраама». Въ 1857 году представилъ эскизъ «Превращеніе Дафны въ лавръ», прося разрѣшить ему выполнить его на соисканіе званія академика, которое и получилъ въ 1859 году. Въ 1863 году представилъ проектъ медали на предстоящій праздникъ столѣтняго юбилея Академіи Художествъ, но совѣтъ академіи нашелъ рисунокъ медали не достаточно строгимъ въ стилѣ, почему и предложилъ представить другой. Въ томъ же 1863 году Чукмасовъ просилъ о заданіи ему программы на соисканіе званія профессора, но на слѣдующій годъ умеръ — 4-го мая.

«Медальерное искусство въ Россіи». «Горн. Журн.» 1867 г. 3; стр. 423. Юлій Иверстенъ, «Словарь медальеровъ и другихъ лицъ, имена которыхъ встрѣчаются на русскихъ медаляхъ». Спб. 1874 г. стр. 34; Петровъ, «Матер. для истор. Импер. Акад. Худож.» т. III, стр. 198, 205, 215, 226, 236, 242, 250, 288, 328, 427, 434, 437.

Чуксинъ, *Евстафій Ильичъ*, граверъ рѣзцомъ, родился 6-го апрѣля 1780 года, умеръ 28-го іюня 1817 года. Чуксинъ воспитаніе получилъ въ С.-Петербургской Императорской Академіи Художествъ, курсъ которой окончилъ въ 1800 году съ аттестатомъ первой степени, и былъ ученикомъ Клаубера. Во время пребыванія въ Академіи Чуксинъ въ 1799 году получилъ за гравированіе малую серебряную медаль, а въ слѣдующемъ году—малую золотую медаль «по задачѣ, представляющей св. Амвросія Медіоланскаго отвергающаго принесенные къ алтарю дары Императора Θеодосія, за убійство 40.000 невинныхъ». По выходѣ изъ Академіи Художествъ, Чуксинъ нѣкоторое время служилъ въ Депо картъ, а впослѣдствіи — при главноуправляющемъ Грузіею, по пограничной части.

П. Н. Петровъ, «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Художествъ за сто лѣтъ ея существованія», часть I-я, С.-Петербургъ, 1864 г.—«Замѣтки А. Х. Востокова о его жизни» въ «Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ», т. LXX, № 6, С.-Петербургъ, 1902 г., стр. 21—23, 59, 75.—Д. А. Ровинскій. «Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX вв.» С.-Петербургъ, 1895 г.

В. Грековъ.

Чулковъ, *Василій Ивановичъ*, генералъ-аншефъ и дѣйствительный камергеръ, родился въ 1709 г. Въ 1739 г. онъ служилъ во дворцѣ цесаревны Елизаветы Петровны истопникомъ и, пріобрѣтя ея довѣріе, сдѣлался однимъ изъ ея приближенныхъ и 27-го февраля 1742 года былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры. Въ 1743 г. Ч. былъ метръ дегардеробомъ и спалъ на тюфячкѣ въ спальной комнатѣ Елизаветы Петровны, у коей пользовался большимъ довѣріемъ. Много лѣтъ Ч. совсѣмъ не ложился по ночамъ въ постель и дремалъ въ креслѣ возлѣ дверей спальни Елизаветы Петровны. Въ 1749 г. Ч. было пожаловано село Архангельское. Въ 1752 г., будучи уже камергеромъ, (съ 5-го сентября 1751 года) Ч. получилъ орденъ св. Анны, а въ 1756 г. орденъ св. Александра Невскаго. Въ 1762 г. Ч. былъ генераломъ и дѣйствительнымъ камергеромъ и въ томъ же году 8-го марта былъ уволенъ съ чиномъ генералъ-аншефа. Ч. скончался въ 1775 г.

Георгъ фонъ Гельбигъ: «Русскіе избранники и случайные люди». «Русская Старина», 1886 г., апрѣль, стр. 171. «Осьмнадцатый вѣкъ», историческій сборн. изд. П. Бартеневымъ, М. 1868 г., кн. 2-я, стр. 428 и 562; 1869 г., кн. 2, стр. 454. «Архивъ князя Воронцова», Москва, 1871 г., т. II, стр. 164; 1874 г., т. IV, стр. 330; 1876 г., т. IX, стр. 269; П. Θ. Карабановъ: Историческіе разсказы и анекдоты, записанные со словъ именитыхъ людей, «Русская Старина», 1871 г., т. IV, стр. 693. «Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. 28, стр. 45. «Записки князя М. М. Щербатова о поврежденіи нравовъ въ Россіи», «Русская Старина», 1870 г., т. II, стр. 102. Бантышъ-Каменскій «Историческое собраніе списковъ кавалерамъ четырехъ россійскихъ императорскихъ орденовъ Св. Андрея, Св. Екатерины, Св. Александро-Невскаго и Св. Анны», Москва, 1814 г., стр. 205, 292.

А. Трика.

Чулковъ, *Василій Сергѣевичъ*, оберъ-бергъ-гауптманъ 4-го класса, начальникъ Колывано-Воскресенскаго завода въ 1807 году. О первыхъ годахъ его жизни не удалось найти никакихъ свѣдѣній. Извѣстно только, что въ 1767 году онъ уже служилъ на Колывано-Воскресенскихъ заводахъ, а именно былъ въ этомъ году произведенъ въ бергъ-гешворены. Во время управленія К.-Воскресенскими заводами Г. С. Качки (съ 1785—1799 г.) Чулковъ все время служилъ на этихъ заводахъ. Въ 1790 году онъ былъ назначенъ оберъ-бергъ-мейстеромъ. Во время

командованія его Локтевскимъ заводомъ было найдено много новыхъ мѣсторожденій руды и стали разрабатываться хотя и прежде извѣстные, но заброшенные рудники. Такъ, съ 1790 г. сталъ разрабатываться Гериховскій, содержащій серебро, рудникъ; въ 1791 г. былъ открытъ Зыряновскій, золото, серебро и свинецъ содержащій, рудникъ, ставшій затѣмъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ рудниковъ этихъ заводовъ; въ томъ же году былъ открытъ Сургушановскій рудникъ и были произведены развѣдки въ Титовскомъ, Бухтарминскомъ и др. заброшенныхъ мѣсторожденіяхъ. Во время его же командованія Локтевскимъ заводомъ, именно въ 1786 г., впервые зародилось и стало развиваться каменнодѣльное производство на Алтаѣ. Въ этомъ году на Локтевскомъ заводѣ были построены присланными съ Петергофской гранильной фабрики мастерами первыя приспособленія для шлифовки и полировки камней. Съ 1799 года, вслѣдствіе смерти Г. С Качки, Чулковъ заступилъ его мѣсто и управлялъ всѣми заводами вплоть до 1806 г. Ни до, ни послѣ него средняя годовая добыча серебра не достигала той цифры, которая вырабатывалась при немъ, именно, 1.153 п. 13 ф. 25 з. Въ 1803 году Чулковъ съ караваномъ серебра пріѣзжалъ временно въ Петербургъ, а въ 1804 г. имъ былъ представленъ въ Кабинетъ Его Величества проектъ разработки Нерчинскаго серебристаго свинца. Умеръ онъ на Алтаѣ отъ продолжавшейся болѣе года водяной болѣзни 3-го апрѣля 1807 г.

Германъ, «Сочиненіе о сибирскихъ рудникахъ и заводахъ». С-Пб. 1797—98 гг.; «Алтай» сбор. подъ ред. Голубева, 3) «Дѣла Архива Алтайскаго округа. *А. Циммерманъ.*

Чулковъ, *Даніилъ Григорьевичъ*, основатель города Тобольска и первый его воевода. По нѣкоторымъ источникамъ Чулковъ былъ посланъ русскимъ правительствомъ изъ Москвы въ 1585 г. въ отрядѣ Василія Сукина и Ивана Мясного, которые въ слѣдующемъ году поставили надъ р.р. Турою и Тюменью городъ Тюмень, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ прежде кузенный городъ Чимги или Чингій. Оттуда уже посланный Василіемъ Сукинымъ письменный голова Данило Чулковъ прошелъ къ устью р. Тоболъ, впадающей въ Иртышъ, и здѣсь поставилъ острогъ, названный имъ Тобольскимъ. По другимъ же источникамъ Данило Чулковъ прибылъ «со многими ратными людьми въ 1587 г. для поставленія г. Тобольска—нарочнымъ дѣломъ». Въ 1588 году Чулковъ былъ воеводою во вновь основанномъ имъ городѣ, въ которомъ онъ, кромѣ обычныхъ построекъ «острога», построилъ двѣ церкви. Ему же удалось, заманивъ къ себѣ въ гости, схватить татарскаго князя Сейдяка съ султаномъ кайсацкой орды и мурзой карачей, которые были имъ отправлены въ Москву. Этимъ онъ утвердилъ пошатнушееся послѣ смерти Ермака господство русскихъ, такъ какъ татары, напуганные плѣномъ своего князя, откочевали въ глубь степей, бросивъ свой главный городъ Искеръ.

«Сибирскія Лѣтописи». Прилож. къ ст. «Покореніе Сибири»; Павла Небольсина; «Историческое обозрѣніе сибирскихъ городовъ и остроговъ съ конца XVI и до начала XVIII в. Лебединскій, «Тобольск. Губ. Вѣдомости», 1853 г. № 39.Краткое показаніе о бывшихъ, какъ въ Тобольскѣ, такъ и во всѣхъ сибирскихъ городахъ и острогахъ съ начала взятія Сибирскаго государства, воеводахъ и губернаторахъ и прочихъ чинахъ; кто именно и въ какихъ городахъ были и кто какой городъ строили и когда. Тобольскъ 1792 г. «Записки къ Сибирской исторіи. Вивліоѳика древняя русская. т. 3. «Исторія Сибири», Андріевича. Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ Буцинскаго. Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири. Н.В. Щеглова; кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, «Русская родословная книга», т. II.

Чулковъ, *Ефимъ Мартемьяновичъ*, с.-петербургскій оберъ-полиціймейстеръ, происходилъ изъдворянъ.На службу поступилъ въ 1765 г. и 13-го марта 1786 г. былъ произведенъ въ надворные совѣтники. 31 октября 1793 г. Чулковъ былъ перемѣщенъ изъ вѣдомства Кабинета и назначенъ с.-петербургскимъ полиціймейстеромъ и помощникомъ тогдашняго оберъ-полиціймейстера Н. Архарова. По вступленіи на престолъ императора Павла Чулковъ былъ пожалованъвъ статскіе совѣтники (18-го ноября 1796 г.) и ему было вмѣнено въ обязанность ежедневно доносить государю не только о малѣйшихъ городскихъ происшествіяхъ, но даже и о частныхъ разговорахъ; такъ какъ Чулковъ почерпалъ свои свѣдѣнія у полицейскихъ агентовъ, которые, въ свою очередь, не гнушались собирать ихъ отъ всякаго званія людей, то нерѣдко происходили различнаго рода

недоразумѣнія. 11-го декабря 1796 г. Чулковъ былъ назначенъ оберъ-полиціймейстеромъ и показывался бригадиромъ, а 19-го января 1797 г. снова переименованъ въ статскіе совѣтники. Въ день коронованія Императора Павла, 5-го апрѣля 1797 г., Чулкову въ воздаяніе усердной службы и трудовъ всемилостивѣйше пожалованы были въ вѣчное и потомственное владѣніе 300 душъ крестьянъ въ Тверской губерніи и орденъ св. Анны 2-го класса. Ефиму Мартемьяновичу не долго пришлось быть генералъ-полиціймейстеромъ: вслѣдствіе непомѣрнаго вздорожанія сѣна въ столицѣ онъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности и уволенъ отъ занимаемой имъ должности—9-го іюня 1797 г.

Лобановъ-Ростовскій, «Русская родословная книга», II т. 2-ое изд. 1895 г., стр. 376; «Сенатскій Архивъ», I т.; «Русскій Архивъ», 1873 г.; «Русская Старина» 1876 г. XVI, 1888 г. LVIII.
И. Н. Артамонова.

Чулковъ, *Клементій Матвѣевичъ*, стольникъ, комиссаръ Тульскаго оружейнаго завода, сынъ московскаго дворянина Матвѣя Филипповича Чулкова, въ 1685 г. исполнялъ должность стольника. Когда же для распространенія оружейнаго производства по приказу Петра Великаго въ Тулѣ въ оружейной слободѣ въ 1711 г. былъ построенъ новый оружейный дворъ, нынѣ арсеналъ, для заварки стволовъ и отдѣлки ружей, вмѣсто стараго, попорченнаго пожаромъ, то помощникомъ князя Григорія Ивановича Волконскаго, главнаго начальника всего ружейнаго производства въ государствѣ, былъ сдѣланъ Клементій Матвѣевичъ. Въ новой своей должности онъ сталъ называться комиссаромъ, или начальникомъ оружейниковъ и оружейной слободы; обязанностью его было слѣдить за доброкачественностью приготовляемаго оружія. Новый строгій комиссаръ ревностно принялся за исполненіе своихъ обязанностей; какимъ путемъ онъ дѣйствовалъ—видно изъ его рапортовъ къ князю Волконскому: «Живу я въ оружейной слободѣ неотлучно и мастеровъ подтверждаю съ пристрастіемъ, чтобы они ружья дѣлали съ великимъ тщаніемъ денно и нощно и противъ образцовъ въ сходство, и для того каждаго дни по мастерамъ ѣзжу и многихъ бью батоги». Въ другой разъ Чулковъ пишетъ: «По твоимъ, государь, письмамъ истинно ей, ей, всеусердно радѣю, какъ пуще того быть нельзя, что каждаго дня человѣкъ по десяти бью батоги, приборщиковъ и замочниковъ на оружейномъ дворѣ зѣло понуждаю, не только что дни, но и ночи спать не даю». И на этого суроваго комиссара и его непосредственнаго начальника былъ сдѣланъ Петру доносъ, обвинявшій ихъ въ жестокостяхъ, истязаніяхъ, разореніи тульскихъ купцовъ, во взяточничествѣ и мошенничествѣ. Дѣло было разслѣдовано, и князь Волконскій 20-го февраля 1714 г. упрекалъ Чулкова въ «неисправленіи государева дѣла, возложеннаго на него», и требовалъ передѣлки ружей и строгаго надзора надъ мастерами, въ противномъ случаѣ грозилъ Чулкову взысканіемъ. Въ 1715 г. Клементій Матвѣевичъ былъ отставленъ отъ должности комиссара Тульскаго оружейнаго завода. Скончался онъ до 1725 г.

Иванъ Афремовъ, «Историческое обозрѣніе Тульской губерніи», ч. I. Москва. 1850 г., стр. 186, 187, 188; Іосифъ Гамель, «Описаніе Тульскаго оружейнаго завода». Москва. 1826 г. Предисловіе VII, стр. 44, 45; Прибавленіе къ «Исторіи Тульскаго оружейнаго завода», стр. 64; Соловьевъ, «Исторія Россіи» IV, стр. 180; Лобановъ-Ростовскій, «Русская родословная книга». Кн. II, 2-ое изданіе 1895 г. стр. 369. *И. Н. Артамонова.*

Чулковъ, *Михаилъ Димитріевичъ*, надворный совѣтникъ, секретарь 5-го департамента Правительствующаго Сената, писатель, издатель сатирическихъ журналовъ «И то и се» и «Парнасскій Щепетильникъ», авторъ многихъ сочиненій по этнографіи и политической экономіи. Родился въ 1740 году. По его собственнымъ словамъ онъ «въ младенчествѣ обучался въ императорскомъ Московскомъ университетѣ, откуда, *изучивъ одно только начальное основаніе словесныхъ наукъ*, взятъ былъ съ прочими по именному указу и опредѣленъ въ службу». Отсюда видно, что М. Д. Чулковъ, поучившись нѣкоторое время въ Московскомъ университетѣ, прямо поступилъ на службу (въ Правительствующій Сенатъ) и никогда не былъ актеромъ, какъ утверждають нѣкоторые историки театра и литературы (П. Араповъ и др.). Не смотря на свое скудное образованіе и на служебныя занятія, которыхъ было всегда у него много, онъ сильно увлекался чте-

ніемъ, причемъ и самъ пробовалъ свои силы въ области литературы и поэзіи, сочиняя стихи, романы, сатиры и критическія статьи. Съ особеннымъ же усердіемъ занимался онъ собираніемъ матеріаловъ по миѳологіи и этнографіи. Первое серьезное сочиненіе Чулкова было «Краткій миѳологическій словарь», напечатанный въ С.-Петербургѣ въ 1767 г., Затѣмъ, два года спустя, онъ выступилъ съ сатирическимъ еженедѣльнымъ журналомъ «И то и се», въ одной изъ книжекъ котораго такъ излагалъ свою программу: «Я самъ себя больше знаю, нежели кто другой, и обѣщаюсь, ежели не солгу, въ семъ сочиненіи описать большую половину моей жизни. Только опять сказываю и это, что не все то будетъ правда, что я буду говорить о самомъ себѣ; иногда именемъ моимъ буду я кликать другого, который хотя и не отзовется. По той причинѣ, можетъ, онъ на меня и подосадуетъ, однако въ необходимый путь ступить мнѣ должно какъ-нибудь; впрочемъ, зеркало не виновато, коли рожа крива». Чтобы заставить тогдашнее общество, интересовавшееся литературою вообще очень мало, читать его журналъ, М. Д. Чулковъ старался придать этому журналу живой и легкій характеръ, пересыпая всѣ нумера его пословицами и поговорками. Плату за «И то и се» онъ тоже назначилъ весьма ничтожную—по 2 копѣйки за №, что за годъ составляло 1 рубль 4 копѣйки. Почти всѣ нумера этого изданія состояли исключительно изъ сочиненій М. Д.; впрочемъ, въ теченіе года, тамъ было напечатано нѣсколько статей и эпиграммъ Сумарокова и стихотвореній Михаила Попова. Кромѣ того, при журналѣ «И то и се» продавалась еще сатирическая поэма Чулкова «Плачевное паденіе стихотворца», напечатанная въ 1775 году отдѣльнымъ изданіемъ. Закончивъ «И то и се», М. Д. въ слѣдующемъ году принялся за новое изданіе, ежемѣсячное: «Парнасскій Щепетильникъ», цѣль котораго была осмѣивать плохихъ стихотворцевъ. Несмотря на то, что изданіе это приносило ему убытокъ, Чулковъ все-таки довелъ его до конца года, такъ какъ «хотѣлъ лучше устоять въ своемъ словѣ, нежели солгать передъ публикою...» Въ томъ же году М. Д. напечаталъ свое сочиненіе «Пригожая повариха или похожденія развратной женщины» и «Похожденіе Ахилесово подъ именемъ Пирры до Троянской осады» (часть первая вторично перепечатана въ Москвѣ въ 1788 г.). Имѣя много записанныхъ народныхъ пѣсенъ, Чулковъ, по прекращеніи «Парнасскаго Щепетильника», принялся за печатаніе своего «Собранія разныхъ пѣсенъ», вышедшаго въ четырехъ частяхъ. Этотъ сборникъ, заключающій въ себѣ: во-первыхъ пѣсни и романсы тогдашнихъ поэтовъ, и, во-вторыхъ, пѣсни чисто народныя, которыя онъ впервые напечаталъ въ большомъ количествѣ и въ такомъ видѣ, какъ онѣ поются народомъ, имѣлъ большой успѣхъ у публики, выйдя впослѣдствіи вторымъ изданіемъ, и послужилъ прототипомъ многихъ другихъ подобныхъ сборниковъ. Въ 1780 году вышло новое изданіе М. Д. Чулкова: «Сказки русскія народныя», въ десяти частяхъ, въ которыхъ, кромѣ собственно народныхъ сказокъ, есть много сказокъ сочиненія самого Чулкова. Вслѣдъ за «Сказками», Михаилъ Дмитріевичъ принялся за печатаніе самаго крупнаго своего труда «Историческое описаніе россійской торговли», составившее 21 томъ и изданное въ 1781—1788 гг. по именному высочайшему повелѣнію на счетъ кабинета, въ Москвѣ. Сочиненіе это считается капитальной работой по исторіи русской торговли. Одновременно съ изданіемъ вышеупомянутаго сочиненія, М. Д. напечаталъ еще въ 1782 году тоже въ Москвѣ «Абевегу или Словарь Русскихъ суевѣрій», вышедшій черезъ четыре года вторымъ изданіемъ. «Словарь» этотъ, какъ первый трудъ по этнографіи, не утратилъ своего значенія и въ настоящее время. Слѣдующимъ изданіемъ М. Д. Чулкова были «Славянскія сказки или пересмѣшникъ», въ пяти частяхъ, а затѣмъ «Древнія сказки славянъ древлянскихъ или вечерніе часы», въ 6-ти частяхъ. Оба эти сочиненія носятъ тоже чисто эпографическій характеръ. Затѣмъ, въ 1788 году, въ видѣ извлеченія изъ своего «Историческаго описанія россійской торговли», М. Д. напечаталъ четыре работы: «Краткая Россійская Исторія Коммерціи», «Экономическія записки для всегдашняго исполненія въ деревняхъ прикащику», «Словарь учре-

жденныхъ въ Россіи ярмарокъ» и «Наставленіе, необходимо нужное для купцовъ, а особливо для молодыхъ людей». Задумавъ напечатать три врачебныхъ словаря: 1) для людей, 2) для скотовъ и 3) для птицъ домашнихъ, Чулковъ началъ собирать матеріалъ для этой работы, дѣлая выписки изъ всѣхъ извѣстныхъ ему врачебныхъ и экономическихъ книгъ. Однако, до конца дѣло довести ему не удалось, и его «Сельскій лечебникъ или Словарь врачеванія болѣзней, бывающихъ въ родѣ человѣческомъ» остановился на буквѣ М. Послѣднею напечатанною работою М. Д. былъ «Словарь юридическій или Сводъ россійскихъ узаконеній, временныхъ учрежденій суда и расправы», изданный въ 5-ти частяхъ и впослѣдствіи выдержавшій еще нѣсколько изданій. Тогда же былъ напечатанъ прозаическій переводъ съ французскаго писемъ Петрарки къ возлюбленной его Лаурѣ, передѣланный въ стихи. Кромѣ того, многія сочиненія М. Д. Чулкова остались ненапечатанными, какъ-то: 1) «Проектъ трактата между европейскими государями для вѣчнаго истребленія въ Европѣ войны», 2) «Краткія примѣчанія объ экономическихъ крестьянахъ, обитающихъ около Москвы, въ отношеніи нерадѣнія ихъ къ хлѣбопашеству», 3) «Словарь земледѣлія, скотоводства и домостроительства», 3 части, 4) «Самозванецъ Гришка Отрепьевъ», сатирическая поэма въ 9-ти пѣсняхъ, 5) «Проектъ для заведенія купеческаго банка при С.-Петербургскомъ портѣ, для купцовъ, претерпѣвшихъ несчастіе, или отъ пониженія цѣны не могущихъ продать товаровъ». 6) комедія «Какъ хочешь назови», игранная неоднократно на императорской сценѣ. Наконецъ, М. Д. вмѣстѣ, съ другимъ извѣстнымъ писателемъ того времени Михайломъ Поповымъ, принялся было за составленіе «Лексикона или Словаря Россійскаго языка», для котораго ими было уже приготовлено нѣсколько тысячъ статей, но въ виду того, что, какъ разъ въ это время началось печатаніе «Словаря» Россійской Академіи, М. Д. не окончилъ своей работы и уничтожилъ все то, что раньше было приготовлено. Женатъ онъ былъ на дочери коммиссара Аннѣ Гавриловнѣ Боталиной. М. Д. Чулковъ скончался въ Москвѣ, въ чинѣ надворнаго совѣтника и въ должности секретаря 5-го департамента Правительствующаго Сената на 54 году отъ рожденія, 14-го октября 1793 года.

Вѣстникъ Европы» за 1881 г. ст. Пыпина «Изученіе русской народности»; А. Пыпинъ «Исторія русской этнографіи» т. I, Спб. 1890 г., стр. 65—69; А. Афанасьевъ «Русскіе сатирическіе журналы». Москва, 1859 г., стр. 7 — 60 и 258-259; «Московскій телеграфъ» за 1827 г. XVIII, стр. 82; Буличъ «Сумароковъ», стр. 253; «Трутень» за 1769 г., стр. 95 — 96; Галаховъ «Историческая христоматія», т. II и «Исторія Русской Словесности», т. I; «Современникъ» за 1856 г. № 7, ст. М. Лонгинова, «Библіографическія матеріалы»; Карабановъ «Основаніе русскаго театра», стр. 23 и 34; «Книговѣдѣніе» за 1894 г. № 7, стр. 16, замѣтка А. Ѳомина «Къ біографіи Михаила Дмитріевича Чулкова»; «Историческій Вѣстникъ» за 1893 г., т. 54, декабрь, стр. 958—959, замѣтка о столѣтней годовщинѣ его смерти; А. Старчевскій, Справочный Энциклопедическій Словарь», т. 12; Н. Тихонравовъ «Лѣтопись Русской литературы и древности», т. I, М. 1859 г. стр. 198—200; А. Старчевскій «Очеркъ литературы русской исторіи до Карамзина», Спб. 1845 г., стр. 220—221; М. Чулковъ «Записки экономическія», изд. 2-ое, М. 1790 г. приложенія (автобіографическая записка), Н. И. Новиковъ «Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ», 1872 г., стр. 242—243; Митрополитъ Евгеній «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей», т. I, М. 1845 г., стр. 242 — 245; А. В. Мезіеръ «Русская Словесность съ IX по XIX столѣтія». ч. II, стр. 453—454; Ефремовъ «Матеріалы для исторіи русской литературы», Спб. 1867 г. «Русскій Архивъ» за 1870 г., № 7, ст. М. Лонгинова, стр. 1348—1366; П. Араповъ «Лѣтопись русскаго театра», стр. 83. *Е. Ястребцевъ.*

Чулковъ, *Ѳедоръ.* Весной въ 1609 г. русскіе полки подъ начальствомъ Чулкова и Чоглокова въ союзѣ со шведами разбили Кернозицкаго, начальника отряда тушинцевъ. Чулковъ упоминается въ договорѣ князя Михаила Скопина-Шуйскаго съ секретаремъ шведскаго короля Карломъ Олофсономъ, какъ «полномочный».

Карамзинъ, «Истор. Госуд. Росс.», т. XII; Соловьевъ, «Исторія Россіи», кн. II. *Н. Барсук…*

Чулковъ, *Филиппъ Даніиловичъ,* воевода и дворянинъ московскій. Самыя раннія свѣдѣнія о немъ мы имѣемъ отъ 1613 г., когда за то, что онъ «вину свою государю принесъ, отъ Ивашка Заруцкаго пріѣхалъ съ Черни», велѣно ему старый его окладъ, какой былъ при царѣ Василіѣ по сыску дворянъ и дѣтей боярскихъ, 10 руб. въ чети справить. Въ 1619 г. за «калужскую службу»

предыдущаго года ему къ окладу «придань 1 руб.». Въ 1626—1627 г. «туленинъ, городовой дворянинъ» былъ воеводой въ Крапивнѣ, а въ слѣдующемъ году «для осаднаго времени» на Дѣдиловѣ, гдѣ и оставался до 1635 г., когда посланъ былъ на воеводство нъ Калугу, на смѣну кн. П. Р. Барятинскому. Въ 1635 г. Ф. Д. получилъ московское дворянство и въ этомъ званіи 24-го апрѣля 1646 г. дневалъ и ночевалъ съ кн. П. И. Пронскимъ на государевомъ дворѣ. Умеръ онъ въ концѣ сороковыхъ годовъ XVII столѣтія.

Разрядныя книги т. II. С.-Пб. 1855 г., стр. 20, 46, 106, 116, 147, 148, 170, 215, 800, 850; Ивановъ, «Алфавитный указатель фимилій и именъ лицъ, упоминаемыхъ въ боярскихъ книгахъ, хранящихся въ I отдѣлѣ Московскаго архива Министерства Юстиціи». Москва. 1853 г., стр. 463; «Русская Историческая Библіотека» т. X. С.-Пб. 1886 г., стр 4, 11, 59, 365; т. XV. С -Пб. 1894 г., стр. 124. (кормленая книга костромской чети за 1613—1627 г.); Лобановъ-Ростовскій, «Русская родословная книга», кн. II. С.-Пб. 1896 г., стр. 369

Н. Тычино.

Чумаковъ, *Өедоръ Ивановичъ*, ординарный профессоръ прикладной математики Московскаго университета, докторъ физико-математическихъ наукъ, статскій совѣтникъ, род. 24-го декабря 1782 г. въ Пензѣ, ум. въ 1832 г. Ч. былъ сынъ ротмистра, первоначальное образованіе получилъ въ гимназіи при Московскомъ университетѣ, гдѣ пробылъ съ 12-го февраля 1801 г. до 30-го августа 1804 г., когда, произведенный въ студенты, поступилъ въ Московскій университетъ. Окончивъ здѣсь курсъ 9-го іюля 1807 года со степенью кандидата физико-математическихъ наукъ, Ч. 11-го сентября 1808 г. опредѣленъ былъ въ вышеупомянутую гимназію, сначала учителемъ ариѳметики, а потомъ алгебры и приложенія алгебры къ геометріи, 9-го января 1812 г. возведенъ въ степень доктора физико-математическихъ наукъ, а 21-го іюля 1813 г. утвержденъ адъюнктомъ и съ тѣмъ вмѣстѣ поручена ему въ университетѣ ординарная каѳедра прикладной математики. Состоя съ 1819 года по 11-е мая 1827 г. членомъ училищнаго комитета при университетѣ, Чумаковъ во всѣ эти годы, по назначенію Совѣта, обозрѣвалъ казенныя и частныя учебныя заведенія въ Москвѣ, а также въ губерніяхъ: Смоленской, Тверской, Ярославской, Костромской, Вологодской, Тульской и Орловской. Съ 1827 по 1830 г. включительно былъ деканомъ физико-математическаго отдѣленія. Уволенъ въ отставку, по прошенію, 15-го іюня 1832 г.

Въ печати Ч. извѣстенъ лишь вышедшимъ въ Москвѣ въ 1817—1821 гг. въ 3-хъ частяхъ переводомъ «Курса математики, изданнаго Беллавенемъ, для употребленія въ военныхъ школахъ». (Смирд. 3866) Впрочемъ, С. Шевыревъ на стр. 444.445 Ист. Моск. университета, упоминаетъ про существованіе руководствъ Чумакова по механикѣ съ ея частями, по алгебрѣ, тригонометріи и приложенію алгебры къ геометріи. Когда и гдѣ были напечатаны эти руководства, намъ неизвѣстно.

«Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Имп. Московскаго университета 1756—1855». ч. II. М. 1855 стр. 556—557. С. Шевыревъ. Исторія Имп. Московскаго университета М. 1855 стр. 381, 410, 424, 444, 445, 457, 546, 547», 555. «Русская Старина», 1876 г. т. 15, стр. 55; 1880 г. т. 28, стр. 780; 1887 г., т. 53» стр. 270. (Записки Н. Н. Мурзакевича). Русскій Архивъ, 1887 г.. кн. 1, стр. 341 (Воспоминанія Я. И. Костенецкаго), Дѣло архива Министерства Народнаго Просвѣщенія № 47.055.

П. Мичатекъ.

Чумаковъ, *Өедоръ Өедотовичъ*, яицкій казакъ,—одинъ изъ ближайшихъ сообщниковъ Пугачева, генералъ-фельдцейхмейстеръ, генералъ-квартирмейстеръ и провіантмейстеръ его скопищъ; присоединился въ 1773 г. къ Пугачеву во время осады послѣднимъ Яицкаго городка. Въ это время Чумакову было 45 лѣтъ отъ роду и на государственной службѣ онъ пробылъ уже 30 лѣтъ. Послѣ взятія Илецкаго городка, гдѣ Пугачеву досталось нѣсколько пушекъ, онъ былъ назначенъ начальникомъ артиллерійскаго отряда. Присоединившись къ Пугачеву, не смотря на то, что слышалъ о смерти государя Петра III, равно какъ и о томъ, что бѣглый казакъ Емельянъ Пугачевъ принялъ имя покойнаго императора, и, повидимому, понималъ самозванство его, Чумаковъ при каждой неудачѣ самозванца колебался въ вѣрности къ нему. Такъ было послѣ дѣла подъ Татищевой, подъ Сальниковымъ заводомъ и въ прочихъ случаяхъ. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ пособниковъ Пугачева, въ головѣ которыхъ появилась мысль выдать его;

эту мысль онъ и Твороговъ дѣйствительно и привели въ концѣ концовъ въ исполненіе, и первыми явились съ объявленіемъ о захватѣ самозванца. Расчетъ на помилованіе, которымъ они руководились, вполнѣ оправдался: Чумаковъ, равно какъ и Твороговъ, не смотря на близкую прикосновенность къ бунту и даже звѣрства, которыми отличился первый при взятіи Цивильска, были освобождены отъ всякаго наказанія.

Дубровинъ. «Пугачевъ и его сообщники», тт. I. II. III (указ.). Н. П. Главные пособники Пугачева «Русская Стар.» 1876 г. т. XVI, стр. 489—499; Я. К. Гротъ. Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта». «Приложеніе къ XXV т. «Записокъ Академіи Наукъ», стр. 62, 63, 64, 65, 66, 67, 118, 125—126.

Чумнинъ, *Степанъ*. Вогулъ изъ деревни Ватиной, въ 1735 году представилъ шихтмейстеру Сергѣю Ярцеву нѣсколько кусковъ магнитной желѣзной руды съ горы на берегу рѣки Кушвы, впадающей въ Туру. Начальникъ сибирскихъ и уральскихъ заводовъ Татищевъ оцѣнилъ по достоинству новое открытіе и рѣшилъ не отдавать его въ частныя руки. Въ сентябрѣ 1735 года въ сопровожденіи Чумнина онъ самъ ѣздилъ осматривать магнитную гору и «видя, что оное сокровище подлинно можно благодатію Вышняго назвать того ради самую высшую гору назвалъ Благодать, которое значитъ собственно имя Ея Императорскаго Величества» (т.-е. царствовавшей тогда императрицы Анны Іоанновны, такъ какъ, согласно толкованію календаря, Анна по еврейски значитъ благодать) Чумнинъ въ награду получилъ за сопровожденіе надзирателя лѣсовъ Куроѣдова 2 р. 70 коп. и отъ Татищева 2 рубля. Онъ просилъ, чтобы его наградили еще за открытіе мѣсторожденія, но такъ какъ на это заявлялъ претензію и другой вогулъ Ватинъ, приносившій вмѣстѣ съ Чумнинымъ образцы руды, то Татищевъ велѣлъ разслѣдовать это дѣло. Оказалось, что магнитную гору открылъ еще отецъ Степана Чумнина Анисимъ лѣтъ за семь до того времени. Вслѣдствіе этого Степану Чумнину выдали въ награду еще 20 руб. и хотя было постановлено «да и впредь по усмотрѣніи въ выплавкѣ обстоятельствъ тѣхъ рудъ ему Чумнину надлежащая заплата учинена будетъ», однако онъ кромѣ этихъ 24 руб. 70 коп., болѣе никакой награды за свое открытіе не получилъ.

Во многихъ печатныхъ статьяхъ разсказывается, будто на горѣ Благодати вогулы приносили жертвы своимъ божествамъ, и будто, озлобясь на Чумнина за то, что онъ указалъ русскимъ священное ихъ мѣсто, сожгли его на этой самой горѣ. Но въ архивныхъ дѣлахъ нѣтъ ни одного домумента, указывающаго на подобное событіе. Ни Гмелинъ, осматривавшій гору Благодать въ 1742 году, ни Палласъ, посѣтившій ее въ 1770 году, ни Германъ въ своей горной исторіи, ни Поповъ въ своемъ подробномъ трудѣ— хозяйственномъ описаніи Пермской губерніи, ничего не говорятъ о сожженіи Чумнина. Изъ архивныхъ дѣлъ видно напротивъ, что вогулы ничего не знали о магнитной горѣ до тѣхъ поръ, пока имъ не сказалъ Анисимъ Чумнинъ, умершій въ 1734 году.

Статья Н. Чупина. Объ открытіи первоначальной разработки магнитной горы Благодать «Горный журналъ» 1866 годъ № 11, стр. 317—339, то же «Пермск. губ. Вѣдомости» 1866 г. №№ 76, 77 и 81. Рожковъ. «Бергъ-Компанія».

Чупинъ, *Наркизъ Константиновичъ*. Родился 4-го февраля 1824 г., умеръ въ ночь съ 11-го на 12-е апрѣля 1882 года. Будучи родомъ изъ небогатой семьи горнаго чиновника, Ч. получилъ первоначальное образованіе въ Екатеринбургскомъ уѣздномъ училищѣ. Въ 1838 году онъ поступилъ въ 3-й классъ Пермской губернской гимназіи. Изъ 3-го класса перешелъ прямо въ пятый, а затѣмъ въ 6-й и 7-й. Въ 1842 г. Ч. поступилъ въ Казанскій университетъ, на историко-филологическій факультетъ. Тамъ онъ занимался изученіемъ славянскихъ нарѣчій подъ руководствомъ професс. В. И. Григоровича и готовился одно время къ каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій. За это время пріобрѣлъ онъ свои обширныя лингвистическія познанія, и не оставлялъ занятія языками до конца своей жизни. Читалъ онъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ, не исключая испанскаго. Зналъ также еврейскій, турецкій, персидскій и арабскій языки, а впослѣдствіи учился китайскому. Латинскій и греческій языки зналъ онъ въ совершенствѣ. Съ историко-филологическаго факультета Ч. перешелъ на естественный, а затѣмъ на камеральный,

который и окончилъ со степенью кандидата за диссертацію: «Обзоръ горнаго законодательства». Окончивъ курсъ университета, онъ получилъ мѣсто дѣлопроизводителя канцеляріи начальника Уральскаго хребта. Уже въ университетѣ онъ работалъ по исторіи и географіи Урала, здѣсь же, на своемъ новомъ мѣстѣ, онъ, помимо должности, занимался въ архивахъ и слѣдилъ за положеніемъ народнаго образованія въ горнозаводскихъ округахъ Урала. Въ 1853 г. онъ получилъ мѣсто инспектора и преподавателя Уральскаго горнаго училища, а въ 1862 г. — управляющаго этимъ училищемъ. Это мѣсто онъ занималъ до самой смерти. За все время своего пребыванія на Уралѣ, Ч. написалъ и напечаталъ много статей, касающихся исторіи, географіи, статистики и этнографіи Урала. Онъ былъ извѣстенъ, какъ лучшій знатокъ края, и къ нему непремѣнно обращались почти всѣ ученые, изучавшіе Уралъ и проѣзжавшіе черезъ Екатеринбургъ. Въ началѣ 60-хъ годовъ въ Перми образовался литературный кружокъ, начавшій изданіе «Пермскаго Сборника». Во II томѣ этого журнала Ч. помѣстилъ первую свою работу, касающуюся Урала: «Указатель сочиненій, въ которыхъ заключаются географическія и статистическія свѣдѣнія о Пермской губ.». Въ 1870 г. въ Екатеринбургѣ по инціативѣ О. Е. Клеръ возникло Уральское Общество любителей естествознанія. Ч. и въ немъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ и постояннымъ сотрудникомъ издаваемыхъ этимъ Обществомъ «Записокъ». Съ 1873 г. «Сборникъ Пермскаго земства» началъ издавать въ приложеніяхъ самую крупную работу Чупина, а именно: «Географическій и статистическій словарь Пермской губ.». Ничтожныя субсидіи, выдаваемыя земствомъ знаменитому ученому, а также споры на земскихъ собраніяхъ о томъ, насколько полезно для края изданіе словаря, показываютъ ясно, какъ мало цѣнили окружающіе люди знанія и труды Чупина. Этотъ словарь былъ доведенъ Чупинымъ до буквы М. Послѣ смерти его были изданы еще два выпуска; одинъ, заключающій въ себѣ букву Н, другой, необработанный, заключающій въ себѣ отрывочныя свѣдѣнія по нѣкоторымъ остальнымъ буквамъ алфавита. Въ «Географическомъ и статистическомъ словарѣ Пермской губерніи» собраны почти всѣ свѣдѣнія, касающіяся края, и трудъ этотъ по справедливости считается лучшей работой по изученію Пермской губерніи. Въ личной своей жизни Чупину пришлось перенести много непріятностей, особенно въ началѣ своей дѣятельности, когда онъ пріѣхалъ на Уралъ, только что окончивъ курсъ университета. Во главѣ управленія стоялъ тогда нѣкто Г., артиллерійскій генералъ, человѣкъ мало образованный и очень недалекій. Онъ грубо обращался со своими подчиненными, говорилъ имъ «ты» и т. п. Злоупотребленія и взяточничество процвѣтали. И вотъ въ такой-то обстановкѣ Ч. долженъ былъ заниматься наукой. Но если начальство и окружающіе плохо цѣнили его, то въ ученомъ мірѣ Ч. пользовался большимъ уваженіемъ. Онъ былъ почетнымъ членомъ Пермскаго и Нижегородскаго статистическихъ комитетовъ, дѣйствительнымъ членомъ Уральскаго Общества любителей естествознанія, членомъ-сотрудникомъ Императорскаго географическаго Общества и Казанскаго Общества естествоиспытателей, членомъ-корреспондентомъ Общества любителей русской древней письменности и уполномоченнымъ IV археологическаго съѣзда въ Казани. Статьи свои Ч. печаталъ въ «Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Пермскомъ Сборникѣ (издававшемся Д. Д. Смышляевымъ), въ «Сборникѣ Пермскаго земства», въ «Екатеринбургской Недѣлѣ», въ «Запискахъ Уральскаго Общества любителей естествознанія», въ «Ирбитскомъ Ярмарочномъ Листкѣ», въ «Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», «Горномъ Журналѣ», «Русской Старинѣ» и «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Въ послѣдніе годы его жизни здоровье Ч. расшаталось. Онъ страдалъ отъ катарра желудка и постоянныхъ лихорадокъ. Сидячая жизнь окончательно сгубила его, и въ ночь съ 11-го на 12-е апрѣля 1882 г. Ч. скончался. Русская печать почтила его память многочисленными некрологами и статьями, посвященными воспоминаніямъ о немъ. Онъ напечаталъ въ русскихъ журналахъ слѣдующія статьи:

Въ «Пермск. Губ. Вѣдомостяхъ»: «Къ исторіи города Кунгура», 1870 г., №№ 2 и 3. «Письмо главнаго начальника Уральскихъ

и Сибирскихъ заводовъ Генина къ графу Ѳ. М. Апраксину о строеніи Екатеринбурга и о прочемъ», 1866 г., № 89. «Первое празднованіе именинъ Екатеринбурга 24-го ноября 1723 г.», 1874 г., № 1. «Къ исторіи города Екатеринбурга», 1873 г., №№ 32 и 33. «Исторія гор. Екатеринбурга», 1864, №№ 26—28. «Полуторастолѣтіе Екатеринбурга», 1873 г., №№ 53—60, 63, 64 79—86. «Челобитная царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ отъ жителей Сибирскихъ слободъ и башкирцевъ», 1868 г., №№ 12—15. «Объ открытіи и первоначальной разработкѣ магнитной горы Благодати», 1866 г., №№ 86—79. «О началѣ монетнаго дѣла въ гор. Екатеринбургѣ», 1870 г., № 51. «О Богословскихъ заводахъ и о заводчикѣ Походяшинѣ», 1872 г., №№ 30—34, 37, 41—46, 51, 52. «Историческія свѣдѣнія о бывшихъ Кунгурскихъ заводахъ», 1866 г., №№ 61—62. Василій,, Никитичъ Татищевъ; жизнь его «съ 1722 по 1734 годъ», 1867 г., №№ 61—63, 65, 68. 69, 73—74, 77—81, 83 и 88». «Василій Никитичъ Татищевъ и первое управленіе его Уральскими заводами» 1867 г., №№ 13, 14, 16, 17, 21, 22, 25, 26. «Членъ Екатеринбургской горной канцеляріи М. М. Башмаковъ и дѣйствіе его во время Пугачовщины», 1869 г., 52, 53, 59—61. «Дополненіе и поправка къ предыдущей статьѣ», 1869 г., № 86. «Челобитная крестьянскихъ дѣвушекъ 1700 г.», 1873 г., № 16 и 17. «Примѣчанія и поясненія къ челобитной» 1868 г., №№ 12, 13 и 15. «Примѣры служебныхъ перекоровъ въ прошломъ столѣтіи», 1873 г., №№ 27, 40, 42 и 43. «О нѣкоей исторической будто бы запискѣ», 1870 г., №№ 53, 60—64. «Дополненіе къ предыдущей статьѣ», 1871 г., №№ 16—18. «Еще о продажѣ казенныхъ заводовъ», 1861 г., № 46. «Извѣстія о Пермской губ. въ Шанхайской газетѣ», 1866 г., № 64—65. «Диковинная книжка о Пермской губерніи» (разборъ труда Н. Ѳ. Штукенберга), 1867 г. №№ 51 и 52.

Въ «Пермскомъ Сборникѣ»: «Указатель сочиненій, въ которыхъ заключаются географическія и статистическія свѣдѣнія о Пермской губерніи», томъ II, приложеніе.

Въ «Сборникѣ Пермскаго земства»: «О мѣстахъ жительства и образѣ жизни вогулъ» (по Альквисту), 1874 г., № 1. «Географическій и статистическій словарь Пермской губерніи», въ приложеніяхъ къ «Сборнику» съ 1873 года.

Въ «Екатеринбургской Недѣлѣ»: «Инструкціи, данныя первому полицеймейстеру г. Екатеринбурга», 1879 г., № 6.

Въ «Запискахъ Уральскаго Общества любителей естествознанія: «Замѣтка о статьѣ д-ра Барановскаго: «Пещера дружбы», 1874 г., № 1. «О результатахъ экспедиціи Казанскаго Общества естество-испытателей для изслѣдованія вогулъ», ibid. «Замѣчанія и дополненія къ статьѣ Сусанова о Шайтанскихъ заводахъ г. Берга», 1876 г., № III. «Замѣтка къ статьѣ г. Островскаго: «Вотяки Казанской губерніи», 1876 г., т. II, «Путешествіе по Уралу Гумбольда, Эренберга и Розе въ 1829 г.» Переводъ съ нѣмецкаго, съ дополненіями и примѣчаніями, 1873 и 1878 г.

Въ «Ирбитскомъ Ярмарочномъ Листкѣ»: «Ирбитъ и Ирбитская ярмарка въ 1734 г.», 1864 г., № 22. «О дорогахъ изъ Европейской Россіи въ прежнее время», 1869 г., №№ 15, 19 и 20. «О нѣкоторыхъ старинныхъ дорогахъ изъ Европейской Россіи въ Сибирь», 1872 г., №№ 15—25. «Кое-что о Красной слободѣ Ирбитскаго уѣзда, о тамошней сторонѣ и о тамошнихъ вогулахъ», 1878 г. № 17. «О цѣнахъ на разные предметы въ Пермской губ. 80 лѣтъ назадъ», 1866 г., № 18. «Къ исторіи г. Ирбита и Ирбитской ярмарки», 1867 г., №№ 3, 9, 12 и 13. «О торговыхъ путяхъ изъ Прикамской страны въ Печорскій край», 1875 г., №№ 3, 7, 8, 13, 14. «Просьба, поданная отъ сибирскихъ купцовъ главному начальнику Уральскихъ заводовъ въ 1734 г. объ основаніи Ирбитской и Екатеринбургской ярмарокъ», 1870 г., № 19. «О цѣнахъ на разные товары на Ирбитской ярмаркѣ», 1870 г., № 19. «Свѣдѣнія о судоходствѣ рѣки Ницы въ XVI и началѣ XVII вѣка», 1871, № 17. «О Соликамско-Верхотурской дорогѣ въ XVI и XVII столѣтій», 1871 г., №№ 18 и 19. «О приказчикахъ Ирбитской слободы и начальникахъ ихъ, Верхотурскихъ воеводахъ», 1872 г., № 25. «По поводу статьи св. Удинцева изъ Кирчинскаго села», 1875 г., № 23.

Въ «Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ»: «Геологическое путешествіе по Россіи Мурчисона, де-Вернеля и гр. Кейзерлинга», 1846 г., №№ 11—17. (Вышло

также отдѣльной брошюрой). «Горнозаводская промышленность въ Россіи вообще и въ Казанской губ. въ особенности», 1847 г., №№ 29—31, 33, 34, 49—51; 1848 г., №№ 4 и 7. «Обзоръ книгъ и журнальныхъ статей, заключающихъ въ себѣ географическія и статистическія свѣдѣнія о Казанской губерніи», отд. I—«Записки путешественниковъ русскихъ и иностранныхъ». 1851 г., №№ 10—27. (Вышло отдѣльной брошюрой).

Въ «Горномъ Журналѣ»: «Отдача казенныхъ заводовъ въ частныя руки въ прошломъ столѣтіи», 1861 г., № 2. «О производительности Воткинскихъ казенныхъ желѣзныхъ заводовъ», 1862 г., № 3. «Рудники округа Екатеринбургскихъ горныхъ заводовъ», 1862 г., № 4. «Объ открытіи и первоначальной разработкѣ магнитной горы Благодати», 1866, т. 2. «О началѣ и развитіи горныхъ промысловъ въ Богословскомъ Уралѣ», 1873 г., №№ 4—6. «О времени построенія Серебряныхъ и нѣкоторыхъ другихъ заводовъ», 1873 г., № 3. «Записка о горномъ управленіи и горномъ промыслѣ на Уралѣ въ царствованіе Александра I-го, составленная по порученію ученаго горнаго комитета», 1878 г., № 1 и 3. «Статистическое описаніе Воткинскаго завода», 1861 г., № 2.

Въ «Русской Старинѣ»: «Пугачевщина. О разореніи Вознесенскаго мѣднаго завода», 1872. «Пугачевщина, новые матеріалы для исторіи», 1875 г., № 2. «Къ исторіи суевѣрій русскаго народа 1723 г.», 1875 г., № 9. «Челобитная на заводчика Ак. Ник. Демидова въ 1721 г.», 1878 г., № 10. «Сожженіе на кострѣ въ Екатеринбургѣ въ 1738 г.», ibid. «Донесеніе о поджогѣ лѣсовъ башкирцами въ 1757 г.», ibidem. «Возраженіе на статью М. И. Семевскаго: Егоръ Столѣтовъ».

Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»: «Библіотека В. Н. Татищева», 1860 г., № 203.

Некрологи Наркиза Константиновича Чупина въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ (1882 г., № 6), въ „Извѣстіяхъ Императорскаго географическаго Общества“ (1882 г., вып. IV, статья М. В. Малахова), въ „Екатеринбургской Недѣлѣ“ (1882, № 15) и въ „Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ (1882 г., № 31).

С. Давиденковъ.

Чуповъ, *Василій Филипповичъ* путешественникъ. Будучи родомъ изъ Архангельска, Ч. всю свою жизнь не выѣзжалъ никуда, кромѣ Бѣлаго моря и Ледовитаго океана. Въ экспедиціяхъ, отправлявшихся въ Ледовитый океанъ для изученія неизслѣдованныхъ мѣстностей и особенно Новой Земли, онъ участвовалъ 3 раза. Первый разъ онъ сопровождалъ, въ качествѣ старшаго фельдшера, 2-ю экспедицію подпоручика Корпуса флотскихъ штурмановъ П. К. Пахтусова, отправившуюся въ 1834 г. для описи Восточнаго берега Новой Земли и зимовавшую на Новой Землѣ въ 1834—35 году. За все время этого путешествія Ч. велъ свой дневникъ, касающійся медицинской и гигіенической стороны полярныхъ экспедицій. Этотъ дневникъ, отпечатанный уже послѣ смерти Чупова участникомъ экспедиціи С. Огородниковымъ, подъ названіемъ: «Замѣчанія о происхожденіи и предотвращеніи болѣзненныхъ припадковъ», содержитъ въ себѣ цѣнныя указанія и обнаруживаетъ въ авторѣ наблюдательность, а также запасъ знаній, довольно крупный для фельдшера 30-хъ годовъ. Какъ сѣверный уроженецъ, Ч. зналъ, что нужно для того, чтобы избѣжать постоянной болѣзни всѣхъ полярныхъ путешествій, цынги, и такъ какъ Пахтусовъ поручилъ ему набрать экипажъ для своей экспедиціи, то онъ и завербовалъ самыхъ сильныхъ и здоровыхъ людей. Тѣмъ не менѣе, скоро послѣ отправленія, которое было 1-го августа, Ч. сталъ замѣчать въ матросахъ необычную сонливость. Онъ пробовалъ тѣ средства, которыя были въ его распоряженіи,—такъ, онъ предложилъ Пахтусову примѣшивать къ винной порціи экстрактъ изъ сосновыхъ шишекъ съ трехлистникомъ, давать чай и теплый сбитень но ничего не помогало. Лишь на Новой Землѣ, когда экипажъ сошелъ на сушу, охотился, купался и т. д., «получилась естественная живость, и сонливость его тогда же прошла». Далѣе на Маточкиномъ Шарѣ Чуповъ находитъ и собираетъ про запасъ «Cochlear» (ложечную траву). Постоянно записываетъ онъ температуру и при сильномъ пониженіи ея прописываетъ экипажу какія-нибудь согрѣвающія средства. Когда 22-го сентября рѣшено было зимовать и приступили къ постройкѣ избы, Ч. измѣряетъ ея размѣры, а для «очищенія воздуха отъ гнилости» употребляетъ «хлориновую известь» и другія средства.

Послѣ вымерзанія небольшого озерка, гдѣ брали раньше воду, стали брать ее въ другомъ мѣстѣ, но это вредно отразилось на состояніи здоровья экипажа. Тогда Ч. «сдѣлалъ химическое надъ водою испытаніе и, найдя въ оной известковые осадки, объявилъ начальнику экспедиціи, что сей воды нельзя употреблять въ пищу» и т. п. Въ заключеніе своихъ «Замѣчаній» Ч. говоритъ вообще объ условіяхъ, необходимыхъ для сохраненія здоровья экипажа въ полярныхъ экспедиціяхъ, и, главнымъ образомъ, о необходимости имѣть съ собой большой запасъ хорошей и разнообразной пищи, хорошій и просторный срубъ для избы на случай зимовки и экипажъ, составленный изъ здоровыхъ и сильныхъ людей. «Медикаменты же въ излишествѣ не нужны, кромѣ средствъ противоцынготныхъ, на случай простуды и нервной болѣзни и водянки. Но, повторяю, необходимѣе всего слѣдуетъ устроить сухое, прочное жилище и, главное, съ банею.» Такимъ образомъ мы видимъ, что Ч. съумѣлъ понять и оцѣнить первенствующее значеніе гигіены, какое она имѣетъ въ вопросѣ о здоровьѣ полярныхъ путешественниковъ.

Впослѣдствіи, въ 1836 г. Чуповъ былъ снова взятъ въ плаваніе Цивольскаго, участникомъ 2-ой экспедиціи Пахтусова. Въ 1840 г. Чуповъ поступилъ на службу по таможенному вѣдомству и служилъ частью въ Архангельскѣ, частью на Кольскомъ полуостровѣ. Въ 1860 году былъ уволенъ со службы съ чиномъ титулярнаго совѣтника. Умеръ въ Архангельскѣ въ 1873 г. и погребенъ на Соломбальскомъ кладбищѣ.

«Морской Сборникъ» 1876, статья С. Огородникова «Зимовье Пахтусова на Новой Землѣ», заключающая дневникъ Чупова; «Записки Гидрографическаго Департамента Морского Министерства» за 1844 г. Отчетъ о 2-ой экспедиціи «Пахтоусова». *С. Давиденковъ*

Чурай, *Маруся* (Марья) *Гордѣевна,* слагательница малороссійскихъ пѣсенъ. По преданію — отецъ ея былъ урядникомъ (сотникомъ?) Полтавскаго полка и въ числѣ прочихъ былъ сожженъ на кострѣ въ Варшавѣ въ 1648 году, выказавъ при этомъ геройское мужество. Маруся, по преданію, родилась въ 1628—9 году въ Полтавѣ и, послѣ смерти отца, проживала съ матерью, женщиной уже пожилыхъ лѣтъ, въ пригородной слободѣ около этого города, на берегу р. Ворсклы, въ небольшой хаткѣ. Они были ни богаты, ни бѣдны, но руки Маруси добивались первѣйшіе богатые женихи Полтавы, ибо она была дочерью героя и, отличаясь необыкновенной красотою, славилась умѣньемъ пѣть и импровизировать на вечерницахъ. Болѣе всѣхъ жениховъ полюбилъ Марусю молодой казакъ Искра, но она любила другого казака—Григорія Остапенка. Послѣдній пошелъ въ походъ противъ поляковъ, а вернувшись оттуда, измѣнилъ Марусѣ, несмотря на клятвы жениться на ней, сговоренъ былъ на Ганкѣ, богатой Полтавской казачкѣ, и осенью 1648 года женился. Тогда Маруся изъ ревности отравила его, созналась въ этомъ и была приговорена къ смертной казни (1648—9 г.), но, по преданію, въ рѣшительную минуту, когда ее собирались уже казнить, прискакалъ Искра съ универсаломъ Богдана Хмельницкаго, которымъ она получала прощеніе во вниманіе къ заслугамъ ея отца и ради ея «сладкихъ пѣсенъ». Затѣмъ, преданія о дальнѣйшей судьбѣ Маруси не согласуются между собой. По однимъ—она захирѣла и въ тотъ же (1648—9) годъ умерла въ чахоткѣ; по другимъ—она пошла странствовать и погребла себя въ одномъ изъ русскихъ монастырей. Изъ пѣсенъ, положительно ей приписываемыхъ, наиболѣе извѣстны: 1) «Віють вітры, віють буйни»; 2) «Ой, не ходы, Грицю, на вечерници»; 3) «Грицю, Грицю, до работы! Въ Грица порваны чоботы»; 4) «Сидыть голубь на березі, голубка на вишни»; 5) «Засвисталы козаченькы въ походъ съ полуночи»; 6) «Катылыся возы съ горы, да въ долині сталы» и другія.

А. Шкляревскій, „Маруся Чурай", въ „Пчелѣ" 1877 г. № 45, стр. 711—712; князь А. А. Шаховской, „Маруся, малороссійская Сафо", въ I томѣ сборника „Сто русскихъ литераторовъ", С.-Пб., 1839 г.; князь Н. Н. Голицынъ, „Біографическій словарь русскихъ писательницъ", С.-Пб., 1889 г., стр. 271—3; „Сочиненія В. Бѣлинскаго", т. III, М. 1859, стр. 61—62. *В. Гарскій.*

Чуриловъ, *Михаилъ Петровичъ,* молодой ученый, писатель по статистикѣ. Родился въ 1854 г. Умеръ 1-го іюля 1878 г. въ С.-Петербургѣ. Воспитывался въ Курской Гимназіи, но курса тамъ не окончилъ. Сдавъ экзаменъ на аттестатъ

зрѣлости при одной изъ харьковскихъ гимназій, Чуриловъ въ 1871 г. поступилъ въ Харьковскій Университетъ на физико-математическій факультетъ. По семейнымъ обстоятельствамъ онъ вскорѣ долженъ былъ перейти въ Петербургскій Университетъ. Занятія естественными науками мало привлекали Чурилова и, оставивъ ихъ, онъ уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ занялся изученіемъ статистики. Первыя статьи его печатались въ одномъ спеціальномъ парижскомъ журналѣ; особенное вниманіе на себя обратила его статья «О причинахъ вырожденія рода человѣческаго», вышедшая впослѣдствіи отдѣльной брошюрой на французскомъ языкѣ. Возвратясь въ Россію, Чуриловъ сотрудничалъ въ «Словѣ», гдѣ помѣстилъ статью «Объ историческомъ значеніи военнаго подбора». Статья эта обратила вниманіе Дарвина и онъ прислалъ автору сочувственное письмо.

«Новое Время» 1878 г., № 842; «Голосъ» 1878 г., № 184; журналъ «Слово» 1878 г., № 8, стр. 228.

Н. Горчаковъ.

Чуровскій, *А.* Біографическихъ свѣдѣній не имѣется. Имъ написаны: 1) «Дворянскіе выборы». Характеристическая картина въ четырехъ главахъ. Москва. 1834 г., 27 стр. Книжка эта написана стихами топорной работы. Авторъ, видимо, хотѣлъ набросать сатирическую картину, но это ему рѣшительно не удалось. Вѣдьма или страшныя ночи за Днѣпромъ». Русскій романъ, взятый изъ народнаго преданія. М. 1834 г., 3 части; 3) «Черной Конецъ или заднѣпровскій хуторъ, у Лунной горы». Русскій романъ изъ временъ Петра Великаго. М. 1833 г.; 3 части. Эти романы—подражаніе произведеніямъ Н. И. Греча. Въ нихъ много несообразностей и фантастическаго элемента, историческій колоритъ во второмъ романѣ не выдержанъ. Попытки автора ввести народность—смѣшны по языку его героевъ изъ народа. Произведенія эти въ свое время были оцѣнены по достоинству.

«Молва» 1835 г., №№ 5 и 17.

Вяч. А. Вод.

Чучей-тайша *Тонтудовъ,* намѣстникъ калмыцкаго ханства съ 1800 г., умеръ въ 1803 году. По переходѣ Дербетовскихъ калмыковъ на нагорную сторону Волги, между ними произошли разныя разстройства. Большая часть ихъ удалилась въ земли Донскихъ казаковъ, а оставшіеся раздѣлились на двѣ части, при чемъ меньшая часть избрала себѣ нойономъ Чучея. Такимъ образомъ возникъ Малый Дербетовскій улусъ. Всѣ эти перемѣны сопровождались народными волненіями и смутами, что и достигло до свѣдѣнія правительства. Виновниками волненій и безпорядковъ были объявлены Чучей и лама Соебынгъ. Оба эти лица были вызваны въ 1779 г. въ Петербургъ. Здѣсь Чучей успѣлъ оправдаться и исходатайствовать себѣ и калмыцкому народу разныя милости. Именнымъ указомъ Императора Павла І-го 14-го октября 1800 г. Чучей былъ возведенъ въ званіе намѣстника хана; ему были пожалованы сабля, панцырь и шапка, а по смерти Чучея въ 1803 г., его личныя права, а также права дарованныя калмыкамъ, подтвержденныя указомъ Императора Александра І-го 26-го октября 1801 г., не возобновлялись и самое званіе намѣстника было упразднено.

Трехлѣтнее управленіе Чучея не могло водворить порядка въ калмыцкомъ народѣ, поэтому еще при жизни Чучея и по его личной просьбѣ въ 1802 г. было Высочайше повелѣно заняться введеніемъ порядка въ управленіи калмыками, соотвѣтствующаго духу и быту этого народа—однако, приведено это было въ исполненіе много лѣтъ спустя послѣ смерти Чучея.

«Историческія и статистическія свѣдѣнія о калмыкахъ». Костенкова, Спб., 1870 г.; «Астраханскія Губерн. Вѣд.» 1860 г. «Краткій очеркъ административнаго устройства астраханскихъ калмыковъ», Ив. Черкесовъ.

В. Ахтямовъ.

Чуйко-Оверинъ, *Митрофанъ Ивановичъ,* малоизвѣстный драматургъ, родился въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ ноябрѣ 1845 года, въ небогатомъ семействѣ. Образованіе онъ получилъ домашнее и, какъ говорится, на мѣдные гроши. Дѣтство и юность его были весьма безотрадныя. Онъ терпѣлъ нужду и лишенія, борясь изъ-за куска хлѣба. На двадцатомъ году жизни матеріальныя средства его нѣсколько улучшились съ поступленіемъ въ контору заводовъ Колчина. Получая весьма скромное жалованье и полутемную конуру, онъ, страстно любя театръ, началъ усиленно

работать надъ своимъ самообразованіемъ. По окончаніи конторскихъ занятій, онъ просиживалъ цѣлыя ночи напролетъ въ своей убогой комнаткѣ, изучая русскую литературу, не пропуская ни одного журнала и газеты (въ конторѣ получались почти всѣ журналы и газеты, издававшіеся въ Россіи). Чуйко писалъ очень много корреспонденцій въ разныя газеты, особенно о Нижегородскомъ театрѣ, судьба котораго его сильно интересовала. Онъ написалъ нѣсколько пьесъ, которыя пользовались большимъ успѣхомъ на провинціальныхъ сценахъ. Свою литературную дѣятельность Чуйко началъ съ 1870 г. Пьесы, написанныя имъ, слѣдующія: «Ослушница», ком. въ 4-хъ дѣйствіяхъ; «Преступница», др.: «Кандидатка на каторгу», др.; «Дѣтоубійца», др.; «Жизнь и смерть», др. и другія. Умеръ Чуйко-Оверинъ отъ чахотки, въ Нижнемъ-Новгородѣ, 4-го марта 1885 года.

«Театръ и жизнь», №№ 71 и 73; 1885 г. (Некрологъ М. И. Чуйко-Оверина); Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. V. *Александръ Ивановъ.*

Ш.

Шааръ, *Адріана* (Adriana van-der-Schaar), первая по времени придворная акушерка. Уроженка Голландіи, она на родинѣ ознакомилась съ повивальнымъ искусствомъ и, пріѣхавъ въ Россію, вскорѣ пріобрѣла широкую популярность среди петербургскаго населенія, какъ опытная и знающая акушерка. 9-го мая 1754 года она была назначена придворной акушеркой, причемъ ей предписано было безотлучно быть въ свитѣ цесаревны Екатерины Алексѣевны (впослѣдствіи императрицы Екатерины II-й), ожидавшей вскорѣ рожденія ребенка, котораго (это былъ императоръ Павелъ I-й) Шааръ и принимала. Затѣмъ, до самой смерти она состояла придворной акушеркой.

«Протоколы засѣданій Общества русскихъ врачей въ Петербургѣ» 1858—1859 гг., ст. Я. Чистовича; «Учрежденіе акушерскихъ школъ для повивальныхъ бабокъ въ Россіи» (матеріалы для исторіи медицинскихъ учрежденій въ Россіи) стр. 285.

Е. Я.

Шабалинъ, *Гавріилъ Андреевичъ*,— штабъ-лѣкарь, писатель. Родился въ 1795 году и происходилъ изъ духовнаго званія. Воспитаніе получилъ сначала въ духовной семинаріи, откуда въ 1816 г. перешелъ въ число казеннокоштныхъ воспитанниковъ Петербургской Медико-Хирургической Академіи. Выпущенный въ 1821 году изъ академіи со званіемъ лѣкаря II-го отдѣленія и съ назначеніемъ въ Оренбургскій военный госпиталь. Шабалинъ въ 1825 году напечаталъ въ «Военно-медицинскомъ журналѣ» (1825 г., ч. V-я) «Описаніе Сергіевскихъ минеральныхъ водъ», за что былъ удостоенъ званія штабъ-лѣкаря. Шабалинъ скончался въ Оренбургѣ въ 1826 году, на 32 году отъ рожденія.

Л. Ѳ. Змѣевъ «Русскіе врачи-писатели» вып. I, Спб., 1886 г., тетрадь II, стр. 162—163; «Русскій медицинскій списокъ» на 1825 г., стр. 205 и на 1827 г., стр., 217.

Шабельскій, *Иванъ Петровичъ*, генералъ-отъ-кавалеріи, родомъ изъ дворянъ Екатеринославской губ., родился въ 1796 г.; воспитывался въ Институтѣ корпуса путей сообщенія и въ 1811 г. выпущенъ прапорщикомъ въ Корпусъ инженеровъ путей сообщенія. Въ 1812 году онъ былъ отправленъ въ I-ую западную армію, сосредоточенную въ то время въ Дриссенскомъ лагерѣ, и былъ прикомандированъ къ отдѣльному корпусу графа Витгенштейна; принимая дѣятельное участіе въ саперныхъ и инженерныхъ работахъ, участвовалъ въ сраженіяхъ при Клястицахъ, Сбольнѣ, находился въ авангардѣ генерала Власова при преслѣдованіи французовъ къ Полоцку и, наконецъ, участвовалъ въ штурмѣ и взятіи этого города. Во время штурма Ш. подъ картечными выстрѣлами непріятелей навелъ 2 понтонныхъ моста для нашихъ войскъ, чѣмъ способствовалъ своевременному ихъ прибытію къ мѣсту боя и взятію города. Въ качествѣ сапернаго офицера Ш. исполнялъ неоднократно порученія начальника штаба генерала Довре, производя съ летучими отрядами рекогносцировки и поиски въ предѣлахъ непріятельскаго расположенія. Замѣченный, какъ храбрый и распорядительный офицеръ, Ш. въ теченіе кампаніи 1812 г. получилъ за отличіе чины подпоручика и поручика и орденъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ.

Оставленный въ Полоцкѣ для снятія плана мѣстности, на которой происходили сраженія, Ш. догналъ главную квартиру подъ Вильной и тотчасъ же былъ назначенъ въ авангардъ въ качествѣ офицера по квартирмейстерской части, къ генералу Шепелеву, съ которымъ, преслѣдуя непріятеля, вступилъ въ предѣлы Пруссіи и участвовалъ въ сраженіи при Лабіау, во взятіи Кенигсберга, въ дѣлахъ подъ Браунсбергомъ, Эльбингомъ и др.; наградой ему былъ капитанскій чинъ. Въ слѣдующемъ году Ш. былъ вытребованъ въ главную квартиру и назначенъ адъютантомъ при генералѣ Довре, по просьбѣ этого послѣдняго, знавшаго Ш. съ самой лучшей стороны и аттестовавшаго его, какъ человѣка храбраго, свѣдущаго, исполнительнаго и обладающаго большими тактическими способностями, каковыя призналъ и король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ, когда въ дѣлѣ подъ Бауценомъ 19-ти лѣтній Ш. предложилъ генералу Довре планъ сраженія, основанный на фланговомъ обходномъ движеніи французскаго отряда; благодаря тому, что Довре долго колебался, весь планъ Ш. не могъ быть приведенъ въ исполненіе, но и осуществленный только въ частяхъ онъ далъ положительный результатъ. Фридрихъ-Вильгельмъ прислалъ за это Ш. знаки ордена «Pour le Mérite» и свое благоволеніе «за столь похвальныя качества военнаго взгляда». Съ генераломъ Довре Ш. участвовалъ въ сраженіяхъ при Люценѣ, Бауценѣ, Дрезденѣ, въ трудномъ отступленіи нашихъ войскъ къ Теплицу и затѣмъ во всѣхъ дѣлахъ подъ Лейпцигомъ, закончившихъ этотъ періодъ кампаніи. За отличіе онъ былъ награжденъ орденами св. Анны 3-й и 2-й степени и переведенъ въ гвардію, въ Семеновскій полкъ, тѣмъ же чиномъ. Со вступленіемъ на территорію Франціи Ш. принималъ участіе въ дѣлахъ при Жоенвилѣ, Нанжи, Баръ-Сюръ-Объ, Фершампенуазѣ, Лабруселѣ, Труа, Арси-Сюръ-Объ и во взятіи Парижа. По вступленіи нашихъ войскъ въ Парижъ Ш. былъ представленъ къ чину полковника, но отказался отъ этого представленія, считая себя слишкомъ молодымъ для такого чина; представленіе было отмѣнено, а Иванъ Петровичъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени съ брилліантами и золотымъ оружіемъ съ надписью: «за храбрость». Произведенный въ 1817 г. въ полковники, Ш. былъ переведенъ въ кавалерійскій Дерптскій конно-егерскій полкъ, а въ слѣдующемъ году былъ отправленъ въ Варшаву подъ начальство Цесаревича для прохожденія школы верховой ѣзды и для ознакомленія со всѣмъ тѣмъ, что тогда вводилось новаго по фронтовой части. Черезъ три года Иванъ Петровичъ получилъ въ командованіе Нижегородскій драгунскій полкъ и съ нимъ принялъ дѣятельное участіе въ Персидской войнѣ 1826 — 1827 гг., состоя начальникомъ авангарда въ отрядѣ гр. Паскевича, уже въ чинѣ генералъ-маіора, полученномъ незадолго до начала войны. Лихая, молодецкая дѣятельность Ш. въ этой должности доставила ему Георгія 4-й степени, золотую шпагу съ брилліантами и Владиміра 3-й степени; особенно онъ отличился: въ дѣлѣ 13-го сентября, когда со своими драгунами главнымъ образомъ способствовалъ побѣдѣ незначительнаго отряда нашихъ войскъ надъ 60.000 персидскою арміей, въ экспедиціи за Араксъ, въ походѣ къ Нахичевани, въ осадѣ Сардарь-Абада и во взятіи Эривани. Гр. Паскевичъ высоко цѣнилъ неустрашимое мужество, непоколебимое присутствіе духа и тактическія способности И. П. По окончаніи войны онъ былъ назначенъ командиромъ I-ой бригады 2-ой уланской дивизіи и принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ 1830—1831 г. Послѣ этой кампаніи, въ 1833 г. Ш. былъ назначенъ начальникомъ 6-ой легкой кавалерійской дивизіи и въ 1835 г. «во вниманіе къ отлично-усердной и ревностной службѣ» награжденъ орденомъ св. Анны I-ой степени и «за отличіе по службѣ» былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, затѣмъ командовалъ 4-ой и 2-ой кавалерійскими дивизіями, а въ 1845 г., назначенъ командиромъ 3-го (съ 1851 г. переименованнаго во 2-ой) резервнаго кавалерійскаго корпуса. За этотъ періодъ Ш. удостоился получить большое число Высочайшихъ наградъ и благоволеній и еще болѣе упрочилъ за собой репутацію отличнаго кавалериста и знатока строевого дѣла. Онъ любилъ свое ремесло, основывая его на серьезныхъ и глубокихъ за-

пятіяхъ; онъ изучалъ всѣ отрасли военнаго искусства; съ цѣлью, особенно въ мирное время, доводить ввѣренныя ему войска до возможной степени совершенства. Во время венгерской компаніи 1849 г. Ш. былъ въ заграничномъ походѣ, но въ сраженіяхъ не участвовалъ. Передъ началомъ кампаніи И. П. былъ вызванъ въ Варшаву къ государю для личнаго объясненія о цѣли движенія въ Галицію и государь, выразивъ И. П. свое полное довѣріе, поручилъ ему защиту Галиціи и охраненіе въ ней спокойствія, предоставивъ ему право дѣйствовать вполнѣ самостоятельно и ежедневно посылать донесенія непосредственно Е. В. Насколько Ш. понялъ и выполнилъ планы государя можно судить по тому, что послѣ возвращенія войскъ и неожиданнаго ихъ осмотра по Высочайшему повелѣнію, И. П. получилъ въ высшей степени лестную грамоту и орденъ Александра Невскаго. Въ слѣдующемъ году И. П. былъ произведенъ въ генералы отъ кавалеріи «за отличіе по службѣ», съ оставленіемъ въ прежней должности. Въ 1852 г. Ш. снова удостоился милостиваго рескрипта съ выраженіемъ благодарности и лестной оцѣнки его дѣятельности и съ приложеніемъ брилліантовыхъ знаковъ ордена Александра Невскаго. Въ началѣ Восточной войны И. П. находился при осадѣ Силистріи, а затѣмъ командовалъ всѣми войсками, расположенными въ княжествѣ Молдавскомъ и въ Подольской губерніи, а также и кирасирскимъ корпусомъ; въ ноябрѣ 1854 г. И. П. былъ назначенъ командующимъ войсками въ Одессѣ и окрестностяхъ, а затѣмъ въ апрѣлѣ 1855 г. ему былъ порученъ отрядъ, находившійся подъ Евпаторіей; цѣль и назначеніе этого отряда были существенно важны—ему надлежало держать городъ въ строжайшей блокадѣ, не позволять непріятелю двигаться въ глубь страны, охранять пути нашего сообщенія и вообще весь сѣверо-западный берегъ Крыма и, наконецъ, препятствовать всякому покушенію непріятеля высадиться на этомъ пространствѣ и двигаться къ Перекопу, Симферополю или Севастополю. Ш. настолько удачно справился съ поставленной ему задачей, что впослѣдствіи сами непріятели (французы) удивлялись бдительности этого, въ сущности крайне незначительнаго въ сравненіи съ охраняемой линіей, отряда и быстротѣ въ сборахъ для отраженія непріятельскихъ попытокъ прорваться черезъ линію нашихъ аванпостовъ. Въ томъ же году И. П. былъ назначенъ командиромъ 1-го (впослѣдствіи «отдѣльнаго») резервнаго корпуса и награжденъ орденомъ св. Владиміра 1-ой степени съ мечами при милостивомъ и лестномъ рескриптѣ, а въ слѣдующемъ—вслѣдствіе разстроеннаго здоровья вышелъ въ запасъ съ зачисленіемъ по армейской кавалеріи. Въ 1862 г. ему было разрѣшено носить мундиръ Нижегородскаго драгунскаго полка, а въ 1863 г. онъ получилъ рѣдкую награду—золотую корону къ прусскому ордену «Pour le Mérite», пожалованному ему 50 лѣтъ тому назадъ. Послѣдніе годы И. П. жилъ въ полномъ покоѣ и умеръ 18-го мая 1874 г.

В. Мамышевъ, «Георгіевскіе кавалеры или подвиги кавалеровъ ордена св. великомученика побѣдоносца Георгія, всѣхъ степеней, съ обозрѣніемъ ихъ службы и жизни». Выпуски 5 и 6. С.-Пб. 1861 г., стр. 1—80 (съ портретомъ); Его же: «Русскій генералитетъ или подробныя жизнеописанія генераловъ императорско-россійской службы», т. I,. кн. 1, С.-Пб. 1870 г. «Русскій Инвалидъ» 1874 г №№ 110, 115; 1855 г., № 231; 1858 г., № 137; 146; «Записки поручика Голенковскаго о дѣйствіяхъ евпаторійскаго отряда». «Голосъ»; 1874 г., № 141; «Иллюстрированная газета»; 1874 г., № 21—«Кавказскій Сборникъ», т. I, стр. 211. Тифлисъ. 1876 г. В. Потто, «Исторія 44-го драгунскаго Нижегородскаго Е. И. Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича полка», т. II. С.-Пб. 1893 г., т. III, С.-Пб. 1894 г. (съ портр.); «Справочн. Энцикл. слов. Старчевскаго», XII, 201—202; «Иллюстрированная Недѣля» 1874 г., № 21; «Голосъ» 1874 г., № 141.

Н. Тычино.

Шабельскій, *Павелъ Васильевичъ,* дѣйствительный членъ Главнаго Московскаго Общества Овцеводства и Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи. Первую половину своей жизни Шабельскій провелъ на государственной службѣ. Въ 1812 году указомъ Императора Александра Перваго Павелъ Васильевичъ назначенъ былъ въ помощь бывшему министру внутреннихъ дѣлъ князю Алексѣю Борисовичу Куракину для борьбы съ моровою язвою, а затѣмъ и съ чумою; три года онъ отдалъ этому дѣлу и за успѣшное окончаніе его награжденъ былъ въ 1814 году чиномъ статскаго совѣтника и высочайше

пожалованнымъ пожизненнымъ пенсіономъ.

Въ 1816 году Павелъ Васильевичъ оставилъ службу и, всецѣло посвятилъ себя сельскому хозяйству въ Ростовскомъ уѣздѣ Донской области. Насколько важны его заслуги въ этомъ отношеніи можно судить по тому, что онъ первый завелъ правильное хозяйство въ Задонскомъ краѣ. Послѣдними дѣлами Шабельскаго были устройство артезіанскаго колодца въ городѣ Таганрогѣ и сооруженіе храма во имя Всѣхъ Святыхъ въ византійскомъ стилѣ въ мѣстечкѣ Шабельскѣ, Ростовскаго уѣзда. Но онъ не дожилъ до ихъ окончанія и 16-го іюня 1847 года скончался семидесяти трехъ лѣтъ отъ роду въ одной изъ своихъ деревень Изюмскаго уѣзда.

«Записки Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи» за 1847 годъ, № 8, страницы 158—159; «Одесскій Вѣстникъ» за тотъ же годъ, № 78, страницы 415—416. «Журналъ Сельскаго Хозяйства и Овцеводства» за 1848 годъ, №№ 3—4, страницы 57—61.

А. Баумштейнъ.

Шаблинскій, *Іосифъ*, профессоръ Варшавской консерваторіи, композиторъ. Родился въ Варшавѣ, обучался въ мѣстныхъ школахъ и рано обратилъ на себя вниманіе преподавателей своими музыкальными способностями. Доставивъ себѣ громкую извѣстность своими импровизаціями на волторнѣ и віолончели, Шаблинскій въ 1829 году былъ приглашенъ на должность профессора въ Варшавскую консерваторію. Умеръ Шаблинскій въ Варшавѣ въ 1872 году. Имъ написано нѣсколько композицій, между прочимъ, романсы: «Hortensya» и «La religieuse du couvent».

Sowiński, Albert. «Słownik muzyków polskich». Paryż, 1874, str. 373; Н. Щелковъ. «Очеркъ исторіи высшихъ учебн. завед. въ Варшавѣ».

А. П.

Шабранскій, *Абрамъ-Іосифъ*, предсѣдатель департамента Варшавскаго апелляціоннаго суда, писатель и переводчикъ. Родился въ Ловичѣ въ началѣ XIX столѣтія, умеръ въ Варшавѣ 11-го мая (н. с.) 1882 года. По окончаніи средняго образованія въ Калишѣ, поступилъ на юридическій факультетъ Варшавскаго Александровскаго университета, курсъ котораго и окончилъ со степенью магистра правъ, затѣмъ слушалъ лекціи въ Бреславльскомъ университетѣ. Съ юныхъ лѣтъ Шабранскій съ любовью занимался литературой, и ученическія его произведенія были изданы въ Бреславлѣ еще въ 1826 году въ 2-хъ томахъ. Нѣкоторое время Шабранскій служилъ въ военной службѣ, а въ 1832 году поступилъ въ судебное вѣдомство и вскорѣ достигъ въ немъ должности апелляціоннаго судьи. Въ то же время онъ писалъ мелкія произведенія, которыя помѣщалъ въ разныхъ польскихъ литературныхъ сборникахъ. Въ 1836 году онъ сталъ издавать журналъ «Панорама литературы мѣстной и заграничной» («Panorama literatury krajowej i zagranicznej»), для котораго приготовилъ свои переводы «Фауста» и «Ифигеніи» Гёте, но на 6-мъ выпускѣ долженъ былъ прекратить изданіе, такъ какъ трудности дѣла превышали его силы. Принявъ на себя должность редактора польскаго «Всеобщаго Дневника», онъ руководилъ имъ въ теченіе двухъ лѣтъ. Въ 1840 году онъ предпринялъ вмѣстѣ съ другими лицами изданіе «Варшавской Библіотеки» и первые два года принималъ самое близкое участіе въ редактированіи этого журнала. Достигнувъ въ 1843 году званія предсѣдателя департамента Варшавскаго апелляціоннаго суда, Шабранскій долженъ былъ на нѣкоторое время прекратить занятія литературой, но съ 1864 года мы видимъ его вновь дѣятельнымъ администраторомъ и сотрудникомъ «Варшавской Библіотеки». Въ 1874 году, въ виду сильнаго разстройства здоровья, Шабранскій вышелъ изъ состава редакціи, оставилъ и службу по судебному вѣдомству, и всецѣло отдался предпринятому имъ переводу «Нибелунговъ» и окончанію «Исторіи нѣмецкой литературы XVIII вѣка». Послѣдній трудъ вышелъ въ Варшавѣ въ 1876 году.

«Encyklopedja Powszechna» S. Orgelbranda, изд. 1903 г., т. 14; «Bibliografja Polska XIX stólecia» K. Estreichera; «Biblioteka najcelniejszych utworów» 1881 г.; «Biblioteka Warszawska» 1882 года, т. II, тетр. IV; апрѣль, стр. 506—509.

А. П.

Шавровъ, *Александръ Александровичъ*, секретарь Общества содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, редакторъ-издатель газеты «Биржа» и «Нашъ Вѣкъ», выдающійся публицистъ. По окон-

чаніи образованія А. А. нѣкоторое время служилъ въ военной службѣ. Выйдя въ отставку въ началѣ 1860-хъ гг., онъ всецѣло посвятилъ себя публицистикѣ и сталъ помѣщать въ «Голосѣ» свои статьи и фельетоны по разнымъ экономическимъ и торгово-промышленнымъ вопросамъ. Это было какъ разъ въ разгаръ увлеченія желѣзнодорожными концесіями и разными акціонерными предпріятіями. Обладая крупнымъ публицистическимъ талантомъ и будучи безспорно знатокомъ тогдашняго экономическаго положенія Россіи, Шавровъ со всею своею страстностью обрушивался на то или другое предпріятіе, которое, по его мнѣнію, не имѣло подъ собою прочнаго основанія. Сдѣлавшись секретаремъ Общества содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, Шавровъ посвящалъ много времени этому Обществу — часто дѣлалъ доклады на собраніяхъ общества, редактировалъ его «Труды» и постоянно присутствовалъ на засѣданіяхъ совѣта. Однако, не смотря на то, что эти занятія оставляли ему весьма немного досуга, онъ все-таки не оставлялъ своей публицистической дѣятельности и даже пробовалъ ее расширить, начавъ издавать свой собственный органъ. Такъ, въ 1872 году онъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Николаемъ Александровичемъ Шавровымъ сталъ издавать экономическую газету «Биржа», которая просуществовала около пяти лѣтъ и въ 1877 году прекратилась ввиду недостатка матеріальныхъ средствъ издателей. Вслѣдъ за прекращеніемъ «Биржи» А. А. Шавровъ сталъ издавать ежедневную газету «Нашъ Вѣкъ», но выпустилъ всего лишь 120 нумеровъ. Полное отсутствіе матеріальныхъ средствъ вынудило его прекратить и это изданіе. А. А. Шавровъ скончался 2-го іюня 1879 года. Тѣло его погребено на Смоленскомъ кладбищѣ.

«Голосъ» 1879 г., № 154, некрологъ, стр. 3; «Энциклопедическій Словарь», изд. Брокгауза и Ефрона, т. 77, стр. 90; «Труды Общества содѣйствія русской промышленности и торговлѣ» за 1870—1878 гг.

Е. Я.

Шавровъ, *Александръ Николаевичъ,* протоіерей, законоучитель 1-го Московскаго кадетскаго корпуса, Родился въ концѣ XVIII столѣтія. Образованіе получилъ сначала въ Костромской Духовной Семинаріи, а затѣмъ въ Московской Духовной Академіи, по окончаніи которой возвратился въ Кострому и здѣсь былъ возведенъ въ санъ священника. Вслѣдъ затѣмъ, въ 1824 году онъ былъ назначенъ законоучителемъ 1-го Московскаго кадетскаго корпуса, обязанности коего онъ исполнялъ въ продолженіи 30-ти лѣтъ, до самой своей смерти. Извѣстный въ исторической литературѣ архимандритъ Леонидъ (Левъ Кавелинъ) оставилъ объ о. Александрѣ Шавровѣ прочувствованныя воспоминанія, въ которыхъ, между прочимъ, говоритъ: «И здѣсь (въ 1-мъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ) я былъ столько счастливъ, что встрѣтилъ священника, имя котораго произносится съ глубокимъ уваженіемъ и признательностью всѣми, кто имѣлъ счастье быть его воспитанникомъ, какъ законоучителя, и духовнымъ сыномъ, какъ духовника. Это о. Александръ Николаевичъ Шавровъ. Его ученость была не та сухая педантическая ученость, которая, подобно лунѣ, лишь свѣтитъ, а не согрѣваетъ, но та христіанская ученость, которая убѣждаетъ и трогаетъ силою присущей ей теплой вѣры, которая согрѣваетъ сердца слушателей теплотою оживляющаго ее чувства; его слово почерпало силу не въ однихъ «препретельныхъ человѣческія мудрости словесахъ», но въ словесахъ Того, Кто есть самосущая истина и жизнь, и потому это было слово живое и оживляющее—слово со властью. Такою ученостью и словомъ навсегда останется памятенъ о. Александръ своимъ воспитанникамъ. Уроковъ его мы ждали, какъ голодные—пищи, жаждущіе—питья: они были именно живымъ потокомъ, лившимъ обильно свои струи изъ Богоглаголивыхъ устъ служителя Христова»... «И внѣ классовъ и церкви, каждую, повиднмому случайную встрѣчу съ кѣмъ-либо изъ своихъ воспитанниковъ о. Александръ умѣлъ обратить въ ихъ духовную пользу»... «Основною чертою характера о. Александра была сердечная прямота и откровенность». О. Александръ Шавровъ скончался въ Москвѣ въ 1854 году.

«Душеполезное Чтеніе» 1871 г. № 1, ст. архимандрита Леонида «Воспоминаніе о трехъ русскихъ православныхъ священникахъ», стр. 7—12. М. С. Лалаевъ; «Историческій очеркъ образованія и развитія 1-го Московскаго кадетскаго корпуса 1778—1878 гг.». Спб. 1878 г. стр. 81—86.

Е. Я.

*

Шавровъ, *Егоръ Михайловичъ*, переводчикъ. Образованіе получилъ въ семинаріи и въ Педагогическомъ институтѣ. Находясь въ послѣднемъ, Шавровъ перевелъ съ французскаго языка на русскій «Историческій, генеалогическій, хронологическій, географическій атласъ» Лесажа (С.-Петербургъ 1809 г., 2 части); въ 1813 году Шавровъ перевелъ «Картину революціи Европы»; ему же, вѣроятно, принадлежитъ статья «О пансіонѣ г. Кенигъ въ г. Псковѣ», въ «Псковскихъ Губ. Вѣдом.» 1838 г., № 16 Съ 1808 года Шавровъ былъ учителемъ изящныхъ наукъ и философіи Псковской гимназіи и въ день открытія гимназіи, 2-го іюня 1808 года, произнесъ рѣчь: «Разсужденіе о послѣдствіяхъ пренебреженія наукъ», напечатанную въ «Періодическомъ соч. объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія» 1808 г., № XXII, стр. 220—230, а съ 1816 года по 1838 г.—ея директоромъ; кромѣ того, съ 1828 года онъ занималъ должность директора народныхъ училищъ Псковской губерніи.

«Архивъ Министерства Народнаго Просвѣщенія»; А. Вороновъ, «Историко-Статистич. обозр. учебн. завед. С.-Петербургскаго учебнаго окр.», стр. 105—107 и 187; В. И. Межовъ, «Русская историческая библіографія»; П. Говорливый, «Историч. записка 50-лѣтія Псковск. губ. гимназіи», С.-Пб. 1884 г.

В. Грековъ.

Шавровъ, *Михаилъ Владиміровичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, писатель, родился въ Тверской губ. 5-го сентября въ 1828 году. Первоначальное образованіе получилъ въ Тверской Духовной Семинаріи, а затѣмъ поступилъ въ Московскую Духовную Академію, которую окончилъ въ 1852 году со степенью магистра богословія. Съ 1852 г. по 1864 г. былъ профессоромъ словесности въ Петербургской Духовной Семинаріи. Въ 1864 былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ Св. Синода. Изъ его богословскихъ трудовъ наиболѣе извѣстны: «Православіе». Историческій очеркъ (Дух. Бес. 1859 г., № IX); «Духовное званіе въ Россіи» (Дух. Бес. 1859, № 28); «О священной исторіи прот. Богославскаго» (Дух. Бес. 1859, 50, 51); «О стихотвореніи Глинки Іовъ» (ibid. 48); «О третей книгѣ Эздры, опытъ изслѣдованія о книгахъ апокрифическихъ» (магистерская дисертація). С.-Пб. 1861 г.; «Преосвященный Григорій, митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій» (Дух. Бесѣда, 1860 г., №№ 26 — 30). «Школа фрагментистовъ и ея попытки опровергнуть цѣлость и единство книги Бытія» (ibid. 1862 г., № 17). Умеръ М. В. Шавровъ 20-го іюля 1884 года въ Петербургѣ.

Языковъ, Д. Д. «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей». Прил. къ «Ист. Вѣст.», вып. IV, 1884 г.; М. Смирновъ. «Исторія Московской Духовной Академіи». 1879 г. стр. 230, 242, 400. Прибавленія къ «Твореніямъ св. отцовъ». 1885 г., т. XXXV, стр. 256; А. Надеждинъ. «Исторія С.-Петербургской Дух. Семинаріи». С.-Пб. 1885 г., стр. 326; «Семидесятипятилѣтіе С.-Петербургской Дух. Семинаріи». С.-Пб. 1884 г., стр. 28.

Александровъ.

Шагановъ, *Николай Ильичъ*, писатель, сотрудникъ «Владимірскихъ» и «Нижегородскихъ Губ. Вѣд.», родился 12-го декабря 1809 г. въ г. Ковровѣ (Владим. губ.), умеръ тамъ же 11-го ноября 1877 г. Происходилъ изъ старого купеческаго рода г. Коврова. Отецъ его, Илья Ѳеодоровичъ, получилъ кое-какое образованіе, любилъ читать книги и даже собралъ небольшую библіотеку изъ книгъ конца XVIII-го столѣтія и потому, когда нѣсколько помѣщиковъ и чиновниковъ устроили въ Ковровѣ школу для своихъ дѣтей, онъ отдалъ въ эту школу и своего сына. Каковы были успѣхи послѣдняго въ наукахъ неизвѣстно, однако, нѣмецкій языкъ онъ усвоилъ настолько хорошо, что могъ читать въ подлинникѣ Шиллера, сдѣлавшагося его любимымъ писателемъ. Дальнѣйшаго образованія Шагановъ не получилъ. 16-ти лѣтъ онъ долженъ былъ уже помогать отцу въ торговлѣ краснымъ товаромъ. Тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ читать довольно много, но преимущественно массонскія книги. Въ концѣ 1820-хъ годовъ онъ познакомился съ поэтомъ Полежаевымъ, такъ какъ полкъ, въ которомъ служилъ поэтъ, былъ расквартированъ тогда въ Ковровѣ. Знакомство съ Полежаевымъ, разжалованнымъ незадолго передъ этимъ за побѣгъ изъ полка въ солдаты, имѣло благотворное вліяніе на Шаганова, но оно было непродолжительно (около года), такъ какъ Полежаевъ вскорѣ былъ переведенъ на Кавказъ. Поэтъ подарилъ

Шаганову нѣсколько собственноручныхъ тетрадей съ стихотвореніями, между которыми было и ненапечатанное нигдѣ стихотвореніе: «Міръ создалъ Богъ, но кто же создалъ Бога». Къ сожалѣнію, тетради эти были утеряны. Въ срединѣ 1830-хъ годовъ Шагановъ поступилъ на службу привинныхъ откупахъ и вскорѣ дослужился до управляющаго уѣздомъ. Въ 1843 г. онъ переѣхалъ по дѣламъ своей службы въ Суздаль, гдѣ познакомился съ архимандритомъ Спасо-Евфиміева монастыря, съ которымъ часто бесѣдовалъ о предметахъ древности, которыми такъ богатъ Суздаль. Подъ вліяніемъ этихъ бесѣдъ и началась вѣроятно тогда его литературная дѣятельность. Черезъ 6 лѣтъ онъ долженъ былъ переѣхать въ г. Горбатовъ (Нижегородской губ.), а оттуда въ нѣкоторые другіе города. Подобные переѣзды продолжались до тѣхъ поръ, пока откупа не были уничтожены. Тогда онъ поселился въ Нижнемъ-Новгородѣ, а въ 1870 г. переѣхалъ въ свой родной Ковровъ, гдѣ и умеръ 11-го ноября 1877 г. Вслѣдствіе постоянныхъ переѣздовъ Шагановъ не могъ особенно много заниматься литературными трудами, тѣмъ не менѣе онъ написалъ цѣлый рядъ статей, представляющихъ цѣнный матеріалъ для исторіи Владимірской и Нижегородской губ., такъ какъ онѣ составлены на основаніи тщательнаго и добросовѣстнаго изученія архивныхъ документовъ. Вотъ списокъ его трудовъ: «Стародубъ или нынѣшній Кляземскій городъ» («Москвитянинъ», 1844 г., ч. 4, № 7, стр. 178; «Владимірскія Губ. Вѣд.» 1844 г., № 33; «Нижегородскія Губ. Вѣд.» 1847 г., № 40); «Князья Ковровы» («Владимірскія Губ. Вѣд.» 1845 г., № 26; «Нижегородскія Губ. Вѣд.» 1847 г., № 41); «Курганъ стана Батыева» («Сѣверная Пчела» 1846, № 180; «Нижегородскія Губ. Вѣд.» 1847, № 68); «О древнихъ гробницахъ въ Суздалѣ» («Нижегородскія Губ. Вѣд.» 1847, № 40); «Кидекша, мѣстечко» (тамъ же № 68); «Горбатовъ» («Владимірскія Губ. Вѣд.» 1848, № 5); «Начало Суздаля и Кидекши. Челобитная архіепископа Стефана Суздальскаго. Гробницы въ Кидекшѣ. Колоколъ Нижегородскаго Печерскаго монастыря» (тамъ же, 1848, № 23); «Городъ Меленки въ историческомъ и статистическомъ отношеніяхъ» (тамъ же, 1852 г., № 31); «О томъ, что въ селѣ Спасъ-Куксѣ, Суздальскаго уѣзда (нынѣ село Сербилово), находился Покровскій дѣвичій монастырь» (тамъ же, 1853 г., № 37); «Г. Александровъ» (тамъ же, 1854 г., № 5); «Съ берега рѣки Клязьмы» (тамъ же, 1871 г., № 44). Онъ также занимался собираніемъ матеріаловъ для описанія древней Александровской слободы и города Александрова, для чего просилъ черезъ редакцію «Вл. Губ. Вѣд.» присылать ему имѣющіеся акты и данныя по этому вопросу, но трудъ этотъ остался неоконченнымъ.

«Уроженцы и дѣятели Владимірской губерніи, получившіе извѣстность на различныхъ поприщахъ общественной пользы». А. В. Смирнова, вып 3-ій, стр. 97—108. (Вл. 1898).

П. Гуревичъ.

Шагановъ, маіоръ Тифлисскаго пѣхотнаго полка, погибшій въ Гергебилѣ, при взятіи этой крѣпости Шамилемъ. Гергебильское укрѣпленіе было выстроено генералъ-лейтенантомъ Фрези, состояло изъ двухъ фортовъ и защищалось $2^1/_2$ ротами Тифлисскаго пѣхотнаго полка (около 350 человѣкъ) при пяти орудіяхъ подъ начальствомъ маіора Шаганова. Въ 1843 году 28-го октября, по приказанію Шамиля, большія скопища горцевъ заняли лежащій вблизи укрѣпленія аулъ Гергебиль, а на другой день въ числѣ пяти тысячъ человѣкъ, нѣсколько разъ ожесточенно штурмовали оба форта, но были отбиты съ большими потерями. Вслѣдъ затѣмъ въ крѣпость прибылъ самъ Шамиль, и подъ его руководствомъ штурмы возобновились, но всегда оканчивались съ такимъ же результатомъ, какъ и первые, не смотря на страшный уронъ, который несли осажденные, Послѣднихъ 2-го ноября едва было уже 200 человѣкъ подъ ружьемъ. Ввиду этого Шагановъ въ ночь на 3-ье ноября очистилъ верхній фортъ, перевелъ изъ него людей и три орудія въ нижній фортъ. Въ оставленномъ же фортѣ была заложена мина, отъ взрыва которой погибло болѣе 300 человѣкъ горцевъ. Послѣ того, не смотря на отчаянныя усилія горцевъ, численность коихъ достигла 12 тысячъ человѣкъ при пяти орудіяхъ, овладѣть оставшимся фортомъ, Шагановъ продолжалъ мужественно держаться еще около недѣли, хотя гарнизонъ

буквально таялъ, и 8-го ноября утромъ у него было уже всего лишь 50 человѣкъ подъ ружьемъ. Въ тотъ день непріятель повелъ послѣдній отчаянный штурмъ и послѣ страшнаго усилія наконецъ овладѣлъ укрѣпленіемъ, перебивъ почти всѣхъ его защитниковъ, изъ коихъ уцѣлѣли лишь два офицера и 25 нижнихъ чиновъ. Маіоръ Шагановъ погибъ во время этого послѣдняго штурма.

«Энциклопедическій Словарь», изд. Брокгауза и Ефрона, т. 39 стр. 91—92; Г. А. Леєръ. «Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ», т. 2, Спб. 1884—1885 г., стр. 453; «Русская Старина» 1876 г., т. XVI, стр. 351 и 370.

Е. Я.

Шагаровъ, *Платонъ Θеодоровичъ*, сержантъ л.-гв. Семеновскаго полка, переводчикъ конца XVIII в. Ему принадлежатъ слѣдующіе труды: 1) «Сокращенная Сократова исторія; сочинена Давидомъ-Стефаномъ Шоффиномъ, переведена съ французскаго». М., 1788 г., 8°, 154 стр. Сенатск. тип., иждивеніемъ А. Свѣтушкина. Изъ посвященія этой книги «Его высокоблагородію Платону Ивановичу Орлову» видно, что Шагаровъ обязанъ былъ ему своимъ воспитаніемъ и даже впослѣдствіи пользовался его «благодѣяніями и милостями». 2) «Сокращенное географическое описаніе Турецкой Имперіи изъ географіи г. Паллере. Перев. съ франц.». М., 1790 г. Унив. тип., 8°, 167 стр., посвящается отцу его, Θеодору Θеодоровичу.

Роспись росс. книгамъ для чтенія изъ библ. А. Смирдина, № 3422, 3557; «Опытъ Росс. Библіографіи В. Сопикова», №№ 4914, 7546; «Н. Морозовъ, «Алфавитный указатель авторовъ, переводчиковъ, издателей и др. лицъ, упомин. въ «Опытѣ Росс. Библ.» В. Сопикова»; В. Рогожинъ, «Указатель къ «Опыту Росс. Библ.» В. Сопикова», 179»; Роспись росс. книгамъ для чтенія изъ библ. В. Плавильщикова системат. порядкомъ располож. и Указатель...

А. К—въ.

Шагинъ, *Антоній Францовичъ*, профессоръ астрономіи Виленскаго и Харьковскаго унив., происходилъ изъ небогатаго польскаго дворянскаго рода. Окончивъ курсъ Виленской гимназіи въ 1814 г., онъ около 14-ти лѣтъ отъ роду поступилъ въ учительскую семинарію при Виленскомъ университетѣ или въ педагогическій институтъ и занимался по 30-е іюня 1818 г. физико-математическими науками. Въ 1815 г. получилъ степень кандидата философіи, въ 1816 г.—денежную награду въ 100 руб. за прилежаніе въ наукахъ и поведеніе, въ декабрѣ 1817 г. степень магистра философіи. Въ этомъ же году былъ опредѣленъ въ помощники при Виленской астрономической обсерваторіи, гдѣ и прослужилъ 7 лѣтъ. Въ послѣдніе два года этой службы онъ въ Виленскомъ университетѣ преподавалъ астрономію. Въ 1824 г. Шагинъ былъ отчисленъ отъ обсерваторіи и назначенъ преподавателемъ геодезіи и топографіи въ томъ же университетѣ. Въ 1829 г. онъ издалъ книги о геодезіи, землемѣріи и нивелляціи, которыя поднесъ государю, и въ награду за это получилъ брилліантовый перстень. Но, кромѣ геодезіи, Шагинъ еще въ Вильнѣ занимался астрономіей и высшей математикой; онъ составилъ для своихъ слушателей руководство по астрономіи и рѣчь о дифференціальномъ и интегральномъ исчисленіи, оставшіяся въ рукописи. Въ 1832 г., по закрытіи Виленскаго университета, Шагинъ получилъ мѣсто учителя математики въ Витебскѣ, но это мѣсто занялъ временно, разсчитывая перейти потомъ въ Бѣлорусскій лицей, который предполагалось открыть въ скоромъ времени. Въ 1834 г. Высочайшимъ приказомъ открытіе Бѣлорусскаго лицея было отмѣнено, и Шагинъ сталъ хлопотать о полученіи каѳедры чистой математики, астрономіи и геодезіи въ Кіевскомъ или Харьковскомъ университетѣ. 31-го мая 1834 г. онъ былъ утвержденъ адъюнктомъ, а 20-го февраля слѣдующаго года—ординарнымъ профессоромъ Харьковскаго унив. по каѳедрѣ астрономіи. Такъ какъ при университетѣ не было астрономической обсерваторіи и всѣ попытки Шагина добиться ея учрежденія ни къ чему не привели, то преподаваніе астрономіи поневолѣ должно было имѣть почти исключительно теоретическій характеръ. Въ университетѣ Ш. читалъ слѣдующіе курсы: 1) сферическую и практическую астрономію; 2) теорію движенія небесныхъ тѣлъ, съ приложеніемъ оной къ опредѣленію элементовъ планетъ и кометъ; 3) о явленіяхъ, отъ движенія планетъ происходящихъ; 4) высшую геодезію, и 5) объясненіе употребленія астрономическихъ инструментовъ и пріученіе студентовъ къ наблю-

деніямъ въ удобное для того время. За время своего пребыванія въ Харьковѣ онъ сдѣлалъ двѣ ученыхъ поѣздки: одну въ 1838 г. въ Вильну и другую въ слѣдующемъ году въ Пулково по случаю открытія тамъ обсерваторіи. Послѣдняя поѣздка, не смотря на короткое время (около 1½ мѣсяца безъ ѣзды), была для Шагина довольно важна: онъ, насколько успѣлъ, познакомился съ хорошими астрономами и съ нашей лучшей обсерваторіей. Вся дѣятельность Шагина въ университетѣ была довольно разносторонняго характера. Онъ настаивалъ на устройствѣ новой химической лабораторіи и на расширеніи физическаго кабинета и по этому поводу въ 1838 г. составилъ свое «мнѣніе». Онъ же принималъ видное участіе въ составленіи устава «Общества наукъ при Харьковскомъ университетѣ», будучи сначала членомъ, а потомъ президентомъ комитета, учрежденнаго для этой цѣли, и былъ, по всей вѣроятности, однимъ изъ иниціаторовъ этого Общества. Въ 1837 г. Шагинъ временно исполнялъ должность декана 2-го отдѣленія философскаго факультета, затѣмъ былъ утвержденъ и оставался въ ней до 8-го декабря 1841 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ постоянно былъ предсѣдателемъ испытательнаго комитета для поступающихъ въ учителя рисованія, черченія и чистописанія. Какъ члену правленія, Шагину приходилось выполнять много административныхъ порученій, и здѣсь онъ себя заявилъ ревностнымъ чиновникомъ. 18-го ноября 1842 г. онъ самоубійствомъ покончилъ свою жизнь. Въ прошеніи о выдачѣ пенсіи вдовѣ Шагина, его смерть объяснялась припадкомъ душевной болѣзни, и затѣмъ послѣдовало высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы самоубійство Шагина не считать препятствіемъ къ опредѣленію слѣдуемой по закону пенсіи. Лучшее время его жизни и научной дѣятельности связано съ Харьковскимъ университетомъ. Въ одномъ письмѣ онъ себя называетъ «véritable amateur de l'Astronomie». Онъ послѣ себя оставилъ слѣдующія сочиненія: 1) «Обозрѣніе важнѣйшихъ астрономическихъ и геодезическихъ способовъ, служащихъ къ опредѣленію фигуры земли». Рѣчь съ пятью табл. (Харьковъ, 1837 г. и «Журн. Мин. Нар. Просв.», ч. XVI, 273); 2) «О собственномъ движеніи звѣздъ» (тамъ же, ч. XVIII, 445); 3) «О аберраціи, годичномъ параллаксѣ и собственномъ движеніи звѣздъ». 1 табл. чертеж. (Рѣчь, произнесенная въ торжеств. собраніи Харьк. университета 30-го августа 1840 г. Харьковъ, 1840 г.); 4) «Краткое историческое обозрѣніе астрономіи» («Журн. Мин. Нар. Просв.», ч. XXXIV, II, стр. 17); 5) «Каталогъ астрономическихъ инструментовъ Харьковскаго университета» (Харьковъ, 1840 г.).

Рукописные матеріалы въ архивахъ Мин. Нар. Просв. и въ особенности Харьковскаго университета и округа; «Записки Имп. Харьковскаго университета» 1893 г., кн. 3, статья проф. Левицкаго, и 1894 г., кн. 1—2; Фойгтъ, «Историко-статистическія записки объ Имп. Харьковскомъ университетѣ и его заведеніяхъ отъ основанія университета до 1859 г.»; «Обозрѣніе преподаванія предметовъ въ Имп. Харьковскомъ университетѣ за 1831—1843 учебные годы; «Указатель къ повременнымъ изданіямъ Мин. Нар. Просв. съ 1803 г. по іюнь 1864 г.».

Анат. Купаловъ.

Шагинъ-*Гирей*, послѣдній крымскій ханъ, при которомъ Крымъ былъ присоединенъ къ Россіи, родился около 1748 г. въ городѣ Адріанополѣ; отцомъ его былъ Мехмедъ-Гирей-ханъ, одинъ изъ многочисленныхъ потомковъ Чингизъ-хана. Адріанополь въ половинѣ XVIII столѣтія представлялъ изъ себя сборный пунктъ всѣхъ недовольныхъ своимъ положеніемъ въ Крыму и очень многіе изъ нихъ имѣли въ Румеліи свои помѣстья и земли. Тамъ Ш.-Г. и получилъ первоначальное образованіе, но рано лишившись отца, былъ перевезенъ матерью въ Ѳессалоники, гдѣ и продолжалъ свое образованіе. Достигши совершеннолѣтія, Ш.-Г., благодаря счастливому случаю, имѣлъ возможность побывать въ Италіи. Поселившись въ Венеціи, онъ сталъ изучать итальянскій языкъ и такимъ образомъ при помощи его ознакомился съ западноевропейской культурой. Кромѣ итальянскаго языка онъ зналъ греческій и свободно говорилъ по-арабски; по-русски же, особенно въ началѣ своей дѣятельности, съ большимъ трудомъ. Но ему не долго пришлось быть въ Италіи: его родной дядя, Керимъ-Гирей-Шагинъ, вызвалъ его въ Крымъ, полюбилъ за его способности и далъ возможность, несмотря на 20-ти-лѣтній возрастъ, получить мѣсто се-

раскира въ Ногайской ордѣ, составленной изъ мелкихъ кочевыхъ ордъ буджаковъ, едикуловъ, джанбулаковъ и едиссануевъ. Но вскорѣ началась русско-турецкая война, и Ш.-Г., не желая въ ней участвовать, поселился въ Бахчисараѣ и примкнулъ къ представителямъ бейскихъ поколѣній, ведущихъ свое происхожденіе отъ Чингизъ-хана и имѣвшихъ поэтому право быть избранными на ханскій престолъ. Являясь по отношенію къ хану только вассалами и не занимая при ханскомъ дворѣ никакихъ должностей, они ограничивали самодержавіе ханской власти. До начала января 1770 года Ш.-Г. ничѣмъ не выразилъ своей дѣятельности, и неожиданно выступилъ на историческое поприще по слѣдующему поводу. Послѣ побѣдъ Румянцева при Ларгѣ и Кагулѣ Россія хотѣла пріобрѣсти себѣ въ средѣ крымскихъ татаръ приверженцевъ и съ этой цѣлью къ хану въ Бахчисарай были посланы переводчикъ Мавроевъ, Мелисъ - Мурза, братъ главы союзныхъ Россіи ногайцевъ, и Али-Ага, повѣренный джанбулуковъ. По случаю ихъ пріѣзда былъ собранъ совѣтъ, на которомъ и было рѣшено Мавроева повѣсить, а другихъ сжечь живыми. Тогда выступилъ Ш.-Г. и ему послѣ долгой рѣчи удалось отклонить совѣтъ отъ принятаго рѣшенія. Такой явный переходъ Ш.-Г. на сторону русскихъ можно объяснить тѣмъ, что Ш.-Г., не надѣясь обычнымъ путемъ достигнуть ханскаго достоинства или предвидя неминуемое присоединеніе Крыма къ Россіи, ожидалъ для достиженія ханства русской поддержки. И Ш.-Г. не ошибся въ своихъ разсчетахъ: глава русской партіи, Джанъ-Мамбетъ, рекомендовалъ его канцеляріи совѣтнику Веселицкому, какъ самаго достойнаго кандидата въ выборные ханы, такъ какъ «изъ всѣхъ Гиреевъ одинъ этотъ султанъ любимъ всѣмъ народомъ». 27-го іюля 1771 года, послѣ вступленія русскихъ войскъ подъ начальствомъ князя Долгорукова въ Крымъ и послѣ изгнанія хана Селимъ-Гирея, на ханскій престолъ былъ избранъ Сагибъ-Гирей, а Ш.-Г., братъ его,—калгою.

Крымскій ханъ объявилъ себя самостоятельнымъ, и русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при немъ былъ назначенъ упомянутый нами канцеляріи-совѣтникъ Веселицкій, который сталъ требовать, чтобы татары послали императрицѣ просьбу принять подъ свою власть Керчь, Еникале и Кинбурнъ. Татары отказывались и 25-го августа Ш.-Г. поѣхалъ въ Петербургъ, въ качествѣ посла отъ своего брата-хана, для улаженія этого дѣла. Очевидно, онъ не понималъ новыхъ условій политическаго состоянія ханства, потому что, пріѣхавъ въ Петербургъ и считая себя представителемъ de facto независимаго государства, предъявлялъ самыя разнообразныя претензіи: то онъ требовалъ, чтобы гр. Панинъ первый сдѣлалъ ему визитъ, то не желалъ снять шапку на аудіенціи у императрицы. Въ письмахъ императрицы Екатерины Второй къ Бельхе и Вольтеру, касающихся пріѣзда Ш.-Г. въ Петербургъ, мы находимъ слѣдующую характеристику калги-султана. «У насъ теперь здѣсь калга-султанъ, братъ независимаго крымскаго хана; это молодой человѣкъ лѣтъ 25-ти, чрезвычайно умный и желающій образовать себя... Этотъ крымскій дофэнъ самый любезный татаринъ: онъ хорошъ собой, уменъ, образованъ не по-татарски; пишетъ стихи; хочетъ все знать и все видѣть; всѣ полюбили его. Онъ не пропускаетъ ни одного спектакля; по воскресеньямъ послѣ обѣда бываетъ въ монастырѣ (Смольномъ) и смотритъ, какъ танцуютъ воспитанницы». Въ Петербургѣ, въ виду всеобщей среди ногаевъ любви къ Ш.-Г., на послѣдняго стали смотрѣть, какъ на будущаго, независимаго отъ Крыма, ногайскаго хана; въ этомъ духѣ поданъ былъ проектъ, но вслѣдствіе политическихъ соображеній онъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Въ ноябрѣ 1772 года Ш.-Г. получилъ позволеніе выѣхать въ Крымъ, куда долженъ былъ ѣхать черезъ Москву. Въ это время въ головѣ Ш.-Г. одинъ за другимъ стали роиться планы на будущее: отвѣдавъ въ Италіи и отчасти въ Россіи плодовъ современной ему культуры, Ш.-Г. захотѣлъ пересадить ее въ Крымъ, сдѣлаться самостоятельнымъ государемъ и присоединить къ своимъ владѣніямъ Кавказъ. Но по пріѣздѣ въ Бахчисарай его ожидало сильное разочарованіе: въ Крыму существовала большая партія, желавшая возвратиться въ

подданство Турціи, и за свои рѣчи въ совѣтѣ, въ которыхъ Ш.-Г. много говорилъ въ пользу Россіи, онъ долженъ былъ выѣхать изъ Крыма. Передъ отъѣздомъ онъ просилъ пріѣхавшаго съ нимъ кн. Путятина передать совѣту его желаніе сдѣлаться ханомъ, но неудачно и 11-го апрѣля 1773 года Ш.-Г. выѣхалъ въ Перекопъ. Когда туда были стянуты подвластныя кн. Долгорукову войска, то Ш.-Г. опять просилъ сдѣлать его ханомъ; но совѣтъ, на заявленіе Долгорукова, получивъ въ третій разъ предложеніе сдѣлать Ш.-Г. ханомъ, хотя попрежнему находилъ доводы наши основательными, все-таки отказалъ въ исполненіи просьбы. Тогда Ш.-Г. сложилъ съ себя званіе калги и 23-го августа 1773 года поселился въ Полтавѣ. Незадолго до заключенія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира Ш.-Г. еще разъ выступилъ на сцену по поводу ногайскихъ волненій, для успокоенія которыхъ онъ былъ посланъ въ маѣ 1774 года на Кубань, снабженный достаточнымъ количествомъ денегъ и войскъ. По заключеніи мира, Ш.-Г. представилъ Щербинину возможность составить изъ ногайцевъ оппозицію поведенію крымцевъ, желавшихъ подданства Турціи, и при ихъ содѣйствіи сдѣлаться самому ханомъ, на условіи прекращенія всѣхъ сношеній съ Портой. 15-го декабря планъ этотъ былъ одобренъ совѣтомъ, но встрѣтилъ препятствіе къ исполненію со стороны Румянцева. Въ это время крымскія и ногайскія орды окончательно рѣшили отдаться подъ владычество Порты, о чемъ и просили султана въ своей челобитной; но Ш.-Г., не дождидаясь отвѣта султана, вступилъ въ крѣпость Копылу и ночью напалъ на князей и мурзъ, несогласныхъ съ нимъ, но былъ отбитъ и потерпѣлъ неудачу. Въ концѣ іюня 1775 года дѣла Ш.-Г. поправились и онъ, получивъ отъ Россіи денежное пособіе, собрался провозгласить себя ханомъ, но въ это время назначенный по повелѣнію новаго хана Девлетъ-Гирея сераскиромъ Кубани Тохтамышъ-Гирей-султанъ напалъ въ числѣ трехъ тысячъ человѣкъ на преданную Ш.-Г. едичкунскую орду, перебилъ и ограбилъ сопротивлявшихся, а самого Ш.-Г. принудилъ бѣжать къ абазинцамъ. Генералъ Борзовъ послалъ ему одинъ купеческій ботъ, который и перевезъ бѣглеца въ Еникале. Оттуда Ш.-Г. въ сопровожденіи русскаго отряда подъ командой бригадира Бринка отправился внутрь Кубанской области. Въ концѣ 1776 года Ш.-Г. при помощи русскихъ войскъ былъ провозглашенъ ханомъ и первыми ему присягнули ачуевскіе жители, но населеніе другого важнаго пункта, крѣпости Темрюка рѣшительно отказалось признать его ханомъ; Ш.-Г. пробовалъ взять крѣпость штурмомъ, но былъ отбитъ. Здѣсь Россіи предстала задача водворить Ш.-Г. въ Крыму, но такъ, чтобы это водвореніе не имѣло вида насильственнаго навязыванія его крымцамъ, что, благодаря господствовавшему среди послѣднихъ нерасположенію къ Ш.-Г., было очень трудно. Какъ бы то ни было, но несмотря на выставленное Девлетъ-Гиреемъ сорокатысячное войско, 21-го апрѣля 1777 года близъ Кара-Су Ш.-Г. былъ выбранъ и торжественно провозглашенъ самодержавнымъ, независимымъ ханомъ. Кромѣ присяги, принесенной татарскими вельможами Шагинъ-Гирею, и крымское духовенство санкціонировало это избраніе, какъ согласное съ магометанскимъ закономъ. Вступивъ на престолъ, Ш.-Г. заставилъ принести себѣ присягу въ неограниченномъ самовластіи и затѣмъ сталъ ревниво оберегать свои прерогативы. Дѣятельность его, какъ независимаго хана, выразилась въ слѣдующемъ: для улучшенія состоянія администраціи онъ введеніемъ централизаціи въ управленіи далъ ей организацію; преобразовалъ ханскій совѣтъ (диванъ); въ областномъ управленіи раздѣлилъ Крымъ на 6 провинцій; организовалъ полицію; упорядочилъ состояніе финансовъ, отдавая почти всѣ статьи дохода на откупъ; построилъ около Бахчисарая пороховой заводъ и, наконецъ, преобразовалъ войско, введя всеобщую воинскую повинность и пріучая войска къ европейскому строю. Такая дѣятельность новаго хана вызвала среди всѣхъ слоевъ населенія Крыма ненависть къ Ш.-Г. и имѣла послѣдствіемъ открытое возстаніе татаръ. 23-го декабря 1777 года Порта, которая до сихъ поръ не признавала Ш.-Г. ханомъ, на генеральномъ совѣтѣ рѣшила подать помощь бунтовщикамъ и послала къ бе-

регамъ Крыма нѣсколько фрегатовъ, но безполезно, такъ какъ въ февралѣ слѣдующаго года мятежники, окруженные русскими войсками, прислали Ш.-Г. двухъ депутатовъ съ повинной. Крымъ, послѣ подавленія возстанія, былъ совершенно разоренъ, и Ш.-Г. снова при помощи русскихъ войскъ утвердился на престолѣ и съ большою жестокостью занялся казнью предводителей бунта; 26-го іюня 1778 года Ш.-Г. выѣхалъ изъ Бахчисарая, поссорившись съ Константиновымъ и Суворовымъ изъ-за указа императрицы о выводѣ христіанъ изъ Крыма, такъ какъ Ш.-Г. считалъ ихъ виновниками этого указа. По условію Айнели-Коваксксой конвенціи, Порта 10-го марта 1779 года согласилась признать Ш.-Г. ханомъ, съ оговоркой, что послѣдній пришлетъ по составленной ранѣе программѣ просьбу о калифскомъ благословеніи, что Ш.-Г. послѣ продолжительныхъ увѣщаній Константинова и исполнилъ. Между тѣмъ народное неудовольствіе Шагинъ-Гиреемъ не могло уничтожиться возстановленіемъ его на престолѣ и той жестокостью, съ которой онъ преслѣдовалъ своихъ враговъ. Приверженность Ш.-Г. къ западно-европейскимъ обычаямъ и несоблюденіе имъ нѣкоторыхъ мусульманскихъ обрядностей еще болѣе возбуждали татаръ противъ хана. Въ концѣ 1780 г. движеніе поднялось, сначала на Кубани, а въ іюлѣ слѣдующаго года возстали и крымцы, а когда ихъ депутація къ императрицѣ съ жалобой на Ш.-Г. была перехвачена по дорогѣ, то они выбрали на ханскій престолъ брата Ш.-Г. Богадырь-Гирея. Ш.-Г. послалъ свои войска на мятежниковъ, но тѣ измѣнили и открыто напали на него, такъ что Ш.-Г. былъ вынужденъ для спасенія жизни бѣжать подъ защиту русскаго гарнизона въ Еникале. Россія и на этотъ разъ взялась возстановить права Ш.-Г.: генералу Самойлову было приказано вступить въ Крымъ, а Дебальмену двинуться къ Перекопу. Ш.-Г. окончательно палъ духомъ и писалъ Потемкину о своемъ критическомъ положеніи. Потемкинъ лично явился къ Ш.-Г. и подготовилъ почву для передачи Крыма Россіи, посуливъ ему вмѣсто Крыма Персію. Между тѣмъ Самойловъ вступилъ въ Крымъ и разсѣялъ толпы мятежниковъ. По усмиреніи мятежа русскими войсками, Шагинъ-Гирей сталъ безпощадно казнить и преслѣдовать своихъ враговъ. Но своей озлобленной жестокостью онъ только ухудшилъ дѣло, доведя татаръ до того, что они сами рѣшили просить Россію о принятіи ихъ въ подданство. Ш.-Г. потерялъ надежду удержаться на престолѣ и на собраніи въ Карасубазарѣ отказался отъ него. Въ концѣ февраля 1783 года Ш.-Г. формально отрекся отъ престола въ пользу Россіи и себя отдалъ ей подъ покровительство. По отреченіи хана ему предложено было ѣхать въ Херсонъ, но Ш.-Г. медлилъ и только къ 23-му мая приготовился къ отъѣзду и приказалъ обозу ѣхать, но не въ Херсонъ, а въ Азовъ, а затѣмъ на Ею; самъ же отправился въ Тамань. Его пріѣздъ взволновалъ жившихъ тамъ ногаевъ, и Суворову пришлось усмирять ихъ силой. Въ виду продолжавшихся сношеній Ш.-Г. съ мятежниками, Потемкинъ увѣдомилъ объ этомъ императрицу и послѣдняя послала Ш.-Г. письмо, указывая ему на Воронежъ, какъ на будущее его мѣстожительство. Ш.-Г. все-таки продолжалъ медлить и только 15-го мая 1784 г. генералу Игельстрому удалось при помощи хитрости заставить его покинуть Тамань и переѣхать въ Таганрогъ, а оттуда, въ сопровожденіи атамана Иловайскаго, въ Воронежъ. Пріѣхавъ туда 20-го іюля 1784 г., Ш.-Г. просилъ почему-то императрицу взять у него обратно пожалованные ему ордена, которыхъ онъ прежде такъ добивался, и дать распоряженія на случай его желанія ѣхать въ Турцію. На это императрица 10-го сентября 1784 года отправила ген.-поруч. Черткову указъ, по которому Ш.-Г., если пожелаетъ ѣхать въ Турцію, долженъ былъ быть отправленъ въ Кіевъ, а оттуда черезъ Польшу въ Хотинъ. Тогда Ш.-Г. послалъ просьбу объ отпускѣ его въ Турцію; но отвѣтъ былъ полученъ только 6-го ноября 1785 года и заключалъ въ себѣ приказъ Ш.-Г. переѣхать изъ Воронежа въ Калугу, куда Ш.-Г. и выѣхалъ 17-го января 1786 г. Тамъ ему жилось гораздо хуже: въ виду же не прекращавшихся сношеній его съ Крымомъ, за нимъ стали слѣдить и приказано было перехватывать письма отъ

него и къ нему. Тогда Ш.-Г. сталъ усиленно проситься въ Турцію. Въ сентябрѣ 1786 г. ему было позволено выѣхать и 5-го декабря онъ былъ уже въ Бердичевѣ, а девятаго, въ сопровожденіи пристава колл. сов. Вельяминова, выѣхалъ къ Каменецъ-Подольску и въ деревнѣ Длужѣ сталъ ожидать разрѣшенія султана вступить въ турецкія владѣнія. Разрѣшеніе пришло, и Ш.-Г. 27-го января 1787 г. былъ сданъ Вельяминовымъ съ рукъ на руки турецкому приставу, присланному султаномъ, Измаилу-агѣ. Оттуда черезъ Бухарестъ Ш.-Г. прибылъ въ Адріанополь, встрѣчаемый вездѣ съ большимъ почетомъ. Но вскорѣ отношенія Турціи къ нему совершенно перемѣнились: Ш.-Г. неизвѣстно за что былъ сосланъ на островъ Родосъ и тамъ удавленъ по повелѣнію султана въ іюлѣ или августѣ 1787 года.

Причина казни тоже неизвѣстна, но есть основаніе предполагать, что Ш.-Г., пріѣхавъ въ Родосъ и живя тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, долженъ былъ тяготиться отсутствіемъ образованнаго общества, которымъ онъ пользовался въ Россіи, и сталъ искать сближенія съ членами французскаго консульства, на что имѣется положительное свидѣтельство. Турція же легко могла счесть эти сношенія за какія-нибудь политическія затѣи Ш.-Гирея и поспѣшила скорѣе избавиться отъ безпокойнаго ссыльнаго.

Соловьевъ. «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», книга VI; «Записки Одесскаго общества исторіи и древностей Россіи», т. VIII, XII, XIII, XV; «Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей Россіи» 1865 г., кн. 1; 1866 г. кн. 1; 1871 г., кн. 4; 1872 г., кн. 2; 1875 г., кн. 4 и 1876 г., кн. 1 и 2; «Записки Андрея Тимоѳеевича Болотова», т. 4, ч. 22; «Временникъ Московскаго общества исторіи и древностей Россіи», т. XXIV; «Кіевская Старина» 1886 г., т. XVI; «Историческій Вѣстникъ» 1887 г., т. XXIX; «Записки Энгельгардта» изд. Русскаго Архива 1867 г.; «Иллюстрированная Газета» 1865 г., № 18; «Одесскій Вѣстникъ» 1865 г., № 34; «Крымскіе ханы» Кондараки; Приложеніе къ «Донцамъ» Сенюткина 32; «Воронежск. Бесѣда на 1861 г.», стр. 34—35; Лашковъ, Ф. «Шагинъ-Гирей, послѣдній Крымскій ханъ». Кіевъ. 1886 г.; «Памятная книжка Воронежск. губ. на 1892 г.»; «Воронежскій Кал. на 1892 г.», авг.; «Русскій Архивъ», т. I. стр. 1210; «Сборникъ Русскаго историческаго общества», т. XIII, XV, XXII, XXVII и XXIII; «Русскій Вѣстникъ» 1862 г., май; «Архивъ государственнаго Совѣта», т. I; «Исторія царства Херсонско-Таврическаго» Сестренцевича-Богуша, т. 2; «Русскій Архивъ» 1873 г., 1867 г., 1874 г., кн. 2; 1884 г., кн. 2; Дубровинъ. «Присоединеніе Крыма къ Россіи», т. 1, 2 и 3; «Словарь Ефрона», 77, стр. 22—23.

Анат. Сомовъ.

Шаденъ, *Іоганнъ-Маттіасъ* (Ioannes-Matthias Schaden), докторъ философіи Московскаго университета и ректоръ гимназіи при немъ, педагогъ, родился 11-го мая 1731 г. въ Венгріи въ г. Пресбургѣ. Первоначальное образованіе получилъ въ тамошней гимназіи, а въ 1752 г. поступилъ въ Тюбингенскій университетъ, гдѣ слушалъ лекціи извѣстныхъ профессоровъ: І. Ф. Котта, Фабера, Киза и другихъ. Въ тюбингенскомъ университетѣ онъ больше всего занимался филологіей и философіей и тамъ же получилъ степень доктора философіи. При открытіи Московскаго университета былъ приглашенъ занять должность ректора университетскихъ гимназій. Въ Москву прибылъ 11-го іюня 1756 г. и при вступленіи въ должность 26-го числа сказалъ рѣчь (не напечатана) «De gymnasiis in Moscovia rite aperiundis». 9-го ноября того же года Ш., какъ ректоръ гимназій, по предложенію университетской конференціи, представилъ планъ ученія для низшихъ классовъ гимназій, и, такимъ образомъ, первоначальный видъ имъ былъ данъ Ш., въ 1781 г. измѣненный проф. И. Г. Шварцомъ. На годичномъ актѣ гимназіи 16-го декабря 1756 г. Ш. произнесъ рѣчь: «О средствѣ, какимъ образомъ наукамъ обучать и обучаться», а въ іюлѣ слѣдующаго года на латинскомъ языкѣ: «О обыкновеніи древнихъ въ раздаваніи награжденій» («Моск. Вѣд.» 1758 г., № 56). Изъ каталога лекцій мы знаемъ, что Ш. на зимнемъ семестрѣ 1757 г. собирался кратко читать въ гимназіи «Риторику, также Піитику, Миѳологію, руководство къ чтенію писателей классическихъ, состояніе военное, политическое и житіе академическое, весь курсъ философіи» и для желающихъ «высшихъ и лучшихъ» наукъ греческій языкъ, римскія и греческія древности, еврейскій и халдейскій языки. Шадену порученъ былъ также высшій латинскій классъ гимназіи. Латинскій языкъ онъ преподавалъ по письмамъ, избраннымъ рѣчамъ и De officiis Цицерона, по Овидіевымъ превращеніямъ, Gradus ad Parnas-

sum Latinum и основаніямъ Гейнекціевымъ о стилѣ, философію преподавалъ по логикѣ (перев. студ. А. Павловымъ), метафизикѣ, новѣйшей философіи и «Опредѣленіямъ философическимъ» Баумейстера и по «Разумной и нравоучительной философіи» Гейнекція. Риторику Ш. преподавалъ въ гимназіи по собственному учебнику, рукописный экземпляръ котораго называется такъ: «Introductio in rhetoricam et oratoriam cum primis ad linguam Latinam accomodata, tradita in illustri gymnasio Universitatis Caesareae Mosquensis a praenobilissimo ac doctissimo domino Iohanno Matthia Schaden»... Его учебникъ, мало оригинальный, имѣетъ много общаго особенно съ трудомъ Фоссія— «Rhetorices contractae, sive partitionum oratoriarum libri quinque». Ш. отдѣляетъ риторику отъ ораторіи, какъ теорію отъ практики, и преподаетъ только риторику, причемъ дѣлитъ ее на теоретическую и практическую. Въ теоретической риторикѣ онъ говоритъ объ изобиліи словъ, о соединеніи словъ въ періоды, о соединеніи періода посредствомъ силлогизма, письма и въ особенности хріи и о соединеніи хріи. Болѣе важна практическая часть. Всякая риторика, говоритъ онъ, безъ чтенія лучшихъ писателей и частыхъ упражненій въ сочиненіи безплодна, и всякій наставникъ долженъ болѣе удѣлять времени на чтеніе и объясненіе писателей и на упражненія въ сочиненіяхъ, чѣмъ на теоретическія правила. Этой мысли онъ и слѣдовалъ въ своемъ преподаваніи. Онъ часто любилъ давать своимъ ученикамъ примѣры, на которыхъ они могли бы примѣнять всѣ правила теоретической риторики. Всѣ свои предметы Ш. читалъ на латинскомъ языкѣ, на немъ же задавалъ подобныя упражненія, причемъ обращалъ большое вниманіе на чистоту рѣчи. При скудости біографическихъ свѣдѣній о Ш. невозможно подробно и сполна прослѣдить его дѣятельность. Мы знаемъ, что въ зимній семестръ 1757 г. онъ читалъ греческій языкъ, римскія и греческія древности и введеніе въ свободныя науки, и охотникамъ нумизматику и геральдику «и другія къ тому принадлежности», а въ 1764—1765 учебномъ году логику и метафизику по Винклеру и краткое введеніе въ эстетику. Въ началѣ 1772 учебнаго года отъ отказался отъ званія ректора гимназій, передавъ его приглашенному изъ Лейпцигскаго университета извѣстному проф. Хр. Фр. Маттеи, и занялъ въ университетѣ каѳедру практической философіи, произнеся при этомъ рѣчь: «De haeresibus criticorum». За это время до 1796 г. Ш. читалъ практическую философію и этику по Винклеру, Эрнести, Федеру, и Якобу, народное право по Ваттелю, политику по Бильфельду (переведенную кн. Ѳ. Я. Шаховскимъ и проф. А. А. Барсовымъ) и «правила приватнаго благоразумія, или экономіи», краткую общую исторію нравственныхъ наукъ, право естественное, всеобщее государственное право по Ахенвалю и объяснялъ «De officiis hominis et civis» Пуффендорфа. Съ 1778 — 1779 года, всѣ эти лекціи Ш. перенесъ съ философскаго факультета на юридическій. Въ 1796 — 1797 г. онъ объявилъ, что продолжитъ «начатую имъ въ прошломъ году нравственную философію или науку образованія нравственности и совѣсти, яко основаніе всѣхъ узаконеній и наблюденія оныхъ, сообразуясь въ томъ началамъ критической философіи и примѣняясь индѣ Г. Якобу». Но 28-го августа 1797 года онъ умеръ.

Послѣ Ш. остались слѣдующія его рѣчи, писанныя имъ по-латыни, переводимыя его учениками на русскій языкъ и печатавшіяся на обоихъ языкахъ: 1) «De anima legum. О душѣ законовъ»— рѣчь 23-го апрѣля 1767 г.; 2) «Oratio solemnis de eo, quod justum est in jure Principis, circa educationem civium, scientiarum artiumque studia. О правѣ обладателя въ разсужденіи воспитанія и просвѣщенія науками и художествами подданныхъ» 30-го іюня 1770 г. Русскій переводъ Ил. Грачевскаго напечатанъ въ Москвѣ, въ 1771 г.; 3) «De eo, quod naturaliter justum est, in jure parentum, circa educationem liberorum. — О правѣ родителей въ воспитаніи дѣтей», 22-го апрѣля 1773 г.; 4) «Oratio de Monarchiis amori Patriae excitando et fovendo maxime aptis ac eodem praecipua in iis legum anima. О монархіяхъ, способныхъ возбуждать и питать любовь къ отечеству, и о томъ, что любовь сія есть главная душа законовъ въ монархіяхъ». 30-го іюня 1775 г.; 5) «Panegyricus de

Catharina Magna Legislatorum prima omnium, Legislationem suam, sapienti ac divino prorsus consilio, conscientiae, foro ei peculiari consecrato, directe inaedificanti. Похвальное слово о Екатеринѣ Великой, первой изъ законодителей, премудро основавшей законодавчество свое на Совѣстномъ Судѣ, ею учрежденномъ». 22-го апрѣля 1779 г.; 6) «Oratio solemnis de ingenuae juventutis educatione, gloriae nationum duraturae fundamento praecipuo et fulcro, in Monarchiis maxime. О воспитаніи благороднаго юношества яко основаніи продолжительной народной славы въ монархическомъ наипаче правленіи». 23-го сентября 1781 г.; 7) «Quaeritur: quid statuendum de luxu, est ne is hominibus, civitatibus, Monarchiis maxime proficiens, vel et si hoc, vel noxius quatenus sit, quomodo vis ejus noxia debilitanda ac frangenda. — Спрашивается: вредна-ли, или полезна роскошь частнымъ людямъ, городамъ, а паче монархіямъ, и ежели вредна, то до какой степени и какъ прекратить и ослабить вредное ея дѣйствіе». 30-го іюня 1793 г. Эти рѣчи очень важны для характеристики Ш.: въ нихъ мы знакомимся съ его взглядами на государство, науку и воспитаніе. Во II и IV рѣчахъ Ш. высказываетъ свои симпатіи монархическому строю, отдавая ему преимущества передъ другими, и совершенно не сочувствуетъ республиканскому. Высшее право самодержца— распространеніе наукъ и искусствъ, а сильнѣйшее средство въ его рукахъ — чувство чести, ведущее насъ къ познанію. Душа законовъ не въ силѣ, какъ учитъ Гоббесъ, а въ общемъ благѣ, стремленіе къ которому вытекаетъ изъ любви къ Богу. Всякій человѣкъ долженъ общую пользу ставить несравненно выше личныхъ интересовъ и быть готовымъ на самопожертвованіе. Общее благо — цѣль жизни отдѣльнаго человѣка. Сообразно съ этимъ, Ш. въ монархіи видное мѣсто отводитъ дворянству. У каждаго государства должна быть своя система воспитанія, вполнѣ отвѣчающая его потребностямъ. Для успѣшности воспитанія необходимо обращать должное вниманіе на религіозное чувство. О великой роли родителей въ первоначальномъ воспитаніи дѣтей и о значеніи частныхъ учителей и наставниковъ Ш. говоритъ особенно въ III рѣчи. Умственный и нравственный уровень домашнихъ воспитателей, которыхъ, по словамъ Ш., нерѣдко берутъ, напр., съ рынковъ, изъ портныхъ и сапожниковъ, часто бываетъ очень низокъ, и отсюда вытекаетъ значеніе хорошо устроенныхъ школъ. Университеты и гимназіи должны быть «свѣтилами государствамъ». Они ими и сдѣлаются, когда въ нихъ будутъ учащіе, «честностью и добронравіемъ одаренные, любовью къ истинѣ и отечеству, любовью къ государю пылающіе, отъ немаловременнаго упражненія искусные, опытами просвѣщенные, существенность и свойство монархіи свѣдущіе и, наконецъ, истинную честь хранящіе», когда такихъ учащихъ будутъ содержать по достоинству, и когда учащіеся «токмо достойные вводимы будутъ въ святилище тѣхъ наукъ, которыя мыслей требуютъ непорочныхъ, душевныхъ силъ непосредственныхъ и способныхъ ко вмѣщенію верховныхъ добродѣтелей и мудрости превосходнѣйшей». Необходимо было бы устроить воспитательную центральную академію, которая была бы душою всѣхъ университетовъ, нравственно связывала бы ихъ, хранила бы и поддерживала лучшіе ихъ завѣты. О значеніи вообще образованія Ш. во II-й рѣчи говоритъ такъ, сравнивая его съ солнцемъ: «какъ оно все озаряетъ, все творитъ плодоноснымъ, оживляетъ, по свойству каждаго тѣла, природою дарованнаго, и ободряетъ: равномѣрно такъ просвѣщеніе и науки должны своими лучами всѣхъ проницать, всѣхъ возбуждать сердца въ высоту, и прохлаждать всѣхъ увеселеніемъ, по мѣрѣ званія каждаго, въ какое предназначилъ кого Зиждитель». Религію, вѣру Ш. кладетъ въ основаніе воспитанія, ихъ авторитету онъ подчиняетъ и науку. Разрѣшеніе такихъ вопросовъ, на которые не можетъ отвѣтить наука, онъ находитъ въ вѣрѣ.

При характеристикѣ Ш., особенно какъ педагога, необходимо сказать нѣсколько словъ о его пансіонѣ. Пансіонъ, разсчитанный на 8 человѣкъ, существовалъ въ 70-хъ и 80-хъ годахъ. Кромѣ Ш., въ немъ были и посторонніе преподаватели. Въ этомъ пансіонѣ, приблизительно въ 1777—81 гг., воспитывался и Карамзинъ. Однимъ изъ главныхъ воспитательныхъ

средствъ Ш. считалъ систематическое чтеніе. Самъ идеалистъ, онъ и своихъ воспитанниковъ хотѣлъ сдѣлать такими же. Геллертъ, считавшій основной задачей педагогики «воспитаніе сердца», такъ какъ голосъ сердца выше голоса разсудка, былъ самымъ любимымъ писателемъ Ш., онъ весь былъ проникнутъ его идеями, что видно хотя бы изъ рѣчей. Для своихъ этическихъ бесѣдъ Ш. пользовался «Moralische Vorlesungen» Гердера, а басни этого идеалиста служили нашему профессору матеріаломъ для чтенія воспитанниковъ. Онъ, по словамъ Карамзина, «съ жаромъ говаривалъ» своимъ ученикамъ: «Друзья мои! будьте таковы, какими учитъ васъ быть Геллертъ, и вы будете счастливы». Призывъ Ш. къ идеализму оставлялъ глубокій слѣдъ въ молодыхъ, впечатлительныхъ слушателяхъ. Такъ Карамзинъ, вспоминая «счастливое время» своего «ребячества», говоритъ, что Геллертовы басни составляли почти всю его библіотеку. Постепенно ученическая библіотека пополнялась, но со строгимъ разборомъ и опять-таки, главнымъ образомъ, лучшими писателями-идеалистами.

Наряду съ нравственнымъ развитіемъ питомцевъ, подъ вліяніемъ такого рода чтенія и бесѣдъ Ш., сторонника идеализированнаго имъ монархическаго строя и врага республиканскаго, постепенно складывались и политическія убѣжденія ихъ. Ш. старшимъ воспитанникамъ позволялъ читать политическія статьи иностранныхъ газетъ, но выборъ матеріала всецѣло зависѣлъ отъ Ш. Карамзинъ говоритъ, что онъ въ пансіонѣ, во время американской войны, съ восхищеніемъ читалъ «донесенія торжествующихъ британскихъ адмираловъ». Ш. своихъ воспитанниковъ старался научить точно и ясно излагать свои мысли, заставлялъ дѣлать переводы и писать подражанія прочитанному. Въ этомъ пансіонѣ Карамзинъ, какъ справедливо говорятъ, научился письменно излагать свои мысли и полюбилъ литературныя занятія. Въ пансіонѣ недурно также было поставлено теоретическое и практическое изученіе новыхъ языковъ.

Вообще Ш., идеалистъ, человѣкъ просвѣщенный и любившій просвѣщеніе, былъ однимъ изъ лучшихъ московскихъ профессоровъ своего времени. Такимъ же онъ является и по немногочисленнымъ свидѣтельствамъ современниковъ. М. Н. Муравьевъ говоритъ, что Ш. 31-го августа «препровожденъ въ гробъ благоговѣніемъ и плачемъ слушателей своихъ». Мы не будемъ говорить о рѣчахъ и стихотвореніяхъ, вызванныхъ смертью Ш., такъ какъ въ такихъ случаяхъ тонъ ихъ обыкновенно бываетъ приподнятъ, а приведемъ нѣсколько другихъ отзывовъ. Фонвизинъ, учившійся въ гимназіи при университетѣ и бывшій довольно низкаго мнѣнія о своихъ преподавателяхъ, такъ говоритъ о Ш., оставившемъ въ немъ лучшую память: «Сей ученый мужъ имѣетъ отмѣнное дарованіе преподавать лекціи и изъяснять такъ внятно, что успѣхи наши были очевидны». Мнѣніе Карамзина, писавшаго Лафатеру о Ш.—«онъ полюбилъ меня и я его»,—мы знаемъ. Когда Карамзинъ вышелъ изъ-подъ опеки Ш., между ними внутренняя связь очень сильно ослабѣла, но тѣмъ не менѣе воспитаніе подъ руководствомъ Ш. оставило на немъ прочные слѣды. Вигель говоритъ, что москвичи съ «колѣнопреклоненіемъ» «произносили имена» Ш. и нѣкоторыхъ другихъ профессоровъ. Сочувственныя строки въ своихъ воспоминаніяхъ посвящаетъ Ш. также И. Ѳ. Тимковскій.

С. Шевыревъ, «Исторія Императорскаго Московскаго Университета, написанная къ столѣтнему его юбилею», стр. 24, 25, 26—7, 31—2, 34, 36, 42. 43, 45, 49, 59, 62, 76, 91, 131, 147, 157—61, 173—4, 179, 187, 208, 222. 228, 239, 242—5, 295—6: «Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московск. Университета, 1755—1855 г.», ч. I, XIV—XV, XVII; ч. II, 558—74.; «Историческая записка, рѣчи, стихи и отчетъ Импер. Московск. Университета, 12-го января 1855 г.; (Статья Шевырева. «Обозрѣніе столѣтняго существованія Имп. Москов. Университета», стр. 21). «Сочиненія Н. С. Тихонравова», т. III, ч. I, стр. 44—59, примѣч. стр. 5—7. Почти точная перепечатка изъ словаря; «Современникъ» 1853 г., № 1, 13—27; В. В. Каллашъ, «Очерки по исторіи школы и просвѣщенія», М. 1902; митроп. Евгеній, «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Россіи», II, 245—7; Справочный энциклоп. словарь, изд. К. Крайя, XII, 203; П. Зпльск. (Запольскій), «Памятникъ достопочтенному профессору Шадену», «Пріятное и полезное препровожденіе времени», 1797 г., ч. XVI, 31—2; Л. Ц. (вѣтаевъ). «Чувствованія при погребеніи проф. Шадена», ibid., 57—60 стр.; «Сборникъ Русск. Историч. Общ., т. 33, стр. 425—434; Гр. Д. А. Толстой. «Городск. учил. въ царств. Имп.

Екат. II»; «Эфемериды», ч. 1, на 1804 г., стр. 289—294; И. Ѳ. Тимковскій, «Памятникъ Ив. Ив. Шувалову, основателю и первому куратору И. Московскаго Унив.» «Москвит.» 1851 г., ч. 3, № 9 и 10, стр. 24—6; В. В. Сиповскій, «Н. М. Карамзинъ, авторъ «Писемъ русск. путешественника», 1899 г., 32—47, 110, 149, 549, прим. 48; А. Старчевскій, «Н. М. Карамзинъ» 1849 г., стр. 12—6; М. Погодинъ, «Н. М. Карамзинъ, по его сочиненіямъ, письмамъ и отзывамъ современниковъ», ч. I, стр. 16—9. См. также литературу о Карамзинѣ и отчасти о Фонвизинѣ.—Bernouilli, «Reisen durch Russland», 1777—8 г., V, 222, 238; Ф. Ф. Вигель, «Москва и Петербургъ. Письмо къ пріятелю въ Симбирскъ»—«Русск. Архивъ» 1893 г., кн. 2, 567; М. Н. Лонгиновъ, «Новиковъ и московскіе мартинисты», М. 1867 г., 17, 118, 188—9, 202; А. Н. Пыпинъ, «Исторія рус. этнографіи», 1890 г., т. I, 287; В. С. Иконниковъ, «Опытъ русск. исторіографіи», 1891 г., стр. 296; А. Н. Неустроевъ, «Историч. розысканіе о руск. повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг.» 1875 г., стр. 70 и «Указатель», стр. 765; Н. П. Загоскинъ, «Наука исторіи русск. права», 1891 г., № 1480; В. Сопиковъ, «Опытъ рос. библіографіи», № 10731, 10746; В. И. Межовъ, «Рус. историч. библіографія за 1865—76 г. вкл.», II, 20119; «Словарь Ефрона», т. 77, стр. 93—94.

Анат. Купаловъ.

Шадринъ, *Василій Ивановичъ*, боярскій сынъ, повѣренный въ сношеніяхъ великаго кн. Василія III съ крымскими татарами въ 1515—16 гг. Ему въ 1515 году пришлось смѣнить умершаго въ Тавридѣ Мамонова, повѣреннаго великаго князя Василія III въ сношеніяхъ съ крымскимъ ханомъ Магметъ-Гиреемъ, преемникомъ недавно умершаго Менгли-Гирея; это было трудное время для поддержанія дружественныхъ отношеній, такъ какъ новый ханъ не отличался ни умомъ, ни государственными добродѣтелями, зато былъ корыстолюбивъ и, вопреки Корану, любилъ вино; Магметъ-Гирей къ тому же принялъ сторону нашего врага Сигизмунда I Августа, успѣвшаго поднести ему богатые дары. Едва Мамоновъ, цѣною личныхъ оскорбленій, успѣлъ удержать Магметъ-Гирея отъ насилій надъ Россіей и нѣсколько улучшить его отношеніе къ великому князю, какъ умеръ, и его мѣсто занялъ боярскій сынъ Василій Ивановичъ Шадринъ, о предыдущей жизни котораго извѣстно лишь, что онъ однажды былъ захваченъ крымцами въ одномъ изъ ихъ набѣговъ на Россію и послѣ освобожденъ. Человѣкъ умный и дѣятельный, онъ, со своимъ помощникомъ Ильей Челищевымъ, умѣло сталъ продолжать дѣло Мамонова: привлекъ на свою сторону брата ханскаго, Калгу Ахмата, ненавистника Литвы, сумѣлъ, очевидно, указать ему личныя выгоды имѣть убѣжище на всякій случай въ Россіи, такъ какъ самъ Калга Ахматъ однажды сказалъ нашему послу: «Мы живемъ въ худыя времена: отецъ нашъ повелѣвалъ всѣми, дѣтьми и князьями. Теперь братъ мой — царь, сынъ его—царь, князья—цари». Въ это время смерть Казанскаго хана Магметъ-Аминя заставила Магметъ-Гирея искать дружбы Василія, такъ какъ именно отъ него зависѣло возвести на казанскій престолъ Летифа, бывшаго царя Казанскаго, и не дать астраханцамъ, врагамъ Крымскаго хана, замѣстить казанскій престолъ своимъ претендентомъ. Абдылъ-Летифъ, дѣйствительно, былъ названъ преемникомъ Магметъ-Аминя, но, къ огорченію великаго князя, вскорѣ умеръ въ Москвѣ.

Въ 1518 г., когда въ Крыму было получено извѣстіе о смерти Летифа, Шадрина вмѣстѣ съ ханскимъ чиновникомъ Магмедомъ Агою послали въ Москву для переговоровъ съ великимъ княземъ о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ хана. Вслѣдъ за Шадринымъ выѣхалъ изъ Крыма и Илья Челищевъ съ посломъ Кудояромъ; на р. Самарѣ, ограбленные астраханцами, они шли пѣшіе до Путивля. Обратно съ отвѣтомъ хану былъ посланъ уже Челищевъ, сдѣлавшійся «весьма угоднымъ царю», а не Шадринъ, о судьбѣ котораго дальнѣйшихъ извѣстій не сохранилось.

Н. Карамзинъ, «Исторія Государства Россійскаго», изд. 1842 г. Эйнерлинга, т. VII, стр. 47 и прим. 144 и 178 (къ стр. 58); С. Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. V, стр. 418 (по указателю Шилова).

Всев. Широковъ.

Шадъ, *Иванъ Егоровичъ* (Schad, Johann Baptist), въ монашествѣ патеръ Романъ, профессоръ философіи въ Іенѣ и профессоръ нравственныхъ и политическихъ наукъ въ Харьковскомъ Университетѣ, род. въ деревнѣ Мюрсбахѣ, вблизи Бамберга и Кобурга, ум. въ 1834 г. въ Іенѣ. Въ 1768 г. онъ былъ отданъ своимъ отцомъ, суевѣрнымъ и очень религіознымъ крестьяниномъ, въ Банцскій бенедиктинскій монастырь, въ которомъ онъ сталъ обучаться музыкѣ и латинскому языку у одного монаха.

Черезъ четыре года его отправили въ іезуитскую семинарію въ Бамбергъ, гдѣ онъ пробылъ 6 лѣтъ. Главное вниманіе обращалось въ семинаріи на изученіе латинскаго языка и то только на грамматику, на изученіе же нѣмецкаго языка совсѣмъ не обращалось никакого вниманія. Пробывъ въ философскомъ классѣ полгода, онъ вернулся въ монастырь и принялъ по предложенію прелата монашество, несмотря на то, что многіе отговаривали его отъ подобнаго шага. «Столь глубокіе корни успѣло уже пустить въ его сердцѣ зелье монашескаго обольщенія». Первое время онъ мечталъ сдѣлаться великимъ подвижникомъ и извѣстнымъ ученымъ, но затѣмъ онъ сталъ все болѣе и болѣе чувствовать себя неудовлетвореннымъ монашеской жизнью и даже былъ близокъ одно время къ самоубійству. Постепенно, однако, его міросозерцаніе, подъ вліяніемъ изученія произведеній великихъ философовъ, особенно кантовской «Критики практическаго разума», кореннымъ образомъ измѣнилось, и изъ монаха онъ превратился въ свободнаго мыслителя и философа. Не уходя, однако, изъ монастыря, онъ рѣшилъ, «оставаясь въ рабствѣ, другихъ спасти отъ рабства», и съ этой цѣлью взялся за литературные труды. Онъ сталъ изучать легенды о святыхъ, исторію церкви и вскорѣ пріобрѣлъ извѣстность, какъ прекрасный проповѣдникъ и духовный писатель. Вмѣстѣ съ другимъ бенедиктинцемъ онъ издалъ комментаріи на Библію (въ 18 частяхъ), а затѣмъ одинъ издалъ «Руководство къ религіи» Идельфонса Шварца со своимъ предисловіемъ, въ которомъ изложилъ сущность сочиненія Канта: «Религія въ предѣлахъ человѣческаго разума». Однако, и къ философіи Канта Шадъ относился вполнѣ самостоятельно и даже выступалъ противъ нѣкоторыхъ его положеній; особенно же возставалъ онъ противъ скептицизма Канта въ его «Критикѣ чистаго разума» и его положенія о невозможности для человѣческой мысли познанія Бога и души. Вообще «въ первыхъ своихъ сочиненіяхъ онъ еще значительно придерживался духа католическаго вѣроученія», что, однако, вполнѣ естественно, если принять во вниманіе то воспитаніе, которое онъ получилъ. Вскорѣ положеніе Шада въ монастырѣ сдѣлалось, вслѣдствіе взглядовъ, высказывавшихся имъ въ его сочиненіяхъ, довольно щекотливымъ и ему не разъ приходилось защищаться отъ обвиненій другихъ монаховъ. Наконецъ, послѣ того, какъ онъ написалъ чрезвычайно ѣдкую сатиру на монашество подъ заглавіемъ: «Судьба почтеннаго отца Синцеруса», онъ счелъ необходимымъ бѣжать изъ монастыря (въ 1798 г.), чтобы не попасть въ руки инквизиціи. Чтобы избавиться отъ преслѣдованія монаховъ, онъ принялъ протестантство, пробылъ нѣкоторое время въ Эберсдорфѣ и Готѣ и затѣмъ поселился въ Іенѣ. Здѣсь онъ получилъ за свои прежніе труды степень доктора философіи, а по представленіи извѣстному философу Фихте изложенія его ученія и защитѣ диссертаціи получилъ должность приватъ-доцента. Диссертація эта напечатана подъ заглавіемъ «Diss. exhibens nexum intimum inter philosophiam theoreticam et practicam» (Iena. 1800. 4 Послѣ оставленія Фихте преподаванія онъ отрекомендовалъ студентамъ Шада, какъ своего преемника, и съ 179 по 1804 г. Шадъ читалъ въ Іенѣ философію, получивъ въ 1802 г. званіе экстраординарнаго профессора. За это время имъ напечатанъ былъ цѣлый рядъ трудовъ, а именно: «Grundriss der Wissenschaftslehre» (Iena. 1800. 8°); «Geist der Philosophie unserer Zeit» (Ib. 1800. 8°.); «Neuer Grundriss der transcendentalen Logik nach den Principien der Wissenschaftslehre» (Iena und Leipzig. 1801); «Gemeinfassliche Darstellung des fichteschen Systems und der daraus hervorgehenden Religionstheorie» (3 т., Erfurt. 1800—1801.); «Absolute Harmonie des fichteschen Systems mit der Religion» (Ib. 1802.); «System der Natur und Transcendentalphilosophie» (Landshut. 1803—1804); «Johann Baptist Schad Lebens-und Klostergeschichte von ihm selbst beschrieben (2 т. Erfurt. 1803—1804). Второй томъ этого сочиненія вышелъ подъ заглавіемъ: «Die Mönche am Ende des 18 Jahrhunderts oder Gefahren des Staats und der Religion von Seiten des Mönchtums»; 2-е же изданіе этой книги вышло въ Альтенбургѣ въ 1828 подъ заглавіемъ: «Johann Baptist Schad's Russisch-Kaiserlichen Collegienrathes und Professors der Philoso-

phie in Iena, ehemals Benedictiners zu Kloster Banz Lebensgeschichte, von ihm selbst geschrieben». Въ первыхъ 5 своихъ сочиненіяхъ Шадъ является послѣдователемъ философіи Фихте и только въ своей «System der Natur» онъ приближается къ натурфилософіи Шеллинга, пережив такимъ образомъ въ своемъ философскомъ развитіи вліянія нѣсколькихъ философскихъ системъ и направленій. Когда попечитель Харьковскаго учебнаго округа, находившійся въ то время за границей для пріисканія профессоровъ во вновь открытый Харьковскій Университетъ, обратился за содѣйствіемъ въ числѣ многихъ другихъ ученыхъ и къ Гёте, то послѣдній рекомендовалъ ему Шада, какъ прекраснаго профессора, на каѳедры нравоученія, естественнаго права и общаго государственнаго права. «Шадъ,—писалъ Гёте Потоцкому въ письмѣ отъ 23-го ноября 1803 г.,—изучилъ догматы различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, особливо законодательство и исторію, семь лѣтъ уже живетъ въ Іенѣ, гдѣ частью продолжаетъ свое философическое ученіе, частью старается распространять необходимыя для философа эмпирическія познанія и, не взирая на множество философическихъ лекцій, никогда не имѣетъ недостатка въ слушателяхъ, причемъ всѣ выхваляютъ его ясное и сильное преподаваніе лекцій». Получивъ приглашеніе занять каѳедру философіи въ Харьковскомъ Университетѣ на весьма выгодныхъ условіяхъ, Шадъ принялъ это предложеніе и въ 1804 г. переѣхалъ въ Харьковъ (утвержденъ 1-го февраля 1804 г.), гдѣ сталъ читать логику, этику, психологію, метафизику, естественное право и исторію философіи. Владѣя въ совершенствѣ латинскимъ языкомъ, который онъ усвоилъ еще въ іезуитской семинаріи, Шадъ вскорѣ сталъ играть значительную роль въ университетскомъ совѣтѣ и на диспутахъ. Въ 1805 г. онъ былъ назначенъ деканомъ отдѣленія нравственныхъ и политическихъ наукъ, а въ слѣдующемъ году, во время выборовъ въ ректоры, получилъ одинаковое число голосовъ съ бывшимъ ректоромъ Рижскимъ и проф. Шумлянскимъ. Однако, попечитель утвердилъ прежняго ректора Рижскаго. Будучи человѣкомъ крайне невоздержнымъ какъ на словахъ, такъ и на дѣлѣ, Шадъ вскорѣ вступилъ въ непрерывную и ожесточенную борьбу съ членами Совѣта и притомъ не только съ русскими профессорами, но и со своими земляками. Однажды во время засѣданія Совѣта онъ забылся до того, что воскликнулъ: «Vos estis servi ab Imperatore usque ad ultimum pedissequum». Другой разъ онъ заявилъ, что «senatus academicus est conventus nationalis sub praesidio Robespierri», подразумѣвая подъ Робеспьеромъ ректора Стойковича, на что послѣдній даже пожаловался министру. Въ декабрѣ 1809 г. Совѣтъ, пользуясь отъѣздомъ проф. Беленъ-де-Баллю въ Петербургъ, поручилъ вмѣсто него чтеніе латинской словесности Шаду, но попечитель не утвердилъ этого постановленія, мотивируя это тѣмъ, что не видитъ причинъ къ увольненію Баллю; Шадъ же и безъ того съ трудомъ успѣваетъ прочесть положенное ему число лекцій. Всѣ члены совѣта стали, однако, на сторону Шада, отстаивая свое рѣшеніе и доказывая, что они рѣшили такъ, исключительно руководясь интересами науки, а не какихъ-либо партій, но тѣмъ не менѣе имъ пришлось исполнить волю попечителя. Шадъ, дѣйствительно, былъ самой крупной силой на этико-политическомъ факультетѣ и ему принадлежитъ нѣсколько выдающихся сочиненій по его спеціальности. Еще въ 1806 г. на университетскомъ актѣ онъ произнесъ рѣчь: «О верховной цѣли человѣка» («De fine hominis ultimo»), въ которой онъ доказывалъ, что главная цѣль человѣка—это стремленіе къ правдѣ въ знаніи и къ правдѣ въ жизни, и что вовсе не счастье является верховной цѣлью человѣка. Рѣчь эта, въ которой ясно выразились общія философскія воззрѣнія Шада, напечатана въ «Рѣчахъ», говоренныхъ въ торжественномъ собраніи Императорскаго Харьковскаго Университета 30-го августа 1806 г.» (Харьковъ. 1807. 4°). Вторая его рѣчь, произнесенная 25-го декабря 1814 г., «De libertate Europae vindicata». (Возвращеніе Европѣ свободы) была вызвана политическими событіями 1812 и 1813 гг. Написана она въ рѣзкомъ тонѣ и съ сильными нападками на французовъ и Наполеона, врага общественной свободы и представителя тиранніи. По своему ос-

новному философскому тезису она весьма близка къ философіи Шеллинга, вліяніе которой на Шада признается и современникомъ послѣдняго проф. Роммелемъ, замѣчающимъ, что «лекціи Шада въ харьковскомъ университетѣ по метафизикѣ отзывались философіей Шеллинга». Особенно же цѣннымъ изъ трудовъ Шада является его «Institutiones philosophiae universae. Tomus primus, logicam puram et applicatam complectens» (Харьковъ. 1812). Хотя, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи къ этой книгѣ, «весьма трудно выражать латинской рѣчью идеи новѣйшей философіи», тѣмъ не менѣе изложеніе отличается ясностью и отчетливостью мыслей. Трудъ этотъ является вполнѣ самостоятельнымъ. «Въ чистой логикѣ, говоритъ Шадъ, я не могъ слѣдовать никакому руководителю; мнѣ нужно было проложить совершенно новый путь, опираясь единственно на свои собственныя идеи». Авторъ всецѣло проникся Фихтевскимъ метафизическимъ ученіемъ, говоритъ проф. Э. Ѳ. Лейкфельдъ, и изъ этой доктрины объясняетъ онъ во введеніи, чѣмъ должна быть логика, въ чемъ истинное ея значеніе, каковы предѣлы этой науки и гдѣ она уступаетъ мѣсто метафизикѣ, обращаясь уже въ логику «трансцендентальную». Наконецъ, «прямо подъ вліяніемъ Фихте высказываетъ онъ въ прикладной логикѣ свои мысли о познаніи вообще». За логикой должны были послѣдовать метафизика, этика и естественное право, но первыя двѣ не были изданы, такъ какъ Шадъ измѣнилъ свой планъ и послѣ логики прямо напечаталъ свое естественное право подъ заглавіемъ: «Institutiones juris naturae» (Харьковъ. 1814). Измѣненіе же плана было вызвано желаніемъ Шада содѣйствовать установленію вѣрныхъ понятій о естественномъ правѣ и освобожденію народовъ отъ ошибочныхъ о немъ представленій, вызвавшихъ всѣ народныя бѣдствія и тираннію и заразившихъ своимъ ядомъ даже самые образованные народы. Книгу свою онъ посвятилъ соглашенію науки о правѣ съ наукой о нравственности и религіи и въ ней старался слить въ одно гармоничное цѣлое вѣру и разумъ, христіанскую религію и философію. Видя источникъ всякаго права въ природѣ человѣка, одаренной въ отличіе отъ природы животныхъ разумомъ, который одинъ лишь между всѣми способностями духа абсолютно свободенъ, Шадъ выступаетъ въ своей книгѣ ярымъ сторонникомъ свободы, такъ какъ законъ разума есть законъ абсолютной свободы. «По силѣ разума, говоритъ онъ, человѣкъ абсолютно свободенъ и самъ себѣ законъ, а потому можетъ принимать законодательство, только согласное съ разумомъ, и хотя, по своей волѣ, можетъ принять законъ, противный разуму, но въ такомъ случаѣ онъ теряетъ свое достоинство разумнаго существа. Никакая внѣшняя сила, даже вооруженная всемогуществомъ оружія, не можетъ исторгнуть права на абсолютную свободу, права «жить согласно со своей природой»; въ этомъ правѣ заключается высшее достоинство человѣка, сближающее его съ божественной природой. Нужно, однако, замѣтить, что всюду подъ абсолютной свободой онъ разумѣетъ лишь «свободу разума, нравственности, свободу, соединенную съ абсолютной необходимостью, а не свободу разнузданности страстей». Кромѣ ученія о правѣ, нужно отмѣтить и оригинальный взглядъ Шада на ученіе о государствѣ, его происхожденіи, цѣли и дѣйствіяхъ. Возставая противъ механической теоріи государства, согласно которой государство и государственная власть существуютъ по договору и суть учрежденія, созданныя для доставленія гражданамъ внѣшней безопасности, Шадъ, напротивъ, «не считаетъ возможнымъ выводить право изъ договора и возстаетъ противъ тѣхъ, которые отрицаютъ т… «что слѣдуетъ требовать отъ гражданъ дѣйствій, совершаемыхъ умомъ и волей, какъ будто бы гражданское общество есть собраніе (congeries) рукъ и ногъ, которые слѣдуетъ возбуждать къ извѣстнымъ дѣйствіямъ механической силою».

Выше приведенныя основныя положенія Шада въ связи съ реакціей, начавшейся у насъ во второй половинѣ царствованія императора Александра I, и нѣкоторыми другими обстоятельствами, послужили причиной къ лишенію Шада профессуры и высылкѣ его изъ предѣловъ Россіи. Въ декабрѣ 1815 года профессоръ всемірной исторіи, географіи и статистики французъ Дюгуръ (въ послѣдствіи извѣстный подъ именемъ Дегу-

рова), ожесточенный врагъ Шада за его нападки на Францію и Наполеона, донесъ совѣту, что диссертація кандидата Гриневича списана съ лекцій Шада; то же было имъ заявлено черезъ нѣкоторое время и о диссертаціи другого кандидата Ковалевскаго. Была учреждена особая коммиссія изъ профессоровъ для разслѣдованія этого дѣла, которая и подтвердила сходство между диссертаціями кандидатовъ съ книгой Шада и его лекціями. Объ этомъ было донесено министру, т. к. Шадъ не могъ, конечно, не знать о подобномъ сходствѣ. Выдача дипломовъ двумъ кандидатамъ была пріостановлена и отъ Шада потребовали объясненій. Послѣдній, однако, успѣлъ болѣе или менѣе оправдаться отъ обвиненія въ неблаговидномъ поступкѣ изъ корыстныхъ видовъ, объяснивъ, что *съ разрѣшенія факультета* онъ, согласно обычаю въ западно-европейскихъ университетахъ, переработалъ и расширилъ диссертацію Ковалевскаго въ виду важности ея темы. При томъ, диссертація эта напечатана не только въ переработанномъ видѣ, но и въ первоначально представленной Ковалевскимъ формѣ. Сходство же диссертаціи Гриневича съ его сочиненіями естественно объясняется отсутствіемъ другихъ какихъ-либо пособій для кандидата, кромѣ его, Шадовскихъ трудовъ. Дегуровъ однако не успокоился и въ январѣ 1816 г. въ качествѣ члена цензурнаго комитета заявилъ въ совѣтѣ, что напечатанная на казенный счетъ въ концѣ 1815 г. хрестоматія: «De viris illustribus Romae a Romulo usque ad Augustum», составляющая переработку Шадомъ книги Ломона, заключаетъ много такихъ прибавленій, которыя являются крайне неподходящими и соблазнительными для русскаго юношества. Самъ Дегуровъ предложилъ совѣту издать эту книгу и хотѣлъ ее перевести, но Совѣтъ передалъ переводъ этой книги Шаду, который вызвался перевести, дополнить и снабдить ее примѣчаніями безъ всякаго вознагражденія. Это обстоятельство, а также рѣзкія мѣста въ предисловіи этой книги, направленныя противъ французовъ, и были причиной заявленія, сдѣланнаго Дегуровымъ. Не довольствуясь этимъ, онъ послалъ также два анонимныхъ доноса министру. Въ нихъ онъ касался не только дѣла о диссертаціяхъ Гриневича и Ковалевскаго, но и указывалъ на вредное вліяніе философскихъ воззрѣній Шада, близкихъ къ философіи Шеллинга, хорошо зная враждебное отношеніе къ послѣдней министра народнаго просвѣщенія гр. Разумовскаго, выразившееся еще въ 1814 году по поводу назначенія въ адъюнкты ученика Шада, Дудровича. Въ другомъ доносѣ Дегуровъ уже прямо обвинялъ Шада въ раціонализмѣ и неблагонамѣренныхъ мысляхъ о христіанской религіи и морали, при чемъ, какъ доказательство, приложилъ къ доносу и два сочиненія Шада: его автобіографію и «Жизнь отца Спицера». Кромѣ этихъ двухъ доносовъ, министру былъ посланъ еще одинъ анонимный доносъ на сочиненіе Шада: «Institutiones juris naturae». 28-го января 1816 г. гр. Разумовскій послалъ Совѣту Харьковскаго Университета приказъ пріостановить печатаніе «De viris illustribus urbis Romae», но, когда полученъ былъ этотъ приказъ, книга эта уже была напечатана. Затѣмъ, 15-го марта министръ распорядился о недопущеніи «Institutiones juris naturae» въ школахъ, какъ книги не только неудобной, но и вредной для студентовъ и вообще для русскаго юношества. «Въ ней,—писалъ министръ,—много разсужденій, не согласныхъ съ нашими учрежденіями, намековъ на новѣйшія политическія обстоятельства, сильныхъ нападеній на французовъ въ пользу нѣмцевъ... Притомъ авторъ слѣдуетъ новѣйшей нѣмецкой философіи, преимущественно по Шеллингу, а между тѣмъ весьма сомнительно, чтобы можно было допустить введеніе этой философіи въ Россію, тѣмъ болѣе образованіе по ней русскаго юношества». Изъ разсужденій, «несогласныхъ съ господствующими у насъ началами и убѣжденіями», министръ особенно останавливался на разсужденіяхъ «о правѣ свободно мыслить, хотѣть, дѣйствовать и сообщать свои мысли», «о правахъ и обязанностяхъ государя», «о правѣ семейномъ» и др. «Если и можно,—продолжалъ министръ,—защищать сужденія подобнаго рода, какъ не противныя добродѣтели, то они никакъ не могутъ имѣть мѣста въ руководствѣ для обученія юношества». Поэтому онъ предписалъ «изъять книгу Шада изъ употребленія, и на будущее время книги, пред-

назначаемыя для употребленія на лекціяхъ, разсматривать съ особой внимательностью въ Совѣтѣ или въ особой комиссіи, такъ какъ для книгъ этого рода недостаточно обыкновенной цензуры. Этимъ и ограничились мѣры, принятыя по отношенію къ Шаду. Положеніе его, однако, сильно измѣнилось, когда во главѣ министерста сталъ ярый піэтистъ кн. А. Н. Голицынъ. Послѣдній не могъ простить Шаду раціоналистическихъ взглядовъ, изложенныхъ имъ въ его «Автобіографіи», которая «вся проникнута духомъ борьбы противъ іезуитовъ, монашества, папства и католичества во имя свободы совѣсти, разума и философіи», тѣмъ болѣе, что и въ своемъ предисловіи къ «De viris illustribus urbis Romae» Шадъ высказалъ такіе же взгляды, сопоставивъ добродѣтели язычниковъ и христіанъ не въ пользу послѣднихъ. Несмотря на то, что никакихъ новыхъ обвиненій противъ Шада не прибавилось, кн. Голицынъ обратился въ Комитетъ министровъ съ представленіемъ, въ которомъ испрашивалъ разрѣшеніе немедленно уволить Шада изъ университета безъ всякаго суда и слѣдствія. Указывая, что по § 66 университетскаго устава Шадъ долженъ быть подвергнутъ суду правленія и совѣта университета, министръ ходатайствовалъ, однако, о немедленномъ увольненіи Шада, такъ какъ, «если предать его университетскому суду, то дѣло это не скоро приведено будетъ къ концу, а между тѣмъ профессоръ Шадъ станетъ продолжать свои вредныя наставленія и поступки». Комитетъ министровъ съ своей стороны еще усилилъ наказаніе, предложенное министромъ. Въ засѣданіи отъ 3-го ноября 1816 г. онъ призналъ, что съ тѣми правилами, которыя обнаружилъ Шадъ, его не только нельзя оставить при прежней должности, но что онъ и вовсе не можетъ быть терпимъ въ предѣлахъ Россіи. Поэтому онъ постановилъ выслать Шада немедленно за границу, истребить совершенно обѣ изданныя имъ книги и дать объ этомъ знать всѣмъ прочимъ университетамъ. Мнѣніе комитета министровъ было утверждено вскорѣ государемъ. 8-го декабря 1816 г. Шадъ былъ поспѣшно вывезенъ изъ Харькова и высланъ подъ строгимъ присмотромъ за границу. Еще до своей высылки, 23-го ноября Ш. отправилъ оправдательную записку на имя министра кн. А. Н. Голицына, но участь его уже была тогда рѣшена. Очутившись за границей въ довольно печальномъ положеніи, Ш. рѣшился воздѣйствовать на русское правительство дипломатическимъ путемъ и съ этой цѣлью напечаталъ въ «Jenaer allgemeine Litteraturzeitung» (1817, № 58) письмо, въ которомъ описывалъ свою горькую участь, постигшую его вполнѣ незаслуженно. О томъ же появилась статья и въ гамбургской газетѣ: «Deutcher Beobachter». Статьи эти, какъ донесъ русскій посланникъ при прусскомъ дворѣ, произвели невыгодное впечатлѣніе на счетъ Россіи, такъ что русское правительство сочло нужнымъ напечатать оффиціальное опроверженіе. Въ декабрѣ 1818 г. онъ отправилъ снова оправдательную записку изъ Іены въ Петербургъ, въ которой горячо защищалъ свои сочиненія отъ обвиненій Дегурова, но при томъ реакціонномъ настроеніи, которое господствовало въ то время въ министерствѣ, его оправданія, конечно, не могли имѣть никакого успѣха. Вскорѣ Ш. удалось получить мѣсто приватъ-доцента въ берлинскомъ университетѣ, но только съ большимъ трудомъ и послѣ заявленія русскаго посланника, что Ш. высланъ изъ Россіи лишь за неодобреніе его философскихъ воззрѣній, а не за какое-нибудь преступленіе. Затѣмъ, благодаря покровительству веймарскаго герцога, онъ былъ опредѣленъ профессоромъ, хотя и безъ жалованія, въ Іенскій Университетъ. Благодаря же герцогу, онъ былъ представленъ въ 1819 г. императору Алексавдру I, во время пребыванія послѣдняго въ Веймарѣ, и преподнесъ ту самую книгу, за которую онъ былъ высланъ. При этомъ государь пожаловалъ ему 300 червонцевъ. Въ 1820 г. онъ опять послалъ прошеніе на имя государя, но оно было оставлено безъ послѣдствій. Затѣмъ уже въ царствованіе императора Николая I онъ снова послалъ (въ 1827 г.) прошеніе министру Шишкову уже съ просьбой о пенсіи, но и на этотъ разъ получилъ отказъ. Умеръ онъ въ Іенѣ въ 1834 году.

Д. И. Багалѣй, «Опытъ исторіи Харьковскаго Университета», т. I (Харьковъ. 1893—1898), стр. 494—498, 538, 653—662, 697—698, 153, 155, 212, 216, 220, 277, 288, 290—291, 295, 297, 346,

318—352, 729; т. II въ «Запискахъ Императорскаго Харьковскаго Университета» ва 1900 г., кн. I, стр. 71—83; его же. «Удаленіе профессора Шада изъ Харьковскаго Университета» («Записки Императорскаго Харьковск. Унив.», 1899, кн. I, стр. 45—60; кн. II, стр. 1—135); Ѳ. А. Зеленогорскій, «Ив. Г. Шадъ, бывшій профессоръ философіи въ Харьковскомъ Университетѣ», 1804—1817 (тамъ же, 1896 г., кн. II, стр. 49—64); его же, И. Г. Шадъ. «Institutiones juris naturae»; тамъ же, 1902 г., кн. I, стр. 1—29). его же, «И. Шадъ» («Вопросы философіи и психологіи»; 1895 г., кн. 27, стр. 160—169; кн. 30, стр. 574—591), Лавровскій, «Эпизодъ изъ исторіи Харьковскаго Университета. А. И. Стойковичъ и И. Г. Шадъ» («Чтенія въ Имп. Обществѣ исторіи древностей россійскихъ при Московскомъ Университетѣ» 1873 г., кн. II, отд. V, стр. 38—58); Н. Лавровскій, «Василій Назарьевичъ Каразинъ и открытіе Харьковскаго Университета» («Журн. Министерства Народн. Просвѣщ.» 1872 г., т. 159, № 2, стр. 205, 208—209, 218—219, 226, 227, 229—230); Chr. von-Rommel, «Erinnerungen aus meinem Leben und aus meiner Zeit» въ сборникѣ «Geheime Geschichten und räthselhafte Menschen», изд. Бюлау (Лейпцигъ. 1854), стр. 522, 528—529. Русскій переводъ этихъ мемуаровъ въ «Южномъ Сборникѣ» 1859 г. № 9—11) и отдѣльно: «Пять лѣтъ изъ исторіи Харьковскаго Университета». Воспоминанія профессора Роммеля о своемъ времени, Харьковѣ и Харьковскомъ Университетѣ (Харьковъ. 1868), стр. 56, 65—67. М. И. Сухомлиновъ, «Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію, т. I (С.-Пб. 1889), стр. 102—104, 115—116; «Харьковскій Сборникъ», вып. III, стр. 140—142 (Извлеченія изъ изслѣдованій Сухомлинова); А. С Лебедевъ, «Антонъ Антоновичъ Дегуровъ». Біографическій очеркъ изъ исторіи Харьковскаго и Петербургскаго Университетовъ. («Вѣстникъ Европы» 1876 г., кн. 3, стр. 142—143); письмо Шада къ веймарскому посланнику въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» 1867 г., № 3; «Кіевлянинѣ», 1867 г., № 9 и альманахѣ «Русская Правда» 1860 г. стр. 93—104; Е. Бобровъ: «Матеріалы для исторіи философіи въ Россіи». Fr. Ueberweg. «Grundriss der Geschichte der Philosophie», ч. IV (Берлинъ. 1902), стр. 21; Ибервегъ-Гейнце. «Исторія новой философіи», вып. II (С.-Пб. 1899), стр. 335; «Allgemeine deutsche Biographie», т. XXX (Лейпцигъ. 1890), стр. 493—494; «Neuer Nekrolog d. Deutschen», XII, 1834; «Krugs encyclopädisch-philosophisches Lexikon», т. III (Лейпцигъ. 1828), стр. 523—524; «Universal-Lexikon der Gegenwart und Vergangenheit» von H. A. Pierer, т. XXV (Альтенбургъ. 1844), стр. 419—420; Энциклопедическіе словари Березина, Края и Старчевскаго. «Энциклопед. словарь Ефрона», т. 77, стр, 97. «Словарь Ларусса», XIV, 335.

П. Гуревичъ.

Шайдуровъ, *Иванъ Акимовъ*, «мастеръ» церковнаго пѣнія, новгородскій уроженецъ, жившій во второй половинѣ XVI в. Біографическихъ свѣдѣній о немъ совершенно не сохранилось, и только по нѣкоторымъ даннымъ можно заключить, что главная его дѣятельность относится къ 1560—1580 гг. У современниковъ Шайдуровъ пользовался большимъ уваженіемъ: «сей Іоаннъ Іоакимовъ, ему же просто нареченіе Шайдуровъ,—пишетъ одинъ изъ нихъ,—многимъ прилежаніемъ и великимъ тщаніемъ изобрѣте знаменнаго пѣнія изящное доброгласіе, Ему откры Богъ подлинникъ помѣтамъ». Шайдуровъ извѣстенъ, какъ усовершенствователь нотаціи знаменнаго пѣнія. Онъ облегчилъ изученіе безлинейныхъ нотъ знаменнаго роспѣва, сдѣлавъ ихъ понятными и доступными для большинства. Трудность при изученіи знаменнаго пѣнія заключалась въ томъ, что знаменныя ноты въ начертаніи своемъ совмѣщали указанія не только на продолжительность, но и на высоту звука. Для обозначенія перемѣны въ степени звука еще учители Шайдурова поставляли при знаменахъ «подмѣтныя слова» или «помѣты», но онѣ не вошли въ общее употребленіе, такъ какъ каждый мастеръ, обозначая высоту звуковъ по своему, не хотѣлъ принять систему «помѣтъ» другого, и «того ради веліе несогласіе у мастеровъ бываше». Такія помѣты, которыя, удовлетворяя всѣмъ предъявляемымъ къ нимъ требованіямъ, могли быть приняты всѣми и удалось составить Шайдурову. Онъ придумалъ ставить при каждой нотѣ киноварныя буквы (киноварныя помѣты), условнымъ образомъ обозначавшія высоту звука, выражаемаго черною нотою. Такихъ помѣтъ было семь, и всѣ онѣ были выбраны не произвольно, а содержали ясный и опредѣленный смыслъ, обозначая начальную букву слова, указывающаго высоту звука, напр. *н* низко, *м*—мрачно и т. п. Эти же помѣты, кромѣ высоты звука въ знамени (степенныя или согласныя помѣты) указывали еще на видоизмѣненія его при исполненіи (помѣты указательныя) и на гласовую мелодію знаменнаго роспѣва (помѣты осмогласныя).

Значеніе этихъ помѣтъ, равно какъ и вся реформа Шайдурова, подробно объяснены въ сочиненіи неизвѣстнаго автора XVI вѣка—«Сказаніе о подмѣткахъ, еже пишутся въ пѣніи надъ знаменемъ». Это «сказаніе» вмѣстѣ съ «грамматикой Шайдурова» и еще нѣкоторыми статьями служили самымъ важнымъ руководствомъ къ изученію помѣтъ при столповыхъ знаменахъ до вторичной реформы знаменной

нотацiи, произведенной во втор. пол. XVII в. старцемъ Александромъ Мезенцемъ.

П. Сахаровъ. «О русскомъ церковномъ пѣснопѣнiи». «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1849 г. т. 61, стр. 152—157; Дм. Разумовскiй. «Церковное пѣнiе въ Россiи», стр. 69, 151—153, 159—164; Ар. фонъ-Доммеръ. «Руководство къ изученiю исторiи музыки», стр. 215—218; В. Металловъ. «Опытъ исторiи прав. церк. пѣнiя въ Россiи». М. 1900 г. стр. 58—64. *А. Ш—въ.*

Шайтановъ *Александръ Михайловичъ*, протоiерей; родился въ семьѣ священника Вельскаго уѣзда, Вологодской губернiи въ 1811 году и умеръ 4-го мая 1879 г. въ Верховажьѣ. Получилъ образованiе въ Вологодской Духовной Семинарiи, курсъ которой окончилъ въ 1834 году съ аттестатомъ перваго разряда и въ томъ же 1834 году рукоположенъ во священника въ Верховажскiй Успенскiй соборъ (Верховажскiй посадъ въ Вельскомъ уѣздѣ), гдѣ и священствовалъ до конца дней своихъ. Въ 1835 году произведенъ протоiереемъ. Въ 1835—1854 гг. былъ законоучителемъ, и въ 1849—1860 г. надзирателемъ Верховажскаго приходскаго училища.

Въ 1853 году Ш. былъ избранъ въ члены-сотрудники въ Императорское Русское Географ. Общество и нѣсколько разъ, черезъ вице-президентовъ этого Общества, получалъ благодарности за доставленiе въ Общество этнографическихъ, статистическихъ и метеорологическихъ свѣдѣнiй. Въ Отдѣленiи русскаго языка и словесности Императ. Академiи Наукъ хранится рукопись Ш. (съ датой 1849 года) «Реестръ словамъ и пословицамъ, схваченнымъ около Верховажья, Вологодской губернiи, съ объясненiемъ ихъ значенiя».

«Вологод. Епарх. Вѣдом». 1879 г., № 11. *П. Д—iй.*

Шайтановъ, *Николай Ѳедоровичъ*, дѣйствительный статскiй совѣтникъ, докторъ медицины Петербургской Медико-Хирургической Академiи, врачъ-писатель. Родился въ 1818 году. Медицинское образованiе получилъ въ Московскомъ Университетѣ, откуда былъ выпущенъ въ 1841 году лѣкаремъ 1-го отдѣленiя и назначенъ врачомъ мѣнового Бугазскаго двора; а два года спустя былъ переведенъ особымъ городовымъ врачемъ въ Романовъ - Борисоглѣбскъ, Ярославской губернiи, гдѣ съ 1850 года служилъ уѣзднымъ врачемъ. Служа въ Романово-Борисоглѣбскѣ, Шайтановъ напечаталъ въ «Другѣ Здравiя» первую свою работу «Проколъ и заноза въ животѣ» («Другъ Здравiя» 1847 г., № 13). Въ 1855 году Шайтановъ перешелъ на службу въ Министерство Государственныхъ Имуществъ, гдѣ прослужилъ четырнадцать лѣтъ, причемъ послѣднiе четыре года—въ должности помощника главнаго медика. Къ этому времени относятся слѣдующiя его работы: «Наставленiе волостнымъ фельдшерамъ о подаванiи первоначальныхъ врачебныхъ пособiй въ повальныхъ болѣзняхъ, свойственныхъ преимущественно взрослымъ людямъ» (С.-Пб 1861 г. 8°, 56 стр.); «Наставленiе волостнымъ фельдшерамъ о подаванiи врачебныхъ пособiй въ перемежающейся лихорадкѣ, съ ея послѣдствiями, злой корчѣ и цынгѣ» (это пособiе Шайтановъ составилъ вмѣстѣ съ врачомъ К. Константиновичемъ. Спб. 1862 г. 8°, стр. 32); «Наставленiе волостнымъ фельдшерамъ о подаванiи первоначальныхъ врачебныхъ пособiй въ различныхъ, чаще встрѣчающихся у крестьянъ, спорадическихъ болѣзняхъ» (С.-Пб. 1862 г. 8°, стр. 62, вып. II); «Наставленiе волостнымъ фельдшерамъ о подаванiи первоначальныхъ врачебныхъ пособiй въ различныхъ, чаще встрѣчающихся у крестьянъ спорадическихъ болѣзняхъ. (Спб. 1862 г. 8°, стр. 83, вып. III. Этотъ выпускъ Шайтановъ составилъ вмѣстѣ съ врачомъ В. Гортынскимъ). Защитивъ въ 1869 году диссертацiю подъ заглавiемъ: «О дѣйствiи колхицина на животный организмъ» (дисс. д-ръ мед. С.-Пб. 1869 г. 8°, стр. 65) Шайтановъ получилъ степень доктора медицины и въ томъ же году былъ назначенъ инспекторомъ Ярославской врачебной управы, гдѣ прослужилъ около десяти лѣтъ. Въ 1880 году онъ оставилъ эту должность, а въ медицинскомъ спискѣ на 1885 годъ значится служащимъ по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ и по вѣдомству учрежденiй Императрицы Марiи. Шайтановъ скончался до 1890 года.

Л. Ѳ. Змѣевъ. «Русскiе врачи-писатели», вып. I, Спб. 1886 г., тетрадь 2, стр. 164; «Русскiй Медицинскiй Списокъ» на 1849 г., стр. 412; на 1865 г., стр. 237; на 1870 г., стр. 262; на 1885 г., стр. 429. *Е. Я.*

Шакловитый, *Ѳеодоръ Леонтьевичъ*, окольничiй, начальникъ Стрѣлецкаго при-

каза (годъ рожденія неизвѣстенъ, казненъ 12-го сентября 1689 г.), былъ родомъ, по мнѣнію однихъ, изъ села Новоселокъ, близъ Брянска (по Устрялову, близъ Курска), а по мнѣнію другихъ, изъ села Новоспасскаго, около Курска. Никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній о Шакловитомъ мы не имѣемъ до 1673 года, когда онъ былъ взятъ въ подъячіе Тайнаго приказа. О прежней службѣ Шакловитаго сохранилось лишь упоминаніе въ повѣствованіи XVII в. «О ростригѣ С. Медвѣдевѣ», гдѣ говорится, что Шакловитый «первѣе получи малый чинъ, подъячихъ глаголемыхъ площадныхъ, потомъ бысть въ приказѣ тайныхъ дѣлъ, въ томъ же чинѣ и имени». Въ 1682 г. мы видимъ Шакловитаго уже думнымъ дьякомъ, читающимъ 17-го сентября въ засѣданіи Боярской Думы докладъ по дѣлу кн. Хованскаго, а 10-го декабря того же года царевна Софія назначаетъ его начальникомъ Стрѣлецкаго Приказа. Порученіе въ то смутное время такой важной должности, гдѣ Шакловитый могъ располагать грозной силой стрѣльцовъ и въ то же время вѣдалъ тайную полицію (такъ какъ въ Стрѣлецкомъ Приказѣ часто бывали розыски по доносамъ и извѣтамъ), — показываетъ, какимъ довѣріемъ онъ уже тогда пользовался у царевны. Шакловитый быстро съумѣлъ обуздать распущенныхъ Хованскимъ стрѣльцовъ, удаливъ наиболѣе неспокойныхъ изъ Москвы, а остальныхъ приструнивъ крутыми мѣрами. Этимъ онъ далъ Софьѣ случай окончательно убѣдиться въ его тактѣ и энергіи. Въ преданности же Шакловитаго Софьѣ нечего было сомнѣваться, такъ какъ въ ея могуществѣ онъ не могъ не видѣть единственной опоры своего благополучія. Худородный подъячій, благодаря своимъ личнымъ качествамъ достигшій званія окольничаго и высшихъ служебныхъ степеней и сдѣлавшійся однимъ изъ первыхъ лицъ въ государствѣ, Шакловитый искренно презиралъ тогдашнее родовитое боярство за его исключительную преданность мѣстническимъ традиціямъ и отзывался объ немъ, какъ о «зябломъ деревѣ». Боярство же того времени тянуло къ Нарышкинымъ, видя въ партіи Софьи продолжателей реформъ царя Ѳеодора Алексѣевича. Поэтому Шакловитый, прекрасно понимая, что бояре его ненавидятъ какъ выскочку и не поцеремонятся съ нимъ, если восторжествуютъ вмѣстѣ съ Нарышкиными, сдѣлался вѣрнымъ приспѣшникомъ Софьи и всѣ свои силы отдалъ на служеніе ея дѣлу. Положеніе свое, въ случаѣ успѣха Софьи, онъ тѣмъ болѣе могъ считать обезпеченнымъ, что сталъ къ ней въ интимныя отношенія, соперничая въ этомъ съ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ. Въ особенномъ фаворѣ Шакловитый былъ въ отсутствіе Голицына, по случаю Крымскихъ походовъ. Современникъ, князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ, пишетъ, что «въ отбытіе князя Василія Голицына съ полками въ Крымъ, Ѳедоръ Щегловитой весьма въ амурѣ при царевнѣ Софіи профитовалъ, и уже въ тѣхъ плезирахъ ночныхъ былъ въ большей конфиденціи при ней, нежели князь Голицынъ, хотя не такъ явно. И предусматривали всѣ, что ежели бы правленіе Софіи продолжилось, конечно бы князю Голицыну было отъ нея паденіе или бъ содержанъ былъ для фигуры за перваго правителя, но въ самой силѣ и дѣлѣхъ бы былъ помянутой Щегловитой». Связавъ, такимъ образомъ, свою участь съ судьбой правительницы, Шакловитый уже заблаговременно началъ подумывать о способахъ предотвратить грозу, надвигавшуюся съ приближеніемъ совершеннолѣтія царя Петра. Убѣдившись, что для Софьи единственнымъ вѣрнымъ средствомъ удержать власть въ своихъ рукахъ было вѣнчаться на царство, Шакловитый сталъ дѣятельно помогать правительницѣ въ подготовительной работѣ къ этому рѣшительному шагу. Есть свѣдѣнія, что Шакловитый собирался провести это дѣло черезъ стрѣльцовъ, но августовскія событія 1689 г. положили конецъ стремленіямъ Софьи и ея приверженцевъ. Въ ночь съ 7-го на 8-е августа 1689 г. къ царю Петру въ Преображенское прибыли доносчики съ извѣтомъ отъ восьми стрѣльцовъ, что ихъ товарищи готовятся идти въ Преображенское и убить Петра и его мать. Послѣдовало извѣстное бѣгство Петра въ Троицкій монастырь, гдѣ и началось слѣдствіе по этому доносу. Руководителемъ заговора доносчики назвали Шакловитаго, и потому къ Софьѣ пришло (1-го сентября) отъ Петра требованіе выдать его, какъ главнаго зачинщика «бунта» и «смертнаго

убійства». Царевна колебалась исполнить это требованіе, расчитывая на поддержку стрѣльцовъ; но послѣ того, какъ къ ней явились 6-го сентября стрѣльцы съ челобитьемъ о выдачѣ «измѣнника» Шакловитаго, ей ничего не оставалось дѣлать, какъ подчиниться требованію Петра. 7-го сентября Шакловитый былъ выданъ и доставленъ къ Троицѣ. Въ разспросѣ передъ боярами онъ категорически отрицалъ взведенныя на него обвиненія, но подъ пыткой повинился во всемъ, въ чемъ обвинялся. На слѣдующій день Шакловитаго повели на вторичную пытку, но онъ обѣщалъ все сказать откровенно, если его не станутъ мучить, и пытка была отмѣнена. Шакловитый потребовалъ бумаги и чернилъ и собственоручно написалъ предсмертное показаніе, въ которомъ объявилъ, что умысла на жизнь царя Петра у него никогда не было, сознался, что объ убійствѣ царицы Наталіи Кирилловны были разговоры, причемъ предполагалось поджечь въ Преображенскомъ, только «на мѣрѣ не стало»; вѣнчаться на царство царевнѣ не совѣтовалъ. 11-го сентября состоялся боярскій приговоръ, по которому окольничій Шакловитый былъ присужденъ къ смертной казни. На слѣдующій день, 12-го сентября 1689 г., Шакловитый былъ казненъ на плахѣ, на площади передъ Троицкою лаврою близъ Московской дороги. Въ заключеніе необходимо замѣтить, что вопросъ о существованіи заговора на жизнь Петра и о виновности Шакловитаго еще окончательно не выясненъ и нѣкоторые изслѣдователи склонны къ отрицательному рѣшенію (напримѣръ, Прозоровскій, стр. 326 и сл.).

И. И. Голиковъ, «Дѣянія Петра Великаго». Изд. 2-ое, т. I, М. 1837, стр. 52—62; Н. Устряловъ, «Исторія царствованія Петра Великаго», т. II, С.-Пб. 1858, стр. 32—94; Ив. Забѣлинъ, «Замѣтка для біографіи Сильвестра Медвѣдева», «Лѣтописи русской литературы и древностей», 1863 г., т. V, отдѣлъ III, стр. 125; Иванъ Забѣлинъ, «Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи», ч. I, М. 1872 г., стр. 202; Аристовъ, «Московскія смуты въ правленіе царевны Софьи Алексѣевны», Варшава, 1871, стр. 117—149 и XXXI. М. П. Погодинъ, «Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни Императора Петра Великаго», М. 1875, стр. 98, 182 и сл.; С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. товарищест. «Общественная Польза», кн. 3, т. XIII, ст. 930, 932, 1004—1007, 1011, 1012, 1066—1079; А. Г. Брикнеръ, «Иллюстрированная исторія Петра Великаго», С.-Пб., 1882 г. (указ.); «Розыскныя дѣла о Өедорѣ Шакловитомъ и его сообщникахъ», изд. Археографической Коммиссіи, т. I, С.-Пб. 1884, стр. 1—504; Евгеній Бѣловъ, «Московскія смуты въ концѣ XVII вѣка», «Журн. Минист. Нар. Просв.» 1887, январь, февраль; Н. Козловскій, «Сильвестръ Медвѣдевъ», Кіевъ, 1895, стр. 2 и 49; «Архивъ князя Ө. А. Куракина», кн. I, 1890 г. (указ.); Е. Ф. Шмурло, «Паденіе царевны Софіи», «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1896 г., январь; А. Прозоровскій, «Сильвестръ Медвѣдевъ, его жизнь и дѣятельность», М. 1896 (указ.). «Энциклопед. словарь Ефрона», т. 77, стр. 101. *Н, Мичатекъ.*

Шакѣевъ, *Александръ Венедиктовичъ*, педагогъ-писатель, преподаватель исторіи. Родился въ Петербургѣ 31-го августа 1812 года. Въ 1823 году былъ опредѣленъ на казенный счетъ въ только что открывшуюся тогда С.-Петербургскую Гимназію (нынѣшняя 3-я Гимназія) и по окончаніи въ ней курса поступилъ на историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго Университета. Въ 1835 году окончилъ курсъ со степенью кандидата и временно исполнялъ при С.-Петербургскомъ Университетѣ должность адъюнктъ-профессора по каѳедрѣ всеобщей исторіи до возвращенія изъ-за границы готовившагося тамъ для этой каѳедры М. И. Касторскаго. Затѣмъ Шакѣевъ занялся педагогическою дѣятельностью, посвятивъ ей всю свою жизнь, силы и способности. Онъ преподавалъ исторію сначала во 2-ой С.-Петербургской Гимназіи, затѣмъ въ Инженерномъ Училищѣ, Пажескомъ Его Императорскаго Величества Корпусѣ и въ Школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, при которой, сверхъ того, онъ въ теченіе многихъ лѣтъ управлялъ приготовительнымъ пансіономъ, первоначально устроеннымъ имъ на собственныя средства, а впослѣдствіи преобразованнымъ въ казенное воспитательное заведеніе.

Вмѣстѣ съ И. Шульгинымъ онъ составилъ руководство всеобщей и русской исторіи—курсъ IV общаго класса,—выдержавшее нѣсколько изданій. Это одно изъ руководствъ, издаваемыхъ для военно-учебныхъ заведеній. Оно распадается на 2 отдѣла: I—русская исторія отъ начала государства до вступленія на престолъ царя Михаила Θеодоровича и II—повторительныя понятія объ исторіи вообще и исторіи постепеннаго устройства новаго европейскаго общества до исхода XV вѣка. Это есть обобщеніе того историческаго

матеріала, съ которымъ знакомятся воспитанники въ предыдущіе годы. Послѣдняя восьмая глава этого отдѣла содержитъ исторію монархической власти въ новой Европѣ. Сверхъ того, въ Имп. Публ. библ. имѣются литографированные курсы А. В. Шакѣева: «Русская исторія» (безъ означенія года) и «Новая исторія» 1849 г.

Скончался Шакѣевъ 13-го сентября 1870 года.

П. Плетневъ: «Первое 25-лѣтіе С.-Петербургскаго университета» С.-Пб. 1844 г., стр. 87—88. «Русск. стар.» 1884 г., I, 209. «Пятидесятилѣтіе 2-й С.-Петербургской гимназіи», вып. I (С.-Пб. 1880 г.), стр. 9, 15, 20—21. «Современная лѣтопись», 1870 г., № 5. «Современный листокъ» 1870 г., № 75; «Иллюстрированная Газета» 1870 г., № 39; «Голосъ» 1870 г. № 255; «Русскій Архивъ» 1872 г., № 10, стр. 2021; «Памяти А. В. Шакѣева», С.-Пб., 1870 г 12°, 4 стр., ст. К. Тимоѳеева; рецензія на руководство всеобщей и русской исторіи въ «Русск. Инв.» 1857 г. № 24.

Полевой.

Шаламовъ, *Владиміръ Григорьевичъ*, архитекторъ. Родился въ 1836 году. По окончаніи средняго образованія поступилъ въ 1850 году въ Строительное Училище (теперь Институтъ гражданскихъ инженеровъ). Выпущенный оттуда пять лѣтъ спустя по первому разряду, онъ былъ назначенъ въ распоряженіе инженеръ-генералъ-маіора Кербедза для производства изысканія и составленія проекта желѣзной дороги отъ Вильно до Ковно, на соединеніе съ кенигсбергской желѣзной дорогой. Перейдя затѣмъ на службу въ Петербургскую городскую управу, онъ вскорѣ занялъ мѣсто архитектора Васильевской и Петербургской частей. Здѣсь въ теченіи своей долголѣтней службы онъ построилъ множество частныхъ и городскихъ зданій. Состоялъ дѣйствительнымъ членомъ С.-Петербургскаго Общества архитекторовъ и скончался въ С.-Петербургѣ 15-го марта 1887 г. въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

«Юбилейный Сборникъ Института гражданскихъ инженеровъ 1842—1892 гг.». С.-Пб., 1892 г., стр. 376; «Зодчій» 1875 г., № 1, 1880, № 5—6; «Листокъ архитект. журн. «Зодчій» 1876 г., № 1.

Е. Я.

Шалауровъ, *Никита*, якутскій купецъ, несчастный мореплаватель, замѣчателенъ своими попытками пройти Беринговъ проливъ изъ Ледовитаго океана въ Тихій мимо Шелагскаго мыса. Увлеченный счастливыми находками мамонтовой кости своихъ товарищей по торговлѣ, Шалауровъ рѣшилъ самъ поискать богатыхъ неизвѣстныхъ острововъ въ Ледовитомъ морѣ. Вступя въ товарищество съ другимъ купцомъ, Аѳанасіемъ Баховымъ, уже плававшимъ отъ рѣки Анадыри къ Алеутскимъ островамъ, Шалауровъ составилъ планъ пройти Ледовитымъ моремъ чрезъ Беринговъ проливъ къ Алеутскимъ островамъ. Помимо новыхъ открытій, путешественники надѣялись поживиться въ Чукотской землѣ зубами моржей, а на Алеутскихъ островахъ бобровыми шкурами. На свое предпріятіе они испросили дозволеніе начальства, которое и отпустило имъ изъ Иркутска 3 пушки, 10 пудовъ пороху и пристойное количество ядеръ. Въ 1754 г. Шалауровъ построилъ на рѣкѣ Ленѣ галіотъ и на немъ спустился въ 1757 г. въ Якутскъ; съ наступленіемъ весны онъ съ командою въ 70 человѣкъ спустился внизъ по Ленѣ, изъ устья которой онъ не скоро выбрался, и только 10-го іюля 1761 г. вышелъ въ открытое море и направился на востокъ. Наступившая зима заставила его остановиться на зимовку въ устьѣ рѣки Колымы. По вскрытіи ея Шалауровъ опять вышелъ въ море и продолжалъ свой путь и въ этотъ разъ доходилъ уже до Шелагскаго мыса, но вслѣдствіе поздняго времени и льдовъ долженъ былъ возвратиться къ своему зимовью на р. Колымѣ. Несмотря на эту неудачу и на то, что часть его команды оставила его, Шалауровъ рѣшился снова попытать счастья. Запасшись провіантомъ, для чего ему пришлось зимой съѣздить въ Якутскъ, Шалауровъ въ іюлѣ 1764 года снова вышелъ въ море и уже не возвращался. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ полагали, что онъ былъ убитъ на р. Анадыри чукчами; по другимъ, что онъ замерзъ со всей своей командой въ Чаунской губѣ.

В. Берхъ, «Хронологическая исторія всѣхъ путешествій въ сѣверн. полярныя страны», С.-Пб. 1821 и 1823 г., стр. 144—145; «Исторія плаванія россіянъ изъ рѣкъ Сибирскихъ въ Ледовитое море»—«Сибирскій Вѣстникъ» 1821 г., ч. 16, стр. 276—279; В. Берхъ, «Несчастное плаваніе якутск. купца Никиты Шалаурова по Ледовитому морю,«—Сынъ Отечества» 1819 г., ч. 57, № 42, стр. 68—81; № 43, стр. 113—117; Сенатскій указъ, о дозволеніи купцамъ Бахову и Шалаурову предпринять путешествіе для отысканія по Сѣ-

верному морю пути въ Камчатку—«Полное собр., зак. Р. Имп. Собр.», I-е (С.-Пб. 1830 г.), т. 14, стр. 357—358. «Энциклопед. слов. К. Крайя», XII. 205. «Энциклопед. слов. Ефрона», т. 77, стр. 108. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1902 г. № 17. Хр. Стренцель: «Русскія экспедиціи для описанія сѣверныхъ береговъ Сибири и прилежащихъ острововъ», 1734—1862 гг. («Кронштадтскій Вѣстн.» 1876 г., №№ 78, 82, 86—87, 91, 94, 95, 100, 104, 113, 120 и 127.

Шалашниковъ, *Александръ Петровичъ*, извѣстный бактеріологъ, магистръ ветеринарныхъ наукъ, род. въ Березовѣ (Тобольск. губ.) въ 1857 г., ум. въ Харьковѣ 26-го февраля 1890 г. Первоначальное образованіе получилъ въ Тобольской гимназіи. Въ 1878 году поступилъ въ Харьковскій ветеринарный институтъ, курсъ котораго и окончилъ съ отличіемъ въ 1882 г. Вскорѣ онъ сдѣлался ассистентомъ проф. Л. С. Ценковскаго и его ближайшимъ сотрудникомъ по прививанію предохранительныхъ вакцинъ сибирской язвы стадамъ овецъ въ Херсонской и Таврической губерніяхъ. Послѣ смерти Ценковскаго Шалашниковъ продолжалъ самостоятельно работать по этому вопросу и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ занимался въ физіологической лабораторіи проф. В. Я. Данилевскаго. Результатомъ этихъ занятій явилась его диссертація на степень магистра ветеринарныхъ наукъ: «Изслѣдованіе надъ кровопаразитизмомъ холоднокровныхъ животныхъ», занимающая весьма видное мѣсто среди работъ русскихъ ветеринаровъ. Первая часть ея помѣщена въ «Арх. Ветерин. Наукъ» за апрѣль, іюнь, августъ, октябрь и декабрь 1888 года («О свободныхъ кровопаразитныхъ формахъ»), вторая же половина («Объ интрацеллюлярныхъ формахъ») въ 1-мъ томѣ «Сборника Трудовъ Харьков. Ветер. Инст.—за 1887 г.), стр. 195—304. Во 2-мъ томѣ «Сборника Труд. Харьк. Вет. Инст. за 1888 г.» (стр. 361—431) помѣщена также его статья: «Очеркъ работъ проф. Ценковскаго по предохранительнымъ прививкамъ сибирской язвы» (съ 12 табл. діаграммъ), заключающая въ себѣ обстоятельную обработку данныхъ о результатахъ предохранительныхъ прививокъ Antrhax'а на югѣ Россіи. Горячій сторонникъ предохранительныхъ прививокъ, Шалашниковъ не ограничивался только научной пропагандой этого способа борьбы съ сибирской язвой, но по возможности старался популяризировать его среди сельскихъ хозяевъ, для чего дѣлалъ доклады въ Харьковск. Обществѣ сельск. хоз. и печаталъ отчеты о результатахъ прививокъ въ мѣстномъ сельскохозяйственномъ органѣ. Такъ, имъ напечатанъ: «Краткій отчетъ о результатахъ предохранительныхъ прививокъ Anthrax'а, произведенныхъ проф. Л. С. Ценковскимъ съ 1883 по 1887 г. Докладъ, читанный въ общемъ собраніи членовъ Харьк. Общ. сельск. хоз. А. П. Шалашниковымъ 25-го ноября 1887 г. («Справ. Листокъ Харьк. Общ. сельск. хоз.» 1887 г., № 52). Другой докладъ его въ этомъ Обществѣ: «Отчетъ о предохранительныхъ прививкахъ сибирской язвы въ Херсонской и Таврической губерніяхъ, произведенныхъ въ 1889 г.» появился уже послѣ его смерти въ «Сборн. Труд. Харьк. Ветер. Инст.» за 1889—1890 гг. (т. III, стр. 329—343). Труды Шалашникова увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и на югѣ даже простой народъ началъ относиться къ прививкамъ съ довѣріемъ. Въ послѣднее время онъ завѣдывалъ бактеріологической лабораторіей, учрежденной Мин. Госуд. Имущ. для проф. Л. С. Ценковскаго и потомъ присоединенной къ Харьковск. ветер. Институту. Умеръ А. П. Шалашниковъ отъ бугорчатки легкихъ.

«Памяти А. П. Шалашникова», П. К. Срединскій («Харьк. Губ. Вѣд.» 1890 г., № 55); «А. П. Шалашниковъ» (некрологъ), П. Савваитова—«Вѣст. Общ. Ветеринаріи» 1890 г., № 7, стр. 104; «Памяти А. П. Шалашникова», проф. В. Я. Данилевскій—«Харьк. Губ. Вѣд.» 1890 г., № 59; «А. П. Шалашниковъ» (некрологъ)—«Арх. Ветеринарн. Наукъ», 1890 г., кн. 2, отд. VII, стр. 119; статьи Срединскаго о Шалашниковѣ въ «Южномъ Краѣ» за 1890 г. отъ 1-го и 2-го марта (№ 3148 и 3149).

П. Гуревичъ.

Шаликова, княжна *Александра Ивановна*, ум. въ 1862. г, писательница и переводчица, сестра кн. П. И. Шаликова. Ея произведенія: 1. Стихи Его Имп. Величеству Александру Первому Самодержцу Всероссійскому, на прибытіе въ Москву. Москва. 1870. 2. На отъѣздъ въ деревню М. Н. Х—ой («Пріятное и полезное препровожденіе времени», 1797, т. XV). 3. «Надгробіе Д. А. Ш.» (тамъ же, 1798 т. XVIII). 4. «На смерть Ф. П. В—ой» (тамъ же т. XX). 5. Пѣсня. Для Ф. В. К: «Лишь только вступила» (тамъ же, 1798, т. XVII). 6. Альбомъ (перев. съ франц. «Дамскій Журналъ» 1833, т. XLI). 7. Фортепьяно

(тамъ же, № 4). 8. Письмо къ редактору журнала «Время» къ поводу статьи Е. Колбасина о графѣ Д. И. Хвостовѣ: «Пѣвецъ Кубры». «Время». 1862, № 11.

Шаликова, княжна *Наталья Петровна*, писательница; дочь издателя «Московскихъ Вѣдомостей» и «Дамскаго Журнала», князя Петра Ивановича Шаликова отъ брака его съ Александрой Θедоровной Лейснау, родилась 2-го февраля 1815 года въ Москвѣ, умерла 10-го іюля 1878 года тамъ же. Изъ ея произведеній, печатавшихся также подъ псевдонимомъ *Е. Нарской*, извѣстны слѣдующія: 1) «Письмо къ отцу изъ Голландіи, переводъ съ французскаго («Московскія Губерниск. Вѣдомости» 1841 г., стр. 591, въ Прибавленіи); 2) «Первое знакомство со свѣтомъ» («Современникъ» 1855 г., № 6); 3) «Елена», разсказъ («Современникъ» 1855 г., № 10); 4) «Все къ лучшему» («Современникъ» 1855 г., № 12); 5) «Семейныя сцены» («Русскій Вѣстникъ» 1856 г., т. 2); 6) «Свободный выборъ», повѣсть («Русскій Вѣстникъ» 1858 г., № 17—18); 7) «Двѣ сестры», романъ, отрывокъ котораго изъ 2-й части былъ напечатанъ раньше подъ заглавіемъ «Елена», Москва, 1858; 8) «Крайнее средство», повѣсть («Разсвѣтъ» 1860 г., т. VI и VII); 9) «Изъ огня да въ полымя» («Русскій Вѣстникъ» 1865 г., т. 60, № 12, стр. 489—573); 10) «Корреспонденція изъ Праги» («Современная лѣтопись «Русскаго Вѣстника» 1870 г., № 21); 11) «Старый холостякъ» («Бесѣда» 1871 г., № 9, стр. 302—26); 12) «Семейство Булатовыхъ («Русскій Вѣстникъ» 1873 г., т. 104, № 4, стр. 719—771 и т. 105, № 5, стр. 59—122); 13) «Изъ-за куска хлѣба», повѣсть изъ духовнаго быта. Москва, 1876; 14) «Изъ Праги» («Русскій Міръ» 1872 г., № 202, 221, 224.

Дѣло Архива Департамента Герольдіи Прав. Сената о дворянствѣ князей Шаликовыхъ.; «Изъ дальнихъ лѣтъ», воспоминанія Т. П. Пассекъ, т. III, С.-Пб. 1889, стр. 319, 329; Мордовцевъ, «Русскія женщины второй половины XVIII столѣтія», С.-Пб. 1874; кн. Н. Н. Голицынъ, «Библіографическій словарь русскихъ писательницъ», С.-Пб., 1889, стр. 274; С. И. Пономаревъ, «Наши писательницы»—«Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ», т. LII, № 7, С.-Пб. 1891, стр. 13 и 73; «Современникъ» 1858 г., т. 70, отд. 2, стр. 231—33. «Отечественныя записки» 1855, т. 101, отд. IV; «Разсвѣтъ» 1859 г., № 5; «Московскія Вѣдомости» 1876г., № 8; «Руководство для сельскихъ пастырей»-1876, т. III, № 36, стр. 21—31, № 43, стр. 253—266. «Русскій Архивъ» 1865, стр. 1468; «Историческій Вѣстникъ», т. XIII, стр. 239. В. Межовъ, «Систематическій каталогъ русскимъ книгамъ, продающимся въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Базунова», С.-Пб. 1869, № 10455; В. Межовъ, «Систематическій каталогъ русскихъ книгъ за 1875 и 1876 гг., продающимся въ книжномъ магазинѣ Я. А. Исакова», С.-Пб. 1877 г., № 4244; В. С. Карцовъ и М. Н. Мазаевъ, «Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей», С.-Пб., стр. 88. «Энциклопед. словарь Ефрона», т. 77, стр. 109.

В. Гарскій.

Шаликовъ, князь *Иванъ Осиповичъ*, родился въ 1813 г., умеръ 1866. Происходя изъ грузинскихъ князей, Шаликовъ всю свою службу провелъ на Кавказѣ, въ походахъ противъ горцевъ и турокъ. Въ службу онъ вступилъ въ 1831 въ Грузинскій гренадерскій полкъ, былъ произведенъ въ 1836 г. въ прапорщики, съ переводомъ въ пѣхотный генералъ-фельдмаршала князя варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго полкъ, а въ слѣдующемъ году (1837) переведенъ обратно въ Грузинскій гренадерскій полкъ, въ которомъ состоялъ по 1855 г. Съ самаго начала своей службы Шаликовъ участвовалъ въ походахъ противъ горцевъ и за отличіе въ дѣлахъ съ ними награжденъ чинами штабсъ-капитана (со старшинствомъ съ 1841 г.), капитана (1849), маіора (1852) и подполковника (1853) и орденомъ св. Анны 3-й степени съ бантомъ (1850). Въ Турецкую кампанію (1853—1855) Шаликовъ также находился на театрѣ военныхъ дѣйствій и при пораженіи Абди-паши, подъ Башъ-Кадыкляромъ, 19-го ноября 1853 г., былъ раненъ ружейною пулею въ лѣвую руку на вылетъ; за отличіе въ этомъ дѣлѣ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени, а въ 1854 г. за отличіе противъ турокъ произведенъ въ полковники. Съ апрѣля по октябрь 1855 г. Шаликовъ состоялъ въ распоряженіи командующаго войсками, расположенными отъ Нухи до Арагвы, съ октября 1855 г. онъ находился въ главномъ Александровскомъ отрядѣ и былъ 16-го ноября т. г. при взятіи крѣпости Карса. 4-го августа 1856 г. Шаликовъ назначенъ командиромъ Крымскаго пѣхотнаго полка и съ этимъ полкомъ участвовалъ, въ 1857—1860 гг., въ походахъ противъ горцевъ западнаго Кавказа; за отличіе противъ горцевъ Ша-

ликовъ награжденъ орденами: св. Анны 2 степени съ мечами (1858) и съ Императорскою короною и мечами (1859), Владиміра 4 ст. (1859) и св. Владиміра 3 ст. съ мечами (1861) и золотою саблею съ надписью «за храбрость» (1858) и произведенъ въ генералъ-маіоры (6-го декабря 1860 г.). Въ ноябрѣ 1861 г. Шаликовъ назначенъ состоять при Кавказской арміи съ зачисленіемъ по армейской пѣхотѣ.

Общій архивъ Главнаго Штаба.

А. О. Гернетъ.

Шаликовъ, *князь Петръ Ивановичъ*, писатель и переводчикъ конца XVIII-го и первой половины XIX-го вѣка, редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» и издатель журналовъ «Московскій Зритель», «Аглая» и «Дамскій Журналъ». Родился въ 1767 году (по нѣкоторымъ источникамъ въ 1768 году) и былъ по происхожденію грузинъ. Получивъ довольно хорошее домашнее образованіе, князь Шаликовъ, отецъ котораго былъ кавалерійскій офицеръ, также поступилъ на службу въ одинъ изъ кавалерійскихъ полковъ. Вскорѣ послѣ того, какъ утверждаютъ нѣкоторые изъ его біографовъ, ему пришлось принять участіе въ штурмѣ Очакова, а затѣмъ участвовать въ польской войнѣ. Это дало ему возможность обратить на себя вниманіе военнаго начальства и довольно быстро повыситься въ чинахъ, такъ что къ началу 1797 года онъ былъ уже премьеръ-маіоромъ и командовалъ эскадрономъ одного изъ гусарскихъ полковъ. Нѣкоторые изъ біографовъ кн. П. И. Шаликова (В. И. Саитовъ и др.) утверждаютъ даже, что онъ съ эскадрономъ гусарскаго имени генералъ-лейтенанта Шевича полка усмирялъ крестьянъ села Никольскаго, Алексинскаго уѣзда, Тульской губерніи, при подавленіи крестьянскихъ безпорядковъ, возникшихъ въ 1797 году, въ началѣ царствованія императора Павла I,—однако, это невѣрно. Вышеупомянутымъ эскадрономъ командовалъ не князь П. И. Шаликовъ, а его отецъ, тоже премьеръ-маіоръ князь Иванъ Шаликовъ. Выйдя въ концѣ 1790-хъ годовъ въ отставку, кн. П. И. Шаликовъ поселился въ Москвѣ и жилъ сначала на Прѣснѣ, гдѣ у него былъ собственный небольшой домикъ. Еще будучи офицеромъ, кн. П. И. началъ заниматься литературой и самъ сталъ писать стихи. Но печатать свои произведенія онъ сталъ не сразу, и лишь въ 1796 году, въ X части журнала «Пріятное и полезное препровожденіе времени» онъ впервые выступилъ печатно со стихотвореніемъ «Истинное великодушіе». Въ слѣдующемъ году въ томъ же журналѣ (ч. XVII) кн. Шаликовъ напечаталъ второе свое стихотвореніе «Аравійскій пустынникъ», а въ 1798 году тамъ же было напечатано его оригинальное стихотвореніе «Гробницы» (ч. XIX) и переводное «Усердіе собаки къ своему господину». Въ томъ же году вышла въ свѣтъ первая часть его сборника стихотвореній подъ общимъ названіемъ «Плодъ свободныхъ чувствованій». Вторая часть этого сборника была напечатана въ 1799 году, а третья въ 1801 году. Въ этотъ сборникъ вошли какъ стихотворенія, ранѣе напечатанныя въ журналѣ «Пріятное и полезное препровожденіе времени», такъ и нѣсколько новыхъ, нигдѣ ненапечатанныхъ. Вышеупомянутый сборникъ вполнѣ опредѣлилъ направленіе поэзіи и вообще творчества кн. Шаликова. Явившись въ немъ крайнимъ сентименталистомъ, кн. П. И. таковымъ оставался до самой своей смерти, почти въ каждомъ своемъ произведеніи доводя чувствительность до приторности. Первые литературные опыты князя Шаликова понравились тогдашней читающей московской публикѣ, и она приняла начинающаго поэта очень хорошо. Многіе находили у него манеру Карамзина и видѣли въ немъ будущаго преемника автора «Писемъ Путешественника». Къ тому же тогдашнее московское общество высоко цѣнило всѣхъ *пишущихъ и печатающихъ свои* произведенія, считая ихъ людьми высшаго порядка и оказывая имъ особое уваженіе. Крайне самолюбивый и тщеславный, князь Шаликовъ очень добивался популярности и своими странностями вскорѣ сдѣлался извѣстенъ всей Москвѣ. Онъ старался быть оригинальнымъ во всемъ, даже въ одеждѣ, и первое время вполнѣ достигалъ цѣли, вызывая въ простодушныхъ москвичахъ чуть ли не благоговѣніе къ себѣ, какъ поэту. Ф. Ф. Вигель въ своихъ «Запискахъ» разсказываетъ, со словъ Загоски-

на, что въ дѣтствѣ тому случалось гулять съ родителями на Тверскомъ бульварѣ и онъ хорошо помнитъ, что видѣлъ нѣсколько разъ толпу, съ любопытствомъ идущую въ почтительномъ разстояніи за небольшимъ человѣкомъ, который то шибко шелъ, то останавливался, вынималъ бумажку и на ней что-то писалъ, а потомъ опять пускался бѣжать. *Вотъ Шаликовъ*, говорили шопотомъ, указывая на него,—*и вотъ минуты его вдохновенія*. Впрочемъ, такое почтительное отношеніе москвичей къ кн. Шаликову продолжалось не долго. Вскорѣ для всякаго развитого читателя стало ясно, что кн. П. И. далеко не обладаетъ такимъ талантомъ, какъ предполагали по первымъ его стихотвореніямъ, и что главныя достоинства его произведеній заключаются, пожалуй, въ чистотѣ и правильности слога. Между тѣмъ, упоенный первыми успѣхами, кн. Шаликовъ жаждалъ широкой извѣстности, славы. Видя, что «Письма русскаго путешественника» и «Путешествіе въ полуденную Россію» пріобрѣли авторамъ ихъ многочисленныхъ поклонниковъ, онъ тоже сталъ мечтать о путешествіи и по привычкѣ, сохраненной имъ до самой смерти, нерѣдко высказывалъ въ своихъ произведеніяхъ сожалѣніе, что до сихъ поръ онъ не испыталъ одного изъ «живѣйшихъ лучшихъ удовольствій жизни». Судьба, однако, была къ нему довольно благосклонна, и вскорѣ страстное желаніе его исполнилось—онъ совершилъ двѣ поѣздки въ Малороссію. Первая поѣздка въ 1803 году была предпринята имъ съ исключительною цѣлью попутешествовать, вторая же, въ 1804 году, имѣла болѣе практическую цѣль — полученіе наслѣдства. Обѣ эти поѣздки дали ему поводъ написать два сочиненія: 1) «Путешествіе въ Малороссію» (2 ч. 1803 г.) и 2) Другое путешествіе въ Малороссію» (М. 1804 г.). Взявъ къ первому изъ этихъ сочиненій эпиграфъ изъ Карамзина: «Кто еще не запертъ въ клѣтку, кто можетъ, подобно птичкамъ небеснымъ, быть здѣсь и тамъ, тамъ и здѣсь—тотъ можетъ еще наслаждаться бытіемъ своимъ и можетъ быть счастливъ», и, посвящая свое «Путешествіе въ Малороссію» «Андрскому, Бнну и Тшву» (т.-е. Андреевскому, Бунину и Таушеву), кн. Шаликовъ въ немъ, какъ и въ послѣдующемъ, стремится подражать Карамзину и Измайлову. Въ этихъ «Путешествіяхъ» нѣтъ ни описанія мѣстностей, по которымъ проѣзжалъ кн. Шаликовъ, ни описанія нравовъ и обычаевъ жителей Малороссіи, ни вообще чего-либо касающагося Малороссіи. Зато они даютъ много матеріала, чтобы заключить, какое нѣжное, «чувствительное» сердце у автора! Это сознавалъ, пожалуй, и онъ самъ. Въ предисловіи къ первому «Путешествію» кн. Шаликовъ говоритъ: «Путешествіе мое не напомнитъ вамъ ни Стерна, ни Дюпати, ни Карамзина, ни Измайлова—большое разстояніе, но вы найдете въ немъ вашего друга съ пламенною любовью къ вамъ и, можетъ быть, съ нѣкоторыми замѣчательными чувствами; можетъ быть, съ вами и другіе что-нибудь найдутъ въ немъ. Сердца образованныя для чувствительности находятъ подъ печатью ея самую бездѣлку пріятною и на часъ забываютъ о талантѣ». Читающая публика встрѣтила эти сочиненія далеко уже не съ такой похвалой и одобреніемъ, какъ встрѣчала его стихотворенія нѣсколько лѣтъ назадъ, а нѣкоторые изъ тогдашнихъ критиковъ, какъ, напримѣръ, П. И. Макаровъ и Жуковскій, дали въ своихъ журналахъ («Московскій Меркурій», ч. 2, и «Вѣстникъ Европы», ч. 8) даже неодобрительные отзывы. Также неблагосклонно было встрѣчено и описаніе третьяго его путешествія, въ Кронштадтъ, помѣщенное въ издававшемся имъ въ 1806 году «Московскомъ Зрителѣ». Съ этихъ поръ кн. Шаликову приходилось все чаще и чаще подвергаться нападкамъ его друзей—тогдашнихъ московскихъ писателей-критиковъ, и нападки эти съ каждымъ новымъ произведеніемъ кн. П. И. становились рѣзче и насмѣшливѣе. Однако, несмотря на это, онъ продолжалъ не замѣчать, что люди, идеи, даже самая жизнь, однимъ словомъ, все сильно измѣнилось вокругъ него, что, если еще такъ недавно, въ концѣ царствованія императрицы Екатерины II и при Павлѣ I, общество приходило въ восторгъ отъ чувствительныхъ и сентиментальныхъ произведеній, то уже въ началѣ царствованія Александра I появились новыя идеи, новыя вѣянія, а онъ попрежнему продолжалъ тянуть одну и ту же ребяческую ноту. Видя, что общество начинаетъ къ нему охладѣвать,

что издатели уже неохотно принимаютъ его стихотворенія, Шаликовъ рѣшилъ издавать свой собственный журналъ подъ названіемъ «Московскій Зритель». Въ напечатанномъ по этому поводу объявленіи онъ обѣщалъ своимъ будущимъ читателямъ, что хорошій вкусъ и чистота слога, тонкая разборчивость литераторовъ и нѣжное чувство женщинъ будутъ однимъ изъ главныхъ предметовъ его вниманія». «Московскій Зритель» просуществовалъ не долго, всего одинъ годъ. Кромѣ самого Шаликова въ немъ принимали участіе Б. К. Бланкъ, В. Л. Пушкинъ, В. В. Измайловъ, А. П. Бунина и И. А. Крыловъ. Изъ произведеній самого кн. Шаликова въ «Московскомъ Зрителѣ», помимо описанія путешествія въ Кронштадтъ, были еще напечатаны нѣсколько статей и разсказовъ въ прозѣ и рядъ стихотвореній, преимущественно посланій къ Б. Бланку, А. П. Буниной, кн. И. М. Долгорукому и другимъ сотрудникамъ журнала. Впрочемъ, кн. П. И. Шаликовъ писалъ посланія не однимъ только своимъ друзьямъ-литераторамъ. Чтобы удостоиться этой чести, нерѣдко достаточно было подписаться на полный комплектъ его изданій и даже просто похвалить какое-либо его произведеніе. Несмотря на сотрудничество И. А. Крылова, В. П. Измайлова и покровительство И. И. Дмитріева, «Московскій Зритель» не имѣлъ успѣха у тогдашней читающей публики, и поэтому кн. Шаликовъ не продолжалъ этого изданія въ 1807 году Однако, онъ не имѣлъ въ виду совершенно отказаться отъ издательской дѣятельности и вскорѣ сдѣлалъ объявленіе, что въ 1808 году будетъ издавать новый журналъ подъ названіемъ «Аглая». Хотя и этотъ журналъ кн. Шаликовъ попрежнему большею частью наполнялъ своими произведеніями, потерявшими уже для читателей всякій интересъ, все же, благодаря сотрудничеству въ немъ вышеупомянутыхъ В. В. Измайлова, И. А. Крылова, а также А. Ѳ. Мерзлякова, И. И. Лажечникова и нѣкоторыхъ другихъ извѣстныхъ въ то время литераторовъ, «Аглая» просуществовала четыре года. Она издавалась въ 1808—1810 гг. и затѣмъ въ 1812 году, когда закончилась на іюньской книжкѣ, въ виду начала Отечественной войны. Несмотря на приближеніе французовъ къ древней столицѣ, кн. Шаликовъ не допускалъ и мысли о возможности занятія Москвы и былъ застигнутъ непріятелемъ со своей семьей, не успѣвшей выѣхать. Самъ онъ объ этомъ обстоятельствѣ пишетъ, что «патріотическое честолюбіе, вмѣстѣ съ другими обстоятельствами, заставило его остаться въ Москвѣ, удержать свое семейство и нашествіе *Вандаловъ* почитать—химерою». Проведя въ Москвѣ все время, пока она была занята непріятелемъ, кн. Ш. былъ очевидцемъ многихъ ужасовъ, которые выпали на долю этому городу. Въ виду этого отъ него, какъ очевидца и литератора, можно было бы ожидать обстоятельнаго описанія всего, что совершалось въ Москвѣ съ 1-го сентября по 16-ое октября. Однако, хотя онъ и издалъ тощенькую брошюрку (стр. 60) подъ заглавіемъ «Историческое извѣстіе о пребываніи въ Москвѣ французовъ 1812 года» (М. 1813 г.), но въ ней сообщается весьма немного фактовъ и преимущественное вниманіе обращено, какъ и въ другихъ его сочиненіяхъ, на чувствительность изложенія. Послѣ Отечественной войны кн. Шаликовъ по прежнему продолжалъ много писать, помѣщая свои произведенія въ нѣкоторыхъ тогдашнихъ періодическихъ изданіяхъ, а также выпуская ихъ и отдѣльными изданіями. Такъ въ 1814 году онъ напечаталъ книжку «Островъ Эльба и Новый Санхо-Панса», въ слѣдующемъ году «Мысли, характеристики и портреты», въ 1816 году—«Посланія въ стихахъ», въ 1819 году—«Повѣсти» и «Собраніе сочиненій» (2 ч.), въ 1820 году—«Посланіе къ графу Румянцеву» и проч. Въ то же время, начиная съ 1813 года кн. Ш состоялъ редакторомъ «Московскихъ Вѣдомостей». Это мѣсто онъ получилъ по протекціи И. И. Дмитріева. Руководство кн. П. И. большой политической газеты хотя и продолжалось почти 25 лѣтъ, но было весьма неудачно. Однако, благодаря поддержкѣ сначала Дмитріева, а потомъ сенатора Д. И. Хвостова, Шаликовъ до 1836 года прочно сидѣлъ на занятомъ мѣстѣ, несмотря на цѣлый рядъ нападокъ, сопровождавшихъ его литературно-общественную дѣятельность этого періода. Не было литератора, который подвергался бы столькимъ насмѣшкамъ и нападкамъ своихъ собратій

по перу, какъ кн. Шаликовъ. «Кондитеръ литературы», «вздыхаловъ», «князь вралей», «присяжный оберъ-волокита»—вотъ эпитеты, которыми сопровождалось имя Шаликова. Особенно нападали на него за то, что онъ за деньги хвалилъ произведенія гр. Хвостова. На этой почвѣ у него вышло крупное столкновеніе съ М. А. Дмитріевымъ въ Обществѣ любителей россійской словесности при Московскомъ Университетѣ, закончившееся выходомъ кн. П. И. изъ Общества. Вообще, хотя имя кн. Шаликова и было весьма популярно, но пользовалось столь малымъ уваженіемъ въ обществѣ, что, когда въ 1826 году пронесся въ Москвѣ слухъ о назначеніи его цензоромъ, то агентъ III-го отдѣленія фонъ-Фокъ счелъ необходимымъ прислать по этому поводу И. И. Дибичу записку, въ которой, между прочимъ, писалъ: «Московскія Вѣдомости» печатаются при Университетѣ по особому положенію и по особенной инструкціи. Редакторъ оныхъ есть извѣстный князь Шаликовъ, который съ давняго времени служитъ предметомъ насмѣшекъ для всѣхъ, занимающихся литературою. Въ 50 лѣтъ онъ молодится и пишетъ любовные стихи, влюбляется и принимаетъ эпиграммы за похвалы... Этотъ князь Шаликовъ не имѣетъ никакихъ свѣдѣній для изданія политической газеты и даже лишенъ природной смѣтливости, необходимой для познанія мѣстностей, приличій и обстоятельствъ, въ которыхъ находится». Далѣе, сообщая о напечатаніи въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» мнѣнія французскаго полковника Статона, фонъ-Фокъ пишетъ, что «такой ужасный промахъ въ газетѣ можетъ только извиниться глупостью и неспособностью князя Шаликова». Впрочемъ, слухъ о назначеніи Ш. цензоромъ оказался вздорнымъ, и редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» продолжалъ оставаться на своемъ мѣстѣ еще около десяти лѣтъ. Помимо «Московскихъ Вѣдомостей», кн. Шаликовъ съ 1823 по 1833 годъ редактировалъ и издавалъ еще свой собственный журналъ: «Дамскій Журналъ», который по сентиментализму и нѣжной чувствительности» (вѣрнѣе чувственности) былъ вполнѣ достойнымъ продолженіемъ «Московскаго Зрителя» и «Аглаи». Однако, въ немъ была и маленькая особенность, говорившая еще менѣе въ его пользу,—въ немъ было отведено видное мѣсто полемикѣ, которую съ большимъ основаніемъ, пожалуй, можно было бы назвать грубою площадною бранью. Уволенный въ 1836 году отъ должности редактора «Московскихъ Вѣдомостей» и не имѣя собственнаго журнала, а слѣдовательно и возможности печатать свои произведенія, кн. Шаликовъ сталъ писать все меньше и меньше, благодаря чему вскорѣ почти совсѣмъ былъ забытъ читающей публикой. Онъ дожилъ до глубокой старости и скончался 16-го февраля 1852 года.

А. В. Арсеньевъ. Словарь писателей, стр. 145—146; К. Н. Батюшковъ, «Сочиненія», т. I, С.-Пб., 1887 г., стр. 81, 291, 292, 397, 434—437; т. II, С.-Пб., 1885 г., стр. 394, 512 и 521; т. III, С.-Пб., 1886 г., стр. 48, 121, 161, 165, 167, 172, 185, 242, 389, 428, 444, 457—459, 493, 538, 559, 618, 651, 668, 678, 679, 693, 728, 743. 756, 766; «Библіографич. зап.» 1859, столб. 307 (въ зап. А. А. Кононова); В. Буркашевъ, «Московскій гр. Хвостовъ: кн. П. И. Шаликовъ. Воспоминанія 1827 г. («Биржев. Вѣд. 1873, № 281; кн. Шаликова, Ал-ра, Письмо къ редактору журн. «Время» по поводу статьи: «Пѣвецъ Кубры». («Время» 1862, № 11, «Современ. Обозр.», стр. 143—157); Н. И. Гречъ, «Учебная книга Россійск. слов. ч. IV, С.-Пб. 1822 г., стр. 619—620; «Изъ жизни русскихъ писателей», С.-Пб. 1882 г., стр. 122—123; «Московск. Вѣд.» 1814, № 36, стр. 903, 1824 г., № 16, стр. 577; «Московск. Телегр.», 1827 г., ч. XIV, № 5, отд. II, стр. 45; № 6, стр. 99—101, 198; «Сынъ Отеч.», 1825 г., т. CII, стр. 257—276, 357—386; Н. И. Буличъ, «Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX вѣка», т. I, С.-Пб. 1902 г., стр. 110—112; А. Галаховъ, «Историческо-литературная хрестоматія новаго періода русской словесности» т. II, С.-Пб., 1892 г., стр. 175—179; М. А. Дмитріевъ «Мелочи изъ запаса моей памяти» М. 1869 г., стр. 88—95; «Записки Ф. Ф. Вигеля», т. III, М., 1892 г., стр. 138—140 и 143; кн. И. М. Долгорукій «Капище моего сердца или Словарь всѣхъ тѣхъ лицъ, съ коими я былъ въ разныхъ отношеніяхъ въ теченіе моей жизни», М. 1874 г., стр. 179; «Время» 1862 г., № 6, ст. Е. Я. Колбасина, «Пѣвецъ Кубры», стр. 164—167; кн. Н. А. Вяземскій, «Полное собраніе сочиненій», т. III, стр. 275—279; «Благонамѣренный» 1823 г., № 11, ст. А. Е. Измайлова; С. П. Жихаревъ, «Записки современника», стр. 194—195; Воейковъ, «Парнасскій календарь». «Русскій Архивъ» 1867 г., стр. 1085 и 1132, 1862 г., стр. 1097—1100 и др.; «Русская Старина» 1871 г., т. IV, стр. 420; 1903 г., т. I, въ запискахъ Э. И., Стогова, стр. 142—143; 1901 г., т. 105, стр. 97—101; т. 106, стр. 401, т. 107, стр., 164 и т. 108, стр. 120; А. В. Мезіеръ, «Русская словесность съ XI по XIX столѣтіе включительно», ч. II, С.-Пб. 1902 г., стр. 454—455 «Московскія Вѣдомости» 1852 г., № 27, некрологъ, стр. 273; «Сынъ Отечества» 1852 г., т. 2, кн. 3, некрологъ; «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1852 г., № 89, стр. 361,

некрологъ; «Сѣверная Пчела» 1852 г., № 54, некрологъ; «Словарь Ларусса», т. XVI, стр. 337; «Словарь Старчевскаго», т. XII, стр. 205; «Энциклопедич. словарь Ефрона, т. 77, стр. 109—110.

Е. В. Ястребцовъ.

Отдѣльно изданныя сочиненія кн. П. И. Шаликова: 1) «Плодъ свободныхъ чувствованій», Москва, 1798—1801 г., 3 части; 2) Стихи Е. И. В—ву Александру I-му на возшествія на всероссійскій престолъ», Москва (безъ означенія года); 3) Ода Е. И. В—ву Александру I-му на день высокоторжественнаго коронованія, Москва, 1801 г., 4°; 4) Стихи на кончину его сіятельства князя Никол. Вас. Репнина, Москва, 1801 г., 4°; 5) «Цвѣты грацій», Москва, 1802; 6) «Путешествіе въ Малороссію», Москва, 1803 г.; 7) «Другое путешествіе въ Малороссію», Москва, 1804 г.; 8) Стихи Е. И. В—ву Александру I-му на заключеніе мира съ Франціей, Москва, 1807 г.; 9) Стихи на кончину его сіятельства графа Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго (безъ означенія мѣста и года печати), (1808?); 10) «Достопочтенному сосѣду, юности моей благодѣтелю, его прев—ву Петру Николаевичу Жерсбцову», Москва, 1813 г., 4°; 11) Стихи Ея И. В—ву Гос. Имп—цѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ на побѣды Александра I-го, Императора Всероссійскаго, Отца Отечества, утѣхи народовъ, Москва, 1813 г.; 12) «Историческое извѣстіе о пребываніи въ Москвѣ французовъ въ 1812 г.», Москва 1813 г.; 13) Стихи Ея И. В. Гос. Имп. Маріи Ѳеодоровнѣ на взятіе Парижа Августѣйшимъ Ея Сыномъ, Отцемъ Отечества, Александромъ I-мъ, Москва, 1814 г.;14) «Островъ Эльба и новый Санхо-Панса», Москва 1814 г.; 15) «Мысли, характеры и портреты», Москва, 1815 г.; 16) «Посланіе въ стихахъ», Москва, 1816 г.; 17) «Путешествіе въ Кронштадтъ 1805 года», Москва, 1817 г.; 18) «Шатобріанъ. Воспоминанія объ Италіи, Англіи и Америкѣ». Перев. кн. П. Шаликова, 1817 г.; 19) «Жанлисъ, Новыя повѣсти», перев. кн. П. Шаликова, Москва, 1818, 2 части; 20) «Гимнъ человѣколюбію, пѣтый въ день годичнаго торжества въ странно-пріимномъ домѣ гр. Шереметева, 27 февр. 1819 г.; Москва, 1819 г., 4°; 21) «Повѣсти кн. Шаликова», Москва, 1819 г.; 22) «Сочиненія кн. П. И. Шаликова», Москва, 1819 г., 2 части; 23) «Посланіе къ Государственному канцлеру, графу Николаю Петровичу Румянцеву, знаменитому патріоту», Москва, 1820 г; 24) «Послѣдняя жертва музамъ», Москва, 1822 г.; 25) «Е. И. В—ву Гос. Имп—ру Николаю I-му на заключеніе мира съ Портою Оттоманскою», Москва, 1829 г., 4°.

Сверхъ того, кромѣ издававшихся имъ журналовъ, онъ помѣщалъ свои произведенія въ слѣдующихъ изданіяхъ: «Сѣверн. Вѣстн.», 1805 г., ч. VII, стр. 116; «Вѣстн. Евр.», 1810 г., № 22, стр. 150; 1819, № 24, стр. 309; «Труды Общ. Любит. Рос. Слов.», ч. XVIII (1820 г.), стр. 8—12; «Венера», или собраніе стихотвореній разныхъ авторовъ, Москва, 1831 г, ч. IV, стр. 90—92; «Московск. Губ. Вѣд.», 1842 г., № 12, стр. 262, а также и въ слѣдующихъ нумерахъ.

Ф. В.

Шалфѣевъ, *Петръ Ивановичъ*, писатель духовно-нравственныхъ статей, сынъ дьячка, впослѣдствіи священника, родился въ Великихъ Лукахъ. Научившись отъ отца кое-какъ читать и писать, поступилъ въ Великолуцкое духовное училище, а оттуда въ Псковскую Духовную Семинарію. Своею даровитостью и трудолюбіемъ онъ здѣсь обратилъ на себя вниманіе ректора этой Семинаріи. Когда въ 1851 году въ составъ 21-го академическаго курса требовался изъ Пскова только одинъ воспитанникъ семинаріи, то бывшій ректоръ, въ то время уже Новгородскій викарій, преосвященный Антоній, впослѣдствіи архіепископъ Кишиневскій, рекомендовалъ Шалфеева академическому начальству. Онъ самъ далъ ему денегъ на дорогу и ободрялъ его ѣхать на пріемный экзаменъ. Поступивъ въ С.-Петербургскую Духовную Академію, Шалфеевъ и здѣсь продолжалъ усердно заниматься и былъ однимъ изъ самыхъ старательныхъ студентовъ. Особенно онъ интересовался философіей, которую внимательно изучалъ, оставаясь въ то же время глубоко религіознымъ человѣкомъ. По окончаніи курса академіи въ 1855 году со званіемъ магистра, онъ былъ оставленъ при ней баккалавромъ по каѳедрѣ патристики, или ученія о св. отцахъ церкви. Склонный отъ природы къ серьезному мышленію, онъ горячо принялся за изслѣдованія твореній св. отцовъ церкви и въ теченіе семи лѣтъ добросовѣстно трудился надъ своимъ предметомъ. Эти постоянныя работы для класса занимали все его время, такъ что въ 1855—1857 гг. онъ не написалъ ни одной статьи для печати. Плодомъ его изслѣдованій были прекрасныя академическія лекціи, о которыхъ съ уваженіемъ отзывались его ученики. Нѣкоторыя изъ нихъ, въ видѣ отдѣльныхъ статей, были помѣщены въ издающемся при Академіи журналѣ «Христіанское чтеніе». Первая его патрологическая статья помѣщена была въ январьской книжкѣ 1858 г.: «Св. Кипріанъ, епископъ Карѳагенскій, какъ поборникъ единства церкви». Затѣмъ въ апрѣлѣ и маѣ 1860 года помѣщена его статья: «Обзоръ отеческой письменности въ IV и V вѣкахъ по Р. Х.» и «О монашествѣ противъ протестантовъ». Наконецъ, двѣ статьи—о «Св. Григоріи Богословѣ» и «Св. Исаакѣ Сиринѣ»—напечатаны въ 1861 году. Эти статьи могутъ дать нѣкоторое представленіе о напра-

вленіи его изслѣдованій, о стройности его понятій о наукѣ, имъ преподаваемой. Они показываютъ, что онъ изъ своей науки хотѣлъ создать исторію непрерывнаго апостольскаго преданія, съ указаніемъ историческихъ обстоятельствъ, измѣнявшихъ направленіе божественнаго ученія и съ сохраненіемъ индивидуальныхъ чертъ характера ученія каждаго отца. Но эта широкая задача для своего выполненія требовала и много времени, и богатыхъ пособій. Ни того, ни другого у Шалфеева не было, и вслѣдствіе этого она и наполовину не была осуществлена имъ. Когда въ свѣтской и духовной литературѣ поднялись горячіе споры объ отношеніи христіанства къ вопросамъ современной жизни, къ прогрессу, П. И. также рѣшилъ высказать свой взглядъ на этотъ вопросъ и въ статьѣ «Христіанство и прогрессъ», появившейся сначала въ «Христіанскомъ Чтеніи», а потомъ отпечатанной отдѣльно, онъ, уясняя отношеніе христіанства къ прогрессу, проводитъ ту мысль, что прогрессъ, въ смыслѣ постояннаго развитія человѣчества, стремленія его къ совершенству, не противорѣчитъ христіанству и очень желателенъ съ его точки зрѣнія. Но авторъ совершенно отвергаетъ прогрессъ, какъ теорію, признающую *неизбѣжность* хода человѣчества впередъ *«безъ конца»*, потому что, говоритъ онъ, такой прогрессъ устанавливалъ бы необходимость для развитія и отвергалъ бы, значитъ, нравственную свободу человѣка.

Шалфеевъ намѣревался также принять дѣятельное участіе въ изданіи журнала «Духъ Христіанина», программа котораго была обдумана при его содѣйствіи, и для котораго онъ написалъ двѣ статьи: «Духъ и плоть» и «Мысли о православіи», но умеръ въ первый же годъ существованія этого журнала. Скуднаго баккалаврскаго жалованья не хватало Шалфееву для поддержанія себя и своей семьи, и онъ вынужденъ былъ удѣлять время на постороннія работы, какъ, напр., года два онъ читалъ корректуру «Христіанскаго Чтенія», составлялъ статьи, не относящіяся къ его наукѣ, для «Христіанскаго Чтенія» и «Духа Христіанина». Но особенно много ему приходилось заниматься переводами съ греческаго языка, который онъ зналъ превосходно. Съ этого языка онъ переводилъ творенія Св. отцовъ (для «Христіанскаго Чтенія») и византійскихъ историковъ. Болѣе года онъ употребилъ на переводъ и редакцію «Римской исторіи» Никифора Григорея, отпечатанной въ 1862 году. Все время онъ не переставалъ заниматься философскими науками и, хотя времени у него было мало, все же успѣлъ выработать свой самостоятельный христіанскій взглядъ на философію и даже составилъ общій планъ своихъ философскихъ размышленій. За мѣсяцъ до его смерти Министерство Народнаго Просвѣщенія постановило отправить его за границу на три года для окончательнаго приготовленія къ занятію философской каѳедры въ одномъ изъ нашихъ университетовъ. Скончался Ш. 26-го іюня 1862 года.

Некрологъ. «Духъ Христіанина» 1861—1862 гг., іюль № 11, стр. 1—5; некрологъ. Статья А. Вишнякова—«Сынъ Отечества» 1862 г. №172. А. Предтеченскій, Воспоминанія о покойномъ баккалаврѣ П. И. Шалфеевѣ и нѣкоторыя размышленія, вызванныя воспоминаніемъ». «Христіанское Чтеніе» 1862 г., ч. 11, отд. III (547—569); Чистовичъ, «Исторія С.-Петербургской Духовной Академіи». «Энциклопед. слов. Ефрона», т. 77, стр. 113.

Шамбо, *Иванъ Павловичъ*, тайный совѣтникъ, секретарь Императрицы Александры Ѳеодоровны; родился въ 1783 г. въ Берлинѣ, куда переселился отецъ его, принадлежавшій къ гугенотамъ. Въ 1814 г., 15-го декабря, Шамбо поступилъ на службу секретаремъ къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, бывшей тогда еще принцессой Прусской, съ которой и прибылъ въ Россію въ іюлѣ 1817 г. Въ началѣ царствованія Императора Николая I-го ему поручено было преподаваніе нѣмецкаго языка цесаревичу Александру Николаевичу, впослѣдствіи императору Александру II, причемъ ему назначена была «за усердіе» пенсія въ размѣрѣ трехъ тысячъ рублей. Послѣднее время своей жизни, состоя въ чинѣ тайнаго совѣтника, Шамбо управлялъ Домомъ для призрѣнія бѣдныхъ, основаннымъ послѣ наводненіи 1824 года англійскимъ негоціантомъ Джономъ Веннингъ и получившимъ впослѣдствіи наименованіе Дома императрицы Александры Ѳеодоровны для призрѣнія бѣдныхъ. Секретаремъ императрицы Шамбо оставался до самой своей

смерти, послѣдовавшей въ первой половинѣ 1848 года.

Шамбо пользовался полнымъ довѣріемъ императрицы; у него была ея печать и онъ распоряжался частной ея корреспонденціей. По всей вѣроятности ему принадлежитъ «Краткій курсъ всеобщей исторіи», изданный въ 1838 году въ С.-Петербургѣ въ двухъ частяхъ и представляющій собой переводъ съ французскаго съ нѣкоторыми дополненіями и примѣчаніями къ подлиннику.

«Послужный списокъ», составленный 31-го мая 1841 г.;—«Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской С.-Петербурской Академіи Художествъ», изданный подъ редакціей П. Н. Петрова, т. II, С.-Пб. 1865 г., стр. 289;—«Записки» А. О. Смирновой, ч. I, С.-Пб. 1895 г., стр. 55, 56;—«Монографіи учрежденій вѣдомства императрицы Маріи», С.-Пб., 1882 г., стр. 567—68; «Вѣдомости С.-Петербурской Городской полиціи» 2-го іюля 1848 г., № 143 (объявленіе о смерти); «Русская Старина», 1898 г., ноябрь, стр. 336; «Жизнь и труды» Погодина, т. III, стр. 286; «Списокъ гражданскимъ чинамъ первыхъ четырехъ классовъ» по 1-е апрѣля 1845 г., стр. 166; М. Д. Ольхинъ, «Систематическій реэстръ русскимъ книгамъ» съ 1831 по 1846 г., С.-Пб. 1846 г., № 1997; «Каталогъ русскихъ книгъ библіотеки Императорскаго С.-Петербурскаго Университета», т. I, С.-Пб. 1897 г., стр. 1034. *В. Гарскій.*

Шамиль, *имамъ Чечни и Дагестана*, сынъ аварскаго узденя; родился въ 1798 году въ аулѣ Гимры (въ Андіи), въ томъ же самомъ, въ которомъ родился также извѣстный Кази-Мулла. Съ дѣтства Шамиль отличался живымъ характеромъ, суровостью и непреклонною волею. Онъ былъ отданъ въ обученіе сперва Кази-Муллѣ, а затѣмъ ученому Джемамъ-Эддину, проживавшему въ Унцукулѣ (также въ Андіи), съ дочерью котораго Шамиль вступилъ въ бракъ. Въ то время Кази-Мулла былъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ распространителей мюридизма, имѣвшаго важное значеніе и въ исторіи развитія магометанскаго ученія на Кавказѣ и въ успѣшной дѣятельности самого Шамиля. Черкесы, сдѣлавшись магометанами въ началѣ XVIII столѣтія, имѣли крайне смутныя понятія объ ученіи Корана, который съ трудомъ понимали полуграмотные муллы, руководствовавшіеся болѣе адатомъ. Духовенство въ Чечнѣ и другихъ мѣстахъ Кавказа было бѣдно и невѣжественно до того, что во всей Чечнѣ не было ни одного ученаго, и молодые люди, желавшіе обучиться арабскому языку настолько, чтобы прочесть Коранъ, должны были отправляться за ея предѣлы. Довольно рано на Кавказѣ явились ретивые приверженцы магометанства — мюриды, принявшіе за основаніе толкованій Корана слѣдующія три главныя начала, именно: 1) приглашеніе правовѣрныхъ къ возстанію противъ ненавистной власти и къ защитѣ законныхъ или религіозныхъ правъ мусульманъ, это такъ называемый *даватъ*; 2) предложеніе всѣмъ людямъ добровольно принять исламъ; въ случаѣ же отказа въ этомъ, предпринимался *джигадъ*, т.-е. война за магометанскую вѣру, и отказавшіеся принять магометанство добровольно принуждались къ тому силою; 3) указаніе каждому правовѣрному нравственнаго пути, слѣдуя которому онъ могъ достигнуть блаженства, *тарыкатъ*. Послѣдователи этого ученія назывались по-персидски иманы, по-арабски шейки, сафи, муршиды и т. д. Такимъ образомъ мюридизмъ давалъ возможность людямъ хитрымъ, ловкимъ, часто руководимымъ своекорыстными видами, возвышаться до высокихъ степеней значенія и силы въ народѣ, а также давалъ умнымъ и властолюбивымъ муршидамъ средство руководить массою своихъ приверженцевъ— учениковъ (мюридовъ) и направлять ихъ дѣйствія къ достиженію своихъ личныхъ цѣлей и стремленій. Такимъ лицомъ одно время на Кавказѣ былъ Кази-Мулла, проповѣдывавшій священную войну въ концѣ двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія. Шамиль увлекся его ученіемъ, явился однимъ изъ его горячихъ послѣдователей, былъ сперва его нукеромъ (т.-е. конскимъ прислужникомъ), а затѣмъ и мюридомъ. Онъ находился при Кази-Муллѣ въ сраженіи 1832 г. при Гилери, гдѣ Кази-Мулла былъ тяжело раненъ, и вынесъ его изъ сраженія, при чемъ былъ самъ раненъ двумя пулями. По смерти Кази-Муллы народъ Чечни избралъ имамомъ Гамзатъ-бека, который былъ скоро убитъ кинжаломъ, и затѣмъ на его мѣсто былъ провозглашенъ Шамиль. Онъ прежде всего наказалъ убійцъ Гамзатъ-бека и приказалъ сбросить съ моста въ глубокій оврагъ *Булахъ-хана*, одного изъ послѣднихъ отпрысковъ Аварскаго ханскаго дома. Затѣмъ, имѣя свое пребываніе въ Ашильтѣ (аулъ въ Андіи на притокѣ

Андійскаго Койсу, южнѣе *Ахульго*), Шамиль заботился очень объ увеличеніи числа своихъ приверженцевъ; стараясь при этомъ дѣйствовать на религіозныя чувства народа внѣшнею обрядностью религіи, выказывалъ себя очень религіознымъ и преданнымъ мюридизму.

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ среди чеченцевъ сталъ распространяться слухъ, что будто бы русское правительство намѣревается обратить ихъ всѣхъ въ крестьянъ и подвергнуть рекрутской повинности. Они стали волноваться, пытались укрыться отъ русскаго владычества, бѣжали въ лѣса, за Сунжу, но скоро увидѣли, что при своей разрозненности не въ силахъ защищаться противъ русскихъ войскъ, для борьбы съ которыми требовалась и энергія и единство цѣли. Для возможнаго достиженія того и другого обыватели Чечни избрали своимъ главнымъ руководителемъ Шамиля, разбитаго уже нашими войсками при р. Урусъ-Мартанѣ, притокѣ р. Сунжи, но извѣстнаго имъ своимъ большимъ умомъ, сильнымъ характеромъ, непреклонною волею и отчаянною храбростью. Онъ принялъ званіе *имамъ-гуль-азама* (т.-е. великій первосвященникъ, глава вѣры), объявилъ себя поборникомъ шаріата и главою мюридизма, но не особенно стѣснялся правилами шаріата, объясняя ихъ всегда въ свою выгоду и пользу. Онъ не слѣдилъ за исполненіемъ горцами въ точности постановленій шаріата, но пользовался ими къ возбужденію подвластныхъ ему племенъ къ войнѣ съ невѣрными, посредствомъ преданныхъ ему *мюридовъ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ разжигалъ ихъ религіозный фанатизмъ, утѣшалъ сладкими надеждами на лучшую будущность, ввелъ новые порядки управленія горцами, преобразовалъ ихъ военныя силы и издалъ собраніе новыхъ постановленій по военной и гражданской части (такъ называемый низамъ), неизвѣстныхъ до этого чеченцамъ, которые во многомъ измѣняли правила шаріата и не мало имъ противорѣчили. Для лучшаго надзора за подвластными племенами Шамиль раздѣлилъ ихъ на округа (наибства), во главѣ которыхъ поставилъ вполнѣ преданныхъ ему людей (наибовъ), предоставивъ имъ право производить по своему усмотрѣнію судъ и расправу надъ чеченцами. Наибъ имѣлъ въ своихъ рукахъ всю военную и гражданскую власть въ округѣ и, пользуясь разными правами, являлся полнымъ деспотомъ своего округа, тѣснилъ по желанію своему каждаго, взималъ всякіе поборы по усмотрѣнію и т. д. Чеченцамъ это не нравилось, но они это сносили терпѣливо. Позднѣе Шамиль составилъ наибамъ особый наказъ, по которому каждый изъ нихъ долженъ былъ безпрекословно исполнять приказаніе имама или его повѣреннаго; неисполненіе влекло смѣну съ наибства и разжалованіе; каждый наибъ долженъ былъ неуклонно наблюдать за исполненіемъ низама, соблюдать строго всякую тайну, ему ввѣряемую, охранять зорко границы своего участка, оберегая его днемъ и ночью. Въ этомъ ему помогали *мурзатеки*, т.-е. лица, посвятившія себя караульной службѣ на границахъ, отлично вывѣдывавшія все, происходившее въ сферѣ русскихъ владѣній и расположенныхъ тамъ войскъ. Всякое отступленіе отъ низама влекло или денежное взысканіе или заключеніе въ яму: нерѣдко весь аулъ въ наказаніе разселялся по другимъ обществамъ. Вооруженіе было установлено поголовное всего народа, составлявшаго одно военное сословіе, обязанное нести военную службу не въ видѣ набора, а въ видѣ частныхъ или общихъ ополченій, созываемыхъ Шамилемъ по мѣрѣ надобности и въ такомъ числѣ, какое обусловливалось дѣйствительною необходимостью и обстоятельствами. Собрать ополченіе было несравнено легче, нежели образовать регулярное войско (котораго у Шамиля не было); горцы охотно вооружались поголовно, ибо издавна привыкли къ своеволію и свободѣ, и считали такое служеніе въ ополченіи дѣломъ богоугоднымъ, согласнымъ съ духомъ магометанской религіи. По ученію Корана каждый долженъ идти на войну съ невѣрными и спѣшить стать въ ряды выступающихъ на такую войну; поэтому и все духовенство магометанское становилось въ ряды ополченія. Шамиль въ особенности распространялъ среди населенія правила корана о войнѣ съ невѣрными. Поголовное ополченіе горцевъ Шамиль раздѣлилъ на пѣшее и конное; принялъ за тактическую единицу алфу—нѣчто въ родѣ полка, въ которомъ было 2 баталіона, по 500 человѣкъ въ

каждомъ, а баталіонъ дѣлился на 5 ротъ (міа) по сту человѣкъ; у каждой части былъ знакъ. Каждому семейству былъ присвоенъ *особый начальникъ* и оно обязано было не только выставить одного *вооруженнаго* человѣка, пѣшаго или коннаго, но и снабдить его провіантомъ на опредѣленное заранѣе число дней; вооруженіе состояло изъ кинжала, шашки, пистолета и винтовки. Шамиль очень заботился объ устройствѣ кавалеріи, способной къ быстрымъ передвиженіямъ, осматривалъ самъ лошадей, строго браковалъ ихъ и при неудовлетворительности лошади оставлялъ всадника дома, что̀ считалось великимъ позоромъ; наибамъ особенно строго вмѣнено было заботиться о кавалеріи. По первому требованію Шамиля ополченія должны были собираться и являться въ указанныя имъ мѣста. Отступать надлежало сплошною массою, а не въ разбродъ, не покидать имама, но окружать и охранять его и безъ его приказанія не дѣлать шага впередъ. Заготовленіе провіанта лежало въ отдѣльности на обязанности каждаго, шедшаго въ походъ, поэтому при продолжительныхъ походахъ надлежало являться съ запасами барановъ, соли, хлѣба и т. д. Кромѣ того, мѣста, по которымъ ополченіе проходило, обязаны были снабжать оное провіантомъ. Грабежи своихъ поселеній были запрещены весьма строго; отличавшіеся на войнѣ награждались чинами, знаками отличія, особыми эполетами и т. д. Источниками доходовъ Шамиля являлись: 1) поступавшіе къ нему, какъ предводителю войскъ и ихъ главѣ, *сборы* (*бей тульмаль*); 2) кромѣ того зянятъ, т.-е. одна десятая часть годовой жатвы съ полей и сотая часть скота изъ стадъ, и 3) не опредѣленные въ точности поборы, зависѣвшіе отъ произвола начальства и степени матеріальнаго благосостоянія лицъ, подлежащихъ податямъ, которыя взимались чѣмъ угодно, какъ-то монетою, лошадьми, скотомъ, произведеніями земли и т. д. Шамиль запретилъ подвергать взысканіямъ лицъ, несостоятельныхъ къ уплатѣ этой подати. 4) *Хумусъ*, т.-е. одна пятая часть добычи. Кромѣ того, для увеличенія военныхъ средствъ, были установлены Шамилемъ два налога: 1) съ зажиточныхъ вдовъ и лицъ, неспособныхъ отбывать лично службу въ ополченіи; 2) съ владѣльцевъ скота, полагая по одному барану со ста штукъ; онъ взимался натурою. Всѣ эти доходы поступали въ казну, которою вѣдалъ особый казначей, жившій въ резиденціи Шамиля. Казна хранилась въ домѣ послѣдняго. Всѣ расходы производились съ разрѣшенія самого Шамиля, дававшаго отчетъ въ деньгахъ избранному совѣту, конечно болѣе для вида, потому что вся казна находилась въ безотчетномъ его распоряженіи. Всякіе незаконные поборы съ обывателей строго наказывались.

Шамиль стремился осуществить планъ Гамзатъ-бека, своего предшественника, т.-е. упрочить власть въ Чечнѣ, завоевать Дагестанъ, Кубу, Дербентъ, Шемаху, и съ этою цѣлью прибылъ въ 1834 году въ Гоцатль, но скоро, разбитый нашими войсками при Мочохѣ, удалился въ Гимры, гдѣ велъ уединенную жизнь и искалъ спасенія въ постѣ и молитвѣ. Въ 1835 году онъ перебрался въ Ашильту, ибо мюриды, остававшіеся ему преданными, очень терпѣли отъ койсубулинцевъ и обратились къ нему съ просьбою защитить ихъ отъ преслѣдованій единовѣрцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ признали его имамомъ Дагестана. Шамиль долго колебался, но наконецъ рѣшился исполнить ихъ просьбу. Онъ сдѣлалъ воззваніе къ горцамъ, назначивъ имъ собираться въ Чиркатъ (въ Андіи на Андійскомъ Койсу). Тѣмъ временемъ генералъ Клюгенау намѣревался пробраться въ Ашильту и захватить самого Шамиля или вступить съ нимъ въ переговоры, такъ какъ Шамиль, какъ простой горецъ еще, не обращалъ въ то время на себя большого вниманія. Но главный начальникъ войскъ на Кавказѣ баронъ Розенъ не соглашался вступать въ переговоры съ Шамилемъ и началъ военныя противъ него дѣйствія, занявъ Хунзахъ, а затѣмъ окруживъ Шамиля въ аулѣ Тилитлы. Генералъ Фрезе, по недостатку снарядовъ и въ виду возстанія Кубанской области у него въ тылу, не могъ овладѣть ауломъ и 10-го іюля 1837 г. заключилъ миръ съ Шамилемъ, по которому онъ сталъ называться владѣтельнымъ лицомъ и считалъ своими владѣніями непокорныя намъ общества. При поѣздкѣ своей на Кавказъ императоръ Николай выразилъ желаніе видѣть Шамиля, но всѣ попытки убѣдить послѣд-

няго пріѣхать въ Тифлисъ къ пріѣзду императора 6-го октября 1837 г. оказались тщетными; этому противодѣйствовали ученые горцы и ихъ старшины, грозившіе убить Шамиля непремѣнно, если онъ только поѣдетъ въ Тифлисъ. Онъ, однако, не только въ 1837 году, но и впродолженіи всего 1838 г. не тревожилъ наши владѣнія; избравъ главнымъ мѣстомъ своего пребыванія Ахульго, въ Андіи, на берегу Андійскаго Койсу, онъ въ это время укрѣплялъ оный, не жалѣя средствъ. Тѣмъ временемъ лезгинцы вторглись въ Нуху, вблизи съ Грузіею, но Шамиль ничего не предпринималъ противъ русскихъ и соблюдалъ условія перемирія. Онъ упрочивалъ свою власть въ горахъ, увеличивалъ число своихъ приверженцевъ, готовыхъ по первому его призыву къ нему явиться. Въ 1839 г. начались уже волненія въ Дагестанѣ, и Шамиль угрожалъ прервать наши сообщенія между Хунзахомъ и Темиръ-Ханъ-Шурою и склонялъ на свою сторону Койсубулинцевъ и Самурцевъ. Генералъ Головинъ (замѣнившій бар. Розена) рѣшилъ принять рядъ мѣръ противъ Шамиля, а также для покоренія горскихъ народовъ и усмиренія Дагестана. Но пока Головинъ готовился къ военнымъ дѣйствіямъ, Шамиль въ февралѣ 1839 г. самъ напалъ на мирные аулы Койсубулинцевъ съ цѣлью привлечь ихъ на свою сторону и наказать тѣхъ изъ нихъ, которые вздумали бы ему сопротивляться. Онъ былъ увѣренъ въ безсиліи русскихъ предпринять что-либо рѣшительное противъ него. Укрѣпивъ гумбстовское селеніе *Аргуани*, на пути изъ Салатау къ Чиркату, Шамиль, имѣя съ собою 5 тысячъ человѣкъ, перешелъ въ ночь съ 3-го на 4-е мая Аварское Койсу въ Гимрахъ, напалъ на покорныя намъ селенія и двинулся далѣе. Въ Дагестанѣ мы имѣли въ то время мало войскъ; нашъ гарнизонъ въ Зирянахъ (также на р. Аварскомъ Койсу) былъ незначителенъ. Шамиль свободно дошелъ до Буртуная и занялъ его, испортивъ на пути дороги. Этимъ онъ лишалъ наши войска возможности успѣшно двигаться. Поэтому генералъ Граббе рѣшилъ обратиться сперва въ Чечню, разбить враждебныя намъ толпы подъ начальствомъ Ташавъ-Хаджи и затѣмъ уже безопасно двинуться чрезъ Салатавію и Гумбетъ противъ Шамиля. Вслѣдствіе этого наши войска выступили изъ кр. Внезапной, застигли въ расплохъ Ташавъ-Хаджу, разбили его близъ стараго Аксая, и совсѣмъ разсѣявъ его толпы у аула Саянси, возвратились опять въ Внезапную. Дорога шла лѣсами и горными ущельями, и горцы, пользуясь удобною для нихъ мѣстностью, сильно тревожили наши войска. Послѣ этого наши войска двинулись въ Ахульго. О Шамилѣ точныхъ свѣдѣній не имѣли, но знали, что онъ продолжалъ возмущать салатавскія племена. Дойдя до Буртуная, гдѣ произошло 24-го мая блистательное для насъ дѣло, двинулись чрезъ Аргуани къ Андійскому Койсу, по мѣстности, извѣстной намъ только по разспросамъ обывателей. При Аргуани произошелъ упорный бой съ 4 часовъ вечера 30-го мая до разсвѣта 1-го іюня, т.-е. 36 часовъ, послѣ чего Аргуани была взята штурмомъ. Направляясь затѣмъ къ Чиркату, генералъ Граббе построилъ мостъ на Койсу и 12-го іюня обложилъ Ахульго со всѣхъ сторонъ, нанесши ранѣе два пораженія скопищамъ Шамиля. Послѣдовавшіе два штурма *Ахульго* были для насъ неуспѣшны; горцы храбро и отчаянно оборонялись. Подошедшія къ отряду новыя подкрѣпленія дали возможность усилить осадныя работы противъ укрѣпленій Ахульго, о которыхъ не имѣлось точныхъ свѣдѣній. Это было причиною, что и третій нашъ штурмъ былъ отбитъ. Силы Шамиля постоянно возобновлялись, и онъ надѣялся, что мы принуждены будемъ снять осаду. Чтобы лишить Шамиля возможности имѣть сообщенія съ лѣвымъ берегомъ Койсу, генералъ Граббе занялъ его, построивъ мостъ. Это побудило Шамиля вступить въ переговоры, не имѣвшіе желаемыхъ послѣдствій. На 7-е августа былъ назначенъ новый штурмъ. Шамиль, не надѣясь удержать Ахульго, выслалъ сына своего Джемамъ - Эддина въ аманаты и началъ опять переговоры, длившіеся нѣсколько дней. Неуступчивость Шамиля была причиною прекращенія переговоровъ, послѣ чего послѣдовалъ штурмъ 22-го августа и затѣмъ семидневной бой для полнаго очищенія отъ горцевъ занятой у нихъ позиціи. Шамиль при этомъ скрылся въ одной изъ пещеръ, а потомъ ночью прокрался чрезъ нашу линію и къ разсвѣту

добѣжалъ до мѣста, гдѣ сливаются вмѣстѣ Андійское и Аварское Койсу; дальнѣйшее теченіе этихъ двухъ слившихся рѣкъ образуетъ р. *Сулакъ,* впадающую въ Каспійское море. Онъ пробрался затѣмъ въ Шатоевское общество, гдѣ чеченцы пригласили его стать ихъ вождемъ. Императоръ Николай I при докладѣ о взятіи Ахульго и бѣгствѣ Шамиля сказалъ: «Жаль, что ушелъ; признаюсь, что опасаюсь новыхъ его козней». Эти слова государя вполнѣ оправдались.

Генералъ Граббе изъ Ахульго двинулся чрезъ Унцукуль на Гимры, родину Шамиля, самый мятежный аулъ Дагестана, имѣвшій вредное вліяніе на окружающія его селенія, и, занявъ его, возвратился въ томъ же 1839 году въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Шамиль же, потерявъ Ахульго, поселился среди дремучихъ лѣсовъ въ Дарго и скоро вошелъ въ оживленныя сношенія съ воинственными чеченцами, воспользовался возникшими у нихъ неудовольствіями на завѣдывавшаго ими генерала Пулло и подготовлялъ вторженіе за р. Сунжу, съ цѣлью изгнать русскихъ приставовъ и не исполнять приказаній русскихъ начальниковъ. Общее возстаніе населенія Чечни, доходившаго до 80 т. человѣкъ, приняло опасные размѣры, о которыхъ никто не могъ и подумать. Оно коснулось окрестностей самаго Владикавказа и явилось полною неожиданностью для всѣхъ мѣстныхъ властей. По характеру самого племени возстаніе было очень упорное и притомъ всеобщее; каждый изъ чеченцевъ готовъ былъ на всякія пожертвованія для успѣха возстанія, вызваннаго распространеніемъ мюридизма и попыткою русскихъ властей обезоружить чеченцевъ. Они легко покидали свои поля и аулы, скрывались въ лѣсахъ, бѣжали къ Чернымъ горамъ и отчаянно дрались при всякой встрѣчѣ съ русскими войсками, которыхъ было очень мало въ то время и въ Чечнѣ и въ Дагестанѣ.

Собравъ значительное скопище, Шамиль уже 8-го марта 1845 года явился къ р. Урусъ-Мартану (притокъ Сунжи) и двинулся по Сунжѣ къ Владикавказу. Все населеніе мѣстностей, по которымъ онъ проходилъ, присоединялось къ нему. Необходимо было дѣйствовать противъ Шамиля рѣшительно, выславъ значительные отряды; но этого не было сдѣлано, и Шамиль имѣлъ возможность довести до конца организацію возстанія всего населенія отъ Андіи до Назрановскаго укрѣпленія (въ верховьяхъ Сунжи); чеченцы вторглись даже въ Моздокъ. Шамиль находился въ Дагестанѣ и возбуждалъ къ возстанію койсобулинцевъ. Дѣйствовавшій противъ него ген. Клюгенау спѣшилъ ранѣе Шамиля занять Коронайскія высоты и овладѣть Ишкартомъ. Успѣхи его побудили Шамиля кинуться въ Аварію. Овладѣвъ нѣсколькими селеніями, Шамиль намѣревался занять Унцукль, но подъ Гимрами былъ разбитъ 14-го сентября 1840 года и бѣжалъ въ Чечню. Наступившее осеннее время побудило наши отряды собраться въ Герзель-аулѣ (на р. Акъ-саѣ) и закончить военныя дѣйствія 1840 года. Власть и вліяніе Шамиля въ горахъ все увеличивались и принимали опасные размѣры. Поэтому Головинъ рѣшилъ сдѣлать въ 1841 году сильное нападеніе на Чиркей, ключъ для выхода изъ горъ на плоскости. Съ этою цѣлью сформированы были два отряда: одинъ подъ начальствомъ самого Головина, для дѣйствія въ Дагестанѣ, а другой, подъ начальствомъ ген. Граббе, для дѣйствія въ Чечнѣ, получившій приказаніе двинуться къ кр. Внезапной и содѣйствовать взятію Чиркея. Шамиль скоро былъ разбитъ на лѣсистыхъ Хабарскихъ высотахъ 15-го мая 1841 г., послѣ чего жители аула Чиркея бѣжали, а Граббе занялъ Чиркей при рѣкѣ того же имени, впадающей въ Сулакъ близъ *Евгеніевскаго* укрѣпленія, и двинулся разорять аулы общества *Аухъ*, куда скрылся Шамиль, а затѣмъ чрезъ Герзель-аулъ прошелъ въ Грозню на р. Сунжѣ и далѣе. При Заканъ-Юртѣ атаковали его горцы, но были разбиты. Къ осени вся Аварія была готова къ возстанію, и Шамиль пріобрѣталъ все новыхъ приверженцевъ, такъ какъ мюридизмъ сильно распространялся на восточномъ Кавказѣ. Шамиль поселился въ *Ичкеріи* (прилегаетъ съ востока къ Большой Чечнѣ), управлялъ ею какъ полный властитель, и въ то же время пользовался большимъ вліяніемъ и уваженіемъ въ Гумбетѣ, Андіи, въ землѣ лезгинъ. Въ началѣ 1842 года онъ былъ призванъ въ ханства Кюринское и Кази-Кумыкское, гдѣ вспыхнуло возстаніе. Шамиль забралъ въ плѣнъ начальника этихъ ханствъ и устроилъ свое управленіе. Скоро возсталъ

весь средній Дагестанъ, считавшійся спокойнымъ; волненіе грозило Самурскому округу и всему Закавказью; сообщеніе г. Дербента съ Темиръ-Ханъ-Шурою могло быть прервано. Князь Аргутинскій, стараясь предупредить послѣднее, кинулся на встрѣчу Шамилю и при аулѣ *Кюлюли* и рѣчкѣ того же имени нанесъ ему 2-го іюня 1842 г. жестокое пораженіе и горячо его преслѣдовалъ. Горцы, зная гораздо лучше мѣстность и всѣ горныя тропинки, быстро очистили Каза-Кумыкское ханство. Въ то же время ген. Граббе, желая прочно утвердиться въ Андійскомъ Койсу и устроить переправу у Тлоха или Ихами, двинулся въ Ичкерію, чтобы истребить Дарго,—мѣсто пребыванія Шамиля,—и подорвать матеріальныя и нравственныя его силы. Дорогъ въ Дарго не было; шли по узкому гребню, окаймленному лѣсомъ; на пути было устроено горцами множество заваловъ, которые приходилось брать штурмомъ. Множество раненыхъ затрудняли чрезвычайно движеніе, и Граббе въ 3 дня могъ пройти только 22 версты, а до Дарго оставалось столько же.—Опасаясь, что горцы займутъ его тылъ, Граббе рѣшилъ идти назадъ. Горцы съ яростью нападали на отступавшихъ, которые изнемогали отъ страшной жары и недостатка воды. Шамиль въ это время отбивался въ Дагестанѣ отъ кн. Аргутинскаго-Долгорукова; ему сообщили о движеніи Граббе и онъ чрезъ Андію бросился къ Дарго, но опоздалъ однимъ днемъ. Онъ рвалъ себѣ бороду съ досады, что былъ упущенъ случай истребить до послѣдняго человѣка весь русскій отрядъ и отомстить за пораженіе при Ахульго. Онъ забылъ о понесенномъ имъ при Кюлюли пораженіи и сталъ собирать новыя толпы, чтобы вторгнуться въ Аварію. Неудачное движеніе ген. Граббе очень усилило владычество Шамиля, вселило въ горцахъ глубокую довѣренность къ его счастью и военному дарованію. Шамиль, видя, какія затрудненія встрѣчаютъ наши войска въ Чечнѣ и Дагестанѣ при своихъ движеніяхъ, сталъ самъ дѣйствовать гораздо смѣлѣе.

Граббе, узнавъ о движеніи Шамиля въ Аварію, поспѣшилъ его встрѣтить. При Игали, 25-го іюня, на берегу Андійскаго Койсу, произошло жаркое сраженіе, послѣ котораго невозможныя дороги побудили Граббе идти назадъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, при чемъ горцы дерзко его преслѣдовали. Послѣ этого Шамиль началъ самъ переговоры о мирѣ и ставилъ условіемъ возвращеніе своего сына. Но все это было только уловкою съ его стороны, чтобы скрыть отъ насъ свои обширные планы. Собираясь начать самъ рѣшительныя наступательныя дѣйствія, Шамиль въ это время завершалъ устройство административныхъ порядковъ въ подвластныхъ ему земляхъ, закрѣплялъ свою власть самыми прочными мѣрами, собиралъ огромные запасы всякаго рода, устраивалъ свои скопища и разсылалъ также воззванія, полученныя имъ отъ турецкаго султана и египетскаго паши для начатія войны съ русскими. Отовсюду новый начальникъ нашихъ войскъ на Кавказѣ, ген. Нейдгартъ, получалъ извѣстія о приготовленіяхъ Шамиля, о пріѣздѣ къ нему важнаго лица изъ Константинополя, а также турецкихъ инженеровъ, соорудившихъ ему укрѣпленія въ *Салтѣ*, *Гергебилѣ*, *Чохѣ* и т. д. Извѣстіямъ этого рода не придавали значенія, а между тѣмъ, послѣ различныхъ хищническихъ набѣговъ въ концѣ 1842 года, Шамиль, совершивъ обычныя молитвы въ Дылымѣ (близъ Внезапной), въ лѣсистыхъ предгоріяхъ Чернаго хребта, предпринялъ движеніе на Унцукуль, чтобы наказать его за преданность русскимъ. Онъ занялъ Бетлинскую гору и обложилъ огромный, богатый аулъ Бетль, имѣвшій болѣе 800 дворовъ. Подошедшій на помощь аулу нашъ отрядъ былъ почти весь истребленъ Шамилемъ, а самый аулъ взятъ имъ 31-го августа и разрушенъ до основанія. Клюгенау торопился идти на встрѣчу Шамилю, который отправилъ въ Аварію Хаджи-Мурата съ его скопищами, а самъ, одержавъ еще нѣсколько не большихъ успѣховъ надъ русскими войсками, двинулся въ Балаканское ущелье, чтобы прервать сообщеніе нашихъ войскъ съ плоскостью. Клюгенау рѣшилъ удержать Хунзахъ, но на время пожертвовать своими сношеніями съ Темиръ-Ханъ-Шурою, гдѣ оставалось немного войскъ. Шамиль 2-го сентября, послѣ сильнаго обстрѣливанія, взявъ штурмомъ Балаканское укрѣпленіе, двинулся въ Зирянскому, разрушая дорогу между ними, и овладѣлъ Моксокскою башнею. Клюгенау, удерживая Хунзахъ и Гоцатль (тоже на Аварскомъ Койсу), не имѣлъ возможности

оказать помощи означеннымъ укрѣпленіямъ. Скоро около Цатанахъ появилась шайка Кибитъ-Магомы, и жители, присоединившись къ горцамъ, помогли имъ занять это мѣсто. Вся Аварія перешла на сторону Шамиля; Хадри-Муратъ быстро овладѣлъ Ахальчинскимъ укрѣпленіемъ, а Кибитъ-Магома—11-го сентября Готцатлемъ, имѣвшимъ важное стратегическое для насъ значеніе, но совсѣмъ не укрѣпленнымъ. Наши войска стояли въ Хунзахѣ и своимъ присутствіемъ сдерживали обывателей отъ измѣны и на сколько возможно укрѣплялись въ этомъ мѣстѣ. Шамиль, опасаясь атаковать Хунзахъ, обложилъ его кругомъ, но подошедшій Аргутинскій-Долгорукій выручилъ Клюгенау отъ блокады и они оба, соединивши свои войска, принудили Шамиля отступить на высоты. Онъ сжегъ всѣ аварскія селенія, силою увлекъ въ горы передававшихся ему жителей, казнилъ очень многихъ изъ нихъ и, оставивъ въ Аваріи однѣ дымящіяся развалины, направился къ Моксоку, уничтожая на пути всѣ укрѣпленія и селенія и переселяя ихъ обывателей въ горы. Дойдя до деревни *Андреевой* (близъ Внезапной), онъ потерпѣлъ пораженіе и отступилъ въ горы, къ ауламъ Аухъ и Акташи, намѣреваясь дать отдыхъ своимъ скопищамъ. Наши войска занимали всю Аварію до весны 1848 г. и сильно заняли Хунзахъ. Со всѣхъ сторонъ получались извѣстія, что Шамиль намѣревается начать усиленныя противъ насъ дѣйствія, съ цѣлью овладѣть Аваріей, и стягиваетъ свои полчища въ разныхъ мѣстахъ; свѣдѣнія объ этомъ получались самыя разнорѣчивыя. Между тѣмъ Шамиль кинулся въ Дагестанѣ на *Гергебиль*. Небольшой гарнизонъ Гергебиля, послѣ геройской защиты, выдержавъ штурмъ, принужденъ былъ сдаться 8-го ноября, когда изъ всего гарнизона оставалось въ живыхъ два раненыхъ офицера и двадцать пять солдатъ; всѣ остальные, числомъ 325 человѣкъ, погибли въ теченіе десятидневной обороны укрѣпленія противъ 12 т. горцевъ. Взятіе Гергебиля было сигналомъ къ возстанію Койсубулинскихъ ауловъ, на правомъ берегу Аварскаго-Койсу. Наши войска стали очищать Аварію, срывать укрѣпленія ея и стягиваться въ сѣверный Дагестанъ. Сообщенія Темиръ-Ханъ-Шуры на Дербентъ и Тифлисъ были прерваны. Шамиль послалъ отрядъ на сообщенія между Дербентомъ и Темиръ-Ханъ-Шурою и получилъ возможность безпрепятственно вторгнуться во владѣнія шамхальскія и мехтулинскія, и акушинскія селенія, въ которыхъ обыватели передались на сторону Шамиля и съ восторгомъ его встрѣтили. Шамиль напалъ на укрѣпленіе *Низовое*, гдѣ имѣлись значительные запасы муки и всего 346 ч. гарнизона, которые держались восемь дней и упорно отбивались день и ночь, не отходя отъ земляныхъ укрѣпленій. Къ счастью въ это время подошелъ генер. Фрейтагъ; онъ принудилъ горцевъ отступить, а затѣмъ, взявъ остатки горнизона и срывъ укрѣпленія, двинулся къ аулу *Міатлы*, уничтожая вездѣ слабыя наши укрѣпленія. Такимъ образомъ была нами очищена вся *Сулакская* линія. Шамиль скоро окружилъ Темиръ-Ханъ-Шуру. Это былъ апогей его могущества. Въ рукахъ Шамиля находился весь сѣверный Дагестанъ; онъ имѣлъ до 30.000 вооруженныхъ людей, и, несмотря на это, не рѣшался штурмовать Шуры и провелъ цѣлый мѣсяцъ въ бездѣйствіи, готовясь къ правильной ея осадѣ. Онъ по своей системѣ занимался переселеніемъ жителей съ плоскостей въ горы, задерживаніемъ нашихъ отрядовъ и транспортовъ, порчею дорогъ и т. д. Но Фрейтагъ, несмотря на сильные морозы и ужасныя вьюги, успѣлъ подойти во-время къ Шурѣ и принудилъ Шамиля отступить къ Казанищамъ (южнѣе Темиръ-ханъ-Шуры) и затѣмъ тутъ и при аулѣ *Муселимъ* 16-го декабря разбилъ Шамиля, который бѣжалъ на западъ, въ *Эрпели*. Утомленіе нашихъ войскъ не позволило преслѣдовать горцевъ.

Въ началѣ 1844 года новый главный начальникъ войскъ на Кавказѣ, генералъ Нейдгардтъ, составилъ планъ: весною двинуться черезъ Андію въ Дарго—вторую резиденцію Шамиля и главный его опорный пунктъ, сдѣлавъ одновременно, для отвлеченія вниманія его, двѣ диверсіи: въ Малую Чечню и на лезгинскую линію. Для этого были собраны значительныя силы. Но Шамиль не сталъ ожидать наступленія этихъ войскъ и самъ явился съ большими партіями въ апрѣлѣ мѣсяцѣ на Кумыкской плоскости, но скоро

былъ отбитъ отъ станицы Андреевой. Нейдгардтъ медлилъ начать военныя дѣйствія, а Шамиль, между тѣмъ, все усиливалъ возмущеніе остальныхъ покорныхъ намъ обществъ и тревожилъ наши сообщенія. Только въ концѣ іюня Нейдгартъ двинулся на даргелійскій округъ и принудилъ Шамиля отступить къ Буртунаю, а затѣмъ еще далѣе, до Акуши. Вскорѣ онъ покинулъ безъ боя и эту крѣпкую позицію, которая и была занята нами. У Карадахскаго моста Шамиль соединился съ партіею Кибитъ-Магомы. Дойдя до этого мѣста, наши войска отошли назадъ, потому что Нейдгардтъ отказался отъ движенія въ Андію и рѣшился обратить войска на устройство необходимыхъ укрѣпленій. Съ 23-го августа 1844 года началось сооруженіе нами передовой чеченской линіи, которая отрѣзывала отъ мятежныхъ чеченцевъ лучшія ихъ поля и пастбища и совершенно измѣняла положеніе края. Горцы это поняли и всячески препятствовали при этихъ работахъ. Скоро настала непогода, дожди, холода, но войска успѣли соорудить крѣпость *Воздвиженскую* на р. Аргуни. Боясь вскорѣ потерять всю Чечню, Шамиль всячески убѣждалъ жителей противиться намъ и очень старался упрочить свою власть. Онъ совсѣмъ уничтожилъ большой аулъ *Чохъ*, не желавшій ему подчиняться, которому мы не могли оказать помощи, потому что наши войска не въ силахъ были проникнуть въ долину Самури чрезъ непроходимыя горы, покрытыя глубокимъ снѣгомъ. Это паденіе Чоха произвело вредное для насъ вліяніе на покорившіеся намъ аулы; они снова передались Шамилю. Онъ требовалъ присяги отъ чеченцевъ и строго запретилъ имъ сношеніе съ мирными горцами. Въ 1845 году новый главнокомандующій, князь М. С. Воронцовъ, лично выступилъ съ большимъ отрядомъ для занятія Андіи въ началѣ іюня. Послѣ удачнаго дѣла при Мичикале, начался подъемъ на перевалъ Кыркъ, продолжавшійся около 14 дней, при самой неблагопріятной погодѣ, и только въ концѣ іюня войска вступили въ Андію, огражденную со всѣхъ сторонъ высокими хребтами горъ и перерѣзанную оврагами. По приказанію Шамиля, всѣ аулы, лежавшіе на нашемъ пути, были совершенно выжжены; самъ онъ занялъ сильную позицію за рѣкою Іодаръ, съ большими завалами впереди. Эти завалы были всѣ взяты нашими войсками, овладѣвшими также Анчимеромъ и Андіи. Ожиданіе транспортовъ побудило остановиться въ Андіи. Это убѣдило, что доставку провіанта для отряда удобнѣе производить со стороны Чечни и Маюртуна, прорубивъ отъ нея въ Дарго широкую просѣку и устроивъ фортъ въ Дарго. Вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе убѣждались и въ томъ, что обладаніе плоскостью служитъ ключемъ къ прочному нашему водворенію въ восточномъ Кавказѣ.

18-го и 19-го іюня на высотахъ, окружающихъ Андію, стали появляться отряды горцевъ, противъ которыхъ Воронцовъ выступилъ налегкѣ вверхъ по р. Годору, на перевалъ Речелъ: горцы отступали. Шамиль, видимо, избѣгалъ боя, и Воронцовъ вернулся въ Гогатль. Успѣхъ нашего предпріятія зависѣлъ отъ своевременнаго прихода транспортовъ съ провіантомъ, котораго при войскѣ имѣлось всего на 9 дней. Воронцовъ рѣшилъ, не теряя времени, наступать на Дарго, устроивъ въ Гогатлѣ небольшое укрѣпленіе, гдѣ остались больные и разныя тяжести, при небольшомъ гарнизонѣ. Дорога въ Дарго спускается съ вершины Речелъ и Черныхъ горъ къ верховьямъ р. Акъ-Сая, идетъ все время среди лѣса и затѣмъ переходитъ на правую сторону р. Акъ-Сая, входитъ въ дремучій Ичкеринскій лѣсъ и чрезъ 3 версты выходитъ на возвышенную поляну въ лѣсу и затѣмъ въ долину Дарго. По всей дорогѣ были устроены изъ толстыхъ деревьевъ сильные завалы, обороняемые горцами, а на полянѣ стоялъ Шамиль. Наши войска съ большими потерями овладѣли завалами, разрушили ихъ и вышли на поляну. Шамиль сжегъ свой лагерь и бѣжалъ. Воронцовъ приказалъ овладѣть самымъ ауломъ Дарго; это было исполнено и вечеромъ Воронцовъ вступилъ въ столицу Шамиля, который, перейдя Акъ-Сай, сталъ на дорогу къ Маюртуну и съ вершинъ началъ обстрѣливать наши войска. Были высланы войска очистить высоты лѣваго берега Акъ-Сая отъ горцевъ; они скоро овладѣли Белготаемъ, выбили горцевъ и преслѣдовали бѣгущихъ до глу-

бокаго оврага, сильно ими занятаго. Предстояло отступить назадъ, причемъ горцы постоянно на насъ бросались. 8-го и 9-го числа іюля войска отдыхали. Къ вечеру показался на высотахъ предъ Дарго нашъ транспортъ, навстрѣчу которому былъ высланъ сильный отрядъ, чтобы облегчить ему движеніе въ Дарго. Оказалось, что всѣ завалы, разрушенные нами, вновь возведены и сильно заняты горцами, устроившими для перекрестнаго огня еще боковые завалы. Пришлось снова брать ихъ штурмомъ, въ то время какъ другія партіи горцевъ кидались на нашъ арріегардъ и на подходившій транспортъ. Послѣ страшныхъ потерь, только въ 11 часовъ вечера высланные изъ Дарго войска подошли къ транспорту. На другой день предстояло идти въ Дарго по тому же ужасному пути, по которому за ночь горцы опять воздвигли завалы, залегли за ними и засѣли на деревьяхъ. Послѣ великихъ потерь пришли обратно въ Дарго, не доставивъ ничего изъ пришедшаго транспорта. Положеніе всего нашего отряда было самое отчаянное. Рѣшено было оставить Дарго и двинуться на Герзель-аулъ (на лѣвомъ берегу Аксая), чтобы, наступая такимъ образомъ на Шамиля, тѣснить горцевъ, удалять ихъ изъ Андіи и отъ возможности броситься на оставленные нами въ разныхъ мѣстахъ отряды и въ то же время скорѣе достичь своихъ запасовъ. Дорога на Герзель-аулъ была лучшая изъ другихъ дорогъ и притомъ кратчайшая. Рѣшено было выступить 13-го іюля въ 4 часа утра, предварительно уничтоживъ всѣ вьюки, палатки, всѣ вообще тяжести и т. д. Шамиль стоялъ въ наблюдательномъ положеніи и началъ свои нападенія, когда наши войска, пройдя Белютай, двинулись на Центери. Нападенія Шамиля были отбиты, но онъ попрежнему недоумѣвалъ о направленіи нашего движенія и потому подвигался сообразно съ движеніями нашихъ войскъ. Убѣдившись въ нашемъ движеніи на Герзель-аулъ, значительныя толпы горцевъ заняли лѣсной хребетъ горъ, отдѣляющихъ Гурдали отъ Шуани. На всемъ пути приходилось брать завалы съ большими потерями людей. Скоро горцы прервали даже сообщенія слабаго авангарда съ главными силами, но были оттѣснены; затѣмъ они врывались среди вьюковъ и повозокъ съ ранеными; все это до крайности замедляло движеніе нашихъ войскъ и они въ день съ трудомъ прошли 12 верстъ. Горцы особенно насѣдали на арріергардъ. Скоро въ русскихъ войскахъ оказался недостатокъ боевыхъ патроновъ и отсутствіе хлѣба; солдаты трое сутокъ ѣли кукурузу, собираемую на поляхъ, а воду добывали себѣ изъ Акъ-Сая подъ сильными выстрѣлами горцевъ. Дойдя до аула Шаухалъ-Берды, оказалось, что невозможно идти далѣе. Пришлось остановиться и ожидать прибытія генерала Фрейтага съ подкрѣпленіями. Шамиль тотчасъ догадался о причинѣ остановки нашихъ войскъ и непрерывно стрѣлялъ по нашему лагерю и все болѣе и болѣе окружалъ отрядъ. Наши войска переносили все съ величайшимъ самоотверженіемъ. Но 18-го іюля, въ 5 часовъ пополудни, послышались выстрѣлы со стороны Мискита; подходилъ Фрейтагъ, въ двое сутокъ сдѣлавшій болѣе ста верстъ; онъ явился спасителемъ всего отряда, который, несмотря на отчаянное противодѣйствіе горцевъ, пробился въ Мискиту, гдѣ оба отряда соединились и затѣмъ 20-го іюля подошли къ Герзель-аулу. Такъ завершилась эта знаменитая въ лѣтописяхъ Кавказской войны экспедиція въ Дарго, крайне для насъ неудачная.

Она чрезвычайно поощрила Шамиля; онъ задумалъ вторгнуться самъ въ наши предѣлы около Военно-Грузинской дороги, между Ларгомъ и Дарьяломъ, но это намѣреніе не состоялось. Воронцовъ же созналъ необходимость измѣнить характеръ военныхъ дѣйствій противъ горцевъ; онъ оставилъ большія экспедиціи и занялся прорубаніемъ обширныхъ просѣкъ, сооруженіемъ на выгодныхъ мѣстахъ укрѣпленій, прокладкою дорогъ, основаніемъ новыхъ станицъ и т. д. Двигаясь, такимъ образомъ, медленно, онъ стѣснялъ постепенно сферу владычества Шамиля. Эта правильная осада Кавказскихъ горъ началась въ 1846 году въ Малой Чечнѣ. Въ теченіе зимы 1845—1846 года чеченцы, опасаясь будущаго, намѣревались заявить покорность русскому правительству. Шамиль, чрезъ преданныхъ ему наибовъ, муллъ, а также шпіоновъ слѣдившій за всѣми слухами, скоро узналъ

объ этомъ намѣреніи чеченцевъ, жестоко казнилъ всякаго, заподозрѣннаго въ наклонности покориться русскимъ, преслѣдовалъ сурово за сношенія какъ съ русскими вообще, такъ и съ покорными чеченцами, и запрещалъ при ихъ посредствѣ что-либо пріобрѣтать. Онъ перенесъ свою столицу изъ Дарго въ *Ведень*, собиралъ туда для совѣщаній чеченскихъ старшинъ, упрекалъ ихъ въ слабости сопротивленія русскимъ, требовалъ отъ нихъ новой присяги и заложниковъ и обѣщалъ явиться съ артиллеріею, чтобы разрушить укрѣпленіе Воздвиженское (на р. Аргунѣ—также притокъ Сунжи, течетъ паралельно Хулхулу). Желая показать народу, что онъ не имѣетъ никакого намѣренія входить въ сношеніе съ русскими властями, Шамиль приказалъ разстрѣлять на площади 37 русскихъ плѣнныхъ. Въ 1846 году онъ приказалъ своимъ наибамъ безпрестанно тревожить набѣгами русскія войска на пространствѣ отъ границъ Владикавказскаго округа до сѣвернаго Дагестана. Однажды онъ лично переправился чрезъ Сунжу и Терекъ, проникъ въ Малую Кабарду, а затѣмъ и въ Большую, гдѣ расположился и убѣждалъ населеніе возстать и напасть на Военно-Грузинскую дорогу, чтобы прервать сообщеніе Россіи съ Грузіею. Онъ пробылъ въ Кабардѣ нѣсколько дней, но безъ успѣха; жители ея не рѣшились пристать къ нему. Опасаясь, чтобы наши войска не отрѣзали ему отступленіе, Шамиль отошелъ назадъ, произведя всѣмъ этимъ движеніемъ только большой переполохъ. Въ это время русскія войска сооружали укрѣпленія на р.р. Фортангѣ и Ассѣ, чтобы оградить Владикавказъ отъ набѣговъ горцевъ. Еще осенью 1846 г. Шамиль сдѣлалъ набѣгъ въ сѣверный Дагестанъ, разорилъ два аула, занялъ большой аулъ Куташи (близъ Гергебиля) и сталъ возмущать сосѣдніе аулы, но скоро потерпѣлъ пораженіе отъ князя В. О. Бебутова и едва спасся бѣгствомъ, оставивъ въ саклѣ коранъ съ коврикомъ для молитвы и свою шубу. Это пораженіе возстановило спокойствіе среди населенія на плоскости и въ предгоріяхъ, Шамиль же возвратился въ Ведень.

Вниманіе русскихъ военныхъ начальниковъ было теперь обращено на средній Дагестанъ. Не обезпеченный вовсе отъ подобныхъ покушеній Шамиля, онъ представлялъ собою не малый районъ для свободныхъ его дѣйствій, среди густого дагестанскаго населенія, покорность котораго была не очень прочною. Предстояло овладѣть горскими укрѣпленіями: Гергебиль, Салта, Чохъ, Ириб и устроить наше въ Гергебилѣ. Все это предположено было совершить въ 1847 году. Воронцовъ хотѣлъ не давать восторжествовать вліянію Шамиля и нанести ему рѣшительный ударъ, для чего двинулся въ 1847 г. на аулъ Гергебиль, въ сѣверномъ Дагестанѣ. Этотъ аулъ былъ очень сильно укрѣпленъ, помѣщался на большой скалѣ, совершенно недоступной съ сѣверо-западной стороны. Послѣ двухъ неудачныхъ штурмовъ, наши войска принуждены были отступить съ немалыми потерями. Горцы, увидѣвъ это, со свойственною имъ быстротою и расторопностью, стали преслѣдовать нашъ отрядъ и всячески затруднять ему отступленіе. Къ довершенію бѣдствій въ отрядѣ появилась холера. Съ большимъ трудомъ подошли около іюля мѣсяца 1847 г. къ аулу Салта (южнѣе Гергебиля), также очень сильно укрѣпленному Шамилемъ. Началась правильная осада аула, продолжавшаяся 52 дня, которой очень препятствовали полчища горцевъ подъ начальствомъ Гаджи Мурата, Кибитъ-Магомы и Даніель-бека, находившіеся въ окрестностяхъ Салты. Воронцовъ рѣшилъ ихъ отбить, что и удалось. Затѣмъ Шамиль со своими скопищами пытался пробраться въ аулъ, но безъ успѣха. Наконецъ, послѣ кровопролитнаго штурма 14-го сентября, нами занятъ былъ пустой аулъ. Горцы все время геройски защищались, но увидѣвъ безполезность дальнѣйшей обороны, ушли тайкомъ, по невѣдомымъ тропинкамъ, изъ аула. Паденіе Салты нанесло сильный ударъ господству Шамиля, понимавшаго всю важность для него неудачи, матеріальныя послѣдствія которой были для него незначительны; онъ продолжалъ свои набѣги въ разныхъ мѣстахъ. Это вынудило насъ оставлять на зиму войска въ аулахъ, наиболѣе подверженныхъ его нападеніямъ. Въ Чечнѣ, гдѣ жители относились къ намъ враждебно, истребляя наши аулы, пролагались въ лѣсныхъ чащахъ просѣки, облегчавшія доступъ въ глубь Чечни. Работы эти производи-

лись зимою 1848 г. при сильныхъ морозахъ, при содѣйствіи туземцевъ, силою сгоняемыхъ на работы изъ трущобъ, въ которыхъ они жили. Лѣтомъ же снова наши войска двинулись въ Гергебилю. Шамиль, чрезъ своихъ хаберовъ (ловкихъ собирателей новостей) знавшій отлично обо всемъ, происходившемъ въ нашихъ войскахъ, приготовился къ защитѣ Гергебиля. Онъ упорно оборонялся, дѣлалъ отчаянныя вылазки, но послѣ сильной бомбардировки, открытой нами по окончаніи осадныхъ работъ, Шамиль, видя невозможность дальнѣйшей обороны и ощущая недостатокъ провіанта, вышелъ со своими полчищами вечеромъ изъ аула, бросился въ разныя стороны и покинулъ аулъ. Цѣлый день фугасами мы разрушали занятый нами Гергебиль, вырубали сады, дѣлали дорогу въ аулъ *Аймяки* (къ сѣверо-востоку отъ Гергебиля), гдѣ горцы строили новое укрѣпленіе. Шамиль же на другой сторонѣ Койсу укрѣпился еще сильнѣе, нежели въ Гергебилѣ, и поджидалъ нашъ отрядъ, который, однако, отошелъ назадъ.

Такое постепенное занятіе передовой линіи стѣсняло Шамиля. Это побудило его попытать счастья и напасть на наше укрѣпленіе Ахты на р. Самурѣ. Но попытка оказалась неудачною; онъ принужденъ былъ снять осаду и поспѣшно спасаться. Такая неудача нанесла ударъ его положенію въ Дагестанѣ. Въ Чечнѣ же положеніе его было еще хуже. Прокладываемыя нами просѣки постепенно связывали укрѣпленія и плоскости Малой Чечни, которая между р. Сунжею и уступами Черныхъ горъ была уже навсегда утрачена для Шамиля; весь лѣвый берегъ Сунжи заселенъ казаками, устроены въ различныхъ мѣстахъ прочные мосты, и мы могли свободно двигаться съ р. Терека въ Чечню. 1849 и 1850 годы прошли въ мелкихъ набѣгахъ и перестрѣлкахъ. Шамиль и его главный совѣтникъ Джемалъ-Эддинъ вели усиленныя сношенія съ Константинополемъ, выражали свою полную преданность султану, просили помощи его противъ русскихъ, захватывающихъ постепенно ихъ земли. Кромѣ того, Шамиль въ это время приказалъ сдѣлать повсемѣстный сборъ людей въ самыхъ отдаленныхъ лезгинскихъ обществахъ, чтобы двинуться на помощь Чечнѣ, но это не имѣло успѣха; горцы какъ будто начинали сознавать безплодность борьбы и приближеніе неизбѣжной развязки. Наши войска, постепенно занявъ Малую Чечню, перебрались въ Большую и въ 1851 году рубили просѣки къ аулу Шали и р. Бассу и овладѣли страшнымъ окопомъ аула Шали. Горцы бѣжали. Шамиль былъ этимъ недоволенъ и рѣшился встрѣтить насъ сомкнутымъ фронтомъ 27-го февраля и потерпѣлъ сильное пораженіе отъ князя Барятинскаго. Горцы панически бѣжали.

Пораженіе горцевъ у Шали открывало нашимъ войскамъ доступъ къ плодороднѣйшимъ полямъ Большой Чечни и доказало ничтожность усилій Шамиля защитить ее. Онъ сталъ теперь устраивать завалы всякаго рода на рѣкѣ Мичикѣ (притокъ рѣки Хулхулу, близъ впаденія ея въ Сунжу) и собирать толпы обывателей изъ Дагестана, не умѣвшихъ драться въ лѣсахъ и къ тому же не оказывавшихъ особаго рвенія къ защитѣ Чечни. Кромѣ того, Шамиль собиралъ большіе запасы всякаго рода. Для уничтоженія ихъ князь Барятинскій (тогда еще начальникъ 25 дивизіи) двинулся изъ Шали къ Автуру по обрывистому берегу р. Хулхулы и затѣмъ далѣе до дороги въ Ведено (аулы Автуръ и Ведено (или Ведень) на рѣкѣ Хулхулу). Горцы полагали, что наши войска идутъ въ Ведено, откуда Шамиль двинулся на защиту Чечни. Но дѣйствія нашихъ войскъ ограничились на сей разъ разореніемъ ауловъ Большой Чечни, послѣ чего они направились въ Малую Чечню, къ верховьямъ р. Гойта (впадающей въ Сунжу) и затѣмъ на Аргунъ и занялись рубкою лѣса на р. Балѣ и устройствомъ дорогъ вглубь Большой Чечни. Шамиль приходилъ въ отчаяніе, видя что наши войска все болѣе и болѣе проникаютъ въ центръ чеченскаго населенія, принуждаютъ таковое или выходить къ нимъ или бѣжать въ горы и лишаютъ горцевъ плодородныхъ земель, снабжавшихъ хлѣбомъ все населеніе горъ. Шамиль усилилъ свои толпы, велѣлъ гдѣ только можно портить дороги и уничтожать переправы, проявилъ при этомъ самъ страшную дѣятельность, чтобы, хотя на время, задержать наше движеніе, и, не зная о немъ въ точности, собралъ значительныя силы около аула Хулхулу. Наши же войска двинулись на Гельдигенъ

(также на р. Хулхулу, не вдалекѣ отъ впаденія ея въ Сунжу) и затѣмъ на Маюртупъ, сильный аулъ, окруженный балками (оврагами) на уступахъ черныхъ горъ, лежавшій на значительной высотѣ надъ долиною Чечни; онъ представлялъ собою какъ бы полуостровъ, окруженный двумя глубокими оврагами. Всѣ высоты были заняты горцами, выжидавшими удобной минуты, чтобы кинуться на нашъ отрядъ. Огонь нашихъ орудій обратилъ горцевъ въ бѣгство. Шамиль тщетно пытался ихъ удержать и долженъ былъ послѣдовать ихъ примѣру. Занявъ Маюртупъ, наши войска двинулись далѣе на Качкалыковскій хребетъ, сожигая встрѣчавшіеся на пути аулы. Это произвело подавляющее впечатлѣніе на горцевъ. Шамиль убѣдился, что въ Чечнѣ борьба съ русскими невозможна и что онъ не въ состояніи ее удержать за собою. Онъ устремился на р. Мичикъ и сильно укрѣпилъ эту позицію, которая, однако, скоро была взята. Нравственно убитый, потерявъ лучшихъ людей и любимѣйшихъ своихъ наибовъ, Шамиль ускакалъ въ Бачикъюртъ, лежащій въ глубокомъ ущельи Гонкаула.

Возникшая въ это время восточная война съ Турціею и ея союзниками, лишивъ насъ возможности продолжать энергически военныя дѣйствія противъ Шамиля, до крайности оживила его надежды на дальнѣйшіе успѣхи въ борьбѣ его съ Россіею. Его помощникъ, Магометъ-Эминъ, дѣйствовалъ среди черкесскихъ племенъ западнаго Кавказа и возбудилъ ихъ къ возстанію. Это въ свою очередь ободрило унывшее населеніе Чечни. Шамиль вновь захотѣлъ испытать счастье и лишить насъ плодовъ семилѣтней войны съ нимъ. Онъ приказалъ Магометъ-Эмину вторгнуться въ Кабарду и, возмутивъ ея населеніе, идти, смотря по обстоятельствамъ, или опустошать окрестности Пятигорска или прервать наши сообщенія съ Владикавказомъ и Ставрополемъ. Самъ же Шамиль, съ массою дагестанскихъ горцевъ, намѣревался двинуться на лезгинскую кордонную линію и угрожать Тифлису. Планъ былъ необычайно отважный. Но смѣлый духъ горцевъ, готовыхъ прежде умирать съ оружіемъ въ рукахъ, былъ доведенъ до ничтожества безпрерывными неудачами послѣднихъ лѣтъ, ужасными при этомъ потерями и жестоко-деспотическимъ правленіемъ Шамиля; горцы уже представляли собою не фанатиковъ, какъ прежде, а простыя толпы людей, насильно согнанныхъ къ бою, полуголодныхъ, машинально, изъ одного страха казни повинующихся Шамилю, который въ этомъ смѣломъ своемъ предпріятіи потерпѣлъ полную неудачу. Магометъ-Эминъ былъ разбитъ при Карачаѣ на голову; Аргутинскій-Долгорукій, перейдя чрезъ главный хребетъ изъ Дагестана, зашелъ въ тылъ Шамилю и принудилъ его бѣжать. Такимъ образомъ, всѣ завѣренія его объ ослабленіи нашихъ силъ на Кавказѣ вслѣдствіе войны съ Турціею являлись обманомъ, но легковѣрные азіатскіе народы легко имъ поддаются. Шамиль вновь затронулъ чувствительную струну каждаго мусульманина, вѣрующаго въ священную для него обязанность пылать ненавистью къ невѣрнымъ, и сталъ увѣрять горцевъ въ скоромъ прибытіи турокъ на Кавказъ, изгнаніи русскихъ, возвращеніи горцамъ отобранныхъ у нихъ земель и т. д. Эти увѣренія и отсутствіе зимою 1853—1854 года нашихъ войскъ въ Чечнѣ ободрили непокорное ея населеніе и придали увѣреніямъ на словахъ силу дѣйствительности. Шамилю удалось собрать толпу пѣшихъ и конныхъ горцевъ, числомъ въ 15.000 человѣкъ, съ которою онъ двинулся чрезъ Андію на лезгинскую линію, намѣреваясь при удачѣ угрожать Тифлису, Грузіи и даже сблизиться съ турецкими войсками. Онъ скоро атаковалъ Кахетинское селеніе Шильды, отправивъ вмѣстѣ съ тѣмъ небольшой отрядъ за Алазань. Но все это были набѣги, не имѣвшіе никакого вліянія на общій ходъ дѣлъ. Шамиль очень хорошо понималъ самъ, что всѣ его увѣренія—одни слова, одна химера. Скоро наши войска заняли аулы Сати-юртъ и Кара-су, находящіеся за переваломъ отрога Ичкерійскихъ горъ, вверхъ по Алазани. Въ отмщеніе за это Шамиль приказалъ сдѣлать набѣгъ на деревню Андрееву близъ Внезапной, не имѣвшій, однако, успѣха. Шамиль, огорченный неудачами, рѣшился опять лично двинуться. Собравъ толпы, онъ проникъ до аула Шали (близъ р. Джалки, притока Сунжи) и затѣмъ кинулся на Истису

(аулъ близъ дороги изъ кр. Грозной въ Хасавъ-Юртъ), гнѣздо разбойниковъ, недовольныхъ Шамилемъ. Мѣстность помогла его движенію; онъ совершенно незамѣтно подошелъ къ аулу и окружилъ его со всѣхъ сторонъ, имѣя при себѣ до 18.000 человѣкъ. Аулъ оборонялся отчаянно и отбилъ два штурма. Подоспѣвшія на выручку аула наши войска нагнали паническій страхъ на горцевъ, и они быстро разбѣжались, преслѣдуемые нашими войсками; казаки безпощадно рубили и кололи бѣгущихъ. Шамиль понесъ большія потери и отступилъ за р. Мичикъ, гдѣ цѣлую недѣлю стоялъ въ страшной нерѣшимости. Онъ видѣлъ, что нравственное его вліяніе на горцевъ исчезло, энтузіазмъ къ нему горцевъ разсѣялся вмѣстѣ съ ихъ благосостояніемъ; Шамиль распустилъ свои толпы и удалился въ Ведень.

Война съ Турціею и въ 1854 г. препятствовала рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ Шамиля съ значительными силами, и мы должны были ограничиться мелкими движеніями, истребленіемъ ауловъ по р. Джалкѣ (житницѣ Большой Чечни) и занятіемъ аула Шуаибъ-Кана—грознаго оплота Чечни. Шамиль былъ очень озлобленъ этимъ, собралъ всѣхъ наибовъ и старшинъ и объявилъ, что получилъ отъ турецкаго султана письмо о движеніи двухъ турецкихъ армій на Кавказъ для изгнанія русскихъ за предѣлы горъ. Легковѣрные горцы вновь клялись ему жертвовать всѣмъ для истребленія гяуровъ. Шамиль снова собралъ значительныя полчища и усилилъ свои набѣги на наши владѣнія. Военныя дѣйствія чеченцевъ партіями состояли въ нападеніяхъ на русскіе отряды, посылаемые съ транспортами или въ лѣсъ для рубки дровъ и просѣкъ, а также на скотъ, выгоняемый на пастбища, на селенія, на жителей, занимавшихся работами. Выросшіе въ лѣсахъ, зная отлично мѣстность, прекрасные стрѣлки, чеченцы долгое время дѣйствовали очень удачно. Паденіе Карса въ 1855 году произвело полезное для насъ нравственное впечатлѣніе на горцевъ, а послѣдовавшее въ 1856 году заключеніе парижскаго мира дало намъ возможность приступить снова къ рѣшительнымъ мѣрамъ къ покоренію горцевъ, предложеннымъ еще въ 1854 году гр. Д. А. Милютинымъ, и теперь получившимъ осуществленіе при новомъ главнокомандующемъ, князѣ А. И. Барятинскомъ. Главное вниманіе было обращено на восточный Кавказъ, гдѣ съ паденіемъ Чечни должно было пасть и вліяніе Шамиля.

Чеченцы, унывшіе отъ неудачъ послѣдняго времени, стали въ 1856 году являться съ покорностью отдѣльными лицами и также присылали отъ различныхъ своихъ обществъ особыхъ депутатовъ съ мирными предложеніями. Они видимо утомились войною. Скоро самъ Эски, одинъ изъ самыхъ главныхъ приверженцевъ Шамиля и одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ нашихъ противниковъ, явился въ кр. Грозную съ тремя близкими къ Шамилю мюридами и изъявилъ свою покорность генералу Евдокимову, весьма энергически дѣйствовавшему въ Чечнѣ. Евдокимовъ въ 1857 году занялъ Гудермесъ, всю плоскость между р. Сунжею и хребтомъ Черныхъ горъ, а зимою двинулся въ Большую Чечню, гдѣ находился Шамиль съ значительными еще силами за р. Баломъ. Несмотря на фанатическія проповѣди муллъ, что лучше страдать, нежели подчиниться русскимъ, населеніе ближайшихъ ауловъ стало выселяться въ наши предѣлы. Шамиль, видя совершенное свое безсиліе воспрепятствовать нашему предпріятію и ощущая недостатокъ въ продовольствіи, распустилъ собранныя имъ скопища и отослалъ ихъ въ Большую Чечню, изъ которой также являлись депутаты съ покорностью къ Евдокимову, дошедшему до ущелья р. Хулхулу. Онъ на пути своемъ сжигалъ въ горахъ аулы и населеніе ихъ выводилъ на плоскости. Въ 1858 г. генералъ Евдокимовъ занялъ Аргунское ущелье, несмотря на упорную защиту его горцами изъ Андіи, а затѣмъ и Шатоевскую долину, въ верховьяхъ р. Аргуна, гдѣ заложилъ новое укрѣпленіе. Шамиль въ апрѣлѣ 1858 г. снова съ значительными партіями явился на Шаро-Аргунѣ, и въ то же время вспыхнуло возстаніе среди изстари покорныхъ намъ назрановцевъ, близъ Владикавказа. По просьбѣ ихъ о помощи, Шамиль не замедлилъ двинуться къ нимъ, понявъ всѣ гибельныя послѣдствія, которыми это возстаніе, при его успѣхѣ, могло для насъ сопровождаться. Но движеніе Шамиля

окончилось полною для него неудачею; онъ самъ едва не былъ схваченъ. Нравственно разбитый, упавшій духомъ, онъ едва пробрался чрезъ Аргунское ущелье, среди населенія котораго распространялось возстаніе противъ Шамиля и мюридизма въ особенности. Жители истребляли все, что въ глазахъ ихъ олицетворяло мюридизмъ, возстали противъ Шамиля и его управленія, являлись къ намъ съ покорностью и дѣлались ярыми врагами мюридизма. Шамиль былъ въ отчаяніи; онъ, однако, еще разъ напрягъ свои силы и явился въ Большой Чечнѣ у Маюртупа, въ ущельѣ Балѣ, намѣреваясь прорваться къ Шатою. Генералъ Евдокимовъ, заранѣе увѣдомленный объ этомъ его намѣреніи, явился у него въ тылу и принудилъ отступить къ столицѣ своей Веденю, послѣ чего Шамиль приказалъ укрѣпить завалами дорогу чрезъ Тауйзенъ въ Ведень—центръ Ичкерле. Но генералъ Евдокимовъ не давалъ ему отдыха и въ 1859 году, обойдя страшныя высоты, покрытыя глубокимъ снѣгомъ, занялъ Тауйзенъ (на р. Джалкѣ). Горцы бѣжали въ страшномъ смущеніи въ Ведень. Шамиль старался ихъ ободрять, но ему не вѣрили. Онъ распространялъ слухъ, будто бы являвшаяся въ минувшемъ году комета была вѣстницею гибели христіанъ, и убѣждалъ правовѣрныхъ вооружиться; но это также не имѣло успѣха. Евдокимовъ же тѣмъ временемъ прокладывалъ дорогу изъ Тауйзена, среди вѣковыхъ лѣсовъ, топкихъ мѣстъ и глубокихъ балокъ, при ужасной погодѣ (проливныхъ дождяхъ и непроницаемомъ туманѣ), и въ двухъ верстахъ отъ Веденя сталъ строить редутъ, а затѣмъ приступилъ къ обложенію самого Веденя, который былъ обнесенъ крѣпкимъ брустверомъ изъ плетней; вершины же его укрѣплены шестью отдѣльными редутами, на 500 человѣкъ каждый, соединенными крытыми ходами. Ключомъ позиціи являлся редутъ Андійскій. Шамиль не былъ въ Веденѣ при началѣ осады и только 1-го апрѣля показался изъ Ерсеноя съ нѣсколькими сотнями на вершинѣ горы Ляникартъ, неподвижно слѣдилъ за нашею стрѣльбою и затѣмъ уѣхалъ. Онъ не вѣрилъ въ возможность успѣха обороны и видѣлъ, что русскія войска дѣйствуютъ по иной совсѣмъ системѣ. Горцы, подъ начальствомъ Кази-Магомы, мужественно отстаивали Ведень, который былъ взятъ нами 1-го апрѣля. Вскорѣ противъ Шамиля возстало нѣсколько обществъ, удерживаемыхъ до этого во власти его страхомъ казней. Наши войска рубили просѣки во всѣ стороны, намѣреваясь двинуться далѣе чрезъ р. Койсу. Шамиль же учредилъ временно свою столицу въ *Каратѣ*, укрѣпилъ гору Тилитль, покрылъ правый берегъ Койсу (Андійское) непрерывнымъ рядомъ каменныхъ заваловъ съ бойницами и возвелъ укрѣпленіе *Ичичали*. Онъ чрезвычайно изумился, узнавъ о нашемъ переходѣ чрезъ Койсу, и поѣхалъ лично удостовѣриться въ этомъ. Шамиль не зналъ, что ему дѣлать; вся его власть и сооруженная имъ система мюридизма рушилась, ибо лишилась значенія въ глазахъ толпы; силы Шамиля исчезали. Онъ рѣшилъ бросить все и отступить на юго-востокъ, въ тотъ поясъ укрѣпленій и воинственнаго населенія, о которыя доселѣ разбивались всѣ наши усилія. Дальновидный имамъ давно приготовилъ себѣ убѣжище въ Андіи, на неприступной горѣ Гунибѣ, откуда могъ долго поддерживать бодрость окрестнаго населенія и притянуть къ себѣ всякихъ фанатиковъ и долго бороться съ нами. Но послѣднія его пораженія отозвались и здѣсь; скоро возникла враждебная Шамилю партія, во главѣ которой былъ Кази-Магома, одинъ изъ основателей мюридизма. Онъ увлекъ за собою населеніе аула Тилитль и передался намъ; приверженцы Шамиля бѣжали къ нему въ Гунибъ. Шамиль съ самыми отчаянными горцами заперся на недоступной вершинѣ Гуниба, прозванной по внѣшней ея формѣ нашими солдатами гора-гитара. Скоро весь аулъ Гунибъ былъ взятъ нами и генералъ Врангель тѣсно обложилъ и занялъ всѣ тропинки, которыя вели на гору и такимъ образомъ заперъ засѣвшихъ тамъ горцевъ съ Шамилемъ, что и побудило его прислать 17 го августа парламентера о сдачѣ. Переговоры о сдачѣ Шамиля сперва ни къ чему не привели, и князь Барятинскій, прибывшій въ Гунибъ еще ранѣе, послалъ 20-го августа рѣшительное требованіе Шамилю, чтобы онъ, во избѣжаніе дальнѣйшаго пролитія крови,

сдался безотлагательно, при чемъ онъ лично и всѣ при немъ находившіеся получатъ полное прощеніе а Шамиль дозволеніе ѣхать въ Мекку съ семействомъ. Кромѣ того, ему назначалось денежное содержаніе. Шамиль долго колебался и только 22-го августа прислалъ отвѣтъ, что не требуетъ мира и никогда не помирится съ русскими; онъ проситъ только свободнаго пропуска въ Мекку. Если на это русскіе не согласны, то надѣется на Бога, который выше и сильнѣе князя (Барятинскаго). Оставалось послѣ этого прибѣгнуть къ оружію. Но взять вершину Гуниба открытымъ штурмомъ было немыслимо; необходимо было вести осаду и медленно, но постепенно подвигаться на вершину горы. Началось движеніе и 26-го августа охотники Апшеронскаго полка съ помощью лѣстницъ и веревки взошли на верхнюю плоскость Гуниба. Пораженные этимъ горцы сбросили на наши войска цѣлую груду заготовленныхъ ими камней и бревенъ, а затѣмъ бѣжали въ безпорядкѣ. Произошла ужасная рукопашная битва, окончившаяся полнымъ истребленіемъ храбрыхъ защитниковъ Шамиля, который заперся въ нѣсколькихъ сакляхъ. Видя совершенную невозможность сопротивляться далѣе, онъ съ немногими приближенными сдался князю Барятинскому. Восточный Кавказъ былъ теперь совершенно покоренъ. Шамиль съ семействомъ, по приказанію князя Барятинскаго, былъ отправленъ въ Тифлисъ, а затѣмъ въ Харьковъ, откуда, по приказанію Императора Александра II, былъ привезенъ въ Чугуевъ, гдѣ находился въ то время государь. Его Величество милостиво обнялъ и поцѣловалъ Шамиля и назначилъ Калугу мѣстомъ его пребыванія. Посѣтивъ Петербургъ, Москву, а также оружейный заводъ въ г. Тулѣ, Шамиль проживалъ въ Калугѣ сперва подъ присмотромъ особаго пристава, а затѣмъ губернскаго военнаго начальства. Шамиль совершенно покорился своей судьбѣ, проживалъ совершенно спокойно частнымъ человѣкомъ въ Калугѣ и скоро, по собственному желанію, присягнулъ на вѣрноподданничество Россіи. Онъ былъ освобожденъ отъ присмотра и получилъ разрѣшеніе переселиться въ Кіевъ, такъ какъ семейство его не могло выносить климата Калуги. Позднѣе онъ просилъ разрѣшенія отправиться въ Мекку на поклоненіе гробу Магомета. Это ему было, конечно, дозволено, и, совершая это паломничество, Шамиль умеръ въ Мединѣ въ 1871 году.

Семейство Шамиля составляли его жены, которыхъ у него было четыре. Первою была дочь его учителя Джемалъ—Эддина Татиматъ, рано умершая; затѣмъ второю - молодая, поразительной красоты армянка изъ Моздока, называвшаяся *Дурри-Гаремъ* т.-е. жемчужина гарема. Третья была Аминатъ, взятая имъ въ плѣнъ ребенкомъ. Шамиль имѣлъ нѣсколько сыновей, именно: 1) Джемаль-Эддина, бывшаго у насъ аманатомъ и затѣмъ умершаго отъ чахотки на родинѣ въ февралѣ 1858 года, постоянно мечтая о возвращеніи своемъ въ Россію, 2) Кази-Махмата, объявленнаго преемникомъ Шамиля и его наслѣдникомъ. 3) Махмата.—Шаби и еще нѣсколько дочерей. Шамиль отличался прекрасною наружностью, высокимъ ростомъ, бодростью осанки и стройностью; каріе, прищуренные слегка глаза его выражали проницательность, хитрость и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушіе. По характеру своему онъ былъ злопамятенъ, но не жестокъ, и подозрителенъ; при всей дикости и неукротимости онъ имѣлъ нѣжные порывы. Онъ былъ отважно храбръ, имѣлъ 19 ранъ, полученныхъ имъ въ различныхъ сраженіяхъ. Онъ обладалъ замѣчательнымъ краснорѣчіемъ; о немъ отзывались горцы, что «когда имамъ говоритъ, его глаза мечутъ молніи, а изъ устъ сыплются цвѣты». Онъ отлично зналъ арабскую литературу, откуда почерпнулъ многія правила и указанія, какъ держать въ своихъ рукахъ власть и какъ внушать повиновеніе и страхъ окружающимъ его. Онъ отличался разсудительностью, пониманіемъ дѣлъ и находчивостью. Шамиль былъ врагомъ роскоши, въ чемъ бы она ни проявлялась, носилъ самую обыкновенную одежду и жилище его имѣло самое скромное убранство. Онъ вставалъ около 6 часовъ утра, пилъ чай, занимался дѣлами до обѣда въ 12 часовъ, при чемъ довольствовался самыми простыми кушаньями, приготовляемыми его женами, затѣмъ отдыхалъ или ѣздилъ верхомъ,

ужиналъ въ 9 часовъ, и, совершивъ намазъ, ложился спать въ 11 часовъ. При немъ всегда находилось до 200 человѣкъ аварцевъ, отборныхъ, старыхъ наѣздниковъ, отличнѣйшихъ стрѣлковъ, прекрасно вооруженныхъ, съ особыми значками. Этотъ конвой никогда не покидалъ его. Каждую пятницу Шамиль исправно посѣщалъ мечеть; на всемъ пути его отъ ставки къ мечети мюриды составляли какъ бы двѣ стѣны, среди которыхъ шелъ имамъ, и пѣли стихи изъ Корана. Предъ тѣмъ какъ показаться народу и говорить съ нимъ, Шамиль запирался у себя дома, подъ предлогомъ молитвы, затѣмъ собиралъ къ себѣ духовенство и старшинъ и вечеромъ, послѣ назидательной съ ними бесѣды, выходилъ на крыльцо утомленный и говорилъ народу. Причины его военныхъ успѣховъ надо искать въ его громадномъ умѣ, энергическомъ характерѣ и военныхъ дарованіяхъ. Онъ обладалъ обширнымъ организаторскимъ талантомъ, необычайнымъ умѣньемъ разный сбродъ, собиравшійся въ его скопищахъ, преобразовать въ самое непродолжительное время въ дисциплинированныя войска, дѣйствовавшія единственно по его волѣ. Чтобы разсѣять подозрѣнія горцевъ въ томъ, что онъ склоняется на мирныя сдѣлки съ русскими, Шамиль не стѣснялся разстрѣливать десятками ни въ чемъ неповинныхъ русскихъ плѣнниковъ. Послѣ взятія его въ Гунибѣ, Шамиль самъ ожидалъ, что его разстрѣляютъ, и сознавалъ, что онъ вполнѣ заслуживалъ этого.

«Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ», соч. Н. Ѳ. Дубровина; Его же. «Кавказская война при Николаѣ I и Александрѣ II»; «Кавказскій Сборникъ», т. I—X; «Война за Кавказомъ въ 1855 г.», Н. М. Муравьева; Зиссерманъ: «Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій»; Зиссерманъ — «Исторія 80-го пѣхотнаго Кабардинскаго генерала фельдмаршала Князя Барятинскаго полка», 1881 года; Шабановъ:— «Исторія л.-гранадер. Эриванскаго Его Величества Императора Александра Николаевича полка», 1876 года; «Военный Сборникъ» 1859 года, № 9—19; 1860 г. № 2—5; 1861 г., № 1—2; 1866 года, т. 49 и въ слѣдующихъ годахъ; «Сборникъ свѣдѣній о Кавказкихъ горцахъ», 1873 года; «Русскій Вѣстникъ» 1872 г., ноябрь; «Русская Старина» 1874 г. и 1875 года: «Записки генерал.-лейт. Клюки фонъ-Клюгенау», мартъ и слѣдующіе мѣсяцы; 1876 года; «Воспоминанія Пассека»; «Историческій Вѣстникъ» 1869 г., № 6; «Русскій Архивъ», 1890 г., т. I, 1883 г., т. III, и 1884 г., т. I, II («Воспоминанія Г. И. Филипсона»), 1889 г., № 8; 1890 г., т. III; 1891 г., № 6; 1899 г. октябрь—декабрь Кавказъ, 1866 г., № 81, 1867 г., № 40 и 1876 г., № 10; «Старина и Новизна», т. IV; «Записки князя Дондукова-Корсакова»; «Новости», за 1875 г., №№ 184 по 276 и 1876 г., № 13; «Шамиль въ Петербургѣ». 1859 года; «Шамиль, бывшій имамъ Чечни и Дагестана». С.-Петербургъ 1859 г.; «Шамиль—описаніе его жизни и взятія его въ плѣнъ». С.-Петербургъ, 1859 г.; «Шамиль на Кавказѣ и въ Россіи Чичагова» 1888 г.; Е. Вейденбаумъ. «Путеводитель по Кавказу». Тифлисъ 1883 г.; Міансаровъ. «Библіографія Кавказа»; «Энциклопедич. Слов. Ефрона», т. 77, стр. 125—132; «Энциклопедич. Слов. К. Краія», XII, 208; «Живоп. Обозр.», 1874 г., № 10; «Воскресн. Досугъ», 1872 г., № 11; «Всем. Иллюстр.», 1870 г., № 75; «Русск. Худож. Листокъ». Тима, 1858 г., № 32; 1859 г., № 32; «Жизнь Шамиля, имама Чечни и Дагестана на Кавказѣ. Съ присоединеніемъ исторіи Кавказа». М. 1860 г.; Ильинъ. «Историческое описаніе о Шамилѣ, называемомъ Имамула-аазамъ» (намѣстникъ пророка). М. 1859 г.; «Записки о Шамилѣ пристава при военно-плѣнномъ А. Руновскаго». С.-Пб. 1861 г.; «Покореніе Кавказа и взятіе Шамиля. Съ его портретомъ и новою пѣсней Кавказскихъ войскъ на взятіе его». С.-Пб. 1859 г.; Е. Вердеревскій. «Плѣнъ у Шамиля 3 ч.». С.-Пб. 1856 г.; «Выдержки изъ записокъ Абдуррахмана, сына Джемалэддинова о пребываніи Шамиля въ Веденѣ». Тифлисъ 1862 г.; Р. Фадѣевъ. «Шестьдесятъ лѣтъ Кавказской войны». «Москвитянинъ», 1851 г., XIX и XX; Ст. И. Иванова. «Чечня». «Нива» 1880 г., № 17; «Русскій Міръ» 1859 г., № 52, 54, 55, 56, 60; «Словарь «Ларуса», XIV, 338; Румянцевъ, И. Н. «Въ плѣну у Шамиля, записки русскаго». Т. I. С.-Пб. 1877 г.

П. М. Майковъ.

Шамшевъ, *Иванъ Ивановичъ*, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-кавалеріи, бывшій начальникъ отдѣльной Донской казачьей дивизіи, числившійся въ спискахъ лейбъ-гвардіи казачьяго полка. Родился въ 1819 году и происходилъ изъ дворянъ Войска Донскаго. Образованіе получилъ во второмъ кадетскомъ корпусѣ, по окончаніи курса котораго въ 1837 году былъ произведенъ въ хорунжіе и назначенъ въ Атаманскій полкъ. Съ этимъ полкомъ онъ принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ 1839—1841 гг. и, прослуживъ въ немъ болѣе 10-ти лѣтъ, уже въ чинѣ ротмистра, 26-го ноября 1848 года перевелся въ л.-гв. казачій полкъ. Здѣсь ему сейчасъ же пришлось принять участіе въ венгерской кампаніи 1849—1850 гг., а потомъ въ крымской войнѣ 1854 года. Въ томъ же году онъ былъ произведенъ въ полковники, а въ 1861 году въ генералъ-маіоры и назначенъ командиромъ л.-гв. казачьяго полка. Съ этимъ полкомъ И. И. Шамшевъ принялъ дѣятельное участіе въ подавленіи безпорядковъ въ Литовскомъ краѣ во время поль-

скаго возстанія 1863 г. Въ томъ же 1863 г. онъ получилъ сперва орденъ св. Владиміра 3-й степени, а потомъ зачисленъ въ свиту Е. И. В. (4-го сентября). Съ 1868 по 1872 г. Ш. командовалъ л.-гв. сводным казачьимъ полкомъ. Въ 1872 году, 26-го ноября, онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, съ отчисленіемъ въ Войско Донское, а спустя три года, 20-го апрѣля 1875 г., онъ назначенъ генералъ-адъютантомъ и начальникомъ отдѣльной донской казачьей дивизіи. Съ началомъ русско-турецкой войны 1877—1878 гг. началась снова и боевая дѣятельность И. И. Шамшева. За оказанныя въ сраженіяхъ отличія онъ былъ награжденъ въ 1878 году орденомъ Бѣлаго Орла, а въ 1879 году золотою саблею съ алмазными украшеніями и съ надписью «за храбрость». По возвращеніи изъ Турціи онъ продолжалъ командовать отдѣльной Донской казачьей дивизіей до 1886 года. Въ 1882 году ему былъ пожалованъ орденъ св. Александра Невскаго, а спустя еще пять лѣтъ бриллiантовые знаки къ этому ордену. Въ 1886 году онъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи и съ тѣхъ поръ состоялъ по Донской казачьей дивизіи. Въ л.-гв. же казачьемъ полку онъ числился еще съ 1872 года. И. И. Шамшевъ скончался 21-го апрѣля 1892 года на 73 году отъ рожденія.

«Исторія л.-гв. казачьяго полка, составленная его офицерами» Спб. 1876 г. стр. 443, 476 и 596; «Русскій Инвалидъ» за 1892 г., № 90, некрологъ, стр. 2; «Новое Время» за 1892 г. 26-го апрѣля № 5803, некрологъ; «Новости» и «Биржевая Газета» за 1892 г., № 112, некрологъ; «Сынъ Отечества» за 1892 г., № 112, некрологъ, стр. 3; «Всеобщій Календарь» на 1893 г., некрологъ, стр. 551; «Русскій календарь» на 1893 г. некрологъ, стр. 337; «Правительственный Вѣстникъ» 1892 г., № 90.

Е. Ястребцовъ.

Шамшинъ, *Иванъ Ѳедоровичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ Совѣта Государственнаго Контроля. Родился въ Москвѣ 6-го ноября 1788 года. Не окончивъ курса въ Московскомъ университетѣ, онъ въ 1806 г. былъ назначенъ учителемъ математики въ Коломенскомъ уѣздномъ училищѣ. Въ 1811 г. онъ вышелъ въ отставку, но вслѣдъ затѣмъ былъ принятъ въ «государственную экспедицію для ревизіи счетовъ». Въ концѣ 1837 г. Ш. былъ назначенъ вице-директоромъ контрольнаго департамента гражданской отчетности. Въ 1845 г., оставаясь въ этой должности, Ш. былъ назначенъ еще членомъ коммиссіи, учрежденной для начертанія положенія объ устройствѣ Александровской мануфактуры, а въ 1848 г. получилъ мѣсто генералъ-контролера департамента морскихъ отчетовъ. Въ 1856 г. онъ взялъ на себя должность предсѣдателя коммиссіи, учрежденной для образованія счетной части хозяйственныхъ департаментовъ Морского Министерства: коммисаріатскаго, кораблестроительнаго и строительнаго за 1854—1855 гг. Послѣдніе годы своей службы Шамшинъ состоялъ членомъ Совѣта Государственнаго Контроля, при чемъ 1-го января 1875 года былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Въ теченіе всей своей 70-ти-лѣтней службы онъ отличался рѣдкою исполнительностью и дѣятельностью. И. Ѳ. скончался въ Петербургѣ 12-го мая 1876 года. Тѣло его погребено въ Александро-Невской лаврѣ.

«Новое Время» за 1876 г., № 73, некрологъ; «Петербургскія Вѣдомости» 1876 г., № 133, некрологъ, стр. 1—2; «Голосъ» 1876 г., № 132 некрологъ; «Роспись» Смирдина.

Е. Ястребцовъ.

Шамшинъ, *Михаилъ Никитичъ*, академикъ портретной живописи, род. 15-го мая 1777 г., образованіе получилъ въ Имп. Акад. Худож., куда былъ опредѣленъ шести лѣтъ, въ 1783 г. По выпускѣ изъ Академіи, 19-го декабря 1797 г., съ аттестатомъ 2 ст. и шпагою, сначала посвятилъ себя частной работѣ и исполненными имъ прекрасными портретами скоро пріобрѣлъ въ Петербургѣ хорошее имя, но въ 1808 г. началъ хлопоты о принятіи на службу по вѣдомству гофъ-интендантской конторы. Хлопоты его увѣнчались успѣхомъ, и 21-го марта того же года онъ былъ зачисленъ на службу въ качествѣ учителя рисованія въ находившейся при конторѣ школѣ, а въ іюнѣ утвержденъ въ первомъ классномъ чинѣ. Однако, новыя обязанности не заставили его прекратить свои частныя работы. За одну изъ нихъ, портретъ старухи, Акад. Худ. допустила его къ конкурсу на званіе академика и въ качествѣ программы 27-го февраля 1812 г. предложила ему написать поколѣнный портретъ профессора скульптуры Ив.

Прокоф. Прокофьева. Портретъ Шамшинымъ былъ мастерски исполненъ (нынѣ находится въ музеѣ Акад. Худ.), и 1-го сентября 1812 г. онъ получилъ званіе академика. Умеръ Ш. уже въ отставкѣ въ 1846 г.

П. Н. Петровъ, «Сборникъ матер. для исторіи Имп. Ак. Худ.», ч. I и II. Спб., 1864. Дѣло архива Мин. Импер. Двора по описи 190—№ 274; «Памятникъ искусствъ». 1843. т. 2. «Русскій энциклопед. словарь», изд. И. Н. Березинымъ.

Вал. Бер.

Шантырь, *Станиславъ,* прелатъ, членъ С.-Петербургской духовной римско-католической Коллегіи, писатель. Родился во второй половинѣ XVIII-го столѣтія въ Полоцкомъ уѣздѣ, гдѣ отецъ его былъ земскимъ судьею. Образованіе получилъ въ іезуитскихъ школахъ; рано, повидимому, и самъ вступилъ въ орденъ іезуитовъ и, благодаря своимъ рѣдкимъ способностямъ и старанію, въ скоромъ времени выдѣлился изъ среды товарищей. Добившись ученой степени доктора богословія и «обоихъ правъ», Шантырь былъ назначенъ каноникомъ смоленскимъ и могилевскимъ, а вскорѣ и управляющимъ архіепископской канцеляріей. Въ 1802 году, временно управляя, за отсутствіемъ митрополита, Могилевской епархіей, Шантырь старался совращать уніатовъ въ католицизмъ, увѣряя, что императоръ Павелъ запретилъ существованіе уніи и дозволилъ всѣмъ уніатамъ перейти въ католичество. Какъ ревностный приверженецъ ученія іезуитовъ, Шантырь не сошелся съ бѣлорусскимъ митрополитомъ Сестренцевичемъ-Богушемъ, не благоволившимъ къ іезуитамъ, и сталъ строить противъ него козни. Когда въ 1805 году Сестренцевичъ представилъ императору Александу I-му записку о состояніи церковнаго латинскаго управленія въ Россіи и проектъ преобразованія его согласно съ интересами государства, Шантырь, бывшій къ тому времени уже прелатомъ и старшимъ ассессоромъ въ Петербургской римско-католической духовной коллегіи, досталъ подкупомъ копію этого проекта, написалъ на него возраженія и сумѣлъ такъ расположить въ свою пользу оберъ-прокурора Св. Синода князя А. Н. Голицына, что тотъ передалъ эти возраженія государю вмѣстѣ съ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ Шантыря. Всѣ мѣры, предложенныя Сестренцевичемъ для обузданія произвола отдѣльныхъ прелатовъ и ограниченія злоупотребленій католическаго духовенства, Шантырь въ своемъ прошеніи объяснилъ однимъ честолюбіемъ митрополита. Расхваливъ дѣятельность Петербургской духовной коллегіи, Шантырь увѣрялъ, что католицизмъ есть самая надежная опора самодержавныхъ правительствъ, такъ какъ онъ основанъ на единовластіи; что Сестренцевичъ своими мѣропріятіями хочетъ нарушить издревле сложившійся порядокъ и что эта ломка можетъ весьма неблагопріятно отразиться на общемъ ходѣ государственной жизни. Доводы Шантыря были такъ умѣло подобраны и искусно маскированы, что ему удалось вполнѣ убѣдить государя въ своей искренности, и несомнѣнно полезный для внутренной политики правительства проектъ Сестренцевича было повелѣно оставить «до времени».

Въ 1815 году Шантырь былъ назначенъ настоятелемъ Слуцкаго прихода и дѣятельно принялся проповѣдывать католицизмъ. Слѣдуя своимъ іезуитскимъ привычкамъ, онъ приказалъ (въ 1818 г.) при преподаваніи Закона Божія въ слуцкомъ училищѣ внушать дѣтямъ, большинство которыхъ не было католиками, что «всѣ вѣры, за исключеніемъ римской, прокляты отъ папы и, какъ гнилые члены, отринуты отъ общества вѣрныхъ», и самъ съ жаромъ доказывалъ съ церковной каѳедры важность грѣха, въ который впадаютъ родители, поручающіе воспитаніе своихъ дѣтей иновѣрцамъ.

Умеръ Шантырь около 1840 г. Кромѣ множества разсужденій, статей и рѣчей, помѣщенныхъ имъ, между прочимъ, въ виленскомъ изданіи «Dzieje dobroczynności» за 1820 — 1822 годы, онъ напечаталъ важную справочную по исторіи католической церкви въ Россіи книгу—«Zbior wiadomości o kościele i religji katolickiej w Cesarstwie Rossyjskiem od roku 1773 do 1826, zebrani z pism urzędowych, dokumentow i własnego widzenia» (издана впослѣдствіи въ Познани въ 1843 году).

Estreicher. Bibliografja polska XIX stolecia. S. Orgelbrand, «Enciklopedia Powszechna», изд. 1866 года, томъ 24; изд. 1903 г. т. 14. Spisek Lacinskiego Duchowienstwa Mohilewskiej Archi-

*

Dyecezji. roku 1808, w Mohilevie; Lettres et opuscules inédits du comte Ioseph de Maistre. t. I, Paris. 1851, La Russie et Les Jésuites de 1772 à 1820 d'aprés des documents la plupart inédits par Henri Lutteroth, Paris 1854. Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи. Собр. I, томъ XXVII, стр. 846—847; т. XXIX, стр. 1313; Морошкинъ, М. Іезуиты въ Россіи съ царствованія Импер. Екатерины II и до нашего времени. Спб., 1870, Часть II, стр. 246—253; гр. Д. А. Толстой, Римскій католицизмъ въ Россіи, Спб., 1876, т. II, стр. 164, 304, 358.

Александръ Петровъ.

Шанцеръ, *Станиславъ Яковлевичъ*, врачъ-писатель; родился въ 1818 году въ деревнѣ Берёзѣ (Brzoza), Опоченскаго уѣзда, Радомской губерніи. Высшее образованіе получилъ на медицинскомъ факультетѣ Виленскаго Университета, курсъ котораго окончилъ въ 1842 году. Медицинскую практику Шанцеръ началъ въ городѣ Бендзинѣ, Петроковской губерніи. Здѣсь, благодаря его стараніямъ, были устроены деревенскія и передвижныя аптеки и организованы правильные разъѣзды врачей, имѣвшіе цѣлью сдѣлать медицинскую помощь болѣе доступной для многочисленныхъ фабричныхъ и сельскохозяйственныхъ рабочихъ района. Одновременно съ этимъ Шанцеръ выработалъ и представилъ на усмотрѣніе высшихъ медицинскихъ властей проектъ устройства городскихъ больницъ и лѣчебницъ во всемъ краѣ. Въ 1849 году Шанцеръ переѣхалъ на жительство въ Петроковъ, гдѣ снискалъ себѣ вскорѣ широкую популярность, какъ внимательный и добросовѣстный врачъ. Обширная практика не мѣшала ему заниматься и литературнымъ трудомъ: за время пребыванія въ Петроковѣ онъ написалъ нѣсколько цѣнныхъ статей по медицинѣ, которыя помѣщалъ въ «Tygodniku Lekarskim» и «Gazecie Lekarskiej». Изъ нихъ наибольшаго вниманія заслуживаютъ его изслѣдованія о лихорадкахъ («Febris intermittens depuratoria. Ecclampsio. Taenia»), а также «Vaginismus» и «О обрѣзаніи у израильтянъ» («Circumcisio judaeorum»). Кромѣ того, Шанцеръ оставилъ въ рукописи «Курсъ гигіены», читанный имъ въ частномъ Усенскомъ пансіонѣ, и рефератъ «О купаньяхъ», относящійся къ 1875 году. Умеръ С. Я. Шанцеръ въ Петроковѣ 21-го мая (н. с.) 1876 года.

Россійскіе Медицинскіе списки, изд. Мед. Деп. Мин. Вн. Дѣлъ, на 1870—1875 годы. S.—L. Kośmiński, I, «Slownik lekarzów polskich». Warszawa, 1883 г., стр. 493; «Tygodnik Lekarski», 1847 года, № 21; ibidem, 1848 г., № 10; ibid., 1852 г. № 2; ibid., 1867 г., №№ 28—29; «Gazeta Lekarska», томъ XI, 1871 года, стр. 13—14; ibidem, томъ XI, 1871 г., стр. 124—127, 141—142.

А. Петровъ.

Фонъ-Шанцъ, *Иванъ Ивановичъ*, адмиралъ, членъ Адмиралтействъ-Совѣта, родился въ г. Біорнеборгѣ 1-го ноября 1802 г., умеръ 22-го декабря 1879 г. въ С.-Петербургѣ; происходилъ отъ древней дворянской фамиліи Великаго Княжества Финляндскаго.

Съ ранняго дѣтства Ш. страстно полюбилъ море и еще ребенкомъ поступилъ на судно къ знакомому капитану въ качествѣ волонтера. Проплававъ почти безпрерывно на финляндскихъ коммерческихъ судахъ до 19-лѣтняго возраста, когда выдержалъ экзаменъ въ военный флотъ, онъ 2-го марта 1821 г. былъ произведенъ въ мичманы, послѣ чего тотчасъ былъ отправленъ на службу въ Свеаборгъ. Плавая затѣмъ ежегодно вплоть до лейтенантскаго чина (1828 г.) на разныхъ судахъ въ Финскомъ заливѣ и Балтійскомъ морѣ, Ш. производилъ опись и промѣръ шхеръ между Свеаборгомъ и Юнгферзундомъ, а также принималъ участіе въ описи Аландскихъ острововъ. Съ 1828—1831 г. находился въ заграничномъ плаваніи на кораблѣ «Фершампенуазъ», участвовалъ въ блокадѣ Дарданелъ и произвелъ опись Кроликовыхъ острововъ. Корабль этотъ сгорѣлъ на Кронштадтскомъ рейдѣ, и Ш. послѣднимъ оставилъ судно. Его прекрасное поведеніе во время пожара было причиной назначенія его командиромъ люгера «Ораніенбаумъ», а затѣмъ въ 1834 г. онъ получилъ въ командованіе военный транспортъ «Америка», отправлявшійся въ кругосвѣтное, столь рѣдкое въ тѣ времена, плаваніе, и произведенъ былъ за отличіе въ капитанъ-лейтенанты. Идя въ Камчатку, Ш. открылъ на пути, въ архипелагѣ Маршалла, группу коралловыхъ острововъ, названныхъ въ атласѣ адм. Крузенштерна островами Шанца. По возвращеніи изъ плаванія въ 1836 г., Ш. поступилъ въ распоряженіе начальника Главнаго Морского Штаба и произведенъ былъ въ капитаны 2-го ранга, а черезъ два года, за отличіе, въ капитаны 1-го ранга. Съ 1837—1841 г. Ш. находился въ разныхъ командировкахъ и состоялъ при

постройкѣ въ Нью-Іоркѣ самаго большого и сильнаго военнаго парохода-фрегата того времени «Камчатка», который привелъ изъ Америки въ Кронштадтъ въ 21 день съ заходомъ въ Англію. Командуя затѣмъ этимъ пароходомъ вплоть до производства въ контръ-адмиралы, послѣдовавшаго 14-го ноября 1847 г., Ш. почти постоянно находился въ плаваніи въ Балтійскомъ и Средиземномъ моряхъ и въ Антлантическомъ океанѣ. Съ производствомъ въ контръ-адмиралы закончились плаванія его на пароходѣ «Камчатка» и началась дѣятельность преимущественно кораблестроительная. Съ 1848—1855 г. Ш. получалъ постоянныя порученія по составленію чертежей и наблюденію за постройкою цѣлаго ряда судовъ: пароходовъ-фрегатовъ «Рюрикъ», «Олафъ», Корвета «Калевала», винтовой лодки «Стерлядь», шкунъ для Каспійскаго моря, 40 гребныхъ канонирскихъ лодокъ и проч. Все это время было проведено имъ въ постоянныхъ разъѣздахъ и командировкахъ въ Финляндію и за границу. Во время Восточной войны, въ 1855 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ отдѣльнаго отряда паровыхъ судовъ на Кронштадтскомъ рейдѣ и поднялъ свой флагъ на пароходѣ фрегатѣ «Камчатка» и въ маѣ того же года былъ назначенъ командующимъ 1 флотской дивизіей, которой и прокомандовалъ до переформированія флота въ 1860 г., когда былъ назначенъ старшимъ флагманомъ Балтійскаго флота. Чинъ вице-адмирала получилъ 30-го августа 1855 г. Командуя дивизіей и плавая въ морѣ, Ш. не переставалъ получать порученія какъ по постройкѣ новыхъ паровыхъ судовъ нашего флота, такъ и по вооруженію ихъ и даже береговыхъ батарей. Въ морской артиллеріи Ш. сдѣлалъ также нѣсколько усовершенствованій по части станковъ. Въ 1863 г. Ш. былъ назначенъ членомъ Адмиралтействъ-совѣта, что не помѣшало ему въ томъ же году руководить работами при устройствѣ земляныхъ укрѣпленій въ устьяхъ Невы. 1-го января 1866 г. Ш. былъ произведенъ въ адмиралы, сдѣлавъ за всю службу 28 морскихъ компаній. Ордена имѣлъ всѣ до св. Александра Невскаго съ брилліантами и св. Георгія 4 ст. за 25 лѣтъ, медали бронзовую и за турецкую кампанію 1829 г. перстень съ вензелемъ государя.

Съ дѣтства полюбивъ море, адмиралъ принадлежалъ къ той славной школѣ старыхъ моряковъ, для которыхъ seamenship служило лозунгомъ всей ихъ жизни, начиная со школьной скамьи и до гробовой доски. Даже на берегу онъ проводилъ въ жизнь свои морскія привычки и свято сохранялъ во всемъ рѣзкій отпечатокъ избранной имъ профессіи. Не ограничиваясь практической стороной дѣла, онъ тщательно изучалъ каждое судно, на которомъ служилъ или которымъ командовалъ. Въ зрѣлыхъ годахъ, пользуясь своими громадными практическими свѣдѣніями, онъ самъ составлялъ чертежи многихъ судовъ, и многіе изъ нашихъ колесныхъ пароходовъ, корветовъ, шкунъ и яхтъ были построены по его чертежамъ, подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ. Въ усовершенствованіи постройки и вооруженія гребныхъ судовъ Ш. принималъ также самое дѣятельное участіе, и лучшіе изъ нашихъ катеровъ до сихъ поръ строятся по его чертежамъ и вооружаются по его системѣ. Посвятивъ всѣ свои способности и силы морю и морскому дѣлу, онъ не оставилъ безъ вниманія и морскую литературу. Ш. былъ типомъ настоящаго морского писателя, трактующаго съ одинаковой любовью и юморомъ о какихъ-нибудь талрерахъ на русленяхъ военнаго корабля или описывая забавный эпизодъ изъ своей собственной жизни и похожденій. Не поддѣльнымъ, вполнѣ оригинальнымъ и чисто морскимъ юморомъ былъ проникнутъ его своеобразный языкъ какъ въ разговорѣ, такъ и въ литературѣ. Бывши финляндцемъ по происхожденію и начавъ изучать русскій языкъ въ молодыхъ годахъ, уже поступивъ на службу во флотъ, Ш., однако же, по преимуществу писалъ по-русски и прекрасно владѣлъ этимъ языкомъ, сохраняя особый оборотъ рѣчи, придававшій его сочиненіямъ оригинальный колоритъ, въ высшей степени подходящій къ типу моряка-писателя. Независимо отъ множества статей по разнымъ спеціальнымъ вопросамъ, напечатанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и преимущественно въ «Морскомъ Сборникѣ», Ш. оставилъ два объемистыхъ то-

ма «Собранія статей, посвященныхъ морскому дѣлу», изд. С.-Пб. 1865 г., и два беллетристическихъ разсказа стараго моряка: «Первый шагъ на морѣ», Кронштадтъ, 1859 г., и «Первые шаги на поприщѣ военной службы» — «Мор. Сбор.» 1865 г., № 3.

«Об. Мор. Сп.», VIII, ст. 464—468; «Кроншт. Вѣст.» 1879 г., № 151; Ал. Соколовъ, «Лѣтопись крушеній и пожаровъ судовъ русскаго флота», 1855 г., стр. 147 и 280; А. Кротковъ, «Повседневная запись замѣчательныхъ событій въ русскомъ флотѣ» 1894 г., стр. 146. *А. Петцъ.*

Шанявскій, *Іосифъ*, политическій дѣятель и философъ-писатель, родился въ восточной Галиціи, въ г. Кальваріяхъ въ 1764 г. Первоначальное образованіе получилъ въ Калишѣ, слушалъ лекціи по юридическому факультету въ Кенигсбергскомъ Университетѣ и въ то же время былъ однимъ изъ самыхъ усердныхъ учениковъ Канта. Въ царствованіе Станислава-Августа, Ш. около трехъ лѣтъ былъ судебнымъ коммиссаромъ въ калишскомъ воеводствѣ, затѣмъ 2 года прослужилъ въ рядахъ «національной кавалеріи». Будучи горячимъ сторонникомъ реформъ въ политической жизни Польши, Ш. принялъ видное участіе въ событіяхъ 1794 г. въ Варшавѣ и вынужденъ былъ бѣжать за границу; служилъ въ польскихъ легіонахъ въ Италіи и въ «комитетѣ по эмиграціи» въ Парижѣ, гдѣ со всей страстностью своей натуры участвовалъ въ политическихъ событіяхъ того времени. Вернулся онъ въ Варшаву послѣ водворенія въ ней прусскаго правительства, занялся исключительно литературой и однимъ изъ первыхъ былъ выбранъ въ члены «Варшавскаго Общества друзей просвѣщенія». Послѣ прекращенія прусскаго режима въ 1806 г., Ш. былъ назначенъ членомъ только что образованной верхней палаты парламента, а въ слѣдующемъ году переведенъ въ министерство юстиціи и командированъ въ Берлинъ для принятія документовъ, касающихся новообразованнаго «герцогства» Варшавскаго. Послѣ выполненія этого порученія онъ былъ назначенъ королевскимъ прокуроромъ при кассаціонномъ судѣ, гдѣ и оставался до 1811 г., когда вышелъ въ отставку для поправленія разстроеннаго здоровья. Черезъ 2 года, когда, «герцогство» было занято русскими войсками, Ш. въ качествѣ посредника былъ отправленъ въ нашу главную квартиру и былъ затѣмъ членомъ комитета по реформированію управленія «герцогства», а на Вѣнскомъ конгрессѣ 1815 г. участвовалъ въ особой «трилатеральной» (trilateralny) коммиссіи, вѣдавшей польскія дѣла. Послѣ происшедшихъ на Вѣнскомъ конгрессѣ преобразованій въ государственномъ строѣ Польши, Ш. въ званіи статсъ-референдарія исправлялъ должность главнаго секретаря сейма до конца 1816 г., когда былъ назначенъ генеральнымъ прокуроромъ, предсѣдательствующимъ въ генеральной прокураторіи Царства Польскаго, и должность эту исправлялъ до 1821 г. Въ этомъ году онъ былъ назначенъ главнымъ директоромъ училищъ Царства Польскаго и завѣдующимъ цензурнымъ комитетомъ, а въ 1833 г. назначенъ членомъ Государственнаго совѣта, членомъ совѣта Министерства Просвѣщенія и вмѣстѣ съ тѣмъ исполнялъ обязанности члена высшаго уголовнаго суда до 1834 г., когда это судилище было упразднено. Вышелъ въ отставку Ш. въ 1839 г., а умеръ во Львовѣ 16-го мая 1843 г., возвращаясь изъ-за границы. Какъ философъ, Ш. не далъ ничего новаго, оригинальнаго; его значеніе сводится въ этой области къ тому, что онъ первый познакомилъ польское общество съ философіей Канта и Шеллинга, изложивъ ее въ высшей степени просто и ясно; ему же принадлежитъ честь установленія польской философской терминологіи. Въ послѣдніе годы жизни Ш. сдѣлался сторонникомъ іезуитовъ. Сочиненія его почти всѣ носятъ чисто философскій характеръ и нѣкоторыя изъ нихъ и до сихъ поръ не утратили значенія, именно какъ прекрасная популяризація. По его иниціативѣ и настоянію, «Gaseta warsawska» стала давать «прибавленія» къ газетѣ, вышедшія потомъ отдѣльнымъ оттискомъ и содержавшія въ себѣ лучшія произведенія польской литературы. Библіотека Ш., очень богатая и составленная, главнымъ, образомъ, изъ сочиненій по философіи, пріобрѣтена правительствомъ и вошла въ составъ библіотеки, принадлежащей нынѣ Варшавскому Университету.

Wladyslaw Tarnowski: «Nekrolog Józefa K. Szaniawskiego, въ Radcy Królew. Pol. 1843; Estrei-

cher: Bibliografia polska t. IV. Kraków 1876.—«Encykl. ogólna» t. XI стр. 351—351. Warszawa 1877. Encykl. Pawszechna t. XXIV; стр. 550—551. Warsz. 1866.—Энц. Слов. Крайя: т. XII. стр. 212. Спб. 1847 г., Березинъ: «Рус. Энц. Слов.» № 1 за 1879, стр. 149. «Энциклопед. слов. Ефрона», т. 77, стр. 162. *Н. Тычино.*

Шапкинъ, *Николай Петровичъ,* врачъ-писатель. Высшее образованіе получилъ на медицинскомъ факультетѣ Московскаго Университета, гдѣ былъ Демидовскимъ стипендіатомъ. Въ 1857 году окончилъ университетскій курсъ съ званіемъ лекаря. Въ слѣдующемъ 1858 году былъ назначенъ ассистентомъ московской госпитальной терапевтической клиники, а впослѣдствіи — ординаторомъ Екатерининской больницы. Кромѣ того, съ 1861 по 1875 годъ Шапкинъ состоялъ сверхштатнымъ ординаторомъ сифилитическаго отдѣленія Московской больницы для чернорабочихъ. Шапкину принадлежитъ цѣлый рядъ сочиненій и статей по медицинѣ, какъ изданныхъ отдѣльно, такъ и помѣщенныхъ въ разныхъ медицинскихъ журналахъ; нѣкоторыя медицинскія сочиненія переведены Шапкинымъ съ нѣмецкаго языка. Отдѣльно Шапкинымъ изданы: «Трипперъ, его исторія, патологія и радикальное леченіе» (Москва, 1859 г.); Галь, «Практическое руководство къ постукиванію и выслушиванію и физической діагностикѣ грудныхъ болѣзней» (переводъ съ нѣмецкаго, съ примѣчаніями Шапкина. Москва, 1859 г.); «Объ обязанности врача хранить ввѣренную тайну по законамъ Германіи, Англіи, Франціи и Россіи»; «Новое леченіе венерической болѣзни оспопрививаніемъ» (Москва, 1860 г.); «Ученіе о сифилисѣ профессора Бернпрунга» въ изложеніи Шапкина (Москва, 1862 г.). Изъ журнальныхъ статей Шапкина назовемъ: «Клиническое наблюденіе удлиненнаго выдыханія, какъ признака начала легочной бугорчатки» («Московская Медицинская Газета» 1859 г., № 51); «Нѣсколько предупредительныхъ словъ о холерѣ» («Московская Медицинская Газета» 1860 г., № 20); «Новый способъ очищенія воздуха въ больницѣ, казармахъ, анатомическихъ залахъ, школахъ и измѣреніе количества вредныхъ газовъ» («Московская Медицинская Газета» 1861 г., № 46); переводныя статьи съ нѣмецкаго: Бекеръ, «Судебная медицина» («Медицинскій Музей» 1858 г., № 1); «Офтальміатрія» (тамъ-же, 1859, № 1); обѣ эти статьи переведены Шапкинымъ въ сотрудничествѣ съ профессоромъ В. А. Легонинымъ. Кромѣ названныхъ сочиненій, Шапкину принадлежатъ весьма обстоятельныя рецензіи на сочиненіе Мансурова «Современное ученіе о сифилитическомъ контагіѣ» («Медицинскій Вѣстникъ» 1863 г., №№ 37 и 38) и на переведенное А. Блюмомъ и К. Никитинымъ сочиненіе д-ра Германа «Ртутныя болѣзни и отношеніе ихъ къ сифилису» («Московская Медицинская Газета» 1868 г., №№ 1, 2 и 3).

Л. Ѳ. Змѣевъ: «Русскіе врачи-писатели», вып. I-й, С.-Петербургъ, 1886 г.; Адресъ-Календари 1860—1876 г. *В. П. Грековъ.*

Шаплетъ, де,-*Самуилъ Самуиловичъ,* переводчикъ. Въ 1822—1825 годахъ былъ въ чинѣ штабсъ-капитана и служилъ ротнымъ офицеромъ въ Кондукторской ротѣ Главнаго Инженернаго Училища; въ 1829 году былъ капитаномъ и кавалеромъ орденовъ св. Владиміра 4-й степени и св. Анны 3-й степени и въ службѣ находился тамъ же; умеръ въ Петербургѣ, 3-го октября 1824 года, въ чинѣ инженеръ-подполковника. Изъ переводовъ Шаплета извѣстны слѣдующіе: 1) «Отъѣздъ изъ Лондона» («Библіотека для чтенія» 1822 г., кн. III, стр. 87—94); 2) «Журналъ франта» (переводъ изъ «L'Hermite de Londres» Жуи, «Благонамѣренный» 1822 г., ч. XVIII, № 23, стр. 363—380); 3) «Утонченныя различія» (оттуда же, «Соревнователь просвѣщенія» 1823 г., ч. XXI, стр. 49—57); 4) «Можно ли оставаться въ Лондонѣ» (оттуда же, ibid., ч. XXI, стр. 274—83); 5) «Гостиная Антенской улицы» (переводъ изъ «Добродушный, или изображеніе Парижскихъ нравовъ XIX столѣтія», ibid., ч. XXIII, стр. 109—22); 6) «Урокъ молодымъ людямъ» (изъ «L'Hermite de Londres», ibid., ч. XXIII, стр. 255—62), 7) «Честные люди» (изъ «Добродушнаго», ibid., ч. XXIV, стр. 105—20); 8) «День коммиссіонера» (Изъ L'Hermite d'Antin» Жуи, ibid., 1824 г., ч. XXVI, стр. 308—19); 9) «Волшебные очки» (оттуда же, ibid., ч. XXVII, стр. 26—39); 10) «Парижъ въ разные часы» (оттуда же, ibid., ч. XXVIII, стр. 53—62); 11) «Лакейскіе нравы» (оттуда же, ibid.,

ч. XXVIII, стр. 207—216); 12) «Зрѣлища безъ платы» (оттуда же, ibid., 1825 г., ч. XXIX, стр. 65—76); 13) «День извозчика» (оттуда же, ibid., ч. XXX, стр. 59—73); 14) «Охота» (оттуда же, ibid., 1825 г., ч. XXXI, стр. 161—85); 15) «Вѣстовщики» (изъ сочиненій Жуи, ibid. 1825 г., октябрь, стр. 1—16); 16) «Карнавалъ и маскарадъ» (оттуда же, «Благонамѣренный» 1825 г., ч. XXIX, № 5, стр. 175—87); 17) «Гвіанскій пустынникъ, или изображеніе Парижскихъ нравовъ и обычаевъ въ началѣ XIX столѣтія», переводъ сочиненія Жуи (съ французскаго), 3 части, Спб. 1828 года; 18) «Лондонскій пустынникъ, или описаніе нравовъ и обычаевъ англичанъ въ началѣ XIX столѣтія» (переводъ сочиненія Жуи, 3 части, Москва 1822 — 1825); 19) «Донъ-Кихотъ Ламанхскій», сочиненіе Сервантеса, переводъ съ французскаго, 6 частей, Спб. 1831 г.; 20) «Карлъ Смѣлый, или Анна Гейерштейнская, дѣва мрака», сочиненіе Сира Вальтеръ-Скотта, переводъ съ англійскаго 5 частей, Спб. 1829 г.; 21) «Путешествіе по Турціи изъ Константинополя въ Англію черезъ Вѣну, сочиненіе Р. Вальша, бывшаго при англійскомъ посланникѣ лордѣ Странгфордѣ», переводъ съ французскаго, Спб. 1830 г.; 22) «Жизнь Наполеона Бонапарте, императора французовъ», сочиненіе Сира Вальтеръ-Скотта, переводъ съ англійскаго, Спб. 1831—32 г.; 23) «Графъ Робертъ Парижскій». Романъ Восточной имперіи, сочиненіе Сира Вальтеръ-Скотта, переводъ съ англійскаго, 4 части, Спб. 1833 г.; 24) «Опасный замокъ», послѣднее сочиненіе Сира Вальтеръ-Скотта, переводъ съ англійскаго, 2 части, Спб. 1833 г., и много другихъ. По отзыву критики, всѣ переводы Шаплета носятъ слишкомъ поспѣшный характеръ, что обнаруживается въ небрежности и неровности слога; кромѣ того, Шаплета упрекаютъ за то, что онъ плохо владѣлъ русскимъ языкомъ и переводы сочиненій Вальтеръ-Скотта дѣлалъ не съ подлинника, какъ указывалъ на обложкахъ издаваемыхъ имъ книгъ, а съ французскихъ переводовъ ихъ; этотъ упрекъ основывается на вполнѣ французскомъ построеніи нѣкоторыхъ фразъ въ переводахъ Шаплета. За свои переводы Шаплетъ 30-го декабря 1822 года избранъ былъ дѣйствительнымъ членомъ Общества Любителей Россійской словесности.

Мѣсяцесловы на 1823 г., ч. 1, стр. 124; 1825 г., ч. I, стр. 132; 1829 г., ч. I, стр. 170; некрологи: «Сѣверная Пчела» 1834 г., № 226. и «Молва» 1834 г., № 41, стр. 219; рецензіи на переводы Шаплета: «Сѣверная Пчела» 1830 г., № 79; «Московскій Телеграфъ» 1831 г. ч. III, стр. 390—3; 1833 г., ч. 51, стр. 132—151, 331—37; Смирдинъ, «Роспись Россійскимъ книгамъ», №№ 10633, 10644, 8951, 11947, 11960; Я. Березинъ-Ширяевъ, «Послѣдніе матеріалы для библіографіи», Спб. 1884 г., стр. 240, 156; «Соревнователь просвѣщенія» («Труды Общества Любителей Россійской Словесности»), 1823 г., ч. XXI, стр. 230, смѣсь. *Вадимъ Модзалевскій.*

Шаплыгинъ, *Борисъ Θедоровичъ*, новгородскій дворянинъ, искусный позументный мастеръ, умеръ въ 1765 году. Императоръ Петръ Великій пожаловалъ Б. Θ. Шаплыгина въ коммиссары надъ первою въ Россіи большою позументною фабрикою, которую Шаплыгинъ и устроилъ; заслуживаетъ вниманія то, что до Шаплыгина позументнымъ дѣломъ занимались въ Россіи только иностранцы.

Мих. Логиновъ, «Столѣтнія годовщины 1765 г.» («Вѣсть» 1865 г., № 6). «Энциклопед. слов. К. Крайя», XII, 212. *Грековъ.*

Шаповаловъ, *Иванъ Савельевичъ*, художникъ—мозаичистъ, основатель мозаичной мастерской въ Россіи, сынъ крестьянина села Николаевки, Кременчугскаго уѣзда, Полтавской губерніи, родился въ 1817 г. Въ 1831 г., будучи 14 лѣтъ, онъ былъ отправленъ въ Италію, гдѣ въ теченіе 4 лѣтъ, подъ руководствомъ профессоровъ Рафаэля Даурія и нашего знаменитаго живописца А. А. Иванова, онъ изучалъ живопись и итальянскую литературу. Общество поощренія художниковъ, по ходатайству гр. Матушевича, полномочнаго министра при Неаполитанскомъ дворѣ, избрало его своимъ пансіонеромъ на два года. При такой поддержкѣ Ш. писалъ сначала копіи, напримѣръ, съ картона П. Перуджино—«Богоматерь съ предвѣчнымъ младенцемъ», Рафаэля—«Преображеніе Господне» и «Коронованіе Божіей матери», Гвидо Рени—«Люкреція Римлянка» и др., а затѣмъ картины своей композиціи, напр., «Римская зима», «Римская дѣвушка» и другія. Подобныя работы его не разъ появлялись на выставкахъ въ Римѣ. Въ 1845 г. Императоръ Николай Павловичъ посѣтилъ Римъ. Видъ

превосходныхъ мозаичныхъ работъ, украшавшихъ стѣны знаменитаго храма Св. Петра, подалъ государю мысль украсить мозаиками Исаакіевскій соборъ. По Высочайшему повелѣнію въ 1846 году подъ руководствомъ извѣстнаго римскаго мозаичиста Барбери, открытъ былъ въ Римѣ классъ для изученія мозаики русскими художниками. Ш. по волѣ Императора Николая I-го, какъ пенсіонеръ академіи, въ четыре года, въ студіи Барбери, совмѣстно со своими товарищами Раевымъ и Өедоровымъ, исполнилъ прекрасную мозаичную копію съ находящагося въ одной изъ капеллъ Ватикана изображенія св. Николая въ Бари (этотъ образъ теперь находится въ часовнѣ на Николаевскомъ мосту въ Петербургѣ) и двѣ копіи съ древняго пола, открытаго въ Отриколи. Въ іюлѣ 1851 года римская студія была закрыта, а русскіе художники, въ томъ числѣ и Шаповаловъ, — съ начатыми и оконченными работами были отправлены въ Россію. Съ прибытіемъ ихъ, 21-го ноября 1851 года Высочайше утверждено было положеніе Императорскаго мозаичнаго заведенія. Такимъ образомъ Шаповаловъ и его товарищи—Раевъ и Өедоровъ положили прочное основаніе дальнѣйшему развитію мозаичнаго дѣла въ Россіи. Въ томъ же году Академія Художествъ (27-го сентября 1851 г.) возвела Ш. въ званіе художника исторической и портретной живописи. Изъ мозаикъ его извѣстны образа св. евангелиста Іоанна, Александра Невскаго (съ оригинала профессора Брюллова), св. угодниковъ на Аөонской горѣ (12 образовъ) — для Исаакіевскаго собора, маски во фризѣ фасада зданія мозаичнаго отдѣленія и др. Подъ его руководствомъ изучали мозаичное искусство Лебедевъ, Поповъ, Щетинкинъ, Бурухинъ, Хмѣлевскій и др., которые возвели русское мозаичное дѣло на высокую степень совершенства. На Парижской Всемірной выставкѣ 1867 г. главная награда за мозаику—золотая медаль—присуждена была русскому мозаичному отдѣленію. Скончался И. С. Шаповаловъ въ с. Дувани, Златоустовскаго уѣзда, Уфимской губ. 4-го ноября 1890 г.

Некрологи И. С. Шаповалова: «Всемірная Иллюстрація» 1890 г., № 1139; „Новости" 1890 года, № 311.

А. Ивановъ.

Шаповаловъ, *Николай Львовичъ*, издатель «Театральной Библіотеки», окончилъ въ 1851 г. со степенью кандидата правъ курсъ юридическаго факультета Московскаго университета и затѣмъ служилъ въ Московской дворцовой конторѣ. Умеръ въ Москвѣ 15-го ноября 1886 г. и похороненъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ. По иниціативѣ Ш. и Гр. Наум. Новосельскаго, писателя и композитора, въ 1878 г. организованъ драматическій отдѣлъ артистическаго кружка въ Москвѣ, въ которомъ происходили бесѣды по теоріи сценическаго искусства и исторіи драмы, а также практическія упражненія въ декламаціи и пѣніи. Эти курсы, по мысли организаторовъ (послѣ смерти Новосельскаго былъ приглашенъ П. Д. Боборыкинъ), должны были отвѣчать потребности въ высшемъ сценическомъ образованіи, которую не вполнѣ удовлетворяли существовавшія въ то время школы въ обѣихъ столицахъ. Въ связи съ этимъ стоитъ изданіе въ 1879—1880 гг. Ш. ежемѣсячнаго журнала «Театральная Библіотека». Журналъ со временемъ долженъ представить, говорится въ редакціонной статьѣ въ I кн., цѣлую библіотеку и по репертуару, и по изученію всѣхъ сторонъ сценическаго міра, и сообразно съ этимъ каждая книга распадается на два отдѣла. Театръ за послѣднее время, говорится тамъ же, сдѣлался настоятельной и повсемѣстной потребностью, коей посвящаются только репортерскія замѣтки. Этотъ пробѣлъ и думалъ заполнить издатель «Театр. Библіотеки». Въ біографическомъ очеркѣ «Гр. Н. Новосельскій» («Театр. Библіотека» 1879 г., сент., стр. 1—9), написанномъ Ш. по случаю его смерти, говорится, что Новосельскій былъ «душою» изданія: по его настойчивымъ доводамъ оно начато, при его совѣтахъ выработана программа, и въ немъ онъ разсчитывалъ принять самое дѣятельное участіе. Перу Ш., кромѣ указаннаго, принадлежатъ еще статьи: «Провъ Михайловичъ Садовскій», очеркъ («Драматич. Альбомъ», изд. П. Араповымъ, М. 1850 г., стр. 122—125); 2) «Екатерина Николаевна Лаврова-Васильева», очеркъ (тамъ же 230—1) и 3) «I. И. Желѣзниковъ», некрологъ («Московск. Вѣд.» 1863 г., № 146; перепечатано въ «Рус. Инвалидѣ» 1863 г., № 151 и «Сѣверной Почтѣ» 1863 г., № 151).

Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. VI, 124—5; «Московскія Вѣдомости» 1886 г., № 317, стр. 1; А. Мезіеръ, «Русская словесность съ XI по XIX ст. вкл.», ч. II, стр. 265.

Анат. Купаловъ.

Шапошниковъ, *Аркадій* (Андрей Родіоновичъ), епископъ Славскій, экзархъ всѣхъ некрасовцевъ, одно изъ замѣчательнѣйшихъ лицъ Бѣлокриницкой іерархіи. Родился въ самомъ началѣ XIX-го столѣтія въ посадѣ Клинцы, Черниговской г. По смерти родителей вся семья Ш-выхъ переселилась въ Кременчугъ, гдѣ Андрей добывалъ себѣ пропитаніе, занимаясь писаніемъ иконъ по заказамъ старообрядцевъ. Будучи еще очень молодымъ человѣкомъ, въ 1821 г. Андрей Род. женился на дочери кременчугскаго купца Дударева—вдовѣ Хіоніи Яковлевнѣ, имѣвшей отъ перваго брака двухъ сыновей. Отъ нея онъ имѣлъ сына, умершаго во младенчествѣ; вскорѣ послѣ его рожденія начались между супругами несогласія и въ 1824 г., послѣ трехлѣтней совмѣстной жизни, Ш. тайно оставилъ семью, ушелъ изъ Кременчуга спасать душу. Такимъ мѣстомъ для спасенія выбралъ онъ старообрядческій Лаврентьевскій монастырь (Гомельск. у , Могилевской губ.). Здѣсь Ш., постригшись въ иночество и получивъ имя Аркадія, благодаря своимъ выдающимся способностямъ и рѣдкой энергіи быстро пріобрѣлъ большое вліяніе на монастырскія дѣла и снискалъ уваженіе всей лаврентьевской братіи. Въ 1832 г. Аркадій былъ единогласно избранъ братіею игуменомъ. Въ концѣ 1834 г. Аркадій вмѣстѣ съ однимъ инокомъ отправились въ Варшаву къ новому владѣльцу Гомельскаго имѣнія, къ которому принадлежалъ и монастырь—къ кн. Паскевичу съ просьбой подтвердить нѣкоторыя особенныя права, дарованныя прежними владѣльцами гр. Румянцевыми, принимавшими очень дѣятельное участіе въ монастырскихъ дѣлахъ. Князь милостиво принялъ Аркадія, подтвердилъ права, данныя Румянцевыми, но устранилъ не только себя, но и управленіе своей гомельской экономіи отъ всякаго вмѣшательства въ монастырскія дѣла и отъ опеки надъ нравственностью иноковъ. Прекращеніе такого патроната и было главнѣйшей причиной паденія добрыхъ нравовъ въ Лаврентьевскомъ монастырѣ во время правленія Аркадія. Все время его игуменства прошло въ неустанной борьбѣ съ одной стороны съ большею частью иноковъ «слабыхъ житіемъ», а съ другой съ меньшею частью, стремившейся путемъ перехода въ единовѣріе осуществить свои честолюбивые замыслы. Такъ дѣло продолжалось до 1844 г., когда по предписанію правительства монастырь былъ закрытъ, а игуменъ Аркадій высланъ подъ надзоръ полиціи въ родной посадъ Клинцы, какъ въ мѣсто ревизской приписки. Но Аркадій усидѣлъ тамъ недолго. Въ іюлѣ 1845 года мы видимъ его уже въ Молдавіи въ Мануиловскомъ скиту, въ которомъ онъ былъ проѣздомъ на пути въ Добруджу въ Славскій скитъ; въ послѣднемъ въ октябрѣ того же года онъ и поселился и вслѣдствіе своего выдающагося ума пріобрѣлъ и здѣсь большое значеніе. Въ 1847 г., когда возникъ вопросъ о поставленіи у некрасовцевъ своего епископа, Аркадію по единодушно выраженной просьбѣ братіи Славскаго скита и депутатовъ отъ некрасовскихъ обществъ предложено было принять это званіе. Послѣ долгихъ отказовъ Аркадій согласился, но бѣлокриницкій митроп. Амвросій не утвердилъ приговора некрасовцевъ, ссылаясь на то, что Аркадій, какъ женатый на вдовѣ, по церковнымъ правиламъ не можетъ совершенно занимать никакихъ должностей, а тѣмъ паче быть епископомъ. Вмѣсто него славскимъ епископомъ былъ поставленъ другой Аркадій (Дорофеевъ). До 1854 г. правой рукою его въ дѣлахъ управленія епископіей былъ Аркадій (Ш-въ). 1-го января 1854 г. Аркадій (Ш-въ) былъ поставленъ Аркадіемъ архіеп. славскимъ въ «епископы странствующихъ христіанъ для тѣхъ некрасовцевъ, которые, воспользовавшись предложеніемъ турецкаго правительства, рѣшили выселиться изъ Добруджи на время открывшихся тогда военныхъ дѣйствій между Россіей и Турціей. Въ мартѣ того же года эти переселенцы вмѣстѣ съ епископомъ Аркадіемъ Ш. двинулись въ путь и поселились на хуторѣ одного паши въ 12-ти верстахъ отъ Константинополя, гдѣ и прожили до октября 1855 г. Такъ какъ оба некрасовскіе епископы — Аркадій (Дорофеевъ) и Алимпій во время военныхъ дѣйствій были арестованы, какъ бѣглые изъ Россіи, то Аркадій Ш., вернувшись изъ стран-

ствія, принялъ титулъ «епископа славскаго и екзарха всѣхъ некрасовцевъ». Сдѣлавшись епископомъ славскимъ, Аркадій ревностно принялся за устройство свей епископіи. Письма его за 1857—1862 гг. наполнены просьбами о присылкѣ книгъ, донесеніями о поставленныхъ попахъ, о вновь выстроенныхъ церквахъ и т. п. Онъ даже намѣревается завести свою типографію для перепечатки нужныхъ для старообрядцевъ книгъ. Въ 1862 г. Ш. принимаетъ дѣятельное участіе въ возникшихъ въ его епископіи спорахъ о непринятіи метрикъ. Въ томъ же году въ Москвѣ лучшею частью бѣлокриницкихъ епископовъ было издано повлекшее столько споровъ «Окружное посланіе». Аркадій съ самаго начала сталъ на ихъ сторону: «молю всѣхъ православныхъ христіанъ, писалъ онъ въ одномъ письмѣ, безъ сомнѣнія читать и вѣровать всему написанному во «Окружномъ посланіи». Въ возникшихъ спорахъ по поводу посланія Аркадій принималъ дѣятельное участіе. Такъ въ 1866 г. онъ вмѣстѣ съ другими епископами подписалъ опредѣленіе Боташанско-Ясскаго собора, въ которомъ митроп. Кириллу воспрещалось священнодѣйствовать впредь до большого собора за принятіе еретическихъ догматовъ партіи раздорниковъ. Участвовалъ Аркадій и въ Бѣлокриницкомъ соборѣ 1868 г., но здѣсь, желая во что бы то ни стало умиротворить уже нѣсколько лѣтъ мятущееся раздорами и распрями старообрядчество и удержать его отъ распаденія, сдѣлалъ въ пользу противоокружниковъ большія уступки и даже отрекся отъ «Окружного посланія», подписавъ позорную для старообрядцевъ-окружниковъ грамоту и заключивъ, по собственному его выраженію, «грязный миръ» съ раздорниками. Но этотъ «грязный миръ» не принесъ желаемаго примиренія; напротивъ онъ возбудилъ новыя неудовольствія. На Аркадія, бывшаго до сихъ поръ крѣпкимъ защитникомъ «Посланія», отовсюду посыпался цѣлый градъ обидныхъ упрековъ, обличеній и даже угрозъ. Всѣ эти письма сильно подѣйствовали на Аркадія и имѣли рѣшительное вліяніе на развитіе его недуга. 11-го ноября 1868 г., спустя три мѣсяца послѣ Бѣлокриницкаго собора, Аркадій скончался.

Н. Субботинъ справедливо называетъ Аркадія еп. славскаго одною изъ самыхъ замѣчательныхъ личностей бѣлокриницкой іерархіи. При большомъ умѣ Аркадій обладалъ обширными свѣдѣніями, почерпнутыми, какъ видно изъ его писемъ, не только изъ старообрядческихъ книгъ; съ раскольнической же литературой онъ былъ знакомъ вполнѣ. Къ тому же онъ свободно владѣлъ перомъ и умѣлъ выражать свои мысли очень оригинально, языкомъ не чуждымъ силы и краснорѣчія. Рѣдкая энергія, необыкновенная память, быстрота соображенія, всегдашнее умѣніе найтись въ затруднительныхъ обстоятельствахъ въ продолженіи всей жизни выдвигали его на первый планъ. Какъ великій ревнитель раскола и строгій блюститель всѣхъ установленныхъ обрядовыхъ условій жизни, строгій не только къ другимъ, но и къ самому себѣ, Аркадій пользовался у старообрядцевъ большимъ уваженіемъ. Но при своихъ несомнѣнныхъ достоинствамъ Аркадій обладалъ и значительными недостатками. Его гордый, мстительный характеръ, его страсть къ любостяжательности, хотя и были тщательно имъ скрываемы, но тѣмъ не менѣе иногда всплывали наружу и возстановляли противъ него общественное мнѣніе, которое высказывалось иногда въ довольно рѣзкихъ отзывахъ о немъ (ср. напр. «Переписку раскольн. дѣятелей» вып. II спор. 258 сл.).

«Переписка раскольн. дѣятелей», изд. Н. Субботинымъ, вв. II и III, М. 1889—99 гг. (письма Аркадія Славскаго); Н. Субботинъ. «Исторія Бѣлокриницкой іерархіи», т. I. М. 1874 г., стр. 91—97, 314—15, 464—68;—т. II. М. 1900 г., стр. 64—85, 162, 512 — 13: М. Монастыревъ. «Историч. очеркъ австрійск. священства», Каз. 1878 года, стр. 15, 18—24, 140 — 41, 169 — 81; Субботинъ. «Расколъ какъ орудіе враждебныхъ Россіи партій», М. 1867 г.; его же. «Современные лѣтописи раскола», вып. II. М. 1869 г.; П. И. Мельниковъ. «Историч. очерки поповщины», «Русск. Вѣстн.», 1867 г.; мелкія статьи Н. Субботина: «Душепол. чтеніе» 1867 г. №№ 2, 9 и 10; «Русск. Вѣстн.», 1867 г. № 11; Ibid. 1869 г. № 5 и 6.

А. Шиловъ.

Шапошниковъ, *Ѳедоръ Сергѣевичъ*, генералъ-маіоръ, директоръ Пажескаго корпуса, происходилъ изъ дворянъ, родился въ 1754 году и десяти лѣтъ отъ роду, 22-го марта 1764 года, поступилъ въ Артиллерійскій Кадетскій Корпусъ. Тамъ 14-го марта 1768 г. онъ былъ

произведенъ въ сержанты, а 6-го декабря 1768 г. въ штыкъ-юнкера По окончаніи курса наукъ 1-го января 1771 г. Ш. былъ выпущенъ подпоручикомъ въ 1-й Канонирскій полкъ, а затѣмъ, 14-го іюля 1773 г. переведенъ въ Артиллерійскій Кадетскій Корпусъ, гдѣ находился при обученіи кадетъ геометріи и артиллеріи. 19-го ноября 1775 года онъ былъ пожалованъ въ поручики, 21-го апрѣля 1780 года назначенъ квартермистромъ, 7-го ноября 1781 года произведенъ въ капитаны, а 13-го марта 1789 года въ маіоры и въ этомъ чинѣ получилъ въ свое вѣдѣніе роту кадетъ. 1-го августа 1789 года именнымъ повелѣніемъ Государыни Шапошниковъ былъ переведенъ въ Пажескій Корпусъ и назначенъ преподавателемъ артиллеріи и фортификаціи. 28-го іюня 1794 года онъ былъ произведенъ въ подполковники, а 15-го ноября 1796 г. въ полковники, съ оставленіемъ въ Пажескомъ Корпусѣ. 11-го января 1797 г. Шапошниковъ былъ переименованъ бригадиромъ, а 4-го іюня того же года пожалованъ въ генералъ-маіоры. По вступленіи на престолъ Павла I Пажескій Корпусъ былъ преобразованъ въ военное учебное заведеніе и директоромъ его назначенъ былъ Ѳ. С. Шапошниковъ. Жалованье ему было назначено изъ кабинета Его Величества. Мѣсто это онъ занималъ до 1802 года, когда былъ уволенъ въ отставку во время преобразовательныхъ реформъ генерала Клингера, желавшаго придать Пажескому Корпусу окончательно видъ военно-учебнаго заведенія.

Формуляръ въ отдѣленіи Архива Главнаго Штаба въ Москвѣ. Левшинъ, «Пажескій Его Императорскаго Величества Корпусъ, за 100 л.», Спб. 1902 г., т. I, 174, 176, 213: т. II, 494. Милорадовичъ «Матеріалы для исторіи Пажескаго Копуса»; Кіевъ. 1876 г., стр. 246.

И. Н. Артамонова.

Шараповъ, *Василій Степановичъ*, драматическій и оперный артистъ Императорскихъ театровъ, род. въ 1758 г., образованіе получилъ въ только что основанной тогда трудами И. А. Дмитревскаго «казенной театральной школѣ», гдѣ, обладая хорошимъ голосомъ, одинаково занимался подготовкой какъ къ драматической, такъ и къ оперной сценѣ и считался однимъ изъ наиболѣе даровитыхъ воспитанниковъ. По окончаніи курса 1-го сентября 1787 г. былъ опредѣленъ на службу къ Спб. Императ. театрамъ и впервые выступилъ въ трагедіи Вольтера: «Альзира» или «Американцы»; но первое время, согласно данной имъ подпискѣ, долженъ былъ, кромѣ сцены, трижды въ недѣлю посѣщать еще театральное училище для продолженія обученія, и эти дополнительныя занятія, благодаря талантливому руководительству Дмитревскаго, не прошли для него даромъ и помогли ему скоро выдвинуться въ характерныхъ роляхъ и пользоваться въ нихъ хорошимъ успѣхомъ у публики. Но ни значительныя драматическія способности, ни хорошій голосъ и умѣнье пѣть не могли вывести его въ ряды премьеровъ, гдѣ тогда находились неизмѣримо выше его стоявшіе П. Плавильщиковъ, Як. Шушеринъ. А. Яковлевъ, В. Самойловъ и пр. За слишкомъ двадцатилѣтнюю службу Ш. исполнено и въ драмѣ, и въ оперѣ не мало ролей, но наибольшаго вниманія среди нихъ заслуживаютъ роли Честодума («Самолюбивый стихотворецъ», ком. Н. Николаева), Ликаста («Принужденная любовь», ком. «изъ театра Моліэра»), Нарцеса («Эдипъ въ Аѳинахъ», траг. Озерова), Колла («Фингалъ» Озерова), кн. Смоленскаго («Динмитрій Донской») и Бурдона («Павелъ и Виргинія», опера Крейцера). Умеръ Ш. въ отставкѣ въ январѣ мѣсяцѣ 1817 г.

Архивъ Дир. Импер. театровъ, вып. I, отд. I, II и III; П. Н. Араповъ Лѣтопись русскаго театра». 1861 г.; «Драматическій альбомъ». изд. П. Н. Арапова и Авг. Роппольта. 1850 г.

Вал. Бер.

Шараповъ, *Степанъ Прокофьевичъ*, дьякъ, впервые упоминается въ 1660 году, когда былъ дьякомъ стрѣлецкаго приказа; въ 1662 году изъ приказа былъ посланъ при посольствѣ окольничаго Милославскаго въ Персію, выѣхалъ изъ Москвы съ посольствомъ 4-го мая, но 24-го іюня съ дороги уже былъ возвращенъ обратно «для государева дѣла». Въ 1663 году Шараповъ былъ посланъ при воеводѣ въ Смоленскъ, въ 1666 году назначенъ былъ въ Приказъ Большой Казны, въ 1672 году находился при воеводѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ, а въ 1673 году былъ переведенъ въ Астрахань, гдѣ былъ

свидѣтелемъ бунта Разина, и послѣ усмиренія его принималъ дѣятельное участіе въ слѣдствіи, производившемся воеводой княземъ Я. Н. Одоевскимъ надъ бунтовщиками. Въ то же время онъ упоминается и какъ участникъ мѣръ, принятыхъ къ поднятію торговли Астрахани, совсѣмъ почти прекратившейся вслѣдствіе разбоевъ разинцевъ. Въ 1678 году мы находимъ Шарапова снова дьякомъ въ Приказѣ Большого Дворца, гдѣ онъ пробылъ до 1680 года. Въ этомъ году Шараповъ былъ назначенъ на воеводство въ Олонецъ. Въ Олонцѣ же мы находимъ его и въ 1681 году, но послѣ этого извѣстій о немъ не имѣется.

Спиридовъ. «Записки о старинныхъ службахъ русск. благородныхъ родовъ» (рукопись Имп. Публ. Библ.), VII, 114; «Акты историческіе», т. IV, V; Дополненіе къ актамъ историческимъ т. VI, VIII; «Акты Московскаго Государства», III, 252, 405, 406, 482. *Е. Лихачъ.*

Шарбе, *Августъ Васильевичъ*, докторъ философіи Виттенбергскаго Университета, профессоръ римской словесности и древности въ Казанскомъ Университетѣ (отецъ слѣдующихъ); родился въ 1790 году въ г. Либенау въ Нижнемъ Лаузицѣ (Ѳ. А. Шарбе указываетъ на 1797 г. какъ на годъ рожденія А. В. Шарбе). Получивъ въ 1813 году степень доктора философіи Виттенбергскаго университета, Шарбе посвятилъ себя педагогической дѣятельности и въ 1820-хъ годахъ былъ назначенъ директоромъ гимназіи въ Сарау (въ Пруссіи). Репутація прекраснаго классическаго филолога была причиной тому, что совѣтъ Казанскаго Университета 22-го декабря 1832 года избралъ Шарбе ординарнымъ профессоромъ Казанскаго Университета по каѳедрѣ римской словесности и древностей. Пріѣхавъ въ Казань въ срединѣ 1833 года (по сообщенію Ѳ. А. Шарбе—въ 1834 году), А. В. занималъ вышеупомянутую каѳедру въ теченіе десяти лѣтъ. Захворавъ въ 1843 году, онъ въ томъ же году, 21-го октября, вышелъ въ отставку. Поселившись навсегда въ г. Казани, онъ жилъ тамъ до самой смерти. А. В. Шарбе скончался въ 1868 году. Ему принадлежитъ рядъ сочиненій по классической филологіи на нѣмецкомъ языкѣ, напечатанныхъ въ бытность его директоромъ гимназіи въ Сарау. На русскомъ языкѣ имъ издана въ Казани въ 1856 году «Классическая филологія».

Сообщеніе внука А. В. Шарбе—Ѳ. А. Шарбе; Н. П. Загоскинъ «Дѣятели Казанскаго университета 1805—1900 г.», Казань. 1900 г., стр. 55; «Русск. Арх.», 1877, № 2, стр. 152. *Е. Я.*

Шарбе, *Алкуинъ Августовичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, докторъ философіи и древней филологіи Казанскаго университета, писатель (сынъ предыдущаго и братъ слѣдующаго). Родился въ Сарау (въ Пруссіи) въ 1820 году (по сообщенію его сына Ѳ. А. Шарбе, Н. П. Загоскинъ же и П. Гвоздевъ указываютъ на 1821 годъ, а изъ двухъ формуляровъ А. А. Шарбе за 1853 и 1855 гг. слѣдуетъ заключить, что онъ родился въ 1823 году). Воспитывался А. А. Шарбе тамъ же, въ мѣстной гимназіи, гдѣ отецъ его былъ въ то время директоромъ. Переѣхавъ въ 1833 году вмѣстѣ съ отцомъ въ Казань, онъ нѣсколько лѣтъ спустя поступилъ въ Казанскій университетъ, курсъ котораго по историко-филологическому факультету окончилъ въ 1843 году со степенью кандидата. Въ томъ же году, 13-го сентября, онъ былъ назначенъ старшимъ учителемъ греческаго языка Казанской гимназіи, а съ января слѣдующаго года исполнялъ еще обязанности библіотекаря гимназіи. Получивъ въ 1846 году, 15-го февраля, степень магистра философіи, Шарбе въ концѣ 1850 года былъ переведенъ старшимъ учителемъ во 2-ую Казанскую гимназію, въ которой оставался до исключенія греческаго языка изъ предметовъ гимназическаго курса, послѣ чего, 30-го апрѣля 1852 года былъ назначенъ штатнымъ лекторомъ нѣмецкаго языка въ Казанскомъ университетѣ. Защитивъ, въ апрѣлѣ 1851 года, докторскую диссертацію подъ заглавіемъ «De Aristophanis Acharnensibus» (Казань. 1851 г.) и получивъ степень доктора философіи и древней филологіи, Шарбе пріобрѣлъ такимъ образомъ право на занятіе профессорской каѳедры. Однако, когда 16-го января 1860 года онъ былъ избранъ въ адъюнкты русской словесности, то избраніе это не было утверждено, вслѣдствіе чего въ слѣдующемъ году онъ перевелся на службу въ Петербургское Аудиторское училище (теперь Военно-Юридическая академія)

гдѣ занялъ должность инспектора классовъ. Въ этой должности онъ участвовалъ въ работахъ по преобразованію Аудиторскаго училища въ Военно-Юридическое, а затѣмъ въ академію. А. А. Шарбе скончался въ С.-Петербургѣ въ 1873 году. Кромѣ вышеуказанной диссертаціи ему принадлежитъ еще нѣсколько сочиненій, изъ коихъ укажемъ на «Сновидѣніе Сципіона, сына Цицерона» (перевелъ и объяснилъ А. Шарбе. Казань 1853 г.).

Сообщеніе его сына Ѳ. А. Шарбе; два формулярныхъ списка о службѣ въ Казанскомъ Университетѣ, составленные въ 1853 и 1855 гг.; Н. П. Загоскинъ «Дѣятели Императорскаго Казанскаго Университета 1850—1900 гг.». Казань. 1900 г., стр. 27—28; Порфирій Гвоздевъ «Историческая записка о второй Казанской гимназіи». Казань. 1876 г., стр. 328 и 353; Н. П. Лихачевъ «Книгопечатаніе въ Казани», стр. 31—32.

Е. Ястребцевъ.

Шарбе, *Раймундъ Августовичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, магистръ римской словесности, профессоръ Казанскаго Университета, а затѣмъ директоръ училищъ Пензенской губерніи, писатель (сынъ Августа Вас., см. выше и братъ предыдущаго). Родился въ Сарау (въ Пруссіи) въ 1824 году. Девять лѣтъ спустя онъ вмѣстѣ съ отцомъ переѣхалъ въ Казань, гдѣ поступилъ въ гимназію, по окончаніи курса въ которой въ 1840 году перешелъ въ Университетъ на философскій факультетъ. Выпущенный изъ Университета въ 1844 году со степенью кандидата философскаго факультета 1-го отдѣленія и награжденный золотою медалью, онъ въ томъ же году, 19-го іюля былъ назначенъ старшимъ учителемъ латинскаго языка въ младшихъ классахъ 2-ой Казанской Гимназіи. Утвержденный въ маѣ 1848 года въ степени магистра римской словесности Р. А. Шарбе послѣ профессора Фатера, 14-го ноября 1854 года былъ избранъ и 24-го числа того же мѣсяца утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ греческой словесности и древностей въ Казанскомъ Университетѣ. Занимая эту должность около семи лѣтъ, Шарбе въ 1860 году, 1-го сентября, былъ избранъ ординарнымъ профессоромъ, но это избраніе не было утверждено, вслѣдствіе чего онъ оставилъ службу въ Казанскомъ Университетѣ и въ слѣдующемъ году былъ назначенъ директоромъ училищъ Пензенской губерніи и директоромъ Пензенской гимназіи. Р. А. Шарбе скончался въ Петербургѣ въ 1875 г. Ему принадлежатъ слѣдующія сочиненія: 1) «De geniis manibus et laribus» (Казань. 1856 г.); 2) «Переводъ и разборъ четвертой элегіи Виргилія» (Казань. 1859 г.); 3) «Таблицы латинскихъ склоненій и спряженій» (Казань. 1858) и рядъ статей въ «Ученыхъ Запискахъ Императорскаго Казанскаго Университета» («Мысли о воспитаніи въ гимназіяхъ», 1858 г., т. III и др.) и въ нѣкоторыхъ другихъ повременныхъ изданіяхъ.

Сообщенія его племянника Ѳ. А. Шарбе; формулярный списокъ о службѣ во 2-ой Казанской Гимназіи, составленный въ 1856 году; Н. П. Загоскинъ, «Дѣятели Императорскаго Казанскаго Университета 1805—1900 гг.», Казань, стр. 55; Порфирій Гвоздевъ, «Историческая записка о второй казанской гимназіи», Казань. 1876 г., стр. 325, 353 и 364; Н. П. Лихачевъ «Книгопечатаніе въ Казани», стр. 32.

Е. Ястребцевъ.

Шардонъ, *Карлъ Николаевичъ* (Charles Paul de-Chardon), генералъ-лейтенантъ инженернаго корпуса, родился въ 1734 году По происхожденію французскій дворянинъ, Шардонъ въ сентябрѣ 1769 года перешелъ изъ французской военной службы въ русскую, куда былъ опредѣленъ съ чиномъ капитана арміи, а въ слѣдующемъ году переведенъ въ инженерный корпусъ. Ш. участвовалъ въ турецкой войнѣ 1770—1773 гг.; отличился при взятіи, въ 1770 г., крѣпости Бендеръ, подъ которую велъ мины, при чемъ былъ раненъ; находился въ 1771 г. при взятіи Перекопской линіи, а въ 1772 г.—при взятіи Акермана, руководя взрывомъ крѣпости. Въ 1773 г. Ш. назначенъ былъ въ минерную и піонерную роты и съ этого времени исполнялъ разныя спеціальныя задачи по инженерной части, въ особенности въ Лифляндской губерніи; такъ, напр., въ 1782 г. онъ составилъ проектъ перестройки Рижской крѣпости, а въ 1785 г. былъ командированъ на островъ Эзель для снятія ситуаціоннаго плана крѣпости и составленія описанія острова. Съ 1790 г. Ш., произведенный въ 1783 г. въ полковники и въ 1788 г. въ генералъ-маіоры, управлялъ инженерною частью въ Кіевской крѣпости, 1-го января 1795 г. про-

изведенъ въ генералъ-лейтенанты, а 25-го декабря 1797 г. уволенъ отъ службы.

Общій архивъ Главнаго Штаба въ Москвѣ. *А. Гернетъ.*

Шарембергъ (фонъ), *Өедоръ Францевичъ*, генералъ-маіоръ по Адмиралтейству. Уроженецъ Финляндіи. Военно-морскую службу свою онъ началъ въ чинѣ мичмана 29-го февраля 1820 г. и до 1824 г. плавалъ въ Финскомъ заливѣ на бригѣ «Ахиллесъ», яхтѣ «Эрисъ» и бригѣ «Колымъ». Затѣмъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, онъ командовалъ финляндской таможенной яхтой «Иозп», а въ 1827 году плавалъ на шлюпѣ «Открытіе». Произведенный 22-го февраля 1828 года въ лейтенанты, онъ въ томъ же году (28-го марта) вышелъ въ отставку съ чиномъ капитанъ-лейтенанта, но черезъ два съ половиной года снова поступилъ на службу и въ теченіе пяти лѣтъ плавалъ на фрегатѣ «Екатерина» и корабляхъ «Эмгейтенъ» и «Владиміръ». Назначенный въ 1836 году командиромъ финляндской таможенной яхты, Шарембергъ въ слѣдующемъ году командовалъ канонерскою лодкой № 2, а затѣмъ пароходомъ «Богатырь». Дальнѣйшая служба его почти на десять лѣтъ сосредоточилась въ коммисіи по осмотру и прiисканію корабельныхъ лѣсовъ въ западныхъ губерніяхъ, въ которую онъ былъ назначенъ въ 1839 г. старшимъ членомъ. Состоя въ этой должности Шарембергъ въ 1840 г. (14-го апрѣля) былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты, а 11-го апрѣля 1848 года—въ капитаны 2-го ранга. Въ томъ же году онъ снова вернулся къ морской строевой службѣ и на корабляхъ «Императоръ Александръ I» и «Гангутъ» плавалъ въ Балтійскомъ морѣ; затѣмъ до 1853 года онъ командовалъ транспортомъ «Америка», причемъ 1-го декабря 1852 года былъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга. Вслѣдъ затѣмъ Шарембергъ былъ назначенъ командиромъ 5-го рабочаго экипажа, которымъ и командовалъ до самой своей отставки. 7-го марта 1860 года онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ увольненіемъ отъ службы. Годъ смерти Ө. Ф. въ точности неизвѣстенъ. Шарембергъ былъ замѣчательнымъ лингвистомъ. Онъ зналъ языки: нѣмецкій, датскій, шведскій, польскій, норвежскій, молдавскій, татарскій и еврейскій и оставилъ послѣ себя нѣсколько переводовъ, напечатанныхъ въ «Морскомъ Сборникѣ».

«Общій морской списокъ», т. VIII, Спб. 1894 г. стр. 473—474. *Е. Л.*

Шаркевичъ, *Яковъ*, профессоръ церковной исторіи въ Варшавскомъ университетѣ, писатель. Родился въ 1776 году въ мѣстечкѣ Гарволинѣ (нынѣ Сѣдлецкой губерніи), образованіе получилъ въ луковской гимназіи отцовъ піаровъ. Въ 1795 г. Ш. вступилъ въ монашескій орденъ миссіонеровъ въ Варшавѣ и въ 1800 году былъ посвященъ въ священники. Пробывъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ преподавателемъ въ разныхъ училищахъ, Шаркевичъ въ 1807 году былъ призванъ въ Варшаву, гдѣ получилъ назначеніе на должность директора семинаріи. Одновременно съ этой должностью Шаркевичъ былъ проповѣдникомъ въ костелѣ св. Креста и профессоромъ духовнаго краснорѣчія въ семинаріи. Перейдя на ту же должность въ Краковъ, Шаркевичъ оставался за границей недолго: въ 1816 году, вернувшись въ Варшаву, онъ вышелъ изъ монашескаго ордена и получилъ каѳедру богословія въ Варшавскомъ Александровскомъ университетѣ, которую занималъ до 1819 года. Послѣ трехлѣтняго отдыха, въ 1822 году, онъ вновь былъ назначенъ профессоромъ богословія и церковной исторіи и занималъ эти каѳедры до закрытія университета, послѣ чего перешелъ на должность профессора въ Варшавскую духовную римско-католическую Академію. Умеръ Шаркевичъ въ Варшавѣ въ 1842 году. Кромѣ ряда рѣчей и проповѣдей, Шаркевичъ написалъ разсужденіе: «O Stanisławie Hozjuszu kardynale biskupie Warmińskim».

«Encyklopedja Powszechna Orgelbranda», изд. 1866 г., томъ XXIV; стр. 559; изд. 1903 г., т. 14, стр. 232; «Posiedzenia publiczne Universitetu Warszawskiego» за 1828 годъ. *А. П.*

Шарковъ, *Поликарпъ Павловичъ*, статскій совѣтникъ, медико-хирургъ Петербургской Медико-Хирургической Академіи, врачъ-писатель. Родился въ 1790 г. и происходилъ изъ духовнаго званія. Воспитывался сначала въ Духовной Семинаріи, а потомъ, въ 1810 году, перешелъ въ Московскую Медико-Хирургическую Академію. Выпущенный оттуда черезъ четыре года, Шарковъ былъ назначенъ въ Петербургскій военно-сухопутный госпи-

таль, а въ слѣдующемъ 1815 году—въ лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ. Два года спустя онъ получилъ званіе медико-хирурга и въ томъ же 1817 году былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи Московскій полкъ, а еще черезъ годъ былъ назначенъ старшимъ лѣкаремъ Ахтырскаго гусарскаго полка. Прослуживъ въ этой должности семь лѣтъ, онъ въ 1825 году вышелъ въ отставку и занялся частной практикой. Въ 1828 году Шарковъ снова поступилъ на службу, на этотъ разъ по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, и былъ назначенъ членомъ Одесскаго врачебнаго Управленія, а два года спустя одесскимъ городскимъ врачомъ. Еще черезъ два года Шарковъ былъ назначенъ инспекторомъ Подольской врачебной управы и вслѣдъ затѣмъ поѣхалъ въ Петербургъ держать экзаменъ на врачебнаго инспектора, каковой и выдержалъ въ 1833 году при Петербургской Медико-Хирургической Академіи, послѣ чего въ томъ же году былъ назначенъ инспекторомъ Воронежской врачебной управы и въ этой должности оставался до смерти. Служа въ Воронежѣ, Шарковъ напечаталъ слѣдующія свои работы: «Медико-топографическое извѣстіе о г. Одессѣ («Военно-Медицинскій журналъ» 1834 г., №23); «Мышьяковая кислота въ «Lepra nigricans» («Другъ Здравія» 1837 г., № 17); «Лѣченіе изнурительнаго поноса у дѣтей домашними средствами» («Другъ Здравія» 1837 г., № 45); «Сапъ» («Другъ Здравія» 1837 г., № 13); «Іодъ при сапѣ» (тамъ же, № 43). «Лѣченіе ущемленной грыжи безъ операцій» («Другъ Здравія» 1842 г., № 8); И. П. Шарковъ скончался въ Воронежѣ въ 1853 году, на 63 году отъ рожденія. Тѣло его погребено тамъ же.

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. I, 1886 г. тетрадь 2, стр. 165; «Россійскій Медицинскій Списокъ» на 1825 г., стр. 206; на 1826 г., стр. 217; на 1849 г., стр. 413; Второе дополненіе къ книгѣ «Русскіе врачи-писатели» Л. Ѳ. Змѣева, С.-Пб. 1892 г., стр. 49. *Е. Я.*

Шарлемань-Боде, *Жанъ-Баптистъ* («Іоганъ Батистъ Шарлеманъ Бодэ»), академикъ орнаментной скульптуры, родился въ 1734 году въ г. Руанѣ (въ Нормандіи), откуда, въ царствованіе императрицы Екатерины II, и переселился въ Петербургъ, будучи вызванъ въ числѣ другихъ иностранцевъ для исполненія скульптурно-декоративныхъ работъ при постройкѣ большого Царскосельскаго дворца. Кромѣ этого дворца, работы его встрѣчаются и въ другихъ загородныхъ дворцахъ, строившихся въ то время, а также въ большой церкви Зимняго дворца, въ римско-католической церкви св. Екатерины, въ музеѣ Академіи Художествъ и пр. 15-го декабря 1785 года Академія Художествъ по просьбѣ Шарлеманя допустила его къ соисканію на званіе академика; заданная ему «мраморная ваза величиною въ одинъ аршинъ съ четвертью съ фруктами и цвѣтами» была вскорѣ имъ исполнена (украшала потомъ баллюстраду конференцъ-зала Академіи), но присужденіе званія почему-то затянулось и состоялось лишь 12-го сентября 1794 г., много позднѣе смерти художника, послѣдовавшей 15-го августа 1789 г. (въ Петербургѣ; похороненъ на Волковомъ кладбищѣ), почему Совѣтомъ Академіи рѣшено было «удостоеніе сіе отдать наслѣдникамъ его».

П. Н. Петровъ, «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. Акареміи Худож.», 1 ч. Ѳ. Булгаковъ—«Наши художники», II ч. Неизданныя записки покойнаго художника Е. И. В., проф. истор. жив. Ад. Іос. Шарлемань.

Валерій Березкинъ.

Шарлемань-Боде (2-ой), *Людовикъ Ивановичъ*, академикъ архитектуры, придворный архитекторъ, сынъ академика скульптуры Ж.-Б. Шарлеманя-Боде, род. въ 1788 г. и въ 1797 г., всего девяти лѣтъ отъ роду, вмѣстѣ со старшимъ братомъ Іосифомъ Ив. былъ отданъ пенсіонеромъ въ Императорскую Академію Художествъ, гдѣ окончилъ курсъ съ аттестатомъ 1 ст. и чиномъ XIV кл. 1-го сентября 1806 г. При выпускѣ онъ представилъ Академіи прекрасно исполненный архитектурный проектъ «монумента, посвященнаго натуральной исторіи, который бы могъ назваться храмомъ природы», и получилъ за него золотую медаль 2 ст. лишь потому, что количество проектовъ, премированныхъ первыми золотыми медалями, превысило положенное число ихъ. Службу свою Ш. началъ съ 24-го августа 1808 г. въ качествѣ помощника при Руско, состоявшемъ архитекторомъ при кабинетѣ Е. И. В. и Спб. воен.-генер.-губернаторѣ, а 19-го января 1813 г. поступилъ еще помощникомъ архитектора

въ Строительный Комитетъ при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ и въ этой должности въ 1817 г. былъ командированъ въ г. Бѣлостокъ для освидѣтельствованія таможняго дворца и составленія на передѣлку его проекта. Послѣ удачнаго исполненія этого порученія онъ началъ получать самостоятельныя казенныя работы, къ числу каковыхъ нужно отнести принятую имъ отъ архит. Руско передѣлку генералъ-прокурорскаго дома въ 1818—1819 гг. 16-го января 1820 г., по Высочайшему повелѣнію, Ш. былъ назначенъ архитекторомъ въ вѣдомство гофъ-интендантской конторы на мѣсто своего брата Іос. Ив., который, будучи за мѣсяцъ до того назначенъ туда, къ занятіямъ не явился, почему и былъ смѣщенъ. Здѣсь наблюденію Ш. былъ порученъ сначала Таврическій дворецъ, а съ 1821 г. и Зимній дворецъ, завѣдываніе которымъ къ нему перешло послѣ ухода изъ конторы главнаго архитектора И. Д. Шретера, мѣсто котораго Ш. вскорѣ послѣ того (13-го мая 1822 г.) и занялъ. Съ новымъ назначеніемъ увеличилась и сфера его дѣятельности. Теперь въ его вѣдѣніи находились сверхъ прежняго еще Елагинскій дворецъ, дача собственная Его Величества и бывшая Головина, дома дворцовый запасный и конторскій, петергофскія иллюминаціонныя, «что на Магазейномъ дворѣ», строенія и чертежная. Но новыя обязанности не помѣшали его службѣ въ Строительномъ Комитетѣ, гдѣ онъ состоялъ въ это время начальникомъ чертежной. Плодомъ его дѣятельности здѣсь является между прочимъ данное ему въ 1830 г. и удачно исполненное порученіе осмотрѣть внутреннія поврежденія Петропавловскаго собора и дать свое мнѣніе о способахъ ихъ исправленія и затѣмъ составленіе въ 1831—1832 гг. плановъ и смѣтъ на постройку исправительнаго заведенія и сиротскаго дома. Пріобрѣтя въ скоромъ времени репутацію чрезвычайно энергичнаго и способнаго архитектора, Ш. въ качествѣ таковаго до конца дней своихъ былъ безпрерывно избираемъ почти во всѣ существовавшіе тогда по строительному дѣлу комитеты и коммиссіи. Тутъ особаго вниманія заслуживаетъ его участіе съ 4-го мая 1826 г. въ трудахъ Высочайше образованнаго подъ предсѣдательствомъ генерала К. И. Оппермана комитета для разсмотрѣнія составленнаго А. Л. Витбергомъ проекта храма Христа Спасителя въ Москвѣ (въ виду встрѣтившихся затрудненій къ осуществленію). Изъ строительныхъ работъ Ш., помимо произведенныхъ имъ перестроекъ въ домѣ Женскаго Патріотическаго Общества, въ зданіяхъ вѣдомства Министерства Юстиціи, на дачѣ бывшей Головина и пр., нужно отмѣтить постройку имъ Калинкинской больницы въ Петербургѣ. Но всѣмъ этимъ дѣятельность Ш. не ограничивалась. На обязанности его, какъ придворнаго архитектора, лежало устройство катафалковъ и другія приготовленія при погребеніи Высочайшихъ особъ, завѣдываніе петергофскими иллюминаціями и мн. др. И труды его всегда замѣчались и удостоивались наградъ. Не говоря уже о чинахъ (до коллежскаго совѣтника включительно) и орденахъ (кончая орд. св. Владиміра 4 ст.), въ разное время онъ 7 разъ былъ награжденъ подарками, 8 разъ—брилліантовыми перстнями и 4 раза удостоился выраженія монаршаго благоволенія.

Умеръ Ш. 4-го ноября 1845 г. въ Спб. и похороненъ на Волковомъ лютеранскомъ кладбищѣ.

П. Н. Петровъ—«Сборникъ матер. для исторіи И. Ак. Худ., ч. I»—Спб. 1864 г.; «Дѣла архива Мин. Импер. Двора»: по описи 190—№№ 285 и 289 и по описи 556—№ 61; «Сборникъ историч. матер. извлеченныхъ изъ архива Собств. Е. И. В. Канцел.», изд. подъ ред. Н. Дубровина, вып. 7.—Спб. 1895 г.; «Истор.-статистич. свѣдѣнія о С.-Петербургской епархіи»—ч. I. 1869 г.

Валерій Березкинъ.

Шарлемань, *Іосифъ Ивановичъ*, братъ предыдущаго, почетный вольный общникъ Императорской Академіи Художествъ и придворный архитекторъ; родился 25-го октября 1782 года и въ 1797 г. поступилъ пенсіонеромъ въ Академію Художествъ, гдѣ не разъ за свои архитектурные проекты, напримѣръ—Медико-Хирургической Академіи, карантиннаго лазарета и т. д., получалъ высшія награды. 1-го сентября 1803 года Шарлемань былъ выпущенъ изъ Академіи съ аттестатомъ 1-й степени и шпагой, но своихъ занятій въ Академіи не прекратилъ, а, по личной своей просьбѣ, остался работать при ней, «дабы пріо-

брѣсть вящшіе успѣхи не яко уже ученикъ, а какъ художникъ». Поступивъ затѣмъ на службу, онъ по должности своей занимался составленіемъ проектовъ и завѣдываніемъ постройкой по преимуществу казенныхъ зданій, изъ числа которыхъ можно отмѣтить въ Петербургѣ зданія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и Медицинскаго Департамента, а въ Петергофѣ 5 кавалерскихъ каменныхъ домовъ, театръ, казармы для гвардейскаго экипажа и деревянный придворный манежъ. Кромѣ того, имъ распланированъ, а частью и застроенъ Новый Петергофъ, по его чертежамъ и подъ его наблюденіемъ сооружено много павильоновъ въ Павловскѣ, въ Петербургѣ на Выборгскомъ шоссе выстроена церковь въ память Новосильцева и на Сергіевской ул. домъ кн. Барятинскихъ, сочиненъ по Высочайшей волѣ проектъ дома для жительства военнаго губернатора въ Казани и пр. Но дѣятельность его не ограничивалась петербургскимъ райономъ. По должности придворнаго архитектора онъ часто долженъ былъ ѣздить вмѣстѣ съ Царствующими Особами или по ихъ порученіямъ, касавшимся строительной части. Такъ 6-го августа 1825 г., тотчасъ послѣ своей женитьбы, въ виду переселенія Двора въ Таганрогъ, онъ вмѣстѣ съ Бабкинымъ былъ командированъ туда для приготовленія нужныхъ помѣщеній. Состоя затѣмъ архитекторомъ при Государственномъ Контролѣ и членомъ Общаго Присутствія въ Департаментѣ проектовъ и смѣтъ при Главномъ Управленіи путей сообщенія, Ш. неоднократно бывалъ награжденъ какъ орденами, кончая Владиміромъ 3 ст., такъ и чинами, до статскаго совѣтника включительно. Умеръ Ш. 26-го ноября 1861 г. въ Петербургѣ и похороненъ на Выборгскомъ католическомъ, что при церкви св. Маріи Магдалины, кладбищѣ.

П. Н. Петровъ, «Сборникъ матер. для исторіи Имп. Ак. Худ.», ч. I. С.-Пб. 1864 г.; Н. Шильдеръ, «Таганрогъ въ 1825 г.», «Рус. Стар.» 1897 г., № 1, «Художественная Газета» Кукольника 1837 г. № 17—18; Дѣла Архива Министерства Двора: дѣло, по описи 259/2, 1837 г., № 27, и дѣло, по оп. 190, № 285; Неизданныя записки покойнаго художника Е. И. В. «Ад. Іос. Шарлемань»; Свѣдѣнія, сообщенныя дочерью Іос. Ив., Юл. Іос. Шарлемань.

Вал. Бер.

Шарлемань, *Іосифъ* (*Марія*) *Іосифовичъ*, академикъ архитектуры, сынъ предъидущаго, род. 1-го апрѣля 1824 г. По окончаніи (27-го сентября 1846 г.) курса, со званіемъ свободнаго художника, въ Импер. Акад. Худож., гдѣ онъ находился въ архитектурномъ классѣ Александра Павл. Брюллова, Ш. въ 1848 г. поступилъ на службу по придворному вѣдомству и началъ ее въ качествѣ некласснаго архитекторскаго помощника у Ефимова при постройкѣ Новаго Эрмитажа. Здѣсь онъ пробылъ болѣе 3 лѣтъ, до 11-го іюля 1851 года, и за труды по составленію чертежей 6-го декабря 1850 г. получилъ первый чинъ. Затѣмъ, послѣдовательно, онъ былъ помощникомъ у Монферрана и принималъ участіе въ чертежныхъ работахъ при сооруженіи памятника Николаю I, у Николая Леонтьевича Бенуа. Но при этомъ самыхъ строительныхъ работъ никогда не производилъ, а занимался лишь составленіемъ смѣтъ и чертежей сооруженій. Такого же характера была его и частная дѣятельность: отказываясь отъ наблюденія за постройкой, онъ бралъ на себя заказы, какъ отъ частныхъ лицъ, такъ и Высочайшихъ особъ, исключительно на составленіе проектовъ. За одинъ изъ такихъ проектовъ (проектъ дачи на Петергофскомъ шоссе Великаго Князя Михаила Николаевича) онъ удостоенъ былъ въ 1857 г. званія академика архитектуры. Однако, своей извѣстностью Ш. обязанъ не столько архитектурнымъ композиціямъ, сколько своимъ акварельнымъ рисункамъ. Въ нихъ онъ обнаружилъ несомнѣнный талантъ. Его аллегорическія и орнаментныя акварели въ свое время пользовались большимъ успѣхомъ, и подчасъ Ш. бывалъ прямо заваленъ заказами, какъ русскихъ меценатовъ, такъ и особъ царской фамиліи. Извѣстно, что въ бытность свою въ 1860 г. за границей онъ долженъ былъ по Высочайшему повелѣнію исполнить акварелью цѣлую серію видовъ Германіи для Вел. Кн. Ольги Ѳеодоровны и Михаила Николаевича. Но работы его можно было найти не въ однихъ только альбомахъ меценатовъ и Высочайшихъ Особъ; не мало рисунковъ сдѣлано имъ и для частныхъ лицъ, и для разныхъ изданій и всѣ они отмѣчены тон-

костью исполненія и благородною колоритностью. И этимъ заслуги Ш. еще не исчерпываются. По его мысли (и брата его Адол. Іос.) въ концѣ 1852 г. небольшое общество молодыхъ людей, художниковъ и любителей, вечерами начало собираться по очереди другъ у друга и въ тѣсномъ кругу истинныхъ поклонниковъ искусства заниматься рисованіемъ; съ теченіемъ времени собранія эти постепенно разрослись и сложились въ существующія и понынѣ такъ называемыя «акварельныя пятницы». Умеръ Ш. послѣ весьма продолжительной и тяжелой болѣзни 26-го апрѣля 1870 г. въ Спб.

Дѣло арх. Импер. Акад. Худ. за 1846 г., № 1; П. Н. Петровъ. «Сборникъ матер. для исторіи Имп. Ак. Худ.», ч. III. Спб. 1864. Отчеты Имп. Ак. Худ. за 1855 — 57 г.г. и. за 1859—70 г.г. Дѣло архива Мин. Импер. Двора по описи 501—№ 252 «Иллюстрир. Газета» 1870. № 19. Воспоминанія объ Ак. Худ. въ 1859—64 г. г.—«Рус. Стар». 1880. 10; Неизданныя записки покойнаго худож. Е. И. Вел. Ад. Іос. Шарлемань. Свѣдѣнія, сообщенныя сестрою Іос. Іос., Юл. Іос. Шарлемань.

Вал. Бер.

Шарлотта-*Христина-Софія*, кронпринцесса, рожденная принцесса Бланкенбургская, жена царевича Алексѣя Петровича, родилась въ Вольфенбюттелѣ 2-го августа 1694 года, умерла въ С.-Петербургѣ 22-го октября 1715 года. Кронпринцесса Шарлотта происходила изъ герцогскаго дома Брауншвейгъ-Вольфенбюттельскаго, одной изъ линій знаменитаго въ Германіи дома Вельфовъ, въ XII вѣкѣ оспаривавшихъ корону у германскихъ императоровъ. Дѣдъ ея, герцогъ Антонъ-Ульрихъ, былъ однимъ изъ мелкихъ германскихъ владѣтельныхъ князей и управлялъ небольшимъ герцогствомъ Вольфенбюттельскимъ. Для своего сына Людовика-Рудольфа онъ выдѣлилъ небольшую область города Бланкенбурга. Принцесса Шарлотта, вторая дочь герцога Людовика-Рудольфа, шестилѣтнимъ ребенкомъ взята была на воспитаніе своей родственницей, женой Августа II, курфюрста саксонскаго, короля Польскаго. Воспитаніе она получила по тому времени очень хорошее, модное и вполнѣ свѣтское. Ее учили французскому, итальянскому и латинскому языкамъ, кое-какимъ наукамъ, игрѣ на лютнѣ, танцамъ; жизнь при одномъ изъ самыхъ блестящихъ дворовъ того времени сдѣлала изъ нея свѣтскую дѣвушку, доставила ей лоскъ, любезность и выдержку придворной, но не дала ей понятія о жизни, не дала ей необходимаго умѣнья жить, приноровляясь къ обстоятельствамъ, тѣмъ болѣе къ такимъ, съ какими ей пришлось столкнуться въ ея послѣдующей жизни въ положеніи супруги русскаго царевича. Между тѣмъ родные Шарлотты, особенно герцогъ Антонъ-Ульрихъ, выдавшій уже свою старшую внучку за короля Карла VI испанскаго, старался и для Шарлотты подыскать выгодную партію. Въ то время почти всѣ принцессы изъ владѣтельныхъ домовъ не выходили замужъ по собственному влеченію: интересы цѣлаго дома были выше интересовъ его членовъ, и каждая принцесса, даже изъ самаго незначительнаго владѣтельнаго дома выдавалась такъ, чтобы это было выгодно ея дому. Шарлотта также не избѣгла общей участи, и очень скоро глава Вольфенбюттельскаго дома, герцогъ Антонъ-Ульрихъ, началъ подыскивать для нея выгоднаго жениха. Въ то же самое время и Петръ Великій искалъ невѣсты для своего сына, царевича Алексѣя. Одинъ изъ его приближенныхъ, дипломатическій агентъ Петра за границей баронъ Гюйссенъ, предложилъ царю женить царевича на Бланкенбургской принцессѣ. Царь выразилъ свое согласіе на этотъ бракъ и баронъ Гюйссенъ началъ переговоры съ родственниками Шарлотты. Со стороны Вольфенбюттельскаго дома уполномоченъ былъ баронъ Урбихъ, одинъ изъ тѣхъ дипломатовъ-авантюристовъ, какихъ было много въ XVIII вѣкѣ и которые разъѣзжали по Европѣ, составляя дипломатическіе комбинаціи и проекты, устраивая браки и получая за это значительныя деньги. Переговоры однако не сразу пошли успѣшно. Герцогу Антону-Ульриху очень льстила мысль сдѣлаться родственникомъ одного изъ могущественнѣйшихъ государей того времени, съ желаніями и взглядами котораго считалась вся Европа, но онъ не рѣшался выдавать свою внучку за сына русскаго царя, прежде чѣмъ Россія не кончитъ своей войны съ Швеціей, выжидая исхода войны и надѣясь, въ случаѣ побѣды Швеціи, выдать ее за короля Карла XII шведскаго, который въ такомъ случаѣ могъ быть для него по-

лезнѣе, чѣмъ побѣжденный русскій царь. Къ тому же, и сама Шарлотта, воспитанная при утонченномъ Саксонскомъ дворѣ, не хотѣла и даже боялась выходить замужъ въ далекую, полудикую Московію, населенную, по мнѣнію западно-европейцевъ того времени, полудикимъ народомъ.

«Ваше письмо,—писала принцесса своему дѣду,—даетъ мнѣ нѣкоторую возможность думать, что московское сватовство меня еще, можетъ быть, минуетъ». Переговоры о бракѣ, начавшіеся еще въ 1707 году, затянулись до 1709 года, когда Полтавская побѣда ясно показала, на чьей сторонѣ будетъ успѣхъ въ Сѣверной войнѣ. Герцогъ Антонъ-Ульрихъ оставилъ всякія сомнѣнія и рѣшился выдать свою внучку за русскаго царевича. Дѣлу помогъ король Августъ III, желавшій угодить Петру Великому и съ этою цѣлью взявшійся за устройство проектировавшагося брака. Онъ обѣщалъ принять на себя издержки по свадьбѣ воспитанницы своей жены, чѣмъ сильно расположилъ къ себѣ бѣднаго герцога Вольфенбюттельскаго. Шарлотту успѣли также убѣдить въ необходимости этого брака для благосостоянія ея семьи и она, по словамъ знаменитаго Лейбница, «была такъ хорошо вразумлена, что приняла честь, которую ей предназначали». Конечно, ни о какой симпатіи со стороны принцессы здѣсь не могло быть и рѣчи: она просто выходила замужъ за совершенно неизвѣстнаго и чуждаго ей человѣка, потому что это было угодно ея родственникамъ, которымъ ее учили повиноваться: «это подаетъ мнѣ надежду,—писала она въ одномъ изъ своихъ писемъ дѣду,—что все въ скоромъ времени придетъ къ благополучному концу, я желаю этого для того, чтобы быть въ состояніи доказать вамъ мою преданность и мое послушаніе». Къ ноябрю 1709 года вопросъ уже былъ рѣшенъ окончательно. Царевичъ Алексѣй, отправленный отцомъ въ Германію учиться, имѣлъ здѣсь случай видѣться съ принцессой, но вынесъ впечатлѣніе нѣсколько неопредѣленное. «Шарлотта,—писалъ онъ въ Россію своему духовнику Якову Игнатьеву,—человѣкъ добръ и лучше ея здѣсь не сыскать». Ему было совершенно безразлично, на комъ жениться. Правда, отецъ ему предоставилъ свободу въ выборѣ невѣсты, настаивая только, чтобы онъ женился непремѣнно на иностранной принцессѣ, а царевичъ стремился къ Россіи и подъ вліяніемъ среды, въ которой воспитывался, и своего духовника, имѣлъ желаніе жениться только на русской. Разумѣется, рѣшаясь изъ желанія угодить отцу жениться на «басурманкѣ», онъ безразлично смотрѣлъ на личность этой басурманки, на то, насколько она подходитъ къ нему. Совершенно иначе смотрѣла Шарлотта на царевича. Сентиментальная отъ природы, она готова была полюбить своего будущаго мужа и находила въ немъ всѣ лучшія качества. «Моя дочь Шарлотта,—писала мать невѣсты, Христина-Луиза, барону Урбиху,—увѣряетъ меня, что царевичъ очень перемѣнился въ свою пользу, что онъ очень уменъ, что у него самыя пріятныя манеры, что онъ благороденъ, что она считаетъ себя счастливою и очень польщена честью, которую царевичъ и царь оказали ей своимъ выборомъ». Однако дѣло шло очень медленно. Интриги другихъ германскихъ князей, которые также были не прочь выдать своихъ дочерей за сына могущественнаго русскаго царя, медлительность царевича Алексѣя, все еще думавшаго какъ-нибудь избѣжать брака съ иноземкою, наконецъ «докуки» самихъ герцоговъ Вольфенбюттельскихъ, на которые жаловался впослѣдствіи баронъ Урбихъ, значительно затормозили дѣло. Только 19-го апрѣля 1711 года Петръ Великій, отправляясь въ турецкій походъ, подписалъ наконецъ брачный договоръ въ мѣстечкѣ Яворовѣ. Договоръ былъ составленъ изъ 17-ти статей: послѣ статей общаго характера о любви и уваженіи между супругами, царь обязывался на свой счетъ перевезти принцессу и ея дворъ въ Россію; Шарлотта и всѣ ея придворные сохраняли свое лютеранское вѣроисповѣданіе. Царь обязывался выдавать принцессѣ на содержаніе двора ежегодно 50.000 талеровъ. Въ случаѣ смерти царевича содержаніе сохранялось за ней и принцесса могла, по желанію, остаться въ Россіи или уѣхать за-границу. Царь обязывался пріобрѣсти для нея въ Германіи особое владѣніе. Дѣти, которыя родились бы отъ этого брака, должны были быть православными. Шарлотта отказывалась отъ

права наслѣдованія брауншвейгскихъ земель въ пользу мужского колѣна, а царь обѣщалъ покровительство и помощь Вольфенбюттельскому дому. Принцесса имѣла право вывезти свой дворъ изъ Германіи и составить его по своему усмотрѣнію. Шарлотта получала на оффиціальномъ русскомъ языкѣ титулъ кронпринцессы. Теперь дѣло пошло очень быстро: уже 14-го октября 1711 года въ Торгау въ Саксоніи «добрымъ порядкомъ», по выраженію Петра, была отпразднована свадьба Шарлотты въ присутствіи царя и семьи невѣсты. Молодые остались на нѣкоторое время въ Германіи, такъ какъ царевичъ долженъ былъ оканчивать курсъ своего ученія, но постоянныя порученія отца, какъ разъ въ это время перенесшаго театръ войны въ Померанію и старавшагося пріохотить къ дѣлу и царевича, скоро заставили Алексѣя уѣхать отъ своей жены и оставить ее одну. Кронпринцесса, искренно привязавшаяся къ своему мужу, скучала безъ него, сильно боялась за него, когда ему пришлось участвовать въ походѣ подъ Штеттинъ. Къ тому же, и положеніе ея оказалось сразу же довольно тяжелымъ: денегъ ей выдавалось мало и она постоянно нуждалась въ нихъ, ея придворные постоянно интриговали противъ нея, распускали о ней разныя сплетни, приходилось иногда ссориться и съ своими родными, часто мѣшавшимися въ ея дѣла. Ко всему этому она замѣчала, что ея мужъ совсѣмъ не любитъ ее. «Я нѣжно люблю царевича, моего супруга,—писала Шарлотта матери, я бы нисколько не дорожила жизнью, если бы могла ее принести ему въ жертву или этимъ доказать ему мое расположеніе, и хотя я имѣю всевозможные поводы опасаться, что онъ меня не любитъ—мнѣ кажется, что мое расположеніе отъ этого еще увеличивается»... «Я совершенно смущена,—писала кронпринцесса въ другомъ письмѣ,—въ виду того, что меня ожидаетъ, ибо горе мое идетъ отъ человѣка слишкомъ дорогого, чтобы на него жаловаться»... Отношенія ея къ роднымъ и приближеннымъ мужа, вообще довольно хорошія, также портились. Петръ, относившійся къ ней всегда хорошо, иногда дѣлалъ ей выговоры; Меньшиковъ изъ ненависти къ царевичу относился къ ней совсѣмъ уже враждебно. Все это, разумѣется, дѣлало ея положеніе еще болѣе невыносимымъ. Молодая кронпринцесса, почти дѣвочка по возрасту, не умѣла справиться со всѣми затрудненіями, не умѣла и не была способна поступать твердо тамъ, гдѣ это требовалось.

Въ апрѣлѣ 1713 года, по требованію Петра Великаго, Шарлотта должна была переѣхать въ Петербургъ. Здѣсь кронпринцессу встрѣтили очень сердечно всѣ родственники ея мужа. Шарлотта была устроена очень хорошо и удобно, очень понравилась царю и царевнамъ, пользовалась расположеніемъ высшихъ сановниковъ. Отъ нея зависѣло удержать это расположеніе къ ней русскихъ, сойтись съ ними ближе, сдѣлаться самой по возможности русской. Однако она держалась совершенно иначе. Воспитанная въ Германіи, нѣмка по происхожденію и представительница западно-европейской жизни и культуры, она и не думала сойтись поближе съ тѣмъ обществомъ, въ которое она попала. Живя среди своего нѣмецкаго двора, поддерживаемая своей родственницей, принцессой Остфрисландской, послѣдовавшей за нею въ Россію, она избѣгала всякаго общенія съ русскими, жила замкнуто, вдали отъ Русскаго двора, отъ русскихъ людей, даже не пыталась выучиться русскому языку. О русскихъ она была очень невысокаго мнѣнія: «Я никогда не составляла себѣ слишкомъ выгоднаго мнѣнія о Россіи и ея жителяхъ,—писала она отцу въ одномъ изъ своихъ писемъ,—но то, что я увидѣла, превзошло мои ожиданія. Нужно жить среди русскихъ, чтобы ихъ хорошенько узнать. Для того, чтобы пріобрѣсти ихъ расположеніе, необходимо сдѣлаться русскимъ и по духу, и по нраву и даже въ такомъ случаѣ это не всегда удается, ибо если существуетъ народъ, который трудно къ себѣ расположить, такъ это именно нашъ. Они въ высшей степени корыстны, и если одолжаешь ихъ чѣмъ-нибудь, то они полагаютъ, что расчитываешь на ихъ благодарность, и тогда они начинаютъ ненавидѣть лицо, которое ихъ облагодѣтельствовало. Доставивъ имъ какое-нибудь удовольствіе, вы еще должны относиться къ нимъ съ тою признательностью, которую могли бы отъ нихъ ожидать, и благо-

дарить ихъ за то, что они приняли подарокъ, иначе они очень обидятся. Понятія ихъ очень спутаны, самые ужасные кутежи распространены между ними, во время богослуженія и молитвы они ведутъ себя чрезвычайно легкомысленно, нечистоплотность ихъ доходитъ до крайнихъ размѣровъ, нѣтъ области въ Германіи, жители которой не были бы болѣе образованы русскихъ, т.-е тѣхъ изъ нихъ которые ничего не видѣли, кромѣ своей родины, однимъ словомъ, это очень непривлекательный народъ». Кронпринцесса не могла и не хотѣла понять русскихъ людей, не умѣла понять того, при какихъ историческихъ условіяхъ пришлось вырости русскому народу. Впечатлительная по природѣ, она сразу же тяжело поразилась тою разницей, которая существовала между культурнымъ западноевропейцемъ и отсталымъ, привившимъ себѣ только европейскую внѣшность русскимъ, и, не обращая ни на что вниманія, произнесла осужденіе надъ послѣднимъ и замкнулась въ небольшомъ кружкѣ пріѣхавшихъ съ ней нѣмцевъ. Она даже не пожелала ознакомиться съ религіей русскихъ, не понимая, что въ тотъ періодъ историческаго развитія, который тогда переживалъ русскій народъ, религія народа есть все внутреннее содержаніе его, что тогда она является самымъ важнымъ двигателемъ его поступковъ и настроеній. Разумѣется, русскіе люди, особенно тѣ изъ нихъ, которые не были еще такъ сильно увлечены западническимъ движеніемъ, охватившимъ при Петрѣ Великомъ всѣ стороны русской жизни, не могли относиться съ своей стороны къ Шарлоттѣ сочувственно, уже по одному тому, что Шарлотта была первая иноземная принцесса въ русскомъ царскомъ семействѣ. Шарлотта же своимъ замкнутымъ образомъ жизни, своими нѣмецкими привычками и обычаями, своимъ пренебреженіемъ ко всему русскому еще болѣе раздражала ихъ національное самолюбіе. Слѣдствіемъ такого взаимнаго непониманія между кронпринцессой и русскимъ обществомъ, разумѣется, должна была явиться нѣкоторая рознь между ними, перешедшая затѣмъ и въ открытую вражду. Царевичъ Алексѣй, человѣкъ преданный русской партіи, относившійся отрицательно къ преобразовательной дѣятельности Петра, находившійся подъ сильнымъ вліяніемъ духовенства, разумѣется, не могъ любить своей жены лютеранки. Относясь къ Шарлоттѣ сперва очень хорошо, надѣясь, что по пріѣздѣ въ Россію она приметъ православіе и постарается поближе сойтись съ народомъ, онъ, когда увидѣлъ ея дѣйствительное отношеніе къ русскимъ, совсѣмъ отшатнулся отъ своей жены, часто говорилъ ей рѣзкости и грубости. Къ тому же, нашелся человѣкъ, который замѣнилъ ему постылую жену, это — дворовая дѣвушка его приближеннаго Никифора Вяземскаго, Евфросинья. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ данныхъ, чтобы судить объ отношеніи Шарлотты къ этой любовницѣ ея мужа, но надо думать, что кронпринцесса, старавшаяся найти убѣжище отъ всѣхъ непріятностей въ семьѣ и мужѣ, была сильно потрясена этой измѣной царевича. Ко всему этому присоединились и другія непріятности, преслѣдовавшія Шарлотту. Ея нѣмецкій дворъ, въ которомъ она хотѣла видѣть людей, преданныхъ ей, кромѣ непріятностей, ничего ей не доставлялъ. Въ немъ господствовали интриги, нѣмцы пренебрежительно и свысока относились къ русскимъ, которые платили нѣмцамъ тою же монетою. Кромѣ того, Шарлотта была стѣснена и матеріально. Воспитанная съ широкими замашками и привычками Саксонскаго двора, она не могла понять той бережливости, которую такъ старался поддерживать при своемъ дворѣ Петръ Великій. Несмотря на то, что суммы, выдаваемыя ей, значительно превосходили тѣ суммы, которыя выдавались на содержаніе прочихъ царевенъ, ей все же не хватало ихъ и она должна была дѣлать долги, для уплаты которыхъ у нея денегъ не было. Испортились и ея отношенія къ царской семьѣ. Царица Екатерина, видя въ царевичѣ Алексѣѣ наслѣдника престола и желая упрочить послѣдній за своими дѣтьми, всегда относилась къ царевичу недружелюбно и такъ же начала относиться и къ его женѣ. Царевны, сестры Алексѣя, принявшія-было кронпринцессу очень привѣтливо, когда увидѣли въ ней ненавистную имъ нѣмку, начали относиться къ ней враждебно, интриговали противъ нея, дѣлали ей открыто разныя непріят-

ности. Даже самъ Петръ Великій, вообще относившійся къ своей невѣсткѣ съ любовью, часто невольно становился къ ней въ непріязненныя отношенія. Такъ, при разрѣшеніи кронпринцессы отъ бремени дочерью Натальею, царь, «дабы предотвратить лаятельство необузданныхъ языковъ, которые обыкли истину превращать въ ложь», приставилъ къ Шарлоттѣ трехъ русскихъ дамъ, которыя должны были безотлучно находиться при ней во все время ея беременности. Шарлотта однако увидѣла въ этомъ нѣчто оскорбительное для себя и горько жаловалась на недовѣріе къ ней, на интриги русскихъ вельможъ противъ нея.

Разумѣется, такая обстановка и такія условія жизни не могли остаться безъ вліянія на слабое здоровье кронпринцессы. Впечатлительная и нервная по природѣ съ мечтательнымъ и робкимъ характеромъ, она при всякой незначительной непріятности, представляла себѣ все въ мрачномъ свѣтѣ, жаловалась на интриги, на свою судьбу и этимъ еще болѣе разстраивала себя и свое здоровье. Уже когда ей пришлось въ первый разъ разрѣшаться отъ бремени дочерью Натальею (12-го іюня 1714 года) она съ трудомъ перенесла тяжелые роды. Вторые роды (12-го октября 1715 года) не прошли такъ благополучно. Кронпринцесса сравнительно легко разрѣшилась отъ бремени сыномъ Петромъ, но неосторожно встала съ постели на четвертый день послѣ родовъ. Ея слабое здоровье не выдержало: появились осложненія и, не смотря на старанія всѣхъ врачей Русскаго двора, она умерла въ ночь на 22-ое октября 1715 года. О томъ, насколько тяжело жилось кронпринцессѣ въ Россіи, показываетъ слѣдующій фактъ, разсказанный въ донесеніяхъ Вебера. Когда врачи въ послѣдній день ея жизни стали убѣждать ее, чтобы она приняла еще новое лекарство, она бросила стаканъ на полъ и сказала: «не мучьте меня такъ, дайте мнѣ спокойно умереть; я не хочу болѣе жить».

Кронпринцесса Шарлотта была торжественно погребена 27-го октября въ Петропавловскомъ соборѣ.

Разсказы о жизни несчастной принцессы произвели большое впечатлѣніе среди нѣмецкаго народа и послужили поводомъ для цѣлой легенды, будто кронпринцесса не умерла въ Россіи, но бѣжала въ Луизіану, вышла тамъ замужъ за одного французскаго офицера и отправилась съ нимъ въ Парижъ. Здѣсь узналъ ее принцъ Морицъ Саксонскій, и это заставило ее скрыться на островѣ Бурбонѣ, откуда уже по смерти мужа и дочери она вернулась въ Европу, гдѣ тайно жила въ Парижѣ или Брюсселѣ, получая пенсію отъ Брауншвейгскаго двора. Легенда эта послужила сюжетомъ для повѣсти Цшокке «Die Prinzessin von Wolfenbüttel» и для оперы «Santa Chiara», музыка которой составлена герцогомъ Эрнстомъ Саксенъ-Кобургскимъ.

В. И. Герье, «Кронпринцесса Шарлотта, невѣстка Петра Великаго» «Вѣстникъ Европы» 1872 г., V—VI) Соловьевъ (изд. т-ва «Общ. Польза») кн. IV; Устряловъ, «Исторія царствованія Петра Великаго», т. VI; «Полное Собраніе Законовъ», IV. №№ 2354, 2440; «Журналъ барона Гизена» (Записки Туманскаге; т. VIII); Голиковъ, «Дѣянія Петра Великаго»; Büsching, «Magazin für die neue Historie und Geographie»; t. XV, Герье, «Отношенія Лейбница къ Россіи и Петру Великому» (1871); Vehse, «Geschichte der Höfe des Hauses Braunschweig»; Weber «Verändertes Russland». t. I—II; Bossü: «Nouveaux voyages dans l'Amerique septentrionale (Amsterdam 1777); Костомаровъ, «Царевичъ Алексѣй Петровичъ» «Древняя и Новая Россія» 1875, I); Погодинъ, «Царевичъ Алексѣй Петровичъ по свидѣтельствамъ вновь открытымъ» «Чтенія Московскаго Общества Исторіи и Древностей» 1861, III); «Письма русскихъ государей», т. III; «Der Zarewitsch Alexei» (Heidelberg 1880); E. Hermann «Peter der Grosse und der Zarewitsch Alexei» (Zeisgenössische Berichte zur Geschichte Busslands II.); Семевскій, «Царевичъ Алексѣй Петровичъ» («Иллюстрація» 1859 г.); Пскарскій, «Свѣдѣнія о жизни царевича Алексѣя Петровича» («Современникъ» 1860 г., т. 79).

Е. Лихачъ.

Шармуа (Charmoy), *Франсуа-Бернаръ* (Францъ Францевичъ), статскій совѣтникъ, извѣстный оріенталистъ, родился въ Эльзасѣ въ 1793 году, умеръ во Франціи въ 1869 году. Пріѣхавъ въ Парижъ, Шармуа сталъ обучаться восточнымъ языкамъ у знаменитаго оріенталиста Сильвестра де-Саси и въ то же время проходилъ юридическій факультетъ. По окончаніи курса ученія Шармуа поступилъ адвокатомъ въ Парижскій Королевскій Судъ (Cour Royale de Paris), но оставался тамъ не долго, получивъ вскорѣ возможность посвятить себя любимымъ наукамъ. Когда при Петербургскомъ Педагогическомъ Институтѣ была учреждена каѳедра арабскаго и персидскаго языковъ, учебное начальство обрати-

лось къ Сильвестру де-Саси, какъ авторитету въ своей спеціальности, съ просьбой указать достойныхъ преподавателей арабскаго и персидскаго языковъ. Де-Саси указалъ на двухъ лучшихъ своихъ учениковъ—Шармуа и Деманжа, которые и были приглашены въ Петербургъ и съ 1-го сентября 1817 года были опредѣлены профессорами въ Педагогическій Институтъ; Шармуа занялъ каѳедру персидскаго языка. Въ томъ же 1817 году Шармуа былъ причисленъ къ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Въ это же время онъ сдѣлался наставникомъ въ домѣ графа Нессельроде, а впослѣдствіи у гг. Молчановыхъ. Когда въ 1822 году Педагогическій Институтъ былъ преобразованъ въ Императорскій С.-Петербургскій Университетъ, Шармуа перешелъ на службу въ Азіатскій Департаментъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. При учрежденіи при этомъ Департаментѣ въ 1823 году Учебнаго Отдѣленія восточныхъ языковъ, Шармуа былъ опредѣленъ туда профессоромъ персидскаго и турецкаго языковъ. По Высочайшему повелѣнію, въ началѣ 1831 года Шармуа снова былъ утвержденъ профессоромъ персидскаго языка при Петербургскомъ Университетѣ, продолжая въ то же время занимать профессорскую каѳедру въ Учебномъ Отдѣленіи восточныхъ языковъ при Азіатскомъ Департаментѣ. Помимо профессуры, Шармуа съ 1829 года занималъ должность почетнаго библіотекаря Императорской Публичной Библіотеки и съ 1835 года — цензора. Въ октябрѣ 1829 года Шармуа былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ Императорской Академіи Наукъ, и въ маѣ 1832 году былъ утвержденъ въ званіи адъюнкта Академіи по части восточной словесности. Впослѣдствіи, при увольненіи Шармуа отъ званія адъюнкта, онъ былъ избранъ въ почетные члены Академіи. Въ октябрѣ 1829 года Шармуа уѣхалъ въ отпускъ во Францію, откуда возвратился въ слѣдующемъ году. Слабость здоровья принудила Шармуа черезъ пять лѣтъ оставить службу: въ сентябрѣ 1835 года онъ вышелъ въ отставку и снова возвратился во Францію, гдѣ и умеръ.

За продолжительное время своего пребыванія въ Россіи Шармуа не переставалъ углубляться въ изученіе восточныхъ языковъ (арабскаго, турецкаго и особенно персидскаго) и расширять свои познанія въ нихъ. Занятія и частыя сношенія Шармуа съ мирзою Джафаромъ-Топчибашевымъ не мало способствовали тому, что въ послѣдніе годы своей жизни въ Россіи Шармуа являлся однимъ изъ лучшихъ знатоковъ персидскаго языка въ Европѣ. Несмотря на сложность своихъ служебныхъ занятій, Шармуа умѣлъ находить время для литературныхъ работъ, для списыванія различныхъ восточныхъ рукописей и для особыхъ занятій, которыя на него возлагало начальство. Такъ, онъ постоянно составлялъ отчеты по отдѣленію восточныхъ языковъ при Азіатскомъ Департаментѣ; въ 1827 году онъ составлялъ описанія отбитыхъ у персовъ знаменъ и переводилъ находившіяся на нихъ надписи; въ 1829 году, вмѣстѣ съ академикомъ Х. Д. Френомъ, онъ занимался разборомъ и описаніемъ извѣстной Ардебильской библіотеки. Литературныя работы Шармуа представляли собою, главнымъ образомъ, сочиненія, относящіяся къ изученію восточныхъ языковъ, а также переводы съ персидскихъ текстовъ; переводы эти отличаются большою точностью и снабжены огромнымъ количествомъ варіантовъ, основанныхъ на свѣркѣ большого числа рукописей. Въ бытность свою адъюнктомъ Академіи Наукъ Шармуа не мало потрудился надъ изданіемъ имѣющихъ то или другое отношеніе къ Россіи рукописныхъ сочиненій восточныхъ народовъ. Главнѣйшими изъ трудовъ Шармуа являются: «Исторія курдовъ», переводъ персидскаго сочиненія по исторіи Курдистана курдскаго князя Шефераддина, переводъ эпизода изъ персидской эпической поэмы «Искендеръ-Наме», относящагося къ предполагаемому походу Александра Великаго въ землю русскихъ славянъ, «Персидская грамматика» и др. Шармуа имѣлъ ордена св. Владиміра 3-й и св. Анны 2-й степени съ алмазами. Кромѣ Императорской С.-Петербургской Академіи Наукъ, онъ состоялъ членомъ Парижскаго и Лондонскаго Азіатскихъ Обществъ.

П. С. Савельевъ. «О жизни и трудахъ Ф. Ф. Шармуа», С.-Петербургъ. 1845 г.; «С.-Петербург-

скія Вѣдомости» 1843 г., № 47; «Современникъ» 1843 г., томъ XXX, № 5, стр. 173—177; Отчетъ Императорской Академіи Наукъ за 1872-й годъ; «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1842 г., томъ XXXVII, отд. III, стр. 41; «Ученые труды Ф. Ф. Шармуа» («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1876 г., часть XLIX, № 3, стр. 45—48); «Настольн. энцикл. слов.» т-ва Гранатъ, 4-е изд. «Энциклопед. Слов. Европа» т. 77, стр. 182.

В. Грековъ.

Шарнгорстъ, *Василій Львовичъ*, инженеръ-генералъ, состоявшій при Его Императорскомъ Высочествѣ генералъ-инспекторѣ по инженерной части, бывшій начальникъ Главнаго Инженернаго Училища (теперь Николаевское Инженерное Училище), а потомъ начальникъ Инженернаго Отдѣла Военно-Ученаго Комитета. Родился въ 1798 году и происходилъ изъ дворянъ Брауншвейгскаго герцогства. Спеціальное образованіе получилъ въ Корпусѣ инженеровъ Путей Сообщенія, откуда былъ выпущенъ въ 1814 году, и, по принятіи присяги на вѣчное подданство Россіи, 1-го сентября того же года былъ произведенъ въ прапорщики. Два года спустя Шарнгорстъ былъ произведенъ въ полевые инженеры, съ производствомъ въ подпоручики и поручики и тогда же назначенъ адъютантомъ къ графу Сиверсу. Переведенный въ 1819 году въ лейбъ-гвардіи Саперный баталіонъ, онъ прослужилъ въ немъ болѣе семи лѣтъ, состоя въ то же время преподавателемъ тактики въ Школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ (теперь Николаевское Кавалерійское Училище) и въ Главномъ Инженерномъ Училищѣ (теперь Николаевское Инженерное Училище), причемъ, съ производствомъ въ 1825 году въ капитаны, состоялъ еще адъютантомъ при Его Императорскомъ Высочествѣ великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ, генералъ-инспекторѣ по инженерной части. Въ 1826 году Шарнгорсту было предложено составить руководство къ изученію тактики; за успѣшное выполненіе этого порученія онъ былъ 6-го декабря того же года произведенъ въ полковники и назначенъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ войскъ, находящихся подъ начальствомъ генералъ-инспектора. Въ этомъ званіи онъ совершилъ Турецкую кампанію 1828 — 1829 гг., причемъ участвовалъ въ осадѣ крѣпости Браилова и въ осадѣ и штурмѣ крѣпости Варны, послѣ чего принялъ во временное командованіе лейбъ-гвардіи Саперный баталіонъ, съ которымъ въ 1830 году и возвратился въ Петербургъ. Назначенный 30-го декабря 1830 года дежурнымъ штабъ-офицеромъ штаба генералъ-инспектора по инженерной части, Шарнгорстъ въ слѣдующемъ году принялъ участіе въ подавленіи перваго польскаго возстанія. Находясь въ авангардѣ нашихъ войскъ, онъ отличился въ небольшомъ сраженіи близъ ст. Якаца, а затѣмъ въ сраженіи при мѣстечкѣ Жолткахъ. Послѣ этого сраженія онъ былъ отправленъ съ донесеніями къ главнокомандующему, но не могъ выполнить возложеннаго на него порученія, такъ какъ по дорогѣ былъ захваченъ въ плѣнъ и возвратился въ армію лишь четыре мѣсяца спустя, когда окончилась война. Вскорѣ послѣ этого Шарнгорсту поручено было осмотрѣть производившіяся инженерныя работы въ крѣпостяхъ Киліи и Динабургѣ, а по производствѣ 7-го апрѣля 1835 г. въ генералъ-маіоры, онъ въ томъ же году 15-го ноября былъ назначенъ начальникомъ Главнаго Инженернаго Училища, съ оставленіемъ при генералъ - инспекторѣ по инженерной части. Дѣятельность Шарнгорста въ качествѣ начальника Главнаго Инженернаго Училища была весьма значительна. Онъ первый положилъ систематическое основаніе для подготовки для училища хорошихъ преподавателей по спеціальнымъ предметамъ изъ воспитанниковъ Училища. Съ этою цѣлью, по его представленію, конференція Училища ежегодно выбирала нѣсколькихъ кандидатовъ для занятія преподавательскихъ мѣстъ въ училищѣ, уже освободившихся или предполагавшихся быть свободными, и посылала выбранныхъ инженеровъ—непремѣнно бывшихъ воспитанниковъ училища—въ командировки по крѣпостямъ для тщательнаго ознакомленія съ производствомъ инженерныхъ работъ и съ разными техническими нововведеніями. Изъ этихъ-то молодыхъ инженеровъ и составился впослѣдствіи кадръ опытныхъ преподавателей и профессоровъ Главнаго Инженернаго Училища. Затѣмъ, исходя изъ того же стремленія поднять научное значеніе Главнаго Инженернаго Училища, Шарнгорстъ при-

гласилъ въ качествѣ преподавателей нѣсколько извѣстныхъ профессоровъ С.-Петербургскаго Университета и Института инженеровъ Путей Сообщенія. Озаботившись о привлеченіи въ Училище лучшихъ профессорскихъ силъ, Шарнгорстъ не оставилъ безъ вниманія также и библіотеку Училища. Онъ самъ постоянно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы въ библіотеку своевременно выписывались всѣ новѣйшія сочиненія, особенно по разнымъ спеціальностямъ, относящимся къ инженерному дѣлу, а также, чтобы она пополнялась и ранѣе вышедшими, но недостающими въ библіотекѣ капитальными изданіями, какъ русскими, такъ и иностранными, такъ что за время девятилѣтняго начальствованія Шарнгорстомъ въ Главномъ Инженерномъ Училищѣ библіотека этого Училища, благодаря его непосредственной заботливости, пріобрѣла много новыхъ сочиненій, увеличившихъ въ нѣсколько разъ число томовъ, принадлежавшихъ библіотекѣ до его назначенія. Помимо занятій по Главному Инженерному Училищу на Шарнгорста въ тотъ же періодъ времени возлагались и разныя другія порученія. Такъ, въ 1838 году онъ осматривалъ производство инженерныхъ работъ въ Новогеоргіевской крѣпости, а затѣмъ и въ нѣкоторыхъ другихъ крѣпостяхъ. Назначенный въ 1839 году членомъ Инженернаго Отдѣла Военно-Ученаго Комитета, съ оставленіемъ въ должности начальника Главнаго Инженернаго Училища, Шарнгорстъ принялъ участіе въ работахъ этого отдѣленія, заключавшихся въ разборахъ разныхъ проектовъ, въ рецензіяхъ на присылаемыя въ комитетъ разныя спеціальныя сочиненія и проч. 11-го октября 1844 года состоялось назначеніе Ш. начальникомъ Инженернаго Отдѣленія Военно-Ученаго Комитета, съ увольненіемъ отъ должности начальника Главнаго Инженернаго Училища. Здѣсь пришлось ему работать еще больше. Между прочимъ имъ былъ составленъ «Проектъ положенія объ Инженерномъ Комитетѣ», замѣнившемъ собою бывшее общее присутствіе Инженернаго Департамента по искусственной части и Инженернаго Отдѣленія Военно Ученаго Комитета. Затѣмъ Шернгорстомъ же было выработано «Положеніе объ офицерскихъ библіотекахъ инженернаго корпуса». Наконецъ, Ш. не мало потрудился надъ разработкой «Положенія о ежегодныхъ конкурсахъ на премію по инженерному корпусу», замѣнившихъ прежнія экзаменныя задачи. Кромѣ того, имъ же выработано было «положеніе объ Инженерномъ Журналѣ». Произведенный 6-го декабря 1844 года въ генералъ-лейтенанты, Шарнгорстъ въ 1847 году былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-ой степени съ императорскою короною. Въ томъ же году онъ сначала нѣкоторое время исправлялъ должность директора Военно-Ученаго Комитета, а затѣмъ былъ назначенъ членомъ комитета по составленію частныхъ инструкцій для комендантовъ каждой изъ крѣпостей Имперіи, съ оставленіемъ во всѣхъ занимаемыхъ должностяхъ. Здѣсь началась самая крупная работа Шарнгорста, какъ по своему объему, такъ и по своему значенію. Вышеупомянутый комитетъ существовалъ девять лѣтъ, причемъ съ января 1855 года Ш. былъ назначенъ его предсѣдателемъ, и за все время существованія комитета имъ были составлены самыя подробныя инструкціи для комендантовъ восемнадцати крѣпостей. Трудъ этотъ составилъ около 2.000 страницъ, большая часть которыхъ начерно были написаны самимъ Шарнгорстомъ. Вообще Ш. отличался рѣдкимъ трудолюбіемъ и работалъ очень много, обыкновенно составляя самъ протоколы разныхъ засѣданій, гдѣ ему приходилось предсѣдательствовать. Въ 1853 году ему былъ пожалованъ орденъ св. Владиміра 2-ой степени, а три года спустя орденъ Бѣлаго Орла. Кромѣ того, ему неоднократно были жалуемы денежныя награды въ видѣ единовременныхъ пособій и долгосрочныхъ арендъ. Въ 1865 году Шарнгорстъ былъ назначенъ состоять при Его Императорскомъ Высочествѣ Великомъ Князѣ генералъ-инспекторѣ по инженерной части, и въ этомъ званіи оставался до самой своей смерти, причемъ 16-го апрѣля 1867 года былъ произведенъ въ инженеръ-генералы. Прекрасно образованный, умный и въ совершенствѣ владѣвшій нѣсколькими иностранными языками, Шарнгорстъ пользовался любовью и глубокимъ уваженіемъ всѣхъ близко знавшихъ его. Будучи хорошимъ чтецомъ вслухъ, онъ въ бытность свою

адъютантомъ при великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ, а затѣмъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ штаба генералъ-инспектора по инженерной части, постоянно былъ приглашаемъ для чтенія въ Августѣйшемъ семейномъ кружкѣ. Принявъ самое дѣятельное участіе въ основаніи въ 1826 году. «Инженерныхъ Записокъ», онъ во все время существованія этого изданія былъ однимъ изъ постоянныхъ его сотрудниковъ, напечаталъ въ немъ цѣлый рядъ своихъ статей, кромѣ того, редактировалъ XXVIII—XLII книжки «Записокъ». Но этимъ не ограничилась его литературная дѣятельность. Въ 1857 г. онъ основалъ «Инженерный Журналъ», который и издавалъ до 1860 г., когда это изданіе сдѣлалось оффиціальнымъ органомъ инженернаго вѣдомства. Затѣмъ Шарнгорстомъ же составлено первое изданіе (1845 г.) «Памятной книжки для инженерныхъ и саперныхъ офицеровъ», имѣвшее большой успѣхъ, въ виду множества важныхъ инженерныхъ для офицеровъ упомянутой категоріи свѣдѣній, собранныхъ въ этомъ справочникѣ. Наконецъ, Шарнгорсту принадлежитъ и нѣсколько статей, напечатанныхъ въ другихъ повременныхъ изданіяхъ. В. А. Шарнгорстъ скончался въ С.-Петербургѣ 11-го ноября 1873 года, на 75 году отъ рожденія. Тѣло его погребено на Волковомъ кладбищѣ.

«Инженерный Журналъ» за 1874 г., іюль, стр. 1—11, воспоминанія о Шарнгорстѣ; «Голосъ» 1873 г., № 314. *Е. Ястребцевъ.*

Шаровъ, Тимоѳей, атаманъ казачій. Въ 1611 году, когда Новгородъ 16-го іюля былъ взятъ шведами и воевода Бутурлинъ со своимъ отрядомъ сталъ отступать и уже вышелъ изъ города (новгородцевъ предалъ, какъ говоритъ исторія, нѣкто Ивашко Шваль, впустивъ шведовъ ночью въ городъ), казаки и стрѣльцы бросились грабить по пути отступленія лавки и дворы, Шаровъ, атаманъ казачій, вмѣстѣ съ другими (стрѣлецкій голова Василій Гаютинъ, дьякъ Анфиногенъ Голянищевъ и Василій Орловъ), имѣя при себѣ лишь 40 казаковъ, рѣшился защищаться до послѣдней крайности, и, несмотря на долгіе уговоры шведовъ, казаки не сдались и, во главѣ со своимъ атаманомъ, умерли всѣ вмѣстѣ за православную вѣру.

«Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ» Соловьева, т. II, стр. 999; «О взятіи новгородскомъ и о послѣхъ», Новгородскія лѣтописи, изд. археографической коммиссіи, 79, стр. 355—356. *М. В. Заболотская.*

Шаронъ, *Александръ Михайловичъ*, (Alexandre Charon), художникъ-акварелистъ портретной живописи. Родился въ 1840 г. во французской семьѣ; въ 1857 г. поступилъ ученикомъ въ Императорскую Академію Художествъ по отдѣлу живописи, въ классъ оригинальныхъ фигуръ, и за хорошіе рисунки былъ въ апрѣлѣ 1858 года переведенъ въ классъ гипсовыхъ головъ. Продолжая усердно заниматься рисованіемъ, Шаронъ выдвинулся изъ среды другихъ учениковъ академіи: представленные имъ въ 1859 г. рисунки были признаны очень хорошими, и въ октябрѣ этого года онъ былъ переведенъ въ натурный классъ. До 1864 года онъ работалъ въ натурномъ классѣ, но затѣмъ тяжелыя матеріальныя условія заставили его покинуть Академію и добывать себѣ пропитаніе портретной живописью. Въ 1870 г. онъ подалъ въ Академію Художествъ прошеніе о выдачѣ ему свидѣтельства на право преподавать рисованіе, и такъ какъ представленные имъ рисунки и чертежи были признаны Правленіемъ Академіи вполнѣ удовлетворительными, то свидѣтельство ему немедленно выдано. Работая по частнымъ заказамъ, А. М. Шаронъ написалъ очень много портретовъ акварелью; съ 1875 г. онъ посѣщалъ воскресные рисовальные классы при Академіи и въ 1877 году экспонировалъ на Академической выставкѣ три акварельныхъ портрета для полученія званія неклассснаго художника. Представленные имъ портреты графа А. П. Шувалова, г-жи Паль (во весь ростъ) и г-жи Сокальской были признаны выставочнымъ комитетомъ достойными награды, и 31-го октября 1877 года онъ получилъ свидѣтельство на званіе неклассснаго художника съ обязательствомъ перейти въ русское подданство и выдержать установленный экзаменъ при Академіи. Въ послѣдніе годы своей жизни А. М. Шаронъ сталъ довольно извѣстнымъ въ Петербургѣ художникомъ. Умеръ онъ 27-го января 1881 года.

Дѣло № 6 Правленія Императорской Академіи Художествъ объ Алекс. Мих. Шаронѣ, на-

чатое въ 1857 г.; «Голосъ» 1881 года, январь, № 26. *А. П.*

Шаронъ, *Егоръ Николаевичъ*; род. въ 1797 г., умеръ въ 1869 г., инженеръ-генералъ-маіоръ, сынъ польскаго королевскаго совѣтника, началъ службу кондукторомъ въ Главномъ Инженерномъ Училищѣ и въ 1817 г. былъ произведенъ въ полевые инженеръ - прапорщики. При инженерномъ училищѣ онъ состоялъ по 1836 г., а въ этомъ году, въ чинѣ подполковника, назначенъ въ Ревельскую инженерную команду; съ 1838 года по 1842 г. Шаронъ состоялъ въ вѣдѣніи командира Оренбургскаго отдѣльнаго корпуса, по кордонной части, и съ 1842 г. по 1847 г. членомъ Грузинскаго окружнаго инженернаго Управленія; затѣмъ былъ 15 мѣсяцевъ (1847 — 1848 г.) въ отставкѣ; въ 1848 г. вновь принятъ на службу, съ прикомандированіемъ къ Чертежной Инженернаго Департамента Военнаго Министерства и въ октябрѣ 1848 г. назначенъ членомъ этого Департамента. Произведенный въ 1849 г. въ полковники, Шаронъ въ январѣ 1854 г. назначенъ начальникомъ Чертежной Инженернаго Департамента, каковую должность занималъ 5 лѣтъ, пока не былъ назначенъ, въ январѣ 1859 г., командующимъ Московскимъ инженернымъ округомъ; эту должность Шаронъ занималъ $2^1/_2$ года, и по производствѣ, 21-го апрѣля 1861 г. въ генералъ-маіоры, назначенъ въ августѣ того же года членомъ Общаго Присутствія Инженернаго Департамента по искусственной части. По преобразованіи Штаба генералъ-инспектора въ Главное Инженерное Управленіе, Шаронъ назначенъ, въ январѣ 1863 г., членомъ техническаго Комитета.

Общій архивъ Главнаго Штаба.
А. О. Гернетъ.

Шарпило, *Иванъ* кошевой атаманъ запорожскихъ казаковъ. На эту должность онъ былъ выбранъ въ 1694 г. Этимъ выборомъ былъ положенъ конецъ смутамъ въ Запорожьѣ, вызваннымъ извѣстнымъ Петрикомъ, ратовавшимъ объ отдѣленіи Малороссіи отъ Московскаго государства. Съ выборомъ Ивана Шарпило кошевымъ атаманомъ противники Петрика и крымскаго хана взяли верхъ надъ остальными. Время атаманства Шарпило ознаменовалось нѣсколькими удачными походами запорожцевъ противъ «азовскихъ людей». Въ двухъ изъ этихъ походовъ Шарпило участвовалъ лично. Въ томъ же 1694 г. Шарпило, соединившись съ отрядомъ донскихъ казаковъ, вышелъ изъ Сѣчи съ 700-ми низовыхъ казаковъ и двинулся въ урочище Чангаръ на Перекопѣ. Тамъ онъ разгромилъ каланчи на Сивашѣ, выдержалъ кровопролитную битву на Молочныхъ Водахъ съ Нуррединъ-султаномъ, отнялъ у непріятеля семь пушекъ, захватилъ въ плѣнъ нѣсколько мусульманъ и подъ конецъ навелъ такой страхъ на крымскихъ татаръ, что самъ Нуррединъ-султанъ, собравшійся было походомъ на Слободскую Украйну, вынужденъ былъ отложить это намѣреніе.

Не удовольствовавшись походомъ на Чангаръ, Шарпило въ началѣ осени ходилъ на городъ Паланку, вмѣстѣ съ отрядомъ малороссійскихъ казаковъ. Отбивъ у мусульманъ не малое число конскихъ головъ, овецъ и рогатаго скота, но не успѣвъ вслѣдствіе погони со стороны непріятеля со всей своей добычей вернуться въ Запорожскую Сѣчь, Шарпило со своимъ отрядомъ расположился въ урочищѣ Ольховъ, у низовьевъ Днѣпра. Изъ этого урочища Шарпило нѣсколько разъ ходилъ для тѣхъ-же промысловъ противъ крымскихъ татаръ на урочище Стрѣльницу, но, не имѣя языка, не могъ опустошить того пути. Послѣ этого непріятели подстерегли казаковъ и внезапно напали на нихъ. Шарпило храбро отбился отъ этого нападенія. Но дальнѣйшее пребываніе въ этомъ урочищѣ казалось ему небезопаснымъ и поэтому онъ рѣшилъ здѣсь больше не оставаться. Онъ собралъ свой отрядъ и вернулся въ Запорожскую Сѣчь. Но здѣсь его встрѣтили недоброжелательно: казакамъ не понравился этотъ походъ, и поэтому было рѣшено, что Шарпило нужно смѣстить съ атаманства. И его, дѣйствительно, смѣстили въ этомъ же, т.-е. въ 1694 году, и на мѣсто его былъ избранъ новый кошевой атаманъ Петръ Прима, онъ же Примасъ.

Архивъ Министерства Юстиціи 1694 года, кн. 69, 71 и 74. Эварницкій. «Исторія запорожскихъ казаковъ». Бантышъ-Каменскій. «Исторія малой Россіи».
Конопосевичъ.

Шарпіо, *Елизавета Львовна* (Роза-Сусанна-Елизавета), урожденная Кутлеръ, начальница Московскаго Александровскаго института, умерла 7-го мая 1850 г. въ Москвѣ. Шарпіо была вдовою лектора французскаго языка при Казанскомъ университетѣ Георгія Шарпіо. Съ 15-го іюля 1805 г. она служила классной дамой «при мѣщанскихъ воспитанницахъ» въ С.-Петербургскомъ воспитательномъ обществѣ благородныхъ дѣвицъ; 21-го марта 1807 года Шарпіо оставила эту службу по случаю замужества, а 8-го декабря 1824 года вновь поступила на службу, на должность помощницы инспектрисы Московскаго Александровскаго Института; съ 10-го января 1828 года она была инспектрисою этого учебнаго заведенія, въ январѣ 1845 г. была назначена въ немъ начальницей и оставалась въ этой должности до самой смерти. За время своей продолжительной службы въ Александровскомъ институтѣ Шарпіо, помимо знаковъ отличія, неоднократно получала Высочайшіе подарки при Высочайшихъ рескриптахъ на ея имя, а также Высочайшія благодарности и изъявленія благоволенія «за порядокъ и устройство въ заведеніи и за воспитаніе и образованіе дѣвицъ».

Архивъ Канцеляріи Московскаго Александровскаго училища „Дѣло о начальницѣ Московскаго Александровскаго училища Елизаветѣ Шарпіо, 1824 г.“. *В. Грековъ.*

Шарубинъ, *Николай Гавриловичъ*, смотритель Императорской Петергофской гранильной фабрики, писатель. Родился въ 1815 году и до 1840 года служилъ на вышеупомянутой фабрикѣ. Ведя уединенный образъ жизни, онъ почти не выѣзжалъ изъ Петергофа, занимаясь все свободное отъ служебныхъ занятій время математикой. Съ средины 1850-хъ гг. онъ сталъ сотрудничать въ «Иллюстрированной газетѣ», гдѣ въ теченіе пятнадцати лѣтъ помѣстилъ много любопытныхъ математическихъ задачъ. Кромѣ того, въ 1867 году онъ напечаталъ въ «Иллюстрированной же Газетѣ» рядъ очерковъ подъ общимъ названіемъ «Очерки Петергофа и его окрестностей», которые въ слѣдующемъ году вышли отдѣльнымъ изданіемъ (Спб. 1868 г.), а затѣмъ тамъ же напечаталъ статью «Культура драгоцѣнныхъ камней на гранильной фабрикѣ», вышедшую впослѣдствіи отдѣльной брошюрой. Н. Г. Шарубинъ скончался въ Петергофѣ въ концѣ 1872 года, на 57 году отъ рожденія.

„Иллюстрированная газета“ 1872 г., № 50, стр. 392, некрологъ. *Е. Я.*

Шарфъ, *Александръ Вилимовичъ*, генералъ-маіоръ, командиръ города Быхова. Въ 1694 году, въ чинѣ полковника, служилъ въ Семеновскомъ полку и 2-го апрѣля 1695 года по случаю рожденія царевны Параскевы Іоанновны былъ всемилостивѣйше пожалованъ пятью аршинами объяри. Въ 1703 году при осадѣ Ніеншанца былъ вытребованъ Брюсомъ изъ Кронштадта. Въ 1704 году (8-го августа) Шарфъ въ чинѣ генералъ-маіора командовалъ отрядомъ, находившимся по приказанію Петра I-го во рву передъ городомъ Нарвой. По знаку Шарфа солдаты неустрашимо бросились впередъ и, презирая смерть, полѣзли на стѣны, несмотря на геройское сопротивленіе непріятеля. Въ томъ же 1704 году Репнинъ по приказанію Петра отправился съ войсками въ Польшу и взялъ съ собой генералъ-маіора Шарфа. Въ 1705 году Ш. командовалъ въ Вильнѣ Вятскимъ полкомъ, затѣмъ вернулся въ Петербургъ и 8-го іюня отражалъ нападеніе шведскаго генерала Мейделя. По удаленіи шведовъ отъ Ніеншанца, Брюсъ командировалъ Шарфа по Невскому берегу къ Тоснѣ. Въ 1709 г., когда шведы направились къ Ахтыркѣ, изъ Кіева былъ вытребованъ генералъ-маіоръ Шарфъ съ полкомъ.

«Русская Старина» 1872 г., V, 793; Голиковъ «Дѣянія Петра» I, II, 98, 507; IV, 344; IX, 443; Петровъ «Исторія Петербурга», 1883 г., 48, 51; «Сборникъ выписокъ изъархивныхъ бумагъ о Петрѣ I». Москва, 1872 г., I, 140, 148, 326; «Сборникъ Русскаго Историческаго Общества» т. XXXIX, 18, 23, 65. *Н. Н. Артамонова.*

Шастуновы см. *Шестуновы*.

Шатиловичъ (или Шателовичъ, какъ онъ самъ подписывался), *Петръ Ивановичъ*, штабъ-лѣкарь, инспекторъ Астраханской врачебной управы; род. въ 1745 году и въ 1761 г. вступилъ на службу аптекарскимъ ученикомъ въ аптеку сухопутнаго шляхетскаго кадетскаго корпуса. Пробывъ здѣсь около года, онъ перешелъ лѣкарскимъ ученикомъ въ С.-Пе-

тербургскій генеральный сухопутный госпиталь; въ 1766 г. по экзамену произведенъ былъ въ подлѣкари и въ томъ же году отправленъ въ Саратовъ для пользованія колонистовъ. Въ 1770 году онъ былъ произведенъ въ лѣкари и назначенъ въ Моздокскій баталіонъ на Кавказъ. На Кавказѣ онъ служилъ въ теченіе 27-ми лѣтъ, причемъ безпрерывно участвовалъ въ казказскихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Въ 1771 г. онъ принималъ участіе въ походѣ для усмиренія осетинъ, въ 1772 г. участвовалъ въ дѣйствіяхъ противъ кубанскихъ племенъ, а въ 1772—1774 г.—въ дѣйствіяхъ противъ кабардинцевъ. Затѣмъ онъ былъ переведенъ въ Кизляръ къ карантинному дому (1775 г.), а въ 1788 году произведенъ въ штабъ-лѣкаря и назначенъ корпуснымъ штабъ-лѣкаремъ въ Кавказскій корпусъ. Во время персидскаго похода (1790 г.) ему было поручено завѣдываніе всей медицинской частью въ сухопутномъ лагерѣ и, несмотря на неблагопріятныя климатическія условія и тягости похода, онъ не допустилъ чрезмѣрной смертности въ войскахъ. Онъ также участвовалъ и во второмъ персидскомъ походѣ до Дербента и Баку, а при штурмѣ Анапы (1796—1797) устроилъ полковые и баталіонные лазареты и сопровождалъ отъ этой крѣпости до кавказской линіи транспортъ изъ 500 трудно больныхъ и раненыхъ, причемъ, несмотря на чрезмѣрные жары, изъ всего транспорта умерло только 13 человѣкъ. Въ 1797 году онъ былъ переведенъ операторомъ въ астраханскую врачебную управу, причемъ ему былъ порученъ надзоръ за военно-медицинской службой на флангахъ Кавказской линіи, въ особенности же въ пограничныхъ кавказскихъ крѣпостяхъ: Кизлярѣ и Георгіевскѣ. Посѣщая часто Кизляръ, Шатиловичъ обратилъ вниманіе на различныя, ни на чемъ не основанныя, стѣсненія и запрещенія изъ гигіеническихъ соображеній, вредно отражавшіяся на промышленности страны, и потому обратился къ главному директору медицинской коллегіи барону А. И. Васильеву съ письмомъ, въ которомъ просилъ отмѣнить всѣ эти запрещенія, доказывая ихъ неосновательность (посѣвъ «Сарацынскаго пшена и хлопчатой бумаги). Кромѣ того, онъ указывалъ на необходимость учредить для кочующихъ въ астраханской степи калмыковъ «оспеную гофшпиталь», такъ какъ послѣдніе «по легконравію и суевѣрію своему бросаютъ во время оспы не токмо постороннихъ, но и своихъ дѣтей имѣя безпримѣрное отвращеніе къ сей болѣзни». Наконецъ, онъ обратилъ вниманія на воду Кислаго Колодца (теперешній Кисловодскъ), и просилъ построить у колодца укрѣпленіе для безопасности тѣмъ, «коимъ водою пользоваться нужно будетъ». Баронъ А. И. Васильевъ доложилъ это письмо въ подлинникѣ императору Павлу I-му, который приказалъ тщательно разсмотрѣть «всѣ изъясненныя въ письмѣ оператора Шатиловича обстоятельства», а его самого пожаловать въ коллежскіе совѣтники. Упомянутыя выше запрещенія, стѣснявшія мѣстную промышленность въ Кизлярѣ, вскорѣ были отмѣнены, оспенный же домъ для калмыковъ былъ построенъ только въ 1800 г. Надзоръ Шатиловича за медицинской службой на флангахъ кавказской линіи продолжался до начала 1798 г., когда онъ получилъ должность инспектора Астраханской врачебной управы.

Я. Чистовичъ «Очерки изъ исторіи русскихъ медицинскихъ учрежденій XVIII столѣтія», стр. 52—63, 68, 75; его же «Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи», стр. 610.

П. Гуревичъ.

Шатиловъ, *Иванъ Яковлевичъ*, генералъ-маіоръ. Дворянинъ Тверской губерніи, родился въ 1771 г., зачисленъ въ 1782 г. въ гвардію, а 1-го января 1793 г. выпущенъ изъ Измайловскаго полка поручикомъ въ Московскій гренадерскій полкъ, въ 1796 г. переведенъ въ Павловскій гренадерскій, а въ 1805 г. обратно въ Московскій полкъ. Ш. участвовалъ въ польской кампаніи 1794 г., въ голландской кампаніи 1799 г. и въ походахъ противъ французовъ 1805, 1806 и 1807 гг., былъ въ сраженіяхъ подъ Прейсишъ-Эйлау, Гутштадтомъ, Гейльсбергомъ и въ дѣлѣ при Фридландѣ (1807 г.) былъ раненъ, и за оказанное отличіе пожалованъ золотою шпагою съ надписью «за храбрость». По возвращеніи въ Россію, Ш., въ 1807 г., назначенъ командиромъ Московскаго гренадерскаго полка и произведенъ въ подполковники, командовалъ полкомъ въ Турецкую кампанію 1808—1811 гг. и при

взятіи штурмомъ крѣпости Базарджикъ первый взошелъ на непріятельскій ретраншементъ, овладѣлъ находившимися на оном орудіями и взялъ въ плѣнъ самого коменданта крѣпости Сераскиръ-пашу; въ этомъ штурмѣ Ш. получилъ двѣ контузіи и за оказанное отличіе пожалованъ орденомъ св. Георгія 4 ст., за взятіе крѣпости Ловчи произведенъ, въ 1811 г., въ полковники. Въ походѣ 1812 г. отличился во многихъ дѣлахъ и за Бородино, гдѣ былъ раненъ, за отличную храбрость награжденъ орденомъ св. Анны 2-й ст. съ алмазами. Въ 1813 г. Ш. назначенъ командиромъ Бородинскаго пѣхотнаго полка, 30-го августа 1816 г. произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ командиромъ 1-й бригады 17-й пѣхотной дивизіи, а 24-го ноября 1821 г. уволенъ отъ службы за ранами.

Общій архивъ Главнаго Штаба въ Москвѣ.

А. Гернетъ.

Шатиловъ, *Іосифъ Николаевичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, президентъ Императорскаго Московскаго Общества сельскаго хозяйства, членъ Императорскаго Вольнаго-Экономическаго Общества, Императорскаго Общества любителей естествознанія, Лѣснаго общества (Петербургскаго и Московскаго отдѣленій), Императорскаго Московскаго Общества любителей конскаго бѣга, Общества содѣйствія русскому торговому мореходству, Императорскаго Московскаго Общества испытателей природы и многихъ другихъ. Родился 6-го апрѣля 1824 г. въ Москвѣ и получилъ домашнее воспитаніе. Годы своего дѣтства провелъ по преимуществу въ деревнѣ. Научныя занятія его начались рано, когда ему едва только минуло 14 лѣтъ. Осень 1838 года онъ, вмѣстѣ со своимъ отцомъ, провелъ на виллѣ близъ гор. Монцы въ Италіи, принадлежавшей извѣстному итальянскому путешественнику по Южной Африкѣ Гаэтано Оскулати, и подъ руководствомъ этого послѣдняго занялся собираніемъ энтомологическихъ коллекцій. На зиму онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь сталъ готовиться въ Корпусъ Инженеровъ Путей Сообщенія. Между тѣмъ страсть его къ естествознанію все увеличивалась, и онъ усердно посѣщалъ лекціи зоологіи въ Петербургскомъ Университетѣ, а также и зоологическій музей Академіи Наукъ. Дома же значительную часть времени онъ тратилъ на препарированіе птицъ. Результатомъ такого усиленнаго занятія зоологіей было то, что онъ не выдержалъ экзамена въ Корпусъ инженеровъ путей сообщенія. Дальнѣйшія его занятія зоологіей были уже совершенно самостоятельными и только отчасти нѣкоторыя указанія дѣлали ему К. Ф. Рулье и Х .Х. Стевенъ. Посвящая почти все свое время занятіямъ зоологіей, Ш. только въ 1843 году выдержалъ, наконецъ, экзаменъ при Харьковскомъ Университетѣ, послѣ чего поступилъ на службу въ Керчь-Еникальское градоначальство и съ этого времени, несмотря на свои 19 лѣтъ, сталъ самостоятельно вести сельское хозяйство въ своемъ имѣніи Джапаръ, въ 20 верстахъ отъ Керчи заключавшемъ 3.000 десятинъ земли. Ш. принялъ дѣятельное участіе въ производившихся тогда вблизи Керчи археологическихъ раскопкахъ, которыми руководилъ завѣдывавшій Керченскимъ музеемъ М. И. Бларамбергъ; послѣдній, впрочемъ, довольно часто отлучался, и въ такихъ случаяхъ управлять раскопками кургановъ Шатилову приходилось вполнѣ самостоятельно. Въ началѣ 1850 годовъ онъ былъ избранъ Ялтинскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, а съ 1852 года ему, вмѣстѣ съ его дядей, И. В. Шатиловымъ, пришлось принять въ управленіе имѣніе въ Ѳеодосійскомъ уѣздѣ «Тамакъ», заключавшее въ себѣ 18.000 десятинъ земли. Сюда пріѣхалъ къ нему его другъ, ученый зоологъ Г. И. Радде, и при помощи послѣдняго І. Н. Шатиловъ началъ свое собраніе птицъ Таврическаго полуострова. По отъѣздѣ Радде онъ продолжалъ пополнять свою коллекцію и съ этою цѣлью выписалъ изъ-заграницы двухъ препараторовъ: Шмидта и Видгольма. Только въ 1869 году, когда, по его мнѣнію, коллекція достигла возможной полноты, Шатиловъ прекратилъ дальнѣйшія работы и подарилъ ее въ зоологическій музей Московскаго Университета. Будучи прекраснымъ хозяиномъ онъ всегда съ самымъ живымъ интересомъ слѣдилъ за всѣми вопросами, касающимися сельскаго хозяйства, и съ жаромъ принималъ участіе въ ихъ обсужденіи и рѣшеніи. Дѣятельность его въ этомъ направленіи началась очень ра-

но—въ 1847 году, когда онъ былъ избранъ въ члены Лебедянскаго Общества сельскаго хозяйства. Въ 6 № «Русскаго Вѣстника» за 1858 г. Ш. выступилъ со статьей «Нѣсколько словъ о годовомъ заработкѣ крестьянскаго тягла», а потомъ въ И. М. О. С. Х. съ рядомъ докладовъ на ту же тему. Членомъ выше названнаго Общества онъ состоялъ съ 20-го декабря 1854 года. Въ 1858 году І. Н. Шатиловъ былъ выбранъ въ члены Комитета Акклиматизаціи растеній при И. М. О. С. Х., но особенно усиленная дѣятельность его начинается съ начала 1860 года. Къ этому времени у него твердо уже сложилась программа тѣхъ идей, которыя онъ пропагандировалъ всю свою жизнь. Этими основными идеями были слѣдующія: 1) земство должно быть въ тѣсной связи съ сельско-хозяйственными обществами, въ интересахъ развитія сельско-хозяйственной промышленности въ Россіи; 2) необходимо учрежденіе независимаго вѣдомства, вѣдающаго сельско-хозяйственную промышленность, земледѣліе и торговлю, т.-е. Министерства Земледѣлія и Торговли, и 3) главными препятствіями къ улучшенію сельскаго хозяйства служатъ у личныхъ землевладѣльцевъ отсутствіе преемственнаго труда, а у крестьянъ—общинное землевладѣніе съ частыми семейными раздѣлами и отсутствіе сельскаго устава. Съ такой программой выступилъ І. Н. Шатиловъ въ 1860 году и въ теченіе всей своей 30-тилѣтней дѣятельности напрягалъ силы на проведеніе этихъ идей въ жизнь. Первый докладъ, сдѣланный имъ въ И. М. О. С. Х., былъ 15-го апрѣля 1860 года по вопросу о необходимости обратить вниманіе правительства на недостатокъ кредита и на установленіе правильныхъ отношеній между помѣщиками и вольными рабочими. Докладъ этотъ, въ виду того, что затрагивалъ самые важные вопросы того времени, возбудилъ къ себѣ жгучій интересъ сельскихъ хозяевъ. Дебаты длились въ теченіе двухъ засѣданій (15-го и 22-го апрѣля), а въ заключеніе обществомъ была избрана особая коммиссія для свода высказанныхъ мнѣній, на предметъ возбужденія соотвѣтственнаго ходатайства предъ правительствомъ. 7-го и 28-го апрѣля 1861 г. Шатиловъ снова выступилъ въ И. М. О. С. Х. съ своимъ докладомъ по рабочему вопросу, причемъ сообщилъ отчетъ объ опытѣ найма рабочихъ за границей (въ Баваріи) для своихъ крымскихъ имѣній. Въ томъ же году онъ былъ избранъ предсѣдателемъ V отдѣленія И. М. О. С. Х. (по сельско-хозяйственому благоустройству), преобразованнаго изъ состоявшаго при Обществѣ комитета по улучшенію скотоводства въ Россіи. Интересуясь скотоводствомъ и признавая огромное значеніе его для сельскаго хозяйства, І. Н. Шатиловъ сдѣлалъ 9-го февраля слѣдующаго года докладъ объ устройствѣ въ Россіи образцовыхъ фермъ и о реформѣ существующихъ казенныхъ фермъ. Онъ принималъ также дѣятельное участіе въ избранной Обществомъ коммиссіи для выработки и обсужденія новаго устава Общества. Съ устройствомъ въ началѣ 1863 года бесѣдъ при Импер. Моск. Общ. Сельс. Хоз., на чемъ онъ особенно настаивалъ, Ш. выступалъ въ нихъ, то въ качествѣ лектора, то въ качествѣ докладчика, и уже на 2-й бесѣдѣ (27-го января 1863 года) сдѣлалъ сообщеніе по особенно интересовавшему тогда всѣхъ рабочему вопросу: «Замѣтки по введенію въ хозяйство вольнонаемнаго труда». Въ томъ же году 21-го и 23-го марта имъ были сдѣланы сообщенія «О пользѣ награженія медалями управляющихъ частными имѣніями въ поощреніе ихъ полезной хозяйству дѣятельности» и второе «Объ устройствѣ хозяйства на хуторѣ общества». Съ этого же времени ни одно особое совѣщаніе, ни одна коммиссія, устраиваемая при какомъ-либо министерствѣ, въ которой затрагивались сельскохозяйственные вопросы, не обходилась безъ его участія. Такъ, онъ работалъ въ особомъ совѣщаніи объ уменьшеніи пожаровъ въ селеніяхъ, въ коммиссіи о сложеніи подушныхъ податей, о мѣрахъ къ поднятію цѣнъ на сельскохозяйственные продукты о мѣрахъ къ развитію сельскохозяйственнаго винокуренія и проч. При новомъ избраніи должностныхъ лицъ на трехлѣтіе съ 1863 года, Ш. былъ выбранъ въ засѣданіи 24-го февраля (1863 г.) вице-президентомъ Общества. Однако онъ отказался отъ принятія на себя обязанностей вице-президента, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что для него положительно невозможно круглый годъ находиться въ

Москвѣ. Тогда Общество избрало его членомъ Совѣта. 23-го іюня 1864 года былъ утвержденъ новый уставъ И. М. О. С. Х., а 7-го января слѣдующаго года на должность президента былъ избранъ Шатиловъ, и затѣмъ каждое трехлѣтіе, въ теченіе 25 лѣтъ, онъ снова былъ избираемъ въ президенты. Еще въ 1864 году, когда И. М. О. С. Х. задумало устроить всероссійскую сельскохозяйственную выставку въ Москвѣ, Ш., какъ членъ комиссіи по устройству выставки, занялся организаціей бесѣдъ сельскихъ хозяевъ и на четвертой бесѣдѣ прочелъ свое мнѣніе «О наймѣ сельскихъ рабочихъ», по поводу только что изданныхъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ временныхъ правилъ о наймѣ. Въ томъ же году имъ была издана брошюра «О сельскохозяйственномъ образованіи», гдѣ онъ защищалъ значеніе Петровско-Разумовской Академіи и вообще спеціальнаго сельскохозяйственнаго образованія. Въ этомъ же году на вышеупомянутой выставкѣ ему была присуждена малая золотая медаль за лѣсоразведеніе. Заботясь въ одинаковой мѣрѣ о преуспѣяніи всѣхъ отраслей сельскаго хозяйства и будучи знатокомъ лѣсоводства, І. Н. Шатиловъ считалъ своимъ долгомъ усердно пропагандировать мысль о необходимости коренной реформы въ современномъ частновладѣльческомъ лѣсномъ хозяйствѣ. Въ виду этого, онъ неоднократно возбуждалъ въ И. М. О. С. Х. вопросы по части лѣсного хозяйства, являясь часто самъ же и докладчикомъ. Первый докладъ его по лѣсному дѣлу былъ «О сохраненіи лѣсовъ», прочитанный 23-го января 1866 года (отчетъ объ этомъ засѣданіи И. М. О. С. Х. напечатанъ въ «Современной лѣтописи» за 1866 годъ, № 7, стр. 5—7). 17-го января того же года ему было объявлено Высочайшее благоволеніе за заслуги, оказанныя отечественному сельскому хозяйству, а 24-го февраля онъ избранъ былъ членомъ-корреспондентомъ Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ. Въ концѣ того же года ему присуждена была серебряная медаль И. М. О. С. Х. за заслуги по первой выводкѣ въ Россіи японскаго дубоваго шелкопряда (Bombyx Jamamai) въ с. Моховомъ, Тульской губерніи. 7-го декабря 1870 года за труды по сельскому хозяйству Ш. по Высочайшему повелѣнію пожалованъ былъ изъ губернскихъ секретарей въ статскіе совѣтники. Въ 1872 году въ Москвѣ устроена была политехническая выставка, и организація ея сельскохозяйственнаго отдѣла была поручена Шатилову, который получилъ за труды по ней Высочайшее благоволеніе и почетный адресъ за содѣйствіе дѣлу лѣсоразведенія. 15-го марта 1876 года имъ былъ прочитанъ докладъ въ И. М. О. С. Х. по лѣсоводству: «О мѣрахъ къ лѣсохраненію», въ которомъ онъ доказывалъ, что правительственная опека не можетъ быть настолько дѣйствительною, чтобы вполнѣ остановить лѣсоистребленіе. Продолжая и далѣе трудиться надъ вопросами лѣсного хозяйства, онъ 31-го октября слѣдующаго года за послѣдніе труды по разведенію лѣсныхъ плантацій въ с. Моховомъ, получилъ отъ И. В. Э. О. золотую медаль имени Ф. Х. Майера. Въ слѣдующемъ году, по случаю избранія его на пятое трехлѣтіе президентомъ И. М. О. С. Х., послѣднее постановило помѣстить его портретъ въ залѣ засѣданій Общества, а въ 1881 г. онъ былъ пожалованъ чиномъ д. с. совѣтника. Въ 1885 г. Ш. напечаталъ брошюру «Лѣсоразведеніе въ с. Моховомъ, Тульской губерніи, Новосильскаго уѣзда», и 8-го ноября того же года ему была присуждена золотая медаль отъ Московскаго Отдѣленія Лѣсного Общества. Въ слѣдующемъ году онъ получилъ высшую премію отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ за лѣсоразведеніе—золотую медаль и 500 полуимперіаловъ. Въ апрѣлѣ 1888 года ему пожалованъ былъ орденъ св. Станислава 1-й степени, а 6-го ноября слѣдующаго года присуждена именная большая золотая медаль. Тогда же онъ былъ избранъ на девятое трехлѣтіе президентомъ И. М. О. С. Х. Помимо вышеупомянутыхъ наградъ, І. Н. Шатиловымъ было получено еще въ разное время за свои труды по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства три похвальныхъ отзыва, 4 бронзовыхъ медали, 6 серебряныхъ медалей, 2 парижскія перваго класса и 5 золотыхъ. За тридцать лѣтъ его литературной дѣятельности имъ было напечатано 5 статей по зоологіи, изъ которыхъ двѣ на нѣмецкомъ языкѣ, 32 рѣчи и 50 брошюръ-статей и докладовъ по сельскому хозяй-

ству. Еще незадолго до своей смерти, 20-го октября 1889 года, онъ сдѣлалъ докладъ въ И. М. О. С. Х. «Мнѣніе о предполагаемыхъ къ учрежденію крестьянскихъ семейныхъ участкахъ въ связи съ вопросомъ о заповѣдномъ дворянскомъ землевладѣніи». 7-го января 1890 года предполагалось торжественно праздновать 35-ти-лѣтній юбилей его дѣятельности на пользу М. О. С. Х.; но онъ не дожилъ нѣсколькихъ дней до этого торжества, скончавшись скоропостижно 26-го декабря 1889 года, сидя за составленіемъ своей юбилейной рѣчи. И. М. О. С. Х., учредило стипендію его имени, для постояннаго содержанія одного воспитанника въ Московской земледѣльческой школѣ. Тѣло Ш. перевезено въ с. Моховое, гдѣ и погребено.

«Русскія Вѣдомости» за 1889 г., №№ 357 и 360, некрологъ; «Московскія Вѣдомости» за 1889 г., №№ 358, 359 и 360, некрологъ и ст. о погребеніи и панихидахъ; «Сынъ Отечества» за 1889 г., № 350, некрологъ; «Историческій Вѣстникъ» за 1890 г., т. XXIX, февраль, стр. 491, некрологъ; «Русскій календарь» на 1891 г., стр. 288, некрологъ; «Лѣсной Журналъ» за 1890 г. вып. 3, ст. В. Собичевскаго, стр. 258—266, некрологъ; «Вѣстникъ Русскаго Сельскаго Хозяйства» за 1890 г., № 4, стр. 319—331, ст. А. П. Перепелкина, некрологъ; «Народная Школа» за 1874 г., кн. 8, приложеніе, краткій біографическій очеркъ съ портретомъ; «Современная Лѣтопись» за 1866 г., № 7, стр. 5—7; Періодическія изданія И. М. О. С. Х. за 1860—1890 гг.; Автобіографическая записка. Подробный перечень печатныхъ трудовъ І. Н. Шатилова см. въ «Историч. Зап. о 30-лѣтней дѣятельности Имп. Москов. Общ. сельск. хоз. и его президента І. Н. Шатилова», Москва, 1890. Также въ XX т. «Трудовъ» Общества. А. П. Богдановъ: «Матеріалы для исторіи научной и прикладной дѣятельности въ Россіи по зоологіи и соприкасающимся къ ней областямъ знаній за 35 л. съ 1850 — 1887; «Недѣля», 1890, № 1; «Спб-ія Вѣд.», 1889, № 356; «Моск. Листокъ», 1889, № 360; «Нов. Вр., 1889, № 4971; «Новости», 1840, № 2.

Е. В. Ястребцовъ.

Шатиловъ, *Павелъ Николаевичъ*, командиръ 15-го армейскаго корпуса, генералъ-отъ-инфантеріи. Родился въ 1822 г. и происходилъ изъ дворянъ Тамбовской губерніи. По окончаніи воспитанія въ 1-мъ Кадетскомъ Корпусѣ, въ 1840 г. былъ произведенъ въ прапорщики и назначенъ въ л.-гв. Волынскій полкъ. Въ 1843 г. былъ переведенъ на службу на Кавказъ, въ Эриванскій полкъ. Вмѣстѣ съ этимъ полкомъ Ш. принималъ участіе въ цѣломъ рядѣ военныхъ экспедицій противъ горцевъ и за оказанныя имъ боевыя отличія былъ награжденъ нѣсколькими чинами до подполковника включительно. Въ 1845 г. Ш. былъ раненъ пулей въ голову. Въ 1853 г. онъ былъ назначенъ командиромъ Кавказскаго сводпаго учебнаго баталіона, а въ 1856 г. произведенъ въ полковники. Въ слѣдующемъ году Ш. былъ назначенъ командиромъ Бѣлостокскаго пѣхотнаго полка и вмѣстѣ съ полкомъ снова участвовалъ въ экспедиціяхъ противъ горцевъ, при чемъ въ 1858 г. былъ награжденъ золотою саблей съ надписью «за храбрость». Въ 1859 г. Ш. былъ назначенъ Эриванскимъ комендантомъ, а въ 1861 г.—исправляющимъ должность командующаго войсками въ Абхазіи и инспекторомъ линейныхъ баталіоновъ Кутаисскаго генералъ-губернаторства. Въ томъ же году, за отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ, Ш. произведенъ въ генералъ-маіоры, въ слѣдующемъ году награжденъ орденомъ св. Станислава 1-й ст. съ мечами, а въ 1864 г.—орденомъ св. Владиміра 2-й ст. съ мечами. Въ маѣ 1865 г. Ш. былъ назначенъ командующимъ 40-й пѣхотной дивизіей, а въ 1869 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты, съ утвержденіемъ въ должности начальника дивизіи. Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій противъ Турціи въ 1877 году, Ш., съ отрядомъ войскъ, участвовалъ въ рекогносцировкѣ Аладжинской позиціи, въ почномъ кавалерійскомъ боѣ у сел. Буланахъ, въ сраженіи подъ горой Кизылъ-Тапа, въ трехдневномъ сраженіи на Аладжинскихъ высотахъ и у горы Большія и Малыя Ягны, въ дѣлахъ у горы Инахъ-Тапеси, у с. Суботаны и Хаджи-Вали, въ обходномъ движеніи въ тылъ Аладжинской позиціи и въ пораженіи турецкой арміи на Аладжинскихъ высотахъ, во вторичномъ обложеніи крѣпости Карса и во взятіи ея. При этомъ за оказанныя отличія Ш. награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й ст., а взятый его войсками турецкій фортъ названъ «фортомъ Шатилова». Затѣмъ Ш. принималъ дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ саганлугскаго отряда и въ блокадѣ крѣпости Эрзерума. Въ 1879 г. онъ былъ назначенъ командиромъ 15-го армейскаго корпуса и въ этомъ званіи былъ награжденъ орденомъ св. Александра Нев-

I, II, 1882, VIII, 1884, XV, XVI, XVII, 1886, XXV, 1891, XLVI; «XVIII вѣкъ», т. III; «Русское Обозрѣніе» 1894 г., № 2; «Вѣстникъ Европы» 1872 г. III, 32, 54, 57; «Русская Старина» 1872 г. III, V, 1875 г. XII ч.; «Журналъ Министерства Юстиціи». 1859 г. № 1; «Русскій Архивъ», 1868, 1869, 1903, т.т. II, III; «Сѣверный Архивъ» 1823 г. ч. V, №№ 2 и 3; «Журн. Мин. Народн. Просв.» 1843 г. ч. XXXVI, 1844 г. ч. XLI; Герье; «Сборникъ писемъ и матеріаловъ Лейбница, относящихся къ Россіи и Петру Великому»; «Журналъ или дневная записка похода государя Петра I съ войскомъ и флотомъ противу турокъ и шведовъ»; «Сборникъ Русск. Историч. Общества» т.т. V, VI, XI, XX, XXV, XXXIV, XXXIX, XL, XLIX, L, LII, LV, LVI, LVII, LVIII, LXI, LXIII, LXIX, LXXIV, LXXVI, LXXIX, LXXXI, LXXXIV, XCIV. Словарь К. Крайя, XII 219—220; Энциклопедич. слов. Ефрона, т. 77, стр. 217—218; Энциклопедія воен. и морск. наукъ, VIII, 329.

Е. Лихачъ.

Шафонскій, *Аѳанасій Филимоновичъ*, врачъ; сынъ малороссійскаго сотника Черниговскаго полка, родился въ городѣ Сосницѣ. Отецъ его, желая дать сыну образованіе за границей, послалъ его въ 1756 г. въ Галле учиться медицинѣ. Оттуда онъ переѣхалъ въ Лейденъ, а затѣмъ былъ отправленъ въ Страсбургъ, для усовершенствованія въ медицинскихъ наукахъ. Здѣсь онъ защитилъ диссертацію «De gravidarum, parturientium et puerperarum convulsionibus», за которую въ 1763 г. получилъ дипломъ и степень доктора медицины. Вернувшись вслѣдъ за тѣмъ въ Россію, онъ, послѣ экзамена въ медицинской коллегіи въ С.-Петербургѣ, получилъ право практики въ Россіи и въ томъ же 1763 г. занялъ вновь учрежденное правительствомъ мѣсто врача иностранныхъ колонистовъ въ Астраханской губ. Въ 1769 г. онъ состоялъ короткое время главнымъ полевымъ докторомъ въ арміи и въ томъ же году былъ перемѣщенъ старшимъ докторомъ въ Московскій генеральный госпиталь, гдѣ его застала чума 1770 г. Ш. первый распозналъ ее и долженъ былъ бороться не съ одной эпидеміей, но и съ невѣжественнымъ отношеніемъ къ ней многихъ московскихъ врачей. По окончаніи эпидеміи онъ издалъ описаніе ея подъ заглавіемъ: «Описаніе моровой язвы, бывшей въ столичномъ городѣ Москвѣ съ 1770—1772 гг., съ приложеніемъ всѣхъ для прекращенія оной тогда установленныхъ учрежденій». Сочиненіе это было посвящено Императрицѣ Екатеринѣ II; оно было переведено на иностранные языки и навсегда останется свидѣтельствомъ основательныхъ знаній и заслугъ Ш. Кромѣ того, онъ много заботился о благоустройствѣ госпиталя, и его нововведенія, облегчившія внутреннюю госпитальную службу, упрочили память о немъ въ Москвѣ на долгое время. Въ 1776 г. онъ былъ назначенъ штадтъ-физикомъ въ Москвѣ же и управляющимъ медицинскою конторой. Это была послѣдняя его медицинская служба, и въ 1781 г. онъ состоитъ уже совѣтникомъ Уголовнаго Суда въ Черниговскомъ намѣстничествѣ. Въ 1798 г. Ш. былъ въ чинѣ д. ст. сов. и проживалъ въ своемъ имѣніи, въ деревнѣ Яклпчахъ (или Гаповка) Сосницкаго повѣта, Черниговской губ., гдѣ и умеръ.

А. Никитинъ: «Краткій обзоръ состоянія медицины въ Россіи въ царствованіи Екатерины II»; «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Россіи» Соч. Митрополита Евгенія; «Исторія медицины въ Россіи» Рихтера; «Опытъ историческаго словаря о Россійскихъ писателяхъ» Ник. Новиковъ; «Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи» Чистовичъ; «Русскіе врачи писатели» Змѣева. Чтенія въ общ. Нестора лѣтописца, 1900, кн. XIV, вып. 2, отд. III, стр. 71—83.

Л. Дагаевъ.

Шафрановъ, *Семенъ Николаевичъ*, педагогъ-писатель, сынъ священника; род. въ 1820 г. въ г. Ряжскѣ, Рязанской губерніи, умеръ 8-го апрѣля 1888 г. въ селѣ Никольскомъ (Мизинцѣ) той же губерніи. Окончивъ въ 1841 г. курсъ по 1-му отдѣленію философскаго факультета Московскаго университета со степенью кандидата, Ш. въ 1842 г. опредѣленъ былъ на службу исправляющимъ должность старшаго учителя русскаго языка и словесности въ Рижской гимназіи и въ томъ же году утвержденъ въ этой должности. Въ 1851 г. ему была объявлена благодарность попечителя Дерптскаго учебнаго округа за ревностное распространеніе рускаго языка. Въ 1852 г., по выдержаніи испытанія и представленіи разсужденія: «О видахъ русскихъ глаголовъ въ синтаксическомъ отношеніи» (Москва, 1852 г.), Ш. былъ утвержденъ Московскимъ университетомъ въ степени магистра русской словесности. Въ 1862 г. опредѣленъ инспекторомъ въ 5-ую С.-Петербургскую гимназію. Должность эта была 18-го февраля 1863 г. упразднена одно-

временно съ отдѣленіемъ управленія С.-Петербургской 5-ой гимназіей отъ управленія училищъ С.-Петербургской губерніи, и Шафрановъ былъ назначенъ директоромъ училищъ С.-Петербургской губерніи. Оставаясь въ этой должности, Шафрановъ въ 1863 году былъ назначенъ членомъ С.-Петербургскаго статистическаго комитета. Въ 1865 г. состоялось его причисленіе къ Министерству Государственныхъ Имуществъ, и вслѣдъ затѣмъ онъ былъ назначенъ управляющимъ Прибалтійской палатой государственныхъ имуществъ. Въ 1867 г. онъ покинулъ это мѣсто, получивъ назначеніе на должность управляющаго Саратовской конторой иностранныхъ поселенцевъ. Въ 1868 г. онъ былъ произведенъ въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а въ 1869 г. перемѣщенъ на должность директора училищъ Костромской губерніи. Въ 1870 г. назначенъ директоромъ 6-й Московской гимназіи, въ 1873 г.—директоромъ коллегіи Павла Галагана въ Кіевѣ и въ 1876 г.—директоромъ Полтавской гимназіи, въ каковой должности и оставался до выхода въ отставку въ 1884 г. Затѣмъ онъ поселился въ своемъ родномъ селѣ Никольскомъ, посвятивъ себя всецѣло народной сельской школѣ.

Большая часть жизни Шафранова была посвящена педагогической дѣятельности. Въ педагоги онъ попалъ случайно. По окончаніи университета, не находя себѣ подходящей дѣятельности, онъ собирался уже на войну, на Кавказъ. Въ это время неожиданно получилъ онъ черезъ Грановскаго предложеніе занять мѣсто старшаго учителя словесности въ Рижской гимназіи. Шафрановъ согласился, но черезъ два мѣсяца получилъ извѣстіе, что министръ назначилъ туда другого. Между тѣмъ Одесскій попечитель предложилъ ему каѳедру политической экономіи въ Одесскомъ лицеѣ. Дѣло было уже слажено, когда состоялся приказъ о его назначеніи въ Ригу. Оказалось, что назначенный министромъ кандидатъ умеръ по дорогѣ и начальство дало ходъ старому прошенію Шафранова. Положеніе его въ Рижской нѣмецкой гимназіи оказалось не изъ легкихъ: недружелюбное и даже враждебное отношеніе учениковъ, полное отсутствіе подходящихъ учебниковъ создавали громадныя трудности въ дѣлѣ преподаванія русской словесности нѣмецкому юношеству. Несмотря на свою неподготовленность, Шафрановъ въ теченіе 20 лѣтъ справлялся со своей задачей, и изъ него выработался недюжинный педагогъ. Своей двадцатилѣтней педагогической дѣятельностью онъ настолько съумѣлъ завоевать симпатіи воспитанниковъ нѣмецкой гимназіи, что они почтили его, при уходѣ, факельнымъ шествіемъ и поднесли на память серебряную вазу. Прекрасно характеризуетъ его одинъ изъ его воспитанниковъ по 6-ой Московской гимназіи, (Old Gentleman, «Новое Время» 1895 г., № 7057. Фельетонъ: «Москва»): «Директоръ С. Н. Шафрановъ былъ гуманнѣйшій и почтеннѣйшій человѣкъ «съ душою прямо геттингенской». Ш. смотрѣлъ на гимназію, какъ на свою семью. Сплотить учениковъ въ дружное товарищество—«всѣ за одного, одинъ за всѣхъ»—было его идеаломъ. Той разобщенности, которая бываетъ всюду между высшими и низшими классами, при немъ не существовало». Для сплоченія учениковъ Шафрановъ придумывалъ всевозможныя средства, въ томъ числѣ и образовательныя прогулки за городъ. Онъ обращалъ вниманіе и на эстетическое развитіе учащихся. Хоръ 6-ой гимназіи при Шафрановѣ славился по Москвѣ, былъ многолюденъ и великолѣпно обученъ. Н. Г. Рубинштейнъ пріѣзжалъ его слушать и очень хвалилъ. Шафрановъ, самъ обладавшій хорошимъ голосомъ и рѣдкою музыкальностью, лично занимался съ хоромъ. Практиковавшіяся Шафрановымъ образовательныя экскурсіи были вскорѣ запрещены, но впослѣдствіи повсемѣстно возстановлены. «Возстановлена и примѣняется теперь,—разсказываетъ тотъ же его ученикъ,—и еще одна шафрановская затѣя. Шафрановъ не пропускалъ ни одного юбилея, сколько-нибудь важнаго для исторіи русскаго просвѣщенія, ни одной годовщины смерти или рожденія великаго русскаго дѣятеля или литератора безъ того, чтобы не дать намъ хоть краткаго понятія, кто былъ этотъ человѣкъ, что онъ сдѣлалъ, почему надо помнить и почитать его. Такъ поминали мы Ломоносова, Державина, Петра Великаго, Екатерину II, Новикова, Карамзина, Пушкина, Жуковскаго, дѣдушку Крылова. Кто-нибудь изъ преподавателей

произносилъ подходящую къ случаю рѣчь, съ очеркомъ жизни покойнаго, законоучитель служилъ панихиду и тоже произносилъ коротенькое слово, затѣмъ учениками читались вслухъ отрывки изъ сочиненій поминаемаго писателя». Такія «затѣи» сами за себя говорятъ.

Кромѣ педагогической дѣятельности Шафранова, слѣдуетъ отмѣтить его труды въ дѣлѣ насажденія и укрѣпленія русскаго элемента въ Прибалтійскомъ краѣ. Шафрановъ съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности попалъ въ несимпатичную ему иноплеменную среду. По его собственнымъ словамъ, онъ 20 лѣтъ спалъ и видѣлъ, какъ бы бѣжать изъ Риги. Тѣмъ не менѣе, онъ не могъ оставаться пассивнымъ зрителемъ существовавшаго положенія и энергично взялся за дѣло объединенія и сплоченія разрозненнаго русскаго населенія Риги. Онъ энергично двигалъ вопросъ объ учрежденіи въ Ригѣ русскихъ гимназій, что и осуществилось впослѣдствіи, уже по его отъѣздѣ. Послѣ почти двадцатилѣтнихъ усилій ему удалось, по случаю празднованія тысячелѣтія Россіи, собрать русскихъ рижанъ на всесословную «вечернюю бесѣду», на которой онъ горячей рѣчью сумѣлъ разбудить дремавшее національное чувство слушателей. На этой бесѣдѣ были посѣяны первыя сѣмена культурнаго объединенія русскихъ рижанъ, расцвѣтшія потомъ въ рядъ общественныхъ организацій (Общества «Баянъ», «Ладо», «Улей» и др.). Надъ осуществленіемъ этихъ обществъ Шафрановъ не мало потрудился: писалъ воззванія, уставы, всячески хлопоталъ, и въ концѣ концовъ ему удалось побѣдить общественное равнодушіе.

Шафрановымъ напечатаны слѣдующіе труды: 1) «О видахъ русскихъ глаголовъ въ синтаксическомъ отношеніи». Москва, 1852 г. (Разсужденіе на степень магистра русской словесности); 2) «Руководство къ обученію». Соч. д-ра Шварца, передѣланное д-мъ Куртманомъ. Пер. съ нѣм. Спб. 1858 г.; 3) «Краткій очеркъ исторіи Русской словесности». Ревель, 1860 г. (совмѣстно съ Н. Николичемъ); 4) «О значеніи и употребленіи общихъ и видовыхъ временъ русскаго спряженія, сравнительно съ нѣмецкимъ». Рига, 1861 г. 5) «Тысячелѣтіе Россіи, какъ оно праздновано русскими рижанами». Составлено притомнымъ человѣкомъ. Рига, 1863 г.; 6) «Историческая записка о мѣрахъ правительства къ распространенію знанія русскаго языка въ Остзейскихъ гимназіяхъ». Спб. 1863 г. Напечатана по распоряженію Министерства Народнаго Просвѣщенія въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ. 7) «Нѣмецкая христоматія для Остзейскихъ гимназій». 2-е изд. Ревель, 1864 г.; 8) «Начальное обученіе въ городскихъ училищахъ», 1-е изд. Спб. 1864 г.; 2-е изд. Спб. 1867 г.; 9) «Русская христоматія для употребленія въ училищахъ Прибалтійскихъ губерній. 2 часть, 2-е изд. Ревель, 1865 г. (совмѣстно съ Н. Николичемъ); 10) «Къ рѣчи о преподаваніи русскаго языка въ гимназіяхъ». По поводу ревизіи классовъ русскаго языка и словесности въ Спб. гимназіяхъ I, II и VII-й. Спб. 1865 г.; 11) «Русскій синтаксисъ, изложенный сравнительно съ нѣмецкимъ». Рига, 1866 г.; 12) «Латинско-русская азбука». Рига, 1866 г. Составлена для православныхъ латышскихъ школъ въ видахъ сближенія латышской грамотности съ русскою; 13) «Русская женщина, по русскимъ народнымъ пѣснямъ и по другимъ памятникамъ народной словесности». Три публичныя лекціи, произнесенныя въ Ригѣ въ пользу основанія русской Ломоносовской женской гимназіи. «Саратовскій Листокъ» 1868 г.; 14) «Изслѣдованіе о видовыхъ формахъ въ русскомъ и греческомъ глаголѣ по Анабазису Ксенофонта». Изъ соискательнаго сочиненія на премію Боткина. «Журн. Мин. Нар. Просв.», декабрь 1874 г., май и іюнь 1875 г.; 15) «О складѣ народно-русской пѣсенной рѣчи, разсматриваемой въ связи съ напѣвами». Спб. 1879 г. Оттискъ изъ «Журн. Мин. Нар. Просв.», октябрь и ноябрь 1878 г., апрѣль и сентябрь 1879 г. Сочиненіе удостоено Уваровской преміи; 16) «Три рѣчи (актовыя) о воспитаніи въ русскихъ гимназіяхъ». Полтава, 1880 г.; 17) «О гимназической дисциплинѣ». Рѣчь на актѣ Полтавской гимназіи, 1881 г. Циркуляръ Кіевскаго Учебнаго Округа, 1883 г. № 1; 18) «Таблица предложеній простыхъ, слитныхъ и сложныхъ съ примѣрами». Изд. 2. Полтава, 1881 г.; 19) «Таблица русскихъ склоненій правильныхъ и неправильныхъ». Изд. 2. Полтава, 1882 г.; 20) «О степени

образовательности латыни, въ видахъ практическаго ея употребленія». Рѣчь на актѣ Полтавской гимназіи. Полтава, 1882 г.; 21) «Краткая цифирно-нотная азбука». Съ присовокупленіемъ круга молитвенныхъ и торжественныхъ учебныхъ пѣснопѣній. Спб. 1884 г.; 22) «Русскія народныя пословицы и пѣсни». Къ курсу русскаго языка и словесности VI-го класса гимназій. Полтава 1884 г. Кромѣ того имъ была представлена около 1884 года Министру Народнаго Просвѣщенія рукопись: «О степени образовательности латыни при нынѣшнемъ и при другомъ, болѣе русскомъ направленіи ея преподаванія. ч. 1, 2, 3 и 4-я».

Дѣло Архива Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 167895. Отчетъ Московскаго Университета за 1852 г., стр. 7; «Исторія Московскаго университета» стр. 574. «Тысячелѣтіе Россіи, какъ оно праздновано русскими рижанами». Составлено притомнымъ человѣкомъ. Рига, 1863 г. «Современная Лѣтопись» 1867 г.. № 35. «Русская Старина» 1887 г. т. 55, стр. 689; Д. Д. Языковъ. «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей». Вып. VIII. «Новое Время» 1895 г. №№ 7057 и 7065. К. А. Ивановъ. «Пятидесятилѣтіе Спб. пятой гимназіи». Спб. 1895 г. стр. 90; «Нов. Время» 1895 г., № 1057.

Н. Мичатекъ.

Шахматовъ, *Александръ Алексѣевичъ*, сенаторъ, т. с., родился въ 1827 г., умеръ 22-го января 1871 г. въ Одессѣ. По окончаніи курса наукъ въ Импер. Училищѣ Правовѣдѣнія въ 1847 г., назначенъ во 2-е Отдѣленіе Департамента Правительствующаго Сената, опредѣленъ затѣмъ въ 1-е Отдѣленіе 5-го Департамента, оттуда во 2-е Отдѣленіе того же Департамента и оставался тамъ на службѣ до 1855 г., когда, согласно прошенію, причисленъ былъ къ Департаменту Министерства Юстиціи. Въ 1856 г. Ш. былъ зачисленъ въ дружину № 258 саратовскаго ополченія, съ переименованіемъ въ штабсъ-капитаны, и командовалъ ротою; 24-го сентября того же года, по случаю расформированія ополченія, былъ уволенъ отъ военной службы съ прежнимъ чиномъ коллежскаго ассессора и причисленъ сверхштатнымъ чиновникомъ къ канцеляріи Саратовскаго губернатора. Въ 1857 году Ш. былъ назначенъ исправляющимъ должность Смоленскаго губернскаго прокурора, а въ 1858 г. Высочайше утвержденъ Директоромъ Смоленскаго губернскаго попечительнаго о тюрьмахъ комитета и въ 1859 г. Директоромъ Смоленскаго дѣтскаго пріюта. Назначенный въ 1860 г. пензенскимъ губернскимъ прокуроромъ, онъ 31-го января 1862 г. переведенъ губернскимъ же прокуроромъ въ Воронежъ. Въ 1865 г. Ш. назначенъ харьковскимъ губернскимъ прокуроромъ, 13-го апрѣля 1866 г. опредѣленъ товарищемъ прокурора вновь открытой Московской судебной Палаты, 17-го апрѣля слѣдующаго года назначенъ прокуроромъ Харьковской судебной Палаты; 3-го октября 1868 г. Шахматовъ пожалованъ былъ въ званіе сенатора, съ производствомъ въ тайные совѣтники и съ назначеніемъ старшимъ предсѣдателемъ Одесской судебной Палаты.

Домашн. арх. П. П. Баранова, принадл. П. Н. Семенову (формул. спис.; Выс. ук. Сен.).

Шаховская, княжна *Екатерина Александровна*, двоюродная племянница драматурга кн. Ал. Ал. Шаховскаго. Писательница первой половины XIX вѣка, помѣщавшая свои произведенія преимущественно въ періодическихъ изданіяхъ. Годъ рожденія неизвѣстенъ. Скончалась въ 1848 г. Ея произведенія: отрывокъ изъ повѣсти «Людмила» («Молва», 1832 г., № 32), названный издателемъ *первымъ* опытомъ дарованія юной сочинительницы. Къ М. Н. З. (агоскину)—«Молва» (1832 г., № 45); «Сновидѣніе. Фантасмагорія». М., 1832 г., 12°, посвященная: «Моей отчизнѣ».

Толль. «Словарь», т. 3 ст. 1029. Коллекція П. И. Бецкаго № 53, въ Румянцевскомъ музеѣ—письмо Шаховской къ Н. А. Полевому. «Молва», 1833 г. № 117; «Московск. Телеграфъ», 1833 г., № 16, ст. 578—рецензіи на «Сновидѣніе».

Карсавинъ.

Шаховская, княгиня *Софья Алексѣевна*, статсъ-дама. Отецъ ея графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ (род. 16-го марта 1744 года, дѣйствительный тайный совѣтникъ) былъ женатъ на княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Волконской (род. 6-го октября 1754 г., † 17-го ноября 1829 года). Отъ этого брака родилось 3 сына и 5 дочерей. Софья Алексѣевна была 4-ой, родилась въ 1792 г. Вышла замужъ за князя Ивана Леонтьевича Шаховского (см. далѣе). Въ 1854 году была пожалована въ статсъ-дамы. Точный годъ смерти неизвѣстенъ; нужно полагать, однако, что умерла она въ

1878 году, такъ какъ послѣдній разъ числится въ придворномъ адресъ-календарѣ подъ этимъ годомъ. Въ 1879 году уже не упоминается.

«Исторія родовъ россійскаго дворянства», составленная П. Н. Петровымъ. Спб. 1885 г.; стр. 77, 294; т. I; «Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора въ XVIII и XIX столѣтіяхъ», біографическія списки П. Ѳ. Карабанова, «Русская Старина» 1870 г., т. III, стр. 460. Придворные адресъ-календари за 1872 г., стр. 248, 83; за 1873 г. стр. 238, 539; за 1874 г. стр. 239; за 1875 г. стр. 213, 458; за 1876, стр. 235, 488; за 1877 г. стр. 247, 493; за 1876 г., стр. 246, 494. Межовъ. «Русская историческая библіографія» за 1865 — 1876 г.г. включительно. т. II стр. 80; т. VIII стр. 315.

М. В. Заболотская.

Шаховскіе—русскій княжескій родъ. Князья Шаховскіе ведутъ свою родословную отъ *Смоленскихъ* князей—мономаховичей. Сынъ святого князя *Ѳедора Ростиславича Смоленскаго*, князь *Давидъ Ѳедоровичъ* († 1321) получилъ въ удѣлъ Ярославль, а его правнукъ, князь *Константинъ Глѣбовичъ Ярославскій*, бывшій въ концѣ XV вѣка воеводой въ Нижнемъ - Новгородѣ, получилъ прозвище *Шахъ*. Отъ его сыновей, князей *Андрея и Юрія Константиновичей*, и пошелъ родъ Шаховскихъ, существующій и до сихъ поръ. Не имѣя большого значенія въ XV вѣкѣ и не пріобрѣтя его и въ XVI, Шаховскіе мало пострадали отъ опричнины Грознаго и не принадлежали къ аристократическому кружку, захватившему власть въ свои руки въ началѣ XVII вѣка въ правленіе Василія Шуйскаго. Наоборотъ, въ лицѣ своего наиболѣе виднаго представителя въ эту эпоху, князя *Григорія Петровича* Шаховского, они выступили противъ этой аристократической партіи и не мало содѣйствовали ея паденію. Впрочемъ, и при первыхъ государяхъ изъ дома Романовыхъ Шаховскіе не поднимались очень высоко и только нѣкоторые изъ нихъ достигали думныхъ чиновъ. Въ XVIII вѣкѣ князья Шаховскіе выдвинулись и въ это время начали занимать очень видные посты на государственной службѣ. Князь *Алексѣй Ивановичъ* былъ сенаторомъ, генералъ-аншефомъ и правителемъ Малороссіи при Аннѣ Іоанновнѣ; князь *Яковъ Петровичъ*, извѣстный авторъ «Записокъ», былъ генералъ-прокуроромъ. Въ XIX вѣкѣ Шаховскіе дали также не мало выдающихся личностей. Въ этомъ столѣтіи особенно замѣчательны: князь *Алексѣй Ивановичъ*, герой Кавказской войны, князь *Александръ Александровичъ*, драматургъ, и князь Иванъ Леонтьевичъ, членъ государственнаго совѣта, генералъ-отъ-инфантеріи, извѣстный боевой генералъ царствованія императора Александра I и Николая I.

«Древняя Россійская Вивліоѳика» Н. Новикова, т. III, стр. 193—300; Архивъ Министерства Юстиціи: Ярославскій столъ кн. 27, д. 13, м. 86; Ржевскій столъ кн. 16, д. 41; Романовскій столъ кн. 3, д. 24; Долгорукій, «Родословная книга», т. II, стр. 107 и слѣд.; Спиридовъ, «Записки о старинныхъ службахъ русскихъ благородныхъ родовъ», т. II, стр. 270 и слѣд.; *Е. Лихачъ.*

Шаховской, князь *Александръ Александровичъ* — сынъ князя Александра Ивановича Шаховского (бывшаго камергеромъ короля польскаго Станислава Августа) и Анастасіи Ѳедоровны (рожд. Пассекъ), писатель-драматургъ. Родился 24-го апрѣля 1777 года въ имѣніи своего отца, сельцѣ Беззаботахъ (Ельницкаго уѣзда, Смоленской губ.), гдѣ и провелъ свои дѣтскіе годы. Восьмилѣтнимъ мальчикомъ Шаховской былъ привезенъ въ Москву и отданъ въ Благородный Пансіонъ, гдѣ — по однимъ даннымъ—«не обучился ничему порядочно», по другимъ—«не вынесъ ничего», кромѣ посредственнаго знанія французскаго языка. По окончаніи курса въ Пансіонѣ, отправился въ Петербургъ на службу въ Преображенскій полкъ, куда—по обычаю того времени — еще десятилѣтнимъ мальчикомъ былъ записанъ сержантомъ. Въ 1802 году Шаховской оставилъ военную службу въ чинѣ штабсъ-капитана. Недостатокъ средствъ и связей, а также и далеко не изящная наружность доставили немало непріятныхъ минутъ молодому князю, любившему являться въ большомъ свѣтѣ и вести разсѣянную и шумную жизнь въ кругу свѣтской молодежи; но, съ другой стороны, тѣ же обстоятельства заставили Шаховского обратить особенное вниманіе на свои способности, выгодно выдѣлявшія его изъ толпы сверстниковъ и создававшія ему нѣкоторый успѣхъ. Мы говоримъ о его поэтическомъ дарованіи, которое онъ, по его собственнымъ словамъ, унаслѣдовалъ отъ матери, заронившей въ его душу «искру творческаго огня» и лелѣявшей мечту видѣть въ

своемъ сынѣ поэта. Одобрительный отзывъ писателя Эмина о плодахъ еще юношеской музы Шаховского и успѣхъ его мадригаловъ, альбомныхъ и т. п. стиховъ доставили рано молодому поэту нѣкоторую извѣстность. Любовь къ развлеченіямъ не исключала въ немъ стремленія къ самообразованію. Онъ не зарывалъ своего таланта въ землю, но въ то же время не позволялъ себѣ, въ погонѣ за легко пріобрѣтаемой славой, спуститься до уровня салоннаго сочинителя мадригаловъ. Онъ скоро почувствовалъ, въ чемъ его истинное дарованье; послѣднему способствовали и самыя обстоятельства. По словамъ Ф. Ф. Вигеля, къ театру еще съ малолѣтства стремились всѣ помышленія Шаховского; пребываніе въ Москвѣ могло лишь усилить эти стремленія, а въ Петербургѣ они получили реальное осуществленіе: близкое знакомство съ семьей балетмейстера Вальберха, съ сыновьями писателя Княжнина и черезъ нихъ съ артистомъ Дмитревскимъ и др. скоро открыли Ш-у доступъ въ закулисный міръ и окончательно склонили его на путь драматическаго писателя по преимуществу. Еще въ 1795 году зрители Эрмитажнаго театра вызывали Шаховского, какъ автора веселой комедіи: «Женская шутка», а затѣмъ и самъ императоръ Павелъ удостоилъ молодого драматурга своимъ вниманіемъ. Названная пьеса, введя Шаховского въ еще большій кругъ выдающихся театральныхъ дѣятелей, доставила ему знакомство и съ директоромъ театровъ А. Л. Нарышкинымъ, который и предложилъ князю занять мѣсто члена репертуарной части. Разставшись съ военной службой, онъ, вскорѣ по полученіи новой должности, отправился въ командировку за границу для ангажемента французской труппы; за успѣшное выполненіе этого порученія, давшаго ему прекрасный случай изучить постановку театральнаго дѣла за границей, Шаховской былъ пожалованъ званіемъ камеръ-юнкера. Съ возвращеніемъ изъ командировки начинается періодъ самой кипучей и плодотворной дѣятельности Шаховского на пользу русскаго театра, которому онъ служилъ различными способами, и благодаря своему необычайному трудолюбію, энергіи и пониманію дѣла сталъ главнымъ представителемъ «русской Таліи» въ теченіе первой четверти XIX вѣка; дѣятельность его была увѣнчана Россійской Академіей, избравшей его въ свои члены; «Бесѣда любителей русскаго слова» также открыла ему дружелюбно свои двери. Онъ писалъ пьесы самаго разнообразнаго содержанія и характера; писалъ теоретическія статьи о театральномъ искусствѣ; входилъ въ полемику по поводу тѣхъ или другихъ пьесъ; бралъ на себя обязанности режиссера; выступалъ въ качествѣ преподавателя драматическаго искусства, организатора труппы актеровъ; онъ выписывалъ и проводилъ на сцену молодые таланты и т. д. Разнообразная и притомъ страстная дѣятельность этой энергичной, горячо любившей свое дѣло, но самолюбивой (порой, до мелочности) и раздражительной натуры привлекала къ себѣ общее вниманіе, но въ то же время создавала Ш. не мало завистниковъ и враговъ. Справедливо сказано въ одномъ воспоминаніи, что «едва ли у кого изъ нашихъ писателей было столько враговъ, какъ у князя Шаховского». Дѣйствительно, въ литературѣ и литературной средѣ его постоянно преслѣдовалъ рой эпиграммъ и ядовитыхъ насмѣшекъ, злыхъ отзывовъ о его пьесахъ, контръ-интригъ и т. п.; въ обществѣ ходили о немъ всевозможныя сплетни и росказни, въ которыхъ затрагивалась и частная жизнь писателя. Вернувшись изъ заграничной командировки, Ш. выступилъ передъ публикой пяти-актной комедіей «Коварный». Но она не имѣла успѣха; за то представленная вскорѣ комедія его «Новый Стернъ» доставила автору шумный успѣхъ, но вызвала и шумное негодованіе со стороны послѣдователей сентиментализма, которыхъ Шаховской жестоко осмѣялъ въ своей комедіи. Карамзинисты увидѣли въ «Новомъ Стернѣ» небывалое по жестокости осмѣяніе предмета ихъ почитанія; люди, не сочувствовавшіе карамзинскимъ нововведеніямъ, нашли въ Ш. смѣлаго собрата, и литературная распря между двумя противоположными направленіями приняла еще болѣе острый характеръ. Окрестивъ князя «Шутовскимъ», карамзинисты осыпали его градомъ насмѣшекъ и эпиграммъ, на которыя онъ до поры до времени воздерживался отвѣчать, но впо-

слѣдствіи (1811 г.) отомстилъ своимъ неумѣреннымъ противникамъ «герои-комической» поэмой «Расхищенныя шубы». Вслѣдъ за «Новымъ Стерномъ» быстро стали появляться на сценѣ и въ печати одно за другимъ новыя произведенія Шаховского. Въ періодъ съ 1804 по 1812 годъ онъ успѣлъ поставить длинный рядъ комедій, трагедій, драмъ переводныхъ и оригинальныхъ, прологовъ, оперъ и, наконецъ, оперу-водевиль «Казакъ-стихотворецъ». Послѣдняя пьеса была поставлена подъ нависшими тучами тревожнаго 1812 года. Лишь только грянулъ громъ Отечественной войны и «музы должны были сокрыться», Шаховской оставилъ литературную и театральную дѣятельность и, движимый патріотическимъ чувствомъ, сталъ въ ряды бойцовъ за отечество. Онъ принялъ начальство надъ однимъ изъ полковъ тверского ополченія, поступившаго вскорѣ подъ команду Винцингероде; послѣ захвата Винцингероде въ плѣнъ, Шаховской вмѣстѣ съ прочими начальниками двинулся къ Москвѣ и первый со своимъ отрядомъ вошелъ въ Кремль, едва французы оставили столицу. Въ Москвѣ, вплоть до пріѣзда гр. Ростопчина, Шаховской занимался приведеніемъ полуразрушенной столицы въ возможный порядокъ. Дальнѣйшая его военная служба, продолжавшаяся нѣсколько мѣсяцевъ, не ознаменована ничѣмъ примѣчательнымъ. Въ концѣ 1813 года Шаховской вернулся въ Петербургъ, снова отдался своему излюбленному театральному дѣлу, и уже въ слѣдующемъ году была играна новая его опера-водевиль: «Крестьяне или встрѣча незваныхъ», имѣвшая шумный успѣхъ: передъ зрителями проходили ярко освѣщенныя сцены партизанскихъ схватокъ изъ только что оконченной войны, которыя, конечно, не могли не произвести сильнаго впечатлѣнія на современниковъ. Въ томъ же году была поставлена его опера-водевиль «Ломоносовъ», которая, равно какъ и нѣкоторыя другія пьесы Шаховского, прошла съ меньшимъ успѣхомъ. Но въ 1815 г. постановка комедіи Шаховского «Урокъ кокеткамъ или Липецкія воды» ознаменовалась въ нашей литературѣ еще бо́льшимъ оживленіемъ, чѣмъ то, какое было вызвано появленіемъ «Новаго Стерна». Эта новая комедія, направленная противъ романтизма, въ частности противъ Жуковскаго, на долго взволновала наши литературныя партіи. Друзья Шаховского превозносили его какъ остроумнѣйшаго драматурга; его противники (коихъ у князя было больше, чѣмъ друзей), какъ только могли, издѣвались надъ «брюхастымъ стиходѣемъ». Противъ Шаховского были почти всѣ передовые наши литераторы, особенно кружокъ писателей, составлявшихъ «Арзамасъ», косвеннымъ виновникомъ образованія коего былъ до нѣкоторой степени самъ Шаховской (внѣшнимъ поводомъ къ образованію Арзамасскаго общества послужило «Видѣніе въ какой-то оградѣ» Д. Н. Блудова, написанное имъ въ отвѣтъ на «Липецкія воды»). «На россійскомъ Парнасѣ началась страшная война», въ которой однимъ изъ самыхъ ярыхъ бойцовъ противъ Ш. и застрѣльщикомъ былъ Д. В. Дашковъ, напечатавшій въ «Сынѣ Отечества» (1815 г., ч. 25, № 42) злое «Письмо къ новѣйшему Аристофану», гдѣ выставилъ Шаховского человѣкомъ въ высшей степени недоброжелательнымъ къ молодымъ талантамъ, интриганомъ, завистникомъ и т. д. Въ «Письмѣ» этомъ, несмотря на крайнюю рѣзкость, было, впрочемъ, не мало и правды. Вся послѣдующая дѣятельность Шаховского, какъ драматурга, текла уже болѣе ровнымъ и весьма обильнымъ потокомъ, не вызывавшимъ уже болѣе никакихъ изъ ряда вонъ выдающихся толковъ и споровъ въ нашей литературѣ. Особенно плодовитой была писательская дѣятельность Шаховского послѣ выхода его въ отставку, въ 1819 г., вслѣдствіе раздора съ бывшимъ тогда директоромъ театровъ Тюфякинымъ. Впрочемъ, въ отставкѣ онъ пробылъ недолго: въ 1824 году онъ вновь былъ приглашенъ на службу въ театральную дирекцію; между прочимъ Шаховской на этотъ разъ принималъ самое близкое участіе въ разработкѣ новыхъ штатовъ Императорскихъ театровъ, результатомъ которой были «Постановленія и правила внутренняго управленія Императорскою театральною дирекціею», въ теченіе болѣе полувѣка сохранявшія свою силу. Въ 1826 году были произведены перемѣны въ составѣ театральной дирекціи, и Шаховской Высочайшимъ указомъ былъ въ числѣ прочихъ уволенъ отъ службы.

Съ этого момента закончилось навсегда оффиціальное служеніе князя на пользу русскаго театра, но вообще театральная дѣятельность Шаховского прекратилась лишь со смертью его, послѣдовавшей 22-го января 1846 года. Въ теченіе двухъ десятилѣтій Шаховской не порывалъ связей съ театромъ, попрежнему писалъ и ставилъ свои драматическія произведенія, дѣлился съ читателями періодическихъ изданій своими воспоминаніями о прошломъ и мыслями о современномъ ему положеніи театральнаго дѣла и вообще близко стоялъ къ судьбамъ русскаго театра. Дѣятельность его не разъ въ продолженіе этихъ 20 лѣтъ мѣняла свое мѣсто: онъ жилъ то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ, то опять въ Москвѣ и, наконецъ, въ Харьковѣ, гдѣ, какъ говорятъ, онъ положилъ немало труда «къ образованію Харьковскаго театра». О послѣднихъ годахъ жизни Шаховского мы имѣемъ мало свѣдѣній. Силы его угасали, замѣтно угасали и творчество, и прежняя энергія, и интересъ къ дѣлу. Шаховской все чаще и чаще оставляетъ столицы и уѣзжаетъ для отдыха въ Харьковскую губернію, гдѣ у него было небольшое, доставшееся (послѣ многолѣтняго судебнаго процесса) по наслѣдству, имѣніе Рогань. Умеръ Шаховской 68 лѣтъ въ Москвѣ, похороненъ тамъ же на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря. Само собою разумѣется, что въ многолѣтней дѣятельности такого страстнаго и плодовитаго писателя не могло не быть ошибокъ, промаховъ, увлеченій и заблужденій, которые въ свое время подвергались частымъ нападкамъ и преслѣдованіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣятельность эта не могла протекать на такомъ длинномъ протяженіи времени въ одномъ опредѣленномъ руслѣ: она искала порою новыхъ путей, мѣняла не разъ свое направленіе и размѣры, что, конечно, находилось въ зависимости какъ отъ склада характера и убѣжденій Шаховского, такъ и отъ обстоятельствъ той эпохи и состоянія нашего театральнаго дѣла. Шаховской не былъ человѣкомъ глубокаго ума, но онъ былъ и выше посредственности и отнюдь не держался рутины въ близкомъ его сердцу дѣлѣ. Онъ началъ литературное поприще строгимъ классикомъ, переводчикомъ и подражателемъ французскихъ писателей, теоретическіе взгляды его на драму проводились, отстаивались и примѣнялись на практикѣ (въ оцѣнкѣ драматическихъ произведеній) редакціей «Драматическаго Вѣстника», основаннаго по мысли Шаховского и редактированнаго, при близкомъ его участіи, Д. И. Языковымъ. Но скоро Шаховской мало-по-малу началъ дѣлать уступки новымъ вѣяніямъ (напр., введеніе вольныхъ стиховъ вмѣсто александрійскихъ) и даже перешелъ на сторону драмы романтической, заимствуя сюжеты изъ источниковъ романтическихъ, обращаясь къ Шекспиру, В. Скотту, Пушкину. Но, испробовавъ свои силы въ томъ и другомъ направленіи, Шаховской, однако, не удовлетворялся подражаніемъ чужимъ образцамъ и готовымъ шаблонамъ. Онъ мечталъ о созданіи «своего собственнаго (т.-е. національнаго) театра на обширномъ и прочномъ фундаментѣ»; онъ боролся съ тѣми или другими господствовавшими теченіями въ нашей драматической литературѣ, которыя казались ему выходящими изъ чужеземныхъ, вредныхъ для насъ источниковъ, и въ этой борьбѣ хотѣлъ пробиться на истинный путь; онъ обращался въ своихъ опытахъ къ историческимъ и бытовымъ сюжетамъ, къ преданіямъ старины и произведеніямъ народнаго творчества. И трудами своими, какъ бы слабы они ни казались съ современной точки зрѣнія, Шаховской не мало сдѣлалъ для своихъ благихъ цѣлей: «шумный рой» его комедій сближалъ зрителей и читателей съ дѣйствительностью и, какъ бы то ни было, развивалъ въ обществѣ интересъ къ театру и театральные вкусы; его труды, въ качествѣ оффиціальнаго и частнаго преподавателя драматическаго искусства и руководителя, дали намъ рядъ первоклассныхъ артистовъ; наконецъ, не малую пользу принесъ Шаховской какъ режиссеръ Императорскихъ театровъ и организаторъ «молодыхъ труппъ». Словомъ, дѣятельность Шаховского — весьма замѣтная страница въ исторіи русскаго театра, которую нельзя пройти безъ вниманія. Правда, изумительная плодовитость Шаховского не произвела пьесъ, которыя могли бы надолго пережить ихъ автора; виной тому многія обстоятельства, изъ

которыхъ главное—спѣшность работъ его, объясняемая нѣкоторыми условіями тогдашняго театра; Шаховскому прямо-таки некогда было вдумываться въ свои сюжеты, что, при невыдающейся глубинѣ его комическаго таланта, не могло служить залогомъ долговѣчности его пьесъ. Ихъ временный шумный успѣхъ объясняется отличнымъ знаніемъ Шаховскимъ сцены, умѣньемъ прикрывать внутреннюю слабость своихъ пьесъ блестящей обстановкой, его версификаторскою ловкостью и умѣньемъ влагать въ уста дѣйствующихъ лицъ плавную, живую рѣчь. Скорому забвенію пьесъ Шаховского способствовала и манера его выводить на сцену живыхъ лицъ: со смертью послѣднихъ или съ ослабленіемъ интереса къ нимъ современниковъ, забывалась и самая пьеса. Театральная дѣятельность князя, въ узкомъ значеніи этого слова, также имѣла не мало слабыхъ сторонъ: Шаховскому не были чужды пристрастіе, партійность, увлеченія и, кромѣ того, онъ нерѣдко разставлялъ за кулисами сѣти интригъ, въ которыя, впрочемъ, и самъ часто попадался. Вотъ причина, почему этотъ добродушный и въ сущности добрый и несомнѣнно полезный для русскаго театра человѣкъ не избѣгалъ порою тяжкихъ обвиненій, преслѣдованій, насмѣшекъ и даже издѣвательствъ.

Біографія Шаховского еще не вполнѣ разработана, а дѣятельность его ждетъ еще безпристрастной и должной оцѣнки. Полнаго собранія сочиненій кн. Шаховского, или хотя бы его драматическихъ произведеній, не имѣется; да и вообще полностью были напечатаны лишь очень немногія его пьесы. Изъ послѣднихъ отмѣтимъ: «Новый Стернъ», ком. въ 1 д. (1807 г.); «Казакъ-стихотворецъ, анекдотическая опера-водевиль» въ 1 д. (1815 г.); «Урокъ кокеткамъ или Липецкія воды», комед. въ 5 д. (1815 г.); «Ломоносовъ или рекрутъ-стихотворецъ», опера-водевиль въ 3 д. (1816 г.); «Своя семья или замужняя невѣста», ком. въ 3 д. (1818 г.: между прочимъ, въ сочиненіи этой пьесы принимали участіе Грибоѣдовъ и Хмѣльницкій); «Пустодомы», комедія въ 5 д. (1820 г.); «Аристофанъ или всадники», ком. въ 3 д. (1828 г.); «Двумужница или за чѣмъ пойдешь, то и найдешь», романтич. драма (1836); «Чурова долина, или сонъ на яву», волшебн. оп. въ 3 д. (1844 г.). Изъ неизданныхъ пьесъ отмѣтимъ: «Полубарскія затѣи», ком. въ 5 д.; «Рославлевъ», др.; «Иванъ Сусанинъ», оп.; «Ѳ. Г. Волковъ», др.; «Юрій Милославскій», др.; «Соколъ кн. Ярослава», др.; «Керимъ-Гирей», романт. траг.; «Езопъ и Ксанфа», вод.; «Чванство Транжирина», вод. Кромѣ оригинальныхъ, Шаховскому принадлежитъ не мало пьесъ и переводныхъ, какъ напр.: «Иванчой», др.; «Финнъ», др.; «Фальстафъ», ком.; «Тетушка», комед.; «Любовь-лѣкарь», ком. и мн. др. Отрывки и въ особенности «куплеты» изъ многихъ оригинальныхъ и переводныхъ пьесъ кн. Шаховского можно встрѣтить въ многочисленныхъ современныхъ автору періодическихъ изданіяхъ, газетахъ, журналахъ и, главнымъ образомъ, въ альманахахъ («Памятн. Отеч. музъ» 1827 и 1828 гг., «Сѣв. Цвѣты» 1832 г., «Карман. кн. любит. русск. старины и словесн.» 1828 г., «Радуга» 1830 г., «Рус. Талія» 1825 г.; «Драм. Альбомъ» 1826 г., «Драм. Альманахъ» 1828 г., «Мнемозина» 1824—1825 гг., «Полярн. Звѣзда» 1824 г.; «Театральн. Альманахъ» 1830 г., «Невск. Альманахъ» 1829—1840 гг., «Рус. Бесѣда» 1841 — 1842 гг., «Молодикъ» 1843—1844 гг., «Альб. сѣв. музъ» 1828 г. и др. Помимо пьесъ, кн. Шаховской написалъ не мало стиховъ, какъ, напр., басенъ, сатиръ (наиболѣе извѣстн. — «Расхищенныя шубы», ком.-поэма) и, наконецъ, повѣстей (напр., «Маруся—малороссійская Сафо», напеч. въ «Сто русскихъ литераторовъ», т. I, и отрывокъ изъ романа «Жизнь Александра Пронскаго», напеч. въ «Москвитянинѣ» 1846 г., № 4). Впрочемъ, наибольшей извѣстностью кн. Шаховской пользовался какъ драматургъ и знатокъ театра, оставившій послѣ себя нѣсколько статей и по исторіи излюбленнаго имъ искусства; изъ послѣднихъ назовемъ: «Лѣтопись русск. театра» («Репертуаръ рус. театра» на 1840 г., т. I и II), «Обзоръ русской драмат. словесности» («Репертуаръ и Пантеонъ» 1842 г.), а также «Театральн. воспоминанія» (ibid.). Изъ прочихъ сочиненій кн. Шаховского слѣдуетъ упомянуть его воспоминанія о со-

бытіяхъ 1812 г. («Воен. Сборникъ» 1864 г., кн. 5; нѣсколько замѣтокъ о томъ же см. въ его книжкѣ: «Москва и Парижъ въ 1814 г.», М. 1830 г.) и, наконецъ, его любопытныя письма изъ Италіи («Сынъ Отеч.» 1816 г., ч. 34; 1817 г. ч., 35 и 36). Всѣ свои рукописи и авторскія права кн. А. А. Шаховской завѣщалъ П. М. Бакуниной.

Очерки жизни и дѣятельности кн. А. А. Шаховского, составленные В. И. Саитовымъ (сочин. К. Н. Батюшкова, Спб. 1886 г., т. III, см. также т. I и II); А. А. Ярцевымъ («Ежегодникъ Императорск. театровъ» 1894—1895 г., прилож., кн. 2 и отд.); Е. Гаршинымъ («Историч. Вѣстн.» 1886 г., № 6); Р. М. Зотовымъ («Репертуаръ и Пантеонъ» 1846 г., кн. IV). Некрологи: «Отчетъ Импер. Ак. Наукъ за перв. десятилѣтіе», Спб. 1852 г.; «Журн. Мин. Нар. Просв.», ч. LIII; «Москвитянинъ» 1846 г., II; «Иллюстрація» 1886 г., № 6; «Моск. Вѣдом.» 1846 г., № 11. Письма кн. А. А. Шаховского: «Сынъ Отеч.» 1816 г., ч. 34; 1817 г., ч. 35 и 36 (изъ Италіи); 1820 г., ч. 60 (о ком. Какаду); «Труды Общ. Люб. рос. слов.» 1822 г., ч. II; «Моск. Вѣстн.» 1828 г., ч. XI; «Галатея» 1829 г., № 11; «Раутъ» ч. III; «Маякъ» 1840 г., ч. VI; 1842 г., кн. 6; «Чт. въ Общ. Ист. и Др. Рос.» 1865 г., кн. 2; «Рус. Арх.» 1864 г., 1873 г., № 4; «Отч. Имп. Публ. Библ.» за 1857 и 1887 гг. Воспоминанія и записки: самого кн. А. А. Шаховского («Воен. Сборн.» 1864 г., кн. 5; «Рус. Арх.» 1886 г., № 11 и «Рус. Стар.» 1889 г., № 10 (о 1812 г.); «Репертуаръ и Пантеонъ» 1842 г., № 5 («Театр. воспоминанія»); Жихарева (М. 1890 г. и «Отеч. Зап.» 1854 г., № 10),—Вигеля (М. 1892—1893),—Зотова (Спб. 1850 г.), П. Смирнова («Реперт. и Пантеонъ» 1847 г., т. I), Булгарина (Спб. 1846 г.), Греча (Спб. 1886 г.), II. Арапова («Сѣв. Пч.» 1857 г., № 225), гр. С. Уварова («Современ. 1851 г., № 6), П. Каратыгина (Спб. 1880 г.), И. Панаева, Головачевой - Панаевой (Спб. 1890 г), Соллогуба (Спб. 1887 г.), М. А. Дмитріева, А. Кононова («Библіогр. Зап.» 1859 г.), Т. Пассекъ (Спб. 1879 г.), Никитенки (Спб. 1893 г.). Сочиненія: Державина, Пушкина, Батюшкова, Жуковскаго, С. Т. Аксакова, кн. Вяземскаго, Грибоѣдова, Бѣлинскаго. П. Араповъ, «Лѣтопись русск. театра», Спб. 1861 г.; А. Вольфъ. «Хроника Петерб. театровъ», Спб. 1877 г.; Словари: Старчевскаго, Арсеньева, Брокгауза и др.; С. Шевыревъ, «Исторія Импер. Моск. Универс.», М. 1855 г.; Н. Сушковъ, «Московск. Университетск. Благородный Пансіонъ», М. 1858 г.; «Исторія л.-гв. Преображенск. полка», Спб. 1883 г.; М. И. Сухомлиновъ, «Исторія Рос. Академіи», Спб. 1874—1887 гг. Общіе курсы и сочиненія по исторіи литературы Греча, Кенига, Галахова, Пыпина, Энгельгардта и мн. др. Библіограф. статьи въ «Современ.» 1856 г., № 5—8, 11; 1857 г., № 3—5, 7 и 11; «Рос. Библіографія» 1881 г., № 98. Изъ журналовъ, наиболѣе часто дававшихъ отзывы о сочиненіяхъ Шаховского, отмѣтимъ: «Журн. рос. словесности» (1805 г.), «Цвѣтникъ» (1809—1810), «Сынъ Отечества», «Сѣв. Пчела», «Отеч. Зап.», «Благонамѣренный», «Библіот. для Чт.», «Сѣв. Наблюд.», «Вѣстн. Евр.», «Моск. Телегр.», «Моск. Вѣстн.», «Дамск. Журн.», «Пантеонъ и Репертуаръ», «Репертуаръ», а также «Рос. Музеумъ», «Славянинъ», «Лит. Приб. къ Рус. Инв». «Галатея» и мн. др.

И. А. Кубасовъ.

Шаховской, князь *Алексѣй Александровичъ*, писатель — переводчикъ; сынъ секундъ-маіора Конной гвардіи, князя Александра Алексѣевича Ш. и княжны Марьи Петровны Черкасской; родился 14-го іюня 1753 года. Въ службу вступилъ въ Конную гвардію въ 1771 г.; перевелся въ армію полковникомъ въ 1782 г. Извѣстенъ слѣдующій его переводъ съ французскаго: «Лондонскій фабрикантъ», драма въ пяти дѣйствіяхъ; сочиненіе де-Фалбера, Москва, 1779 г. Скончался Шаховской 19-го января 1783 года, въ Петербургѣ и погребенъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро - Невской Лавры.

Полный списокъ шефовъ, полковыхъ командировъ и офицеровъ л.-гв. коннаго полка съ 1731 по 1886 годъ, Спб. 1886 г., стр. 80.—«Русская Старина» 1878 года, май, стр. 39—40.—В. Саитовъ, Петербургскій Некрополь, М. 1883, стр. 148.—«Кн. Долгоруковъ», Россійская родословная книга, ч. I, Спб. 1854 г., стр. 174.—Смирдинъ, Роспись Россійскимъ книгамъ, № 7526; —Сопиковъ, «Опытъ Россійской библіографіи», № 3387.

В. Гарскій.

Шаховской, князь *Алексѣй Ивановичъ*, генералъ-аншефъ, сенаторъ, правитель Малороссіи. Родился около 1690 года. Службу началъ въ 1707 году, а въ 1719 году былъ уже гвардіи капитанъ-поручикомъ. Въ томъ же году онъ, вмѣстѣ съ маіоромъ Лихаревымъ, былъ командированъ въ Сибирь для производства слѣдствія надъ сибирскимъ губернаторомъ Гагаринымъ и полковникомъ Бухгольцемъ. За успѣшное выполненіе этого порученія кн. А. И. въ началѣ слѣдующаго года былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты. Быстро двигаясь по службѣ, онъ спустя семь лѣтъ былъ уже генералъ-маіоромъ, 12-го мая 1727 года пожалованъ въ маіоры лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, а спустя двѣ недѣли награжденъ еще имѣніями въ разныхъ мѣстностяхъ. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ успѣлъ навлечь на себя неудовольствіе, и 11-го сентября того же года послѣдовалъ Высочайшій указъ «о немедленномъ отъѣздѣ генералъ-маіора кн. Шаховского

въ армію и о небытіи ему маіоромъ Семеновскаго полка и у кавалергардіи». Однако въ слѣдующемъ году, 3-го мая, ему поручено было важное дѣло—охраненіе границъ отъ калмыковъ и башкиръ. Семь мѣсяцевъ спустя, кн. А. И. былъ назначенъ состоять при малороссійскомъ гетманѣ Даніилѣ Апостолѣ, и съ этого времени начинается служба его въ Малороссіи, которая, помимо завѣдыванія гарнизонными полками, расположенными близъ Малороссіи, состояла еще въ негласномъ наблюденіи за гетманомъ Апостоломъ. 6-го марта 1730 года кн. Шаховской былъ назначенъ къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ и въ декабрѣ того же года снова командированъ въ Малороссію для производства секретнаго слѣдствія о поступкахъ гетмана Апостола по доносу полковника Василія Танскаго. Только въ срединѣ слѣдующаго года онъ возвратился съ этого слѣдствія въ Москву, а 4-го декабря того же года былъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты, спустя же шесть дней — и подполковникомъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка. Въ 1732 году онъ былъ назначенъ членомъ коммиссіи по вопросу объ изъятіи изъ обращенія пятикопеечниковъ. Въ томъ же году ему пожаловано было 1.023 души крестьянъ въ разныхъ губерніяхъ и домъ въ Петербургѣ, на Адмиралтейскомъ островѣ. Въ концѣ того же года, по Высочайшему указу, онъ производилъ слѣдствіе о злоупотребленіяхъ въ Слободскихъ полкахъ, въ началѣ же слѣдующаго года былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и вскорѣ послѣ того получилъ въ командованіе корпусъ, расположенный въ Польшѣ. По смерти малороссійскаго гетмана Даніила Апостола, Высочайшимъ указомъ 26 го января 1734 года кн. А. И. Шаховскому было повелѣно ѣхать немедленно въ Малороссію и принять на себя завѣдываніе всѣми дѣлами. Вскорѣ затѣмъ состоялось учрежденіе канцеляріи малороссійскихъ дѣлъ, находившейся подъ вѣдѣніемъ Сената. Членомъ этой канцеляріи былъ назначенъ кн. Ш., а въ декабрѣ того же года, въ виду его просьбы, онъ былъ уволенъ отъ управленія гарнизонными полками, расположенными близъ Малороссіи. Спустя два года, 5-го февраля 1736 года, кн. А. И. Ш. былъ произведенъ въ генералъ-аншефы, съ оставленіемъ во всѣхъ занимаемыхъ имъ должностяхъ. Изъ его мѣропріятій въ Малороссіи особеннаго вниманія заслуживаетъ его стараніе о сближеніи малороссіянъ съ великороссіянами и объ отчужденіи первыхъ отъ смольнянъ и поляковъ. Князь А. И. Шаховской скончался 26-го апрѣля 1737 года, не имѣя еще полныхъ пятидесяти лѣтъ.

«Сенатскій Архивъ», т. IV, Спб., 1891 г., стр. 2, 479 и 603. П. Барановъ. «Опись Высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ, хранящимся въ архивѣ Правительствующаго Сената», ч. I, Спб. 1872 г. №№ 152, 616, 783, ч. II, Спб. 1875 г. №№ 2.218, 2.271, 2.522, 2.958, 3.294, 3.331, 3.731, 3.853, 3.942, 4.012, 4.014, 4.068, 4 112, 4.185. 4.188, 4.191, 4.287, 4.309, 4.327, 4.355, 4.453—4.456, 4.458, 4.538, 4.578, 4.590, 4.647, 4.650, 4.657—4.658, 4.669, 4.714, 4.732, 4.791, 4.656, 4.721, 4.816, 4.824—4.825, 4.833, 4.835, 4.854, 4.856, 4.867, 4.900, 4.925, 4.930, 4.935, 4.969, 4.970, 4.973, 4.975, 4.983—4.986, 4.992—4.994, 5.000—5.002, 5.005, 5.008—5.010, 5.012—5.014, 5.051, 5.065—5.066, 5.068—5.071, 5.082, 5.114, 5.141, 5.151, 5.156—5.158, 5.162, 5.234, 5.242, 5.249, 5.256, 5.258, 5.300, 5.318, 5.320—5.322, 5.350, 5.363, 5.367, 5.378—5.380, 5.389, 5.390, 5.400, 5.407, 5.420—5.421, 5.449, 5.457—5.458, 5.468, 5.471, 5.479, 5.486, 5.493—5.494, 5.518, 5.522, 5.855 и 6.456.

Е. Ястребцевъ.

Шаховской, князь *Григорій Ивановичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, бѣлгородскій губернаторъ, вице-президентъ Государственной Ревизіонъ-Коллегіи, сынъ князя Ивана Перфильевича Шаховского и княгини Татьяны Өедоровны Юсуповой, рожденной княжны Коркодиной. Родился онъ въ 1706 году и въ службу вступилъ въ лейбъ-регламентъ, а при основаніи Коннаго полка перевелся туда въ чинѣ поручика. 14-го марта 1739 года Шаховской подалъ прошеніе объ отставкѣ по болѣзни, именнымъ указомъ былъ уволенъ отъ военной службы и отпущенъ домой на два года. 17-го сентября того же года пожалованъ въ коллежскіе совѣтники. 22-го сентября 1741 года билъ челомъ государынѣ Аннѣ Іоанновнѣ о награжденіи его рангомъ статскаго совѣтника, что и было исполнено. 30-го сентября 1741 г., вслѣдствіе недостатка членовъ въ Московской Камеръ-Коллегіи, Григорій Ивановичъ былъ опредѣленъ туда совѣтникомъ. 29-го марта 1753 года пожалованъ вице-президентомъ Реви-

зіонъ-Коллегіи. 18-го декабря 1757 г. былъ отправленъ посломъ въ Константинополь и 3-го февраля 1761 г. произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. По вступленіи на престолъ Екатерины II, Шаховской, занимавшій въ то время должность Бѣлгородскаго губернатора, оказался замѣшаннымъ въ дѣлѣ о взяткахъ по винокуренію въ Бѣлгородской губерніи, за что былъ лишенъ всѣхъ «чиновъ и довѣренности, соединенной съ оными», но «въ разсужденіи заслугъ, усердія и ревности къ службѣ дяди его Якова Шаховского» наказаніе это было замѣнено четырехлѣтней ссылкой въ его деревню. Кромѣ того, было приказано не опредѣлять его впредь ни къ какимъ дѣламъ, не ѣздить ко Двору и не въѣзжать въ Бѣлгородскую губернію. Онъ былъ женатъ на Маріи Илларіоновнѣ Кошкаровой.

Соловьевъ, «Исторія Россіи», VI, 287; Анненковъ, «Исторія л.-гв. Коннаго полка», ч. III, 13; кн. Долгорукій, «Русская родословная книга», I, С.-Пб. 1854, 172; «Сенатскій Архивъ», IV, 439, 440, 472; VII, 707; IX, 45; «Описи высочайшихъ указовъ и повелѣній за XVIII в.» Баранова, III, 10241, 11245, 11768. *И. Н. Артамонова.*

Шаховской, князь *Григорій Петровичъ*, московскій дворянинъ, видный дѣятель въ смутное время. Впервые онъ упоминается въ 1587 году, когда мы находимъ извѣстіе, что онъ былъ въ Польшѣ въ плѣну, куда, повидимому, попалъ еще при Іоаннѣ Грозномъ. По возвращеніи изъ Польши, онъ ревностно служилъ царю Ѳедору Іоанновичу и Борису Годунову. Въ 1596 году былъ воеводой въ Тулѣ, потомъ воеводой сторожевого полка въ Крапивнѣ. Въ 1597 году онъ былъ воеводой въ Новомонастырскомъ острогѣ, въ Черниговской области, въ 1598 году находился въ Москвѣ и былъ приставомъ у датскаго посла. Въ 1600 году князь Григорій Петровичъ былъ объѣзжимъ головой въ Москвѣ, въ 1601 году воеводой передового полка въ Новосилѣ, въ 1603 году первымъ воеводой въ Бѣлгородѣ и въ 1605 году находился на воеводствѣ въ Рыльскѣ, гдѣ при появленіи перваго Лжедимитрія, передался на его сторону. Намъ нѣсколько неясны мотивы, по которымъ онъ сдѣлалъ это, такъ какъ, не принадлежа по служебному положенію своего рода къ боярской партіи, онъ не могъ быть и политическимъ противникомъ Годунова и желать его гибели. Повидимому, переходъ его на сторону перваго Лжедимитрія обусловливался чисто личными разсчетами. Примкнувъ къ Лжедимитрію, онъ принялъ участіе въ борьбѣ его съ московскими войсками, вступилъ съ нимъ въ Москву и здѣсь дѣйствительно началъ играть при дворѣ новаго государя видную роль. Возвышенію его положила конецъ смерть Лжедимитрія. Царь Василій Шуйскій, разгромившій весь дворъ свергнутаго царя, не пощадилъ и Шаховского. Князь Григорій Петровичъ былъ сосланъ на воеводство въ Путивль, при чемъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, захватилъ съ собою и государственную печать, похищенную имъ изъ царскаго дворца въ моментъ гибели Лжедимитрія. Разумѣется, въ отдаленномъ Путивлѣ Шаховской не могъ быть доволенъ своимъ положеніемъ; онъ скоро нашелъ выходъ изъ него. Пользуясь распространившимися въ народѣ слухами, что царь Димитрій живъ и лишь скрывается отъ своихъ враговъ, онъ задумалъ создать новое правительство, при которомъ бы могъ играть самостоятельную видную роль. Для этого онъ началъ очень искусно пользоваться тѣмъ положеніемъ, въ которое поставилъ его царь Василій Шуйскій, сославъ въ Путивль, гдѣ находилъ себѣ опору первый самозванецъ и гдѣ еще сильны были воспоминанія о немъ и боялись возмездія отъ новаго правительства за помощь ему. Созвавъ жителей Путивля, онъ торжественно объявилъ имъ, что московскіе измѣнники - бояре умертвили вмѣсто Димитрія совершенно другое лицо; что законный царь живъ, скрывается и ждетъ помощи отъ своихъ подданныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Шаховской указалъ на опасность, которой подвергался Путивль и вся сѣверская область отъ правительства Шуйскаго, и сослался на судьбу Новгорода при Іоаннѣ Грозномъ, какъ на примѣръ возмездія, которое грозитъ и Путивлю. Путивль быстро возсталъ, за нимъ поднялась и вся сѣверская область; потомъ слухъ, что Димитрій живъ, распространился и по другимъ московскимъ областямъ, и скоро къ Шаховскому, выдававшему себя за царскаго уполномоченнаго, начало стекаться множество народа съ разныхъ сторонъ.

Во главѣ всего этого сборнаго ополченія естественно и очутился Шаховской, какъ инціаторъ всего дѣла. Но для народныхъ массъ было недостаточно увѣреній, что царь Димитрій живъ, было необходимо личное присутствіе царя, и Шаховскому надо было найти лицо, которое взяло бы на себя эту роль. Переписываясь съ Молчановымъ, бѣжавшимъ послѣ смерти Лжедимитрія въ Польшу и распустившимъ оттуда слухъ о спасеніи царя, Шаховской уговаривалъ его взять на себя эту роль; но Молчановъ не рѣшался на это и прислалъ взамѣнъ себя извѣстнаго Болотникова, который и былъ принятъ Шаховскимъ какъ посланникъ царя и получилъ командованіе надъ ополченіемъ. Болотниковъ обѣщаніемъ разныхъ льготъ и соціальнаго переворота успѣлъ привлечь къ себѣ множество черни, бѣглыхъ холоповъ и крестьянъ, разныхъ разбойниковъ, воровъ, недовольныхъ московскимъ режимомъ и нашедшихъ себѣ прибѣжище на Украйнѣ и въ «дикомъ полѣ». Возстаніе быстро разрослось, охватило заоцкіе города и рязанскую область, и Болотниковъ съ большимъ успѣхомъ разбилъ нѣсколькихъ воеводъ, взялъ множество царскихъ городовъ и, присоединяя къ себѣ по дорогѣ новые отряды, подступилъ къ Москвѣ, и нѣкоторое время держалъ въ осадѣ самого царя Василія. Подъ Москвой, впрочемъ, въ его войскѣ произошли несогласія. Рязанское ополченіе, состоявшее изъ мелкаго служилаго дворянства и вышедшее противъ правительства вслѣдствіе непріязни къ боярскому олигархическому правительству, совсѣмъ не было настроено въ духѣ соціальнаго переворота, который господствовалъ въ войскахъ Болотникова и, кажется, поддерживался и Шаховскимъ. Вслѣдствіе этого рязанцы скоро передались на сторону Шуйскаго, усилили его и позволили разбить ослабѣвшаго теперь Болотникова, который удалился сперва въ Калугу, а потомъ въ Тулу. Между тѣмъ Шаховской, остававшійся все это время въ Путивлѣ, составлявшемъ какъ бы главную квартиру движенія, уже отчаялся найти человѣка, согласнаго взять на себя имя покойнаго царевича. Личнаго присутствія царя, между тѣмъ, требовалъ народъ, который уже началъ разочаровываться въ увѣреніяхъ Шаховского, что царь живъ и скоро явится къ своему войску. Движеніе грозило прекратиться, и въ такой крайности Шаховской долженъ былъ измѣнить тактику. Въ это время на Дону появился новый самозванецъ, называвшій себя царевичемъ Петромъ, сыномъ царя Ѳедора Іоанновича, и собравшій вокругъ себя цѣлую шайку донскихъ казаковъ и всякой «голытьбы», пользовавшейся этимъ предлогомъ для грабежа московскихъ купцовъ. Шаховской призвалъ его къ себѣ, собралъ новые отряды и съ такимъ ополченіемъ, состоявшимъ изъ донскихъ казаковъ и сѣверскихъ дворянъ, пошелъ на помощь къ Болотникову, сильно тѣснимому московскими воеводами. Соединился онъ съ нимъ въ Тулѣ и здѣсь вмѣстѣ же съ нимъ былъ осажденъ московскими войсками, которыя послѣ продолжительной и упорной осады принудили осажденныхъ сдаться. Зачинщики движенія были наказаны, и Шаховской «всей крови заводчикъ», по выраженію лѣтописи, былъ сосланъ въ заточеніе на Кубенское озеро. Въ заточеніи ему, впрочемъ, пришлось пробыть не долго. Когда появился второй Лжедимитрій и въ Россію вошли польскія войска, онъ былъ освобожденъ однимъ изъ блуждавшихъ тогда по московскому государству польскихъ отрядовъ и немедленно же снова оказался однимъ изъ видныхъ дѣятелей движенія противъ Шуйскаго. Онъ явился къ самозванцу въ Тушино и получилъ отъ него званіе «слуги и боярина» и вмѣстѣ съ поляками началъ новую борьбу съ царскими воеводами. Но послѣ побѣдъ Скопина-Шуйскаго надъ мятежниками и смерти второго Лжедимитрія, когда выяснилось, что дѣло самозванцевъ погибло, Шаховской снова мѣняетъ тактику и на этотъ разъ переходитъ въ ополченія Ляпунова, которыя явились выручать Москву отъ поляковъ. Здѣсь мы и встрѣчаемъ его въ 1612 году, когда онъ старался разсорить земское ополченіе князя Пожарскаго и казацкіе отряды князя Трубецкого, но потерпѣлъ при этомъ неудачу. Дальнѣйшая судьба Г. П. Шаховского намъ неизвѣстна.

Спиридовъ, «Сокращенное описаніе службъ благородныхъ россійскихъ дворянъ», М. 1810, I, 236; Соловьевъ (изд. товарищ. «Общ. Польза»), II, 811, 812, 813, 822, 825, 886, 907, 908, 968,

1033; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга), XII, 15—19, 22, 24, 26, 27, 33, 35, 39, 40, 46, 73, 84, 93, 113, пр. 43, 46, 57, 82, 92, 95, 138, 161, 343, 361, 379, 472; «Русская Истор. Библіотека», I, 122—123, 155, 242, 517, 711—712; «Рукопись Филарета» М. 1837, 19, 20; «Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ II, 325, 384; «Акты историческіе», II, 150—151, 321, 365; «Акты Археографической Экспедиціи», II, 173, 238, 239; «Никон. лѣт.», VIII, 82 и сл. Буссовъ, 71, 78—80; Паерле (изд. Устрялова), 215, 221; «Лѣтопись о многихъ мятежахъ», 84, 105, 109, 123; Барсуковъ, «Родъ Шереметевыхъ», II, 195, 215—216; С. Ѳ. Платоновъ, «Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ Государствѣ», С.-Пб. 1899, 319, 320, 331, 340, 341, 343, 419, 557. «Энциклопедич. Словарь» Ефрона, т. 77. стр. 226. «Справочн. Энциклопед. Слов.» Крайя, XII, 222. *Е. Лихачъ.*

Шаховской, князь *Иванъ Леонтьевичъ*, членъ Государственнаго Совѣта, генералъ-отъ-инфантеріи, родился въ 1776 г. и еще въ дѣтствѣ, въ 1786 г., записанъ въ службу въ л.-гв. Измайловскій полкъ, затѣмъ былъ переведенъ въ л.-гв. Семеновскій и 18 лѣтъ отъ роду переведенъ капитаномъ въ Херсонскій гренадерскій полкъ. Въ 1794 г. участвовалъ въ польской войнѣ, находился въ дѣлахъ при Крутицахъ, Брестъ-Литовскѣ, мѣстечкѣ Кобылкѣ и при штурмѣ Праги, за каковой и награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени. Въ 1803 г. назначенъ командиромъ л.-гв. Егерскаго полка, а въ слѣдующемъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ 1809 г. назначенъ шефомъ 20-го Егерскаго полка. Въ Отечественную войну обратилъ на себя вниманіе въ дѣлахъ подъ Витебскомъ, подъ Краснымъ и въ Бородинскомъ бою, за что и былъ награжденъ орденами св. Анны 1-й степени и св. Владиміра 2-й ст. Въ кампаніи 1813 г. принималъ участіе въ сраженіяхъ: при Калишѣ, гдѣ за выдающееся мужество и распорядительность награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й ст., при Люценѣ, Бауценѣ, Пирнѣ, Кульмѣ и Лейпцигѣ; за отличіе въ этомъ послѣднемъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Во время похода 1814 года въ предѣлахъ Франціи, участвовалъ въ сраженіяхъ при Баръ-сюръ-Объ, Троа, Фершампенуазѣ и при взятіи Парижа, за что получилъ орденъ св. Александра Невскаго. Въ 1817 г. назначенъ начальникомъ 2-й гренадерской дивизіи, а въ 1823 г. получилъ въ командованіе гренадерскій корпусъ и на этомъ посту обратилъ особенное вниманіе на Новгородскія военныя поселенія и способствовалъ ихъ благоустройству. Въ 1826 г. былъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи. Въ 1831 году со своимъ корпусомъ принялъ дѣятельное участіе въ подавленіи польскаго мятежа; участвовалъ въ сраженіяхъ при Бѣлоленкѣ, Гроховѣ, Остроленкѣ и при штурмѣ Варшавы и вездѣ своимъ примѣромъ и беззавѣтной храбростью способствовалъ успѣху нашего оружія; за эту кампанію получилъ орденъ св. Георгія 2-й степени, а за преслѣдованіе непріятеля до прусской границы —Владиміра 1-й степени. Въ октябрѣ того же года былъ назначенъ шефомъ Екатеринославскаго полка; въ 1836 г.— предсѣдателемъ генералъ-аудиторіата, въ 1839 г. — членомъ Государственнаго Совѣта. Въ 1843 г. награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго за долговременную, ревностную и полезную службу. Въ 1856 г. начальствовалъ ополченіемъ Петербургской губ. Умеръ въ 1860 году 20-го марта въ С.-Петербургѣ. «Подвигами общественной дѣятельности—говорить о кн. И. Л. авторъ біографической замѣтки въ «Мѣсяцесловѣ», онъ пріобрѣлъ себѣ право занять мѣсто на страницахъ исторіи славной для отечества эпохи, а подвигами любящей души своей снискалъ всеобщее уваженіе. Любовь связывала его съ молодымъ поколѣніемъ, которому онъ вполнѣ сочувствовалъ во всемъ, что есть въ немъ благороднаго и добраго, и съ любознательностью слѣдилъ до самыхъ послѣднихъ минутъ своей жизни за историческимъ ходомъ всего современнаго».

«Русскій Инвалидъ» 1860 г. № 66; «Мѣсяцесловъ» на 1861 г. стр. 118—119; «Лееръ, Энц. воен. и морск. наукъ» т. VIII. Спб. 1896 г. стр. 330; Ф. Смитъ, «Ист. польскаго возстанія и войны» 1830—1831 г.г.; перев. капит. Квитницкаго Спб. 1864 г. въ 3-хъ томахъ. «Словарь» Ларусса, XIV, 335. «Справочн. энц. слов. К. Крайя, XII, 222 - 223. *Н. Тычино.*

Шаховской, кн. *Иванъ Ѳеодоровичъ* большой. Въ 1606 г. написанъ въ Торопецкихъ десятняхъ, съ помѣстнымъ окладомъ въ 500 четей. Въ 1616—17 гг. воевода въ Царевосанчурскѣ. Въ 1618—19 гг. воевода въ Рыльскѣ. Въ 1620—22 гг. воевода въ Томскѣ; при немъ приступлено къ постройкѣ новыхъ укрѣпленій въ городѣ. Въ 1626 г. посланъ на Кропивну, а затѣмъ на Чернь. Въ 1627 г. дворянинъ московскій; въ началѣ этого года былъ у государева стола. Въ 1627—29 гг. младшій воевода

большого полка въ Тулѣ; 19-го ноября отпущенъ въ Москву, а 6-го декабря былъ у государева стола. Въ 1631 году въ судномъ Владимірскомъ приказѣ товарищъ боярина Ив. Петр. Шереметева. Въ 1632 г. посланъ въ Брянскъ, Карачевъ, Сѣвскъ, Рыльскъ и Путивль собирать запросныя и пятинныя деньги для жалованья ратнымъ людямъ. Въ 1633 г. по «крымскимъ вѣстямъ» былъ воеводой въ Москвѣ у Петровскихъ воротъ. Въ 1634 г. полковой воевода въ Ржевѣ, гдѣ указано было собраться ратнымъ людямъ по «литовскимъ вѣстямъ»; передъ отправленіемъ во Ржевъ кн. Ш. былъ въ Благовѣщеніе у царя Мих. Өеод. у руки. По возвращеніи въ Москву, встрѣчалъ пословъ шведской королевы Христины въ Москвѣ, за Бѣлымъ городомъ, за Тверскими воротами, и былъ у нихъ приставомъ; въ Успеньевъ день обѣдалъ съ царемъ у патріарха, а въ сентябрѣ и октябрѣ былъ нѣсколько разъ приставомъ у шведскаго посла, при пріемѣ его царемъ Мих. Өеод. Въ 1635—36 гг. воевода въ Костромѣ. Въ 1638 года воевода въ Саратовѣ. Въ 1640 г. воевода большого полка въ Тулѣ. Въ 1642—43 гг. во Владимірскомъ судномъ приказѣ вторично товарищемъ при бояринѣ Ив. Петр. Шереметевѣ. Въ 1644—47 гг. воевода въ Цывильскѣ. Помѣстный окладъ ему 850 четвертей, денегъ 60 рублевъ. У него были мѣстническіе счеты: съ Ив. Влад. Благимъ (Благово), съ кн. А. Ө. Литвиновымъ-Мосальскимъ, съ кн. Дм. Мих. Пожарскимъ.

Газенвинкель, «Матеріалы для справочно-біографич. словаря сибирскихъ дѣятелей», стр. 4 (на основаніи Др. Рос. Вивл., IX, с. 268—273.—Долгор., «Рос. род. кн.» I, 169, 179). Кромѣ того: Разрядн. кн. (см. указатель);—Дворцов.разр., т., I и II;—Р. И. Б., IX, 420, 445, 465, 529, 535, 566, 573; X, 453;—А. А. Э., III, 271, 344, 355, 356, 371.

Д. Корсаковъ.

Шаховской, князь *Иванъ Өеодоровичъ* меньшой, московскій дворянинъ, упоминается съ 1630 г., когда былъ записанъ новикомъ по гор. Суздалю, въ 1637 и 1638 годахъ былъ воеводой въ Костромѣ, въ 1643 г. былъ назначенъ вторымъ судьей въ Приказѣ Новой Чети, въ 1645 г. былъ посланъ переписывать крестьянъ и бобылей въ Нижній-Новгородъ, въ 1648 г. былъ назначенъ товарищемъ къ князю М. М. Темкину-Ростовскому въ Разбойный Приказъ, гдѣ сидѣлъ до 1654 года; въ 1662 и 1663 гг. былъ въ войскѣ, стоявшемъ противъ поляковъ въ Новгородѣ и Псковѣ. 16-го марта 1663 году былъ посланъ на Двину сыскивать бѣглыхъ солдатъ, стрѣльцовъ и ратныхъ служилыхъ людей, убѣгавшихъ отъ службы; въ 1668 году князь Ш. былъ на службѣ въ Сѣвскѣ, для защиты южныхъ границъ московскаго государства отъ крымскихъ татаръ. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о князѣ И. Ө. Шаховскомъ мы не имѣемъ, и годъ его смерти намъ неизвѣстенъ.

Спиридовъ, «Сокращенное описаніе службъ благородныхъ россійскихъ дворянъ» (М. 1810) I, 238; «Древняя Россійская Вивліоѳика (2 изд.), IX, 274; «Дополн. къ актамъ историческимъ IV, 126; «Акты Археологической Экспедиціи» III, 271, 344, 355, 356, 371, «Русская Историческая Библіотека» VIII, 952, 955, 963, 964; X 3, 453.

Е. Л.

Шаховской, князь *Миронъ Михайловичъ*, московскій дворянинъ и воевода; упоминается съ 1590 г., когда былъ головой для розсылки съ приказами изъ Москвы, въ 1594 году упоминается при пріемѣ императорскаго посланника, въ 1599 и 1600 годахъ былъ письменнымъ головой въ Тобольскѣ, откуда получилъ приказаніе отправиться въ Мангазею строить острогъ, собирать ясакъ и приводить къ присягѣ въ вѣрности московскому государю мѣстныхъ инородцевъ. Въ 1603 и 1604 гг. князь Ш. былъ посланъ въ Рязань противъ разбойническихъ шаекъ, грабившихъ жителей. Выполнивъ успѣшно это порученіе, онъ получилъ новое приказаніе набирать въ Рязани казаковъ на царскую службу. Затѣмъ мы его находимъ уже въ 1609 году въ Москвѣ осаднымъ воеводой противъ отрядовъ тушинцевъ, осаждавшихъ въ это время царя Василія Шуйскаго. Въ 1610 году Шаховской былъ посланъ на Двину собирать государевы денежные доходы, въ 1613 году участвовалъ въ соборѣ по поводу избранія на царство М. Ө. Романова и подписалъ соборное дѣяніе, составленное по этому поводу. Въ 1616 году князь Шаховской былъ воеводой въ Каргополѣ; въ 1618 году мы находимъ его на воеводствѣ во Псковѣ, откуда онъ былъ отозванъ въ Москву въ іюнѣ 1620 года. Въ 1621 году онъ получилъ приказаніе «писати и мѣрити всякихъ чиновъ людей бѣлые и черные мѣста». Въ 1623 году князь

М. М. Шаховской былъ воеводой въ Костромѣ и отсюда былъ отозванъ въ 1625 году. Въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ на воеводство въ Нижній-Новгородъ, гдѣ пробылъ до 1628 года. Послѣ этого извѣстій о немъ мы не имѣемъ. Умеръ въ 1632 году.

Спиридовъ, «Сокращенное описаніе службъ благородныхъ россійскихъ дворянъ», М. 1810, I, 237; «Древняя Россійская Вивліоѳика», 2 изд., IX, 269; «Акты Московскаго Государства», I, 41, 143; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга), XII, пр. 229; «Собраніе Государств. Грамотъ и Договоровъ», I, 640; III, 213; «Дополненіе къ актамъ историческимъ», IV, 179; «Книги разрядныя», I, 195, 522, 642, 716, 768, 924, 1033, 1140, 1218, 1331; II, 62. *Е. Лихачъ.*

Шаховской, князь *Михаилъ Ивановичъ*, сенаторъ, тайный совѣтникъ, сынъ князя Ивана Перфильевича Шаховскаго отъ второго брака его съ княгинею Татьяной Ѳедоровной Юсуповой, (братъ князя Григорія Ивановича, см. выше) род. въ 1707 г., ум., находясь на службѣ, въ январѣ 1762 г. Въ 1720 г. опредѣленъ на службу лейбъ-гвардіи въ Семеновскій полкъ. Выпущенный въ 1727 г. въ армейскій полкъ съ оберъ-офицерскимъ чиномъ, кн. Ш., въ томъ же году былъ опредѣленъ въ лейбъ-региментъ поручикомъ и въ 1730 г. произведенъ въ капитаны. Когда въ 1730 г. лейбъ-регименть былъ переименованъ Императрицею Анною Іоанновною въ полкъ конной гвардіи, кн. Ш. былъ оставленъ въ этомъ полку съ чиномъ капитанъ-поручика. Въ 1734 году Ш. по болѣзни былъ опредѣленъ къ гражданскимъ дѣламъ и назначенъ въ С.-Петербургскую вотчинную контору, гдѣ и находился по 1741 г. въ должности совѣтника. Въ 1742 г. кн. Ш. былъ назначенъ вице-президентомъ, въ 1753 г. президентомъ камеръ-коллегіи; въ 1760 г. назначенъ сенаторомъ съ пожалованіемъ въ тайные совѣтники.

Домашн. арх. П. И. Баранова, принадл. П. Н. Семенову. Форм. спис., Высоч. указы сенат. архива; дѣла Моск. архива Министерства Юстиціи; «Росс. родословная книга, князя Долгорукова», т. I, стр. 172, 174.

Шаховской, князь *Михаилъ Никитичъ*, подъ 1606 г. записанъ въ Торопецкихъ десятняхъ. Въ 1629 г. стольникъ, съ помѣстнымъ окладомъ въ 500 четей и деньгами 20 р. Въ 1636 и 1641 гг. служилъ въ Тулѣ, въ полкахъ двухъ кн. Черкасскихъ. Въ 1643, 1645—1647 гг. былъ на службѣ въ Кадомѣ. По возвращеніи оттуда, во время «походовъ» государя, въ теченіе весны и лѣта 1647 г., въ с. Покровское, къ Троицѣ и въ с. Коломенское, дневалъ и ночевалъ на государевѣ дворѣ. Въ 1646 г. въ Ливнахъ въ полку боярина и воеводы кн. Никиты Ив. Одоевскаго. Въ 1653—1654 гг. воевода въ Орлѣ. Въ 1659—1663 гг. воевода въ Тарѣ; передъ отъѣздомъ туда былъ «у Государя у руки». Въ первый же годъ воеводства ему пришлось выслать казаковъ противъ калмыковъ, напавшихъ на ясачныхъ татаръ, но силы были весьма неровны, и 60 казаковъ не могли справиться съ калмыками. Въ слѣдующемъ году Тобольскій и Тюменскій воеводы хотѣли помочь кн. Ш. въ борьбѣ съ калмыками, но не успѣли еще выслать войска, какъ казаки и татары разбили калмыковъ на мѣстѣ ихъ стоянки, такъ что подошедшему войску оставалось только докончить начатое дѣло.

Газенвинкель, К. Б. «Матеріалы для справочно-біографическаго словаря сибирскихъ дѣятелей» (отд. от. изъ 1-го вып. «Ежегодника Тобольскаго Губерн. Музея» за 1893 г.; кн. Долгорукова, «Рос. Род. Кн.», I, 170; «Др. Рос. Вивл.», IX, 300, 301. Андріевича, «Исторія Сибири», I, стр. 108). Кромѣ того «Р. И. Б.» IX, стр. 313, 366. 372, 377, 378; Дв. разр. дополн. къ III т. 169. *Д. Корсаковъ.*

Шаховской князь *Михаилъ Николаевичъ*, тайный совѣтникъ, сенаторъ. Родился 20-го августа 1828 г., умеръ 25-го іюня 1887 г. Окончивъ въ 1848 г. курсъ училища Правовѣдѣнія, онъ 27-го мая этого года былъ опредѣленъ на службу, въ чинѣ титулярнаго совѣтника, младшимъ помощникомъ секретаря 2-го отдѣленія III-го департамента Сената и 27-го мая 1849 г. былъ назначенъ старшимъ помощникомъ секретаря; въ 1854 г. исправлялъ должность оберъ-секретаря во 2-мъ отдѣленіи IV-го департамента Сената, а съ 19-го сент. 1856 г. состоялъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ. 5-го ноября 1856 г. Ш. былъ назначенъ въ 1-е отдѣленіе V департамента. 4-го февр. слѣдующаго года Ш. ревизовалъ Опекунское управленіе, завѣдывавшее заложеннымъ наслѣдниковъ Баташевыхъ имѣніемъ, и 22-го апр. былъ назначенъ членомъ Коммиссіи при III отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи

для разслѣдованія обстоятельствъ, коими сопровождалась выдача умершимъ помѣщикомъ Иваномъ Родзянко долговыхъ актовъ, и былъ въ коммиссіи предсѣдателемъ. 16-го дек. 1860 г. Ш. былъ назначенъ чиновникомъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ. 20-го янв. 1863 г. поручена ему должность оберъ-прокурора V департамента Сената. 10-го сент. 1864 г. Ш. произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, съ 16-го ноября 1864 г. исправлялъ должность оберъ-прокурора II-го департамента, и 1-го января 1865 г. Именнымъ указомъ назначенъ на эту должность. 10-го февр. 1866 г. Ш. былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ 1-го отдѣленія V-го департамента и вслѣдъ затѣмъ производилъ на мѣстѣ ревизію дѣйствій Уфимскаго Губернскаго Прокурорскаго Надзора по обезпеченію успѣховъ правосудія въ губерніи, а также ревизовалъ дѣлопроизводство Уфимской Судебной Палаты. За исполненіе этого порученія Ш. 26-го апр. 1870 г. объявлено Высочайшее благоволеніе, и 9-го іюля Именнымъ Указомъ онъ назначенъ сенаторомъ и старшимъ предсѣдателемъ Казанской Судебной Палаты съ производствомъ въ тайные совѣтники. 12-го іюня 1870 г. возложена на него ревизія прежнихъ судебныхъ учрежденій губерній Казанской, Симбирской и Самарской; къ этому 20-го іюня была присоединена ревизія мировыхъ установленій Казанскаго Судебнаго Округа и ревизія вновь учрежденныхъ судовъ. 12-го авг. 1871 г. кн. Ш. уволенъ, согласно прошенію, отъ должности предсѣдателя Палаты и остался сенаторомъ въ I отдѣленіи V-го департамента. Въ 1877 г. кн. Ш. былъ назначенъ къ присутствованію въ уголовномъ департаментѣ Сената, гдѣ оставался до своей смерти (1887 г.).

«Послужной списокъ»; «Генеральскіе списки» 1882, 1884 и 1886 г.; «Адресъ-Календарь» 1860, 1870, 1876, 1878 и 1880 г.г.

Борисъ Гласко.

Шаховской, князь *Михаилъ Семеновичъ*, московскій дворянинъ и воевода, въ 1627 году былъ пожалованъ въ стольники патріарха Филарета Никитича и состоялъ въ патріаршей свитѣ до самой смерти патріарха; въ 1634 году стольникомъ же былъ переведенъ къ царскому двору и посланъ въ Можайскъ на службу въ войско князя Д. М. Черкасскаго, отправленнаго къ Смоленску противъ поляковъ. Въ 1645 и 1646 годахъ князь М. С. Шаховской былъ въ Тулѣ въ войскахъ князя Я. К. Черкасскаго. Въ 1646 же году былъ снова записанъ въ московскіе дворяне и посланъ въ Мценскъ, въ отрядъ князя А. Н. Трубецкого. Въ 1647 и 1648 годахъ онъ служилъ въ Ливнахъ. Въ 1656 году, во время войны съ Польшей, былъ отправленъ противъ поляковъ, участвовалъ во взятіи Вильны и здѣсь оставленъ былъ съ пятью полками осаднымъ воеводой. Въ Вильнѣ на долю Шаховского выпала очень сложная и трудная дѣятельность среди вражеской страны: онъ долженъ былъ собирать войска на случай дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій, приготовлялъ провіантъ, прекращалъ грабежи и насилія московскихъ ратныхъ людей надъ мѣстными жителями и склонялъ мѣстную шляхту къ русскому подданству. Въ то же время онъ выполнялъ задачи и другого рода: узнавалъ о положеніи дѣлъ въ Варшавѣ и доводилъ результаты своихъ развѣдокъ до свѣдѣнія московскаго правительства, а также распространялъ православіе среди мѣстнаго уніатскаго и католическаго населенія, вообще, всѣми силами способствовалъ обрусенію мѣстнаго западно-русскаго населенія, такъ старательно и упорно подвергавшагося ополяченію и окатоличенію со стороны польскаго правительства. Въ 1659 году Шаховской былъ отозванъ изъ Вильны въ Москву и здѣсь въ слѣдующемъ (1660) году былъ назначенъ первымъ судьей въ Судно-Московскій приказъ. Въ 1661 году онъ былъ посланъ вторымъ воеводой въ Тулу, откуда уже въ слѣдующемъ году получилъ приказаніе ѣхать обратно въ Москву. Въ 1663 году онъ былъ назначенъ вторымъ судьей въ Судно-Владимірскій приказъ, а въ 1669 году — вторымъ воеводой въ Смоленскъ при князѣ И. А. Хованскомъ. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о службѣ и дѣятельности князя М. С. Шаховского не имѣется и годъ его смерти неизвѣстенъ.

Спиридовъ, «Сокращенное описаніе службъ благородныхъ россійскихъ дворянъ», М. 1810 г., I, 291—272; «Древняя Россійская Вивліоѳика» 2 изд., IX, 311—314; «Акты Московскаго Государства», II, 444—445, 454—460, 480—483, 497—509, 516—521, 533. 539, 551. 555, 559—567. 572

575—577, 601, 612—616, 621—622, 628, III, 37—41, 59—62, 298, 354; «Русская Историческая Библіотека», X, 117, 140, 145, 172, 212, 215, 229, 232; «Собраніе Государств. Грамотъ и Договоровъ» IV, 30, 80, 81; «Акты историческіе», IV 254—273, 278—279; «Дополненіе къ актамъ историч.», IV, 134—140, 188, 316, 318; VI, 455;

Е. Лихачъ.

Шаховской, кн. *Николай Ивановичъ*, тайный совѣтникъ, сенаторъ, родился 1-го августа 1823 года, сынъ князя Ивана Леонтьевича (см. выше). На 12-мъ году поступилъ въ Императорское Училище Правовѣдѣнія, въ которомъ окончилъ курсъ въ 1842 году первымъ, съ золотою медалью. Выпущенный титулярнымъ совѣтникомъ, Ш. поступилъ во 2-й Департаментъ Правительствующаго Сената, и въ Сенатѣ протекла вся его служба. Въ 1864 г. онъ былъ командированъ предсѣдателемъ учрежденной въ Вильнѣ, по Высочайшему повелѣнію, слѣдственной коммиссіи по дѣлу о подложномъ займѣ Государственнаго Земельнаго Банка; въ этомъ же году назначенъ членомъ консультаціи при Министерствѣ Юстиціи. Въ 1866 году Ш. былъ назначенъ членомъ С.-Петербургской Судебной Палаты. Въ 1869 г. пожалованъ орденомъ св. Станислава 1-й степени. Въ 1879 г. произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ присутствующимъ въ Гражданскій Кассаціонный Департаментъ Сената. Въ 1885 г. былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени, а въ 1890 г.—орденомъ св. Владиміра 2-й ст. и въ маѣ того же года былъ назначенъ присутствующимъ въ первомъ общемъ собраніи Правительствующаго Сената. Скончался Н. И. Ш. въ Москвѣ 4-го августа 1890 года.

Некрологъ Н. И, Шаховского: «Сынъ Отечества» 1890 г., № 214.

Александръ Ивановъ.

Шаховской, князь *Николай Леонтьевичъ*, сенаторъ, сынъ д. т. сов. кн. Леонтія Васильевича Шаховского; род. въ 1757 г., ум., состоя на службѣ, 31-го янв. 1837 г. Опредѣленъ на службу въ 1769 г. рядовымъ въ 1-й фузелерный полкъ, 22-го сент. 1770 г. произведенъ въ сержанты и въ 1773 г. переведенъ во 2-й Московскій полкъ, въ которомъ въ 1776 г. назначенъ адъютантомъ.

Въ турецкомъ походѣ 1774 года кн. Ш. былъ въ дѣлѣ подъ Силистріею; въ 1776 г. участвовалъ въ крымскомъ походѣ при занятіи Перекопской линіи, а въ слѣдующемъ году — въ дѣлахъ противъ бунтовавшихъ въ Крыму татаръ. Въ 1782 г. назначенъ генералъ-штабсъ-квартермистромъ штаба генералъ-фельдмаршала гр. Чернышева. Въ 1774 г., произведенный въ секундъ-маіоры, переведенъ въ Московскій карабинерный, а въ 1786—въ Малороссійскій гренадерскій полкъ. Въ 1788 г. находился въ походѣ въ Польшу, а съ 20-го іюня—въ Турцію, причемъ 14-го іюля произведенъ въ премьеръ-маіоры въ Углицкій пѣхотный полкъ. Продолжая турецкую кампанію, 7-го сент. 1789 г. принималъ участіе въ дѣлѣ при р. Сольчѣ и въ бомбардированіи гор. Измаила. Переведенный въ 1790 г. въ Астраханскій гренадерскій полкъ, кн. Ш. въ кампанію этого года съ двумя батальонами Херсонскаго гренадерскаго полка, во время осады Измаила, находился у прикрытія батарей на островѣ противъ этого города; во время занятія непріятельской батареи 11-го декабря Ш. была отрублена кисть лѣвой руки и нанесена рана саблею въ голову. За оказанное при штурмѣ Измаила отличіе, кн. Ш. 11-го декабря произведенъ въ подполковники съ переводомъ въ Херсонскій гренадерскій полкъ, а 25-го марта 1791 г. награжденъ орденомъ св. Георгія 4 степени. 2-го сентября 1793 г., находясь съ Херсонскимъ гренадерскимъ полкомъ въ Польшѣ, участвовалъ во многихъ дѣлахъ противъ поляковъ и 24-го октября былъ при штурмѣ укрѣпленій и батарей подъ Прагою и при занятіи г. Варшавы. За отличіе, оказанное въ полевомъ сраженіи при Крупчицахъ, онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ (1794 г.), а за штурмъ пражскихъ укрѣпленій и за взятіе Варшавы—орденомъ св. Владиміра 3 степени (1795 г.). Въ 1797 г. князь Ш., по прошенію, уволенъ былъ отъ военной службы и въ слѣдующемъ году опредѣленъ въ коммисаріатскую коммиссію, а въ 1799 г. уволенъ отъ службы вовсе, съ чиномъ генералъ-маіора. Въ 1805 г. онъ былъ вновь опредѣленъ на службу генералъ - провіантмейстеромъ. Въ 1807 г., во время войны съ Наполеономъ, онъ состоялъ генералъ-провіантмейстеромъ соединенныхъ армій въ Пруссіи,

гдѣ и награжденъ прусскимъ орденомъ Краснаго Орла. Въ томъ же году, согласно прошенію, уволенъ отъ службы; въ 1809 г. назначенъ почетнымъ опекуномъ и присутствующимъ въ С.-Петербургскомъ опекунскомъ совѣтѣ; въ 1810 г. произведенъ изъ генералъ-маіоровъ въ тайные совѣтники, съ повелѣніемъ присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ, и назначенъ во II отдѣленіе 5-го департамента, а 24-го апрѣля слѣдующаго года—въ межевой департаментъ. 5-го ноября 1812 г. перемѣщенъ къ присутствованію опять во II-е Отдѣленіе 5-го Департамента, гдѣ и оставался до 1818 г. включительно, а съ 1818 по 1837 гг. присутствовалъ въ Межевомъ Департаментѣ. 17-го апрѣля 1816 г. пожалованъ орденомъ св. Анны 1-й степени. 6-го декабря 1831 г. произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники.

Домашн. арх. П. И. Баранова, принадл. П. Н. Семенову (формул. спис., Выс. ук. Сен.).

Шаховской, князь *Петръ Ивановичъ*, камергеръ, тайный совѣтникъ, ордена св. Анны 1-й ст. кавалеръ, Псковскій гражданскій губернаторъ 1812—1816 гг., сынъ генерала-отъ-кавалеріи князя Ивана Андреевича Шаховского. На службу вступилъ въ 1755 году и въ 1791 г. въ іюлѣ мѣсяцѣ находился при главномъ кригсъ-коммиссаріатѣ, а въ 1792 году при соединенной арміи. 24-го ноября 1792 г. былъ произведенъ изъ вахмистровъ Коннаго полка въ корнеты и 10-го мая 1793 года, указомъ придворной конторы, пожалованъ въ штатъ Его Высочества Великаго Князя Александра Павловича и Великой Княгини Елены Павловны камеръ-юнкеромъ. Во время нашествія Наполеона въ 1812 г., Петръ Ивановичъ, въ чинѣ тайнаго совѣтника, былъ назначенъ Псковскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Въ это тяжелое и смутное время на долю его выпало не легкое дѣло охраненія беззащитныхъ жителей Псковской губерніи и мѣстъ, прилегающихъ къ ней. Въ октябрѣ 1812 года Шаховскому пришлось устраивать и продовольствовать корпусъ Витгенштейна и принимать мѣры противъ приближавшагося непріятеля. Въ должности Псковскаго гражданскаго губернатора кн. П. И. Шаховской пробылъ до 1816 года. Скончался онъ 25-го мая 1827 года. Былъ женатъ на княжнѣ Аннѣ Ѳедоровнѣ Щербатовой.

Шильдеръ, «Исторія Александра I», I, 265 стр.; Долгорукій, «Русская родословная книга», ч. I, 178; Анненковъ, «Исторія лб.-гв. Коннаго полка», ч. III, 120 д.; Списокъ воинскому департаменту штабъ оберъ-офицерамъ на 1792 г.; «Архивъ Государственнаго Совѣта», т. IV, 441, 443—450; «Мѣсяцесловъ» 1813—1816 гг.; «Сборникъ историческихъ матеріаловъ изъ Собственной Е. Имп. Вел. Канцеляріи», вып. 11, Спб. 1901 г., 154, 194, 214. *П. Н. Артамонова.*

Шаховской, кн. *Петръ Михайловичъ*, ум. 1605 г. Въ 1597—1598 гг. воевода въ Пелыми, гдѣ прежде всего задумалъ привести въ должный видъ крѣпость и гарнизонъ, а потому писалъ царю въ Москву о дурномъ состояніи недостроенной городской стѣны, башенъ и рвовъ и о дурномъ качествѣ пищалей у 12-ти стрѣльцовъ, составлявшихъ гарнизонъ. Въ отвѣтъ на это донесеніе была получена царская грамота съ приказаніемъ все исправить и привести въ порядокъ, но какимъ способомъ—о томъ умалчивалось. Есть основаніе полагать, что кн. Шаховской воспользовался тѣмъ городовымъ и острожнымъ лѣсомъ, который остался безъ употребленія вслѣдствіе упраздненія Лозвинскаго городка и могъ быть сплавленъ по водѣ. При кн. Шаховскомъ впервые взята въ Пелыми десятинная пошлина съ сибирскихъ товаровъ, проходившихъ этимъ путемъ въ Россію. Въ 1598 г. встрѣчаемъ подпись его подъ соборнымъ опредѣленіемъ объ избраніи въ цари Бориса Годунова. Въ 1603—1605 гг. онъ—воевода въ Черниговѣ въ то самое время, какъ первый самозванецъ разсылалъ грамоты по всѣмъ городамъ Сѣверской страны, что онъ истинный царевичъ Дмитрій, сохраненный отъ смерти, и идетъ на царскій престолъ. Князь Ив. Мих. Катыревъ - Ростовскій въ своей «Повѣсти» называетъ кн. Шаховского и другого Черниговскаго воеводу кн. Татева, а также и Путивльскихъ воеводъ, «крѣпкими поборниками», стоявшими за истину. Жители Чернигова и Путивля, по словамъ «Повѣсти», не повѣрили воеводамъ, что это Гришка Отрепьевъ, а не царевичъ Дмитрій, и «возопиша гласомъ велиимъ, яко измѣнницы суть и единогласники Бориса Годунова: не хотя видѣти прироженнаго государя на Московскомъ царствіи, повѣдаютъ намъ сія

пустошная словеса!» Воеводъ схватили, связали и предали въ руки мнимаго царевича.

Газенвинкель, К. Б. «Матеріалы для справочно-біографическаго словаря сибирскихъ дѣятелей», стр. 2—3 (на основаніи: «Р. И. Б.», II, 137—144; Спнб. Сб.», 147; Долгор., «Рос. Род. Кн.», I, 169. Др. Рос. Вивл.», IX, 262, 269). Кромѣ того, см.: «Р. И. Б.», XIII, 571, 643 («Повѣсть кн. Ив. Мих. Катырева-Ростовскаго»), «А. А. Э.», II, 44. *Д. Корсаковъ.*

Шаховской, князь *Порфирій* (Перфилій) *Ивановичъ*, сынъ воеводы князя Ивана Леонтьевича Шаховского, окольничій и воевода; въ 1658 г. пожалованъ былъ въ стряпчіе, въ 1668 и 1669 гг. былъ въ Сѣвскѣ подъ начальствомъ воеводы князя Куракина, а въ 1671 г. подъ предводительствомъ князя Юрія Алексѣевича Долгорукова участвовалъ въ походѣ противъ мятежныхъ шаекъ Разина; въ этомъ же году князь Порфирій Ивановичъ получилъ и званіе стольника. Вскорѣ послѣ этого былъ отправленъ воеводой въ Тулу, гдѣ и пробылъ 8 лѣтъ, съ 1674 по 1682 гг.; въ 1682 г. былъ сдѣланъ головой въ своемъ полку и посланъ переписывать людей въ Вятской области, откуда отправился въ Москву, гдѣ находился до 1689 г. Окладъ Шаховского былъ очень незначителенъ даже по тогдашнему времени: ему выдавалось помѣстнаго окладу 400 четвертей и денежнаго 10 рублей; но онъ умѣлъ получать награды: въ 1668 г., по случаю объявленія о смерти царевича, сына Алексѣя Михайловича, онъ получилъ прибавки къ окладу—помѣстной 100 четвертей и денежной 12 рублей, въ 1669 г. ему было пожаловано за службу 80 четвертей и денегъ 8 рублей, въ 1771 г. почти столько же, въ 1675 г., по случаю объявленія царевича Өеодора Алексѣевича, ему было выдано 100 четвертей и 12 рублей денегъ, наконецъ, въ 1683 г., по случаю заключенія вѣчнаго мира съ Польшей, ему пожаловано 30 рублей. Въ 1689 и 1690 гг. князь Порфирій Ивановичъ былъ воеводой во Владимірѣ и 29-го іюня 1690 г., въ день именинъ царя Петра Алексѣевича, былъ пожалованъ въ окольничіе. Послѣ этого извѣстія о немъ доходятъ рѣже, и мы знаемъ только, что въ 1691 и 1692 гг. онъ былъ вмѣстѣ съ бояриномъ княземъ Михаиломъ Яковлевичемъ Черкасскимъ судьей въ палатѣ расправныхъ дѣлъ.

Дополненія къ актамъ историческимъ, VII, 3, 4; VIII, 57—58, 146; IX, 25, 189; «Древняя россійская вивліоөика» (2-е изд.), IX, 308—309; Спиридовъ, «Записки о старинныхъ службахъ русскихъ благородныхъ родовъ» (рукопись Импер. Публ. Библ.), II, 289—290. *Е. Лихачъ.*

Шаховской, князь *Семенъ Ивановичъ* по прозванію *Харя*, духовный писатель первой половины XVII столѣтія, замѣчательный по обилію и разнообразію своихъ сочиненій. Профессоръ Платоновъ, подробно и тщательно изучившій сочиненія кн. Шаховского, говоритъ, что онъ отличался большой начитанностью въ книгахъ священныхъ и церковныхъ и что многія лица считали его авторитетомъ въ дѣлахъ вѣры и обращались къ нему за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній. Излюбленныя темы кн. Шаховского — похвальныя слова святымъ, церковныя службы, молитвы. По порученію патріарха Іова, онъ написалъ похвальное слово святителямъ Петру, Алексѣю и Іонѣ и какъ въ этомъ словѣ, такъ и въ похвальномъ словѣ устюжскимъ юродивымъ Прокопію и Іоанну обнаружилъ достаточное знакомство съ риторическими пріемами агіографіи. Сохранилось довольно много посланій кн. Ш. къ разнымъ лицамъ, напр., къ патріарху Филарету Никитичу, къ Кипріану, архіепископу Сибирскому и Тобольскому, а впослѣдствіи митрополиту Крутицкому, къ кн. Ив. Андр. Хворостинину, къ тобольскому дьяку Третьяку Васильеву; во всѣхъ этихъ посланіяхъ кн. Ш. отъ предмета своей бесѣды весьма часто обращается къ религіознымъ размышленіямъ. Изъ нихъ заслуживаютъ особаго вниманія посланія къ патріарху Филарету Никитичу (главное содержаніе которыхъ посвящено четвертому браку кн. Ш.) и къ кн. Ив. Андр. Хворостинину. О посланіяхъ къ патріарху рѣчь будетъ ниже, а здѣсь отмѣтимъ интересную личность кн. Хворостинина, считавшагося по представленіямъ московскихъ людей XVII вѣка еретикомъ и богоотступникомъ. Этотъ князь, будучи въ смутное время лицомъ близкимъ къ первому Лжедимитрію, увлекся сначала римскимъ католицизмомъ, а затѣмъ впалъ даже въ ересь: онъ открыто порицалъ православные ре-

лигіозные обряды и писалъ «вирши», осмѣивая въ нихъ «московскіе порядки». О московскихъ людяхъ отзывался онъ вообще «укоризненно», называя ихъ «глупымъ людомъ», и намѣревался «отъѣхать» въ Польшу. Вслѣдствіе всего этого правительство Михаила Θеодоровича считало его неблагонадежнымъ въ политическомъ отношеніи, замѣчало въ немъ «къ измѣнѣ шатость», и онъ былъ сосланъ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Кн. Хворостининъ извѣстенъ какъ авторъ историческаго сочиненія: «Словеса дней и царей, и святителей московскихъ». Съ кн. С. И. Шаховскимъ кн. Хворостининъ былъ близко знакомъ, но противоположность ихъ религіозныхъ воззрѣній постоянно возбуждала между ними споры, поселявшіе сильное взаимное раздраженіе. Вотъ, напримѣръ, какъ отзывается о кн. Хворостининѣ кн. Ш. въ одномъ изъ своихъ къ нему посланій: «Такова бо человѣка и нрава его воистинну далече бѣжимъ, понеже фарисѣйскою гордостію надменъ есть и уподобися гробу поваплену, внѣуду красенъ является, а внутрьюду полонъ костей мертвыхъ и всякія нечистоты». Относительно посланій кн. Ш. къ разнымъ лицамъ митрополитъ московскій Макарій говоритъ въ «Исторіи русской церкви», что между ними встрѣчаются довольно важныя, касающіяся то истинъ вѣры, то правилъ церкви, то ея обрядовъ и богослужебныхъ книгъ. Изъ нѣкоторыхъ посланій можно почерпнуть свѣдѣнія о жизни самого автора, и эти указанія весьма цѣнны, такъ какъ во многомъ дополняютъ «Домашнія записки» кн. Ш. Записки эти, начинаясь 1601 годомъ, заканчиваются 1649 г. и составляютъ краткій и весьма неполный перечень, какъ событій частной жизни кн. Ш., такъ и современныхъ ему русскихъ общественныхъ явленій.

Изъ историческихъ произведеній кн. Ш. наиболѣе замѣчательны: «Слово о пожарѣ московскомъ 1626 г.» и двѣ «повѣсти» изъ смутнаго времени. Въ «Словѣ о пожарѣ» весьма кратко говорится о самомъ событіи, но пожаръ подаетъ автору поводъ сказать москвичамъ пространную проповѣдь на ту тему, что несчастье было Божьимъ наказаніемъ за ихъ грѣхи. Такимъ же точно характеромъ благочестиваго поученія отличаются и оба произведенія кн. Ш. о смутномъ времени. Первое произведеніе носитъ заглавіе: «Повѣсть, извѣстно сказуема, на память великомученика благовѣрнаго царевича Димитрія, о убіеніи его и о преславномъ обрѣтеніи тѣлеси, и о язвѣ людстѣй». Второе: «Повѣсть о нѣкоемъ мнисѣ, како послася отъ Бога на царя Бориса во отмщеніе крове праведнаго царевича Димитрія». Обѣ эти повѣсти такъ тѣсно между собою связаны, что представляютъ скорѣе одну повѣсть, раздѣленную на двѣ части лишь заглавіями. Такъ какъ главная задача автора не изображеніе фактовъ, а изложеніе собственныхъ религіозно-нравственныхъ взглядовъ, то при описаніи событій онъ воспользовался готовымъ разсказомъ о смутѣ, находящимся въ «Повѣсти» кн. Катырева-Ростовскаго, при чемъ, по словамъ профессора Платонова, передавалъ его иногда въ сильно сокращенномъ видѣ и довольно небрежно.

Упомянувъ о трудахъ кн. Ш., перейдемъ къ его жизни, преисполненной бѣдъ и злоключеній. Какъ видно изъ его переписки съ тобольскимъ дьякомъ Третьякомъ Васильевымъ, кн. Ш. приписывалъ всѣ постигавшія его несчастья не преступленіямъ или проступкамъ, а своей грѣховности: «А напасти, государь мой,—пишетъ онъ—за грѣхи постизаютъ мя, а много не вѣмъ въ себѣ ничесо же». Подобныя слова доказываютъ христіанское смиреніе кн. Ш., потому что дьякъ Васильевъ называетъ его «человѣкомъ предивнымъ, шествующимъ путемъ правды, и не мало разумѣющимъ божественнаго писанія, и пріимшимъ по дару Божію много здраваго ученія».

Въ 1606 г., во время возстанія Сѣверскихъ городовъ противъ Вас. Ив. Шуйскаго, кн. Ш. былъ на службѣ подъ Ельцомъ, гдѣ его постигла царская опала; онъ былъ привезенъ оттуда въ Москву «за приставомъ» и, безъ объясненія причины царскаго гнѣва, сосланъ «въ Новгородъ, въ моръ», но на дорогѣ получилъ приказаніе «жить до указу въ деревнѣ». 1608—1609 гг. провелъ на службѣ въ Москвѣ и участвовалъ въ сраженіяхъ съ тушинцами. Въ началѣ 1610 г. онъ измѣнилъ царю Василію Шуйскому и отъѣхалъ изъ Москвы въ Тушино, а затѣмъ отправился къ королю Сигизмунду,

отъ котораго получилъ помѣстья. Въ 1611 г. былъ въ Новгородѣ во время взятія его шведами, но въ плѣнъ не попалъ и пришелъ подъ Москву въ русское ополченіе; еще до освобожденія Москвы бояре отправили его полковымъ воеводой въ Торопецъ, откуда онъ вернулся въ Москву уже послѣ избранія на царство Михаила Ѳеодоровича. Затѣмъ онъ былъ посланъ вмѣстѣ съ кн. Дм. Мамстр. Черкасскимъ подъ Смоленскъ и участвовалъ во взятіи Вязьмы, Бѣлой и Дорогобужа. 1613—1615 гг. былъ въ сраженіяхъ противъ поляковъ и раненъ подъ Велижемъ и подъ Мстиславлемъ. Въ 1615 г., будучи посланъ съ кн. Пожарскимъ противъ Лисовскаго, подалъ челобитную, что онъ «заволоченъ со службы да на службу», а потому подвергся опалѣ и былъ сосланъ на Унжу. Въ 1616—18 гг. воевода въ Ядринѣ, затѣмъ, при ходѣ королевича Владислава къ Москвѣ, былъ осаднымъ воеводой за Яузою, а весной 1619 г. полковымъ воеводой въ Пронскѣ противъ татаръ. Съ лѣта 1619 г. онъ оставался свободнымъ отъ службы въ теченіе одного года, потомъ отправленъ вторымъ воеводой въ Вязьму, откуда, впрочемъ, скоро возвратился. Въ концѣ 1619 г., послѣ смерти своей третьей жены, кн. Ш. женился въ четвертый разъ и навлекъ на себя этимъ преслѣдованіе патріарха Филарета Никитича. Вскорѣ послѣ того случилось событіе, въ которомъ кн. Ш. не былъ виноватъ, но за которое его постигла опала: въ 1620 г. нѣсколько князей Ш. были уличены въ «великихъ винахъ» политическаго характера и приговорены къ смерти, но помилованы и разосланы изъ Москвы по тюрьмамъ въ понизовые города. Кн. Семенъ Ив. Ш—ой, отсутствовавшій въ то время изъ Москвы, былъ также привлеченъ къ отвѣтственности за недонесеніе и укрывательство, и въ 1622 г., какъ видно изъ его «Домашнихъ записокъ», сосланъ въ Тобольскъ «въ опалу въ чужомъ дѣлѣ и того же году пожалованъ, взятъ къ Москвѣ». Изъ «Моленія» кн. Ш. къ патріарху Филарету Никитичу и изъ посланія къ архіепископу Кипріану можно заключить, что въ 1622 г. его разлучили съ четвертой женой, съ которой онъ прожилъ передъ тѣмъ благополучно два года, что имѣніе его было конфисковано и что онъ даже сидѣлъ въ тюрьмѣ.

Въ «Моленіи» къ патріарху, кн. Ш—ой, въ оправданіе своего четвертаго брака, говоритъ, что съ первой женой онъ прожилъ три года, со второй полтора года, а съ третьей только девятнадцать недѣль. Интересна его молитва за жену и дѣтей: «Помилуй Господи Царю и сохрани жену мою, аще и незаконно пояхъ ю, и чада моя, еже еси даровалъ, презря мои согрѣшенія; соблюди ихъ, Владыко, и помилуй и долгоденьствія даруй во здравіи и спасеніи; посѣтиВладыко милосердіемъ своимъ во вѣки аминь». Въ 1625 году патріархъ Филаретъ Никитичъ смиловался надъ кн. Ш-мъ и, считая его свѣдущимъ богословомъ и искуснымъ писателемъ, поручилъ ему даже составленіе посланія къ персидскому шаху Аббасу; въ этомъ посланіи выражалась благодарность за присылку патріарху въ даръ святыни—ризы Господней; кромѣ того шахъ убѣждался принять православную христіанскую вѣру, но остерегаться латинскаго ксендза, котораго, какъ разнесся слухъ, шахъ пригласилъ въ свою страну. Мѣсяца полтора послѣ отправки посланія, кн. Шаховской днёвалъ и ночевалъ на государевомъ дворѣ во время «похода» царя Михаила Ѳеодоровича на богомолье къ Троицѣ, а затѣмъ до 1628 года не несъ никакой службы. Послѣ воеводства въ 1628—1631 гг. въ Енисейскѣ, онъ около года прожилъ въ Тобольскѣ въ качествѣ опальнаго, хотя за «прибыль», доставленную правительству во время енисейской службы, окладъ его увеличенъ на 39 р. Въ 1633 г. посланъ съ кн. Пожарскимъ въ Можайскъ; весною 1634 года былъ съ Ѳеод. Ив. Шереметевымъ напосольствѣ за Вязьмою, на польскомъ рубежѣ. Въ 1635 г. отправленъ царемъ въ погоню за польскими и литовскими послами, Песочинскимъ съ товарищами, настигъ ихъ въ Царевомъ Займищѣ и говорилъ о государевыхъ дѣлахъ по наказу, въ великую субботу; вернулся въ Москву во вторникъ на Святой недѣлѣ къ Благовѣщенской обѣднѣ, послѣ чего былъ у государя у руки и подалъ статейный списокъ посольства. Въ 1637 г. отправленъ въ Польшу посланникомъ, при чемъ названъ намѣстникомъ Елатомскимъ. Въ 1637 и 1639 гг. кн. Ш. изрѣдка бывалъ

у государева стола. Въ 1638—39 гг. воевода на Крапивнѣ противъ крымцевъ, а въ 1641—42 гг. воевода на Терекѣ; за эту службу онъ получилъ, два года спустя, придачи къ помѣстному окладу 50 четвертей и денегъ 30 р. Въ концѣ 1643 г. былъ посланъ въ Тверь, со многими стольниками и жильцами, встрѣчать датскаго королевича Вольдемара; но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, весной 1644 г., его почему-то снова постигла опала и онъ былъ отправленъ на воеводство въ Усть-Колу, гдѣ оставался до 1646 г., когда его перевели въ Устюгъ. Вмѣсто ожидаемой милости, т.-е. возвращенія въ Москву, онъ былъ отправленъ еще дальше — въ Сольвычегодскъ. Оттуда онъ едва не попалъ на Лену, въ новый Якутскій городъ; но въ февралѣ 1648 г. явился царскій гонецъ и объявилъ, что царь Алексѣй Михаиловичъ велѣлъ его «отъ Ленскіе службы отставить, а до своего государева указу велѣлъ еще побыть у Соли». Въ концѣ того же года онъ былъ отпущенъ изъ Сольвычегодска въ свою Галичскую вотчину, затѣмъ призванъ въ Москву, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя, на масляницѣ 1649 г., поѣхалъ снова въ ссылку, въ Томскъ. Послѣднее извѣстіе о немъ сохранилось въ письмѣ, писанномъ имъ въ 1653 г. изъ Москвы келарю Троице-Сергіева монастыря Симону Азарьину, и за тѣмъ всякій слѣдъ его пропадаетъ.

Перечень сочиненій и молитвъ, написанныхъ кн. Шаховскимъ, находится въ «Библіологическомъ словарѣ» П. М. Строева. Спб. 1882 г., стр. 290—298. Перечень посланій его—въ «Словарѣ русскихъ свѣтскихъ писателей» митр. Евгенія. Москва 1845 г., т. II, стр. 248—249.—Сочиненія кн. Ш. хранятся въ рукописяхъ: въ Моск. Син. библ., Моск. Дух. Акад., Моск. Чуд. монаст. и Ундольскаго. Изъ нихъ напечатаны: 1) «Домашнія записки» «Моск. Вѣстн.» 1830 г., ч. V, стр. 61 — 70. — 2) Четыре письма къ дьяку Третьяку Васильеву и два письма Третьяка Васильева къ кн. Ш. во «Временникѣ» М. О. И. и Д. Р., IX, стр 5—10; одно изъ этихъ писемъ кн. Ш. напечатано въ «Моск. Вѣстн.» 1830 г., ч. V, стр. 70—73. — 3 и 4) Двѣ повѣсти изъ смутнаго времени помѣщ. въ Р. И. Б., XIII, стр. 837—876.

Источники для біографіи кн.С. И.Ш-го Дворцов. разр., II, 17, 186, 530, 568, 590, 599, 633, 639, 662;—Разр. кн. (см указатель):—Доп. къ акт.-ист., VI, 430;—Р. И. Б. IX, 529, 550, X, 100, 113, 114, 127, 180, 215, 366, 372, 377.

Главнѣйшія свѣдѣнія о кн. С. И. Ш-мъ въ слѣдующихъ монографіяхъ: Ключевскаго, В. О. «Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ». М. 1871 г., с. 319. Макарія, митр. московскаго. «Исторія рус. церкви; Спб. 1882 г., т. XI, с. 65, 227—231; Платонова, С. Ѳ. Древне-русскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII в., какъ истор. источникъ. Спб. 1888 г., с. 31, 182, 186, 187, 190, 191, 205, 207, 231—246, 283, 336, 346, 351. Газенвинкеля, К. В. Матеріалы для справочно-біограф. словаря сибирскихъ дѣятелей, отд. от. изъ 1-го вып. «Ежегодника Тоб. Губ. Музея» за 1893 г., с. 6 — 10. Митроп. Евгеній: «Словарь свѣтскихъ писателей», II, 248—249; «Энциклопедич. слов.» Эфрона, т. 77, стр. 227; «Справочн. энциклопедич. словарь» К.Крайня, XII, 223; Н. Гречъ: «Учебн. книга рос. слов.» ч. IV. (Спб. 1822) стр. 355—356. А. Старчевскій: «Очеркъ литер. рус. печ.» до Карамзина. Спб. 1845, стр. 86.

Д. Корсаковъ.

Шаховской, кн. *Юрій Ивановичъ Косой*, ум. 1640 г. Въ 1612 г. воевода въ Погорѣломъ Городищѣ; отразилъ съ весьма слабыми силами цѣлую польскую армію, предводимую королемъ Сигизмундомъ; на требованіе сдачи отвѣчалъ королю Сигизмунду: «Ступай къ Москвѣ; будетъ Москва за тобою, и мы твои». Въ 1614 г. полковой воевода въ Мценскѣ. Ему велѣно было, собравъ въ Карачевѣ ратныхъ людей, идти къ Брянску, которому угрожали литовцы; но онъ такъ медлилъ сборами, что литовцы, подъ предводительствомъ Лисовскаго, напали на войско врасплохъ, заняли Карачевъ, взяли кн. Шаховского въ плѣнъ и отправили въ Польшу къ королю. Неизвѣстно, сколько времени онъ тамъ пробылъ, но въ 1620 г. онъ былъ назначенъ воеводой передового полка въ Михайловѣ, куда отказался ѣхать изъ-за мѣстническаго спора съ кн. Вас. Гр. Ромодановскимъ. Кн. Шаховской былъ посаженъ за это на два дня въ тюрьму, а затѣмъ «выданъ головой» кн. Ромодановскому. Въ 1624 и 1626 гг. весной дневалъ и ночевалъ по одному разу на государевѣ дворѣ, во время «походовъ» государя къ Троицѣ. Въ концѣ 1626 г. былъ два раза у государева стола. Въ 1627—1628 гг. воевода на Тарѣ, гдѣ онъ выказалъ себя, съ одной стороны, весьма дѣятельнымъ, а съ другой стороны жестокимъ и несправедливымъ по

отношенію къ инородцамъ. Дѣло дошло до того, что ясачные подгородные татары возмутились и грозились сжечь городъ; но потомъ откочевали и вмѣстѣ съ калмыками принялись грабить Тарскій и Тюменскій уѣзды. Когда вѣсть объ этомъ дошла до Москвы, то кн. Шаховской былъ «взятъ въ Тобольскъ», гдѣ прожилъ 4 года въ опалѣ. Въ 1633 г. ему было разрѣшено пріѣхать въ Москву, съ тѣмъ, однако, чтобы онъ возвратилъ татарамъ все, что̀ у нихъ отобралъ.

Газенвинкель, К. Б., «Матеріалы для справочно-біогр. словаря сибирскихъ дѣятелей», с. 5—6 (на основаніи: «Др. Р. Вивл.», III, 146; IX, 278; Р. П. Б., VIII, 127, 522, 541—559, 576, 579, 584); Долгор., «Рос. род. кн.», I, с. 179 «Р. И. Б.», IX, 426, 440, 450; «Новый Лѣтописецъ, с. 159 и 169; Разр. кн. (см. указатель). «Дв. разр.», I, 133, 148, 160, 167, 172, 174, 446—448, 616, 819, 863, 877, 1.034; Соловьевъ, «Исторія Россіи», VIII. с. 482. *Д. Корсаковъ.*

Шаховской, кн. *Яковъ Петровичъ*, р. 8-го октября 1705 г., ум. 23-го іюля 1777 года. Съ 1719 по 1766 г. онъ прослужилъ въ военной и гражданской службѣ. Онъ былъ очевидцемъ въ молодости и участникомъ въ зрѣлыхъ годахъ тѣхъ перемѣнчивыхъ событій, которыя происходили въ «преобразованной Россіи» въ теченіе девяти смѣнявшихся передъ его глазами правительствъ, начиная съ Петра Великаго и кончая Екатериной II, и сумѣлъ воспитать и укрѣпить въ себѣ нравственныя правила, ставшія для него житейскими устоями въ то «опасное и суетное время», какъ называли русскіе люди первой половины XVIII в. эту эпоху. Младшій современникъ А. П. Волынскаго, И. И. Неплюева и В. Н. Татищева—кн. Я. П. Шаховской, уступая имъ въ умственномъ отношеніи и въ образованности, стоитъ несравненно выше ихъ всѣхъ въ сознаніи долга передъ государствомъ и частными лицами и въ безупречной законности поступковъ. Свою жизнь, до отставки въ 1766 г., онъ изложилъ въ интересной автобіографіи, названной имъ «Дѣянія кн. Шаховского» и написанной въ 1772 году, за пять лѣтъ до кончины. Эти «Записки» кн. Ш., будучи откровенной исповѣдью честнаго русскаго человѣка XVIII в. и безкорыстнаго и правдиваго слуги государства, являются весьма назидательной книгой и представляютъ собою одинъ изъ любопытнѣйшихъ источниковъ какъ для внутренней исторіи Россіи, такъ и для біографіи самого кн. Ш. въ частности. Слогъ его «Записокъ» своеобразенъ и заслуживаетъ вниманія при изученіи русскаго литературнаго языка XVIII в.: онъ составляетъ переходъ отъ славяно-русской литературной прозы XVII в. къ языку Ломоносова и русскихъ писателей эпохи императрицы Екатерины II. Этими «Записками» мы и пользуемся, главнымъ образомъ, для изложенія «дѣяній» кн. Шаховского, останавливаясь съ большей подробностью на нѣкоторыхъ эпизодахъ его службы для болѣе яркой его характеристики.

Отецъ кн. Я. П. Шаховского, кн. Петръ Ивановичъ Шаховской, умеръ, когда Якову Петровичу было всего нѣсколько мѣсяцевъ, мать вышла вторично замужъ, вскорѣ овдовѣла и вышла замужъ въ третій разъ (фамиліи ея мужей, второго и третьяго—неизвѣстны). Такъ какъ отчимъ не любилъ мальчика, то кн. Яковъ Петровичъ, на девятомъ году отъ роду, былъ взятъ на воспитаніе своимъ роднымъ дядей, княземъ Алексѣемъ Ив. Шаховскимъ, въ то время гвардейскимъ офицеромъ. Когда Якову Петровичу минуло 14 лѣтъ, онъ поступилъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ и служилъ тамъ послѣдовательно солдатомъ, капраломъ, каптенармусомъ и сержантомъ. Въ 1725 г. произведенъ въ поручики, а при императорѣ Петрѣ II переведенъ тѣмъ же чиномъ въ новый полкъ, названный лейбъ-регментомъ, и затѣмъ повышенъ въ капитаны. Въ 1730 г., при переименованіи этого полка императрицей Анной Іоанновной въ конную гвардію, оставленъ въ немъ поручикомъ. Въ 1734 г. дядя кн. Якова Петровича, кн. Алексѣй Ивановичъ, будучи подполковникомъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка, былъ отправленъ императрицей Анной Іоанновной въ коммиссію учрежденія южныхъ Слободскихъ полковъ и между прочими офицерами взялъ съ собой Якова Петровича, которому поручалъ разныя дѣла и неоднократно посылалъ его съ докладами къ императрицѣ. По смерти малороссійскаго гетмана Даніила Апостола главное начальство надъ Малороссіей было ввѣрено кн. Алексѣю Ив. Шаховскому, при кото-

ромъ попрежнему находился кн. Яковъ Петровичъ. Въ 1735 г. онъ съ дядей пріѣхалъ въ Петербургъ по дѣламъ Слободской коммиссіи и былъ пожалованъ въ секундъ-ротмистры, а вскорѣ послѣ того въ ротмистры, и по отъѣздѣ дяди изъ Петербурга остался тамъ на полковой службѣ. Въ это время ему пришлось вступить въ сношенія съ Бирономъ и со многими высокопоставленными лицами при дворѣ императрицы Анны Іоанновны, такъ какъ, по порученію дяди, остановившагося на нѣсколько недѣль въ Москвѣ для леченія глазъ, онъ передавалъ этимъ сановникамъ его представленія и письма по дѣламъ Малороссіи и Слободскихъ полковъ.

Въ одинъ изъ докладовъ Бирону, кн. Яковъ Петровичъ имѣлъ мужество отстаивать справедливость своего донесенія о хорошемъ состояніи малороссійскихъ войскъ, отправленныхъ въ Крымъ, подъ начальство гр. Миниха. Герцогъ недовѣрчиво отнесся къ словамъ кн. Ш. и рѣзко возражалъ ему, что вызвало большое удивленіе и даже страхъ среди присутствовавшихъ при этомъ: многіе были убѣждены въ неминуемой опалѣ кн. Якова Петровича. Но результатъ получился совершенно обратный. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого Биронъ убѣдился въ справедливости сообщеній кн. Якова Петровича и, послѣ пріема въ общей аудіенціи, пригласилъ его въ свой кабинетъ, заставилъ прочесть себѣ вслухъ секретное донесеніе кн. Алексѣя Ивановича Шаховского и долго бесѣдовалъ съ нимъ о малороссійскихъ дѣлахъ. Недѣли двѣ спустя послѣ того кн. Алексѣй Ивановичъ умеръ на пути изъ Москвы въ Малороссію, и кн. Яковъ Петровичъ, въ силу обстоятельствъ, оказался устраненнымъ отъ малороссійскихъ дѣлъ. Въ 1737—1740 гг. онъ участвовалъ въ Очаковской, Днѣпровской и Хотинской кампаніяхъ, подъ непосредственнымъ начальствомъ главнокомандующаго гр. Миниха.

По возвращеніи въ Петербургъ, кн. Ш. былъ очевидцемъ большихъ перемѣнъ въ жизни многихъ царедворцевъ и самъ часто испытывалъ превратности судьбы. Онъ послѣдовательно находился подъ покровительствомъ: кабинетъ-министра Артемія Петровича Волынскаго, регента герцога Бирона и гр. Мих. Гавр. Головкина; паденіе каждаго изъ нихъ неблагопріятно отражалось на служебномъ положеніи кн. Ш. По окончаніи турецкой войны, Волынскій хлопоталъ передъ императрицей Анной Іоанновной и передъ Бирономъ о назначеніи кн. Ш. сенаторомъ; но именно вслѣдствіе вмѣшательства Волынскаго, кн. Ш. вмѣсто сената попалъ въ совѣтники управленія генералъ-полиціймейстера. Послѣ кончины императрицы Анны Іоанновны, въ регентство Бирона, кн. Ш. получилъ повышеніе по службѣ. Хотя, вслѣдствіе близости своей къ Волынскому, кн. Ш. не пользовался въ послѣднее время расположеніемъ Бирона, онъ все-таки рѣшился подать ему челобитную объ опредѣленіи своемъ полковникомъ въ армію. Биронъ не исполнилъ желанія кн. Ш., но пожаловалъ ему чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и назначилъ главноначальствующимъ въ управленіе генералъ-полиціймейстера. Кн. Ш. благодарилъ Бирона за такое милостивое отношеніе, въ тотъ же день былъ запросто принятъ имъ во внутреннихъ его покояхъ и, при прощаньи, услышалъ отъ регента слѣдующія слова: «Вы не бойтесь никого, только поступайте честно и говорите со мною безъ всякой «манности» о всемъ справедливо; я васъ не выдамъ и буду стараться ваши достоинства и заслуги къ государству награждать, и въ томъ будьте увѣрены». Нѣсколько дней спустя князь Ш. составилъ докладъ объ улучшеніи и преобразованіи полиціи; но докладу этому не суждено было попасть въ руки регента, вслѣдствіе его низложенія и провозглашенія правительницей Анны Леопольдовны. Нѣсколько дней спустя генералъ-полиціймейстеромъ былъ назначенъ сенаторъ Ѳ. В. Наумовъ; а такъ какъ о кн. Ш. не послѣдовало никакого распоряженія, то онъ остался его товарищемъ. Вскорѣ кн. Ш. сталъ извѣстенъ по службѣ тогдашнимъ кабинетъ-министрамъ: гр. Остерману, кн. Черкасскому и гр. Мих. Гавр. Головкину. Послѣдній душевно расположился къ кн. Ш. и выхлопоталъ для него пожалованіе въ сенаторы. Послѣ того, какъ въ ночь съ 24-го на 25-е ноября произошелъ дворцовый переворотъ и императрицей была провозглашена цесаревна Елизавета Петровна, почти всѣ покровители кн. Ш. были арестованы и

посажены въ Петропавловскую крѣпость. Нѣкоторые сенаторы получили отставку, въ томъ числѣ и князь Ш., который нѣсколько времени оставался не у дѣлъ.

На долю кн. Ш. выпала въ это время тяжелая обязанность: ему приказано было объявить арестованнымъ въ Петропавловской крѣпости своимъ бывшимъ покровителямъ высочайшій указъ о предстоящей имъ карѣ и распорядиться высылкой ихъ изъ крѣпости въ Сибирь.

Генералъ-прокуроромъ былъ въ это время кн. Никита Юрьевичъ Трубецкой, благоволившій къ кн. Ш. и весьма возможно, что его стараніями послѣдній назначенъ былъ въ оберъ-прокуроры Св. Синода. Назначеніе на эту должность было лестно для кн. Ш., но съ первыхъ же шаговъ ему предстояло много труда, чтобы привести въ порядокъ запущенное дѣлопроизводство, такъ какъ оказалось, что не существуетъ ни малѣйшихъ слѣдовъ отъ дѣлъ, рѣшенныхъ при прежнихъ оберъ-прокурорахъ.

Кн. Ш. пробылъ оберъ-прокуроромъ въ Синодѣ съ 1742 по 1753 г. и съ самаго начала своего тамъ служенія снискалъ такое довѣріе императрицы Елизаветы Петровны, что она стала прямо черезъ него передавать въ Синодъ свои указы и словесныя повелѣнія и черезъ него же получала свѣдѣнія и доклады о церковныхъ дѣлахъ. Сознавая свою неподготовленность къ важной должности синодальнаго оберъ-прокурора, кн. Ш. относился къ своимъ обязанностямъ чрезвычайно осторожно и старался, какъ онъ самъ говоритъ въ своихъ «Запискахъ»— «учтиво поступать, говорить и писать о дѣлахъ, охраняясь, чтобъ не быть несправедливо досадителемъ». Первое важное дѣло, рѣшенное въ 1745 г. съ помощью кн. Ш., къ общему удовольствію императрицы и членовъ Синода, было упраздненіе коллегіи экономіи и передача управленія всѣми синодальными архіерейскими и монастырскими имѣніями непосредственно Синоду.

Но, вообще отношенія между кн. Ш. и членами Синода становились все болѣе и болѣе натянутыми: онъ стоялъ за строгое соблюденіе закона, а они часто отступали и дѣлали послабленія. Послѣ неправильнаго оправданія одного архимандрита, обвинявшагося въ весьма неблаговидномъ поступкѣ, члены Синода, недовольные противорѣчіемъ кн. Ш., настаивавшаго на его обвиненіи согласно закону, отправились къ императрицѣ и принесли на него жалобу. Стоя на колѣняхъ, они слезно умоляли Елизавету Петровну, или ихъ всѣхъ уволить отъ присутствія въ Синодѣ, или взять отъ нихъ кн. Ш., такъ какъ невозможно долѣе переносить «докучныя, дерзкія и оскорбительныя, письменныя и словесныя предложенія и непристойные споры».

Генералъ-прокуроръ кн. Трубецкой пригласилъ къ себѣ послѣ этого кн. Ш. и объявилъ ему великое неудовольствіе императрицы, приказавшей представить кандидата для опредѣленія вмѣсто него оберъ-прокуроромъ. Такъ какъ кн. Трубецкой только «дружески совѣтовалъ» кн. Ш. перестать ѣздить въ Синодъ, но никакого указа объ этомъ не было, то кн. Ш. не прекращалъ посѣщать синодальное присутствіе, а нѣсколько дней спустя имѣлъ случай довести до свѣдѣнія императрицы о той медлительности, съ которой рѣшаются въ Синодѣ важныя дѣла. Императрица милостиво выслушала кн. Ш., и онъ, передавая о своемъ разговорѣ кн. Трубецкому, просилъ представить себя кандидатомъ на имѣвшееся тогда свободное президентское мѣсто въ одной Коллегіи. Кн. Трубецкой вскорѣ исполнилъ это, но императрица отвѣтила: «онъ мнѣ въ синодѣ надобенъ и я изъ онаго его не отпущу; я довольно уже узнала его справедливые поступки». Въ бытность свою оберъ-прокуроромъ въ Синодѣ кн. Ш. произведенъ въ тайные совѣтники и получилъ ордена св. Анны и св. Александра Невскаго.

Въ 1753 г. кн. Ш. былъ назначенъ генералъ-кригсъ-комиссаромъ и вскорѣ вступилъ въ «споры и несогласія» какъ съ военною коллегіею, такъ и съ высокопоставленными лицами изъ генералитета, напр., съ двумя братьями, генералъ-аншефами гр. Шуваловыми. Происходило это оттого, что кн. Ш. твердо слѣдовалъ инструкціи Петра Великаго, гласившей, что «генералу-кригсъ-комиссару надлежитъ быть доброму эконому и пользу своего государя крѣпко хранить», а правило это многимъ было не по нраву, потому что кн. Ш. не исполнялъ произвольныхъ денежныхъ требованій на рас-

ходы по арміи. Однажды во дворцѣ было назначено собраніе военныхъ чиновъ первыхъ трехъ классовъ для совѣщанія относительно предстоящей войны съ Пруссіей. Кн. Ш. спокойно выслушалъ насмѣшливыя замѣчанія нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ, что во время военныхъ дѣйствій нельзя постоянно руководствоваться точными узаконеніями и указами, какъ онъ это дѣлалъ, будучи оберъ-прокуроромъ Сѵнода, потому что такой образъ дѣйствій можетъ причинить непоправимыя утраты. Кн. Ш. посовѣтовалъ говорившимъ, во избѣжаніе недоразумѣній, исходатайствовать отъ императрицы указъ, въ силу котораго онъ бы во всякое время исполнялъ всѣ ихъ письменныя и словесныя требованія. Генералитетъ нашелъ такое заявленіе весьма страннымъ и не обратился къ императрицѣ за указомъ.

Вслѣдъ затѣмъ въ 1754 г. кн. Ш. рѣшилъ не возобновлять контракта съ англійскимъ консуломъ, извѣстнымъ купцомъ Вульфомъ, на поставку сукна для русской арміи. Онъ представилъ объ этомъ письменные доклады сенату и военной коллегіи, сдѣлавъ предварительно подсчетъ англійскаго сукна, находившагося въ запасѣ отъ прежнихъ лѣтъ, и составивъ смѣту, сколько сукна можно заготовить по установленному образцу на русскихъ фабрикахъ. Многіе его знакомые считали несбыточнымъ намѣреніе кн. Ш. обойтись безъ англійскаго сукна, а два пріятеля явились къ нему отъ имени Вульфа съ просьбой не мѣшать возобновленію контракта. На вопросъ кн. Ш.: «какая же польза будетъ имъ всѣмъ отъ этого»—они отвѣчали, что кн. Ш. получитъ, на выборъ, серебряный сервизъ или 25 тысячъ рублей золотомъ, а каждый изъ нихъ по 5 тысячъ рублей. Замѣтивъ колебаніе со стороны кн. Ш., пріятели его стали доказывать, что гораздо благоразумнѣе согласиться и поддержать Вульфа, чѣмъ упорствовать, такъ какъ Вульфъ все равно возьметъ верхъ, имѣя сильныхъ покровителей. Кн. Ш. отложилъ рѣшеніе до слѣдующаго дня и пригласилъ ихъ пріѣхать обѣдать. На другой день, когда явились къ обѣду приглашенные имъ пріятели, кн. Ш. твердо сказалъ имъ: «Прошу увѣрить г. Вульфа, что я справедливость, славу моей монархини и пользу моего отечества ни за какую цѣну продавать не намѣренъ». Несмотря на всѣ старанія, Вульфу не удалось получить желаемой поставки, такъ какъ кн. Ш. довелъ до свѣдѣнія императрицы о своемъ планѣ, и она неоднократно заявляла разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ, отъ которыхъ зависѣло рѣшеніе этого вопроса, что она останется очень довольна, если русская армія будетъ снабжаться не иностранными, а своими русскими продуктами, въ особенности сукнами, за которыя Англія получаетъ ежегодно по нѣскольку сотъ тысячъ рублей.

Въ виду усиленныхъ приготовленій въ Европѣ къ военнымъ дѣйствіямъ, императрица Елизавета Петровна велѣла созвать генералитетъ. Кн. Ш., по своей должности генералъ-кригсъ-комиссара, тоже участвовалъ въ этомъ засѣданіи, а потому зналъ, что изъ предосторожности рѣшено было сдѣлать лишь нѣкоторыя приготовленія. Каково же было его удивленіе, когда онъ получилъ на другой день секретный указъ изъ Военной Коллегіи, что всѣ полки должны быть готовы къ выступленію въ походъ въ январѣ 1757 г., а потому могутъ требовать изъ комиссаріата, не обращая вниманія на сроки, все, чего недостаетъ или что негодно изъ одежды или изъ амуниціи. Зная, что наканунѣ, въ засѣданіи генералитета, не было постановлено о поспѣшномъ и чрезвычайномъ снабженіи полковъ, кн. Ш. обратился къ генералъ-прокурору и заявилъ, что представитъ въ Сенатъ указъ, полученный изъ Военной Коллегіи. На другой день, по приглашенію генералъ-прокурора, собрались всѣ сенаторы и, выслушавъ докладъ кн. Ш., постановили, чтобы онъ снабжалъ полки только тѣми вещами, которымъ вышли сроки; Военной Коллегіи былъ посланъ отъ Сената указъ съ «небольшимъ репримандомъ».

Съ дозволенія императрицы кн. Ш. поѣхалъ на нѣсколько времени въ Москву, для устройства важныхъ дѣлъ въ Главномъ Комиссаріатѣ, перенесенномъ изъ Петербурга въ Москву послѣ вступленія кн. Ш. въ должность генералъ-кригсъ-комиссара. Снабдивъ въ теченіе зимы всѣмъ необходимымъ армейскіе и

гарнизонные полки, кн. Ш. въ половинѣ лѣта возвратился въ Петербургъ. Вскорѣ послѣ того при дворѣ была собрана генералитетская конференція для рѣшенія разныхъ вопросовъ, касающихся войны съ прусскимъ королемъ. Когда стали изыскивать средства для покрытія чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ, кн. Ш. заявилъ, что въ Москвѣ въ Главномъ Комиссаріатѣ лежитъ 4 милліона рублей, накопленные имъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ путемъ строгой экономіи. Вскорѣ (въ 1757 г.) кн. Ш. снова уѣхалъ въ Москву, для присутствія въ главномъ комиссаріатѣ. Вслѣдствіе рекрутскаго набора и скопленія въ Москвѣ большого количества новобранцевъ, московскій генеральный госпиталь, состоявшій подъ вѣдѣніемъ кн. Ш., оказался настолько переполненнымъ больными солдатами и рекрутами, что некуда было помѣщать вновь заболѣвшихъ, и смертность увеличивалась. Кн. Ш., лично посѣтившій госпиталь, счелъ необходимымъ принять мѣры для пріисканія дополнительныхъ помѣщеній. Такъ какъ вблизи госпиталя не находилось наемныхъ квартиръ, куда бы можно было перевести госпитальныхъ служителей, съ тѣмъ, чтобы ихъ квартиры занять больными, кн. Ш. обратился въ конюшенную и дворцовую конторы, у которыхъ имѣлись свободныя помѣщенія близъ госпиталя. Кн. Ш. послалъ за комиссаромъ, жившимъ въ одномъ изъ строеній дворцоваго вѣдомства, и получилъ отъ него подтвержденіе того, что уже было ему извѣстно, т.-е., что деревянныя строенія, заключающія въ себѣ пивоварню, поварню, избы и амбары, за ветхостью предназначены къ снесенію, о чемъ даже напечатано въ газетахъ. Кн. Ш. немедленно послалъ офицеровъ въ дворцовую и конюшенную конторы съ требованіемъ передать эти строенія на нѣкоторое время въ его вѣдѣніе и съ обѣщаніемъ возвратить ихъ въ исправленномъ видѣ. Офицеры донесли кн. Ш., что конюшенная контора дала разрѣшеніе занять свободныя зданія вѣдомства, а члены дворцовой конторы отвѣтили, что безъ дозволенія главной дворцовой канцеляріи, находящейся въ Петербургѣ, они не смѣютъ передать въ его вѣдѣніе пивоваренный дворъ съ прочими постройками, а потому пусть кн. Ш. самъ отъ себя напишетъ въ Петербургъ. Будучи увѣренъ, что императрица благосклонно отнесется къ его стараніямъ наивозможно лучше и удобнѣе размѣстить больныхъ, кн. Ш. въ тотъ же день послалъ письменный приказъ генералъ-маіору Комингу, назначенному для надсмотра за генеральнымъ госпиталемъ, чтобы онъ помѣстилъ больныхъ, сколько окажется возможнымъ, въ зданія конюшеннаго вѣдомства; въ строенія же дворцоваго вѣдомства, сдѣлавъ нѣкоторыя исправленія и приспособленія, перевелъ бы священниковъ, причетниковъ, писарей и разныхъ госпитальныхъ служащихъ, а въ ихъ прежнихъ квартирахъ размѣстилъ бы больныхъ. Изъ предосторожности и для огражденія себя отъ могущихъ возникнуть непріятностей, кн. Ш. написалъ между прочимъ въ своемъ приказѣ слѣдующее: «а дабы въ оныхъ въ пивоваренномъ дворѣ покояхъ не токмо больные содержаны не были, но ни тѣ служители, которые за больными хожденіе имѣютъ, туда не ходили, о томъ бы онъ крѣпкое наблюдательство употребилъ и по исполненіи по тому моему приказу, колико гдѣ больныхъ и въ оный пивоваренный домъ кого именно помѣстить, письменно бы мнѣ рапортовалъ». Черезъ два или три дня кн. Ш. получилъ отъ генералъ-маіора Коминга письменный рапортъ объ исполненіи возложеннаго на него порученія и именной списокъ, куда кого онъ помѣстилъ. Кн. Ш. немедленно послалъ сообщеніе въ Петербургскую дворцовую канцелярію о представившейся необходимости занять предназначенный къ сломкѣ пивоваренный дворъ ея вѣдомства. Одновременно съ отсылкою этого донесенія онъ написалъ Ив. Ив. Шувалову и своему пріятелю Вас. Александ. Нащокину, прося ихъ защиты, въ случаѣ, если его недоброжелатели будутъ говорить что-нибудь не въ его пользу. Но кн. Ш. никакъ не могъ ожидать той непріятности, которая вскорѣ послѣдовала. Въ разгаръ его переписки съ Петербургомъ, былъ присланъ къ нему оттуда гвардейскій офицеръ Безобразовъ съ письмомъ отъ директора тайной канцеляріи гр. Ал. Ив. Шувалова, въ которомъ между прочимъ сказано: «Ея Императорскому Величеству

извѣстно учинилось, что вы самовольно заняли въ дворцовомъ пивоваренномъ домѣ тѣ каморы, въ коихъ для собственнаго Ея Величества употребленія разливаютъ и купорятъ съ напитками бутылки, и помѣстили въ нихъ прачекъ, кои со всякими нечистотами бѣлье съ больныхъ моютъ, и для того, по собственному Ея Величества Высочайшему повелѣнію, посланъ къ вамъ изъ тайной канцеляріи нарочный, гвардіи поручикъ Безобразовъ, коему повелѣно, ежели по освидѣтельствованію его въ тѣхъ покояхъ больные и прачки съ такими же нечистотами найдутся, то бы всѣхъ тѣхъ немедленно съ пристойною командою перевесть въ домъ вашъ для житья ихъ, не обходя ни единаго покоя въ вашихъ палатахъ, и точію въ вашей спальнѣ». Кн. Ш., не подозрѣвавшій недобросовѣстности госпитальнаго комиссара, спокойно отнесся къ этому письму и показалъ Безобразову полученный отъ генералъ-маіора Коминга и госпитальнаго комиссара именной списокъ лицъ, размѣщенныхъ въ домахъ дворцоваго вѣдомства. Услыхавъ отъ Безобразова, посѣтившаго прежде всего строенія пивовареннаго двора, что донесеніе совершенно справедливо, такъ какъ онъ дѣйствительно нашелъ тамъ больныхъ и прачекъ, кн. Ш. покорился необходимости помѣстить ихъ въ собственной своей квартирѣ впредь до выясненія дѣла. Догадавшись, что все это произошло не безъ сильнаго участія гр. Петра Ив. Шувалова, кн. Ш. послалъ по поводу своего приключенія донесеніе императрицѣ и написалъ гр. Ал. Ив. Шувалову, Ив. Ив. Шувалову, кн. Никитѣ Юрьев. Трубецкому и Вас. Александр. Нащокину. Кн. Ш. высказалъ генералъ-маіору Комингу и госпитальному комиссару свое неудовольствіе за то, что они умышленно поступили противъ его распоряженій и ввели въ заблужденіе своими лживыми рапортами; они опрадывались, какъ умѣли, но комиссаръ, чувствуя себя виноватымъ, вскорѣ отравился. Черезъ двѣ недѣли былъ присланъ изъ Петербурга указъ поручику Безобразову, чтобы онъ вывелъ изъ дома кн. Ш. назначенный туда постой, а самъ возвратился бы въ Петербургъ. Кн. Ш. получилъ письмо отъ Ив. Ив. Шувалова, въ которомъ между прочимъ сказано: «Ея Величество, увидя его оправданіе, сожалѣетъ, что такъ скоро и неосмотрительно съ нимъ учинено». Кн. Ш. не поторопился послѣ этого отправиться въ Петербургъ для личнаго объясненія императрицѣ обстоятельствъ дѣла и лишь полгода спустя, уже осенью, уѣхалъ изъ Москвы. Отъ своихъ пріятелей кн. Ш. узналъ, какъ «въ повреждение ему все сплетено было и какимъ хитрымъ обманомъ всемилостивѣйшая и правдолюбивая монархиня на то рѣшеніе приведена была». Пробывъ нѣсколько времени въ Петербургѣ, кн. Ш. намѣревался снова отправиться въ Москву, чтобы на мѣстѣ наблюдать за дѣятельностью главнаго комиссаріата, но совершенно неожиданно получилъ рескриптъ изъ учрежденной при дворѣ конференціи о немедленномъ отъѣздѣ въ Пруссію къ арміи, для снабженія ея всѣмъ нужнымъ къ будущей кампаніи. Кн. Ш. отправился сначала въ Ригу, гдѣ находился подчиненный ему оберштеркригскомиссаръ Аршеневскій, и прожилъ тамъ нѣсколько недѣль, въ теченіе которыхъ успѣлъ препроводить полкамъ, стоявшимъ въ Пруссіи, все самое необходимое. Затѣмъ онъ послалъ письменныя распоряженія о дальнѣйшихъ мѣропріятіяхъ въ московскій главный комиссаріатъ и оберштеркригскомиссару Карабанову, находившемуся при заграничной арміи, для снабженія полковъ денежнымъ жалованьемъ. Изъ Риги кн. Ш. поѣхалъ въ Митаву, гдѣ, также какъ и въ Ригѣ, былъ устроенъ генеральный госпиталь, а затѣмъ въ Либаву, къ главнокомандующему заграничной арміей генералу Фермору, которому подалъ рапортъ, такъ какъ состоялъ подъ его «ордерами». Послѣ этого кн. Ш. спѣшилъ въ Ригу, а генералъ Ферморъ направился къ Кенигсбергу, которымъ ему удалось вскорѣ овладѣть безъ кровопролитія. По взятіи Кенигсберга, генералъ Ферморъ далъ знать кн. Ш., чтобы онъ немедленно прибылъ туда, и, какъ потомъ оказалось, намѣревался назначить его губернаторомъ въ новозавоеванномъ городѣ. Отвѣтивъ, что онъ пріѣдетъ, когда осмотритъ магазины и госпитали въ Ригѣ, Митавѣ и Граубингѣ, кн. Ш. донесъ въ то же время въ конференцію и самой императрицѣ объ исполненіи возложен-

наго на него порученія и о необходимости быть снова вблизи главнаго комиссаріата, чтобы не вышло замедленія въ сборѣ денегъ и въ отправкѣ требуемыхъ въ армію предметовъ. Вскорѣ кн. Ш. получилъ черезъ конференцію повелѣніе императрицы возвратиться въ Петербургъ, о чемъ было сообщено и генералу Фермору. По возвращеніи въ Петербургъ, кн. Ш. былъ милостиво принятъ императрицей, а нѣсколько недѣль спустя отправился въ Москву, гдѣ нашелъ въ главномъ комиссаріатѣ нѣкоторыя упущенія. Несмотря на благосклонное вниманіе императрицы и на похвалы конференціи, кн. Ш. не получилъ за свои труды никакой награды, а оберштеркригскомиссары Аршеневскій и Карабановъ пожалованы въ генералъ-маіоры за ихъ «особливыя, вѣрнорадѣтельныя и исправныя въ должностяхъ ихъ въ снабженіи арміи услуги». Эта неравномѣрность въ оцѣнкѣ труда взволновала кн. Ш., но онъ скоро преодолѣлъ чувство недовольства и попрежнему ревностно относился къ своей должности. Онъ продолжалъ не соглашаться съ Военной Коллегіей и съ Сенатомъ, если находилъ ихъ указы неправильными, и поступалъ по генеральному регламенту Петра Великаго, въ которомъ сказано: «ежели Сенатъ пришлетъ указъ, а Коллегія усмотритъ, что оный несходенъ съ казеннымъ интересомъ, то, по оному не исполняя, Коллегія должна съ изъясненіемъ представить; ежели же Сенатъ и потому вторичнымъ указомъ велитъ то исполнить, то немедленно должно о томъ донесть монарху». Руководствуясь этимъ правиломъ, кн. Ш. достигъ того, что Сенатъ отмѣнилъ одно рѣшеніе свое, согласное съ постановленіемъ Военной Коллегіи, и утвердилъ представленіе главнаго комиссаріата. Служба и сопряженныя съ нею безпокойства тяготили кн. Ш., и онъ сталъ мечтать о вторичной женитьбѣ и объ отставкѣ, чтобы вдали отъ свѣта, въ семейномъ кругу, провести остатокъ дней своихъ. Во время пребыванія въ Москвѣ въ 1758 г. онъ женился на вдовѣ генералъ-маіора Лопухина, Евдокіи Егоровнѣ, рожденной Фаминцыной.

Получивъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ женитьбы предписаніе конференціи ѣхать къ заграничной арміи, а предварительно явиться въ Петербургъ для полученія точныхъ наставленій, кн. Ш. немедленно отправился въ Петербургъ и подалъ присутствовавшимъ въ конференціи министрамъ письменное объясненіе о тѣхъ убыткахъ и затрудненіяхъ, которые могутъ произойти, если выполнить начертанный ими планъ. Кромѣ того, кн. Ш. переговорилъ съ благоволившимъ къ нему Ив. Ив. Шуваловымъ и подалъ императрицѣ на первомъ же куртагѣ «экстрактъ» относительно полученнаго имъ отъ конференціи заграничнаго порученія. Все это вмѣстѣ взятое способствовало измѣненію первоначальнаго рѣшенія конференціи и утвержденію представленнаго кн. Ш-мъ проекта о наилучшемъ способѣ снабженія арміи продовольствіемъ и обмундированіемъ. Дѣло происходило въ маѣ, и императрица по обыкновенію жила въ Петергофѣ, куда кн. Ш. и поѣхалъ ей «откланяться». На вопросъ кн. Ш., не будетъ ли какого особаго повелѣнія передъ отъѣздомъ его въ Москву, императрица сказала: «Я все о томъ слышала, но ты мнѣ надобенъ, изволь здѣсь побыть». Вслѣдствіе этого кн. Ш. остался въ Петербургѣ и, видя, что нѣтъ никакихъ дальнѣйшихъ распоряженій, вызвалъ изъ Москвы свое семейство, а съ главнымъ комиссаріатомъ сталъ вести усиленную переписку, опасаясь, какъ бы не произошло упущеній въ исполненіи взятыхъ имъ на себя передъ конференціей обязательствъ. Больше года кн. Ш. оставался въ неизвѣстности относительно своей участи и лишь въ половинѣ августа 1760 г. пожалованъ императрицею въ генералъ-прокуроры на мѣсто уволеннаго отъ этой должности кн. Трубецкого. Это назначеніе скорѣе смутило, нежели обрадовало его, и онъ откровенно высказалъ свои опасенія Ив. Ив. Шувалову. Кн. Ш. былъ увѣренъ, что главными врагами его окажутся: гр. Петръ Ив. Шуваловъ, который привыкъ, по мѣткому выраженію кн. Ш., «какими-бъ то путями ни было, искать и производить въ дѣйство свои устремительныя намѣренія», и бывшій генералъ-прокуроръ кн. Трубецкой, противъ воли и желанія отставленный отъ этой должности. Кромѣ того, его сильно озабочивало тогдашнее русское неправосудіе, ибо судьи во всѣхъ инстанціяхъ привыкли рѣшать

дѣла не по надлежащей строгости законовъ, а изъ угожденія вліятельнымъ лицамъ.

По вступленіи въ должность генералъ-прокурора, кн. Ш. пожелалъ ознакомиться съ порядками дѣлопроизводства и потребовалъ для разсмотрѣнія рапорты и вѣдомости о наличныхъ деньгахъ, которыя должны присылать въ Сенатъ всѣ подчиненныя ему учрежденія. Оказалось, что далеко не всѣ присутственныя мѣста одинаково исправны, а иныя, несмотря на многократныя требованія Сената, совсѣмъ не присылаютъ вѣдомостей, какъ напримѣръ, монетная контора и экспедиція передѣлки мѣдныхъ денегъ, состоящія въ вѣдѣніи гр. Петра Ив. Шувалова. Вслѣдствіе этого кн. Ш. велѣлъ написать въ экспедицію о присылкѣ вѣдомостей, а гр. Шуваловъ, узнавъ объ этомъ, пріѣхалъ въ присутствіе Сената и вступилъ въ длинныя объясненія съ новымъ генералъ-прокуроромъ. По своей новой должности кн. Ш. присутствовалъ и въ конференціи министровъ; въ первомъ же засѣданіи ея, несмотря на твердую рѣшимость не вступать въ споры, кн. Ш. не выдержалъ и заявилъ, что гр. Петръ Ив. Шуваловъ неправильно представилъ на разсмотрѣніе конференціи дѣло о ссудѣ одному помѣщику ста тысячъ рублей изъ мѣднаго банка, подъ залогъ деревень съ четырьмя тысячами душъ; такъ какъ дѣло это не подлежало рѣшенію конференціи, то и возвращено гр. Шувалову. Въ другой разъ самъ гр. Петръ Ив. Шуваловъ, присутствуя въ министерскомъ собраніи, хлопоталъ объ опредѣленіи въ монетную контору одного полковника, оставленнаго безъ мѣста, при чемъ просилъ назначить ему двойное, по армейскому окладу, жалованье. Согласившись на опредѣленіе его въ монетную контору, кн. Ш. рѣзко заявилъ, что не можетъ считать правильнымъ увеличеніе жалованья. Графъ Петръ Ив. Шуваловъ взволнованно замѣтилъ, что ясно видитъ, какъ кн. Ш. во всемъ старается ему препятствовать и досаждать. На другой день кн. Ш. отправился къ Ив. Ив. Шувалову и выразилъ желаніе въ его присутствіи переговорить съ гр. Петромъ Ив., чтобы увѣрить ихъ обоихъ въ своемъ расположеніи и непоколебимой рѣшимости постоянно дѣйствовать сообразно съ закономъ и справедливостью. Нѣсколько дней спустя состоялось это свиданіе. Выслушавъ перечисленіе всѣхъ неудовольствій, причиненныхъ графу Петру Ивановичу въ Сенатѣ и въ конференціи, кн. Ш. такъ началъ свое оправданіе: «Весьма я сожалѣю, что ваше сіятельство, будучи столь многими похвальными талантами отъ Бога награждены и столь великія нашей всемилостивѣйшей монархинѣ и отечеству заслуги учиня, даете себя ослѣплять богомерзкимъ ласкателямъ, кои, пользуясь вашими могуществами, непримѣтно ведутъ васъ на путь несчастливыхъ!» Послѣ этого онъ подробно остановился на тѣхъ мѣропріятіяхъ графа Петра Ив., которыя бросаютъ на него тѣнь, какъ, напримѣръ: 1) на продажѣ эльтонской соли, которая дороже и хуже астраханской и пермской; 2) на снятіи пошлинъ со всѣхъ товаровъ внутренней торговли, въ томъ числѣ и съ желѣза заводовъ самого графа; 3) на мнимомъ увеличеніи платежей съ откупщиковъ по винной продажѣ и участіи графа въ подрядахъ; 4) на раздачѣ дворянамъ въ заемъ мѣдныхъ денегъ подъ малые проценты. Всѣ эти разговоры были, конечно, весьма непріятны гр. Петру Ивановичу и послѣ нихъ онъ еще рѣже сталъ пріѣзжать въ присутствіе сената и министерской конференціи, ссылаясь на болѣзнь, которая будто бы усилилась изъ-за «дерзкихъ и колкихъ рѣчей» кн. Ш. Что касается личныхъ отношеній, то гр. П. И. Шуваловъ старался ласково обходиться съ кн. Ш., главнымъ образомъ, повидимому, для того, чтобы склонить его на свою сторону при обсужденіи проекта о вторичной перечеканкѣ мѣдной монеты. Когда проектъ этотъ былъ переданъ въ Сенатъ, всѣ сенаторы въ концѣ концовъ согласились на перечеканку, но кн. Ш. остался при отдѣльномъ мнѣніи и представилъ таковое императрицѣ, вслѣдствіе чего не послѣдовало утвержденія проекта. Кн. Ш. оставался при особомъ мнѣніи не только по вопросамъ внутренняго управленія, но и по вопросамъ иностранной политики, которые приходилось рѣшать въ конференціи министровъ. Такъ, напримѣръ, онъ не согласился подписать рескриптъ, отправленный русскому послу при французскомъ дворѣ относительно перемирія Россіи съ Пруссіей, по примѣру Франціи, желавшей прі-

сотановить на время военныя дѣйствія. Кн. Ш. настаивалъ на поднесеніи этого рескрипта императрицѣ, для прочтенія и «аппробаціи», но министры, ссылаясь на нездоровье государыни, говорили, что не слѣдуетъ безпокоить ее своими докладами, и рескриптъ былъ отосланъ безъ подписи кн. Ш. Нѣсколько недѣль спустя была получена реляція отъ русскаго посла при вѣнскомъ дворѣ, что Франція склоняетъ имперію Габсбурговъ, также какъ и Россію, къ перемирію съ Пруссіей, но что имперія нѣмецкая на это не согласна. Въ тотъ же день императрица потребовала къ себѣ «въ комнату» министровъ конференціи и спрашивала, какія имѣются отъ заграничной арміи извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ. Вице-канцлеръ графъ Мих. Ил. Воронцовъ донесъ императрицѣ о вышеупомянутой реляціи посла въ Вѣнѣ, и Елизавета Петровна, похваливъ осторожность имперскихъ министровъ, сказала съ улыбкой: «а какъ бы отъ васъ онаго согласія Франція потребовала, я чаю, чтобъ вы на то согласиться не отреклись; а оной бы коварной нашъ непріятель своими интригами въ то время нашелъ способъ, умножа свои въ одно мѣсто войска, или цесарцовъ, или нашу армію, разбить; тогда-бъ узнали, да поздно, свою ошибку». Всѣ промолчали и вскорѣ возвратились въ собраніе конференціи, гдѣ кн. Ш. напомнилъ гр. Воронцову о своемъ поведеніи при рѣшеніи этого вопроса, за что его сочли тогда «упрямымъ спорщикомъ». Не останавливаясь на всѣхъ мѣропріятіяхъ кн. Ш. въ Сенатѣ и въ конференціи министровъ, скажемъ еще только объ одномъ несогласіи его съ остальными министрами по поводу Высочайшаго повелѣнія, даннаго по просьбѣ тяжко болѣвшаго тогда гр. П. И. Шувалова. Было повелѣно, на время болѣзни гр. Шувалова, поручить управленіе канцеляріями главной артиллеріи и оружейной генералъ-кригсъ-комиссару Глѣбову, который и подписывалъ бы вмѣсто графа П. И. Шувалова всѣ резолюціи. Кн. Ш. представилъ, что въ артиллерійской и въ оружейной канцеляріяхъ присутствуютъ членами два генералъ-поручика, Бороздинъ и Дебоскетъ, недавно прибывшіе изъ заграничной арміи и исправно исполняющіе свою должность, тогда какъ Глѣбовъ никогда не служилъ въ артиллеріи. Замѣтивъ, что министры намѣрены сдѣлать угодное гр. Шувалову, кн. Ш. отправился изъ засѣданія къ Ив. Ив. Шувалову, передававшему это Высочайшее повелѣніе конференцъ-секретарю Волкову. Ив. Ив. не только словесно, но и письменно въ тотъ день вечеромъ, просилъ кн. Ш. исполнить желаніе его умирающаго двоюроднаго брата. Вслѣдствіе этого кн. Ш. еще разъ былъ у Ив. Ив. и заявилъ ему, что министры могутъ дать ходъ дѣлу безъ его подписи, а что онъ не подпишетъ о томъ ни журнала, ни экстракта. На другой день утромъ сенаторы съ похвалой отнеслись къ непоколебимой твердости кн. Ш., а конференцъ-министры подписали протоколъ о порученіи Глѣбову артиллерійской и оружейной канцеляріи и приказали отослать въ Сенатъ безъ подписи кн. Ш. Не видя другого исхода, кн. Ш. рѣшилъ остаться на слѣдующій день дома, подъ предлогомъ сильной головной боли и ломоты въ глазахъ, и далъ знать сенатскимъ оберъ-секретарямъ, чтобы во время его болѣзни не было остановки въ рѣшеніи дѣлъ. На другой день сенаторы прислали къ кн. Ш. сначала протоколиста, а затѣмъ оберъ-секретаря, но ни того, ни другого генералъ-прокуроръ не допустилъ до себя. Узнавъ отъ своихъ доброжелателей, что сенаторы въ тотъ же день подписали полученный изъ конференціи экстрактъ и вслѣдъ затѣмъ отправили указы во всѣ надлежащія мѣста, кн. Ш. на другой же день поѣхалъ въ сенатъ и полушутя, полусерьезно напомнилъ сенаторамъ, какъ они хвалили его твердость, но, вмѣсто поддержки, подписали экстрактъ и дали ему ходъ. Рѣшеніе Сената осталось въ силѣ, но кн. Ш. былъ доволенъ, что не принималъ въ немъ участія. Вскорѣ послѣ этого кн. Ш., написалъ императрицѣ письмо, въ которомъ просилъ освободить его отъ исполненія генералъ-прокурорской должности, такъ какъ чувствуетъ, что не можетъ, съ пользой для дѣла, нести возлагаемыя на него закономъ обязанности. Состояніе здоровья Елизаветы Петровны ухудшалось съ каждымъ днемъ, а потому письмо это онъ показалъ Ив. Ив. Шувалову, прося доставить его императрицѣ. Тотъ не взялся, однако, передать письмо, говоря, что доктора за-

престили утруждать государыню какими бы то ни было дѣлами, и прибавилъ, что когда она поправится, то кн. Ш. увѣрится въ ея милостивомъ отношеніи и въ дружбѣ къ нему графа.

Между тѣмъ наслѣдникъ престола великій князь Петръ Ѳеодоровичъ, въ ожиданіи кончины императрицы, особенно приблизилъ къ себѣ бывшаго генералъ-прокурора кн. Никиту Юрьевича Трубецкого и бывшаго оберъ-прокурора Ал. Ив. Глѣбова, совѣтовался съ ними о разныхъ дѣлахъ и помѣстилъ ихъ за особеннымъ столомъ, черезъ двѣ комнаты отъ спальной императрицы. Кн. Ш. и сенаторъ Ив. Ив. Неплюевъ, опечаленные болѣзнью императрицы, находились однажды въ этой же комнатѣ, въ числѣ другихъ придворныхъ, и были высланы оттуда, по приказанію великаго князя, въ «прихожія комнаты». Вслѣдствіе этого они тотчасъ уѣхали домой, гдѣ черезъ нѣсколько часовъ получили извѣстіе о кончинѣ императрицы. Великій князь былъ сильно возстановленъ противъ кн. Ш., который часто отказывался исполнять его неумѣренныя денежныя требованіе въ пользу разныхъ лицъ, а потому кн. Ш. поступилъ весьма благоразумно, немедленно по воцареніи Петра Ѳеодоровича обратившись къ его любимцу, Льву Александровичу Нарышкину, съ просьбой исходатайствовать ему увольненіе отъ всѣхъ дѣлъ. Выйдя изъ церкви послѣ принесенія присяги, кн. Ш. узналъ, что отставка его принята императоромъ, и что на мѣсто генералъ-прокурора назначенъ уже Ал. Ив. Глѣбовъ.

Послѣ погребенія императрицы Елизаветы Петровны кн. Ш. уѣхалъ въ Москву, а весной переселился въ свою подмосковную деревню. Любя природу, онъ самъ работалъ иногда съ садовниками, радовался пѣнію птицъ и отдыхалъ въ кругу семьи отъ треволненій придворной и общественной жизни. 1-го іюля 1762 г. онъ вмѣстѣ съ женой и дѣтьми поѣхалъ не надолго въ Москву и на другой день узналъ тамъ отъ пасынка своей жены, гвардейскаго капитана Адр. Адр. Лопухина, о воцареніи Екатерины II. До оффиціальнаго объявленія кн. Ш. опасался говорить объ этомъ событіи во всеуслышаніе, чтобы не подвергнуться какой-нибудь бѣдѣ, а потому никого не принималъ и самъ не выходилъ изъ дому, пока не былъ приглашенъ въ сенатское собраніе, для выслушанія манифеста о восшествіи на престолъ Екатерины II и указа о вызовѣ его въ Петербургъ. Получивъ подорожную и прогонныя деньги, кн. Ш. отравился въ Петербургъ, при чемъ мысленно говорилъ себѣ: «увы! я предвижу слабостей моихъ надъ здравымъ разсудкомъ поверхность; онѣ меня скоро уподобятъ такому корабельщику, которой на открытомъ морѣ уже многократно отъ штурмовъ и великихъ волнъ, между камнями и мелями, разбитіе корабля и потеряніе всего своего лучшаго имѣнія предъ глазами имѣвъ, чудными и нечаянными способами отъ того избавився, паки такимъ же бѣдствіямъ своевольно, для пристрастныхъ прихотей подвергается».

По пріѣздѣ въ Петербургъ, кн. Ш. въ тотъ же день явился къ воспитателю великаго князя Павла Петровича, Никитѣ Ивановичу Панину, съ которымъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ, а затѣмъ былъ милостиво принятъ самой императрицей, заявившей ему, что она желаетъ снова видѣть его на службѣ. Вступивъ въ сенатъ, кн. Ш, прежде всего занялся разсмотрѣніемъ хорошо извѣстнаго ему дѣла о синодальныхъ вотчинахъ и сочиненіемъ штатовъ для духовенства; эти труды кн. Ш. легли въ основаніе послѣдующихъ распоряженій Екатерины II о секуляризаціи церковныхъ вотчинъ и привели къ окончательному ихъ изъятію изъ синодальнаго управленія.

Въ сентябрѣ 1762 г. Екатерина II поѣхала въ Москву для коронаціи, и кн. Ш. находился въ ея свитѣ, въ числѣ самыхъ приближенныхъ лицъ, а во время коронаціонныхъ торжествъ получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго. Затѣмъ онъ сопровождалъ императрицу въ Новый Іерусалимъ и въ Троицкую лавру, а оттуда, черезъ Переяславь и Ростовъ, въ Ярославль. Во всѣхъ этихъ трехъ городахъ кн. Ш., съ соизволенія императрицы, обревизовалъ воеводскія и магистратскія канцеляріи и исполнилъ это такъ скоро и такъ хорошо, что заслужилъ отъ императрицы похвалу. Возвратившись въ Москву, кн. Ш., по высочайшему порученію, разсмотрѣлъ штаты коллегій, губернскихъ и воеводскихъ канцелярій и другихъ учрежденій, прибав-

ленныхъ къ нимъ съ теченіемъ времени. Такъ какъ кн. Ш. привыкъ относиться къ дѣламъ не поверхностно, а основательно изучать ихъ, то составленіе штатовъ потребовало не мало труда и было окончено почти черезъ годъ. Представивъ императрицѣ точную копію этихъ штатовъ, кн. Ш. просилъ ее назначить удобное время и дозволить прочесть ей вслухъ, чтобы имѣть возможность дать объясненіе, въ случаѣ какихъ-либо неясностей или сомнѣній. Императрица обѣщала это сдѣлать, но почему-то не исполнила; Сенатъ разсмотрѣлъ и одобрилъ штаты, а между тѣмъ, по переѣздѣ въ Петербургъ, недоброжелателями кн. Ш. были сочинены другіе штаты, которые императрица утвердила и прислала въ сенатъ для обнародованія. Это очень огорчило кн. Ш., но привычка служить, привычка вращаться въ высшихъ придворныхъ и правительственныхъ сферахъ и милостивое вниманіе императрицы, по собственному выраженію его, «насильнѣйше привязывали его и подъ тучами въ волнующемся вихрями морѣ обращаться». Черезъ годъ Екатерина II подарила женѣ кн. Ш. брилліантовыя серьги, стоимостью болѣе 5.000 рублей, а ему пожаловала 30.000 рублей.

Кн. Ш. присутствовалъ не только въ сенатѣ, но и въ комиссіи о коммерціи, и, наконецъ, такъ утомился отъ письменныхъ и словесныхъ споровъ и пререканій, что 1-го апрѣля 1766 г. счелъ за лучшее подать императрицѣ прошеніе объ отставкѣ. Прошеніе было принято, и онъ получилъ въ награду пожизненное сохраненіе жалованья. Кн. Ш. десять лѣтъ тихо и спокойно прожилъ въ отставкѣ: лѣто онъ проводилъ въ своей подмосковной деревнѣ, а на зиму переѣзжалъ въ Москву. Онъ скончался 23-го іюля 1777 г. и погребенъ въ Москвѣ, въ Донскомъ монастырѣ, въ трапезѣ теплой соборной церкви.

Кн. Ш. былъ женатъ дважды: въ первомъ бракѣ на княжнѣ Александрѣ Алексѣевнѣ Путятиной, во второмъ на Евдокіи Егоровнѣ Лопухиной, рожденной Фаминцыной. Отъ перваго брака у него былъ одинъ сынъ Өеодоръ (см. далѣе) и двѣ дочери—Анна р. 1738, ум. 1809 г., за кн. Өеод. Алекс. Голицынымъ, и Марія, р. 1741, ум. 13-го ноября 1827 г., за дѣйств. тайн. сов. Ник. Ник. Салтыковымъ. Отъ второго брака былъ одинъ сынъ Александръ, ум. въ 1791 г.

«Записки» кн. Шаховского выдержали нѣсколько изданій: 1-ое изд. Москва. 1810 г., in 8°, въ 2-хъ частяхъ, съ приложеніемъ портрета (259+251 стр.); 2-ое изд. С.-Пб. 1821 г., in 8°; въ 2-хъ частяхъ (XX+183+187 стр.); 3-е изд. «Русской Старины», С.-Пб. 1872 г. (325 стр.), съ приложеніемъ подлинныхъ бумагъ кн. Ш. Впервые отрывки изъ этихъ «Записокъ» появились въ печати въ «Вѣстн. Евр.» 1808 г., ч. XLI, № 17, стр. 11—36; № 18, стр. 97—115. Затѣмъ въ 1810 г. извлеченіе изъ «Записокъ» было напечатано Радищевымъ (сыномъ извѣстнаго автора книги «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву») подъ заглавіемъ «Жизнь кн. Як. Петр. Шаховского», М., въ 12 д., 172 стр., съ портретомъ. Біографическія замѣтки о кн. Шаховскомъ помѣщены въ слѣдующихъ изданіяхъ: «Словарь достопамятныхъ людей русской земли» Бантышъ-Каменскаго, М. 1836 г., ч. V, стр. 282—297; «Опытъ біографій генералъ-прокуроровъ» П. Иванова, С.-Пб. 1863 г., стр. 25—36; «Русскіе мемуары XVIII в.», статья П. П. Пекарскаго въ «Современникѣ» 1855 г., LII, стр. 70—77; «Записки русскихъ людей», замѣтки Г. Н. Геннади въ «Чт. М. О. И. и Д. Р.», М. 1861 г., кн. IV; «Исторія русской словесности» А. Д. Галахова. С.-Пб. 1863 г., т. I; «Высшая администрація въ Россіи XVIII в. и генералъ-прокуроры». А. Д. Градовскаго, С.-Пб. 1866 г. «Разныя свѣд. о рос. внѣшн. торг». Спб. 1829, стр. 73, 74; «Словарь» Ларуса, XIV, 334—335; «Справочн. энциклопедич. слов.» К. Крайя, XII; 223; «Энциклопедич. слов.» Ефрона, т. 77, стр. 237.

В. Корсакова.

Шаховской, князь *Өедоръ Ивановичъ*, окольничій и воевода; въ 1631 г. онъ былъ зачисленъ ко двору патріарха Филарета Никитича стольникомъ, въ 1634 г., послѣ смерти патріарха, былъ записанъ въ списки московскихъ дворянъ и поверстанъ денежнымъ и земельнымъ окладомъ. Въ 1642 г. князь Ө. И. Шаховской находился на службѣ въ Тулѣ подъ командой боярина князя А. Н. Трубецкого, 13-го февраля 1655 г. онъ былъ пожалованъ въ стряпчіе, а въ 1659 г. изъ стряпчихъ въ стольники. Въ званіи стольника кн. Ш. несъ обыкновенную стольничью службу при дворѣ, стоялъ рындою при представленіи иностранныхъ пословъ, «смотрѣлъ въ столы» во время торжественныхъ царскихъ обѣдовъ, ѣздилъ съ царемъ по монастырямъ и подмосковнымъ селамъ. Въ 1669 г. князь Өедоръ Ивановичъ былъ назначенъ вторымъ воеводой въ Смоленскъ, въ 1675 г. онъ былъ на Украйнѣ для береженія отъ крымскаго нашествія въ Сѣвскѣ подъ

начальствомъ князя Ю. А. Долгорукова; въ 1676 г., съ 28-го апрѣля—вторымъ воеводой во Псковѣ; въ 1680 г., уже при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, кн. Ш. былъ посланъ въ Алатырь, Курмышъ и другіе понизовые города разбирать государевыхъ ратныхъ людей и верстать ихъ помѣстнымъ и денежнымъ окладомъ, въ 1682 г. онъ упоминается въ чинѣ погребенія царя Ѳедора Алексѣевича, а въ 1683 г., 25-го сентября, пожалованъ былъ царевной Софьей въ окольничіе. Въ 1684 и 1685 гг. мы находимъ его на воеводствѣ въ Великихъ Лукахъ, откуда онъ въ 1685 же году былъ снова отозванъ въ Москву. Въ 1687 г. кн. Ш. былъ назначенъ на воеводство въ Черниговъ, въ 1690 г. былъ назначенъ членомъ Палаты Расправныхъ Дѣлъ, а въ 1700 г. членомъ учрежденной тогда коммиссіи, засѣдавшей въ Отвѣтной Палатѣ по распоряженію Петра Великаго для составленія новаго Уложенія. Въ томъ же 1700 году кн. Шаховской былъ отозванъ отъ этого дѣла и назначенъ въ посольство, готовившееся къ отправленію въ Стокгольмъ. Дипломатическіе переговоры, направленные къ устраненію враждебныхъ отношеній между Швеціей и Россіей, впрочемъ, не состоялись, такъ какъ началась извѣстная Великая Сѣверная война, и кн. Ш. остался въ Москвѣ. Въ дальнѣйшей своей, кажется, недолговременной дѣятельности кн. Ш. за старостью, повидимому, не выполнялъ никакихъ болѣе или менѣе важныхъ порученій. Годъ смерти князя Ѳ. И. Шаховского намъ неизвѣстенъ.

Спиридовъ: «Сокращенное описаніе служебъ благородныхъ россійскихъ дворянъ» (М. 1810), I, 281—283; «Древняя Россійская Вивліоѳика» (2-е изд.), IX, 293 и сл.; Соловьевъ (изд. т-ва «Общ. Польза»), III, 1239; Бантышъ-Каменскій, «Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи», III, 207; «Акты историческіе», II, 274. «Собраніе Государств. грамотъ и договоровъ», IV, 653; «Русская Историческая Библіотека» X, 375.

Е. Лихачъ.

Шаховской, князь *Ѳедоръ Яковлевичъ*, переводчикъ съ французскаго, сынъ кн. Якова Петровича Ш., родился въ 1740 г. Въ 1748 г. зачисленъ въ Семеновскій полкъ, въ 1753 г. произведенъ въ прапорщики, въ 1755 г.—въ подпоручики, въ 1758 г. — въ поручики, въ 1761 г. — въ капитаны и въ этомъ же году безъ всякихъ проступковъ заочно уволенъ Петромъ III, въ то время, когда находился въ чужихъ краяхъ кавалеромъ въ свитѣ посольства гр. Кейзерлинга и Чернышева. Послѣ этого пожалованъ въ армейскіе полковники и вѣчно отъ службы отставленъ. Отецъ его кн. Яковъ Петровичъ Ш., въ письмѣ 11-го іюля 1763 г., просилъ императрицу Екатерину сдѣлать его сына камеръ-юнкеромъ и позволить ему обучаться при Иностранной Коллегіи. Женатъ былъ на Аннѣ Александровнѣ Собакиной. Умеръ 29-го декабря 1782 года. Ш. перевелъ съ французскаго ч. I, а проф. Антонъ А. Барсовъ — ч. II «Наставленій политическихъ барона Билфелда» (Москва, ч. I—1768 г., ч. II—1775 г. Кураторъ В. Е. Ададуровъ писалъ въ 1763 г. Миллеру, что «въ переводѣ Бильфельда много собственнаго труда Ея Величества» и что «Ея Величество притомъ въ нѣкоторыхъ исправленіяхъ трудъ свой употребить изволила». Переводъ изданъ отъ Университета и ч. I печаталась подъ наблюденіемъ Барсова. Посвящено императрицѣ Екатеринѣ отъ имени «всеподданнѣйшаго Университета Московскаго», который Екатериной былъ «удостоенъ спосиѣшествовать къ изданію сего перевода».

П. Диринъ, «Исторія лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка», 1883 г., т. II, прилож. стр. 183.—«Записки кн. Як. Петр. Шаховскаго... 1705—1777 гг.», изд. 1872 г., 234.—Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, «Русская родословная книга».—Родословныя книги. — Н. Д. Чечулинъ, «Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II (1762—1774 гг.).—«Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго университета, 1755—1855 гг.», ч. I, стр. 56—7. — «Сборникъ Императорскаго Историческаго Общества», т. VII, 373—4. — В. Пфафъ, «Систематическій каталогъ книгъ на русскомъ языкѣ Императорской Публичной Библіотеки». 1863 г., № 79.—В. Сопиковъ, «Опытъ россійской библіографіи», № 2233, и указатель къ нему Рогожина, 179.—«Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки А. Смирдина, № 2174.

А. Купаловъ.

Шаховской - Глѣбовъ - Стрѣшневъ, кн. *Михаилъ Валентиновичъ*, генералъ-лейтенантъ, почетный опекунъ Московскаго Присутствія Опекунскаго Совѣта вѣдомства Императрицы Маріи. Родился 22-го сентября 1836 года. Воспитывался дома и 17-ти лѣтъ поступилъ въ Школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ. По окончаніи

курса по первому разряду въ 1855 году былъ произведенъ въ корнеты и назначенъ въ Кавалергардскій Ея Величества полкъ, но черезъ два года поступилъ въ Академію генеральнаго штаба, курсъ которой окончилъ въ 1859 году по первому разряду, послѣ чего болѣе 10-ти лѣтъ прослужилъ по генеральному штабу. Въ 1869 году, уже въ чинѣ полковника, Шаховской-Глѣбовъ-Стрѣшневъ былъ назначенъ начальникомъ штаба Рижскаго военнаго округа, а въ слѣдующемъ году назначенъ эстляндскимъ губернаторомъ и вскорѣ произведенъ въ генералъ-маіоры. На этой должности онъ дважды получилъ монаршее благоволеніе и, кромѣ того, ордена св. Станислава и св. Анны 1-ой степени. Въ 1875 году онъ былъ причисленъ къ министерству Внутреннихъ Дѣлъ, въ слѣдующемъ же году назначенъ Тамбовскимъ губернаторомъ. Должность эту занималъ онъ въ теченіе трехъ лѣтъ и за это время ему была объявлена Высочайшая благодарность. Въ качествѣ губернатора Шаховской-Глѣбовъ-Стрѣшневъ обратилъ на себя вниманіе крупными административными способностями и дѣятельнымъ, твердымъ характеромъ. 12-го марта 1879 года онъ былъ назначенъ почетнымъ опекуномъ Московскаго присутствія вѣдомства Императрицы Маріи и въ этой должности оставался до самой своей смерти. Въ 1881 году онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а вскорѣ послѣ того ему былъ пожалованъ орденъ Бѣлаго Орла. Назначенный почетнымъ опекуномъ, Шаховской-Глѣбовъ-Стрѣшневъ жилъ преимущественно въ Москвѣ. Послѣдніе годы своей жизни онъ сильно хворалъ и въ концѣ 1891 года уѣхалъ лѣчиться въ Германію, но уже болѣе не возвращался. М. В. скончался въ Аахенѣ 2-го февраля 1892 года, на 56 году отъ рожденія.

«Новое Время» 1892 г., 10-го февраля, № 5730, некрологъ; «Петербургскій Листокъ» 1892 г., № 40, некрологъ, стр. 3; «Новости и «Биржевая Газета» 1892 г., № 41, некрологъ, стр. 2; «Сынъ Отечества» 1892 г., № 40, некрологъ ,стр. 3; «Всеобщій Календарь» на 1893 г., некрологъ, стр. 551; «Русскій Календарь» на 1893 г., некрологъ, стр. 337; «Русскій Инвалидъ» 1892 г., № 34; «Московскія Вѣдомости» 1892 г; № 43; «Московскій Листокъ» 1892 г., № 34; Правительственный Вѣстникъ» 1892 г., № 36.

Е. Ястребцевъ.

Шаховъ, *Александръ Александровичъ,* — приватъ - доцентъ Московскаго Университета по каѳедрѣ исторіи всеобщей литературы. Сынъ А. И. Шахова (см. далѣе). Родился 20-го ноября 1850 г. Дѣтскіе годы провелъ въ Москвѣ, гдѣ воспитывался въ одномъ изъ лучшихъ тогдашнихъ пансіоновъ. Высшее образованіе получилъ въ Московскомъ Университетѣ по историко - филологическому факультету. Здѣсь уже черезъ два года онъ представилъ свое сочиненіе «О житіяхъ новгородскихъ святыхъ», за которое получилъ золотую медаль. Но вслѣдъ за этимъ онъ начинаетъ увлекаться западно - европейской литературой и рѣшаетъ посвятить себя изученію ея исторіи. Съ этою цѣлью по окончаніи университетскаго курса онъ отправился въ Парижъ, занялся тамъ подъ руководствомъ Дармстетера, преподававшаго грамматику романскихъ языковъ въ «Ecole des hautes ètudes, изученіемъ старофранцузскаго языка. Вернувшись въ Москву въ началѣ 1873 года, онъ въ томъ же году былъ приглашенъ профессоромъ В. И. Герье читать иностранную литературу на только что открытыхъ Высшихъ женскихъ Курсахъ. Здѣсь онъ первый годъ читалъ нѣмецкую литературу XVIII вѣка, а въ слѣдующемъ году французскую литературу XIX вѣка. О тѣхъ симпатіяхъ, какими онъ пользовался среди своихъ слушательницъ, можно судить изъ слѣдующихъ строкъ о немъ одной изъ нихъ: «Мы всѣ боялись проронить хотя бы одно слово изъ его (А. А. Шахова) лекцій. Ни дождь, ни грязь не останавливали слушательницъ бѣжать на его лекцію даже изъ такихъ далекихъ концовъ, какъ Петровскій паркъ, Мѣщанскія, Покровка, въ то время когда курсы помѣщались на Пречистенкѣ. Трудно было не увлечься тѣмъ живымъ, полнымъ энергіи словомъ, какимъ дышала каждая его лекція... Личность его слишкомъ тѣсно сливалась съ преподаваемымъ предметомъ, съ его лекціями, въ которыхъ онъ выступалъ свѣтлымъ, полнымъ энергіи и надежды». Однако не долго пришлось А. А. Шахову поработать на профессорскомъ поприщѣ. Здоровье его было слабое. Усиленныя занятія окончательно разстроили его и уже въ началѣ 1875 года у него появи-

лись признаки чахотки. Между тѣмъ, несмотря на это, онъ продолжалъ неутомимо работать надъ своей магистерской диссертаціей: «Французская литература въ первые годы XIX вѣка», которую и защитилъ весною того же года. Лѣтомъ по настоянію врачей онъ уѣхалъ за границу, гдѣ прожилъ болѣе года. Впрочемъ, такое продолжительное пребываніе на югѣ мало принесло пользы его здоровью, такъ какъ онъ почти не лечился, употребляя все свое время, главнымъ образомъ, на обработку своего новаго курса по исторіи французской литературы XVIII вѣка. Вернувшись осенью 1876 года въ Москву, онъ былъ принятъ въ число приватъ-доцентовъ Московскаго Университета. Здѣсь онъ объявилъ вышеназванный курсъ французской литературы, и аудиторія его, несмотря на не обязательность лекціи и ранній часъ (9 — 10 ч. утра), также, какъ и на Высшихъ, женскихъ Курсахъ, всегда была полна, причемъ въ числѣ его слушателей можно было встрѣтить студентовъ всѣхъ факультетовъ, что, конечно, ясно свидѣтельствовало о томъ интересѣ, какой вызывали среди учащейся молодежи лекціи А. А. Шахова. Однако, все болѣе и болѣе развивавшаяся чахотка не дала ему возможности второй годъ продолжать свою профессорскую дѣятельность. Осенью 1877 года врачи снова отправили его за границу, но было уже поздно, болѣзнь дѣлала свое дѣло, и Шаховъ, видя, что ему уже не поправиться, рѣшилъ вернуться умирать въ Москву, куда, дѣйствительно, и пріѣхалъ въ концѣ ноября того же года. Здѣсь прожилъ онъ только нѣсколько дней и скончался 5-го декабря 1877 года на 28-мъ году отъ рожденія.

Отчетъ Московскаго Университета за 1869 г., за 1875 г. и за 1877 г., ст. Стороженко, «Александръ Александровичъ Шаховъ», некрологъ, стр. 23—26; «Русская газета» 1877 г., 11-го декабря, ст. «Два слова о покойномъ А. А. Шаховѣ»; «Словарь» Ефрона, т. 77, стр. 237 — 238. *Е. Ястребцевъ.*

Шаховъ, *Александръ Николаевичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, первоприсутствующій въ третьемъ Департаментѣ Правительствующаго Сената. (Отецъ предыдущаго). Родился въ 1821 году. Воспитывался въ Императорскомъ Училищѣ Правовѣдѣнія, по окончаніи курса въ которомъ въ 1841 году поступилъ на службу въ канцелярію 2-го Департамента Сената. Въ 1845 году онъ былъ назначенъ секретаремъ 4-го Департамента Правительствующаго Сената, а черезъ два года причисленъ къ Министерству Юстиціи и назначенъ помощникомъ юрисконсульта. Черезъ пять мѣсяцевъ Ш. получилъ новое назначеніе на должность оберъ-секретаря 7-го Департамента Правительствующаго Сената. Въ 1853 году во время сенатской ревизіи Витебской губерніи состоялъ въ качествѣ чиновника особыхъ порученій при сенаторѣ Ахлестышевѣ. Въ 1858 году ему пришлось исполнять обязанности оберъ-прокурора 2-го Департамента Правительствующаго Сената. Съ цѣлью лучше изучить всѣ недочеты тогдашняго судопроизводства, въ виду предстоявшей судебной реформы, Ш. 26-го декабря 1858 года былъ назначенъ петербургскимъ совѣстнымъ судьею и эту должность исполнялъ два года. Въ 1860 году онъ принялъ участіе въ работахъ по пересмотру законоположеній о нашихъ судебныхъ установленіяхъ. Спустя два года ему былъ пожалованъ орденъ св. Владиміра 3-ей степени, а въ февралѣ 1863 года былъ утвержденъ въ должности оберъ-прокурора 1-го Отдѣленія 6-го Департамента Правительствующаго Сената. Затѣмъ въ теченіе цѣлаго года, помимо обязанностей по этой должности, онъ исполнялъ еще обязанности оберъ-прокурора московскихъ департаментовъ Правительствующаго Сената и, кромѣ того, завѣдывалъ сенатскою типографіею, за что и былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 1-й степени. Не мало потрудившись надъ выработкою новыхъ законоположеній о судебныхъ установленіяхъ, Ш. принялъ дѣятельное участіе въ проведеніи этихъ установленій въ жизнь. 4-го февраля 1866 года Именнымъ Высочайшимъ указомъ ему повелѣно быть предсѣдателемъ Департамента Московской Судебной Палаты. Вслѣдъ затѣмъ ему былъ пожалованъ орденъ св. Анны 1-й степени, а еще черезъ годъ онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники. 1-го марта 1868 года ему повелѣно было присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ и быть старшимъ предсѣдателемъ Московской Судебной Палаты. Между тѣмъ, судебная реформа 1864 года за-

воевывала большій и большій кругъ дѣйствія. Главные ея вдохновители употребляли всѣ усилія, чтобы возможно скорѣе провести ее въ жизнь. Въ концѣ 1868 года Ш. Высочайшимъ указомъ было поручено произвести ревизію старыхъ судебныхъ учрежденій Нижегородской губерніи. Въ своемъ отчетѣ объ этой ревизіи онъ горячо настаивалъ на возможно скорѣйшемъ проведеніи въ Нижегородской губерніи судебной реформы. Отчетъ Ш. былъ принятъ сочувственно и ему же поручено было открыть Нижегородскій Окружный Судъ. Открытіе это состоялось 23-го апрѣля 1869 года. О томъ, какую не легкую работу пришлось выполнить Ш. въ этомъ дѣлѣ, видно изъ отношенія на его имя министра юстиціи, въ которомъ между прочимъ говорится: «Послѣдовавшее открытіе новыхъ судебныхъ учрежденій Нижегородской губерніи и одновременное съ симъ упраздненіе тамъ судовъ прежняго порядка представляетъ собою послѣдствіе трудовъ вашихъ по Высочайше возложенному на васъ порученію. Несмотря на значительность накопленія дѣлъ въ старыхъ судебныхъ мѣстахъ Нижегородской губерніи и возникшую отсюда трудность приведенія дѣлопроизводства означенныхъ судебныхъ мѣстъ прежняго порядка въ такое положеніе, которое давало бы возможность своевременнаго открытія новыхъ и упраздненія старыхъ судебныхъ мѣстъ означенной губерніи, распоряженія вашего превосходительства, требовавшія отъ васъ усиленныхъ трудовъ и непрестанныхъ заботъ, достигнули вполнѣ своей цѣли, благодаря обширнымъ познаніямъ вашимъ по судебной части, и дали ожидавшуюся отъ нихъ пользу». За этотъ трудъ Ш. было объявлено Высочайшее благоволеніе. Уже въ серединѣ слѣдующаго года ему поручена была снова подобная же работа—обревизовать старыя судебныя учрежденія Смоленской губерніи. Результатомъ ея явилось открытіе 12-го ноября того же года Смоленскаго Окружнаго Суда, за что Ш. было объявлено Высочайшее благоволеніе и, кромѣ того, 1-го января слѣдующаго года пожалованъ орденъ св. Владиміра 2-й степени. Въ томъ же году онъ производилъ ревизію старыхъ судебныхъ учрежденій и открылъ новыя, по уставу 20-го ноября 1864 года, въ Костромской губерніи. 1-го января 1875 года ему былъ пожалованъ орденъ Бѣлаго Орла. Затѣмъ еще неоднократно Ш. былъ командированъ для ревизіи старыхъ и введенія новыхъ судебныхъ учрежденій и, наконецъ, ему повелѣно было присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ съ увольненіемъ отъ должности старшаго предсѣдателя Московской Судебной Палаты, а впослѣдствіи онъ назначенъ былъ первоприсутствующимъ въ третьемъ департаментѣ Правительствующаго Сената. Дальнѣйшія его заслуги были вознаграждены орденомъ св. Александра Невскаго и орденомъ св. Владиміра 1-й степени. 1-го января 1889 года онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Скончался Ш. 1-го марта того же года, на 78 году отъ рожденія.

Формулярный списокъ за 1876 г.; Некрологи въ «Новомъ Времени» 1889 года, 3-го марта, № 4076; «Сынѣ Отечествѣ» 1889 г., № 59; «Всеобщемъ Календарѣ» на 1890 г., стр. 501; «Русскомъ Календарѣ» на 1890 г., стр. 253.

Е. Ястребцевъ.

Шаховъ *Яковъ Ивановичъ*, генералъ-маіоръ по адмиралтейству, начальникъ Камчатки. Воспитывался въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, куда поступилъ 25 іюня 1795 г. 15-го мая 1801 г. онъ былъ произведенъ въ мичманы, плавалъ въ Охотскомъ морѣ, при чемъ 1-го марта 1810 г. былъ произведенъ въ лейтенанты и въ 1815 г., 5-го апрѣля, вышелъ въ отставку съ чиномъ капитанъ-лейтенанта. Девять лѣтъ спустя онъ снова поступилъ на службу и 11-го сентября 1828 г. былъ произведенъ въ маіоры, а 19-го апрѣля 1831 г. въ подполковники. Съ производствомъ же 15-го января 1835 г. въ капитаны 1-го ранга состоялось назначеніе Шахова начальникомъ Камчатки. Въ этой должности, онъ пробылъ болѣе пяти лѣтъ и въ 1840 г. возвратился въ Петербургъ. Разстроенное здоровье помѣшало ему продолжать службу, и 4-го октября 1842 г. онъ вышелъ въ отставку, при чемъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры.

«Общій Морской Списокъ» т. VIII, С.-Пб. 1894 г. стр. 486—487. *Е. Я.*

Шахъ (Шаху), *Яковъ*, есаулъ, генеральный гетманъ малороссійскій (1577—

1579 г.), другъ гетмана Ивана (Іапа) Подковы, которому онъ, съ помощью казаковъ, содѣйствовалъ въ достиженіи Молдавскаго господарства. Водворясь въ Яссахъ, Подкова «Шаху всѣхъ волоховъ въ команду отдалъ» (1577 г.). Въ борьбѣ, съ прогнаннымъ Подковой воеводой Петриломъ Ш., обладая малочисленнымъ войскомъ, примѣнялъ разныя хитрости. Его казаки, послѣ перваго же залпа непріятеля, падали на землю и давали ему приблизиться на самое близкое разстояніе, тогда съ крикомъ бросались на врага и, пользуясь испугомъ, наносили чувствительный уронъ. Когда Петрило, для защиты войска, приказалъ гнать впереди его стадо лошадей и воловъ, Ш. стрѣлялъ по нимъ дробью, погналъ стадо на воиновъ Петрилы и т. п. Не видя возможности удержаться въ Молдавіи, Подкова со своими войсками отступилъ къ Запорожью, изыскивая пути, безопаснаго отъ преслѣдованій гетмана польскаго и воеводы браславьскаго, «которымъ, по королевскому указу (вынужденному настояніями Порты), его чтобъ словить, всѣми мѣри трудиться повелѣно». Избѣгая кровопролитія, гетманъ польскій пустился на хитрость и склонилъ Ш. и другихъ казаковъ убѣдить Подкову, «чтобъ онъ къ королю поѣхалъ и его величеству оправдался-бъ», обѣщая свою защиту и милостивый пріемъ у Стефана Баторія. Однако, король схватилъ Подкову, заточилъ въ монастырь, а въ 1578 г. во Львовѣ казнилъ. Казаки рѣшили мстить полякамъ за вѣроломство. Избравъ на гетманство Ш., они совершили нѣсколько набѣговъ въ Молдавію и Подолію. Ш. началъ доносить Польшѣ, что Султанъ намѣренъ овладѣть Молдавіей и Валахіей и приблизилъ свои войска къ границамъ Польши и Россіи. Стефанъ Баторій разрѣшилъ тогда Ш. умножить разъѣзды и военныя силы на Турецкой границѣ. Пославъ часть своего войска разъѣздомъ по Днѣстру, Ш., во главѣ многочисленнаго отряда, вторгся въ Валахію и осадилъ Бухарестъ, предавъ огню его предмѣстья. Преданіе гласитъ, будто Подкова былъ убитъ въ Бухарестѣ и Ш., осадивъ его, требовалъ убійцъ. Граждане выдали ему 17 душъ; обрѣзавъ имъ носы и уши, Ш. повѣсилъ выданныхъ съ надписью: «Тако караются вѣроломци и зрадцы, проливающіе кровь христіанскую невинную». По требованію возмущеннаго султана, Ш. былъ преданъ королемъ суду старшины генеральной и всего войска запорожскаго. Его отрѣшили отъ гетманства и заточили навсегда въ Каневскій монастырь, мѣсто погребенія гетмана Подковы. Тамъ онъ и умеръ, добровольно принявъ схиму. Ш. положилъ начало враждѣ малороссовъ къ полякамъ. Онъ первый подалъ мысль объ освобожденіи южной Россіи отъ власти Польши при помощи казацкаго возстанія. Онъ выгонялъ шляхтичей, поселившихся въ Подоліи, и заставилъ думать, что казаки могутъ со временемъ образовать свое самостоятельное государство.

«Лѣтопись Самовидца», издана Кіевскою временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, Кіевъ, 1878 г. 8⁰; «Лѣтопись Годяческаго полковника Григорія Грабянки», Кіевъ, 1854 г., 8⁰; «Исторія Руссовъ» Георгія Кониcскаго. «Чтенія въ Общ. Истор. и Древн. Россійскихъ», Москва, 1846 г., 8⁰; «Исторія Малой Россіи», Д. Бантыша Каменскаго, 4-е изд. Изд. Іогансона, Кіевъ, 1903 г., ч. 1, 8⁰; «Богданъ Хмѣльницкой», Н. Костомарова, т. I. Изд. Кожанчикова, С.-Пб., 1870 г., 8⁰ Лѣтопись С. Велички. «Справочный энциклопед. слов.» К. Крайя, XII, 224. *В. Ф—ко.*

Шахъ-Али (*Шигъ-Али*, *Шейхъ-Али*), царь Казанскій, сынъ Касимовскаго хана Шейхъ-Алей-Яра (Шигъ Авліара), потомокъ Тохтамыша, внукъ Ахмата, умеръ въ 1567 г.

Вмѣстѣ съ отцомъ своимъ онъ вышелъ изъ Астраханскаго царства и поступилъ на службу къ великому князю Московскому.

Началъ править Касимовскимъ ханствомъ, а также и Мещерскимъ городкомъ послѣ смерти отца своего, т.-е. съ 1516 или 1517 годовъ. Однако ханомъ Касимовскимъ Ш.-А. считался лишь номинально: въ декабрѣ 1518 г. умеръ Казанскій царь Магмедъ-Аминь, и въ преемники ему былъ назначенъ великимъ княземъ Московскимъ Шигъ-Али.

Это первое царствованіе Ш.-А. въ Казани отличалось сравнительнымъ спокойствіемъ; продолжалось оно съ 1519 г. по 1521 г. Впрочемъ Ш.-А. съ первыхъ же шаговъ возбудилъ неудовольствіе народа: признавая зависимость Россіи и опираясь на московскаго воеводу, находившагося при немъ, онъ во всемъ предпочиталъ выгоду московскаго государя

выгодѣ казанцевъ. Казанскіе вельможи совѣтовали Ш.-А. отступиться отъ Россіи, но онъ ихъ за это наказывалъ, какъ мятежниковъ. Ш.-А. не имѣлъ достаточно ни твердости, ни характера, чтобы упрочить свою власть въ Казани, и его трехлѣтнее царствованіе завершилось очень печальнымъ случаемъ. Въ концѣ 1520 года поднялся мятежъ въ Крымскомъ ханствѣ. Крымскій ханъ уговаривалъ казанцевъ примкнуть къ нему, обѣщая возстановить могущество Чингисъ-хана и, между прочимъ, предлагалъ брата своего Сагинъ-Гирея на казанскій престолъ. Весной 1521 г. Сагинъ-Гирей явился подъ Казанью и казанцы впустили его въ городъ безъ всякаго сопротивленія, а немного спустя формально признали своимъ царемъ. Ш.-А. вмѣстѣ съ воеводой Карповымъ и посломъ Юрьевымъ были посажены въ темницу. Затѣмъ однако ихъ выпустили и позволили выѣхать изъ Казани въ Россію. Ш.-А. кое-какъ добрался до русскихъ предѣловъ, гдѣ былъ встрѣченъ чиновниками и народомъ, высланными къ нему на встрѣчу. Въ Москвѣ Ш.-А. нашелъ очень радушный пріемъ со стороны великаго князя и, между прочимъ, Василій обѣщалъ отмстить за него казанцамъ.

Лѣтомъ 1523 г. великій князь предпринялъ походъ противъ казанцевъ, однако самъ онъ дошелъ только до Нижняго-Новгорода, откуда 23-го августа отправилъ Ш.-А. съ судовою ратью и двухъ воеводъ кн. Василія Шуйскаго и Бориса Горбатова съ прочимъ войскомъ противъ казанцевъ. Ш.-А. выполнилъ вполнѣ успѣшно возложенное на него порученіе. Въ томъ же году при устьяхъ Суры былъ основанъ городъ Васильсурскъ для угрозы казанцамъ—въ основаніи этаго города Ш.-А. принималъ дѣятельное участіе.

Весной 1524 г. былъ предпринятъ новый походъ на Казань, не имѣвшій, впрочемъ, никакихъ положительныхъ результатовъ. Когда 150.000 русское войско подъ начальствомъ Ш.-А. приблизилось къ Казани, Сагинъ-Гирей бѣжалъ въ Крымъ. Однако, Ш.-А. не сумѣлъ воспользоваться удобнымъ моментомъ—онъ не взялъ Казани, а заключилъ съ казанцами миръ. Насколько этотъ миръ былъ фиктивенъ, можно судить изъ того, что не успѣлъ Ш.-А. съ войскомъ отойти изъ-подъ стѣнъ Казани, какъ начались новыя войны и ссоры.

Въ 1528 г. Ш.-А. былъ посланъ съ войскомъ разорять Литовскую Украйну.

Съ конца 1531 г. и до начала 1532 г. Ш.-А- простоялъ въ Нижнемъ—онъ командовалъ войскомъ, посланнымъ на казанцевъ. Въ томъ же 1532 г. нѣсколько знатныхъ казанцевъ пріѣхали въ Москву и просили великаго князя, чтобы онъ позволилъ Ш.-А. ѣхать вмѣстѣ съ ними изъ Нижняго на Васильсурскъ, откуда они будутъ хлопотать объ избраніи Ш.-А. на казанскій престолъ. Какъ разъ въ это время казанскій царь Сафа-Гирей былъ низвергнутъ съ престола и изгнанъ изъ Казани. Однако, казанцы не захотѣли имѣть царемъ Ш.-А., а избрали его брата Дженалея, правившаго въ то время Мещерскимъ городкомъ. Великій князь, чтобы смягчить нѣсколько горечь разочарованія Ш.-А. и утѣшить его, подарилъ ему русскіе города Каширу и Серпуховъ, куда Ш.-А. и отправился 21-го сентября того же 1532 г. Однако, онъ недолго владѣлъ этими городами — всего три мѣсяца. Во время своего пребыванія въ Серпуховѣ и Каширѣ недовольный Ш.-А. сталъ тайно побуждать казанцевъ, астраханцевъ и ногаевъ къ мятежу противъ Дженалея; умыслы его были узнаны великимъ княземъ и онъ вмѣстѣ съ женой былъ сосланъ въ январѣ 1533 г. на Бѣлоозеро. Ссылка его продолжалась около трехъ лѣтъ. Возвращенію своему изъ ссылки Ш.-А. обязанъ только случаю: осенью 1535 г. въ Москву пришло извѣстіе, что казанцы, убивъ Дженалея, возвели на престолъ снова Сафа-Гирея; вмѣстѣ съ тѣмъ при великокняжескомъ дворѣ узнали, что въ Казани существуетъ партія, недовольная перемѣной, клонящаяся на сторону Россіи и расположенная къ Ш.-А. И дѣйствительно, эти слухи вскорѣ подтвердились: къ великой княгинѣ Еленѣ пришли отъ казанцевъ послы, которые просили къ себѣ въ цари Ш.-А. Шигъ-Али былъ возвращенъ изъ ссылки въ декабрѣ 1535 г. Покаявшись во всѣхъ своихъ прежнихъ грѣхахъ и получивъ прощеніе великаго князя, Ш.-А. просилъ свиданія съ ве-

ликой княгиней Еленой съ цѣлью отблагодарить ее лично за всѣ ея милости къ нему и его женѣ. Это свиданіе было разрѣшено Ш.-А. 9-го января 1536 г.

Лѣтомъ 1537 г. Ш.-А. съ великокняжескими воеводами стоялъ во Владимірѣ для защиты русскихъ границъ отъ казанцевъ. Въ 1539 г. Ш.-А. вмѣстѣ съ кн. Мстиславскимъ нанесъ два пораженія казанцамъ у Мурома и Костромы.

Съ 1540 до 1543 г. мы видимъ Ш.-А. снова владѣтелемъ касимовскимъ; владѣлъ ли онъ до этого времени, т.-е. въ періодъ отъ 1535 г. до 1540 г., чѣмъ-нибудь,—сказать трудно (мещерскимъ городкомъ онъ перестал владѣть съ 1532 г.). Вѣроятнѣе всего, что послѣ своего возвращенія изъ ссылки Ш.-А. жилъ въ Москвѣ, исполняя разныя порученія великаго князя.

18-го декабря 1540 г. Ш.-А., по приказанію великаго князя, ходилъ изъ Касимова къ Мурому противъ Сафа-Гирея; въ Мещерѣ настигъ ногайцевъ и разбилъ ихъ наголову. Лѣтомъ 1541 г., при приближеніи къ Москвѣ крымскаго хана Сагипъ-Гирея, Ш.-А. было послано приказаніе идти съ войскомъ во Владиміръ. Зимой 1542 г. у Ш.-А. въ Касимовѣ стояли окольничій Беззубцевъ и Замыцкой. 17-го января 1546 г. Сафа-Гирей былъ изгнанъ изъ Казани, и казанцы прислали къ Іоанну IV пословъ съ просьбой назначить на освободившійся престолъ Ш.-А. Въ іюнѣ того же года кн. Дмитрію Бѣльскому было поручено утвердить Ш.-А. на казанскомъ престолѣ. На этотъ разъ Ш.-А., занимая престолъ, имѣлъ въ виду лишь исполнить волю Іоанна IV; самъ онъ лично не могъ желать этого, такъ какъ боялся лицемѣрныхъ казанцевъ, не разъ его обманывавшихъ и даже чуть не погубившихъ. Онъ предполагалъ, и не безъ основанія, что и въ этотъ разъ казанцы затѣяли какую-нибудь хитрую игру. Предчувствія не обманули Ш.-А.: едва успѣлъ уѣхать изъ Казани кн. Бѣльскій, какъ казанцы пригласили изъ Крыма Сафа-Гирея, только что передъ этимъ ими изгнаннаго. Когда Сафа-Гирей появился на Камѣ, Ш.-А., не полагаясь на свое вліяніе и свою власть, бѣжалъ тайно въ Россію. На Волгѣ онъ взялъ лошадей у городецкихъ татаръ и поѣхалъ степью, гдѣ онъ встрѣтилъ людей, высланныхъ Іоанномъ IV для его охраны. Изъ Казани онъ прямо проѣхалъ къ себѣ въ Касимовъ, гдѣ оставался однако не долго. Вообще, съ 1547 г. до 1553 г. Ш.-А. не жилъ подолгу въ своемъ царствѣ, а провелъ это время или въ походахъ съ русскими войсками, или живя въ Москвѣ при Іоаннѣ IV.

Въ концѣ 1547 г. Іоаннъ IV, рѣшивъ предпринять походъ противъ Казани, приказалъ Ш.-А. вмѣстѣ съ кн. Воротынскимъ идти изъ Мещеры къ устью Цивили, чтобы тамъ соединиться съ главными силами. Самъ же князь до Казани не дошелъ вслѣдствіе различныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ и, поручивъ главное управленіе военными дѣйствіями Ш.-А., вернулся въ Москву.

Въ періодъ отъ 1549 г. до 1550 г. Іоанномъ IV было предпринято два похода на Казань—въ обоихъ Ш.-А. принималъ участіе. Первый походъ не далъ никакихъ положительныхъ результатовъ; слѣдствіемъ второго, оказавшагося въ военномъ смыслѣ также неудачнымъ, было основаніе гор. Свіяжска. Іоаннъ IV, простоявъ подъ Казанью 11 дней, возвратился въ Москву, поручивъ Ш.-А. и воеводамъ Булгакову и Юрьеву построить городъ на томъ мѣстѣ, которое онъ самъ раньше намѣтилъ. 24-го мая 1550 г. Ш.-А. съ воеводами прибылъ на Свіягу и заложилъ крѣпость, окончательное возведеніе которой было закончено черезъ 4 недѣли. Слѣдствія заложенія этого города оказались тотчасъ же: горные черемисы пришли къ Ш.-А. съ предложеніемъ подданства великому князю. Ш.-А. по порученію Іоанна IV привелъ ихъ къ присягѣ и сталъ уговаривать идти на казанцевъ. Между тѣмъ казанцы, не менѣе устрашенные основаніемъ русскаго города рядомъ съ ихъ владѣніями, послѣ бѣгства изъ Казани крымцевъ послали въ Москву пословъ сказать Іоанну IV, что они согласны имѣть своимъ царемъ Ш.-А. и отправить свою царицу Сююнбеку и царевича Утемишъ-Гирея въ Москву. Есть, впрочемъ, другое свидѣтельство, говорящее, что казанцы соглашались принять на свой престолъ Ш.-А. только подъ условіемъ его женитьбы на Сююнбекѣ и что, будто бы, когда Ш.-А. пріѣхалъ въ Казань, согласившись на бракъ, Сююнбека два раза пыталась его отравить, по-

чему и была отправлена имъ въ Москву. Но, какъ бы то ни было, Іоаннъ IV согласился на просьбу казанцевъ и поручилъ Алексѣю Адашеву отправиться въ Свіяжскъ и объявить Ш.-А., что государь пожаловалъ ему Казанское царство съ луговою стороною; горная же сторона должна была отойти къ Свіяжску. Въ августѣ 1550 г. Ш.-А. былъ посаженъ на казанскій престолъ и, согласно условію, освободилъ до 60.000 плѣнныхъ русскихъ.

Но Ш.-А. не оправдалъ тѣхъ надеждъ, которыя возлагались на него Іоанномъ IV и московской партіей въ Казани. Онъ колебался между двумя партіями, не имѣя на столько силы характера, чтобы рѣшительно примкнуть къ одной изъ нихъ. Плѣнныхъ онъ освободилъ далеко не всѣхъ, боясь волненія среди казанцевъ, которымъ было крайне невыгодно это освобожденіе. Тотъ же страхъ волненій принудилъ Ш.-А. послать пословъ въ Москву съ просьбой, чтобы Іоаннъ IV возвратилъ казанцамъ горную сторону, сбавилъ ясакъ (подать) и поклялся жить въ мирѣ съ казанцами. Въ первыхъ двухъ просьбахъ Ш.-А. было отказано, третью же Іоаннъ IV обѣщался уважить, если Ш.-А. освободитъ всѣхъ плѣнныхъ.

Недолговременное правленіе Ш.-А. въ Казани послужило лишь поводомъ къ возбужденію непримиримой ненависти и къ самому Ш.-А., и къ Москвѣ, не давъ никакихъ положительныхъ результатовъ. При всей своей слабохарактерности, Ш.-А. умѣлъ мстить своимъ врагамъ очень жестоко; такъ, въ ноябрѣ 1550 г., узнавъ, что вельможи казанскіе составили противъ него и кн. Палецкаго заговоръ, Ш.-А. пригласилъ ихъ къ себѣ на пиръ и злодѣйски всѣхъ перерѣзалъ (до 70 человѣкъ). Іоаннъ IV, услышавъ объ этомъ, послалъ въ Казань Алексѣя Адашева объявить Ш.-А., что ему не по душѣ такія звѣрства и что онъ хочетъ послать изъ Москвы войска для занятія Казани съ цѣлью огражденія жизни царя и успокоенія народа. Однако Ш.-А. не согласился на это, говоря, что онъ лучше добровольно сойдетъ съ престола, но что ему, какъ мусульманину, не подобаетъ вводить въ Казань христіанскія войска. Впрочемъ, онъ не отказывался помогать великому князю, чѣмъ можетъ. Въ этихъ переговорахъ прошелъ весь 1551 г. Казань, однако, не могла оставаться въ такомъ положеніи: послѣ кроваваго пира ненависть къ Ш.-А. достигла высшей степени. Казанцы рѣшились предложить даже подданство Іоанну IV, лишь бы онъ убралъ отъ нихъ ненавистнаго имъ Ш.-А., и вотъ въ январѣ 1552 г. въ Москву явилось посольство съ челобитьемъ убрать Ш.-А. и назначить намѣстникомъ въ Казань одного изъ русскихъ бояръ. Въ февралѣ 1552 г. въ Казань былъ отправленъ Ал. Адашевъ съ порученіемъ во чтобы то ни стало свести Ш.-А. съ казанскаго престола. Ш.-А. не забылъ своего слова помочь русскимъ: 6-го марта 1552 г., предварительно заколотивъ нѣсколько пушекъ и отправивъ пищали и порохъ въ Свіяжскъ, онъ самъ явился туда же, причемъ привелъ и передалъ русскому воеводѣ, въ качествѣ заложниковъ, 80 казанскихъ мурзъ, которыхъ онъ заманилъ въ русскій станъ хитростью. 24-го марта 1552 г. Ш.-А. съ женой, въ сопровожденіи окольничаго Морозова, былъ отправленъ изъ Свіяжска въ Касимовъ, уступленный ему снова въ удѣлъ. Въ маѣ того же года Іоаннъ IV вызвалъ Ш.-А. къ себѣ въ Москву, принялъ его очень милостиво, подарилъ многія села въ Мещерѣ и далъ позволеніе жениться на Сююнбекѣ, плѣнной казанской царицѣ.

Ш.-А. участвовалъ и въ походѣ противъ Казани 1552 г.: его войско плыло на судахъ по Волгѣ. 18-го августа Ш.-А. съ своимъ отрядомъ занималъ позицію на луговой сторонѣ Волги, именно онъ занималъ Гостиный островъ. При осадѣ Казани ему было поручено наблюдать, чтобы къ городу не могла подойти никакая помощь съ лѣвой стороны. Ш.-А. участвовалъ также и въ военномъ совѣтѣ русскихъ воеводъ на Царскомъ Лугу. 23-го августа отрядъ Ш.-А., перешедши мостъ черезъ рѣчку Ичку, занялъ позицію у татарскаго кладбища. Когда Казань была взята, Ш.-А. однимъ изъ первыхъ явился къ Іоанну IV съ поздравленіемъ.

Послѣ взятія Казани Ш.-А. очень скоро вернулся къ себѣ въ Касимовъ, гдѣ и прожилъ безвыѣздно съ осени 1553 г. до 1557 г. Въ этотъ періодъ жизни Ш.-А. въ Касимовѣ у него велась переписка съ

Іоанномъ IV относительно Сююнбеки. Въ концѣ 1557 г. Ш.-А. былъ поставленъ во главѣ 40.000 войска, шедшаго на Ливонію.

Послѣ Ливонскаго похода, около 1-го сентября 1558 г., Ш.-А. пріѣзжалъ въ Москву, гдѣ былъ щедро награжденъ Іоанномъ за службу. Съ ноября же 1558 г. и до 1562 г. онъ жилъ у себя въ Касимовѣ. Въ началѣ 1562 г. Ш.-А. снова покинулъ Касимовъ и взялся за оружіе: на этотъ разъ Іоаннъ IV употребилъ его на войну съ Сигизмундомъ, королемъ польскимъ. Ш.-А. выступилъ къ Смоленску 9-го марта 1562 г.; сколько времени онъ простоялъ въ Смоленскѣ — неизвѣстно.

Въ 1564 г. Ш.-А. стоялъ съ войскомъ въ Вязьмѣ, а въ 1565 г. былъ въ Великихъ Лукахъ и на Литовской границѣ. Умеръ Ш.-А 20-го апрѣля 1567 г. и похороненъ въ Касимовѣ; умеръ онъ совершенно бездѣтнымъ.

Баженовъ. «Казанская исторія». Казань.1847 г.; Рычковъ. «Опытъ казанской исторіи». Спб. 1767 г.; неизвѣстнаго сочинителя XVI в. «Исторія Казанскаго царства». Спб. 1791 г.; Рыбушкинъ. «Краткая исторія города Казани». Казань. 1834 г.; Соловьевъ. «Исторія Россіи». II изд., кн. 1 и 2, т. V и VI; «Труды восточнаго отдѣленія Императорскаго Археологическаго Общества», ч. IX. Спб. 1863 г.; Вельяминовъ-Зерновъ. «Изслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ»; Заринскій. «Очерки древней Казани». Казань. 1877 г. *В. Ахтямовъ.*

Шашинъ, *Николай Сергѣевичъ*, архитекторъ. Образованіе получилъ въ Императорской Академіи Художествъ, откуда, послѣ полученія за архитектурную композицію серебряной медали 2 достоинства, былъ выпущенъ въ 1824 г. съ дипломомъ 2 ст. и званіемъ художника архитектуры. Начатую имъ по окончаніи курса государственную службу черезъ десять лѣтъ прервалъ и отправился для усовершенствованія за границу. Въ Римѣ имъ было исполнено нѣсколько очень удачныхъ картоновъ. Объ одномъ изъ нихъ, изображавшемъ храмъ Нептуна въ Корѣ въ первобытномъ его состояніи, очевидецъ Тимоѳеевъ въ своихъ письмахъ въ Россію отзывался съ большою похвалою, отмѣчая въ особенности удачу автора въ передачѣ «прекраснаго прошедшаго». По возвращеніи въ Россію Ш. продолжалъ свою служебную дѣятельность и впослѣдствіи (1850 г.) былъ ярославскимъ губернскимъ архитекторомъ.

П. Н. Петровъ, «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Художествъ», ч. I; Тимоѳеевъ, «Русскіе художники въ Римѣ». «Библіотека для чтенія» 1835 г., № 11.
В. Б.

Шашковъ, *Серафимъ Серафимовичъ*, публицистъ и этнографъ. Родился въ Иркутскѣ въ ноябрѣ 1841 года, умеръ въ Новгородѣ 28-го августа 1882 года. Сынъ кяхтинскаго священника, Шашковъ воспитывался сначала въ уѣздномъ духовномъ училищѣ, а затѣмъ, съ 1854 по 1860 г., въ Иркутской Духовной Семинаріи. По окончаніи семинарскаго курса Шашковъ былъ посланъ въ Казанскую Духовную Академію, но въ слѣдующемъ году вышелъ изъ нея и отправился въ Петербургъ, чтобы слушать лекціи въ Университетѣ. Въ 1863 г. Шашковъ возвратился въ Сибирь. Побывавъ въ Иркутскѣ и Кяхтѣ, онъ поселился въ Красноярскѣ; здѣсь онъ основалъ частную школу, которая вскорѣ, однако, была закрыта. Нѣкоторое время послѣ этого Шашковъ жилъ въ Томскѣ, а затѣмъ, по случаю смерти отца, снова долженъ былъ отправиться въ Кяхту. Извѣстное дѣло о «сибирскомъ сепаратизмѣ» повлекло за собою для Шашкова ссылку. Съ 1868 по 1873 годъ онъ долженъ былъ проживать въ г. Шенкурскѣ, Архангельской губерніи, затѣмъ въ Бобровѣ, Воронежѣ и, наконецъ, въ Новгородѣ, гдѣ и оставался до самой смерти. Приблизительно съ самаго начала шестидесятыхъ годовъ Шашковъ почти исключительно посвятилъ себя литературной, главнымъ образомъ, журнальной дѣятельности. Помимо сочиненій, изданныхъ имъ отдѣльно, онъ участвовалъ въ «Дѣлѣ» (въ этомъ журналѣ было помѣщено наибольшее количество статей Шашкова), затѣмъ въ «Словѣ», «Отечественныхъ Запискахъ», «Живописномъ Обозрѣніи», «Искрѣ», «Недѣлѣ», «Современномъ Словѣ», «Устояхъ», «Вѣкѣ» и другихъ періодическихъ изданіяхъ. Шашковъ былъ разносторонне образованъ и начитанъ, являлся знатокомъ русской исторіи и литературы, а также сибирской исторіи и этнографіи, хорошо зналъ нѣсколько древнихъ и новыхъ языковъ. Нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ въ ссыл-

къ, сильно надломили здоровье Шашкова (у него, между прочимъ, образовалось впослѣдствіи параличное состояніе ногъ), но онъ до самой смерти не переставалъ усердно работать, даже въ послѣдніе два года жизни, проведенные имъ въ постели.

Литературная дѣятельность Шашкова началась рядомъ статей по сибирской этнографіи и исторіи, какъ-то: «Буряты Иркутской губерніи, ихъ нравы, обычаи, вѣрованія, легенды и пѣсни» («Иркутскія Губернскія Вѣдомости» 1858 г., №№ 11, 12 и 18), «Амурскій вопросъ въ 1861 году» («Вѣкъ» 1862 г., №№ 1—6), «Очерки Сибири въ историческомъ и экономическомъ отношеніи» («Библіотека для Чтенія» 1862 г., книги 10 и 12), «Россійско-американская компанія» («Очерки» 1863 г., №№ 58—61), «Сибирскіе инородцы» («Народное Богатство» 1863 г., №№ 203, 205, 208, 212, 213, 216 и 219), «Шаманство въ Сибири» («Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» 1864 г., кн. II я), «Матеріалы для исторіи Сѣверо-Восточной Сибири въ XVIII вѣкѣ» («Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей» 1864 г., кн. III) и другія. Всѣ эти изслѣдованія отличаются обстоятельностью и популярностью изложенія и гуманнымъ освѣщеніемъ общественныхъ вопросовъ, благодаря чему занимаютъ видное мѣсто въ русской литературѣ о Сибири. За этими трудами Шашкова слѣдовалъ длинный рядъ литературныхъ работъ самаго разнобразнаго характера. Изъ трудовъ Шашкова по исторіи культуры и разнымъ общественнымъ вопросамъ назовемъ: «Движенія русской общественной мысли въ началѣ XIX вѣка» («Дѣло» 1871 г., книги 1—4), «Общественно-психологическіе этюды» («Дѣло» 1872 г., кн. 5), «Недуги русскаго общества XVIII вѣка» («Дѣло» 1873 г., кн. 12), «Очерки первобытной жизни и мысли» («Дѣло» 1877 г., кн. 1, 2 и 7), «Вырожденіе востока, очерки общественной патологіи» («Дѣло» 1878 г., кн. 1—4), «Паденіе Рима и Византіи, очерки общественной патологіи» («Дѣло» 1878 г., кн. 5—7), «Прошедшее сельской общины» («Дѣло» 1878 г., кн. 9 и 10), «Развитіе первобытной культуры» («Дѣло» 1879 г., кн. 9—12), «Коммиссія Уложенія и крестьянское дѣло при Екатеринѣ II-й» («Дѣло» 1880 г., кн. 1—2 и 4), «Идеалы славянства» («Дѣло» 1880 г., кн. 11), «Русскій рабочій» («Дѣло» 1881 г., кн. 5 и 6), «Крестьяне въ Германіи и нѣмецкой Швейцаріи» («Наблюдатель» 1882 г., кн. 10—12). Изъ работъ Шашкова по исторіи русской и всемірной литературы укажемъ на статьи: «Вольтеръ: его романы и повѣсти» («Дѣло» 1870 г., кн. 12), «Пушкинъ и Лермонтовъ» («Дѣло» 1873 г., кн. 7 и 8), «В. А. Жуковскій» («Дѣло» 1874 г., кн. 1), «Эпоха Бѣлинскаго» («Дѣло» 1877 г., кн 1, 3—5, 7 и 8), «Н. А. Некрасовъ» («Дѣло» 1878 г., кн. 1), «А. В. Кольцовъ и новый разсказъ объ его поведеніи» («Дѣло 1878 г., кн. 9), «Народная поэзія и допетровская письменность» («Дѣло» 1879 г., кн. 11), «Франсуа-Мари Вольтеръ» («Дѣло» 1879 г., кн. 11—12), «Шевченко и Сырокомля» («Дѣло» 1880 г., кн. 3) и др. Значительное количество работъ Шашкова посвящено женскому вопросу; кромѣ изданныхъ имъ отдѣльно извѣстныхъ сочинненій: «Историческія судьбы женщины, дѣтоубійство и проституція» (С.-Петербургъ, 1871 г., 2-е изд. С.-Петербургъ, 1875 г.) и «Очеркъ исторіи русской женщины, съ прибавленіемъ статьи: «Русская проституція» (С.-Петербургъ, 1871 г., 2-е изд. С.-Петербургъ, 1879 г.), ему принадлежатъ статьи: «Главныя эпохи въ исторіи русской женщины» («Дѣло» 1871 г., кн. 1—4), «Новости женскаго дѣла» («Дѣло» 1871 г., кн. 11), «Женское дѣло въ Америкѣ» («Дѣло» 1872 г., кн. 1) и другія. Кромѣ двухъ указанныхъ сочиненій Шашкова по женскому вопросу, онъ издалъ отдѣльно «Историческіе этюды» (два тома, С.-Петербургъ, 1872 г.) и «Историческіе очерки» (С.-Петербургъ, 1875 г.). «Собраніе сочиненій С. С. Шашкова» издано, въ двухъ томахъ, О. Н. Поповой въ Петербургѣ въ 1898 году. Всѣ работы Шашкова проникнуты горячей вѣрой въ прогрессъ, нравственной чистотой, надеждой на возможность осуществленія въ жизни свѣтлыхъ идеаловъ, и въ нихъ ярко отражается личность ихъ автора,—глубоко правдиваго и честнаго человѣка, съ твердыми убѣжденіями, со свѣтлыми взглядами, съ глубокимъ сознаніемъ святости своего общественнаго служенія, готоваго отдать жизнь за то, что онъ считалъ истиной

и добромъ. «Все время я,—съ полнымъ правомъ говоритъ о себѣ Шашковъ въ одномъ посмертномъ письмѣ,—служилъ дѣлу правды и свободы».

Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», выпуски II (1885 г.) и IV (1888 г.); некрологъ С. С. Шашкова въ «Дѣлѣ» 1882 г., кн. IX, стр. 49—51; «Русскія Вѣдомости» 1882 г., № 239, отд. «Внутреннія извѣстія», «Нива» 1887 г., кн. 10, стр. 105—107; «Настольный энциклопедическій словарь», изд. Т-ва Гранатъ (5-е); «Историческій Вѣстникъ» 1898 г., октябрь, стр. 362—364 (замѣтка А. Фаресова о сочиненіяхъ Шашкова). «Энциклопедич. словарь» Эфрона, т. 77, стр. 236—237; «Восточн. Обозр. 1882, №№: 27, 28, 30—32.
В. Грековъ.

Шашоль, *Евсей*. Запорожскій кошевой 1672 г. Во время его начальствованія надъ Сѣчью въ ней явился нѣкто Вдовиченко, назвавшій себя святымъ мужемъ и пророкомъ, которому дана Богомъ власть провидѣть будущее. Онъ утверждалъ, что 7 лѣтъ назадъ Богъ ему велѣлъ въ 1672 году разорить Царь-Градъ и перенести изъ него золотыя ворота въ Кіевъ. За Вдовиченкомъ въ Сѣчь явилась огромная толпа народа, вѣрующаго въ его святость, съ требованіемъ похода на турокъ. Шашоль убѣждалъ Сѣчь подождать обѣщанныхъ царемъ вспоможеній къ походу, между прочимъ пушекъ, но пришедшіе за Вдовиченкомъ горожане такъ озлобились за это на Шашоля, что хотѣли его убить. Собравъ раду, они кричали, что надо надѣяться не на силу и славу запорожцевъ, а на слова Вдовиченка; голоса ихъ взяли верхъ, и рада, низложивъ Шашоля, назвала Вдовиченка кошевымъ и гетманомъ Полевымъ.

Въ 1675 г. Иванъ Сѣрко, знаменитый кошевой запорожскій, разсчитывая на милость царя, склонилъ Петра Дорошенко присягнуть на вѣрность Московскому правительству. Сѣрко же въ свою очередь клялся, что царь будетъ содержать Дорошенко въ своей милости со всѣмъ его войскомъ и городомъ Чигириномъ. Онъ обѣщалъ ему прощеніе за всѣ его проступки противъ царя и сохраненіе за нимъ гетманскихъ клейнодовъ. Шашоль съ товарищами должны были увѣдомить царя о присягѣ Дорошенка. 23-го декабря Шашоль прибылъ въ Москву и вскорѣ былъ отправленъ въ Сѣчь съ государевой грамотой въ которой царь дѣлалъ кошевому выговоръ за самовольное принятіе присяги Дорошенка и вмѣшательство въ не свое дѣло.

«Исторія Малой Россіи», соч. Д. Н. Бантыша Каменскаго. Изд. 4-ое. Кіевъ. 1903; «Исторія Россіи» С. М. Соловьева, кн. III.

Швабе, *Александръ Петровичъ*, профессоръ живописи, род. въ 1824 году; художественное образованіе получилъ въ Имп. Акад. Худож., гдѣ состоялъ въ числѣ учениковъ проф. А. И. Зауервейда. Здѣсь, съ самаго начала подавая надежды сдѣлаться виднымъ баталистомъ, Ш. не разъ заслуживалъ и оффиціальныя одобренія, и поощренія въ видѣ пособій; въ 1840 же г., за этюдъ съ натуры получилъ малую серебр. медаль. Но долго всѣ работы его не шли дальше этюдовъ съ натуры и незначительныхъ композицій. Лишь въ 1842 г. имъ написана была первая крупная вещь: «Парламентеры» (въ Третьяковской галлереѣ, въ Москвѣ). Въ 1843 г. онъ оставилъ Акад. Худож. со званіемъ неклассназо художника батальной живописи. Черезъ два года, въ маѣ 1845 г., Ш. поступилъ на службу при Управленіи Государств.Коннозаводствомъ и Императорскихъ скачкахъ, гдѣ на обязанности его лежало писать съ натуры лошадей. Съ этого времени Ш. забрасываетъ батальные сюжеты и скоро пріобрѣтаетъ въ новомъ жанрѣ настолько значительный навыкъ, что уже въ 1848 и 1849 г. 28 портретовъ лошадей, выигравшихъ призы, были куплены у него Государемъ Императоромъ, а за этимъ первымъ успѣхомъ послѣдовалъ рядъ заказовъ на портреты лошадей и собакъ какъ отъ Высочайшихъ Особъ, такъ и отъ частныхъ лицъ. Среди множества заказовъ онъ цѣлыхъ три года не могъ удѣлить достаточно времени для исполненія программы на званіе академика живописи. Акад. Худ. еще въ 1847 г. допустила его къ соисканію этого званія и ему батальную тему: «Смерть Кульнева въ клястицкомъ сраженіи». Но Ш. три года не подавалъ вѣстей о судьбѣ этой программы, а въ іюнѣ 1850 г. отказался отъ ея исполненія и, въ виду новаго направленія своей художественной дѣятельности, просилъ дать ему соотвѣтствующую задачу. Акад. Худ. на просьбу согласилась, и черезъ 3 мѣсяца Ш. представилъ ей картину: «Табунъ лошадей съ пастухомъ и собакой» и получилъ иско-

мое званіе. Слѣдующее званіе, званіе профессора живописи, Ш. досталось опять не безъ препятствій. Представленная имъ (1860 г.) въ Акад. Худ. картина «Охота на оленей» не заслужила одобренія Совѣта Акад., и въ званіи профессора ему было отказано. Но оно имъ все же было получено, такъ какъ въ августѣ 1861 г. тотъ же Совѣтъ, вѣроятно, не безъ давленія извнѣ, призналъ Ш. достойнымъ званія профессора живописи животныхъ, но на этотъ разъ уже не по исполненію программы, а «во вниманіе къ его особенному искусству и познаніямъ». Въ томъ же 1861 г. Ш. былъ избранъ и членомъ-соучастникомъ общества поощренія художествъ. Перечислить всѣ работы Ш. довольно трудно. Не говоря уже о множествѣ портретовъ собакъ, лошадей (въ Управл. Госуд. Коннозав., въ павильонѣ Царскосельскихъ скачекъ и пр.) и др. животныхъ, имъ не мало исполнено и болѣе или менѣе сложныхъ композицій. Изъ числа нихъ можно указать на слѣдующія вещи: картины, написанныя для Государя Императора: «Ловля зубровъ» (1862 г.), «Охота на волковъ» (1862 г.), «Двѣ собаки, гонящіяся за зайцемъ» (1864—65 г.), «Отбой собакъ отъ лисицы» и «Охотн. егерь съ гончими преслѣдуетъ волка» (обѣ, 1867—70 г., у Вел. Кн. Владиміра Александровича), затѣмъ, «Табунъ лошадей» (1850 г.), «Царскосельскіе бѣга» (1852 г., для фл.-ад. кн. Голицына), «Травля волка» (1861 г.), «Группа сибирскихъ оленей» (1862 г.), «Нападеніе ночью волковъ на табунъ лошадей» (1863 г.), «Сибирскіе олени на отдыхѣ» (1867 г., для старшины г. Риги И. П. Швабе), «Травля лисицы» (1867 года, въ Аничковскомъ дворцѣ) и «Травля медвѣдя». Наконецъ, должна быть отмѣчена серія портретовъ (43 шт.) домашнихъ животныхъ разныхъ породъ, сдѣланныя имъ по приказанію Вел. Кн. Николая Николаевича для земледѣльческой выставки. Будучи самъ страстнымъ любителемъ природы и животныхъ, Ш. умѣлъ любовь эту отразить въ своихъ произведеніяхъ, всегда жизненныхъ отличавшихся хорошимъ рисункомъ, почему, появляясь въ теченіе почти 20 лѣтъ (1844—1863 г.) на академическихъ выставкахъ, они всегда пользовались неизмѣннымъ вниманіемъ публики и пріобрѣли своему автору почетную извѣстность. Труды Ш. по службѣ также не оставались безъ наградъ, среди которыхъ слѣдуетъ указать на Высочайше пожалованный ему въ 1854 г. бриллiантовый перстень. Умеръ Ш. въ Спб. въ 1872 г.

П. Н. Петровъ «Сборн. матер. для ист. Имп. Ак. Худ.», ч. ч. II и III; «Отчеты Импер. Ак. Худ.» за 1851—52, 54—55 и 58—69 гг.; Архивъ Имп. Акад. Худ., д. № 84 за 1848 г. и д. № 51 за 1854 г.; «Отчетъ Общ. поощренія художествъ» за 1863—1865 гг.; Ѳ. И. Булгаковъ. «Наши художники»; т. II, «Энциклопед. словарь» Брокгауза и Ефрона, т. 77

Вал. Бер.

Швабе, *Карлъ Ивановичъ*, начальникъ адмиралтейскихъ Ижорскихъ заводовъ. Родился въ г. Ригѣ; на двѣнадцатомъ году, въ 1820 г., по желанію дяди, отданъ былъ въ Училище корабельной архитектуры, бывшее при Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ. Здѣсь онъ окончилъ курсъ наукъ, въ 1827 г., однимъ изъ лучшихъ учениковъ и по ходатайству директора Корпуса былъ командированъ, въ званіи кондуктора, въ Англію, для усовершенствованія въ практическомъ кораблестроеніи. Въ 1828 г., декабря 26-го, Ш. за отличіе былъ произведенъ въ прапорщики. По возвращеніи изъ Англіи въ 1831 г., онъ состоялъ при Охтенской верфи.

Съ 1840 г. по 1845 г. Ш. былъ приглашенъ преподавать уроки корабельной архитектуры въ офицерскихъ и гардемаринскихъ классахъ Морского Корпуса и въ то же время былъ старшимъ строителемъ въ Новой Голландіи. Независимо отъ этихъ постоянныхъ занятій, въ отсутствіе строителей въ главномъ адмиралтействѣ, онъ дѣятельно участвовалъ въ постройкѣ двухъ 44-хъ пушечныхъ фрегатовъ: «Цесаревичъ» и «Цесаревна», завѣдовалъ чертежною въ главномъ адмиралтействѣ и участвовалъ въ другихъ спеціальныхъ портовыхъ и административныхъ занятіяхъ. Лучшимъ доказательствомъ дарованій Ш. служитъ то, что онъ былъ избранъ преподавать корабельную архитектуру великому князю Константину Николаевичу.

Съ введеніемъ за границей построенія судовъ изъ желѣза, нужно было это искусство ввести и въ Россіи; для этого были командированы одновременно въ Англію по одному офицеру: отъ горнаго вѣдомства, отъ Министерства Финансовъ и

отъ морского вѣдомства. Отъ послѣдняго былъ командированъ Ш.; на этотъ разъ онъ оставался въ Англіи съ 1845 по 1849 г. По возвращеніи изъ-за границы, онъ былъ назначенъ членомъ пароходнаго и ученаго комитетовъ. Установка механизма, имъ заказаннаго для перваго нашего винтового судна, на фрегатѣ «Архимедъ», производилась подъ его наблюденіемъ.

Въ 1850 г., по порученію князя Меньшикова, онъ былъ командированъ въ Гельсингфорсъ и Або для соглашенія владѣльцевъ частныхъ финляндскихъ верфей къ принятію заказовъ отъ правительства на постройку военныхъ судовъ, что и увѣнчалось успѣхомъ, при чемъ были законтрактованы постройки паровыхъ фрегатовъ «Рюрикъ» и «Олафъ».

Въ 1851 г., Ш. былъ командированъ въ третій разъ въ Англію для разныхъ заказовъ, гдѣ и пробылъ до 1854 г. Въ этотъ періодъ его дѣятельности за границей имъ были исполнены порученія по заказамъ паровыхъ механизмовъ для нѣсколькихъ военныхъ судовъ и машинъ для кронштадтскаго завода.

Въ 1854 г., по возвращеніи Ш. въ Россію, онъ получилъ командировку по осмотру всѣхъ заводовъ и мастерскихъ, въ которыхъ производилась механическая заготовка предметовъ для флота, и по составленію объ этомъ подробнаго отчета. Подробныя описанія Петрозаводска, Колпина и другихъ заводовъ были потомъ напечатаны въ «Морскомъ Сборникѣ».

Въ 1855 г. Ш. былъ назначенъ помощникомъ начальника адмиралтейскихъ Ижорскихъ заводовъ; въ слѣдующемъ году исправлялъ должность начальника и произведенъ въ полковники, а въ 1861 г. утвержденъ въ должности начальника Ижорскихъ заводовъ. За время управленія заводомъ Ш. было введено много улучшеній. Онъ прибавилъ къ прежнему заводу обширную паровую кузницу съ 39 горнами и 4 паровыми молотами и устроилъ сварочную печь. Имъ же было положено начало строенію желѣзныхъ судовъ—это были первыя суда изъ желѣза, выстроенныя Морскимъ Министерствомъ. Въ это же время было выстроено большое сборочное зданіе съ машинами и станками, гдѣ должны были вполнѣ собираться цѣлые механизмы военныхъ судовъ; эта мастерская приводилась въ движеніе тюрбиной.

Большимъ неудобствомъ и препятствіемъ къ усовершенствованію мастеровыхъ въ ихъ спеціальностяхъ былъ военный обязательный трудъ, для котораго содержался 6-й рабочій экипажъ, а потому Ш. неоднократно представлялъ объ этомъ начальству. Наконецъ, и это преобразованіе ему удалось ввести,—1-го января 1863 г. рабочій экипажъ, наряду съ другими преобразованіями по морскому вѣдомству, переименованъ въ кадръ мастеровыхъ, въ управленіе которыми, вмѣсто общаго военнаго устава, введены особыя мѣстныя правила, при которыхъ вознагражденіе мастеровыхъ распредѣлялось сообразно ихъ искусству и труду.

Помимо нововведеній, спеціально касающихся технической стороны завода, управленіе Ш. знаменательно было и вообще для всего Колпина. Такъ, напримѣръ, онъ содѣйствовалъ украшенію Свято-Троицкой церкви, заботился о поднятіи грамотности среди населенія Колпина, началъ выписывать газеты и журналы для чтенія рабочими и мастеровыми, учредилъ взаимное страхованіе рогатаго скота.

Въ 1862 г. Ш. былъ снова командированъ за границу для осмотра и ознакомленія съ новымъ искусствомъ строенія броненосныхъ судовъ при чемъ по его предложенію, ему было разрѣшено взять съ собою двухъ мастеровыхъ для ознакомленія ихъ съ кузнечнымъ дѣломъ. Они объѣхали въ Англіи, Шотландіи, Франціи, Бельгіи и Пруссіи до 60 заводовъ и составляли ихъ планы и описанія.

Ш. умеръ 57 лѣтъ 23-го февраля 1863 г.

«Морской сборникъ» 1863 г., т. 65, № 4, стр. 39—46; «Русск. Архивъ» 1865 г. *Н. Стр.*

Шванебахъ, *Фридрихъ Антоновичъ*, генералъ-маіоръ, командующій 29-ой пѣхотной дивизіей. Родился 28-го мая 1828 года, умеръ 12-го августа 1878 г. Поступивъ въ 1842 году въ кондукторскую роту Николаевскаго Инженернаго Училища, онъ въ 1846 году, произведенъ былъ въ полевые инженеръ-прапорщики съ оставленіемъ при томъ же училищѣ въ нижнемъ офицерскомъ классѣ.

По окончаніи полнаго курса наукъ въ 1848 году онъ поступилъ въ лейбъ-гвардіи саперный баталіонъ. Первыя инженерныя работы его у г. Николаева и деревни Бронной въ 1855 году были отличены Высочайшимъ благоволеніемъ. Въ 1856 г., въ чинѣ штабсъ-капитана, Ш. былъ назначенъ адъютантомъ къ великому князю Николаю Николаевичу, генералъ-инспектору по инженерной части. Будучи командированъ въ 1858 г. на Кавказъ въ отрядъ, работавшій по проложенію просѣкъ и дорогъ въ окрестностяхъ Владикавказа, Назряна, Нестеровскаго поста и по Чернымъ горамъ Малой Чечни, онъ участвовалъ въ покореніи послѣднихъ немирныхъ ауловъ Малой и Большой Чечни. По производствѣ въ полковники въ 1861 году, Ш. былъ послѣдовательно командиромъ гренадерскаго сапернаго Великаго князя Петра Николаевича баталіона въ 1863 году, а затѣмъ командиромъ 88-го пѣхотнаго Петровскаго полка въ 1866 году. За отличіе по службѣ онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры въ 1870 г., съ зачисленіемъ по армейской пѣхотѣ и прикомандированіемъ къ 22-ой пѣхотной дивизіи, а въ 1871 г. къ 27-ой пѣхотной дивизіи. Въ 1873 году Ш., былъ назначенъ командиромъ 2-ой бригады 27-ой дивизіи; 30-го августа 1876 года ему былъ пожалованъ орденъ св. Анны 1-ой степени, 6-го апрѣля 1878 г. онъ былъ назначенъ командующимъ 29-ой пѣхотной дивизіей и въ томъ же году 12-го августа умеръ въ Маіоренгофѣ близъ Риги.

«Ежегодникъ русской арміи» 1879 г. Полный послужной списокъ.

фонъ-Шванебахъ, *Христіанъ Антоновичъ*, секретарь принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, тайный совѣтникъ; родился 25 мая 1808 г., воспитывался въ Императорскомъ Александровскомъ лицеѣ, курсъ котораго окончилъ въ 1827 г. съ золотою медалью. По окончаніи образованія, поступилъ секретаремъ къ принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому, въ каковой должности остался вплоть до своей смерти. Принцъ, который съ 1844 г. по 1860 г. состоялъ предсѣдателемъ С.-Петербургскаго Опекунскаго Совѣта, а съ 1860 г. главноуправляющимъ IV отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, посвящалъ себя обширной благотворительности, и въ этомъ отношеніи Шванебахъ былъ его ближайшимъ сотрудникомъ и посредникомъ при разборѣ нуждающихся и при раздачѣ вспомоществованій, достигавшихъ часто весьма крупныхъ размѣровъ. Шванебахъ былъ нѣкоторое время также директоромъ состоящей при С.-Петербургскомъ воспитательномъ домѣ сохранной казны, до подчиненія ея въ 1859 г. министерству финансовъ. Съ 1865 г. по 1869 г. Шванебахъ состоялъ при принцессѣ Терезіи Ольденбургской, супругѣ принца Петра Георгіевича, въ теченіе пребыванія ея за границей (Италія, Гейдельбергъ, Прага). Въ 1871 г. Шванебахъ произведенъ былъ въ тайные совѣтники; высшей наградой его былъ орденъ св. Анны 1 ст. Онъ умеръ 18-го мая 1872 года.

Семейныя бумаги. *А. О. Гергейнъ.*

Шванскій, *Михаилъ*, протоіерей Харьковскаго Успенскаго собора, префектъ Харьковскаго Духовнаго Коллегіума, духовный писатель и педагогъ. Родился въ 1735 году. Воспитывался въ Кіевской Духовной Академіи и по тому времени былъ очень хорошо образованъ: онъ владѣлъ даже французскимъ и нѣмецкимъ языками. Выпущенный въ 1760 году изъ Кіевской Академіи съ прекраснымъ аттестатомъ, Ш. въ томъ же году получилъ мѣсто наставника въ Харьковскомъ Духовномъ Коллегіумѣ, гдѣ сталъ преподавать греческій и нѣмецкій языки. Затѣмъ съ 1763 года въ теченіе двухъ лѣтъ онъ преподавалъ риторику. Рукоположенный въ 1765 году въ священники къ Успенскому собору въ г. Харьковѣ, Ш. въ слѣдующемъ году былъ утвержденъ префектомъ коллегіума и сталъ преподавать философію. Обративъ на себя вниманіе выдающимися познаніями по богословію и увлекательными горячими проповѣдями, онъ вскорѣ былъ назначенъ главнымъ цензоромъ проповѣдей для всего Харьковскаго уѣзда и толкователемъ св. Евангелія и Апостоловъ по праздникамъ и воскреснымъ днямъ, а въ 1769 году былъ пожалованъ въ санъ протоіерея. Въ 1775 году Ш. первый изъ префектовъ сталъ преподавать богословіе

въ Коллегіумѣ (до того времени преподаваніе богословія обязательно возлагалось на ректоровъ Коллегіума) и вслѣдъ затѣмъ былъ назначенъ завѣдующимъ духовными дѣлами всей Харьковской протопопіи (Харьковскій уѣздъ и г. Харьковъ) и въ этомъ званіи оставался почти до самой смерти. Въ 1787 году, вовремя проѣзда Екатерины II черезъ Харьковъ, Ш., находясь во главѣ депутаціи, встрѣчавшей государыню, сказалъ привѣтственную рѣчь и поднесъ императрицѣ отъ имени Харьковскаго Коллегіума оду и другія сочиненія на разныхъ языкахъ. Въ срединѣ 1790 года, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, онъ вышелъ въ отставку и скончался въ Харьковѣ 10-го іюля 1790 года. Тѣло его погребено на городскомъ кладбищѣ возлѣ Крестовоздвиженской церкви. Послѣ Ш. осталось много словъ (проповѣдей). Нѣкоторыя изъ нихъ въ рукописяхъ хранятся въ библіотекѣ Харьковской Духовной Семинаріи (преобразованной изъ Харьковскаго Духовнаго коллегіума). Одно изъ этихъ словъ напечатано въ 1770 году.

«Харьковскія Губернскія Вѣдомости», 1858 г. № 18, часть неоффиціальная ст. Дмитрія Ѳедоровскаго «О Харьковскомъ Коллегіумѣ», стр. 207—209; Ефремовъ «Матеріалы для исторіи русской литературы», С.-Пб. 1867 г. Слов. пис. дух. чина, II, 75. К. П. Щелковъ: Харьковъ. Историко-статистич. оч., стр. 30. *Е. Я.*

Шванъ, *Николай Карловичъ*, капитанъ 1-го ранга, военно-морской судья кронштадтскаго военно-морского суда, герой Севастополя. Родился въ 1826 году. Произведенный 21-го августа 1846 г. въ мичманы, Ш. въ теченіе трехъ лѣтъ плавалъ по портамъ Балтійскаго моря. 6-го декабря 1849 года онъ былъ произведенъ въ лейтенанты и переведенъ въ черноморскій флотъ. Съ началомъ осады Севастополя Ш. былъ назначенъ командиромъ батареи между 4 и 5 бастіонами, и во время бомбардировокъ 10-го и 16-го октября и 1-го ноября былъ дважды контуженъ осколкомъ бомбы въ спину и осколкомъ гранаты въ правую ногу и раненъ камнемъ въ голову. Послѣднее обстоятельство вынудило Ш. оставить командованіе батареею. Оправившись отъ раны, онъ снова сталъ въ ряды защитниковъ Севастополя и былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ штаба начальника 1-го отдѣленія, въ каковой должности состоялъ до 28-го августа 1855 г. Во время севастопольской осады Шванъ былъ награжденъ орденами св. Владиміра 4-ой ст. съ мечами, св. Георгія 4-ой ст. и св. Станислава 2-ой ст. съ мечами. По окончаніи Крымской кампаніи Ш. былъ переведенъ въ балтійскій флотъ. Въ 1869 году онъ поступилъ въ Военно-юридическую академію, по окончаніи въ ней курса, 23-го сентября 1871 г. былъ прикомандированъ къ главному военно-морскому судному управленію, а въ слѣдующемъ году, 16-го апрѣля, былъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга и командированъ въ эскадру Тихаго океана исправляющимъ должность флагманскаго оберъ-аудитора. 2-го февраля 1876 года Ш. былъ назначенъ военно-морскимъ судьею кронштадтскаго военно-морского суда. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ постоянно въ Кронштадтѣ, гдѣ и скончался 26-го марта 1880 года. Тѣло его погребено тамъ же.

«Общій морской списокъ» т. XII, Спб. 1900 г., стр. 290—292; «Кронштадтскій Вѣстникъ» 1880 г. № 36, некрологъ; Портретъ Н. К. Швана помѣщенъ въ «Русскомъ Художественномъ Листкѣ» за 1857 г. № 24. *Е. Я.*

Шварнъ, воевода Кіевскій. Въ 1141 г. вмѣстѣ съ княземъ Изяславомъ Давидовичемъ, по порученію великаго князя Изяслава Мстиславича, онъ преслѣдовалъ Святослава Ольговича, отступившаго къ Карачеву. Въ 1151 г., во время борьбы Изяслава съ Юріемъ, онъ охранялъ Зарубскій бродъ черезъ Днѣпръ; но когда къ броду подошли воеводы Юрія и его союзники половцы и бросились въ рѣку, онъ убѣжалъ: «Зане,—говоритъ лѣтописецъ,—не бяше ту князя, а боярина не вси слушаютъ». Въ 1160 г. (по другимъ источникамъ въ 1162 г.) у Желяни онъ сражался за Изяслава Давидовича противъ Мстислава Изяславича, но потерпѣлъ пораженіе вмѣстѣ съ своимъ княземъ и былъ взятъ въ плѣнъ ратью Мстислава. Въ 1167 г. (по другимъ источникамъ въ 1168 г.) за Переяславлемъ взятъ въ плѣнъ половцами и отпущенъ за большой выкупъ.

«Полное собр. русск. лѣтописей» 1, 2 и 7 томы. *А. Некрасовъ.*

Шварнъ (Шеварно) *Даніиловичъ*, пятый сынъ Даніила Романовича Галицкаго, кн. Холмскій и Литовскій, родился

въ 1230 г. и, будучи еще очень молодымъ, принималъ участіе въ нѣсколькихъ походахъ вмѣстѣ съ отцомъ. Въ 1255 г. литовскій князь Миндовгъ, желая заключить болѣе прочный миръ съ Даніиломъ, предложилъ его сыну Шварну руку своей дочери. Породнившись съ Миндовгомъ, Шварнъ, при жизни его, былъ дѣятельнымъ союзникомъ, а когда Миндовгъ былъ убитъ, онъ, являясь сторонникомъ русской партіи въ Литвѣ, помогъ вмѣстѣ съ своимъ дядею Василькомъ Волынскимъ его сыну Войшелку отомстить за смерть отца и овладѣть большею частью Литвы. Въ благодарность за эту помощь Войшелкъ усыновилъ Шварна и, заключившись вторично въ монастырь, въ 1266 г. отказался въ его пользу отъ литовскаго престола. Но Шварну не долго пришлось княжить въ Литвѣ: въ 1267—1268 гг. онъ умеръ бездѣтнымъ и былъ похороненъ въ своемъ удѣльномъ городѣ Холмѣ.

«Полное собраніе русскихъ лѣтописей», т. II (по указателю); С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. III (по указателю); Н. М. Карамзинъ, «Исторія», т. IV (по указателю); «Холмская Русь», т. I—II (по указателю); В. Б. Антоновичъ, «Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи», т. I. Кіевъ 1885 г.; «Старчевскій словарь», т. XII, стр. 225. *А. Ш—въ.*

Шварцъ, *Антонъ Евграфовичъ*, художникъ-скульпторъ, почетный вольный общникъ Императорской С.-Петербургской Академіи Художествъ. Родился въ Данцигѣ въ 1818 году и спустя семь лѣтъ вмѣстѣ съ родителями своими переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ отданъ былъ въ Петропавловское училище. По окончаніи курса въ Петропавловскомъ училищѣ, А. Е. поступилъ въ Петербургскую Академію Художествъ и сталъ заниматься по отдѣлу живописи. Въ то же время онъ началъ посѣщать скульптурную мастерскую профессоровъ И. И. Реймерса и Д. И. Іенсена. Работы этихъ скульпторовъ очень нравились молодому художнику. Онъ самъ сталъ пробовать свои силы на этомъ поприщѣ, а затѣмъ бросилъ живописное отдѣленіе и перешелъ на скульптурное. Обративъ на себя вниманіе профессора Витали, работавшаго тогда надъ скульптурными украшеніями Исаакіевскаго собора, А. Е., по предложенію послѣдняго, исполнилъ нѣсколько аллегорическихъ фигуръ и барельефовъ, украшающихъ этотъ соборъ. Въ числѣ этихъ барельефовъ находится одинъ въ нишѣ надъ южнымъ портикомъ, изображающій «Избіеніе младенцевъ». Между тѣмъ семейныя обстоятельства помѣшали ему окончить Академію, но онъ попрежнему продолжалъ заниматься любимымъ дѣломъ, выступая въ качествѣ скульптора, декоратора и орнаментиста, и пріобрѣталъ все большую и большую извѣстность. Лучшіе скульпторы того времени, проф. И. П. Витали, И. И. Реймерсъ, Р. К. Залеманъ, Д. И. Іенсенъ и другіе охотно приглашали его въ качествѣ помощника и сотрудника и поручали ему сложныя и трудныя самостоятельныя работы. Такъ, въ 1849 г. проф. I. Реймерсъ предложилъ ему раздѣлить трудъ по изготовленію моделей для вылѣпки статуй, украшающихъ Императорскій Эрмитажъ. Первою вполнѣ самостоятельною работою Шварца были всѣ наружныя скульптурныя украшенія Соляного Городка, перестроеннаго въ 1870 годахъ для выставки, причемъ Академія Художествъ признала его въ 1870 году своимъ вольнымъ общникомъ. Изъ другихъ работъ А. Е. слѣдуетъ отмѣтить слѣдующія: группы царя Михаила Θеодоровича, Минина и кн. Пожарскаго, св. Владиміра съ фигурами женщины и ребенка, Дмитрія Донского и побѣжденнаго имъ монгола на памятникѣ тысячелѣтія Россіи, затѣмъ аллегорическія фигуры и барельефы на памятникѣ императору Николаю Павловичу въ С.-Петербургѣ, скульптурныя украшенія въ зимнихъ дворцахъ великихъ князей: Николая Николаевича, Михаила Николаевича, Владиміра Александровича, Сергія Александровича и Павла Александровича, памятникъ императору Петру Великому для города Воронежа, скульптурныя работы для домовъ гр. Воронцова, г. Казалета, барона Штиглица, гр. Шереметева, кн. Паскевича и др., скульптурныя украшенія въ разныхъ петербургскихъ и московскихъ театрахъ и общественныхъ зданіяхъ, модель архангела, украшающаго шпицъ Петропавловской крѣпости и проч. Послѣднею по времени работою А. Е. Шварца была модель архангела, вѣнчающаго памятникъ «Славы» въ память послѣдней русско-турецкой войны, стоящій на площади Троицкаго собора въ Измайловскомъ полку. Въ концѣ 1880-хъ гг. А. Е. былъ разбитъ параличемъ; скон-

чался въ Петербургѣ, 30-го апрѣля 1892 года, на 74 году отъ рожденія. Тѣло его погребено на Смоленскомъ кладбищѣ.

«Новости и Биржевая Газета» за 1892 г., № 121, некрологъ, стр. 3; «Русскій Календарь» на 1893 годъ, некрологъ; «Петербургскій Листокъ» за 1892 г., № 120, некрологъ, стр, 4; «Всеобщій Календарь» на 1893 г., некрологъ.

Е. Ястребцевъ.

Шварцъ, *В. И.*, извѣстный въ свое время рисовальщикъ картъ и плановъ Петербурга въ царствованіе Анны Іоанновны. Между прочимъ, составленный Р. Е. Шварцемъ «Хромолитографированный планъ мѣстности, занимаемой нынѣ С.-Петербургомъ, снятый въ 1698 г.». (Спб. 1872) вычерченъ Ш. въ 1737 г.

В. Б.

Шварцъ, *Владиміръ Максимовичъ*, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-артиллеріи, членъ Военнаго Совѣта. Родился въ 1807 году Воспитывался въ Пажескомъ Корпусѣ, откуда былъ выпущенъ 13-го апрѣля 1825 года съ производствомъ въ прапорщики и съ зачисленіемъ въ конно-артиллерійскую № 10 роту, а нѣсколько времени спустя былъ переведенъ въ гвардейскую конную артиллерію. Вслѣдъ затѣмъ ему пришлось принять участіе въ Турецкой кампаніи 1828—1829 г., по возвращеніи изъ которой онъ вошелъ въ составъ войскъ, назначенныхъ для подавленія перваго польскаго возстанія. Обѣ эти кампаніи дали возможность Ш. отличиться и тѣмъ обезпечили его карьеру. За взятіе Варшавы онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 4-ой степени съ надписью «За храбрость» и съ тѣхъ поръ быстро повышался въ чинахъ. Въ 1839 году, Шварцъ былъ произведенъ въ полковники и назначенъ командиромъ батарейной батареи гвардейской конной артиллеріи, а три года спустя назначенъ командующимъ лейбъ-гвардіи конной артиллеріей. Пожалованный 28-го января въ званіе флигель-адъютанта, Ш. въ слѣдующемъ году, 3-го апрѣля, былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и утвержденъ командиромъ лейбъ-гвардіи конной артиллеріи. Зачисленный 6-го декабря 1852 года въ свиту Его Императорскаго Величества съ оставленіемъ въ занимаемой должности Ш. 30-го августа 1857 года былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и тогда же назначенъ состоять при Его Императорскомъ Высочествѣ великомъ князѣ генералъ-фельдцейхмейстерѣ, при которомъ состоялъ три года—вплоть до назначенія своего въ 1860 году начальникомъ артиллеріи отдѣльнаго гвардейскаго корпуса. Эту должность онъ занималъ всего два года, причемъ въ это время былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-ой степени. Въ 1862 году онъ былъ назначенъ на постъ начальника артиллеріи въ Царствѣ Польскомъ и 6-го іюля того же года пожалованъ въ генералъ-адъютанты. Занимая эту должность въ трудное время второго польскаго возстанія, Шварцъ своей энергіей, опытностью и распорядительностью много способствовалъ быстрому и успѣшному подавленію этого возстанія. Въ 1864 году награжденъ орденомъ Бѣлаго Орла. Назначенный въ 1865 году членомъ Военнаго Совѣта и инспекторомъ войскъ, Шварцъ возвратился въ Петербургъ, и дѣятельность его съ этого времени сосредоточилась въ разныхъ коммиссіяхъ. Въ томъ же году онъ былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго, а два года спустя былъ назначенъ членомъ коммиссіи по поводу преступленія Каракозова. Въ слѣдующемъ 1868 году, 20-го мая, Шварцъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-артиллеріи, съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта и во всѣхъ занимаемыхъ имъ должностяхъ и съ зачисленіемъ по гвардейской конной артиллеріи. Вслѣдъ затѣмъ онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ особой коммиссіи по измѣненію устава С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи. Въ 1871 году Ш. былъ награжденъ брилліантовыми знаками ордена св. Александра Невскаго. В. М. Шварцъ скончался въ Петербургѣ 7-го октября 1872 года, на 66-мъ году отъ рожденія. Тѣло его погребено на Волковомъ кладбищѣ.

О. Р. фонъ-Фрейманъ, «Пажи за 185 лѣтъ», Фридрихсгамъ, 1895 г., вып. III, стр. 251—252; «Ежегодникъ Русской Арміи» на 1874 г., ч. II, некрологъ; «Русскій Инвалидъ» 1872 г., № 216, некрологъ; «Иллюстрированная Газета» 1872 г., т. 23, № 18, некрологъ. «Артиллерійскій Журналъ» 1872 г., № 11, стр. 1623—1626. *Е. Я.*

Шварцъ (Швартцъ), *Вячеславъ Григорьевичъ*, академикъ исторической живописи. Родился 22-го сентября 1838 г. въ г. Курскѣ и дѣтскіе годы своей жизни

провелъ на Кавказѣ, гдѣ отецъ его, ген.-лейт. Григорій Ефимовичъ Ш., (см. далѣе) предки котораго были датчане, былъ начальникомъ Джаро-Бѣлоконскаго военнаго округа и лезгинской кордонной линіи. Въ 1846 г. восьмилѣтній Ш. вмѣстѣ съ матерью переѣхалъ въ Москву, гдѣ продолжалъ заниматься рисованіемъ подъ руководствомъ бывшаго ученика Московской рисовальной школы С. Щеголева. Способности у мальчика были отличныя: десяти лѣтъ онъ уже хорошо зналъ по-французски, по-нѣмецки и по-англійски, а впослѣдствіи научился еще и по-итальянски. Еще въ 1847 г. Ш. былъ пожалованъ въ пажи Императорскаго Двора, но въ Пажескій Корпусъ не поступилъ, а въ 1851 г., когда ему было 13 лѣтъ, его свезли въ Петербургъ и отдали сначала въ пансіонъ Спѣшнева, а годъ спустя— въ Императорскій Александровскій Лицей. Тамъ Ш. успѣлъ обратить на себя вниманіе лицейскаго учителя рисованія Василевскаго и сдѣлалъ подъ его руководствомъ громадные успѣхи. Вторымъ его учителемъ рисованія за лицейскій періодъ его жизни былъ А. И. Мещерскій (извѣстный пейзажистъ), съ которымъ онъ началъ пробовать живопись масляными красками. 24-го мая 1859 г. Ш. былъ выпущенъ изъ Лицея первымъ и съ золотой медалью и въ томъ же году поступилъ съ чиномъ IX класса на службу. Въ сентябрѣ 1859 года, съ разрѣшенія своего начальства, Ш. поступилъ вольнослушателемъ въ Петербургскій Университетъ «по части восточныхъ языковъ» и сразу увлекся лекціями проф. Костомарова по исторіи, къ которой всегда чувствовалъ склонность. Еще до поступленія въ Университетъ Ш. началъ заниматься въ Академіи Художествъ и, думая посвятить себя баталической живописи, записался въ число учениковъ проф. Б. П. Виллевальде. Однако, вѣроятно, благодаря вліянію лекцій Костомарова, первыми его крупными работами являются композиціи изъ древне-русской исторіи. Таковы нарисованный чернымъ и бѣлымъ карандашомъ картонъ «Въѣздъ Шуйскаго и Де-ла-Гарди въ Москву» и «Свиданіе великаго князя Святослава съ греческимъ императоромъ Цимисхіемъ». За послѣдній рисунокъ Академія 18-го декабря 1859 г. присудила Ш. серебряную медаль второго достоинства. 24-го мая 1860 г. Академія за рисунокъ «Іоаннъ Грозный подъ Казанью» присудила ему еще одну серебряную медаль, а въ началѣ 1861 г. Шварцъ уѣхалъ на полгода за границу. Направившись прежде всего въ Берлинъ, онъ пробылъ здѣсь 4 мѣсяца и сначала работалъ подъ руководствомъ Шютца, а потомъ занялся исправленіемъ колорита у Шрадера. Въ концѣ іюня 1861 г. Ш. уѣхалъ изъ Берлина и посѣтилъ послѣдовательно Дрезденъ, Кёльнъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ и Майнцъ, послѣ чего возвратился въ Россію, привезши съ собою очень интересный альбомъ своихъ путевыхъ рисунковъ. Тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ Ш. принялся за лучшее свое произведеніе: «Іоаннъ Грозный у тѣла убитаго имъ сына». Картонъ этотъ былъ выставленъ имъ 23-го декабря 1861 г. на третной экзаменъ, и 12-го января 1862 г. Академія присудила ему за него только серебряную медаль, т.-е., другими словами, Ш. былъ смѣшанъ съ массой другихъ самыхъ ординарныхъ учениковъ. Въ эту же зиму Ш. нарисовалъ громадный (5 арш. шир. и 8 арш. дл.) картонъ «Вальпургіева ночь», на сюжетъ изъ «Фауста» Гёте. Вещь эту онъ задумалъ еще въ Берлинѣ, и въ ней сильно сказалось вліяніе Каульбаха, символическими и аллегорическими композиціями котораго Ш. сильно тогда увлекался. Лѣтомъ 1862 г. Ш. предпринялъ 2 серіи иллюстрацій и сдѣлалъ 5 очень хорошихъ рисунковъ къ «Пѣснѣ о купцѣ Калашниковѣ» Лермонтова и 4—къ «Князю Серебряному» гр. А. Толстого. Собирался онъ иллюстрировать еще «Бунтъ Стеньки Разина» Костомарова, но этому помѣшала вторая поѣздка за границу. Желаніе видѣть художественную Европу побудило его бросить службу, выйти въ отставку и предпринять въ началѣ 1863 г. эту поѣздку. Побывавъ проѣздомъ въ Лейпцигѣ, Берлинѣ, Дрезденѣ, Франкфуртѣ, Майнцѣ и Кёльнѣ, онъ основался въ Парижѣ. Здѣсь онъ работалъ у извѣстнаго жанриста-колориста Лефевра (Lefebvre), посѣщалъ мастерскую Конта (Comte) и Жерома и дѣлалъ этюды съ натуры какъ въ самомъ Парижѣ, такъ и въ Фонтенебло и Барбизонѣ. Изъ крупныхъ работъ въ Парижѣ имъ были сдѣланы «Ни-

колай Угодникъ (въ ростъ) и рисунокъ «Игуменъ Даніилъ передъ Балдуиномъ I» (для А. С. Норова). Мысль его посѣтить Италію на этотъ разъ не осуществилась, и весною 1864 г. онъ вернулся въ Россію. Поѣздка эта имѣла для него громадное значеніе. По возвращеніи изъ Парижа, Шварцъ провелъ лѣто въ деревнѣ у отца и написалъ тамъ картину масляными красками: «Иванъ Грозный у тѣла убитаго имъ сына». Вещь эту Академія 24-го октября 1864 г. премировала 2-ой серебряной медалью, но, сравнительно съ картономъ 1861 г., картина эта была неудовлетворительна, такъ какъ краски были мутны и слабы, и въ композиціи ея было многое измѣнено къ худшему. Первую половину 1865 г. Ш. проводитъ то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ, то въ деревнѣ въ Рязанской губерніи, а на осенней академической выставкѣ 1865 г. появляется его картина «Вербное Воскресеніе во времена Алексѣя Михайловича», и Академія Художествъ присуждаетъ ему за нее званіе академика исторической живописи, а Русское Археологическое Общество избираетъ его своимъ дѣйствительнымъ членомъ. Съ осени 1865 г. начинается періодъ полной зрѣлости таланта Ш. Періодъ этотъ ознаменованъ рядомъ самыхъ значительныхъ его произведеній. Тутъ имъ написаны «Игра въ шахматы» и «Стрѣлецъ XVI в.», нарисованъ «Воевода временъ царя Алексѣя Михайловича». Зимой 1865—66 г. онъ дѣлаетъ прекрасные рисунки для постановки на Императорской сценѣ драмы гр. А. Толстого: «Смерть Ивана Грознаго». Въ 1866 г. онъ пишетъ «Схимника», «Русское посольство при дворѣ германскаго императора», дѣлаетъ рисунокъ «Плачъ Ярославны» и, наконецъ, зимою 1866—67 г. оканчиваетъ одно изъ капитальнѣйшихъ своихъ произведеній: «Посольскій приказъ въ Можайскомъ уѣздѣ».

Въ началѣ 1867 г. Ш. уѣзжаетъ въ третій разъ за границу, будучи командированъ Академіей въ Парижъ для устройства на всемірной выставкѣ художественнаго отдѣла Россіи. За распоряженіе на выставкѣ онъ получаетъ здѣсь 2 медали, золотую и бронзовую, и орденъ Почетнаго Легіона, и, кромѣ того, международное жюри присуждаетъ ему за его картину «Голштинскіе послы въ посольскомъ приказѣ» золотую медаль. Въ Парижѣ Ш. окончилъ начатую имъ еще въ Россіи маленькую картинку: «Патріархъ Никонъ», одно изъ лучшихъ своихъ созданій. Въ Парижѣ же онъ познакомился съ Мейссонье, работалъ у него и подъ его вліяніемъ значительно исправилъ свой колоритъ. Осенью 1867 г. онъ ѣздилъ изъ Парижа въ Веймаръ, гдѣ пробылъ 2 мѣсяца, принимая участіе въ постановкѣ на веймарской сценѣ пьесы «Смерть Іоанна Грознаго» гр. А. Толстого, а въ послѣднихъ числахъ декабря 1867 г. вернулся въ Россію, перенесши передъ отъѣздомъ изъ Парижа мучительную болѣзнь, такъ называемую «бронзовую» (maladie bronze). Въ 1868 г. Шварцъ исполнилъ 2 рисунка перомъ: «Обрядъ поднесенія перчатки на царской соколиной охотѣ» и «Нареченіе царской невѣсты царевною», маленькую картинку: «Гонецъ XVI в.» и (лѣтомъ 1868 г.) свою послѣднюю картину: «Вешній царскій поѣздъ на богомолье во время Алексѣя Михайловича». Академія Художествъ нашла въ послѣдней картинѣ много достоинствъ и постановленіемъ отъ 15-го сентября 1868 г. дала Ш. званіе своего почетнаго вольнаго общника. Во второй половинѣ 1868 г. Ш. почувствовалъ, что здоровье стало ему измѣнять, а потому, полагая, что деревенскій воздухъ и полное спокойствіе помогутъ ему возстановить силы, отправился въ деревню къ отцу. Здѣсь онъ былъ выбранъ въ предводители дворянства Щигровскаго уѣзда и весьма усердно исполнялъ эту должность, несмотря на то, что здоровье его все болѣе и болѣе разрушалось. Поѣхавъ какъ-то по дѣламъ въ Курскъ, онъ почувствовалъ себя очень плохо, а 29-го марта 1869 г. умеръ. Тѣло его было перевезено въ имѣніе отца его, с. Бѣлый Колодезь, Щигровскаго уѣзда, Курской губ., и тамъ похоронено.

Своею десятилѣтнею художественною дѣятельностью Ш. оставилъ глубокій слѣдъ въ исторіи русскаго искусства. Съ появленіемъ произведеній Ш. наступаетъ періодъ пересозданія русской школы, возникаетъ чисто русское направленіе. Ш. первый освободился отъ гнета рутины академическаго классициз-

ма и, оставляя минувшему прошлому прежніе идеалы, создалъ новые, родные сердцу идеалы русской мысли и создалъ ихъ во всей ихъ цѣльности и своеобразности. Картины и рисунки его не блещутъ техникой, главное значеніе ихъ въ содержаніи: въ нихъ впервые безъ романтической идеализаціи и слащавости, съ удивительнымъ чутьемъ прошедшаго и на основаніи глубокаго знакомства съ русской археологіей, правдиво воспроизведена бытовая допетровская Русь. Какъ отъ «Свѣжаго кавалера» Ѳедотова пошла наша бытовая живопись, такъ отъ «Іоанна Грознаго у тѣла убитаго имъ сына» Шварца пошла наша настоящая историческая живопись.

П. Н. Петровъ, «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имнер. Спб. Академіи Художествъ за 100 лѣтъ ея существованія», III ч. Спб. 1864 г.; Отчеты Имп. Акад. Худ. за 1859—60, 61—62, 65—66, 66—67, 67—68, 68—69 гг.; В. В. Стасовъ, «В. Г. Шварцъ». «Вѣстникъ Изящныхъ Искусствъ» 1884 г., вып. 1 и 2; Н. Собко, «Подробный каталогъ картинъ, рисунковъ и гравюръ покойнаго «В. Г. Шварца», Спб. 1888 г.; «Жив. Обозр.» 1880, № 52; 1894, № 14; «Нива» 1894, № 13; «Нов. Время», 1894, № 6492; «Всем. Ил.» 1894, № 1307; «Энциклопед. слов. Ефрона, т. 77, стр, 252—253. П. Висковатый, «Рѣчка смерти». «Историч. Вѣст.» 1885 г., 3; Г. А. Ф.: «В. Г. Шварцъ»,—«Историч. Вѣст.» 1894 г., 12; «Настольный энциклопедическій словарь», изд. Гарбель и Гранатъ; В. Г. Шварцъ, «Иллюстрированная Газета» 1869 г., № 18; Ѳ. Булгаковъ, «Наши художники», II томъ. Русскіе историческіе рисунки акад. В. Г. Шварца, 4 тетр. in folio, съ 5-ю фотограф. въ каждой. Спб. 1872.

Валерій Березкинъ.

Шварцъ, *Григорій Ефимовичъ*, генералъ-лейтенантъ. Происходилъ изъ дворянъ Смоленской губерніи, состоялъ въ оберъ офицерскихъ чинахъ съ 1804 г., участвовалъ въ компаніи 1808 г., въ которой получилъ золотую саблю съ надписью «за храбрость», и въ Отечественной войнѣ, въ которой за отличіе въ дѣлахъ съ непріятелемъ награжденъ орденами св. Анны 4 ст., Владиміра 4 ст. съ бантомъ и Анны 2 ст. Въ 1820 г., состоя въ чинѣ полковника, Шварцъ былъ назначенъ командиромъ л.-гв. Семеновскаго полка. Его кратковременное командованіе полкомъ связано съ такъ называемой Семеновской исторіей, немало способствовавшей повороту правительства на путь реакціи. Шварцъ былъ человѣкъ безкорыстный и трудолюбивый, но ограниченный; педантичная его строгость, доходившая иногда до жестокости и странно соединенная съ нерѣшительностью, отсутствіе всякаго такта—повели къ тому, что, вступивъ въ командованіе полкомъ, онъ на первыхъ-же порахъ вооружилъ противъ себя всѣхъ, какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ; требованія и распоряженія его, доходившія до назначенія ученій во время богослуженія, сопровождались несправедливостями и презрѣніемъ чувства личнаго достоинства. Это повело къ безпорядкамъ среди нижнихъ чиновъ. Рота Его Величества, недовольная строгостью и взыскательностью командира полка, собралась вечеромъ 17-го октября 1820 г. и отказалась итти на караулъ и даже по прибытіи ротнаго командира не разошлась; тогда эта рота была посажена въ Петропавловскую крѣпость; остальныя роты выказали солидарность съ арестованной ротой и непослушаніе даже высшему начальству, вслѣдствіе чего также были арестованы и посажены въ крѣпость; оттуда полкъ, за исключеніемъ роты Его Величества, оставшейся арестованной, отправленъ въ Финляндскія крѣпости; во всемъ происшествіи Шварцъ выказалъ поразительную нерѣшительность. 2-го ноября 1820 г. Александръ I, находившійся тогда въ Троппау, отдалъ приказъ о раскассированіи л.-гв. Семеновскаго полка; весь составъ полка, какъ офицеры такъ и нижніе чины были переведены въ различные армейскіе полки, а новый Семеновскій полкъ, которому предоставлены были права лишь молодой гвардіи, былъ сформированъ изъ другихъ гвардейскихъ частей; Шварцъ и рота Его Величества были преданы военному суду. Шварцъ обвинялся въ томъ, что вызвалъ возмущеніе своимъ суровымъ и несправедливымъ обращеніемъ съ нижними чинами, а приказомъ 3-го сентября 1821 г., по сентенціи военнаго суда, признанъ виновнымъ «въ несообразномъ выборѣ времени для ученій и въ нерѣшимости лично принять должныя мѣры для прекращенія неповиновенія, происшедшаго въ л.-гв. Семеновскомъ полку 17-го октября 1820 г.; но, въ уваженіе прежней долговременной и усердной службы, храбрости и отличій, оказанныхъ имъ на полѣ сраженія, избавленъ былъ отъ строжайшаго наказа-

нія (смертной казни, къ которой приговоренъ былъ военнымъ судомъ) и отставленъ отъ службы съ тѣмъ, чтобы впредь никуда не опредѣлять. Несмотря, однако, на этотъ приговоръ, Шварцъ въ скоромъ времени опять былъ опредѣленъ на службу, награжденъ уже въ 1823 г. орденомъ св. Владиміра 3 ст., а въ слѣдующихъ годахъ и другими орденами и весьма крупными денежными подарками и произведенъ въ 1828 г. (20 авг.) въ генералъ-маіоры. Онъ участвовалъ въ кампаніяхъ противъ кавказскихъ горцевъ и состоялъ съ 1837 г. командиромъ 3-ей бригады Грузинскихъ линейныхъ баталіоновъ. Высочайшимъ приказомъ 19-го марта 1838 г. вторично отставленъ отъ службы съ тѣмъ, чтобы впредь въ оную не опредѣлять, но опять Высочайшимъ приказомъ 28-го октября 1839 г. принятъ на службу. Съ 1840 г. Шварцъ состоялъ командиромъ 3-ей бригады Грузинскихъ линейныхъ батальоновъ, исправлялъ съ 1841 г. по 1843 г. должность Джаробѣлоконскаго военноокружнаго начальника, былъ въ 1844 г. назначенъ начальникомъ Лезгинскаго отряда, награжденъ за отличіе въ дѣлахъ съ горцами орденами св. Станислава 1 ст. (1842 г.), св. Анны 1 ст. (1843 г.), св. Владиміра 2 ст. (1844 г.), произведенъ 6-го декабря 1844 г. въ генералъ-лейтенанты съ назначеніемъ начальникомъ Джаробѣлоконскаго военнаго округа и всей Лезгинской кордонной линіи, а въ 1845 г. ему поручена была въ полную команду и 3-я бригада Грузинскихъ линейныхъ батальоновъ; за отличіе противъ горцевъ получилъ золотое оружіе съ алмазами (1845 г.), орденъ Бѣлаго Орла (1845 г.), денежный подарокъ (1846 г.) и аренду (1848 г.). Въ 1848 г. былъ назначенъ командиромъ 19 пѣхотной дивизіи, а Высочайшимъ приказомъ 14-го октября 1850 г., по сентенціи военнаго суда, за злоупотребленіе властью, обнаруженное жестокимъ наказаніемъ и истязаніемъ нижнихъ чиновъ, исключенъ изъ службы съ тѣмъ, чтобы и впредь въ оную не опредѣлять и съ воспрещеніемъ въѣзда въ обѣ столицы. Только въ 1857 г. Шварцу разрѣшенъ въѣздъ въ С.-Петербургъ, а въ 1867 г. назначена ему пенсія.

Отношеніе Главн. Военно-Суднаго управленія въ Главный Штабъ отъ 13-го іюня 1867 г. за № 3904; П. Дирннъ, «Исторія л.-гв. Семеновскаго полка» т. II, стр. 47 сл.; «Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россіи» 1864 г. кн. 6, отд. 5; «Русск. Старина» 1873 г. VII, 1883 г. III—V. «Русс. Арх.» 1904, № 1, Гр. 139—140.

А. О. Гернетъ.

Шварцъ, *Иванъ Георгіевичъ* (Егоровичъ, Johann Georg Schwarz), публичный ординарный профессоръ философіи, инспекторъ Педагогической Семинаріи, почетный членъ Іенскаго Латинскаго Общества и членъ Вольнаго Россійскаго Собранія при Московскомъ Университетѣ. Глава ордена розенкрейцеровъ въ Москвѣ. Носилъ масонское имя eques ab aquila crescente. Шварцъ родился въ Трансильваніи въ 1751 году, умеръ въ с. Очаковѣ близъ Москвы 17-го февраля 1784 года.

Его происхожденіе, дѣтство, юность, воспитаніе неизвѣстны намъ; есть лишь данныя, заставляющія думать, что Шварцъ рано посвятилъ себя научно-просвѣтительной дѣятельности. Еще въ Германіи молодой ученый заинтересовался Россіей, въ короткое время достигшей огромнаго политическаго могущества, тщательно слѣдилъ за пробужденіемъ нашего молодого общества и, конечно, отъ его вниманія не могла ускользнуть культурная дѣятельность Новикова, котораго онъ оцѣнилъ еще изъ-за границы и имя коего, какъ журналиста и издателя, было извѣстно на Западѣ всему образованному міру, особенно послѣ выхода въ свѣтъ «Древней Россійской Вивліоѳики». Шварцъ горѣлъ желаніемъ побывать въ Россіи, «пламенно желалъ» познакомиться съ Новиковымъ.

Пріѣзду Шварца въ Россію, какъ и вообще исполненію всѣхъ его просвѣтительныхъ замысловъ, много способствовали масонскія связи. Благодаря имъ, Шварцъ познакомился въ Германіи съ путешествовавшимъ тамъ княземъ Н. С. Гагаринымъ, главой русскаго масонства шведской системы. Кн. Гагаринъ предложилъ молодому ученому мѣсто воспитателя въ домѣ своего родственника А. М. Рахманова, проживавшаго въ Могилевѣ. Шварцъ принялъ это предложеніе и въ апрѣлѣ 1776 года прибылъ въ Могилевъ, откуда, спустя немного времени, выѣхалъ не надолго въ Москву, гдѣ, чрезъ посредство В. И. Майкова, былъ принятъ кн. Трубецкимъ въ его ложу.

Возвратившись въ Могилевъ, Шварцъ учредилъ въ немъ ложу, которая откомандировала его съ масонскими цѣлями въ Митаву. Заключивъ съ тамошними старыми масонами союзъ, Шварцъ возвратился къ мѣсту своего учительства, награжденный 5-ой степенью системы германскаго строгаго наблюденія, принятой въ Митавѣ, и былъ избранъ могилевскими масонами мастеромъ стула ихъ ложи. Въ 1779 году, послѣ смерти Рахманова, Шварцъ переѣхалъ на жительство въ Москву, гдѣ, благодаря вліянію второго куратора Московскаго университета масона М. М. Хераскова, получилъ мѣсто лектора нѣмецкаго языка при Университетѣ.

Полный энтузіазма приступилъ Шварцъ къ просвѣтительной дѣятельности своей, оставившей глубокіе слѣды въ русскомъ обществѣ, несмотря на ея кратковременность. Замѣтивъ недочеты въ постановкѣ университетскаго преподаванія и вообще школьнаго дѣла въ Россіи, Шварцъ въ публичныхъ чтеніяхъ на торжественныхъ актахъ Университета, въ конференціи, въ публичныхъ лекціяхъ и частныхъ разговорахъ доказывалъ необходимость измѣненія способовъ воспитанія и обученія русскихъ дѣтей. Его педагогическія идеи были очень цѣнны для русскаго общества XVIII вѣка, немилосердно эсплуатируемаго проходимцами иностраннаго происхожденія. Въ противодѣйствіе имъ, Шварцъ замыслилъ устроить общество, цѣль котораго была по возможности распространять правила разумнаго воспитанія. Предполагалось, что общество это примкнетъ къ типографическому предпріятію Новикова по переводу и изданію полезныхъ книгъ, будетъ стараться о привлеченіи въ Россію иностранцевъ, дѣйствительно способныхъ воспитывать русское юношество, или, что еще лучше, воспитаетъ на свой счетъ учителей изъ русскихъ. Московское общество, въ короткое время успѣвшее узнать и полюбить Шварца, восторгалось проектомъ, но относило его къ утопическимъ. Общество, въ которое попалъ въ Москвѣ Шварцъ,—«явленіе, не повторяющееся въ исторіи русскаго просвѣщенія». Его составляли Херасковъ, братья кн. Трубецкіе, С. И. Гамалѣя, И. В. Лопухинъ, А. И. Новиковъ и Н. И. Новиковъ, съ которымъ вскорѣ послѣ переѣзда въ Москву познакомился Шварцъ. «Однажды,—писалъ Новиковъ,—пришелъ ко мнѣ нѣмчикъ, съ которымъ я, поговоря, сдѣлался всю жизнь до самой его смерти неразлучнымъ». И послѣ смерти Шварца въ нашемъ представленіи имя его неразлучно связано съ именемъ Новикова.

Пріѣздъ Шварца въ Москву совпалъ съ эпохой, когда русскіе масоны въ ней начали стремиться къ объединенію, хотя бы небольшого кружка, но дѣйствительно энергичныхъ масоновъ. Въ 1780 г. въ такихъ цѣляхъ была учреждена «тайная сіенцифическая ложа Гармонія»; въ числѣ 8-ми членовъ ея былъ и Шварцъ, которому, впрочемъ, было запрещено говорить о «системѣ строгаго наблюденія». Масонскія связи въ Москвѣ очень много помогли Шварцу въ осуществленіи цѣлаго ряда просвѣтительныхъ учрежденій.

Шварцъ, съ удивительной настойчивостью и энергіей проводившій въ жизнь свои идеалы, достигъ того, что конференція Московскаго Университета обратила вниманіе на его проекты преобразованія школы и предложила ему въ 1779 году заняться составленіемъ подробныхъ плановъ воспитанія и соотвѣтственныхъ имъ учебниковъ. Съ жаромъ принялся онъ за дѣло. Доклады его конференціи вызывали всеобщее одобреніе, хотя и не могли осуществляться, за неимѣніемъ исполнителей и денежныхъ средствъ. Тогда Шварцъ взялъ на себя одного всю трудность дѣла и, при содѣйствіи своихъ друзей, нашелъ средства къ устройству при Университетѣ Педагогической Семинаріи, инспекторомъ которой онъ былъ назначенъ. Семинарія, открытая 13-го ноября 1779 года, имѣла цѣлью подготовлять преподавателей изъ русскихъ. На пожертвованныя Н. А. Демидовымъ 20.000 руб. и Ш. 5.000 руб. (кромѣ вещей и рѣдкихъ книгъ), шесть человѣкъ студентовъ подготовились къ профессорскому и учительскому званію, подъ непосредственнымъ руководствомъ самого Шварца. Такая энергичная дѣятельность выдѣляла его изъ среды профессоровъ, и 5-го февраля 1780 г., при изъявленіи особой благодарности, Шварцъ былъ произведенъ въ ординарные профессора философіи. 17-го августа 1780 г., въ виду укоренившихся въ Гимназіи при Универси-

тетѣ безпорядковъ, Шварцу поручили преобразованіе ея и преподаваніе въ ней, послѣ этого, нѣмецкаго языка. Преподаваніе Шварца было не только теоретическое, но и практическое.

За три года пребыванія въ Россіи онъ основательно изучилъ языкъ страны, которой посвятилъ свою дѣятельность и жизнь, и знаніе это очень облегчало ему преподаваніе и чтеніе лекцій, повидимому, чрезвычайно успѣшныхъ. Въ Гимназіи Шварцъ преподавалъ (до 26-го іюня 1781 г.) нѣмецкій языкъ практически, сообщая попутно нѣкоторыя грамматическія правила. Въ Университетѣ слушатели его проходили грамматику и затѣмъ имъ излагались правила изящнаго слога по книгѣ Шварца: «Entwurf der Grundsätze des deutschen Stils». Этотъ курсъ Шварца былъ посвященъ разсужденіямъ: 1) о теоретическихъ основаніяхъ слога; 2) практическихъ и 3) «о нужныхъ къ образованію слога книгахъ». Разсужденіе о теоретическихъ основаніяхъ слога было напечатано и поднесено Императору Іосифу II, посѣтившему въ 1780 году Московскій Университетъ.

Занятый съ утра до вечера, работая нерѣдко и по ночамъ, Шварцъ, сверхъ занятій въ Университетѣ, Педагогической семинаріи и гимназіи, находилъ возможность издавать «Вѣдомости» на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ и принимать участіе въ типографическомъ предпріятіи Новикова, не оставляя и московскаго масонства, которое въ ту пору, стремясь къ объединенію, прониклось мыслью обособиться въ самостоятельное цѣлое, называемое у масоновъ провинціей. До того Россія причислялась къ провинціи Швеціи.

Въ 1779 году герцогъ Зюдерманландскій издалъ манифестъ, которымъ Швеція объявлялась IX провинціей, при чемъ къ ней присоединялась и Россія. Наши масоны запротестовали, и ихъ заявленія рѣшено было разсмотрѣть на общемъ масонскомъ конвентѣ, предполагавшемся въ 1781 году, гдѣ намѣревались рѣшить вопросъ о темпліерскомъ орденѣ и выработать мѣры для устраненія всякаго рода орденскихъ неустройствъ. Шварцъ черезъ дѣятельнаго масона Туссеня познакомился съ П. А. Татищевымъ, разочарованнымъ въ жизни, недовѣрчивымъ и замкнутымъ въ себя человѣкомъ. Въ масонствѣ Татищевъ, повидимому, искалъ разрѣшенія той неудовлетворенности, которую онъ испытывалъ въ жизни, но и оно не давало ему искомаго. Энтузіастъ Шварцъ сумѣлъ увлечь этого холоднаго, повидимому, человѣка и вдохнулъ въ него вѣру въ возможность широкой филантропической дѣятельности. Ложи Татищева соединились съ ложами кружка Новикова и совмѣстно онѣ стали стремиться къ окончательному объединенію всѣхъ русскихъ ложъ, правильной организаціи новаго союза и введенію его, какъ полноправнаго члена, въ общеевропейское масонство. Лучшимъ представителемъ этого новаго въ русскомъ масонствѣ теченія, по мнѣнію московскихъ братьевъ, былъ Шварцъ, почему рѣшено было послать его на предстоящій конвентъ чрезъ Швецію въ Брауншвейгъ. Порученіе это Шварцъ принялъ охотно, такъ какъ многое влекло его за границу и особенно желаніе возстановить разстроенное непосильнымъ трудомъ здоровье. Средства для этой поѣздки были даны ему разными лицами. Много далъ Татищевъ, сынъ котораго отправлялся за границу для довершенія образованія подъ руководствомъ Шварца. «Гармонія» дала ему 500 руб. на путевыя издержки и 500 руб. на покупку образовательныхъ пособій для проектируемаго уже тогда дружескаго общества.

26-го іюня 1781 г. Шварцъ выѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ, гдѣ онъ явился къ И. И. Шувалову, и послѣ разговора съ нимъ, по его просьбѣ, составилъ записку о состояніи Московскаго Университета. Записка очень понравилась Шувалову, и Шварцъ, по его ходатайству, получилъ чинъ коллежскаго ассессора. Снабженный Шуваловымъ особыми порученіями, Шварцъ направился въ Митаву, гдѣ онъ, подъ условіемъ временнаго подчиненія русскихъ ложъ Швеціи, получилъ отъ гросмейстера курляндскихъ масоновъ рекомендательныя письма къ Вёльнеру и Тедену. Іоганнъ-Христофоръ фонъ-Вёльнеръ былъ очень вліятельный человѣкъ у Фридриха Брауншвейгскаго и при его посредствѣ Шварцу удалось познакомиться съ самимъ герцогомъ и лично доложить ему о нуждахъ русскаго масонства. Въ Брауншвейгѣ же Шварцъ представился и бесѣдовалъ съ Фридрихомъ

Гессенъ-Кассельскимъ и Карломъ-Вильгельмомъ Брауншвейгскимъ.

Изъ Германіи Шварцъ вывезъ для русскихъ масоновъ двѣ организаціи: 1) «рыцарскій капитулъ и градусъ» для всѣхъ вообще ложъ и 2) розенкрейцерство — высшую и особую теософскую систему для немногихъ избранныхъ. Къ ней примкнуло большинство германскихъ ложъ послѣ конгресса 1782 г., разрушившаго обаяніе темпліерства, уличеннаго въ іезуитскомъ происхожденіи. Повидимому, о розенкрейцерствѣ Шварцъ въ подробности узналъ отъ Вёльнера и, говорятъ, былъ именно имъ принятъ въ ложу.

Личными стараніями и переговорами Шварцу удалось добиться предварительнаго согласія вліятельныхъ масоновъ на признаніе независимости провинціи Россіи отъ Швеціи. Его же трудами допущены были представители русскихъ масоновъ на состоявшемся Вильгельмстадтскомъ конгрессѣ 1782 г. Въ Брауншвейгѣ Шварцъ представилъ герцогу свою кредитивную грамоту и прошеніе о признаніи братства (Московскаго), утвержденіи союза со старыми ложами, допущеніи русскихъ представителей въ общихъ орденскихъ дѣлахъ и, наконецъ, о признаніи Россіи самостоятельной провинціей. Брауншвейгская конференція дала положительный отвѣтъ на 5 первыхъ пунктовъ прошенія. Признаніе же Россіи провинціей отложили до генеральнаго конвента, обѣщая ходатайствовать о допущеніи на него двухъ русскихъ представителей. Переѣхавъ изъ Брауншвейга въ Берлинъ, Шварцъ сошелся съ тамошними масонами. Объѣхавъ часть Германіи, Шварцъ привезъ изъ-за границы много важныхъ масонскихъ бумагъ.

Послѣ конвента онъ получилъ отъ ордена полномочіе устроить въ Москвѣ Директорію «теоретической степени». Шварцъ этимъ дѣлался какъ бы диктаторомъ Московскихъ масоновъ. Въ присланномъ ему документѣ изъяснялось, что: 1) теоретическая степень ордена могла быть передана лишь достойному старошотландскому мастеру; 2) Шварцъ не имѣлъ права давать «градуса» для прочтенія или списыванья—«Теоретическая степень» могла читаться лишь въ его присутствіи; 3) Шварцъ обязывался читать наставленія изъ нея, въ такомъ разсчетѣ, чтобы все прочитывалось въ 9 собраній; 4) прочитанное должно было изъяснять; 5) тайна ордена должна была быть нерушимо сохраняема. Шварцъ, единственный верховный представитель этой степени въ провинціи Россіи, не былъ обязанъ давать отчетъ никому, кромѣ гросмейстера. На Шварцѣ лежала обязанность присылать въ капитулъ поименный списокъ всѣхъ вновь принятыхъ братьевъ съ 1 червонцемъ за каждаго въ пользу бѣдныхъ. Каждый братъ «Теоретической степени» платилъ 7 талеровъ, изъ нихъ 4 оставалось у Шварца. Въ просвѣтительныхъ цѣляхъ Шварцъ за границей старался знакомиться и бесѣдовать съ учеными, напр., Саккеномъ, Гиреномъ, Бюшингомъ, Бернулли, Іерузалемомъ и др. Онъ изучилъ постановку за границей учебнаго и печатнаго дѣла, стремился установить правильныя сношенія между Новиковымъ и заграничными книгопродавцами. Горячо любя Россію и русскихъ, Шварцъ усердно доказывалъ нѣмцамъ необходимость изученія языка его новой родины. Съ массой учебныхъ плановъ, пособій, знаній, связей массонскихъ, научныхъ, возвратился Шварцъ въ Россію, гдѣ его ждало много огорченій и разочарованій. Въ Университетѣ существовала партія, недовольная дѣятельностію Шварца, въ ней были профессоръ Іоганнъ-Матіасъ Шаденъ и Антонъ Александровичъ Барсовъ. Во главѣ ея сталъ, по прибытіи изъ-за границы, кураторъ Университета Мелиссино. Ждали лишь случая придраться къ Шварцу и скоро его нашли. Увлеченный оживленіемъ, которое охватило московскихъ масоновъ по возвращеніи его изъ-за границы, и поглощенный множествомъ дѣлъ, Шварцъ все откладывалъ подачу конференціи Университета отчета о своей поѣздкѣ въ чужіе края. Замедленіе это вызвало требованіе конференціи подать отчетъ не позже, какъ чрезъ недѣлю. Шварцъ передалъ въ слѣдующее засѣданіе вмѣстѣ съ отчетомъ 13 сочиненій по педагогикѣ, и какъ даръ университету, 8 рѣдкихъ книгъ. Однако, отчетъ Шварца не только не обсудили, но даже не прочитали.

Считая такое отношеніе къ его дѣлу оскорбительнымъ, Шварцъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, ссылаясь на слабое здоровье, препятствующее ему вести да-

лѣе правильное преподаваніе въ Университетѣ. Мелиссино, боясь открытой ссоры съ Шварцемъ, котораго очень уважали москвичи, не принялъ прошенія и, увѣривъ его въ своей любви, предложилъ до полнаго выздоровленія не читать лекцій, сохраняя прежній окладъ жалованья. Шварцъ согласился не оставлять профессуры, но отъ жалованья отказался, условившись, что число недѣльныхъ лекцій будетъ зависѣть отъ состоянія его здоровья. Конференція утвердила предложенія Шварца и онъ былъ возведенъ въ званіе «professor honorarius» Московскаго Университета.

Новая профессорская дѣятельность Шварца началась съ августа 1782 года. Къ этому времени онъ свободно владѣлъ русскимъ языкомъ, его сравнительно-историческій методъ давалъ возможность дѣлать широкіе обзоры предмета, увлекавшіе слушателей, между Шварцомъ и его аудиторіей издавна установились самыя сердечныя, дружескія отношенія.

Основнымъ утвержденіемъ лекцій Шварца было то, что «науки безъ христіанства во зло и смертный ядъ обращаются». Убѣжденный послѣдователь розенкрейцерства, онъ и въ своихъ лекціяхъ тайно проводилъ теософическія ученія этого ордена. «Человѣкъ,—говорилъ Шварцъ,—въ настоящее время гнилой и вонючій сосудъ, наполненный всякою мерзостью». Совершенство его, существовавшее на землѣ до грѣхопаденія Адама, достижимо лишь чрезъ познаніе себя и Бога въ природѣ тѣми путями, которые указываютъ розенкрейцеры. Мудрость преемственна. Искра Адамова совершенства сохранилась въ избранномъ кружкѣ мудрецовъ-патріарховъ, отъ нихъ она перешла къ еврейскимъ сектамъ іессеевъ и терапевтовъ, откуда ее и приняли розенкрейцеры. Задача ихъ первыхъ трехъ степеней—Іоанновыхъ—«работа надъ дикимъ камнемъ» въ притворѣ и трехъ преддверіяхъ. На первомъ изъ нихъ написано: «Познай самого себя», на второмъ: «Избѣгай зла», на третьемъ: «Стремись къ добру». Въ тѣнистыхъ переходахъ притвора: «Ищи въ самомъ себѣ истину».

Полнѣе эти идеи развилъ Шварцъ въ лекціяхъ, читанныхъ имъ на дому по просьбѣ учениковъ и друзей съ 3-го сентября по 31-е декабря 1782 года. Онѣ касались трехъ родовъ познанія. Шварцъ называлъ *любопытнымъ*—познаніе, питающее нашъ разумъ, но не являющееся необходимымъ для вѣчной жизни,—оно лишь увеличиваетъ силу духа. Искусство онъ относилъ къ области *пріятнаго* познанія, такъ какъ оно воображеніемъ питаетъ нашъ разумъ; наконецъ, *полезнымъ* Шварцъ считалъ познаніе, научающее насъ «истинной любви, молитвѣ и стремленію духа къ вышнимъ понятіямъ». Къ нему долженъ постоянно стремиться человѣкъ, «ибо онъ въ сей жизни только путешественникъ, а въ будущей гражданинъ».

Какъ всѣ розенкрейцеры-мистики, Шварцъ очень интересовался начальными судьбами міра и поэтому разбиралъ книгу Бытія. Методъ онъ примѣнялъ «каббалистическій», т.-е. въ основаніе своихъ изслѣдованій клалъ ученіе объ эманаціи. По мнѣнію Шварца, Богъ создалъ міръ не изъ ничего, а изъ внутренняго существа своего. «Прежде,—говоритъ онъ—все было въ Богѣ невидимо. Твореніе сіе невидимое сдѣлалось видимымъ. Оно какъ бы извергнуто, отдѣлено отъ Божественной натуры». «Все сіе согласуется въ системѣ истеченій». Истеченія Бога были субтильны (духовны), поэтому вначалѣ были сотворены небесные духи—верхніе и нижніе. Затѣмъ Шварцъ предлагалъ мистическую систему творенія міра и отпаденія Люцифера. Съ августа 1782 г. онъ читалъ въ университетѣ курсъ эстетической критики. «Для приведенія мыслей юношей въ порядокъ или гармонію, говорилъ Шварцъ, нужно молодыхъ людей упражнять въ наукахъ, музыкѣ, живописи и занимать ихъ гармоніей природы». Его эстетико-критическія лекціи являлись для слушателей цементомъ, связующимъ научныя ихъ убѣжденія съ нравственностью и религіей. Онѣ «возвышали ихъ необдѣланныя и грубыя чувства къ превращенію естественнаго въ сверхъестественное, химіи и другихъ премногихъ наукъ, руководствующихъ насъ къ познанію безпредѣльной гармоніи, сокрытой въ нѣдрахъ таинственной природы». О разнообразіи содержанія лекцій Шварца можно судить по словамъ одного изъ его учениковъ: онѣ, говоритъ онъ, дѣлали понятными живопись, скульптуру, архитектуру, геометрію, стихосложеніе,

астрономію, анатомію, физіологію, физіономику и хиромантію, магію и каббалу.

Вліяніе Шварца на слушателей было неизгладимо глубоко, и многіе изъ его питомцевъ, видные общественные дѣятели, почти боготворили его. Въ числѣ ихъ были: братья Сохацкіе, Антонскіе, Дм. Дмитревскій, Петровъ, который сильно повліялъ на міросозерцаніе Карамзина. Дмитріевъ такъ описалъ жилище «молодыхъ словесниковъ» (Карамзина и Петрова). «Оно раздѣлено было тремя перегородками; въ одной стоялъ на столикѣ, покрытомъ зеленымъ сукномъ, гипсовый бюстъ мистика Шварца... а другая была освящена Іисусомъ на крестѣ, подъ покрываломъ чернаго крепа», въ третьей жили сами «молодые словесники». Такой «культъ» памяти Шварца объясняется тѣмъ, что онъ, дѣйствительно, умѣлъ воспитывать души учениковъ, входить въ ихъ внутренній міръ, не ограничиваясь лишь чтеніемъ лекцій. Его сближенію со студентами много способствовали учрежденныя имъ общества, въ которыхъ принимала непосредственное участіе и учащаяся молодежъ. Привлекали и отдѣльныя проявленія симпатіи къ слушателямъ и участіе въ ихъ судьбѣ. Вскорѣ послѣ вступленія въ профессорское званіе, Шварцъ роздалъ слушателямъ свою библіотеку, зная дороговизну книгъ въ Россіи; окончившихъ курсъ студентовъ онъ опредѣлялъ на мѣста.

13-го марта 1781 года имъ было основано «Собраніе университетскихъ питомцевъ», цѣлью котораго было развитіе вкуса и ума путемъ чтенія и обсужденія литературныхъ опытовъ членовъ этого общества. Шварцъ непосредственно направлялъ идейную дѣятельность «Собранія» въ сторону масонской филантропіи, для которой средства добывались изданіемъ сочиненій «питомцевъ». Энергичная дѣятельность Шварца съ каждымъ мѣсяцемъ расширяла поле проповѣди его любимыхъ идей. Этому особенно помогло постепенное осуществленіе давно задуманнаго имъ плана «Дружескаго Общества». Оно возникло фактически еще въ 1779 году, но въ небольшомъ кружкѣ, имѣя самыя незначительныя средства и слабую возможность дѣйствовать. Сойдясь съ Татищевымъ, Шварцъ увлекъ его своимъ энтузіазмомъ. Въ надеждѣ на высшія радости, онъ пожертвовалъ крупную часть своего огромнаго состоянія на устройство общества по плану Шварца. Къ его дару присоединили свои: князья Ю. Н. и Н. Н. Трубецкіе, кн. А. А. Черкасскій, В. В. Чулковъ, И. П. Тургеневъ, и въ 1781 г. Шварцъ увидѣлъ, что мечта его можетъ исполниться. «Колумбъ, впервые завидѣвшій землю, говорилъ онъ, не могъ радоваться болѣе меня, когда въ рукахъ моихъ очутился значительный капиталъ для осуществленія моей платоновой идеи». Отъѣздъ Шварца заграницу пріостановилъ хлопоты объ открытіи оффиціально дѣятельности Дружескаго Общества. Фактически существуя, оно энергично дѣйствовало, имѣя въ своемъ распоряженіи крупныя средства и поддержку вліятельныхъ людей. Имъ была учреждена въ іюнѣ 1782 года, по плану Шварца, Переводческая или Филологическая Семинарія, гдѣ на средства членовъ общества (оффиціально ихъ давали «нѣкто» и «его друзья жертвователи») должны были учиться переводить 16 студентовъ, отчасти изъ Педагогической Семинаріи. Молодые люди жили въ домѣ, пріобрѣтенномъ Обществомъ, подъ непосредственнымъ надзоромъ Шварца, помѣщавшагося съ семьей въ томъ же домѣ (недалеко отъ Меньшиковской башни).

Не надѣясь на искренность стараній къ оффиціальному открытію Общества со стороны Мелиссино, участники добились разрѣшенія открыть его непосредственной просьбой у гр. Чернышева и митрополита Платона.

Дѣятельность Шварца не давала покоя завистливому и честолюбивому Мелиссино, учредившему въ 1771 г. «Вольное Русское Собраніе», мало дѣятельное и окончательно пришедшее, съ открытіемъ Дружескаго Общества, въ упадокъ. За нѣсколько дней до открытія послѣдняго, Мелиссино призвалъ къ себѣ Шварца и предложилъ ему соединить два указанныя Общества въ одно, думая такимъ образомъ съ честью похоронить свое мертворожденное дѣтище и стать предсѣдателемъ новаго, бодраго и жизнеспособнаго учрежденія. Шварцъ, конечно, отклонилъ это предложеніе. Объявленія объ открытіи Дружескаго Общества были отпечатаны въ большомъ количествѣ экземпляровъ на латинскомъ и русскомъ

языкахъ и разосланы не только по Россіи, но даже и за границу. Въ нихъ объявлялось, что цѣль Общества—печатаніе учебныхъ книгъ, распространеніе знанія древнихъ языковъ, исторіи, естествовѣдѣнія и воспитаніе при Переводческой Семинаріи 35 юношей. Открытіе Общества праздновалось очень торжественно 6-го ноября 1782 г. въ домѣ П. А. Татищева, причемъ Шварцъ произнесъ приличную случаю рѣчь.

Воспитанники Дружескаго Общества жили подъ его непосредственнымъ надзоромъ, и Шварцъ читалъ имъ спеціальный курсъ «Философіи исторіи» (21 лекція, съ 17-го августа 1782 г. по 5-е апрѣля 1783 г.). Въ нихъ Шварцъ чрезъ объясненіе мѣстъ «лучшихъ писателей, доказывающихъ истину Творца и словъ священнаго писанія»—приводилъ слушателей къ признанію зависимости людей отъ Бога. Такимъ образомъ, Шварцъ боролся съ матеріалистической философіей и крайностями ученій энциклопедистовъ. Лекціи эти вскорѣ заинтересовали друзей Шварца и мало-по-малу пріобрѣли характеръ публичныхъ. Вліяніе Шварца на аудиторію, посѣщаемую «людьми всякаго рода и званія», было очень глубоко и значительно: у многихъ «простое слово Шварца исторгало изъ рукъ соблазнительныя книги и помѣстило на нихъ мѣсто святую Библію», до того мало читаемую вообще. Одинъ изъ посѣтителей частныхъ лекцій Шварца говоритъ, что въ изложеніи имъ мыслей замѣчается сходство съ Кантомъ. «Какъ и Канту, ему часто не доставало словъ для выраженія мыслей. Сила, съ которой онъ говорилъ, смѣлость (скажу даже безразсудная дерзость), съ которой онъ, не взирая ни на что, бичевалъ политическія и церковныя злоупотребленія, были удивительны, и не разъ боялся я, что ему начнетъ мстить духовенство, въ особенности монашествующіе, которыхъ онъ при всякомъ удобномъ случаѣ выставлялъ самымъ безжалостнымъ образомъ». Повидимому, въ средѣ слушателей домашняго курса Шварца нашлись доносчики. По крайней мѣрѣ Мелиссино не разъ говорилъ, что всѣ три курса, читанные Шварцемъ въ 1782 году, пропитаны ядомъ мартинизма и въ сущности ни что иное, какъ явная опасная масонская пропаганда.

До оффиціальнаго открытія Дружескаго Общества и отказа Шварца присоединиться къ «Вольному Русскому Собранію» Мелиссино не придавалъ особеннаго значенія клеветѣ, распускаемой врагами масоновъ; но, потерявъ надежду стать предсѣдателемъ новой организаціи, онъ началъ притѣснять Шварца, пользуясь его служебнымъ подчиненнымъ положеніемъ.

Мелиссино убѣдилъ университетскую конференцію принудить Шварца читать для семинаристовъ еще одну лекцію въ недѣлю, что Шварцъ считалъ совершенно излишнимъ. На отказъ профессора, Мелиссино осыпалъ его упреками за небрежное чтеніе лекцій и пригрозилъ исключеніемъ изъ службы. Шварцъ подалъ Хераскову для передачи Шувалову записку о притѣсненіяхъ со стороны Мелиссино. Въ ней онъ кратко перечисляетъ свои труды на пользу Россіи и въ концѣ излагаетъ столкновеніе съ кураторомъ, выясняя между прочимъ, что добавочную лекцію, обременительную для Шварца въ виду его болѣзни, безвозмездно соглашался читать пр. Шолль. Записка содержитъ въ себѣ просьбу объ отставкѣ. Послѣ подачи ея, Мелиссино нельзя было уже тянуть дальше дѣло и притѣснять Шварца. Отставка была ему дана въ самомъ концѣ 1782 г. Получивъ ее, Шварцъ переселился въ домъ Н. И. Новикова у Никольскихъ воротъ, гдѣ продолжалъ чтеніе лекцій по «Философской исторіи». Впрочемъ, освободясь отъ чтенія лекцій въ университетѣ, Шварцъ большую часть времени посвящалъ масонской пропагандѣ, распространяя и укрѣпляя ученіе ордена Розенкрейцеровъ. Съ этой цѣлью чрезъ Н. И. Новикова Шварцъ отобралъ у Гамалѣи, Лопухина, Тургенева, Кутузова, Чулкова, А. И. Новикова прошенія о зачисленіи ихъ въ Берлинскій розенкрейцерскій капитулъ. Такія же прошенія были отобраны кн. И. Н. Трубецкимъ у его брата кн. Ю. Н., кн. Черкасскаго, кн. Энгалычева и Хераскова; самъ Шварцъ отобралъ прошенія у доктора Френкеля и купца Туссеня. При этомъ Шварцъ заявилъ колеблющемуся исполнить порученіе Новикову, что цѣль розенкрейцерскаго ордена «та же, что они имѣли и раньше, но что тайны его ведутъ кратчайшимъ путемъ

къ познанію Бога, природы и человѣка; что орденъ требуетъ, чтобы всякій членъ его дѣлался лучшимъ христіаниномъ, гражданиномъ и семьяниномъ, чѣмъ былъ прежде...», наконецъ, поклялся, что въ орденѣ нѣтъ ничего противъ верховной власти. Собранныя прошенія были посланы Шварцемъ въ Берлинъ вмѣстѣ съ значительной суммой денегъ, и весной 1783 года получился отвѣтъ, что всѣ подписавшіяся подъ ними лица приняты въ составъ главнаго розенкрейцерскаго братства. Московскимъ отдѣломъ долженъ былъ управлять Шварцъ. Въ организованномъ такимъ образомъ орденѣ розенкрейцеровъ занимались главнымъ образомъ «теоретическимъ градусомъ Соломоновскихъ наукъ». Глава розенкрейцеровъ, Шварцъ ревностно предавался имъ, упрекая порой даже Новикова за его холодность къ ордену и братству, изъ-за чего иногда между ними бывала натянутость въ ихъ, вообще, дружескихъ отношеніяхъ. Энтузіазмъ, свойственный натурѣ Шварца, перешелъ у него въ нѣкотораго рода фанатизмъ. Жизнь его походила на жизнь аскета. Внутреннее созерцаніе почти поглощало его. Шварцъ «былъ разсѣянъ и даже, когда дѣлалъ важные вопросы, видно было, что онъ думаетъ совершенно о другомъ. Суровый, сумрачный, очень строгій, онъ никогда не смѣялся и даже улыбка его бывала принужденна и неестественна. Голосъ его былъ повелительный, брови всегда сдвинуты». Организмъ Шварца не выдержалъ тѣхъ непосильныхъ трудовъ и постоянныхъ огорченій, которыя выпали на его долю. Переѣздъ изъ города въ село Очаково, подмосковную кн. И. Н. Трубецкого, не помогъ. Силы Шварца постоянно падали, такъ что и самъ онъ сознавалъ неизбѣжность близкаго конца и заботился лишь о томъ, чтобы его небольшое имущество обращено было на дѣла благотворительности и просвѣщенія. Умеръ Шварцъ 17-го февраля 1784 г. Еще наканунѣ смерти онъ наставлялъ одного своего ученика въ тѣхъ истинахъ, служенію которыхъ была посвящена вся его жизнь. О смерти его среди друзей сложилось преданіе.

Особенно невозмѣстимую утрату понесло въ немъ Московское масонство, хотя дѣло было подвинуто имъ настолько впередъ, что не могло уже умереть. Шварцъ былъ похороненъ съ большимъ торжествомъ по обряду православной церкви въ храмѣ села Очакова, прямо противъ алтаря. Близкіе оплакивали въ немъ рѣдкаго по душевнымъ качествамъ человѣка; студенты Университета, любившіе Шварца какъ отца, устроили 26-го марта 1784 г. въ память его торжественное собраніе университетскихъ питомцевъ. Максимовичъ, Лабзинъ, Подшиваловъ, Антонскій и др. читали въ честь Шварца стихи и рѣчи. Двѣ оды, нѣмецкая и русская, были отпечатаны.

Въ Шварцѣ какъ бы олицетворилось новое германско-европейское вліяніе на наше молодое общество, искавшее истинной науки и жизни, согласованной съ идеалами братства вольныхъ каменьщиковъ въ духѣ мечтаній Лессинга. Сочувствіе русскихъ воодушевляло Шварца. «Я сгоралъ желаніемъ,—говоритъ онъ,—выразить благодарность народу, столь благородному, столь жаждущему науки». Практическая дѣятельность его сдѣлала масонство выразителемъ смутнаго еще общественнаго движенія, оно отдѣлилось отъ западно-европейскаго, примѣнилось къ условіямъ русскаго общества, обратилось къ удовлетворенію назрѣвшихъ въ немъ потребностей. Шварцъ былъ въ русскомъ обществѣ проводникомъ философскихъ идей, развившихся изъ чистой религіозности; дѣятельность его обнаруживаетъ «безконечную любовь къ человѣчеству, непреклонную волю и возвышенный характеръ». Жена и дѣти Шварца остались на попеченіи «Дружескаго Общества» и жили у Новикова.

Сочиненія Шварца: «Entwurf der Grundsätze des deutschen Stils zum Gebrauch der öffentlichen Vorlesungen bey der Kaiserlichen Uniwersität zu Moskau». Erster Theil. «Начертаніе первыхъ основаній нѣмецкаго слога для употребленія въ публичныхъ лекціяхъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ», часть I, въ университетской типографіи у Новикова, 1780 г. Тутъ помѣщены рѣчи Шварца. Отрывки изъ лекцій о 3-хъ родахъ познанія напечатаны въ журналѣ Невзорова «Другъ юношества и всякихъ лѣтъ», 1813 г., январь, стр. 85—101.

Стихи на день заведенія собранія питомцевъ Московскаго Университета, марта 13-го, 1789 г.,

въ семилѣтнее празднованіе онаго. Москва, въ университ. типографіи у Новикова въ 4-ку. «Ode dem Andenken des Weiland H. W. D. Schwartsens gewidmet von EFS. KB. vd. Constantia. Moskau. Gedrückt mit der Gesetzmässigen Erlaubniss in der freyen Buchdruckerei bei den J. von Lopouchin (въ 8-ю дл., стр. 6).

Краткая автобіографія И. Е. Шварца на нѣмецкомъ языкѣ напечатана съ черноваго подлинника Н.С. Тихонравовымъ въ «Лѣтописяхъ русской литературы», 1863 г., т. V, отд. II, стр. 96—110. Біографія Шварца написана Н. С. Тихонравовымъ и напечатана: 1) въ «Словарѣ профессоровъ Московскаго Университета». Москва, 1855 г., т. II, стр. 574- 599; 2) въ «Сочиненіяхъ Н. С. Тихонравова», т. III, ч. 1; «Къ исторіи Московскаго университета», IV, профессоръ И. Г. Шварцъ, страницы текста 60—82, прим. 7-го. Подробнѣйшія свѣдѣнія находятся: М. Н. Лонгиновъ, «Новиковъ и Шварцъ», матеріалы для исторіи Русской литературы въ концѣ XVIII вѣка. «Русскій Вѣстникъ» 1857 г., т. II, кн. 1, стр. 539—585; «Новиковъ и московскіе мартинисты», изслѣдованіе, Москва, 1867; С. В. Ешевскаго, «Сочиненія», часть III. Москва. 1870 г. стр. 443—568; «Московскіе масоны 80-хъ годовъ прошедшаго столѣтія, 1780—1789 годы». Кромѣ того, важныя данныя заключаются въ: «Исторіи Московскаго Университета» Шевырева, стр. 216—224, Москва, 1855 г.; «Сборникѣ студентовъ Московскаго Университета», Москва, 1857 г., I, 321—329; пр. А. Незеленова, «Н. И. Новиковъ издатель журналовъ», С.-Пб., 1875 г.; его же, «Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху», С.-Пб., 1889 г. О Шварцѣ, гл. III, стр 158—170; Александръ Семека: «Русскіе розенкрейцеры и сочиненія Императрицы Екатерины II противъ масонства». «Журналъ Министерства Народ. Просв.», февраль 1902 г.; В. В. Сиповскій, Н. М. Карамзинъ, авторъ «Писемъ русскаго путешественника». «Приложеніе № 1»,—«Новиковъ, Шварцъ и московское масонство», С.-Пб. 1899 г.; «Записки историко-фил. факульт. Имп. С.-Пб. Университета», ч. XLIX; Документы по дѣлу Н. И. Новикова, содержащіе данныя о Шварцѣ, изданы: «Лѣтописи Русской литературы и древности», томъ V, ч. II; «Новыя свѣдѣнія о Н. И. Новиковѣ и членахъ компаніи типографической», сообщ. Д. И. Иловайскимъ съ предислов. Н. С. Тихонравова, Москва, 1863 г.; «Сборникъ Импер. Русск Истор. Общества», т. II, С.-Пб., 1868 г.; «Новые документы по дѣлу Н. И. Новикова», сообщены А. Н. Поповымъ, стр. 96—157; «Письмо неизвѣстнаго лица о московскомъ масонствѣ XVIII вѣка». «Р. Архивъ» 1874 года, № 1, стр. 1031—1042; «Сіонскій Вѣстникъ» Лабзина, 1818 г., кн. 2. «Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи XVIII в.», академика П. Пекарскаго, С.-Пб., 1869 г.; тоже, «Сб. ст. отд. Рус. яз. и сл. Имп. Акад. Наукъ», т. VII, № 4. Кромѣ того, есть данныя: «Воспоминанія о Н. И. Новиковѣ и о его времени» Ключевскаго. «Русская Мысль» 1895 г., стр. 33—60, № 1. Въ статьяхъ Пыпина. «Вѣстникъ Европы», особенно 1895 г., іюль; «Времена Екатерины II», ч. III. «Починъ» Сборникъ общества любителей россійской словесности на 1895 г., Москва 1895 г. ст. Николай Ивановичъ Новиковъ В. Е. Якушкина. Энциклопедич. Словарь Ефрона, т. 77, стр. 253; Своеобразный взглядъ на Шварца высказалъ П. Милюковъ «Очерки по исторіи русской культуры» часть III, вып. II, С.-Пб. 1903 г., стр. 354—364.

В. В. Фурсенко.

Шварцъ, *Іоганнъ - Готлибъ* (по инымъ свѣдѣніямъ Іосифъ), скульпторъ, родомъ изъ Николаусдорфа (Никсдорфа) въ Богеміи, род. въ 1736 г. Художественное образованіе получилъ въ Дрезденѣ, гдѣ потомъ и оставался вплоть до осени 1770 г., когда былъ приглашенъ въ Петербургъ, въ Акад. Худ. для преподаванія «самой чистой», какъ говорится въ контрактѣ съ нимъ, «скульптуры». Еще значительно ранѣе того, слава объ изумительномъ искусствѣ Ш., какъ рѣзчика изъ кости, металла и особенно дерева (самыми простыми инструментами), проникла въ стѣны Академіи, когда же въ 1770 г. послѣ Ролана освободилась вакансія преподавателя орнаментной скульптуры, Ш. предложено было занять это мѣсто. Привезенная имъ съ собою его работа (барельефное изображеніе корзины съ фруктами и цвѣтами) поразила всѣхъ какъ изяществомъ замысла, такъ вѣрностью природѣ и тонкостью исполненія, и Академія ввела тогда въ контрактъ съ авторомъ этой «штуки» пунктъ, въ силу котораго Ш. обязывался, помимо исполненія обязанностей преподавателя, ежегодно изготовлять для Академіи по одному своему произведенію. Но Ш., несмотря на многократныя напоминанія совѣта Академіи, вплоть до 1773 г. совершенно игнорировалъ это обязательство и лишь въ августѣ этого года представилъ въ Академію барельефъ «сѣтку съ рыбою и ракомъ», послѣ чего былъ допущенъ къ соисканію на званіе академика. Между тѣмъ дѣло преподаванія шло у Ш. совсѣмъ плохо. Будучи отъ природы достаточно лѣнивъ и въ то же время чрезвычайно вспыльчивъ, онъ или вовсе не посѣщалъ ученической мастерской, или же обращался во время занятій съ учениками такъ грубо, что послѣдніе положительно избѣгали его класса. Одновременно съ этимъ у него обострились отношенія съ учительскимъ персоналомъ Академіи. Все это вмѣстѣ взятое побудило Академію, ранѣе чрезвычайно гордившуюся привлеченіемъ на службу Ш., 20-го февраля 1774 г., до контрактнаго срока, уволить его. По уходѣ изъ Академіи, Ш. остался въ Пе-

тербургѣ и занялся исполненіемъ частныхъ заказовъ. Позднѣе, при постройкѣ Исаакіевскаго собора, онъ состоялъ «въ командѣ» Я. А. Брюса и исполнялъ рѣзныя работы для внутренней отдѣлки собора. Въ 1794 г. за барельефъ изъ дерева: «плетеная корзина съ цвѣтами, овощами и изюмомъ» получилъ званіе академика орнаментной скульптуры. Умеръ въ чинѣ VII кл. 31-го декабря 1804 г. въ Петербургѣ. Три работы его находятся въ музеѣ Имп. Ак. Худ.

Дѣло № 3 за 1774 г. изъ архива Имп. Ак. Худ.; П. Н. Петровъ., «Сборн. матеріаловъ для исторіи Имп. Ак. Худ.» (примѣчанія); П. Петровъ, «Русскіе скульпторы». СПБ. 1863; «Памятникъ искусствъ», 1843, т. 2; Bernoulli «Reisen. IV. S. K. Nagler «Neues allgemeines Künstler-Lexikon» München. 1846. *Вал. Бер.*

Шварцъ, *Иоганъ-Христофоръ* (Johann Christoph Schwartz), бургомистръ гор. Риги и остзейскій писатель, род. 19-го января 1722 г., умеръ 7-го ноября 1804 г. Ш. происходилъ изъ знатнаго бюргерскаго рода города Риги, обучался въ Лейпцигскомъ университетѣ юриспруденціи, путешествовалъ потомъ по Германіи, Голландіи и Англіи и, по возвращеніи въ Ригу, поступилъ на общественную службу: былъ въ 1746—1753 секретаремъ и 1753—1761 оберъ-секретаремъ Рижскаго магистрата, въ 1761 г. былъ избранъ въ ратсгеры, съ 1772—1782 г. занималъ должность оберъ-фогта и въ 1782 г. былъ избранъ въ бургомистры. Ш. оказалъ городу большія услуги, твердо и настойчиво охраняя интересы его передъ органами правительства. Съ 1767 г. по 1772 г. Ш. состоялъ, въ качествѣ представителя города Риги, членомъ Екатерининской коммиссіи для сочиненія новаго Уложенія и составилъ здѣсь проектъ судопроизводства; въ 1783 г. былъ членомъ депутаціи, посланной въ Петербургъ для ходатайствованія передъ правительствомъ о согласованіи предположеннаго ко введенію въ Прибалтійскомъ краѣ губернскаго уложенія съ правами и особенностями страны. По упраздненіи исконнаго городского устройства и введеніи въ Ригѣ городского уложенія 21-го апрѣля 1785 г., Ш., въ 1787 г., сложилъ съ себя всѣ общественныя должности и посвятилъ себя всецѣло наукѣ. Ш. былъ выдающійся знатокъ мѣстнаго права и исторіи края, въ особенности родного города; въ удостоеніе его научныхъ заслугъ Дерптскій университетъ въ 1803 г. препроводилъ ему дипломъ доктора философіи. Важнѣйшіе труды Ш. слѣдующіе: «Versuch einer Geschichte der Rigaschen Stadtrechte» 1785 (Опытъ исторіи рижскаго городового права); «Versuch einer Geschichte der lievländischen Ritter- und Landrechte» 1794 (Опытъ исторіи Лифляндскаго дворянскаго и земскаго права) и «Vollständige Bibliothek kurländischer und piltenscher Staatsschriften», 2 тома, 1799 (Полная библіотека курляндскихъ и пильтенскихъ государственныхъ документовъ).

Recke und Napiersky, «Allg. Schriftsteller u. Gelehrten-Lexicon d. Prov. Livland, Esthland u. Kurland»; H. Storch, «Russland unter Alexander I».., VI, p. 277; «J. Chr. Schwartz als Mitglied d. Reichsgesetzes-Commission» (Rig. Shadtblätter, 1862, № 10). F. B. Albers: «Nordische Allmanach 1807, стр. 130 и слѣд. (некрологъ). *А. Гернетъ.*

Шварцъ, *Константинъ Николаевичъ*, ген.-лейт., родился 4-го сентября 1822 г. Онъ происходилъ изъ дворянъ Могилевской губ. и воспитывался сначала дома, а затѣмъ, при открытіи Полоцкаго кадетскаго корпуса, поступилъ въ него въ число воспитанниковъ перваго пріема и окончилъ курсъ въ Дворянскомъ полку (нынѣ 2-е Константиновское военное училище). Въ 1842 г. Ш. былъ произведенъ въ прапорщики, съ назначеніемъ въ легкую 6-ю батарею 12-й артиллерійской бригады. Въ чинѣ поручика Ш. былъ переведенъ въ 11-ю артиллерійскую бригаду и вмѣстѣ съ нею принималъ участіе въ Венгерской кампаніи. За особенное отличіе въ одномъ изъ сраженій Ш. былъ награжденъ орденомъ Св. Анны 4-й ст. съ надписью «за храбрость». Въ 1852 г. Ш. былъ прикомандированъ къ Петровскому-Полтавскому кадетскому корпусу, съ назначеніемъ репетиторомъ по преподаванію математики. Оставаясь въ этой должности около года, Ш., по собственному желанію, былъ снова отчисленъ обратно въ 11-ю артиллерійскую бригаду и въ Восточную войну 1853—1856 г. находился въ составѣ войскъ, дѣйствовавшихъ въ Крыму. За участіе въ сраженіи подъ Евпаторіей Ш. былъ награжденъ орденомъ Св. Станислава 3-й ст. съ мечами. Въ 1855 г. Ш.

поступилъ въ составъ гарнизона Севастополя, гдѣ и оставался до конца осады. За отбитіе перваго штурма 6-го іюня Ш. былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны, а за второй штурмъ награжденъ орденомъ Св. Анны 3-й ст. съ мечами. Въ 1857 г. Ш. былъ командированъ въ образцовую пѣшую батарею, а въ ноябрѣ 1859 г. прикомандированъ къ С.-Петербургскому артиллерійскому гарнизону, для составленія, подъ руководствомъ генерала, впослѣдствіи графа, Тотлебена, описанія обороны Севастополя. За участіе въ составленіи исторіи обороны Ш. былъ произведенъ въ капитаны и награжденъ орденомъ Св. Станислава 3-й ст. Въ 1860 г. Ш. былъ назначенъ совѣщательнымъ членомъ артиллерійскаго комитета, а въ 1862 г. за отличіе произведенъ въ подполковники. Въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ командующимъ кронштадтскою крѣпостною артиллеріею и въ 1864 г. произведенъ въ полковники. Въ 1870 г. Ш. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а въ 1873 г. прикомандированъ къ главному артиллерійскому управленію, для наблюденія за крѣпостною артиллеріею вообще. Въ 1881 г. Ш. былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, съ оставленіемъ въ той же должности; скончался 6 февраля 1887 г.

«Русскій Инвалидъ», 1887 г., № 33, стр. 3; «Русскій Календарь», на 1888 г., стр. 250.

Шварцъ, *Павелъ Ивановичъ*, извѣстенъ своими многочисленными, популярными, оригинальными, и переводными сочиненіями главнымъ образомъ по садоводству и вообще по ботаникѣ. Въ предисловіи къ «Садовому календарю» на 1824 г. онъ говоритъ, что предпринимаетъ свои изданія, «любя страстно часть сію (садоводство), занимаясь оною непрестанно и желая по возможности способствовать распространенію открытій, сдѣланныхъ и дѣлаемыхъ какъ нашими, такъ и иностранными флеристами и помологами». Онъ былъ сыномъ профессора Моск. Унив. Ив. Гр. Шварца (см. выше) и умеръ въ 1852 г. Перечислимъ его работы въ хронол. порядкѣ: 1) «Сѣверный цвѣтникъ, или цвѣтный садовникъ, содержащій подробное руководство къ заведенію цвѣтовъ для нашего сѣвернаго климата». Соч. Цигры, пер. съ нѣм. М. 1817 г., изд. 2—1822 г.; 2) «Экономическая ручная книга садоводства о содержаніи огородныхъ растеній, парниковъ, хмельниковъ и ананасныхъ теплицъ, съ присовокупленіемъ краткаго и яснаго наставленія о пристановкѣ персиковыхъ, вишневыхъ и сливныхъ деревъ и виноградныхъ лозъ, также всеобщаго разсмотрѣнія ежемѣсячныхъ занятій во всѣхъ частяхъ садоводства, приноровленная къ нашему климату и основанная на практическихъ опытахъ». Соч. І. Г. Цыгры, пер. съ нѣм. М. 1818 г. 3) «Краткое, ясное и подробное руководство къ содержанію и разведенію лучшихъ цвѣтныхъ кустовъ и растеній какъ тепличныхъ, такъ оранжерейныхъ и воздушныхъ, съ присовокупленіемъ полнаго и подробнаго наставленія о составленіи и качествѣ земли, пересадкѣ, разможеніи и содержаніи горшечныхъ растеній въ разсужденіи поливки», М. 1821 г. — Тоже. Изд. 3-е. Спб. 1867 г.; 4) «Краткое наставленіе къ содержанію лучшихъ цвѣточныхъ луковицъ какъ въ горшкахъ въ комнатахъ, такъ и въ грунту», М. 1821 г. 5) «Ручная книжка для охотниковъ, садовниковъ и огородниковъ»; М. 1824 г., 6) «О содержаніи иностранныхъ плодовитыхъ деревъ въ горшкахъ». Соч. Диля, перев., 2 ч., М. 1824 г.; 7) «Ясное и подробное наставленіе о пристановкѣ и содержаніи во время оной персиковыхъ, абрикосовыхъ, сливныхъ, вишневыхъ и грушевыхъ деревъ; составленіи и приготовленіи потребной для нихъ земли; причинахъ бѣли или проказы на персикахъ и испытанномъ лѣкарствѣ отъ оной; обрѣзываніи, пристановкѣ и содержаніи виноградныхъ лозъ; содержаніи ананасовъ и землѣ, требуемой какъ виноградными лозами, такъ и ананасами, и проч.». Издалъ Павелъ Шварцъ, М. 1824 г.; 8) «Краткое систематич. описаніе лучшихъ грушъ, персиковъ, абрикосовъ и сливъ». Соч. Диля, пер. М. 1824 г.; 9) «О заложеніи, разведеніи и содержаніи воздушныхъ плодовитыхъ садовъ въ нашемъ климатѣ, съ подробнымъ описаніемъ разведенія и содержанія всѣхъ родовъ плодовитыхъ деревъ и кустовъ, кои могутъ въ оныхъ находиться». Собралъ Павелъ Шварцъ. М. 1824 г. 10) «Подробное наставленіе о содержаніи

огородовъ и всѣхъ входящихъ въ составъ оныхъ растеній, какъ-то: арбузовъ, дынь, земляники и клубники, спаржи, артишоковъ, всякаго рода огородныхъ овощей и душистыхъ травъ, также о заведеніи и содержаніи шампиньонныхъ грядъ и хмельника, съ прибавленіемъ яснаго и подробнаго наставленія о заложеніи и содержаніи какъ раннихъ, такъ и позднихъ парниковъ». Издалъ Ш., М. 1824 г.; 11) «Садовый календарь на 1825 и 1826 г.» 4 ч. М. 1824—1826 гг.; 12) «Подробное описаніе совершенно новой методы содержанія померанцовыхъ, лимонныхъ и всѣхъ къ сему роду принадлежащихъ деревъ». Пер. Ш., М. 1825 г.; 13) «Описаніе Линнеевой системы, съ приложеніемъ таблицы, изъясняющей оную, и шести рисунковъ». Собралъ и издалъ Ш., М. 1827 г.; 14) «Полное и подробное наставленіе о содержаніи и размноженіи всѣхъ донынѣ извѣстныхъ цвѣточныхъ луковицъ и луковичныхъ корней, съ показаніемъ: времени цвѣта каждаго сорта и колера цвѣтовъ; требуемой оными земли; правилъ, которыя должно наблюдать въ пристановкѣ зимою, и означеніемъ всѣхъ сортовъ, способныхъ къ раннему цвѣту». Издалъ Ш., М. 1827 г.; 15) «Продолженіе къ руководству о содержаніи и разведеніи лучшихъ цвѣтныхъ кустовъ и растеній», М. 1828 г. 16) «Ручная книжка для огородниковъ, или наставленіе о содержаніи огородовъ и парниковъ», М. 1832 г.; 17) «Прописи чистаго латинскаго письма». М. 1833 г. Состав. Павелъ Шварцъ. 18) «Новѣйшая латинская азбука». М. 1834 г. Состав. Павелъ Шварцъ. 19) «О разведеніи и содержаніи плодовыхъ садовъ. Съ описаніемъ содержанія и размноженія всѣхъ плодовыхъ деревьевъ и кустовъ, которые могутъ зимовать у насъ на воздухѣ». М. 1832 г. 20) «О разведеніи, содержаніи, сборѣ, храненіи и болѣзняхъ хмеля, съ приложеніемъ рисунка и описанія, какъ выводить хмель совершенно новымъ способомъ, наклонно, на небольшихъ тычинахъ. Извлечено изъ новѣйшихъ соч. П. Шварцомъ, Спб. 1837 г. 21) «О заложеніи и содержаніи огородовъ и парниковъ». Изд. 2-е. Спб. 1837 г.; 22) «Руководство къ теоретическому и практическому садоводству», Спб. 1840 г.; Рец.: «Отеч. Записки», 1841 г., № 1, т. 14, отд. 6, стр. 28—29. Сверхъ того, въ 1833—1840 г.г. Павелъ Шварцъ издавалъ «Журналъ Россійскаго Садоводства», выходившій два раза въ мѣсяцъ. Всего вышло 12 частей. За свою дѣятельность Ш. былъ избранъ дѣйствит. членомъ Россійскаго Общества любителей садоводства (въ Москвѣ) и получилъ званіе члена-корреспондента Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ.

Справочный энциклопедическій словарь изд. К. Крайя, 1847 г., т. XII, 226; Смирдинъ; «Роспись россійскимъ книгамъ». Систематич. роспись книгамъ, прод. въ кн. маг. И. И. Глазунова; В. И. Межовъ, «Системат. каталогъ русскимъ книгамъ, А. Ф. Базунова, 1869 г., № 4416, «Указатель главнѣйшихъ рус. книгъ по сельскому хозяйству и соприкасающимся съ нимъ отраслямъ знанія», Спб. 1900 г.; «Біографич. словарь профессоровъ и преподават. Им. Моск. Университета, 1755—1855 гг.; ч. II, стр. 598. Энциклопедич. слов. Ефрона, т. 77, стр. 255.

А. К—въ.

Шварцъ, *Христофоръ-Яковъ*; годъ рожденія неизвѣстенъ, умеръ около 1756 г. Насколько мало сохранилось біографическихъ подробностей о всей остальной жизни Ш., настолько же полно можно нарисовать картину его дѣятельности въ періодъ подготовленія переворота 25-го ноября 1741 г., возведшаго на престолъ цесаревну Елисавету Петровну.

О предшествующей жизни Ш. можно съ большею или меньшею достовѣрностью утверждать слѣдующее: родомъ онъ былъ саксонецъ, простого происхожденія, а профессіей его была музыка; но музыкантъ онъ былъ неискусный и едва кормился. Какъ и зачѣмъ попалъ онъ въ Россію, въ Петербургъ,—неизвѣстно. Но будучи человѣкомъ предпріимчивымъ, онъ здѣсь сумѣлъ устроиться учителемъ музыки къ цесаревнѣ Елисаветѣ. Это положеніе не удовлетворяло Ш., и онъ опредѣлился въ посольство, отправлявшееся въ Китай. Вернувшись изъ этого путешествія, онъ приложилъ свои силы еще на одномъ поприщѣ: въ 1737 г. появилась копія съ карты шведскаго полковника Кроньіорта (1698 г.), изображающая оба берега Невы, начиная съ Финскаго залива за Александро-Невскій монастырь, работы Ш. Хотя самъ Ш. увѣряетъ, что снималъ копію съ карты Кроньіорта весьма тщательно,, но сравнительно съ другими картами XVII в., изображающими Нев-

ское побережье и его селенія, въ ней не обозначены многія мѣста, тогда уже заселенныя. Эта работа Ш. служитъ интереснымъ историко-географическимъ памятникомъ, и надо думать, что она-то и дала ему возможность попасть на службу въ Академію Наукъ по географическому департаменту, куда, по ходатайству акад. Делиля, Ш. былъ принятъ 15-го апрѣля 1740 г. Въ этомъ же году скончалась императрица Анна Іоанновна; въ числѣ лицъ, которыя должны были принять участіе въ перенесеніи тѣла императрицы изъ стараго лѣтняго дворца въ Петропавловскій соборъ и въ маршальствѣ отъ государственныхъ учрежденій, встрѣчается, между прочимъ, имя Ш., названнаго «инженеромъ» и фигурирующаго въ качествѣ одного изъ представителей отъ Академіи Наукъ; это было 23-го декабря 1740 г. Послѣ погребенія императрицы Ш., въ числѣ прочихъ лицъ, получилъ серебряную медаль въ память этого печальнаго событія.

И по возвращеніи изъ Китая, и послѣ поступленія въ географическій департаментъ Академіи Наукъ, Шварцъ продолжалъ, на правахъ стараго учителя музыки цесаревны Елисаветы, бывать при дворѣ ея, такъ какъ онъ пользовался доступомъ сюда безъ особыхъ формальностей,—онъ былъ слишкомъ маленькимъ человѣкомъ для того, чтобы возбуждать чьи-либо подозрѣнія, да, кромѣ того, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ (письма маркиза Шетарди) жена его служила въ штатѣ принцессы Елисаветы горничной. Это былъ человѣкъ, который не могъ довольствоваться тѣмъ небольшимъ жалованіемъ, которое получалъ изъ Академіи; ловкій, предпріимчивый, Шварцъ казался Лестоку годнымъ для выполненія порученій болѣе щекотливыхъ и опасныхъ. Лестокъ открылъ Шварцу планъ задуманнаго имъ переворота для возведенія на престолъ цесаревны Елизаветы. Шварцъ понялъ тѣ выгоды, которыя онъ могъ извлечь для себя въ случаѣ осуществленія подобнаго плана, и вложилъ въ это дѣло всю свою ловкость и энергію; онъ повелъ свою роль настолько ловко, что, не навлекая подозрѣній ни на себя, ни на сообщниковъ до самой послѣдней минуты, велъ одновременно нѣсколько разныхъ интригъ. Во-первыхъ, агитацію среди солдатъ, особенно преображенцевъ; Шварцъ, чтобы расположить солдатъ къ себѣ, кутилъ съ ними, проигрывалъ имъ въ карты. Во-вторыхъ, незамѣтнымъ образомъ учредилъ шпіонство за регентшей и ея супругомъ и получалъ свѣдѣнія о самыхъ интимныхъ подробностяхъ жизни при большомъ дворѣ черезъ своихъ пріятелей: объ Антонѣ Ульрихѣ — черезъ его камердинера, а объ Аннѣ Леопольдовнѣ черезъ горничную, воспитанную принцессой и пользовавшуюся ея полнымъ довѣріемъ. Въ-третьихъ, не менѣе отвѣтственная роль Шварца заключалась въ томъ, чтобы служить тайнымъ посредникомъ между отдѣльными вліятельными лицами, связанными своимъ высокимъ положеніемъ настолько, что они не могли лично объясняться другъ съ другомъ, а тѣмъ болѣе часто посѣщать для подобныхъ бесѣдъ цесаревну Елисавету, жившую скромно и уединенно и окруженную лишь небольшимъ числомъ лицъ, присутствіе которыхъ не привлекало вниманія. Франція была также очень заинтересована въ удачномъ исходѣ предстоящаго переворота. Вновь прибывшій французскій посланникъ, маркизъ де-ла-Шетарди, на этотъ счетъ имѣлъ спеціальныя инструкціи и полномочія отъ своего правительства, желавшаго разрушить союзъ Россіи съ австрійскимъ дворомъ; по рекомендаціи Нолькена, шведскаго посланника, агитировавшаго также за Елисавету по порученію своего двора и пользовавшагося не разъ услугами Шварца, онъ обратился къ Шварцу, который, судя по письмамъ Шетарди, вполнѣ оправдалъ довѣріе послѣдняго. Когда, наконецъ, ночью 24-го ноября наступила рѣшительная минута, а Елисавета колебалась, несмотря на убѣжденія Лестока, который съ минуты на минуту ожидалъ ареста,—тогда послѣдній съ Шварцемъ съѣздилъ въ казармы Преображенскаго полка и, вызвавъ двадцать самыхъ надежныхъ гренадеръ, попросилъ ихъ слѣдить за всѣмъ, что произойдетъ. Только во второмъ часу пополуночи 25-го ноября Елисавета, наконецъ, рѣшилась дѣйствовать. Въ сопровожденіи Лестока, Воронцова и Шварца она пріѣхала въ Преображенскія казармы; затѣмъ поѣхала въ Зимній дворецъ чтобы лично арестовать регент-

шу, малолѣтняго Іоанна VI и отца его Антона-Ульриха, а Воронцовъ, Лестокъ и Шварцъ отправились къ знатнѣйшимъ лицамъ, духовнымъ и свѣтскимъ, съ вѣстью о случившемся и съ приглашеніемъ ѣхать немедленно во дворецъ цесаревны.

Шварцъ за свое участіе въ дѣлѣ былъ награжденъ чиномъ армейскаго полковника, но для него это являлось лишь почетнымъ званіемъ, такъ какъ онъ никогда не служилъ въ военной службѣ, и не удовлетворило его и дало ему поводъ жаловаться, что онъ ничего подобнаго не ожидалъ, что Ея Величество обязана ему болѣе, чѣмъ кому-нибудь, а теперь его, какъ бы въ насмѣшку надъ нимъ, отстраняютъ и даже не принимаютъ въ соображеніе того обстоятельства, что онъ, Шварцъ, тратилъ даже свои собственныя деньги для пріобрѣтенія себѣ необходимыхъ въ прежнія времена друзей и сторонниковъ. По донесенію Пецольда, саксонскаго уполномоченнаго, въ годовщину восшествія на престолъ, 25-го ноября 1742 г., послѣдовали Высочайшія награды, и Шварцъ получилъ 12 гакеновъ земли въ Лифляндіи.

Шварцъ переѣхалъ въ свое имѣніе, гдѣ его и застигла смерть, отъ руки его же крѣпостной дѣвушки. Сохранилось письмо вдовы фонъ-Шварцъ отъ 30-го августа 1756 г. къ Императрицѣ Елисаветѣ, гдѣ она и сообщаетъ о постигшей мужа насильственной сметри.

«Русская Старина» 1886 г., № 4, апрѣль; Гельбигъ, «Русскіе избранники и случайные люди», стр. 150; П. Пекарскій: «Маркизъ-де-ла-Шетарди въ Россіи», Спб. 1862 г., стр. 271, 398, 412, прим. 40. П. Пекарскій, «Исторія Императорской Академіи Наукъ въ Петербургѣ, т. I, стр. 137; Куникъ, «Писцовыя книги Ижорской земли», т. I, стр. VII; Соловьевъ, «Исторія Россіи», М. 1871 г., т. XXI, стр. 150, 152; «La cour de la Russie il y a cent ans 1725—1783»; «Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français». Berlin, 1860, p. 88, 89; «Внутренній бытъ русскаго государства съ 17-го октября 1740 г. по 25-ое декабря 1741 г. по документамъ, хранящимся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи», кн. I, М. 1880 г., стр. 471, 489; «Русскій Архивъ» 1867 г. «Царствованіе Іоанна VI Антоновича», стр. 187; Herrmann, «Geschichte des russischen Staats». 6 Bde. Leipzg. V, 516; «Сборникъ Русскаго Историческаго Общества», т. 6, стр. 396, 438, 463, 468; т. 91, стр. 339; т. 96, письма Шетарди; т. 100, стр. 36; «Архивъ князя Воронцова», XXV, 42, 101, 104—105; «Histoire de Pierre III, empereur de Russie», Paris. An VII de la République française, p. 42—43; «Gegenwärtiger Zustand der Russischen Monarchie in Europa und Asia». Erfurt. 1749, стр. 245; Н. Н. Ѳирсовъ, «Вступленіе на престолъ императрицы Елисаветы Петровны», Казань, 1888 г., стр. 127, 148; М. Д. Хмыровъ, «Историческія статьи», Спб 1873 г., 2. «Графъ Лестокъ», стр. 135, 137, 144—145, 151—152; Барановъ, «Опись Высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ, хранящимся въ С.-Петербургскомъ Сенатскомъ Архивѣ», т. III, стр. 111.

Всев. Широковъ.

Шварцъ, *Эдуардъ*, драматическій и оперный артистъ (прусскій подданный), сынъ въ свое время извѣстнаго драматическаго актера Антона Дукса (Шварца) и супруги его, урожд. Волшовской, род. 29-го января 1798 г. въ Штеттинѣ, гдѣ отецъ его въ то время игралъ. Въ позднѣйшее время Ш. сопровождалъ отца въ его артистическихъ поѣздкахъ, побывавъ такимъ образомъ въ Кенигсбергѣ и Гамбургѣ, гдѣ тотъ служилъ нѣкоторое время въ труппѣ національнаго театра (упоминается въ извѣстныхъ «Briefe» Лессинга), и постепенно пристрастился къ театру. По окончаніи средняго образованія, Ш. посвятилъ себя изученію медицины въ Килѣ, но событія 1814 г. прервали его занятія, и онъ добровольцемъ принялъ участіе въ освободительной войнѣ. Проходя между прочимъ со своимъ полкомъ черезъ Ахенъ, онъ выигралъ здѣсь въ рулетку 5.000 фр., съ которыми и прибылъ въ Парижъ. По окончаніи кампаніи, за которую онъ получилъ медаль, благодаря своему выигрышу онъ имѣлъ возможность сдѣлаться частымъ посѣтителемъ театровъ. Угасшая было страсть къ сценѣ возродилась въ немъ снова, и вскорѣ мы видимъ его уже въ труппѣ гамбургскаго театра. Первые шаги его на новомъ поприщѣ были совсѣмъ неудачны, но онъ не палъ духомъ и, несмотря на то, что ему представлялась возможность сдѣлать хорошую карьеру на гражданской службѣ, остался вѣренъ театру. 31-го октября 1823 г. Ш. дебютировалъ въ Ригѣ. Здѣсь онъ скоро сдѣлался любимцемъ публики и пробылъ почти 4 года. Въ сентябрѣ же 1827 г., по рекомендаціи рижскаго губернатора Дюгамеля, дирекція Импер. Театровъ пригласила его въ Петербургъ въ нѣмецкую драматическую труппу на роли первыхъ любовниковъ и фатовъ, а также на водевильныя роли съ пѣніемъ (8.000 р. с. жалов.). А когда въ 1833 г., по случаю пріѣзда римскаго

пѣвца Голланда, изъ актеровъ нѣмецкой труппы, хоть сколько-нибудь способныхъ пѣть, была сформирована оперная труппа, Ш. занялъ въ ней emploi перваго тенора и, благодаря хорошимъ голосовымъ средствамъ и опыту, успѣлъ значительно выдвинуться. Но исполненіе имъ оперныхъ ролей могло пользоваться вниманіемъ неизбалованныхъ ансамблемъ тогдашнихъ меломановъ только благодаря жалкому составу прочихъ силъ труппы. Наибольшимъ успѣхомъ сопровождалось исполненіе имъ партіи Альмавивы въ «Севильскомъ цирюльникѣ». Впрочемъ, Ш. не долго пришлось занимать неподходящее для себя положеніе. Скоро онъ почти совсѣмъ потерялъ свой голосъ, а вслѣдъ затѣмъ и сама нѣмецкая опера прекратила свое существованіе, и Ш. вернулся къ драмѣ, въ которой на emploi резонеровъ и «отцовъ» почти до самой смерти пользовался вполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ роляхъ безусловно не имѣлъ въ то время себѣ соперниковъ. Умеръ онъ 28 Янв. 1863 г.

Дѣло № 31 за 1863 г. изъ архива «Дир. Импер. театровъ»; П. Петровъ, «Tutti frutti», Спб., 1862; А. И. Вольфъ, «Хроника петербургскихъ театровъ», ч. I. Спб. 1877; Р. Зотовъ. «Театральныя воспоминанія», Спб., 1860 г., «Репертуаръ», 1841 г., кн. 4. Нѣмецкій театръ, M. Rudolf-Rigaer Theater-und Tonkünstler-Lexikon. Lief. 7. Riga. 1890. *Вал. Беръ.*

Шварцъ, *Эдуардъ Адамовичъ*, кандидатъ законовѣдѣнія, преподаватель законовъ о государственныхъ повинностяхъ и финансахъ въ Кіевскомъ Университетѣ, род. въ 1835 г., ум. въ Тифлисѣ въ 1876 г. Образованіе получилъ въ Кіевской второй гимназіи, по окончаніи курса въ которой поступилъ въ университетъ св. Владиміра въ Кіевѣ (1852 г.). Окончивъ въ 1856 г. курсъ университета со степенью кандидата законовѣдѣнія, онъ въ томъ же году былъ награжденъ золотой медалью за свою работу: «Исторія, нынѣшнее устройство и экономическое значеніе банковыхъ установленій въ Россіи». Затѣмъ онъ былъ назначенъ старшимъ учителемъ въ Кіевскую первую гимназію, а въ 1857 г. прикомандированъ къ Кіевскому Университету для преподаванія законовъ о государственныхъ повинностяхъ и финансахъ. Въ августѣ 1858 г. онъ уволился по болѣзни изъ университета и поступилъ затѣмъ на службу въ Ришельевскій лицей въ Одессѣ. Выйдя вновь въ отставку, онъ поселился въ Тифлисѣ, съ 1864 по 1867 г. редактировалъ мѣстную газету «Кавказъ», а въ 1868 г. онъ былъ редакторомъ газеты «Кавказское эхо». Послѣднюю онъ редактировалъ однако не долго: этой газеты вышло только 7 номеровъ.

В. С. Иконниковъ, «Біографическій словарь профессоровъ и преподаватэлей Императорскаго Университета св. Владиміра», 1834—1884 гг., стр. 740; Н. М. Лисовскій, «Русская періодическая печать», 1703—1894 гг., № 959 и 475; «Энцикл. словарь» Брокгауза. Слова: «Кавказское Эхо» и «Кавказъ»—газета. *П. Гуревичъ.*

Шведе, *Леопольдъ Густавовичъ*, генералъ-маіоръ, корабельный инженеръ, членъ кораблестроительнаго отдѣленія морского техническаго комитета. Родился въ 1826 году и четырнадцати лѣтъ, 24-го іюля 1840 года, былъ опредѣленъ воспитанникомъ въ кондукторскія роты учебно-морского рабочаго экипажа (теперь морское инженерное училище императора Николая I). Произведенный 2-го іюля 1847 г. въ прапорщики, Шведе 8-го апрѣля 1851 года былъ переведенъ въ корпусъ корабельныхъ инженеровъ и въ теченіе двухъ слѣдующихъ лѣтъ наблюдалъ за производствомъ нѣкоторыхъ работъ по постройкѣ корабля «Прохоръ». Далѣе, въ 1854 году, уже въ должности старшаго корабельнаго инженера гребной флотиліи, онъ построилъ 16 гребныхъ канонерскихъ лодокъ, а въ 1855 г. построилъ 6 винтовыхъ канонерскихъ лодокъ и, кромѣ того, наблюдалъ за постройкой винтовыхъ корветовъ «Бояринъ», «Новикъ», «Посадникъ», «Гридень», «Воевода» и «Рында». Затѣмъ, до 1858 года, Шведе плавалъ въ должности старшаго корабельнаго инженера по портамъ Средиземнаго моря, а по возвращеніи участвовалъ въ постройкѣ парохода-фрегата «Смѣлый» и построилъ (въ 1859 году) на Галерномъ островѣ гидравлическій докъ изъ 5-ти частей. Въ 1860 г., 1-го апрѣля, Шведе былъ назначенъ помощникомъ судостроителя, а 18-го октября младшимъ судостроителемъ петербургскаго порта и построилъ винтовой фрегатъ «Ослябя». Въ этой же должности имъ былъ выстроенъ винтовой корветъ «Аскольдъ», по окончаніи котораго онъ, 21-го ноября 1863 года, былъ назначенъ

старшимъ судостроителемъ петербургскаго порта. Вслѣдъ затѣмъ Шведе былъ командированъ въ Англію и Францію для собранія свѣдѣній о постройкѣ деревянныхъ судовъ по новой системѣ на желѣзныхъ шпангоутахъ и по постройкѣ заграницею желѣзныхъ плавучихъ доковъ. Возвратившись изъ этой командировки съ богатымъ запасомъ свѣдѣній, онъ тотчасъ же приступилъ къ постройкѣ по новой системѣ фрегата «Эмпренабль» и яхты «Миролюбивая», по окончаніи коихъ былъ командированъ въ Николаевъ для постройки въ тамошнемъ адмиралтействѣ императорской яхты «Ливадія». Произведенный 28-то марта 1871 года въ подполковники, Шведе, за отличную постройку и благополучный спускъ «Ливадіи», 1-го января 1874 года былъ произведенъ въ полковники. Назначенный, 13-го ноября 1875 г., инспекторомъ кораблестроительныхъ работъ при Петербугскомъ портѣ, Шведе въ этой должности прослужилъ шесть лѣтъ—до производства своего, 25-го января 1882 года, въ генералъ-маіоры, когда получилъ новое назначеніе—на должность члена кораблестроительнаго отдѣленія морского техническаго комитета, послѣ чего прожилъ очень недолго. Онъ скончался 21-го марта того же 1882 года въ Петербургѣ, на 57 году отъ рожденія. Тѣло его погребено на Волковомъ кладбищѣ.

«Общій морской списокъ», т. XII, Спб. 1900 г. стр. 296—297; «Кронштадтскій Вѣстникъ» 1882 г. № 34, некрологъ, стр. 2; «Новое Время» 1882 г. 2178, некрологъ, стр. 3. *Е. Я.*

Шведе, *Робертъ-Константинъ* (Robert Constantin Schwede), живописецъ-портретистъ. Родился въ бѣдной семьѣ въ Лифляндіи 6-го декабря 1806 г. Отличаясь большимъ художественнымъ талантомъ, онъ былъ принятъ, благодаря протекціи извѣстнаго портретиста Неффа, въ Императорскую академію художествъ. По окончаніи академическаго курса, онъ поселился въ Петербургѣ и уже въ скоромъ времени сталъ извѣстнымъ портретистомъ. Въ 1847 г. онъ удостоенъ званія академика за портретъ Великаго князя Михаила Павловича. Въ 1852 г. Шведе переселился въ Ригу, гдѣ всецѣло посвятилъ себя портретной живописи. Портреты Шведе, число которыхъ довольно значительно, отличаются рѣзкостью и вѣрностью изображенія и живымъ колоритомъ; техника его часто напоминаетъ технику Неффа, который, вообще, служилъ ему примѣромъ. Нѣкоторые изъ его портретовъ воспроизведены литографическимъ способомъ. Шведе умеръ въ Лифляндіи 20-го іюля 1870 г.

Dr. W. Neumann, «Baltische Maler u. Bildhauer des XIX Jahrhunderts, стр. 66 сл. *А. О. Гернетъ.*

Шведеръ, *Іоганъ Готгардтъ Дидрихъ* (Iohann Gotthardt Diedrich Schweder), остзейскій писатель. Родился въ Ригѣ 2-го января 1790 г., обучался съ 1807 г. по 1811 въ Дерптскомъ университетѣ и получилъ за научныя сочиненія двѣ золотыхъ медали. Въ 1812 г. онъ былъ назначенъ пасторъ-адъюнктомъ при евангелическо-лютеранской церкви Спасителя въ Ригѣ, а съ 1818 г. состоялъ пасторомъ прихода Лоддигеръ и Трейденъ, Лифляндской губ. Шведеръ написалъ нѣсколько сочиненій, большею частью—анонимныхъ, по исторіи Лифляндіи и въ особенности города Риги и его церквей и издалъ вмѣстѣ съ А. фонъ-Левисомъ, въ 1821 и 1827 гг., сборникъ памятниковъ древней исторіи Лифляндіи и Эстляндіи (Denkmäler aus der Vorzeit Liv- und Estlands; 2 Hefte mit 10 Kupfertafeln und 1 Vignetto). Умеръ 23-го февраля 1833 г.

F. Fr. v. Recke u. K. E. Napiersky, «Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexicon der Provinzen Livland, Estland u. Kurland, III, 104, IV, 166 сл.; Th. Beise, Nachtrage u. Fortsetzungen d. Allg. Schriftsteller u. Gelehrten-Lexicon 187 сл. Rigasche Stadtblätter 1833 № 11 и 12. E. Winkelmann. Bibliotheca Livoniae historica» (см. списокъ авторовъ). *А. О. Гернетъ.*

Шведова, *Надежда Яковлевна*, рожденная Вейнбергъ, супруга проф. Новороссійскаго университета Шведова, благотворительница и писательница, родилась въ Одессѣ, 4-го марта 1852 г., умерла тамъ же 2-го іюня 1892 г. Она въ теченіе многихъ лѣтъ принимала дѣятельное участіе въ дѣлахъ общества Краснаго Креста, много трудясь надъ разработкой вопроса о раціональной подготовкѣ женскаго санитарнаго персонала. Она же явилась одною изъ главныхъ учредительницъ основаннаго по ея почину общества попеченія о больныхъ дѣтяхъ въ Одессѣ, въ которомъ она состояла все время товарищемъ предсѣдателя. Кромѣ того, ею

написано и издано нѣсколько книжекъ для дѣтскаго чтенія, которыя могутъ служить очень хорошимъ пособіемъ при изученіи дѣтьми первыхъ уроковъ географіи. Изъ нихъ слѣдуетъ указать: 1) «Природа—мать народа» (Одесса, 1879 г.) и 2) «Изъ физической географіи». Разсказы для дѣтей (Одесса, 1873 г.).

Некрологи: «Одесскій Вѣстникъ», 1892, № 141 и 142; «Всемірн. Иллюстр.», 1892 № 1222, стр. 471; «Что читать народу», т. I, отд. VI, стр. 686. (Разборъ книжекъ Шведовой). *П. Гуревичъ.*

Швейеръ, *Владиміръ Егоровичъ,* академикъ архитектуры, род. въ концѣ двадцатыхъ годовъ, художественное образованіе получилъ въ Имп. Акад. Худож., курсъ въ которой окончилъ со званіемъ художника въ 1857 г., послѣ чего отправился на свой счетъ для усовершенствованія за границу. За границей имъ сдѣлано много прекрасныхъ рисунковъ наиболѣе интересныхъ памятниковъ зодчества и когда, по возвращеніи въ Россію (1859 г.), онъ представилъ ихъ въ Акад. Худ., послѣдняя сначала выразила автору ихъ свою благодарность, а въ слѣдующемъ году дала ему званіе академика архитектуры. Въ это время онъ состоялъ уже на службѣ при дворѣ Вел. Кн. Михаила Николаевича и въ числѣ другихъ архитекторовъ принималъ участіе въ постройкѣ великокняжескаго дворца, по окончаніи котораго получилъ въ награду крупный подарокъ. Съ назначеніемъ Великаго Князя кавказскимъ намѣстникомъ, Ш. былъ переведенъ архитекторомъ въ Главное Управленіе при немъ и 7-го іюля 1863 г. уѣхалъ на Кавказъ. Здѣсь имъ былъ проэктированъ и построенъ (1866 г.) загородный дворецъ въ Боржомѣ, а потомъ составлено нѣсколько проэктовъ зданій для мѣстныхъ минеральныхъ водъ. Кавказъ и его зодчество сильно заинтересовали Ш., и онъ долго и съ большой любовью изучалъ ихъ, а результаты своихъ впечатлѣній изложилъ въ интересной статьѣ: «Описаніе памятниковъ зодчества на Кавказѣ» («Зодчій» 1873, № 6). Какъ архитекторъ, Ш., представлялъ собою довольно крупную величину. При незаурядномъ талантѣ онъ обладалъ живымъ и свѣтлымъ умомъ и съ рѣдкимъ искусствомъ успѣлъ въ своихъ проэктахъ отразить духъ того или иного туземнаго зодчества. Таковы его проэкты зданій на Кавказѣ, проэктъ дачи въ Крыму кн. Б. Д. Голицына, проэкты построекъ въ русскомъ стилѣ. И способности его всегда находили себѣ цѣнителей среди большой публики, почему, параллельно со служебными обязанностями, ему приходилось исполнять работы и для частныхъ лицъ. Среди такихъ построекъ его можно указать на дачу купца Клеменца въ кронштадтской колоніи и склепъ и часовню изъ бремскаго камня для Жерве на Смоленскомъ кладбищѣ. Ш. до самой смерти состоялъ членомъ СПБ. Общества архитекторовъ, гдѣ пользовался вполнѣ заслуженнымъ авторитетомъ. Умеръ Ш. 8-го дек. 1874 г.

П. Н. Петровъ «Сбор. матер. для ист. И. А. Худ.» ч. III. «Отчеты И. Ак. Худ.» за 1854, 57, 59—62, 66—67, 74—75. «Зодчій», 1873, № 6 и 1875, № 1.
Вал. Бер.

Швейкартъ, *Фердинандъ Львовичъ,* профессоръ Харьковскаго университета, уроженецъ города Ярбаха. Окончивъ курсъ въ Ганауской гимназіи, поступилъ (въ 1797 г.) студентомъ въ Марбургскій университетъ, гдѣ изучалъ правовѣдѣніе подъ руководствомъ знаменитыхъ ученыхъ Вейса, Роберта и Бадера; кромѣ того слушалъ лекціи политики у профессора Юнія, математики и физики у Гауфа. Потомъ, для усовершенствованія въ философскихъ наукахъ, онъ отправился въ Іенскій университетъ, въ которомъ тогда читали правовѣдѣніе извѣстные своею ученостью профессора Гуфеландъ, Штаубертъ и Фейербахъ. Онъ усердно посѣщалъ ихъ лекціи и былъ удостоенъ званія доктора правъ. Возвратившись оттуда на родину и выдержавъ экзаменъ, онъ былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ. Въ то же время онъ съ успѣхомъ выступалъ въ качествѣ адвоката не только въ провинціи, но и въ высшихъ правительственныхъ мѣстахъ въ Вѣнѣ и Вецларѣ. Послѣ этого князь Гогенлоэ поручилъ ему воспитаніе своихъ дѣтей, и въ этой должности онъ оставался до смерти князя въ 1806 году. Съ этого года онъ сталъ вести уединенный образъ жизни, занимался историческими изслѣдованіями и, пріобрѣвъ нѣкоторую извѣстность, отправился въ Гейдельбергскій университетъ, въ которомъ занялъ каѳедру римскаго

права, его исторіи и древностей. Въ Харьковскій университетъ онъ былъ приглашенъ въ 1811 году, прибылъ туда въ 1812 году и сталъ читать на этико-политическомъ факультетѣ на латинскомъ языкѣ энциклопедію и методологію юриспруденціи, также систему римскаго права, съ его исторіею и герменевтикою, посвящая своему курсу по четыре часа въ недѣлю. Въ 1813 году онъ былъ деканомъ этико-политическаго факультета, замѣнивъ Шада. Хотя Швейкартъ занималъ выдающееся положеніе какъ на своемъ факультетѣ, такъ и въ университетѣ, но во все время своего служенія тамъ ничего не написалъ, и единственнымъ его трудомъ была актовая рѣчь, 30-го авг. 1814 г.: «De honoribus academicis». Въ началѣ своего пребыванія въ Харьковѣ онъ увлекся разными проектами преобразованій но, присмотрѣвшись ближе къ тогдашнему состоянію русскаго общества, разочаровался, и не имѣя силъ или желанія повернуть жизнь по своему, сталъ подозрителенъ, избѣгалъ общества и впослѣдствіи едва не впалъ въ мистицизмъ. Проф. Багалѣй отзывается о немъ, какъ о человѣкѣ съ благороднымъ, гуманнымъ, просвѣщеннымъ, либеральнымъ направленіемъ. Въ дѣлѣ Стойковича онъ одинъ изъ иностранцевъ, быть можетъ, не игралъ двойственной роли, а если и подалъ голосъ за отосланіе дѣла въ Петербургъ, то только потому, что искренно былъ убѣжденъ въ необходимости скорѣйшаго прекращенія «такого пустого» дѣла. Въ 1817 г. Швейкартъ, по совѣту Роммеля, переѣхалъ въ Марбургъ, откуда со званіемъ профессора и члена суда перешелъ въ Кенигсбергъ, а въ 1814 году былъ вызванъ въ Берлинскій синодъ. Годъ его смерти неизвѣстенъ.

Д. И. Багалѣй: «Опытъ исторіи Харьковскаго университета». Въ «Запискахъ Импер. Харьковскаго университета». за 1893, 1894, 1895, 1896, 1897 и 1898 гг. т. I, гл. III, стр. 12, 19, 183, 207, 209 и 211. «Записки» за 1895 годъ т. I, гл. V, «Записки» за 1896 и 1897 г. стр. 25, 26, 27, 28, 30 и 95 т. I, гл. VII, «Записки» за 1898 годъ стр. 56. «Матеріалы для исторіи Харьковскато университета открытые въ архивахъ Мин. Нар. Просв.» Д. И. Багалѣя, стр. 54 и 53. Въ «Запискахъ» Харьковскаго университета; «Объ ученой дѣятельности Харьковскаго университета въ первое десятилѣтіе его существованія», А. П. Рославскаго Петровскаго, «Журналъ Мин. Нар. Просв.»; 1855 г. т. 87, ч. V, (стр. 1—36), стр. 8, 11, 12 и 13. М. И. Сухомлиновъ: «Русск. унив. при Александрѣ I, стр. 60.

Швейкертъ, *Юлій Юрьевичъ*, надворный совѣтникъ, докторъ медицины Лейпцигскаго и Московскаго университетовъ, врачъ вдовьяго дома Московскаго Опекунскаго Совѣта. Родился въ 1805 году въ Саксоніи, въ г. Гриммѣ, и былъ сынъ врача. Медицинское образованіе получилъ въ Лейпцигскомъ университетѣ, гдѣ въ 1831 году защитилъ докторскую диссертацію подъ заглавіемъ «De salutari methodi homoeopathicae in morbis curandis effectu, exemplis prosperrimi successus confirmato». Проживъ въ Россіи десять лѣтъ, Ш. въ 1842 году держалъ при Московскомъ университетѣ экзаменъ на званіе лѣкаря 2-го отдѣленія, послѣ чего былъ назначенъ врачемъ при Московскомъ воспитательномъ домѣ. Спустя еще десять лѣтъ, въ 1853 году, Швейкертъ защитилъ при Московскомъ университетѣ диссертацію подъ заглавіемъ «Pneumonia infantum» и былъ удостоенъ степени доктора медицины, благодаря чему, сверхъ вышеназванной должности, занялъ еще должность врача при гимназіи и обѣ эти должности занималъ до назначенія своего врачемъ Вдовьяго Дома Московскаго Опекунскаго Совѣта. Въ теченіе всей своей медицинской дѣятельности Швейкертъ былъ горячимъ поборникомъ и распространителемъ гомеопатическаго метода лѣченія. Скончался онъ въ 1870-хъ годахъ.

Л. Ѳ. Змѣевъ. «Словарь врачей, получившихъ степень доктора медицины (и хпр.) въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ». С.-Пб. 1885 г. стр. 60; «Callisen medicinisch Schriftsteller Lexicon». XXXII, nachtr. 1103. *Е. Я.*

Швейковскій, *Войцехъ-Анзельмъ*, ректоръ и профессоръ Александровскаго Варшавскаво университета, писатель. Родился въ 1773 году въ Полоцкомъ воеводствѣ, въ 1790 году принялъ монашество въ орденѣ піаровъ, въ школахъ которыхъ получилъ и высшее образованіе. Съ 1794 г. Ш. былъ учителемъ въ варшавской школѣ Канарскаго, затѣмъ былъ переведенъ въ Ломжу и тамъ въ теченіе пяти лѣтъ преподавалъ физику и математику. Побывавъ, по приглашенію прусскаго правительства, въ Берлинѣ для ознакомленія съ системой преподаванія въ мѣстныхъ школахъ, Шейковскій вернулся въ отечество, былъ сначала преподавателемъ въ Плоцкѣ, затѣмъ въ

Сейнахъ и, наконецъ, профессоромъ Варшавскаго лицея. По открытіи Александровскаго Варшавскго университета Швейковскій былъ назначенъ его ректоромъ и деканомъ богословскаго факультета, причемъ на торжествѣ открытія 14-го мая 1818 г. произнесъ блестящую рѣчь о предназначеніи университетовъ, тотчасъ напечатанную отдѣльно и переведенную въ выдержкахъ въ «Вѣстникѣ Европы» и «Украинскомъ Вѣстникѣ». Указавъ на то, что каждый университетъ долженъ быть мѣстомъ, изъ котораго должны распространяться правильные взгляды и полезныя свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія, Швейковскій доказывалъ необходимость полной автономіи университетовъ. «Чтобы университетъ могъ возносить науки до черты неопредѣленной, говорилъ онъ: «чтобы могъ во всѣхъ частяхъ совершенствовать оныя, чтобы изъ усовершенствованныхъ наукъ могъ извлекать полезныя для общества свѣдѣнія, для того необходимо нужно, чтобы онъ въ ученомъ ходѣ своемъ былъ свободенъ и независимъ». По мнѣнію Швейковскаго, для университета въ его изысканіяхъ не должно быть другихъ границъ, кромѣ тѣхъ, «которыя Творецъ положилъ разумной твари»; ученые въ своихъ изслѣдованіяхъ должны быть свободны, какъ свободна человѣческая мысль, такъ какъ всякія ограниченія убиваютъ и самое стремленіе къ совершенствованію. Имѣя въ виду выражавшіяся въ обществѣ опасенія, какъ бы предоставленіе университету излишней свободы не нарушило спокойнаго теченія общественной жизни, В. А. Швейковскій и въ своей рѣчи на открытіе университета, и впослѣдствіи старался доказать, что не свобода мысли опасна, а опасно тщетное усиліе уничтожить ее. Такъ какъ нѣтъ силы, могущей удержать ходъ мыслей, то, по мнѣнію Швейковскаго, только стѣсненіе мысли заставляетъ ее работать неправильно: отсюда и вытекаютъ всякіе безпорядки; «наоборотъ», говоритъ онъ: «если люди, занимающіеся наукой, будутъ въ своихъ изысканіяхъ свободны, то и понятія, коими они обогащаютъ общество, не только не нарушатъ его спокойствія, но и утвердятъ тишину и дадутъ средства къ благосостоянію общества».

В. А. Швейковскій былъ ректоромъ Варшавскаго университета до самаго его закрытія и за свои заслуги былъ награжденъ орденомъ св. Станислава.—Ежегодно онъ составлялъ интересные отчеты о состояніи университета, которые печатались въ «Posiedzeniach Publicznych Cesarskiego i Królewskiego Uniwersytetu Warszawkiego». Кромѣ того, онъ былъ профессоромъ на богословскомъ факультетѣ университета и читалъ тамъ лекціи по пастырскому богословію и церковному краснорѣчію. Въ 1830 году Швейковскій принималъ участіе въ ороографической коммиссіи для установленія польскаго правописанія и написалъ для этой коммиссіи свои статьи: «О титлахъ надъ согласными», «Объ употребленіи буквъ ks и x», «О сліяніи и раздѣленіи словъ» и многія другія. Получивъ пенсію и отказавшись отъ обѣта монашества, В. А. Швейковскій былъ назначенъ прелатомъ плоцкаго капитула и прожилъ послѣдніе дни уединенно, подготовляя къ печати свои университетскіе курсы. Умеръ онъ 5-го августа (н. с.) 1838 года.

Кромѣ указанныхъ сочиненій и статей разнообразнаго содержанія, помѣщенныхъ имъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, В. А. Шейковскій написалъ въ 1808 году «Замѣчанія о высшихъ польскихъ школахъ по сравненію ихъ съ нѣмецкими» (Uwagi nad wyszszemi szkolami polskiemi w porównaniu do niemieckich. Warszawa) и «Программу Варшавскаго лицея», Варшава, 1816 г. Университетскіе его курсы не были напечатаны, но получили широкое распространеніе въ литографированныхъ спискахъ.

Bibliografja Polska XIX stólecia przez K. Estreichera; S. Orgelbrand, «Encyklopedja Powszechna», изд. 1868 г., томъ 24; изд. 1903 г., т. 14; «Roczniki Warszawskiego Towarzystwa Przyjaciól Nauk», томъ X, стр. 141 сс; «Sprawozdania i zagajenia o stanie uniwersytetu Warszawskiego» съ 1818 по 1828/9 акад. годъ («Posiedzenia Publiczne Cesarskiego i Kròliwskiego Uniwersytetu Warzawskiego» за тѣ же годы). «Pamiętnik Warzsawski» за 1817 г., т. VII, стр. 82 сс.; «Mowa, miana na obchodzie uroczystej inauguracji kròlewsko - Warszawskiego uniwersytetu 14 maja 1818 roku». Варшава, 1818 г. «Rozprawy i wnioski o ortografli polskiej przez deputacją od królewskiego Towarzystwa Warszawskiego Przyjaciót Nauk wyznaczoną. (Варшава. 1830); «О предназначеніи университетовъ». «Вѣстникъ Европы», 1818 года, ч. 102, № 21, стр. 36—47; Гулакъ-Артемовскій, «Рѣчь кс. Анзельма Швейковскаго, ректора и профессора Царскаго Варшавскаго университета, каноника ка-

оедры Плоцкой» («Украинскій Вѣстникъ» 1818 г., ч. 12, стр. 54—90; «Dziennik Wilénski» за 1818 г., томъ VI, стр. 503; «Kurjsr Warszawski» за 1838 г., № 209. И. Щелковъ: «Очеркъ исторіи высшихъ учебн. завед. въ Варшавѣ. *А. Петровъ.*

Швейцеръ, *Богданъ Яковлевичъ* (Каспаръ-Готфридъ), профессоръ астрономіи Московскаго университета, докторъ философіи Кенигсберскаго университета; умеръ въ Москвѣ 24-го іюня 1873 г. Родился 29-го января 1816 г. въ Вилѣ, въ Цюрихскомъ кантонѣ, въ Швейцаріи. Отецъ его былъ пасторомъ въ этомъ мѣстечкѣ. Первоначальное образованіе Ш. получилъ въ школѣ, а затѣмъ сталъ учиться у отца, который занимался съ нимъ латинскимъ и греческимъ языками, геометріей, географіей и исторіей. Лѣтомъ 1829 г. онъ поступилъ въ отдѣленіе наукъ Фелленберговскаго института въ Гофвилѣ близъ Берна, гдѣ пробылъ два года. Въ 1831 г. Ш. уѣхалъ въ Цюрихъ, въ Collegium humanitatis; тамъ онъ кончилъ курсъ въ 1836 г. и лѣтомъ того же года поступилъ въ Цюрихскій университетъ, рѣшивъ посвятить себя математическимъ наукамъ. Академическій курсъ его былъ прерванъ на одинъ годъ (1836—1837 г.), когда онъ поступилъ учителемъ математики въ технологическую школу въ Винтертурѣ. Въ 1837 г. Ш. возвратился въ Цюрихъ и слушалъ до весны 1839 г. лекціи математики у Раабе, Греффе, Редтенбахера и Мюллера, лекціи астрономіи у Эгишана, философіи у Окена. Въ 1839 г. Ш. предпринялъ путешествіе для осмотра обсерваторій Мюнхена, Вѣны, Праги, Лейпцига и Берлина. Во второй половинѣ 1839 г. Ш. поступилъ въ Кенигсбергскій университетъ, гдѣ слушалъ лекціи Бесселя, Якоби, Неймана, Ришели и др. Въ 1840 г., во время каникулъ, онъ познакомился съ обсерваторіями Копенгагена, Альтоны и Гамбурга. Лѣтомъ 1841 г. Ш. уѣхалъ въ Россію, въ Пулково, рѣшивъ окончательно посвятить себя изученію практической астрономіи. Въ Пулковѣ онъ оставался до 1844 г., работая сначала съ малымъ инструментомъ, а затѣмъ съ большимъ пассажнымъ инструментомъ Въ томъ же году Ш. работалъ, по порученію Академіи Наукъ, надъ вычисленіемъ пространства губерній Европейской Россіи. Въ 1845 г. онъ былъ назначенъ сверхштатнымъ астрономомъ при обсерваторіи Московскаго университета. Въ 1847 г. Ш. выдержалъ экзаменъ на степень кандидата при Московскомъ университетѣ. Въ 1849 г. онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность адъюнкта астрономіи. Въ маѣ 1852 г. Ш. былъ назначенъ астрономомъ при Константиновскомъ межевомъ институтѣ; въ томъ же году онъ получилъ степень доктора философіи отъ Кенигсбергскаго университета. Въ 1856 г. былъ назначенъ директоромъ обсерваторіи и ординарнымъ профессоромъ Московскаго университета, въ каковыхъ должностяхъ и оставался до самой смерти. Въ ученомъ мірѣ Ш. пользовался громкою извѣстностью. Знаніями обладалъ онъ большими, работалъ много и сдѣлалъ не мало открытій. Такъ, имъ было открыто одиннадцать новыхъ кометъ, изъ которыхъ первенство для четырехъ осталось за нимъ; было доказано существованіе мѣстной аттракціи въ окрестностяхъ Москвы; подъ его же наблюденіемъ была построена вращающаюся башня и установленъ большой рефракторъ при Московской обсерваторіи. За ученые труды Ш. получилъ отъ датскаго короля золотую медаль. Ученые труды Ш. наиболѣе выдающіеся, слѣдующіе: «Вычисленіе пространства губерній Европейской Россіи («Bulletien Sientif. de l'Acad. de St. Pétersbourg». Tom IV, № 22, 23, 23. «Опредѣленіе времени въ продолженіе хронометрической экспедиціи 1846 г.» (въ «Лѣтописяхъ главной Пулковской обсерваторіи»). «Вычисленіе пути кометы, открытой въ Москвѣ въ 1847 г.» («Bullet. der Naturf. Gesellsch». Tom 22. 1849; «Astron. Nachrich. Bullet. de la classe phys.-math. de l'Académie de St.-Pétersbourg»). «Вычисленіе элементовъ кометы, открытый въ 1849 г.» «Bullet. der Naturforsch. Gesellsch». Tom 21. 1849 г. «Замѣчаніе о кругахъ около солнца 13-го ноября 1849 г.» («Bullet. der Naturforsch. Gesellsch.»). Tom 23. 1850 г. «О высотѣ полюса Московской обсерваторіи» («Bullet. der Naturforsch. Gesell.». Tom 23, 1850 г. «Экспедиція въ Махновку для наблюденія полнаго солнечнаго затменія въ 1851 г.». «Донесеніе Географическому Обществу объ экспедиціи въ Махновку» (напечатано по-русски въ «Вѣстникѣ Географическаго Общества» 1851 г., по-нѣмецки въ «Bullet.

der Natur. Gesellsch.». Том 24. 1851 г.). «О тожествѣ красныхъ выступовъ во время полныхъ солнечныхъ затменій съ солнечными факелами». («Astr. Nachr». № 849). «Наблюденія падающихъ звѣздъ во время августовскаго періода 1852 г.» («Bullet. der Natur. Gesellsch. 1852 г. № 4—28). «Звѣздная карта» (напечатана при Константиновскомъ межевомъ институтѣ). «Наставленіе для астрономическаго опредѣленія долготы и широты» (литограф. при Константиновскомъ межевомъ институтѣ). «Опредѣленіе прямыхъ восхожденій (болѣе 8.000) 400 фундаментальныхъ звѣздъ» (въ «Лѣтописяхъ Пулковской обсерваторіи»). «Наблюденія покрытія плеядъ 1841 г.» («Astron. Nachricht»., № 471). О кометахъ, открытыхъ въ 1853 г. и преимущественно о кометѣ Клинкерфуса. М. 1855. Изслѣдованіе мѣстной аттракціи, существующей около Москвы. М. 1862. Описаніе обсерваторіи Московскаго университета и ея главныхъ инструментовъ. М. 1866. О кольцеобразномъ солнечномъ затмѣніи, бывшемъ 6 марта нов. стил. 1867. М. 1867. Практическая астрономія. М. 1866 (литографированная). и Четырехзначные логарифмы. М. 1855.

Необходимое дополнительное приложеніе къ «Настольному словарю»; Ф. Толля. Спб. 1866 г., стр. 552; «Иллюстрированная Газета» 1873 г. № 37; «Московскія Вѣдомости» 1873 г. № 161. «Гражданинъ» 1874 г. № 3. «Б. Я. Швейцеръ», ст. В. Херасскаго, «Отчетъ и рѣчи Императорскаго Московскаго университета» 1874 г.; стр. 76—77; «Русскій энциклопедическій словарь» И. Н. Березина. Спб. 1879 г., выпускъ XIII, стр. 172; «Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго университета», стр. 599—603. «Энциклопедич. слов. Ефрона», т. 77, стр. 311—312. *Н. Горчаковъ.*

Швертфегеръ, архитекторъ, выписанный Петромъ I изъ-за границы, много потрудившійся въ первые годы существованія Петербурга. Постройки его не отличались особою красотою линій, изяществомъ отдѣлки, но въ то время всего этого и не требовалось, такъ какъ на сооружаемыя строенія смотрѣли не какъ на украшеніе города, а какъ на предметы насущной необходимости для новой столицы. Дѣятельность Ш. продолжалась довольно долго: такъ, извѣстно, что въ царствованіе Анны Іоанновны онъ же принималъ участіе въ постройкѣ Александро-Невской лавры въ С.-Петербургѣ.

Н. Кукольникъ, «Русская живописная школа». *В. Б.*

Швецовъ, *Ѳедоръ Егоровичъ*, пензенскій городской голова, директоръ Александровскаго дѣтскаго пріюта въ Пензѣ, ум. 21-го февраля 1882 года. Въ своемъ духовномъ завѣщаніи онъ оставилъ въ распоряженіе пензенскаго городского общественнаго управленія 150.000 рублей на устройство въ Пензѣ ремесленнаго училища. Еще при жизни онъ пользовался славой щедраго благотворителя. Такъ, въ неурожайный 1881 годъ онъ устроилъ на свои собственныя средства хлѣбопекарню для бѣдныхъ и открылъ складъ для продажи бѣднымъ жителямъ г. Пензы муки по дешевой цѣнѣ.

Извѣстіе о смерти Швецова («Пенз. Губ. Вѣд.» 1882 г., № 41); Н. А. Теняковъ, «Памяти Ф. Е. Швецова» (Ib., № 51); «Рѣчь прот. I. П. Бурлицкаго при открытіи ремесленной школы Швецова» (Ib., 1884 г., № 276. *П. Гуревичъ.*

Швитковъ, *Михаилъ Ивановичъ*, корректоръ типографіи Военной коллегіи, занимался литературной дѣятельностью съ 1804 по 1814 г. Императорское Вольное Экономическое Общество предложило слѣдующую задачу: «Открыть и ясными примѣрами утвердить причину возрастающей время отъ времени въ городахъ и селеніяхъ дороговизны на съѣстные припасы, исключая чужестранныя произведенія, и изыскать ближайшее средство, отъ чего могутъ цѣны на тѣ же припасы постепенно уменьшаться». Въ 1804 г., коллежскій секретарь Ш. представилъ «Отвѣтъ» на эту задачу съ девизомъ— «Общественная польза частной предпочитается»,—награжденный золотой медалью въ 40 червонныхъ. Дороговизна происходитъ, по его мнѣнію, едва ли не отъ злоупотребленія человѣческаго ума и всѣхъ благъ природы, а не отъ физическихъ причинъ, потому что природныя богатства, промышленность и искусство непрерывно развиваются, а цѣна все растетъ. Самолюбіе и корыстолюбіе «первоначальная» причина. Когда эти дурныя качества замѣнятся «простотой нравовъ, искренностью, дружелюбіемъ и раченіемъ о общественномъ благѣ», только тогда исчезнетъ это зло. Дальнѣйшую причину этого зла онъ видитъ въ соперничествѣ между государственной казной и достаткомъ частныхъ лицъ. Казна, увеличивающая вслѣдствіе дороговизны налоги, и народъ, дорожащій своей собственностью,

оба виновны въ повышеніи цѣнъ не меньше, чѣмъ чрезмѣрное умноженіе торговыхъ и промышленныхъ людей. Затѣмъ тотъ же коллежскій секретарь Ш. получилъ золотую медаль въ 25 червонныхъ за отвѣтъ на задачу того же общества на 1809 г. «О двухъ главныхъ способахъ, назначенныхъ къ лучшему деревнями управленію» съ девизомъ: «Кому урокъ, урокъ» и пр. Нужно было всесторонне выяснить, какой изъ двухъ способовъ выгоднѣе: основанный только на рабочей повинности крестьянъ или на денежномъ оброкѣ или же, наконецъ, соединеніе обоихъ вмѣстѣ. Общественная и частная польза помѣщика и крестьянина, говоритъ Ш., должна быть согласована. Земледѣліе, а не промышленность и не отхожіе промыслы, основное занятіе и повинность крестьянъ. Крестьянъ, какъ для нихъ самихъ, такъ и для ихъ владѣльцевъ и правительства, выгоднѣе облагать рабочею, нежели денежною повинностью. Но еще выгоднѣе очень осторожное соединеніе обѣихъ повинностей такъ, чтобы рабочая была главной. Нужно дать возможность крестьянину работать не только на помѣщика, но и на себя, и для обѣихъ сторонъ лучше повинности возлагать на весь крестьянскій міръ. Также всѣми непосредственными крестьянскими дѣлами, въ томъ числѣ и судомъ, должны завѣдывать свои же старосты или выборные. Кромѣ этихъ сочиненій Ш. принадлежатъ слѣдующія: 1) «Слово похвальное царю Іоанну Васильевичу». Спб. 1814 г., и 2) «Слово похвальное свѣтлѣйшему князю Смоленскому Михаилу Илларіоновичу Голенищеву-Кутузову». Спб. 1814 г.

«Труды Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества» 1805 г., стр. 111—142, 1809 г., 315—317, 1810 г., 101—162. (Здѣсь отчетъ о присужденіи и напечатаніи премированныхъ сочиненій Ш.). «Роспись россійскимъ книгамъ В. Плавильщикова», ч. III. «Роспись россійскимъ книгамъ изъ библіотеки А. Смирдина, № 6511, 6531. А. П. Ходневъ. «Исторія Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества» съ 1765 г. до 1865 г., стр. 399, 411.

А. Купаловъ.

3руб.